

Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Российская Академия Наук

Институт российской истории РАН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт истории и археологии УрО РАН

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Сургутский государственный университет

Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 1

Древняя Югра с начала заселения
до конца I тысячелетия н. э.

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2024

УДК [551+902.03+903/904](571/122)
ББК 26.339+26.332.9
А38

Авторы

Т. Г. Антипина, Е. М. Бурканова, Г. П. Визгалов, А. Т. Галимов, Е. Н. Дубовцева, В. Н. Зенин,
А. П. Зыков, Т. Ю. Клементьева, С. Ф. Кокшаров, Л. Л. Косинская, С. В. Лещинский,
С. С. Макаров, А. А. Погодин, А. С. Резвый, Н. М. Чаиркина, Ю. П. Чемякин

Редакционный совет издания «Академическая история Югры»

Сопредседатели: губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Н. В. Комарова,
директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, С. М. Косенок (заместитель сопредседателей),
А. В. Шипилов (заместитель сопредседателей), А. А. Пономаренко (секретарь)

Члены совета: И. Вашари, Г. П. Визгалов, М. К. Волдина, А. В. Головнёв, Е. И. Гололобов,
В. А. Гусев, С. В. Журавлёв, Н. Л. Западнова, В. Н. Захаров, А. В. Кениг, М. Ф. Кириленко,
В. С. Кольцов, Е. В. Шумакова, Р. В. Кучин, В. А. Манин, Р. Г. Пихоя, И. В. Побережников,
И. С. Саркисян, В. И. Сподина, П. С. Фокин, Н. М. Чаиркина, Я. С. Черняк, Г. И. Шмаль

Редакционная коллегия издания «Академическая история Югры»

Р. Г. Пихоя (главный редактор издания, председатель), С. В. Журавлёв (заместитель председателя),
А. И. Прищепа (заместитель председателя), В. А. Манин (ответственный секретарь)

Члены коллегии: Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, А. В. Головнёв, М. Ф. Ершов, В. Н. Захаров, Е. Ю. Зубкова, А. В. Кениг,
С. В. Кодан, В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. К. Нехайчик, Е. А. Пивнева, И. В. Побережников, Д. А. Редин,
И. С. Саркисян, Д. Свак, К. А. Соловьёв, Я. Г. Солодкин, В. И. Сподина, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов, Н. М. Чаиркина

Редакционная коллегия 1-го тома

Н. М. Чаиркина (ответственный редактор), Г. П. Визгалов (ответственный редактор),
Е. Н. Дубовцева (ответственный секретарь), В. Н. Зенин, А. П. Зыков, Т. Ю. Клементьева,
С. Ф. Кокшаров, Л. Л. Косинская, С. С. Макаров, А. А. Погодин, Ю. П. Чемякин

Рецензенты

д. и. н. М. Г. Жилин, д. и. н. Л. Н. Мыльникова

А38

Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск :
АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. — Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысяче-
летия н. э. / отв. ред. Н. М. Чаиркина, Г. П. Визгалов. — 768 с. : ил. — 4000 экз. — ISBN 978-5-4422-0088-1.

ISBN 978-5-4422-0088-1 (Т. 1)
ISBN 978-5-4422-0090-5

Первый том «Истории Югры» посвящен самому длительному (более 15 тыс. лет) периоду истории округа, от появления человека на этой территории до первых письменных упоминаний о Югре в XI в. Более 7000 памятников археологии содержат материал, повествующий о многотысячелетней истории Югры. Поселения и городища, могильники и святилища, клады и промышленные объекты открывают нам захватывающую панораму образа жизни и мировоззренческих представлений, способов освоения территории и ресурсов, разнообразных моделей адаптации древнего населения к природно-климатическим условиям позднего плейстоцена — голоцена Западной Сибири. Издание рассчитано на археологов, историков, антропологов, краеведов, широкий круг читателей.

УДК [551+902.03+903/904](571/122)
ББК 26.339+26.332.9

ISBN 978-5-4422-0088-1 (Т. 1)
ISBN 978-5-4422-0090-5

© Коллектив авторов, 2024
© АНО «Центр «Моя история», 2024
© Подготовка к изданию и оформление –
АО «Издательский дом «Новости Югры», 2024

Вступительное слово

Н. В. Комарова
Губернатор Ханты-Мансийского
автономного округа — Югры

Уважаемые исследователи, дорогие земляки!

В ваших руках — первый из восьми томов «Академической истории Югры».

Благодарю учёных из Института российской истории Российской академии наук, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральского федерального университета имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина, Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Сургутского государственного университета, которые в течение пяти лет работали над этим проектом.

Определенные авторами сквозные направления — археология, этнография, история, демография и экономика, вопросы региональной идентичности, социальных и межнациональных отношений, роли коренных народов — проходят через всё издание, выстраивая полномасштабную картину развития региона, исследуя значение Югры в истории страны.

Среди открытий, сделанных учеными при подготовке «Академической истории Югры», — установление возраста, расположенного в Белоярском районе, древнейшего в мире укрепленного поселения в среде охотников и собирателей — Амня I — 7-6 тысяч лет до нашей эры.

Учёными переосмыслена роль казачьего отряда Ермака в освоении Сибири, впервые рассмотрена специфика образов Югры в художественной литературе, путевых и экспедиционных заметках путешественников.

За короткий по историческим меркам период Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре удалось стать одним из энергетических, экономических центров страны, объединить на своей территории 139 народов России.

Весомый вклад югорчан в Победу в Великой Отечественной войне отмечен Указом Президента Российской Федерации о присвоении столице автономного округа, городу Ханты-Мансийску, почетного звания «Город трудовой доблести».

Наш многонациональный, самобытный, северный край — регион-труженик.

Важно. Седьмой и восьмой тома «Академической истории Югры» рассказывают о современном этапе развития региона. Они содержат воспоминания известных югорчан — носителей «живой» истории, уникальной информации, представляющей историческую ценность.

Выражаю надежду на то, что «Академическая история Югры», масштабная работа исследователей нашего края, России станет источником знаний для будущих поколений.

З. Комарова

Ю. А. Петров

Директор Института российской истории РАН,
доктор исторических наук, профессор

Перед вами — первый из восьми томов академического издания по истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Величие и единство нашей Родины основано на разнообразии составляющих её регионов, субъектов Российской Федерации: республик, краёв, областей, автономных округов. У каждого — своя история, свои особенности, которые вместе создают неповторимое своеобразие Отечества.

История Югры, уходящая в глубь тысячелетий, — неотъемлемая часть истории России. Край в первом тысячелетии нашей эры оказался на перекрёстке миграций, охвативших всю Евразию — от Тихого до Атлантического океанов. Тогда началось складывание коренных народностей: хантов, манси, ненцев. Тогда же возникли связи Югры с Новгородом и Волжской Булгарией.

История Югры неотделима от великого движения России на восток, освоения Сибири. История, культура, традиции коренных народов Югры — хантов, манси, ненцев — проходят красной нитью через все тома академического издания, предлагаемого вниманию читателя.

Мировой опыт дал многочисленные примеры противостояния и даже столкновения различных этнических групп в рамках империй, но показал и возможность адаптации национальных образований, их взаимодействия и конструктивного сотрудничества. Во многом этот позитивный опыт основан на материале истории Российской Империи, в том числе Югорских земель, где наблюдались не сокращение и деградация, а рост численности и ускорение социально-экономического и культурного развития.

Советское время ознаменовалось появлением на территории края национальных автономий, Остячко-Вогульского, позже — Ханты-Мансийского округа. Во второй половине XX века произошло подлинное преображение региона, ставшего одним из мировых лидеров добычи нефти и газа, энергетическим центром современной России, краем с развитой социальной инфраструктурой, культурой и наукой, высоким уровнем жизни его населения.

Этот труд не случайно носит название академической истории. В его создании приняли участие учёные из институтов Российской Академии наук и высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Тюмени, Сургута, Ханты-Мансийска. Право называться академическим подразумевает соответствие высоким профессиональным требованиям доказательности каждого вывода, опоры и критического восприятия достижений предшественников, собственный научный вклад авторов в изучение истории края. Признаком академичности является и комплексный характер изучения. Поэтому среди авторов — не только историки, но и этнологи, социологи, юристы, палеобиологи, экологи, экономисты.

Итог нашей совместной работы — перед Вами, уважаемый читатель.

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'Ю. А. Петров'.

Оглавление

Введение (Г. П. Визгалов, Н. М. Чаиркина) 11

ЧАСТЬ 1. ПРИРОДНАЯ СРЕДА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА — ГОЛОЦЕНА СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

(Т. Г Антипина, А. Т. Галимов)

Глава 1. Современные природные условия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 22

Глава 2. Динамика растительного покрова ХМАО — Югры в позднеледниковье — голоцене по палеоботаническим данным 34

Глава 3. Реконструкция палеоклиматических параметров по данным спорово-пыльцевого анализа 43

Глава 4. Результаты спорово-пыльцевого анализа торфяных разрезов ХМАО — Югры 47

    Кондинская левобережная среднетаёжная провинция 47

    Приобская правобережная северо-таёжная провинция 75

    Северо-Сосьвинская северо-таёжная провинция 84

    Приполярный Урал 88

Глава 5. История лесной и болотной растительности в голоцене на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 99

ЧАСТЬ 2. ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

(С. В. Лещинский, Е. М. Бурканов, В. Н. Зенин, С. С. Макаров, А. С. Резвый)

Глава 1. Палеолитическая эпоха центральной области Западно-Сибирской равнины 110

Глава 2. Стратиграфия, палеогеографические реконструкции и мамонтовая фауна района местонахождения Луговское 116

Глава 3. Геоархеологические исследования на местонахождении Луговское 133

Глава 4. Геоархеологические исследования на местонахождении Комудваны 146

ЧАСТЬ 3. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ ТАЙГА В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

(А. А. Погодин)

Глава 1. История изучения памятников мезолита и реконструкция палеоклимата в таёжной зоне Западной Сибири в конце плейстоцена — начале голоцена	158
Обзор палеоклиматической ситуации в конце плейстоцена — начале голоцена	159
История исследования мезолита Севера Западной Сибири	161
Глава 2. Памятники мезолита на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры	178
Глава 3. Обзор индустрии памятников	192
Индустрии раннего мезолита (пребореал — первая половина бореала): стоянка Сатыга XVIIa, поселение Большая Умытья 74 (скопление 8 и скопление 11)	192
Индустрии раннего мезолита второй половины бореала	199
Индустрии позднего мезолита начала атлантического периода	212
Глава 4. Обработка камня и кости в эпоху мезолита	237
Глава 5. Погребальные комплексы	251
Глава 6. Хозяйство мезолитического населения	258

ЧАСТЬ 4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ХМАО — ЮГРЫ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

(Е. Н. Дубовцева, Т. Ю. Клементьева, Л. Л. Косинская, А. А. Погодин, Н. М. Чаиркина)

Глава 1. История исследования	264
Глава 2. Основные термины и понятия	274
Содержание понятий «неолит» и «энеолит»	274
Жилищный комплекс, культурный тип памятников, археологическая культура и керамическая традиция	277
Глава 3. Хронология и периодизация	279
Глава 4. Хозяйство и образ жизни	319
Охота и рыболовство	319
Поселения и жилища	322
Укреплённые поселения — городища	346
Домашние производства неолитического населения таёжной зоны Западной Сибири	352

Глава 5. Мироззренческие представления	386
Образы в орнаментах и пластике	386
Глиняная и каменная пластика	388
Холмы	390
Погребальные памятники	394
Погребальный обряд эпохи неолита и энеолита	423
Глава 6. Процессы неолитизации и культурные связи	426

ЧАСТЬ 5. ТЕРРИТОРИЯ ХМАО — ЮГРЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

(С. Ф. Кокшаров)

Глава 1. История исследования	435
Глава 2. Периодизация и хронология памятников и культур бронзового века	445
Глава 3. Основные характеристики периодов бронзового века	449

ЧАСТЬ 6. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ ТАЙГА В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

(Ю. П. Чемякин)

Глава 1. Источниковая база и история исследования раннего железного века таёжного Обь-Иртышья	478
Глава 2. Хронология и периодизация	491
Белоярско-васюганский этап	493
Кулайский этап	495
Глава 3. Белоярско-васюганский этап в Сургутском Приобье	498
Белоярская культура	498
Калинкинская культура	515
Глава 4. Белоярско-васюганский этап в Нижнем Приобье	526
Кульминский тип памятников	526
Глава 5. Кулайский этап в Сургутском Приобье	535
Глава 6. Кулайский этап в Нижнем Приобье и Кондинском крае	565
Синдейская культура	565
Кондинский вариант кулайской культуры	575
Кулайская культура Нижнего Приобья	576
Глава 7. Кулайская культура, общая характеристика	581

ЧАСТЬ 7. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ ТАЙГА В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(А. П. Зыков)

Глава 1. Север Западной Сибири в раннем средневековье (вторая половина IV–X вв.). История изучения	588
Глава 2. Нижнеобская культура раннего средневековья	604
Глава 3. Карымский этап второй половины IV — начала VI вв.	614
Глава 4. Зеленогорско-рёлкинский этап VI–VII вв.	650
Зеленогорский подэтап VI в.	652
Рёлкинский подэтап конца VI–VII вв.	660
Глава 5. Кучиминский этап VIII–IX вв.	677
Глава 6. Кинтусовский этап конца IX–XII вв.	692
Список источников и литературы	697
Указатель географических названий	742
Указатель археологических памятников и культур	749
Именной указатель	757
Сокращения	766

Введение

Первый том Академической истории Югры — «Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э.» — подготовлен ведущими специалистами и научными сотрудниками академических (Институт истории и археологии УрО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН), учебно-исследовательских (Уральский Федеральный университет, Сургутский государственный университет, Томский государственный университет), производственных (ООО «НПО Северная археология — 1», г. Нефтеюганск; ООО «АВКОМ-Наследие», г. Екатеринбург) и музейных (БУ ХМАО — Югра «Музей Природы и Человека») учреждений.

Он охватывает огромный период времени с начала освоения территории в эпоху верхнего палеолита, около XVIII–XVI тыс. до н. э., до эпохи раннего Средневековья, X в. н. э. Том структурно разделён на семь частей. Часть 1 — «Природная среда позднего плейстоцена — голоцена севера Западной Сибири» подготовлена Т. Г. Антипиной и А. Т. Галимовым; часть 2 — «Эпоха палеолита центральной области Западно-Сибирской равнины» — коллективом авторов: С. В. Лещинским, Е. М. Буркановой, С. С. Макаровым, А. С. Резвым, В. Н. Зениным; часть 3 — «Западно-Сибирская тайга в эпоху мезолита» — А. А. Погодиным; часть 4 — «Археологические памятники на территории ХМАО — Югры — в эпоху неолита и энеолита» — коллективом авторов: Е. Н. Дубовцевой, Т. Ю. Клементьевой, Л. Л. Косинской, А. А. Погодиным, Н. М. Чаиркиной. Часть 5 — «Территория ХМАО — Югры в эпоху бронзы» подготовлена С. Ф. Кокшаровым; часть 6 — «Западно-Сибирская тайга в эпоху железа» — Ю. П. Чемякиным и часть 7 — «Западно-Сибирская тайга в эпоху раннего Средневековья» — А. П. Зыковым. «Введение» написано Г. П. Визгаловым и Н. М. Чаиркиной.

Изложение материала в томе построено по территориально-хронологическому принципу с учётом специфики природно-климатических зон этой территории в эпоху позднего плейстоцена — голоцена, обусловивших разнообразие адаптационной и хозяйственной деятельности древнего населения. В каждой части рассмотрены масштабы и способы освоения территорий и ресурсов, природные условия, модели культурной адаптации. Приведена характеристика опорных археологических памятников: поселений, жилищ, погребальных и культурных комплексов, керамики, каменного инвентаря, изделий из металла и др. Проанализированы хозяйство и образ жизни, мировоззренческие представления древнего населения.

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра расположен в центральной части Западно-Сибирской равнины — одной из величайших равнин Евразии. На севере Югра граничит с Ямало-Ненецким автономным округом, на юго-востоке — с Томской областью, на юге — с Уватским и Тобольским районами Тюменской области, на юго-западе — со Свердловской областью, на западе — с Республикой Коми. Территория округа, площадь которого составляет 534 тыс. кв. км, простирается от Уральских гор на западе до левых притоков Енисея на востоке; на севере проходит по водоразделу рр. Северная Сосьва и Сыни, Казыма и Полуй с Надымом, далее — по Сибирским увалам. Южная граница — по водоразделу рр. Конда и Лозьва, Большой Салым и Демьянка, Большой Юган и Васюган, Вах и Тым.

Поверхность округа представляет собой равнину с понижениями — низменностями — и незначительными возвышенностями — материками и увалами. Самые большие низменности — Кондинская и Среднеобская, наибольшие возвышенности — Сибирские увалы, Белогорский материк, Северо-Сосьвинская возвышенность. Небольшой участок горной местности расположен на Приполярном Урале. Климат центральной части Западной Сибири континентальный — с холодными зимами и коротким жарким летом, во многом обусловлен равнинным рельефом и удалённостью от Атлантики.

Речная сеть очень разветвлённая, относится к Обь-Иртышскому бассейну. Рядом с административным центром — г. Ханты-Мансийском — р. Иртыш соединяется с р. Обь. Среди крупных рек — Конда (левый приток Иртыша), Большой Юган, Большой Салым, Большой Балык, Северная Сосьва (левые притоки Оби), Вах, Аган, Тромъеган, Лямин, Назым, Казым (правые притоки Оби). Незначительный перепад высот почти на всей равнинной территории севера Западной Сибири затрудняет сток рек, делает их течение медленным, русло извилистым, поймы очень широкими. Главная река — Обь — течёт с юга на север, а на участке от устья Ваха до устья Иртыша — почти в широтном направлении. Как и у всех рек Северной Евразии, впадающих в моря Северного Ледовитого океана, паводок в низовьях Оби задерживается более поздним ледоходом.

Ханты-Мансийский автономный округ богат озёрами, большинство из которых сосредоточены в Кондинской низменности и на северной, правобережной части Среднеобской низменности. Затруднительный сток воды в реках Обского бассейна, превышение выпадения осадков над испарением воды способствовали формированию болотистых пространств на водоразделах, в поймах рек и бессточных озёрных системах. Западная Сибирь является одним из самых заболоченных регионов Земли.

Почти вся растительность округа представлена сообществами, характерными для северо-таёжной и среднетаёжных подзон Сибири, только небольшой участок на юго-западе Кондинской низменности относится к южно-таёжной подзоне.

Основными источниками дописьменного периода истории Югры являются археологические источники. Археологические памятники (объекты археологического наследия) Ханты-Мансийского автономного округа составляют огромный, во многом ещё не использованный ресурс для исторических исследований дописьменного периода, для эпохи позднего Средневековья и Нового времени. С появлением и применением новых, прежде всего, естественно-научных методов исследований археологические источники приобретают всё большее значение для истории не только регионов с относительно скромным количеством документов, таких как Югра, но и для стран и регионов с богатыми письменными архивами.

Территория Югры отличается значительным количеством археологических памятников. По данным на начало 2023 г., на учёте в Службе государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры насчитывалось почти 7000 объектов археологии. Это значительно превышает количество выявленных археологических объектов в сопредельных субъектах РФ: в Сибири и европейской части России. Ежегодно в Югре выявляется две сотни новых объектов археологического наследия. Подавляющее большинство памятников археологии обнаруживается в ходе обследования земельных участков под основную хозяйственную деятельность — добычу и транспортировку нефти и газа, а также под строительство объектов, связанных с ними. Научные исследования — раскопки археологических объектов — в подавляющем большинстве проводятся как мероприятия по сохранению объектов культурного наследия в условиях хозяйственной деятельности.

Археологические исследования в округе носят в основном производственный, спасательный характер. По их объёму и уровню проведения Югра занимает одно из ведущих мест в России. За последние годы на высоком методическом уровне исследовано большое количество памятников, многие из них уникальны и вызывают большой интерес российского и международного археологических сообществ. Однако хоздоговорная направленность исследований в регионе создаёт случайную, а не целенаправленную выборку источников. Археологический материал, полученный в результате исследования этих памятников, обработан фрагментарно, в рамках подготовки отчётов Заказчикам работ. Он нуждается в тщательной обработке и введении в научный оборот. Только в этом случае эти материалы станут фундаментальным источником для реконструкции древней истории Югры. Поэтому, несмотря на достигнутые успехи, в истории региона существуют серьёзные пробелы. Для воссоздания целостной истории древней Югры необходима организация и реализация целого ряда специальных научных проектов по изучению отдельных её аспектов, проведение серии целевых археологических и этнографических исследований на территории округа.

Археологические памятники Югры сегодня представлены поселениями (селищами, стоянками, неукреплёнными поселениями и городищами), грунтовыми могильниками, святилищами, «кладами», промысловыми объектами — ловчими ямами. Стоит отметить наличие большого количества городищ — укреплений, количество которых, по разным подсчётам, достигает восьми сотен, что очень много для территории, покрытой таёжными лесами и болотами. Уникальны городища каменного века, выявленные в бассейне рр. Казым, Конда, Большой Салым. Такие ранние укрепления на сегодняшний день неизвестны в лесной зоне Евразии и в Северной Америке.

Несколько необычным для археологии типом памятников, обнаруженным на этой территории, являются промысловые объекты — ловчие ямы, специально выкопанные и обустроенные для охоты на копытных. Эти сооружения выявлены в Югре относительно недавно, в начале 90-х гг. прошлого века. Есть археологические памятники, состоящие из системы нескольких десятков и даже сотен ловчих ям, встречаются и одиночные сооружения. Сейчас на территории округа насчитывается несколько сотен подобных памятников, и каждый год выявляются новые. Наиболее ранние из них датируются каменным веком, поздние — Новым временем. На территории Сибири и европейской части России такие промысловые объекты единичны. Ближайшие ловчие ямы на копытных выявлены в западной Карелии, их много в Финляндии и Швеции. Исследование этих объектов даёт важную информацию о коллективных способах охоты на копытных, которая была очень эффективной. Это в определённой степени объясняет и наличие большого количества археологических памятников в таёжной зоне севера Западной Сибири.

Первые научные исследования памятников археологии в Югре начались в XIX в., когда в научном мире, среди историков, этнографов, лингвистов, появилась потребность в научном обосновании гипотез и теорий о происхождении различных народов Европы. Первыми объектами археологических исследований стали памятники урочища Барсовой Горы (в настоящее время оно имеет статус достопримечательного места ХМАО — Югры). Среди первых исследователей археологических древностей Барсовой Горы были западные учёные — финн М. А. Кастрен (1845 г.) и швед Ф. Р. Мартин (1891 г.), политические ссыльные Сургута — В. Я. Мрачковский, Н. Л. Зотов, студент Казаков, сотрудник Томского университета — С. М. Чугунов (1890 г.). Однако только спустя много лет по материалам археологических раскопок Ф. Р. Мартина вышла монография Т. Й. Арне. Среди первых археологов Югорской

земли значителен и священник села Щекурья Берёзовского округа, который в 1897 г. проводил раскопки Ляпинского острога на основании Открытого листа, выданного Императорской археологической комиссией. В 1911 г. археологические исследования на Кинтусовском могильнике проводила экспедиция Тобольского губернского музея в составе Р. Л. Шульца, Б. Н. Городкова, Г. И. Лебедева.

В советское время археологическими исследованиями на территории Югры занимались академические институты, университеты, музеи. Полевые археологические работы, завершённые научными публикациями, проводили московские археологи В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. С начала 70-х гг. XX в. начинаются масштабные исследования памятников урочища Барсова Гора Уральской археологической экспедиции УрГУ под руководством В. Ф. Генинга. В 70–80-е гг. прошлого века в Кондинском районе работали ленинградские учёные Л. П. Хлобыстин и Л. Я. Крижевская. В Нижнем Приобье проводил исследования сотрудник Томского университета Е. В. Васильев, его коллега — В. А. Посредников — вёл раскопки на р. Вах.

Самые масштабные и многочисленные исследования по всей территории округа проведены свердловскими археологами Уральского государственного университета. Среди них — Ю. П. Чемякин, Н. В. Фёдорова, В. М. Морозов, В. А. Борзунов, В. И. Стефанов, С. Г. Пархимович, О. Н. Корочкова, А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров и другие. В 1990–2000-е гг. археологическими исследованиями Югры начинают заниматься организации Ханты-Мансийского автономного округа: сотрудники Сургутских государственных университетов под руководством И. Г. Глушкова (СурГПУ) и А. В. Логвина (СурГУ); сотрудники муниципальных учреждений — Н. В. Шатунов (учреждение Сургутского района Центр «Барсова Гора»), Г. П. Визгалов (Центр ИКН Нефтеюганского района); сотрудники музеев — М. Ю. Селянина (Сургутский краеведческий музей), О. И. Белогай (Ханты-Мансийский Музей Природы и Человека). Спецификой Ханты-Мансийского автономного округа, начиная с 90-х гг. прошлого века, является тот факт, что большую долю в археологических исследованиях занимает охранная археология, в которой основной объём работ выполняют частные организации. Первые и наиболее значительные из них следующие: ООО «АВКОМ-Наследие» (г. Екатеринбург) — руководитель Е. М. Беспрозванный, ООО «НПО «Северная археология — 1»» (г. Нефтеюганск) — руководитель Г. П. Визгалов, позднее организовалось ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр» (г. Ханты-Мансийск) — руководитель А. В. Кениг. В 2022 г. в Сургутском государственном университете впервые в округе было создано научное подразделение «Центр югорской археологии и этнографии» — руководитель О. В. Кардаш.

Одной из ключевых проблем истории и археологии Югры является вопрос о времени появления здесь человека. Проблема эта важна в аспекте заселения и освоения человеком северных территорий, трудных для постоянного проживания и адаптации. Долгое время археологи не находили и, по существу, не искали здесь следов эпохи палеолита, предполагая, вслед за палеогеографами, отсутствие на севере Западной Сибири пригодных природных условий для существования человека. Однако находки каменных орудий вместе с костями мамонта рядом с п. Луговским у г. Ханты-Мансийска подтолкнули археологов и геологов к новым исследованиям, которые изменили представление о ландшафте Югры в эпоху позднего плейстоцена. Новые открытия доказали, что человек на этой территории появился уже в XVIII–XVI тыс. до н. э.

Первые долговременные поселения в регионе появляются в постледниковый период, в эпоху мезолита, когда происходят резкие изменения природной среды и эта территория становится более благоприятной для постоянного проживания здесь человека. Климат раннего

голоцена не был стабильным: холодные и сухие периоды сменялись тёплыми и влажными. Первые мезолитические памятники были открыты на территории Кондинской низменности, в среднем течении бассейна р. Конда на оз. Леушинский Туман, позднее были выявлены десятки памятников на других участках бассейна верхнего, среднего и нижнего течения р. Конда. Поселения представлены сезонными стоянками с наземными жилищами и стационарными долговременными поселениями с углублёнными одно- и двухкамерными жилищами. Подобные капитальные постройки эпохи мезолита пока не встречены в более южных районах Западной Сибири и на сопредельных территориях. Ближайшие аналоги двухкамерных строений известны в Волго-Вятском междуречье.

Каменный инвентарь, изделия из камня являлись неотъемлемой и жизненно важной частью материальной культуры и повседневного обихода людей каменного века. Без них была невозможна обработка древесины, кости и рога, шкур, камня.

Кроме поселений в Кондинской низменности обнаружены и самые ранние в Югре могильники. К сожалению, костные останки в песчаном грунте сохраняются очень плохо, что не даёт нам достаточной информации по антропологии древнейшего населения Югры. Долгое время в восточной части Югры — на правобережье Оби и Иртыша — мезолитические памятники не были известны, что рядом исследователей объяснялось неблагоприятными для проживания природными условиями этой части Западной Сибири. Однако в последнее десятилетие были открыты мезолитические поселения на правом берегу Оби на р. Балинская и в Сургутском Приобье на р. Большой Салым. Первое из них оказалось крупнейшим на севере Западной Сибири, основанном на местной каменной индустрии; второе — самым большим и одним из самых ранних мезолитических поселений региона.

В позднем мезолите в бассейне р. Конда и, видимо, в Юганском Приобье на базе крупных поселений с долговременными сооружениями, с разработанным механизмом адаптации на основе комплексного охотничье-рыболовческого хозяйственного уклада, сложилось довольно устойчивое культурное образование. Мезолитическую культуру этого региона отличает от культурных образований сопредельных территорий высокий уровень домостроительства, сооружение одно- и двухкамерных построек полуземляночного типа со сложной каркасно-столбовой конструкцией стен и перекрытия. Своеобразие камнеобработки заключается в широком использовании наряду с микропластинчатой техникой контрударного расщепления, которая определила специфику технокомплексов эпохи неолита и бронзового века, наличие специфических технических приёмов: пикетажа, сверления, пиления, шлифования и полировки.

Преимущество мезолитических культурных традиций в неолитическое время прослеживается в сохранении основных приёмов домостроения и камнеобработки. Однако роль внутренних механизмов в развитии мезолитического общества севера Западной Сибири, воздействие внешних и экологических факторов на формирование ранненеолитических культур середины VII — начала VI тыс. до н. э. пока недостаточно исследованы. Эпоха неолита связана с рядом важных инноваций в системе жизнеобеспечения и, вероятно, в мировоззренческих представлениях древнего населения региона: появлением гончарного дела, совершенствованием комплексного хозяйства присваивающего типа, строительством долговременных открытых и укрепленных поселений, в том числе с круговой планировкой, сооружением культовых (ритуальных) холмов. В этот период резко увеличивается количество неукрепленных памятников, которые отражают возросшую степень освоенности территории и указывают на сложную сезонную систему расселения с сетью долго- и кратковременных поселений.

Таёжная зона Западной Сибири является зоной распространения самых северных в Евразии неолитических городищ, укреплённых поселений: городища Амня I, Каюково 2, Микишкино 5 и др. Они довольно разнородны по топографии расположения, планировке, количеству и спектру артефактов, относятся к разным археологическим культурам. На городищах фиксируются ограждающие конструкции, состоящие из рвов и валов и/или палисадов, углублённые и наземные жилые постройки. Укрепления могли служить для обороны, защищать его жителей от природных катаклизмов, быть центрами общинных территорий, местами сосредоточения культовой деятельности и др. Возникновение сложных укреплённых поселений в среде сибирских охотников и рыболовов раннего голоцена уникально и резко контрастирует с ситуацией в соседних регионах Евразии, где были распространены сезонные стоянки, немногочисленны долговременные поселения со стационарными постройками, отсутствовали сложные архитектурные сооружения.

Параллельно с этими нововведениями в Западной Сибири и в Зауралье появляются так называемые холмы — искусственно насыпные сооружения (Чёртова Гора и др.). На памятниках зафиксированы следы интенсивного воздействия огня, подсыпки грунта и охры, окрашенная охрой посуда, сосуды с зооморфными налестками, преднамеренно сломанные изделия, большое количество наконечников стрел, «утюжки», зооморфные и орнитоморфные фигурки из камня и глины, кости животных, бусы и бисер из семян растений. На Чёртовой Горе найдены захоронения людей в берестяных коробках, на Усть-Вагильском холме — несколько человеческих черепов, среди которых один, подвергшийся специальной обработке. Вероятно, холмы выполняли ритуальную функцию, однако текущее состояние исследований не позволяет дать более обоснованные интерпретации. Ближайшим регионом, где фиксируются поселения — телли в виде холмов, — является юг Туркменистана с населением земледельческой джейтунской культуры, около 6200 лет до н. э.

Глиняная посуда, выполненная по уже сформировавшимся канонам и стереотипам, появляется в таёжной зоне Западной Сибири во второй половине VII — начале VI тыс. до н. э. Её появление в этом регионе является частью более широкого евразийского феномена — возникновения керамического производства в среде охотников-собирателей, которое в последние годы привлекает особое внимание исследователей. Первые керамические сосуды появляются в позднем ледниковом периоде в Восточной Азии, в VII тыс. до н. э. — в Западной Сибири и Северо-Восточной Европе, в VI и V тыс. до н. э. — на территории Балтики. Для ранне-неолитической керамики Урала и Западной Сибири исследователи выделяют по меньшей мере две традиции: одна включает сосуды с острым и плоским дном, украшенные резным и накольчатый орнаментом, другая — сосуды с коническим дном и орнаментом, выполненным гребенчатым штампом, насечками и наколами. Ключевые вопросы, связанные с генезисом и хронологией этих традиций, дискутируются.

Появление рассмотренных инноваций на этой территории привело к формированию нескольких, в том числе миграционных, гипотез о начальных этапах её неолитизации и о сложении ранне-неолитических культур в результате миграций населения из разных регионов, связанных с существенными изменениями климата. В соответствии с диффузионной гипотезой, инновации могли появиться здесь на местной основе при участии мигрантов или при передаче информации и идей не в результате массовых миграций, а в процессе инфильтрации, постепенной адаптации и взаимодействия с местным населением. Эпоха неолита в таёжных районах Западной Сибири является новым этапом социально-экономического и культурного развития древних обществ с высокопродуктивным комплексным присваивающим хозяйством VII — IV тыс. до н. э.

Энеолит в этом регионе не является эпохой освоения металлообработки и использования металлических орудий, они пока не обнаружены на памятниках этого времени. Современные исследователи используют для обозначения этого периода и другие дефиниции: эпоха раннего металла, переходное время от неолита к бронзовому веку, постнеолитическое время и т. п. Необходимость выделения отдельного этапа диктуется отражёнными в материальной культуре свидетельствами изменений в жизнедеятельности западносибирского населения, что выражалось в смене керамических типов, появлении новых орудий, предметов промысла, новых образов в орнаментальном искусстве. К этим изменениям, вероятно, могло привести поступательное развитие культуры неолитического населения региона, а также культурные связи и обмен с населением металлургических очагов и провинций, включение таёжных районов Югры в их систему коммуникаций.

Освоение методов первичной металлообработки у таёжных жителей Западной Сибири происходит значительно позже, чем у южных соседей, что объясняется полным отсутствием месторождений меди и других цветных металлов, а также удалённостью от древних центров цветной металлургии. Знакомство с металлом осуществлялось посредством обмена с соседними территориями, и уже в первой трети II тыс. до н. э. в бассейне р. Конда появляются производственные площадки первых литейщиков. По мнению некоторых исследователей, медь привозилась с уральских прикамских месторождений, а технология металлообработки была получена от уральского или прикамского населения. В период развития сейминско-турбинского бронзолитейного производства в таёжной зоне Западной Сибири с небольшим запозданием появляются собственные пункты высокотехнологичной металлообработки. Особое место в иерархии, в коллективах начинают занимать специалисты-литейщики. Находки на памятниках литейных форм сейминско-турбинского типа отражают контакты и влияние андроновской культурно-исторической общности на местное население.

В конце бронзового века происходят передвижения северных групп населения в южную тайгу и в лесостепь, что отразилось в расширении на юг ареала культур с крестовой керамикой и керамикой с прокатанным штампом. В конце бронзового века на поселениях атлымской и лозьвинской культур снова появляются фортификационные сооружения-городища, которые местное таёжное население продолжало строить вплоть до вхождения в состав Русского государства.

Начало раннего железного века связано с появлением новых культур, возникших на базе местных образований бронзового века и пришлого северного населения. В Сургутское Приобье в это время проникает население с южных территорий, вместе с которым в подзоне средней тайги появилось первое домашнее животное — лошадь. Литьё бронзовых изделий широко распространяется во всех культурах раннего железного века, встречается на каждом поселении, становится почти, по сути, домашним ремеслом. Из бронзы изготавливаются украшения и культовые предметы — идолы в виде подвесок. Скопления зооморфных, антропоморфных, древовидных изображений интерпретируются археологами как места святилищ. Сохраняется и производство каменных орудий. Железные орудия, имеющие значительное преимущество над бронзовыми и медными, вытесняют последние на севере Западной Сибири только в III–II вв. до н. э. Несмотря на то, что болотная железная руда — лимонит — широко распространена и доступна по всему Северу, технология железоделательного производства сложная и трудоёмкая. Первые железообрабатывающие мастерские с кузнечными горнами, найденные археологами на территории Югры, относятся к концу IV — началу V вв. н. э. Мастерству обработки железа и чёрной металлургии жители западносибирской тайги научились у своих южных соседей — населения саргатской культуры.

В V–III вв. до н. э. на огромной территории таёжной зоны Западной Сибири у населения кулайской культурно-исторической общности распространяются схожие, унифицированные признаки в бронзовом культовом литье, оружии, орнаментации и форме керамики, строительстве жилищ и укреплений. На позднем этапе кулайские группы населения продвигаются на самый юг лесной зоны и в лесостепь, что было обусловлено разгромом саргатских племён хуннским вторжением. В конце раннего железного века в среде таёжного населения Западной Сибири наблюдается имущественная дифференциация и социальное расслоение, что привело не только к стадии разложения первобытнообщинного строя, но и к началу стадии предклассового общества, что необычно и удивительно для обществ охотников и рыболовов с незначительной долей производящего хозяйства — скотоводства. Эти факты иллюстрируют и погребения с очень богатым инвентарём на фоне большинства могил с рядовым набором предметов, а также клады дорогих и высокохудожественных металлических изделий, многочисленные городища и наличие самого современного по тем временам вооружения и доспехов. Городища на протяжении I тыс. до н. э. и в первых веках нашей эры изменяются от слабо укрепленных мелким рвом поселений до укреплений с мощным рвом и валом с башнеобразными выступами. Многие из городищ могли быть местом проживания общинной верхушки. В кладах находят бронзовые зеркала с гравированными сюжетами, которые, как и изображения «культового литья», свидетельствуют о сложных и развитых религиозных представлениях, основанных на элементах шаманизма, зороостризма и митраизма. Огромное влияние на культуру таёжного населения оказал «скифо-сарматский» мир. Причиной столь высокого уровня развития общества таёжной зоны Западной Сибири с присваивающей экономикой явилось возникновение высокоспециализированного присваивающего хозяйства — добычи пушнины, которая становится частью общеевразийской экономики.

Этническую принадлежность кулайской историко-культурной общности большинство исследователей определяет как двухкомпонентную, состоящую из обских угров и самодийцев. К сожалению, качественного антропологического материала из могильников этого периода очень мало, антропологический тип по имеющимся костным останкам определяется как монголоидный со значительной примесью европеоидных черт.

Эпоха, именуемая ранним Средневековьем, в таёжной зоне Западной Сибири тесно связана с культурными, политическими и экономическими процессами, проходившими на юге, в лесостепной и степной зонах. Начавшееся с востока на запад движение гуннов привело к переселению многих племён и смене культур. Территории на границе леса и степи с уходом саргатских племён временно пустеют, и таёжное население снова перемещается на юг.

В лесостепной зоне кулайские группы и их потомки поселяются ненадолго, кочевники вновь вытесняют их на север. Однако на юге лесной зоны они «задержались» на много веков. Дальнейшее пребывание потомков северных племён сводилось к постепенному их выдавливанию с юга лесной зоны и ассимиляции степняками — тюркским населением. Великое переселение народов привело к разрушению торговых и иных связей с остальным миром. Кулайская историко-культурная общность распалась, городища — центры племенной знати — исчезают, вместо них появляются слабо укрепленные общинные посёлки. Однако культурное единство не исчезает, на развалинах кулайской общности формируется просуществовавшая с IV по XII вв. н. э. нижнеобская археологическая культура, отличительной чертой которой является керамика с фигурно-штампованной орнаментацией, по изменениям которой нижнеобскую культуру делят на четыре типолого-хронологических этапа: карымский, зеленогорско-рёлкинский, кучиминский, кинтусовский. На карымском этапе, в IV–VI вв. н. э., население нижнеобской культуры подверглось влиянию, а местами и вытеснению со стороны восточных,

юго-восточных мигрантов с притоков Енисея, предположительно, предков тунгусоязычных и кетоязычных племён. Следы этого проникновения отразились в появлении на памятниках толстостенной керамики с желобчато-валиковой орнаментацией. В VI–VII вв. н. э. таёжное население проникает на юг, заселяя территорию лесостепей, где подвергается влиянию тюрских кочевников. В результате влияния степных соседей до конца I тыс. н. э. на север, на территорию Югры, поступает современное по тем временам вооружение: слабоизогнутые рубящие сабли, палаши, боевые ножи, и снаряжение: кольчуги и ляmelлярные доспехи, воинские пояса, украшения для конской упряжи. Сохраняется и собственная чёрная и цветная металлообработка. Железные орудия окончательно вытесняют бронзовые и медные, из привозной бронзы изготавливаются только украшения и культовые изображения. На карымском этапе появляются рюмковидные тигли, а на кинтусовском они заменяются более современными стакановидными тиглями. Нижнеобская культура IV–XII вв. н. э. была эпохой расцвета бронзолитейного дела севера Западной Сибири.

Большая часть городищ на территории Югры относится к периоду Средневековья, датируется I тыс. н. э. На протяжении существования нижнеобской культуры фортификационное строительство претерпевает ряд изменений. На карымском этапе отмечается упадок оборонительного качества укреплений, сами городища в плане имеют чёткую прямоугольную форму с двухрядным уличным расположением жилых построек внутри обороны. В конце VI–VII вв. н. э. появляются округлые городища с мощными бревенчатыми стенами с забутовкой и с центрическим расположением жилищ. На кучиминском этапе оборонительное зодчество вновь возвращается к прямоугольной планировке с уличным расположением жилищ, но с более мощной обороной, которая усиливалась двойной линией рвов и валов. Наконец, уже на кинтусовском этапе появляются долговременные городища, расположенные на укрепленных мысах.

Находки оружия и доспехов, строительство городищ в глубине таёжно-болотной зоны свидетельствуют о постоянно идущих межобщинных войнах. Многолетние исследования в урочищах Барсовой Горы и Сайгатино позволили реконструировать длительное военное противостояние двух общин. Закономерно возникает вопрос о причинах такой воинственности таёжных жителей. Борьба за ресурсы? Она существовала везде, но ни в восточно-сибирской, ни в дальневосточной, ни в восточно-европейской тайге нет такого количества укреплений и оружия. Отчасти это можно объяснить вовлечением территории Югры в мировую торговлю пушниной. Свидетельства наличия дальних торговых связей находим в раскопках средневековых могильников. Примером являются недавние раскопки могильника Священная кедровая роща в Нефтеюганском районе, где были найдены дорогие иранские украшения, монеты, оружие, в том числе корейский меч.

В I тыс. н. э. у населения севера Западной Сибири проходил процесс разложения первобытнообщинного строя, велись межобщинные войны, сопровождаемые усилением военных вождей, выделением элиты, что привело впоследствии к началу классового образования и формированию военно-потестарных объединений — вождеств.

Яркий и многочисленный археологический материал, содержащий интереснейшую информацию о многотысячелетней истории Югры, конечно, не может уместиться в одном томе. Огромные коллекции и информация, полученные за последние годы масштабных спасательных и научных археологических работ на территории Югры, ещё ждут своих исследователей, подготовки и публикаций новых статей и монографий, «Свода археологических источников ...» и/или иллюстрированного «Атласа археологических памятников ХМАО — Югры».

Г. П. Визгалов, Н. М. Чаиркина

Часть 1

Природная
среда позднего
плейстоцена —
голоцена севера
Западной Сибири

Глава 1

Современные природные условия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) — Югра — территория площадью около 534 800 кв. км расположен в центральной части Западно-Сибирской равнины, между 58° и 66° с. ш. и 59° и 86° в. д. (рис. 1). С запада на восток территория региона простирается на 1400 км от восточных склонов Северного Урала почти до берегов Енисея; с севера на юг — на 900 км от Сибирских Увалов до Кондинской тайги. Большая часть располагается в пределах Западно-Сибирской физико-географической страны, лишь на крайнем северо-западе принадлежит к Уральской горной стране.¹ Крайняя северная точка находится у истоков р. Хулга в Берёзовском районе, крайняя южная — вблизи посёлка городского типа Куминский, крайняя западная — в горах Северного Урала у истоков р. Северная Сосьва, крайняя восточная — у истоков р. Вах. На севере округ граничит с Ямало-Ненецким автономным округом, на северо-западе — с Республикой Коми, на юго-западе — со Свердловской областью, на юге — с Тобольским и Уватским районами Тюменской области, на юго-востоке и востоке — с Томской областью и Красноярским краем (рис. 1). На территории Ханты-Мансийского автономного округа протекают две крупных реки: Обь, протяжённостью 3650 км и её приток — Иртыш, длина которого 3580 км. Практически все реки округа имеют низкую скорость течения, характеризуются весенне-летними разливами и паводками. Треть территории занимают болота. В окружении болот и лесов расположено около 300 тысяч озёр.²

Территория ХМАО находится в пределах лесной таёжной зоны, средне- и северо-таёжной подзонах. На Приполярном Урале в горах выделяются высотные пояса растительности. По природному районированию территорию ХМАО — Югры можно разделить на провинции: Кондинское левобережье (бассейн р. Конда) средне-таёжная подзона; Приобская левобережная среднетаёжная (северная часть Обь-Иртышского междуречья); Приобская правобережная северо-таёжная, включая долину р. Обь среднего широтного отрезка; Северо-Сосьвинская северо-таёжная.³

¹ География ХМАО: Климат ХМАО. URL: https://geografiyahmao.blogspot.com/2011/10/blog-post_4932.html (дата обращения: 20.04.2023).

² Единый официальный сайт государственных органов. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Географическое положение. Границы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://admhmao.ru/ob-okruge/obshchie-svedeniya/geograficheskoe-polozhenie-granitsy-hmao/> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Орлов В. И. Схема природного районирования // Западная Сибирь. М., 1963. С. 315–316.

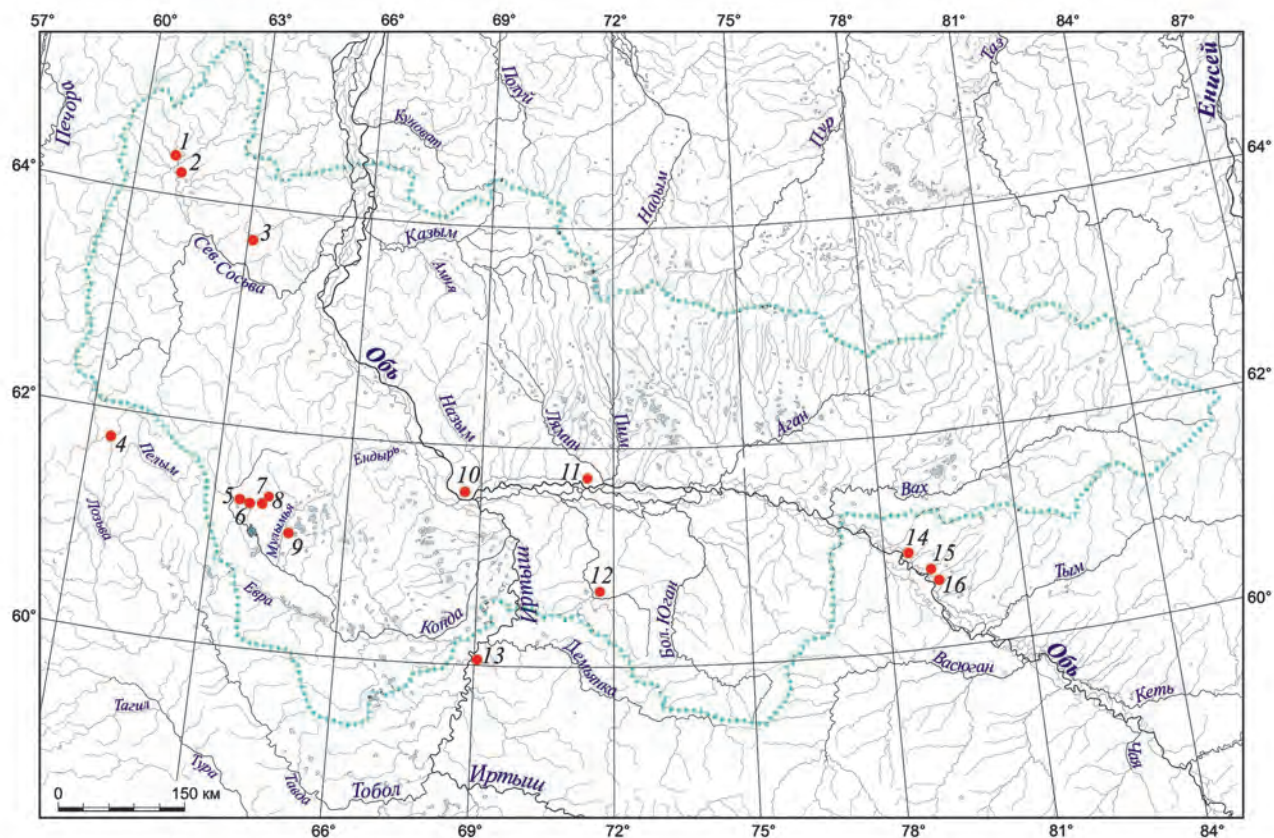

Рис. 1. Объекты палеоэкологической реконструкции — торфяные разрезы в ХМАО — Югре и с определенных территориях. Составители Т. Г. Антипина и А. Т. Галимов

1 — Маньинский Хартым	5 — Арантур	9 — Мульмя	13 — Першино
2 — Кулемья	6 — Большая Умытья 9	10 — Светленькое	14 — Лукашкин Яр
3 — Сартынья	7 — Большая Умытья 74	11 — Сытомино	15 — Назино
4 — Хорпия	8 — Большая Умытья 69	12 — Салым-Юганское	16 — Ентарное

Рельеф

Территориально автономный округ расположен в пределах Западно-Сибирской платформы, горные районы занимают сравнительно небольшую площадь на северо-западе (Приполярный Урал) и принадлежат Уральской горной стране.

На территории ХМАО можно выделить несколько типов рельефа: горные хребты и массивы (Приполярно-Уральская область); низменные сильно заболоченные равнины широких речных долин (Оби, Иртыша); плоские сильно заболоченные многоозёрные низменности (Среднеобская котловина, Сургутское полюдье, бассейн р. Конда, левые притоки Иртыша, бассейн рр. Вах, Аган, Ляпин); повышенные равнины менее заболоченные (Белогорский материк и др.); волнисто-увалистые эрозионные и ледниково-аккумулятивные возвышенности (Северо-Сосьвинская).⁴ Отчётливо выраженную полосу возвышенностей во внутрен-

⁴ Рихтер Г. Д. Рельеф и геологическое строение // Западная Сибирь. М., 1963. С. 63.

ней части равнины образуют Сибирские Увалы, средней высотой 140–150 м, простирающиеся с запада от Оби — на восток до Енисея.⁵

Приполярно-Уральская область в пределах ХМАО выделяется как самая возвышенная часть Уральской горной страны. Рельеф представлен горными хребтами и массивами с молодыми складчато-глыбовыми поднятиями высотой до 4000 м.⁶ Осевое положение занимает Исследовательский хребт с высотами более 1800 м над уровнем моря. Самые высокие вершины: г. Народная — 1894 м, Манарага — 1800 м над уровнем моря (рис. 2) и др. В структурном отношении хребты входят в состав Центрально-Уральского антиклинория, который характеризуется глубоко и сильно расчленённым рельефом, широким распространением альпийских форм: пиков, цирков, каров (рис. 3) и следов четвертичного оледенения, многолетнемерзлых грунтов, ледников, многолетних снежников, гольцовых поверхностей и мерзлотно-солифлюкционных образований.⁷

Рис. 2. Манарага (1800 м над ур. м.) — вершина, хр. Исследовательский, Приполярный Урал. Фото В. Б. Сладкова

Рис. 3. Кары и цирки — альпийские формы рельефа. Фото В. Б. Сладкова

Равнинная часть ХМАО представлена низменностями: Ляпинская, Ханты-Мансийская, Сургутское полесье, Обь-Иртышская; возвышенностями: Вахская, Северо-Сосьвинская, Люлимвор, Кондинская, Чёрная сторона, Аганский увал, Вах-Кетская (западная часть). Возвышенные участки — «материки» — представляют собой плоские массивы, разделённые долинами рек и заболоченными понижениями.⁸

Низкие равнины — Сургутское полесье, Казымская и Надымская низменности — отличаются молодым рельефом аккумулятивного происхождения. Их поверхность слабо расчленена, сложена рыхлыми наносами, слабо дренируется, уровень грунтовых вод лежит близко к поверхности, высоты не превышают 50–80 м.

⁵ Гвоздецкий Н. А. Физическая география СССР. Азиатская часть. Изд. 3-е, испр. и доп. Учебник для студентов геогр. фак. ун-тов. М., 1978. 512 с.

⁶ Рихтер Г. Д. Указ. соч. С. 63.

⁷ Экология Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень, 1997. С. 17.

⁸ Там же. С. 19.

Возвышенные равнины (Обь-Иртышское междуречье) с высотами до 100 м — аккумулятивные или аккумулятивно-денудационные, отличаются неравномерным расчленением и дренажем, колебанием уровня грунтовых вод.

Возвышенности (Белогорский материк, Аганский увал, Верхне-Тазовская возвышенность, Сибирские Увалы) характеризуются более древним рельефом, преобладанием денудационных и эрозионных процессов, более значительным расчленением, глубоким уровнем залегания грунтовых вод, интенсивным естественным дренажем. Высоты превышают 100 м.⁹

Климатические особенности территории ХМАО — Югры

По классификации климатов Б. П. Алисова, территория относится к области континентального климата; а по классификации А. А. Григорьева и М. И. Будыко, к климатической области с влажным умеренно тёплым летом и умеренно суровой снежной зимой. По гидроклиматическому районированию территория принадлежит к зонам избыточного и весьма избыточного увлажнения с недостаточной теплообеспеченностью. По агроклиматическому районированию основная часть ХМАО — Югры отнесена к прохладному и значительно увлажнённом району.

Климат ХМАО — Югры формируется под воздействием многих факторов: западного переноса воздушных масс с Атлантического океана, влияния Азиатского максимума; количества инсоляции, характера подстилающей поверхности и др. Открытость территории с севера объясняет глубокое проникновение на континент холодного арктического воздуха. Незащищённость с юга способствует воздухообмену и меридиональной циркуляции, вызывает резкие колебания температуры, добавляя контрастность климату. Вогнутая поверхность с прогибом в центральной части, широкие речные долины, обилие озёр и болот влияют на коэффициент увлажнения.

Характер земной поверхности оказывает влияние на трансформацию притекающих атлантических и арктических воздушных масс, воздух прогревается и дополнительно увлажняется за счёт повышения испарения влаги при продвижении в южном направлении. Зимой территория находится под влиянием сибирского антициклона и является областью формирования континентального воздуха умеренных широт. В результате охлаждения воздушные массы приобретают устойчивую стратификацию, создаётся инверсия, препятствующая перемешиванию приземного слоя атмосферы.¹⁰

Для климата округа характерна суровая и продолжительная зима (25–28 недель) с устойчивым снежным покровом (180–210 и более дней), со средней температурой самого холодного месяца января от $-18,2$ °С (Леуши) до $-24,2$ °С (Нумто). Наиболее сильные морозы наблюдаются на северо-востоке, в Нижневартовском районе. На станции Варьеган зафиксирована минимальная температура (-60 °С), в Корликах -59 °С. Лето короткое (14–15 недель) и сравнительно тёплое со средней температурой самого тёплого месяца — июля — от $+15,9$ °С (Берёзово) до $+18,4$ °С (Шаим). Абсолютная максимальная температура достигает $+35...+37$ °С как на севере, так и на юге округа. До середины июня нередки заморозки. Переходные сезоны короткие: осень — до девяти недель, весна — до четырёх недель. Для переходных сезонов

⁹ География ХМАО: Рельеф ХМАО. URL: https://geografiyahmao.blogspot.com/2011/10/blog-post_7095.html (дата обращения: 09.01.2023).

¹⁰ Там же.

характерны поздние весенние и ранние осенние заморозки. Безморозный период короткий (от 65 дней в Сосьве до 116 в Кондинском). Среднее годовое количество осадков составляет от 460 (Берёзово) до 620 мм (Угут). Большая часть осадков выпадает в тёплое время года — в июле 64 мм (Берёзово), 88 мм (Угут). Меньше всего во второй половине зимы — в феврале 17 мм (Берёзово), 22 мм (Угут).¹¹

Климат западной горной части округа имеет свои особенности, обусловленные расчленённостью рельефа и резким перепадом высот. Здесь обычно бывает суровая многоснежная зима с частыми метелями, достигающими иногда ураганной силы; короткое дождливое и туманное лето. Как зимой, так и летом преобладают влажные западные ветры. В тёплый сезон года вершины гор большую часть времени окутаны облаками, а в конце августа — сентябре вершины водораздельной части хребта уже покрываются снегом. В глубоких лощинах и ущельях зимой наметаются многометровые сугробы.¹²

Реки

Все реки территории ХМАО — Югры принадлежат бассейну Карского моря. Самая крупная водная артерия — р. Обь с притоком Иртыш, площадь бассейна 2929 тыс. кв. км. На территории ХМАО — Югры простирается широтный участок средней Оби и часть нижнего субмеридионального отрезка в пределах лесной зоны. До устья Иртыша в Обь впадают основные притоки: справа — Вах, Сабун, Аган, Тромъеган, Тым, Лямин, Назым; слева — Васюган, Большой Юган, Большой Салым и Иртыш. В нижней части Иртыш вбирает притоки — Тобол, Ишим, Конда (слева) и Тара, Демьянка (справа). В нижнем течении р. Обь пополняется притоками Малая и Северная Сосьва, Ляпин с Хулгой и Вогулкой.

Долины рр. Обь и Иртыш широкие от 20 до 120 км, у притоков — 15–35 км. Различия в интенсивности и характере эрозии определили своеобразие рельефа речных долин. Некоторые из них формировались в условиях небольших уклонов поверхности, медленного и спокойного течения. Долины главных рек Западной Сибири, текущих на север: Оби, её притока — Иртыша и впадающих в него Тобола и Ишима, с характерным крутым правым берегом и системой невысоких террас в левобережье, хорошо разработаны.

Надпойменные террасы Оби и её левобережных притоков сильно заболочены. Широко распространены западины разных размеров, вытянутые межгрядные ложбины, отрицательные элементы рельефа термокарстового и эрозионного происхождения.

В низовьях р. Иртыш часто встречаются широкие понижения, заполненные паводковыми водами — соры. Они мелководные, но большие по площади. Широко распространены погребенные долины, образующие сложную систему понижений, слабо заметную на местности, заполненные болотами или системами озёр.

В бассейне среднего течения Северной Сосьвы, вдоль восточных склонов Среднесосьвинских увалов, распространены параллельно-линейные гряды и ложбины. Гряды имеют ширину 6–15 км и до 100 км в длину, часто изогнуты в виде полудужий, обращённых вогнутой частью к депрессиям, высота гряд варьируется в пределах 2–15 м. Грядовый рельеф приурочен исключительно к зоне многолетней мерзлоты.

¹¹ География ХМАО: Климат ХМАО. URL: https://geografiyahmao.blogspot.com/2011/10/blog-post_4932.html (дата обращения: 11.12.2023).

¹² Там же.

Для междуречий Большой Балык — Большой Салым — Малый Салым и их притоков характерны поверхности второй озёрно-ледниковой террасы с абсолютными отметками тылового шва — около 60 м. Более 50 % поверхности этих террас заболочено. Вторая терраса сложена в основном суглинками мощностью более 3 м с линзами супесей и мелкозернистых песков, чередование которых придаёт профилю слоистость. Первая терраса сложена мелко- и среднезернистыми скрытослоистыми песками мощностью не более 5 м. В этой толще отдельными линзами мощностью до 0,2 м встречаются гумусированные суглинки и супеси.¹³

Озёра

Наибольшее количество озёр находится в Приобской правобережной северо-таёжной провинции ХМАО — Югры, между рр. Лямин и Тромъеган. Обилие озёр объясняется плоским рельефом, близким залеганием водоупорных горизонтов и широким распространением многолетней мерзлоты. Преобладают небольшие мелководные озёра с глубинами от 2 до 5 м.¹⁴

В Северо-Сосьвинской северо-таёжной провинции, в бассейнах рр. Ляпин, Войкар встречаются термокарстовые озёра малых размеров с глубинами 1–3 м.

На равнинной части обычны торфяные болотные озёра, разбросанные среди открытых верховых болот. Они развились в результате неравномерно нарастающей торфяной залежи и процессов деградации поверхности торфяников.

Почти повсеместно, в поймах больших и малых рек, образуются пойменные озёра в результате эрозионно-аккумулятивной деятельности рек или заполнения талыми водами рек пониженных участков поймы. Среди них встречаются озёра-старицы и озёра-соры (туманы). Соры распространены в устьевых частях рек.¹⁵

Подземные воды на территории ХМАО относятся к Западно-Сибирскому артезианскому бассейну.¹⁶ По своему составу они пресные, с минерализацией 0,1–0,5 г/л, преимущественно гидрокарбонатные, редко магниевые.¹⁷ Небольшая часть подземных вод даёт питание рекам, большую часть их составляют глубинные, которые практически не принимают участия в активном водообмене. Для экологических процессов важную роль играют поверхностные почвенно-грунтовые воды.

Многолетняя мерзлота

Многолетнемёрзлые грунты распространены севернее 62° с. ш. В горных районах Приполярного Урала многолетняя мерзлота встречается отдельными очагами. Глубина сезонного протаивания грунтов уменьшается с юга на север. В северной подзоне мощность сезонно-талого слоя может достигать 2 м.¹⁸ Глубина протаивания на севере подзоны 2,5–3 м на суглинистых породах, 0,5–0,6 м — на торфах. В ландшафте мёрзлые грунты индицируются заторфованными плоскими участками, а также буграми и грядами.

¹³ Кеммерих А. О. и др. Воды // Западная Сибирь. М., 1963. С. 100–154.

¹⁴ Там же. С. 134–135.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Экология Ханты-Мансийского... С. 20.

¹⁷ Кеммерих А. О. и др. Указ. соч. С. 100–154.

¹⁸ Рихтер Г. Д. Указ. соч. С. 22–69.

Южнее 62-й параллели вечная мерзлота имеет островное распространение. Мощность сезонно-мёрзлого слоя на талых участках 3–3,5 м. Зональность в распределении глубин сезонного промерзания и протаивания характерна для минеральных грунтов. Торфяные участки в этом смысле азональны. Южнее широтного течения р. Обь, преимущественно в торфяниках, развит средне- и позднеголоценовый термокарст. Просадочные формы рельефа здесь представлены реликтовыми образованиями: озёрными котловинами и обширными заболоченными депрессиями.

В долинах малых рек встречаются незначительные площади выпукло-бугристых торфяников, образовавшихся из грядово-мочажинных болот.

Мерзлотные процессы отличаются неустойчивым динамическим равновесием, и при нарушении целостности растительного покрова и почвогрунтов разнонаправленные мерзлотные процессы усиливаются. Скорость развития криогенных геологических процессов значительно возрастает под влиянием антропогенного воздействия.¹⁹

Почвы

В пределах таёжной зоны распространены подзолистые и болотные почвы. Процессы заболачивания выражены в большей степени в северной тайге, к югу нарастает процесс подзолообразования. В пределах ХМАО — Югры можно выделить северо-таёжную подзону глеево-подзолистых почв, среднетаёжную подзону подзолистых почв. В подзоне глеево-подзолистых почв 30% приходится на болотные, 26% — на подзолисто-болотные почвы. Среднетаёжные подзолистые почвы занимают около 38 млн га, по степени заболоченности не уступают северной подзоне, болотные и подзолисто-болотные почвы составляют почти 50% всей площади.

Северо-таёжная подзона глеево-подзолистых почв формируется в суровых климатических условиях при наличии вечной мерзлоты. Под тёмнохвойными елово-кедровыми лесами с моховым покровом развивается торфяная прослойка и даже в условиях плакорного залегания наблюдается поверхностное оглеение. Проявление подзолистого процесса ослаблено и захватывает небольшой по мощности слой.

Глеево-подзолистые почвы занимают наиболее дренированные территории. У них сравнительно мощный профиль (до 100–150 см), гумусовый горизонт около 10 см, часто увлажнён и поверхностно оглеен, подзолистый горизонт слабо выражен.

В подзолисто-болотных почвах развит торфянистый горизонт, весь профиль сильно оглеен; гумусовый горизонт имеет большую мощность, чем в глеево-подзолистых почвах. Все процессы превращения и передвижения веществ по профилю происходят в условиях длительного анаэробно-биоза.

В среднетаёжной подзоне заболоченные территории занимают около 60–70% площади. Почвенный покров подзоны складывается из подзолистых почв на более дренируемых участках; подзолисто-болотных, занимающих водораздельные пространства и торфяные почвы верховых болот.

---

¹⁹ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение. Тула, 2001. С. 33–50.

Подзолистые почвы характеризуются незначительной мощностью гумусового горизонта (3–10 см), хорошо выраженными элювиальным и иллювиальным горизонтами. Общая мощность почвенного профиля около 120–150 см. Встречаются глубоко оподзоленные почвы с кислой или сильнокислой реакцией, незначительным содержанием гумуса (1,5–3%).

В профиле подзолисто-болотных почв хорошо выражены подзолистый и перегнойно-иллювиальный горизонты. Болотный процесс проявляется в грязно-сизоватых оттенках профиля, в наличии значительного количества ржавых пятен и ортштейнов, большой подвижности гумусовых веществ.²⁰

В Северо-Сосьвинской северо-таёжной провинции (на Приполярном Урале) распространены глеево-подзолистые почвы, выражены вертикальные пояса горно-тундровых и горно-лесных почв. На нижних частях склонов, под пихтово-еловыми и лиственничными лесами, распространены глеево-подзолистые почвы. В их профиле чётко выделяются торфянистый, глеево-подзолистый и иллювиальный горизонты. Местами глеево-подзолистые почвы поднимаются высоко в горы (влияние климатических инверсий) и проникают далеко в глубь хребтов по склонам речных долин. Под редкостойными елово-пихтовыми лесами, у верхней границы, распространены дёрновые горно-лесные почвы полосой не более 100 м. Для профиля горно-лесных почв характерны коричнево-бурая окраска и заметные переходы между горизонтами часто со слабыми признаками оподзоленности. Почвы содержат значительное количество гумуса во всех горизонтах, имеют кислую реакцию.

В высокогорье дерновые горно-лесные сменяются горно-тундровыми оторфованными почвами. Значительные площади заняты полигональными и пятнистыми тундрами. Небольшими пятнами между полосой редкостойного леса и горной тундрой встречаются горно-луговые почвы. В речных долинах почвы часто заболочены.²¹

Аллювиальные почвы. Площадь пойменных угодий на территории ХМАО — Югры составляет 750 тыс. га, они занимают низкие уровни речных долин. Аллювиальные и почвеннообразовательные процессы развиваются одновременно. На террасах, по мере повышения их уровня, начинает преобладать почвообразование с подзональными особенностями. По характеру и степени увлажнения почвенно-грунтовыми и паводковыми водами все пойменные почвы делятся на две группы: пойменные луговые и пойменные болотные. Болотные пойменные почвы развиты в депрессиях пойм, полугидроморфные — под пологом леса. Морфологически пойменные почвы характеризуются органогенными горизонтами незначительной мощности, которые сменяются серией слоёв аллювия, отличающихся по литологическому составу. Пойменные луговые почвы имеют кислую реакцию почвенных растворов (3,5–4 рН). Содержание гумуса довольно высокое (до 3–8%) в дёрновом горизонте и до 0,4–2% — в нижележащих слоях. Пойменные почвы характеризуются высоким потенциальным плодородием.

Растительность

Согласно геоботаническому районированию таёжной области А. П. Шенникова и Я. Я. Васильева,²² лесная часть Западной Сибири относится к Урало-Алтайской провинции, простирающейся от Русской платформы до Енисея и Западного Саяна.

²⁰ Герасимов И. П., Розов Н. Н., Ромашкевич А. И. Почвы // Западная Сибирь. М., 1963. С. 158–194.

²¹ Там же. С. 158–194.

²² Геоботаническое районирование СССР: сб. ст. / сост. Я. Я. Васильев и др. М.-Л., 1947. 152 с.

Северо-тайжная подзона характеризуется преобладанием тёмнохвойных лесов из сибирских видов: ели сибирской (*Picea obovata* Ledeb.), пихты сибирской (*Abies sibirica* Ledeb.), начиная с Урала — сосны сибирской (*Pinus sibirica* Du Tour). Несколько меньшую площадь занимают хвоепадные лиственничные леса из лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ledeb.) и лиственницы Сукачёва (*Larix sukaczewi* Ledeb.). На песках произрастают леса из сосны обыкновенной.²³ Местами леса переходят в редколесья, чаще со сфагновым покровом, и представляют собой переходные формации к болотам. В северной части распространены лиственничные и тёмнохвойно-берёзово-лиственничные леса с мохово-лишайниковым и кустарничковым покровом. Лиственничники в северной тайге занимают более сухие грунты, чем тёмнохвойные леса, а также местоположения с более суровым климатом. Тёмнохвойные леса встречаются почти всегда лентами по долинам рек, где находят условия дренажа; на водоразделах приурочены к холмистым возвышенным участкам. Плоские территории преимущественно заняты болотами. Формирование лесов на вырубках и гарях начинается с берёз, тёмнохвойные на ранних фазах находятся под пологом берёз, затем, подрастая, заглушают их, оттесняя во второй ярус. Зелёные мхи в некоторых ассоциациях тёмнохвойной тайги, особенно на севере, образуют сплошной покров. Разрастание мохового покрова способствует заболачиванию. Сосновые леса приурочены к песчаным наносам древних аллювиальных равнин и к песчаным террасам речных долин (рис. 4). Встречается сосна и на сфагновых болотах, образуя особые ассоциации сфагновых сосняков на заболоченных почвах. В долинах рек встречаются луга. Для прирусловых частей пойм характерны заросли ветлы и кустарниковых ив.²⁴

Тёмнохвойная тайга — устойчивая, смешанная лесная формация, в составе которой можно встретить почти все лесообразователи тайги. Западная Сибирь — центр ареала сибирского кедра, который распространён повсеместно. Его естественное возобновление на гарях и вырубках проходит успешно.²⁵ Кроме кедра эдификаторами лесных формаций в сибирской тёмнохвойной тайге являются ель и пихта.

В среднетаёжной подзоне преобладают елово-пихтово-кедровые леса, значительную роль играют осиново-берёзовые леса, по-видимому, производные на месте гарей и вырубок; сибирская лиственница произрастает только в примеси, добавляется пихта сибирская. Меньше распространены смешанные тёмнохвойно-осиново-берёзовые леса. Тёмнохвойные леса произрастают большими массивами в центральной части между Иртышом и Обью. Западнее р. Иртыш преобладают сосняки, а также сфагновые и сфагново-гипновые болота. В западной части подзоны приуроченность тёмнохвойных лесов к речным системам особенно выражена, на плоских водоразделах господствуют болота, а на сухих гривах — сосновые боры.

В восточной части тёмнохвойные леса в долинах рек занимают более широкие полосы и чаще встречаются на водоразделах. В настоящее время большие площади коренных лесов сведены, их место занимают производные березняки, а на сухих гривах место кедровых лесов заняли сосняки.

---

²³ Ревердатто В. В., Куминова А. В., Соболев Л. Н. Растительность // Западная Сибирь. М., 1963. С. 195–229.

²⁴ Там же.

²⁵ Смолоногов Е. П., Вегерин А. М. Комплексное районирование лесов Тюменской области (Методические рекомендации). Свердловск, 1980. С. 87.

Рис. 4. Сосняк брусничниковый в верховьях р. Большая Умытъя. Фото В. О. Гнатива

Наиболее типичными для подзоны являются тёмнохвойные леса зелёномошной группы, которые сочетаются с долгомошными и сфагновыми, занимающими заболоченные участки. Флористический состав зелёных мхов, трав и кустарников практически не отличается от северо-таёжных лесов.

В более сырых местообитаниях преобладает ель с примесью кедра. Участие берёзы и сосны зависит от сомкнутости древостоя и степени антропогенного влияния (рубки, гари). Усиление процессов заболачивания приводит к смене тёмнохвойного леса сосновым.

Высотная поясность восточного склона Приполярного Урала. В нижнем поясе горных тёмнохвойных лесов наиболее часто встречаются зелёномошные еловые леса. В более влажных местах: в межгорных котловинах, на террасах рек развиваются еловые леса с покровом сфагновых мхов, кукушкина льна, шаровидной осоки. В долинах крупных рек произрастают елово-лиственничные леса с вейником. В горных тёмнохвойных лесах, на крутых склонах с маломощными и щебнистыми почвами чаще доминирует кедр. На пологих подветренных склонах, на более богатых минералами почвах произрастает ель с примесью пихты. Выше тёмнохвойного пояса лежит полоса лиственничных горных лесов (рис. 5). На склонах гор, на сравнительно богатых элювиальных почвах растут лиственничники с разнообразным травяным покровом, в котором преобладают злаки и разнотравье. На бедных щебнистых почвах — лиственничные леса с мохово-лишайниковым покровом и кустарничковым ярусом из вероники, толокнянки, брусники. По берегам горных речек лиственничники отличаются ярусом из карликовой берёзки, ив.

Рис. 5. Лиственничные горные леса, Приполярный Урал. Фото Ю. М. Алесенкова

Выше простирается пояс кустарниковых зарослей и горных тундр (500–600 м), которые занимают отдельные участки, разделённые каменистыми россыпями.

Выравненные вершинные поверхности, террасированные части склонов заняты различными горными тундрами.²⁶

Болота

Заторфованность Западной Сибири велика, составляет около 11,5%. На территории ХМАО—Югры выделяется одна болотная зона выпуклых грядово-мочажинных болот. Торфяники занимают почти сплошь водоразделы как первого, так и второго порядка. Эти выпуклые торфяники можно назвать сфагновыми, т. к. многометровая толща их сложена, в основном, малоразложившимся сфагновым торфом с небольшой примесью других торфообразователей.²⁷

На Приполярном Урале болота занимают депрессии среди ледниковых и флювиогляциальных отложений. На относительно больших высотах встречаются горные торфяники, безлесные с преобладанием мхов и кустарничков.²⁸

Заболоченность Обской торфяно-болотной области (Северо-Сосьвинская провинция) доходит до 80%. Болота образуют сложные системы, покрывают плоские междуречья и высокие речные террасы. Господствуют верховые неглубокие выпуклые, сильно обводнённые сфагновые болота с грядово-озёрными комплексами. Низинные болота располагаются на первых надпойменных террасах крупных рек.²⁹

²⁶ Куницын Л. Ф. Урал // Западная Сибирь. М., 1963. С. 405–416.

²⁷ Кац Н. Я., Нейштадт М. И. Болота // Западная Сибирь. М., 1963. С. 230.

²⁸ Черняев А. М. и др. Вода России. Водно-ресурсный потенциал. Екатеринбург, 2000. С. 60.

²⁹ Там же. С. 61.

Рис. 6. Озеро-болото Самотлор. Фото И. Валеева

Кондинская торфяно-болотная область представляет собой обширную озёрно-аллювиальную равнину, где преобладают процессы аккумуляции и развиты слабо дренируемые болота. В бассейне р. Конда распространены верховые грядово-озерковые, грядово-озерково-мочажинные и грядово-мочажинные болота. Переходные торфяники расположены преимущественно на второй террасе р. Конда и её притоков. Среди болотных массивов встречается огромное количество озёр, часть из которых заторфована.

Среднеобская торфяно-болотная область большей частью состоит из верховых сфагновых болот (рис. 6).

Тым-Вахская торфяно-болотная область объединяет слабо дренируемые верховые сфагновые болота водоразделов и низких террас, где они приурочены к древним ложбинам стока. Переходные и низинные болота на низких террасах и поймах представлены топями.³⁰

Животный мир

В зоогеографическом отношении Западная Сибирь относится к Голарктической области. Между животным миром Европейской равнины и Западной Сибири нет резкой границы, элементы фауны на широкой полосе постепенно сменяют друг друга.³¹

Животный мир тайги объединяет 369 видов позвоночных, из них млекопитающих — 60 видов, 28 из которых считаются промысловыми.

Орнитофауна включает 256 видов, из них — 26 осёдлых, наиболее многочисленные отряды воробьинообразных, ржанкообразных, гусеобразных. В реках и озёрах водится 42 вида рыб, промысловыми являются 19.

³⁰ Черняев А. М. и др. Вода России. Водно-ресурсный потенциал. Екатеринбург, 2000. С. 61.

³¹ Формозов А. Н., Исаков Ю. А. Животный мир // Западная Сибирь. М., 1963. С. 249-259.

Глава 2

Динамика растительного покрова ХМАО — Югры в позднеледниковье — голоцене по палеоботаническим данным

Торфяно-болотные массивы содержат достаточно полные и мощные разрезы осадконакопления эпохи голоцена, позволяя с большей степенью надёжности использовать радиоуглеродный, палинологический и иные методы в палеогеографических реконструкциях. Торфяники — ценный источник информации для реконструкций природных условий, среды обитания человека в древности. Следы хозяйственной деятельности: домашняя утварь, предметы быта, попав в торфяную залежь, консервируются в условиях кислой среды и без доступа воздуха. Торфяные массивы вблизи археологических поселений являются объектами комплексных исследований. На территории ХМАО — Югры исследовано большое количество береговых археологических памятников. Заторфованные участки этих поселений с реконструкцией природных условий времени их функционирования начали изучаться в начале 2000-х гг.

Объекты и методы исследования

Классическими объектами палеопалинологических исследований являются торфяники. Консервационные свойства торфа (кислая среда без доступа кислорода) позволяют органике, не разрушаясь, сохраняться тысячелетиями. Другим важным фактором в большинстве случаев можно считать не нарушенную стратиграфию отложений и посезонное, слой за слоем, осадконакопление. Вместе с растительными остатками происходит захоронение пыльцевого дождя (совокупности пыльцы и спор, оседающих на поверхности болота). Спорово-пыльцевой метод считается достаточно информативным в палеоэкологических исследованиях, он позволяет восстанавливать состав растительных палеосообществ как локальных (болотных или озёрных), так и окружающей торфяники региональной растительности.

Анализируемые торфяные разрезы — объекты палеорекострукции показаны на карте-схеме (рис. 1) и в табл. 1. Разрезами (общее название для отбора серии образцов) могли быть керны, пробуренные торфяным буром; стенки разрезов и шурфов; торфяные обнажения,

Рис. 7. Торфяной пробоотборник бура марки Eijkelkamp Peat Sample с отобранным сегментом керна. Фото Т. Г. Антипиной

Рис. 8. Береговое торфяное обнажение на р. Лозьва, разрез Хорпия. Фото Т. Г. Антипиной

вскрытые реками. Палеоботаническая характеристика представлена по 16 разрезам, материалы семи из них были опубликованы ранее разными исследователями³²; девять разрезов — материалы авторских исследований.³³

³² См.: Бахарева В. А. Палинологическая характеристика верхнечетвертичных и голоценовых отложений в районе пос. Першино на Иртыше // Палиностратиграфия мезозоя и кайнозоя Сибири. Новосибирск, 1985. С. 115–120; Архипов С. А., Левина Т. П., Паньчев В. А. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников из долины Средней и нижней Оби // Палеопалинология Сибири. М., 1980. С. 123–127; Нейштадт М. И. Голоценовые процессы в Западной Сибири и возникающие в связи с этим проблемы // Изучение и освоение природной среды. М., 1976. С. 90–99; Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 15–17; Глебов Ф. З., Карпенко Л. В., Климанов В. А., Миндеева Т. Н. Палеоэкологический анализ торфяного разреза «Назино» (среднетаёжная подзона Западной Сибири) // Сибирский экологический журнал. Т. 8, № 6. 2001. С. 583–688; Глебов Ф. З. Толейко Л. С., Стариков Э. В., Жидовленко В. А. Палинологическая характеристика и датировка по ¹⁴С торфяника в Александровском районе Томской области (среднетаёжная зона) // Типы болот СССР и принципы их классификации. Л., 1974. С. 194–199; Amon L., et al. Postglacial flooding and vegetation history on the Ob River terrace, central Western Siberia based on the palaeoecological record from Lake Svetlenkoye // The Holocene. 2020. Vol. 30, № 5. p. 618–631.

³³ См.: Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий на восточном склоне Приполярного Урала // Экология. 2016. № 4. С. 251–258; Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии: опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М., 1977. 200 с.; Антипина Т. Г., Панова Н. К., Корона О. М. Голоценовая динамика растительности и природных условий на Восточном склоне Северного Урала // Экология. 2014. № 5. С. 353–361; Антипина Т. Г., Панова Н. К. Ботаническая и палинологическая характеристика торфяника вблизи поселения Большая Умытъя 69 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. 2009. Вып. 7. С. 190–197.

Таблица 1

**Объекты палеоэкологической реконструкции — торфяные разрезы
на территории ХМАО — Югры и сопредельных территориях**

№ п/п	Название разреза	Местоположение разреза	Источник
Кондинская левобережная среднетаежная провинция			
1	Мулымья скважина	Пойма р. Мулымья, 60° 12' с. ш.; 64° 32' в. д.	Не опубликовано
2	Большая Умытъя 74, шурф	Пойма р. Большая Умытъя, поселение Большая Умытъя 74	Не опубликовано
3	Большая Умытъя 69, скважина	Пойма р. Большая Умытъя, 60°55' с. ш.; 64°02' в. д., поселение Большая Умытъя 69	Антипина Т. Г., Панова Н. К., 2009. С. 192–193.
4	Большая Умытъя 9, шурф	Пойма р. Большая Умытъя, поселение Большая Умытъя 9	Не опубликовано
5	Арантур, скважина	Южный заболоченный берег озера Арантур, 60°53.937' с. ш.; 63°35.305' в. д.; 49 м над ур. м.	Не опубликовано
Приобская левобережная среднетаежная подзона			
6	Першино, береговое обнажение	Р. Иртыш, в р-не пос. Большое Першино, 56°42' с. ш.; 66°79' в. д.	Бахарева В. А., 1985. С. 55–68.
7	Ентарное, береговое обнажение	Ентарный — правый приток р. Оби, д. Верхне-Вартовское	Архипов С. А., Левина Т. П., Паньчев В. А., 1980. С. 123–127.
8	Светленькое, керн	Вблизи г. Ханты-Мансийска 60°55' с. ш.; 68°30' в. д.; 32 м над ур. м.	Amon L. et. al., 2020. P. 618–631.
Приобская правобережная северотаежная подзона			
9	Назино, береговое обнажение	С. Назино (Томская обл.), 60°11' с. ш.; 79°0' в. д.	Глебов Ф. З. и др., 2001. С. 583–688.
10	Лукашкин Яр, береговое обнажение	II правобережная терраса Оби, с. Лукашкин Яр	Глебов Ф. З. и др., 1974. С. 194–199.
11	Сытомино, шурф	На правобережной террасе Оби, к западу от г. Сургута	Лисс О. Л. и др., 2001. С. 15–16.
12	Салымо-Юганское, шурф	Центральная часть Обь-Иртышского междуречья	Там же.
Северо-Сосьвинская северотаежная провинция. Приполярный Урал			
13	Хорпия, береговое обнажение	Береговое обнажение на р. Лозьва, 61° 02' с. ш., 60° 03' в. д.; 120 м над ур. м.	Антипина Т. Г., Панова Н. К., Корона О. М., 2014. С. 353–361.
14	Кулемья, береговое обнажение	Р. Кулемья, левый приток р. Ляпин 64° 13' с. ш.; 61° 04' в. д., 33 м над ур. м.	Антипина Т. Г., Панова Н. К., 2016. С. 1–9.
15	Маньинский Хартым, береговое обнажение	Р. Манья 64° 23' с. ш.; 60° 54' в. д., 112 м над ур. м.	Там же.
16	Сартынья, скважина	Р. Северная Сосьва, II терраса, в 90 км от г. Берёзово	Хотинский Н. А., 1977. С. 83–85.

Отбор образцов торфяных отложений производился бурением скважин ручными торфяными бурами ТБГ-66, буром производства Голландии, марки Eijkelkamp Peat Sample (рис. 7) и др. В раскопах и шурфах, береговых обнажениях (рис. 8) зачищались стенки. Образцы от-

бирались сплошной колонкой, ширина шага от 12–15 см; в исследованиях 2006–2020 гг. 2–5 см, в большинстве разрезов отбор производился до минерального грунта.

Для подтверждения возраста отложений, уточнения хронологии слоёв отбирались образцы для радиоуглеродного датирования. Результаты датирования по материалам публикаций и авторских исследований унифицированы и приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты радиоуглеродного датирования образцов органических отложений в разрезах ХМАО — Югры

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), л. н. э. (cal AD) ³⁴ ±1σ, ±2σ	Материал	Глубина, см	Источник
Кондинская левобережная среднетаежная провинция						
Арантур						
1	830±70	COAH-8933	1040–1284 AD ±2	Торф	73–60	Публикуется впервые
2	2495±40	COAH-8932	768–546 BC 780–424 BC	Торф	100–85	Публикуется впервые
3	5380±90	COAH-8931	4334–4061 BC 4435–3987 BC	Торф	194–185	Публикуется впервые
Большая Умытья 69						
4	3170±75	COAH-7634	1516–1311 BC 1615–1261 BC	Торф	250–238	Антипина Т. Г., Панова Н. К., 2009. С. 192–193.
5	9580±95	COAH-7635	9150–8814 BC 9245–8655 BC	Сапропель	505–490	Там же.
Большая Умытья 74						
6	50±25	SPb-451	1705–1908 AD 1695–1917 AD	Торф	30–20	Публикуется впервые
7	560±50	SPb-452	1321–1424 AD 1300–1400 AD	Торф	118–108	Публикуется впервые
8	3495±85	SPb-453	1936–1692 BC 2114–1547 BC	Торф	130–120	Публикуется впервые
9	6460±70	SPb-454	5480–5336 BC 5604–5230 BC	Торф	242–232	Публикуется впервые
Большая Умытья 9						
10	635±70	COAH-7631	1292–1396 AD 1269–1425 AD	Торф	30–20	Публикуется впервые
11	1315±70	COAH-7632	650–774 AD 605–881 AD	Торф	60–50	Публикуется впервые
12	6200±95	COAH-7633	5300–5032 BC 5366–4856 BC	Торф	90–80	Публикуется впервые

³⁴ Калибровка дат проведена в программе OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al (2020).

Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ С даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), л. н. э. (cal AD) ³⁴ ±1σ, ±2σ	Материал	Глубина, см	Источник
Мулымья						
13	2825±30	Poz-145029	1011–929 BC 1107–901 BC	Торф	70–65	Публикуется впервые
14	3945±35	Poz-144570	2560–2349 BC 2570–2303 BC	Торф	170–167	Публикуется впервые
15	4580±35	Poz-144471	3490–3140 BC 3499–3104 BC	Торф	218–215	Публикуется впервые
16	4945±35	Poz-145030	3764–3653 BC 3789–3645 BC	Торф	253–250	Публикуется впервые
17	5950±40	Poz-145031	4899–4734 BC 4936–4723 BC	Торф	263–260	Публикуется впервые
18	7300±40	Poz-144473	6221–6087 BC 6232–6072 BC	Торф	315–312	Публикуется впервые
19	8260±70	Poz-144571	7455–7179 BC 7483–7077 BC	Торф	381–378	Публикуется впервые
20	8640±50	Poz-144474	7712–7590 BC 7788–7580 BC	Торф	450–448	Публикуется впервые
21	9250±50	Poz-144475	8555–8351 BC 8616–8307 BC	Торф	488–485	Публикуется впервые
Приобское левобережье (среднетаежная подзона)						
Першино						
22	900±55	СОАН-386	1047–1217 AD 1029–1256 AD	Торф	5–0	Бахарева В. А., 1985. С. 115–120.
23	9000±100	СОАН-395	8297–7966 BC 8458–7816 BC	Торф	220–200	Там же.
Ентарное³⁵						
24	1119±30	СОАН-1185	893–978 AD 774–995 AD	Торф	15–5	Архипов С. А., Левина Т. П., Панычев В. А., 1980. С. 123–127.
25	2270±45	СОАН-1184	396–213 BC 404–201 BC	Торф	118–113	Там же.
26	2400±30	СОАН-1183	515–405 BC 733–397 BC	Торф	170–165	Там же.
27	6860±50	СОАН-1182	5796–5670 BC 5876–5640 BC	Супесь	330–325	Там же.
28	9920±120	СОАН-1181	9663–9270 BC 9881–9164 BC	Торф	470–460	Там же.

³⁵ Глубина отбора образцов реконструирована по описанию стратиграфии.

Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ С даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), л. н. э. (cal AD) ³⁴ ±1σ, ±2σ	Материал	Глубина, см	Источник
Светленькое						
29	1845±30	Poz-665440	132–239 AD 121–311 AD	Сапрпель	50	Amon L. et. al., 2020. P. 618–631.
30	3840±30	Poz-665441	2396–2206 BC 2455–2201 BC	Сапрпель	100	Там же.
31	5590±35	Poz-665442	4450–4364 BC 4494–4350 BC	Сапрпель	150	Там же.
32	5970±40	Poz-62573	4928–4794 BC 4983–4726 BC	Сапрпель	190	Там же.
33	6160±40	Poz-66543	5208–5045 BC 5216–4994 BC	Сапрпель	190	Там же.
34	7040±40	Poz-66544	5984–5888 BC 6015–5833 BC	Сапрпель	250	Там же.
35	9250±50	Poz-62572	8555–8351 BC 8616–8307 BC	Сапрпель	306	Там же.
Назино³⁶						
36	1280±30	1	677–771 AD 662–821 AD	Торф	50–60	Глебов Ф. З. и др., 2001. С. 583–688.
37	1435±35	2	603–646 AD 574–657 AD	Торф	80–70	Там же.
38	1660±40	3	263–527 AD 258–537 AD	Торф	100–90	Там же.
39	1940±40	4	20–152 AD 34 BC–208 AD	Торф	120–110	Там же.
40	2400±50	5	717–401 BC 752–391 BC	Торф	140–130	Там же.
41	3060±60	6	1407–1236 BC 1445–1126 BC	Торф	160–150	Там же.
42	3480±65	7	1890–1693 BC 2008–1620 BC	Торф	180–170	Там же.
43	4130±70	8	2868–2585 BC 2888–2495 BC	Торф	200–190	Там же.
44	5860±80	9	4834–4612 BC 4937–4537 BC	Торф	220–210	Там же.
45	6490±85	10	5530–5365 BC 5620–5231 BC	Торф	240–230	Там же.
46	6830±90	11	5796–5632 BC 5969–5564 BC	Торф	260–250	Там же.
47	7095±100	12	6065–5848 BC 6216–5742 BC	Торф	280–270	Там же.

³⁶ Индексы дат в статье не приводятся. Глубина образцов для ¹⁴С датирования восстановлена по диаграмме в источнике.

Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ С даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), л. н. э. (cal AD) ³⁴ ±1σ, ±2σ	Материал	Глубина, см	Источник
48	7275±160	13	6357–5991 BC 6440–5841 BC	Торф	300–290	Там же.
49	8020±120	14	7073–6698 BC 7326–6606 BC	Торф	320–310	Там же.
50	8295±200	15	7531–7076 BC 7725–6696 BC	Торф	340–330	Там же.
51	8525±120	16	7724–7380 BC 7948–7194 BC	Суглинок	360–350	Там же.
Лукашкин Яр³⁷						
52	2540±55	Крил-103	794–551 BC 809–481 BC	Торф	50–25	Глебов Ф. З. и др., 1974. С. 194–199.
53	3010±65	Крил-101	1383–1128 BC 1415–1053 BC	Торф	80–75	Там же.
54	4030±70	Крил-100	2836–2466 BC 2868–2348 BC	Торф	100–80	Там же.
55	4780±70	Крил-99	3641–3386 BC 3700–3372 BC	Торф	120–100	Там же.
56	5610±75	Индекс отсутствует	4501–4356 BC 4657–4331 BC	Древесина	140–120	Там же.
57	7110±80	Индекс отсутствует	6064–5901 BC 6215–5791 BC	Древесина	170–160	Там же.
58	7510±90	Крил-96	6440–6252 BC 6570–6092 BC	Древесина	200–170	Там же.
59	7790±90	Крил-94	6740–6476 BC 7031–6449 BC	Древесина	225–200	Там же.
60	8330±95	Крил-92	7521–7194 BC 7577–7083 BC	Древесина	270–250	Там же.
61	8470±120	Крил-91	7599–7350 BC 7773–7086 BC	Древесина	290–270	Там же.
62	8700±120	Индекс отсутствует	7942–7593 BC 8205–7544 BC	Древесина	300–290	Там же.
63	9200±100	Крил-88	8544–8299 BC 8701–8247 BC	Древесина	345–325	Там же.
Салымо-Юганское						
64	8140±80	ТА-933	7371–6907 BC±2σ	Торф	500–495	Лисс О. Л. и др., 2001. С. 152.
65	8900±90	ТА-934	8280–7747 BC±2σ	Сапрпель	600–595	Там же.
Северо-Сосьвинская северотаежная провинция. Приполярный Урал						
Кулемья						
66	5920±60	ГИН-13873	4881–4718 BC 4986–4617 BC	Торф	31–20	Антипина Т. Г., Панова Н. К., 2016. С. 251–258.

³⁷ В публикации нет ссылки на номер и индекс образца.

Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), л. н. э. (cal AD) ³⁴ ±1σ, ±2σ	Материал	Глубина, см	Источник
67	9010±80	ГИН-13874	8298–8011 BC 8427–7874 BC	Торф	152–142	Там же.
Маньинский Хартым						
68	2420±50	СОАН-7090	731–407 BC 755–398 BC	Торф	28–18	Антипина Т. Г., Панова Н. К., 2016. С. 251–258.
69	3160±55	СОАН-8926	1500–1326 BC 1532–1285 BC	Торф	142–127	Там же.
70	3640±85	СОАН-7091	2136–1897 BC 2283–1751 BC	Торф	190–180	Там же.
71	4425±70	СОАН-8928	3320–2926 BC 3339–2912 BC	Торф	236–229	Там же.
72	5690±95	СОАН-7092	4676–4409 BC 4773–4347 BC	Торф	285–275	Там же.
Северо-Сосьвинская северотаежная провинция. Северный Урал						
Хорпия						
75	2010±50	ЛУ-6431	51 BC-76 AD 154 BC-124 AD	Торф	105–100	Антипина Т. Г. и др., 2014. С. 353–361.
76	3560±110	ЛУ-6430	2112–1745 BC 2268–1616 BC	Торф	172–163	Там же.
77	4520±70	ЛУ-6428	3358–3103 BC 3494–2935 BC	Торфяно-минеральные отложения	250–240	Там же.

Палеоботанические исследования разрезов Кулемья, Маньинский Хартым, Хорпия, Мулы-мья, Большая Умытъя 74, 69, 9; Арантур выполнены в лаборатории Популяционной биологии древесных растений и динамики леса Ботанического сада УрО РАН по стандартным методикам.³⁸ Определение растительных остатков проводилось в глицериновых препаратах под микроскопом AXIO Scope A1 (ZEISS). Пыльца и споры подсчитывались обычно до 500 зёрен древесных, процентное содержание каждого выявленного таксона по отношению к сумме пыльцы деревьев и кустарников принималось за 100%. По результатам анализа строилась диаграмма с использованием компьютерной программы TILIA и TILIA-GRAPH.³⁹ Интерпретация результатов проводилась по принципу актуализма, на основе выделения регионального, локального и сублокального компонентов спорово-пыльцевых спектров. Объекты спорово-пыльцевого анализа представлены на рис. 9.

³⁸ См.: Домбровская А. В., Коренева М. М., Тюремнов С. Н. Атлас растительных остатков, встречаемых в торфе. М., 1959. 228 с.; Пыльцевой анализ / сост. А. Н. Гладкова и др. М., 1950. 572 с.; Гричук В. П., Заклинская Е. Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., 1948. 224 с.

³⁹ См.: Grimm E. C. TILIA and TILIA. GRAPH: PC spreadsheet and graphics software for pollen data // INQUA Commission for the Study of the Holocene. Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter 4: July 1990. P. 5–7; Idem. TILIA and TILIA. GRAPH: PC spreadsheet and graphics program // 8th International palynological congress. Program and abstracts // Aix-en-Provence, 1992. P. 56.

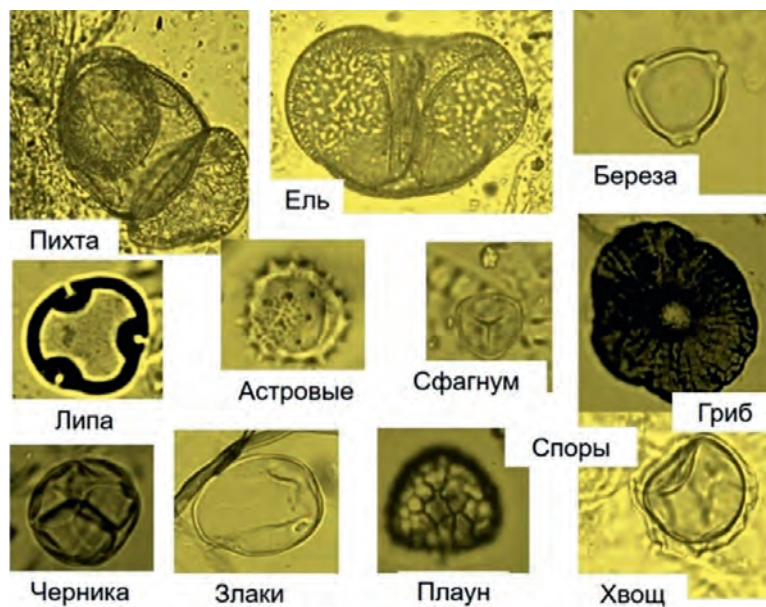

Рис. 9. Объекты спорово-пыльцевого анализа. Фото Т. Г. Антипиной

В тексте приводится возраст в соответствии с результатами радиоуглеродного датирования (см. табл. 2). Даты откалиброваны калибровочной кривой IntCal20 и приводятся в гг. до н. э. (cal BC), гг. н. э. (cal AD). Для слоёв отложений, не имеющих датировки, возраст рассчитан на основе глубинно-возрастной модели Vchron (модель байесовской хронологии, реализованная в R среде).⁴⁰

⁴⁰ Blaauw M. Methods and code for 'classical' age-modelling of radiocarbon sequences // Quaternary geochronology. 2010. Vol. 5, № 5. P. 512–518.

Глава 3

Реконструкция палеоклиматических параметров по данным спорово-пыльцевого анализа

Реконструкцию палеоклиматических параметров (среднегодовых значений среднегодовых температур и сумм осадков) разрезов Приполярного, Северного Урала, а также Кондинского левобережья по данным спорово-пыльцевого анализа (СПА) выполнил А. Т. Галимов на базе Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург.

В основе исследования скорости изменений процессов в окружающей среде лежит фундаментальный физический закон — униформизм Д. Хаттона, заключающийся в том, что настоящее время является ключом к прошлому. Историю Земли можно понять по аналогии с процессами, происходящими сегодня. Использование метода аналогий является ключевым в палеоэкологии, которая реконструирует прошлое, анализируя данные, полученные из исторических архивов — кернов озёрных отложений, торфяных колонок и др. органогенных отложений. Косвенные данные спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют о реакции организмов на ту или иную эколого-климатическую обстановку прошлого, в которой они обитали. Интерпретация изменений этих косвенных показателей в значительной степени определяется нашими наблюдениями за аналогичными показателями в настоящее время в интересующих пространственных экологических градиентах, таких как среднегодовая температура, влажность, уровень снежного покрова, уровень болотных вод и др. Происходит замена пространственной информации, почерпнутой из наблюдений за современным миром, информацией о прошлом, полученной из исторических архивов; процесс, называемый в зарубежной литературе «*space-for-time substitution*» (англ.), что дословно переводится как «замещение пространством во времени».

Реконструкция климата является классической проблемой применения палинологического метода. Растительность не является универсальным метеорологическим инструментом, так как не все климатические параметры влияют на её развитие. Получать качественные характеристики климата (холоднее, теплее, более влажно, сухо) можно с помощью палинологических данных. Более сложной задачей является количественная оценка параметров климата.

Кратковременные изменения не всегда фиксируются при работе с природными архивами, и при большом палеогеографическом шаге мы можем наблюдать только долгопериодические изменения. Для прикладных целей — реконструкции условий обитания древнего человека, а также построения прогнозов климатических осцилляций в будущем — необходимо учитывать краткосрочные изменения.

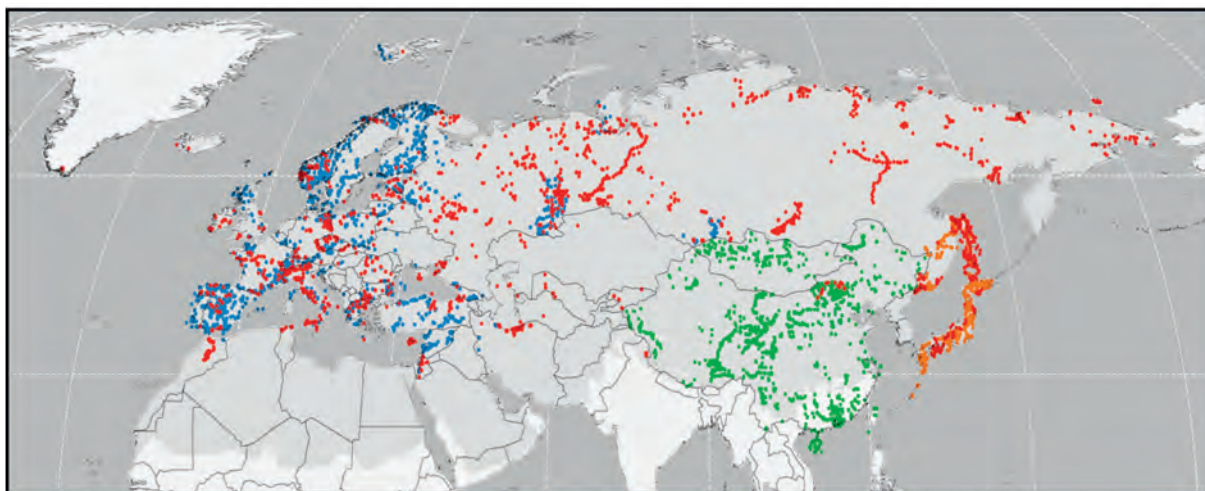

Рис. 10. Карта-схема поверхностных пыльцевых спектров, использованных в работе и опубликованных в EMPD 2.0. (по: Davis et al., 2020)

■ Палеарктика	● Европейская база данных поверхностных пыльцевых спектров 2 версии (EMPD2)
● Tarasov et al. (2011)	● Европейская база данных поверхностных пыльцевых спектров 1 версии (EMPD1)
● Herzschuh et al. (2019)	

Палинологические данные легли в основу реконструкции климатических параметров среднелетних значений температуры и влажности воздуха методом современных биоклиматических аналогов (МАТ).⁴¹

В основе МАТ лежит поиск соответствия ископаемого спектра современным спорово-пыльцевым спектрам, для каждого из которых приведены определённые значения метеорологических переменных (например, усреднённые за 30 лет). Для успешного применения метода необходимо базироваться на обширной базе данных современных субфоссильных палинологических спектров. В этой работе использовались данные из Eurasian Modern Pollen Database (EMPD), version 2⁴² (рис. 10).

В стандартном методе современных аналогов применяется евклидово расстояние для определения близости между каждым ископаемым спектром и каждым современным субфоссильным спектром, занесённым в базу данных. Возникает вопрос о том, как много современных аналогов можно применить для реконструкции? Выбор количества учитываемых аналогов является крайне важным, т. к. по мере увеличения их количества растёт и сложность модели МАТ. При небольшом количестве аналогов вероятно возникновение существенной ошибки или смещения.

Применение этих методов подразумевает, что все изменения в составе ископаемых спектров определяются климатическими причинами, в то время как на состав спорово-пыльце-

⁴¹ См.: Overpeck J. T., Webb T., Prentice I. C. Quantitative interpretation of fossil pollen spectra: dissimilarity coefficients and the method of modern analogs // *Quaternary Research*. 1985. Vol. 23, № 1. P. 87–108; Guiot J. Methodology of the last climatic cycle reconstruction in France from pollen data // *Paleogeography, Palaeoclimatology, Paleoecology*. 1990. Vol. 80, № 1. P. 49–69.

⁴² Davis B. A. S., et al. The Eurasian Modern Pollen Database (EMPD), version 2 // *Earth system science data*. 2020. Vol. 12, № 4. С. 2423–2445.

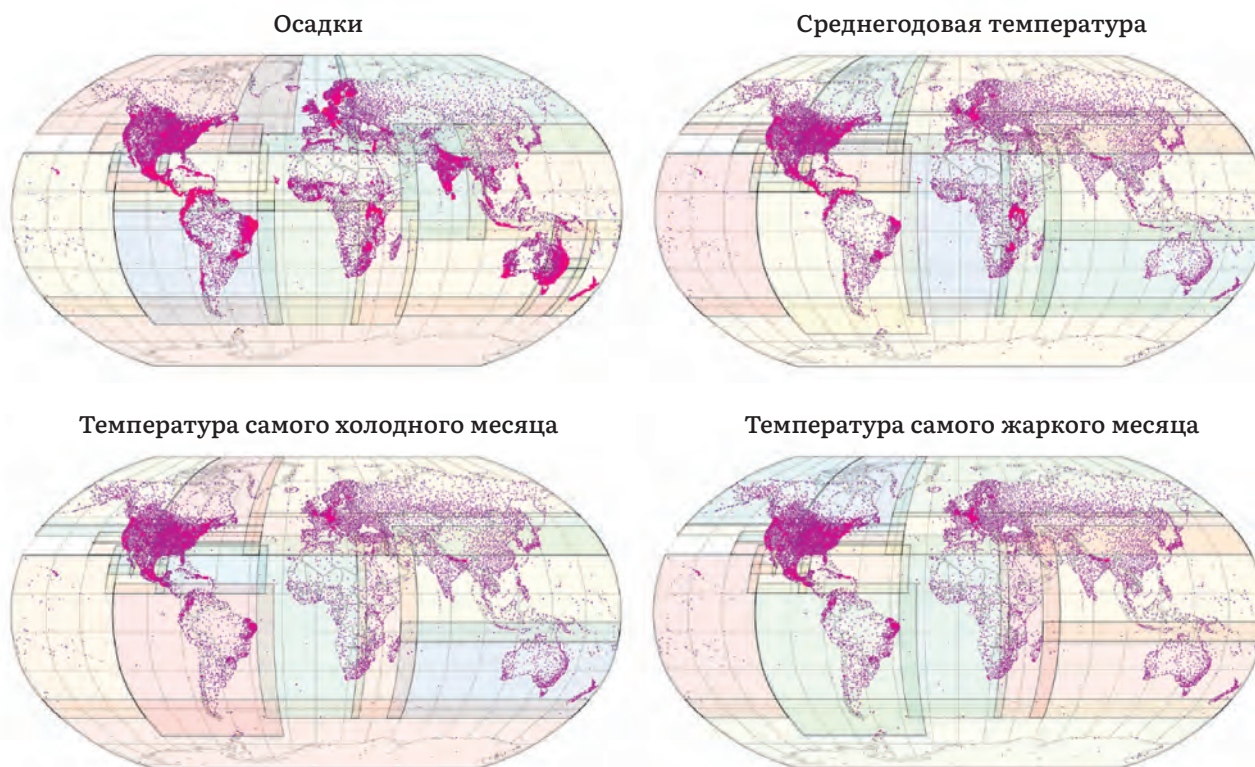

Рис. 11. Карта-схема расположения метеостанций, данные которых использованы при реконструкции палеоклимата (по: Davis et al., 2020)

вых спектров влияют изменения почвенно-эдафических условий, конкурентные взаимоотношения растений, сукцессионные смены сообществ и т. д. Другой возможной проблемой подобных реконструкций может стать отсутствие аналогов ископаемым палинологическим спектрам среди современных спектров.⁴³

Для реконструкции климата используются, в среднем, 5–10 современных спектров (с наименьшим геометрическим расстоянием), которые рассматриваются в качестве современных аналогов ископаемым спектрам, что возможно только для районов с обилием поверхностных пыльцевых спектров. Методы палеоклиматических реконструкций, основанные на сопоставлении современных и ископаемых спорово-пыльцевых спектров, имеют некоторые ограничения.

В реконструкции палеоклиматических характеристик голоцена севера Западной Сибири — среднегодовых температур и годового количества осадков — использовалось столько аналогов, сколько удавалось подобрать для точки — соответствующего спорово-пыльцевого разреза из специализированных массивов данных для климатических исследований WorldClim²⁴⁴ за период с 1970 по 2000 г. Расположение метеостанций приведено на рис. 11.

⁴³ Борисова О. К. Ландшафтно-климатические изменения в умеренных широтах Северного и Южного полушарий за последние 130 000 лет. М., 2008. 264 с.

⁴⁴ Fick S. E., Hijmans R. J. WorldClim 2: new 1-km spatial resolution climate surfaces for global land areas // International journal of climatology. 2017. Vol. 37, № 12. С. 4302–4315.

Климатические параметры (среднегодовые температуры, годовое количество осадков) рассчитаны по результатам спорово-пыльцевого анализа разрезов Арантур, Кулемья, Маньинский-Хартым, Мулымья, Большая Умытъя 6, 69, 74, исследованных Т. Г. Антипиной.⁴⁵ Материалы исследования торфяных отложений разрезов Большая Умытъя 9, 74, Арантур, Мулымья публикуются впервые.

Все расчёты производились в пакете программ «analogue»,⁴⁶ свободно распространяемом среде разработки R. Полученные результаты использовались для построения климатограмм, отражающих динамику среднегодовой температуры и среднего количества осадков за год в течение голоцена. На основе радиоуглеродных дат разрезов построены глубинно-возрастные модели.

Нумерация палинозон унифицирована, римскими цифрами обозначаются палинозоны: I — позднеледниковье, II — пребореальный, III — бореальный, IV — атлантический, V — суббореальный, VI — субатлантический периоды. В случаях, когда достаточно информации (отложения имеются), возможно, выделение подзон, которые обозначаются строчными буквами кириллицы а, б.

Изучение торфяников Кондинской низменности проводилось в рамках научно-исследовательской программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Палеоландшафт и модели хозяйственной адаптации древнего населения Зауралья и севера Западной Сибири (по материалам поселенческих и торфяниковых памятников)» (руководитель Н. М. Чаиркина), при финансовой и технической поддержке ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие». AMS-датирование проведено Евразийским отделом Германского археологического института (Eurasia-Department, German Archaeological Institute, Berlin, Germany).

---

⁴⁵ См.: Антипина Т. Г., Панова Н. К. Палинологическое исследование торфяников на Приполярном Урале // Палинология: стратиграфия и геоэкология. СПб., 2008. Т. 2. С. 49–55; Они же. Голоценовая динамика растительности и формирование болот на восточном склоне Приполярного и Полярного Урала // Торфяники Западной Сибири и цикл углерода: прошлое и настоящее. Томск, 2007; Они же. Ботаническая и палинологическая характеристика... С. 190–197; Они же. Динамика растительности и болотообразовательного процесса в верховьях реки Конды в голоцене // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Новосибирск, 2009. С. 41–43; Они же. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258; Антипина Т. Г., Панова Н. К., Корона О. М. Указ. соч. С. 353–361.

⁴⁶ См.: Simpson G. L. Analogue Methods in Paleocology: Using the analogue Package // Journal of Statistical Software. 2007. Vol. 22, № 2. P. 1–31; Simpson G. L., Oksanen J., Maechler M. Analogue and weighted averaging methods for paleoecology. 2021. R package version 0.17–6 // The Comprehensive R Archive Network. URL: <https://cran.r-project.org/package=analogue> (дата обращения: 14.12.2023).

Глава 4

Результаты спорово-пыльцевого анализа торфяных разрезов ХМАО — Югры

Кондинская левобережная среднетаёжная провинция

Территория включает верховья долины р. Конда с её притоками Большая Умытъя (рис. 12), Окуневая, Еныя и оз. Арантур, Ершовое, Большое и др. (рис. 13).⁴⁷ Дреназирующее действие речной сети проявляется слабо, обуславливая широкое развитие торфообразовательного процесса. Заболоченность территории свыше 60 %.

В поймах рек преобладают мезотрофные болота, мощность торфяно-сапропелевых отложений в целом не превышает 3 м, но встречаются участки с мощностью более 5 м. Леса группируются компактными массивами в долинах рек и на прилегающих участках коренных берегов.

Разрез Мулымья. Р. Мулымья является левым притоком р. Конда. Долина р. Мулымья представляет болотистую местность, характерная особенность ландшафта — плоский рельеф, слабый врез речной долины, множество болот и озёр. Русло реки извилистое. На невысоких гривах произрастают сосновые массивы брусничниково-ягодниковые, багульниковые. В долине реки распространены переходные и верховые болота. На месте разреза находится переувлажнённое болото на низкой пойме с пушицево-кассандровыми со сфагновыми мхами сообществами (рис. 14).

Отбор образцов буром производился с глубины 60 см (верхний слой из-за избыточной увлажнённости было невозможно отобрать) сплошной колонкой в пластиковую трубу с метровыми отсеками общей мощностью 5 м, но не до минерального грунта. Разрез датирован, получено 9 AMS-дат (см. табл. 2). Стратиграфия по результатам ботанического анализа торфа представлена в табл. 3.

Динамика болотообразовательного процесса показывает этапы развития от низинного эвтрофного сообщества до переходного кустарничково-сфагнового. Стратиграфия торфяной залежи фиксирует изменения гидрологического режима, в периоды большего увлажнения произрастали фитоценозы с осоками, сфагновыми и гипновыми мхами; в условиях более

⁴⁷ Смолоногов Е. П., Вегерин А. Указ. соч. С. 87.

Рис. 12. Долина р. Большая Умыгья. Фото Т. Ю. Клементьевой

Рис. 13. Оз. Арантур. Фото Т. Г. Антипиной.

Рис. 14. Долина р. Мулымья. Фото Т. Г. Антипиной

засушливых и даже пересыхания на ключевом участке произрастала древесная растительность: берёза, сосна, кустарнички. Современная стадия развития болота — мезотрофная.

На спорово-пыльцевой диаграмме выделено шесть палинозон (рис. 15), отражающих развитие окружающей лесной растительности за период около 8620 до 900 л. до н. э. (на основе калиброванных дат, см. табл. 2).

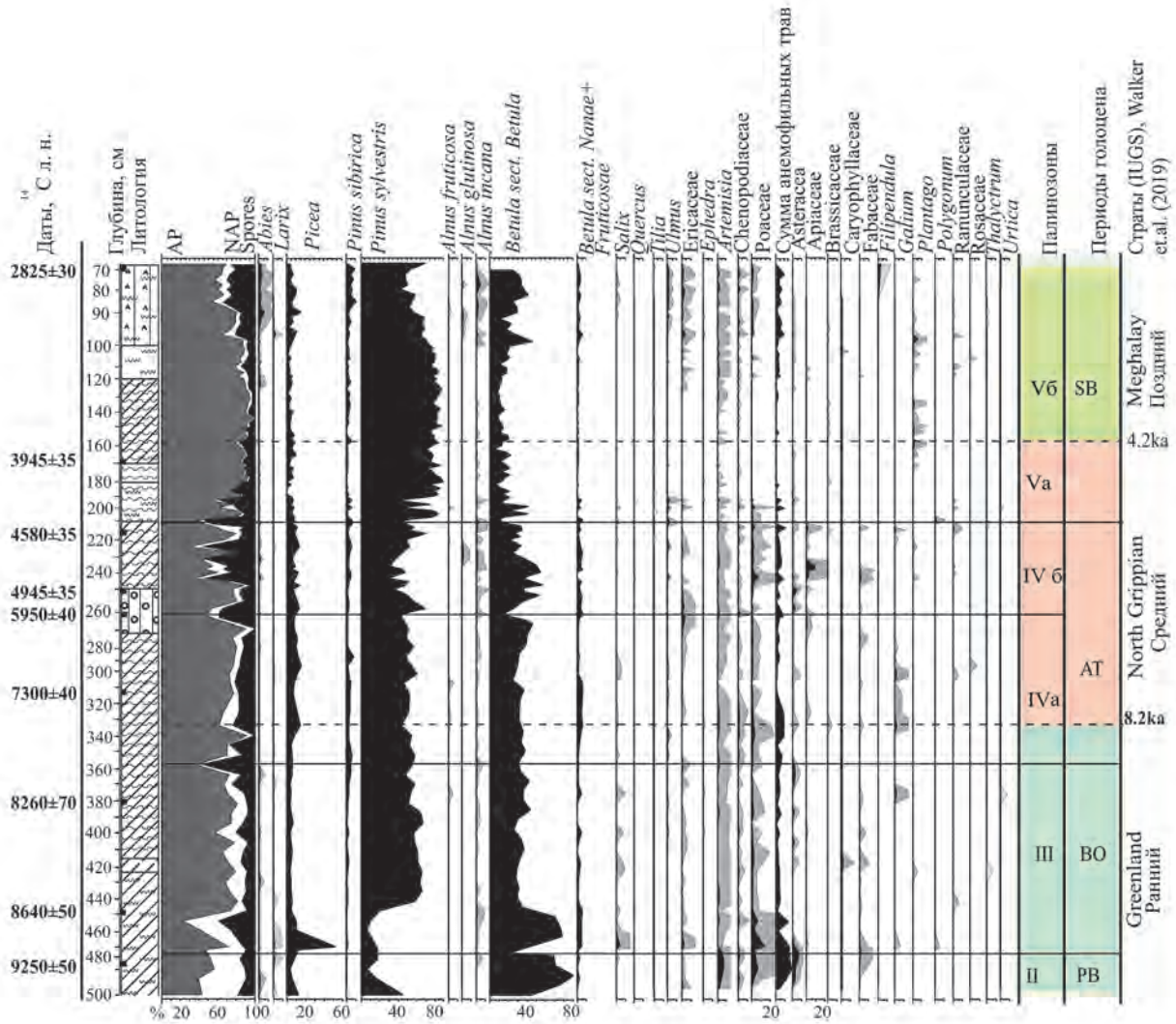
Таблица 3

Стратиграфия разреза Мулымья

№ п/п	Характер отложений	Глубина от поверхности (см)
1	Вода	0–65
2	Торф кустарничково-сфагновый, избыточно увлажнённый, среднеразложившийся	65–100
3	Сфагновый торф избыточно увлажнённый	100–122
4	Пушицево-осоковый торф, увлажнённый, среднеразложившийся	122–170
5	Пушицевый торф увлажнённый, среднеразложившийся	170–180
6	Пушицево-сфагновый торф, увлажнённый, среднеразложившийся	180–210
7	Пушицево-осоковый торф, увлажнённый, среднеразложившийся	210–245
8	Древесный (берёзовый торф), среднеразложившийся	245–272
9	Пушицево-осоково-сфагновый торф	272–415
10	Гипновый торф	415–423
11	Сфагново-осоковый низинный торф	423–500

Палинозона II на глубине 480–500 см, в слое сфагново-осокового торфа, выделена по доминированию пыльцы древовидных берёз с максимумом 80 % на глубине 490 см. На уровне 500 см наблюдается нижний пик пыльцы ели (15%); доля трав высока — 30–60 % от общего состава; доминирует пыльца группы ветроопыляемых ксерофитных растений: полыней, злаков и маревых. Локальная болотная растительность представлена пыльцой осоковых и спорамии сфагновых мхов. Спектры соответствуют фазе берёзы, ели и ветроопыляемых трав. Для палинозоны имеется AMS-дата в торфе на глубине 485–488 см 9250 ± 50 ^{14}C л. н. (Poz-144475) / 8616–8307 л. до н. э. По времени палинозона охватывает отрезок около 8700–8200 л. до н. э. (по расчётным данным). Спектры характеризуют открытые ландшафты с тундровыми травяно-кустарничковыми фитоценозами. Древесная растительность представлена небольшими участками елово-лиственнично-берёзовых с примесью сосны редколесий.

Палинозона III — на глубине 360–480 см в слое сфагново-осокового, осоково-пушицевого торфа. Временные рамки по глубинно-возрастной модели определены как 8350–6750 л. до н. э. Нижняя граница проведена на уровне 480 см, выше которого резкий рост кривой ели с максимумом на глубине 472 см — 50%. От предыдущей палинозоны отличается доминированием пыльцы берёз в пределах 60%; уменьшением участия ели до 10% и количества пыльцы трав до 10–20%. В локальной части спектра наблюдается сокращение доли пыльцы осок, возрастание споровых растений. Количество спор сфагновых мхов достигает 150% от суммы древесных, видны небольшие пики зелёных мхов и папоротников. Верхняя граница

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

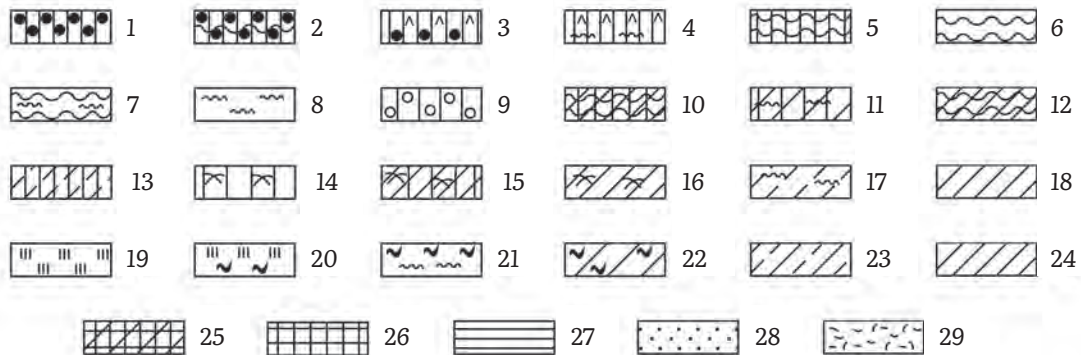
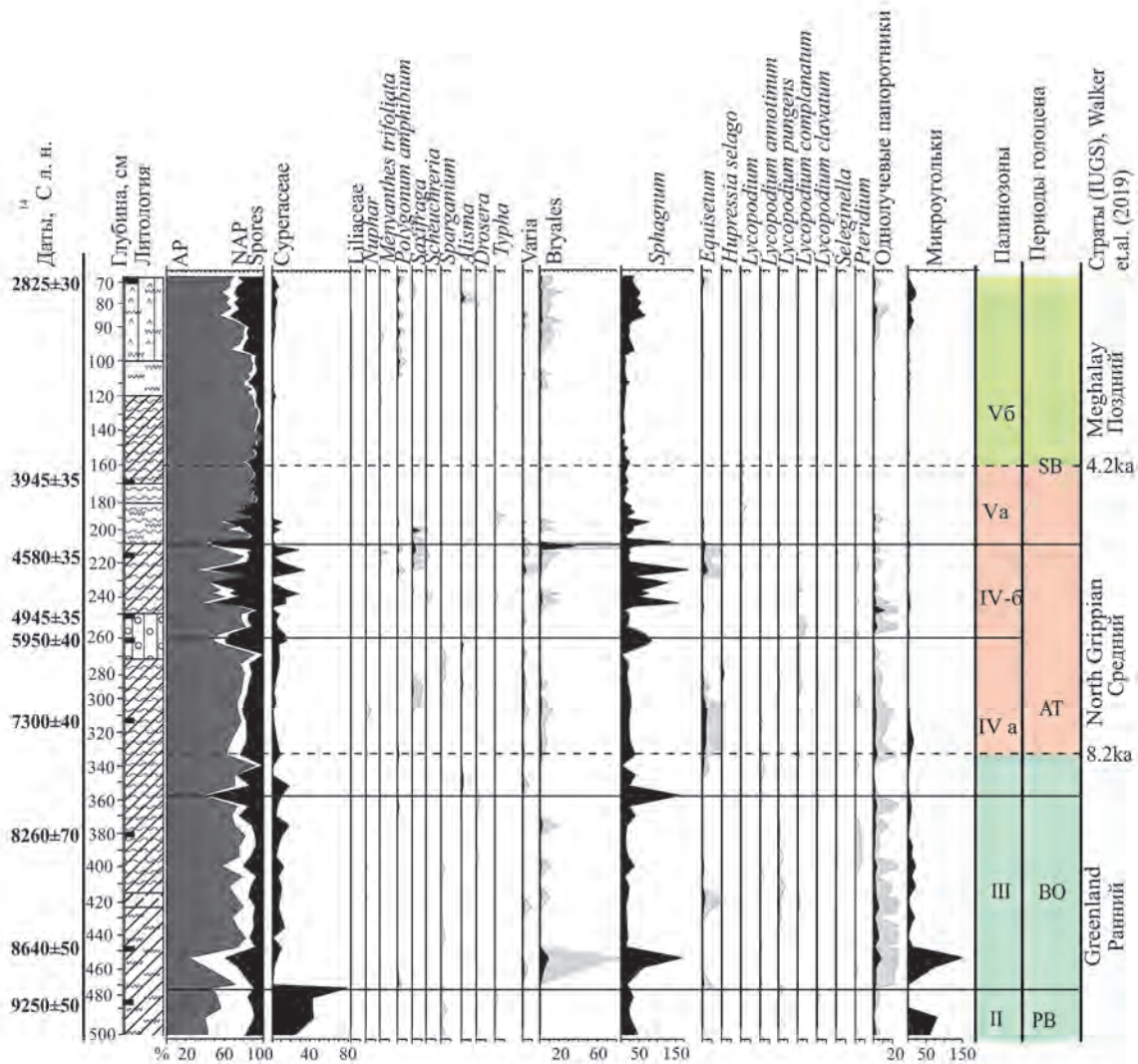

Рис. 15-1. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Мульмья. Составитель Т. Г. Антипина

ВИДЫ ТОРФА

Верховые

- 1 – сосновый
- 2 – сосново-пушицевый
- 3 – сосново-кустарничковый
- 4 – кустарничково-сфагновый
- 5 – древесно-пушицевый
- 6 – пушицевый
- 7 – пушицево-сфагновый
- 8 – сфагновый (магелланикум)
- 21 – сфагновый мочажинный

Переходные

- 9 – березовый
- 10 – древесно-травяной
- 11 – древесно-осоково-сфагновый
- 12 – осоково-пушицевый
- 16 – хвощово-осоковый
- 17 – гипново-сфагновый
- 18 – осоковый
- 19 – шейхцериевый
- 20 – шейхцериево-сфагновый

Низинные

- 13 – гипново-древесный
- 14 – хвощово-древесный
- 15 – древесно-хвощово-осоковый
- 22 – осоково-сфагновый
- 23 – гипново-осоковый
- 24 – гипновый

25 – торф с сапропелем

- 26 – сапропель
- 27 – глина
- 28 – песок
- 29 – угольки

Рис. 15-2. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Мулымья. Составитель Т. Г. Антипина

палинозоны проведена на глубине 360 см — на уровне минимума суммы древесных. Палинозона датирована 8640 ± 50 ^{14}C л. н. (Poz-144474) / 7788–7580 л. до н. э. на глубине 448–450 см и 8260 ± 70 ^{14}C л. н. (Poz-144571) / 7483–7077 л. до н. э. Климатическая реконструкция фиксирует погодные условия со среднегодовой температурой холоднее современной на $0,5\text{--}2$ °С, в первой половине палинозоны с количеством осадков 460–550 мм/год. Резкое понижение температуры наблюдается на уровне 478 см с возрастом 8350 л. до н. э. (по глубинно-возрастной модели). Вторая половина палинозоны более тёплая — температура около $+2$ °С с большим количеством среднегодовых осадков (около 500–600 мм/год). Палинозона относится к борельному периоду (рис. 16).

Палинозона IV а — на глубине 262–360 см объединяет слои пушицево-осокового и древесного с остатками коры и древесины берёзы. В спектрах доминирует сосна, субдоминантой является берёза, отмечается рост кривой пыльцы ели до 10–20%; увеличение количества пыльцы кедра сибирского (*Pinus sibirica*), ольхи (*Alnus glutinosa*), единичная встречаемость пыльцевых зёрен пихты (*Abies*), вяза (*Ulmus*). В травянистой части спектра увеличивается доля и разнообразие мезофильных трав, что указывает на повышение увлажнённости климата. Для палинозоны имеется AMS-дата 7300 ± 40 ^{14}C л. н. (Poz-144473) / 6232–6072 л. до н. э. на гл. 3152–312 см.

Хронологические рамки палинозоны по расчётной модели определены 6750–4650 л. до н. э., палинозона относится к первой половине атлантического периода. Климатические условия характеризуют период высокой теплообеспеченности, в первой половине со среднегодовой температурой $+2$ °С, который длился до 4850 л. до н. э., с пиком около 5550 л. до н. э. (расчётные данные) (рис. 16). Параметры климатических условий нестабильны в первой половине палинозоны, отмечается незначительное потепление 6150 л. до н. э., которое сменяется похолоданием, вплоть до 6050 л. до н. э. Вторая половина палинозоны характеризуется как более тёплая и более влажная с годовыми среднемноголетними температурами $0\text{--}+2$ °С и количеством осадков 500–550 мм/год. Спектры характеризуют фазу сосны, ели, кедра. В окружении болота произрастали елово-сосновые и елово-берёзовые леса с примесью тёмнохвойных и вяза, на дренируемых участках встречалась ольха, болото находилось на автрофной стадии развития.

Палинозона IV б (210–262 см) объединяет слои пушицево-сфагнового и пушицево-осокового и берёзового торфа. Нижняя граница палинозоны проведена на уровне минимумов сосны, ели и пика кустарниковой берёзы на глубине 261 см, она датирована 5950 ± 40 ^{14}C л. н. (Poz-144031) / 4936–4723 л. до н. э. на глубине 260–263 см. Верхняя граница проведена на уровне резкого падения кривой суммы древесных растений (210 см). Спектры палинозоны отличаются от предыдущей доминирование пыльцы древовидных берёз, большая доля кедра, увеличение количества пыльцы ольхи, разнообразие пыльцы широколиственных растений. Среди локальной болотной растительности значительна доля вересковых (*Ericaceae*), осоковых (пушица), сфагновых мхов и папоротников. Эти признаки фиксируют усиление процессов заболачивания, характеризуют сообщество переходного мезотрофного болота пушицево-осокового с кустарниковой берёзой. В верхней части палинозоны, на глубине 250–253 см имеется AMS-дата: 4845 ± 35 ^{14}C л. н. (Poz-144030) / 3789–3645 л. до н. э. Расчётный возраст палинозоны 4650–3150 л. до н. э. — вторая половина атлантического периода.

На фоне увеличения температуры до $+2$ °С и среднегодовых сумм осадков до 600 мм в год выделяется сухое похолодание 3300–3200 л. до н. э. (по расчётным данным). Окружающая лесная растительность представлена кедрово-елово-берёзовыми и кедрово-елово-сосновыми лесами с примесью широколиственных.

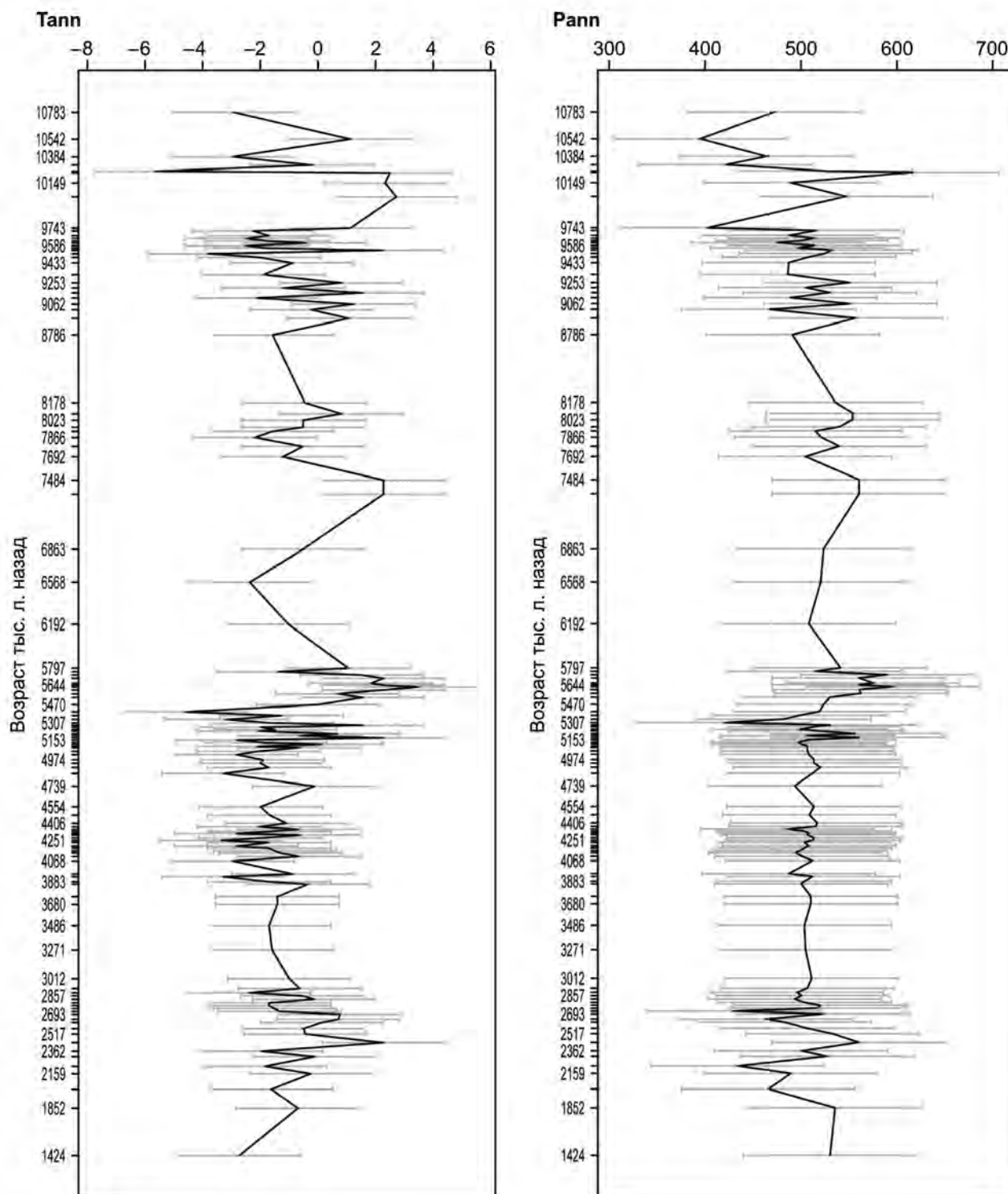

Рис. 16. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Мулымья.
Tann — среднегодовая температура в градусах С°; Pann — среднегодовые осадки в мм/год. Составитель А. Т. Галимов

Палинозона V а на глубине 160–210 см объединяет слои пушицево-сфагнового, пушицево-осокового торфа. Зона выделена по преобладанию сосны, участие тёмнохвойных уменьшается, снижается доля берёзы древовидной, лишь эпизодически встречается пыльца широколиственных деревьев. В локальной части спектров сокращается участие болотных трав и мхов, присутствуют споры сфагновых мхов. Временные рамки палинозоны 3150–2300 л. до н. э., первая половина суббореального периода. Климатические условия характеризуют небольшое похолодание 3150–2950 л. до н. э. с уменьшением среднегодовой температуры до -3°C . На климатограмме виден пик потепления около 2650 л. до н. э., колебания среднегодовых сумм осадков незначительны, в пределах 450–530 мм/год. Окружающая растительность представлена елово-сосновыми и берёзовыми лесами с примесью тёмнохвойных, пихты и кедра, а также широколиственных древесных растений (вяза и липы). Локальные условия характеризуются мезотрофным болотом с пушицей и сфагновыми мхами. AMS-дата хронологически ограничивает палинозону временем 3945 ± 35 ^{14}C л. н. (Poz-144570) / 2570–2303 л. до н. э. на глубине 167–170 см.

Палинозона V б соответствует верхним 160 см торфяной залежи, объединяющим слои пушицево-осокового, сфагнового, сосново-кустарничково-сфагнового торфа. Хронологические рамки охватывают период 2300–1050 л. до н. э. (вторая половина суббореального периода). В спектрах палинозоны доминирует пыльца сосны (более 70% от общей суммы древесных), субдоминантами выступают берёза, ель и кедр. В спектрах наблюдается снижение участия пихты, широколиственных деревьев (вяза) в первой половине палинозоны и увеличение этих таксонов с глубины 100 см (с 1370 л. до н. э.). Локальные болотные фитоценозы представлены кустарничково-сфагновыми сообществами с редким сосновым древостоем. Фаза — сосны и тёмнохвойных. Для палинозоны имеется AMS-дата 2825 ± 30 ^{14}C л. н. (Poz-145029) / 1107–901 л. до н. э. на 65–70 см, которая соотносится с суббореальным периодом. В долине Мулымьи в этот период были распространены тёмнохвойно-сосновые и берёзовые леса среднетаёжного облика. Начало палинозоны, по расчётным данным, с 2300 до 1050 л. до н. э. характеризуется колебаниями среднегодовых температур $-3,3... -2,2^{\circ}\text{C}$, при среднегодовом количестве осадков 460–500 мм/год. Фаза потепления со среднегодовыми температурами от 0 до $+1,8^{\circ}\text{C}$ и суммой осадков около 550 мм/год фиксируется с 650–530 л. до н. э. Плавное снижение температуры до -3°C происходит к 350 л. н. э.

Большая Умытъя 74. Разрез расположен на заболоченной пойме р. Большая Умытъя, вблизи археологического памятника с одноимённым названием. Современная растительность представлена болотным сообществом сосново-багульниково-сфагновым. В это время на месте разреза существовало древесно-пушицево-сфагновое болото, поросшее кустарничковой растительностью (табл. 4). Около 5000 л. до н. э. (по расчётным данным) древесный ярус исчез, сформировалось осоково-пушицевое болото. Около 4450 л. до н. э. снова появилась древесная растительность. Верхняя часть слоя датирована 3495 ± 85 ^{14}C л. н. (SPb_453) / 2114–1547 л. до н. э. на глубине 120–130 см (см. табл. 2). В дальнейшем почти на 3000 лет прекратилось торфонакопление с пересыханием торфяника. И лишь около 650 л. н. э. восстановились условия избыточного увлажнения, возобновилось торфонакопление и сформировалась осоково-пушицевая залежь. С похолоданием и повышением сухости около 1550 л. н. э. началось формирование современного сосново-кустарничково-сфагнового сообщества.

На спорово-пыльцевой диаграмме выделено четыре палинозоны, начиная с раннего атлантикума до субатлантического периода (рис. 17). Условные обозначения приведены на рис. 15.

Таблица 4

Стратиграфия разреза Большая Умытъя 74

№ п/п	Характер отложений	Глубина (см)
1	Сосново-кустарничковый торф	0–40
2	Осоково-пушицевый торф	40–118
3	Древесно-пушицево-осоковый торф	118–170
4	Пушицевый торф	170–210
5	Древесно-пушицевый торф	210–260

Палинозона IV а выделена в слое древесно-пушицевого торфа на глубине 220–260 см по преобладанию в спектрах сосны, берёзы и ели, эпизодически встречается пыльца широколиственных, кедра. Из трав наблюдается большое разнообразие мезофильных, из споровых — папоротников. Для палинозоны есть дата 6460 ± 70 ^{14}C л. н. (SPb-454) / 5604–5230 л. до н. э. на глубине 232–242 см, которая подтверждает атлантический возраст отложений. В окружении болота произрастали елово-берёзово-сосновые леса в примеси с кедром. Климатические условия характеризуются как более тёплые, чем современные, и более влажные.

Палинозона IV б объединяет слои древесно-пушицевого и пушицевого торфа на глубине 138–220 см. Палинозону отличают спектры с постоянным содержанием пихты, широколиственных деревьев (вяза, липы); среди травянистых — большая доля мезофильных трав, встречается пыльца водно-болотных растений и споры сфагновых мхов. Палинокомплекс отражает гумидные и тёплые условия второй половины атлантического периода, когда в бассейне р. Большая Умытъя были распространены леса подтаёжного типа (с большим участием термофильной растительности): елово-сосновые с пихтой кедром и широколиственными породами.

Палинозона V — в слое древесно-пушицево-осокового торфа на глубине 118–133 см. Нижняя граница проведена по уровню, с которого начинается падение кривой пыльцы ели, сосны, пику кривой берёзы древовидной и рост берёзы кустарниковой, присутствие пыльцы лиственницы, ольховника и ивы — аргументы в пользу начавшегося похолодания. Наличие в спектре пыльцы широколиственных может свидетельствовать о её переотложенном характере (до прекращения осадконакопления). Верхняя граница палинозоны проведена на уровне, разделяющем две даты — 3495 ± 85 (SPb-453) ^{14}C л. н. / 2114–1547 л. до н. э. на глубине 120–130 см и 560 ± 50 ^{14}C л. н. (SPb-452) / 1300–1400 л. н. э. — 108–118 см. Сопредельные даты фиксируют большой (2935 лет) перерыв в осадконакоплении в суббореальном периоде.

Палинозона VI — верхние 118 см залежи пушицево-осокового и сосново-кустарничкового торфа (от 1390 л. до н. э. — до наших дней). Спектры палинозоны выделены по доминированию пыльцы берёзы, сосны, единичному присутствию пыльцы пихты и широколиственных деревьев. Ближе к поверхности наблюдается падение кривых пыльцы ели, кедра. Локальная растительность представлена пыльцой водно-болотных растений и разнотравьем, среди споровых преобладают сфагновые мхи и папоротники. Палинокомплекс характеризует среднетаёжные лесные сообщества, елово-кедрово-сосновые и берёзовые леса современного облика. На месте разреза существовало мезотрофное болото с участием околводных макрофитов и сфагновых мхов.

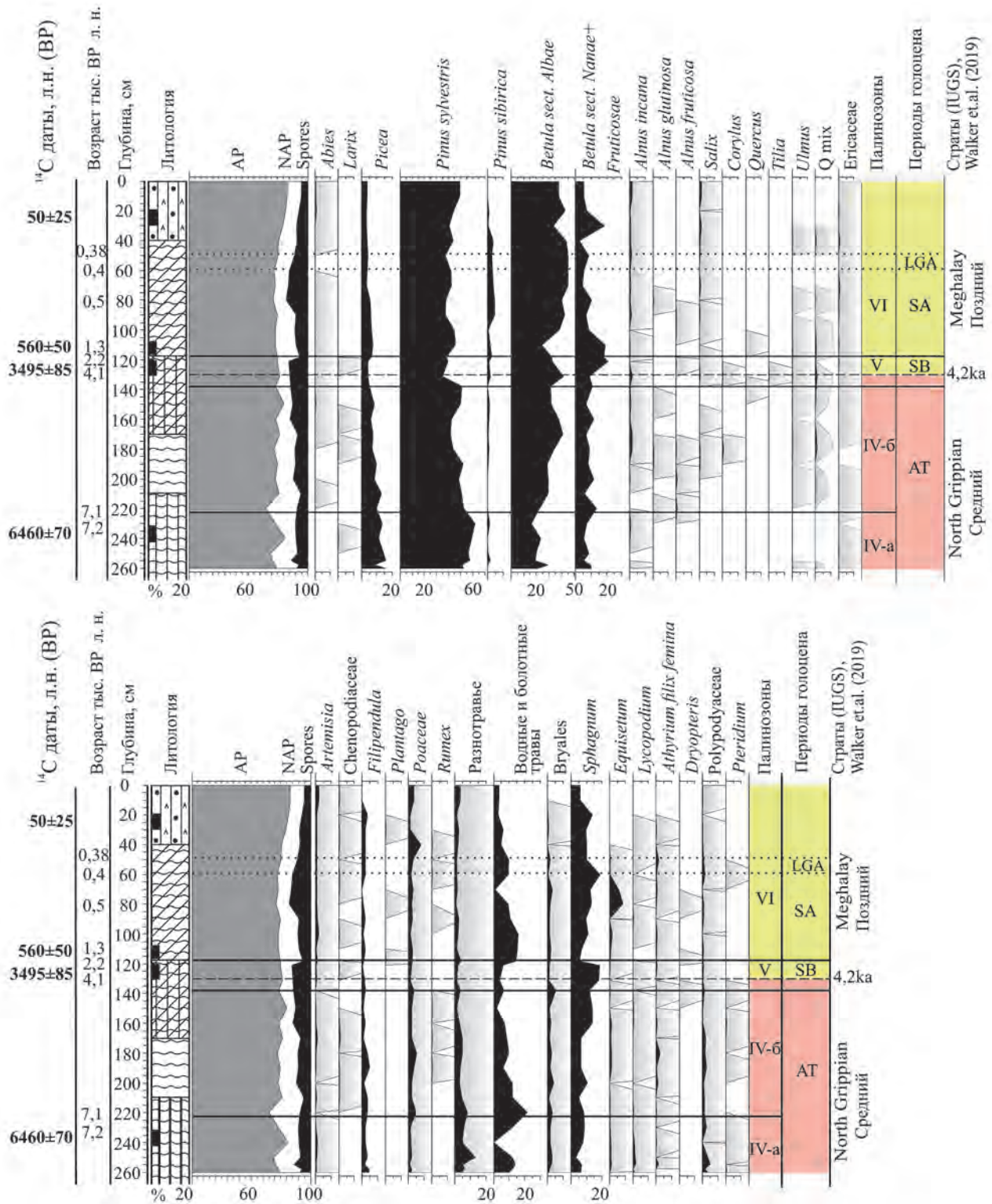

Рис. 17. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза вблизи археологического памятника Большая Умтыя 74. Составитель Т. Г. Антипина

Разрез Большая Умытъя 69 расположен в долине р. Большая Умытъя, вблизи археологического памятника Большая Умытъя 69. Скважина была пробурена в 20 м от берега на заболоченном участке (рис. 18). Современное болото — низинное, сильно обводнённое; в покрове — хвощово-осоковое с примесью вейника (*Calamagrostis*), сабельника (*Comarum palustre* L.), клюквы (*Vaccinium* subgen. *Oxycoccus* (Hill) A. Gray). Коренной берег представлен сосняком, беломошником, по окраинам болота встречаются отдельно стоящие берёзы и ивы. По визуальному описанию и ботаническому анализу состава растительных остатков, разрез мощностью 5,5 м имеет следующее строение (табл. 5).

Таблица 5

Стратиграфия разреза Большая Умытъя 69

№ п/п	Характер отложений	Глубина (см)
1	Сфагново-осоковый торф слаборазложившийся, сильно увлажнённый	0–100
2	Сфагново-пушицево-осоковый торф среднеразложившийся, сильно увлажнённый	100–120
3	Сфагново-осоковый торф слаборазложившийся, сильно увлажнённый	120–190
4	Древесно-хвощово-осоковый среднеразложившийся, переувлажнённый	190–235
5	Торфянистый сапропель темно-коричневого цвета	235–330
6	Сапропель оливкового цвета (нижние 30 см с глинистыми включениями)	330–400
7	Сапропель темно-голубого цвета с древесными остатками, внизу глинистый (нижние 63 см)	400–513
8	Пластичная глина светло-желтого цвета	513–541
9	Серый песок	541–550

На месте разреза находился, по-видимому, залив с медленно текущими водами.

В холодном водоёме обитали колониальные зелёные водоросли рода педиаструм (*Pediastrum*). Около 8650 л. до н. э. (предбореальный период) началось потепление и аккумуляция сапропелевых отложений. Заболачивание залива и исчезновение водной глади началось около 4050 л. до н. э. в атлантическом периоде. Около 1190 л. до н. э. пойма превратилась в низинное болото типа согры с берёзой. Со временем древесная растительность выпала из растительного сообщества и сформировалось пушицево-осоковое болото. С распространением сфагновых мхов около 50 л. н. начала формироваться торфяная залежь переходного типа. Процесс олиготрофизации болота начался около 450 л. н. э. в связи с экспансией сфагновых мхов и переходом к атмосферному питанию.

На спорово-пыльцевой диаграмме выделено восемь палинозон, вскрывающие отложения, начиная с позднеледниковья до субатлантического периода (рис. 19). Условные обозначения приведены на рис. 15.

Палинозона I выделена в песчаных отложениях на глубине 550–545 см по абсолютному максимуму ели (39%), берёзы в сумме 45,5%, в том числе кустарничковых берёз — 29,5%, встречается пыльца ольховника до 2%. Спорово-пыльцевой комплекс описывает холодные климатические условия лесотундры, где большую площадь занимает кустарничковая растительность, с отдельными островками древесной растительности из ели, лиственницы, берёзы. Палинозона может быть отнесена к заключительной фазе позднеледниковья (DR-3).

Рис. 18. Место отбора ядра вблизи археологического памятника Большая Умытъя 69. Фото Н. М. Чаиркиной

Палинозона II выделена в слоях глины и нижнем слое сапропеля на глубине 500–545 см. Зона отличается максимумом ели и лиственницы, карликовых берёз, в верхней части зоны наблюдается рост кривой сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*). Сумма пыльцы трав ветроопыляемых: злаковых (*Poaceae*), полыней (*Artemisia*), маревых (*Chenopodiaceae*) составляет 10%. Отмечается увеличение доли пыльцы древесных, ели (*Picea*) и сосны, что свидетельствует о потеплении в раннем голоцене. В окружении болота растительность этого времени была представлена сосново-лиственнично-еловыми и берёзовыми редколесьями, в ландшафте значительные площади занимали открытые пространства.

Палинозона III объединяет слои сапропеля тёмно-голубого цвета с остатками мацерированной древесины на глубинах 500–435 см. Палинозона выделена по резкому подъёму кривой пыльцы сосны и последующему уменьшению её участия в спектрах, с одновременным увеличением доли кустарниковых берёз. Спектры этой палинозоны отражают новую волну потепления и увеличение роли сосны в составе лиственнично-елово-берёзовых редколесий; последующее похолодание, вызвавшее изреживание

древостоев и экспансию тундровой растительности (кустарниковых берёз, зелёных и сфагновых мхов). Палинозона сопоставляется с бореальным периодом (8650–6550 л. до н. э.). На уровне 450 см, по характеру СПС — падению кривой ели, росту берёз, абсолютному максимуму карликовой берёзы — на рубеже бореального и атлантического периодов фиксируется похолодание, соответствующее «новосанчуговскому похолоданию», выявленному на территории европейской части России, в Сибири известное как питское.⁴⁸

Палинозона IV а выделена на глубине 435–385 см (6550–5550 л. до н. э. по глубинно-возрастной модели) в слое сапропеля тёмно-голубого цвета с древесными остатками, по преобладанию пыльцы сосны, росту древовидных берёз и резкому сокращению кустарниковых берёз. Спектры отражают формирование сомкнутых берёзово-сосновых лесов с елью в первой половине атлантического периода.

Палинозона IV б охватывает слой оливкового сапропеля на глубине 385–278 см. Палинозона характеризуется равным количеством пыльцы сосны и берёз в спектрах, появлением пыльцы пихты (*Abies*), кедра сибирского (*Pinus sibirica*) и вяза (*Ulmus*), представителя теплолюбивой неморальной флоры, а также большим разнообразием мезофильных трав. Спектры

⁴⁸ Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974. 256 с.

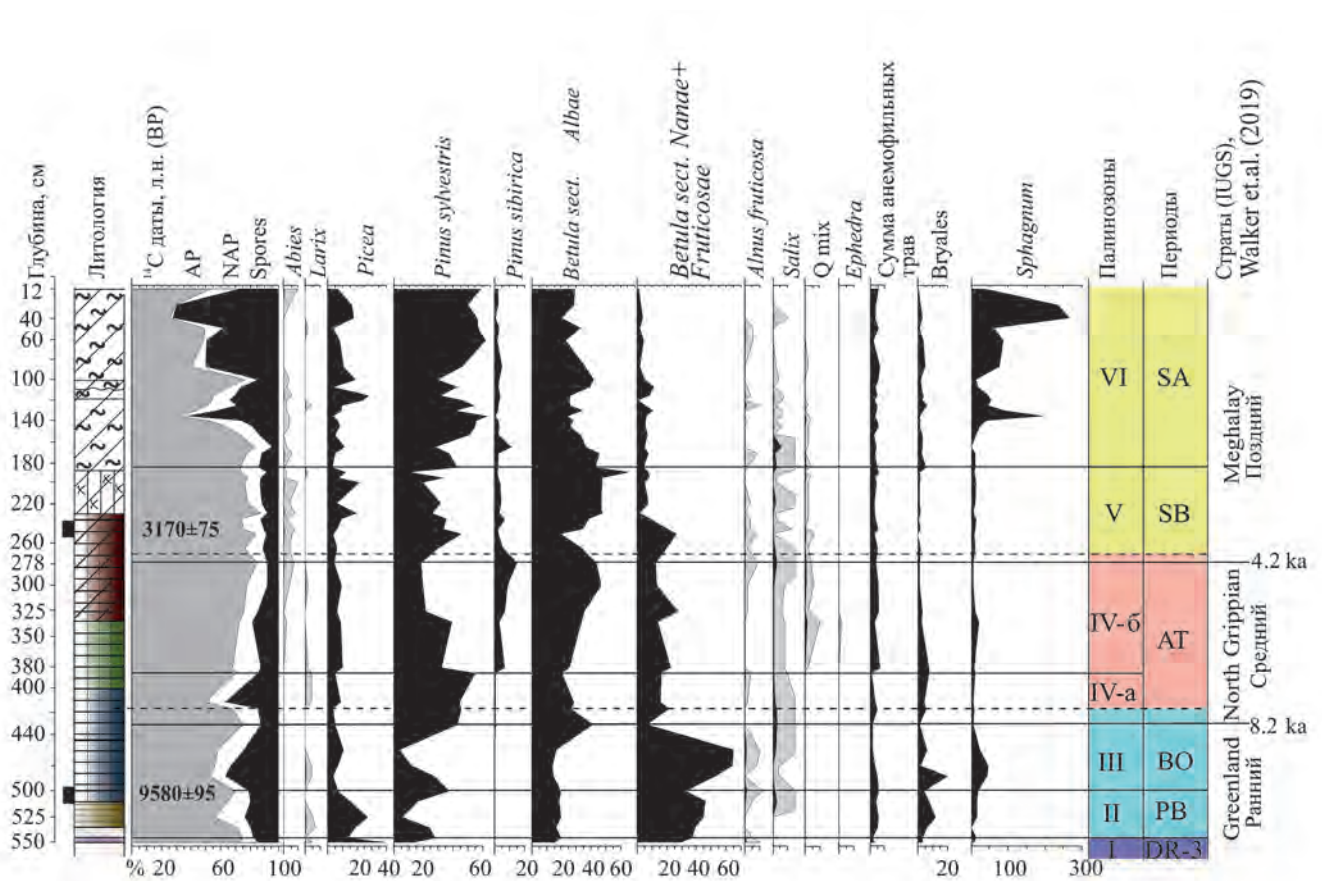

Рис. 19. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза археологического памятника Большая Умыт'я 69. Составитель Т. Г. Антипина

свидетельствуют о потеплении и увлажнении климата, произрастании лесов южно-таёжного облика, елово-кедрово-сосновых с пихтой и широколиственными деревьями. По палинологическим данным и глубинно-возрастной модели выявлены внутривековые колебания: холодная осцилляция около 3850 л. до н. э. и тёплые фазы: 3950 и 3150–2550 л. до н. э. Спектры палинозон IV а и IV б отражают климатический оптимум голоцена, датируемый 6050–2550 л. до н. э.⁴⁹

Палинозона V выделена на глубине 278–181 см в слое торфянистого сапропеля и древесно-хвощово-осокового торфа. Палинозона отличается преобладанием пыльцы берёз, сосны, присутствием пихты и кедра. В нижней части (252 см) отмечены пики кустарниковых берёз и ольховника, фиксирующие похолодание (1850 л. до н. э.). Выше наблюдается рост кривой древовидных берёз, кривая сосны находится в противофазе (возможно, послепожарная сукцессия). Два максимума ели на глубине 228 и 200 см свидетельствуют о потеплении 1450 и 950 л. до н. э. Спектры индицируют подтаёжные елово-сосново-берёзовые леса с пихтой и умеренно-тёплые климатические условия. Палинозона соответствует суббореальному периоду.

Палинозона VI объединяет верхние 181 см, слои сфагново-осокового и сфагново-пушицево-осокового торфа. Выделена по преобладанию пыльцы сосны в спектрах, в меньшей степе-

⁴⁹ Антипина Т. Г., Панова Н. К., Корона О. М. Указ. соч. С. 353–361.

ни берёз и ели, спор сфагновых мхов и уменьшению пыльцы кедра сибирского, пихты, исчезновению пыльцы широколиственных. Спектры отражают направленное похолодание и формирование близких к современным формациям сосновых лесов с участием берёзы, ели, реже — пихты среднетаёжного облика. О заболоченности территории свидетельствуют высокая доля спор сфагновых мхов и пыльца водно-болотных растений. Палинозона соответствует субатлантическому периоду от 550 л. до н. э.

Спектры зоны отражают похолодания около 50, 250 и 1100 л. н. э. по минимумам ели, отсутствию пихты, выпадению пыльцы широколиственных древесных растений. Фазы потепления фиксируются по пикам ели, пихты, кедра, широколиственных деревьев на глубинах 161, 148 и 135–118 см, соответственно, 500, 200 и 50 л. до н. э. — 150 л. н. э.

Разрез Большая Умытья 9. Образцы для спорово-пыльцевого анализа отобраны из шурфа, заложенного в южной, заторфованной части археологического памятника с одноимённым названием. В шурфе зафиксирована следующая стратиграфия (табл. 6).

Таблица 6

Стратиграфия разреза Большая Умытья 9

№ п/п	Характер отложений	Глубина от поверхности (см)
1	Пушицево-сфагновый, слаборазложившийся торф	0–10
2	Древесно-осоково-сфагновый торф	10–20
3	Гипново-сфагновый торф	20–30
4	Пушицево-осоковый торф	30–40
5	Сфагнуво-осоковый торф	40–50
6	Древесный торф	50–65
7	Древесно-пушицевый торф	65–74
8	Сапропелистый торф	74–100
9	Сапропелистый торф с песком	100–110
10	Песок серого цвета	111–115

На СПД выделено три палинозоны (рис. 20). Условные обозначения приведены на рис. 15.

Отложение органики началось в понижении поймы на месте небольшого водоёма с замедленным течением, происходила аккумуляция сапропелей. С обмелением участка по окраине водоёма поселились околководные макрофиты (осоки, рогоз), что, в конечном итоге, привело к исчезновению водной глади и заболачиванию.

С последующим зарастанием пушицево-сфагновыми фитоценозами образовалась торфяная залежь эвтрофного типа. Около 2250 л. до н. э. с иссушением торфяной залежи на месте разреза поселилась древесная растительность — образовалось древесно-пушицевое болото. На глубине 50 см стратиграфическая граница и смена древесного торфа осоково-сфагновым свидетельствует об увеличении увлажнённости и, возможно, потеплении около 1200 л. н. э. Повышение увлажнённости после 1150 л. н. э. привело к формированию гипново-сфагнуво-го болота. Верхние 10 см — пушицево-сфагновый торф.

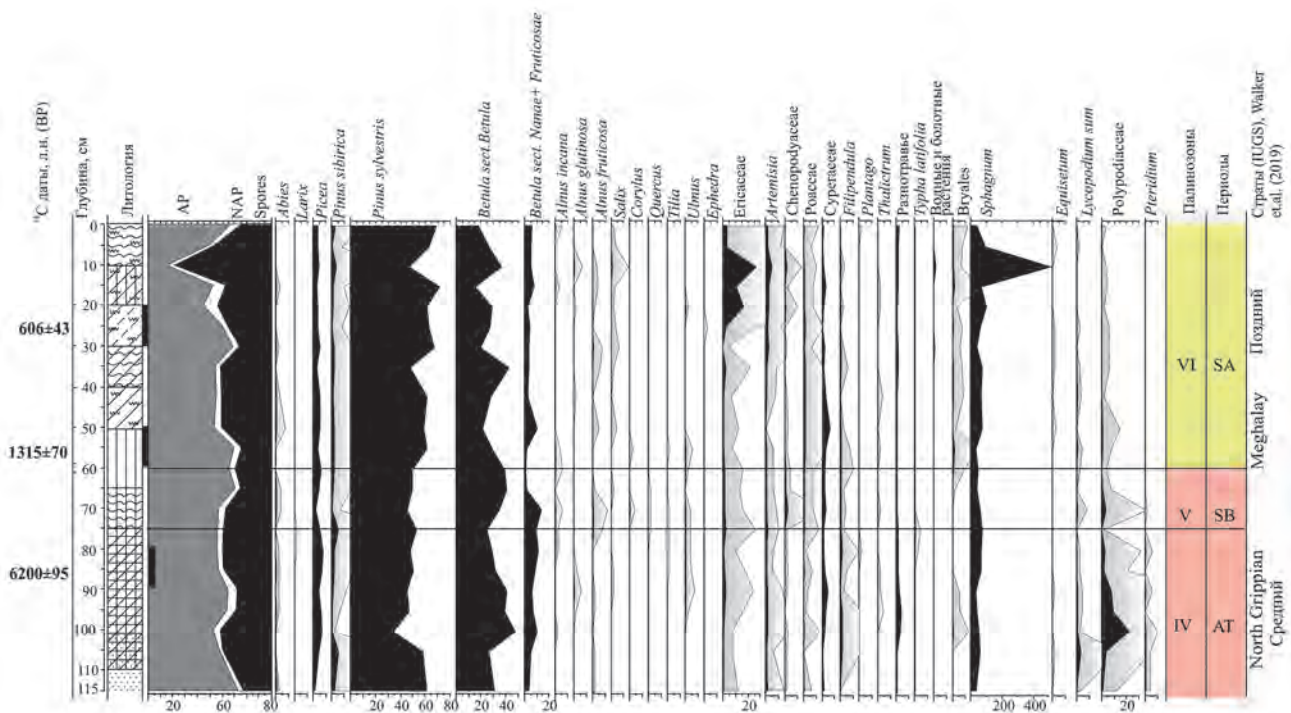

Рис. 20. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза вблизи археологического памятника Большая Умытья 9. Составитель Т. Г. Антипина

Палинозона IV объединяет слои песка, сапропелистого и древесно-пушицевого торфов на глубине 115–75 см. Палинозона выделена по доминированию пыльцы сосны и берёзы, присутствию в спектрах пыльцы тёмнохвойных и широколиственных деревьев. Спектры отражают тёплые и достаточно влажные условия атлантического периода, на гумидные условия указывает абсолютный максимум папоротников. В окрестностях произрастали тёмнохвойно-сосновые леса в примеси с широколиственными деревьями (вязом, липой).

Палинозона V выделена в слоях древесно-пушицевого и древесного торфа на глубинах 75–60 см по преобладанию пыльцы берёзы и сосны. Верхняя граница условная, ниже даты 1315±70 ¹⁴C л. н. (СОАН-7632) / 605–881 л. н. э., на глубине 50–60 см дата относится к субатлантическому периоду. К сожалению, нижние слои на отрезке 80–60 см не датированы, поэтому трудно определить наличие перерывов в осадконакоплении. Нижняя граница палинозоны стратиграфическая на рубеже сапропелистого и пушицево-древесного торфа, на этом уровне нет пыльцы пихты; снижается количество ели, кедра, сосны, увеличивается доля карликовой берёзы. Возможно, в слое древесного торфа фиксируется перерыв в осадконакоплении. Спектры характеризуют елово-берёзово-сосновые леса с примесью пихты, кедра.

Палинозона VI включает верхние 60 см, объединяет верхнюю часть залежи. Палиноспектры выделяются по доминированию пыльцы сосны. Просматривается тренд на похолодание, что проявилось в увеличении доли кустарниковой берёзки, ивы и ольховника, анемофильных трав и сфагновых мхов. Палинокомплекс отражает лесные формации, близкие к современным, елово-кедрово-сосновые леса среднетаёжного типа и берёзово-сосновые производные леса. Верхняя часть залежи сформировалась в субатлантическое время. Современное болото пушицево-сфагновое переходного типа.

Разрез Арантур. Торфяник у оз. Арантур примыкает к его южному берегу (рис. 21). Болото олиготрофное, сосново-кустарничково-сфагновое. Древостой состоит из сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.). В кустарничковом ярусе преобладает мирт болотный (*Chamaedaphne calyculata*), голубика (*Vaccinium uliginosum* L.), андромеда (*Andromeda polifolia* L.), клюква (*Oxycoccus microcarpus* Turz. Ex Rupr.), изредка брусника (*Vaccinium vitis-idaea* L.), багульник (*Ledum palustre* L.). В моховом покрове — сфагновые мхи (*Sphagnum magellanicum*, *S. fuscum*). Образцы для анализа отобраны из скважины мощностью 2 м. Визуальное наблюдение и ботанический анализ выявил следующую стратиграфию, представленную в табл. 7. Судя по стратиграфии, образование торфяника произошло путём заболачивания залива оз. Арантур. Время отложения сапропелей на месте отбора — около 4050 л. до н. э. (по расчётным данным), углистые включения свидетельствуют о сухих климатических условиях и частых лесных пожарах в окрестностях водоёма. Трансгрессия озера и накопление сапропеля происходили до 3550 л. до н. э. Позже, с понижением уровня воды в озере, на месте разреза образовалось мелководье, в котором накапливался сапропель и с окраины попадали растительные остатки. Климатические условия, видимо, были сухими, на что указывает прослойка с углистыми остатками на глубине 145–150 см, по времени совпадающая с событием 4.2 ka. В суббореале 2250–550 л. до н. э. происходит очередная трансгрессия озера, уровень воды повышается, участок озера затапливается и вновь формируется слой сапропеля. Большое количество спор сфагнома в спектрах свидетельствует о процессах заболачивания по берегам озера. В субатлантическом периоде начинается регрессионный этап развития озера, на месте разреза уровень воды падает, в условиях мелководья формируется слой торфа с сапропелем. Последние 1560 л. происходит процесс олиготрофизации, формируется слой сфагнового (в основном мегелланикум) торфа. Климатические условия указывают на похолодание в этот период.

Рис. 21. Заболоченный берег оз. Арантур. Фото Т. Г. Антипиной

Таблица 7

Стратиграфия разреза у оз. Арантур

№ п/п	Характер отложений	Глубина, см
1	Кустарничково-пушицево-сфагновый среднеразложившийся торф	0–50
2	Сосново-пушицевый торф	33–100
3	Сапропель темно-коричневого цвета	100–137
4	Сапропель темно-коричневый с углистыми включениями	137–144
5	Торфянистый сапропель с древесными остатками	144–150
6	Торф с сапропелем	150–195
7	Прослойка торфа с углистыми остатками	168–174
8	Прослойка торфа с древесными остатками и песком	174–194
9	Песок	194–200

На спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 22) выделяется три палинозоны. Условные обозначения приведены на рис. 15.

Палинозона IV (глубина 185–200 см) в слое торфянистого сапропеля выделена по доминированию в спектрах пыльцы сосны, берёзы, участие ели в пределах 10–12 %, единично встречается пыльца пихты, вяза; болотное сообщество представлено моховыми фитоценозами. Палинокомплекс характеризует растительность елово-берёзово-соснового леса с участием вяза в подлеске и, в соответствии с датой 5380±90 л. н. (СОАН-8931) / 4435–3987 л. до н. э. с глубины 185–194 см, относится к концу атлантического периода.

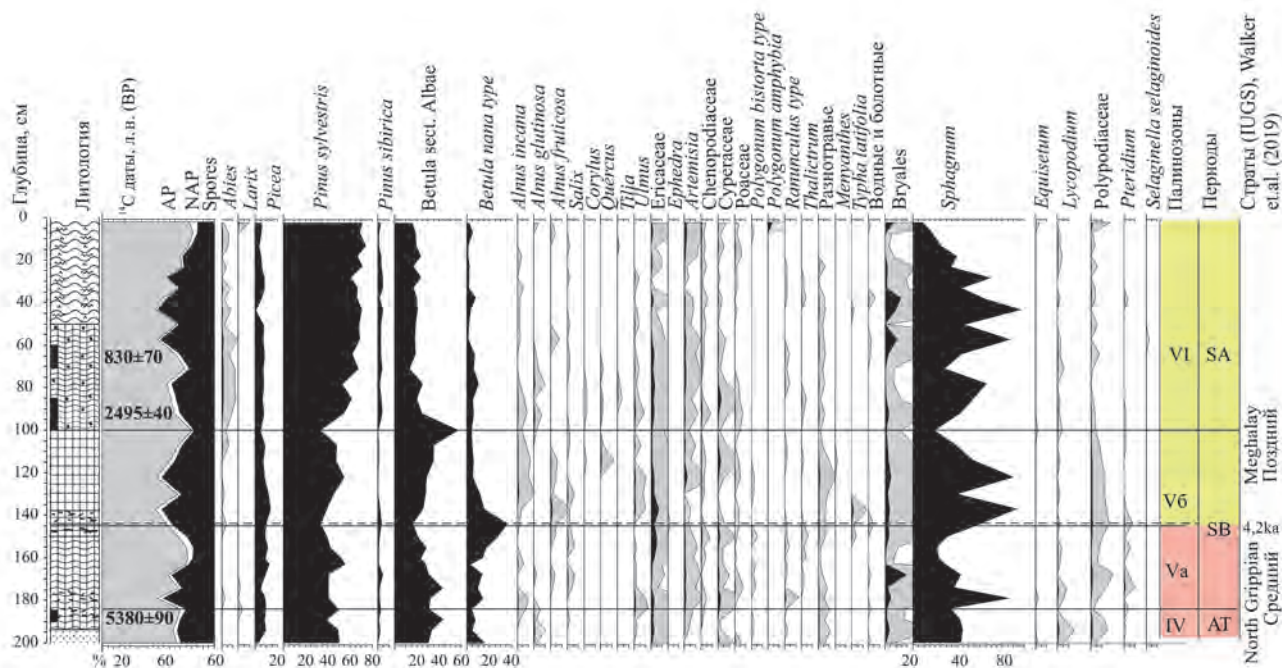

Рис. 22. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза у оз. Арантур. Составитель Т. Г. Антипина

Палинозона V а выделена на глубинах 185–145 см в слое торфянистого сапропеля. Нижняя граница проведена по пикам сосны и сумме древесных растений, верхняя граница на уровне 145 см, где выделяется пик пыльцы кустарниковых берёз, исчезает пыльца вяза, уменьшается количество пыльцы сосны и берёзы древовидной. По расчётной модели уровень на глубине 144 см соответствует событию 4.2 ка. Нижняя часть палинозоны отражает похолодание на рубеже атлантического и суббореального периодов.⁵⁰ Торфяник, видимо, пересыхал и горел неоднократно, судя по углистым включениям в отложениях. Вторая половина — потепление, отразившееся в экспансии древесных растений, с доминированием сосны, росту участия ели и кедра. В окружающей местности господствовали елово-берёзово-сосновые леса с примесью тёмнохвойных и широколиственных деревьев. Локальная растительность представлена низинными болотными сообществами.

Палинозона V б (145–100 см) охватывает слой сапропеля, в нижней части с древесными остатками и углистыми включениями. Палинозону отличает увеличение доли пыльцы сосны и, соответственно, сокращение ели, кедра, добавляются таксоны широколиственных (липа, дуб, лещина); в травянистой части спектров значительную роль играют мезофильные растения. Палинокомплекс характеризуется растительностью елово-берёзово-соснового леса с примесью широколиственных и соотносится со второй половиной суббореального периода.

Палинозона VI (от 0 до 100 см) выделяется по доминированию пыльцы сосны и соответствует субатлантическому периоду. Начало периода определяется датой 2495±40 ¹⁴C л. н. (СОАН-8932) / 780–424 л. до н. э. по образцу торфа с глубины 85–100 см и знаменуется максимумом пыльцы берёзы древовидной, а также непрерывными кривыми пыльцы пихты и сосны сибирской. В начале зоны единично присутствует пыльца широколиственных древесных растений: вяза, липы, дуба (*Quercus*), лещины (*Corylus*). На глубине 60–73 см дата 830±70 ¹⁴C л. н. (СОАН-8933) / 1040–1284 л. н. э. датирует кратковременное похолодание. В целом палинокомплекс характеризует произрастание сосновых лесов с примесью берёзы, ели, пихты, сибирского кедра. В конце палинозоны происходит трансформация лесных формаций от южно-таёжного до среднетаёжного облика.

Климатическая реконструкция разрезов Кондинского левобережья

Комплекс разрезов поселений Большая Умытья 9, 69, 74 (рис. 23–25), Арантур продатированы с меньшей частотой, поэтому для них невозможно привести сплошную глубинно-возрастную шкалу. Самый древний возраст имеют отложения у поселения Большая Умытья 69. В этом разрезе начало голоцена, до 9050 л. до н. э., представлено холодными условиями со среднегодовой температурой на 2 °C ниже современной. На глубине 450–460 см, чуть моложе 9050 л. до н. э., фиксируется сильное похолодание, после которого наступает тёплый период, когда температура достигала +1,8 °C. На глубине 335 см наблюдается снижение температуры, и поскольку на хронологической шкале оно находится между 9050 и 1050 л. до н. э., можно предположить, что отражает глобальное похолодание 8.2 ка. После этого времени на территории Кондинского левобережья устанавливается умеренный климат с колебаниями температуры около +2 °C.

Формирование нижних слоёв залежи разрезов у поселений Большая Умытья 9 и 74 началось в климатический оптимум голоцена, около 5050 л. до н. э. Реконструкция среднегодовых

---

⁵⁰ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

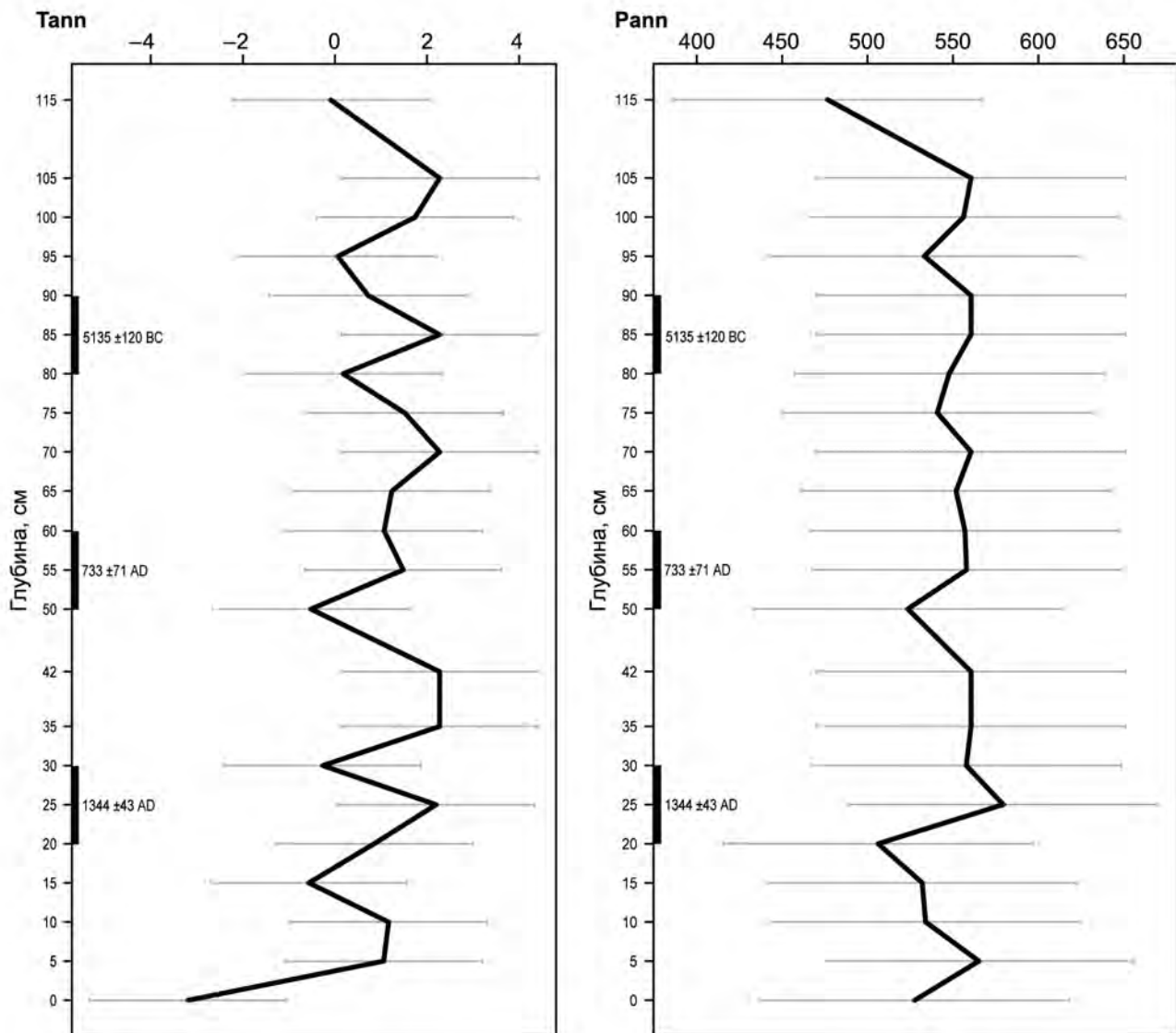

Рис. 23. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Большая Умытъя 9. Tann — среднегодовая температура в градусах °C; Pann — среднегодовые осадки в мм/год. Составитель А. Т. Галимов

температур термического оптимума разреза Большая Умытъя 9 демонстрирует незначительные колебания в интервале от 0 до +2 °C на фоне стабильных среднегодовых сумм осадков в 550 мм/год. В самом начале формирования толщи выделяется относительно сухое и более холодное время, а также некоторое похолодание после 1200 л. до н. э. с сохранением этого тренда до современности.

Разрез Большая Умытъя 74 имеет самую низкую среднегодовую температуру. Так, среднегодовая температура с высоким уровнем среднегодовых осадков начального интервала, около 5050 л. до н. э., сопоставима с современными приполярными регионами. Около 3550 л. до н. э. выделяется более тёплый интервал с более низким количеством осадков. Недостаточная

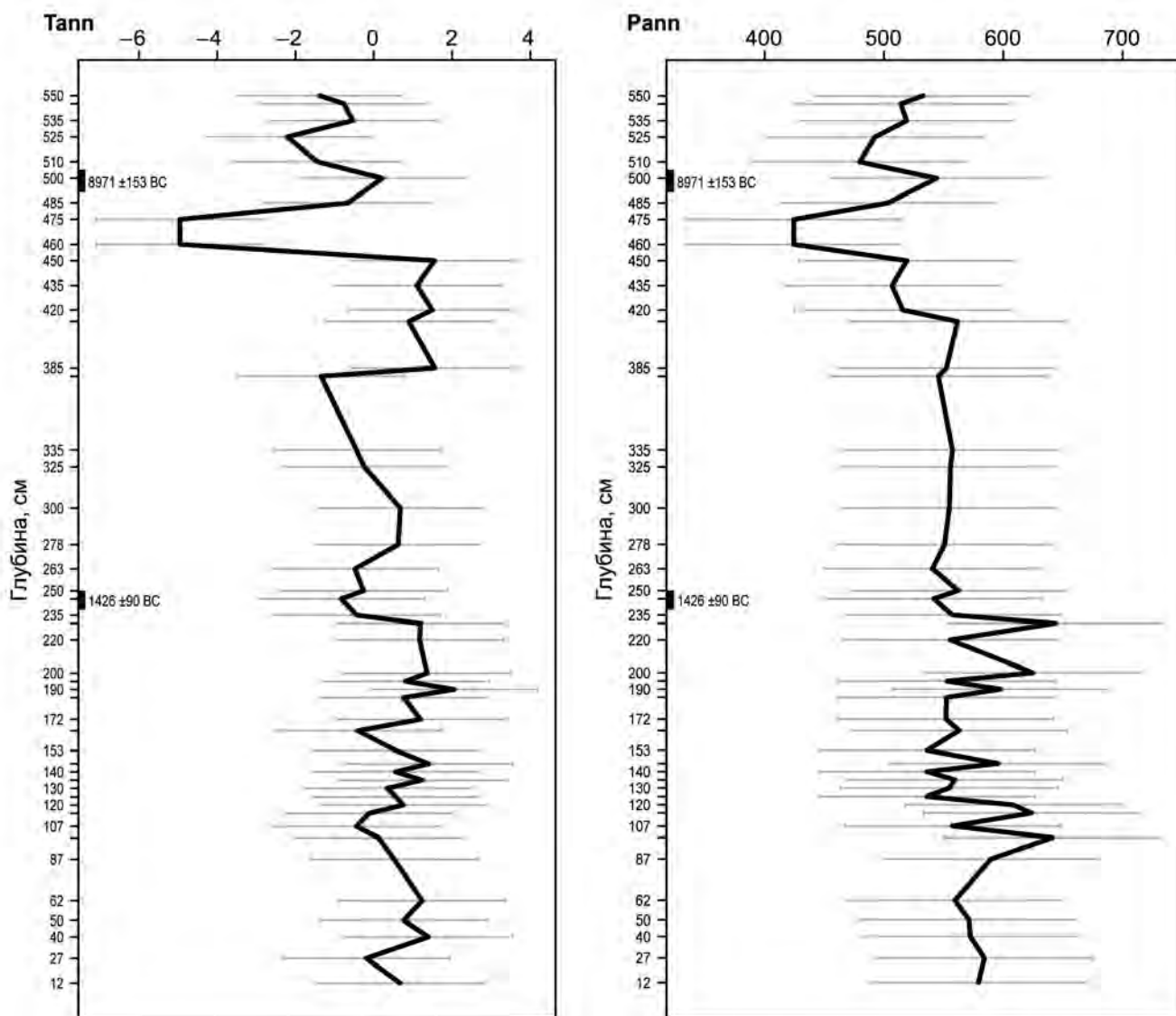

Рис. 24. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Большая Умытья 69. Tann — среднегодовая температура в градусах °C; Pann — среднегодовые осадки в мм/год. Составитель А. Т. Галимов

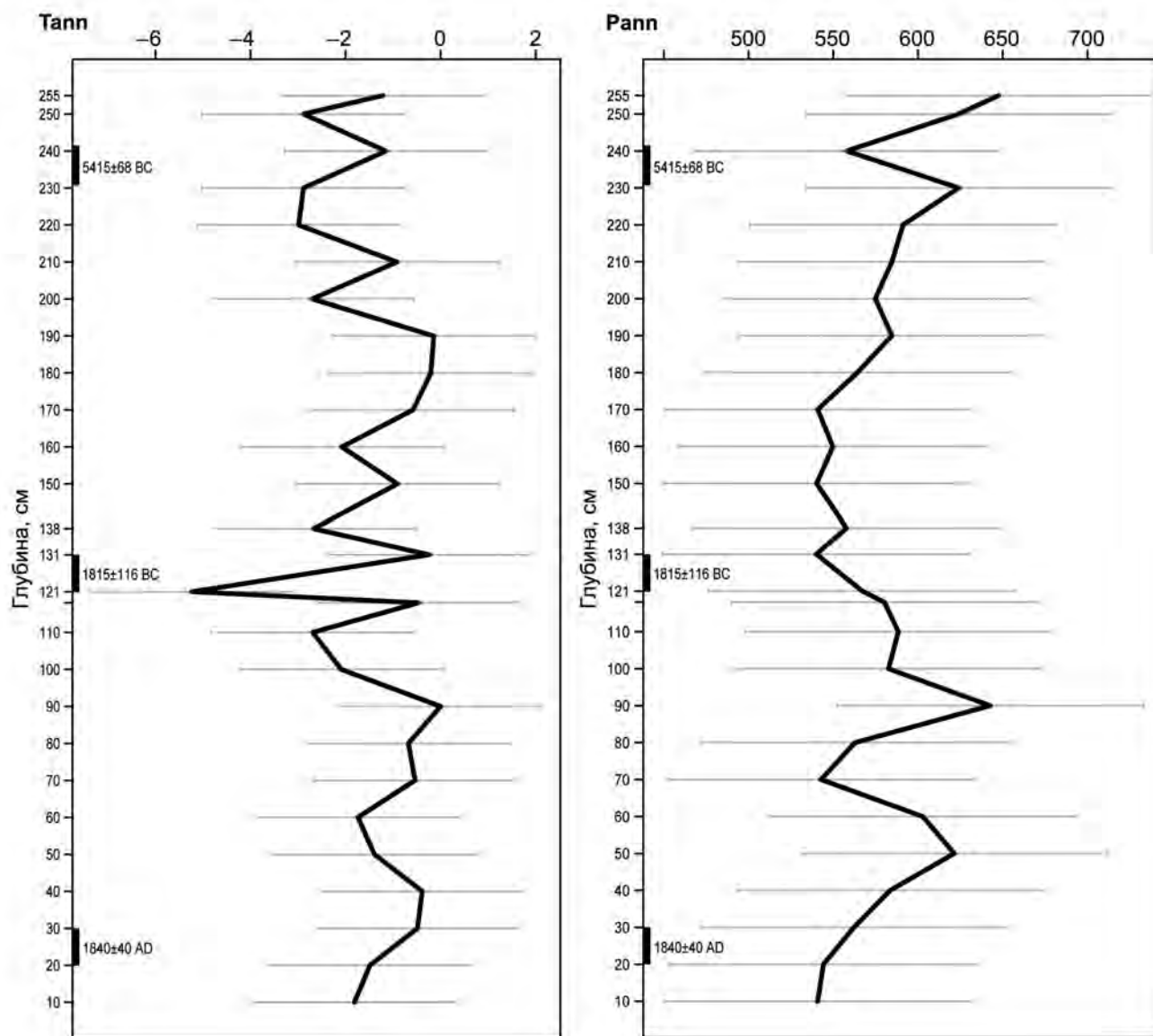

Рис. 25. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Большая Умытья 74. Tann — среднегодовая температура в градусах °C; Pann — среднегодовые осадки в мм/год. Составитель А. Т. Галимов

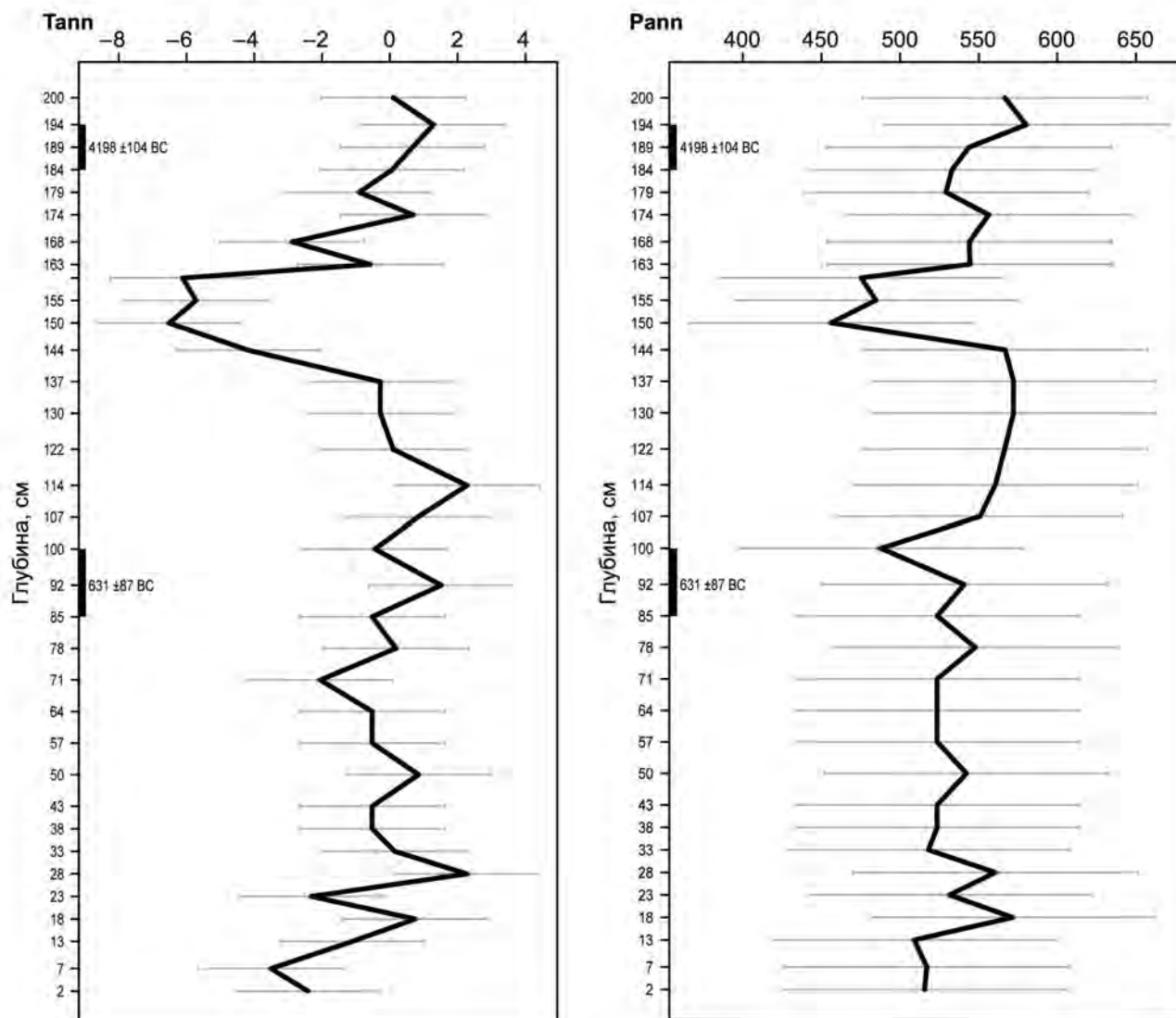

Рис. 26. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Арантур.
 Tann — среднегодовая температура в градусах С°; Pann — среднегодовые осадки в мм/год. Составитель А. Т. Галимов

дробность взятия проб не позволяет установить, является ли достоверным выброс в сторону сильного понижения температуры на фоне общего повышения влагообеспеченности.

Отложения разреза Арантур охватывают время с 4050 л. до н. э., но, к сожалению, слабо снабжены радиоуглеродными датировками. Начало формирования торфяника приходится на период достаточной теплообеспеченности среднего голоцена и высокого уровня среднегодовых осадков, сопоставимого с современными параметрами (рис. 26). Вероятно, резкий спад до аномально низких температур при осушении приходится на событие 4.2 ka BP. После этого пика температуры возвращаются к высоким значениям. После 550 л. н. наблюдается общее снижение температур с кратким экскурсом в сторону её улучшения, который приходится на 1050 л. н. э.

Приобское левобережье, среднетаёжная подзона

Иллюстрации диаграммы разрезов сторонних авторов представлены по материалам публикаций с учётом современных реалий.

Разрез Пермино находится недалеко от с. Большое Першино, на первой надпойменной террасе в низовьях Иртыша.⁵¹ Поверхность первой надпойменной террасы практически повсеместно сложена суглинистыми русловыми и пойменными осадками. Разрез находится в северной части подзоны южной тайги. Стратиграфия разреза:

1. Торф коричневый с прослойками чёрного торфа — 1 м.
2. Прослой остатков древесины в виде пней — 0,15 м.
3. Торф коричневый осоково-сфагновый, хорошо разложившийся — 0,15 м.
4. Торф коричневый сфагновый с прослойками остатков осок среднеразложившийся — 0,9 м.

А. На глубине 2,1 м от поверхности прослой берёзовой коры 0,1–0,2 м.

Б. Ископаемая почва — суглинок серого цвета, сильно гумусированный неслоистый, верхняя часть Б формировалась в позднем дриасе — начале пребореала (холодное время).⁵²

Осадки цоколя накапливались в благоприятной обстановке, предположительно, Каргинского времени (30 000–24 000 л. н.). Аллювий, возможно, принадлежит тобольскому горизонту. Отложения первой надпойменной террасы (слои В и Г) имеют поздне- и послеледниковый возраст.

В. Суглинок серый неслоистый плотный, неравномерно ожелезнен, в верхней части слоя следы мерзлотных явлений в виде клиньев и криотурбаций — 2,1 м. Слой формировался в условиях холодного климата (средний дриас).

Г. Слоистая толща. Верхняя часть — переслоенные суглинки серого цвета и средне-мелкозернистых песков коричневато-серых. Нижняя граница чётко фиксируется слоем среднекрупнозернистого, сильно ожелезненного песка — 1,7 м. Формирование осадков нижнего слоя (Г) происходило в условиях тёплого климата — этап развития берёзово-сосновых лесов с ольхой (беллинг).

Д. Песок серый, среднезернистый, косослоистый, обогащённый растительными остатками. Осадки уходят под урез воды реки.

На диаграмме выделены пыльцевые зоны (рис. 27). Пыльцевые зоны 1–10 вскрывают седиментацию, начиная с плейстоценового периода (последние 30 000 л. н.).⁵³ Мы рассмотрим динамику растительности по пыльцевым спектрам голоценовых отложений, начиная с палинозоны 6.

6. Палинозона сосны и берёзы с елью (интервал 2,2–2,0 м). Максимум пыльцы древесных пород (до 80%), пыльца трав и споры присутствуют в различных соотношениях. Древесная

⁵¹ Бахарева В. А. Указ. соч. С. 115.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

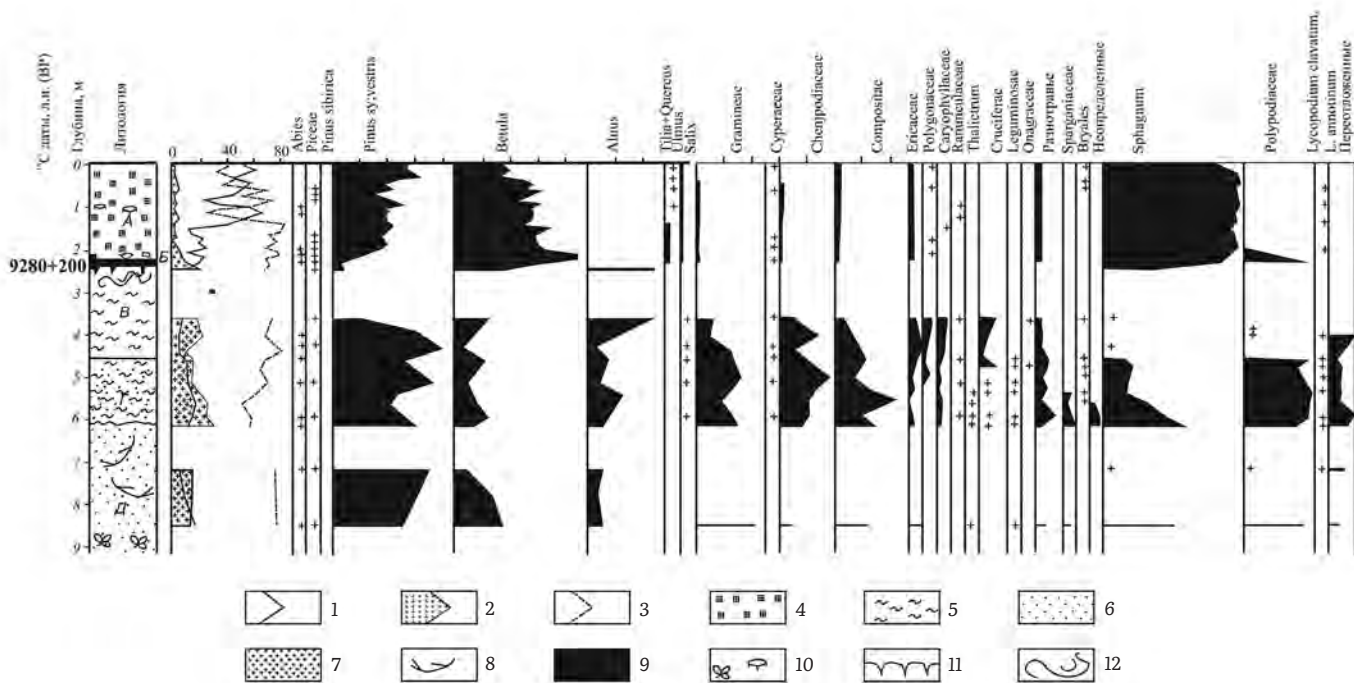

Рис. 27. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Першино (по: Бахарева, 1973)

1 — количество древесной пыльцы	4 — торф ископаемый	7 — песок средне-крупнозернистый	10 — остатки древесины, березовой коры
2 — количество пыльцы трав	5 — суглинки	8 — песок косослоистый	11 — мерзлотные клинья
3 — количество спор	6 — песок	9 — ископаемая почва	12 — нарушения слоистости

пыльца представлена берёзой, сосной, кедром (до 2%), у ели — отдельные пыльцевые зёрна. Среди трав встречаются зёрна злаков, осоковых. Из споровых — сфагновые мхи.

7. Палинозона берёзы и сосны с широколиственными (интервал 2,0–1,2 м). Преобладает пыльца деревьев (до 80%). Споры на 2-м месте (до 30%), на третьем — травы (менее 5%). Из древесных доминирует пыльца берёзы — 60%, доля сосны — 35%, кедра и ели — по 2%; присутствуют пыльцевые зёрна широколиственных (липы, дуба), споры сфагновых мхов, таксономический состав трав беден.

8. Палинозона берёзы и сосны с господством сфагновых мхов (интервал 1,2–0,9 м). Количество спор увеличивается до 70%, древесной пыльцы уменьшается до 30%, пыльца трав — до 50%, несколько меньше зёрен сосны (до 40%). Споры принадлежат сфагновым мхам.

9. Палинозона берёзы и сосны с липой, дубом, вязом (0,9–0,4 м). Преобладает пыльца древесных (до 70%), спор — до 30% (сфагновые мхи), количество пыльцы трав осталось прежним. Состав древесной пыльцы: берёза (до 50%), сосна (до 40%), присутствуют тёмнохвойные (ель, пихта) и широколиственные (липа, дуб, вяз).

10. Палинозона сосны, берёзы древовидной и кустарниковой (0,4–0 м). Количество спор увеличивается до 60%, доля пыльцы древесных сокращается до 50%, трав — менее 2%. Пыльца древесных: сосна (до 50%), берёза (до 40%). Встречается пыльца карликовой берёзы, из споровых растений — сфагновых мхов.

Время начала формирования торфяника определяется датой 9000 ± 100 ^{14}C л. н. (СОАН-395) / 8458–7816 л. до н. э. на глубине 295–300 см.⁵⁴ Для начального этапа (палинозона 6) характерно развитие берёзовых лесов с елью. Присутствие карликовых берёз указывает на то, что в этот момент климат изменился в сторону потепления.⁵⁵ Развитие берёзово-сосновых лесов с елью и широколиственными (палинозона 7) указывает на более благоприятные, чем современные, условия (тёплые и более влажные) в атлантическом периоде. Наступившее позднее похолодание (палинозона 8) выразилось в сокращении лесных массивов, на это время приходится формирование первого горизонта (суббореальный период). Неоднократные климатические флуктуации зафиксированы для времени формирования верхней части торфяника (палинозон 9 и 10). Спектры отражают распространение сосново-берёзовых лесов с елью и присутствие широколиственных (липы и вяза) в начале и в конце периода. Климатические условия по своим параметрам были близки к современным значениям. Спектры палинозоны 10 фиксируют произрастание берёзово-сосновых лесов с кедром, выпадение ели и широколиственных деревьев из состава древостоя, отражают похолодание климата. По спорово-пыльцевым спектрам отложений торфяника было установлено два периода похолодания и два потепления. По аналогии с данными других разрезов, первое потепление приходится на атлантическое время, второе — на суббореальное, начало субатлантического периодов.⁵⁶

Разрез Ентарное находится на низком сегменте надпойменной террасы, в нескольких километрах от д. Верхне-Вартовское.⁵⁷ Общая мощность отложений на месте отбора образцов составляет 5,5 м. По строению и стратиграфии торфяник низинного типа, толща подразделяется на две разновозрастные пачки: торф и гиттию (сапропель), которая замещается супесчаными и песчаными осадками.

1. Торф коричневый, серовато-коричневый, плотный слоистый, с обильными растительными остатками, на глубине 1,7 м от поверхности. Основание торфа (165–170 см) датировано 2400 ± 30 ^{14}C л. н. (СОАН-1183) / 733–397 л. до н. э. Из средней части обнажения, на отметках 1,7–1,1 м от поверхности, получены даты 2270 ± 45 ^{14}C л. н. (СОАН-1184) / 404–201 л. до н. э. и 1119 ± 30 ^{14}C л. н. (СОАН-1185) / 774–995 л. н. э. Нижний контакт подчеркнут тоненькими прослойками песка, общая мощность слоя — 1,7 м.

2. Отложения сапропеля чёрного цвета с примесью супеси на глубине 1,7–4,25 м. Прослойка волокнистого торфа 3–5 см на глубине 3,0–3,4 м датирована 6860 ± 50 ^{14}C л. н. (СОАН-1182) / 5876–5640 л. до н. э. (см. табл. 2). В нижней части слоя — мелкий растительный детрит.

3. Торф тёмно-коричневый, очень плотный, с тонкой горизонтальной слоистостью с мелкими растительными остатками на глубине 4,25–4,6 м. Слой датирован 9920 ± 120 ^{14}C л. н. (СОАН-1181) / 9881–9164 л. до н. э.

4. Супесь грязно-синего цвета, при высыхании — светло-бурая, иловатая, горизонтально-слоистая, на глубине 4,6–5,5 м.

⁵⁴ Бахарева В. А. Указ. соч. С. 115.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Волкова В. С., Левина Т. П. Растительность голоцена Западной Сибири по политологическим данным // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 186–192.

⁵⁷ Архипов С. А. и др. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников ... С. 123–127.

На спорово-пыльцевой диаграмме выделены палинозоны: I — злаков и разнотравья; II — берёзы и злаков; III — Яа — ели, берёзы и злаков; IV — Яб — берёзы и осоки; V — Яв — сосны и берёзы; VI — Яг — кедра, сосны и берёзы; VII — Яд — сосны, берёзы; VIII — Яе — сосны, кедра, берёзы; IX — Яж — берёзы; X — Яз — сосны и берёзы.⁵⁸

Палинологические зоны отражают развитие растительности с конца позднеледникового времени (рис. 28).

Палинозона I не датирована, по спектрам отражает условия позднеледниковья: открытые пространства, занятые разнотравно-злаковыми группировками. Время формирования супесей. Зона злаков и разнотравья.

Палинозоны II–III, ориентируясь по датам, описывают предбореальный период.

Палинозона II начало пребореала, появились берёзовые редколесья.

Палинозона III — 9920±120 ¹⁴C л. н. (СОАН-1181) / 9881–9164 л. до н. э. (вторая половина пребореального периода) ландшафт представлял слабо облесенные пространства, на месте торфяника аккумуляровались нижние слои торфа.

Палинозона IV. Под влиянием некоторого увлажнения в составе древостоя появилась ель. На месте торфяника в бореальном периоде существовал водоём, в котором накапливались сапропели (гиттия).

Палинозоны V–VI (атлантическое время). Спектры отражают лесные формации, по соотношению пыльцы древесных в спектрах можно утверждать, что в это время формировались настоящие сомкнутые леса. В начале появляются сосново-берёзовые леса с пихтой, вязом, слой датирован 6860±50 ¹⁴C л. н. (СОАН-1182) / 5876–5640 л. до н. э., затем появляются кедрово-сосново-берёзовые леса с пихтой и вязом.

Палинозона VII (суббореальное время). Спектры фиксируют некоторое похолодание, в лесах, по-видимому, сокращается участие кедра и пихты. На месте отбора на болотном массиве происходит формирование торфяной залежи.

Палинозона VIII — улучшение климатических условий приводит к увеличению видового разнообразия древостоев. В сосново-кедрово-берёзовых лесах росли вяз и липа (зона Яе), пихта играла меньшую роль в растительности, чем в атлантическое время.

Палинозона IX объединяет нижнюю часть слоя торфа, основание которого датировано 2400±30 ¹⁴C л. н. (СОАН-1183) / 733–397 л. до н. э., конец суббореального периода.

Палинозона X верхняя часть слоя начала формироваться в субатлантическое время, есть дата 1119±30 ¹⁴C л. н. (СОАН-1185) / 774–995 л. н. э. В последние несколько сот лет из состава лесов исчезли широколиственные древесные виды (липа, вяз, дуб).⁵⁹

Разрез Светленькое. Оз. Светленькое находится в 4 км от современной поймы р. Обь недалеко от места слияния рр. Иртыш и Обь.⁶⁰ Местность равнинная, заболоченная. Растительность

⁵⁸ Архипов С. А. и др. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников... С. 123–127.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Amon L., et al. Op. cit. P. 618–631.

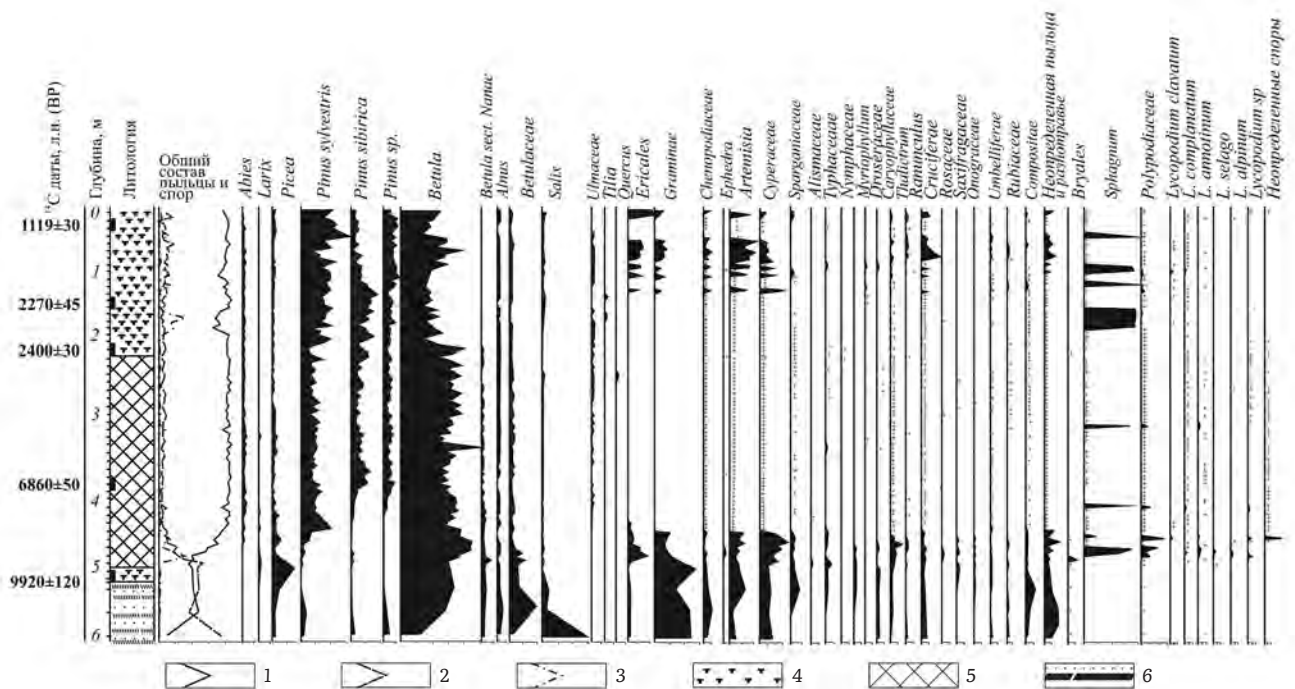

Рис 28. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Ентарное (по: Архипов и др., 1980)

1 — сумма пыльцы древесных растений   3 — сумма спор   5 — гиттия
2 — сумма пыльцы трав   4 — торф   6 — супесь

типичная для среднетаёжной подзоны: распространены тёмнохвойные леса из ели, пихты, кедра, елово-сосновые в примеси с лиственницей и сосновые леса. Керн отобран со дна озера в зимнее время.

Стратиграфия разреза:

- 325–308 см — голубовато-серый сапропель с более тёмной прослойкой на глубине 316–314 см;
- 308–280 см — тёмно-коричневый сапропель с детритом и остатками древесины;
- 280–264 см — бурый сапропель с меньшим содержанием детрита;
- 264–157 см — зеленовато-коричневый сапропель;
- 157–0 см — рыхлый коричневый сапропель.

На спорово-пыльцевой диаграмме выделено пять палинозон.⁶¹

Палинозона LSP1, около 11 400–11 300 л. н. / 9450–9350 л. до н. э. (на основе калиброванных дат⁶² и расчётных данных), характеризуется доминированием сосны до 44%. На диаграмме видны относительно высокие значения пыльцы ели (22%); пики кривой ольхи; большое количество злаков и осок. Среди споровых наблюдается абсолютный максимум сфагновых мхов, присутствуют споры папоротника (*Thelypteris palustris*).

⁶¹ Amon L., et al. Op. cit. P. 618–631.

⁶² Там же.

Палинозона LSP2 (11 300–8000 л. н. / 9350–6050 л. до н. э.) характеризуется быстрым падением кривой пыльцы сосны и ели и резким увеличением содержания пыльцы берёзы древесной до 70%. Увеличивается таксономическое разнообразие пыльцы древесных растений, появляется пыльца можжевельника (*Juniperus*), ивы (*Salix*), в небольших количествах — вяза и осины (*Populus*). В отличие от предшествующей палинозоны нет пыльцы ольхи. Появляется пыльца травянистых растений: полыни, маревых, вереска (*Calluna*), крапивы (*Urtica*), таволги (*Filipendula*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), василистника (*Thalictrum*), багульника (*Ledum*), уменьшается доля злаков и осок. Главной особенностью этой пыльцевой зоны является высокое обилие пыльцы водных растений: рогоз (*Typha*) / ежа (*Sparganium*), Уруть волосковая (*Myriophyllum spicatum*), кубышка (*Nuphar*), кувшинка (*Nymphaea*), роголистник (*Ceratophyllum*), встречающихся в прудах, озёрах и медленно текущих водах. Во всех спектрах палинозоны присутствуют споры сфагнума и папоротника с максимальными значениями, появляются споры хвоща (*Equisetum*).

Палинозона LSP3 (8000–6750 л. н. / 6050–4800 л. до н. э.) отличается максимумом пыльцы ели (до 29%) и падением кривой берёзы с 70 до 40%. По сравнению с другими зонами сумма пыльцы древесных растений в два раза больше. В спектрах уменьшается доля трав. Сокращается участие споровых растений. Количество зелёных водорослей рода *Pediastrum*, *Tetroedron*, *Scenedesmus* значительно увеличивается.

Палинозона LSP4 (6750–4400 л. н. / 4800–2450 л. до н. э.) характеризуется максимальным участием берёзы (до 80%); сокращением количества пыльцы сосны и ели; отмечается единичное присутствие ольхи, дуба и вяза. Пыльца трав: злаков, осоковых, полыней, маревых, сохраняет постоянные значения. Луговое разнотравье: таволга, сложноцветные, зонтичные, представлены неравномерно. Количество споровых растений и водорослей резко уменьшилось, почти исчезло.

Палинозона LSP5 охватывает самый продолжительный период времени: с 4400 л. н. / 2450 л. до н. э. — по настоящее время. Доминирует пыльца деревьев берёзы (50–70%), затем сосны (10–30%). Пыльца ивы, ольхи и вяза присутствует во всех спектрах палинозоны. Пыльцевые зёрна лиственницы, дуба и можжевельника встречаются единично. Среди спор в небольшом количестве присутствуют папоротниковые (в начале зоны), а доля спор сфагновых мхов увеличивается в верхних образцах. По данным СПА, результатам датирования и расчётным данным глубинно-возрастной модели, начало седиментации органических отложений в бассейне оз. Светленькое началось около 9450 л. до н. э. На месте разреза существовал водоём. По данным Т. А. Бляхарчук⁶³, климат в это время был засушливым, в окружающей лесной растительности преобладали сосна, берёза, ель. В период 8550–7450 л. до н. э. по берегам исследуемого участка произрастал смешанный лес (берёза, ель, сосна). В подлеске встречались кустарники (кизильник, ежевика). Позже (~ 6550 л. до н. э.) окрестности мелководного оз. Светленькое начали заболачиваться, об этом свидетельствуют макрофоссилии водно-болотных растений (*Potamogeton*, *Hippuris*, *Schoenoplectus*, *Comarum*, *Andromeda*, *Eriophorum*). По данным СПА оз. Светленькое, бореальный период был наиболее влажным, данные разреза коррелируют с климатическими реконструкциями Т. А. Бляхарчук.⁶⁴ Заболачивание озера произошло 7450–6550 л. до н. э., в течение второй половины бореального

⁶³ Blyakharchuk T. A. Western Siberia, a review of Holocene climatic changes // Journal of Siberian Federal University. Biology. 2009. Vol. 2, № 1. P. 4–12.

⁶⁴ Там же.

и первой атлантического периодов. Следующий крупный палеоэкологический сдвиг происходит около 6150–6050 л. до н. э., когда повысился уровень вод в бассейне р. Обь, в результате затопления озеро соединилось с водами р. Обь. Этот период трансгрессии (6050–4750 л. до н. э.) сопоставляется с палеоклиматической обстановкой атлантического периода, когда климат был теплее и влажнее, чем современный. Равнинный рельеф долины р. Обь не способствовал дренажу и вызывал локальные наводнения. Повышенная температура (на 1,5 °C выше современной) и большее среднегодовое количество осадков способствовали распространению в атлантическом периоде смешанных лесов, растительные зоны сместились на 200–300 км на север. Данные спорово-пыльцевого анализа разреза Светленькое выявили послеледниковый максимум ели в диапазоне между 6050 и 4450 л. до н. э. Отложения этого периода содержали макроостатки как ели (*Picea obovata*), так и древесной берёзы (*Betula*). Около 5850–5730 л. до н. э. происходит очередной сдвиг большинства палеоэкологических параметров оз. Светленькое, падение уровня вод приводит к регрессии озера и изоляции от р. Обь. Это могло произойти под влиянием различных факторов: снижения влажности, нарастания торфа. Спорово-пыльцевые спектры не выявляют каких-либо качественных изменений, демонстрируя стабильность климатических условий. Палиноспектры глубин 170–100 см (5850 и 2710 л. до н. э.) характеризуют похолодание падением кривых ели и сосны и увеличением доли пыльцы берёз; о некотором повышении сухости климата свидетельствует присутствие в спектрах 5–7 % ветроопыляемых трав полыней и злаков. Около 2710–790 л. до н. э. в спорово-пыльцевых спектрах произошло уменьшение содержания пыльцы берёз, хотя она продолжает доминировать в составе лесных сообществ, увеличилась доля хвойных, сосны, количество пыльцы ели в пределах 5–10 %, в составе древостоев единично стали появляться широколиственные вяз и дуб. В период 790–0 л. до н. э. доля пыльцы берёз присутствует в пределах 60–65 %, на диаграмме выражены колебания кривой сосны в пределах 20–35 %, пики находятся в противофазе с кривой берёз, возможно, это сукцессии, связанные с пожарами или вырубкой. В самой верхней части разреза, последние 12 см, из состава спектров выпадают неморальные виды: вяз и дуб.

Приобская правобережная северо-таёжная провинция

Разрез Назино. Место отбора — естественное торфяное обнажение мощностью 4,0 м вместе с суглинком, на правом берегу р. Обь, у с. Назино.⁶⁵

Современная растительность на месте разреза представлена олиготрофной сосново-кустарничково-сфагновой (*Sphagnum fuscum*) группировкой. В описании разреза деление толщи осадочных отложений произведено по периодам шкалы Блитта — Сернандера. Радиоуглеродные датировки в публикации приведены без индексов.

Бореальный период охватывает слой суглинка (400–390 см) и торфа (390–315 см) (рис. 29). Ботанический анализ показал следующие стадии развития локальной растительности: заболоченный лес, согра травяно-болотная — 8525±120 ¹⁴C л. н. / 7948–7194 л. до н. э.; осоково-пушицевая фация — 8295±200 ¹⁴C л. н. / 7725–6696 л. до н. э.; олиготрофная сосново-кустарничково-сфагновая фация с 8020±120 ¹⁴C л. н. / 7326–6606 л. до н. э. — до современности (см. табл. 2).

⁶⁵ Глебов Ф. З. и др. Палеоэкологический анализ торфяного разреза «Назино»... С. 683.

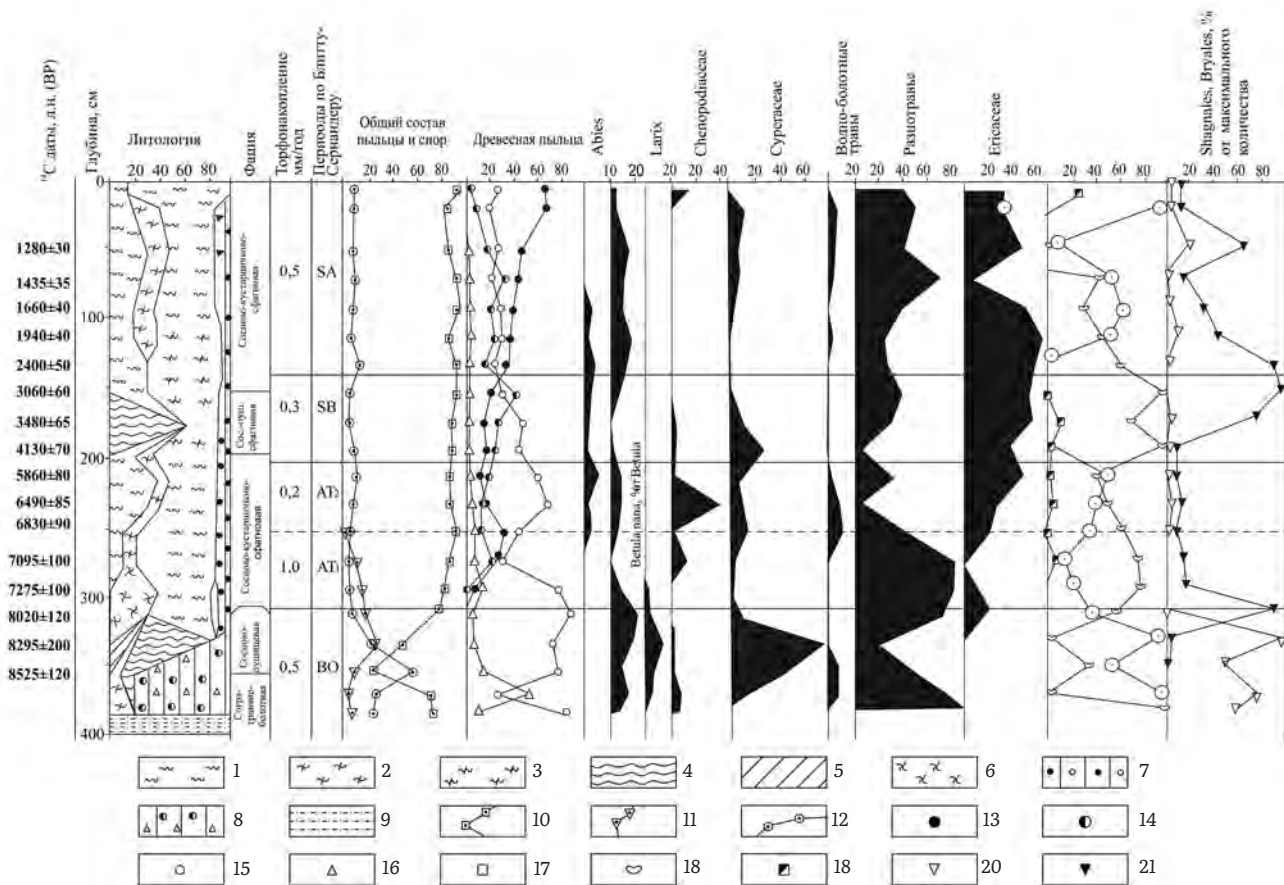

Рис. 29. Стратиграфия и спорово-пыльцевая диаграмма торфяного разреза Назино (по: Глебов и др., 1974)

1–8 — растительные остатки в торфе	6 — хвощи	11 — споры	16 — ель
1 — <i>Sphagnum magellanicum</i>	7 — кора и древесина берёзы и сосны	12 — травы	17 — хвощи
2 — <i>Sph. angustifolium</i>	8 — кора и древесина кедра и ели	13–21 — пыльца и споры отдельных таксонов	18 — папоротники
3 — <i>Sph. fuscum</i>	9 — суглинок	13 — сосна	19 — плауны
4 — пушица	10–12 — суммы пыльцы и спор	14 — кедр сибирский	20 — сфагновые мхи
5 — осоки	10 — пыльца древесных	15 — береза	21 — гипновые мхи

В спорово-пыльцевом спектре из суглинка преобладает пыльца древесных — 75%, содержание трав — 20%; споры не играют существенной роли. Среди древесных господствует пыльца ели и берёзы, в меньшей степени — лиственницы. В середине периода (8525±120 ¹⁴С л. н. / 7948–7194 л. до н. э.) происходит резкое сокращение пыльцы древесных, ботанический анализ слоя обнаруживает углистые включения (следы пожаров). В травянистой части спектра преобладают споры папоротников, хвощей и пыльца разнотравья. В слое возрастом 8020±120 ¹⁴С л. н. / 7326–6606 л. до н. э. резко увеличивается содержание пыльцы берёзы и лиственницы, что, возможно, является результатом возобновления древостоя после пожаров, эти таксоны выступают пионерной растительностью.

На палеоклиматических кривых наблюдаются два пика: на уровне 375 см — влажное потепление по аналогии с разрезом «Водораздел» имеет возраст 8890±120 ¹⁴С л. н.; второй пик — сухое похолодание, пришедшееся на 8525±120 ¹⁴С л. н. / 7948–7194 л. до н. э. Средние температуры июля и января были ниже современных на 2–3 °С, осадков выпадало примерно на 75 мм меньше.

Атлантический период (315–200 см) подразделяется на две палинозоны: стратиграфический рубеж — торфяная залежь мезотрофная осоково-пушицевая сменилась олиготрофной сосново-кустарничково-сфагнувой. Содержание древесной пыльцы с данного уровня увеличивается, указывая на высокую сомкнутость лесов в это время. В спектрах с глубины 300–290 см (7275 ± 160 ^{14}C л. н. / 6216–5742 л. до н. э.) появилась пыльца кедра и сосны, по-видимому, они стали доминантами в лесных сообществах, роль ели возросла, сократилось участие берёзы. На окружающем пространстве сформировались тёмнохвойные леса с богатым разнотравьем среднетаёжного типа.

Палеоклиматические кривые показывают с 8295 ± 200 ^{14}C л. н. / 7725–6696 л. до н. э. тренд на стремительное потепление и увеличение влагообеспеченности почти до конца атлантического периода (АТ-2), датируемым 7095 ± 100 ^{14}C л. н. / 6216–5742 л. до н. э. Повышение влажности произошло примерно на 40 мм больше современного. После этого уровня установился температурный режим с относительно кратковременными флуктуациями от современных величин разной направленности. Локальная растительность по-прежнему представлена олиготрофными болотными сообществами. В составе лесов продолжает возрастать роль кедра, увеличивается содержание пихты. На границе АТ-1 / АТ-2 выделяются пики берёзы, карликовой берёзы, маревых, возможно, пирогенная сукцессия.

В суббореальный период (235–135 см) на болоте произошла смена сосново-кустарничково-сфагновых фитоценозов на сосново-пушицево-сфагновые, которые просуществовали весь суббореальный период.

В пыльцевых спектрах древесных происходит падение кривой берёзы и рост кедра, с достижением его максимума 3060 ± 60 ^{14}C л. н. / 1445–1126 л. до н. э., кривые берёзы и сосны находятся в противофазе — уменьшению берёзы соответствует увеличение сосны, что, возможно, связано с заболачиванием территории и поселением сосны на болотах. Содержание пыльцы пихты незначительное. На плакорах в это время были развиты устойчивые среднетаёжные леса.

Палеоклиматические кривые монотонные и не объясняют динамику лесных формаций, по палинологическим данным не прослеживается раннее суббореальное потепление и позднее суббореальное похолодание.

Отложения субатлантического периода (135–0 см) характеризуют очередную трансформацию на болоте, господствующим фитоценозом становится сосново-кустарничково-сфагновый.

В древесной части спектра доминирует сосна, субдоминантами являются ель и кедр, количество пыльцы пихты близко к доле ели, которая исчезает во второй половине периода. Рост количества пыльцы кедра с 1435 ± 35 ^{14}C л. н. / 574–657 л. н. э. синхронен увеличению доли разнотравья, резкому уменьшению пыльцы вересковых и спор сфагновых мхов. Палеоклиматические кривые фиксируют во второй половине периода значительное влажное потепление с пиком около 1280 ± 30 ^{14}C л. н. / 662–821 л. н. э., но заканчивается период значительным сухим похолоданием.

Разрез Лукашкин Яр — естественное обнажение второй правобережной террасы р. Обь возле с. Лукашкин Яр Александровского р-на Томской обл. На поверхности террасы, на месте обнажения, находится участок верхового болотного массива с кустарничково-сфагновыми

группировками на бугорках и кустарничково-сфагновыми в мочажинах. Торфяная залежь имеет относительно небольшую мощность — 345 см.⁶⁶

Стратиграфия разреза:

- 0–0,3 м — ангустифолиум-торф;
- 0,3–0,75 м — фускум-торф;
- 0,75–0,81 м — пушицевый торф;
- 0,81–1,2 м — фускум-торф;
- 1,2–1,4 м — сосновый торф;
- 1,4–2,5 м — фускум-торф;
- 2,5–2,7 м — пушицевый торф;
- 2,7–2,85 м — согрово-пушицевый торф;
- 2,85–3,0 м — согровый торф;
- 3,0–3,25 м — гипновый торф;
- 3,25–3,45 м — травяно-гипновый торф;
- 3,45–3,5 м — гумусированный суглинок с остатками травянистых растений;
- 3,5–4,25 м — суглинок с прослойками растений.

Палинозона I (фаза) выделена на глубине 425–350 см в слое суглинка. Количество древесной пыльцы с кустарниковой берёзой колеблется в пределах 55–65% (рис. 30). В спектрах палинозоны доля пыльцы берёзы постепенно снижается, а ели — увеличивается, присутствует пыльца лиственницы, сосны, и в конце палинозоны появляется пыльца кедра. Участие пыльцы трав в спектрах в пределах 30–45%, преобладает пыльца разнотравья и полыни, максимальное содержание в спектрах пыльцы водных растений — *Typha*, *Alisma*, *Nuphar*, *Vitotmis* (сусак зонтичный). Содержание спор доходит до 10%. Датировки для палинозоны нет, но дата нижнего предела следующей фазы указывает, что палинозона соответствует раннеголоценовому потеплению по Н. В. Кинд.⁶⁷

Палинозона II на глубине 350–290 см, в спектрах резко уменьшается содержание древесной пыльцы до 10%, увеличивается количество спор до 65%. Содержание пыльцы ели и лиственницы достигает своего минимума. Это указывает, что эти породы вместе с берёзой образовывали редколесья, возросла ценозообразующая роль кустарниковой берёзы. Характер спектров фиксирует похолодание, при котором формировался лесотундровый ландшафт. В это время начинается процесс заболачивания, обусловленный мерзлотными процессами, аккумулируются слои торфа травяно-гипнового и гипнового. Нижняя часть палинозоны датирована на глубине 345–325 см (9200±100 ¹⁴С л. н. (Крил-88) / 8701–8247 л. до н. э., соответствует раннеголоценовому похолоданию. Верхний слой 300–290 см имеет дату 8700±120 ¹⁴С л. н. / 8205–7544 л. до н. э. (см. табл. 2).⁶⁸

⁶⁶ Глебов Ф. З. и др. Палинологическая характеристика и датировка по ¹⁴С... С. 194–199.

⁶⁷ Кинд Н. В. Абсолютная хронология основных этапов истории последнего оледенения и последледниковья Сибири (по данным радиоуглеродного метода) // Четвертичный период и его история. М., 1965. С. 157–175.

⁶⁸ Там же.

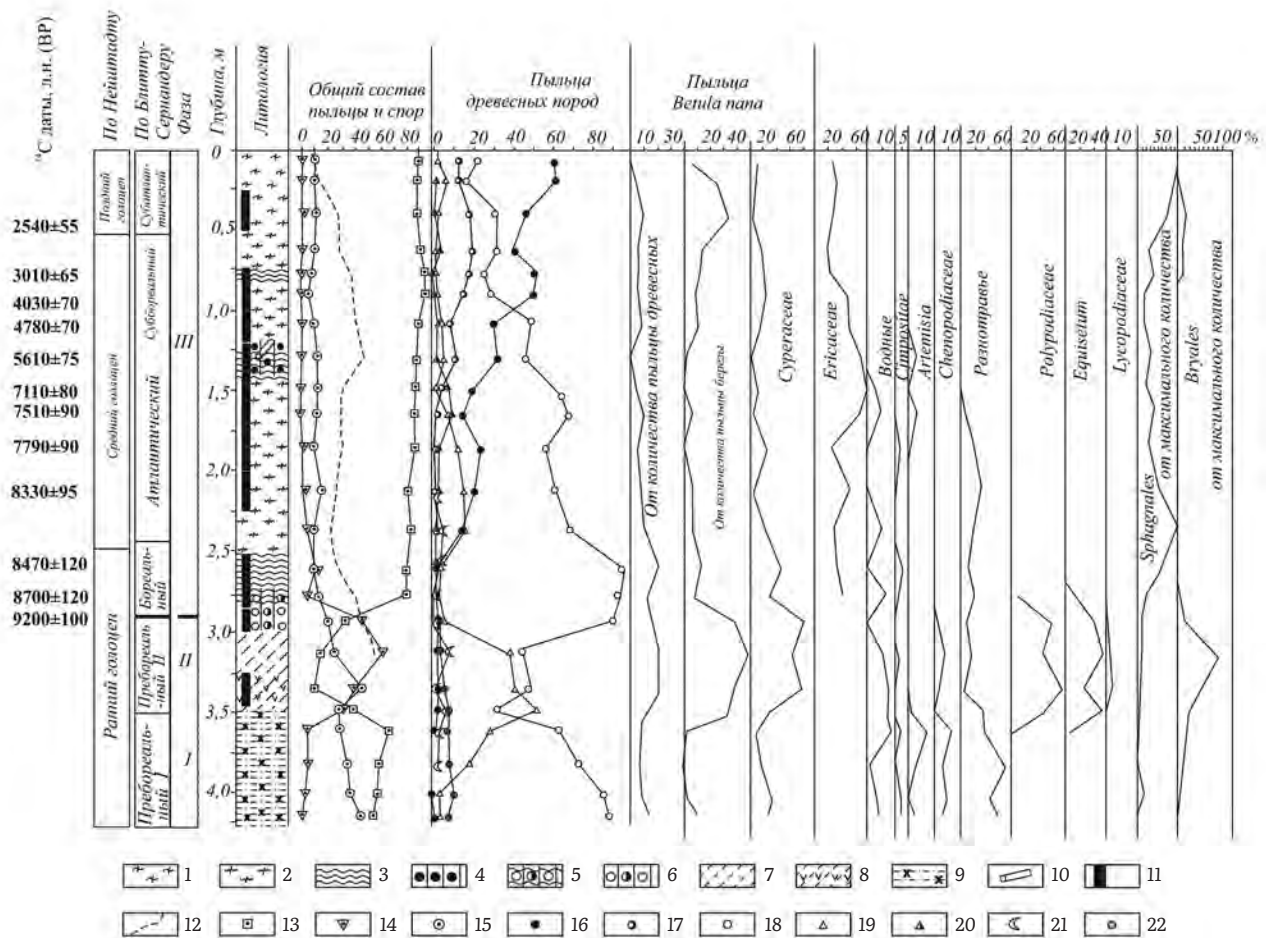

Рис. 30. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Лукашкин Яр (по: Глебов и др., 1974)

Виды торфа			Пыльца	
1 — ангустифолиум	6 — согровый	11 — место отбора проб на ¹⁴ C	16 — сосна	21 — лиственница
2 — фускум	7 — гипновый	12 — степень разложения торфа	17 — кедр	22 — ольха
3 — пушицевый	8 — травяно-гипновый	13 — сумма пыльцы древесных	18 — берёза	
4 — сосновый	9 — суглинок с хвощом	14 — сумма спор	19 — ель	
5 — пушицево-согровый	10 — стволы сосны	15 — сумма пыльцы травянистых	20 — пихта	

Палинозона III — верхняя часть залежи (290 см). По спектрам фиксируется лесистость территории, отражаемая соотношением общего количества пыльцы древесных, травянистых растений и спор. Начало палинозоны отмечено двумя резкими рубежами: спорово-пыльцевым и стратиграфическим. Содержание пыльцы древесных колеблется в пределах 80–96%. Содержание пыльцы берёзы, достигнув максимума в начале фазы, постепенно уменьшается к её концу. Количество пыльцы сосны, напротив, повышается и становится в конце фазы наибольшим.

Спектры характеризуют потепление и формирование лесной зоны. В пределах палинозоны реконструируется ряд изменений: в отложениях согрового торфа спектры свидетельствуют о резком облесении торфяника; ель в засушливых условиях снижает своё участие в составе древостоев до минимума. Бореальный период по данным СПА характеризуется

ксеротермическими условиями, палинозона датирована: 8470 ± 120 ^{14}C л. н. (Крил-91) / 7773–7086 л. до н. э. и 8330 ± 95 ^{14}C л. н. (Крил-92) / 7577–7083 л. до н. э. Во время влажного атлантического периода (в толще фускум-торфа) в спектрах отмечается второй максимум кривой ели, начинается подъём кедра. В это время на плакорах формируется тёмнохвойная тайга. Болото находится на олиготрофной стадии развития (слой фускум-торфа и максимум спор сфагнома на глубине 237 см). Снижение участия в спектрах пыльцы ели и пихты в конце палинозоны указывают на уменьшение влажности и подсыхания болота. Завершается период ксеротермическим отрезком — 4660–4330 л. до н. э. (по расчётным данным), который ограничен слоем соснового торфа (120–140 см), степень разложения слоя имеет максимальные значения. Для залежи фускум-торфа имеются даты: 7790 ± 90 ^{14}C л. н. (Крил-94) / 7031–6449 л. до н. э. на 200–225 см; 7510 ± 90 ^{14}C л. н. (Крил-96) / 6570–6092 л. до н. э. — на 170–200 см. Пограничный горизонт датирован по древесине 5610 ± 75 ^{14}C л. н. / 4657–4331 л. до н. э. — на 120–140 см.

Суббореальный и субатлантический периоды на диаграмме выделяются менее чётко, можно лишь отметить рост кривой кедра и пик кустарниковых берёз на стыке периодов, что свидетельствует о похолодании климата. Для суббореального периода получены датировки: 4780 ± 70 ^{14}C л. н. (Крил-99) / 3700–3372 л. до н. э. — на 100–120 см; 4030 ± 70 ^{14}C л. н. (Крил-100) / 2868–2348 л. до н. э. — на 80–100 см; 3010 ± 65 ^{14}C л. н. (Крил-101) / 1415–1053 л. до н. э. — на 75–80 см и для субатлантического периода на глубине 30–50 см — 2540 ± 55 ^{14}C л. н. (Крил-103) / 809–481 л. до н. э. Последняя дата фиксирует похолодание.

Приобская правобережная северо-таёжная подзона

Разрез Сытомино. Место отбора находится в болотном массиве, на правобережной низкой террасе р. Обь, к западу от г. Сургута.⁶⁹ Болото олиготрофное грядово-мочажинно-озерковое, типичное для северо-таёжной подзоны. Шурф заложен в центральной части болотной системы, вскрывает залежь мощностью 3,5 м. Стратиграфия разреза:

- 2,25–3,5 м — верховой фускум-торф;
- 1,5–2,25 м — верховой магелланикум-торф;
- 1,25–1,5 м — верховой магелланикум-торф;
- 1,0–1,25 м — верховой магелланикум-торф;
- 0–1,0 м — верховой фускум-торф.

Подстиляет торф мелкозернистый песок. В разрезе отсутствуют палинозоны, соответствующие позднему дриасу и пребореальному периоду. Разрез не датирован, возраст палинозон представлен по корреляции с другими разрезами (рис. 31).

Палинозона III выделяется на глубине 3,0–3,5 м, охватывает придонный слой торфа. Она характеризуется обилием пыльцы ели, содержание которой соответствует нижнему максимуму ели.⁷⁰ Количество пыльцы сосны не превышает 15%, древовидной берёзы — 20%,

⁶⁹ Лисс О. Л., Березина Н. А. Болота Западной Сибири... С. 15–16.

⁷⁰ Кац Н. Я., Кац С. В. История растительности болот Севера Сибири как показатель изменений послеледникового ландшафта // Труды Института географии АН СССР. М.; Л., 1946. Вып. 37: Проблемы палеографии четвертичного периода. С. 330–348.; Они же. Стратиграфия торфяников Приобского Севера // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М., Л., 1948. Т. 7. Вып. 1. С. 15–54.

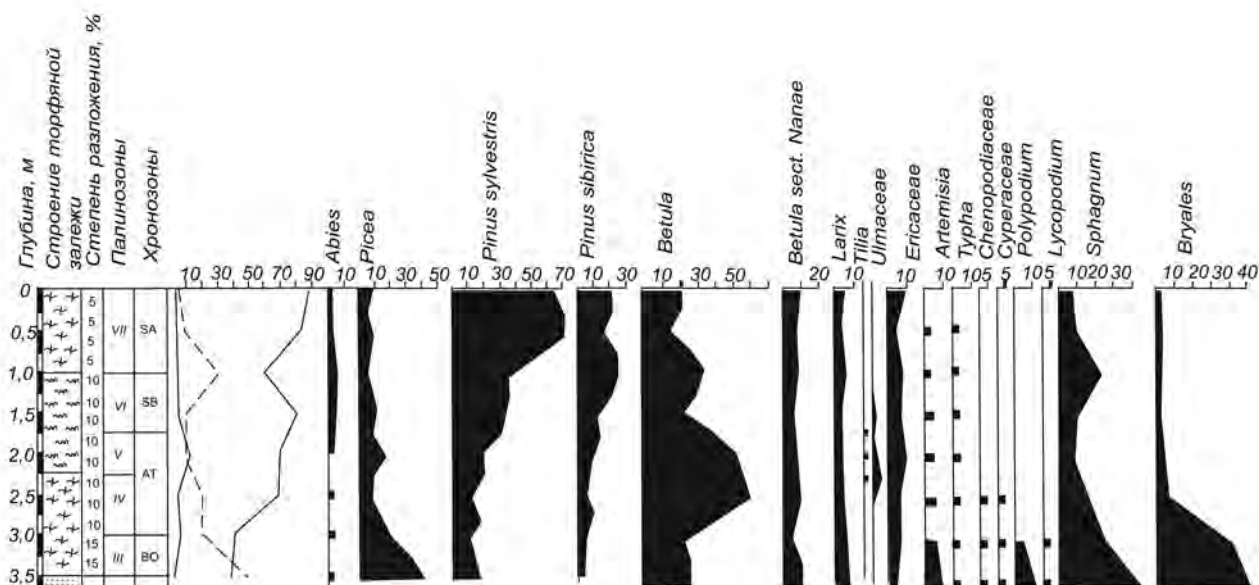

Рис. 31. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Сытомино (по: Лисс, Березина, 1981)

кустарниковой берёзы — 10%, встречаемость пыльцы кедра и лиственницы незначительна. Травяной спектр представлен небольшим количеством пыльцевых зёрен полыней, маревых, злаков, осок. Споры сфагновых и зелёных мхов составляют до 50% спектра. По нижнему максимуму ели эту палинозону можно отнести к началу бореального периода. В северо-таёжной подзоне бореал — время появления очагов заболачивания.⁷¹ Климатические условия характеризуются высокими значениями тепло- и влагообеспеченности.

Палинозона IV выделяется на глубине 2,25–3,0 м, нижняя граница проведена на уровне падения пыльцы ели и кустарниковых берёз, верхняя — на уровне роста кривой пыльцы ели. Для палинозоны характерно преобладание пыльцы сосны и берёзы (нижний максимум), немного увеличивается содержание пыльцы кедра (до 8%). Травяно-кустарничковый спектр представлен незначительным количеством пыльцы маревых, полыней, осоковых злаков, значительно больше пыльцевых зёрен вересковых (*Ericaceae*), кустарниковых берёз (до 20%). Палинозона отражает господство сосново-берёзовых лесов, пришедших на смену еловым древостоям, что свидетельствует о похолодании и повышении сухости климата в первой половине атлантического периода. Многие авторы отмечают, в это время болота вступили в верховую стадию своего развития.⁷²

Палинозона V выделена на глубине 1,75–2,25 м, нижняя граница совпадает с новым подъёмом кривой ели, увеличением содержания пыльцы широколиственных древесных растений (вяза и липы). Эти характеристики пыльцевого спектра, а также соответствие с кривыми

⁷¹ См.: Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 147; Пьявченко Н. И. К изучению палеогеографии севера Западной Сибири в голоцене // Палинология голоцена. М., 1971. С. 139–157.

⁷² См.: Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154; Лисс О. Л., Березина Н. А. Возраст и генезис болот в центральной части Западно-Сибирской равнины // Исследования торфяных отложений. Калинин, 1980. Вып. 4. С. 24–34.

теплообеспеченности и увлажнённости по Н. А. Хотинскому и В. А. Климанову позволяют отнести палинозону ко второй половине атлантического периода.⁷³

Палинозона VI на глубине 1,0–1,75 м выделяется по преобладанию пыльцы сосны и берёзы. Содержание ели уменьшается, образуя небольшой пик на уровне 1,25 м, особенности пыльцевых спектров указывают на похолодание и уменьшение увлажнённости климата. Палинозона коррелирует с палинозой VI разреза Сартынья (Сёртынья), соответствует суббореальному периоду.⁷⁴

Палинозона VII охватывает 1–0 м, характеризуется максимальным содержанием пыльцы сосны и кедра. В достаточном количестве присутствует пыльца берёзы. Палинозона по характеру спектров коррелирует с палинозой субатлантического периода разреза Сартынья. Спектры палинозоны характеризуют лесную растительность современной подзоны северной тайги с кедрово-сосновыми лесами с примесью ели.

Разрез Салымо-Юганское расположен в центральной части Обь-Иртышского междуречья. Шурф заложен в центре Салымо-Юганского болотного массива. Общая мощность отложений достигает 7,5 м. Стратиграфия Салымо-Юганского торфяного разреза приведена в табл. 8.⁷⁵

Таблица 8

Стратиграфия Салымо-Юганского торфяного разреза

Вид торфа	Степень разложения, %*	Глубина залежи, м
Сфагновый мочажинный торф	10–15	0–1,0
Фускум-торф	5–10	1,0–2,5
Сфагновый мочажинный торф	10–15	2,5–4,0
Верховой шейцериевый торф	30–35	4,0–5,0
Переходный осоково-сфагновый торф	15–20	5,0–5,25
Низинный сфагновый торф	20	5,25–5,5
Низинный осоково-гипновый торф	20	5,5–5,6
Низинный гипновый торф	20	5,6–5,8
Сапропель	—	5,8–6,5
Низинный осоковый торф	20	6,5–7,0
Сапропель	—	7,0–7,5

* Степень разложения определяется у торфяных образцов. Спорово-пыльцевая диаграмма состоит из семи палинозон (рис. 32).

Палинозона I (7,5–7,0 м) — нижний слой озерных сапропелевых отложений. Палинозона характеризуется высоким содержанием кустарниковых берёз, полыней, маревых, присутствием

⁷³ Хотинский Н. А., Климанов В. А. Радиоуглеродный возраст и климатические условия развития бугристых торфяников Надым-Казымского междуречья в голоцене // Вопросы экологии растений болот, болотных местообитаний и торфяных залежей: сб. ст. Петрозаводск, 1985. С. 132–140.

⁷⁴ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 83.

⁷⁵ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 145–149.

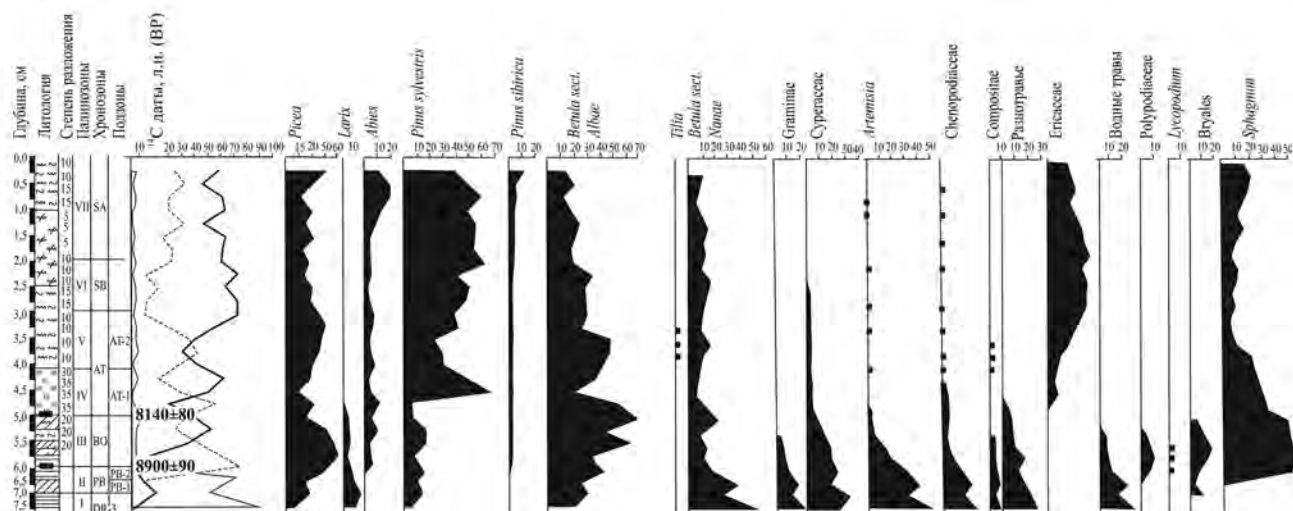

Рис. 32. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Салымо-Юганского (по: Лисс, Березина, 1981)

пыльцы водных растений. Характер спектров имеет сходство с зоной I разреза Ентарное на р. Обь⁷⁶, что позволяет определить возраст придонного слоя сапропеля как позднелиасовый.⁷⁷

Палинозона II (7,0–6,0 м) включает две подзоны. II а (7,0–6,5 м) выделяется по росту кривой древесных таксонов (ели, берёзы) и небольшим уменьшением содержания пыльцы трав, что свидетельствует об улучшении климатических условий в сторону потепления, подтверждается временным пересыханием водоёма и образованием слоя осокового торфа мощностью 0,5 м. Потепление сопоставимо с половецким потеплением на Русской равнине.⁷⁸

Увеличение количества пыльцы травянистых растений в подзоне II б (6,5–6,0 м) и частичное восстановление перигляциального комплекса свидетельствует о новом ухудшении климатических условий. Похолодание сопоставимо с переславским на Русской равнине⁷⁹, а также с питско-игарским похолоданием на севере Западной Сибири.⁸⁰ Палинозона коррелирует с зоной II разреза Ентарное.⁸¹

Палинозона III (6,0–5,0 м) выделена по нижнему максимуму пыльцы ели (до 40%). Содержание пыльцы сосны не превышает 17%, доля пыльцы древовидной берёзы снижается до 15%. В спектрах много пыльцы пихты и кедра, единичны зёрна пыльцы лиственницы. Участие травянистых резко сокращается, доминантной группой становятся споры сфагновых мхов, встречаемость спор плаунов и зелёных мхов незначительна. Имеется датировка 8140 ± 80 ¹⁴C л. н. (ТА-933) / 7371–6907 л. до н. э., что подтверждает принадлежность палинозоны к бореальному периоду.⁸²

⁷⁶ Архипов С. А. и др. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников... С. 123–127.

⁷⁷ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 145–149.

⁷⁸ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 83.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена... С. 265.

⁸¹ Архипов С. А. и др. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников... С. 123–127.

⁸² Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 153.

Палинозона IV (5,0–4,0 м) в слое шейхцериевого верхового торфа, характеризуется преобладанием пыльцы сосны и берёзы. В пределах зоны находятся нижние максимумы этих таксонов, пыльца кедра в незначительных количествах, чуть обильнее — пыльца пихты. Палинозона коррелирует с палинозоной V Ентарного (1,45–2,0 м), датированной 6860 ± 50 ^{14}C л. н. (СОАН-1182) / 5800 л. до н. э., сопоставляется с ранней половиной атлантического периода. Спектры отражают похолодание, наступившее в первой половине атлантического периода, в это время в средней тайге Западной Сибири происходила трансформация эвтрофных болот в олиготрофные.⁸³

Палинозона V (4,0–3,0) выделена по подъёму кривой пыльцы ели, падению пыльцы берёзы и сосны, единичной встречаемости липы, соответствует второй половине атлантического периода.

Палинозона VI (3,0–2,0 м) отличается сокращением содержания пыльцы ели. Пыльца сосны и берёзы колеблется в пределах 35–45%, заметно увеличивается доля пыльцы кедра. Климатические условия реконструируются как более тёплые, но с меньшим увлажнением в середине суббореального периода, в это время происходила трансформация сильнообводнённых болотных биогеоценозов грядово-мочажинного типа в более дренированные сосново-кустарничково-сфагновые, отложившие слой фускум-торфа.

Палинозона VII (2,0–0 м) охватывает верхний слой торфяных отложений, она соответствует субатлантическому периоду. В древесном спектре доминирует пыльца сосны и берёзы, возрастает содержание пыльцы ели, пихты и кедра. Прослеживается нижний максимум кедра (0,75 м) и его верхний (II-й) максимум на глубине 0–0,25 м. Корреляция VII палинозоны со спорово-пыльцевым комплексом верхнего слоя разреза Лукашкин Яр⁸⁴ позволяет датировать нижнюю границу палинозоны началом субатлантического периода.

Северо-Сосьвинская северо-таёжная провинция

Северный Урал. Хорпия.⁸⁵ Разрез представлен торфяным береговым обнажением (рис. 33). Торфяник расположен на высокой пойме левобережья р. Лозьва, на территории г. Ивдель Свердловской области, вблизи посёлка Хорпия. В современной растительности междуречья Лозьвы и Пелыма преобладают лиственнично-берёзово-сосновые леса. На заболоченных землях обычны елово-сосновые и берёзово-сосново-еловые согры. Исследуемый торфяник находится в экотоне средней и северной тайги. Болото переходного типа. На месте отбора произрастает древостой из сосны с примесью берёзы и ели. В травяно-кустарничковом ярусе преобладают вересковые, в моховом покрове — зелёные и сфагновые мхи. Растительный покров отражает мезотрофную стадию с преобладанием сфагнума бурого (*Sphagnum fuscum* (Schimp.) Klinggr.).

По данным визуальной стратиграфии и ботанического анализа торфа (табл. 9), образование торфяника началось с суходольного заболачивания елового леса в условиях застойного переувлажнения. Появление в напочвенном покрове сфагновых и гипновых мхов, а затем осок и других болотных растений привело к развитию мезотрофного болота.

⁸³ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири...

⁸⁴ Глебов Ф. З. и др. Палинологическая характеристика и датировка по ^{14}C торфяника... С. 197.

⁸⁵ Антипина Т. Г., Панова Н. К., Корона О. М. Указ. соч. С. 353–361.

Рис. 33. Торфяное береговое обнажение Хорпия на р. Лозьва. Фото Т. Г. Антипиной

Таблица 9

Стратиграфия разреза Хорпия

№ п/п	Характер отложений	Глубина от поверхности (см)
1	Комплексный верховой торф	0–30
2	Гипново-сфагновый торф	15–55
3	Гипново-осоковый торф	55–70
4	Гипновый торф	70–80
5	Гипново-сфагновый торф	80–145
6	Сосново-кустарничковый торф	145–165
7	Древесно-сфагновый торф	165–200
8	Древесный торф	200–245
9	Торфяно-минеральные отложения	245–263
10	Тяжелый суглинок темно-синего цвета	263–288
11	Глина синяя с галькой	288–293

Спорово-пыльцевая диаграмма исследованного разреза (рис. 34), в соответствии с имеющимися датировками, характеризует динамику растительности с конца атлантического периода до современности. Условные обозначения приведены на рисунке 15. Судя по спорово-пыльцевым спектрам, во время формирования торфяника в регионе господствовала лесная растительность. Основу её составляли ель сибирская (*Picea obovata* Ledeb.) и сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.), в примеси произрастали пихта сибирская (*Abies sibirica* Ledeb.) и кедр сибирский (*Pinus sibirica* (Rupr.) Mayr.), местами — берёза и лиственница (*Larix sibirica* Ledeb.). Заметное присутствие пыльцы вяза (*Ulmus*) и липы (*Tilia*), хотя и не во всех пробах, свидетельствует об их возможном произрастании в подлеске вплоть до субатлантического периода.

По динамике кривых пыльцы древесных растений на диаграмме выделено пять основных палинозон.

Палинозона IV б выделяется в отложениях подстилающей глины на глубине 265–293 см по максимальному содержанию пыльцы берёз (до 25%) на фоне преобладания пыльцы ели (40–50%) и сосны (30–40%). Пыльцы травянистых растений мало. Присутствуют споры папоротников, в меньшем количестве — бореальных видов плаунов (*Lycopodium annotinum* L., *L. clavatum* L.), сфагновых и зелёных мхов. Спектры характеризуют растительность берёзово-сосново-еловых лесов с примесью пихты, вяза, ольхи; с преобладанием папоротников и мхов в напочвенном покрове и умеренно континентальные климатические условия конце атлантического периода. Верхняя её граница сопоставляется с рубежом атлантического и суббореального (AT/SB) периодов. Уменьшение количества пыльцы ели, отсутствие пихты и появление лиственницы на глубине 265–273 см указывает на похолодание в раннем суббореале.

Палинозона V а выделяется на глубине 200–265 см по максимальному содержанию пыльцы ели (до 60%). Спорово-пыльцевой комплекс характеризует доминирование еловых лесов с сосной, с примесью пихты, с участием вяза, ольхи серой и чёрной, более тёплые и влажные климатические условия по сравнению с концом атлантического периода. Палинозона относится к первой половине суббореала. Возраст отложений маркирован датой 4520 ± 70 ¹⁴C л. н. (ЛУ-6428) / 3494–2935 л. до н. э., полученной по образцу сапропеля на глубине 240–250 см. Верхняя граница палинозоны проведена по уровню 195–200 см, в спектре резко уменьшается количество пыльцы ели, отмечаются пики пыльцы кустарниковых берёзок. На этом уровне фиксируется также смена ботанического состава торфа. Эти изменения могли быть обусловлены похолоданием и уменьшением влажности климата — событие 4.2 ka (граница между средним и поздним голоценом), по расчётным данным 2250 л. до н. э.

Палинозона V б (на глубине 135–200 см) относится ко второй половине суббореального периода. Палинокомплекс характеризуется уменьшением доли пыльцы ели, увеличением — сосны и пихты, появлением пыльцы липы. Увеличение содержания пыльцы сосны может свидетельствовать о нарастании континентальности климата. Спектры в целом отражают произрастание пихтово-еловых и сосновых лесов с участием ольхи, вяза, липы.

Палинозона VI а выделяется на глубине 70–135 см по доминированию пыльцы сосны. В начале палинозоны несколько увеличивается содержание пыльцы ели и появляется пыльца сосны сибирской. Присутствует пыльца вяза, липы и единично — дуба (*Quercus*). Палиноспектры характеризуют растительность елово-сосновых лесов с примесью пихты и возможным произрастанием широколиственных в подлеске на дренируемых склонах. Палинозона относится к первой половине субатлантического периода, что подтверждается датой 2010 ± 50 ¹⁴C л. н. (ЛУ-6431) / 154 л. до н. э. — 124 л. н. э., полученной по образцу торфа с глубины 100–105 см.

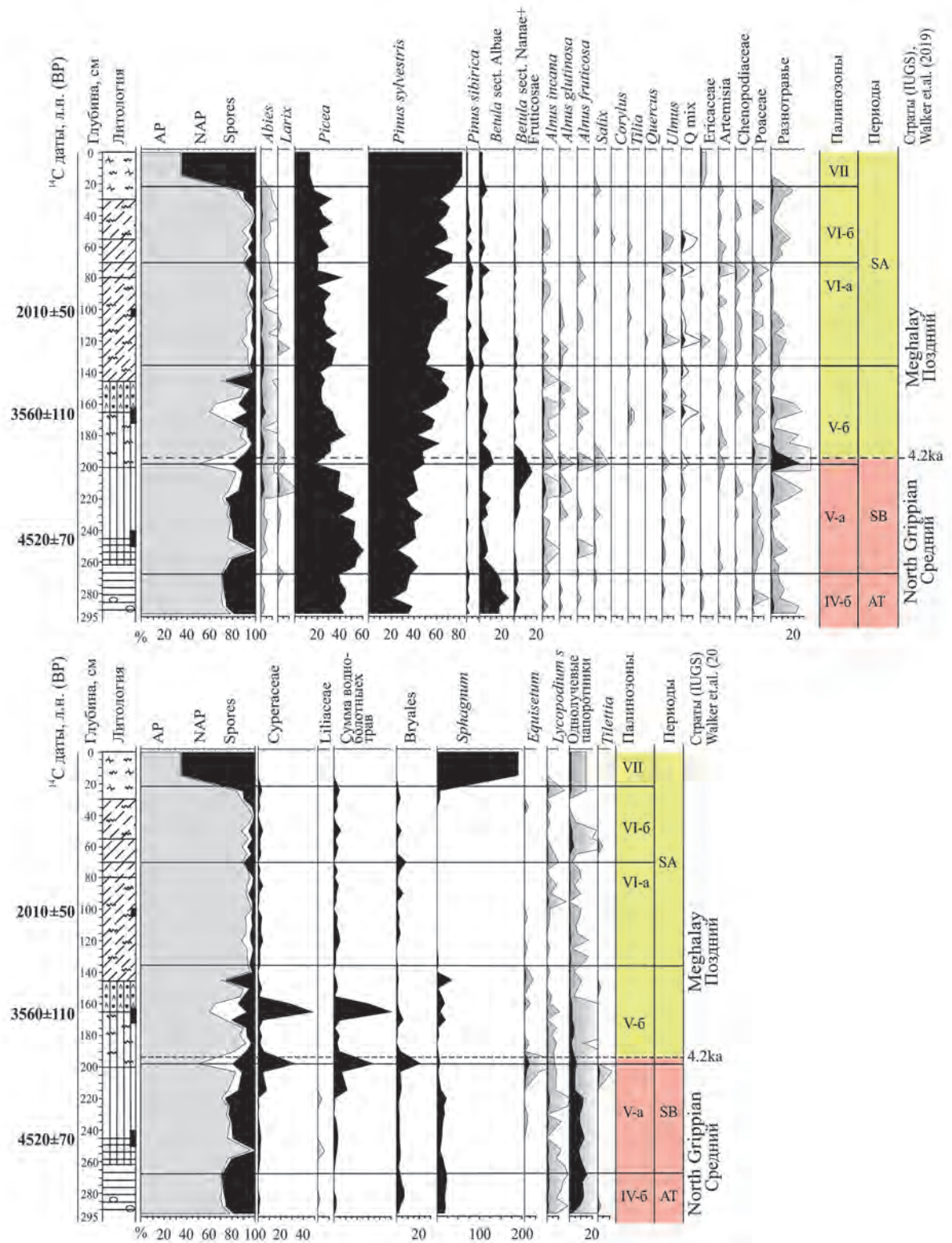

Рис. 34. Спорно-пыльцевая диаграмма разреза Хорпия. Составитель Т. Г. Антипина

Палинозона VI б на глубине 20–70 см в слоях гипново-осокового и гипново-сфагнового торфа выделяется по уменьшению количества пыльцы ели и кедра сибирского, пыльцы широколиственных деревьев. Изменения в древостоях свидетельствуют о похолодании и увеличении континентальности климата в заключительную фазу субатлантического периода, формирование северо-таёжных хвойных елово-сосновых лесов с кедром и пихтой.

Палинозона VII (в верхних 20 см сфагнового торфа) характеризуется резким увеличением доли спор сфагновых мхов и абсолютным преобладанием пыльцы сосны. Пыльца пихты и широколиственных в этих отложениях не встречена. Спорово-пыльцевые спектры свидетельствуют о похолодании и увеличении континентальности климата. Они отражают близкую к современной лесную растительность с преобладанием сосны на плакорах и мезо-олиготрофных сосново-сфагновых фитоценозах на болоте.

Приполярный Урал

Объектами нашего исследования на Приполярном Урале стали торфяные обнажения, приуроченные к поймам р. Кулемья, приток р. Ляпин и р. Манья — бассейн р. Северная Сосьва.⁸⁶

Кулемья. Разрез расположен в пойме р. Ляпин при впадении в неё р. Кулемья. Торфяник лесной, переходного типа. Древостой елово-берёзовый с кедром сибирским, в кустарничковом ярусе — багульник, брусника (*Vaccinium vitis-idaea* L.), напочвенный покров зеленомошный. Стратиграфия разреза отображена в табл. 10.

Таблица 10

Стратиграфия разреза Кулемья

№ п/п	Характер отложений	Глубина от поверхности (см)
1	Древесно-кустарничковый торф	0–25
2	Древесно-пушицевый торф	25–38
3	Сосново-кустарничковый торф	38–90
4	Древесно-сфагновый торф	90–103
5	Древесно-хвощово-осоковый торф	103–122
6	Хвощово-осоковый торф	122–142
7	Тростниково-осоковый торф	142–152
8	Тростниково-сфагновый торф	152–160
9	Древесно-сфагновый торф	160–165
10	Древесно-гипновый торф	165–180
11	Гипновый торф	180–190
12	Песок	190–195

⁸⁶ См.: Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности... С. 21; Они же. Палинологическое исследование торфяников... С. 49–55.

Ботанический состав и спорово-пыльцевые спектры (СПС) нижних слоев торфа показывают, что развитие торфяника началось с заболачивания неглубокого стоячего водоёма в пойме реки, образовавшегося, вероятно, в результате таяния многолетней мерзлоты, зарастания его зелёными водорослями (*Pediastrum*), гипновыми мхами (*Drepanocladus*, Bryales), прибрежно-водными макрофитами (*Phragmites*, *Typha*), хвощами (*Equisetum*), осоками (*Carex*) и другими водно-болотными растениями более 10 тыс. л. н.

Около 7350 л. до н. э. (по расчетным данным) появляется древесная растительность, берёза (*Betula sect. Albae*); накапливаются торфяные отложения, снижается уровень болотных вод, формируются олиготрофные фитоценозы: около 6850 л. до н. э. на болоте поселяются сфагновые мхи, вересковые кустарнички (*Ericaceae*), пушица (*Eriophorum*). Появление сосны (*Pinus sylvestris*) и отложение древесного соснового торфа датируется возрастом 6550 л. до н. э.

На спорово-пыльцевой диаграмме разреза (рис. 35) выделяется пять основных палинозон. Условные обозначения приведены на рис. 15.

Палинозона I. В пробах подстиляющего грунта и нижнего слоя торфа (глубина 175–190 см) преобладает пыльца кустарниковых берёзок (*Betula nana*), выделяются максимумы пыльцы ив (*Salix*), полыней (*Artemisia*), маревых (*Chenopodiaceae*), злаковых (*Poaceae*), а также гипновых мхов (Bryales) и зелёных водорослей. Пыльца древесных растений — ели (*Picea*) и берёзы (*Betula sect. Betula*) — встречается единично. Спорово-пыльцевые спектры и ботанический состав торфа характеризуют начальный этап заболачивания в результате застойного перувлажнения, безлесную травяно-кустарниковую растительность, холодные и сухие климатические условия позднеледниковья (Dr3).

Палинозона II. На глубине 165–175 см резко уменьшается количество пыльцы кустарниковых берёзок, выделяются пики пыльцы ели, лиственницы (*Larix*), водно-болотных растений: осоковых (*Cyperaceae*), рогоза (*Typha*), урути (*Myriophyllum*), спор хвоща (*Equisetum*) и другого разнотравья. Спектр отражает потепление и увлажнение, увеличение обводненности территории (в результате таяния мерзлоты), зарастание мелководий макрофитами. Зона соответствует пребореальной стадии (PB) елово-лиственничных редколесий.⁸⁷

Палинозона III выделяется на глубине 110–165 см. Она характеризует разрежённые елово-берёзовые леса с разнотравьем и кустарниковыми берёзками в покрове и относится к бореальному периоду (BO). Возраст отложений подтверждается датой 9010±80 ¹⁴C л. н. (ГИН-13874) / 8427–7874 л. до н. э.⁸⁸ На болоте в это время преобладают осоки и сфагновые мхи (*Sphagnum*). В конце периода (глубина 100–130 см) на болоте поселяется сосна, формируется древесно-осоковый торф.

Палинозона IV а (на глубине 25–110 см) отличается максимальным содержанием пыльцы ели и увеличением сосны (*Pinus sylvestris*). Выделяется два максимума ели (подзоны 4а и 4б). Единично встречается пыльца пихты (*Abies*), ольхи (*Alnus*), вяза (*Ulmus*), липы (*Tilia*). Спектры характеризуют растительность берёзово-еловых лесов с участием сосны и умеренно тёплые и влажные климатические условия. На болоте преобладают сфагновые мхи.

⁸⁷ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 200.

⁸⁸ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

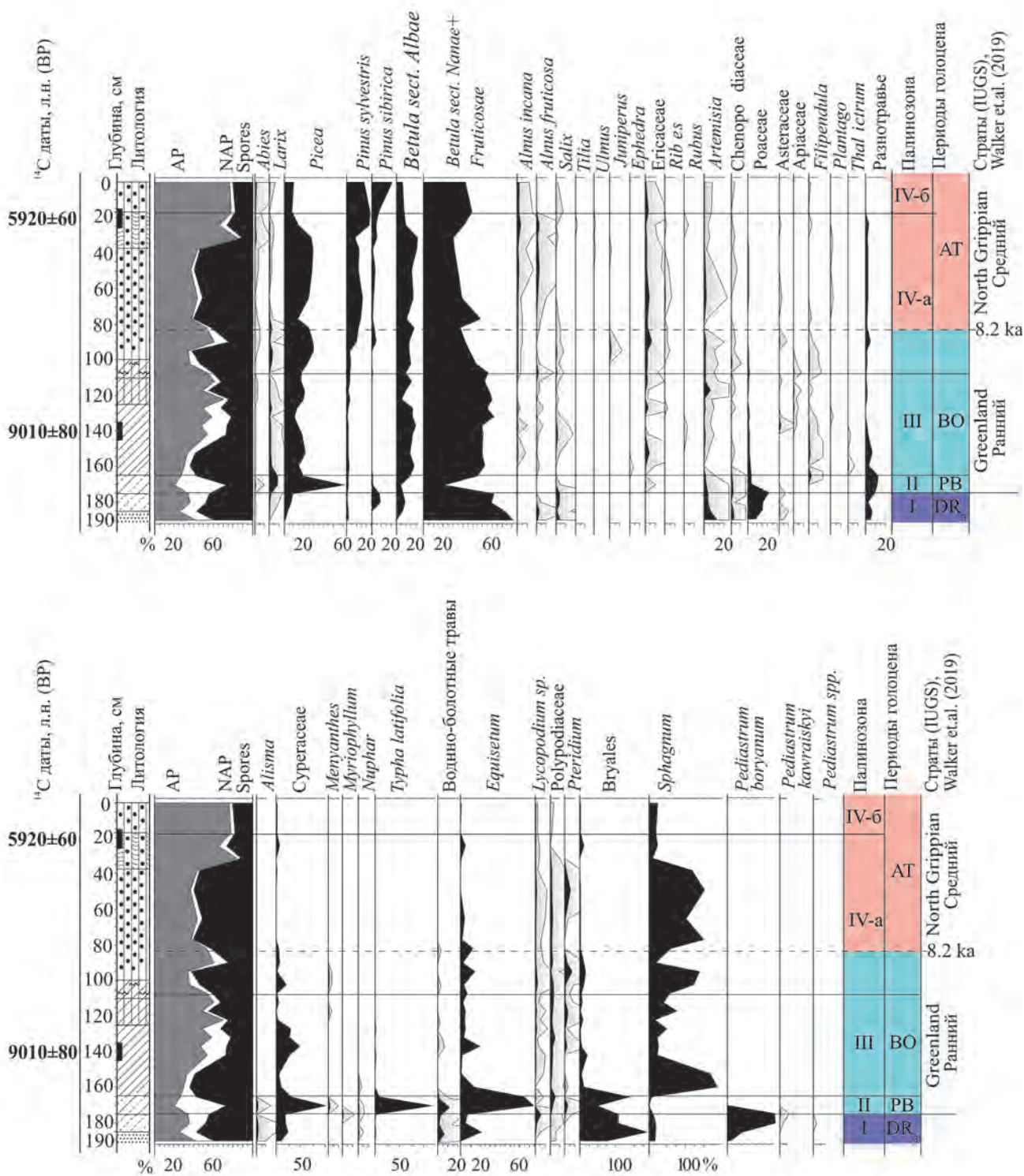

Рис. 35. Спорно-пыльцевая диаграмма разреза Кулемя. Составитель Т. Г. Антипина

Зона относится к атлантическому периоду голоцена (АТ). Возраст подтверждает дата 5920 ± 60 ^{14}C л. н. (ГИН-13873) / 4986–4617 л. до н. э. на глубине 20–30 см.⁸⁹

Палинозона IV б. Отложения суббореального и отчасти субатлантического периодов в данном разрезе отсутствуют. Верхние 25 см торфа (глубина сезонного протаивания грунта) сформировались, очевидно, уже в современный период. В верхнем слое торфа (0–25 см) значительно уменьшается количество пыльцы ели, увеличивается — сосны, кедра сибирского (*Pinus sibirica*), кустарниковых берёз. Спектры соответствуют растительности современных северо-таёжных елово-кедровых лесов с сосной и более холодными климатическими условиями.

Разрез Маньинский Хартым. Береговое торфяное обнажение расположено на высокой пойме р. Манья, примерно в 20 км к северо-западу от разреза Кулемья.⁹⁰ Мощность разреза — 290 см. Органогенные отложения формировались на речном аллювии. Стратиграфия разреза отображена в табл. 11.

Таблица 11

Стратиграфия разреза Маньинский Хартым

№ п/п	Характер отложений	Глубина (см)
1	Древесно-кустарничковый торф	0–30
2	Сфагново-пушицевый торф	30–90
3	Пушицево-осоковый торф	90–125
4	Сфагновый переходный торф	125–135
5	Шейхцериено-сфагновый торф	135–165
6	Хвощово-древесный торф	165–170
7	Хвощовый торф	170–185
8	Шейхцериновый торф	185–250
9	Древесно-гипновый торф	250–275
10	Гипновый торф	275–285
11	Песок	285–295

Формирование торфяника на Маньинском Хартыме, судя по ботаническому составу торфа, началось с заболачивания елово-берёзового леса в результате застойного переувлажнения и распространения в напочвенном покрове гипновых (*Drepanocladus*) и сфагновых мхов, осок (*Carex*), хвоща (*Equisetum*), некоторых других болотных и околводных растений около 4770 л. до н. э. (по результатам датирования и калибровки). Переход на мезотрофную стадию развития болота произошёл около 3150 л. до н. э., широко распространилась шейхцериия (*Scheuchzeria*). Последующее расселение на болоте пушицы (*Eriophorum*), верховых сфагновых мхов (*Sphagnum angustifolium*, *S. balticum*, *S. magellanicum*), вересковых кустарничков и древес-

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

ной растительности около 950 л. до н. э. (по расчётным данным) свидетельствует о переходе болота в верховую стадию развития. Полученные по разрезу радиоуглеродные даты показывают, что этот торфяник существовал с конца атлантического (4770 л. до н. э.) до начала субатлантического периода голоцена до примерно 300 л. до н. э. (расчётные данные).

На спорово-пыльцевой диаграмме выделено четыре палинозоны (рис. 36). Условные обозначения приведены на рис. 15.

Палинозона IV б объединяет отложения минерального грунта и нижние слои торфа на глубине 235–295 см, выделяется по преобладанию пыльцы берёз, в том числе кустарниковых. Участие пыльцы ели неоднократно меняется в пределах 10–40%. Единично присутствует пыльца лиственницы, сосны, вяза. Локальная растительность представлена большим количеством спор гипновых мхов, меньше — сфагновых, хвощей, плаунов, папоротников, а также пыльцой гидрофитов, осок, разнотравья.

Спорово-пыльцевые спектры травянистых растений по большей части отражают начальную стадию заболачивания. Пыльцевые спектры деревьев, кустарников и разнотравья характеризуют растительность елово-берёзовых и берёзово-еловых лесов. Судя по наличию углистых остатков в отложениях, чередование пиков пыльцы ели и берёзы на диаграмме отражает, по-видимому, послепожарные сукцессии древостоев.

В соответствии с радиоуглеродной датой образца торфа на глубине 275–285 см 5690 ± 95 ^{14}C л. н. (СОАН-7092) / 4773–4347 л. до н. э., палинозона IV б является продолжением аналогичной палинозоны в диаграмме разреза Кулемья и характеризует растительность заключительного этапа атлантического периода.⁹¹ Падение кривой пыльцы ели и увеличение доли кустарниковых берёзок в начале палинозоны отражает фазу среднеатлантического похолодания.

Палинозона V а выделяется на глубине 135–235 см в отложениях шейхцериевого, хвощового, хвощово-древесного и шейхцериево-сфагнового торфов. Нижнюю границу зоны символизирует СПС на глубине 230–235 см, в котором резко уменьшается количество пыльцы ели и увеличивается — берёз, в том числе кустарниковых видов, что, очевидно, отражает кратковременное сухое похолодание на рубеже атлантического и суббореального периодов.⁹²

По данным Н. А. Хотинского,⁹³ раннесуббореальное похолодание проявилось в разных частях Северной Евразии в интервалах 2650–2250 л. до н. э. (по расчётным данными). В рассматриваемом разрезе возраст этого события определяет дата образца торфа с глубины 229–236 см — 4425 ± 70 ^{14}C л. н. (СОАН-8928) / 3339–2912 л. до н. э.⁹⁴

⁹¹ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

⁹² См.: Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154; Панова Н. К. История озёр и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне- и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. 2001. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 48–59.

⁹³ Хотинский Н. А. Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные по геохронологии четвертичного периода: к XII конгр. ИНКВА (Канада, 1987 г.) М., 1987. С. 39–45.

⁹⁴ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

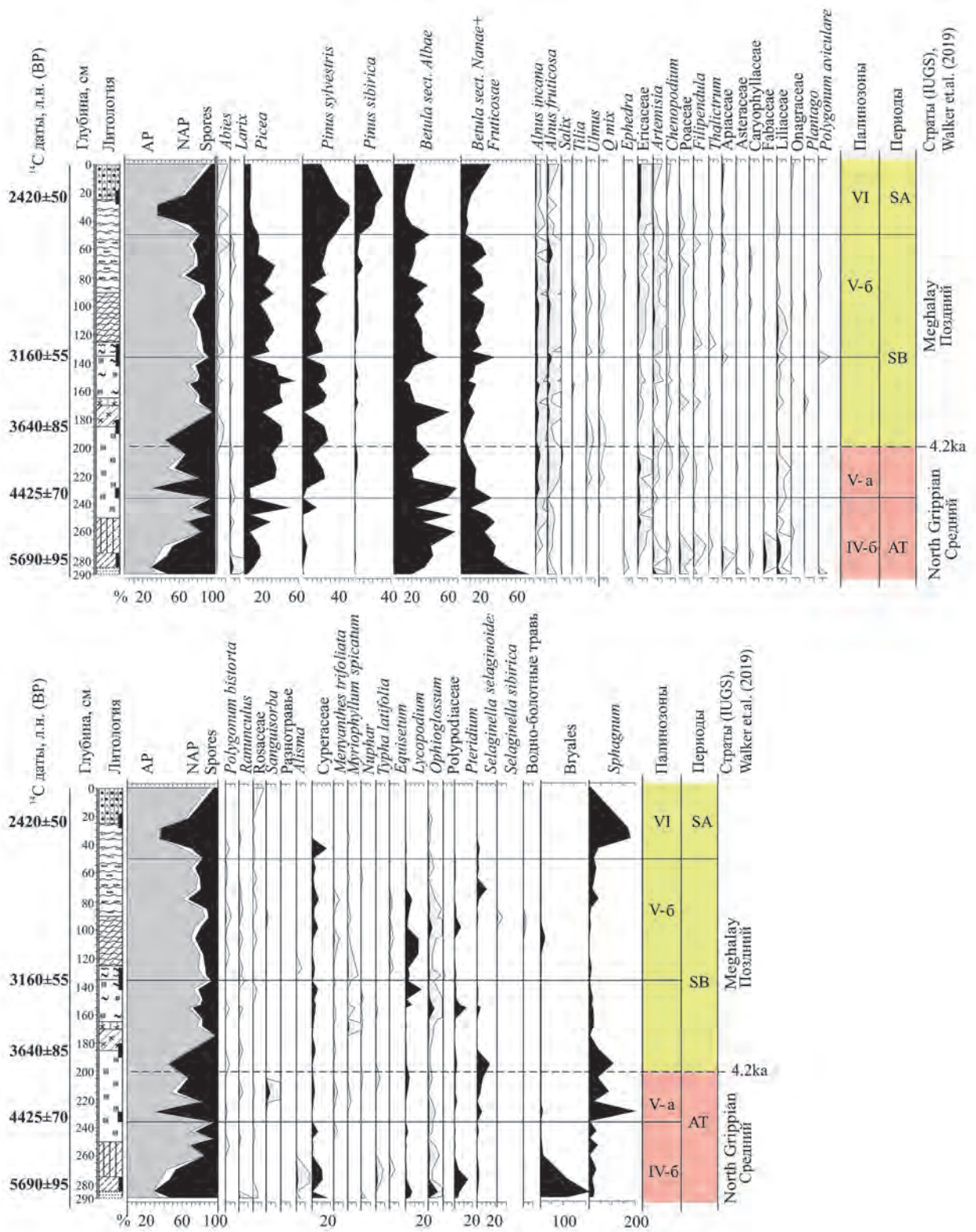

Рис. 36. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Маньинский Хартым. Составитель Т. Г. Антипина

Палинозона V а отличается максимальным содержанием пыльцы ели (до 50%), началом непрерывной кривой пыльцы сосны, появлением сибирского кедра и пихты, единичным спорадическим присутствием пыльцы вяза и липы. Количество пыльцы берёз, особенно кустарниковых, заметно уменьшается. Пыльцевые спектры характеризуют растительность берёзово-сосново-еловых лесов с пихтой среднетаёжного типа. Отложения соответствуют фазе среднесуббореального термического максимума, которая, по данным Н. А. Хотинского,⁹⁵ определяется для Северной Евразии интервалом 2930–1640 л. до н. э. В разрезе Маньинский Хартым верхнюю границу зоны маркирует дата 3160 ± 55 ¹⁴С л. н. (СОАН-8926) / 1532–1285 л. до н. э. — на 127–142 см. Дата 3640 ± 85 ¹⁴С л. н. (СОАН-7091) / 2283–1751 л. до н. э. с глубины 180–190 см также соответствует временным рамкам указанного интервала.⁹⁶

Верхняя граница зоны определена по СПС на глубине 135 см, который отражает значительное похолодание: резко падает содержание пыльцы ели и сосны, возрастает доля пыльцы берёз, в том числе кустарниковых, отсутствуют широколиственные. Судя по датировкам разреза Маньинский Хартым, похолодание, вызвавшее деградацию еловых лесов, на Приполярном Урале произошло не около 2300 л. до н. э. (по глубинно-возрастной модели), как на Среднем и Северном Урале, а позднее, около 1350 л. до н. э. Уровень, соответствующий событию 4.2 ka BP, по глубинно-возрастной модели данного разреза фиксируется на глубине 200 см. СПС этого слоя показывает лишь незначительные изменения в составе растительности.

Палинозона V б выделяется на глубине 50–135 см в слоях сфагнового, пушицево-осокового и сфагново-пушицевого торфов. Палинокомплекс отличается уменьшением содержания пыльцы ели и увеличением доли пыльцы кустарниковых берёзок, что может отражать некоторое похолодание. В то же время в спектрах единично встречается пыльца пихты, липы, вяза. Палинозона сопоставляется с заключительной, менее тёплой фазой суббореального периода. Однако, судя по составу растительности, в исследуемом регионе в это время леса сохраняли средне- и южно-таёжный облик.

Палинозона VI (на глубине 0–50 см, в слоях пушицево-сфагнового и сосново-кустарничкового торфов) отличается максимальным участием пыльцы сосны (до 50%), сибирского кедра (до 20%), спор сфагновых мхов и минимальной долей пыльцы ели и берёз. Спорово-пыльцевой комплекс характеризует растительность елово-сосновых лесов и верхового сосново-сфагнового болота. В соответствии с датой 2420 ± 50 ¹⁴С л. н. (СОАН-7090) / 755–398 л. до н. э., полученной по образцу торфа с глубины 18–28 см, палинозона относится к субатлантическому периоду.⁹⁷

Разрез Сартынья. Торфяной разрез Сартынья, расположенный в низовьях р. Обь, в 90 км от районного центра Берёзово, был исследован Н. А. Хотинским (рис. 37).⁹⁸ Разрез не датирован. В скважине выделены следующие слои:

1. Осоковый торф (20–30% степень разложения) мощностью 1,7 м.
2. Осоково-сфагновый низинный торф (20–25% степень разложения) — 1 м.

---

⁹⁵ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 39–45.

⁹⁶ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 200.

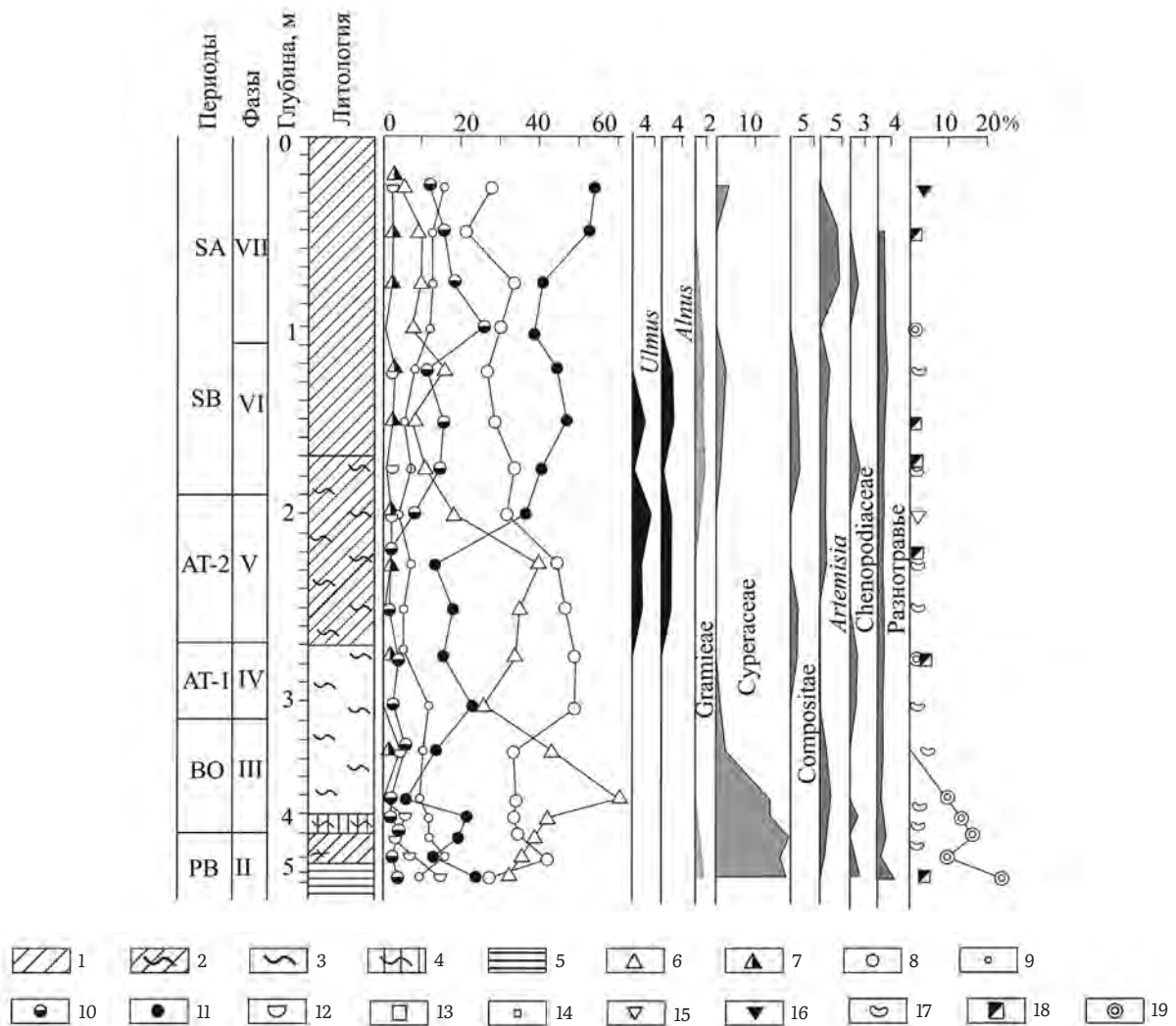

Рис. 37. Споро-пыльцевая диаграмма разреза Сартынья (по: Хотинский, 1977)

Виды торфа	Пыльца	Спores
1 – осоковый	6 – ель	15 – гипновые мхи
2 – сфагново-осоковый	7 – пихта	16 – сфагновые мхи
3 – сфагновый	8 – берёза	17 – папоротники
4 – древесно-осоковый	9 – кустарничковая берёза	18 – плауны
5 – глина	10 – кедр	19 – хвощи
	11 – сосна	
	12 – лиственница	
	13 – ольха	
	14 – ольховый стланик	

3. Сфагновый низинный торф (20–25% степень разложения) — 0,9 м.

4. Древесно-сфагновый низинный торф (40% степень разложения) — 0,1 м.

5. Осоковый торф (35% степень разложения) — 0,15 м.

Выделяется четыре фазы от пребореального до субатлантического периодов.

Палинозона II (в публикации — фаза) выделена по высокому содержанию лиственницы, берёзы, в том числе кустарничковой, на фоне незначительной доли пыльцы древесных. Среди

споровых растений много сфагновых мхов, плаунов. Малая доля пыльцы древесных растений указывает на открытые пространства того времени с редкостойными деревьями, такие ландшафты были характерны для пребореала (РВ).

Палинозона III выделена по абсолютному максимуму пыльцы ели и соответствует её (главному) максимуму.⁹⁹ Этот максимум автор относит к бореальному периоду.¹⁰⁰

Палинозона IV определена по максимуму пыльцы берёзы и падению кривой пыльцы ели; палинокомплекс относится к первой половине атлантического периода.

Палинозона V отличается повышенным содержанием ели и падением кривой кустарниковых берёз, соответствует второму максимуму ели.¹⁰¹ Палинозона относится ко второй половине атлантического периода.

Радиоуглеродная дата — 4610 ± 120 ¹⁴C л. н. (JE-382) / 3639–3011 л. до н. э. указывает время начала деградации тёмнохвойных лесов на севере Западной Сибири — на рубеже атлантического и суббореального периодов.

Палеоклиматическая реконструкция по данным разрезов Приполярного Урала

Разрезы Кулемья и Маньинский Хартым характеризуют северную часть территории современной ХМАО — Югры. Серия радиоуглеродных датировок объединяет их в единую палеогеографическую летопись от начала до середины позднего голоцена.

В разрезе Кулемья позднеледниковье и ранний голоцен — до 8050 л. до н. э. характеризуется крайне низкими температурами (-7 °C), сухостью климата и осадками, количественно гораздо ниже современных (рис. 38). Процессы потепления и увлажнения климата начинаются в раннем голоцене с пиком, приходящимся на 8050 л. до н. э., после которого снова наступает кратковременный холодный период, а затем — потепление. Краткое похолодание без значимого осушения на глубине 90 см, вероятно, может совпадать с глобальным событием 8.2 ka BP. Однако однозначно это утверждать сложно ввиду недостаточного количества радиоуглеродных дат. С этого уровня до самых верхних отложений в разрезе фиксируется относительно тёплый период со слабым трендом на повышение температуры без колебаний увлажнения.

Возраст отложений разреза Маньинский Хартым 4770 л. до н. э. (по результатам датирования, см. табл. 2) и спектры отражают тенденцию на повышение температуры, как и в верхних слоях разреза Кулемья. К 3050 л. до н. э. устанавливаются тёплые климатические условия, теплее современных на 1 °C, при уровне увлажнения почти равном современному (рис. 39). Подобная климатическая обстановка сохраняется до середины позднего голоцена. Но выделяются, как минимум, три пика похолодания около 2550, 1550 и 850 л. до н. э. Первое из них не было сопряжено с изменением среднегодовых осадков. Второе связано с уменьшением среднегодовых осадков, а последнее похолодание происходило на фоне повышения влажности.

⁹⁹ См.: Кац Н. Я., Кац С. В. История растительности болот... С. 330–348; Они же. Стратиграфия торфяников Приобского Севера... С. 15–54.

¹⁰⁰ См.: Кинд Н. В. Синхронизация геологических событий и колебаний климата в верхнем антропогене // Основные проблемы геологии антропогена Северной Евразии. М., 1969. С. 2–35; Левковская Г. М. и др. Абсолютный возраст района г. Игарка и расчленение голоцена Западной Сибири // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1970. № 37. С. 94–101.

¹⁰¹ См.: Кац Н. Я., Кац С. В. История растительности болот... С. 330–348; Они же. Стратиграфия торфяников Приобского Севера... С. 15–54.

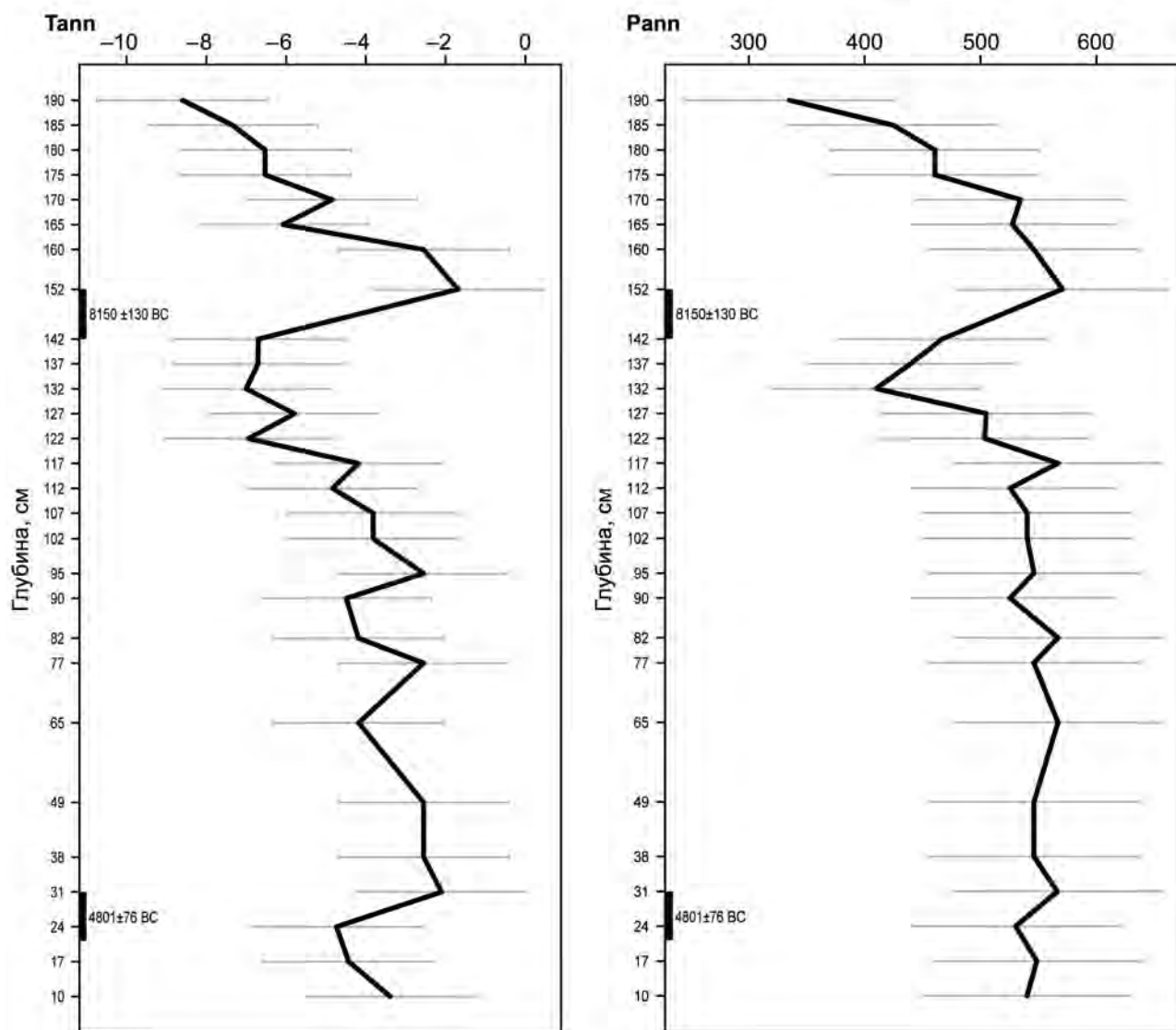

Рис. 38. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Кулемя.
Tann — среднегодовая температура в градусах С°; Pann — среднегодовые осадки мм/год. Составитель А. Т. Галимов

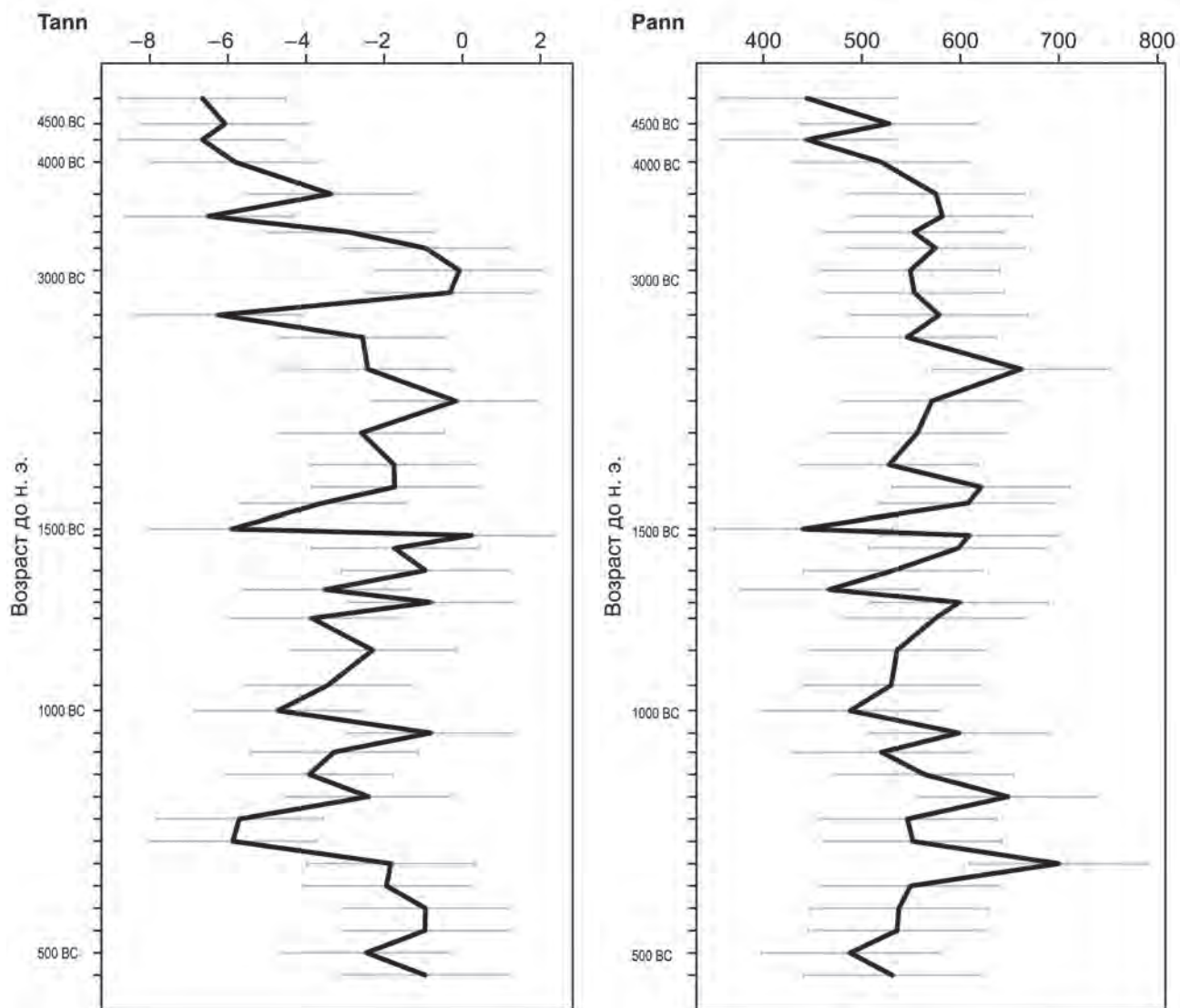

Рис. 39. Климатические параметры по палинологическим данным разреза Маньинский Хартым.
Tann — среднегодовая температура в градусах С°; Pann — среднегодовые осадки мм/год. Составитель А. Т. Галимов

Глава 5

История лесной и болотной растительности в голоцене на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

История формирования и развития лесной растительности и болот рассматривается поэтапно в соответствии с периодами подразделения голоцена по Н. А. Хотинскому,¹⁰² включающему заключительный этап позднеледниковья. Диаграммы сопоставлены и с новой схемой периодизации голоцена (ранний, средний, поздний), основанной на хронологии глобальных климатических изменений, фиксируемых в гренландских ледовых ядрах кислородно-изотопным методом, и на календарном возрасте осадков.¹⁰³ Границы выделяются по трём стратотипам (IUGS). Гренландский ярус (позднеледниковье / ранний голоцен) начинается 11 700 л. н. и завершается холодным событием 8.2 BP (8236 л. н.), выделен по ледяному ядру GSSP; Нордгриппианский ярус (ранний / средний голоцен) начинается 8236 л. н. заканчивается событием 4.2 BP (4250 л. н.) по ледяному ядру NorthGRIP; Мегхалайский ярус с 4250 л. н. до современности, выявленным в кальцитовом образовании в пещере Мавмлук в Индии. Реконструкция палеоэкологических событий территории ХМАО — Югры произведена отдельно по провинциям среднетаёжным — Кондинской левобережной и Приобской левобережной; северо-таёжным — Приобской правобережной и Северо-Сосьвинской.

Позднеледниковье — более 9750 л. до н. э.

На всей территории, в условиях вечной мерзлоты и сурового арктического климата, существовал «перигляциальный» растительный комплекс: сочетание элементов тундровой, степной и лесной растительности¹⁰⁴, т. н. гиперзона.¹⁰⁵ Лесная растительность была пред-

¹⁰² Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 16.

¹⁰³ Walker M., et. al. Subdividing the Holocene Series/Epoch: formalization of stages/ ages and subseries/ subepochs, and designation of GSSPs and auxiliary stratotypes // Journal of Quaternary Science. 2019. Vol. 34, № 3. P. 173-186.

¹⁰⁴ См.: Левковская Г. М. Закономерности распределения пыльцы и спор в современных и голоценовых отложениях севера Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1967. 21 с.; Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145-154.

¹⁰⁵ Величко А. А. Главный климатический рубеж и этапы плейстоцена // Известия АН СССР. Серия географическая. 1968. № 3. С. 5-17.

ставлена в виде островных массивов еловых редколесий, широко распространены травяные сообщества с участием тундровых, степных, солончаковых и пустынных видов.¹⁰⁶

Территория среднетаёжной подзоны, Кондинское и Приобское левобережье

На открытых пространствах древесная растительность произрастала отдельными островками еловых редколесий с примесью лиственницы и берёзы, с мохово-кустарниковыми ерниковым покровом.¹⁰⁷ При движении с запада на восток кустарниковые ерниковые тундровые группировки сменялись травяно-моховыми сообществами.

Часть территории в пределах северо-таёжной подзоны представляла собой открытые пространства с преобладанием тундровых кустарниковых сообществ: доминировали карликовые берёзки, ивы (*Salix*), ольховник (*Alnus fruticosa*), а также гипново-моховые ассоциации.¹⁰⁸

В этот период существовали холодные водоёмы, в которых обитали холодолюбивые диатомовые и колониальные зелёные водоросли (*Pediastrum* sp. и др.), накапливались минеральные отложения: супеси и глины.

Ранний голоцен — 9750–6250 л. до н. э.

Ранний голоцен включает пребореальный, бореальный и ранний атлантический периоды. Около 8350 л. до н. э. началось раннеголоценовое потепление, ослабление континентальности климата и формирование основных природных зон: тундровой, лесной и степной. Климатические условия можно охарактеризовать как холодные, сухие, с отклонением от современных температур на $-2,5$ °С. В этот период наблюдаются кратковременные потепления, самое значительное приходится на рубеж 8050–7700 л. до н. э. Торфонакопление носило локальный характер и ограничивалось мелкими прогалинами по полигональным льдам. На территории среднетаёжной подзоны были распространены процессы интенсивной боковой миграции озёр по песчано-торфянистым низинам. Скорость абразивного разрушения достигала 1–15 м/год, происходило слияние соседних озёр, следствием этих процессов становилось уничтожение прибрежных торфяников и отсутствие сапропелевых отложений.¹⁰⁹ В пределах современной северо-таёжной подзоны в протаивавших вечномерзлотных грунтах образовывались термокарстовые озёра.

Пребореальный период — 9750–8550 л. до н. э.

Этот период выделяется как переходный этап от безлесных ландшафтов позднеледниковья к лесным формациям.¹¹⁰ Временные границы раннеголоценового потепления на основании

¹⁰⁶ Хотинский Н. А. Палеогеографические итоги корреляции этапов развития растительности Северной Евразии в голоцене: автореф. дис. ... докт. геол. наук. М., 1972. 47 с.

¹⁰⁷ См.: Борисова О. К. и др. Ландшафтно-климатические изменения в Западной Сибири в позднеледниковье и голоцене в свете новых палинологических данных // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 6. С. 38–49; Бляхарчук Т. А. Новые палеопалинологические данные о динамике растительного покрова и климата Западной Сибири и прилегающих территорий в голоцене. Новосибирск, 2012. 138 с.

¹⁰⁸ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

¹⁰⁹ История озёр Севера Ази. СПб., 1995. 288 с. (Серия: История озер; т. 7).

¹¹⁰ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 156.

радиоуглеродных датировок Н. В. Кинд и калибровки OxCal 20 определяются 8350–7850 л. до н. э.¹¹¹ Потепление стало причиной деградации ледникового щита в Скандинавии и вечной мерзлоты в Западной Сибири, что в последствии привело к трансформации растительного покрова.

Оно определило тенденции развития природных экосистем Западной Сибири: расширение площадей лесных массивов, смена качественного состава древостоев с запада на восток — от лесных сообществ с большим разнообразием древесных видов (ель, сосна, берёза, лиственница) на территории Верхне-Кондинской низменности и Обь-Иртышского междуречья к берёзовым редколесьям среднего течения р. Обь и Обь-Томского междуречья. Древесная растительность распространялась в северном и восточном направлении из южных рефугиумов на Южном и Среднем Урале,¹¹² Кузнецком Алатау.¹¹³

Сосново-лиственнично-еловые и берёзовые редколесья перемежались с открытыми пространствами с разнотравно-злаковыми ассоциациями.¹¹⁴

В Северном Зауралье в состав редколесий входили ель, сосна и даже кедр, открытые пространства представлены мезофильными лугами.¹¹⁵

На Приполярном Урале в ландшафте доминировали еловые редколесья с берёзой и лиственницей, осоково-хвощово-моховые болотные сообщества.

Вторая половина пребореального периода ознаменовалась питско-игаркинским похолоданием (9050–8550 л. до н. э.),¹¹⁶ что привело к усилению криогенных процессов, последствием которого было частичное восстановление позднеледникового комплекса растительности — сокращение площадей лесных формаций и увеличение кустарниковой тундровой растительности, злаково-полынно-маревых группировок на всей территории. Эти данные согласуются с выводами Н. А. Хотинского¹¹⁷ о частичном восстановлении растительности послеледниковья во второй половине пребореального периода на территории севера Западной Сибири. Вторая половина пребореала — время массового заболачивания озёр.

Бореальный период — 8550–6850 л. до н. э.

Многими исследователями период характеризуется как более влажный и тёплый, с умеренно-континентальным климатом, Н. А. Хотинский и С. С. Савина называют его термическим максимумом с самым значительным уменьшением континентальности климата на терри-

---

¹¹¹ Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена... С. 265.

¹¹² См.: Панова Н. К. История горных лесов центральной части Южного Урала в голоцене // Лесоведение. 1982. № 1. С. 26–34; Она же. Итоги изучения болот и развития лесной растительности Висимского заповедника в голоцене // Исследования эталонных природных комплексов Урала. Екатеринбург, 2001. С. 349–365.

¹¹³ Бляхарчук Т. А. Указ. соч. С. 139.

¹¹⁴ Архипов С. А. и др. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников... С. 123–127.

¹¹⁵ См.: Лаптева Е. Г. Реконструкция этапов развития растительности Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене // Экология: от генов до экосистем: материалы конф. мол. ученых. Екатеринбург, 2005. С. 141–151; Она же. Ландшафтно-климатические изменения на восточном склоне Северного Урала за последние 50 тыс. лет // Экология. 2009. № 4. С. 284–290.

¹¹⁶ Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена... С. 265.

¹¹⁷ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 91.

тории Западной Сибири и Дальнего Востока.¹¹⁸ Большая влажность бореального периода объяснялась меньшей «ледовитостью» Арктики, большей интенсивностью переноса влажных воздушных масс с морским тёплым течением, который, огибая Фенноскандию, достигал Западной Сибири.¹¹⁹ Бореальный период считала более тёплым и влажным Н. В. Кинд.¹²⁰ Другого мнения о климатической обстановке придерживались В. С. Волкова и Т. П. Левина, считая климатическую обстановку бореала более суровой, чем современные условия,¹²¹ при этом не отрицая расцвета и максимально широкого распространения еловых лесов в Западной Сибири.¹²²

Палинологические данные характеризуют растительность этого периода следующим образом.

В долинах рек Кондинской и Приобской левобережных провинций произрастали еловые леса с берёзой, лиственницей; берёзовые леса с примесью пихты, лиственницы; на плакорах и дренируемых участках в составе берёзово-сосновых лесов появилась сосна.¹²³

На севере Западной Сибири, в северной тайге, уменьшение континентальности климата обусловило максимальное распространение еловых лесов.¹²⁴

На Приполярном Урале произрастали разрежённые елово-берёзовые леса. Значительные пространства занимали заболоченные ерниковые заросли.¹²⁵

Около 7600 л. до н. э. по всей Западной Сибири почти одновременно начался процесс заболачивания озёр с образованием залежей низинного типа, осоково-сфагновых торфов.¹²⁶ Наиболее древние торфяники образовались путём зарастания озёр.¹²⁷ На месте небольших озёр возникали низинные эвтрофные болота.

Новосанчуговское похолодание, происходившее около 6350–5950 л. до н. э., привело к частичному сокращению ареала тёмнохвойных лесов в Сибири.¹²⁸

С иссушением климата и похолоданием произошло пересыхание небольших болот и их облесение сосной.

---

¹¹⁸ См.: Кинд Н. В. Изменение климата и оледенения в верхнем антропогене (абсолютная геохронология): автореф. дис. ... докт. геол.-минерал. наук: (140). М., 1971. 44 с.; Савина С. С., Хотинский Н. А. Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1985. № 4. С. 18–33; Он же. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 144.

¹¹⁹ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹²⁰ Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена... С. 265.

¹²¹ См.: Волкова В. С. Последледниковье и голоцен // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет (кайнозой: от палеоцена до голоцена). М., 1999. С. 105–109; Левина Т. П. Развитие растительности в низовьях Енисея и Средней Оби в голоцене // Палеопалинология Сибири. М., 1980. С. 128–132.

¹²² Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹²³ См.: Архипов С. А. и др. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников... С. 123–127; Бляхарчук Т. А. Указ. соч.

¹²⁴ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹²⁵ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий... С. 251–258.

¹²⁶ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 24.

¹²⁷ Борисова О. К. и др. Ландшафтно-климатические изменения... С. 38–49.

¹²⁸ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 200.

Средний голоцен — 6250–2250 л. до н. э.

М. И. Нейштадт считал этот период наиболее тёплым отрезком всего голоцена.¹²⁹ По данным В. С. Волковой и Т. П. Левиной, климат таёжной зоны во вторую и особенно в третью фазу был теплее на 3,5–4 °С и влажнее современного.¹³⁰ Близкая характеристика климата в атлантическом периоде приведена Н. А. Хотинским и С. С. Савиной: в январе было теплее на 2–3 °С севернее 60° с. ш. и на 1–2 °С — южнее 60° с. ш. В июле было теплее на 1 °С в пределах всей центральной части исследуемой территории.¹³¹ Именно с этим временем В. С. Волкова и Т. П. Левина¹³² связывают максимальный расцвет тёмнохвойных и широколиственных пород, а также смещение границ ландшафтных зон к северу на 500–600 км.¹³³

Атлантический период — 6400–4100 л. до н. э.

Большинство палеогеографов считают атлантический период наиболее гумидным и тёплым в голоцене. Т. А. Бляхарчук¹³⁴ по корреляции СПД характеризует его как более тёплый и в большей степени увлажнённый. По расчётам В. С. Волковой¹³⁵ и Т. П. Левиной¹³⁶, третья фаза атлантического периода была теплее на 3,5–4 °С и влажнее современного климата. Другие авторы отмечают временное замедление заболачивания новых территорий как следствие потепления и сокращения эффективного увлажнения при потеплении.¹³⁷

В северной части Западной Сибири увеличение глубин летнего протаивания привело к оттаиванию сильнольдистых верхних горизонтов многолетнемерзлых толщ и активизации термокарста. В дальнейшем происходило заболачивание термокарстовых озёр,¹³⁸ низких террас.

На территории Кондинского левобережья болотообразовательный процесс находился на мезотрофной стадии развития, доминировали пушицево-сфагновые сообщества. В озёрах продолжали накапливаться сапропели. Лесные формации были представлены елово-берёзово-сосновыми лесами, в примеси с кедром.

Елово-сосновые леса с примесью широколиственных, в том числе дуба, распространились по всему Приобскому левобережью.

На равнинной территории Приобского правобережья на плакорах формируется тёмнохвойная тайга среднетаёжного типа с богатым разнотравьем. Болота вступают в олиготрофную стадию развития.

---

¹²⁹ Нейштадт М. И. Голоценовые процессы в Западной Сибири и возникающие в связи с этим проблемы // Изучение и освоение природной среды. М., 1976. С. 90–99.

¹³⁰ Волкова В. С., Левина Т. П. Указ. соч. С. 186–192.

¹³¹ Савина С. С., Хотинский Н. А. Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1985. № 4. С. 18–33.

¹³² Волкова В. С., Левина Т. П. Указ. соч. С. 186–192.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Бляхарчук Т. А. Указ. соч.

¹³⁵ Волкова В. С. Последледниковье и голоцен... С. 105–109.

¹³⁶ Левина Т. П. Развитие растительности в низовьях Енисея и Средней Оби в голоцене // Палеопалинология Сибири. М., 1980. С. 128–132.

¹³⁷ Борисова О. К. и др. Ландшафтно-климатические изменения в Западной Сибири... С. 38–49.

¹³⁸ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 24–25.

На Северном Урале в конце атлантического периода произрастают берёзово-сосново-еловые леса с примесью кедра и пихты южно-таёжного облика. Судя по единичному присутствию пыльцы вяза, липы и дуба в спектрах, эти широколиственные виды в конце атлантического периода доходили до Северного и даже Приполярного Урала, леса приобрели средне- и южно-таёжный облик.

Поздний голоцен — от 2250 л. до н. э.

Суббореальный и субатлантический периоды включены в подразделение Мегхалайа. Границей среднего / позднего голоцена считается палеогеографическое событие 4.2 ВР, проявившееся в Голарктике как сухое похолодание. В спорово-пыльцевых диаграммах Зауралья, Западной Сибири этот рубеж проводят на уровне падения кривой пыльцы вяза.¹³⁹ На севере Западной Сибири и в некоторых пунктах Восточной Сибири атлантико-суббореальная граница определяется на уровне резкого падения на диаграммах кривой пыльцы ели и росту сосны.

В позднем голоцене отмечается смена эдификаторов лесных формаций, ель сменяют сосна, берёза и кедр, что согласуется с данными других авторов.¹⁴⁰ По мнению Н. А. Хотинского¹⁴¹, однонаправленные изменения растительности на севере Евразии в начале суббореального периода могут быть объяснены синхронной реакцией автохтонной растительности на глобальное изменение климата. Усиление «ледовитости» Арктики и Азиатского антициклона повлияло на повышение континентальности климата. В составе лесной растительности эти тренды проявились в сокращении широколиственных древесных растений, деградации лесной растительности у северного предела её распространения.

Суббореальный период — 2250–550 л. до н. э.

Н. А. Хотинский¹⁴² выделяет в этот период три климатических флуктуации: раннесуббореальное похолодание (4600–4200 л. н. / 2650–2250 л. до н. э.); среднесуббореальное потепление (4200–3400 л. н. / 2250–1450 л. до н. э.); позднесуббореальное похолодание (3400–2500 л. н. / 1450–550 л. до н. э.).

Сухое похолодание в начале суббореального периода приводит к падению уровня болотных вод, пересыханию торфяников и их облесению. На заболоченных поймах р. Большая Умытъя отложения суббореального времени незначительны.

В Среднем Приобье в лесных сообществах уменьшается роль кедра и пихты. Южнее, на равнинной территории Обь-Томского междуречья, по данным Т. А. Бляхарчук, в это время основной лесной формации были сосново-кедровые леса с берёзой.¹⁴³

Севернее, в Приобской северо-таёжной провинции, роль кедра в составе древостоев уменьшается, доминирует сосна, ель.

---

¹³⁹ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹⁴⁰ Лисс О. Л. и др. Болотные системы Западной Сибири... С. 24–25.

¹⁴¹ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹⁴² Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹⁴³ Бляхарчук Т. А. Указ. соч.

На Северном и Приполярном Урале, в современной средней и северной тайге, в это время были распространены сосново-еловые и берёзово-сосново-еловые леса южно-таёжного облика с примесью пихты, а также вяза и липы в подлеске. По нашим данным, климатические условия раннего суббореала были более тепло- и влагообеспеченные, что способствовало наибольшему распространению ели и присутствию в подлеске широколиственных древесных растений от 3450 л. до н. э.¹⁴⁴

Субатлантический период — с 550 л. до н. э.

Временной отрезок формирования лесных формаций современного облика. Климатические условия отражают тенденцию направленного похолодания, отличительной западно-сибирской особенностью климата можно считать нарастание его контрастности.¹⁴⁵ Важную роль в ландшафтах играют сосновые и кедровые леса, в составе которых увеличивается присутствие лиственницы.

На Кондинском левобережье лесопокрытые площади представлены елово-кедрово-сосновыми и берёзовыми лесами современного облика. Развитие болот в субатлантическом периоде происходило в основном по олиготрофному типу.

На территории Приобского правобережья увеличиваются площади лиственничных лесов,¹⁴⁶ из состава древостоя выпадают пихта, широколиственные древесные растения, уменьшается участие ели.

На Приполярном Урале для субатлантического времени характерно распространение елово-сосновых лесов с возрастанием роли сосны и сибирского кедра и уменьшением участия ели в древостоях.

***

Основные закономерности развития лесной растительности в голоцене, начиная с 9700 л. до н. э. на территории ХМАО — Югры проявились в распространении древесной растительности.

Ранний голоцен — 9750–6250 л. до н. э. Несмотря на относительное потепление, климат пребореального времени был несколько холоднее современного. Отклонения от современных температур июля и января в сторону понижения в центральных районах Западной Сибири составляли, соответственно, 11,3 и 17 °С. Понижение среднегодовой температуры воздуха составляло 1 °С. В первой половине голоцена проявился общий тренд — потепление.

С раннеголоценовым потеплением начался процесс трансформации открытых пространств с особым перигляциальным комплексом из тундровых, лесных и степных видов с незначительными участками лиственничных редколесий в облесенные ландшафты. Пионерами древесной растительности для раннего голоцена были лиственница, ель, берёза в Приоб-

¹⁴⁴ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и формирование болот на восточном склоне Приполярного и Полярного Урала // Торфяники Западной Сибири и цикл углерода: прошлое и настоящее. Томск, 2007. С 21.

¹⁴⁵ Бляхарчук Т. А. Указ. соч.

¹⁴⁶ Хотинский Н А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

ском левобережье, а севернее широтного участка р. Обь — лиственница. Во второй половине пребореала лидирующие позиции стала занимать берёза.

В бореальное время отмечается максимальное распространение еловых лесов на территории равнинной части ХМАО — Югры. Выявились региональные отличия: на территории Кондинского левобережья формировалась зона берёзовых лесов; в Приобском левобережье — берёзово-еловых; в северо-таёжной подзоне были распространены лиственничные и лиственнично-берёзовые леса в сочетании с тундровыми и степными участками. На Приполярном Урале произрастали разрежённые елово-берёзовые леса. Кедр сибирский на территории Западной Сибири появился и начал распространяться с 6000 л. до н. э. В бореальный период за счёт деградации вечной мерзлоты и оттаивания грунтов происходит образование неглубоких водоёмов, которые впоследствии заболачиваются. Самые древние болота бореального возраста с мощностью залежи более 5 м находятся в термокарстовых впадинах, где продолжается озёрный седиментогенез.

Средний голоцен — 6050–3050 л. до н. э. По данным С. А. Архипова и В. С. Волковой, в атлантический оптимум (6000–5500 л. до н. э.) климат Западно-Сибирской равнины был значительно теплее современного. На широте Омска (55° с. ш.) среднегодовая температура была выше современной на 1 °С. Она возрастала к северу и в лесной северо-таёжной полосе составляла +3 °С, а в зоне тундры +9 °С. Отклонения температур в июле и январе также наиболее сильно проявились в высоких широтах. В период атлантического оптимума температура воздуха была выше современной на +1...+4 °С. Несмотря на общую тенденцию к увеличению температуры в период голоценового оптимума, для некоторых разрезов (Мулымья) настолько больших увеличений среднегодовых температур не наблюдается. По нашим данным, на Приполярном Урале среднегодовые многолетние температуры не превышали 0 °С в пике. По остальным разрезам температура достигает +2 °С, но не выше.

Средний голоцен — время максимального распространения тёмнохвойной тайги и расцвета пихтовых лесов, в подлеске появляются широколиственные теплолюбивые древесные растения (вяз и липа). Преобладающими лесными формациями в подзоне современной средней тайги были кедрово-елово-сосновые леса пихты, широколиственных растений южно-таёжного облика. Доля ели уменьшается с запада на восток. В Среднем Приобье во второй половине атлантического периода происходил переход от берёзовых к берёзово-сосновым формациям. Средний голоцен — фаза широкого и интенсивного заболачивания Западной Сибири, образования огромных болотных систем, таких как Большое Васюганское болото, заболоченная Верхне-Кондинская низменность, Сургутское полесье и др.

В конце атлантического периода происходит заболачивание притеррасных пойм рек.

Поздний голоцен — с 3050 л. до н. э. За последние 2500 лет на планете, как и в Западной Сибири, происходили неоднократные колебания климата. Похолодания отмечались на рубежах 550–750 и 1350–1150 л. н. э. На севере и в центральной части Западной Сибири среднегодовая сумма осадков была выше современной на 100 мм. Среднегодовая температура колебалась от –2 до +2 °С для средней и южной части, и от –3 до 0 °С в северной части Западной Сибири. Климат суббореального периода в целом был близок к современному. В течение этого времени наблюдались холодные и влажные фазы, чередующиеся с потеплениями. По расчётным данным, температуры в этот период были близки к современным, однако в начале и в конце периода колебались около +1 °С, на протяжении остального времени среднегодовые температуры были около –1 °С.

Суббореальный период. На всей равнинной территории Западной Сибири происходит сокращение доли ели в лесных сообществах и распространение кедровых лесов. Н. А. Хотинский¹⁴⁷ отмечал деградацию лесной растительности как отклик на похолодание 4.2 ВР. Среднесуббореальное потепление проявилось в среднетаёжной зоне увеличением в составе лесов тёмнохвойных (ели, пихты) и появлением в подлеске вновь широколиственных (вяза). Сухое похолодание в поздней трети суббореала привело к уменьшению доли ели и пихты, увеличению сосны и берёзы на большей части равнинной территории Западной Сибири.

В субатлантический период лесные формации испытывают давление антропогенного фактора. С освоением территории человеком сокращаются площади девственных лесов в результате вырубki леса, а также частых пожаров. Большую роль начинают играть производные берёзовые и сосновые леса. Растительность приобретает черты современного облика, формируются подзоны средне- и северо-таёжная, границы ландшафтных зон близки к современным.

В северо-таёжной подзоне позднеголоценовое похолодание привело к промерзанию торфяников, образованию бугров пучения, прекращению торфообразования (севернее Среднего Приобья, Приполярный Урал). На олиготрофных верховых болотах происходят процессы разрушения верхних слоёв залежи и появляются вторичные озера, такие явления характерны для среднетаёжной подзоны.¹⁴⁸

---

¹⁴⁷ Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии... С. 145–154.

¹⁴⁸ Антипина Т. Г., Прейс Ю. И., Зенин В. Н. Динамика лесной растительности и климата в Южной тайге западной Сибири в позднем голоцене по данным спорово-пыльцевого анализа и AMS-датирования торфяного разреза Болтное // Экология. 2019. № 5. С. 356–364.

Часть 2

Эпоха палеолита
центральной
области
Западно-Сибирской
равнины

Глава 1

Палеолитическая эпоха центральной области Западно-Сибирской равнины

Начало палеолита (англ. Palaeolithic), древнекаменного века, практически совпадает с нижним рубежом плейстоцена (около 2,6 млн лет назад (далее — л. н.)), когда появляются достоверные находки древнейших орудий в Центральной и Восточной части Африканского континента. Длительность первого исторического периода в большинстве регионов мира ограничивается плейстоценом, иногда пересекая границу голоцена (около 11 700 л. н.).¹ В палеолите выделяются ранний, средний и поздний этапы. Во время последнего этапа человек заселил Новый Свет и Австралию.² Хронологический рубеж наиболее ранних следов проникновения человека в Северную Азию относится к периоду, отстоящему от нас на несколько сотен тысяч лет.³ Центральная часть Западно-Сибирской равнины, восточные склоны Северного и Приполярного Урала, в пределах которых расположена территория ХМАО — Югры, по современным данным, были освоены лишь в позднеледниковый период. Достоверные сведения указывают на появление здесь людей каменного века после 18 тыс. л. н. Этот период представляют позднепалеолитические местонахождения Луговское и Комудваны (рис. 40), расположенные в долине р. Обь.⁴ Очевидно, что они сформированы человеком современного типа — *Homo sapiens sapiens*.

¹ Используется международная стратиграфическая шкала четвертичной системы с делением на две эпохи — плейстоцен и голоцен (Head M. J., Pillans B., Zalasiewicz J. A. The ICS Subcommission on Quaternary Stratigraphy. Formal ratification of subseries for the Pleistocene Series of the Quaternary System // Episodes. 2021. Vol. 44, № 3. P. 241-247.). Значения возраста указаны в календарных (калиброванных) годах, если используется радиоуглеродный (¹⁴C) возраст, то это уточняется.

² Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. 366 с.

³ Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск, 1994. 288 с.

⁴ См.: Зенин В. Н. и др. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1 (25). С. 41-53; Макаров С. С. и др. Стоянка финального палеолита Комудваны в долине нижней Оби: геоморфология, палеонтология, археология // АЭАЕ. 2022. № 1(50). С. 29-38.

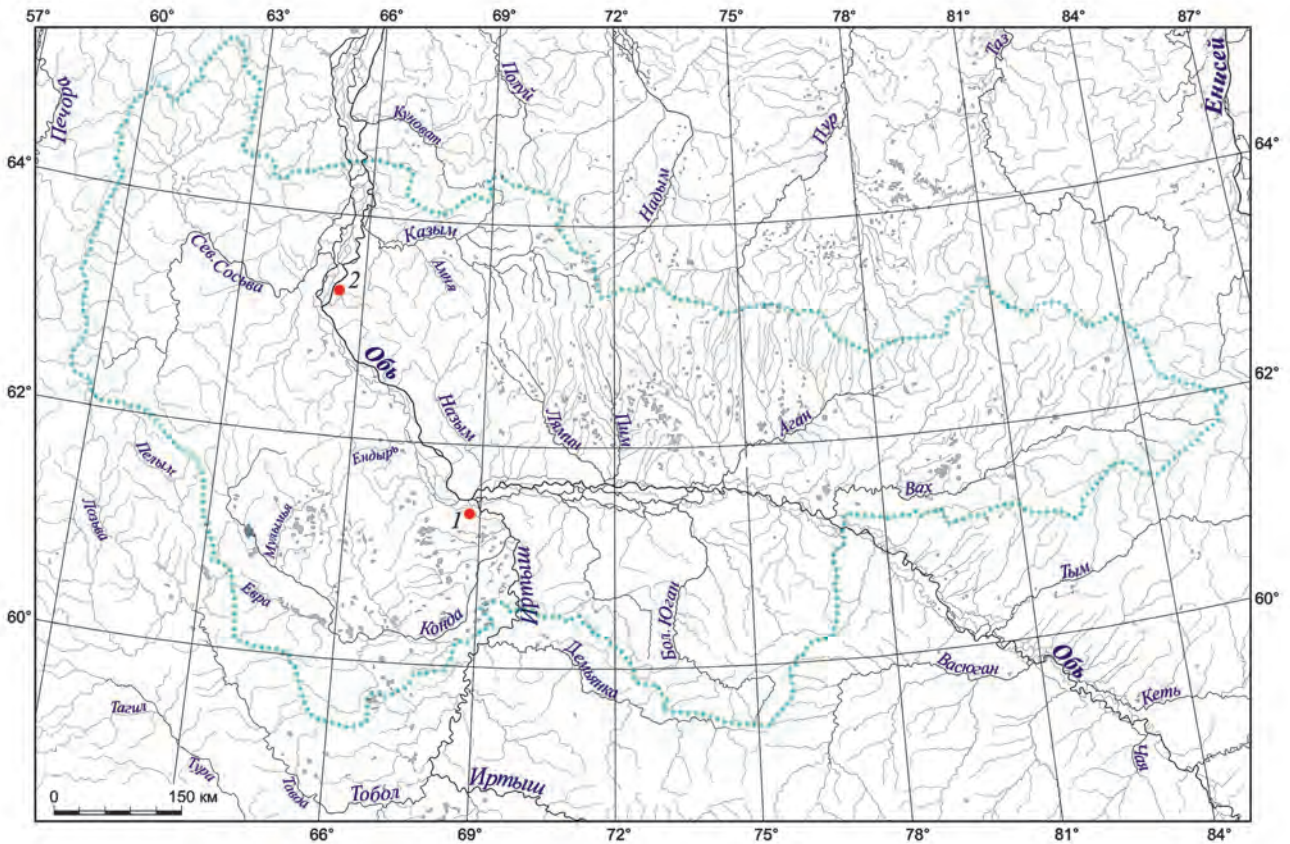

Рис. 40. Расположение позднепалеолитических памятников в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Составитель С. С. Макаров
1 — Луговское; 2 — Кумудваны

В настоящее время отсутствуют объективные данные о более раннем заселении центральной области Западно-Сибирской равнины. Информация о находках возможных древних артефактов на севере региона — в низовьях р. Обь⁵, требует серьёзной проверки, так как выявленная ассоциация редких каменных отделиностей палеолитического облика и остатков мамонтовой фауны возрастом 45–40 тыс. л. н. не является веским аргументом. Тем не менее факт обнаружения крупных млекопитающих может указывать на потенциальную возможность освоения человеком Нижнеобского бассейна в более ранний период. Об этом также свидетельствуют мумифицированные остатки мамонтов в Ямало-Ненецком автономном округе, датированные ~ 42–30 тыс. ¹⁴C л. н.⁶

Отсутствие следов пребывания человека в центре и на севере Западно-Сибирской равнины во время последнего ледникового максимума (~ 26,5–19 тыс. л. н.) принято связывать с неблагоприятной окружающей средой. Для этого времени большинство исследователей

⁵ Зольников И. Д. и др. Разведочные работы на Кушеватской протоке (правобережье Большой Оби) в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2022. Т. XXVIII. С. 97–103.

⁶ Астахов В. И., Назаров Д. В. Стратиграфия верхнего неоплейстоцена севера Западной Сибири и её геохронометрическое обоснование // Региональная геология и металлогения. 2010. № 43. С. 36–47.

реконструировали экстремальные палеогеографические условия. В конце XX в. наиболее популярным объяснением являлось существование гигантского ледниково-подпрудного Мансийского озера, заливы которого проникали далеко на юг в Барабинскую низменность. При этом край ледника должен был занимать весь север региона, перекрывая долины рр. Обь и Енисей на широте полярного круга. В этом случае перигляциальные ландшафты берегов и крупных островов должны были быть представлены тундрой. Предполагалось, что среднегодовая температура воздуха в центре Западной Сибири опускалась до -10°C .⁷ Для сравнения, среднегодовая температура воздуха в районе Ханты-Мансийска, по данным с 1940-х гг. до современности, составляет -1°C .

В XXI в. представления о палеогеографическом развитии региона претерпели кардинальные изменения. Концепция Мансийского озера-моря в основном сменилась гипотезой криоаридизации климата, которая определяет Западно-Сибирскую равнину в последний ледниковый максимум и позднеледниковье холодной пустыней.⁸ Некоторые авторы предполагают экстремальное снижение среднегодовых температур воздуха до -20°C даже на юге региона, что должно было приводить к глубокому промерзанию грунта.⁹ Однако многие исследователи не придерживаются максималистских палеогеографических позиций. Тем не менее они также отмечают сильную деструкцию лесов и преобладание тундровых, тундростепных, лесостепных и степных ландшафтов во время последнего ледникового максимума.¹⁰ В совокупности описанные реконструкции сводятся к очень суровым условиям окружающей среды, которые, как считается, делали северные и центральные районы равнины малопригодными для жизни крупных млекопитающих, включая человека. На этом фоне значительное улучшение среды обитания после ~18 тыс. л. н., вероятно, позволило палеолитическим охотникам заселить центральную область Западно-Сибирской равнины.

---

⁷ Архипов С. А., Волкова В. С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. Новосибирск, 1994. 105 с.

⁸ Величко А. А. и др. Западно-Сибирская равнина в облике позднеледниковой пустыни // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 4. С. 16–28.

⁹ Зыкин В. С. и др. Западная Сибирь // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. М., 2014. С. 159–167.

¹⁰ См.: Гричук В. П. Растительность позднего плейстоцена // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет: атлас-монография: Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен — голоцен — элементы прогноза. М., 2002. Вып. II: Общая палеогеография. С. 64–89; Svendsen J. I., et al. Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia // Quaternary Science Reviews. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271; Sheinkman V., Sharapov D. V., Sedov S. Northwest Siberia as a MIS2 desert? Inferences from quartz morphoscopy and polygonal ice wedges // Quaternary International, 2022. V. 620. P. 46–57.

Таблица 12

**Результаты радиоуглеродного датирования материалов района
местонахождения Луговское и местонахождения Комудваны**

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±2σ ¹¹	Материал	Местонахождение	Источник
Местонахождение Луговское						
1	5830±85	COAH-4944	6849–6409	Торф	Пойма Оби	Лещинский С. В. и др., 2006. С. 54–69.
2	9320±50	МТС-16877	10683–10303	Древесный уголь	Шурф 12, культурный слой	Макаров С. С. и др., 2014. С. 8–18.
3	9390±50	МТС-16875	10750–10440	Древесный уголь	Шурф 12, культурный слой	Там же.
4	9685±95	COAH-4941	11249–10740	Торф	Погребенный овраг	Лещинский С. В. и др., 2006. С. 54–69.
5	10210±160	COAH-4752	12586–11320	Mammuthus primigenius (бедренная кость)	Погребенный овраг	Orlova L. et al., 2004. P. 363–368.
6	10310±50	МТС-16876	12467–11880	Древесный уголь	Шурф 12, культурный слой	Макаров С. С. и др., 2014. С. 8–18.
7	10770±250	COAH-4757	13225–11939	Coelodonta antiquitatis (нижняя челюсть)	Погребенный овраг	Дервянко А. П. и др., 2003. С. 113.
8	10820±170	COAH-4943	13158–12280	Mammuthus primigenius (фрагмент зуба)	Погребенный овраг	Orlova L. et al., 2004. P. 363–368.
9	11310±380	COAH-4755	14184–12474	Mammuthus primigenius (локтевая кость)	Погребенный овраг	Там же.
10	11840±95	COAH-4753	14009–13496	Mammuthus primigenius (бедренная кость)	Погребенный овраг	Там же.
11	12670±100	Ле-7627	15460–14530	Mammuthus primigenius (кость)	Погребенный овраг	Макаров С. С., Резвый А. С., 2009. С. 22–27.
12	12830±350	COAH-4754	16312–14078	Mammuthus primigenius (шейный позвонок)	Погребенный овраг	Orlova L. et al., 2004. P. 363–368.
13	12889±414	NSKA-s753	16647–14039	Mammuthus primigenius (ребро)	Погребенный овраг	Публикуется впервые
14	12970±160	COAH-5063	16001–15080	Mammuthus primigenius (бедренная кость)	Погребенный овраг	Orlova L. A. et al., 2004. P. 363–368

¹¹ Календарный возраст определен с помощью программы OxCal, v. 4.4.4. по калибровочной кривой IntCal20 [Muscheler et al., 2020] с достоверностью результатов 95,44 %.

Таблица 12 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ С даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±2σ ¹¹	Материал	Местонахождение	Источник
15	13040±30	UGAMS-40959	15766–15484	Древесный уголь	Раскоп 1, культурный слой	Публикуется впервые
16	13170±30	UGAMS-40960	15945–15675	Древесный уголь	Раскоп 1, культурный слой	Публикуется впервые
17	13205±60	ОхА-12031	16047–15661	Mammuthus primigenius (фрагмент зуба)	Погребенный овраг	Orlova L. et al., 2004. P. 363–368.
18	13270±60	ТКа-14852	16154–15741	Древесный уголь	Шурф 12, культурный слой	Макаров С. С., Даи К., 2010. С. 40.
19	13353±424	NSKA-s755	17405–14637	Mammuthus primigenius (ребро)	Погребенный овраг	Публикуется впервые
20	13450±50	ОхА-12029	16363–16020	Mammuthus primigenius (тазовая кость)	Погребенный овраг	Orlova L. et al., 2004. P. 363–368.
21	13455±60	ОхА-12030	16401–16001	Mammuthus primigenius (грудной позвонок)	Погребенный овраг	Там же.
22	13465±50	К1А-19643	16387–16035	Mammuthus primigenius (грудной позвонок)	Погребенный овраг	Там же.
23	13490±155	СОАН-4942	16780–15790	Mammuthus primigenius (тазовая кость)	Погребенный овраг	Там же.
24	13580±300	Ле-7626	17315–15606	Mammuthus primigenius (кость)	Погребенный овраг	Макаров С. С., Резвый А. С., 2009. С. 22–27.
25	13600±200	Ле-7628	17032–15868	Mammuthus primigenius (кость)	Погребенный овраг	Там же.
26	13720±160	СОАН-4940	17065–16150	Mammuthus primigenius (грудной позвонок)	Погребенный овраг	Orlova L. et al., 2004. P. 363–368.
27	15420±215	СОАН-5065	19122–18254	Mammuthus primigenius (лопатка)	Погребенный овраг	Там же.
28	18250±1100	СОАН-3838	25062–19617	Mammuthus primigenius (большая берцовая)	Погребенный овраг	Там же.
29	30090±800	СОАН-4756	36396–32355	Coelodonta antiquitatis (локтевая кость)	Погребенный овраг	Деревянко А. П. и др., 2003. С. 113.

Таблица 12 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 2\sigma^{11}$	Материал	Местонахождение	Источник
Местонахождение Комудваны						
1	14750±50	NUTA2-25450	18222-17907	Coelodonta antiquitatis	Поверхностные сборы (пойменный участок)	Макаров С. С. и др., 2022. С. 29-38.
2	14540±90	NUTA2-25793	18089-17415	Coelodonta antiquitatis		Там же.
3	12243±120	SPb-2673	14847-13810	Rangifer Tarandus		Там же.
4	10622±110	SPb-2298	12765-12103	Mammuthus primigenius		Там же.
5	10565±100	SPb-2297	12740-12102	Mammuthus primigenius	Поверхностные сборы (пойменный участок)	Там же.
6	12567±150	SPb-2672	15331-14117	Mammuthus primigenius	Зачистка 1 (культурный слой, верхний костеносный уровень)	Там же.
7	12320±35	UGAMS-40954	14809-14104	Mammuthus primigenius		Там же.
8	17060±90	NUTA2-25794	20853-20420	Mammuthus primigenius	Зачистка 1, слой 6 (нижний костеносный уровень)	Там же.
9	17040±60	NUTA2-25451	20795-20444	Mammuthus primigenius		Там же.
10	16810±40	UGAMS-40953	20468-20020	Mammuthus primigenius		Там же.

Глава 2

Стратиграфия, палеогеографические реконструкции и мамонтовая фауна района местонахождения Луговское

Западно-Сибирская равнина в позднем плейстоцене — голоцене (почти 130 тыс. лет геологической истории) представляла собой арену широкого формирования озёрно-аллювиальных отложений и субэаральных покровов. Данный регион является классическим примером палеогеографического развития для всей Северной Евразии, в пределах которой преобладают равнинные ландшафты. Одной из основных проблем стратиграфии новейших отложений является расчленение комплексов долин крупнейших рек и их основных притоков. Несмотря на масштабные геологические работы, для многих районов остаются неясными возраст, количество, относительные высоты надпойменных террас (далее — н. т.) и генезис слагающих их осадков. Это ключевым образом влияет на изучение процесса заселения палеолитическим человеком бассейна Средней и Нижней Оби. В решении проблемы большое значение имеют палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождений мамонтовой фауны и палеолита Луговское и Комудваны.

Местонахождение Луговское (~ 60°57'30" с. ш., 68°32'20" в. д.; абсолютная высота кровли костеносного горизонта ~ 20,5 м) расположено в зоне средней тайги, в 25 км западнее г. Ханты-Мансийск. Всемирную известность оно получило благодаря массовым находкам остатков мамонтов и палеолитических артефактов, среди которых уникальный позвонок, пробитый метательным орудием. Основная часть ископаемых и культурных остатков захоронена в отложениях древнего оврага, пересекающего краевую часть I н. т. (рис. 41). Ныне в его пределах протекает ручей Мамонтовый (неофициальное название), впадающий в обскую протоку Марамка. Во время половодий долина ручья полностью затапливается (рис. 42, 43). Первые сведения о крупном скоплении костей мамонтов в данном месте появились в 1950-е гг. В 1963 г. местонахождение посетил биолог Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея Ю. И. Гордеев. Однако научная разведка была осуществлена лишь в 1994 г. заведующим отделом палеонтологии Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) А. Ф. Павловым, который в 1998 г. начал систематическое изучение местонахождения совместно со старшим научным сотрудником Палеонтологического института РАН (г. Москва) Е. Н. Мащенко.

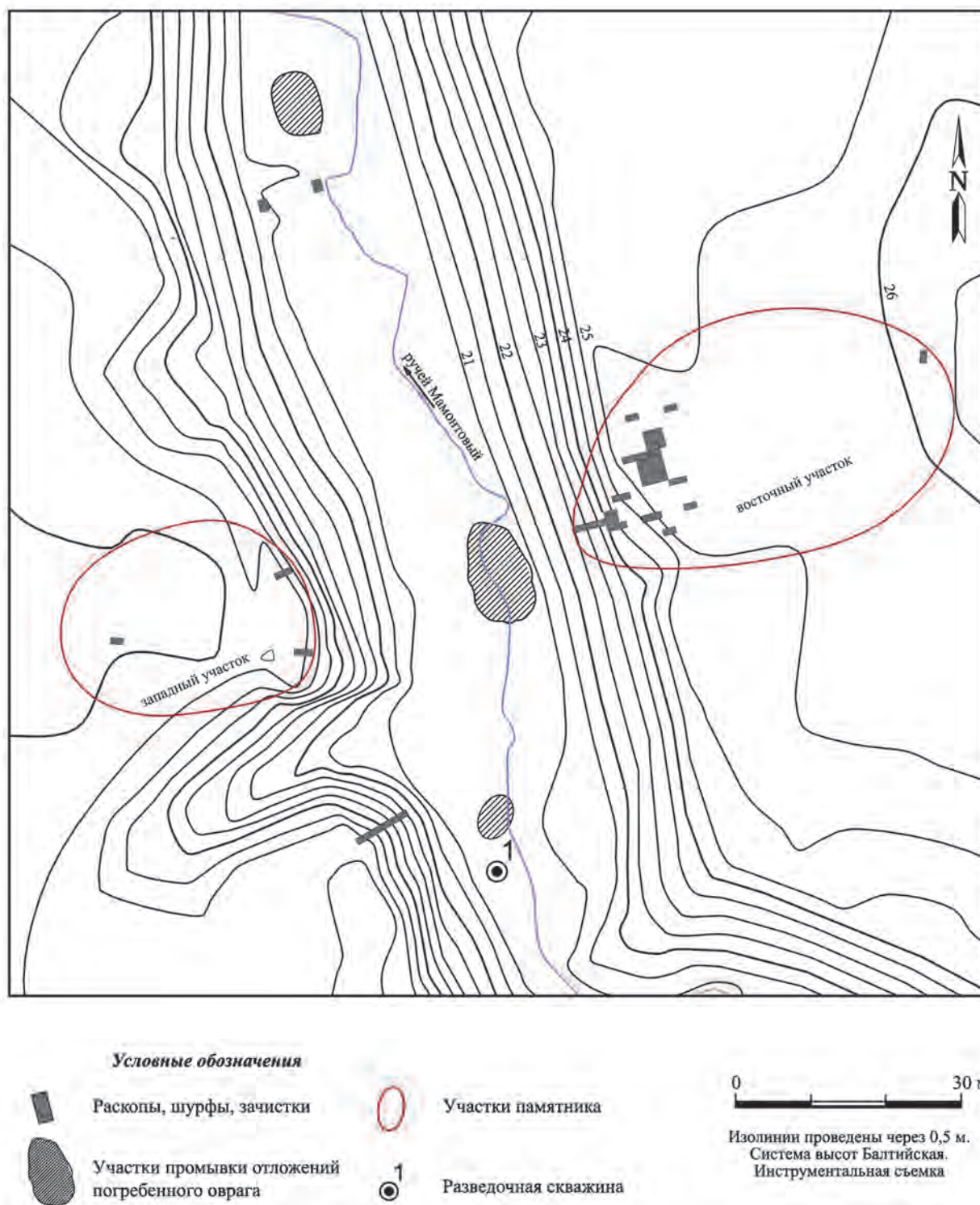

Рис. 41. Луговское. Ситуационный план участков работ. Составитель С. С. Макаров

Рис. 42. Луговское. Общий вид долины ручья. Вид с юга. Сентябрь 2002 г. Фото С. В. Лещинского

Рис. 43. Луговское. Общий вид долины ручья. Вид с юга. Май 2010 г. Фото С. В. Лещинского

Комплексные исследования района местонахождения начаты в 2002 г. Детальные палеонтолого-стратиграфические работы включали проходку шести скважин (2005–2006 гг.) глубиной 15–21,6 м с максимально полным отбором керна. Полевые работы и лабораторное изучение более 240 образцов отложений позволили реконструировать динамику палеогеографической и палеогеодинамической обстановок, построить схему сводного геологического разреза (рис. 44, 45) и обосновать генезис костеносного горизонта.

При анализе геологической ситуации Луговского выделяется две особенности. Первая — слабая выраженность в рельефе поймы, I и II н. т. Вторая — в целом глинистый состав отложений в верхней части сводного разреза, что связано с размывом и переотложением овражных, пойменных и болотно-озёрных осадков. Специфика овражной седиментации, наличие родников и периодическая связь с рекой при половодьях определяют существенное переотложение костей и зубов млекопитающих, микрофауны (насекомых, остракод, радиолярий, фораминифер и др.) и остатков растений (пыльцы, спор, плодов, семян, детрита). Результаты исследований позволили провести детальную корреляцию отложений и выделить в сводном разрезе пять крупных этапов осадконакопления.

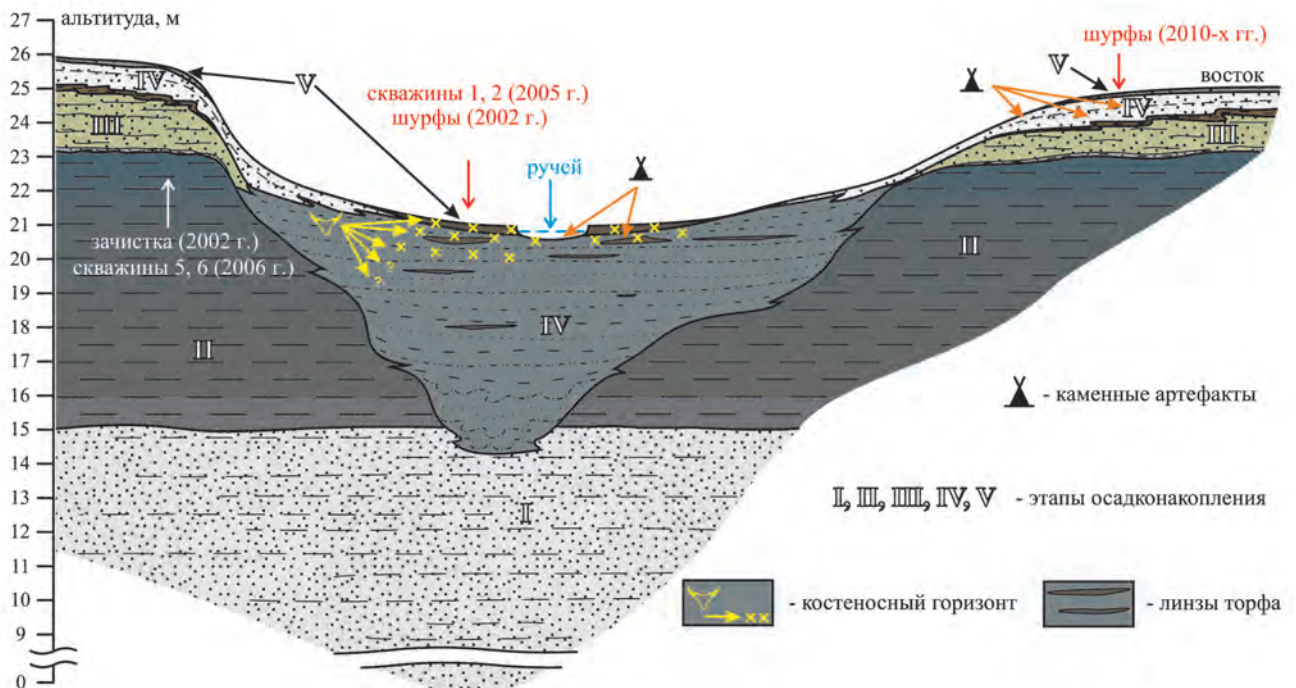

Рис. 44. Луговское. Сводный разрез четвертичных отложений (вкрест погребённого оврага). Составитель С. В. Лещинский

Этап I. Древнейшими образованиями, вскрытыми в районе Луговского, являются серые разнотернистые кварцевые пески мощностью более 15 м. Их кровля пройдена скважинами на абсолютной высоте ~ 16–13 м (в пойме р. Обь ниже 12 м). Осадконакопление проходило в условиях развитой речной системы. В отложениях выявлен лесной флористический комплекс.

Рис. 45. Луговское. Раскоп на восточном участке памятника. Вид с юго-запада. Сентябрь 2013 г. Фото С. С. Макарова

Здесь найдена пыльца таёжных тёмнохвойных *Abies* sp. (пихты), *Picea* sp. (ели), *Pinus* spp. (сосен) и мелколиственных деревьев *Betula* sect. *Albae* Rgl. (берёзы). Остатки трав представлены пыльцой, тегментами и плодами *Poaceae* (злаковых), *Cyperaceae* gen. indet. (осоковых), *Potamogeton filiformis* Pers. (рдеста нитевидного), *Sparganium* sp. (ежеголовника), *Menyanthes trifoliata* L. (вахты трёхлистной), и папоротников (*Azolla interglacialica* Nikit.). Встречена пыльца широколиственной флоры: *Carpinus* sp. (граба), *Corylus* sp. (лещины), *Ulmus* sp. (вяза), *Quercus* sp. (дуба), *Tilia* sp. (липы), семена термофильных водных трав (*Trapa* sp.) и макроспоры папоротников (*Azolla* sp.). Найдены мегаспоры и плоды дочетвертичных растений: *Azolla ventricosa* Nikit., *A. pseudopinata* Nikit., *Salvinia intermedia* Nikit., *Ranunculus scleratoides* Nikit.

Во время накопления этой толщи климат был более тёплый и влажный, чем современный, близкий к восточно-европейским условиям. Возвышенные участки занимали таёжные тёмнохвойные леса, в которых, вероятно, присутствовали элементы широколиственной флоры. Пойму занимали разнотравные (частично заболоченные) луга. Геологические данные относят данную толщу к талагайкинскому аллювию с TL датами — 660 ± 160 и 740 ± 70 тыс. лет в соседних районах. Однако палеонтолого-стратиграфические исследования на Луговском показали, что возраст отложений может находиться в широком интервале среднего — позднего плейстоцена.

Этап II. Переслаивающиеся светло- и тёмно-серые глины и алевролиты с линзами песка и растительного детрита почти целиком слагают II н. т. (максимальная мощность более 13 м отмечена в скважине 3) и цоколь I н. т. (~ 8 м). Очень вязкие отложения залегают на описанном выше аллювии и, вероятно, являются элементом Кондинской низменности, располо-

женной на левобережье р. Иртыш. Предыдущие исследователи интерпретировали осадки Кондинской низменности как образования I, II или III н. т., сформированные в широких пределах 130–25 тыс. л. н. Мнения о генезисе толщи также различны: аллювиальный, аллювиально-озёрный, озёрный ледниково-подпрудный, эстуарный и дельтовый.¹²

Относительный возраст данных отложений, впервые выявленных на Луговском при зачистке разреза I н. т. в 2002 г., предварительно был оценён концом казанцевского термохрона — ермаковским криохроном.¹³ Исследования кернового материала указывают на каргинский (~ 57–26,5 тыс. л. н.) возраст толщи и генетически связывают её с существованием обширной поймы или эстуарно-дельтовыми условиями в нижнем течении праОби-Иртыша. Для верхней части данных осадков не исключён вариант ледниково-подпрудного генезиса.

По данным микрофаунистического анализа, в отложениях встречаются остатки остракод: *Candona rectangularata* Aim., *C. neglecta* Sars, *C. sp.* (личинки), *Limnocythere cf. inopinata* (Baird), *L. sanctipatricii* Brady et Robertson, *L. baltica* Diebel, *L. cf. falcata* Diebel и *Ilyocypris bradyi* Sars. Данный комплекс указывает на формирование толщи в пресном водоёме глубиной в несколько метров с часто меняющейся температурой и гидрорежимом.¹⁴

По результатам карпологического анализа для отложений характерно присутствие прибрежных и водных трав. В комплексах плодов и семян они составляют более 90%. Доминируют представители Сурепaceae (осоки, пушицы); встречены *Chara sp.* (харовые водоросли), *Glyceria aquatica* (L.) Wahlenb. (глицерия водная), *Potamogeton perfoliatus* L. (рдест), *Batrachium sp.* (водный лютик), *Rorippa palustris* (L.) Bess (жеруха болотная). Мезофитные травы представлены Роaceae (злаковые), *Ranunculus sp.* (лютики), *Caryophyllaceae* (гвоздичные), *Chenopodiaceae gen. ind.* (маревые), *Potentilla cf. supina* L. (лапчатка), *Naumburgia sp.* (кизляк), *Asteraceae gen. ind.* (сложноцветные) и др.¹⁵

Палинологические данные указывают на несколько фаз развития природной среды. Для первой фазы характерно преобладание пыльцы деревьев с доминированием *Betula sp.* (берёзы) и *Pinus sp.* (сосны), заметным присутствием *Picea sp.* (ель) и *Abies sp.* (пихта). Встречается пыльца *Betula sect. Nana* Rgl. (кустарниковые виды берёз), *Alnus s. l.* (ольха), *Salix sp.* (ива) и *Ericales* (верескоцветные кустарнички). Луговое разнотравье представлено *Asteraceae* (сложноцветные), *Brassicaceae* (капустные), *Caryophyllaceae* (гвоздичные), *Chenopodiaceae* (маревые), *Fabaceae* (бобовые), *Lamiaceae* (губоцветные), *Polygonaceae* (гречишные), *Ranunculaceae* (лютиковые), *Rosaceae* (розоцветные) и др. Содержится много прибрежных и водных растений (*Сурепaceae*, *Potamogeton sp.*, *Sparganium sp.*). Споры в основном принадлежат *Sphagnum sp.* (сфагновые мхи).

¹² См.: Волкова В. С. Четвертичные отложения низовьев Иртыша и их биостратиграфическая характеристика. Новосибирск, 1966. 174 с.; Архипов С. А. Четвертичный период в Западной Сибири. Новосибирск, 1971. 329 с.; Кривоногов С. К. Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения (по карпологическим данным). Новосибирск, 1988. 232 с.

¹³ Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 годы) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2006. № 1. С. 54–69.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Бурканова Е. М., Пономарёва Е. А. Флористическая характеристика местонахождения мамонтовой фауны «Луговское» // Проблемы и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса и производственных сил Томской области. Новосибирск, 2004. С. 145–146; Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69.

Вторая фаза характеризуется сокращением пыльцы деревьев с преобладанием *Betula* sp. (постоянно встречаются *Pinus* sp. и *Picea* sp.). Доля пыльцы кустарников увеличивается, но их состав не меняется (*Alnus* s. l., *Betula* sect. *Nana* Rgl. и *Salix* sp.). Снижается количество водно-болотных трав и увеличивается степных: *Chenopodiaceae* (маревые) и *Artemisia* sp. (полыней). Пыльца трав семейств *Asteraceae*, *Caryophyllaceae*, *Ranunculaceae* и *Rosaceae* встречается редко. Среди споровых растений преобладает *Sphagnum* sp., присутствуют папоротники.

Третья фаза вновь характеризуется большим участием в ландшафтах деревьев и кустарников. Резко преобладает *Pinus* sp., присутствует *Betula* sp. и *Picea* sp. Снижается содержание пыльцы кустарников, представленных *Alnus* s. l. Возрастает роль водных и водно-болотных трав, на фоне сокращения степных таксонов увеличивается разнообразие луговых (*Asteraceae*, *Brassicaceae*, *Caryophyllaceae*, *Chenopodiaceae*, *Fabaceae*, *Lamiaceae*, *Polygonaceae*, *Ranunculaceae*, *Rosaceae*, *Poaceae*).

Четвёртая фаза отражает очередное снижение роли деревьев, среди которых доминирует *Betula* sp., встречается *Pinus* sp. и *Picea* sp. Доля пыльцы кустарников увеличивается (в основном, *Alnus* s. l. и *Salix* sp.). Содержание пыльцы прибрежных и водных растений остаётся высоким. Разнообразие луговых трав резко падает (основная пыльца *Poaceae*, *Artemisia* sp. и *Chenopodiaceae*). Среди споровых растений преобладает *Sphagnum* sp., при высоком содержании *Lycopodium* sp. (плауны).

Таким образом, микропалеонтологические данные свидетельствуют о длительном накоплении осадков при неоднократной смене условий окружающей среды. В течение всего каргинского термохрона в районе исследований происходило накопление озёрных и озёрно-аллювиальных отложений. Водоёмы были пресные и неглубокие, с неустойчивой температурой и гидрорежимом.¹⁶ Раннекаргинское время (фаза 1) отражает сложное развитие лесных сообществ. Берёзовые леса (с примесью хвойных пород) сменялись хвойно-мелколиственными, затем сосновыми (с примесью ели и берёзы). Среднекаргинский период (фаза 2) проявился в аридизации климата и широком распространении открытых холодных ландшафтов, типа сухих степей. Растительность была мозаичной, состоящей, главным образом, из травянистых сообществ и редко стоящих деревьев и кустарников, занимавших более влажные места обитания.

В последующее позднекаргинское относительное потепление (фаза 3) площадь лесов увеличилась. Переход к сартанскому криохрону характеризовался кардинальной сменой ландшафтов (фаза 4). Вместо лесов формировались обширные открытые, холодные и засушливые территории со значительным участием кустарников. Таким образом, результаты исследований района Луговского говорят о нестабильности условий окружающей среды каргинского термохрона в центральной части Западно-Сибирской равнины, что выражалось в чередовании относительных потеплений и похолоданий.

Этап III. Смена режима седиментации выражена локальным размывом II н. т. и заполнением вреза тонкослойчатыми желтовато- и коричневатато-серыми песками с прослоями и слоями коричневых и серых глин. Данные отложения в районе местонахождения Луговское имеют видимую мощность до 1,8 м и являются субаквальной частью I н. т. Они вскрыты зачисткой 2002 г., скважинами 5 и 6, а также шурфами 2010-х гг. Литологическая характеристика указывает на аллювиальный генезис (пойма или прирусловая отмель). Возраст

¹⁶ Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69

осадков ранее оценивался как позднекаргинский — раннесартанский.¹⁷ Современные данные предполагают, что он не выходит за рамки первой трети сартанского криохрона (~ 24–20 тыс. ¹⁴С л. н.).

Врез речной системы, вероятно, был обусловлен устойчивым снижением уровня Мирового океана из-за глобального оледенения в MIS2. В то же время происходил резкий неотектонический подъём Западно-Сибирской плиты, что зафиксировано по интенсивной разработке современных речных долин. Таким образом, начало сартанского похолодания характеризуется преобладанием процессов денудации над аккумуляцией, поэтому данные отложения имеют небольшую мощность и ограниченное распространение. Низкое содержание микропалеонтологических остатков не позволяет провести детальную палеогеографическую реконструкцию. Тем не менее анализ геологического разреза говорит о периодических сменах условий окружающей среды. Климат, вероятно, был холоднее современного, а окружающие пространства занимали открытые ландшафты.

Описанный этап осадконакопления относительно быстро сменился фазой глубокой эрозии аккумулятивных ландшафтов, возможно, длившейся несколько тысячелетий. Ярким прямым доказательством данного процесса является погребённый овраг в пределах местонахождения Луговское. Его образование, очевидно, связано с резким падением уровня Мирового океана (более 130 м) в пик последнего ледникового максимума.¹⁸ Данная эрозионная форма разрезает краевую часть I н. т. р. Обь почти под прямым углом. Погребённый овраг относится к склоновому типу и имеет ломаную линейную форму (длина более 400 м, ширина до 30 м по поверхности современных донных осадков), асимметричный V-образный или корытообразный поперечный профиль. Глубина вреза от поверхности I н. т., по данным бурения, составила более 11 м в приустьевой части оврага. Всё это свидетельствует о глубоком врезе русел рек, который произошёл в максимум похолодания (вероятно, 20–18 тыс. ¹⁴С л. н.). В результате были осушены значительные участки поймы, что способствовало формированию крупных морозобойных клиньев шириной более 1 м, которые сквозь раннесартанский аллювий проникли в каргинские образования. Это указывает на суровые условия с длительной многолетней мерзлотой, которая могла существовать в районе Луговского при устойчивой среднегодовой температуре воздуха значительно ниже -4°C (в Западной Сибири подобный климат сегодня характерен для районов севернее полярного круга). Следы мощной многолетней мерзлоты в геологических разрезах, датированных первой половиной сартанского криохрона, также были описаны на сопредельных территориях, что предполагает распространение тундровых или лесотундровых ландшафтов.¹⁹

Этап IV. Заполнение оврага тонкослойчатыми голубовато- и коричневато-серыми песчано-глинистыми осадками с растительным детритом и линзами травянистого торфа началось

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Romanovskii N. N., et al. Permafrost of the east Siberian Arctic shelf and coastal lowlands // Quaternary Science Reviews. 2004. Vol. 23, № 11–13. P. 1359–1369; Clark P. U., et al. The Last Glacial Maximum // Science. 2009. Vol. 325, № . 5941. P. 710–714; Harrison S., Smith D. E., Glasser N. F. Late Quaternary meltwater pulses and sea level change // Journal of Quaternary Science. 2019. Vol. 34, № 1. P. 1–15.

¹⁹ См.: Архипов С. А. и др. Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения. Новосибирск, 1980. 110 с.; Архипов С. А., Волкова В. С. Указ. соч.; Кривоногов С. К. Проблема интерпретации отложений низких террас р. Оби (Западная Сибирь) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода М., 2009. № 69. Специальный выпуск: Четвертичный период Западной Сибири: результаты и проблемы новейших исследований. С. 106–116.

в позднеледниковье из-за повышения общего базиса эрозии (Мирового океана), связанного с деградацией континентального оледенения Северного полушария. Отложения вмещают десятки тысяч фрагментов и целых костей и зубов мамонтов (и других млекопитающих), а также тысячи палеолитических артефактов, которые достоверно встречаются на глубине до 2 и 0,5 м от поверхности современных донных осадков соответственно.²⁰ Толща представляет собой крупную линзу длиной более 300 м при максимальной мощности более 5 м (наибольшие разрезы вскрыты скважинами 1 и 2). Основу отложений составляет овражный и пойменный аллювий при неизменном участии ветровой деятельности и склоновых процессов (обвалы, оползни, плоскостной смыв, солифлюкция и др.). Возраст отложений по положению в сводном геологическом разрезе может находиться в пределах 18–7 тыс. ¹⁴C л. н. Это подтверждается ¹⁴C датированием (табл. 12) остатков млекопитающих (~16–10 тыс. л. н.) и торфа (~9,7 тыс. л. н.). При этом общая геолого-геоморфологическая характеристика участка, а также две ¹⁴C даты ~18,25 и 30 тыс. л. н. по костям мамонта и шерстистого носорога вместе с другими остатками мамонтовой фауны и палеолитическими артефактами в современных донных осадках говорят о процессах активного переотложения.

По данным микрофаунистического анализа, седиментация проходила в прибрежной зоне умеренно-холодного (до 15 °C) полупроточного водоёма. Ассоциацию остракод представляют пресноводные и солоновато-водные формы, обитающие в озёрных и текучих водах. Основную группу составляют представители трёх родов: *Ilyocypris* (*I. bradyi* Sars), *Candona* (*C. rectangulata* Aim., *C. arcina* Liepin, *C. fabaeformis* Fisch., *C. candida* Muller, *C. neglecta* Sars, *C. sp.*) и *Limnocythere* (*L. sanctipatricii* Brady et Robertson, *L. cf. falcata* Diebel, *L. dorsotuberculata* Negadaev, *L. grinfeldi* Liepin, *L. sp.*). Встречены представители родов *Cytherissa*, *Eucypris*, *Cypridopsis*. Найдены редкие радиолярии отряда *Spumellaria*, развитие которого началось в ордовике и продолжается до наших дней. Нет сомнений, что они переотложены из древних морских пород.²¹

Энтомологический анализ верхней части овражных отложений (~0,5 м кровли) выявил смешанный тафоценоз разновозрастных (каргинско-голоценовых) ассоциаций насекомых из различных экологических групп.²² К первой отнесены жуки-экзоты, которые на исследуемой территории в настоящее время не встречаются. Это арктические, арктобореальные, степные и болотные представители семейств *Carabidae* (*Carabus odoratus* F.-W., *Diacheila polita* (Pk.), *Amara alpina* Pk. и др.); *Staphylinidae* (*Tachinus cf. arcticus* Maekl.); *Byrrhidae* (*Morychus cf. viridis* Kuzm. et Kor.); *Brentidae* (*Hemitrichapion cf. Tschernovi* (Ter-Min.)). Вторая, наиболее многочисленная группа — виды семейств *Carabidae*, *Dytiscidae*, *Gyrinidae*, *Hydrophilidae*, *Silphidae*, *Chrysomelidae*, *Eirirhinidae* и др., обитающие на данной территории с конца плейстоцена и ныне. Сюда же относятся навознички (*Aphodius sp.*), связанные с пометом круп-

²⁰ См.: Зенин В. Н. и др. Геоархеология и особенности материальной культуры... С. 41–53; Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69.

²¹ См.: Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69.; Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования ядра скважин местонахождения мамонтовой фауны и палеолита Луговское (Западная Сибирь) // Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. М., 2007. С. 229–232; Коновалова В. А. Позднеплейстоценовые остракоды из образцов ядра скважин местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Новости палеонтологии и стратиграфии: приложение к журналу Геология и геофизика. 2010. Т. 51. Вып. 14. С. 167–174.

²² Бурканова Е. М. и др. Палеогеографические обстановки окружающей среды местонахождения мамонтовой фауны Луговское // Эволюция жизни на Земле. Томск, 2010. С. 579–582.

ных млекопитающих. Третья группа — жуки, современные ареалы которых связаны с интразональными биотопами изучаемой территории. Они встречаются в основном в поймах рек (семейства Carabidae, Rhynchitidae, Curculionidae, Brentidae). Важно отметить, что степень сохранности остатков насекомых в смешанном тафоценозе не имеет существенных отличий, что говорит об их переотложении в весьма спокойных условиях, практически исключавших механическое повреждение хитина.

Анализ остатков мелких млекопитающих из толщи заполнения оврага, проведенный А. В. Бородиным (ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург), показывает схожую картину с энтомофауной. Здесь присутствуют млекопитающие из различных экологических групп. Определены виды как обитающие на этой территории и сейчас — полёвка-экономка (*Microtus oesopotimus* Pall.), красная полёвка (*Clethrionomys* ex gr. *rutilus* Pall.), водяная полёвка (*Arvicola* sp.), так и отсутствующие в современной фауне региона — узкочерепная полёвка (*Microtus* (S.) *gregalis* Pall.), копытный лемминг (*Dicrostonyx* sp.), настоящий лемминг (*Lemmus sibiricus* Kerr), суслик (*Spermophilus* sp.). Различия в степени сохранности и некоторые морфологические особенности строения зубов указывают на смешанный тафоценоз разновозрастных ассоциаций мелких млекопитающих.

Карпологический анализ отложений, заполняющих древний овраг, показал, что для всей толщи характерно постоянное присутствие плодов и семян водных и водно-болотных трав богатого таксономического состава.²³ Встречены остатки сусака (*Butomus* sp.), рдеста (*Potamogeton filiformis* Pers., *P. natans* L., *P.* sp.), вахты (*Menyanthes trifoliata* L.), осок (Cyperaceae gen. indet., *Carex* ex gr. A., *C.* ex gr. B.), болотницы (*Heleocharis palustris* R. Br. s. l.), камыша (*Scirpus* cf. *silvaticus* L., *S. tabernaemontani* C. C. Gmel.). Кроме того, найдены многочисленные остатки разнообразных мезофитных и растущих по берегам водоёмов трав: ситника (*Juncus gerardii* Loisel.), капустных (*Rorippa palustris* (L.) Bess., Brassicaceae gen. indet.), мари (*Chenopodium* cf. *album* L.), гвоздичных (*Gypsophila* cf. *repens* L., Caryophyllaceae gen. indet.), горца (*Polygonum aviculare* L., *P. tomentosum* Schrank.), лапчатки (*Potentilla supina* L., *P.* spp.), лютиков (*Ranunculus flammula* L., *R. scleratus* L., *R.* sp.), фиалки (*Viola* sp.), одуванчика (*Taraxacum* sp.) и др. Обнаружены остатки кустарников и деревьев: *Picea* sp., Pinaceae gen. indet., *Betula* sp., *Viburnum* sp. (калины), а также переотложенные остатки древних четвертичных и дочетвертичных растений.

В дополнение необходимо отметить, что в линзе торфа из самой верхней части толщи (~ 0,2 м ниже кровли), датированной 9685±95 ¹⁴C лет, выявлен богатый комплекс несколько иного таксономического состава. Здесь найдены остатки деревьев и кустарников: берёзы пушистой (*Betula pubescens* Ehrh.), карликовой берёзки (*Betula nana* L.), черёмухи (*Padus racemosa* (Lam.) Gilib.) и жимолости (*Lonicera coeruleum* L., *L.* sp.). Остатки трав принадлежат водным, водно-болотным и мезофитным растениям: ситнику (*Juncus gerardii* Loisel.), осоке (*Carex atherodes* Spreng., *C. pallens* L., *C. rostrata* Stokes., *C.* ex gr. A, *C.* ex gr. B), болотнице (*Heleocharis palustris* R. Br. s. l.), мари (*Chenopodium glaucum* L.), лютиковым (*Batrachium* sp., *Caltha palustris* L.), крестоцветным (*Rorippa palustris* (L.) Bess.), розоцветным (*Potentilla* sp.), фиалкам (*Viola palustris* L., *V.* sp.), водяной сосенке (*Hippuris vulgaris* L.), мытнику (*Pedicularis palustris* L.), адоксе (*Adoxa moschatellina* L.).

Палинологический анализ овражных отложений указывает, что данному этапу осадконакопления соответствует пять фаз развития природной среды. Первая фаза характеризуется

²³ См.: Бурканова Е. М., Пономарёва Е. А. Флористическая характеристика местонахождения... С. 145–146; Бурканова Е. М. и др. Палеогеографические обстановки окружающей среды... С. 579–582.

невысоким содержанием пыльцы деревьев и кустарников, среди которой преобладают берёзы (*Betula* sp., в том числе, кустарниковая — *Betula* sect. *Nanae*), присутствует сосна (*Pinus* sp.), ольха (*Alnus* sp.) и ива (*Salix* sp.). Среди трав доминируют таксоны засушливых мест: полыни (*Artemisia* sp.) и маревые (*Chenopodiaceae*), встречается эфедра (*Ephedra* sp.).

Вторая фаза характеризуется повышением содержания древесной пыльцы, среди которой начинает доминировать сосна (*Pinus* spp.). Пыльца кустарников встречается редко. Заметно увеличивается количество пыльцы водно-болотных растений (*Cyperaceae*, *Potamogeton* sp.) и спор папоротников (*Polypodiaceae*). В то же время снижается доля полыней (*Artemisia* sp.) и маревых (*Chenopodiaceae*).

Третья фаза отличается доминированием пыльцы деревьев с резким преобладанием сосен (*Pinus* spp.). Встречается берёза (*Betula* sp.), редко ольха (*Alnus* sp.) и ива (*Salix* sp.). Содержание пыльцы трав невелико, при этом травы засушливых мест обитания встречаются редко, но резко возрастает роль водно-болотных таксонов. Отмечены споры лесного папоротника — орляка (*Pteridium* sp.).

Четвёртая фаза характеризуется преобладанием пыльцы деревьев и кустарников, среди которой резко доминирует пыльца берёзы (*Betula* sp.), много пыльцы ивы (*Salix* sp.) и встречается тополь (*Populus* sp.). На фоне сокращения водно-болотных трав увеличивается роль злаковых (*Poaceae*), присутствует пыльца маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia* sp.). Среди споровых растений преобладают папоротники (*Polypodiaceae*), встречаются плауны (*Lycopodium* sp.) и сфагновые мхи (*Sphagnum* sp.).

В данную фазу сформировалась линза торфа, датированная 9685 ± 95 ^{14}C лет.

Пятая фаза завершает данный этап осадконакопления и отражает доминирование пыльцы деревьев, среди которой преобладает сосна (*Pinus* spp.), возрастает участие ели (*Piceae* sp.) и появляется пихта (*Abies* sp.). Пыльца трав более чем наполовину принадлежит водным и водно-болотным таксонам, увеличивается доля полыней при сокращении разнотравья. Среди споровых преобладают папоротники (*Polypodiaceae*).

Таким образом, активное заполнение древнего оврага (после фазы глубокой эрозии в максимум сартанского похолодания) началось среди открытых холодных и засушливых ландшафтов криоаридной / мамонтовой степи. В раннюю фазу 1 доминировали лугово-степные растительные ассоциации с участием криофильных элементов. Деревья имели ограниченное распространение (возможно, по долинам рек), но значительную роль в ландшафтах играли кустарники. В дальнейшем геодинамические условия осадконакопления почти не менялись, однако климат становился влажнее и теплее, хотя оставался суше и холоднее, чем современный (фаза 2). Роль деревьев в составе растительности постепенно увеличивалась, но по-прежнему основную часть ландшафта занимали травянистые лугово-степные ассоциации. С этого времени на окружающей территории постоянно присутствуют заболоченные участки, занятые водно-болотными травами, кустарничками и ивой. Вторая половина позднеледниковья и ранний голоцен — период достоверного присутствия в районе исследований человека и больших скоплений мамонтовой фауны. Между ~14 и 10 тыс. ^{14}C л. н. климат стал близок современному (фаза 3). Окружающие пространства занимали таёжные мелколиственно-хвойные леса, среди которых резко сократились площади лугово-степных ассоциаций и увеличились заболоченные. В самом начале голоцена (фаза 4) получили широкое развитие берёзовые леса с хорошо развитым кустарниковым ярусом (черёмуха, ива,

жимолость) и маломощным травяным покровом. Смена флористического состава, по-видимому, указывает на осушение поймы и в целом установление более засушливых условий. В завершающую фазу 5 (вероятно, после 9 тыс. ^{14}C л. н.) произошло обширное заболачивание территории и восстановление мелколиственно-хвойных лесов.

Необходимо отметить, что одновременно с заполнением оврага в пределах местонахождения формировался относительно маломощный (0,8–2,5 м) субаэральный покров I н. т. Главным образом, он представляет собой дюнные пески и супеси переветренного подстилающего аллювия, которые во многих местах осложнены склоновыми и криогенными процессами. Факт того, что движение дюн в долине р. Обь происходило до самого конца позднеледниковья, подтверждается залеганием каменных артефактов и ассоциированного древесного угля в кровле эоловых отложений. Глубина залегания культурных материалов на ненарушенных или слабо нарушенных участках в основном составляет ~ 0,5–0,7 м от дневной поверхности. Однако гравитационное смещение отложений на склонах оврага и их деформация при деградации мерзлоты привели к тому, что некоторые артефакты погрузились в псевдоморфозы по ледяным клиньям на глубину до 2,1 м от поверхности. Период максимальной активности людей на I н. т. определяется ^{14}C датами древесного угля в интервале ~ 13,3–9,3 тыс. л. н. (табл. 12). Важно указать, что ^{14}C даты с лабораторным кодом МТС (~ 10,3–9,3 тыс. л. н.) могут быть омоложены, так как получены по малому количеству материала. Так или иначе, общий анализ разреза указывает на затухание эоловых процессов в раннем голоцене.

Этап V. Завершающему этапу осадконакопления в районе Луговского соответствуют отложения ограниченного распространения. В разрезах II и I н. т. они в основном формируют почвенный покров. Также к ним относятся современные донные осадки (0,1–0,3 м) в пределах погребённого оврага. Однако отложения этого этапа широко развиты за пределами местонахождения — в пойме р. Обь, где они слагают видимый разрез мощностью более 3,5 м (изучен на правом берегу протоки Марамка, в 100 м ниже по течению от устья погребённого оврага). Данные образования, вероятно, начали формироваться в раннем голоцене, и их накопление продолжается в настоящее время.

Результаты палинологического анализа свидетельствуют о том, что данному этапу соответствуют четыре фазы развития природной среды. Первая фаза характеризуется преобладанием пыльцы деревьев, из которой доминирует сосна (*Pinus* sp.), но встречается берёза (*Betula* sp.) и редко ель (*Piceae* sp.). Среди трав преобладают водно-болотные и прибрежные таксоны, хотя также присутствуют элементы эрозионных участков и засушливых местобитаний — полыни (*Artemisia* spp.) и маревые (*Chenopodiaceae*). Среди спор доминируют папоротники (*Polypodiaceae*).

Вторая фаза также отражает доминирование пыльцы деревьев, но преобладает берёза, встречается сосна (*Pinus* sp.). Содержание пыльцы водных и водно-болотных трав снижается, а пыльца разнотравья представлена в основном сложноцветными (*Asteraceae*) и цикориевыми (*Cichoriaceae*). Пыльца полыни отсутствует, а маревые встречаются редко. Среди споровых растений резко доминируют сфагновые мхи (*Sphagnum* sp.). В период этой фазы на пойме р. Обь сформировалась гидроморфная почва и перекрывающий её слой маломощного торфа (до 0,1 м). Из этого торфа, датированного возрастом 5830 ± 85 ^{14}C лет, получен карпокомплекс бедного таксономического состава, основу которого составляют почки берёз (*Betulaceae* gen. *indet.*). Другие карпологические остатки редки и принадлежат водным и прибрежным травам: рдесту (*Potamogeton* cf. *perfoliatus* L.), частухе (*Alismataceae* gen. *indet.*), осокам (*Cyperaceae* gen. *indet.*), розоцветным (*Rosaceae* gen. *indet.*) и вербейнику (*Naumburgia thyrsoflora* L.).

Третья фаза фиксирует снижение роли деревьев (менее 50% всей пыльцы), но среди них по-прежнему доминирует берёза; появляется пыльца липы (*Tilia* sp.). Среди трав возрастает разнообразие луговых таксонов.

Четвёртая (современная) фаза характеризуется преобладанием пыльцы деревьев, среди которой возрастает роль хвойных — сосны и ели. Среди трав увеличивается роль полыней, в то время как водно-болотные элементы встречаются редко. Здесь можно отметить, что в современных донных отложениях обнаружены раковины моллюсков (*Valvata* sp., *Armiger crista* L.), типичных для мелких водоёмов, вместе с редкими переотложенными радиолариями (*Spumellaria*), которые также найдены в почвенном слое.

Таким образом, в районе слияния рр. Обь и Иртыш в течение голоцена существенной смены типа растительности не происходило. На междуречьях, в пределах II и I н. т. доминировали хвойно-берёзовые и мелколиственно-хвойные леса. Пойма была покрыта кустарниково-травянистой растительностью с участием берёз. Поднятие уровня Мирового океана, деградация мерзлоты и увеличение количества осадков при потеплении климата в раннем голоцене привели к значительному повышению базиса эрозии (фаза 1). В дальнейшем это стало причиной обширного затопления долины р. Обь в атлантический оптимум между ~8,1 и 6,7 тыс. л. н.²⁴ Последующее снижение обводнённости долины р. Обь привело к осушению поймы (фаза 2), которая впоследствии была занята берёзовыми лесами.²⁵ Позже, при возобновлении пойменного режима (фаза 3), берёзовые леса сменились на безлесные заливные луга, которые занимали большие площади, чем в настоящее время. Кровля пойменных отложений (~1 м) уже формировалась в условиях современных ландшафтов (фаза 4).

Анализ представленных результатов говорит о том, что геологический разрез местонахождения Луговское, по-видимому, охватывает интервал времени более 100 тыс. лет. В этот период происходили многократные изменения климата, ландшафтов и геодинамических обстановок. Достоверные следы присутствия человека каменного века на этой территории фиксируются второй половиной позднеледниковья (после 14 тыс. ¹⁴C л. н.). Тогда же в районе исследований наиболее интенсивно происходил процесс захоронения животных мамонтовой фауны. Таким образом, отложения погребённого оврага и субаэрального покрова I н. т. в пределах местонахождения являются уникальным архивом геoarхеологической, палеонтолого-стратиграфической и палеогеографической информации для позднеледниковья — раннего голоцена центральной области Западно-Сибирской равнины. Они насыщены макро- и микропалеонтологическими остатками, включают уникальные культурные материалы, что не имеет современных аналогов для данной территории. Важно отметить, что микропалеонтологический анализ указывает на перенос и переотложение многих остатков плейстоценового возраста (и более древних) в пределах погребённого оврага. Это говорит о локальном размыве костеносных и культурных слоев и перезахоронении отдельных костей и зубов, а также палеолитических артефактов в голоценовые отложения.²⁶

²⁴ Amon L., et al. Postglacial flooding and vegetation history on the Ob River terrace, central Western Siberia based on the palaeoecological record from Lake Svetlenkoye // *The Holocene*. 2020. Vol. 30(5). P. 618–631.

²⁵ См.: Бурканова Е. М., Пономарева Е. А. Флористическая характеристика отложений поймы и первой надпойменной террасы Иртыш-Обской протоки Марамка // *Палинология: теория и практика*. М., 2005. С. 37–38; Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69.

²⁶ Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69.

Анализ фауны крупных млекопитающих. Состав крупных млекопитающих местонахождения Луговское соответствует «мамонтовому комплексу» и включает не менее 11 таксонов: заяц (*Lepus* sp.), песец (*Alopex lagopus* L.), волк (*Canis lupus* L.), шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum.), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* Blum.), лошадь (*Equus caballus* L.), северный олень (*Rangifer tarandus* L.), благородный олень (*Cervus elaphus* L.), лось (*Alces* sp.), бизон (*Bison* sp.), овцебык (*Ovibos* (?) sp.). Ранее здесь указывались такие виды, как пещерный лев (*Panthera spelaea* (Gold.)) и бурый медведь (*Ursus arctos* L.).²⁷ Фрагмент зуба, который первоначально был определён как принадлежащий пещерному льву, переопределён (Г. Ф. Барышников, ЗИН РАН, г. Санкт-Петербург) как принадлежащий шерстистому носорогу, а достоверные остатки бурого медведя в коллекции из местонахождения Луговское, хранящейся в БУ ХМАО — Югры «Музей Природы и Человека», отсутствуют.

Среди ископаемых остатков преобладают кости и зубы мамонтов (более 98 %).

К началу XXI в. обнаружено не менее четырёх фрагментарных скелетов, разрозненные остатки которых с большой долей вероятности можно определить как принадлежащие одним особям, благодаря их локализации в толще пород и анатомическим характеристикам. Один из них, найденный в 1999 г., по морфологическим признакам определён как принадлежащий взрослой самке (смена зубов М2/М3; максимальная высота скелета — 2,3 м). Возможно, это один из самых мелких известных мамонтов на территории Западной Сибири. Всего на Луговском местонахождении собраны кости не менее 30 мамонтов — как взрослых, так и детёнышей, что, вероятно, говорит о не одновременной, неизбирательной гибели животных. Возрастное распределение следующее: около 40 % — остатки неполовозрелых особей. Остальные кости и зубы принадлежат взрослым животным: самкам, в том числе беременным (найденны кости двух эмбрионов), и не менее чем двум самцам. По-видимому, участок местонахождения посещался как семейными группами, состоящими из самок с детёнышами, так и самцами. Второе место среди крупных млекопитающих по количеству собранных костных остатков (от семи или более особей, включая детёныша) занимает шерстистый носорог. Другие виды представлены единичными находками. Среди костных остатков хищников преобладают кости волка (не менее трёх особей) и песца (не менее двух).

Основной объём палеоэкологических исследований остатков млекопитающих Луговского местонахождения (~ 5500 образцов) проведён в 2005–2006 гг.²⁸ Необходимо отметить, что большая часть коллекции (более 4000 образцов), собранной в 1999–2004 гг., представлена довольно мелкими фрагментами, мало пригодными для данного вида исследований. Поэтому детально изучено ~ 1500 относительно целых костей и зубов мамонтов и 65 образцов, принадлежащих другим крупным млекопитающим.

Остатки млекопитающих, обнаруженные в отложениях погребённого оврага, преимущественно хорошей сохранности — выветривание костных поверхностей нулевой или первой стадии.²⁹ Небольшая часть костей сильно выветрена (выше второй стадии), что говорит

²⁷ Павлов А. Ф. и др. Предварительные результаты междисциплинарных исследований местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 165–172.

²⁸ Лещинский С. В. Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1(25). С. 33–40.

²⁹ Behrensmeyer A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. Vol. 4, № 2. P. 150–162.

о продолжительной мацерации трупов некоторых животных на открытом воздухе и/или существенном переотложении отдельных остатков. На некоторых костях выявлены различные стадии выветривания и следы механического воздействия — истирания (возможно, льдинами), что может свидетельствовать о частичном выносе остатков на поверхность при переотложении и/или неполном захоронении трупов, когда отдельные части туш оставались над поверхностью. О том, что часть мягких тканей подвергалась мацерации до захоронения, говорит и тот факт, что в полостях трёх черепов мамонтов найдены сотни куколок личинок мясных мух, которые откладывают свои яйца непосредственно в мясо.

В основной части костеносного горизонта Луговского местонахождения большинство ископаемых остатков не повреждено, однако почти все они претерпели небольшой латеральный перенос ещё в позднесартанское время. Так, при проходке шурфов и раскопочных работах обнаружение костей в анатомическом положении — явление редкое, хотя отдельные скопления, по-видимому, представляли когда-то единые скелеты. Хорошая сохранность ископаемых остатков явно свидетельствует об их быстром захоронении. Наличие очень вязких (зыбучих) песчано-глинистых отложений из-за высокой степени обводнённости создало здесь в конце плейстоцена природную ловушку (существует и в настоящее время), в которую, вероятно, попадали наиболее слабые и больные особи. Таким образом, захоронение происходило на месте гибели животных. Следовательно, формирование местонахождения обязано регулярному посещению крупными растительноядными млекопитающими данного участка во второй половине сартанского криохрона. Основная причина таких посещений могла заключаться в существовании в долине ручья гидроморфного зверового солонца. Солонцовыми, по-видимому, являлись обогащённые дефицитными макро- и микроэлементами каргинские глины и алевриты, слагающие II н. т. и цоколь I н. т., а их высокая гигроскопичность способствовала образованию грязевых ванн, так любимых животными-литофагами.³⁰

Комбинация условий «зверовой солонец — ловушка» привлекала также плотоядных животных и палеолитического человека, поскольку охота на слабого или больного зверя, увязшего в зыбуне, вероятно, была наиболее успешной. Обращает внимание многочисленность костей с признаками заболевания скелетной системы. В результате визуального анализа обнаружено ~760 остатков *Mammuthus primigenius* Blum. с деструктивными изменениями скелетных и соединительных тканей, 3 — *Bison* sp., 1 — *Coelodonta antiquitatis* Blum.; на костях и зубах других млекопитающих нарушения не выявлены. Таким образом, в коллекции Луговского местонахождения содержание костей мамонтов с признаками остеоидиострофии превышает 50% от их общего количества. Проведённый анализ в целом позволяет говорить практически о поголовном поражении скелетной системы мамонтов (вероятно, 80–90% особей), остатки которых обнаружены на местонахождении Луговское.

Деструктивные изменения прекрасно диагностируются на эпифизарных частях костей конечностей (особенно дистальных отделов: запястных, пястных, предплюсневых, плюсневых, фалангах, а также коленных чашках), позвонках и рёбрах. Наиболее распространёнными и интересными являются бороздки трения и участки полного истирания компактного слоя на суставных поверхностях, возникшие в результате некроза и полного рассасывания гиалинового хряща с последующим обнажением и пришлифовкой трущихся костей. Обычно данные изменения сопровождаются узорами, фиссурами и язвами на поверхностях суставов. Важно отметить выявленные случаи частичного зарастания (заживления) дефектов,

³⁰ Паничев А. М. Литофагия в мире животных и человека. М., 1990. 224 с.

что говорит о временном / периодическом выздоровлении животного. Широко представлены разнообразные картины системного остеопороза (истончение костных перекладин, образование пустот, расширение пор, костномозговых пространств, гаверсовых и фолькмановских каналов и др.), главным образом на эпифизах длинных костей, позвонках, рёбрах и костях черепа. На позвонках и рёбрах встречены «опухолевидные» разрастания костной ткани по краям суставных поверхностей, каверны и пустоты. Для рёбер также характерны искривления, периоститные явления, недоразвитость головок и их остеолит, поперечные переломы с неполным сращением, образованием ложных суставов и/или костных мозолей. Кроме того, у трубчатых костей заметны признаки атрофии и некроза эпифизарного хряща, что выражается в несращении эпифизов с диафизом. Аналогичные изменения часто наблюдаются на позвонках, тела которых нередко имеют клиновидную форму. Таким образом, патологический процесс разрушения хрящевой и костной тканей в той или иной мере затрагивает весь скелет. Причём поверхностные проявления заболевания в наименьшей степени заметны на грудной кости и рёбрах.

Описанная выше патологоанатомическая картина местонахождения Луговское весьма характерна для энзоотической (эндемической) остеодистрофии — болезни Кашина — Бека (уровской), главными признаками которой являются множественные деструктивные изменения хрящевой ткани и вызванные этим деформации суставов, остановка роста и самопроизвольная ломкость костей. Этиология заболевания основана на глубоком нарушении обмена веществ из-за длительного (хронического) минерального голодания, связанного с острой недостаточностью в окружающих геохимических ландшафтах в первую очередь Са, Mg, P и некоторых микроэлементов, а также во многих случаях с избытком Sr.

С началом сартанского криохрона на территории Западно-Сибирской равнины начали прогрессивно развиваться кислые и особенно кислые глеевые геохимические ландшафты, характеризующиеся острой нехваткой щёлочноземельных и щёлочных элементов. Это коренным образом связано с последним подэтапом (четвертичное время) активного тектогенеза, наиболее молодое максимальное проявление которого выражается комплексом надпойменных террас позднего неоплейстоцена. Резкое прогрессирующее увеличение скорости неотектонических поднятий Западно-Сибирской плиты фиксируется приблизительно с 50 тыс. л. н. и продолжается по настоящее время, при нескольких максимумах в сартанском криохроне и голоцене.³¹ Подъём территории активизировал процессы рассоления / выщелачивания на значительной части Западно-Сибирской равнины. Таким образом, геохимические ландшафты Н-класса (кислые), достигнув к началу голоцена максимума своего распространения в плейстоцене, сегодня являются определяющими на основной площади изучаемого региона, занятой тундровой, лесотундровой, таёжно-лесной зонами, а также заболоченными водоразделами и поймами рек. Только в таёжно-лесной зоне зафиксировано 73 % случаев недостатка Са, Mg, Na и Со; 70 % — Си; 80 % — I, 55 % — Мо, 50 % — В, 49 % — Zn на

³¹ См.: Лукина Н. В. Четвертичные движения юго-восточной части Западно-Сибирской плиты // Четвертичная геология и палеогеография России. М., 1997. С. 110–115; Трифонов В. Г. Неотектоника Евразии. М., 1999. 252 с. (Труды Геологического института РАН; вып. 514.); Лещинский С. В., Орлова Л. А. О возрасте второй надпойменной террасы рек внеледниковой зоны Западно-Сибирской равнины // Проблемы и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса и производственных сил Томской области. Новосибирск, 2004. С. 159–161; Лещинский С. В., Бурканова Е. М. Динамика размера мамонтов в сартанское время на юге Западно-Сибирской равнины и её палеоэкологическое обоснование // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. Ростов-на-Дону, 2005. С. 54–56.

фоне относительного избытка Sr. В тундровых, лесотундровых и заболоченных ландшафтах дефицит жизненно необходимых элементов ещё более значителен, что приводит к периодическому минеральному голоданию современных растительноядных млекопитающих.³²

Изложенные факты, а также палеогеографические реконструкции сартанского криохро-на свидетельствуют, что в конце плейстоцена на севере Азии были широко развиты геохимические ландшафты, в которых крупные растительноядные испытывали хроническое минеральное голодание. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское позволяют утверждать, что мамонты (и другие крупные млекопитающие) данного района и, вероятно, всей Западно-Сибирской равнины в конце плейстоцена испытывали мощный геохимический стресс.³³ Отражение неблагоприятного влияния кардинально меняющейся абиотической среды наблюдаются на костях мамонтов с явными признаками остеодистрофии.

---

³² См.: Ковальский В. В. Геохимическая экология: очерки. М., 1974. 299 с.; Перельман А. И. Геохимия ландшафта: учеб. пособие для геогр. и геол. специальностей ун-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975. 342 с.; Leshchinskiy S. V. The Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: «mineral oases» in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man's activity // *The World of Elephants. Proceedings of the 1-st International Congress, Rome, October 16–20, 2001. Roma, 2001. P. 293–298.*

³³ См.: Leshchinskiy S. V. *Op. cit.* P. 293–298; Мащенко Е. Н., Лещинский С. В. Состав и морфология остатков мамонтов местонахождения Волчья грива // *Эволюция жизни на Земле. Томск, 2001. С. 507–511*; Деревянко А. П. и др. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003. 168 с.; Лещинский С. В., Бурканова Е. М., Орлова Л. А. Кочегур — новое мамонтовое местонахождение — зверовой палеосолонец на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // *Проблемы геологии и географии Сибири. Томск, 2003. С. 126–128.* (Вестник Томского государственного университета. Приложение. № 3(II), апрель 2003); Leshchinskiy S. V., Burkanova E. M. Kochegur, a new locality for mammoth remains in the Shestakovo beast solonetz district (Western Siberia) // *Occasional Papers in Earth Sciences. 3rd International Mammoth conference: abstracts. Whitehorse, 2003. № . 5. P. 63–67*; Leshchinskiy S. *Enzootic diseases and extinction of mammoths as a reflection of deep geochemical changes in ecosystems of Northern Eurasia // Archaeological and Anthropological Sciences, 2015. Vol. 7, № 3. P. 297–317.*

A grayscale illustration of a herd of woolly mammoths in a snowy, forested landscape. The mammoths are shown in profile, moving from left to right. The largest mammoth in the foreground has prominent, curved tusks. The background shows a line of trees and a hazy sky.

Глава 3

Геоархеологические исследования на местонахождении Луговское

Первые археологические материалы на местонахождении Луговское были получены в 1999 г. в процессе сборов костей ископаемой фауны.³⁴ При осмотре коллекции были определены мелкие осколки, отщепы, пластина с ретушью проксимального края и два крупных изделия: отбойник из кварцитовой гальки и двухплощадочный односторонний нуклеус, изготовленный из небольшой глыбы серого мелкозернистого песчаника. Обнаруженные артефакты указывали на вероятность существования палеолитической стоянки на местонахождении мамонтовой фауны. В 2002 г. в результате локальной промывки верхней части отложений погребённого оврага было выявлено более 270 каменных изделий, которые сопровождалась обломками пластин зубов мамонтов, фрагментами костей и костного угля.³⁵ Петрографический состав коллекции (макроскопическое определение) достаточно разнообразен: кварц, халцедон, кварцит, яшма, роговики, реже песчаник, сланцевые и магматические породы. Участки с галечной и желвачной коркой были отмечены у 26 изделий. Использовалось довольно разнообразное сырьё из полуокатанного щебня, валунов, желваков и галек. Ближайшие доступные источники такого материала находятся в 10 км к северу от местонахождения — на берегах р. Обь (в основном правобережье). В руслах водотоков и редких обнажениях ближайшего окружения отсутствует даже мелкая галька. Учитывая геодинамику последних 20 тыс. лет, можно смело утверждать, что в районе исследований позднесартанская Обь, а также её левые притоки постоянно продуцировали щебнисто-галечниковый и валунно-глыбовый материал, поэтому источники необходимого сырья могли находиться в непосредственной близости. К сожалению, сегодня подавляющее большинство этих выходов (как и вероятные палеолитические стоянки в пойме позднесартанской Оби) погребено под мощной многометровой толщей голоценовых образований.

Изученная коллекция каменного инвентаря 2002 г. (271 экз.) представлена мелкими нуклеусами для скалывания удлиненных сколов (пластин), техническими сколами оформления ядрищ, отщепами, пластинами и их фрагментами.

Среди нуклевидных форм (6 экз.) выделены одноплощадочный односторонний нуклеус на первичном отщепе (рис. 46, 3), одноплощадочный односторонний нуклеус на галечном

³⁴ Павлов А. Ф. и др. Предварительные результаты междисциплинарных исследований... С. 165–172.

³⁵ Лещинский С. В. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования... С. 54–69.

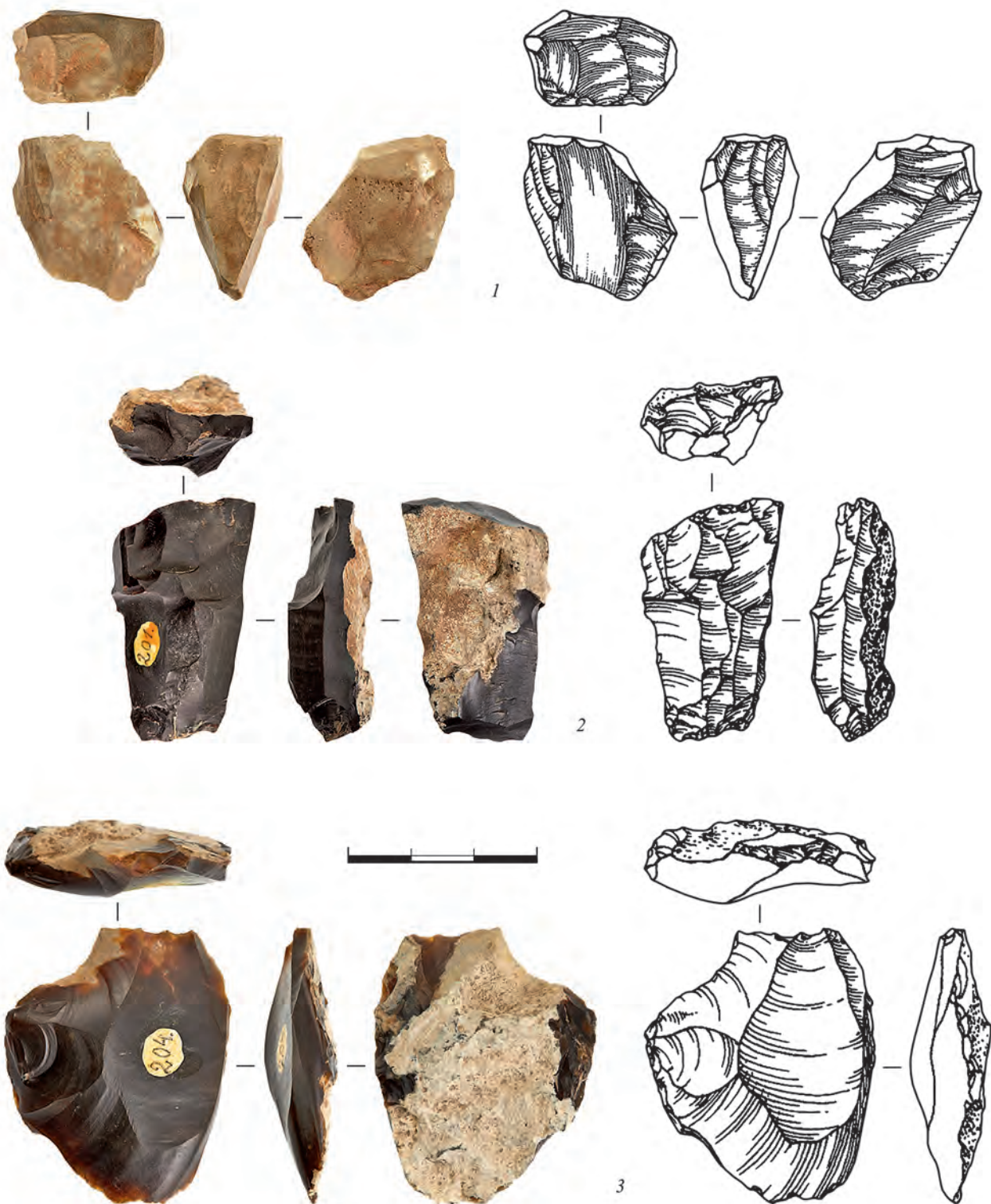

Рис. 46. Луговское. Каменный инвентарь. Нуклеусы. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

обломке, двухплощадочный односторонний нуклеус с бипродольной системой снятий пластинок (рис. 46, 2) и три предельно истощённых микронуклеуса. Максимальные размеры нуклеусов не превышают 4,5 см.

Пластинчатые формы — 39 экз. (рис. 48). Большая их часть выполнена из халцедона (21 экз.) и лишь одна — из кварца. Целых пластинок 9 экз. Фрагменты пластинок представлены проксимальными (18 экз.), медиальными (7 экз.) и дистальными (5 экз.) частями. Средние размеры пластинок: ~ 23×10×3 мм. На дорсальных поверхностях фиксируются три типа огранки: продольная (27 экз.), продольно-краевая (8 экз.) и бипродольная (4 экз.). Судя по остаточным участкам первичной корки на пластинках с продольно-краевой огранкой дорсала, для скалывания пластинок в основном использовались желваки — плитки (7 экз.) и значительно реже — гальки. Возможно, это свидетельствует об определённой сортировке исходного сырья: потенциальных нуклеусов для производства пластинчатых сколов. Среди площадок преобладают гладкие (12 экз.) и линейные (7 экз.); фасетированные относительно редки (4 экз.). Отмечено удаление карниза площадок мелкими сколами (4 экз.) и абразивом (10 экз.). Семь пластинок имеют следы пребывания в огне, а у пяти отмечена ретушь утилизации.

Отщепы — 55 экз. Сырьём для их изготовления служили преимущественно грубозернистые породы (26 экз.) и кварц (17 экз.), реже — халцедон (12 экз.). Средние размеры: ~ 22×20×5 мм. На ряде сколов сохранились участки с галечной (14 экз.) и шероховатой плиточной (4 экз.) коркой, что указывает, возможно, на некоторое предпочтение галечных материалов либо отсутствие намеренной выборки основ для скалывания отщепов. В огранке спинок преобладают продольные (25 экз.) и ортогональные (24 экз.) варианты. В равной степени присутствуют первичные и дорсально-гладкие сколы (по 3 экз.). Широко представлены неопределимые (19 экз.), гладкие (21 экз.) и корочные (7 экз.) ударные площадки сколов. Использование ретуши (две фасетки и более) в оформлении площадок отмечено в восьми случаях. Два отщепа имеют ретушь утилизации.

Существенна доля орудий — 40 экз. (14,8% от общего числа коллекции). Из них 25 выполнены на пластинках (62,5%). В изготовлении орудий предпочтения отдавались халцедону, кварциту и яшмоидам. Ретушированных пластинок 20 экз., в т. ч. с лицевой ретушью по одному продольному краю — семь (рис. 48, 1, 9), по двум — шесть (рис. 48, 4, 6, 7), по двум продольным и дистальному — одна (рис. 49, 9), по одному продольному и дистальному — также одна (рис. 48, 8), по дистальному концу — три (рис. 49, 5), с противоположной ретушью — две (рис. 48, 5). Орудий с выделенным ретушью шипом пять (рис. 49, 3, 6). Часть из них могла служить проколками. Долотовидных орудий три (рис. 47, 5). Скребки представлены в 4 экз. (рис. 49, 5). Два из них концевые на ретушированных пластинках. Примечательно изделие, сочетающее лезвие скребка и выделенный ретушью шип. Другой скребок имеет асимметрично расположенное основное лезвие. Его дополняет отделанный краевой ретушью вогнутый продольный край орудия. Изделий с резовыми сколами два: одно выполнено на обломке долотовидного орудия, у другого два лезвия расположены на противоположных углах пластинчатого отщепа (рис. 49, 11). Орудие с ретушированной выемкой оформлено на мелком нуклевидном осколке. На аналогичных осколках отмечены двусторонняя ретушь на локальном участке края и односторонняя. Тремя экземплярами представлены отщепы с ретушью.

Индустрия в целом оценивается как мелкопластинчатая с развитыми приёмами краевого ретуширования, резового скола и подтески. В коллекции 2002 г. полностью отсутствуют приёмы расщепления с торца ядрища, нет галечных орудий и скрёбел, характерных для южно-сибирского палеолита.

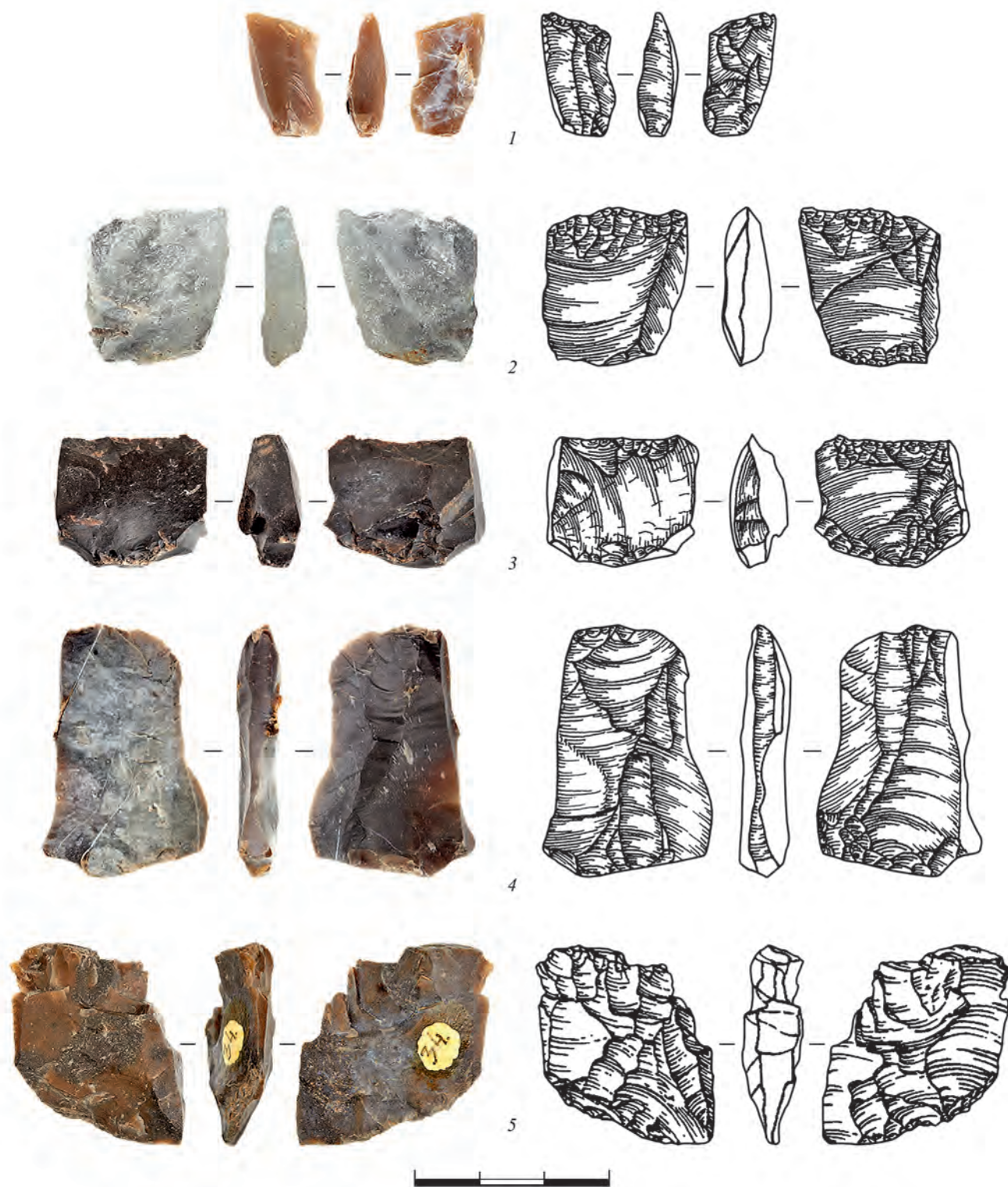

Рис. 47. Луговское. Каменный инвентарь. Долововидные орудия. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Рис. 48. Луговское. Каменный инвентарь. 1, 2, 4–7, 9 — пластинки с ретушью; 3, 8 — пластинки с ретушью утилизации.
Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Рис. 49. Луговское. Каменный инвентарь. 1 — усеченная ретушью пластинка; 2 — выемчатое орудие; 3, 6, 9 — изделия с шипом (проколки?); 4, 7 — пластинки с притупленным краем; 5 — скребок; 8, 10 — пластинки с ретушью; 11–13 — резцы. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

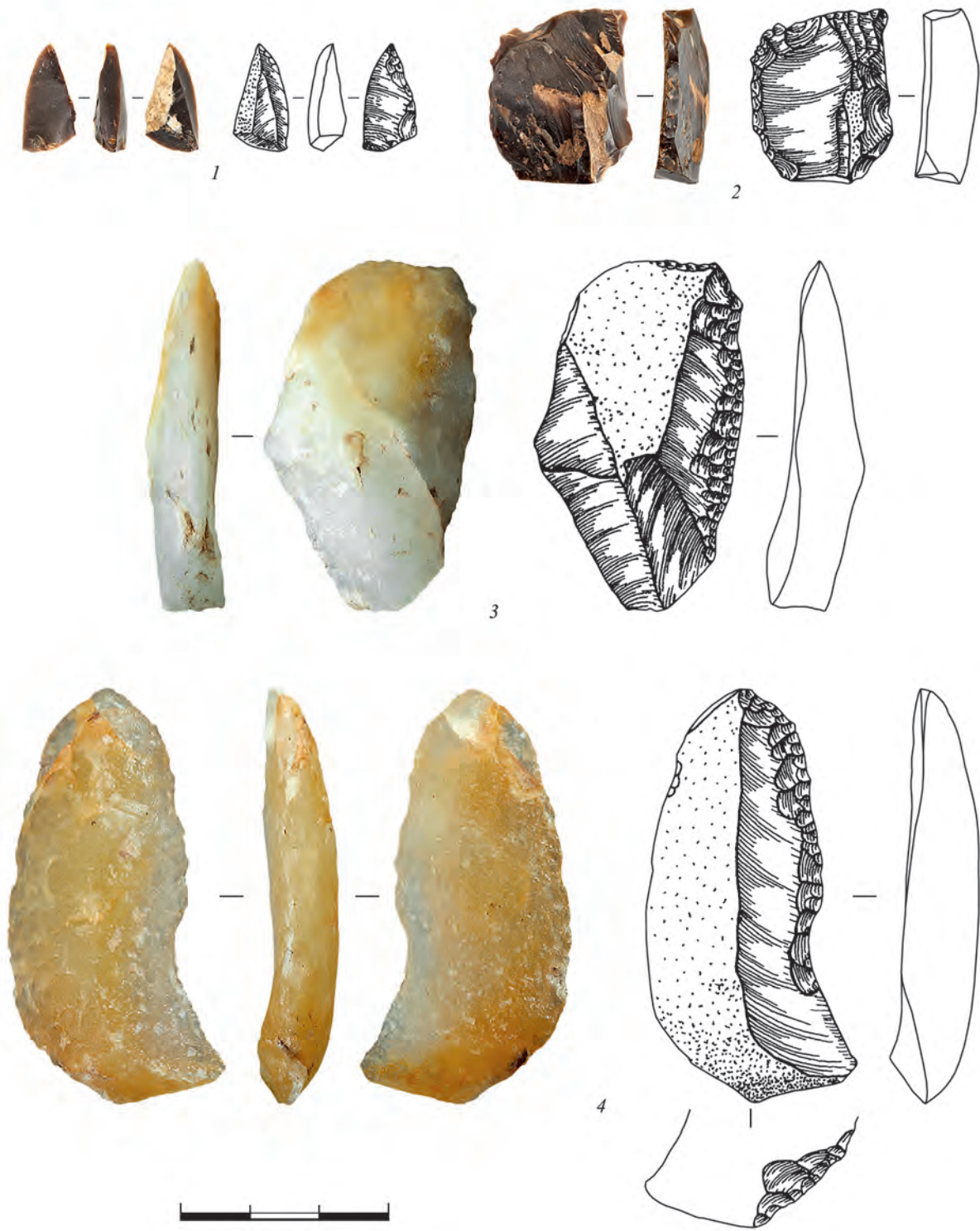

Рис. 50. Луговское. Каменный инвентарь. 1, 2 — отщепы с ретушью; 3, 4 — скребла. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Уникальной находкой является позвонок мамонта с пробоиной от наконечника, в которой сохранились фрагменты пластинок-вкладышей (рис. 53). Грудной позвонок взрослого *Mammuthus primigenius* Blum. с обломанным остистым отростком был обнаружен в 60 м к северо-западу от участка концентрации палеолитических материалов среди скопления других костей. Каких-либо изделий из камня в этом скоплении не обнаружено.

Проникающее отверстие (конусовидное в продольном сечении) с застрявшими в кости вкладышами из светло-зелёного кварцита расположено на правой боковой поверхности тела позвонка, на уровне его средней части. Входное отверстие овальное в плане (10×7 мм), с чётким контуром, что может свидетельствовать о плотном прилегании наконечника. Отсутствие признаков заживления указывает на единовременность поражения кости и гибели животного. Это подтверждают и сохранившиеся фрагменты вкладышей (один сильно раздроблен) по краям пробоины, плотно застрявшие в теле позвонка и оставшиеся в нём после извлечения (или выпадения) наконечника из раны. Их расположение указывает на использование наконечника с двумя пазами, в которые вставлялись пластинки-вкладыши. Ширина хорошо сохранившегося вкладыша — 7,4 мм, толщина — 2,5 мм, а продольный край, крепившийся в паз наконечника, имеет подправку полукруглой (до 45°) ретушью. В качестве наиболее характерных примеров таких изделий могут служить двухпазовые наконечники с пластинчатыми вкладышами с разновременных стоянок — Талицкого (18700±200 ¹⁴С л. н.) на Урале и Черноозерье II (14500±500 ¹⁴С л. н.) на Иртыше³⁶, — удалённых друг от друга более чем на 1000 км. Эти орудия различаются по размерам и очертаниям наконечников, а также по размерам и морфологии каменных вкладышей.

При изучении позвонка мамонта возник ряд вопросов, касающихся реконструкции процесса охоты человека на столь крупных животных. В Институте ядерной физики им. Г. И. Будкера (г. Новосибирск) была проведена трёхмерная томографическая реконструкция позвонка. Всего было восстановлено 50 томографических сечений, получен трёхмерный массив данных о рентгеновской плотности объекта в зоне отверстия высотой 20 мм. Стандартные средства визуализации этих данных (построения сечений, изоповерхности и т. д.) позволили детально рассмотреть внутреннюю структуру поверхности полости, форму остатков вкладышей, пористость костной ткани, характер уплотнений и другие параметры, которые оказались полезными для восстановления особенностей эпизода.³⁷

На томографических срезах тела позвонка в области пробоины определён каменный вкладыш, сама пробоина и следы небольшого уплотнения кости в результате проникновения наконечника. Важно то, что уплотнение в губчатой ткани проявилось исключительно вдоль пробоины, не затрагивая зону воздействия притупленной дистальной части наконечника. Объяснением этого является выраженный остеопороз костной ткани, подтверждённый серией рентгеновских снимков. Это дополняет патологоанатомическую картину местонахождения Луговское, где остеодистрофические нарушения выявлены на более чем 50 % костей мамонтов. Таким образом, признаки заболевания скелетной системы (как минимум остеопороз) у поражённого животного вполне очевидны.

³⁶ См.: Гвоздовер М. Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Учёные записки МГУ. 1952. Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. С. 207-210; Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994. 96 с.; Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985. 89 с.

³⁷ Зенин В. Н. и др. Геоархеология и особенности материальной культуры... С. 41-53.

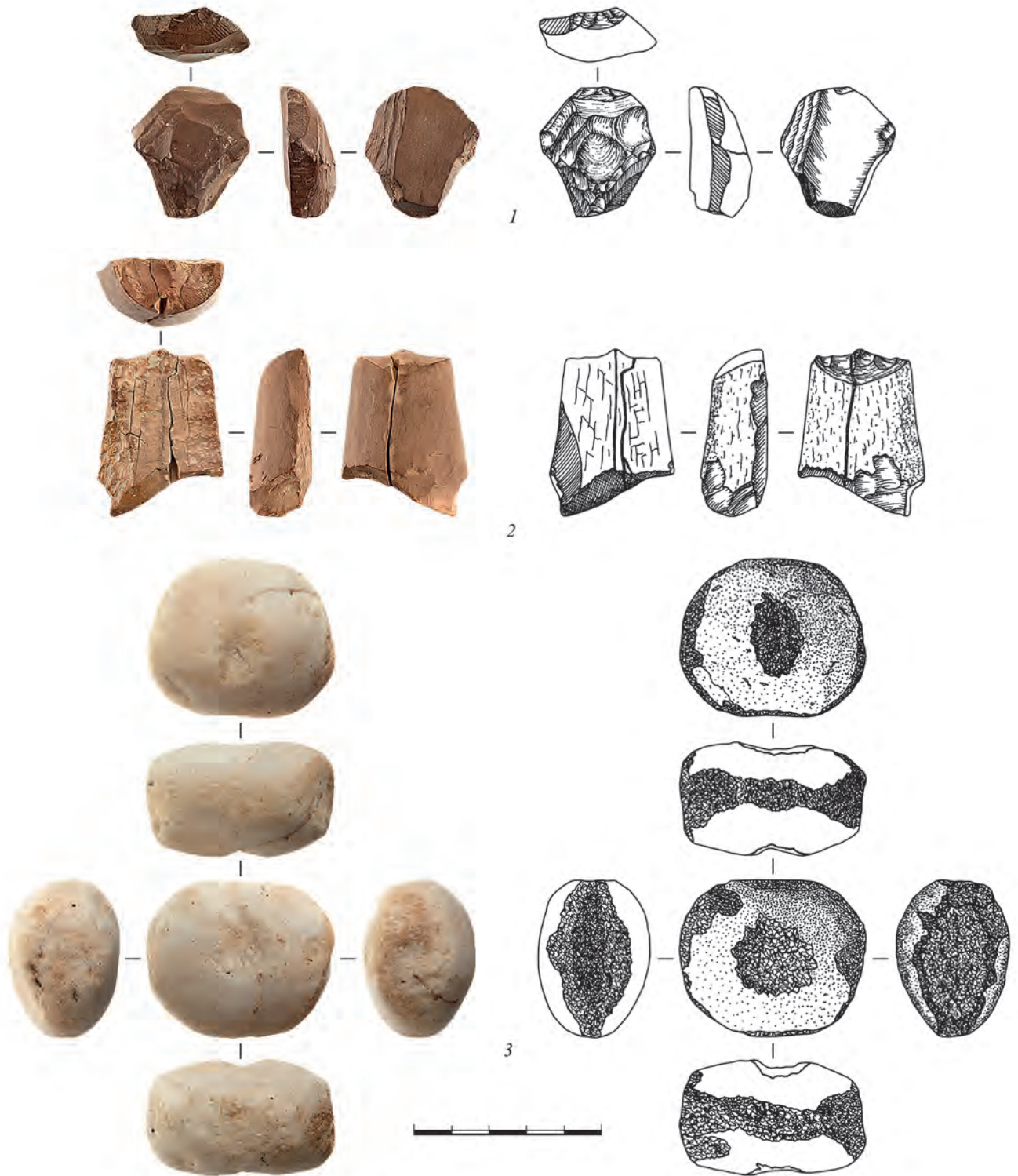

Рис. 51. Луговское. Изделия из бивня мамонта: 1 — скребок; 2 — фрагмент со следами ретушной обработки на торце. Каменный инвентарь: 3 — отбойник-наковаленка. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Тяжесть ранения мамонта и глубина пробоины в позвонке зависели, главным образом, от силы воздействия орудия охоты. Эта сила складывается из скорости полёта и характеристик орудия (масса, материал, форма наконечника и др.), достаточных для преодоления препятствий: шерсти, кожи, жировой и мышечной тканей. Исходя из установленного факта заболевания убитого мамонта, следует полагать, что максимальное сопротивление удару оказал кожный покров, поскольку при остеопорозе он претерпевает меньшие изменения. Последним препятствием на пути орудия охоты стал позвонок, порозность которого снижала сопротивление кости.

Томографические срезы и объёмные изображения дали возможность точно определить максимальную глубину пробоины (до 23,5 мм), размеры фрагментов вкладышей, воссоздать параметры дистальной части наконечника и проводить геометрические измерения любой части пробоины в любом сечении. Исходные данные рентгеноскопии и результаты томографического изучения позвонка позволили с высокой точностью установить основные показатели траектории нанесения удара. Угол отклонения пробоины от фронтальной плоскости позвонка составляет 7–9°, а от плоскости поперечного сечения — 12°. На основании построенной графической модели траектории полёта орудия установлена дистанция между мамонтом и стоящим охотником в пределах 2–5 м, а при позиции «с колена» — не более 8 м.³⁸

Представленная модель демонстрирует один из возможных вариантов охоты, причём наименее безопасный для охотника. Однако с учётом того, что останки животных на местонахождении залегают в вязких глинистых отложениях, а большинство костей имеют явные деструктивные изменения (в том числе пробитый позвонок), предполагается охота на вянувшего в зыбуне ослабленного болезнью мамонта. Возможно и то, что удар был нанесён полулежавшему на левом боку животному.

Радиоуглеродный возраст грудного позвонка определён в лаборатории изотопных исследований им. Лейбница (Университет Христиана Альбрехта, г. Киль, Германия).³⁹ По выделенному коллагену получена радиоуглеродная дата 13 465±50 л. н. (KIA-19643).

С помощью «CALIB rev 4.3»⁴⁰ был рассчитан усреднённый калиброванный (календарный) возраст исследуемого образца — 14 225 л. до н. э. Таким образом, столкновение человека и мамонта произошло в позднеледниковье, около 16 250 л. н.

По ископаемым остаткам, обнаруженным в отложениях ручья, определено время формирования местонахождения мамонтовой фауны: ~ 19,1–11,3 тыс. л. (кости мамонта и шерстистого носорога, датированные ~ 18,25 и 30 тыс. кал. л. н. явно переотложены). При этом наибольшее количество датировок приходится на период ~ 17–14,5 тыс. кал. л. н. (табл. 12).

В период после 2002 г. и до настоящего времени (начало 2023 г.) на местонахождении Луговское проведено 15 археологических экспедиций, которые подтвердили главные выводы, полученные по результатам комплексных работ 2002–2006 гг. Таким образом, весь археологический материал, обнаруженный на Луговском за все годы исследований, отнесён к одному

³⁸ Зенин В. Н. и др. Геоархеология и особенности материальной культуры... С. 41–53.

³⁹ Zenin V. N., et al. The first direct evidence of mammoth hunting in Asia (Lugovskoye site, Western Siberia) // 3rd International Mammoth conference: Program and abstracts. Whitehorse, 2003. P. 152–153. (Occasional Papers in Earth Sciences. № 5).

⁴⁰ Stuiver M., et al. INTCAL-98 Radiocarbon age calibration, 24,000–0 cal BP // Radiocarbon. 1998. Vol. 40, № 3. P. 1041–1083.

комплексу. Это 4633 изделия из камня, 2 фрагмента бивня с обработкой, скол с бивня, 3 фрагмента ребра мамонта со следами порезов, фрагмент рога оленя со следами обработки и позвонок мамонта, поражённый наконечником копья или дротика, а также около 10 фрагментов обожжённой глиняной массы, пока неясного происхождения.

Каменный инвентарь представлен нуклеусами (14 экз., 6%), орудийным набором (237 экз., 31%), сколами и отходами производства (4127 экз., 63%). Среди нуклевидных изделий представлены призматические, плоскостные и торцовые формы. Все нуклеусы мелкие (менее 5 см) и истощённые (рис. 46). Преобладают одноплощадочные с параллельной системой скалывания, хотя представлены и двуплощадочные с параллельной, со встречной и ортогональной системами скалывания. В единственном числе присутствует торцовый нуклеус (рис. 46, 1). Приём подработки карниза представлен на большинстве нуклевидных изделий.

В орудийном наборе (237 экз.) преобладают долотовидные изделия (21%) (рис. 47); пластинки с ретушью (19,8%) (рис. 48, 1, 2, 4–9), отщепы с ретушью (9,3%) (рис. 50, 1, 2), микропластинки с ретушью (7,5%), скребки (6,3%) и изделия с шипом (5%). Большую долю в орудийном наборе составляют неформальные орудия: сколы с ретушью утилизации (6,7%) (рис. 48, 3, 8), а также обломки и осколки с ретушью (7,5%). Кроме вышеуказанных типов представлены усечённые ретушью пластинки (рис. 49, 1), резцы (рис. 49, 11–13), острия, выемчатые орудия (рис. 49, 2), скрёбла (рис. 50, 3, 4), комбинированное орудие и галечки, использованные в качестве отбойника и наковаленки (рис. 51, 3).

Рис. 52. Луговское. Позвонок мамонта, поражённый вкладышевым наконечником. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Среди долотовидных орудий присутствуют орудия с одним и двумя рабочими краями. Пластинки с ретушью представлены разнообразными типами: с дорсальной ретушью по одному и по двум краям, с противоположащей ретушью, с дорсальной ретушью по двум краям и концу скола. Отдельно необходимо выделить пластинки с притупленным краем (рис. 49, 4, 7), которые, вероятно, использовались в качестве вкладышей. Почти все скребки (рис. 49, 5) относятся к типу концевых, изготовленных на пластинах или ретушированных пластинах. Единичными экземплярами представлены скребки с зауженным основанием и скребкопроколка, на котором шип оформлен ретушированной выемкой на краю поверхности слома, противоположащего скребковому краю. Рабочий край скребков, как правило, выпуклый, хотя имеются и скребки с прямым рабочим краем.

К изделиям с шипом (рис. 49, 3, 6, 9) отнесены проколки, провёртки и изделия с выраженным заострённым элементом, оформленным ретушью, выемкой или сочетанием этих приёмов вторичной обработки. Эта категория орудий представлена следующими типами: изделия с шипом на углу скола или обломка, с двумя и тремя шипами. Резцы (рис. 49, 11–13) представлены боковыми, поперечными, плоскими и срединными типами. Все сколы, орудия и нуклевидные формы за исключением единичных экземпляров, не превышают 5 см в длину. Основной категорией скола-заготовки является пластинчатый скол менее 5 см в длину. Приём подработки карниза представлен на большинстве сколов-заготовок.

Первичное расщепление на стоянке производилось в ограниченном объёме — сколы с естественной поверхностью составляют менее 1%. Вероятно, на стоянку приносились уже готовые орудия, нуклевидные изделия или преформы. Косвенно это предположение подтверждают следы неутилитарного износа (транспортировки), зафиксированные на сколах и орудиях. Технология первичного расщепления характеризуется плоскостным, призматическим и торцовым расщеплением. Среди техник первичного расщепления фиксируются отжимная, ударная и контрударная. В коллекции присутствует небольшая уплощённая галечка молочного кварца с выемками на уплощённых поверхностях, которые появились в результате её использования в качестве наковаленки для контрударного расщепления (рис. 51, 3). Боковые стороны галечки несут на себе следы интенсивной забитости, что, вероятно, свидетельствует о её использовании в качестве отбойника.

Основным типом вторичной обработки является дорсальная, краевая, кругая и полукругая ретушь в основном слабой степени модификации, но присутствует и средней степени модификации. Вентральная, противоположащая и бифасиальная типы ретуши представлены единичными экземплярами. Кроме краевой ретуши использовались приёмы резцового скола, ретушного усечения, анкоша и подтески. Учитывая большое количество чешуек, осколков, обломков, резцовых отщепов и мелкие размеры орудий, с большой долей вероятности можно говорить о широком применении экономной стратегии утилизации каменного сырья за счёт подправки и переоформления орудий и нуклевидных изделий.

В результате трасологического анализа части коллекции каменного инвентаря с местонахождения Луговское была установлена хорошая сохранность следов утилитарного и неутилитарного износа, позволяющая выполнить их предварительную интерпретацию. Среди типов утилитарного износа зафиксированы следы резания мяса или кожи на скребках, пластинчатых сколах и отщепках с утилитарной ретушью, на фрагментах пластинок, а также на долотовидных орудиях. На пластинках с ретушью утилизации и на одном реберчатом сколе отмечены следы от строгания и пиления твёрдого органического материала (вероятно, де-

рева, кости, рога или бивня). На мелком отщепе отмечены следы работы по мягкому органическому материалу (возможно, срезание тростника или коры).

Следы неутилитарного износа (скругление и заполировка рёбер дорсальной поверхности сколов), указывают на длительную транспортировку каменного инвентаря. На нескольких сколах следы от транспортировки отмечены и на вентральной поверхности (все определения выполнены Е. Ю. Гирей и С. С. Макаровым).

Неожиданной находкой на восточном участке территории памятника стали фрагменты обожжённой глиняной массы размерами не более 3×2 см. На нескольких фрагментах представлены уплощённые «грани». По мнению В. С. Житенева и С. С. Макарова, вероятной кажется их интерпретация в качестве фрагментов красящих веществ, аналогии которым представлены в Каповой пещере.⁴¹

Находки костяного инвентаря пока обнаружены только при промывке отложений погребённого оврага и в настоящее время представлены 4 экз.: скребком из бивня мамонта (рис. 51, 1), фрагментом бивня со следами сколов (рис. 51, 2), фрагментом рога оленя с прорезанной и заполированной выемкой и поперечным сколом с бивня мамонта. Наибольший интерес среди этих находок представляет скребок с зауженным основанием, выполненный в технике обивки, с заполировкой рабочего края. Негативы сколов наблюдаются и на торце другого небольшого фрагмента бивня мамонта, формирующего его кромку по аналогии с ретушным усечением. Об использовании на местонахождении Луговское техники скола для обработки бивней указывает и широкий поперечный отщеп, сделанный с крупного бивня.

Каких-либо признаков жилищ, хозяйственных ям, западин или иных структур антропогенного происхождения при исследовании культурного слоя местонахождения Луговское не выявлено. Однако несколько особенностей планиграфии отметить можно. На террасовидной поверхности в восточном участке памятника, в 2-х м от центра псевдоморфозы по морозобойному клину, на площади ~10×10 см зафиксирована группа из 37 каменных изделий: долотовидное орудие, 6 сколов, 2 резцовых отщепка, 21 чешуйка и 7 обломков. Все находки различаются не только по типу, но и по сырью. Попытки ремонта между артефактами, найденными в скоплении, результата не принесли. Других компактных скоплений археологического материала на территории памятника не выявлено. Однако во впадине указанного выше морозобойного клина выявлено скопление жжёных фрагментов костей и древесного угля с каменными осколками и чешуйками, что может интерпретироваться как остатки зольника, разрушенного при деградации многолетней мерзлоты.

---

⁴¹ Пахунов А. С. и др. Изучение состава образцов охры из культурного слоя зала Знаков Каповой пещеры // РА. 2021. № 1. С. 18–30.

Глава 4

Геоархеологические исследования на местонахождении Комудваны

Местонахождение Комудваны (рис. 53) было открыто для научных исследований в 2015 г., хотя местным жителям это место с костями мамонтов, лежащими на дневной поверхности в устье небольшой речки, известно с 1960-х гг. Здесь на протяжении десятилетий охотники и рыбаки массово собирали остатки плейстоценовых млекопитающих. При разведочных работах 2015 г. в русле и пойме реки собрано более 400 целых костей, зубов и их фрагментов (рис. 54, 55), на 98 % принадлежащих *Mammuthus primigenius* Blum. (найлены остатки *Coelodonta antiquitatis* Blum., *Rangifer tarandus* L., *Equus* sp. и *Bison* sp.). Предварительное изучение верхней части разреза близлежащей I н. т. позволило выявить слой, из которого было получено 30 фрагментов ископаемых костей. При планомерных исследованиях 2016 г. в этом слое вместе с остатками мамонтовой фауны впервые обнаружено несколько каменных артефактов.⁴²

Местонахождение Комудваны (63°18'20" с. ш. 65°27'25" в. д.) расположено в Октябрьском районе ХМАО — Югры на правом берегу р. Большая Обь, в 5 км к северо-востоку от бывших юрт Комудвановских, находившихся на противоположном берегу. Оно приурочено к приустьевой части долины р. Манья, в ~ 400 м выше места её впадения в р. Большая Обь (рис. 54). Пойменный участок местонахождения, на котором накапливаются переотложенные остатки мегафауны, во время половодий полностью затапливается (рис. 55), и вода достигает подножья I н. т. Относительная высота этой террасы, включающей остатки мамонтовой фауны *in situ* и палеолитические артефакты, над меженным уровнем воды в р. Обь составляет ~ 7 м (абсолютная высота ~ 20 м). Активная боковая эрозия террасы в настоящее время не наблюдается. Зачисткой 2017 г. вскрыт разрез террасового участка местонахождения, представленный (сверху вниз) следующими отложениями (рис. 56):

1. Тёмно-коричневая торфообразная лесная подстилка мощностью до 0,1 м. Поверхность напластования чёткая. Отложения, возможно, с перерывом залегают на подстилающем слое.
2. Алевритовый песок делювиально-эолового генезиса мощностью 0,3–0,4 м. Текстура неоднородная с пятнами рыже-коричневого, светло-серого, коричневого цветов, местами заметны слои делювия. Отложения переработаны почвенными процессами и солифлюкцией

⁴² Макаров С. С., Резвый А. С., Горелик В. И. Местонахождение Комудваны — новый палеонтолого-археологический памятник Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле. Томск, 2018. С. 215–217.

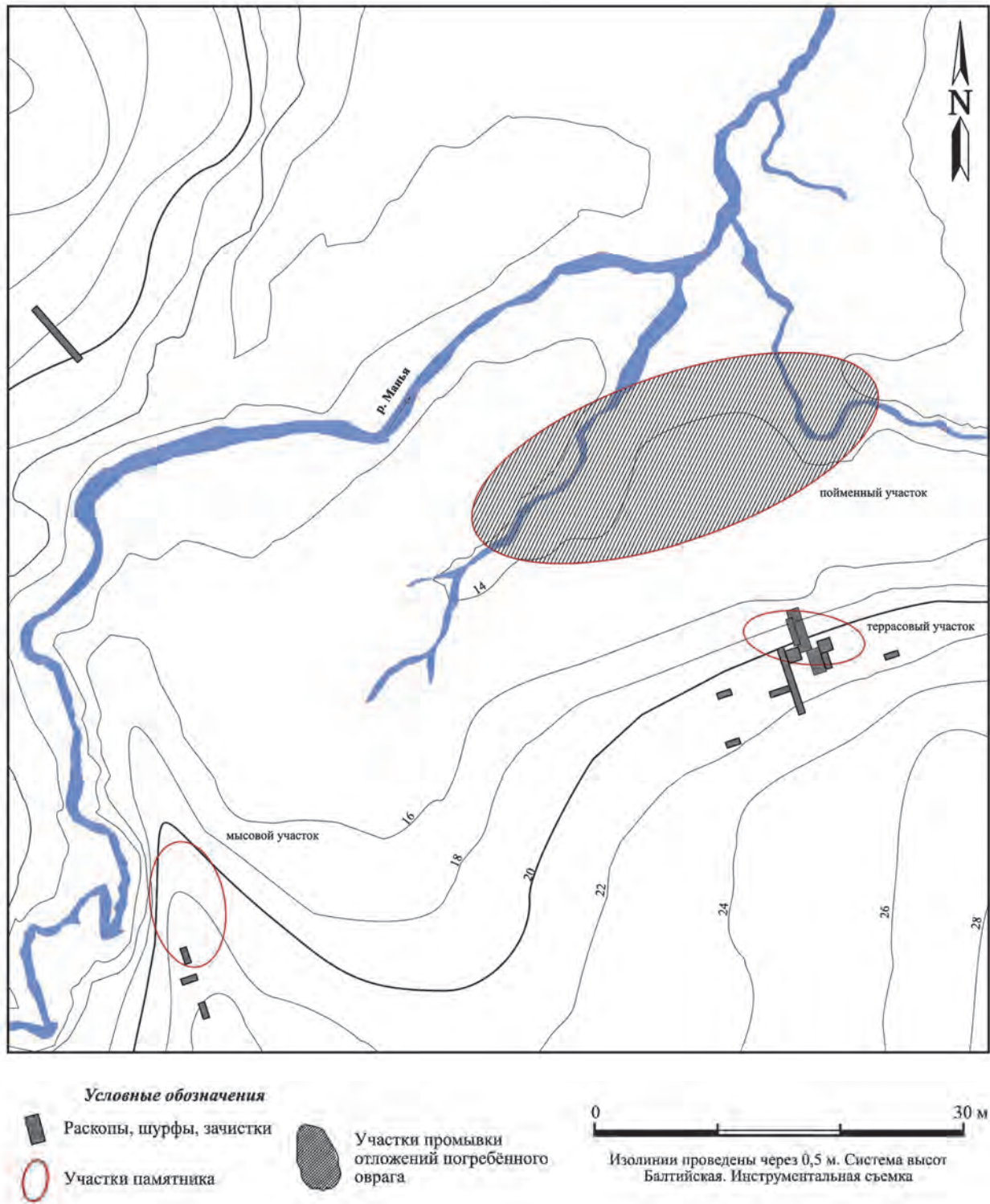

Рис. 53. Комудваны. Ситуационный план участков работ. Составитель С. С. Макаров

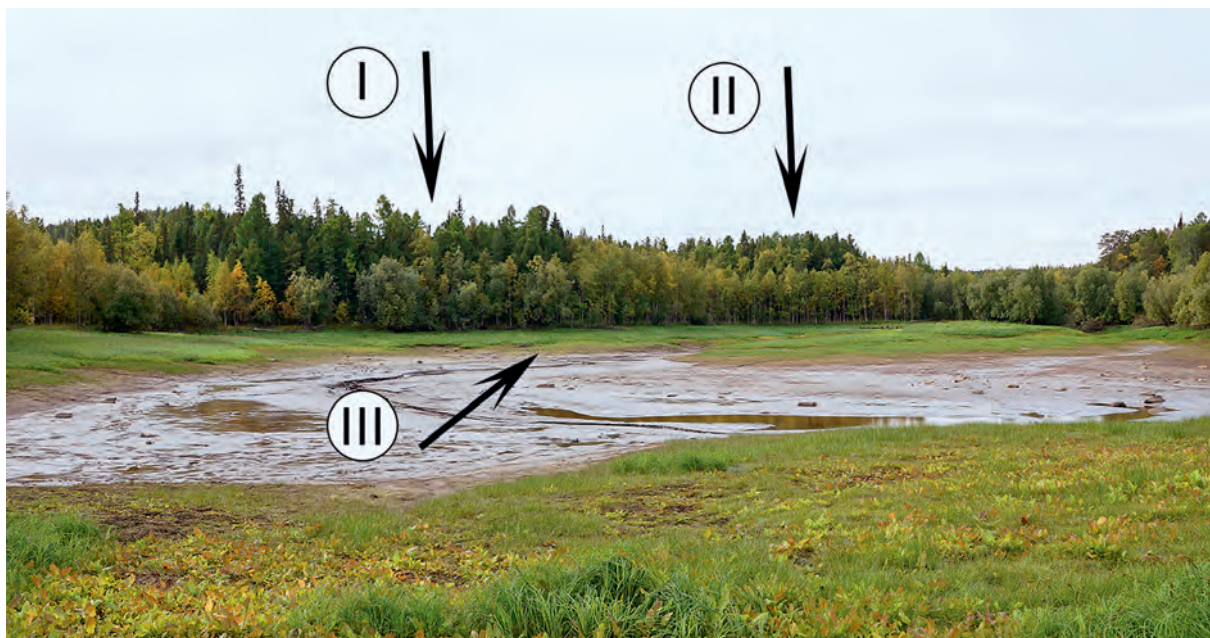

Рис. 54. Комудваны. Устьевая часть долины р. Манья. Вид на юг. Август 2017 г. Фото А. С. Резвого
I — террасовый участок; II — мысовой участок; III — пойменный участок

Рис. 55. Комудваны. Устьевая часть долины реки Манья. Вид на юг. Июль 2016 г. Фото А. С. Резвого

(особенно в подошве). Поверхность напластования неровная, нечёткая. Отложения, вероятно, залегают с перерывом на подстилающем слое.

3. Тонкослойчатые коричневато-серые пески, серые алевриты, рыже-коричневые и серые опесчаненные глины делювиального генезиса мощностью 0,25–0,4 м.

В отложениях наблюдаются пластичные (вероятно, при солифлюкции) и хрупкие деформации. Слойки имеют видимое падение по палеосклону (под углом до 5–10°). Отложения вмещают остатки мамонтовой фауны и редкие каменные артефакты. Поверхность напластования неровная, но ясная. Отложения, возможно, с перерывом залегают на подстилающем слое.

4. Тонкослойчатые желтовато-коричневые алевриты с линзочками серой и коричневато-серой глины делювиального генезиса мощностью 0,45–0,6 м. Подошва выражена прослойкой (до 2–5 см) коричневато-серой комковатой глины. Поверхность напластования чёткая с падением по палеосклону. Отложения залегают с размывом на подстилающих образованиях.

5. Тонкослойчатые коричневато-серые алевриты, тонко-, мелкозернистые пески, иногда серые опесчаненные глины (в подошве с голубоватым и зеленоватым оттенками) мощностью ~ 2,5 м. В нижней части встречаются слои растительного детрита и линзочки торфа. Слоистость субгоризонтальная, местами слабо волнистая; наблюдаются пластичные (вероятно, при солифлюкции) и хрупкие деформации. Отложения, по-видимому, сформированы в пойме праОби. Поверхность напластования горизонтальная нечёткая, но ясная. Отложения залегают согласно на подстилающих образованиях.

6. Тонкослойчатые серые (с голубоватым и зеленоватым оттенками), светло-серые и коричневые (в кровле) алевриты, реже серые мелкозернистые пески пойменного или озёрного генезиса. В отложениях равномерно присутствуют веточки и корешки растений (до 5–10 см). На уровне ~ 0,6 м ниже поверхности напластования найдены фрагменты костей крупного млекопитающего. Видимая мощность — более 1,3 м.

К сожалению, труднодоступность района полевых работ, необходимость вложения значительных финансовых средств в лабораторную обработку фактического материала пока не позволили провести комплексное палеонтолого-стратиграфическое изучение местонахождения Комудваны. Тем не менее предварительный анализ геологического разреза, вскрытого в верхней части I н. т., и общая геоморфологическая ситуация на участке исследований позволяют утверждать, что отложения, вмещающие остатки мамонтовой фауны и каменные артефакты, сформированы в самом конце плейстоцена — голоцене. Радиоуглеродное датирование костей млекопитающих, захороненных *in situ*, а также собранных на поверхности поймы, подтверждают этот вывод и указывают на позднеледниковую активность мамонтовой фауны и палеолитического человека в бассейне р. Нижняя Обь (табл. 12). Первое проникновение людей в данный район, вероятно, произошло после 16 тыс. ¹⁴C л. н. Это позволяет провести предварительную корреляцию местонахождений Комудваны и Луговское. Оба местонахождения указывают на зависимость первобытных охотников-собирателей от крупных млекопитающих.

В процессе определения пространственных границ местонахождения Комудваны на начальном этапе исследований в 2015–2021 гг. в пределах I н. т. выявлен ещё один перспективный участок площадью ~ 20×10 м, условно названный «мысовой» (рис. 53). Он находится на правом берегу р. Манья, в 60 м на юго-запад от зачистки 2017 г. Археологические и палеонтологические материалы (рис. 57) здесь также залегают *in situ*. Между основным «террасовым»

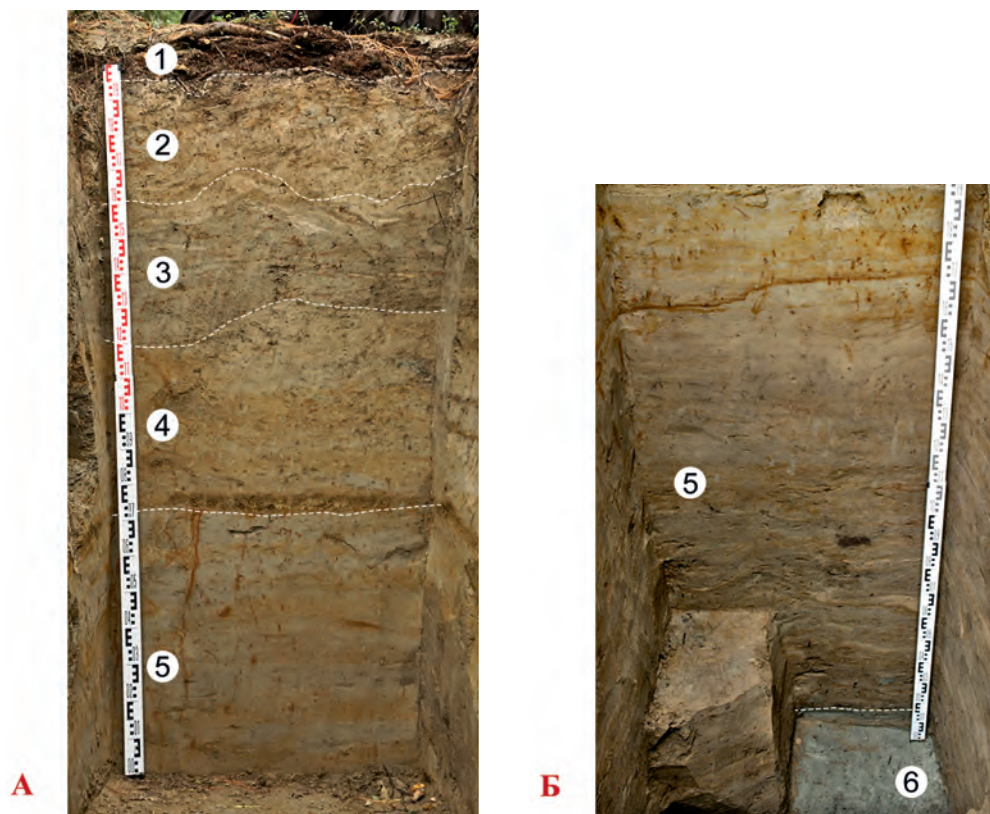

Рис. 56. Комудваны. Разрез I надпойменной террасы (зачистка № 1, 2017 г.). Фото С. В. Лещинского
А — верхняя часть разреза; Б — нижняя часть разреза

и «мысовым» участками артефакты пока не обнаружены. В общей сложности в пределах местонахождения заложены траншея, раскоп и 11 шурфов (суммарной площадью 50 кв. м), а также сделано 6 зачисток геологических разрезов.

Археологические материалы. В шурфах и траншее «террасового» и «мысового» участков вместе с фрагментами костей мамонтов было найдено несколько каменных изделий. Это позволило не только установить следы присутствия человека на местонахождении, но и подтвердить их палеолитический возраст. В результате проведённой шурфовки установлено, что остатки мамонтовой фауны распространены на небольшой площади вдоль края I н. т. (полоса 60 м при ширине до 5 м). Каменный инвентарь встречен в 5 из 11 шурфов, в зачистках и траншее, в одном слое с находками костей (верхний уровень). При промывке отложений пойменного участка находки не обнаружены, хотя палеонтологический материал присутствовал.

На местонахождении Комудваны обнаружено 28 экз. каменного инвентаря, представляющих единый культурно-хронологический комплекс: пластинчатый отщеп, отщепы (9 экз.), осколки и обломки (17 экз.), чешуйка. К орудиям (5 экз.) отнесены остроконечный отщеп с ретушью и сколы с ретушью утилизации (рис. 57, 1, 2), а также обломок с ретушью утилизации.

Визуально определён следующий сырьевой состав каменных артефактов: кварц/кварцит — 71,5% (20 экз.), песчаник — 25,0% (7 экз.), агат (?) — 3,5% (1 экз.). На четырёх отщепах и чешуйке

Рис. 57. Комудваны. Верхний костеносный уровень (культурный слой) в шурфе 14 на террасовом участке памятника. Вид с юга. Июль 2021 г. Фото С. С. Макарова

имеются участки галечной поверхности. Каменный инвентарь немногочисленный, что не позволяет сделать выводы о его культурной принадлежности. Среди сколов представлены отщепы, один из которых отнесён к пластинчатым. На трёх сколах представлена естественная поверхность. На двух сколах и на обломке естественная поверхность имеет слабую степень окатанности, что, вероятно, свидетельствует об обломочном характере сырья. На сколах, где ударная площадка сохранилась, она, чаще всего, гладкая и ровная, оформленная одним сколом, и одним экземпляром представлена точечная ударная площадка. Приём подработки карниза наблюдался на одном сколе. Для техники расщепления характерны как параллельное, так и встречное скалывания.

Наиболее выразительной находкой является скол с конвергентными латералими, одна из которых в дистальной части подработана краевой дорсальной ретушью. Предмет может интерпретироваться как острый форма. На дистальном конце пластинчатого скола отмечена ретушь утилизации (рис. 58, 2). Аналогичная ретушь зафиксирована на латералиях ещё двух сколов (рис. 58, 1) и на осколке.

Изделия из камня дополняют фрагменты бивней и костей со следами искусственного воздействия. Фрагмент бивня мамонта (29,2×6,1÷5,1×5,0 см) со следами продольного расщепления («разламывания», по терминологии Г. А. Хлопачёва и Е. Ю. Гири⁴³) обнаружен *in situ* на террасовом участке. На его поверхности фиксируются частично сохранившийся цементный слой, негативы продольных сколов и зона сильно растрескавшегося дентина. Концы фрагмента бивня обломаны. С цементным слоем сопряжены две плоскости продольного раскалывания, имеющие тангенциальную ориентацию относительно структуры бивня и протянувшиеся

⁴³ Хлопачёв Г. А., Гиря Е. Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приёмы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб., 2010. 144 с.

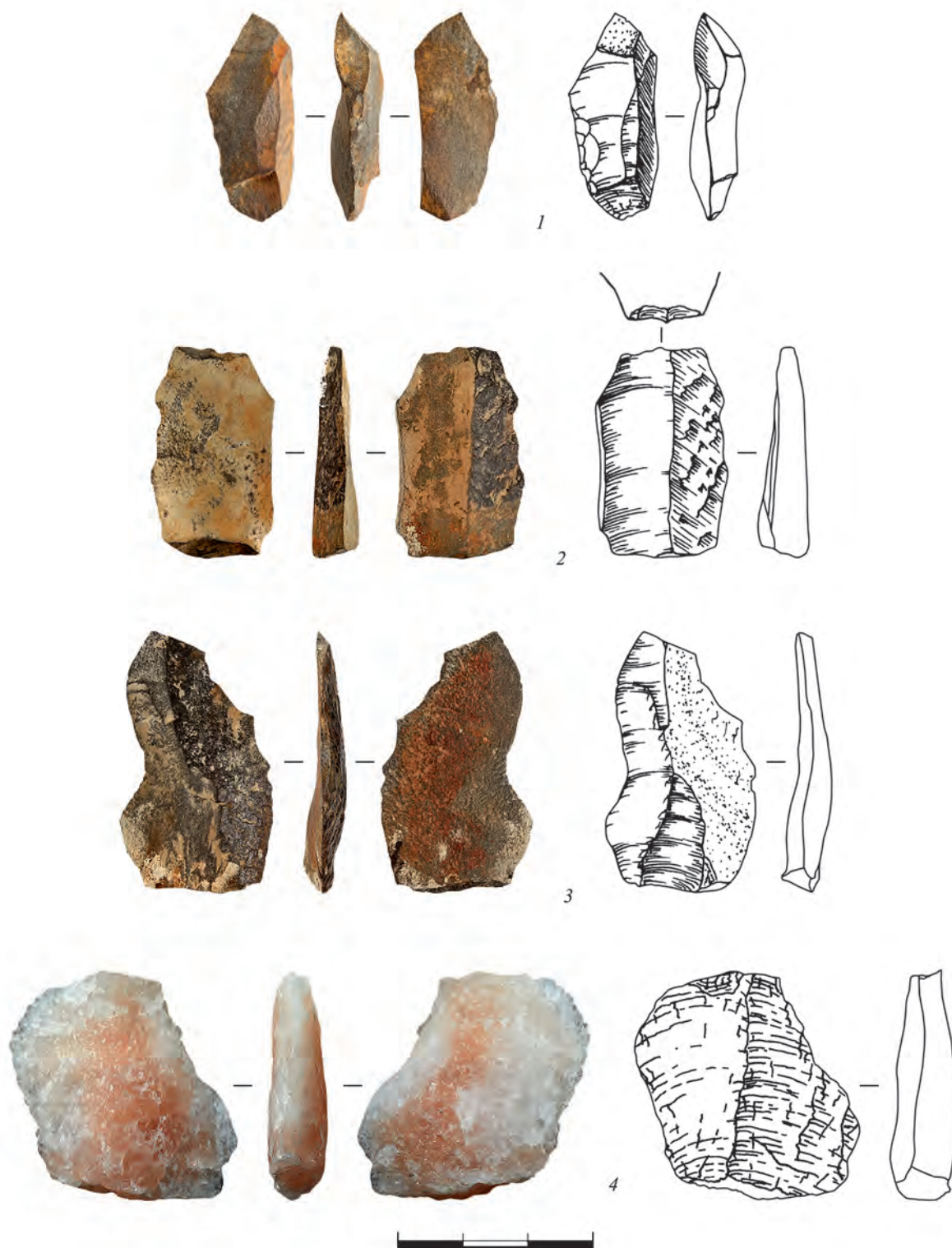

Рис. 58. Комудваны. Каменный инвентарь. 1, 2 — сколы с ретушью утилизации; 3, 4 — сколы. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

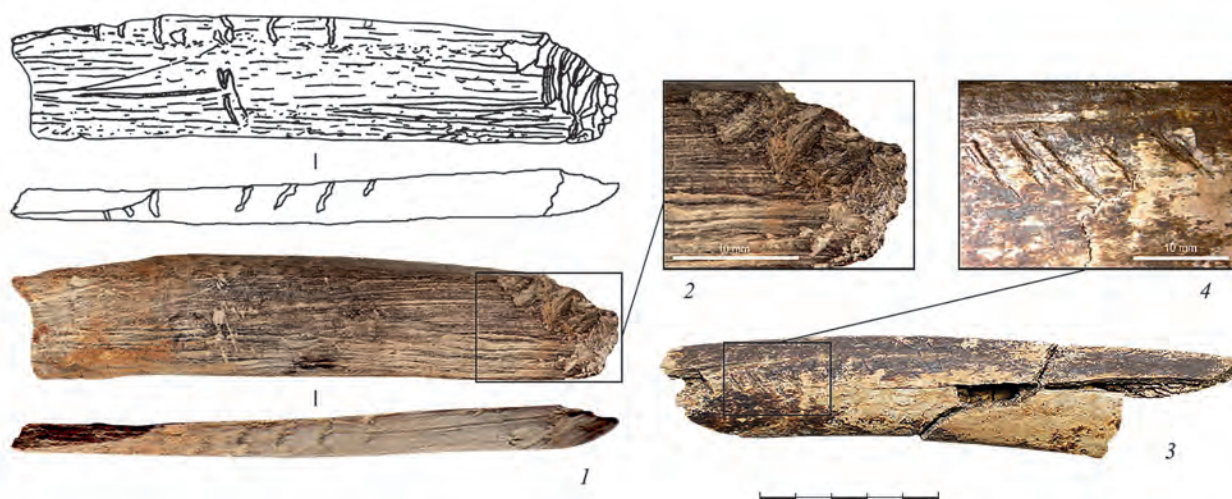

Рис. 59. Комудваны. 1 — фрагмент бивня мамонта со следами обработки; 2 — увеличенный фрагмент бивня мамонта со следами обработки; 3 — фрагмент ребра мамонта с зарубками (?); 4 — увеличенный фрагмент ребра мамонта с зарубками (?)
Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

на всю его длину. Один из негативов скола частично накладывается на другой, что указывает на последовательность их снятия. Остальная часть поверхности бивня представляет собой расслоившиеся и растрескавшиеся на разную глубину конусы роста. Данный фрагмент можно интерпретировать как нуклеус для получения бивневых стержней или пластин.⁴⁴

На некоторых фрагментах бивней и костей мамонтов обнаружены следы порезов и зарубки, вероятно, сделанные каменными орудиями. В их числе уплощённый фрагмент бивня мамонта (рис. 59, 1-2), найденный при сборе подъёмного материала на пойменном участке. Фрагмент (8,07×1,76×0,5 см) прямоугольной формы с немного вогнутой внутренней и выгнутой внешней поверхностями, имеет слегка скрученный профиль. Один конец образован сломом, противоположный приострён несколькими зарубками. Вогнутая поверхность пластинки естественная, со следами расслоения дентина, а выгнутая вся покрыта многочисленными длинными неглубокими субпараллельными царапинами. Одна латераль заострена, другая более плоская и напоминает искусственно созданный обушок. На нём имеются несколько параллельных насечек, расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Другим примером является фрагмент ребра мамонта с параллельными зарубками (рис. 59, 3-4), имеющий прямую радиоуглеродную дату 12320±35 лет (UGAMS-40954), что свидетельствует о вероятной синхронности костей мамонта и деятельности людей.

Каких-либо признаков жилищ, хозяйственных ям, западин, скоплений или иных структур антропогенного происхождения при исследовании культурного слоя местонахождения Комудваны пока не выявлено.

Палеонтологические находки. Остатки крупных млекопитающих распространены по всей поверхности приустьевой части поймы р. Манья. Наибольшая концентрация зафиксирована на правом берегу небольшого ручья, впадающего в р. Манья (пойменный участок) (рис. 53).

⁴⁴ Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири (по материалам Янской стоянки) // *Stratum Plus*. 2015. № 1. С. 223–283.

Рис. 60. Комудваны. Находки палеонтологического материала на пойменном участке. Сентябрь 2015 г. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск. Фото А. С. Резвого

В поверхностных сборах преобладают остатки мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) — 567 экз., что составляет 97,7% от всех определенных находок (≥ 13 особей). Обнаружены кости шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* Blum.), северного оленя (*Rangifer tarandus* L.), лошади (*Equus* sp.), бизона (*Bison* sp.) (рис. 60). Эти находки являются смешанным комплексом, что подтверждается большим разбросом полученных радиоуглеродных дат (табл. 12).

Палеонтологические материалы основного костеносного уровня на террасовом участке соотносятся со слоем 3 в зачистке 2017 г. и насчитывают

155 экз. Все определимые кости принадлежат мамонту (≥ 3 особи). В анатомическом составе находок представлены фрагменты невральных дуг позвонков (2,6%), эпифизы костей передних (4,5%) и задних (7,7%) конечностей, фаланги (5,2%), обломки рёбер (37,7%) и мелкие неопределимые фрагменты костей (42,3%). В нижней части вскрытого разреза I н. т. (слой 6 в зачистке 2017 г.) обнаружены фрагменты рёбер млекопитающего (3 экз.), имеющие три прямые радиоуглеродные даты со средним значением ~ 17 тыс. лет (табл. 12). В разрезе I н. т. (раскоп 2021 г.) на глубине $\sim 2,0$ – $2,2$ м от поверхности (средний костеносный уровень) найдены фрагменты трубчатых костей северного оленя (5 экз.). Они обнаружены на площади $0,2 \times 0,2$ м, что может указывать на их принадлежность одной особи.

Палеонтологические материалы мысового участка (11 экз.) синхронны с верхним костеносным слоем «террасового» участка памятника. Плохая сохранность костей не позволила установить их видовую принадлежность.

Различия, выявленные в анатомическом составе палеонтологических находок из поверхностных сборов и залежавших *in situ* на «террасовом» участке, могут свидетельствовать об антропогенном факторе накопления некоторых остатков мамонтов. Преобладание костей с малым индексом пищевой ценности (дистальные части конечностей, позвонки и рёбра, среди которых ребро с насечками)⁴⁵ позволяет рассматривать верхний костеносный слой I н. т. как возможное свидетельство разделки фрагментов туш животных.

Привести какие-либо аналогии для инвентаря стоянки Комудваны не представляется возможным из-за его малочисленности. Ближайшее местонахождение Луговское⁴⁶ схоже с ним

⁴⁵ Каспаров А. К., Нехорошев П. Е. К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2 // Записки ИИМК РАН. 2018. № 19. С. 20–35.

⁴⁶ См.: Павлов А. Ф. и др. Предварительные результаты междисциплинарных исследований... С. 165–172; Orlova L. A., et al. Op. cit.; Зенин В. Н. и др. Геоархеология и особенности материальной культуры... С. 41–53; Лещинский С. В. Палеоэкологические исследования... С. 33–40; Макаров С. С., Резвый А. С. Результаты полевых археологических работ на местонахождении Луговское в 2014 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2015. Вып. 13. С. 268–281.

по геологической ситуации и приуроченности к местонахождению мамонтовой фауны. Открытие стоянки Комудваны на 63° с. ш. позволило достоверно сместить северную границу ойкумены человека палеолитической эпохи в Западной Сибири на 350 км на север.

Материалы стоянки Комудваны вписываются в существующее разнообразие верхнепалеолитических памятников Западно-Сибирской равнины сартанского времени.⁴⁷ Однако определить их культурную принадлежность невозможно из-за отсутствия руководящих типов орудий. Возможно, это объясняется разрушением большей части памятника или мобильным образом жизни его обитателей, что может быть характерно для большинства палеолитических стоянок Западной Сибири.⁴⁸

Морфологический облик и типологические характеристики инвентаря из местонахождений Луговское и Комудван демонстрируют определённое сходство с отдельными типами изделий в позднепалеолитических комплексах Урала (стоянка Талицкого, Капова и Игнatieвская пещеры, Зотинский грот)⁴⁹, Иртышского бассейна (Гари, Троицкая I, Черноозерье II) и востока Барабинской равнины (Волчья Грива).⁵⁰

Приуроченность палеолитических стоянок к естественным местонахождениям ископаемой мегафауны, вероятно, свидетельствует о сохранении давних традиций посещения человеком таких объектов и/или размещения своих стоянок в непосредственной близости от них. Места концентрации животных не могли не привлекать палеолитических охотников.

Таким образом, несмотря на слабую изученность палеолитической эпохи центральной области Западно-Сибирской равнины, потенциал открытия новых памятников палеолита на этой территории весьма значителен, и обнаружение местонахождений Луговское и Комудваны — яркое тому подтверждение.

⁴⁷ См.: Макаров С. С. Первоначальное заселение и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене: хронология и периодизация // Путь на север: первоначальное заселение Арктики и Субарктики. М., 2008. С. 196–210; Макаров С. С. Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3: Археология и этнография. С. 63–76.

⁴⁸ См.: Окладников А. П., Молодин В. И. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978. С. 9–19; Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986. 142 с.; Деревянко А. П. и др. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково...

⁴⁹ См.: Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. 206 с.; Щербакова Т. И. Указ. соч.

⁵⁰ См.: Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Указ. соч.; Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 3–17; Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000. 430 с.; Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // АЭАЕ. 2002. № 4(12). С. 22–44.

Часть 3

Западно-Сибирская тайга в эпоху мезолита

Глава 1

История изучения памятников мезолита и реконструкция палеоклимата в таёжной зоне Западной Сибири в конце плейстоцена — начале голоцена

Мезолит — исторический этап культурного и социально-экономического развития человеческого общества в эпоху значительных изменений в растительном и животном мире планеты, наступивших после продолжительного ледниковья. Термин «мезолит» был предложен для обозначения комплексов каменных орудий, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом, получил широкое признание благодаря трудам Г. Чайлда.¹ В отечественной литературе этот термин стал использоваться в 1950-х гг. после работы М. В. Воеводского.² Однако даже после этой публикации высказывались мнения о нецелесообразности его применения, предлагались термины «эпипалеолит», «голоценовый палеолит» и др.,³ что вызвало острую научную дискуссию.⁴ В настоящее время использование термина «мезолит» основано на общеметодологических принципах построения периодизации. Эпоха мезолита начинается с рубежа плейстоцена — голоцена, граница которого в международной шкале квартера определена ~ 11700±99 л. н. (cal BP) с отсчётом измерения от 2000 г. н. э.⁵

Территория административного региона (ХМАО — Югры — ред.) расположена в центральной части Западно-Сибирской равнины от Уральского хребта на западе до Обско-Енисейско-

¹ Clark I. G. D. Mesolithic Prelude: the Palaeolithic-Neolithic transition in Old World prehistory. Edinburgh, 1980. 122 pp.

² Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 96–119.

³ Рогачев А. Н. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // У истоков древних культур (эпоха мезолита). М.; Л., 1966. С. 9–13. (МИА; № 126).

⁴ См.: Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия) // У истоков древних культур (эпоха мезолита). М.; Л., 1966. С. 213–223. (МИА; № 126); Формозов А. А. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. 1970. № 3. С. 6–11.

⁵ Walker M., et al. Formal definition and dating of the GSSP (Global Stratotype Section and Point) for the base of the Holocene using the Greenland NGRIP ice core, and selected auxiliary records // Journal of Quaternary Science. 2009. Vol. 24, № 1. P. 3–17.

го водораздела на востоке. В широтном направлении её протяжённость почти 1400 км, а с севера на юг — около 800 км, на промежутке между 58°30' и 65°30' северной широты. Речная сеть представлена средним и нижним течением р. Обь и нижним течением её левобережного притока — р. Иртыш. Территория является наиболее пониженной частью Западно-Сибирской равнины, на которой образовалась замкнутая, сильно заболоченная депрессия — Среднеобская низменность, её ядро составляют Ханты-Мансийская низменность и Сургутская низина, вытянутые в широтном направлении, с абсолютными высотами в центральной части не более 50–60 м над уровнем моря. К западу от среднего течения р. Обь расположена другая пониженная область — Кондинская низменность. Вдоль Уральских гор простирается обширная Северо-Сосьвинская возвышенность, а с юго-запада — Кондинско-Тавдинская наклонная равнина. В совокупности эти низменности, Кондинская и Среднеобская, образуют главную геоморфологическую депрессию Западно-Сибирской равнины.

С севера эта депрессия ограничена Сибирскими Увалами, а к югу — подъёмом поверхности до 100–150 м над уровнем моря в сторону возвышенности Тобольский материк и Васюганской равнины.⁶ В центральных областях Западной Сибири основную толщу составляют позднплейстоценовые морские, по преимуществу песчаные отложения, сочетающиеся с озёрно-аллювиальными песками и супесями. Гравийный материал в этих отложениях связывают либо с флювиогляциальными потоками, либо с айсберговым разномом. Ледниковые покровы в сартанское время не распространялись на эту территорию.⁷

Обзор палеоклиматической ситуации в конце плейстоцена — начале голоцена

Позднеледниковая эпоха (ок. 17 000–11 700 ¹⁴C л. н.) конца плейстоцена отличалась деградацией покровного оледенения, низким уровнем мирового океана и относительно короткими, но резкими ритмическими колебаниями климатических условий. Дегляциация ледникового покрова и низкий уровень мирового океана являлись важными климатообразующими факторами.⁸ По классификации Блитта — Сернандера, в позднеледниковье выделяются три похолодания: ранний, средний и поздний дриас, соответственно разделённые двумя потеплениями — бёллинг и аллерёд. Быстрое аллерёдское потепление (ок. 14 000 л. н.) привело к формированию в средних широтах условий, близких к современным, с широким распространением смешанных вечнозелёных и лиственных лесов. В позднем дриасе климат Земли на короткое время вернулся к оледенению. Наступившее похолодание привело к полному исчезновению древесной растительности и к широкому расселению эфедры. Незначительное смягчение климата создало условия для появления зарослей ив по берегам водоёмов,

⁶ Величко А. А. и др. Западно-Сибирская равнина в облике позднеледниковой пустыни // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 4. С. 18.

⁷ См.: Velichko A., Kononov Yu., Faustova M. The Last Glaciation of Earth: Size and Volume of Ice-Sheets // Quaternary International. 1997. Vol. 41/42. P. 43–51; Svendsen J. I., et al. Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia // Quaternary Science Reviews. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271; Величко А. А. и др. Указ. соч. С. 19.

⁸ Климанов В. А. Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным): автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М., 1996. 46 с.

а несколько позднее — кустарниковых берёз. Ближе к концу позднего дриаса кустарниковые заросли сократились, доминирующее положение заняли ксерофитные злаково-маревополюнные ассоциации с широко распространившейся эфедрой.⁹ Исследования последних лет свидетельствуют о существовании в северных районах Западной Сибири в позднеледниковье обширной холодной пустыни с полупустынными ландшафтами, а к югу от неё — области распространения лёссов и перевеянных песков.¹⁰ В конце плейстоцена на всей территории Западной Сибири был развит мамонтовый тундростепной комплекс с арктическим и бореальным подкомплексами.¹¹

Природно-климатические условия пребореального периода (11700–10500 л. н.) чередовались фазами холодного влажного и холодного сухого климата с фазами тёплого сухого и тёплого влажного. Зональная структура растительности в центре равнины существенно отличалась от современной. Основными типами ландшафтов являлись тундровый и лесотундровый. На севере лесотундры были распространены елово-лиственничные формации, а на юге — лиственнично-берёзовые. В лесостепной зоне преобладали елово-берёзовые леса и сосново-берёзовые с елью и господством марево-полюнных ассоциаций и ксерофитных злаково-полюнных. Климат пребореального периода не был тёплым, отклонения от современных температур июля и января в центральных районах Западной Сибири составляли 13 °С и 7 °С, а среднегодовая температура оставалась ниже на 1 °С. Из-за похолодания северная граница лесотундровой зоны сместилась к югу на 400 км.¹²

Климат бореального периода (10500–7800 л. н.) оставался холоднее современного. В начале периода среднегодовая температура изменялась от –6,5 °С до –8 °С.¹³ Перигляциальные формации сменяются древесной растительностью, и почти вся территория Севера Западной Сибири покрывается разреженными лесами. На пространствах современной тундровой зоны появляется арктическая пустыня, типичная тундра и ерниковая тундра в сочетании с полюнно-маревыми группировками. Лесотундру покрывали предтундровые лиственнично-еловые редколесья, которые к югу от 66° с. ш. сменялись берёзово-еловыми разреженными лесами (редколесьями) с лиственницей и кустарничковой берёзой. На дренированных участках произрастали еловые леса (Сибирские Увалы и территории, прилегающие к Уральским горам). Юг Западно-Сибирской равнины занимали разреженные леса из берёзы и ели. Большие пространства занимали сосново-берёзовые леса с елью.¹⁴ На рубеже бореального и атлантического периодов происходит похолодание.¹⁵

---

⁹ См.: Волкова В. С., Бахарева В. А., Левина Т. П. Растительность и климат голоцена Западной Сибири // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 90–95; Архипов С. А., Волкова В. С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. Новосибирск, 1994. С. 89.

¹⁰ Величко А. А. и др. Указ. соч. С. 26.

¹¹ Гашев С. Н. и др. Фаунистические тренды голоцена на территории Западной Сибири и их причины // Геофизические процессы и биосфера. 2017. Т. 16, № 1. С. 55–74.

¹² См.: Архипов С. А., Волкова В. С. Указ соч. С. 89; Евсеева Н. С., Жилина Т. Н. Палеогеография конца позднего плейстоцена и голоцена (корреляция событий): учеб. пос. для студентов высших учебных заведений. Томск, 2010. С. 108.

¹³ Волкова В. С., Бахарева В. А., Левина Т. П. Указ. соч. С. 90–95.

¹⁴ Волкова В. С., Левина Т. П. Растительность голоцена Западной Сибири по политологическим данным // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 188.

¹⁵ Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974. С. 107. (Труды Геологического института; вып. 257).

Рис. 61. Процесс исследования мезолитических памятников р. Конда в первой половине 1980-х гг. Фото Е. М. Беспрозванного

Атлантический период (7800–5700 л. н.) характеризуется экспансией лесной растительности на север вплоть до морской береговой линии. В зоне современной тундры у мыса Каргинского произрастали ольхово-берёзовые леса. В начале атлантического периода в центральных областях Западно-Сибирской равнины были распространены берёзово-сосновые леса с елью, а после непродолжительного похолодания (ок. 7500 л. н.) на Обь-Иртышском междуречье доминировали берёзовые леса с елью и пихтой. Климат в атлантический оптимум был значительно теплее современного. Среднегодовая температура в лесной северо-таёжной области на +3 °С, а в зоне тундры на +9 °С была выше современной.¹⁶

История исследования мезолита Севера Западной Сибири

На территории Ханты-Мансийского автономного округа мезолитические поселения выявлены в начале 1980-х гг. (рис. 61). Изучение памятников осуществлялось экспедициями Уральского госуниверситета под руководством Н. К. Стефановой, Е. М. Беспрозванного (1981–1984, 1986–1990 гг.), В. М. Морозова (1985 г.), С. Ф. Кокшарова (1987–1988 гг.), Ю. Б. Серикова (1984–1985 гг.). В 1990-х гг. интенсивность полевых работ на памятниках эпохи мезолита снизилась, небольшие исследования осуществлялись А. А. Погодиным в 1995 г. и в 1999 г.

Начиная с 2000-х гг. культурные слои и остатки конструкций эпохи мезолита обнаружены при раскопках семи памятников. Их исследование проводилось экспедициями ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» под руководством А. Н. Бессмертных (2002 г.), А. А. Погодина (2006, 2007, 2015–2018 гг.), Уральского федерального университета под руководством С. Ф. Кокшарова (2001–2004 гг.), ООО НПО «Северная археология — 1» под руководством М. Ю. Баранова, Т. М. Пономарёвой, М. В. Коноваленко, Ю. В. Балуевой, Е. И. Кочегова (2014–2015 гг.), ИАЭТ СО РАН под руководством А. А. Дудко (2016 г.).

Раскопки первого мезолитического памятника Леуши IX на р. Конда положили начало поиску ранних голоценовых стоянок и поселений на севере Западной Сибири.¹⁷ Однако право

¹⁶ См.: Архипов С. А., Волкова В. С. Указ. соч. С. 92; Евсева Н. С., Жилина Т. Н. Указ. соч. С. 112.

¹⁷ Стефанова Н. К. Работы в Кондинском районе // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 232–233.

первооткрывателя северного мезолита принадлежит Л. П. Хлобыстину, обнаружившему в 1976 г. в урочище Корчаги, практически на широте Полярного круга, скопление из 38 каменных предметов: нуклеусов, скребков, отщепов и сколов,¹⁸ хронология комплекса установлена по образцу угля из прослойки, перекрывавшей лёссовидный суглинок — 7260±80 л. н. (Ле-1376), 6359–5984 кал. л. до н. э.¹⁹

В 1980–1990 гг. на стоянках и поселениях бассейна р. Конда открыты и изучены котлованы жилищ-полуземлянок — Леуши IX,²⁰ Леуши III,²¹ Геологическое III,²² постройки наземного типа — Ленино III,²³ Сатыга XVI²⁴ или со слабоуглублённым центром — Леуши XIV.²⁵ Изучение памятника Леуши XIII выявило новый тип стоянок — производственные площадки с большим количеством каменного инвентаря.²⁶ Важное событие этого периода изучения — обнаружение первых мезолитических захоронений по обряду кремации.²⁷

¹⁸ Хлобыстин Л. П. Находки близ г. Салехард // КСИА. М., 1987. Вып. 189: Каменный век. С. 108–111.

¹⁹ Хлобыстин Л. П. Первоначальное заселение Евразийского Заполярья // XI Конгресс ИНКВА: итоги и перспективы. М., 1982. С. 286–287.

²⁰ См.: Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области летом 1981 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Стфанова Н. К. Свердловск, 1982. 157 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8650; Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области в 1982 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Стфанова Н. К. Свердловск, 1983. 99 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9069; Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе в 1986 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1987. 63 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11756.

²¹ Отчет об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1995 г. Т. 2: Охранные раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1996. 91 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 19466.

²² См.: Отчёт об исследовании памятников в районе д. Низямы в Октябрьском районе и в верховьях р. Эсс в Советском районе Тюменской области в 1985 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Морозов В. М. Свердловск, 1986. 93 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10713; Отчёт об исследовании памятников на трассе газопровода «Уренгой-Ужгород» в Октябрьском и Советском районах Тюменской области летом 1986 г. Т. 1 / УрГУ им. А. М. Горького; Морозов В. М. Свердловск, 1987. 116 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11429; Отчёт о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Кокшаров С. Ф. Свердловск, 1987. 111 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11649; Отчет об археологических работах в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1987 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Кокшаров С. Ф. Свердловск, 1988. 107 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12189; Отчёт о раскопках поселения Геологическое III в Советском районе и разведке в Кондинском районе Тюменской области в 1989 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1990. 100 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13994.

²³ Отчёт о работах Кондинского отряда Уральской археологической экспедиции в 1985 году / УрГУ им. А. М. Горького; Сериков Ю. Б. Свердловск, 1985. 51 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11045.

²⁴ См.: Отчёт об исследовании могильника Сатыга XVI в Кондинском районе в 1987 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1988. 92 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12289; Отчёт об исследовании могильника Сатыга XVI в Кондинском районе в 1988 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1989. 75 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13363.

²⁵ См.: Отчёт об исследовании памятников эпохи мезолита на Леушинском Тумане в Кондинском районе в 1983 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1984. 81 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9413; Отчёт об исследовании пос. Леуши XIV и разведках в Кондинском районе в 1984 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М.; Свердловск, 1985. 60 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10203.

²⁶ Отчёт об исследовании памятников эпохи мезолита на Леушинском Тумане в Кондинском районе в 1983 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1984. 81 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9413.

²⁷ Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 48–62.

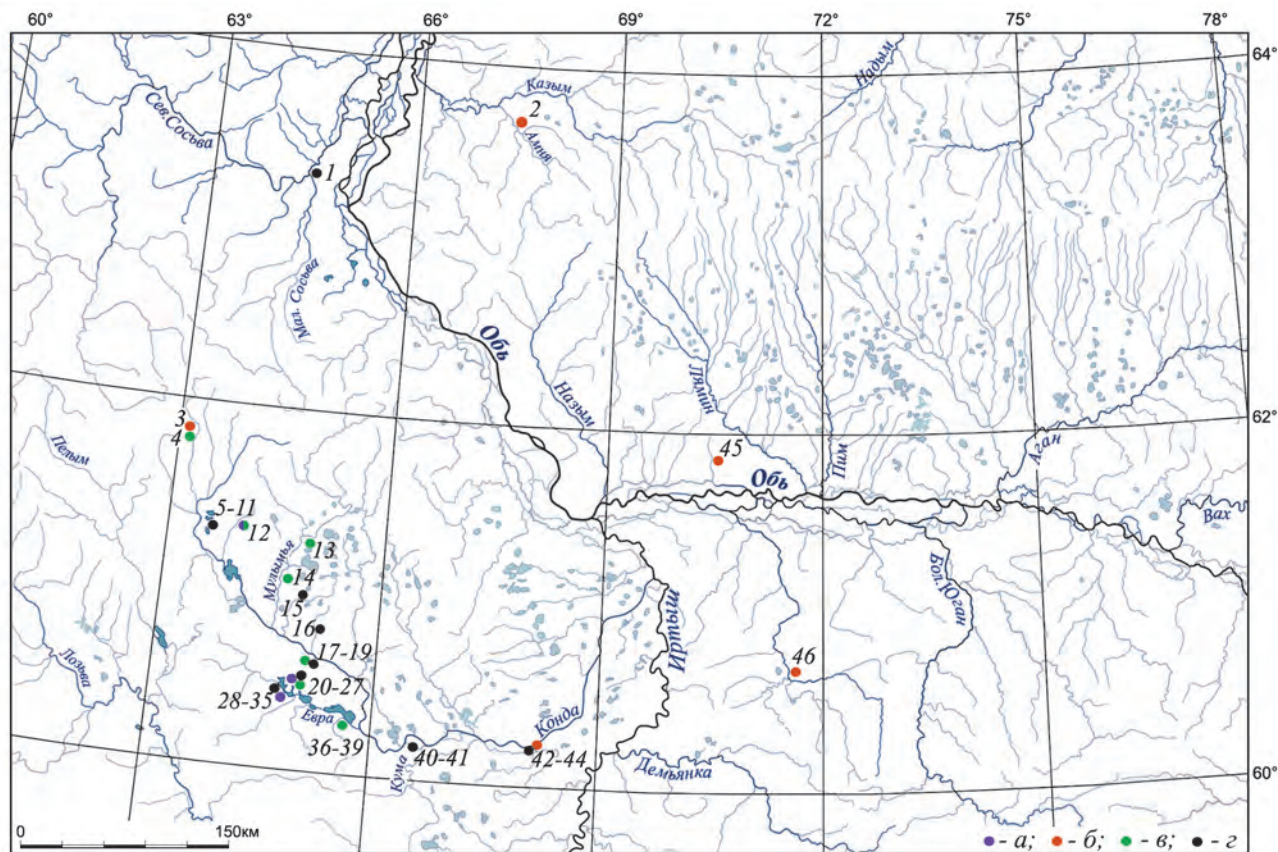

Рис. 62. Эпоха мезолита на территории ХМАО — Югры. Карта распространения памятников. Составитель А. А. Погодин

<i>а</i>) раннего этапа мезолита (пребореал — первая половина бореала):	<i>в</i>) позднего мезолита (начало атлантика):	9 — Окуневый Мыс 1
12 — Большая Умытья 74	4 — Геологическое IV	10 — Енья 18
23 — Сатыга XVIIa	12 — Большая Умытья 74	11 — Малый Ах 3
34, 35 — Сумпанья IV, VI	13 — Убья 3	15 — Большой Тетер 2
<i>б</i>) позднего этапа раннего мезолита (вторая половина бореала):	14 — Мулымья 6.3	16 — Ушанакская V
2 — Амня I	17 — Большая Учинья XXIII	18 — Учинский Мыс III
3 — Геологическое III	22 — Сатыга XVIa	19 — Высокая Гора II
44 — Ленино III (Кондинское)	36–39 — Леуши III, IX, XIII, XIV	20, 21, 24–27 — Сатыга VII, XV, XVIII, XX, XXIII, XXIV
45 — Балинское 73	<i>г</i>) памятники, известные по разведочным материалам:	28 — Рябиновая II
46 — Большой Салым 4	1 — Смоляной Сор I	29–33 — Сатыга II–VI
	5–8 — Арантур 16, 35, 39, 40	40, 41 — Вар-бор VIII, IX
		42–44 — Ленино I, II

С начала 1980-х гг. разведочные исследования проводились параллельно стационарным работам. Наиболее перспективным в поисках древностей эпохи мезолита рассматривался бассейн р. Конда в административных границах Кондинского и Советского районов ХМАО — Югры (рис. 62). В верхнем течении р. Конда памятники эпохи мезолита обнаружены на террасах системы проточных оз. Арантур (Окуневый мыс 1, Малый Ах 3), Ранге-Тур, Поп-Тур и др., а также на крупных притоках реки — Эсс (Геологическое III), Лемья, Большая Умытья.

В среднем течении р. Конда обследованы берега Евринско-Леушинской озёрной системы и боровые террасы по руслам впадающих в озёра рек и ручьев (Леушинка, Лева, Сумпанья, Канда и др.), а также притоки р. Конда — Большая Учинья — Учинский мыс III²⁸, Мулымья и пр. В нижнем течении мезолитические стоянки обнаружены при обследовании р. Конда в окрестностях бывш. д. Ленина (манс. Шавур, Шаур), оз. Вар-бор близ одноимённой деревни. В это же время мезолитические поселения открыты в бассейне р. Северная Сосьва на оз. Смоляной Сор близ пгт Игрим и д. Хулимсунт в Берёзовском районе и у п. Нирвож в Советском районе ХМАО — Югры.

Обобщённые результаты исследований этих лет в бассейне р. Конда представлены Е. М. Беспрозованным.²⁹ Он рассматривал мезолитические древности р. Конда по их локализации в трёх условных районах: Верхнекондинском, Среднекондинском и Нижнекондинском, удалённых друг от друга на 250–300 км. По его мнению, различия между этими районами «объясняются слабой изученностью региона в целом, удалённостью исследованных объектов друг от друга, сезонностью и хозяйственной направленностью отдельных памятников». Отмечено также, что «мезолитические комплексы таёжной зоны Западной Сибири имеют ряд характерных и специфических черт, которые отличают их от известных мезолитических культур Урала и Сибири». Возраст мезолитических древностей р. Конда был определён концом VII — серединой VI тыс. до н. э. и скоррелирован с ¹⁴C датами с поселений Геологическое III и Леуши IX. Однако ряд косвенных свидетельств стратиграфического характера, а также радиоуглеродные даты (IX тыс. до н. э.) с памятников, на которых встречен инвентарь, не характерный для эпохи неолита, позволили исследователю отнести заселение бассейна р. Конда к более раннему времени. Тем не менее происхождение «таёжного мезолита» оставалось не ясным. В виде рабочей гипотезы, по аналогиям с каменной индустрией стоянки Черноозерье II,³⁰ рассматривалось заселение северных территорий в период позднего палеолита — раннего мезолита из лесостепной зоны Западной Сибири, вдоль р. Иртыш, а также не исключалась возможность неоднократного проникновения на нижнюю Конду различных групп населения из Среднего Зауралья. На последний вариант миграционного маршрута, характеризующего комплексы поселения Ленино III (Кондинское III), указывал Ю. Б. Сериков.³¹

В конечном итоге 80–90 гг. XX в. стали базисом в накоплении источников и первичных знаний о заселении Кондинского края в начале голоцена. Несмотря на то, что раскопки памятников проводились на средства хозяйств, эти работы имели научную значимость. Практически ни один из исследованных в эти годы памятников не находился в непосредственной зоне хозяйственной деятельности нефтегазодобывающих предприятий. Территории мезолитических объектов в настоящий момент пребывают в удовлетворительном состоянии и ждут продолжения исследований.

²⁸ Отчёт об археологической разведке в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1992 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1993. 150 л. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 17190.

²⁹ Беспрозованный Е. М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. С. 26–38.

³⁰ Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Палеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985. 89 с.

³¹ Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998. С. 3–23.

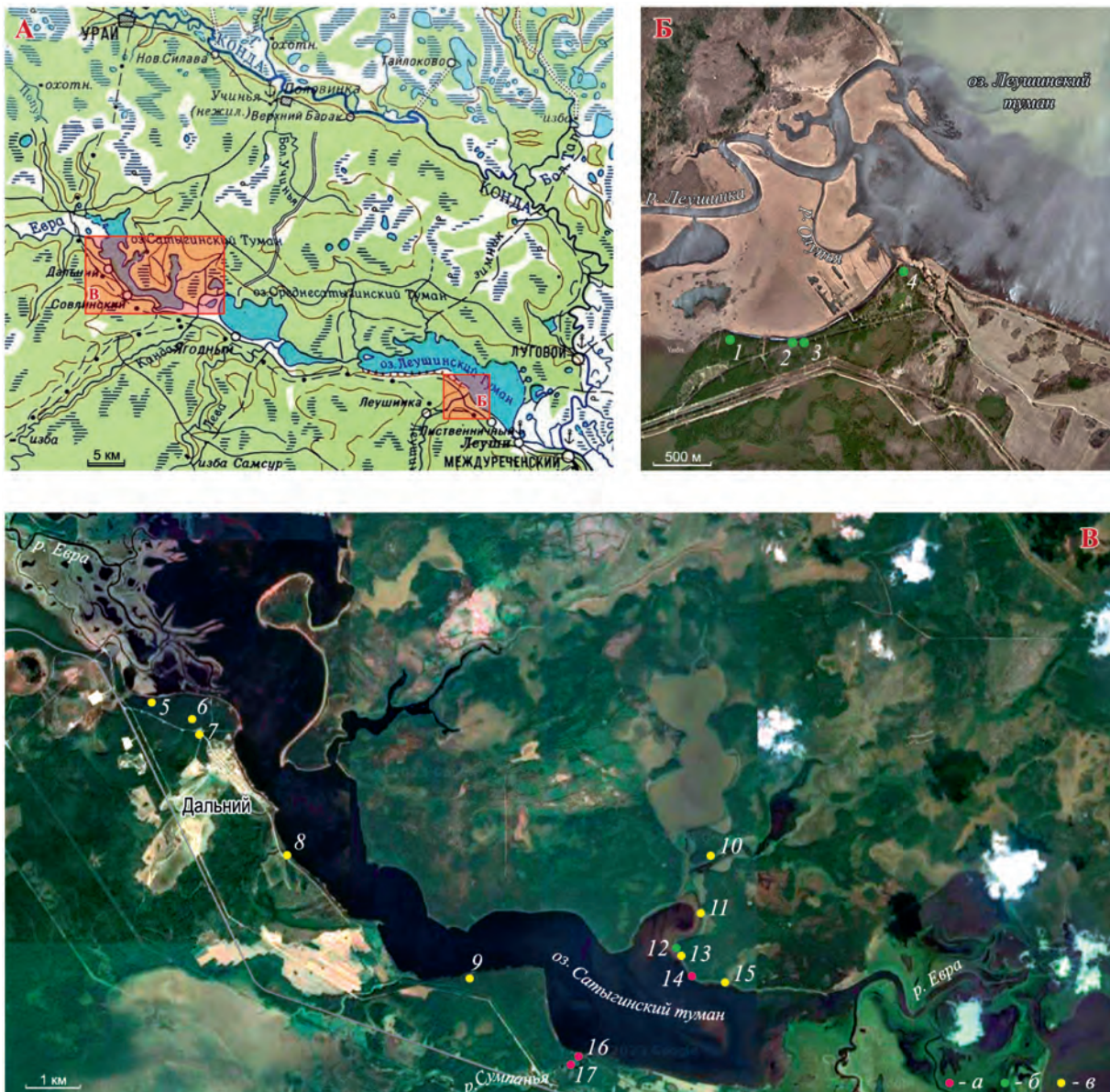

Рис. 63. Эпоха мезолита. Памятники Евринско-Леушинской озерной системы. А — карта Евринско-Леушинской озерной системы; Б — космоснимок южного берега оз. Леушинский туман при впадении р. Леушинка; В — космоснимок оз. Сатыгинский туман.

а) памятники раннего этапа мезолита (пребореал — начало бореала);
 14 — Сатыга XVIIa
 16 — Сумпанья IV
 17 — Сумпанья VI

б) памятники позднего мезолита (начало атлантика):
 1 — Леуши XIV
 2 — Леуши IX
 3 — Леуши XIII
 4 — Леуши III
 12 — Сатыга XVIa

в) памятники мезолита по материалам разведок:
 5 — Сатыга II
 6 — Сатыга III
 7 — Сатыга IV
 8 — Сатыга VI
 9 — Сатыга VII
 10 — Сатыга XVIII
 11 — Сатыга V
 13 — Сатыга XV
 15 — Сатыга XXIII

Определённые качественные результаты по мезолиту севера Западной Сибири достигнуты на рубеже веков. Одним из районов перспективного поиска стоянок и поселений в это время является Евринско-Леушинская озерная система в бассейне р. Конда (рис. 63).

Первая надпойменная терраса южного и северного берега оз. Сатыгинский Туман, входящего в эту систему озёр, в геологическом строении представлена озёрно-аллювиальными песчано-глинистыми отложениями средне- и верхнеплейстоценового возраста, которые перекрыты субаэральными песками и супесями голоцена. Голоценовые отложения «вовлечены» в процесс формирования и развития подзолистых почв южной и средней тайги. На северном берегу оз. Сатыгинский туман, на террасе, значительно разрушенной боковой абразией,³² исследовалась стоянка Сатыга XVIIa (~ 59°58' с. ш., 64°51' в. д.) (рис. 64, А). Протяжённость культурного слоя по линии современного берега — не менее 100 м, орографические отметки поверхности в интервале 46–47 м в Балтийской системе высот (БСВ). На площади в 150 кв. м выявлены три культурных горизонта: два — раннего мезолита, третий — раннего железного века, VIII/VII–IV вв. до н. э.³³

Материалы эпохи мезолита выявлены в раскопе V поселения Геологическое XVI на верхней Конде, которое исследовалось в 2001–2003 гг. На прибрежном участке памятника обнаружены пластины и орудия из пластин серого кремня. Предполагается, что эти предметы связаны с каким-то сооружением, погибшим в результате пожара.³⁴

Информация о 25-летнем изучении мезолита бассейна р. Конда в контексте становления и развития раннеголоценовой культуры севера Западной Сибири подытожено в тезисном формате на Всероссийском археологическом съезде в 2006 г.³⁵ Основным выводом стало обозначение этой территории как особого ареала развития культурной общности эпохи мезолита, которое началось с пребореального периода. К началу атлантического периода на территории бассейна р. Конда существовало постоянное население, осуществлявшее продвижение далее на север и, возможно, на прилегающие районы южно-таёжной зоны Западной Сибири. Сложившиеся к концу мезолита традиции в выборе мест поселений, домостроительстве и обработке камня, явились основой для формирования раннеэнеолитических культур и культурных типов памятников.

В последующие годы интерес к изучению мезолитической эпохи заметно снизился. Выявление и изучение стоянок и поселений проходило непосредственно при спасательных археологических раскопках. За этот период, вплоть по настоящее время, в бассейне р. Конда

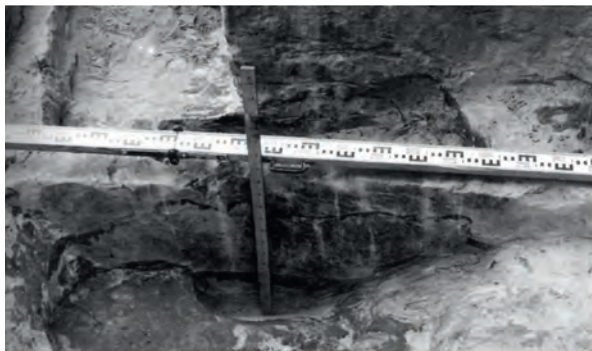
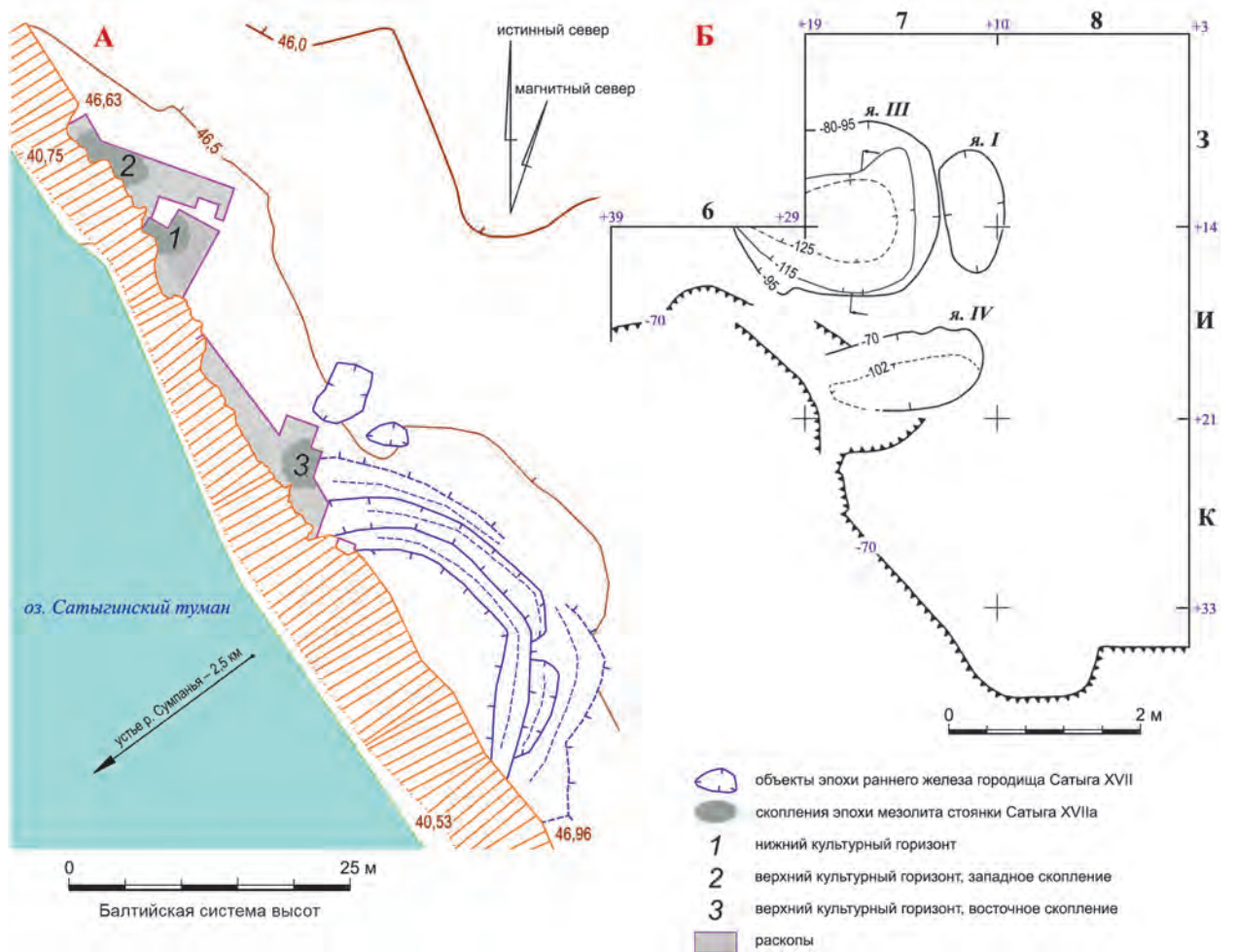
---

³² Анализ сохранности площадки и фортификаций городища Сатыга XVII, которые перекрывают и, незначительно, прорезают мезолитический слой стоянки Сатыга XVIIa, доказывает разрушение борта террасы и размывание субаэриальных и аллювиальных отложений на ширину не менее 50 м от предполагаемой береговой линии, существовавшей в эпоху раннего железного века, в VIII/VII–IV вв. до н. э.

³³ См.: Погодин А. А., Беспрозванный Е. М. Новые исследования каменного века таежной зоны Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. С. 8–12; Отчёт о раскопках стоянки Сатыга XVIIa и разведке в окрестностях озера Сатыгинский Туман в Кондинском районе ХМАО Тюменской области / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 2002. // Архив археологического музея УрФУ. Ф. 2. Д. 628.

³⁴ Кокшаров С. Ф. Предварительные итоги изучения пос. Геологическое-16 на верхней Конде // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Сургут, 2003. С. 19–21.

³⁵ Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 167–169.

1

2

Рис. 64. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Сатыга VIIa:
А — план памятника с раскопами; Б — план нижнего культурного горизонта (по: Погодин, 1999); В — фото: 1 — раскоп 1, профиль ямы 3; 2 — раскоп 2, северная стенка уч. Е/6–7. Фото А. А. Погодина

исследованы мезолитические комплексы на поселениях Большая Умытъя 74,³⁶ Убъя 3,³⁷ Сумпанья IV и Сумпанья VI,³⁸ стоянке Мулымья 6.3.³⁹

На верхней Конде, по стратиграфическим наблюдениям и присутствию в мезолитическом культурном слое единичных ветрогранников,⁴⁰ к раннему периоду эпохи, возможно, конец пребореального — первая половина бореального периода, отнесены кратковременные сезонные стоянки с памятника Большая Умытъя 74. Локации стоянок маркированы скоплениями изделий из камня и кальцинированных костей животных на местах легких наземных жилищ или местах первичного расщепления отдельностей (кусков пород, валунов и т. п.). Поселение расположено на левобережном мысу р. Большая Умытъя, высотой 5,5–6,5 м, на северной оконечности обширного суходола. С запада, под пологим склоном мыса, протекает река, с севера простирается пойма реки и низина с безымянным водотоком, правым притоком реки (рис. 65).

Интересные и важные данные по окружающей растительности в раннюю пору голоцена получены из палинологического разреза (60°55' с. ш.; 64°02' в. д.) в 1,5 км к северу вверх по течению реки, на её правобережной пойме — сильно обводненном низинном болоте,

³⁶ См.: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 74 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2006 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2007. 198 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 72–74; Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 74» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра в 2017 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2018. 252 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 139; Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 74» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2019. 254 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 140.

³⁷ См.: Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убъя 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2014 г. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2015. 235 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 123; Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убъя 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 г. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2016. 243 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 128; Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убъя 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2017. 248 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 131.

³⁸ См.: Отчёт о раскопках на выявленных объектах культурного наследия «Местонахождение (селище) Сумпанья 5» и выявленных объектах культурного наследия ансамбля Сумпанья: «Стоянка Сумпанья 3, 3/а», «Стоянка Сумпанья 4», «Поселение Сумпанья 4а», «Поселение Сумпанья 6», «Поселение Сумпанья 11» в зоне реконструкции основной нитки нефтепровода Наим-Тюмень 0–49 км, 50–141 км, замена трубы на участках 34,2–42, 42,4–46,2, 57–61 км в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. В 5 т. / ИАЭТ СО РАН; Дудко А. А. Новосибирск, 2017 // Архив ИА РАН. Ф-1; Дудко А. А., Васильева Ю. А., Гурулев Д. А. Результаты спасательных археологических раскопок в устье р. Сумпанья в 2016 году // XXII Уральское археологическое совещание. Курган, 2022. С. 31–33.

³⁹ Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Группа впадин (ловчих ям) Мулымья 6.3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2020 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2021. 249 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 143.

⁴⁰ Ветрогранники — обломки горных пород двух-, трёх-, четырёхгранной формы, возникающие вследствие шлифующего действия песка, переносимого ветром.

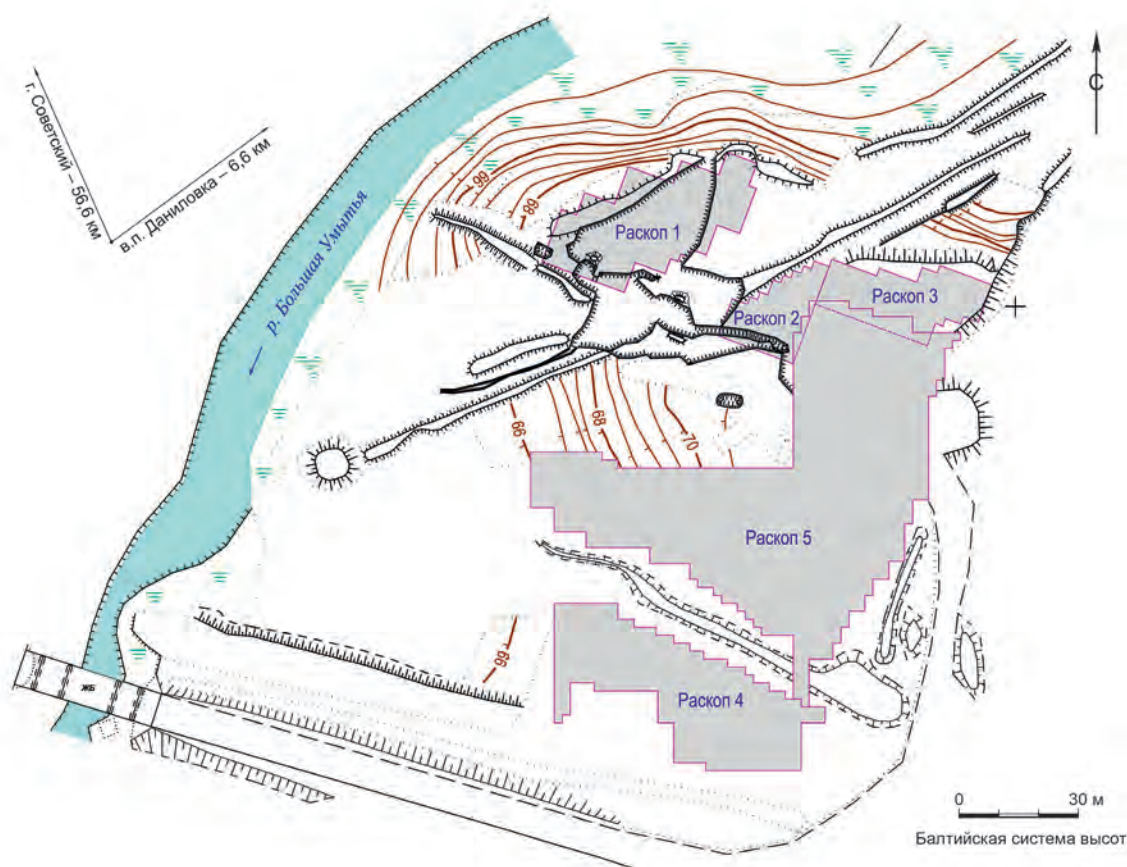

Рис. 65. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74. Топографический план

хвощёво-осоковым с вейником, сабельником и клюквой. Установлено, что торфяник образовался путём заболачивания стоячего, либо слабосточного, водоёма. Выдвинуто предположение о наличии проточных озёр по руслу реки в конце плейстоцена — раннем голоцене.

В позднем дриасе (Dr-3) и в предбореале (PB) отмечен максимум пыльцы ели (*Picea*) и кустарниковых берёзок (*Betula sect. Nanae+Friticosae*), которые разделены спектром с увеличением количества пыльцы сосны (*Pinus sylvestris*) и уменьшением ели, что связано с потеплением. Сопредельные с водоёмом территории были покрыты еловыми редколесьями с примесью лиственницы и берёзы с мохово-кустарничковым и ерниковым покровом. Пребореальный возраст этого события подкреплён ^{14}C датой — 9580 ± 95 л. н. (СОАН-7635), 2σ 9245–8655 кал. л. до н. э. (Часть 1, табл. 2).⁴¹

На территории мыса за четыре полевых сезона изучено 7686 кв. м, зафиксировано 13 объектов эпохи мезолита (рис. 66). Стационарные жилища наземного типа с углублённым центром выражены в виде прямоугольных котлованов глубиной 0,3–0,4 м (рис. 66, Б). Одно из

⁴¹ Антипина Т. Г., Панова Н. К. Ботаническая и палинологическая характеристика торфяника вблизи поселения Большая Умытъя 69 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 190–197.

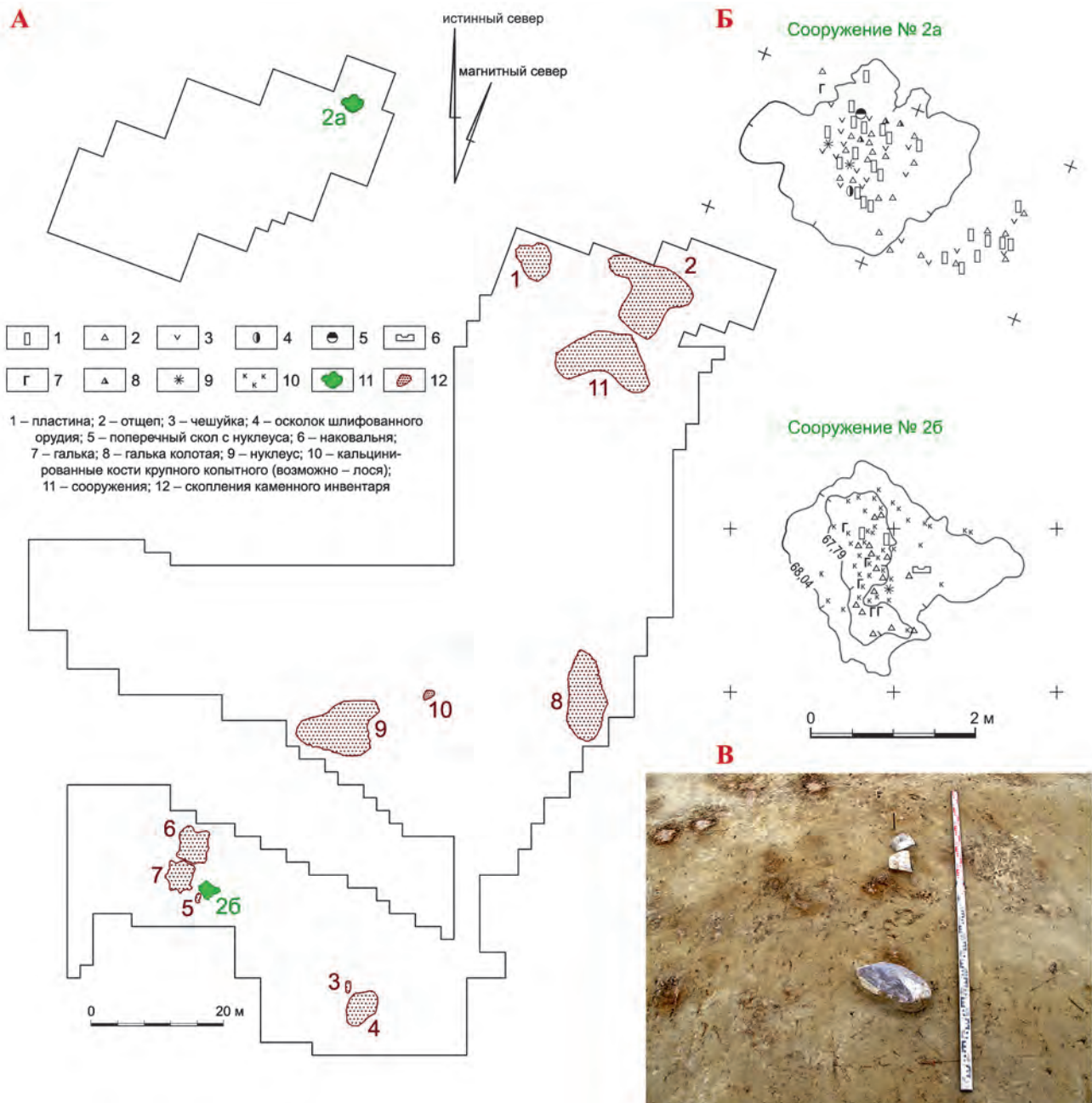

Рис. 66. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умыгья 74
 А — схема раскопа и расположения мезолитических объектов; Б — планы сооружений № 2а и 2б;
 В — каменный инвентарь скопления 10 in situ, вид с юга. Фото А. А. Погодина

них (сооружение № 2а) построено на площадке у стрелки мыса, второе (сооружение № 2б) — в 150 м к югу, на пологом склоне. Лёгкие переносные жилища наземного типа возводились на ровной площадке (скопление 8) и на небольшом уступе по пологому склону (скопления 6 и 7). Очаг в виде кострища определяется по локализации кальцинированных костей по центру скоплений или со смещением к одной из стен. Площадки по первичному расщеплению (скопления 4, 9 и 10) локализованы на пологом склоне террасы. Комплексы скоплений 4 и 9, удалённых на 55 м друг от друга, сходны по составу сырья, технологии расщепления и тому что в каждом наличествует ремонтаж сколов и отдельностей. Скопление 10 отличается, здесь все артефакты выполнены из одной плитки кварцита, и по стратиграфии оно гипотетически раньше скоплений 4 и 9. Комплексы других скоплений, очевидно, отражают горизонты обитания на кратковременных стоянках (скопления 1, 2 и 11) и эпизодичных останках (скопления 3). Предполагается, что не все мезолитические объекты на памятнике одновременны. Радиоуглеродное датирование не проводилось, что, несомненно, затрудняет определение возраста событий в рамках эпохи. Косвенно на ранний возраст ряда скоплений указывает их залегание в нижней толще субаэральных песков на стыке с аллювиальными ожелезненными и глинистыми отложениями (рис. 66, В).

Мезолитическое поселение Убья 3 расположено в западной части большого сильно обводнённого и заболоченного водораздела между двумя крупными левыми притоками р. Конда — р. Мулымья и р. Большой Тап (рис. 67). Основной ареал памятников эпохи мезолита в среднем течении р. Конда находится в 75–120 км южнее, на рр. Большая Учинья и Ушанахская, на берегах Евринско-Леушинской озерной системы. Поселение Убья 3 функционировало в позднем мезолите, в конце VII тыс. до н. э., в начале атлантического периода. Этот вывод подтверждают ^{14}C даты по углю: из ямы — 7323±70 л. н. (SPb-2311) и 7150±70 л. н. (SPb-2310), комбинированное значение 2σ 6225–6016 кал. л. до н. э., и котлована сооружения — 7389±85 л. н. (SPb-1427), 2σ 6416–6077 кал. л. до н. э. (табл. 13).

Мезолитические стоянки на р. Сумпанья открыты в 2016 г.⁴² В середине 1980-х гг. из слоёв поселений Сумпанья IV и Сумпанья VI по углю получены пять ^{14}C дат рубежа позднего плейстоцена — голоцена (табл. 13). Исследователи затруднялись их объяснить, так как на то время более ранних комплексов, чем неолитические, не было выявлено.⁴³ Однако среди сборов в устье р. Сумпанья в эти годы найдены призматический одноплощадочный нуклеус из сургучно-зелёной яшмы, контрударные ядрища с негативами отщеповых и пластинчатых снятий, сечения пластин без ретуши и с крутой ретушью со спинки, пластина-вкладыш с при-тупленным торцом, скребок на нуклевидном куске и пр.⁴⁴

На поселении Сумпанья IV, на площадке террасы южного берега оз. Сатыгинский туман, на площади не менее 60 кв. м изучено скопление артефактов и, на расстоянии от 6 до 16 м, обнаружены единичные находки. Каменные предметы залегали в слое супеси на высоте от

⁴² См.: Отчёт о раскопках на выявленных объектах культурного наследия «Местонахождение (селище) Сумпанья 5» и выявленных объектах культурного наследия ансамбля Сумпанья: «Стоянка Сумпанья 3, 3/а», «Стоянка Сумпанья 4», «Поселение Сумпанья 4а», «Поселение Сумпанья 6», «Поселение Сумпанья 11» в зоне реконструкции основной нитки нефтепровода Наим–Тюмень 0–49 км, 50–141 км, замена трубы на участках 34,2–42, 42,4–46,2, 57–61 км в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. ...; Васильева Ю. А., Гурулев Д. А. Указ. соч.

⁴³ Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 80–99.

⁴⁴ Археологический музей УрФУ, шифр коллекции 3283.

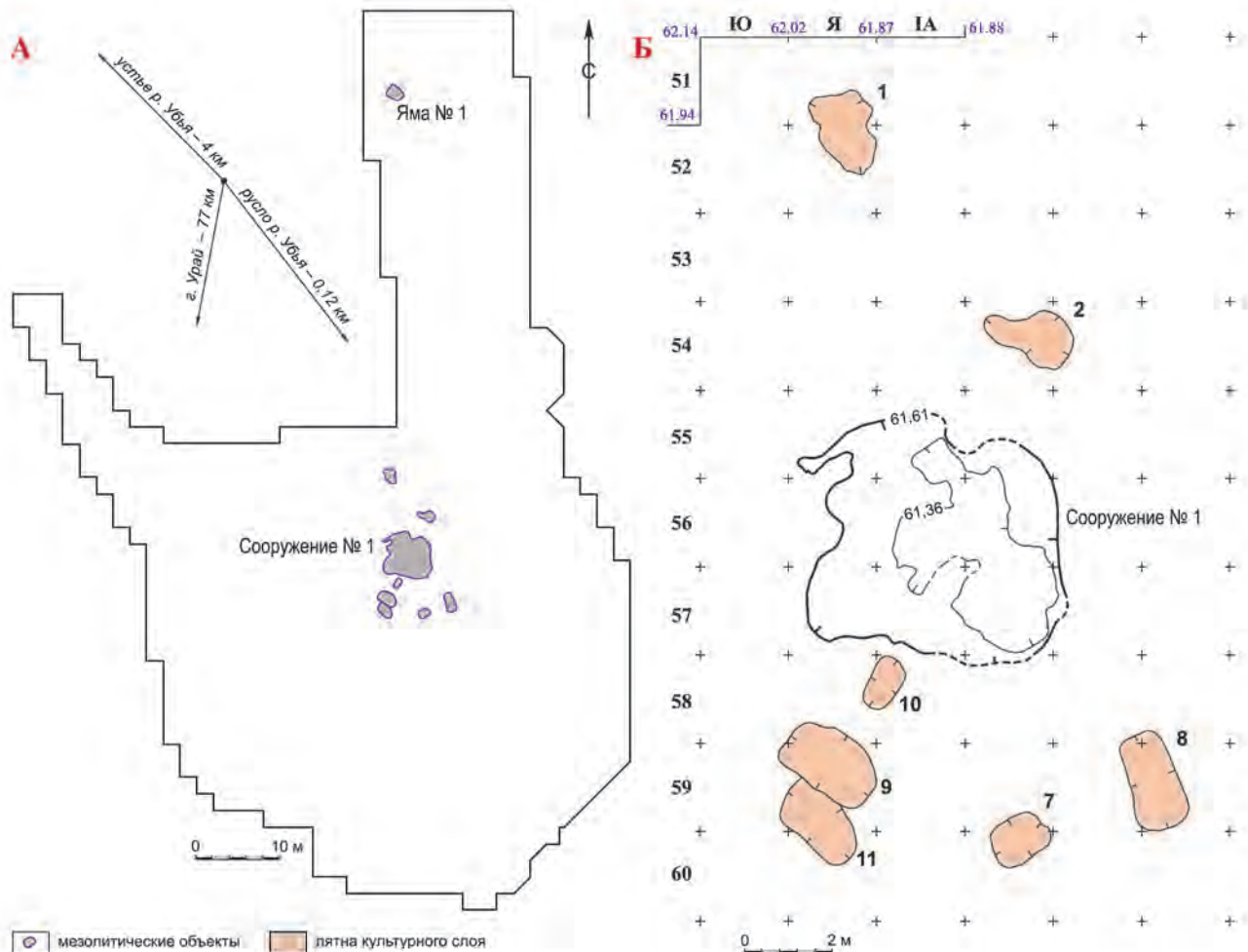

Рис. 67. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Убыя 3. А — схема раскопа; Б — план сооружения № 1 (по: Погодин, 2015; 2016; 2017)

0,1–0,3 м от материнской породы современной почвы, приблизительного времени формирования — финал плейстоцена. Состав находок — нуклеусы призматические одно- и двухплощадочные, пластины и микропластинки с ретушью и без неё, концевые и двойные скребки, острия-проколки, долотовидное орудие, обломки шлифованных изделий.⁴⁵

На поселении Сумнянья VI выявлены, но изучены не в полной мере, два скопления. Местоположение их приурочено к краю террасы, близ бровки пологого склона левого берега одноимённой реки, в 40–50 м от её русла. Современные гипсометрические отметки показывают высоту первой надпойменной террасы в 6–7 м. Археологический материал эпохи мезолита обнаружен в песчаных грунтах — иллювирированном светлом серо-коричневом пятнистом и сером однородном с включением тонких прослоек коричневого суглинка, мощностью

⁴⁵ Дудко А. А., Васильева Ю. А., Гурулев Д. А. Указ. соч. С. 31.

в среднем до 0,2 м, на глубине 0,3–0,5 м от современной, разрушенной дорогой поверхности. Основание культурных слоёв приходилось на «материковый» серый плотный слоистый песок, переслаивающийся с коричневым плотным суглинком.

Скопление 1 изучено на площади 17 кв. м, скопление 2 — на площади 19,4 кв. м, в локациях соответственно найдено 106 и 153 предмета. Виды сырья осадочные — плитки и гальки, разнообразны по составу: серо-зелёный и чёрный кремнь, серая и коричневая кремнистая и светло-серая полупрозрачная халцедоновидная порода, красная (А. П. — возможно, это сургучная) яшма, ограничено — кварц, кварцит и горный хрусталь. По выборке изделий состав скоплений можно отнести к комплексам кратковременных стоянок: пластины и пластинки с ретушью и без неё, резцы, резчики, острия, скребки на отщепках, нуклеусы и сколы подправки, а также дебитажа.

В продолжение сюжета о ранних бореальных датах на северных памятниках. На западе Сибирских Увалов, по левобережью р. Обь, с юга на север протекает р. Амня, приток р. Казым. На правом берегу водотока, на вытянутом треугольном мысу боровой террасы, окружённом болотом (кроме северо-восточного направления), расположено городище Амня I (Часть 4, рис. 153). По перекрёстным ^{14}C датам по углю с городища — 6900±90 л. н. (Ле-4973), 6790±110 л. н. (СОАН-6228) и с однокультурного поселения Кирип-Вис-Юган II — 6880±50 л. н. (ЛЕ-6582)⁴⁶ — появление этих памятников относится к первой четверти VI тыс. до н. э.

В то же время ^{14}C даты по нагару с посуды Кирип-Вис-Юган II — 7600±40 л. н. (Poz-97649) — и городища Амня I — 7590±40 л. н. (Poz-97648)⁴⁷ — производят впечатление несоразмерно древних. На их фоне ^{14}C даты по углю из столбовых ямок, расположенных ниже дна котлована постройки 9 (его глубина 1,6–1,8 м от древней поверхности), ещё более древние — 8760±280 л. н. (ЛЕ-4974а), 8630±180 л. н. (ЛЕ-4974б)⁴⁸ (Часть 4, табл. 26). Сама постройка 9 построена раньше третьей внешней линии фортификации, располагалась в разрыве восточных участков рва. В технологическом комплексе камнеобработки памятника представлены как минимум три индустрии: призматическая ручного отжима, ударно-контрударная и абразивная. Призматическая представлена объёмными формами нуклеусов: призматическими, торцовым и конусовидным высотой 18–25 мм, выполненными на гальках; сечениями пластин и орудиями. Вкладыши размерами от 9×3×2 до 16×6×2 мм. Использован приём тронкирования дорсальной ретушью обушкового края и/или одного из концов. Единичны резцы, но угловые сколы, вероятно, случайные, и фрагмент режущей части острия. Интересна овальная плитка абразива из песчаника с продольными желобками-канавками: четыре на одной стороне и две — на другой (рис. 68).⁴⁹

⁴⁶ Стефанов В. И., Морозов В. М., Погодин А. А. Кирип-Вис-Юган II — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикамыя) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 33.

⁴⁷ Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х. Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки раннеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 157.

⁴⁸ Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитического городища Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 109.

⁴⁹ Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 143–170; Стефанов В. И., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 93–111.

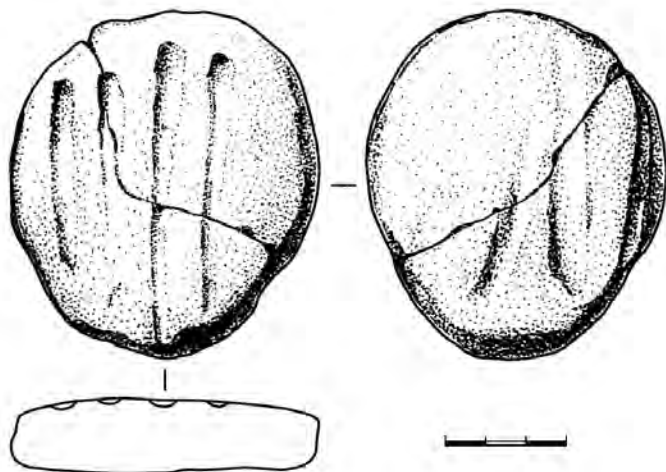

Рис. 68. Эпоха мезолита на севере Западной Сибири. Городище Амня I. Каменный абразив (по: Стефанов, Борзунов, 2008)

рис. 157). Контрударная техника расщепления применяется с финального палеолита. Полагаем, что на территории неолитического городища и за его внешней линией фортификации есть слои мезолитического времени. Их идентификация возможна исключительно в связке с палеогеографией «амнинского» литофациального района.

В Среднем Приобье поселения эпохи мезолита со стационарными сооружениями открыты и изучены в 2014–2017 гг. На левобережье р. Обь, у южной границы Среднеобской низменности, мезолитическое поселение Большой Салым 4 располагалось на гриве по правому берегу одноимённой реки.⁵⁰ Раскопками исследовано не менее 10 сооружений прямоугольной формы, репрезентативная коллекция артефактов (22 тыс.) отражает полный цикл обработки камня — от расщепления галек до производства пластин и изготовления орудий. Техничко-типологический состав комплекса тождественен индустриям западно-сибирских памятников и во многом совпадает по характеристикам с индустриями Среднего Зауралья. Авторы полагают, что освоение Западной Сибири в эпоху мезолита происходило по западному вектору, с территории Урала и Зауралья. Время функционирования поселения Большой Салым 4 определено, предположительно, от середины VIII тыс. до н. э. — VII тыс. до н. э. Голоценовые ¹⁴C даты по углю имеют значительный разброс — 8994±70 л. н. (SPb_1578 R), 2σ 8325–7945 кал. л. до н. э.; 8543±100 л. н. (SPb_1586 R), 2σ 7935–7345 кал. л. до н. э.; 8132±80 л. н. (SPb_1576 R), 2σ 7453–6826 кал. л. до н. э.; 7786±80 л. н. (SPb_1587 R), 2σ 7026–6452 кал. л. до н. э.; 7493±100 л. н. (SPb_1585 R), 2σ 6562–6086 кал. л. до н. э.; 7457±100 л. н. (SPb_1581 R), 2σ 6464–6084 кал. л. до н. э.; 7347±89 л. н. (SPb_1582 R), 2σ 6406–6031 кал. л. до н. э. — от последней трети IX тыс. до н. э. — до конца VII тыс. до н. э. (табл. 14), что соответствует первой половине борельного — началу атлантического периодов.

Абразивы из этого же сырья и с идентичной сработанностью встречаются на мезолитических памятниках р. Конда: Сатыга XVIa (рис. 100, 24), Леуши XIV. Интересна локализация изделий призматической индустрии на городище Амня I: на дне построек 3, 4 и 9 в общей сложности найдено не более 15 предметов, тогда как в заполнении двух других котлованов и на площадке, включая скопление из 12 пластинок и 4 нуклеусов у южного края террасы, около 40 предметов (рис. 69).

Широкое применение абразивной техники — шлифовки и пиления — и изготовление иволистных наконечников из сланца, сланцевых ножей и тёсел характерно для среднего неолита, т. е. с рубежа VII–VI тыс. до н. э. (Часть 4,

⁵⁰ См.: Коноваленко М. В., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Большой Салым 4 — новое мезолитическое поселение на севере Западной Сибири (первые результаты исследования) // *Stratum plus*. 2017. № 1. С. 201–218; Они же. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири // *ВИАЭ*. 2018. № 4(43). С. 5–19.

На правом берегу р. Обь поселение эпохи мезолита открыто и изучено на её притоке — р. Балинская. Для проживания выбрана территория мыса по правому берегу при впадении в реку ручья. Мыс прямоугольный, ориентирован по широтной оси, вдаётся в пойму на 80–100 м, ширина по основанию 60–70 м, высота — 5 м. В центральной части мыса у края западного склона изучены девять сооружений (четыре полностью, пять — частично).⁵¹ Образцы угля на ¹⁴C датирование происходят из пяти сооружений: постройка 2.1 — 8468±70 л. н. (SPb_1952), 2σ 7600–7356 кал. л. до н. э.; постройка 3 — 8100±100 л. н. (SPb_1945), 2σ 7355–6698 кал. л. до н. э.; 8260±70 л. н. (SPb_1946), 2σ 7482–7083 кал. л. до н. э.; 8274±100 л. н. (SPb_1948), 2σ 7521–7075 кал. л. до н. э.; постройка 4 — 7680±70 л. н. (SPb_1951), 2σ 6644–6430 кал. л. до н. э.; 7690±70 л. н. (SPb_1953), 2σ 6647–6433 кал. л. до н. э.; 7690±70 л. н. (SPb_1954), 2σ 6651–6435 кал. л. до н. э.; постройка 6 — 7886±70 л. н. (SPb_1949), 2σ 7033–6607 кал. л. до н. э.; постройка 9 — 9670±100 л. н. (SPb_1944), 2σ 9292–8782 кал. л. до н. э.; 9266±100 л. н. (SPb_1955), 2σ 8743–8289 кал. л. до н. э.⁵² (табл. 14). Автор исследований полагает, что даты из постройки 9 являются удревнёнными, так как не сопровождаются археологическим контекстом. Функционирование мезолитического посёлка автор рассматривает во временном интервале второй половины VIII тыс. до н. э. — первой половины VII тыс. до н. э., что соответствует концу бореального — началу атлантического периода.

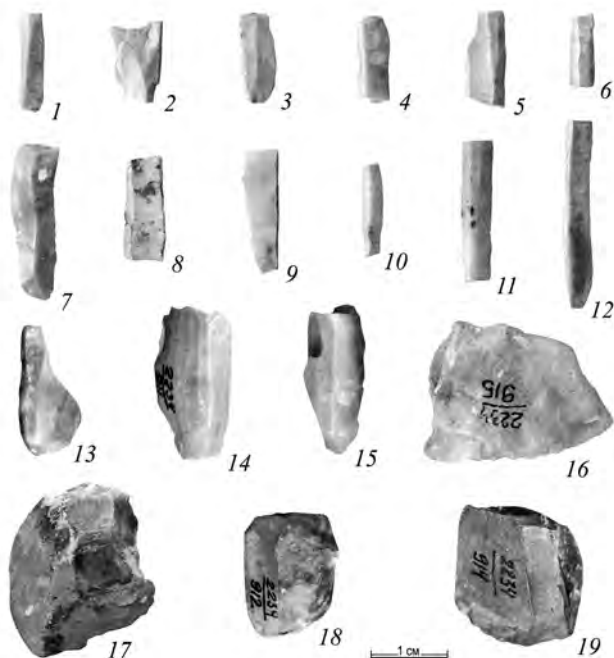

Рис. 69. Эпоха мезолита на севере Западной Сибири. Городище Амня I. Каменный инвентарь (по: Стефанов, Борзунов, 2008)

⁵¹ См.: Пономарева Т. М. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры (по материалам работ 2015 г.) // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2017. Вып. 15. С. 364–369; Она же. Поселение Балинское 73: данные радиоуглеродного датирования и археологический контекст // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 142–153; Она же. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе // Археологические открытия. 2015 год. М., 2017. С. 380–382.

⁵² Пономарева Т. М. Поселение Балинское 73... С. 142–153.

Таблица 13

Радиоуглеродные даты мезолитических памятников бассейна р. Конды

№ п/п	^{14}C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 1\sigma$, $\pm 2\sigma$	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Могильник Большая Умытъя 100						
1	8600 $\pm$ 150	SPb-1115	7941–7506 8204–7344	Уголь	Могила 33, ур. 62,11–62,06	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а.
2	8123 $\pm$ 150	SPb-1111	7341–6828 7488–6656	Уголь	Могила 35, ур. 61,41–61,31	Там же.
Поселение Геологическое III						
3	8380 $\pm$ 710	Ле-4220	8293–6509 9654–5896	Уголь	Жилище 5	Косинцев П. А. и др., 2004. С. 26.
Поселение Леуши IX						
4	7590 $\pm$ 80	Ле-2248	6568–6276 6599–6246	Уголь	Яма, под полом жилища 1, гл. –1,30–1,70	Косинцев П. А. и др., 2004. С. 26.
5	7560 $\pm$ 80	Ле-2247	6477–6263 6571–6238	Уголь	Жилище 1, гл. –1,20–1,30	Там же.
6	7510 $\pm$ 80	Ле-2250	6438–6258 6562–6104	Уголь	Яма XVII, под полом, гл. –1,43–1,47	Публикуется впервые
7	7430 $\pm$ 80	Ле-2249	6396–6230 6433–6087	Уголь	Жилище 3, уч. Е/3, гл. –1,10	Косинцев П. А. и др., 2004. С. 26
8	7380 $\pm$ 80	Ле-2245	6376–6091 6406–6075	Уголь	Жилище 1, гл. –0,90–1,00	Там же.
9	7240 $\pm$ 80	Ле-2244	6219–6024 6336–5921	Уголь	Жилище 1, гл. –0,80–0,90	Там же.
10	7240 $\pm$ 80	Ле-2246	6219–6024 6336–5921	Уголь	Жилище 1, гл. –1,00–1,10	Там же.
Стоянка Сатыга XVIIa						
11	9520 $\pm$ 60	Ле-5692	9120–8746 9151–8641	Уголь	Нет данных	Беспрозванный Е. М. и др., 2014. С. 180.
12	9330 $\pm$ 110	Ле-6581	8744–8360 9117–8291	Уголь	Нет данных	Там же.
Поселение Сумпанья IV						
13	10100 $\pm$ 100	Нет данных	9879–9453 10051–9316	Уголь	Культурный слой	Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А., 1991. С. 85.
14	10910 $\pm$ 100	Ле-1817	10976–10792 11121–10783	Уголь	Культурный слой	Там же.
15	11970 $\pm$ 120	Ле-1812	12087–11804 12147–11572	Уголь	Культурный слой	Там же.
Поселение Сумпанья VI						
16	9920 $\pm$ 80	Ле-2772	9653–9286 9751–9251	Уголь	Культурный слой	Крижевская. Л. Я., Гаджиева Е. А., 1991. С. 85.
Поселение Убья 3						
17	7389 $\pm$ 85	SPb-1427	6382–6094 6416–6077	Уголь	Сооружение 1, уч. Я/57–1, 3; ИБ/56–3, гл. –2,65–2,69	Публикуется впервые
18	7323 $\pm$ 70	SPb-2311	6232–6083 6376–6034	Уголь	Яма 1, уч. Я/28, гл. –2,55–2,60	Публикуется впервые
19	7150 $\pm$ 70	SPb-2310	6074–5923 6219–5850	Уголь	Яма 1, уч. Я/28, гл. –2,55–2,60	Публикуется впервые

Таблица 14

Радиоуглеродные даты мезолитических памятников Среднего Приобья

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ, ±2σ	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Балинское 73						
1	8468±70	SPb-1952	7586–7491 7598–7352	Уголь	Заполнение котлована, придонная часть	Пономарева Т. М., 2018. С. 151.
2	8100±100	SPb-1945	7313–6831 7449–6696	Уголь	Нижнее заполнение котлована	Там же.
3	8260±70	SPb-1946	7455–7179 7483–7077	Уголь	Нижнее заполнение котлована	Там же.
4	8274±100	SPb-1948	7454–7084 7516–7058	Уголь	Столбовая ямка	Там же.
5	7680±70	SPb-1951	6588–6461 6645–6425	Уголь	Нижнее заполнение постройки (пол)	Там же.
6	7690±70	SPb-1953	6591–6466 6647–6428	Уголь	Верхнее заполнение постройки? (прослойка угля)	Там же.
7	7690±70	SPb-1954	6591–6466 6647–6428	Уголь	Верхнее заполнение постройки? (прослойка угля)	Там же.
8	7886±70	SPb-1949	7024–6644 7037–6599	Уголь	Нижнее заполнение постройки, центральная часть (пол)	Там же.
9	9670±100	SPb-1944	9253–8852 9296–8771	Уголь	Центральный очаг	Там же.
10	9266±100	SPb-1955	8618–8346 8746–8288	Уголь	Центральный очаг	Там же.
Поселение Большой Салым 4						
13	8994±70	SPb-1578	8291–8012 8325–7945	Уголь	Культурный слой	Сериков Ю. Б. и др., 2018. С. 16.
14	8543±100	SPb-1586	7711–7487 7938–7345	Уголь	Культурный слой	Там же.
15	8132±80	SPb-1576	7315–7044 7453–6826	Уголь	Культурный слой	Там же.
16	7786±80	SPb-1587	6691–6484 7026–6452	Уголь	Культурный слой	Там же.
17	7493±100	SPb-1585	6433–6245 6562–6086	Уголь	Культурный слой	Там же.
18	7457±100	SPb-1581	6421–6234 6464–6084	Уголь	Культурный слой	Там же.
19	7347±89	SPb-1582	6341–6079 6406–6031	Уголь	Культурный слой	Там же.

Глава 2

Памятники мезолита на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Все мезолитические стоянки и поселения приурочены к водным источникам. Есть речные памятники, обычно располагающиеся по берегам нижнего течения малых рек, и озёрные. Стоянки и поселения расположены, преимущественно, на мысах, при впадении малых речек, ручьёв и проток в более крупный водоток. По правому берегу безымянной протоки на левобережье р. Олупья, правого притока р. Леушинка, находятся памятники «Леушинского куста»: Леуши III, IX, XIII, XIV и Леуши 24 (рис. 63, Б). Жилые, производственные и хозяйственные постройки расположены по краю прямого участка террасы или на мысу высотой 3–4 м, реже 5 м, от современной поймы. В случае с памятниками Леуши IX и Леуши XIII вполне возможно, что одно стационарное поселение занимало оба мыса, которые отделены друг от друга нешироким, пересекающим террасу логом (рис. 70).

Памятники «Сатыгинского куста» расположены по берегам озера (Сатыга II, III, VI, XV, XVIa, XVIb, XVIIa, XXIII, Сумпанья IV) или впадающих в него речек (Сатыга VI, Сумпанья VI) (рис. 63, В). Территории стоянок и поселений приурочены к краю террас высотой 2–5 м, реже — 6–7,5 м. Культурный слой на озёрных памятниках имеет значительную протяжённость (Сатыга XV, Сатыга XVIIa). В ряде случаев берег обрывистый, подвержен абразии; на прибойно-прибрежной полосе находки каменных изделий эпохи мезолита исчисляются сотнями (Сатыга XV, Сатыга XXIII). Иногда стоянки (Сатыга XVIb, устье р. Сумпанья) занимали участки прибрежной поймы, затопляемой в половодье. На других территориях среднего течения р. Конда больше всего памятников эпохи мезолита обнаружено на мысах (Учинский мыс III, Большая Учинья XIII, Ушанакская V), реже — по берегам озёр (Мулымья 6.3).

Места стоянок и поселений на Северо-Сосьвинской возвышенности в верхнем течении р. Конда и в бассейне р. Северная Сосьва выбирались традиционно: на мысах при впадении малой речки или ручья в реку (Большая Умытья 74, Геологическое III (рис. 65; 71, А) или озеро (Окуневый Мыс 1); на ровном участке террасы (Геологическое XVI) или на узкой гриве пойменного проточного озера (Смоляной Сор 1). Памятники Ленино I (Кондинское I), Ленино II (Кондинское II), Ленино III (Кондинское III) в нижнем течении р. Конда занимают

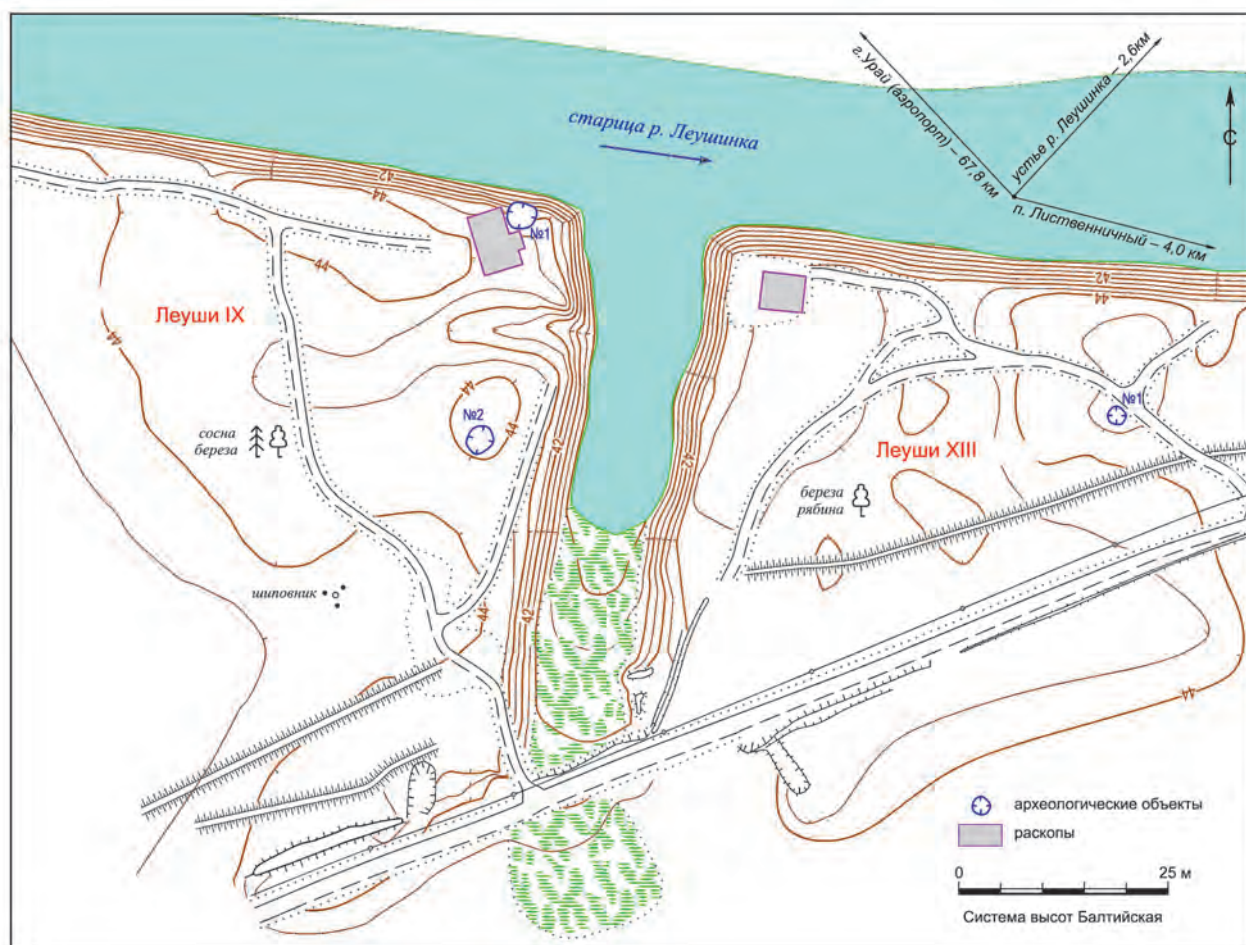

Рис. 70. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселения Леуши IX и Леуши XIII. Топографический план

западную оконечность гривы при впадении р. Катым в протоку Ленинскую. Территории стоянок и поселений приурочены к краю террас высотой 1,5–4, реже 6–8 м. Мезолитические поселения Среднего Приобья (Балинское 73, Большой Салым 4) дислоцированы в аналогичной топографии.

Формирование культурного слоя эпохи мезолита в бассейне р. Конда происходит в субаэральных песках. Участки погребенной подзолистой почвы, выступающей индикатором древней дневной поверхности, ясно отслеживаются на памятниках среднего периода неолита, с рубежа VII–VI тыс. до н. э. Показательный пример этому — поселение Шоушма 10, где погребённый элювиальный горизонт вокруг котлованов двухкамерной полуземлянки достигал 0,3 м⁵³ (Часть 4, рис. 149, Б). Не так давно обнаружены факты, по которым погребённый элювиальный песок мощностью не более 0,1 м мог сформироваться локально в рельефных углублениях уже во второй половине VII тыс. до н. э.

⁵³ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конда // Поволжская археология. 2020. № 3(33). С. 85; рис. 1.

Свидетельств строительства стационарных жилищ с углублёнными котлованами в раннюю пору мезолита, предположительно, до середины бореального периода (рубеж IX–VII тыс. до н. э.), на настоящий момент нет. Очевидно, самые ранние углублённые объекты обнаружены в нижнем культурном горизонте стоянки Сатыга XVIIa (рис. 64, Б). Эти «сооружения» представлены тремя овальными ямами с крутым и пологим наклонами стен. Ямы расположены на площади не более 10 кв. м, в 0,5–0,6 м друг от друга. Песчаный грунт в одной яме тёмно-коричневый, в двух других — тёмно-серый, углистый. В одной яме расчищены обугленные плашки и кусочек бересты. В двух ямах помимо каменного инвентаря обнаружены кости млекопитающих, в частности бобра, а также кости рыбы. Более неоспоримые аргументы того, что эти ямы являлись частью конструкции во внутреннем пространстве постройки, возможно, наземного типа, привести сложно. Однако очевидно, что как минимум в двух из них находилась деревянная конструкция, форма и параметры которой, к сожалению, не реконструируются. От этой конструкции остался насыщенный углистыми крупинками песок и обугленные плашки размерами от 0,03–0,05 до 0,09–0,2 м. Плашки расчищены на дне ямы, по волокнам древесины установлено их продольное залегание.

Вероятно, группы охотников, совершавшие экспедиционные походы с мест относительно постоянного проживания, имели при себе детали конструкции сборно-разборного жилища типа чума. На примере скопления 8 с Большой Умытьи 74 (рис. 66, А), выраженного компактной локацией каменных изделий, можно предположить, что площадь лёгких наземных жилищ с кострищем по центру составляла не менее 8 кв. м.

Первые стационарные жилища, предположительно, появляются на территории Кондинской и Среднеобской низменностей со второй половины бореального периода. В это время в верховьях р. Конда появляется крупный посёлок Геологическое III, занимавший обширный мыс высотой 2–3,5 м.⁵⁴ Современная топография показывает меандрирующее вдоль восточного склона террасы русло р. Эсс и ручей, который вытекает из сильно заболоченного, вероятно, некогда проточного озера (рис. 71, А). Русло ручья прижато к северному склону мыса, и уже в пойме он сливается со старичным рукавом реки. Жилища эпохи мезолита были возведены на стрелке мыса и в 50–60 м южнее, близ края террасы.

Постройки двух типов: одно- и двухкамерные полуземлянки и наземное сооружение. Котлован однокамерного жилища по форме подпрямоугольный, глубиной 0,35 м, с ровным полом, ориентирован СЗ–ЮВ. Длина одной из его сторон 4,9 м. Наземное сооружение определено по углисто-охристой песчаной линзе размером 3,46×2,0×0,2 м, вытянутой по оси СЗ–ЮВ. Пол ровный, под ним обнаружены три ямки от столбов (рис. 72).

Двухкамерное сооружение, возведённое на стрелке мыса, с прямоугольными котлованами, ориентировано ЮЗ–СВ (рис. 71, В). Камера № 1 с выходом на СВ к реке, площадью 40 кв. м, гл. 0,7–0,75 м, камера № 2–30 кв. м, глубиной 0,3–0,35 м. Стенки котлованов вертикальные, дно ровное. Переход между камерами выражен канавой 1,0–1,2×1 м. На стыке перехода с северо-восточной стеной камеры № 2 оформлена песчаная ступенька высотой 0,35–0,4 м. От столбов, удерживавших перекрытие и другие элементы конструкции, остались около 200 ям диаметром 0,08–0,3–0,35 м. Дно котлована под полом посыпано охрой. На дне котлована выявлены хозяйственные (?) ямы, а по углам и стене в верхней части котлована — глубокие ниши. Очаг

⁵⁴ См.: Беспрозванный Е. М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири... С. 26–38; Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // Российская археология. 2000. № 4. С. 109–127.

Рис. 71. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Геологическое III:

А — топографический план; Б — сооружение, изученное в раскопах II и V (по: Кокшаров, Погодин, 2000); В — сооружение, изученное в раскопе VII (по: Беспрозванный, 1997). 1 — археологические объекты; 2 — раскопы; 3 — вытоптанная часть пола; 4 — ямки от столбов; 5 — скопления охры

(камера № 1) устроен в канаве, длиной >3 м, ориентированной по оси жилища, смещённой от линии «выход–переход» к СЗ. Под дном камеры № 1 выявлена округлая яма диаметром 2,5 м, глубиной 1 м, возможно, более раннего времени; в ней обнаружены несколько десятков отщепов коричневого кварцита.

Конструкции двухкамерных жилищ на краю террасы отличаются от мысового сооружения и между собой. Остатки одной постройки на поверхности были выражены впадинами. Котлован камеры № 1 прямоугольной формы площадью 21 кв. м, глубиной 0,5 м, ориентирован

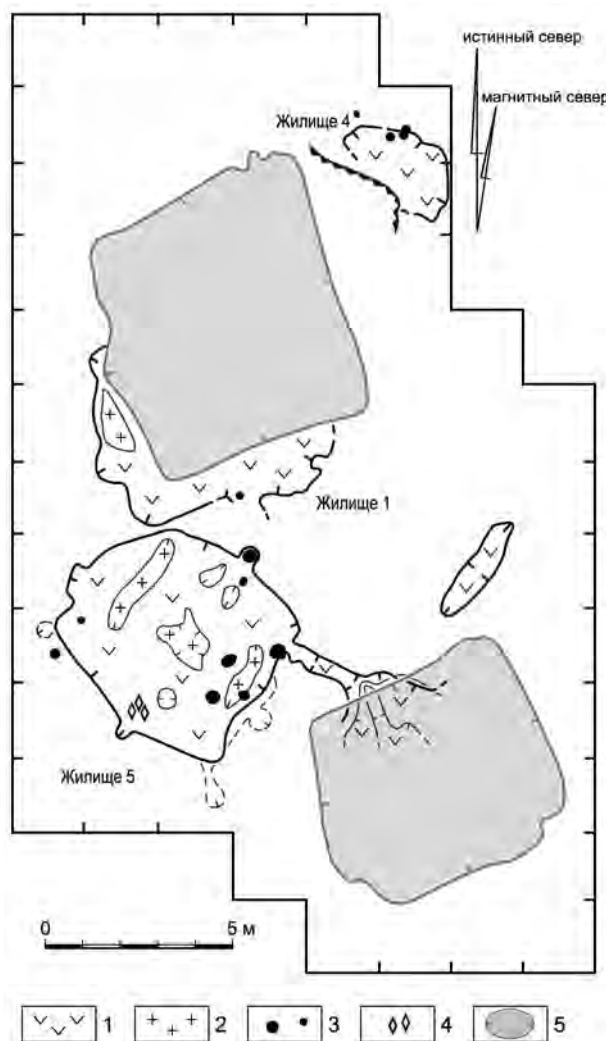

Рис. 72. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда.
Поселение Геологическое III.

Мезолитические жилища № 1, 4, 5, изученные в раскопе III: 1 — слои и объекты эпохи мезолита; 2 — скопления углей; 3 — ямки от столбов; 4 — скопления охры; 5 — объекты конца каменного — начала бронзового веков (по: Кокшаров, Погодин, 2000)

длинными стенами СЗ–ЮВ (рис. 71, Б). Выход выделен прямоугольным выступом 1,6×1 м по центру юго-западной стенки. Ровный пол постройки вытоптан по линии «выход-переход». На дне котлована обнаружены ямки от столбов (12 шт.) и пятно охры. Котлован камеры № 2 подпрямоугольной формы площадью 29 кв. м, глубиной 0,8 м, ориентирован длинными сторонами С–Ю. По внутреннему периметру котлована, ниже уровня пола, вероятно, от деревянной крепи стен, сохранились канавки. Переход между камерами выражен канавой размером 1,15×0,4 м. Вероятно, жилище перестраивалось, и на раннем этапе переход, соединяющий помещения, располагался немного севернее: там, где соединялись направленные навстречу друг другу выступы, отходящие от обоих котлованов. Или, что не исключено, из камеры № 2 вёл отдельный выход, его конструкция условно типовая — прямоугольный выступ размером 2,0×0,4 м, расположенный по центру западной стенки.

Второе береговое двухкамерное жилище сохранилось не полностью: котлован камеры № 1 (северо-западная), углублённый переход и участок котлована камеры № 2 (юго-восточная) (рис. 72). Котлован камеры № 1 подпрямоугольный, площадью 26 кв. м, глубиной 0,6 м, ориентирован СЗ–ЮВ. Пол ровный, горизонтальный. В центре камеры располагалась аморфная яма размерами 1,3×0,96×0,28 м, заполненная углем. У юго-восточной стены находилась ещё одна яма диаметром 0,44 м, глубиной 0,11 м, а в 0,5 м к юго-западу от ямы — три линзы охры. По стенкам и углам котлована, выше уровня пола, отмечены петлеобразные выступы, которые, очевидно,

связаны с остатками деревянных конструкций. Длинный углублённый переход размером 2,4×0,54 м в камеру № 2 находился со смещением к северо-восточному углу по юго-восточной стене камеры № 1. Котлован камеры № 2 разрушен жилищем эпохи бронзы; сохранился его СЗ участок, глубиной 0,8 м.

Двухкамерные жилища в лесной зоне Евразии появляются в конце эпохи мезолита. Они открыты к западу от Уральских гор на поселениях Баринка II в Камско-Вятском междуречье⁵⁵

⁵⁵ Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. С. 10–11.

и на поселении Удельно-Шумецкое X, а также Залесье I в среднем и верхнем течении Волги.⁵⁶ Вероятно, двухкамерное жилище с коридором между помещениями изучено на стоянке Пегрема VIII в Карелии.⁵⁷ Для построек присущи котлованы подпрямоугольной формы, имеющие, в какой-то степени, неустоявшуюся ориентировку по отношению друг к другу (от 140° до 180°), наличие перехода (вероятно, крытого!) между камерами, и каркасно-столбовая конструкция наземной части. Допускается функциональное различие помещений, образующих единое жилище. Возраст построек определяется по ¹⁴C датам: поселение Баринка II⁵⁸ — 8265±30 л. н. (ЛЕ-1288), 2σ 7586–6863 кал. л. до н. э., вторая половина VIII — начало VII тыс. до н. э.; стоянка Пегрема VIII⁵⁹ — 7140±80 л. н. (ТА-677), 2σ 6221–5842 кал. л. до н. э. и 7050±150 л. н. (ТА-721), 2σ 6225–5665 кал. л. до н. э., конец VII — первая половина VI тыс. до н. э. К сожалению, ¹⁴C дата по углю из камеры жилища 5 (раскоп III), Геологическое III — 8380±710 л. н. (ЛЕ-4220), 2σ 9648–5901 кал. л. до н. э. «растягивается» в диапазоне календарных лет на весь период мезолита.

Группы охотников, заселявшие во второй половине бореального периода Среднеобскую низменность, возводили на правобережье Большого Салыма постройки прямоугольной формы.⁶⁰

Большой стационарный посёлок Балинское 73 был основан во второй половине VIII — первой половине VII тыс. до н. э., и существовал длительное время.⁶¹ Изучены котлованы девяти построек, из них пять — не целиком. На дне котлованов семи жилищ (постройки 1.1, 2.1, 3, 4, 6) зафиксировано основание конструкции многоугольной внешней стены, близкой по форме октаэдру. Постройки полуземляночного типа, котлованы по глубине от 0,75 до 1,0 м; их стенки вертикальные, в постройке 4 — наклонные под 45°. Вокруг котлована постройки 2.1 на ширину до 1,5 м под грунтом выкида зафиксирована погребённая почва. Площадь жилищ по дну (постройка 2.1) ~ 36 кв. м, площадь котлованов по верху (постройка 6) ~ 48 кв. м. Строения ориентированы ССЗ-ЮЮВ или ССВ-ЮЮЗ. Выход из постройки 6 направлен на ВЮВ, в постройке 2.1. — по центру северо-восточной стены. Основание стен по дну котлована выражено канавками, расположенными иногда в два ряда, внешним и внутренним (постройка 4), в 0,1–0,3 м параллельно друг другу. Ямки от столбов расположены по стенам между канавками, а также по центру. Ямки диаметром 8–35 см, их количество варьирует от 30 (постройка 3) до 50 (постройка 2.1). Ниже дна, по центру котлована, оформлена яма площадью (постройка 6) ~ 9 кв. м, в её верхнем заполнении вскрыты линзы (2–5 см) очажного слоя.

Постройка 8 с прямоугольным котлованом площадью ~ 36 кв. м, с выходом на запад.⁶²

Постройка 9 сложная, в одном котловане были возведены две постройки: ранняя — прямоугольная (постройка 9а), поздняя — многоугольная (постройка 9б). Исследователь полагает, что эта ситуация связана с перестройкой жилища из-за изменений традиций домостроения.

⁵⁶ См.: Никитин В. В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. С. 15–16, рис. 3. (Труды Марийской археологической экспедиции; т. IV); Гурина Н. Н. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. М., 1989. С. 66. (Археология СССР).

⁵⁷ Гурина Н. Н. Мезолит Карелии // Мезолит СССР. М., 1989. С. 29. (Археология СССР).

⁵⁸ Гусенцова Т. М. Указ. соч. С. 12.

⁵⁹ Гурина Н. Н. Мезолит Карелии ... С. 29.

⁶⁰ Коноваленко М. А., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Большой Салым 4... С. 204.

⁶¹ Пономарева Т. М. Поселение Балинское 73... С. 142–153.

⁶² Пономарева Т. М. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры (по материалам работ 2015 г.) ... С. 367.

тельства при длительном существовании посёлка.⁶³ Котлован с вертикальными стенками, глубиной 0,65 м, ориентирован по сторонам света. Площадь строений ~ 35 кв. м и ~ 30 кв. м соответственно. Периметр стен маркируют канавки и ямки от столбов, по центру обустроено аморфное в плане углубление размером 3,4×3,2 м. После прекращения функционирования многоугольного жилища в его центре был сооружен очаг 3,5×4,0×0,2 м. Датировка очага не приводится.⁶⁴

Лёгкие постройки наземного типа, предположительно, второй половины бореального периода, обнаружены на поселении Ленино III (Кондинское III). Сезонный посёлок, по реконструкции автора раскопок, состоял как минимум из четырёх жилищ, расположенных в одну линию вдоль высокого берега в 15–18 м друг от друга.⁶⁵ Одно жилище исследовано — форма постройки реконструирована по скоплению артефактов, она в плане овальная, 7,4×6,4 м (пл. ~ 48 кв. м), ориентирована ЮС. Ямки от столбов (10 ед.) выявлены в юго-западной, обращённой к реке, части скопления и 1 — по центру. Очаг, предположительно, находился в юго-западной части, вероятно, у обращённого к реке выхода. Остатки очага выделены по пятнам (пять линз) более тёмного песка мощностью 0,03–0,09 м.

Однако обращение к полевым материалам и итоговым научным отчётам⁶⁶ меняет представление о реконструкции посёлка Ленино III (Кондинское), предложенное Ю. Б. Сериковым. Во-первых, не подкреплено фактами количество построек. Сборы археологических предметов проведены с поверхности переотложенных и переветренных песков, план залегания этих находок не создан. По реконструкции жилища как наземного типа также имеются сомнения, и, в первую очередь, обращает на себя внимание насыщенность культурного слоя артефактами: с площади 135 кв. м получено (с применением промывки культурного слоя!) 4484 предмета, из них с жилищем связано 4340 изделий.⁶⁷ Велика вероятность, что автор раскопок исследовал либо остатки котлована стационарного сооружения, либо прилегающую к нему площадку. По крайней мере, мощность слоя с находками составляет 0,5 м, они залежали в нижнем слое серой супеси и верхней части светло-серо-жёлтой супеси.⁶⁸ Культурный слой перекрыт наносным песком мощностью до 1,0 м и тёмно-серой гумусированной и серой супесью общей мощностью до 0,7–0,75 м, насыщенной бытовым и строительным мусором времени функционирования колхоза им. Ленина.

Стационарные жилища позднего мезолита начала атлантического периода строились на территории Кондинской низменности. На поселении Леуши IX изучены сооружения полуземляночного типа (рис. 73, А). Постройка № 1 — полуземлянка глубиной до 1 м с коридоровидным выходом к ЗЮЗ от реки. На высоту 0,4–0,45 м от пола абрис котлована округлый, около 35 кв. м. Юго-восточный участок котлована, площадью 20 кв. м, был незначительно глубже остальной. Пол полого повышался на 0,07–0,12 м к западу и северо-западу, в сторону широкого уступа (~ 1,0 м) высотой над полом 0,2–0,3 м. На полу, по периметру постройки,

⁶³ Пономарева Т. М. Поселение Балинское 73... С. 149, 150.

⁶⁴ Там же. С. 149.

⁶⁵ Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде... С. 20.

⁶⁶ Отчёт о работах Кондинского отряда Уральской археологической экспедиции в 1984 году / УрГУ им. А. М. Горького; Сериков Ю. Б. Свердловск, 1984. 72 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9466; Отчёт о работах Кондинского отряда Уральской археологической экспедиции в 1985 году / УрГУ им. А. М. Горького; Сериков Ю. Б. Свердловск, 1985. 51 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11045.

⁶⁷ Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде... С. 10–11.

⁶⁸ Отчёт о работах Кондинского отряда Уральской археологической экспедиции в 1984 году ... С. 9.

обнаружены 42 ямки от столбов, расположенные приблизительно в два ряда с небольшим расстоянием друг от друга. Ямки наружного ряда, как правило, имеют больший диаметр (0,16–0,25 м) и глубину (0,19–0,47 м). У северной границы котлована обнаружена широкая изогнутая канавка 1,5×0,15–0,2×0,06–0,13 м.⁶⁹

Котлован постройки № 2 прямоугольный, 3,5×2,5 м, глубиной 0,8–0,85 м, ориентирован СЮ, соединялся с котлованом постройки № 3 коридоровидной перемычкой глубиной до 0,3 м. Дно неровное, по центру выявлена яма.⁷⁰

Котлован постройки № 3 на верхнем уровне (~ 0,65–0,85 м от современной поверхности) подпрямоугольный с закругленными углами, 8,8×5,8 м (вскрытая часть), ориентирован ЮС. По стенам его южной части выделялись подпрямоугольные ниши шириной 0,18–0,22 м, а также подокруглый выступ в юго-восточном углу. Через 0,2–0,3 м на выступе локализовалась яма диаметром 2,5 м, глубиной 0,4 м, со слегка наклонными стенками и ровным дном. На нижнем уровне (~ 1,05–1,1 м от современной поверхности) пропорции котлована уменьшаются до ширины 6,6 м. Стенки вертикальные, дно с небольшим уклоном к западу и северу было посыпано тончайшим слоем охры.

На дне котлована выявлена 41 ямка от столбов. В центре котлована шесть ямок диаметром 0,2–0,22 м, глубиной до 0,38 м, располагались прямоугольником, а вдоль стен — в один (западная) или два (южная, восточная) ряда. Диаметр ямок внешнего ряда 0,12–0,22 м, преобладают с наклоном к центру, внутреннего — 0,08–0,18 м.

Очаги размещались в ямах ниже дна постройки или выше пола на углисто-супесчаной насыпи. Очажная яма глубиной до 0,2 м, с вертикальными стенками, ровным, посыпанным охрой дном. Очаги неправильной вытянутой, 0,7×0,3 м, или овальной формы, 0,8×0,64 м и 0,76×0,54 м; высота «насыпи» 0,08–0,12 м, мощность прокалённого слоя 0,04–0,06 м. На конструкции насыпи третьего очага лежала линза оранжевого суглинка диаметром 0,54 м, мощностью 0,03 м.

Овальная яма размером 0,9×0,7×0,11 м изучена под полом в юго-западном углу постройки. По западной стене котлована, по оси ЮС, между верхним и нижним уровнем выявлена канава 2,64×0,5–0,96 м глубиной ~ 1,0 м, с вертикальными стенками, неровным, с уклоном к югу, дном.

К югу от постройки отмечено канавообразное углубление шириной в среднем 0,25–0,4 м и до 2,5 в западной его части, глубиной от 0,9–0,16 м (восточная часть) до 0,47–0,49 м (западная часть).⁷¹

Постройка № 4 — котлован подпрямоугольный или подквадратный (~ 20 кв. м), ориентирован по сторонам света, длина стен ЮС — до 4 м. Выход (?) коридоровидный, направлен на запад, в сторону склона берега. Под полом у западной стенки обнаружена яма, а у южной, снаружи, — ямка от столба.⁷²

⁶⁹ Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области в 1982 г. ... С. 8–9.

⁷⁰ Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области летом 1981 г. ...

⁷¹ Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе в 1986 г. ... С. 7–9.

⁷² См.: Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области летом 1981 г. ... С. 14–15; Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области в 1982 г. ... С. 9

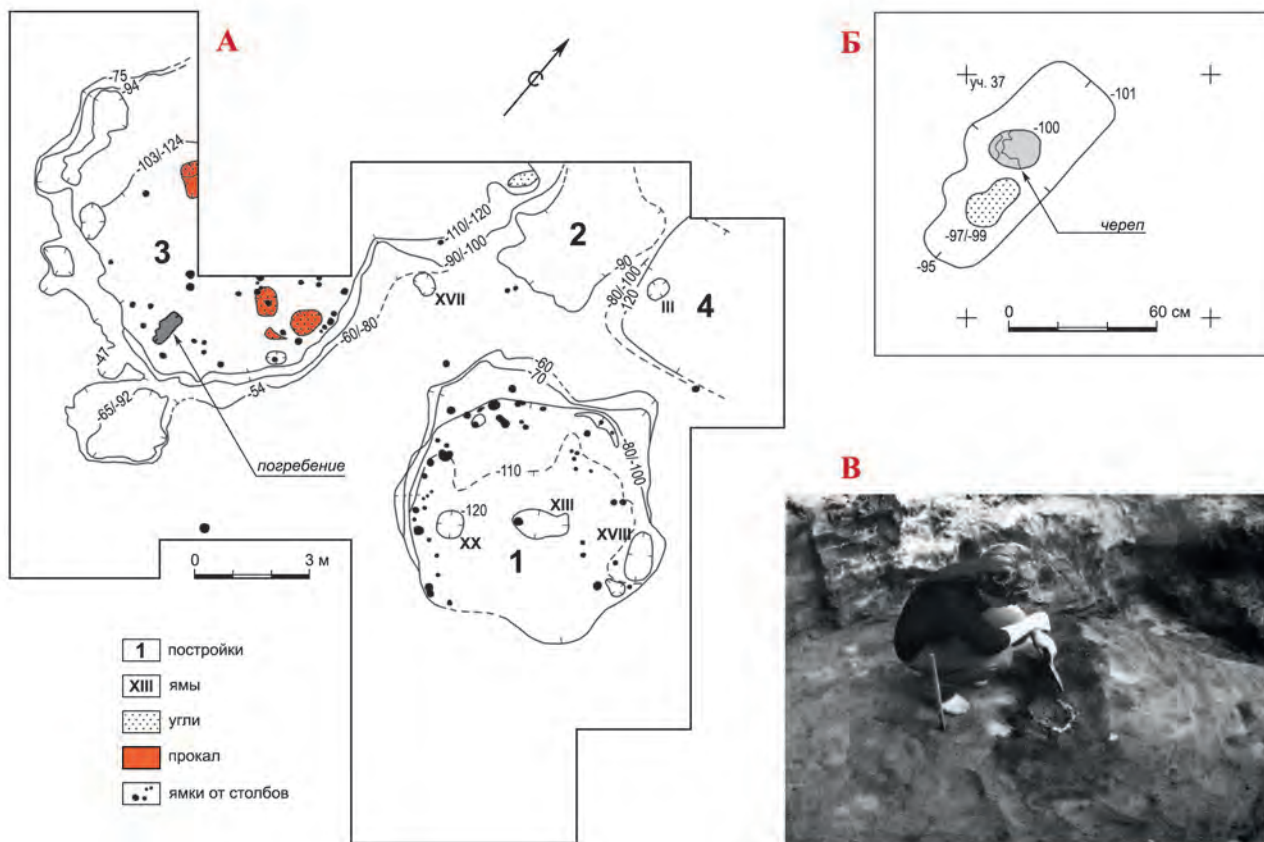

Рис. 73. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши IX:
 А — план раскопа; Б — план погребения в постройке № 3; В — процесс расчистки могильной ямы
 (по: Стефанова, 1982; Беспрозванный, 1987; 1997). Фото Е. М. Беспрозванного

Поселение Леуши III занимает участок мыса по правому берегу протоки, в 200 м к юго-западу от её слияния с р. Олупья (рис. 74). На краю террасы изучена углублённая конструкция полуземлянки, её северный край обрушен береговой абразией (рис. 75).⁷³ Очевидно, что стенки котлована по верху были разрушены, а он сам перекрыт полуметровым культурным слоем позднего бронзового века. Границы прямоугольной постройки, 8,2× сохр. 5,5 м (не менее 45 кв. м), ориентированной ЗВ, прослежены на цоколе песчаного уступа-плечика по западной стене. Высота уступа от углублённого центра — до 0,1 м, ширина до 2,6 м. Под полом, на песчаном уступе, обнаружены три овальных ямы глубиной 0,06 м, 0,22 м и 0,3 м. По южным углам котлована отмечены прямоугольные ниши 1,5–2,0×0,7–1,5 м, в них — овальные ямы глубиной ~ 0,3 м.

Центр и восточная часть котлована глубиной 0,2–0,3 м от материкового уступа по западной стенке. Это углубление по форме четырёхугольное 7,3× сохр. 4,4 м. Восточная стенка крутая,

⁷³ Отчёт об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1995 г. Т. 2: Охранные раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе...

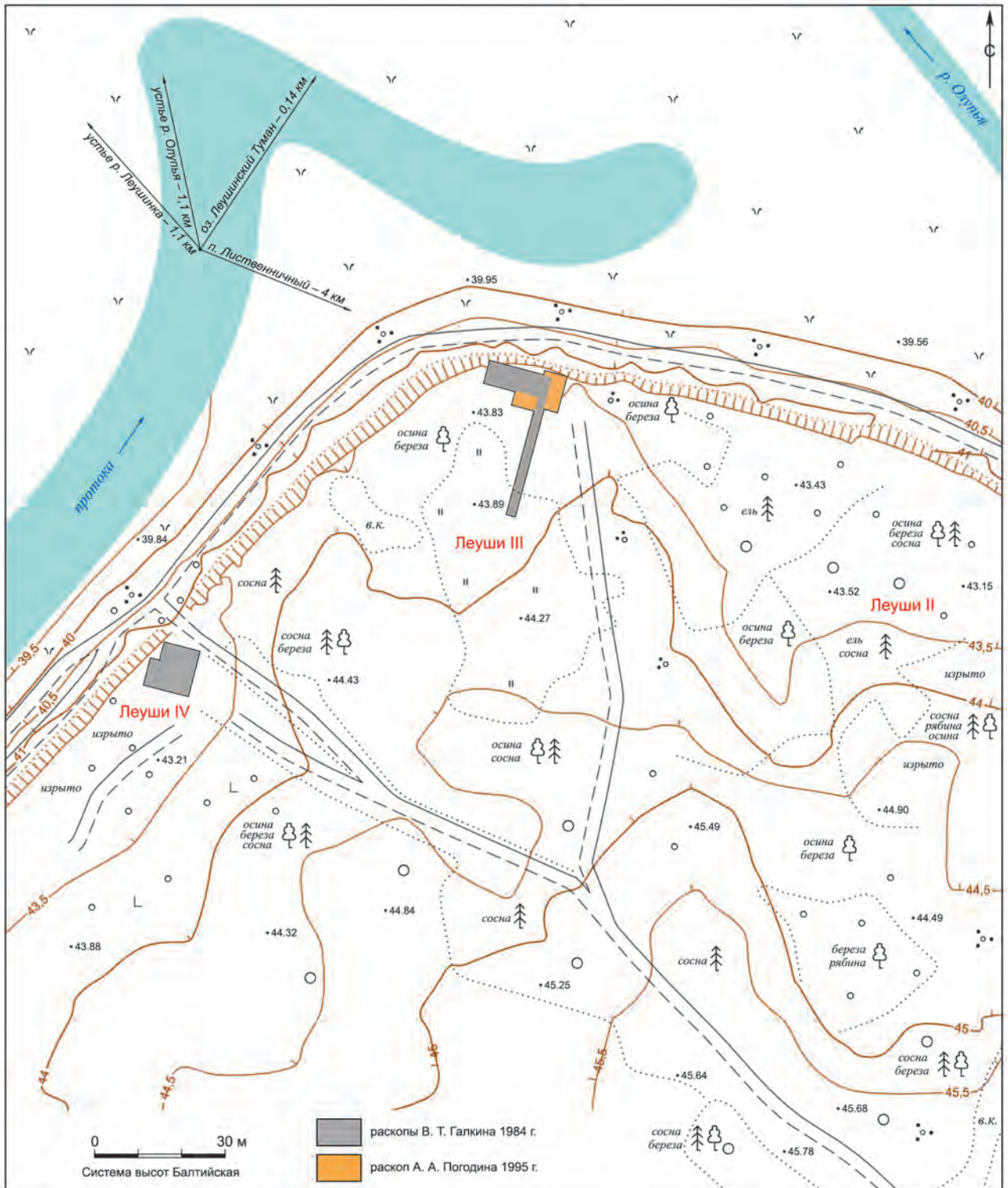

Рис. 74. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши III. Топографический план

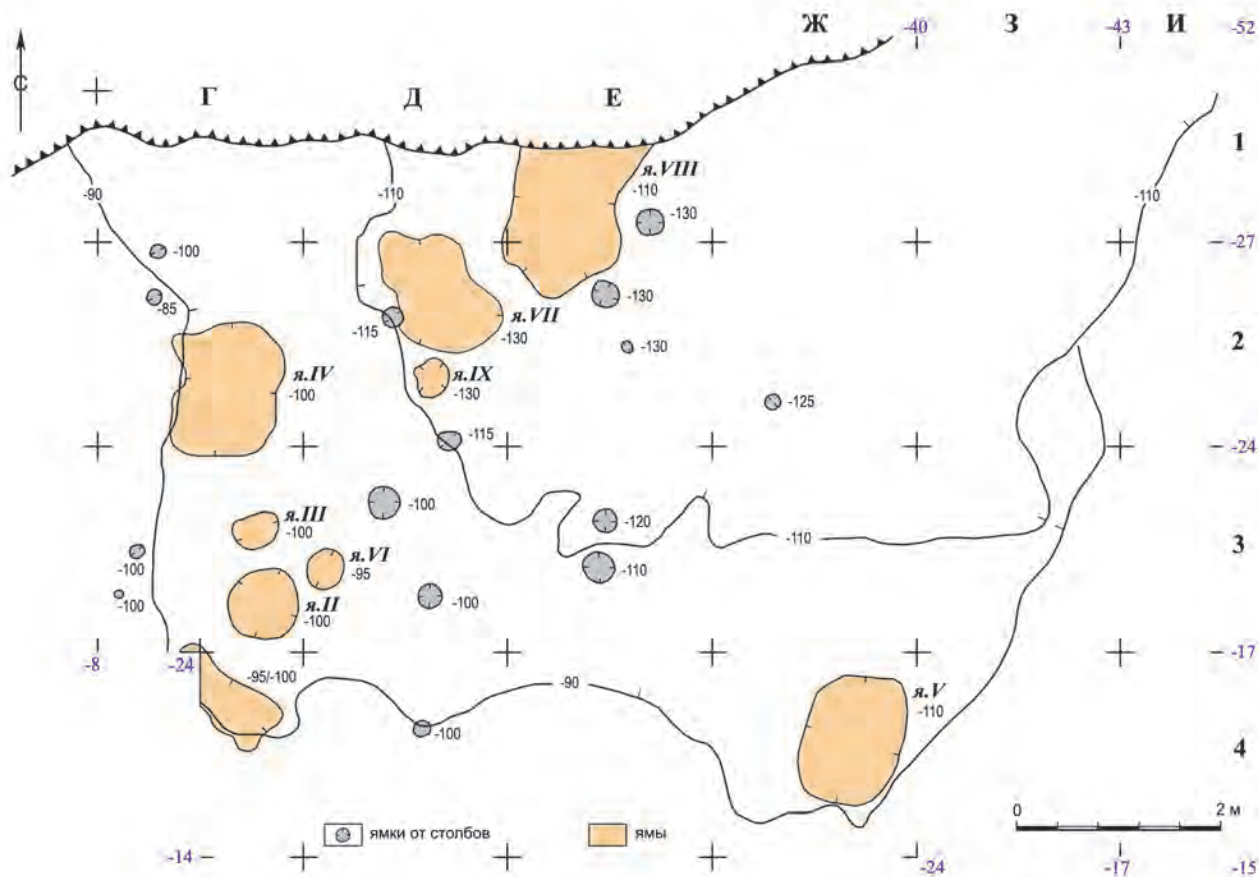

Рис. 75. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши III. План раскопа (по: Погодин, 1996)

единая от верха до дна котлована. Дно неровное, с плавным понижением к СВ. Ниже дна обустроены хозяйственные (?) ямы глубиной 0,06–0,12 м.

Ямки от столбов диаметром 0,07–0,4 м обнаружены у западной и южной стенки котлована и в два ряда по направлению ЮЗ–СВ по углублённому центру.

Поселение Убья 3 занимало прямоугольный южный мыс, ~ 100×50 м, небольшой гривы в левобережье р. Убья, левого притока р. Мулымья. Высота берега 2,0–3,5 м; к западу и востоку от мыса простирается верховое болото, к югу — речная пойма, сейчас до русла водотока не более 50 м. Центром мезолитического посёлка, очевидно, являлось стационарное сооружение — полуземлянка (рис. 67). Жилище построили в 30 м от южной оконечности, практически на равном удалении от восточной и западной бровок террасы.

Котлован жилища общей глубиной ~ 1,1 м, двухуровневый. По верхнему уровню, на глубине 0,25–0,35 м, его площадь составляла 41 кв. м, ориентировка ЮЮВ–ССЗ. Стены восточной экспозиции дуговидные, северо-западная относительно прямая, а по центру юго-западной, в 1,5 м от смежных стен, оформлен прямоугольный выступ 2,2×1,9 м. Нижняя часть котлована прямоугольная, 5,0×3,0 м, глубиной до 0,75 м, состояла из двух камер, конструкции которых смещены от центра к стенкам верхнего уровня — юго- и северо-восточной. Камера № 1,

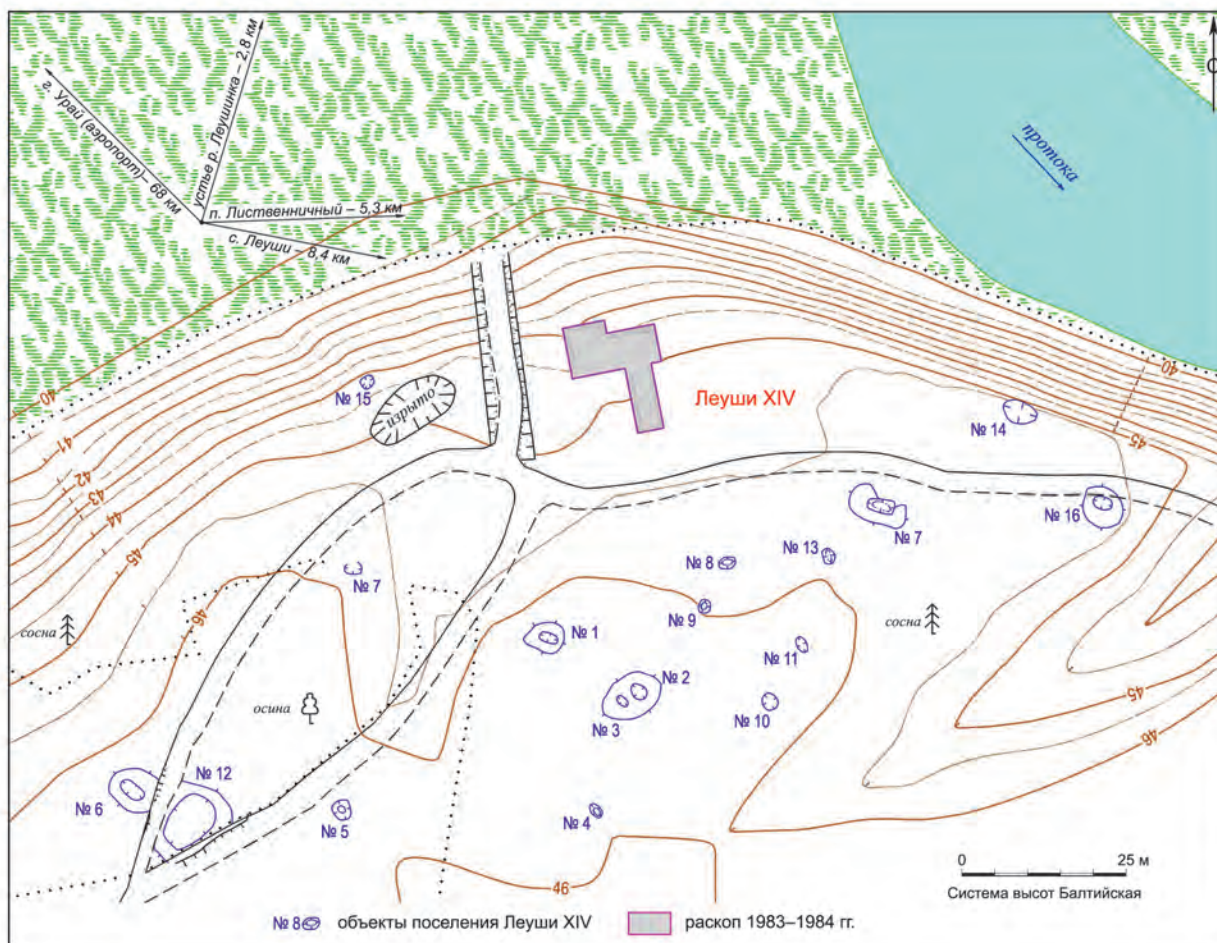

Рис. 76. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши XIV. Топографический план

юго-восточная, четырёхугольная, $2,4 \times 2,2$ м; камера № 2, северо-западная, неправильных очертаний, $1,45 \times 0,95$ м. Их соединял углублённый переход длиной 0,6 м с крутыми стенками, шириной по верху 1,2 м. По контуру обеих камер наблюдалась широкая полоса (0,4–0,8 м) тёмного углистого песка, возможно, от сгоревшей крепи стен (рис. 67, Б).

На открытой площадке поселения зона распространения каменного инвентаря не превышала 30 м от сооружения, включая зону берегового приобья. В 50 м к северу от сооружения находилась прямоугольная яма (рис. 67, А). В яме, у её края с северо-востока, и далее к северу и востоку на расстоянии до 10 м найдены предметы, очевидно, составлявшие единый комплекс. Ещё одна группа предметов, залегавшая компактно у прибойной зоны, находилась в 40 м к С–СВ от сооружения.

Наземные постройки позднего мезолита изучены на озёрах и реках среднего течения р. Конда: Леуши XIV ($59^{\circ}39'$ с. ш., $65^{\circ}37'$ в. д. (рис. 76)), Сатыга XVIa ($59^{\circ}58'$ с. ш., $64^{\circ}50'$ в. д.) и Большая Учinya XXIII ($60^{\circ}02'$ с. ш., $65^{\circ}09'$ в. д.), и реках верхнего течения — Большая Умытья 74 ($60^{\circ}54'$ с. ш., $64^{\circ}02'$ в. д.).

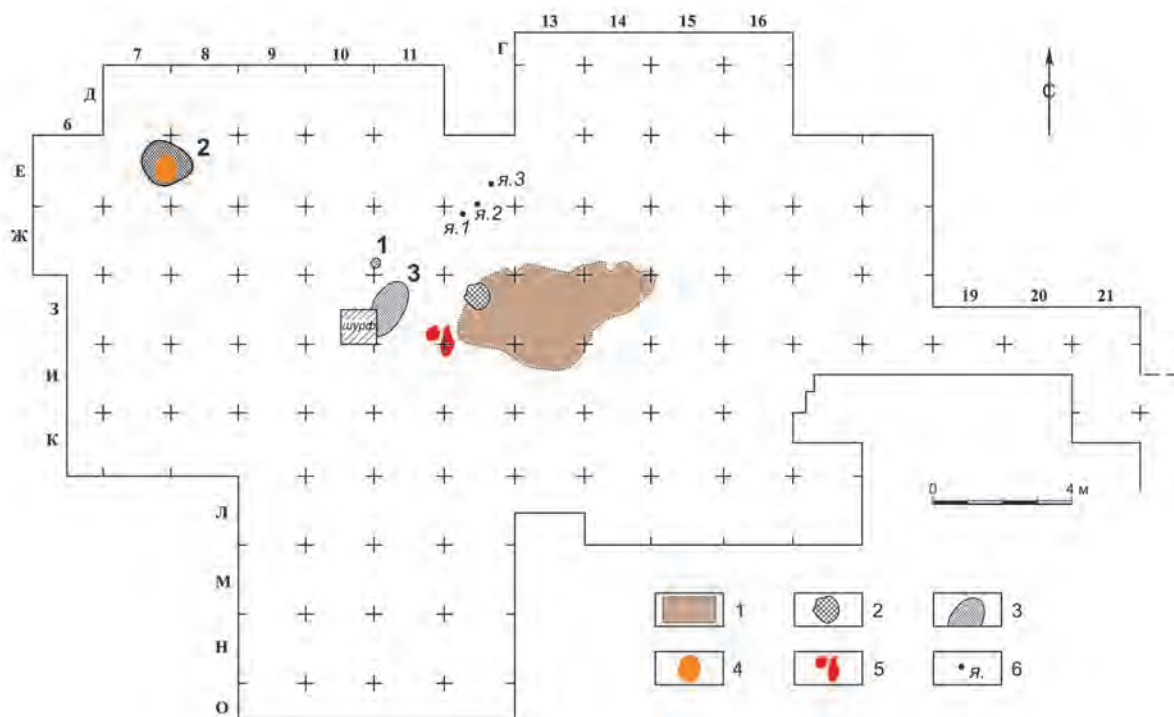

Рис. 77. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Сатыга XVIa.

План раскопа: 1 — границы скопления каменного инвентаря (наземная постройка); 2 — очаг; 3 — границы скопления кальцинированных костей; 4 — проквал; 5 — охра; 6 — ямки от столбов (по: Беспрозванный, Погдин, 1998)

Наземная постройка с центральной углублённой частью на стоянке Леуши XIV в плане овальная, размерами 6–6,5×4–4,5 м (площадь до ~ 30 кв. м), ориентирована ЮВ–СЗ. Внешний контур строения определялся залеганием находок в незначительно углублённой в материк зоне по периметру стен, которая по цветности заполнения (серо-коричневая супесь) не отличалась отстилающего слоя. Подпрямоугольный в плане котлован, 6,2×2,3 м (площадь ~ 15 кв. м), имел неровное дно; в северо-западной части его глубина — 0,1 м, в юго-восточной — 0,4 м, по центру — 0,5–0,6 м. Ниже уровня дна находились две округлые ямы размерами 1,04×0,7 м и 1,08×1,0 м, глубиной 0,4 м; и ещё одна яма глубиной 0,1 м в северном углу сооружения. Ямы от столбов (16 ед.) глубиной 0,06–0,12 м обнаружены по восточной, северной и западной стенкам, из них 6 имеют наклон под острым углом к центру постройки.

Предочажная яма глубиной 0,6 м, очаг и очажный выброс с южного края располагались в 2,4 м к югу от сооружения. Состав слоя (0,1 м) кострища — насыщенная углем и проквалённая светло-коричневая супесь. На площадке между очагом и жилищем каменные изделия залегали единично.

Наземные жилища с углублённым центром в виде четырёхугольного или прямоугольного в плане котлована глубиной 0,3–0,4 м, площадью ~ 5 кв. м и 3,5 кв. м, изучены на поселении Большая Умытья 74 на левом берегу одноимённой реки.⁷⁴ Ориентированы котлованы ЮЗ–СВ

⁷⁴ См.: Проведение спасательных археологических работ на поселении Большая Умытья 74 / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М.; Екатеринбург, 2007 // Архив ООО НАЦ

и ЮВ–СЗ. Их стенки отвесные или крутые, дно неровное. Каменные изделия и кальцинированные косточки залегают непосредственно в котлованах, изредка за их границами на небольшом удалении.

Две лёгкие наземные постройки располагались вплотную друг к другу на уступе склона, в 25 м от края поймы на высоте 2,5 м.⁷⁵ Оба строения определялись по компактному скоплению (ск. 6 и 7 по полевой нумерации) изделий из камня, которые залежали в песчаной иллювиальной толще (0,3–0,4 м). Форма в плане каждого из скоплений была близка прямоугольнику, с ориентировкой ЮЮЗ–ССВ, площадью ~ 25 кв. м и 16 кв. м. В северной постройке, ближе к южной стенке, а в южном сооружении — по центру, на площади ~ 5–5,5 кв. м зафиксирована концентрация мелких кальцинированных костей (рис. 66, А).

Лёгкое наземное жилище с ориентировкой ЮЗ–СВ изучено на Большой Учине 23.⁷⁶ Строение выделено по прямоугольному в плане скоплению каменных предметов в песчаной толще (0,2 м) коричнево-серого цвета, отличной от светлого материкового аллювия с прослойками ортзанда и глины. Юго-западная часть скопления разрушена, северо-восточная площадью 6 кв. м.

Наземное сооружение на стоянке Сатыга XVIa определялось по скоплению находок и слою мощностью до 0,35 м, отличному от материкового цветом и плотностью песка (рис. 77). В плане скопление подпрямоугольное, не менее 5,2×2,8–3 м (~ 15,6 кв. м), ориентировано ЗВ. Выход имел западную экспозицию, перед ним располагались остатки прокалённого пода очага диаметром 0,7 м, мощностью до 0,14 м. От очага к югу отмечены небольшие пятна охры, а к северо-западу от постройки, по линии ЮЗ–СВ, три ямки от столбов диаметром ~ 0,12 м.⁷⁷

«АВ Ком — Наследие». Оп. 3. Д. 113; Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 74» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 году...

⁷⁵ Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 74» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра в 2017 году...

⁷⁶ Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолитические стоянки в нижнем течении р. Большая Учине // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 4–19.

⁷⁷ Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. К вопросу о культовых представлениях... С. 48–62.

Глава 3

Обзор индустрии памятников

Мезолитические памятники рр. Конда и Северная Сосьва, бассейны которых являются территориальной составляющей западной части ХМАО — Югры, содержат комплексы похожих индустрий камня. Это, в первую очередь, проявляется в формально-типологической представленности категорий изделий, составе исходного сырья и предпочтении в породах, подборе оптимальных технологий обработки, использовании разнообразных форм орудийных заготовок с приоритетом для отжимных микропластинок и пластин как универсального полуфабриката. Индивидуальность каждого конкретного комплекса — эпизодической или кратковременной стоянки, сезонного или круглогодичного поселения, технологической площадки по первичной обработке сырья выражается в соотношении тех или иных категорий инвентаря, единичных или малосерийных предметах, которых нет на других памятниках. Определяющим фактором исторического (культурно-исторического) процесса является время. И те относительные хронологические позиции памятников в раннем голоцене, которыми мы оперировали, презентуя поселения и жилища, возможно, со временем уточнятся с новыми открытиями.

На восточных территориях ХМАО — Югры памятники мезолита представлены круглогодичными поселениями (Большой Салым 4, Балинское 73). Индустрии этого региона, при всем формальном сходстве с западными Кондинскими комплексами, имеют своеобразие. Общее определяется, прежде всего, существованием эпохального культурного тренда на обширной территории в таёжной и лесной зоне Евразии.

Индустрии раннего мезолита (пребореал — первая половина бореала): стоянка Сатыга XVIIa, поселение Большая Умытья 74 (скопление 8 и скопление 11)

Нижний культурный горизонт стоянки Сатыга XVIIa зафиксирован на глубине 0,95–0,1 м до 1,15–1,2 м от современной поверхности. Горизонт жизнедеятельности маркировался по серой заугленности в жёлтых и белых песках, купол слоя был сопряжён с основанием толщи светло-жёлтых песков. Цоколь отложений пересекали как минимум две субгоризонтальные прослойки коричневого ортзанда толщиной 0,05–0,1 м (рис. 64, В). Геоморфологическая

структура слоя совпадает с условиями залегания культурных остатков на стоянке финального палеолита Горная Талица на р. Чусовая⁷⁸ и Могочино I в Чаинском Приобье.⁷⁹ На этих памятниках основание культурных отложений маркировалось ортзандовой прослойкой с «впаянными» в неё каменными изделиями.

Площадь залегания артефактов — около 40 кв. м — очевидно, была больше, учитывая разрушение берега. Практически по центру локации, на расстоянии 0,5 м, вскрыты три ямы, две из которых ориентированы субширотно, третья — С–Ю (рис. 64, Б). Первая — овально-миндалевидная по форме, ~ 2,10×1,80×0,75 м, с полого-наклонными стенками, вторая — овальная, ~ 1,70×0,55×0,4 м, с вертикально-наклонными стенками. Заполнявший ямы тёмно-серый песок «рассекали» вертикальные полосы светлого песка, и в целом этот слой прорезали субгоризонтальные прослойки тёмно-коричневого ортзанда; такой же прослойкой (0,05–0,07 м) «отбито» и дно ям. На дне второй ямы расчищены некрупные обугленные плашки — от 0,05×0,03 м до 0,2×0,9 м; поверх одной из них лежали небольшие прямоугольные кусочки бересты. Третья яма овальная, ~ 1,25×0,4–0,6×0,2 м, с крутыми и пологими стенами.

Каменный инвентарь, обнаруженный в ямах и прилегающем горизонте, представлен 1032 предметами (табл. 15). Большую часть комплекса (~ 97 %) составляют: исходное сырьё, отходы (колотые гальки, чешуйки) и продукты (нуклеусы, пластины, отщепы) контрударного и призматического расщепления (рис. 78). Контрударное ядрище размером 17×21×15 мм выполнено на мелкой гальке (рис. 78, 12). Высота призматических (4), торцевого и карандашевидного (рис. 78, 11) нуклеусов от 11 до 29 мм; два призматических — двухплощадочные. Единичны целая пластина ручного отжима размером 36×8×3 мм и контрударная кварцевая — 52×17×7 мм. В основном это проксимальные, медиальные и дистальные части шириной 1,5–6 мм. Более 2/3 отщепов это сколы мелких пропорций от 10 до 15 мм.

Таблица 15

**Стоянка Сатыга XVIIa.
Каменный инвентарь нижнего культурного горизонта**

Категории инвентаря	Заполнение ям	Площадка вокруг ям	Всего	% от инвентаря
Гальки и плитки целые	—	18	18	1,74
Гальки и плитки колотые, осколки	30	71	101	9,79
Пластины	27	161	188	18,22
Отщепы	48	140	188	18,22
Чешуйки	103	406	509	49,32
Нуклеусы	2	6	8	0,77
Орудия	3	17	20	1,94
Итого	213	819	1032	100

⁷⁸ Павлов П. Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996. С. 107–113.

⁷⁹ Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986. С. 75–99.

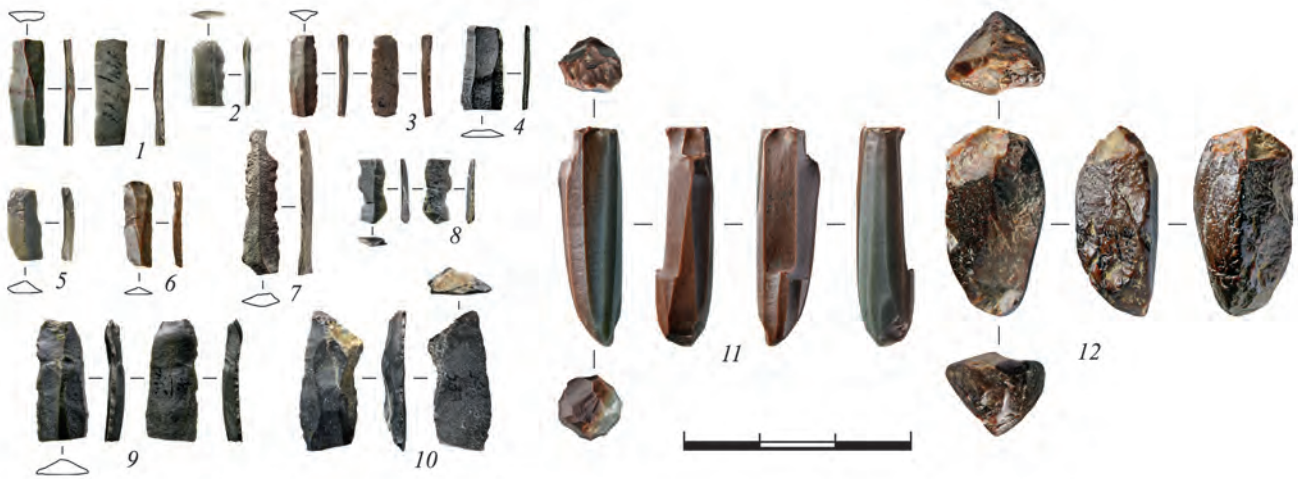

Рис. 78. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Сатыга XVIIa. Каменный инвентарь из нижнего культурного горизонта:
 1, 3, 10 — односторонние вкладыши на медиальных сегментах пластин; 2, 5, 6 — односторонние вкладыши на проксимальных сегментах пластин;
 4 — медиальный сегмент пластины со следами на спинке от длительной транспортировки ядрища;
 7–8 — двусторонние вкладыши на медиальных сегментах пластин; 9 — проксимальный сегмент пластины с мелкой дорсальной ретушью по обоим краям; 11 — нуклеус карандашевидный; 12 — ядрище контрударное на гальке. Фонды Археологического музея УрФУ

Орудия изготовлены на пластинах (12), отщепах (2) и колотых гальках (6). Изделия из пластин с краевой ретушью (7), с притуплённым торцом (3) и боковой выемкой — по следам работы на режущих кромках (здесь и далее: трасологический анализ проведён к. и. н. Е. Ю. Гирей и А. А. Погодиным) являются вкладышами составных орудий, их длина — от 5 до 20 мм, ширина от 2 до 6 мм. Резцы продольные (2) на медиальных сегментах размерами 7×4×2 мм и 5×9×3 мм (рис. 78, 1–10).

Скрепки концевые на первичных отщепах (2) и колотой гальке (4) размерами от 14×14×7 мм до 28×12×9 мм обработаны крутой и отвесной ретушью со спинки.

Отбойник на округлой кварцевой гальке 33×32×18 мм. Абразив с одной рабочей боковой гранью на куске брекчии, размером 29×15×12 мм.

Значительная часть костей млекопитающих кальцинирована и неопределима до вида. Установлены кости бобра: капральная, локтевая, два фрагмента локтевой, диафиз локтевой, нижняя часть плечевой, фрагмент нижней части плечевой с эпифизом, фрагмент диафиза лучевой, верхняя часть лучевой с эпифизом, фаланга I, фаланга III, восходящая ветвь нижней челюсти. Обнаружены кости рыб.

Верхний культурный горизонт эпохи мезолита приурочен к серо-жёлтым и верхней толще светло-жёлтого песка на уровне от 0,6 до 0,7–0,8 м от поверхности. Абсолютный возраст этого горизонта определён радиоуглеродными датами — 9520±60 л. н. (ЛЕ-5692), 9330±110 л. н. (ЛЕ-6581) и 9280±25 л. н. (ЛЕ-5686) (табл. 13).

В 50 м друг от друга зафиксированы два скопления, условно, восточное и западное, а между ними, в виде небольших, возможно, производственного плана, локаций, ещё два (табл. 16; рис. 79). Площадка памятника, на которой они расположены, изучена неполно, какая-то их часть разрушена абразией.

Таблица 16

**Стоянка Сатыга XVIIIв.
Каменный инвентарь верхнего культурного горизонта**

Категории инвентаря	Скопление 1 (западное)	Скопление 2 (восточное)	Точек 1	Точек 2	Всего	% от инвентаря
Гальки и плитки целые	22	5	1	2	30	1,98
Гальки и плитки колотые, осколки	55	6	1	4	66	4,36
Пластины	300	184	2	2	488	32,25
Отщепы	212	60	12	1	285	18,84
Чешуйки	361	143	10	—	514	33,97
Нуклеусы	9	2	1	1	13	0,86
Орудия	89	26	2	—	117	7,74
Итого	1048	426	29	10	1513	100

Скопление 1 (западное) изучено на площади не более 15 кв. м. С юга культурный слой разрушен береговой абразией. На изученной площади обнаружено 1048 предметов из камня (рис. 79, 24–26, 28–30), фрагмент костяного изделия и около 30 мелких кальцинированных костей, неопределимых до вида, за исключением кости человека. Исходных форм, целых и колотых, более 70; значительна численность чешуек (361), пластин (300) и отщепов (212). Нуклеусы высотой 13–29 мм торцевые и призматические, в их числе карандашевидный из сургучной яшмы с одной фасетированной площадкой. Имеющаяся нуклевидная форма — это результат контрударного расщепления фронтальной поверхности кремнистой гальки на пластинчатые сколы. Пластины, целые и сечения, шириной от 2 до 7 мм, единично до 10 мм. Длина целых — до 30 мм, сечений — от 4 до 32 мм. В категории орудий преобладают скребки (61) на отщепах и колотых гальках — округлые с высокой спинкой, диаметром 14–16 мм, прямоугольные или овальные концевые размерами от 10×11×4 мм до 23×15×7 мм. Проксимальных и медиальных частей пластин, шириной 3–7 мм, с краевой ретушью со спинки или бруска скола, всего 19 экз., с притуплённым концом — 4, а отщепов с краевой утилизацией — 5.

Скопление 2 (восточное) с юга разрушено береговой абразией, на вскрытой площади, не более 25 кв. м, обнаружено 426 предметов из камня и костяное изделие (рис. 79, 1–23, 27). Исходных форм целых и колотых всего 11, основу комплекса составляют пластины без ретуши (184), отщепы (60) и чешуйки (143). Нуклеусы — конусовидный, высотой 20 мм, из чёрной кремнистой породы, с фасетированной площадкой и круговым скалыванием пластин; второй — остаточный призматический, расщеплён контрударом. Пластины целые и сечения, включая две ребристые, ширина заготовок от 2 до 16 мм с пиком значений 5–7 мм (51,74%). Орудия включают скребки концевые на отщепах и пластинах, скребок на треугольном отщепе, остря, пластины с ретушью по краю и усечённым концом, отщепы с ретушью.

Небольшие скопления артефактов — «точок 1» и «точок 2», вероятно, являются ситуационными «производственными площадками». В местах локаций обнаружены призматические и торцевые нуклеусы, пластинки без ретуши и с краевой обработкой, целые и колотые гальки, отщепы и чешуйки. Находки залежали в пятнистом светло-жёлтом песке с заугленными пятнами и угольками верхнего культурного горизонта.

К ранней поре мезолитической эпохи отнесён комплекс скопления 8 поселения Большая Умытья 74, его местоположение приурочено к ровной, высотой 6 м, площадке террасы, на

Рис. 79. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Сатыга XVIIa. Верхний культурный горизонт. Каменный инвентарь: восточное (1–23, 27) и западное (24–26, 28–30) скопления. 1, 12, 16, 22 — вкладыши однолезвийные на медиальных сегментах; 2 — вкладыш концевго скребка на медиальном сегменте; 3 — вкладыш струга; 4 — медиальный сегмент, на спинке износ от транспортировки нуклеуса; 5 — нуклеус конусовидный с незначительным износом от транспортировки; 6 — остриё-проколка; 7 — вкладыш однолезвийный на медиальном сегменте, износ на ребре от транспортировки нуклеуса; 8 — остриё-проколка с износом от транспортировки нуклеуса; 9 — скребок с общим износом от транспортировки; 10, 21 — двулезвийные вкладыши на проксимальных сегментах; 11 — отщеп с общим износом от интенсивного ношения; 13, 17 — однолезвийные вкладыши на проксимальных сегментах; 14 — проксимальный сегмент с мелкой краевой ретушью и износом от транспортировки; 15 — резчик по дереву на проксимальном сегменте; 18 — медиальный сегмент без износа с микровыкрошенностью; 19 — проксимальный сегмент с износом от длительного ношения; 20, 27 — пластины без износа; 23 — медиальный сегмент с утилитарным износом на спинке и брюшке; 24, 26, 28, 30 — скребки без износа со «свежей» ретушью по лезвию; 25 — скребок выбитый из рукоятки со «свежей» подправкой лезвия и незначительным износом от транспортировки; 29 — скребок без утилитарного износа с золотым воздействием.

Фонды Археологического музея УрФУ

удалении 155 м от реки (рис. 66, А). Локализация показывает компактное залегание каменных изделий в овальном контуре размером 4×2 м, вытянутом С–Ю; единичные артефакты обнаружены в 1,5–3 м к северу, западу и югу. По центру скопления среди каменных изделий обнаружены мелкие кальцинированные кости (19 экз.), принадлежавшие лосю и северному оленю. Найдено 80 каменных изделий, изготовленных из галечного сырья: кремня — чёрного, серо-зелёного, коричнево-серого цвета, сургучно-зелёной яшмы, халцедона, кварцита и кварца (рис. 80). Типологический набор включает пять нуклеусов, 21 пластину без ретуши и три с ретушью, 69 отщепов без ретуши и один отщеп с ретушью.

На пластины расщеплялись объёмные формы нуклеусов: конусовидные, призматические и торцовые, с подработанными площадками. Высота оставленных форм 15–17 мм (рис. 80, 15, 16, 18–20). Призматические ядрища на финишной стадии нередко подвергались контрударному расщеплению.

Индустрия микропластинчатая, ширина изделий 3–4 мм, из 24 предметов 62% — до 8 мм, 83,4% — от 3 до 10 мм (рис. 80, 1–8, 10, 11, 17). Пластины с ретушью на медиальных и проксимальном сегменте, с краевой плоской или крутой выламывающей ретушью со спинки или брюшка по одной или обеим сторонам (рис. 80, 12–13). В процессе использования на режущих кромках нередко возникали микрорезцовые сколы. Отщеп с ретушью представлен изделием с выемкой, выделенной мелкими краевыми сколами со спинки (рис. 80, 14). Отщепы без ретуши — мелкие и средние сколы от 4×5×1 мм до 26×25×12 мм (рис. 80, 9).

Рис. 80. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытья 74. Скопление 8:
1–8, 10, 11, 17 — пластины; 9 — отщеп; 12, 13 — пластины с ретушью; 14 — отщеп с ретушью; 15, 16, 18–20 — нуклеусы

Ещё один ранний мезолитический объект — скопление 10 — обнаружен на той же площадке террасы, что и скопление 8, но на 20 м ближе к реке (рис. 66, А, В). В основании светло-жёлтого песчаного слоя, практически на границе с белым ожелезненным аллювием, залегал валун пирамидальной формы размером 340×130×170 мм, с плоским основанием. В 0,7–1,5 м к северу от валуна компактно залежали девять предметов. Все изделия из кварцита: тяжёлый отбойник из валуна размером 133×95×76 мм, колотая плитка 174×159×47 мм и семь крупных и массивных ударного снятия отщепов с поверхностной коркой, пять из которых соединились в две комбинации, иллюстрирующие последовательность снятий. Итогом работы древнего мастера стало изъятие куска плитки с места первичного раскалывания, не исключено, что в форме пренуклеуса (рис. 81).

Рис. 81. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74. Скопление 10:
1–5 — отщепы; 6 — плитка колотая; 7 — галька колотая

Индустрии раннего мезолита второй половины бореала

Поселение Геологическое III расположено на моренных выходах галечника, из которого предпочтение отдавалось кремню серо-зелёных оттенков, метафорическим сланцам, опоке и кварцу (рис. 82–86).

Нуклеусы призматические одно- и двухплощадочные с прямой фасетированной площадкой и торцовые. Размеры сработанных нуклеусов, негативы сколов контрударного расщепления, а также наличие целых пластин длиной до 60 мм свидетельствуют о заключительной стадии использования этих ядрищ. То же касается и единственного карандашевидного нуклеуса. Тем не менее изучение форм окончаний пластин, направления негативов на их спинках, продольных технических сколов позволяют предположить частое использование для изготовления пластин нуклеусов призматической формы с двумя фасетированными площадками. О дефиците качественных пород камня свидетельствует переоформление сработанных нуклеусов в орудия и использование в качестве заготовок технических сколов: ребристых пластин и отщепов с ударной площадки нуклеусов.

Использование в производстве кварца — материала, не обладающего изотропными свойствами, — обусловлено дефицитом хороших сортов камня (43,2% — в жилище 1 раскопов II и V; 30,4% — в жилище 5 раскопа III). Кварцевые гальки срабатывались преимущественно техникой контрударного расщепления. Большинство кварцевых нуклеусов — подпрямоугольные или подчетырёхугольные, односторонние (монофронты), со встречным скалыванием заготовок. Наличие кварцевого конусовидного нуклеуса фиксирует попытку получения из этого типа сырья заготовок правильной огранки — пластин. Однако основная масса отщепов иных очертаний — подпрямоугольных, овальных и сегментовидных. При расщеплении кварца получалось много отходов в виде мелких осколков — небольших кусочков кристаллов, а также галек с негативами бессистемного расщепления.

Одним из исходных типов заготовок в комплексах поселений Геологическое III являлась пластина. При сравнении пластин по ширине выявлено преобладание узких заготовок: от 45% (жилище 1 раскопа III) до 73% (жилище 4 раскопа III). Однако в том же жилище 4 заготовки средних пропорций употреблялись наравне с узкими. Микропластинки в комплексах варьируются от 5 до 14%. Соотношение численности сечений разных пропорций убедительно показывает преимущественное использование длинных заготовок, реже — средних и редкое применение коротких. Процент пластинчатости комплексов (соотношение изделий на пластинах и отщепах) довольно низкий — 44% в жилище 5 раскопа III; 32,08% в жилище 1 раскопов II и V. Основная группа изделий — это пластинки с краевой ретушью, многие из которых использовались как вкладыши. Из пластин также изготавливались концевые скребки. Боковые стороны массивных заготовок служили скобелями. Единично встречены пластинки с торцевой обработкой, проколки-провёртки, резцы, резчики. Обращает внимание факт преимущественного использования медиальных частей пластин.

В коллекции много орудий из отщепов. Из кварца выполнены 25 и 19,5% изделий, соответственно, в жилище 1 раскопов II, V и жилище 5 раскопа III. Это скребки, ведущей формой которых являются концевые, иногда ещё и с боковым лезвием. Устойчивую группу образуют полукруглые скребки с оформлением лезвий крутой или отвесной ретушью на нижнем конце краевого отщепа. Из других форм скребков выделяются округлые и подпрямоугольные. Орудия без обработки лезвия, выделенные по следам сработанности, единичны.

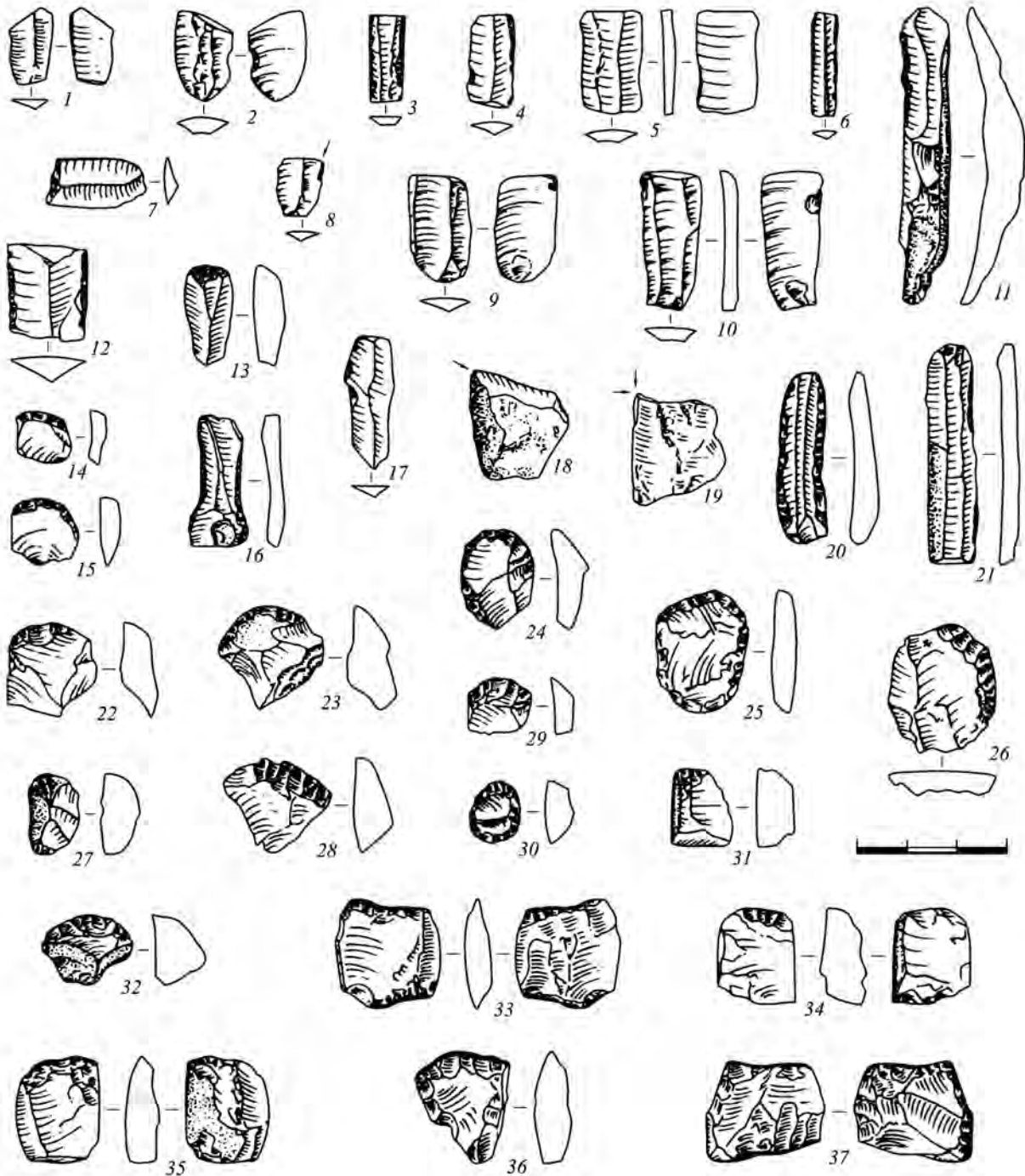

Рис. 82. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Геологическое III.

Каменные изделия из жилища № 1, раскопов II и V: 1, 3–6, 10, 12, 21 — пластины с краевой ретушью; 2 — пластинка с выемкой; 7 — пластинка с притупленным концом; 8 — угловой резец на пластине; 9, 17 — резчики на пластинах; 18, 19 — резцы из отщепов; 11, 16, 20 — скобели на пластинах; 13 — концевой скребок на пластине; 14, 15, 22–30, 32 — скребки из отщепов; 31, 34 — скребки из галек; 33, 36, 37 — долотовидные орудия из отщепов (по: Кокшаров, Погодин, 2000)

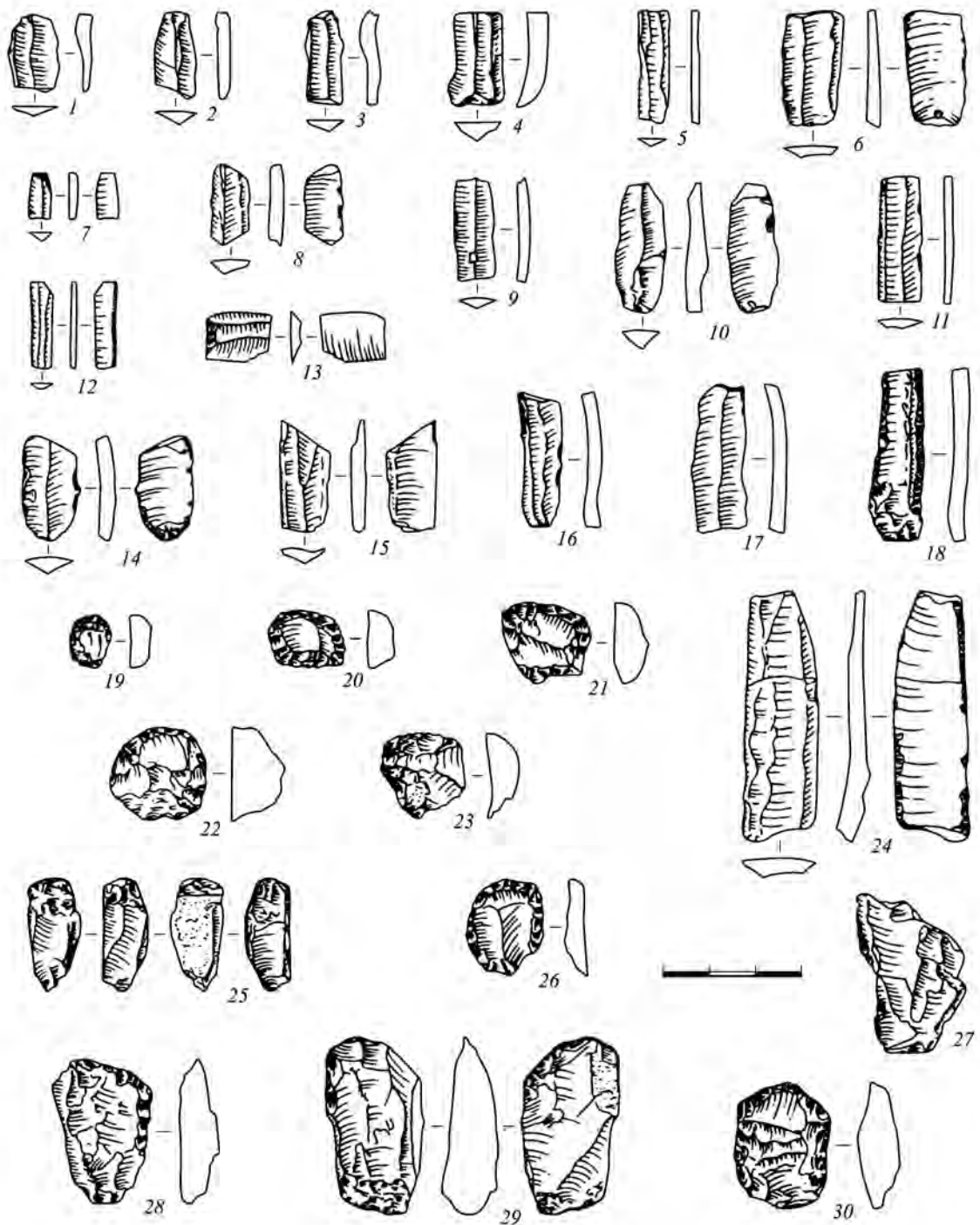

Рис. 83. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Геологическое III.

Каменные изделия из жилища № 1 раскопа III: 1–5 — сечения пластин; 6, 10, 24 — ножи на пластинах; 7–9, 11, 12 — пластинки с краевой ретушью; 13, 14 — пластины с притупленным концом; 15, 16 — резчики на пластинах; 17 — скребок-резчик на пластине; 18 — скобель на пластине; 19–23, 26 — скребки на отщепе; 25 — нуклеус; 27 — скобель на отщепе; 28 — долотовидное орудие на отщепе; 29 — скребок-долото на нуклевидном куске; 30 — скребок из гальки (по: Кокшаров, Погодин, 2000)

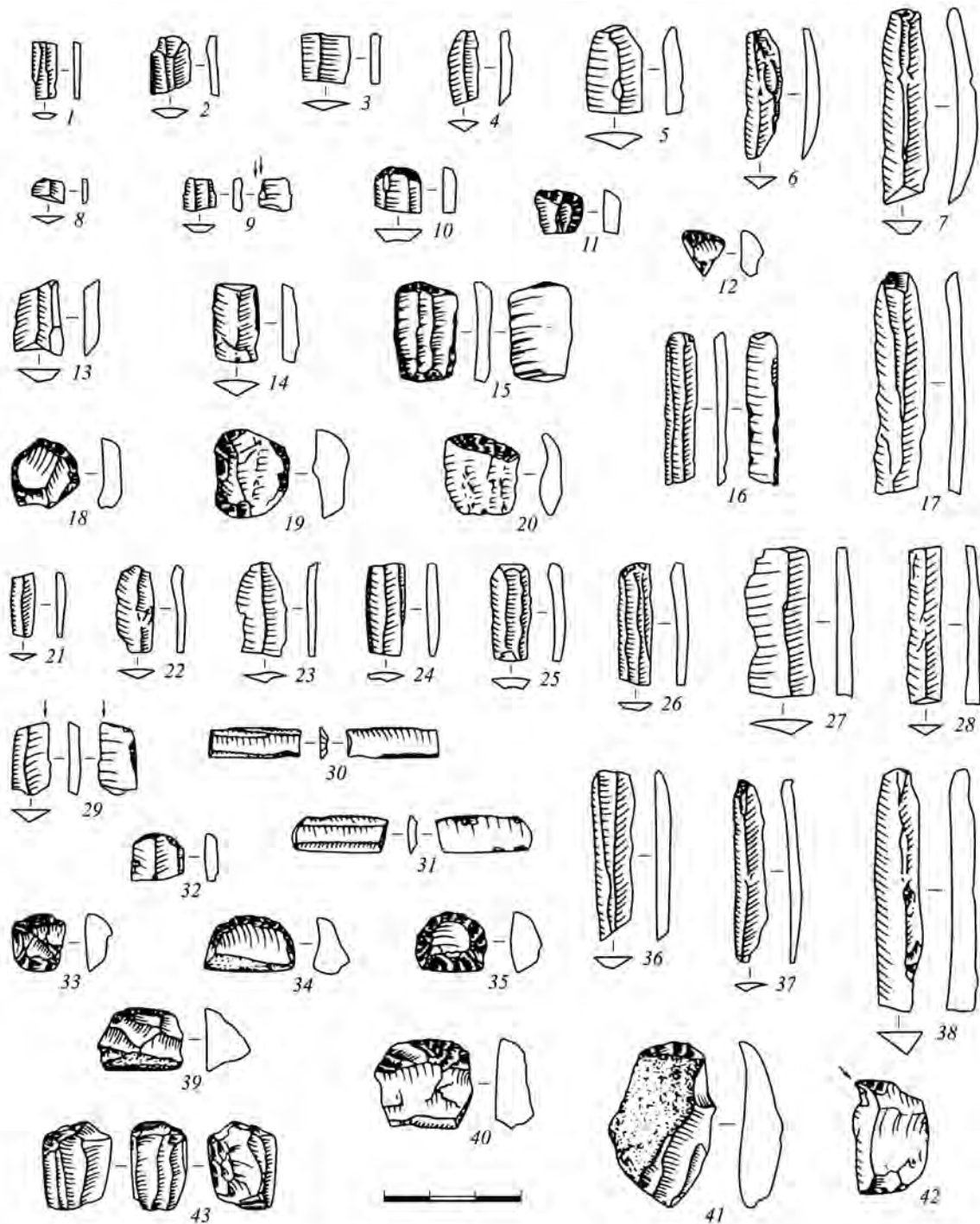

Рис. 84. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Геологическое III.

Каменные изделия из раскопа IV (1-20) и жилища № 4 раскопа III (21-43): 1-7, 17, 21-28, 36, 37 — пластины; 8, 16 — пластины с краевой ретушью; 9, 29 — угловые резцы на пластинах; 10-12, 15, 32 — концевые скребки на пластинах; 13, 14 — скобелы на пластинах; 18-20, 33-35, 39-41 — скребки из отщепов; 30, 31 — пластинки с притупленным торцом; 38 — ребристая пластина; 42 — угловой резец на отщепе; 43 — нуклеус (по: Кокшаров, Погодин, 2000)

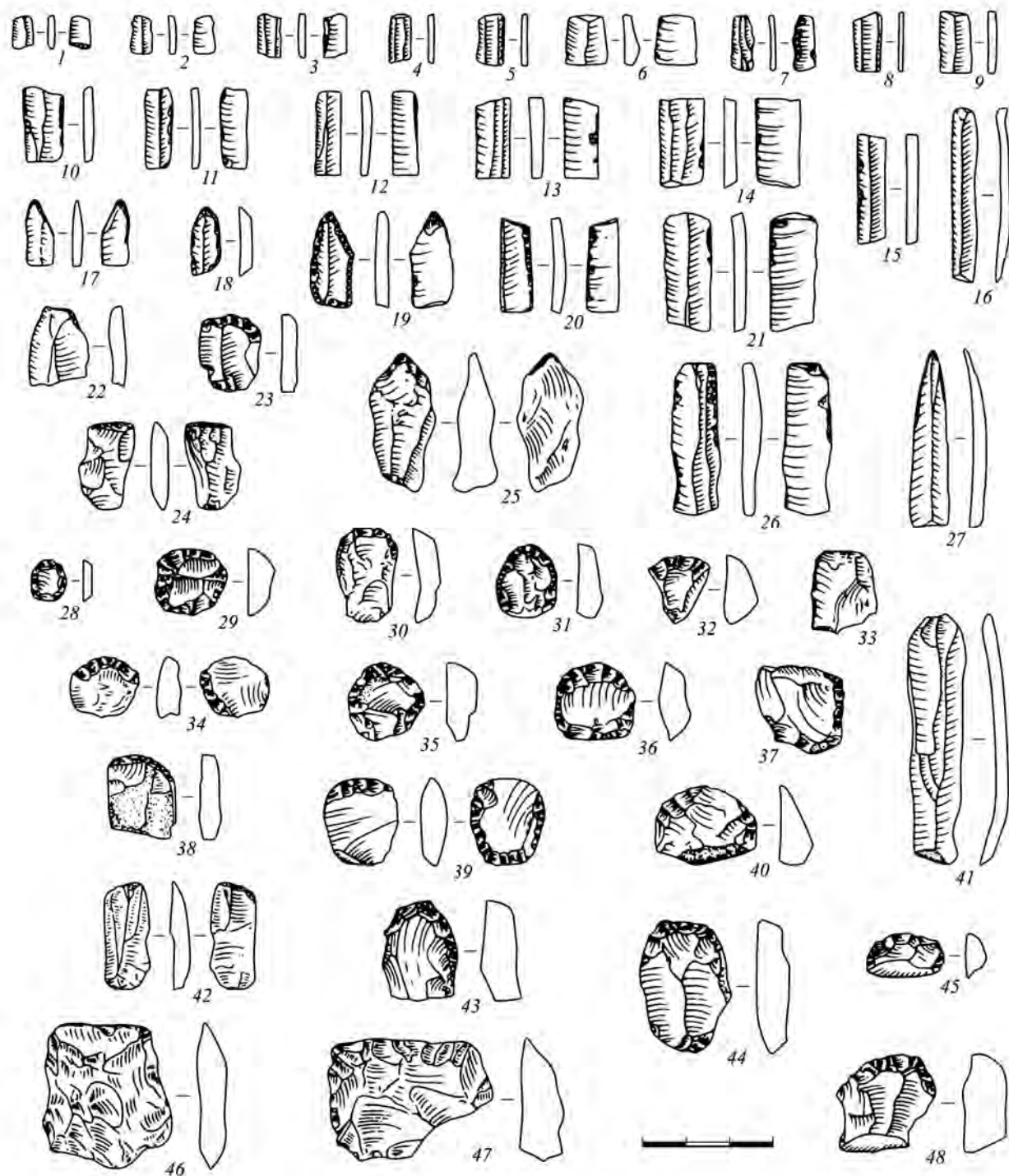

Рис. 85. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Геологическое III.

Каменные изделия из жилища № 5 раскопа III: 1-7, 10-15, 20, 21, 26 — пластинка с краевой ретушью; 8, 9, 16, 41 — пластины без ретуши;

17-19, 27 — острия на пластинах; 22 — резчик на пластине; 23 — концевой скребок на пластине;

24 — pièce esaille; 25 — угловой резец из отщепа; 28-40, 43-45, 48 — скребки из отщепов;

42 — долотовидное изделие на пластине; 46, 47 — долотовидные орудия из отщепов (по: Кокшаров, Погодин, 2000)

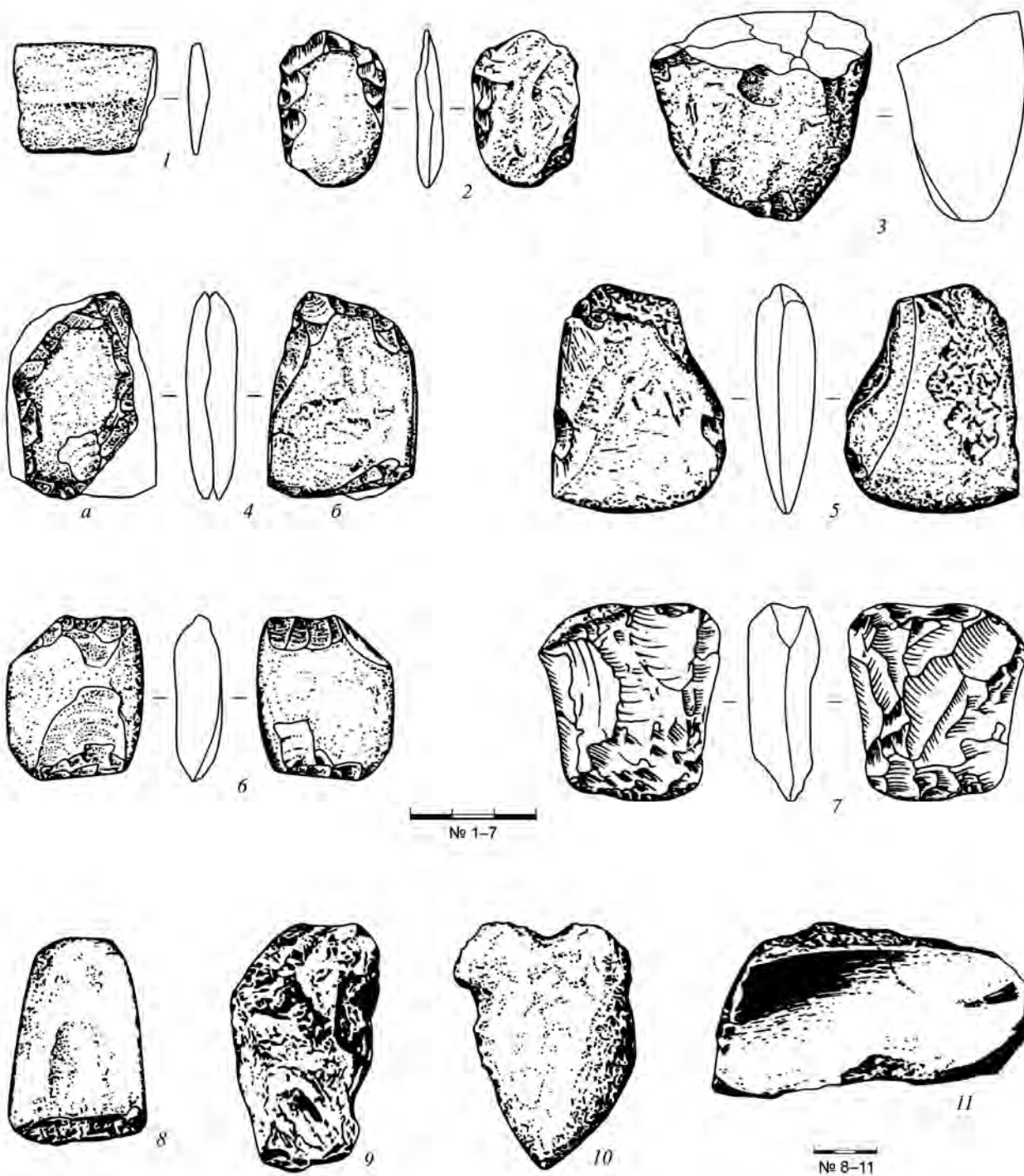

Рис. 86. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Геологическое III.
 Каменные изделия из жилища № 5 раскопа III (1, 5, 8, 9, 11) и жилища № 1 раскопа II и V (2-4, 6, 7, 10): 1 — шлифованный нож;
 2-4б, 6-8 — топоры; 5, 9 — топоры; 4а, 6 — долотовидные орудия из галек; 10 — грузило;
 11 — шлифовальная плита (по: Кокшаров, Погодин, 2000)

Другой распространённый тип орудий на отщепках — долотовидные. Обнаружены единичные резцы, скобели на отщепках с эпизодической ретушью и острия.

Наравне с отщепками использовались гальки. Из них изготовлены долотовидные орудия, абразивы, наковальни, отбойники, рубящие орудия, обломок шлифованного ножа, предметы с двухсторонней краевой оббивкой.

Вторичная обработка как элемент формообразования орудий и «заточки» лезвий применяется в основном к орудиям из отщепов и галек. Ретушь, фиксируемая на изделиях из пластин, есть результат утилизации режущей кромки в процессе работы. Исключения составляют пластинки с притупленным торцом, концевые скребки и два острия. Техника резцового скола представлена незначительно. Абразивная обработка применяется для изготовления рубящих и некоторых долотовидных орудий.

Коллекция поселения Ленино III (Кондинское) включает 8152 каменных предмета (рис. 87–90) и 6 изделий из кости⁸⁰ (рис. 112, 4–5). Ю. Б. Сериков при анализе индустрии на основании идентичности находок объединил комплекс предметов из наземного (?) сооружения и сборов с разрушенной территории памятника, в определённой степени лишив археологический источник надёжности. В коллекции представлены нуклеусы — 31 (12),⁸¹ расколотые нуклеусы — 45 (22), поперечные сколы — 885 (548), ребристые сколы — 40 (22), ребристые пластины — 132 (61), пластины без ретуши — 3211 (1838), пластинки с ретушью — 157 (54), резцы — 120 (53), резцы-резчики — 27 (16), резчики — 87 (37), острия — 19 (8), скребки — 35 (0), отщепы с краевой ретушью — 55 (10), отщепы и чешуйки — 3289 (1648), расколотая галька — 19 (5), изделия из кости — 6 (6). По наблюдениям автора раскопок, на памятнике расщеплялись плитки кремнистого сланца, единично — гальки. В процентном отношении (92,3%) преобладают изделия из разнообразных кремнистых сланцев, немного предметов из сургучной и калканской (4,69%), светло-серой (0,15%) яшмы, а также халцедона (2,47%) и кварца (0,32%).

На пластины расщеплялись торцовые и конические одноплощадочные или призматические одно- и двухплощадочные нуклеусы, высота найденных предметов — 12–38 мм (рис. 87).

Индустрия микропластинчатая, ширина заготовок от 1 до 23 мм. По этому параметру из 3211 пластин без ретуши ширину до 8 мм имеют 89,54% изделий, а ширину до 10 мм — 97,35%. В категории пластин с ретушью (157 ед.) ширину до 10 мм имеют 92,99% изделий, но преобладают пластинки от 4 до 8 мм (78,98%). Ретушь на пластинах крутая, мелкая, краевая, наносилась по одной или двум сторонам, преимущественно со спинки, реже — с брюшка. Среди пластин с ретушью имеются изделия с выемкой и отретушированным прямым, скошенным или вогнутым торцом (рис. 88).

Из категории пластин, по материалам раскопок 1983–1984 гг., типологически выделен геометрический микролит, классифицированный в виде слегка ассиметричной трапеции низкой формы, размерами 10×5 мм.⁸² В коллекции аутентичного изделия не обнаружено, однако по морфологии с ним сопоставима проксимальная часть пластины без ретуши со стороны слома (рис. 88, 1).

⁸⁰ Археологический музей УрФУ. Шифр коллекции 1984 г. — 2852, коллекции 1985 г. — 2947.

⁸¹ В скобках количество предметов в жилище.

⁸² Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде... С. 16; рис. 4–56.

Рис. 87. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Ленино III (Кондинское). Изделия из камня. Нуклеусы. Фонды Археологического музея УрФУ

Рис. 88. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Ленино III (Кондинское).
Изделия из камня: 1–30 — пластины с ретушью; 31, 32 — пластины. Фонды Археологического музея УрФУ

Рис. 89. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Ленино III (Кондинское).
Изделия из камня: 1–17 — резцы; 18–25 — острия. Фонды Археологического музея УрФУ

В категории резцов основным является угловой, единичны боковой (поперечно-ретушный) и срединный типы (рис. 89, 1–16). Имеются комбинированные орудия в сочетании резцы с резчиками. Типичны одинарные резчики, но есть и двойные; рабочая «кромка» орудий прямая, скошенная или клювовидная (рис. 90, 1–14, 17, 20). Острия на пластинах представлены изделиями с плечиками, игловидными и треугольными, с заостренным концом и скошенными (рис. 89, 17–25).

Концевые скребки с обработкой лезвий приостряющей или крутой ретушью сделаны из пластин укороченных пропорций — 7–20×3–13/22 мм. Имеется комбинация концевого и бокового лезвий, а также скребка и острия на одной заготовке. На галечных отщепах и поперечном сколе с нуклеуса изготовлены скребки мелких и средних пропорций — от 13 до 35 мм (рис. 90, 15, 16, 19, 18, 21–25).

На отщепах краевая ретушь мелкая, часто случайная, от их эпизодического использования. Интерпретация мелкого, размером 10×7×1 мм, плоского окатанного гравия как фигурного кремня в виде морды или фигуры животного,⁸³ не бесспорна (рис. 90, 14).

Поселение Большой Салым 4 (60°3' с. ш. и 71°34' в. д.) занимает правобережную гриву одноимённого водотока, с запада граничащую с поймой реки, её руслом и старичными рукавами, а с севера и востока — с верховым болотом. На юго-западной территории поселения, близ зауженного участка гривы, изучены локальные скопления каменных артефактов, приуроченные, преимущественно, к рельефным возвышениям. Раскопками исследованы остатки не менее десяти сооружений прямоугольной формы. Культурный слой песчаный, светлый или тёмный серо-коричневый, мощностью до 0,45–0,5 м, залегал, а местами незначительно прорезал, аллювиальный светло-серый песок с линзами светло-коричневого суглинка.⁸⁴ Эпохой мезолита датированы 22068 каменных изделий.⁸⁵ В публикации дана суммарная характеристика индустрии памятника, статистика по сооружениям или иным производственным объектам отсутствует.

Жителями посёлка использовались более 40 видов галечникового сырья, но чаще предпочтение отдавалось песчанику, сланцу, кремнистому сланцу, халцедону, кремню и яшме (суммарно 87,4%). Целые гальки (1592 экз.) от 4 до 127 мм, с приоритетом в 30 мм, а большего диаметра — не более 3,45%. Расщепление исходных форм было ориентировано на получение пластин с торцовых нуклеусов из галек (36,6%), плиток (5,8%), окатанных кусков (27,2%) и отщепов (3%), остальные формы (27,4%) не определены. Высота нуклеусов от 0,8 до 5,1 см; 89,6% ядрищ по этому параметру до 3 см, а 60,6% — от 1,6 до 2,5 см. Нуклеусы (470 экз.) преимущественно одноплощадочные (85,7%), торцовые, призматические и конические.

Значительно количество отщепов без ретуши (8913 экз.), свыше половины (57,2%) из них являются чешуйками. Мелких отщепов (до 30 мм в условном диаметре) — 40,1%, средних (до 50 мм) — 2,5%, крупных (свыше 50 мм) — 0,2%. Первичная корка имеется на 17,4% сколов.

Пластинки без ретуши (7464 экз.) по ширине варьируются от 2 до 18 мм, из них 91,5% — это изделия до 8 мм, а 98% — до 10 мм. В целом преобладает размерная группа 4–7 мм (72,5%).

⁸³ Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде... С. 20; рис. 4–67.

⁸⁴ Коноваленко М. В., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Большой Салым 4... С. 201–218.

⁸⁵ Сериков Ю. Б., Балуева Ю. В., Коноваленко М. В. Каменный инвентарь... С. 5–19.

Рис. 90. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Ленино III (Кондинское).

Изделия из камня: 1–14, 17, 20 — резчики; 14 — плоский окатанный гравий; 15, 16, 19, 18, 21–25 — скребки. Фонды Археологического музея УрФУ

Пластины с краевой обработкой (205 экз.) представлены изделиями с мелкой краевой ретушью со спинки (98) или брюшка (72), спинки и брюшка (35).

Пластинки с обработанным ретушью концом (57 экз.) длиной до 31 мм, с преобладающей группой изделий до 1,5 см. Их ширина от 4 до 13 мм, из них 60 % — шириной 5–8 мм. Притупленные мелкой ретушью, обычно со спинки, реже — с брюшка, концы прямые, скошенные, выемчатые, закруглённые.

Пластинки с одной-тремя выемками по краю (62 экз.) варьируются по длине от 4 до 41 мм, ширине — от 3 до 15 мм, с приоритетом заготовок 5–8 мм (77,4 %). Большинство выемок (61,3 %) ретушированы с брюшка.

Резцы (100 экз.) из пластин длиной 5–32 мм, шириной — 2–15 мм. Распространённым типом являются угловые одинарные, реже двойные; имеются боковые. Вогнуто-ретушные резцы сделаны из расколотого нуклеуса, кремнистой плитки и пластины из яшмы. На пластинах из яшмы выполнены и поперечно-ретушные резцы. Резчики (102 экз.) одинарные, немного двойных, единичен тройной, выполнены на заготовках длиной 5–41 мм, шириной 4–13 мм. Рабочий край таких инструментов клювовидный, прямой, скошенный. Сочетание режущих кромок этих орудий на одной заготовке создало вариации инструмента: резец-резчик, двойной резец-резчик, двойной резец-двойной резчик, резец-двойной резчик.

Острия (33 экз.) представлены четырьмя категориями: игловидные, с намеченными плечиками, с заострённым концом и скошенные. Эти орудия изготавливались преимущественно из разноцветной яшмы, а также кремнистого сланца, кремня, халцедона, сланца.

Скребок — 178 экз. Имеются четыре орудия на широких (9–13 мм) укороченных пластинах толщиной 4–6 мм, с концевым лезвием и подработкой боковых сторон. Скребки на расколотых гальках (9) диаметром 12–14 мм, с одним лезвием или с обработкой ретушью по периметру. Остальные 165 экз. орудий выполнены на отщепях, из них по параметрам преобладают изделия до 30 мм (84,2 %). Максимальный диаметр — 49 мм — имеют скрёбла из сланца и песчаника. Численно больше однолезвийных скребков, обычно с дугообразным лезвием, реже — с прямым и скошенным, обработанным крутой, иногда перпендикулярной, единично приостряющей ретушью.

Единичны геометрические микролиты, три целых — в виде трапеции, неправильного ромба и прямоугольника, и обломки на сечениях пластин. Авторами исследования выделены изделия специфического вида: кресальный кремь из халцедона, абразив из песчаника, «карандаши» из охры со стёртыми поверхностями, плитки с переливающейся поверхностью, куски песчаника с гравированными линиями и бифас. Галечные изделия являются отбойниками, наковальнями, молотами, тёрочником для растирания охры, подпятником и заготовкой орудия в виде диска. Своеобразие индустрии поселения Большой Салым 4, по мнению исследователей, заключается в находках геометрических микролитов, архаичных вогнуто-ретушных резцов, бифаса и фигурных галек.

Каменная индустрия поселения Балинское 73 отражена в публикациях неполно и противоречиво. Коллекция находок из ранних сооружений, из раскопок 2015 г., насчитывает около 7500 ед., включает исходное сырьё, орудия и отходы их производства. Обозначены три категории орудий: абразивы, шлифовальные камни и шлифованные орудия. К последней категории отнесены тёсла, топоры, долотовидные изделия, струги, скобели, ножи, скрёб-

ла, скребки и в единичных экземплярах — тёрочник, пест-абразив, мотыга, молоток.⁸⁶ По другой публикации ясности по категориям инвентаря не добавляется, из общего количества «каменных орудий, а это 493 экз. или 4,82% от общего количества каменных предметов, 290 артефактов, или 58,82% — это шлифованные вещи (топоры, тёсла, долота, струги, абразивы и т. п.). Остальные 203 изделия — это галечные орудия (преимущественно отбойники), а также изделия (в основном из кварцитов), оформленные вторичной ретушью: скобели, ножи нескольких типов, скребки, скрёбла, острия, долотовидные орудия и некоторые другие».⁸⁷

В процентном отношении в индустрии камня поселения Балинское 73⁸⁸ преобладают кварциты (55,33%), несколько меньше песчаники (32,18%), реже сланцы (7,56%), гранит (3,80%) и другие породы (1%), из которых кремь и сливной кварцитовый песчаник составили не более 0,15%. Авторы исследования полагают, что древний человек раннего голоцена, проникая вглубь территории Среднеобской низменности, столкнулся с трудностями импортирования качественных пород камня и был вынужден перейти на местный низкосортный галечник. И, тем самым, произошёл отказ от призматической техники расщепления. Развитие камнеобработки в этих условиях пошло по двум взаимодополняющим направлениям. Первое направление — расщепление кварцита и изготовление из него большинства основных категорий орудий на отщепах; второе — использование технологии шлифовки и полирования камня.

Индустрии позднего мезолита начала атлантического периода

В 1981–1982 гг. и в 1986 г. на поселении Леуши IX изучено 265,75 кв. м. Коллекция изделий из камня, которая обоснованно по вмещающим слоям связана с котлованами построек и ям на площадке мыса, составляет не менее 8837 предметов (табл. 17). Основные категории находок относятся к продуктам расщепления: гальки и плитки колотые (22,28%), отщепы (15,81%), чешуйки (27,33%), пластины (23,78%). Нуклеусов призматических немного (0,6%); равно как и немногочислен (10,2%) с формально-типологических позиций орудийный комплекс (рис. 91, 39–44).

В набор орудий из пластин входят изделия с краевой ретушью (24,08%), с притупленным концом (11,11%) и выемками (2,66%). Непосредственно из отщепов представлены изделия с краевой ретушью (4,77%). Такие категории инструментов, как острия (7,99%), резцы (5,88%) и резчики (2,00%), выполнены как из пластин (рис. 91, 1–38), так и отщепов (рис. 91, 45–49).

⁸⁶ Пономарева Т. М. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры (по материалам работ 2015 г.)... С. 367.

⁸⁷ Шмидт А. В., Кардаш О. В., Липс С. А. Качество сырья как причина деградации пластинчатой техники расщепления в раннем голоцене (на примере каменной индустрии поселения Балинское-73) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 284–287.

⁸⁸ Планиграфии находок каменного инвентаря поселения Балинское 73 в публикациях отсутствует. Их связь с мезолитическими объектами устанавливается априори. Однако на памятнике также найдена посуда кульгганского типа эпохи средней бронзы, первой половины II тыс. до н. э. В жилищных комплексах этого времени каменные изделия и отходы их производства малочисленны, сделаны в основном из местного сырья невысокого качества: кварцитов, окремнелых пород, сланцев, лимонита. Это отбойники, молотки, наковальни из галек, абразивы, шлифовальники, ножи, скребло, скребки, резец и резчики, сверло, долотовидное орудие, шлифованные топор и тесло (см.: Чемякин Ю. П. О кульгганском типе памятников // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 194–200.).

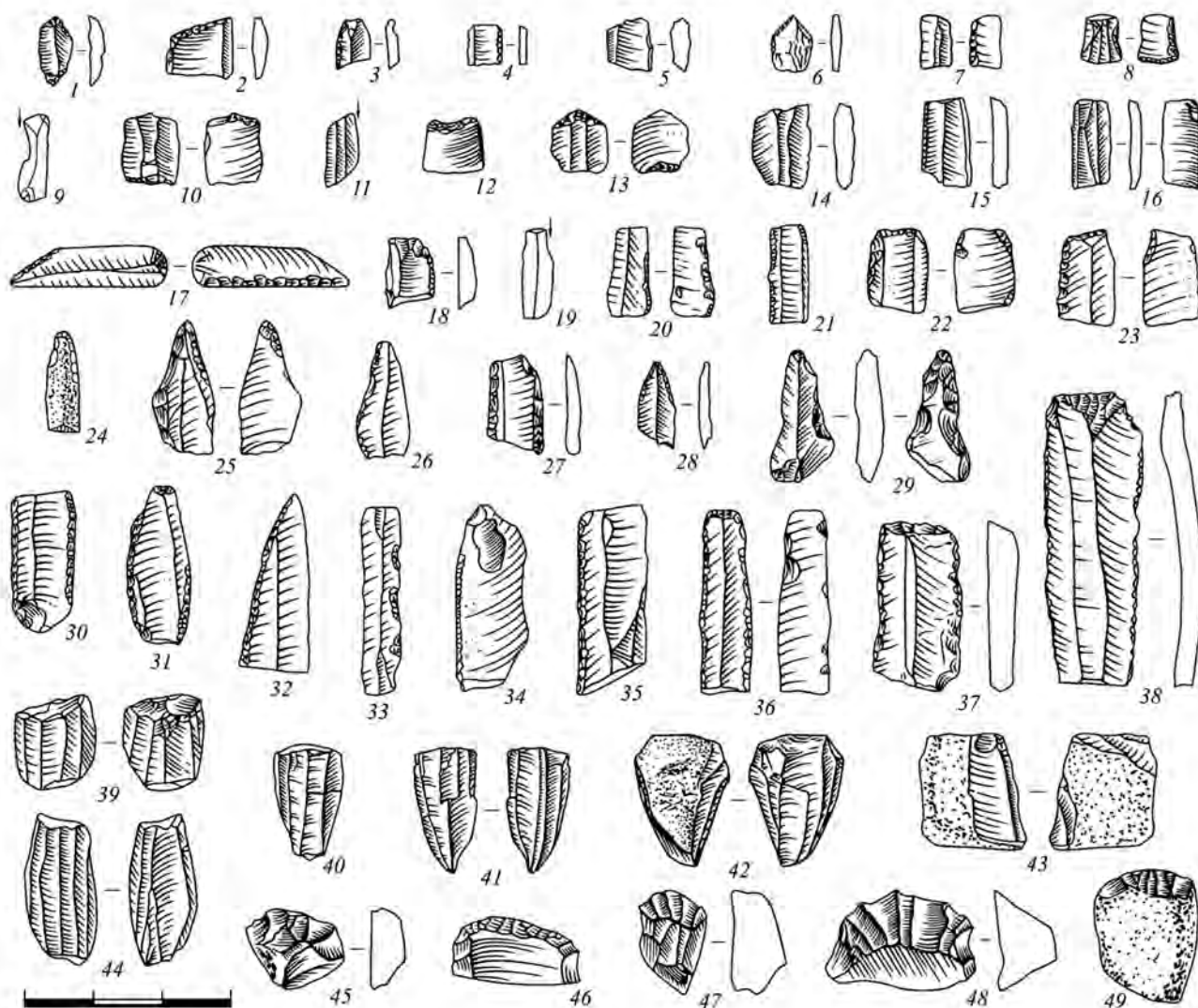

Рис. 91. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши IX.
Изделия из камня: 1–38 — орудия на пластинах; 39–44 — нуклеусы; 45–49 — скребки (по: Беспрозванный, 1997)

Обратим внимание на то, что формально-типологическое выделение на мелких отщепах или микропластинках шириной 4–6 мм угловых или боковых резцов, а также угловых резчиков, сопряжено с появлением несуществующих категорий инструментов. Наличие резцовой грани зачастую случайное, во многом из-за малой толщины заготовок. Так называемые «резцовые сколы» — нередко явление непреднамеренное. На вкладышах из проксимальных или медиальных сегментов пластин псевдорезцовый скол может возникать на метательных орудиях и/или ножах. По устному сообщению Е. Ю. Гири, такой тип фрагментации вкладышей был им зафиксирован в комплексе мезолитической стоянки на о. Жохова.

Инструменты из галек представлены долотовидными орудиями (6,88%), абразивами (2,11%), отбойниками (1,78%), а также представительной серией шлифованных тёсел с продольными желобками и «ушками» (12,65%), целых и в обломках (рис. 92; 51).

Рис. 92. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши IX.
Изделия из камня. Шлифованные тесла. Фонды Археологического музея УрФУ

Таблица 17

Поселение Леуши IX. Категории каменного инвентаря

Категории инвентаря	Постройка 1	Постройка 2	Постройка 3	Постройка 4	Яма 1	Яма 5	Яма 6	Яма 7	Яма 8	Яма 9	Яма 10	Яма 14	Яма 16	Яма 17	Яма 18	Всего	% от инвентаря
Гальки и плитки колотые, осколки	860	85	871	68	4	4	17	2	2	32	3	11	6	4	—	1969	22,28
Пластины	637	32	1340	49	3	2	5	—	—	16	2	5	4	5	1	2101	23,78
Отщепы	697	58	543	55	4	2	9	2	2	8	—	6	5	6	—	1397	15,81
Чешуйки	838	9	1441	73	2	—	3	—	2	30	—	3	5	10	—	2416	27,33
Нуклеусы	18	3	28	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	53	0,6
Орудия	283	26	511	41	2	—	9	—	1	15	1	2	5	4	1	901	10,2
Итого	3333	213	4734	288	16	8	43	4	7	101	6	27	25	29	3	8837	100

В 2014–2016 гг. площадка поселения Убья III изучена максимально полно, раскопами вскрыто 3838,5 кв. м, остальная площадь мыса (не менее 2000 кв. м) выбрана карьером. Эпохой мезолита датированы 4506 предметов (табл. 18): в котловане полуземлянки найдено 497 изделий, остальные 4009 ед. — на территории мыса, в 15 м вокруг постройки до полосы берегового приобья, а также в 50 м к северу, вокруг ямы 1 (рис. 67, А).

Основная категория находок (62,82%) — мелкие и средние отщепы, 10–30 мм в условном диаметре; сколов-«чешуек» до 10 мм — 13,98% (рис. 94, 1–11). Исходное сырьё в целом и колотом формате составляет 7,35%. Нуклеусы призматические ручного отжима и контрударного расщепления немногочисленны — 0,82% от всего инвентаря, обнаружены только на открытой площадке посёлка (рис. 93, 32–33, 35–36; 95, 4). Пластины без ретуши составляют 11,56% изделий (рис. 93, 1–29).

Таблица 18

Поселение Убья 3. Категории каменного инвентаря

Категории инвентаря	Сооружение 1	Площадка поселения (включая яму 1)	Итого	% от инвентаря
Гальки, плитки целые и колотые	18	313	331	7,35
Пластины	56	465	521	11,56
Отщепы	312	2519	2831	62,82
Чешуйки	94	536	630	13,98
Нуклеусы	—	37	37	0,82
Орудия	17	139	156	3,46
Итого	497	4009	4506	100

Орудийный комплекс небольшой — 3,46%, включает изделия из пластин и отщепов, колотых и целых галек (табл. 19). Примечательны две медиальные части пластинок

Рис. 93. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Убья 3.
 Изделия из камня (все, кроме 30 и 31, из сооружения № 1): 1–29 — пластины; 30, 31 —
 геометрические микролиты; 32, 33, 35, 36 — нуклеусы; 34 — галька колотая

с тронкированными на спинку концами (1,28% от всех орудий) — по типологической классификации являются «геометрическими микролитами» (рис. 93, 30, 31). Один из них, размерами 9×5,5×2 мм, служил вкладышем составного орудия (износ по мясу); другой, размером 17×6×1,5 мм, «чистый», очевидно, являлся новым сменным лезвием. Из других инструментов на пластинах выделен резчик (0,64%), острия (3,21%) и сечения с краевой ретушью (14,10%).

Скребки (57,05%) выполнены преимущественно на отщепах, единично — на остаточных нуклеусах, целых и колотых гальках (рис. 94, 12–18). Имеются долотовидные формы на отщепах (1,28%), а также отщепы с краевой ретушью (10,90%).

Из галек выполнены тёсла с продольными желобками на плоскости (1,92%), абразивы (7,69%), отбойники (1,28%) и наковальня (0,64%) (рис. 94, 19, 20; 95).

Таблица 19

Поселение Убья 3. Основные категории орудий

Категории инвентаря	Сооружение 1	Площадка поселения (включая яму 1)	Итого	% от инвентаря
Пластины с краевой ретушью	3	19	22	14,10
Пластинки с притупленным концом	—	2	2	1,28
Резчик на пластине	—	1	1	0,64
Острия на пластинах	—	5	5	3,21
Скребки на отщепах, целых и колотых гальках, нуклеусах	13	76	89	57,05
Отщепы с ретушью	—	17	17	10,90
Долотовидные на отщепах	1	1	2	1,28
Тёсла шлифованные	—	3	3	1,92
Абразивы	—	12	12	7,69
Отбойники	—	2	2	1,28
Наковальня	—	1	1	0,64
Итого	17	139	156	100

Стоянка Леуши XIV расположена на правом берегу безымянной протоки, которая близ Леушинского Тумана соединяется с р. Олупья, правым притоком р. Леушинка. Боровая терраса высотой 5–6 м, с ровной, со слабым уклоном к пойме, площадкой и плавным изгибом береговой линии (рис. 63, Б; 16). На западной территории стоянки в 1983–1984 гг. заложен раскоп общей площадью 144 кв. м. В 2020 г. в 40 м к востоку от раскопа, в культурном слое шурфа мощностью 0,6 м, найдено 45 каменных предметов: гальки целая и колотая, нуклеусы, отщепы и пластины.⁸⁹

Комплекс изученного раскопами мезолитического жилища включает 1576 предметов (табл. 20). Сырьё галечное, небольших размеров. Отдельности овально-уплощённые, округлые, прямоугольные. Значительное количество изделий выполнено из чёрного кремня и кремнистых пород, сургучной и калканской яшмы, халцедона, кварца, кварцита, гнейса,

⁸⁹ Полевые археологические работы (разведки) на правом берегу р. Конда в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В 3-х томах / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Нагоева Н. Р. Екатеринбург, 2022. Т. 1. С. 49–53. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 70293.

Рис. 94. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Убья 3.
 Изделия из камня (сооружение № 1): 1–11 — отщепы; 12–18 — скребки; 19 — тесло; 20 — галька-отбойник

Рис. 95. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Убья 3.
Изделия из камня (яма 1): 1–3 — фрагменты абразива; 4 — нуклеус

лимонита (рис. 96; 97). Исходных форм целых (2,03%), колотых и в осколках (10,47%) немного. Основа комплекса — продукты призматического и контрударного расщепления: пластины (16,44%), отщепы (22,97%) и чешуйки (35,91%). Нуклеусы (2,09%) галечные, высотой 13–25 мм, конечные формы: торцевые, конусовидные, призматические одно- и двухплощадочные.

Таблица 20

**Стоянка Леуши XIV.
Каменный инвентарь из мезолитического сооружения**

Категории инвентаря	Всего	% от инвентаря
Гальки и плитки целые	32	2,03
Гальки и плитки колотые, осколки лимонита	165	10,47
Пластины	259	16,44
Отщепы	362	22,97
Чешуйки	566	35,91
Нуклеусы	33	2,09
Орудия	159	10,09
Итого	1576	100

Рис. 96. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Леуши XIV. Изделия из камня. Пластины

Орудия (10,09%) изготовлены из пластин, отщепов, целых и колотых галек (табл. 21). Индустрия микропластинчатая — 77% пластин шириной до 0,6 м (рис. 96). Вкладышами являлись проксимальные и медиальные сегменты с краевой ретушью, часто нерегулярной, мелкой прерывистой, с различной величиной фасеток, а также пластины с притуплённым концом. Резцы угловые, единичны поперечно-ретушные, срединные и срединно-угловые. Резчики угловые с прямым или клювовидным рабочим краем. Острия представлены проколками с ретушью на рабочем крае. Скребки (35,85%) изготовлены из галек и сколов с них (рис. 97, 3–17). Округлые формы орудий диаметром 10–18 мм получены из отщепов-полусфер. Ретушь нанесена до 2/3 периметра, спинка скола — в галечной корке. Концевые скребки на укороченных и удлинённых сколах с галек, встречаются двойные с противолежащими лезвиями. Острия (8,81%) представлены сверлом и проколками, есть отщепы с краевой ретушью.

Инструменты контрударного расщепления представлены наковальней и отбойниками. Абразивы (6,29%) выполнены из крупных обломков породы и из плиток ожелезненного песчаника. Стамеска из серо-зелёного сланца прямоугольная в плане (обушок сломан) с одной-сторонней заточкой лезвия под 30°. Сечение инструмента прямоугольное, но с плоской стороны рёбра сточены на грани шириной 2 мм.

Таблица 21

Стоянка Леуши XIV. Категории орудийного инвентаря

Категории инвентаря	Сооружение и прилегающая площадка	% от инвентаря
Пластины с краевой ретушью	26	16,35
Пластинки с притупленным концом	23	14,46
Резцы на пластинах	7	4,40
Резчики на пластинах	11	6,92
Острия на пластинах	14	8,81
Отщепы с ретушью	7	4,40
Скребки на отщепах и гальках	57	35,85
Абразивы на плитках	10	6,29
Стамеска шлифованная	1	0,63
Наковальня	1	0,63
Отбойники	2	1,26
Итого	159	100

Жилая площадка стоянки Большая Учинья XXIII располагалась на приустьевом мысу правого берега одноимённой реки. Наземное сооружение было возведено на относительно ровном уступе террасы, на высоте 2,5–3,5 м от подтопляемой поймы. В контурах сооружения и рядом найдены 250 предметов из галечного сырья (табл. 22): серо-зелёный кремён (61,75%), чёрный кремён (20,32%), серый кремён (7,97%), кварцит (2,79%), кварц (2,39%), опока, лимонит, коричнево-красный кремён (по 1,59%).

Таблица 22

Стоянка Большая Учинья XXIII. Каменный инвентарь из сооружения

Категории инвентаря	Всего	% от инвентаря
Гальки и плитки целые	4	1,60
Гальки и плитки колотые, осколки лимонита	11	4,40
Пластины	95	38,00
Отщепы	45	18,00
Чешуйки	48	19,20
Нуклеусы	5	2,00
Орудия	42	16,80
Итого	250	100

Расщепление ручным отжимом производилось с призматических одно- и двухплощадочных нуклеусов с прямыми фасетированными площадками. Высота оставленных форм до 32 мм, часть окончательно утилизирована контрударом. Пластины без ретуши целые (13 экз.) длиной от 9 до 26 мм, две использовались в качестве ножей по мясу. Из медиальных сегментов 11 экз. — вкладыши составных орудий, их длина 7–18 мм, ширина — 4–10 мм.

Таблица 23

Стоянка Большая Учинья XXIII. Категории орудийного инвентаря

Категории инвентаря	Сооружение и прилегающая площадка	% от инвентаря
Пластины с краевой ретушью	29	69,05
Пластинки с притупленным концом	2	4,76
Резцы на пластинах	1	2,38
Скребки на пластинах	4	9,53
Скребки на отщепах	3	7,14
Острия на отщепах	3	7,14
Итого	42	100

В категории пластин с ретушью 27 изделий с утилизацией кромки в процессе работы, ещё на двух — ретушь оформления по обушковой стороне, которой вкладыш вставляли в паз. Вкладышами являлись 13 изделий длиной 8–20 мм, шириной 4–9 мм; единично — (например, вкладыш ножа по шкуре) крупные заготовки 22×11×3 мм. Медиальные части

Рис. 97. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Леуши XIV.
Изделия из камня: 1, 2 — скреблы по дереву; 3–17 — скребки. Фонды Археологического музея УрФУ

с притупленным концом слома со спинки, шириной 5–6 мм, в работе не использовались. Резец на проксимальной части углового типа, но изделие использовалось как разделочный нож, а резцовая кромка на обушке вкладыша образовалась случайно. Скребки на медиальных сегментах концевые (4), на отщепах — концевые (2) и округлый с высокой спинкой. Острия на отщепах (3): двумя работали по мягкому камню, одно выполняло роль проколки (табл. 23).

Инвентарь из наземного сооружения стоянки Сатыга XVIa⁹⁰ представлен 699 каменными изделиями, ещё 63 предмета найдены на площадке памятника (табл. 24). Сырьевой приоритет имел местный галечник хорошего качества: 34,5% изделий из чёрного кремня, 29,7% — из калканской яшмы, 18% — из серого кремня, 15% — из калкано-сургучной яшмы, менее 3% — из опок и кварца (рис. 98; 99). Заготовки и продукты расщепления составляют более 82%, причём чешуйки и мелкие (до 15 мм) отщепы получены при подработке нуклеусов.

Таблица 24

Стоянка Сатыга XVIa. Категории каменного инвентаря

Категории инвентаря	Наземное сооружение	Площадка стоянки	Итого	% от инвентаря
Гальки, плитки целые	7	7	14	1,79
Гальки, плитки и колотые	5	14	19	2,43
Пластины	290	3	293	37,47
Отщепы	87	15	102	13,04
Чешуйки	257	3	260	33,25
Нуклеусы	15	3	18	2,30
Орудия	58	18	76	9,72
Итого	719	63	782	100

Призматическое расщепление объёмных форм нуклеусов ориентировано на получение микропластинок-вкладышей. Имеются нуклеусы начальной стадии с одним или двумя негативами снятия с площадок, подработанных сколами или фасетками, а также призматические и конусовидные. Последние высотой от 13 до 24 мм, с круговым фронтом скалывания.

Пластины и изделия — 46,05% от всего комплекса (табл. 25), проксимальные и медиальные сегменты с прямым профилем, шириной до 8 мм (90%), причём 35,6% из них шириной до 5 мм. Длина 56,2% пластин — 6–13 мм. Целых заготовок всего 12 экз. Сколы первого снятия отсутствуют, но на одной из латералей 23 пластин отмечены остатки галечной корки.

Вкладышами составных орудий являются не менее 35 пластинок, из них 24 с краевой ретушью утилизации по одной или двум сторонам, чаще по спинке, и 11 экз. с обработкой притупляющей ретушью одного конца со слома сегмента. На двух крупных пластинах шириной более 12 мм, длиной 37 и 39 мм, ретушь эпизодическая на одной стороне. Третье изделие из проксимальной части обработано крутой ретушью со спинки по двум сторонам. Резцы угловые (3) на медиальных сегментах, косоретушные (2) — на проксимальных

⁹⁰ Статистические данные комплекса мезолитической стоянки приводятся по: Беспрозваный Е. М., Погодин А. А. Мезолитические стоянки в нижнем течении... С. 8 (итоговые данные по таблице уточнены).

со слома. На пластинах с продольной «подтёской» (2 экз.) формирование ретуши, по-видимому, связано с метательным износом. Остриё-проколка выделена по заполировке на дистальном окончании. На отщепах выполнены концевые скребки и остриё, ещё на пяти сколах — краевая нерегулярная ретушь. Один концевой скребок сделан из целой гальки. Отбойником служила небольшая овальная галька. Под абразивные инструменты использованы ожелезненные песчаниковые конкреции. Слабо сцементированные зёрна материала быстро выкрашивались при работе, и на одном из изделий на обеих плоскостях износ яркий в виде продольных углублений шириной до 8 мм и глубиной до 4 мм; профиль углублений полукруглый. Рабочие плоскости двух других шлифовальников кюветообразные (рис. 99, 24–25).

Таблица 25

Стоянка Сатыга XVIa. Категории орудийного инвентаря

Категории инвентаря	Наземное сооружение	Площадка стоянки	Итого	% от инвентаря
Пластины с краевой ретушью	28	7	35	46,05
Пластинки с притупленным концом	14	—	14	18,42
Пластины с продольной подтеской	2	—	2	2,63
Резцы на пластинах	4	—	4	5,26
Острия на пластинах	1	—	1	1,32
Отщепы с ретушью	3	2	5	11,91
Остриё на отщепе	—	1	1	1,32 %
Скребки на отщепах и гальках	3	7	10	13,16
Абразивы на плитках	3	—	3	3,95
Отбойник на гальке	—	1	1	1,32
Итого	58	18	76	100

В позднем мезолите на поселении Большая Умытья 74, очевидно, из-за удачной топографии (высокая терраса, впадение малого водотока, широкая пойма) группы таёжных охотников обосновывали стоянки преимущественно в тёплое время года, возводили лёгкие наземные постройки, осуществляли производственную деятельность на открытых площадках.

Комплекс наземного сооружения № 2a небольшой, всего 87 предметов из галек кремнистых пород, кварца и кварцита: колотая галька, нуклеусы (4), пластины (25), отщепы (34), чешуйки (20), скребки (2) и отбойник (рис. 100). Призматические нуклеусы одноплощадочные, высотой до 16 мм. Контрударный нуклеус торцевой, двухплощадочный, высотой 45 мм, из плоской кварцитовый гальки (рис. 100, 26).

Пластины ручного отжима целые и в сегментах, шириной от 3 до 6 мм — 23 экз., одна проксимальная часть — 10 мм. Пластинчатый односторонне-ребристый скол размером 33×16×11 мм получен контрударом. Скребки концевой и с округлым лезвием на кварцитовых отщепах условно среднего диаметра (от 15 до 25 мм). Отбойник с двумя рабочими торцами выполнен на уплощенной, некрупной, размерами 42×32×18 мм, кварцевой гальке миндалевидной формы.

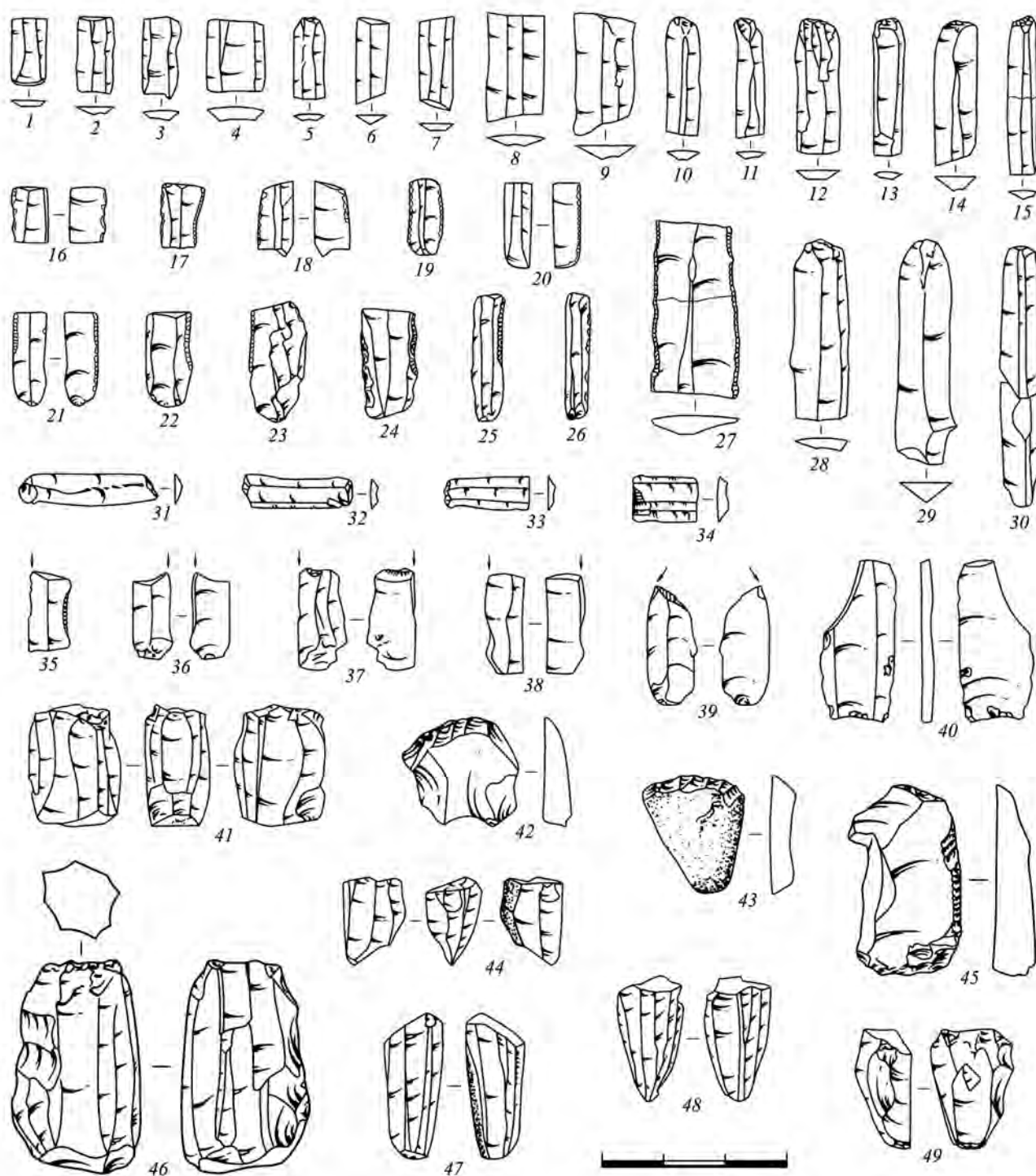

Рис. 98. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Сатыга XVIa.
 Каменный инвентарь из наземной постройки: 1-15, 28-30 — пластины и их сечения; 16-27 — пластины с краевой ретушью;
 31-33 — пластинки с обработанным концом; 34, 40 — пластинки с подтёской спинки и брюшка со сломом;
 35-39 — резцы; 41, 44, 46-49 — нуклеусы; 42, 43, 45 — скребки (по: Беспрозванный, Погодин, 1998)

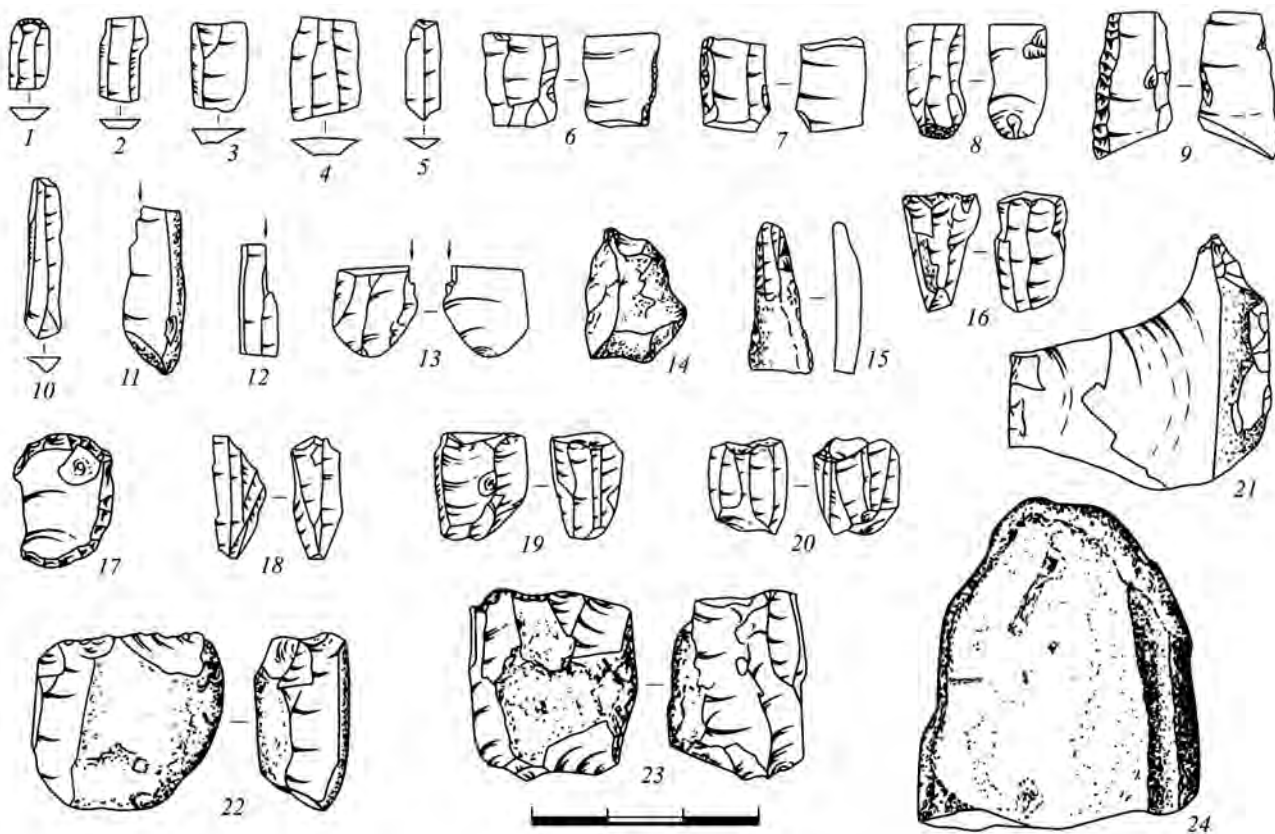

Рис. 99. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Стоянка Сатыга XVIa.

Каменный инвентарь с площадки: 1–5, 10 — сечения пластин; 6–9 — пластины с краевой ретушью; 11–13 — резцы; 14, 21 — острия на отщепе; 15 — острие на пластине; 16, 18–23 — нуклеусы; 24, 25 — абразивы (по: Беспрозванный, Погодин, 1998)

В котловане наземного сооружения № 26 найден 31 предмет из местного галечного сырья низкого качества: кварца (17), кварцита (2), кремня (5) и гнейса (2); целые (6 экз.) и колотая галька, нуклеус, отщепы (20) и пластины (2), а также фрагмент наковальни (рис. 101, 3, 4, 7–15, 18). С периодом строительства сооружения № 26 связана группа мелких кварцевых отщепов-чешуек из скопления 5 (рис. 101, 1–2). Целые гальки являются потенциальными заготовками под контрударное расщепление: кварцевые, по форме овальные или прямоугольные, размерами 45×46×3 мм, 50×40×36 мм и 50×32×20 мм; кремнистые, преимущественно овальные, меньших размеров — 25×17×12 мм, 25×20×14 мм и 17×11×10 мм. Колотая галька размерами 13×12×7 мм — это полуовальная часть кварцевого голыша, усечённого контрударом с плоскости.

Нуклеус контрударного расщепления размером 17×23×9 мм, из чёрной кремнистой породы, с фронтальным скалыванием с нитевидной площадкой. Одна пластина первичная контрударного снятия размером 20×6×3 мм, вторая — медиальный сегмент треугольного сечения размером 11×7×3 мм. Отщепы в основном очень мелкие (чешуйки), являются отходами контрударного расщепления. Под наковальню выбрана уплощённая, по форме близкая прямоугольнику галька кварцита размером 87×62×31 мм, использовались обе плоскости. В какой-то момент её попытались расщепить контрударом по торцевой плоскости и, что также вероятно, использовать как отбойник (рис. 101, 18).

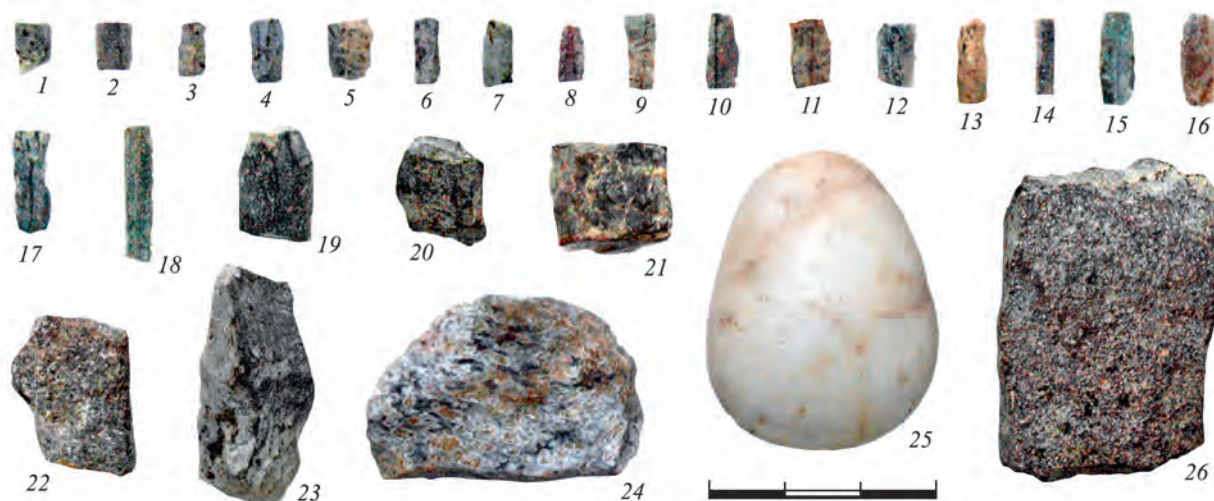

Рис. 100. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74. Каменный инвентарь из сооружения № 2а: 1–19 — пластины; 20–22, 26 — нуклеусы; 23 — ребристый скол; 24 — скребок; 25 — отбойник

Наземная постройка (скопление 6). Производство заготовок и изделий осуществлялось из галек: кварц (295 экз.), кремнистые породы (95), кварцит (82), сланец, гнейс и брекчии (8). В комплексе целые (4 экз.) и колотые гальки, нуклеусы (7), отщепы (464), пластины (2), скребок, скол шлифованного орудия и наковальня (рис. 102). Целые окатыши не крупные, в диапазоне 10×13×5–28×17×15 мм: три кремнистые и кварцевый. Колотая кварцитовая галька является обломком размером 32×70×11 мм. Не исключено, что присутствующие в коллекции кварцитовые отщепы получены при её расщеплении.

Нуклеусы: четыре кварцевых, два кремнистых и один из брекчии. Небольшие ядрища, размерами 20×14×4–26×34×17 мм, расщеплялись контрударом без подготовки места приложения силового импульса (рис. 102, 16–18). С трёх ядрищ заготовки снимались с фронтальных плоскостей, с одного — с торца. На крупных контрударных нуклеусах оформлялось ребро и краевыми сколами оформлялась площадка. Пластинок всего две: одна кварцевая размером 16×4×2 мм и проксимальная часть размером 12×5×2 мм из кремня (рис. 102, 1–2).

Скребок полукруглый на кремнистом отщепе размером 15×13×4 мм, с крутой ретушью со спинки (рис. 102, 3). Наковальня на кварцевой гальке размером 99×84×53 мм, с воронкообразными рабочими выбоинами на противоположных поверхностях (рис. 102, 18). Скол шлифованного орудия — 25×36×4 мм. Сырьём для инструмента являлся зелёный сланец.

В четвёртой наземной постройке (скопление 7) найдено 255 предметов из окатышей, валунов, остроугольных форм кварца (180 экз.), кремнистых пород (67), кварцита (3), гнейсов (3). В коллекции целые (6 экз.) и колотые (2) гальки, нуклеусы (5), отщепы (235), пластины (5), пластина с ретушью и скребок (рис. 103).

Крупные гальки — кварцевая, размером 60×42×50 мм, и кварцитовая, размером 70×52×24 мм. Кремнистые окатыши небольших размеров — 18×12×8–22×14×6 мм. Колотая галька кварцевая, 42×30×30 мм, с негативом ударного снятия. Кремнистая колотая галька небольшого размера — 21×14×9 мм.

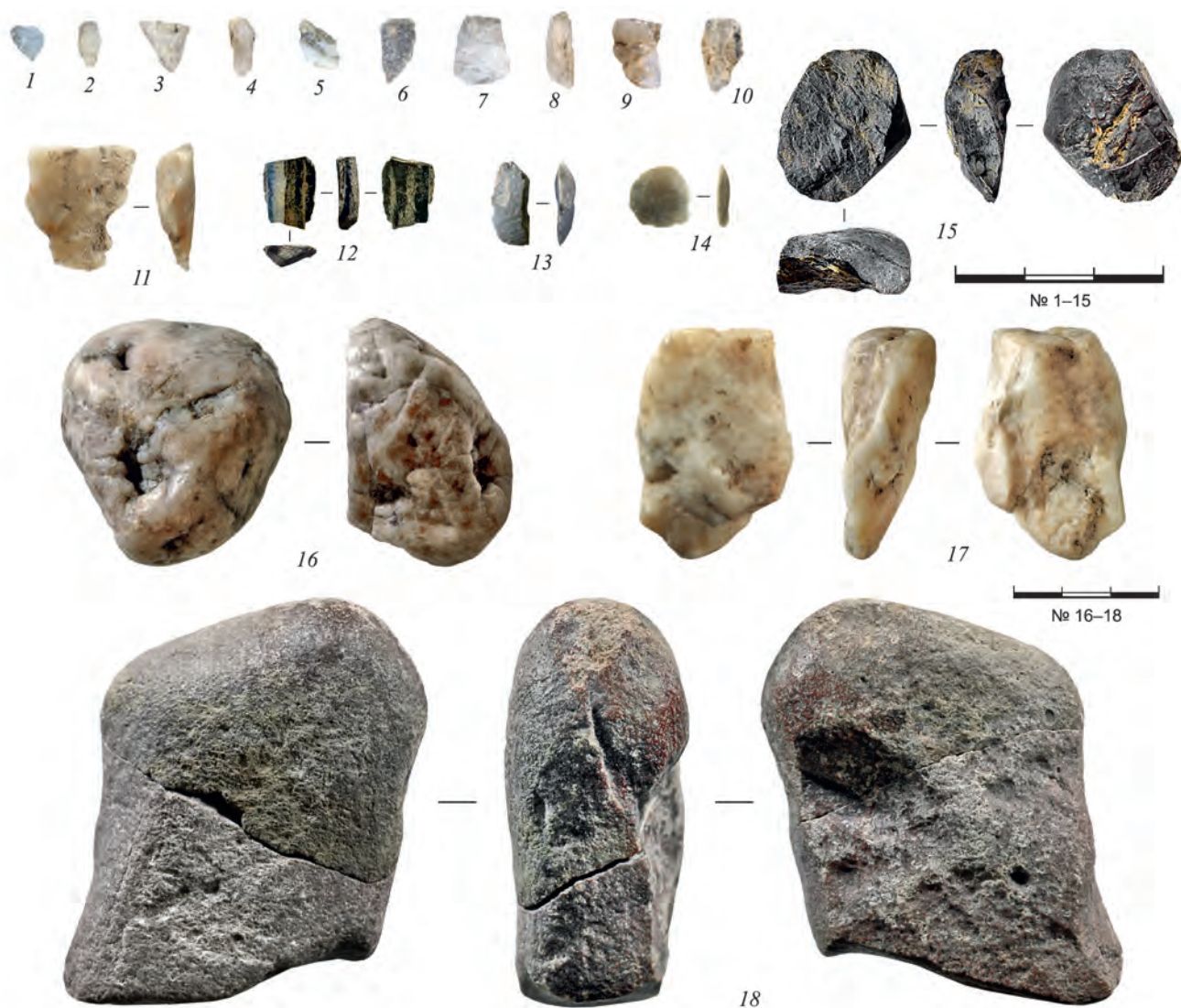

Рис. 101. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытья 74.
Каменный инвентарь из сооружения № 26 (3-4, 7-15), скопления 5 (1-2), сооружения № 26 и скопления 6
(18): 1-11, 14 — отщепы; 12-13 — пластины; 15 — нуклеус; 16-17 — гальки; 18 — наковальня

Нуклеусы: четыре кварцевых, один из кремня. Мелкие формы высотой 16–25 мм, фронтального или фронтально-торцевого контрударного расщепления без подготовки ударных площадок. Крупные кварцевые контрударные ядрища, 50×36×20 мм и 50×36×25 мм, торцевые, с прямыми площадками с подработкой краевыми сколами. Кварцевая пластина 14×8×3 мм, контрударная, полупервичная. Пластины из кремня получены отжимом, это медиальные сегменты, шириной 3–5 мм. Вкладышем, размером 19×4×1 мм, составного орудия является пластина с мелкой краевой ретушью с брюшка скола. Скребок из кварцевого отщепа концевой, размером 14×4×8 мм, с отвесной ретушью со спинки.

Площадки открытого типа выделяются по четырём скоплениям, которые обнаружены на высокой площадке северной оконечности мыса.

Рис. 102. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74.
Каменный инвентарь из скопления б: 1–2 — пластины; 3 — скребок; 4–15 — отщепы; 16–17 — нуклеусы; 18 — наковальня

Скопление 1 включает 42 предмета: нуклеус, пластинки (3) и тесло, а также мелкие отщепы (28) и чешуйки (9). Нуклеус конусовидный, размером 24×11×7 мм, со скошенной к контрфронту площадкой. Целая пластинка и две проксимальных части шириной от 4 до 6 мм. Тесло из кварцевой гальки, подпрямоугольное, размером 75×51×32 мм, лезвие выпуклое, обушок прямой, покрыт коркой, боковые края у обушка подработаны пикетажем (рис. 104).

В скоплении 2 найдено 158 предметов: нуклеусы (3), пластины (31), скребки (2), отбойники (4), абразив, колотая галька, изделия из камня (2), отщепы (63) и чешуйки (46 экз.) (рис. 105).

Конусовидный нуклеус высотой 18 мм кругового расщепления с горизонтальной фасетированной площадкой. Контрударный нуклеус галечный, размером 62×56×42 мм, с подработанной

Рис. 103. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74.
Каменный инвентарь из скопления 7: 1-3 — пластины; 4 — пластина с ретушью; 5, 20 — нуклеусы; 6-16, 18-19 — отщепы; 17 — галька

Рис. 104. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74.
Каменный инвентарь из скопления 1: 1-3 — пластины; 4 — нуклеус; 5-8 — отщепы

сколами площадкой. Пластины целые (5) и их проксимальные (13), медиальные (13) и дистальные (2) части, шириной от 3 до 8 мм, с преобладанием заготовок 4-7 мм. Скребки из отщепов, концевой и округлый, с крутой ретушью со спинки по лезвию. Абразивным «камнем» служила плитка ожелезненного песчаника с одной широкой рабочей плоскостью. Отбойниками являлись гальки преимущественно удлинённой формы — 65×48×35 мм, 85×48×37 мм, 95×47×33 мм и 112×90×57 мм.

Изделия из камня представлены предметами с краевой оббивкой продольного края.

Скопление 3 включало 10 предметов, их залегание компактно, на площади 0,9 кв. м и на глубину до 0,15 м. Идентифицированы отщепы (5), нуклеус, скребки (3) и скол шлифованного изделия. Три предмета, возможно, изготовлены из одного куска зелёной кремнистой

Рис. 105. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74.
Каменный инвентарь из скопления 2: 1-6, 10-12 — пластины; 7-8 — скребки; 9, 14 — нуклеусы; 13 — абразив

Рис. 106. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74.
Каменный инвентарь из скопления 3: 1-2, 4-5, 7 — отщепы; 3, 8, 10 — скребки; 6 — нуклеус; 9 — скол шлифованного орудия

породы: два скребка (из них один — на сколе со шлифованной спинкой) и скол шлифованного орудия (рис. 106).

Нуклеус из сургучной яшмы остаточный, 19×9×6 мм, призматический, утилизирован контрударом. С этого нуклеуса получены два мелких отщепа, входящих в состав скопления. Три других мелких отщепа — из кремня чёрного и коричневого цветов, из халцедона. Скол шлифованного орудия является отщепом размером 28×30×5 мм. Скребки на отщепах концевые с отвесной ретушью со спинки: из серого кремня размером 16×14×5 мм, из зелёной кремнистой породы размером 23×26×6 мм. Скребок полукруглый боковой с крутой ретушью, размером 27×28×10 мм, на отщепе зелёной кремнистой породы.

В скоплении 11 обнаружено 42 предмета: нуклеусы (3), отбойник, целые (7) и колотые (2) гальки, отщепы (14), пластины (12) и пластина с ретушью. Сырьё галечное, преимущественно, кремнистое (59,52%), немного кварцита (26,19%), кварца (9,53%) и филлита (4,76%) (рис. 107).

Нуклеус размером 59×28×25 мм, на гальке чёрного кремня, с подработанными сколами горизонтальной площадки проведено снятие, завершившееся заломом.

Нуклеус-преформа размером 112×48×34 мм, на кварцитовый гальке. Поперечными сколами с покрытого галечной коркой контрфронта на боковые стороны выправлены направляющие рёбра, ещё одно ребро оформлено с боковой стороны на фронт скалывания, что при-

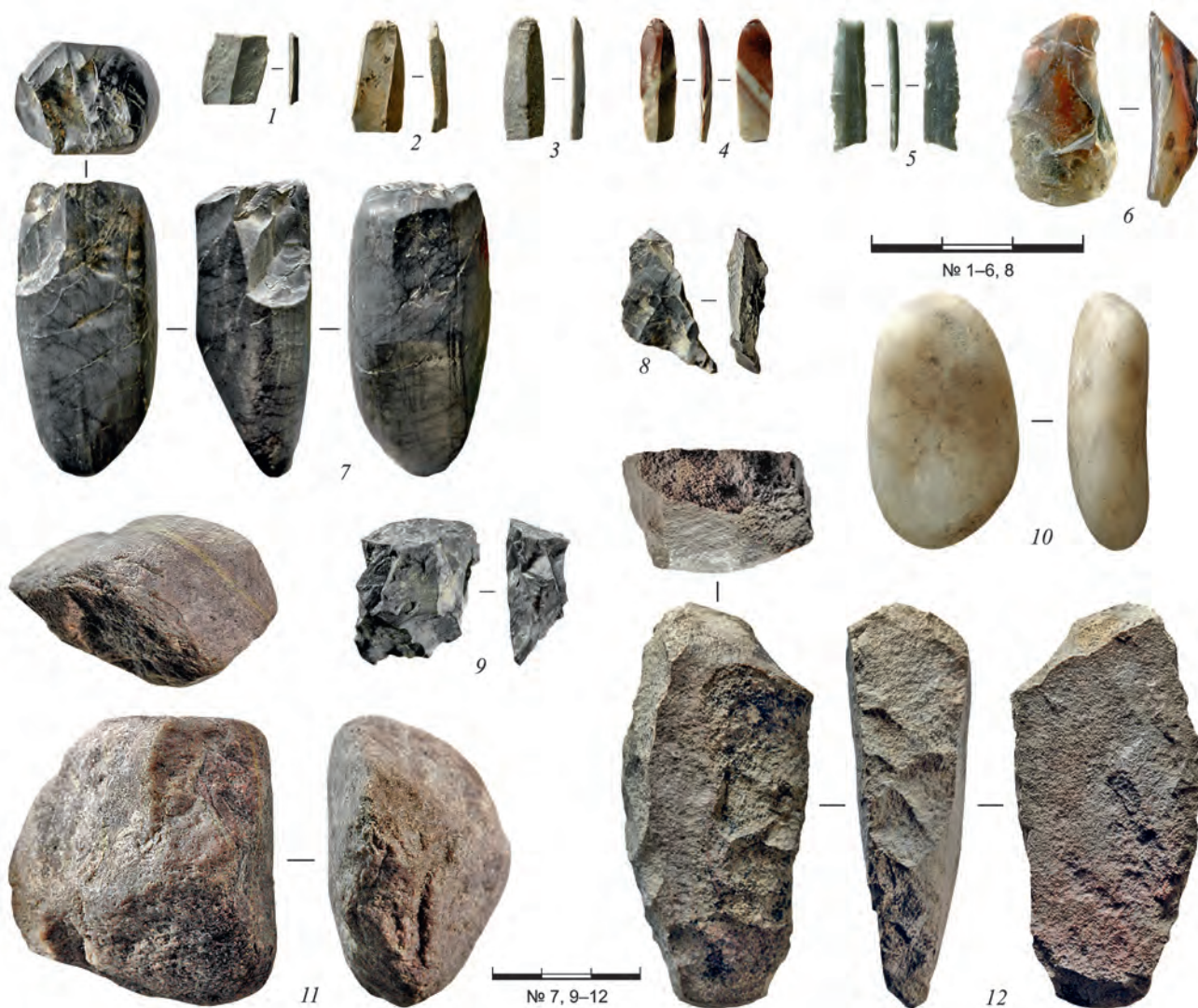

Рис. 107. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытья 74.
Каменный инвентарь из скопления 11: 1-4, 8 — пластины; 5 — пластина с ретушью; 6 — отщеп;
7, 12 — нуклеусы; 9 — галька колотая; 10 — галька; 11 — отбойник

вело к небольшому поднятию его рельефа. Площадка незакончена: нанесён скол с боковой плоскости, с последующим поперечным снятием, использовали негатив предшествующего скола как ударную площадку. Нуклеус-преформа размером $84 \times 39 \times 31$ мм, на кварцевой гальке. Фронт скалывания и контрфронт ядрища обработаны поперечными снятиями, одновременно сформированы направляющие рёбра. Боковые стороны изделия покрыты галечной коркой. Площадка скошена сколами к контрфронту под углом 80° .

Целые пластины (2) размерами $20 \times 4 \times 3$ мм и $13 \times 2 \times 1$ мм из серого кремня. Размеры проксимальных (4), медиальных (5) и дистального сегмента от $3 \times 2 \times 1$ мм до $18 \times 5 \times 2$ мм. Пластина с мелкой разнофасеточной ретушью с бруска на медиальном сегменте размером $9 \times 5 \times 1$ мм. Отбойник из кварцевой гальки размер $58 \times 57 \times 45$ мм. Среди предметов скопления есть

Рис. 108. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытъя 74. Каменный инвентарь из скопления 4. Нуклеусы

Рис. 109. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Большая Умытья 74. Каменный инвентарь из скопления 9:
1-2 — пластины; 3-4, 6-7, 11 — отщепы; 5, 9 — нуклеусы; 10 — отбойник

два изделия в виде плиток с краевой сработанностью ударного типа. Одно из них, размером 224×94×44 мм, овальное с короткой рукоятью; второе, размером 213×87×35 мм, подромбическое трапецевидное. Предполагается, что изделия использовались как пешни.

Материалы памятника Большая Умытья 74 разнообразят артефакты двух скоплений, которые следует рассматривать как производственные площадки по первичному расщеплению исходного сырья.

Скопление 4 распространялось в плане в виде прямоугольника, ориентированного по сторонам ЮЗ–СВ, площадью не менее 6,0×4,2 м, локализовалось в толще (0,35 м) почвенных песков.

К скоплению отнесены 92 предмета: нуклеусы (12), галька колотая и отщепы (79) (рис. 108). Из местного сырья более 95 % предметов выполнено из кремнистых галек, остальные (всего! 4 отщепа) — из кварца. Использовался чёрный, серо-зелёный и жёлто-коричневый кремнь, полупрозрачная кремнистая мелкозернистая голубовато-серая порода и кварц.

Нуклеусы галечные, контрударного расщепления, размеры остаточных форм в диапазоне 24×14×9–53×56×26 мм. Ударные площадки зачастую не оформлены, единично образованы сколом/ами с фронта скалывания. Колотая галька с плоскостным снятием по торцу, очевидно, на стадии пренуклеуса. Отщепы размерами от 2×2×1 мм до 50×47×19 мм, мелкие, угловатые, геометрически неправильные.

Комплекс скопления 9 включает 244 артефакта: колотые гальки (6) и плитку, ядрища (4), отщепы (230), пластины (2) и отбойник. Более половины — это изделия из кварцита (58,02 %). Также много из фтанита (23,05 %) и кварца (14,82 %), а из кремня (2,47 %), брекчии, гнейса, пироксенита (1,64 %) — мало (рис. 109).

Колотые гальки (6 экз.) и плитка являются, видимо, случайными отдельностями пробы качеств сырья. Лишь на двух предметах имеются по одному короткому негативу снятия с заломом, а на одном, крупнозернистом, — сколы боковые, уплощающие. Размеры предметов варьируют от 41×26×20 мм до 85×64×51 мм.

Кварцитовые контрударные ядрища: конусовидное, размером 42×30×25 мм, с прямой площадкой со сколами, и два галечных, размерами 30×25×23 мм и 71×50×44 мм, с расщеплением по естественному ребру без подготовки площадки. Нуклеус торцевой, призматического расщепления, размером 22×16×9 мм, из гальки чёрного кремня, площадка по краю подработана сколами.

Большее количество отщепов (214) являются сколами мелких и средних пропорций, в интервале 4×9×1–29×22×5 мм; крупные отщепы (16) по размерам от 30×25×4 мм до 60×62×17 мм.

Проксимальная часть пластины, размером 12×6×1 мм, и дистальная, размером 17×8×2 мм.

Крупный тяжёлый отбойник на кварцевой гальке овально-уплощённой формы, с размерами 101×82×65 мм. Интенсивная сработанность на торцах и незначительная на боковой стороне. Износ инструмента сильный, имеются негативы сколов на плоскость на половину длины гальки.

Глава 4

Обработка камня и кости в эпоху мезолита

Индустрия камня западной области Югры (Конда, Северная Сосьва) на раннем и позднем этапах мезолита имела традиционно микролитовидный облик. Сложение и развитие этой индустрии явилось закономерным адаптационным вариантом завершения эпохи уральской палеолитической культуры в раннем голоцене. Вместе с тем уже с ранней поры мезолита происходит сложение, а в конце раннего периода эпохи практически становление контрударной индустрии, расцвет которой происходит в неолитическое время.

Во второй половине позднего валдая, в позднеледниковье и в раннем голоцене (19–9,5 тыс. л. н.) на территориях вдоль всего Урала, от Южного до Полярного, складывается уральская позднепалеолитическая культура.⁹¹ На среднем (16–15–12,5 тыс. л. н.) и позднем (12,5–9,5 тыс. л. н.) этапах развития культуры её ареал и количество памятников увеличиваются, что, очевидно, отражает возрастающую плотность постоянно проживающего населения. Стоянки уральской культуры представлены различными типами памятников: охотничьими лагерями, пещерными святилищами (Капова и Игнatieвская пещеры) и стоянками на природных кладбищах мамонтов. Пещерные памятники с настенными изображениями «являлись “региональными святилищами” — центрами регулярного места сбора родственных коллективов для решения социально-хозяйственных вопросов и поддержания культурно-родственных связей».⁹²

На всех этапах уральской культуры сохраняются базисные технико-типологические черты каменной индустрии. Первичная обработка основана на применении параллельных способов расщепления — объёмного и плоскостного; нуклеусы призматические, плоские, каре-ноидные, конические и торцовые. Ведущим типом скола являются пластины с неправильной огранкой, отчасти крупные пластины и микропластинки. Приблизительно в равном соотношении в качестве заготовок использовались отщепы и пластины. Орудийный набор включает небольшие округлые скребки на отщепах и концевые скребки на удлинённых отщепах и фрагментах пластин, в том числе и высокой формы; боковые, поперечные и угловые резцы, преимущественно на отщепах; долотовидные орудия; усечённые пластины, пластины с выемками и пластины с притупленной спинкой; шиповидные и зубчатые фор-

⁹¹ Павлов П. Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1(18). С. 6–23.

⁹² Житенев В. С. Капова пещера — верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2017. 66 с.

мы; проколки с плечиками. Обязательно присутствуют пластинки и микропластинки с ретушью (вкладыши) и группа галечных орудий, характерны унифасы и скрёбла с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием. Яркой специфической чертой является присутствие в комплексах двусторонних вкладышевых орудий. На территории северных районов Западной Сибири черты сходства с памятниками уральской позднепалеолитической культуры имеют материалы местонахождения Луговское.⁹³

Количество артефактов на мезолитических памятниках северных районов Западной Сибири варьируется от десятков единиц до нескольких тысяч. Однако важно не количество находок, на численность которых в первую очередь обращают внимание читателей, а их контекст, соотношение и связь с жилищными, производственными, погребальными и культурными комплексами.

В мезолите орудия труда и приспособления для их производства изготовлялись из камня, дерева и кости/рога. Для реализации творческих замыслов, в первую очередь, требовались разнообразные породы камня: осадочные и метаморфические, твёрдые и мягкие, кристаллические грубозернистые, скрытокристаллические с острым краем на сколе, сланцеватой структуры, железистые, глинистые и пр. Как был устроен поиск сырья и осуществлялся отбор годных отдельностей, галек и плиток — эти вопросы связаны с другими немаловажными: откуда брали сырьё, местное оно по происхождению или доставленное с отдалённых территорий?

В культурных слоях стоянок и долговременных поселений присутствуют в небольшом количестве гальки-окатыши практически всех геометрических форм: сфера, эллипсоид, цилиндр, конус, куб, параллелепипед. Их малые размеры (обычно 10–30 мм, редко 50 мм в условном диаметре) и структура исходной поверхности сходны с подобными экземплярами, которые и сейчас можно собрать на природных и антропогенных разрушениях аллювиальных террас.

С другой стороны, если рассматривать максимальную длину, например, целых пластин, которая достигает 70–110 мм, а также единичных крупных нуклеусов (Сатыга III), определённые исходные формы качественного кремнистого и яшмового сырья имели более «внутренние» размеры. Нуклеус с поселения Сатыга III интересен «своей относительно продолжительной и насыщенной историей» (рис. 110).

На основании ремонта трёх артефактов — продуктов расщепления единого ядрища, анализа их форм и характера микрорельефов их поверхностей удалось доказательно реконструировать достаточно длинную цепочку актов древней деятельности.

Изначально все три фрагмента были частями единого артефакта — нуклеуса для отжима пластин с одной широкой и уплощённой поверхностью скалывания и интенсивной подправкой площадки как сколами со стороны поверхности скалывания, так и сколами с тыльной стороны нуклеуса. Нуклеус был около 4 см шириной, около 2 см толщиной, длина его, по всей видимости, была не менее 5–6 см. Он был изготовлен из куска слоистоокрашенной серо-коричнево-зеленоватой породы, близкой по облику к сургучно-калканской яшме. На тыльной стороне нуклеуса сохранилась, по всей видимости, поверхность трещины, покрытая известняком. Судя по углам скалывания, близким к прямому углу, ширине поверхности скалывания и её морфологии, а также по пропорциям

---

⁹³ Павлов П. Ю. Уральская позднепалеолитическая культура: хронология, культурные особенности, происхождение // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2019. С. 32.

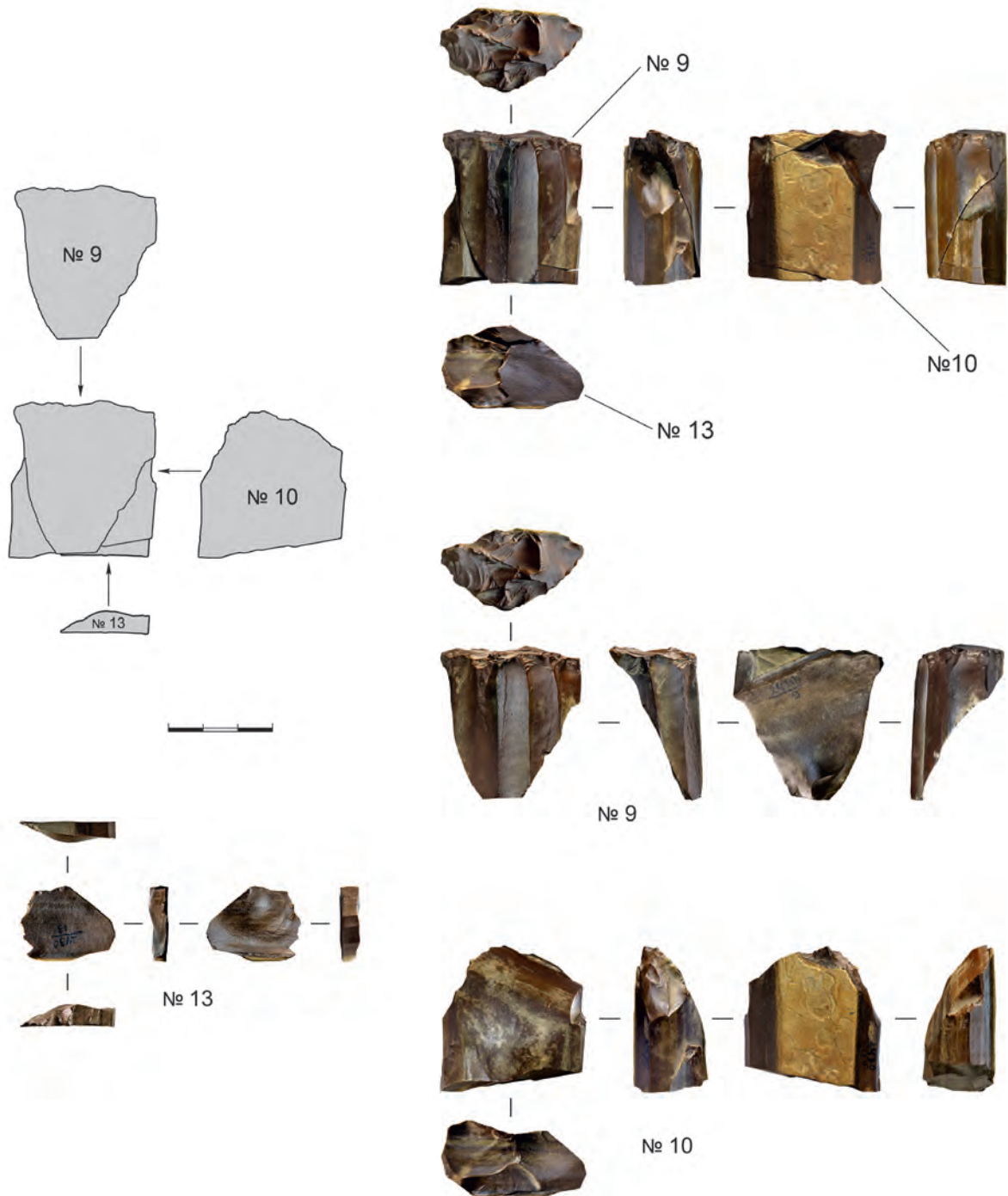

Рис. 110. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Сатыга III.
 Нуклеус: фрагменты и схема сборки. Фонды Археологического музея УрФУ. Автор схемы — Е. Ю. Гиря

и регулярности негативов пластинчатых снятий, это, безусловно, был крупный нуклеус для отжима тонких, относительно узких (до 8–10 мм шириной) пластин. Уплотнённая поверхность скалывания, при её значительной ширине (более трех ширин сколов-заготовок), обеспечивали получение максимально тонких пластин с наименьшим изгибом.

Следов оформления пренуклеуса не прослеживается, то есть, по всей видимости, исходной заготовкой ядрища был кусок породы, специально подобранной подпризматической формы. Снятия пластинчатых сколов велось от двух углов (краёв) одной из плоских сторон (без известковой поверхности). Оформление поверхности скалывания можно считать незавершённым, поскольку в самом её центре остался участок поверхности пренуклеуса. Иными словами, окончательное формирование единой призматической поверхности скалывания не было завершено. На этом основании можно сделать вывод, что ядрище находилось в самом начале эксплуатации. Большая часть пластинчатых снятий была осуществлена весьма успешно, единственной ошибкой расщепления можно признать лишь залом с левой стороны, у самого края поверхности скалывания.

Не получивший «призматического» оформления участок в центральной части поверхности скалывания так и не был использован для получения пластинчатого скола, поскольку ядрище сломалось поперёк по естественной трещине.

На этом этапе получение пластинок-заготовок с данного ядрища было на какой-то период времени приостановлено, и ядрище достаточно долго транспортировали вместе с какими-то иными камнями. Об этом можно судить весьма однозначно благодаря тому, что все его поверхности покрыты следами общего износа (транспортировки). Износ весьма развит, можно лишь предположительно судить о том, что ядрище переносилось в мешке или туеске с иными кремнями на протяжении не менее полугода — года. На одной из его граней (негатив пластины с заломом) образовалось крупное пятно сплошной плоской заполировки, свидетельствующее о том, что куски, совместно с которыми транспортировали данный нуклеус, были также достаточно крупные.

В какой-то момент фрагмент ядрища со следами длительной транспортировки был вновь расщеплён. Используя поверхность трещины (по которой развалилось ядрище) в качестве площадки, с уже почти до конца оформленной призматической поверхности скалывания, с помощью каменного отбойника был получен крупный скол, получивший ныряющее окончание. Это снятие окончательно видоизменило нуклеус и сделало его непригодным для дальнейшего получения пластинок отжимом. Тем не менее для нас, как исследователей, данный скол является весьма значимым: он разделил на две части крупное пятно сплошной заполировки. Именно благодаря этому мы твёрдо знаем, что и износ от транспортировки, и пятно плоской заполировки появились именно до снятия этого скола.

Представляется любопытным, что после расчленения нуклеуса на две части крайне неудачным ударом обе части не были выброшены и ещё некоторое время транспортировались. Одна из них — скол-отщеп с ныряющим окончанием и остатками призматической поверхности скалывания на спинке, не получила дальнейшей обработки. Вторая — более массивная, представлявшая собой ядрище, была дополнительно обработана. Есть все основания полагать, что на месте слома по трещине предполагалось оформить площадку нового ядрища для отжима пластинок, для чего было сделано два поперечных снятия (одно из которых ремонтируется). Кроме сколов подготовки площадки на новом ядрище была произведена подработка его основания с левой стороны (формирование понижения рельефа поперечными сколами).⁹⁴

⁹⁴ Трасологический анализ поверхностей нуклеуса, описание этапов расщепления, транспортировки и последующего расщепления выполнены к. и. н. Е. Ю. Гирей.

Откуда поступало на р. Конда качественное не галечное сырьё, а в виде кусков породы, да ещё и крупных размеров, остается пока не ясным. И тут, кстати, следует сказать, что известковая корка отмечена не только на калканской яшме, но и на отщепках чёрного кремня с других памятников. Сразу приходит быстрый ответ: импортные «поставки» с Южного Урала, с зоны яшмового пояса. Подобная ситуация не исключена, импорт сырья происходил не только через группы непосредственных добытчиков, которые приходили на его выходы в определённое время года, но и посредством многократного обмена между людьми, непринуждённо перемещаясь на существенно отдалённые от месторождения территории. Южноуральская гипотеза импорта полностью не отвергается. Но, в то же время, следует обратить внимание на западную периферию Западно-Сибирской равнины. Здесь расположена Северо-Сосьвинская возвышенность, которая имеет уникальные по разнообразию природные ландшафты — это высокогорье, среднегорье, холмисто-увалистое предгорье и абразионная платформа. На этой возвышенности расположены бассейн р. Северная Сосьва и верховья р. Конда с многочисленными притоками. Протяжённость южной части возвышенности — более 200 км, и эта территория в археологическом отношении изучена слабо, исследована только её юго-восточная часть. Перспективность выявления (возможно, не единичных!) поселений и стоянок эпохи мезолита здесь высока, этим временем датированы разведочные материалы с котлованами сооружений и микропластинчатой индустрией: поселение Нирвож 5,⁹⁵ поселение Смоляной Сор I.⁹⁶ На последнем памятнике, при зачистке стенки шурфа 1988 г., найдено 69 каменных предметов из кремнистой породы серо-зелёного цвета и коричневого кварцита: пластины, отщепы и чешуйки. Юго-западным фронтиром Северо-Сосьвинская возвышенность сопряжена с водоразделом р. Лозьва, верховья которой пролегают по горной тундре, и далее вниз по реке много живописных скал до момента, когда её течение переходит на Западно-Сибирскую равнину. Геологические обследования XIX в. по рекам Лозьва, Северная и Малая Сосьва и другим мелким речкам восточного склона Урала показали разнообразие обломочного и галечного материала.⁹⁷

Используемый состав сырья, насколько можно судить, практически всю мезолитическую эпоху сохранялся в неизменном виде. Кремнистые, порой не лучшего качества, с обилием трещин и зон спайности, представлены породами чёрного, серого, коричневого, серо-зелёного цвета. Яшмы красные, калканские и сургучные, а также полосчатые — сургучно-калканские, создают визуальный цветовой колорит каменной индустрии мезолита северных районов Западной Сибири. Яшмы и кремни составляют основу кластера используемых пород, в котором также, но в значительно меньшем соотношении (~ до 10%), представлены халцедон, кварцит, кварц, сланец, опока, лимонит, железные песчаники, гнейсы и пр. В конце эпохи, а в отдельных случаях из-за возникшей географической обособленности (Балинское 73), соотношение видов пород претерпело изменение в сторону использования большого объёма кристаллических отдельностей: кварца, кварцита, гнейса.

⁹⁵ Отчёт о разведке археологических памятников в Советском районе по рекам Тапсуи и Ворья летом 1991 г. / Свердловский отдел советского фонда культуры, предприятие «АВ КОМ»; Кардаш О. В. Екатеринбург, 1992. Т. 3. С. 11–12 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16832.

⁹⁶ См.: Отчёт о полевых исследованиях в Вагайском, Юрьинском и Берёзовском районах Тюменской области в 1988 г. / ТюмГУ; Галкин В. Т. Тюмень, 1990. 94 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14575; Отчёт об археологической разведке в Сургутском и Берёзовском районах Ханты-Мансийского автономного округа. Т. II. Отчёт об археологических исследованиях в бассейне р. Тром-Аган и р. Северная Сосьва в 1994 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1995. С. 34, 35. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18138.

⁹⁷ См.: Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850 гг.). Л., 1933. С. 34–37; Федоров Е. Геологические исследования на Северном Урале в 1884–1886 годах. СПб.: Тип. и хромолитогрфия А. Траншель, 1890. 270 с. (Извлеч. из Горного журнала 1889 № 5–6, 1890 № 3–4).

Несколько забегаая вперёд, обратимся к расчёту численности населения в эпоху мезолита. Общая численность населения Земли к началу мезолита достигла 3–5 млн человек,⁹⁸ а средняя плотность населения не превышала 0,05 чел/кв. км. Переложить на площадь территории Югры, которая равна ~ 535 000 кв. км, несложно. Однако это вряд ли будет отражать реальную расчётную численность (~ 25 000), которая, что не исключено, была в десять раз меньше. Обращая внимание читателя на эти цифры, мы в первую очередь хотели сказать, что заселение в мезолите Севера Западной Сибири новой доступной ойкумены с безграничными пищевыми ресурсами не было стремительным. Приходившие на эти территории группы охотников являлись в определённом смысле авангардом, создавшим последующую инновационную ступень адаптации в эпоху неолита.

И вот эти группы охотников, как показало наличие следов неутилитарного износа на каменных предметах, помимо поиска, изучения и использования местной сырьевой базы, выдвигались в эти области, или кочевали на этих территориях, с определённым запасом качественных пород в виде преформ или нуклеусов. Поверхности таких ядрищ, найденных на стоянках и поселениях, имеют среднюю и сильную степень заношенности, которая во временном выражении определяется от полугода до года и более.

Рассмотрим продукты расщепления: гальки с продольным или поперечным расщеплением в контрударной технике и нуклеусы для снятия мелких пластин и микропластинок ручным отжимом.

Контрударная техника скола является наиболее древним приёмом расщепления отдельности преимущественно по продольной или поперечной оси. Нельзя исключать также колку бивня, кости и рога. Обязательным условием реализации контрударного расщепления является наличие трёх предметов: отбойника, исходного сырья и наковальни. Контрударный приём несложен в исполнении, гораздо сложнее контролировать процесс отделения скола от ядрища. Оригинальным современным примером такой процедуры являются действия диких бразильских капуцинов в Национальном парке Серра-да-Капивара по разбиванию открытой защищённой пищи, в том числе орехов кешью. Возраст этой деятельности по соскобам с поверхности нечеловеческих орудий труда, найденных при археологических раскопках, насчитывает не менее 600–700 лет. Изученная технологическая традиция охватывает около 100 поколений поведенческой деятельности приматов, а также указывает на сходство древнего и современного поведения, выраженного в используемых для достижения цели материалах, функции удара, размере и плотности инструмента.⁹⁹ Приведённый пример с приматами — это обращение к читателю не воспринимать технику контрудара как нечто примитивное и деградирующее. Человек раннего голоцена варьировал свои способности и накопленными за тысячелетия знания в обработке камня, «оперативно» приспособившись к сырьевой базе. Если сейчас нам непонятны его намерения, то в дальнейшем, через эксперимент, значение контрударного расщепления в индустриях каменного и бронзового века северных районов Западной Сибири будет объяснено. Определённые шаги в этом направлении уже предпринимаются.¹⁰⁰

⁹⁸ Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1986. С. 15.

⁹⁹ Haslam M., et al. Pre-Columbian monkey tools // *Current Biology*. Vol. 26, № 13. 2016. R. 521–522.

¹⁰⁰ Гирия Е. Ю. Кварцевые орудия поселения Лемья 19.1 // *Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья*. Екатеринбург, 2019. С. 67–117.

«Древнейшее» использование контрударного расщепления на Урале отмечено на стоянке Гарчи 1, возрастом около 29 тыс. л. н. — памятнике костенковско-стрелецкой культуры Восточно-Европейской равнины. Применение этого приёма расщепления было предопределено формой исходного сырья.¹⁰¹ Не исключено, что в определённом технологическом цикле контрударная техника применялась в изготовлении долотовидных инструментов на стоянке им. Талицкого.¹⁰² Также показательна наковальня с местонахождения Луговское (Часть 2, рис. 51, 3), являясь важным свидетельством применения контрударной техники в центральной области в финальном палеолите — раннем мезолите.

Контрударные ядрища в своей простой форме — это овальные или округлые гальки с продольным расщеплением. Относительно сложные формы в большей мере кварцево-кварцитовых и отчасти кремнисто-яшмовых нуклеусов представлены плоскими фронтальными или фронтально-торцовыми с нитевидной площадкой и забитым основанием. Помимо таких форм появляются ядрища с прямой или скошенной к контрфронтальной поверхностью приложения силового импульса, которыми выступают либо естественная, либо уже подработанная сколами грань гальки. В этой связи находки нуклеусов-преформ на поселении Большая Умытъя 74 служат наглядным примером «поддержания» принципов призматического расщепления на грубозернистом и кристаллическом сырье. В дополнение к этому аргументу следует привлечь призматический нуклеус из кварца с поселения Геологическое III.

Приоритетным направлением камнеобработки у охотников и рыболовов Югры являлось получение пластин-заготовок для вкладышевых орудий с объёмных форм нуклеусов: призматических, конических и карандашевидных, торцевых. На поселениях и стоянках встречаются по преимуществу ядрища высотой не более 30 мм. Максимально сработанные остаточные формы расщепляются контрударом. Наблюдается определённая тенденция, связанная с формированием на ядрищах уплощённых широких поверхностей скалывания. Такие поверхности обеспечивают наименьший изгиб пластин на большей части их длины и исключают возможность их ныряющего окончания. Пластины-заготовки с этих уплощённых широких поверхностей имеют более прямой профиль в медиальной части и наиболее острый угол схождения продольных краёв, что позволяет при необходимой сегментации помещать сечение в очень узкий паз вкладышевого орудия.¹⁰³

В процессе расщепления нуклеусов, при подготовке к снятию пластины требуемого стандарта, появляется много технологических сколов: отщепов типа *la tablette* и краевых чешуек с перовидным или ступенчатым окончанием, зачастую с заломом на спинке. При необходимости формируется ретушированная грань, снятие которой даёт ребристую пластину. Впрочем, технологическими сколами с фронта нуклеусов являются не только ребристые. Полагаем, что и обычные пластины, шириной 1–3 мм, и, вероятно, другого диапазона, не следует априори рассматривать как категорию бракованных заготовок. Эта форма технологических сколов снималась для придания фронту нуклеуса достаточной выпуклости, преследуя цель получить пластину необходимого стандарта.

¹⁰¹ Гиря Е. Ю., Павлов П. Ю. Особенности технологии изготовления каменного инвентаря стоянки костенковско-стрелецкой культуры Гарчи I (Северный Урал) // Палеолит и Мезолит Восточной Европы. М., 2011. С. 159–168.

¹⁰² Щербакова Т. И. Палеолит южного и среднего Урала (к вопросу о характере и связях уральского палеолита): автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 25 с.

¹⁰³ Гиря Е. Ю. Конвергентность одной категории изделий в материальной культуре неолита Евразии: причина и следствие // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015. С. 255–256.

Основные категории орудий из пластин: пластинки с краевой ретушью чаще со спинки, реже с брюшка, и пластинки с притупленным на спинку концом. Как правило, их рассматривают в качестве вкладышей. Однако с результатами трасологических наблюдений этот постулат не всегда сходится. Например, в скоплении 2 (восточное) стоянки Сатыга XVIIa из двух сотен пластин, включая изделия с ретушью, выделено 18 вкладышей со следами износа, из них 3 двухлезвийных, для которых наличие ретуши на кромке не всегда является обязательным признаком орудия. Часть пластинок с краевой ретушью или выкрошенностью не имеет износа. Показатель ширины пластин на памятниках бассейна р. Конда составляет 5–6 мм.

Из пластин изготавливались острия и укороченные концевые скребки, но производство этих инструментов не было серийным. Немногочисленны фрагментированные орудия с плоской ретушью на торцах пластин, которые, возможно, являлись обломками метательного вооружения. Очень редко в комплексах индустрий встречаются геометрические микролиты. Достоверно подтверждённых, проверенных под микроскопом, всего два изделия с поселения Убья 3 (рис. 93, 30–31). Изделия с поселения Леуши IX¹⁰⁴ и поселения Ленино III (Кондинское)¹⁰⁵ не относятся к данной категории. Корректного изучения требуют также отнесённые к геометрическим формам два изделия с поселения Большой Салым 4.¹⁰⁶ К типологическим категориям резцов и резчиков также следует относиться с осторожностью. На тонких пластинах резцовые, угловые, срединные и боковые сколы обычно случайны, а рабочий край у резчиков может оказаться выкрошенной кромкой вкладыша.

Отщепы-заготовки по преимуществу использовались для изготовления скребков. Расщепив пополам контрударом округлую гальку, получали две полусферы для округлых скребков с высокой спинкой. Ретушь на эти орудия могли не наносить. Яркий с линейными следами износ по шкуре нередко выражен визуально и перекрывает галечную поверхность заготовки. Не исключено, что ретушь наносилась по мере необходимости — от одной-двух фасеток до полной по окружности. Сходная ситуация по изготовлению концевых скребков на овальных отщепах. Другие формы скребков — треугольные, четырёхугольные — создавались по мере истощения заготовки и износа лезвия с учётом возможности закрепления орудия в рукоять. Из других категорий инструментов идентифицируются острия: свёрла и проколки. Функциональное назначение таких категорий инвентаря, как отщепы с ретушью и долотовидные орудия, не установлено. Краевая ретушь на отщепах зачастую образуется случайно. Долотовидные формы, возможно, являются объективным результатом контрударного расщепления галек.

Абразивная обработка камня фиксируется с ранней поры мезолита. Её задействовали в производстве деревообрабатывающих рубящих инструментов. Однако не следует забывать о широком использовании этой техники для выделки костяных и деревянных инструментов и утвари.

Целые формы тёсел и топоров ранней поры мезолита пока не найдены, обнаружены только сколы-отщепы со шлифованной спинкой (Сатыга XVIIa, нижний культурный слой) от износа инструментов в работе. Искомые орудия, целые или в многочисленных обломках, появляются на круглогодичных поселениях в конце раннего мезолита (Геологическое III).

¹⁰⁴ Беспрозванный Е. М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 34, рис. 4, 22–23.

¹⁰⁵ Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде... С. 15, рис. 4, 56.

¹⁰⁶ Коноваленко М. В., Валуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Большой Салым 4... С. 213, рис. 6, 42–43.

Обращает на себя внимание разнообразие сырья, включая кварц, неустойчивость форм и вариативность отделки (оббивка, частичная шлифовка). Относительно массовое производство рубящих инструментов, по функции тёсел и долот, происходит уже в позднем мезолите (Убья 3, Леуши IX).

Внутренняя серия шлифованных тёсел, целые (12) и в обломках (более 90), получена из котлованов построек поселения Леуши IX в бассейне р. Конда¹⁰⁷ (рис. 92). Типологически это две группы изделий подовальной в плане формы. Первая представлена орудиями длиной 51–72 мм, с одним, реже двумя, продольными желобками. Вторую группу составляют изделия длиной 57–94 мм с выступами у обушка, так называемыми «ушками» или цапфами. По визуальным признакам техника изготовления одинакова для обеих групп. Исходным сырьём служили породы (опока, габбро, диорит и др.) в галечном виде. Первоначальная стадия обработки включала придание формы орудию, выделение основных элементов (желобков, выступов) и осуществлялась в технике точечной оббивки (пикетаж). В дальнейшем для стабилизации рабочей кромки орудий и более чётких контуров желобка применялась техника шлифовки. Наличие у некоторых экземпляров негативов грубых краевых сколов на продольных сторонах объясняется как технологический брак при точечной оббивке.

Из-за специфической морфологии повышенный интерес представляет группа изделий, которая известна в литературе как топоры с выступами,¹⁰⁸ топоры (тёсла) с «ушками»,¹⁰⁹ тёсла с «цапфами».¹¹⁰ Разнообразие терминов, по сути, не изменяет понимания данной морфологической группы орудий. Территория распространения топоров с выступами — от Карелии до оз. Байкал, бассейна рр. Лена и Алдан, а также до о. Жохова (архипелаг Новосибирские острова в Северном Ледовитом океане). Время существования такой формы орудий практически ничем не ограничено: с мезолита до этнографической современности (например, в культуре эвенков XIX в.).¹¹¹ Разнообразна и общая форма орудий, определяемая во многом характером используемого сырья и техникой его обработки.

А. П. Окладников первым определил два типа топоров с «ушками» — ангарский и байкальский, различающиеся исходным сырьём, техникой изготовления и размерами.¹¹² Эта классификация в последующем была дополнена илимским типом.¹¹³ «Леушинские» тёсла с выступами близки байкальскому типу, для которого характерны следующие признаки:

¹⁰⁷ Беспрозванный Е. М. Первые мезолитические жилища в таёжной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 91–95.

¹⁰⁸ Бадер О. Н. Неолитическая стоянка на р. Полуденка близ Тагила // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948. Вып. I–IV. С. 37–41.

¹⁰⁹ См.: Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.; Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск, 1982. 176 с.; Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск, 1988. 224 с.

¹¹⁰ Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // СА. 1965. № 3. С. 100–113.

¹¹¹ Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986. С. 69(267).

¹¹² Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 10. (МИА; № 35).

¹¹³ Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Указ. соч. С. 139–140.

кристаллическая порода сырья, техника пикетажа, подтреугольный обушок и небольшая, до 15 см, длина орудий. Региональную географию тёсел с «ушками» дополняет экземпляр с р. Манья (бассейн р. Северная Сосьва) и три орудия из сборов конца прошлого века на восточной стороне Урала.¹¹⁴ Эти топоры с выступами идентичны орудиям с р. Конда, по конструктивным элементам и технике обработки их можно датировать эпохой мезолита. Имеющиеся неолитические формы тёсел (топоров) с выступами из памятников Среднего Зауралья достигают значительной длины (до 41 см), имеют тщательно зашлифованную поверхность, на которой выделяются грани. Таковыми являются топор с выступами со стоянки Полуденка¹¹⁵ и экземпляры орудий из сборов, хранящихся в Свердловском областном краеведческом музее. Одно из этих тёсел с ушками интерпретировано как фигура плывущего зверя.¹¹⁶

Остаётся загадкой, что же всё-таки представляют собой выступы на топорах (тёслах): имеют ли они определённую функциональную нагрузку, или это элемент декора, выступающий своеобразным маркёром единства культур таёжных областей Евразии? Относительно использования топоров с выступами есть точка зрения, что они являются мотыгами.¹¹⁷ На начальном этапе изучения кондинских орудий предложена гипотеза об использовании их в качестве тёсел для обработки дерева, предположительно, для изготовления лодок-долблёнок. Орудия крепились в коленчатой рукоятке, «ушки» выполняли функцию дополнительного упора.¹¹⁸ Аргументом в пользу этой гипотезы стали данные об использовании тёсел с выступами для обработки дерева в бассейне р. Подкаменная Тунгуска.¹¹⁹

Экспериментальные исследования по верификации следов износа на топорах с выступами с памятников Восточной Сибири (Братск, Парта, Эльген) проведены П. В. Волковым.¹²⁰ Он установил, что эти инструменты высокоэффективно использовать для раскалывания льда. Экспериментальными образцами, закреплёнными либо в коленчатую, либо в прямую рукоять, за час рабочего времени можно сформировать прорубь диаметром около 1 м при толщине льда 35–30 см. Авторы публикации материалов поселения Парта изначально выдвигали гипотезу об использовании тёсел с «ушками» в качестве пешней для пробивания льда при зимней рыбной ловле.¹²¹

Современные технические возможности дают больше информации об археологическом предмете. Изучено одно из целых орудий с поселения Леуши IX (шифр коллекции № 2474) с напылением MgO и фотофиксацией макроследов (рис. 111). Инструмент размерами

---

¹¹⁴ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья... С. 10–11.

¹¹⁵ Бадер О. Н. Неолитическая стоянка на р. Полуденка... С. 39.

¹¹⁶ Панина С. Н. Культурные предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея: Тесло с ушками в виде плывущего зверя // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 256.

¹¹⁷ См.: Бадер О. Н. Неолитическая стоянка на р. Полуденка близ Тагила ... С. 39; Рыгдылон Э. Г. Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953. Т. 2. С. 276. (МИА; № 39).

¹¹⁸ Погодин А. А. Мезолитические рубящие орудия таёжного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 173–176.

¹¹⁹ Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Указ. соч. С. 100–113.

¹²⁰ Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013. С. 261–265.

¹²¹ Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Указ. соч. С. 70.

Рис. 111. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда. Поселение Леуши IX.
Шлифованное тесло. 1 — фото с напылением MgO; 2 — схема расположения следов от изготовления (белый цвет) и использования (красный цвет). Фонды Археологического музея УрФУ. Автор схемы следов — Е. Ю. Гиря

94×48×20 мм изготовлен из средне кристаллической породы из тёмно-серых и чёрных кристаллов столбчато-игольчатых в сломе, размером до 1–1,5 мм, с очень тонкими белёсыми прожилками. Форма в плане подовальная, на одном из концов края конвергентно сходятся, образуя небольшую площадку — обушок. Второй конец — лезвие орудия — скруглён, оформлен в виде дуги, составляющей около 10% окружности. Продольные края параллельные, на них, в верхней четверти длины изделия, у заострённого конца выделены «ушки» — округлые симметричные выступы. Одна из сторон выпуклая, вторая — слегка вогнутая, в результате поперечное сечение подовально-асимметричных очертаний. Линия лезвия смещена к уплощённой поверхности.

Следы изготовления. Уплощённая сторона орудия имеет признаки того, что оно было изготовлено из камня, вероятно, использованного ранее в качестве желобчатого абразива для заточки рубящих орудий с округлыми в плане лезвиями. На остатках желобка хорошо читаются характерные для абразивов такого рода параллельные широкие удлинённые борозды с рваными очертаниями кромок бортов и выположенным дном. Это хорошо известный тип износа, однако в зависимости от вида горной породы его облик всегда имеет какие-то особенности, но в целом он вполне узнаваем. На изделии этот вид следов формирует стратиграфически самую старую поверхность — первую в последовательности обработки. Края поверхности обрезаны следами пикетажа по всему периметру.

На выпуклой стороне орудия сохранились остатки негативов сколов оббивки, направленных от краёв к продольной оси. Оббивка предшествовала пикетажу. Пикетажем сформированы продольные края с «ушками» и приострёрнный обушок.

Лезвийная часть выровнена шлифовкой, занимает около четверти длины изделия и имеет очертания асимметричной двояковыпуклой линзы. На выпуклой стороне глубина шлифовки от лезвия больше, чем на уплощённой (30 мм и 16 мм соответственно). Следы шлифовки лезвия не аналогичны следам износа на желобчатом участке уплощённой поверхности. Это следы обработки на более мелкозернистом желобчатом абразиве. Остальная поверхность орудия, большая часть которой сформирована следами обработки пикетажем, также обработана шлифовкой, но лишь в целях поверхностного выравнивания рельефа, без истирания лунок пикетажа на полную глубину и без образования ровной поверхности.

И если последовательность технологических операций орудия относительно ясна, то по общему износу обнаружались следы неясного происхождения, которые, вследствие отсутствия схожих экспериментальных, объяснить сложно. Очевидно, что в древности при определённых обстоятельствах функционал конкретного инструмента менялся.

Абразивные инструменты представлены шлифовальниками на крупных камнях (Геологическое III) и на плитках ожелезнённого песчаника (Леуши XIV, Сатыга XVI). К числу инструментов контрударной технологии относятся наковальни и отбойники. Индивидуален обломок изделия с биконическим сверлением (Леуши IX).

Изделия из кости

В эпоху мезолита население таёжно-лесной зоны Евразии широко использовало кость и рог. Из этих материалов изготовлялся охотничий инвентарь: кинжалы, наконечники стрел, гарпуны и пр.; орудия для разделки добычи: ножи и пр.; инструменты для кожевенных

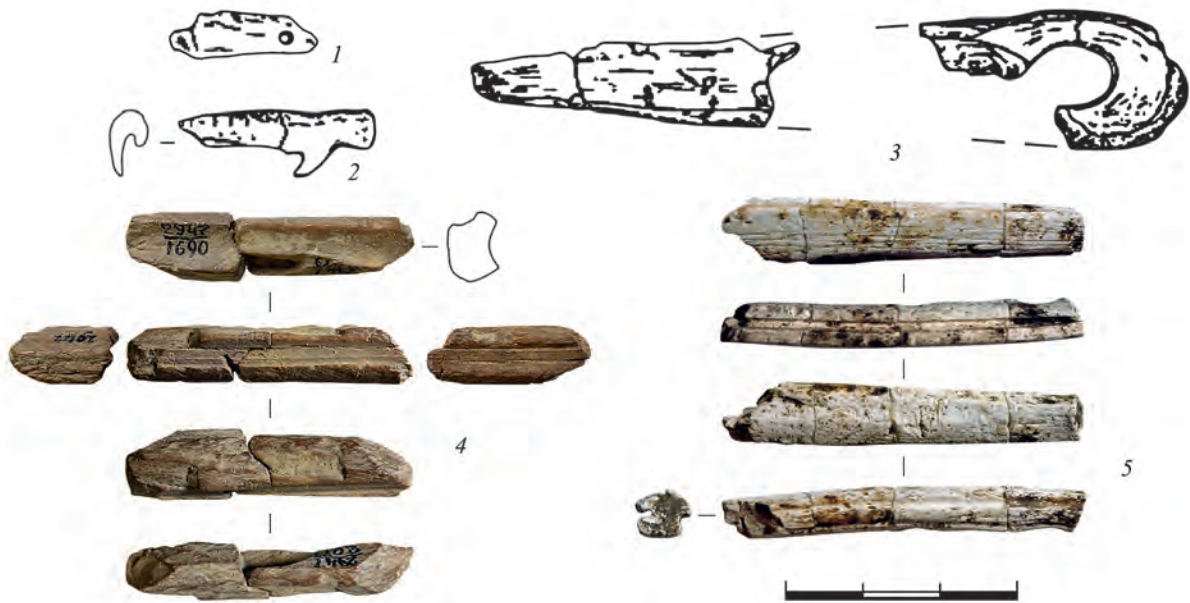

Рис. 112. Эпоха мезолита. Бассейн р. Конда.
Изделия из кости со стоянки Сатыга XVIa (1–3) и поселения Ленино III (4–5): 1 — фрагмент изделия со сверлиной; 2 — фрагмент гарпуна, 3–5 — фрагменты орудий (1–3 — по: Беспрозванный, Погодин, 1998; 4–5 — Фонды Археологического музея УрФУ)

работ и шитья: шилья, ножи, иглы и пр.¹²² Нередки находки первобытного искусства: подвески из зубов животных или обломков костей. Часто на инструменты наносились простые и сложные, линейные и геометрические орнаменты, нередко выстроенные в композиции из ромбов или треугольников, а также орнаментальным «полем».

На поселениях и стоянках боровых террас эпохи мезолита р. Конда изделия из кости единичны и сохранились, зачастую, только в обожжённых фрагментах (рис. 112).

Небольшие обломки орудий охоты и «бытовых» инструментов найдены в скоплении 3 Сатыга XVIa — одном из захоронений кремированных останков человека.¹²³ Охотничье вооружение представлено фрагментом костяной оправы с продольным пазом шириной 3 мм и глубиной 1 мм, а также гарпуна длиной 24 мм с клювовидными зубцами, целым и сломанным (рис. 112, 2–3). Также на гарпуне, рядом с зубцами, прорезан продольный паз. Ещё два обломка являются основанием размером 33×17×6 мм и пером размером 4×11–5×4–2 мм одного предмета. В основании проделано овальное сквозное отверстие размером 11×8 мм, а внешний край скруглен срезами. Перо изделия имеет прямоугольное сечение, по боковой стороне в 8 мм от его кончика сделан неглубокий продольный надрез длиной 5 мм. Обнаружен и фрагмент игловидного изделия, на одном предмете фиксируется ямка от сверления диаметром 2 мм (рис. 112, 1).

¹²² См.: Ошибкина С. В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М., 2017. 140 с.; Жилин М. Г. и др. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. СПб., 2020. 368 с.; Шмидт И. В. Информационный потенциал орнаментированных фрагментов костяных изделий из черноозерской коллекции // УИВ. № 1(70). 2021. С. 136–139.

¹²³ Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. К вопросу о культовых представлениях... С. 57–58.

Обломок вкладышевой оправы происходит из культурного слоя скопления 2 (восточное) верхнего раннемезолитического горизонта стоянки Сатыга XVIIa. Это небольшой кальцинированный фрагмент, размером 7×5×2 мм, с продольным пазом глубиной до 2,5 мм. Прямоугольный фрагмент стенки, размером 12×7×3 мм, какого-то изделия с двумя округлыми, не сквозными засверлинами диаметром и глубиной до 2 мм, обнаружен в слое скопления 1 (западное).

В жилище поселения Ленино III (Кондинское) обнаружено шесть обломков костяных изделий длиной от 13 до 21 мм, на пяти из них прорезан паз шириной до 2 мм, противоположная пазу сторона не обработана.¹²⁴ Можно предположить, что пять обломков — три относительно крупных и две мелких десквамации по характеру обработки и тёмно-коричневому цвету сырой кости — являются фрагментами одного изделия (рис. 112, 4). Кость строганная, огранка сохранилась местами, поперечное сечение близко четырёхугольнику. Одна грань желобчатая, с ровным профилем углубления. На смежной прорезана широкая, до 2,7 мм, канавка глубиной 0,5 мм с рифлёным профилем дна. Шестой обломок от другой кости — кальцинированный, четырёхугольной огранки размером 22×6×6 мм (рис. 112, 5).

В нижнем заполнении котлована полуземлянки поселения Убья 3 обнаружен обломок костяного изделия размером 30×9×6 мм и ещё два мелких фрагмента выгнутого остроконечника из клыка животного. На основании обломка нанесены наклонные короткие зарубки. С площадки поселения происходит фрагмент костяного изделия овального сечения, размером 46×7×5 мм, в виде обоймы составного орудия. По противоположным сторонам обломка фиксируются пазы глубиной около 1 мм.

Обломок костяного изделия найден и на поселении Большой Салым 4¹²⁵, но сохранность, размеры и тип изделия авторами исследования не охарактеризованы.

---

¹²⁴ Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде... С. 20.

¹²⁵ Сериков Ю. Б. и др. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения... С. 15, рис. 5, 3.

Глава 5

Погребальные комплексы

Захоронения эпохи мезолита немногочисленны. Предварительный возраст известных погребений оценивается второй половиной бореального — началом атлантического периодов, от середины VIII тыс. до н. э. — до рубежа VII–VI тыс. до н. э., с плавным переходом в эпоху неолита. Подтверждение этому получено на могильнике Большая Умытъя 100.¹²⁶ Основной массив захоронений датирован средним неолитом, одно погребение — поздним неолитом (Часть 4, рис. 183). Мезолитические погребения идентифицированы по стратиграфии, результатам ¹⁴C датирования и специфической форме ряда могильных ям. К эпохе мезолита отнесено пять могил.

Наглядной иллюстрацией захоронения в округлой яме служит могила 18 (рис. 113). Стратиграфия по месту её дислокации с одной стороны сложная, с другой — объективно показывает этапность захоронений во времени. Вплотную с могилой 18 выкопана прямоугольная яма, её назначение не установлено. Оба этих объекта в последующем оказались разрезаны могилкой 17, а уже по верху ям обе могилы прорезала яма могилы 7, северо-западный край последней также был деформирован, но уже природной ямой.

Яма могилы 18 глубиной не менее 1,52 м, с наклонными стенками, плавно сужающимися к чашевидному дну (рис. 113, Д, Е). Заполнение центральной части могильной ямы — охристый песок, фиксировавшийся с уровня 62,06 м (в БСВ) до дна (61,04 м) и затеками уходивший в материк — белый ожелезненный песок. Толщина охристого слоя составила не менее 1,02 м. В верхней части заполнения он был окрашен в основном в серо-красные тона, в нижней — преимущественно в красные. Периферийный слой заполнения (серо-жёлтые/жёлто-серые пески) прослеживался с уровня 62,36 м и тоже доходил до дна. Совокупная толщина этого слоя составила не менее 1,30 м.

В центральной части охристого пятна (на уровне 61,28 м) найден фрагмент костного тлена, а в юго-восточной части — фрагмент зубной эмали. Ниже — на уровне 61,11 м — практически под «черепом», также в виде тлена, выявлены два небольших фрагмента длинных (и широких) костей, лежавших параллельно друг другу в направлении В–З (рис. 113, А, Б). Вблизи северной «кости» на уровне 61,12 м был обнаружен каменный скребок на пластине (рис. 113, В, Г, Ж).

¹²⁶ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 131–141.

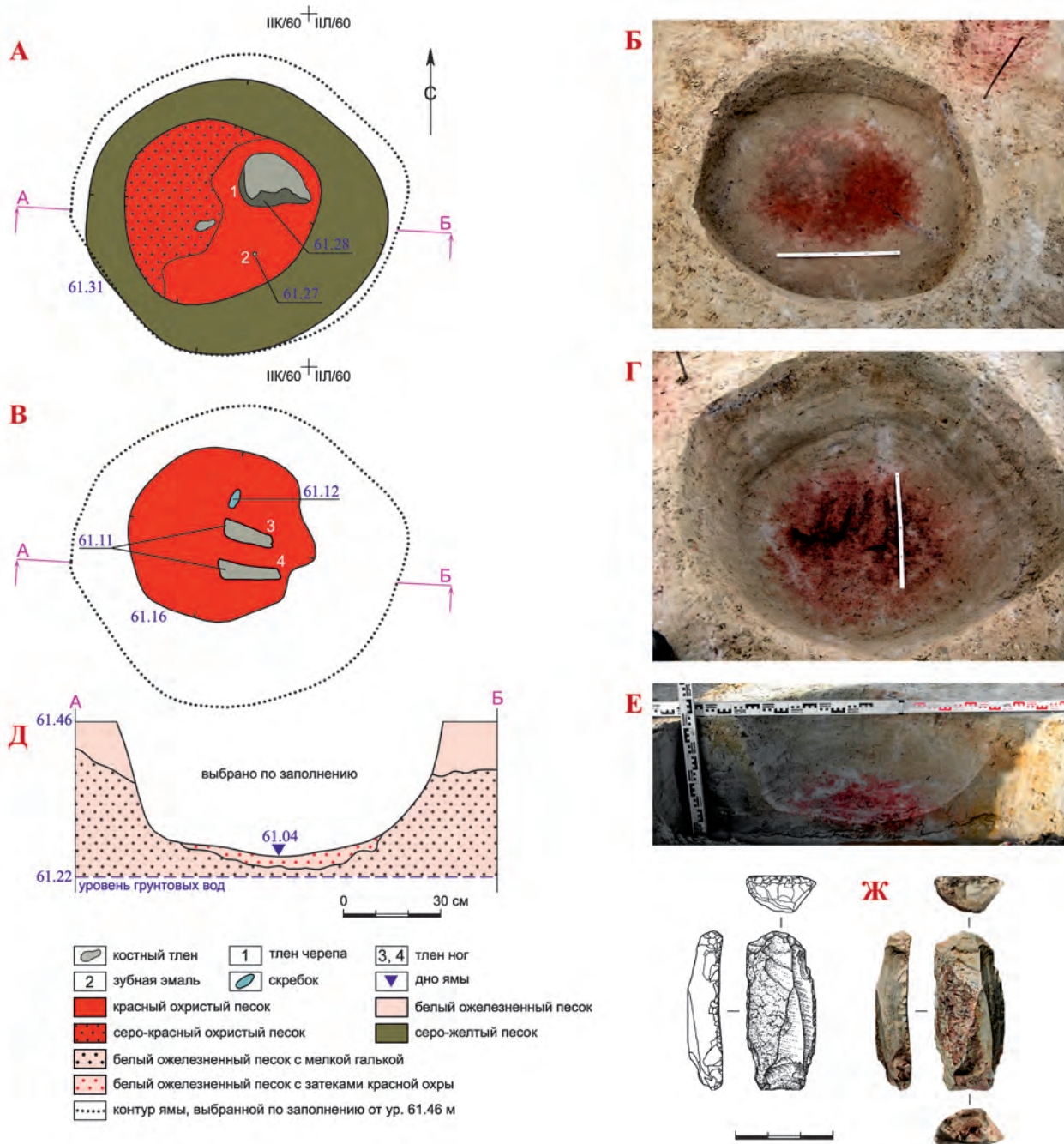

Рис. 113. Эпоха мезолита. Погребальный обряд. Могильник Большая Умытъя 100.

Могила 18. А — план очертаний на уровне 61,31 м; Б — выборка заполнения ямы на уровне 61,26 м, костный тлен в яме, вид с юга;

В — план очертаний на уровне 61,16 м; Г — выборка заполнения ямы на уровне 61,10 м, вид с запада;

Д — профиль могилы; Е — яма на уровне 61,04 м, вид с юга; Ж — скребок концевой на пластине. Фото А. А. Погодина

Могила 35 (яма 130) находилась в 6 м к З–ЮЗ от могилы 18. Стратиграфия осложнялась последующими захоронениями и сопоставима с ситуацией по локации могилы 18. Могила 35 являлась первым захоронением в этом месте. В последующем её заполнение было прорезано с северо-запада могилей 9, а с востока — могилей 16В. Позднее в могилу 16В была впущена яма могилы 16Б. На заключительном этапе на стыке могил 35 и 16Б появилась могила 16А, прорезавшая оба эти объекта (рис. 114).

Первые очертания ямы проявились на отметке 62,46 м в БСВ, а полные округлые зафиксированы на уровне 61,96 м. Тёмно-серый песок с включениями угля прослеживался до дна ямы в качестве основного её заполнения. В верхних горизонтах он доминировал, изредка включая локальные пятна красного охристого песка, располагавшиеся на периферии объекта. От уровня 61,56 м и ниже (до дна) этот слой локализовался в центральной части ямы

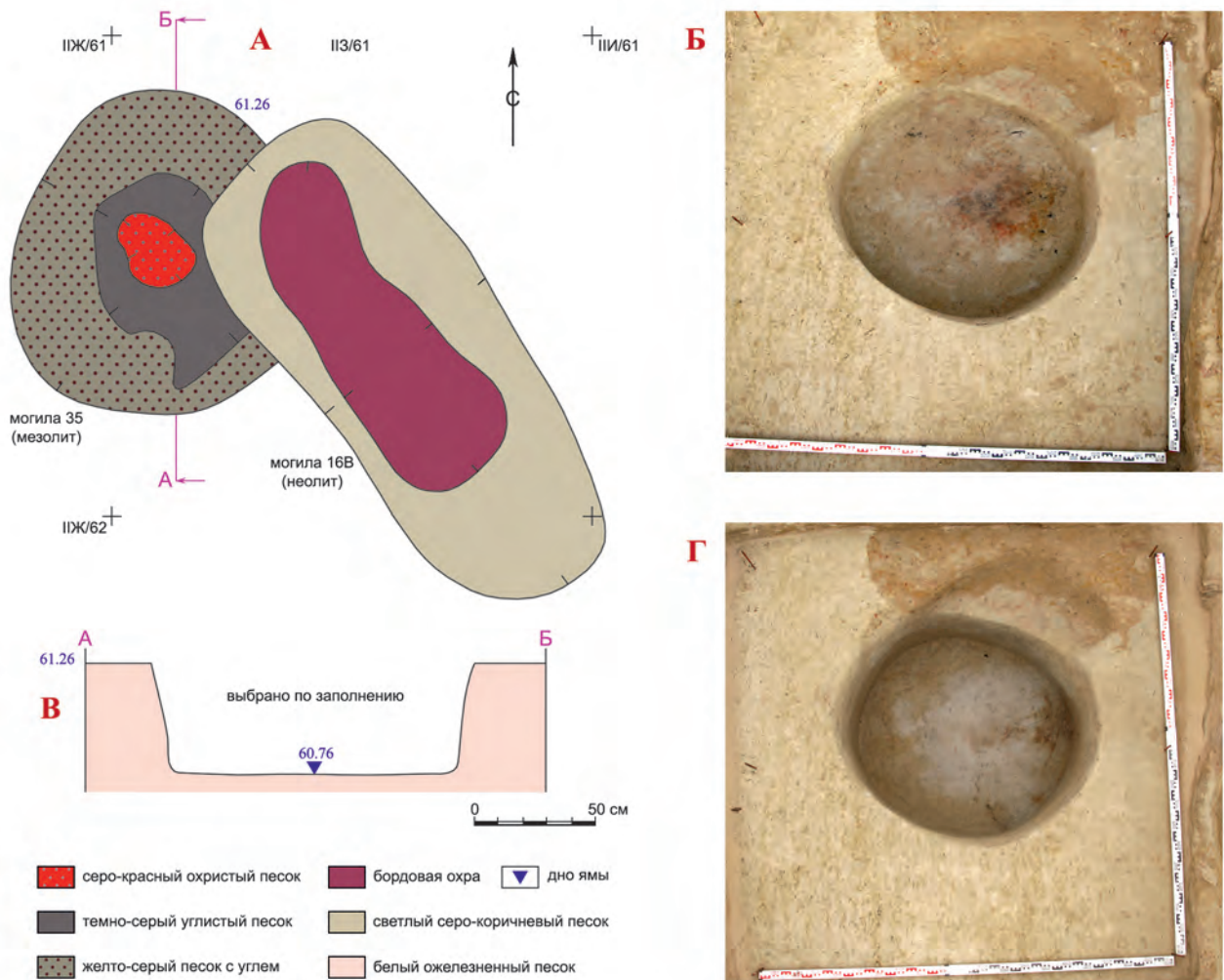

Рис. 114. Эпоха мезолита. Погребальный обряд. Могильник Большая Умытья 100. Могила 35. А — план очертаний на уровне 61,26 м; Б — яма на уровне 60,98 м, вид с запада; В — разрез по линии А–Б; Г — яма на уровне 60,76 м, вид с запада. Фото А. А. Погодина

(концентрация угля в нем повысилась); на периферии фиксировался жёлто-серый песок с незначительными включениями угля. Толщина слоя тёмно-серого песка с включениями угля составила не менее 1,20 м. Общая глубина могильной ямы от первого уровня фиксации составила не менее 1,70 м. Стенки ямы близки к вертикальным, переход ко дну — резкий, дно — горизонтальное. Датировка могилы по углю — 8123 ± 150 л. н. (SPb-1111) (Часть 4, табл. 38).

В круглой могиле 37 стратиграфия осложнялась перекрывающей могилой 36 и впускной могилой 33 (рис. 115). Эти объекты мезолитического могильника находились в 13 м к северо-северо-востоку от могилы 18. Дно круглой могилы 37 относительно горизонтальное, зафиксировано на отметке 1,8 м от современной, разрушенной поверхности. Стенки вертикальные, прослежены на 0,5 м вверх до дна перекрывающей могилы 36 (рис. 115, Д-Е). На отметке 1,65 м диаметр ямы составлял не более 0,9 м. По направлению ЮВ–СЗ на серо-жёлто-белом песке выделялась прямоугольная линза красной охры размером (неполным) $0,6 \times 0,35$ м. Северо-западный край этой линзы прорезала впускная могила 33, маркированная овальной линзой бордовой охры. Красная охра в могиле 37 располагалась по центру, мощность слоя достигала 0,35 м.

Могила 36 выкопана поверх круглой ямы 37 на глубину 1,3 м от современной поверхности. Яма прямоугольной формы, ориентирована ЮВ–СЗ, дно относительно горизонтальное, стенки на высоту до 0,65 м вертикальные. На отметке 1,05 м зафиксированы неполные размеры ямы — $1,6 \times 1,05$ м. На жёлто-сером песке засыпки по центру ямы, по оси её ориентировки зафиксирована продолговатая, не менее $1,4 \times 0,5$ м, линза красно-бордовой охры. По северо-восточному краю могилу 36 прорезала округло-овальная линза бордовой охры — могила 33 (рис. 115, А-Б; Д-Е).

Могила 33 проявилась на отметке 0,65 м от современной поверхности. В плане её полные, округло-овальные очертания размером $0,36 \times 0,3$ м зафиксированы на глубине 1,05 м. Дно ямы располагалось на отметке между 1,75–1,8 м, её диаметр не превышал 0,22 м. На глубине 1,1 м от поверхности в бордовой охре обнаружена большеберцовая кость взрослого человека. По углю из заполнения могилы, взятом на отметке 62,11–62,06 м, получена дата 8600 ± 150 л. н. (SPb-1115) (Часть 4, табл. 38). Могила 33 интерпретирована как впускное погребение. Яма могилы с практически вертикальными стенками прорезала два ранних захоронения. Малый диаметр ямы при её значительной глубине предполагает, что усопший, а, возможно, части его скелета, были обильно усыпаны охрой и «упакованы» в берестяной туес. Мы не вполне уверены, что образец угля, по которому проведено датирование могилы 33, связан именно с ней — по стратиграфии наиболее ранним из трёх является захоронение в круглой могиле 37.

Захоронение черепа выявлено на мезолитическом поселении Леуши IX. Прямоугольная могильная яма размером $0,96 \times 0,24$ – $0,36$ м, глубиной 0,2 м, была впущена в пол мезолитической землянки (сооружение 3), котлован которой впоследствии был перекрыт выкидом из мезолитического сооружения 1. Яма ориентирована по линии С-Ю. Череп лежал на теменной доле по центру ямы, а в её южной части локализовались угли, инвентарь отсутствовал (рис. 73, Б).

Захоронения по обряду кремации обнаружены на территории стоянки Сатыга XVIa. Местом захоронения выбрана площадка террасы высотой 4 м от основания северного обрывистого берега оз. Сатыгинский Туман.

Захоронения фиксировались по скоплениям кальцинированных костей и каменного инвентаря (рис. 77). В первом скоплении, округлым по форме, диаметром 0,24 м, «костеносный» слой незначительный, не более 0,05 м, каменный инвентарь не обнаружен. Идентификация вида из-за сильной фрагментарности костей оказалась невозможной.

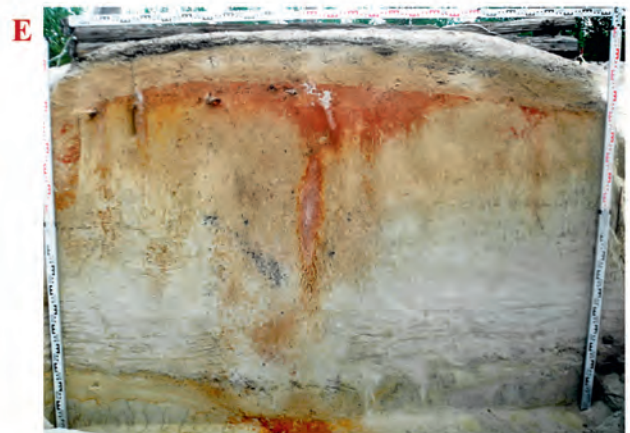
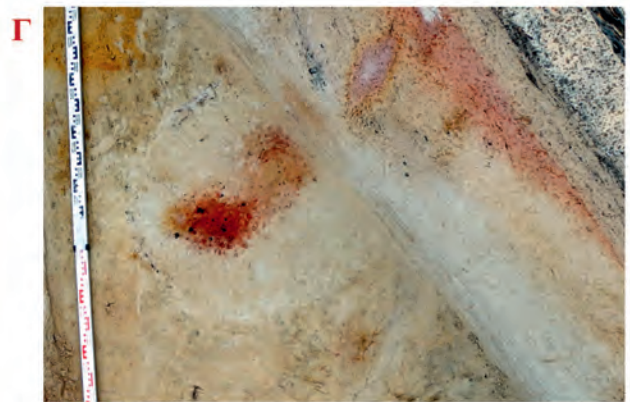
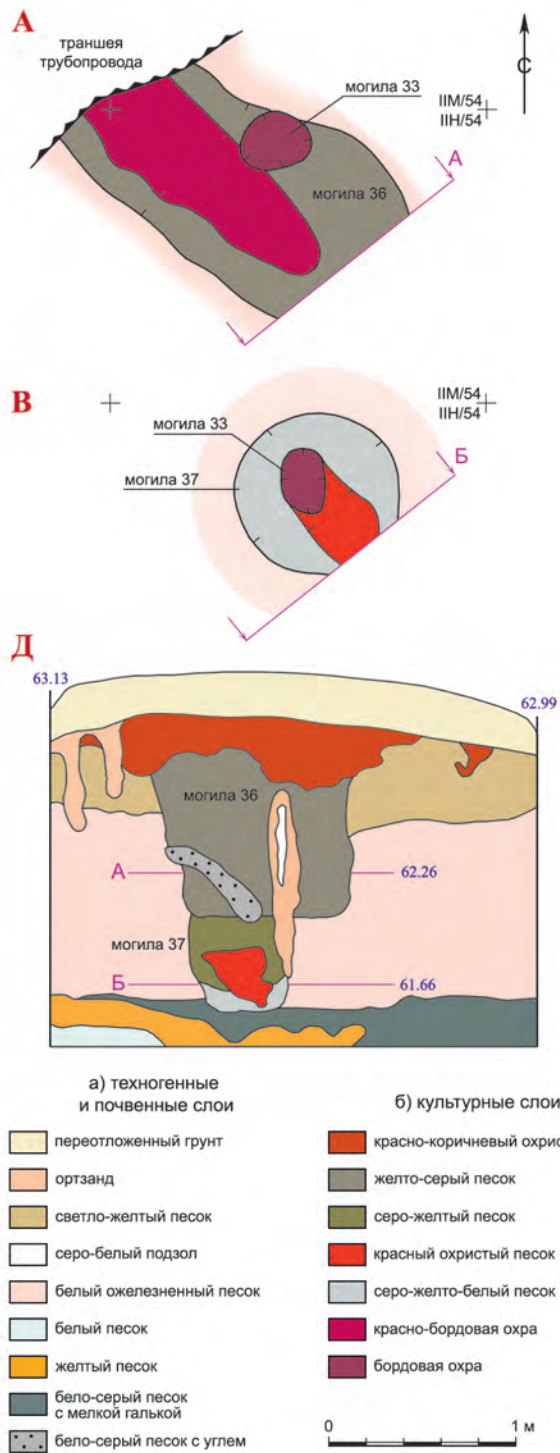

Рис. 115. Эпоха мезолита. Погребальный обряд. Могильник Большая Умытья 100.
 Могила 33, 36, 37. А, Б — могилы 33 и 36 на уровне 62,26 м (А — план очертаний; Б — вид с запада);
 В, Г — могилы 33 и 37 на уровне 61,66 м (В — план очертаний; Г — вид с запада); Д, Е — юго-восточная стенка уч. ИН/54. Фото А. А. Погодина

Скопление 2 овальное по форме в плане и сегментовидное в разрезе, размером 1,6×1,2 м. Мощность «костеносной» линзы в светло-коричневой супеси не превышала 0,38 м. Внутри скопления, в центральной части, на глубине 0,1 м от верхнего края, фиксировалась округлая линза прокалённого оранжевого грунта диаметром до 0,76 м. «Костеносный» слой под линзой продолжался до жёлтого материкового песка. Из состава костей определены фрагмент черепа человека и проксимальная фаланга кисти, остальное — неопределимые обломки трубчатых костей и рёбер.

Каменный инвентарь, представленный 63 предметами, залегал в восточной части скопления, в верхних 10 см (рис. 99, 1–21). 67% изделий подверглись высокотемпературному воздействию, выраженному микротрещинами, изменением структуры и цвета поверхности. О резком изменении температуры свидетельствуют и сколы десквамации.

Обнаружены нуклеусы галечные, конусовидные и призматические, одно- и двухплощадочные высотой 12–15 мм. Пластинки без ретуши представлены сечениями шириной 3–9 мм, толщиной 0,2 мм, часть из них, вероятно, шириной до 6 мм, являлись вкладышами.

Среди орудий — пластины с краевой ретушью, резцы и остриё. Пластинки с ретушью, судя по их пропорциям (9–12 мм ширина и 2–4 мм толщина) и обработке краевой притупляющей ретушью со спинки, возможно, использовались в индивидуальных рукоятках. Резцы угловые на сегментах пластин, не исключена случайность резцовой отщепки. Остриё на пластине, предположительно, является инструментом типа развёртки, длина режущей кромки до 17 мм.

Скребки и острия выполнены на отщепах. Один из скребков овальной формы обработан практически по всему периметру крутой ретушью. Под острия использованы крупный и мелкий отщепы, рабочие кромки располагаются на дистальной части, сформированы ретушью утилизации. Остальные предметы из скопления 2 представлены сколами с нуклеусов, отщепами, расколотыми гальками и чешуйками.

Скопление 3 овальное в плане, с ориентировкой С–Ю, с незначительным отклонением к востоку. Размеры скопления 1,6×1,1 м, мощность «костеносного» слоя не менее 0,18 м. С юга и севера оно было разрушено могильными ямами эпохи бронзы. В скоплении обнаружены кости человека и животных одинаковой степени сохранности. Основная масса — фрагменты диафизов трубчатых костей, черепа, рёбер и позвонков — сильно деформированы огнем и не поддаются определению. От скелета человека идентифицированы фрагменты проксимальной фаланги кисти, фрагмент черепа, кость запястья, фаланга стопы, фрагменты плечевой и лучевой костей, грудного и шейного позвонков. По заключению антрополога Д. И. Ражева, останки принадлежат одному индивиду, подвергнувшемуся термическому воздействию, когда на нем ещё сохранялись мягкие ткани. Определены кости животных: лося, фаланга волка или собаки; кости птиц.

Каменные и костяные изделия в скоплении залегали равномерно по всему слою. Не менее 44% предметов, получившие высокотемпературное воздействие, покрыты десквамацией. «Личные вещи» кремниевые представлены призматическими нуклеусами, не более 23 мм высотой, с фасетированными площадками и минимальным, не более трёх, снятием заготовок, в одном случае встречных с естественной поверхностью (рис. 99, 22, 23). Из числа пластинок без ретуши — 11 экз. шириной 3–6 мм, возможно, хранились усопшим под сменные вкладыши. Есть и вкладыши — пластины с краевой ретушью, а также резчик на медиальном сегменте шириной 12 мм. Помимо этого, охотник располагал точильным камнем из

мелкозернистого песчаника (рис. 99, 25) и изделием с грубой бифасиальной обработкой по периметру, по форме близким овалу.

В скоплении 3 найдено шесть обломков костяных предметов. Один является фрагментом костяной оправы составного орудия с глубиной и шириной продольного паза 3 мм и чуть более 1 мм. Ещё одно изделие — фрагмент гарпуна (?). Сохранился участок длиной 2,4 см с клювовидным зубцом. Второй зубец располагался в 2 мм выше первого, от него сохранилось основание. По одной стороне изделия был прорезан продольный паз. Не исключено, что изделие сопоставимо с типом V зубчатых острий каменного века Урала.¹²⁷ Назначение других изделий неясно. На одном предмете, сохранившемся в виде фрагмента, фиксируется ямка от сверления диаметром 2 мм. Другой предмет можно предварительно трактовать как острие игловидного изделия. Назначение двух частей одного предмета — основания и пера — не установлено (рис. 112).

Найденный в составе скоплений каменный инвентарь, вероятно, являлся «личным» имуществом таёжного охотника. Очевидно, что вместе с умершим были «кремированы» его инструменты и вооружение, а также набор предметов «про запас».

Небольшой массив источников по погребальной практике эпохи мезолита позволяет лишь в общих чертах описать отношение к умершему сородичу у таёжных охотников и рыболовов. Умерших ингумировали или кремировали, что, возможно, связано с периодом года, в который наступала смерть. Зима и весна — не лучшее время для погребения в могилах, трупы могли «храниться», и то, что от них оставалось, — кремировалось или хоронилось в туесах. Заметим, что ранние могилы круглой формы имели глубину до 2,0 м, что не исключает вертикальный способ захоронения, однако бесспорных аргументов для этих фактов нет. Останки усопшего располагаются в средней части ямы или практически на дне. В известных грунтовых захоронениях зачастую отсутствует погребальный инвентарь. Только в могиле 18 могильника Большая Умытья 100 найден каменный скребок. В то же время кремация усопшего проводится с его личным набором инструментов и заготовок. Подобное сочетание в погребальной практике способа захоронения проявляется на правобережье р. Обь в Кондо-Сосьвинском регионе вплоть до конца раннего Средневековья.¹²⁸

¹²⁷ Савченко С. Н. Наконечники гарпунов и зубчатые острия в каменном веке Урала // Российская археология. 2017. № 2. С. 29, 30; рис. 2, 4–7.

¹²⁸ Зыков А. П. Средневековые таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 122.

Глава 6

Хозяйство мезолитического населения

Экономика населения эпохи мезолита в северных областях Западной Сибири базировалась на натуральной форме хозяйства. Основными видами занятий являлись охота, рыболовство и собирательство. Нередко исследователи называют такой подход к добыче и сбору возобновляемых природных ресурсов комплексным. Приёмы и способы реконструируются, главным образом, по орудиям охоты и рыболовства, остаткам различного рода приспособлений типа заколов и ям-ловушек, пищевым остаткам.

В качестве показательных примеров разнообразия орудий и приспособлений рыболовства и охоты в эпоху мезолита можно привлечь материалы расположенного в бассейне р. Выгуда торфяника Вис I, в слоях которого обнаружены простые охотничьи луки, наконечники и древки стрел, обручи от деревянных сачков или верш, поплавок из сосновой коры, фрагмент крупноячеистой сети из корешков и листьев осоки.¹²⁹ Уникальны исследования стоянки Замостье 2¹³⁰ на верхней Волге, прибрежного поселения, культурные слои позднего и финального мезолита на котором, в прерывистом интервале около 7000–5800 л. до н. э., сформировались в регрессивные фазы палеозера. Рыболовные деревянные сооружения на стоянке представлены остатками верши-ловушки и закола, обнаружены гарпуны и зубчатые острия, рыболовные крючки, поплавки из коры и дерева, обрывки верёвочек и мелкие узелки из растительных волокон (остатки сетей), вёсла, ножи из рёбер лося.

В горно-лесном Зауралье в пещерных памятниках и торфяниковых стоянках, в слоях раннего и среднего мезолита пребореального и середины бореального периодов голоцена, обнаружены наконечники стрел, гарпунов и рогатин, зубчатые острия, кинжалы и ножи, рыболовный крючок.¹³¹

Эпоха мезолита северных районов Западной Сибири на настоящий период исследований, к сожалению, лишена всего этого многообразия артефактов. Прямые свидетельства получены из анализа остатков костей животных и рыб, кальцинированных (абсолютное большинство) при длительном температурном воздействии. На раннем этапе заселения этой территории подвижные группы охотились на лося и северного оленя (Большая Умытья 74, скопление 8; Сатыга XVIIa), добывали рыбу (Сатыга XVIIa).

¹²⁹ Буров Г. М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. М., 1969. Вып. 117: Каменный век. С. 132.

¹³⁰ Замостье 2. Озёрное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. СПб., 2013. 240 с.

¹³¹ Савченко С. Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горно-лесного Зауралья // Stratumpus. 2014. С. 181–208.

Вооружение мезолитического охотника состояло, наиболее вероятно, из лука (и самострелов) и стрел с костяными наконечниками, копья, гарпуна, ножа и кинжала. Неотъемлемой частью этого набора являлись вкладыши — каменные пластинки с ретушью и без таковой, их производство основывалось на микропластинчатой индустрии, хорошо представленной уже в наиболее ранних памятниках. К настоящему моменту обнаружены только мелкие обломки охотничьего оружия: фрагменты костяных оправ (Сатыга XVIIa, Ленино III, Убья 3) и гарпуна (Сатыга XVIa). Однако перспектива обнаружения метательного вооружения, несомненно, существует. Приоритетными в изучении являются заболоченные поймы рек и прибрежные линии озёр в местах стоянок и поселений эпохи мезолита. Успешные исследования в этом направлении проводятся на торфяниках горнолесного Зауралья.¹³²

Охотничья стоянка по промыслу крупных копытных, состоящая из двух наземных построек, располагалась на склоне левого берега р. Большая Умытъя. На площади одного жилища (скопление 6) обнаружены 68 фрагментов костей, преимущественно мелких, кальцинированных. Среди них определён фрагмент пяточной кости лося; остальные отнесены к крупным копытным — лось/северный олень. На площади второго жилища (скопление 7) — 246 фрагментов костей. Кости мелкие, кальцинированные. Определимых частей скелета нет, остатки отнесены к крупным копытным — лось/северный олень. На пяти косточках обнаружены следы от резания.

Ещё одно наземное строение — скопление 8 — приурочено к ровной площадке террасы на удалении 155 м от края левого берега р. Большая Умытъя на высоте 6 м. По центру скопления, среди каменных изделий, обнаружены мелкие кальцинированные кости (19 экз.) лося и северного оленя.

Сооружение 2б представлено 65 фрагментами мелких, кальцинированных костей. Определён фрагмент позвонка лося, остальные кости соотнесены с крупными копытными — лось/северный олень.

Высказываясь о времени и хозяйственной деятельности жителей посёлка Ленино III (Кондинское), Ю. Б. Сериков полагает, что посёлок основала группа, переживавшая весенний паводок и готовившаяся к весенней поволоке неподалёку от пути сезонной миграции копытных.

На позднем этапе мезолита в северных районах Западной Сибири используются, вероятно, и пассивные способы охоты на крупных копытных, так называемые ловчие ямы. Одно сооружение, особенностью стратиграфии которого является природное по генезису «разделение» средней и нижней части ямы горизонтальной прослойкой ортзанда, мощностью до 0,1 м, изучено на памятнике Угловое I на правобережье р. Конда на межозёрной гриве. Яму с относительно вертикальными стенками глубиной не менее 2,5 м выкопали в песчаном аллювии. При прокопке придерживались прямоугольной конфигурации, с ориентировкой СЗ–ЮВ, и размеров как минимум 2,4×2,1 м. Деревянные конструкции в яме не сохранились, возможно, они истлели, или, что не исключено, их вовсе не было.

Изучение следов износа на древних орудиях помогает, в определённой степени, получить сведения о приоритетных направлениях хозяйственной деятельности на той или иной стоянке. На поселении Большая Умытъя XXIII из 66 выделенных орудий 35 применялись для обработки мяса, 17 — дерева, 9 — шкуры, 3 — кости и 1 — камня. Сходные показатели и со сто-

¹³² Жилин М. Г. и др. Указ соч.

янки Сатыга XVIa: из 107 орудий — 50 инструментов по мясу, 35 — по дереву, 13 — по шкуре, 8 — по кости и 2 — по камню.¹³³

Интересные данные о промысловых рыбах — серебристому карасю и щуке — получены с поселения Леуши IX.¹³⁴ Из выборки 65 костей карася выделено 49 особей в размерном интервале от 13 до 22 см, с преобладанием 14–18,5 см и с пиковым значением класса длины 18 см. По щуке обработано три кости от трёх особей, из трёх классов длины: 34–36 см, 48–50 см и 55–58 см.

Мезолит — неолит: грань эпох

Региональная специфика таёжного мезолита территории Югры проявляется прежде всего в степени освоения территории. Можно говорить, что в позднем мезолите в бассейне р. Конда и, видимо, в Юганском Приобье сложилось довольно устойчивое культурное образование на базе крупных поселений с долговременными сооружениями, с разработанным механизмом адаптации на основе комплексного охотничье-рыболовческого хозяйственного уклада, а территории к северу и востоку от него, вплоть до южного Ямала, входили в ареал постепенного расселения мезолитических коллективов. Здесь пока не выявлено такой концентрации стоянок и поселений, как в Кондинском бассейне.¹³⁵ По материалам поселения Большой Салым 4 исследователи допускают заселение северных районов Ханты-Мансийского округа с территории бассейна р. Конда.¹³⁶

Мезолитическую культуру западно-сибирского Севера от культурных образований сопредельных территорий отличает уровень домостроительства, в частности, сооружение одно- и двухкамерных построек полуземляночного типа со сложной каркасно-столбовой конструкцией стен и перекрытия. Своеобразие камнеобработки заключается в широком использовании наряду с микропластинчатой техникой контрударного расщепления, которая позже предопределила специфику технокомплексов неолита и бронзового века, наличие специфических технических приёмов: пикетажа, сверления, пиления, шлифования и полировки.

Исследования последнего десятилетия дают всё больше информации о преемственности мезолитических культурных традиций в неолитическое время. Эта преемственность прослеживается в традициях домостроения: двухкамерные сооружения, каркасно-столбовая конструкция, посыпка охрой пола сооружения, наличие ниш в углах котлованов и т. д.; и в технокомплексах: сохранении микропластинчатой и пластинчатой техник расщепления в сочетании с техникой контрударного расщепления. Имеется предположение, что для ранне-неолитических комплексов бассейна р. Конда субстратной генетической основой послужила местная мезолитическая производственная база.¹³⁷ Показательным, с точки зре-

¹³³ Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолитические стоянки в нижнем течении р. Большая Учунья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 16; таб. 4.

¹³⁴ Архивные материала Е. М. Беспрозванного. Анализ костей ихтиофауны и размерных классов проведен к. б. н. П. А. Косинцевым.

¹³⁵ Погодин А. А. Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 5–15.

¹³⁶ Коноваленко М. В. и др. Указ. соч.

¹³⁷ Шаманаев А. В., Погодин А. А. Каменные индустрии ранне-неолитических культур среднего и северного Зауралья // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001. С. 61–62.

ния преемственности технологических традиций, выглядит комплекс городища Амня I, сочетающий, по степени преобладания, отщеповую технологию на основе контрударного и микропластинчатую технологию на основе призматического расщепления.¹³⁸ По мнению Л. Л. Косинской, амнинские памятники и синхронные им комплексы еттовского культурного типа являются более ранними в схеме развития неолитических культур Нижнего и Сургутского Приобья, а также Надым-Пуровского водораздела.¹³⁹ В бассейне р. Конда мезолитические черты в домостроительстве и каменной индустрии зафиксированы в материалах раннеолитического поселения Мулымья 3¹⁴⁰ (см. описание памятников раннего неолита в части 4). По результатам ¹⁴C датирования неолитическое поселение Мулымья 3 (Часть 4, табл. 32) синхронно в рамках второй половины VII тыс. до н. э. мезолитическим поселениям Леуши IX и Убья 3 (табл. 13).

¹³⁸ Морозов В. М., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 161–164; Стефанов В. И., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 93–111.

¹³⁹ Косинская Л. Л. Проблемы хронологии западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и средней Европе). СПб., 2004. С. 301–307.

¹⁴⁰ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конда // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020б. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 216–228.

Часть 4

Археологические
памятники на
территории ХМАО —
Югры в эпоху
неолита и энеолита

Глава 1

История исследования

На обширной территории центральной части Западно-Сибирской равнины, протянувшейся от Уральского хребта до Обско-Енисейского водораздела (бассейн рр. Вах и Большой Юган) практически на 1400 км, открыто не менее 800 памятников новокаменного века и энеолита. Основной ареал их расположения — это южно- и средне-таёжная подзоны Кондинской и Среднеобской низменностей, меньшая часть пока известна в северо-таёжной подзоне Нижнего Приобья (рис. 116, 117).

В бассейне р. Конда выявлено свыше 300 неолитических памятников. На 43-х, исследованных раскопками, зафиксировано 90 неолитических комплексов, из которых 55 являются жилищными. Исследование памятников проводилось большими площадями от 1000 до 10 000 кв. м, что дало важную и интересную информацию о планировке неолитических посёлков. Многие из них состояли из нескольких жилищ, а на пространстве между сооружениями находились наземные комплексы и хозяйственные ямы. На территории поселений и в составе могильников обнаружено 146 погребений эпохи неолита. В бассейне р. Конда известно около 400 энеолитических памятников. Раскопками изучено всего около 30 комплексов: поселения, укрепленные жилища, могильники и погребения на поселениях.

В Сургутском Приобье выявлено более 80 памятников эпохи неолита-энеолита, из которых исследовано меньше половины. Наиболее значимыми для этого района являются поселенческие памятники Барсовой Горы, малых рек Сургутского Приобья, бассейнов рр. Аган, Вах и левого берега р. Обь. На этой территории есть укрепленные поселения: раннеэнеолитическое городище Каюково 2 и городища заключительного этапа каменного века. Погребения эпохи неолита в Сургутском Приобье пока не обнаружены, энеолитические — выявлены на р. Аган, на левом берегу р. Обь и на Барсовой Горе.

В Нижнем Приобье известно около 20 памятников рассматриваемого периода. В бассейне рр. Казым и Северная Сосьва раскопано 7 археологических памятников, на которых исследовано 17 сооружений.

На археологической карте таёжной зоны Западной Сибири довольно много «белых пятен». Слабо изученными остаются район Тобольска и бассейн р. Демьянка. В Надым-Пуровском междуречье обнаружено только три памятника, где исследовано шесть жилищных построек, яма-ловушка и копи для добычи каменного сырья. К заключительному этапу каменного века — энеолиту — можно отнести лишь три памятника.

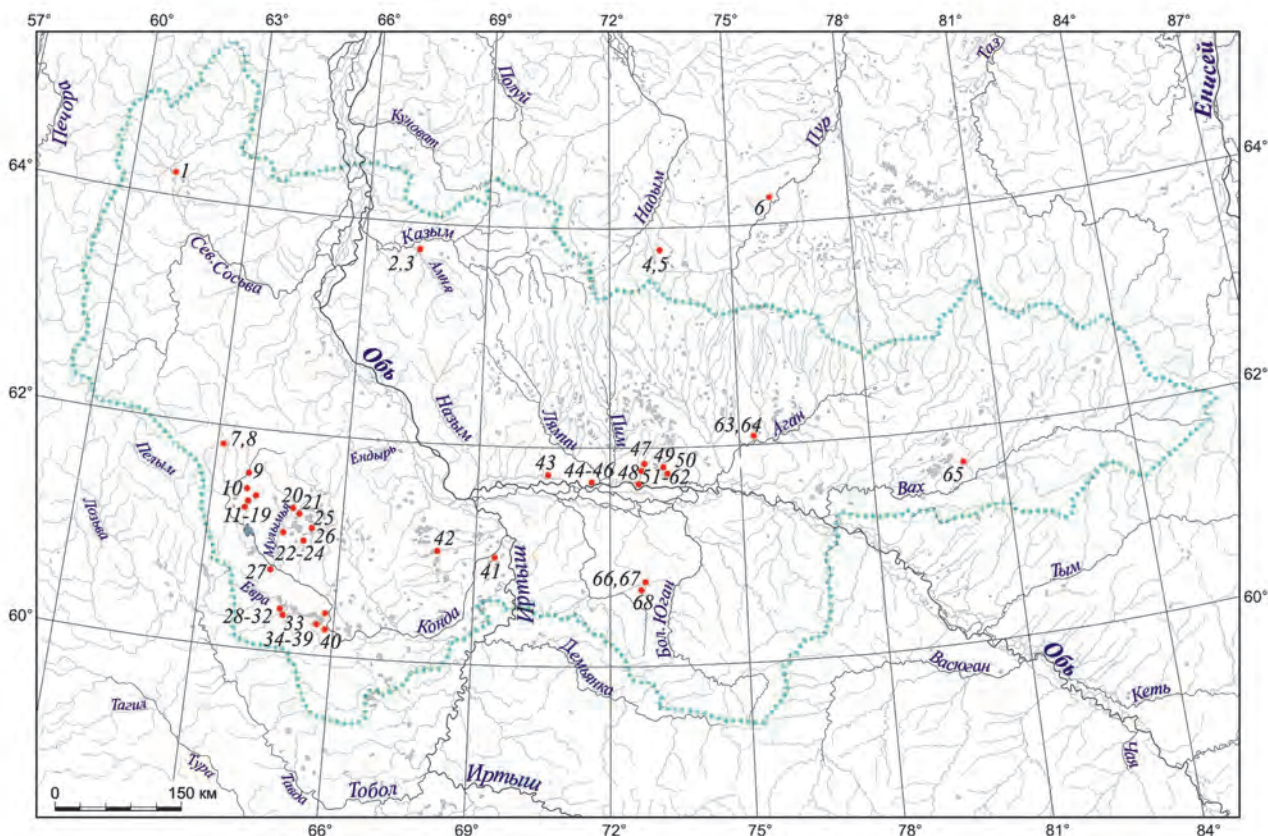

Рис. 116. Карта важнейших неолитических памятников на территории Ханты-Мансийского округа — Югры.

Составители Е. Н. Дубовцева, Т. Ю. Клементьева, Л. Л. Косинская

1 — Чэс-тый-яг	11–19 — Большая Умытья 2, 8,	33 — Канда	49 — Чёрная 3
2 — Амня I	9, 57, 72, 60, 100, 109, 142	34–39 — Леуши I, III, VII, IX, XIII, XIV	50 — Пыкты I
3 — Кирип-Вис-Юган 2	20 — Супра 4	40 — Чёртова Гора	51–62 — Барсова гора I/5,
4, 5 — Ет-то I, II	21 — Убья 3	41 — Чилимка V	I/8, II/8, II/9, II/10, II/15, II/16,
6 — Вора-яха 1	22–24 — Мульмя 3, 4, 6.3	42 — Стариков мыс I	II/17, II/19, II/22, II/42, IV/5
7 — Геологическое VII	25 — Толум 1	43 — Микишино 5	63, 64 — Нёх-Урий 3.1, 3.2
8 — Геологическое XVI	26 — Усть-Тетер 1	44–46 — Кушниково 1, 2, 8	65 — Большой Ларьяк II
9 — Шоушма 10	27 — Ушья	47 — Быстрый Кульёган 66	66, 67 — Каюково 1, 2
10 — Лемья 19.1	28–32 — Сумпанья II, III, IV, VI, VII	48 — Быстрый Кульёган 38	68 — Колунгтотытор 1

Изучение неолитической эпохи Зауралья, центральных и северных районов Западной Сибири продолжается около двух столетий, однако до сих пор эта обширная территория исследована неравномерно, что связано, в том числе, с труднодоступностью отдалённых районов, не охваченных промышленным освоением; наличием или отсутствием научно-исследовательских центров, проводящих целенаправленные исследования и др. Малочисленность известных памятников в регионе на начальных этапах исследований привела к тому, что древности каменного века Урала и Западной Сибири рассматривались вместе. Эта тенденция сохранялась до конца XX в. Поэтому история археологического изучения Югры взаимосвязана с историографией сопредельных территорий: Зауралья, Притоболья, Васюганья, Томского и Нижнего Приобья.

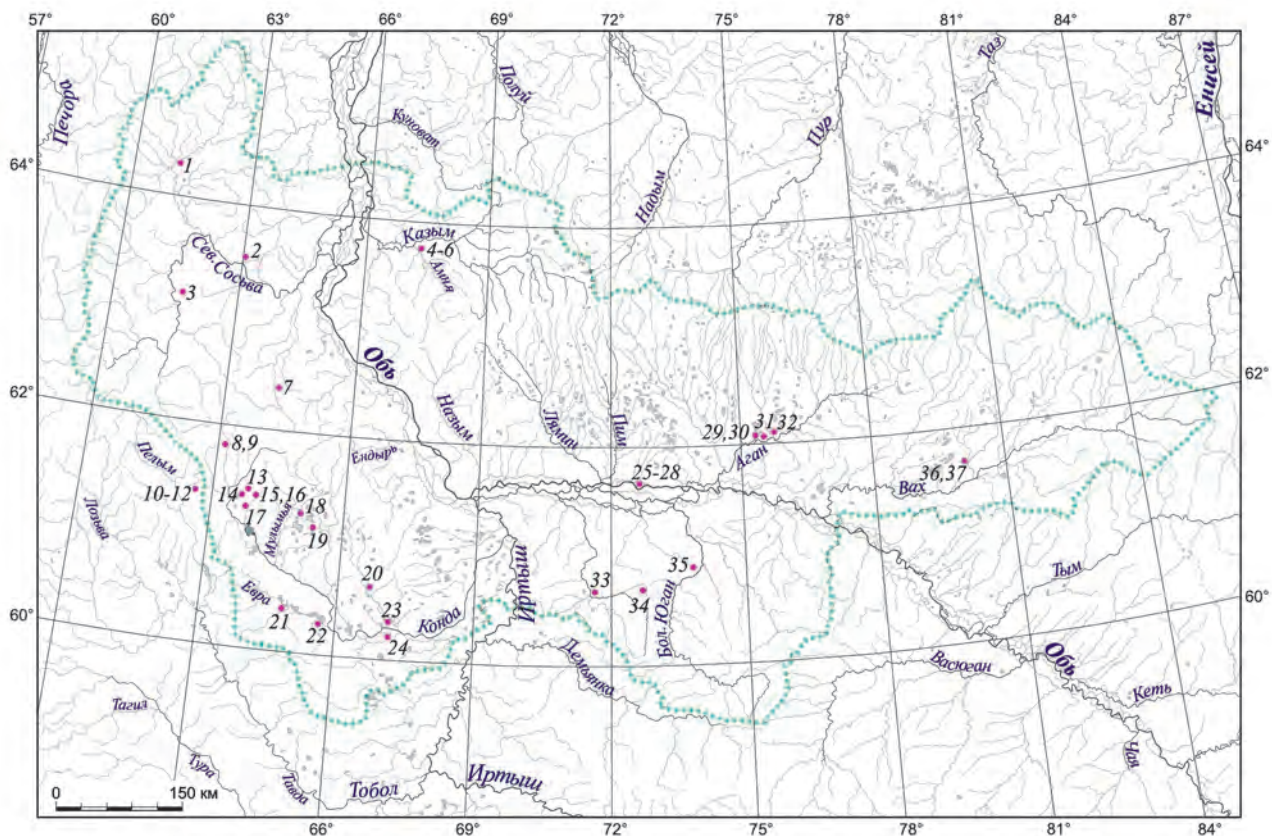

Рис. 117. Карта важнейших энеолитических памятников на территории Ханты-Мансийского округа — Югры.

Составители Е. Н. Дубовцева, Т. Ю. Клементьева

1 — Ясунское	8 — Геологическое III	19 — Толум 1	29, 30 — Нёх-Урий 3.2, 3.3
2 — Сартынья I	9 — Геологическое XVI	20 — Карым IX	31 — Имньёган 2.1
3 — Хулюм-Сунт II	10-12 — Атымья II, IV, VII	21 — Сумпанья II	32 — Старые Покачи 5.1
4 — Амня IA	13 — Лемья 19.1	22 — Леуши XIX	33 — Большой Салым 4
5 — Амня II	14 — Еныя 12	23 — Волвонча I	34 — Колунгтотытор 1
6 — Каксинская гора 3	15-17 — Большая Умытья 9, 60, 61	24 — Пашкин Бор VI	35 — Кулунигый 5
7 — Старый Хангокурт III	18 — Убья 3	25-28 — Барсова гора I/5а, II/86, II/9а, II/42	36, 37 — Большой Ларьяк II, III

Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири начались в середине XIX в. Они связаны с деятельностью Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), были довольно многочисленными и хорошо организованными. В конце XIX в. М. В. Малахов систематизировал материал этих исследований и предложил его периодизацию.¹ В дальнейшем, в том числе на основе этих данных, были выделены шигирская и андреевская культуры, датировавшиеся эпохой неолита — ранним железным веком.² Исследования северных

¹ Малахов М. В. О доисторических эпохах на Урале // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1888. Т. 11. Вып. 1. С. 1-8.

² См.: Берс А. А. Прошлое Урала: с древнейших времен до русской колонизации. М., 1930. С. 43-48; Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1951. Т. 2. С. 7-27. (МИА; № 21); Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Там же. С. 182-243.

районов Западной Сибири в это время имели случайный и бессистемный характер. В 1845 г. М. А. Кастрен посетил остяцкую крепость в окрестностях Сургута, где были собраны обнаруженные на тот момент археологические материалы. В 1890 г. в списках археологических памятников, составленных И. Я. Словоцовым, впервые упоминалось урочище Барсова Гора. Первые раскопки на нём были проведены В. Ф. Казаковым в 1889 г. и С. М. Чугуновым в 1890 г., а 1891 г. Барсову Гору посетил Ф. Р. Мартин. Повторное открытие урочища состоялось лишь в конце 1960 — начале 1970-х гг., благодаря разведкам археологической экспедиции Уральского госуниверситета.³ В это же время начались исследования бассейна р. Конда,⁴ где были обнаружены стоянки, которые сейчас датируются эпохой нео-энеолита. В нижнем Приобье к началу 1970-х гг. по разведочным сборам были известны единичные памятники, такие как поселение Чэс-тый-яг на Северной Сосьве⁵ или Салехардская стоянка в низовьях Оби.⁶

Территориально ближайшие памятники рассматриваемых периодов оказались сосредоточены в Среднем Зауралье и Тюменском Притоболье, и схемы археологической периодизации разрабатывались преимущественно на их основе. Первая попытка систематизации материала была предпринята в конце 1960 — начале 1970-х гг. московскими археологами В. Н. Чернецовым⁷ и О. Н. Бадером.⁸ Они предполагали существование в эпоху неолита на территории Зауралья и Западной Сибири единого культурного пространства (восточноуральской археологической культуры) с тремя этапами развития: козловский, охватывавший ранний неолит (4000–3300 л. до н. э.); юрьинско-горбуновский (3300–2700 л. до н. э.); чэс-тыйягский, или гребенчатый (2700–2200 л. до н. э.). В ареал восточноуральской культуры оказались включены разрозненные стоянки и единичные погребения лесной и лесостепной зон от Нижнего Приобья до Южного Зауралья и Омского Прииртышья. Единство памятников Урала и Западной Сибири подтверждалось сходством в форме и орнаментации сосудов, а различия между ними объяснялись хронологией.⁹ В. Н. Чернецов рассматривал и проблемы происхождения восточноуральской неолитической культуры, истоки которой он прослеживал в местных мезолитических комплексах, отмечая влияние на эти процессы населения Восточного Прикаспия. Идея близости кельтеминарских (прикаспийских) и нижнеобских комплексов типа Чэс-тый-яг, высказанная С. П. Толстовым после открытия неолитической стоянки Джанбас-кала IV,¹⁰ была поддержана рядом исследователей того времени. В. Н. Чернецов отмечал, что сходство между уральскими, западносибирскими и кельтеминарскими памятниками прослеживается не по отдельным элементам, а по все-

³ Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 40.

См.: Отчёт о работе Заполярного отряда ЛОИА в 1966 г. 34 с. / ЛОИА АН СССР; Хлобыстин Л. П. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3339; Отчёт о раскопках поселения Сумпанья VI в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа Тюменской области в 1984 г. / ЛОИА АН СССР; Крижевская Л. Я. Ленинград, 1985. 15 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11231; Отчёт о раскопках поселения Сумпанья VI в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа Тюменской области в 1984 г.: список иллюстраций к отчёту / ЛОИА АН СССР; Крижевская Л. Я. Ленинград, 1985. 33 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11231а.

⁵ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 12–25. (МИА; № 35).

⁶ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 165–166.

⁷ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 41–48.

⁸ Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 157–165. (МИА; № 166).

⁹ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении... С. 23.

¹⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 63.

му комплексу материала: кремню, керамике и кости.¹¹ В. М. Раушенбах считала, что уральские и кельтеминарские культуры гребенчатой керамики формировались в среде населения Урала, Западной Сибири и Казахстана. Не отрицая возможность миграции носителей гребенчатой керамики из Приаралья, она предполагала, что шигирская культура древнее кельтеминарской.¹² Несмотря на это замечание, идея о заимствовании таёжным населением неолитических инноваций с юга прочно вошла в историографию.¹³

О. Н. Бадер в 1970 г. ввёл понятие «уральский неолит», включавший две историко-культурные области: восточноуральскую (или обско-уральскую) и западноуральскую (или камско-волжскую). В развитии восточноуральской неолитической области он выделил четыре этапа: козловский, полуденский, сосновоостровский и липчинский.¹⁴ Содержание этапов принципиально не отличалось от предложенных В. Н. Чернецовым. Переход от мезолита к неолиту, по О. Н. Бадеру, происходил у древних уральцев под влиянием родственных им южных соседей, от которых была заимствована технология производства глиняной посуды. Вопрос о происхождении гребенчатой орнаментации О. Н. Бадер считал открытым, преобладание её на сосновоостровской посуде Зауралья объяснял тесным общением с западноуральским населением и вероятным проникновением людей с Западного Урала, где была распространена гребенчатая керамика.¹⁵

В таёжной зоне Западной Сибири с конца 1970-х гг. исследовались неолитические стоянки Барсова гора II/16а, II/17, Сумпанья II, III, IV, VI; Леуши VII; энеолитические стоянки и поселения Барсов городок I/5а, Пашкин Бор VI, Волвонча I, Шеркалы X и Унига I. Для определения культурно-хронологической позиции памятников Кондинской низменности, Сургутского и Нижнего Приобья исследователи, отмечая их своеобразие, обращались к аналогиям в материалах Среднего Зауралья и Притоболья.¹⁶

Археологический бум в Западной Сибири был тесно связан с хозяйственным освоением территории и формированием хоздоговорных экспедиций. Активное участие в исследовании памятников принимали учёные Ленинграда, Москвы, Свердловска, Тобольска, Томска, Тю-

¹¹ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении... С. 51–52.

¹² Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956. С. 140–149. (Труды ГИМ; вып. 29).

¹³ См.: Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаёжного Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.; Глушков И. Г. Миграции и гончарные традиции // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 18–20; Зах В. А. К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень, 2005. С. 60–70; Косинская Л. Л. Неолит Зауралья: интерпретационные модели и теория миграций // Тверской археологический сборник. Тверь, 2013. Вып. 9: Материалы 13-го — 15-го заседаний науч.-методич. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 120–135; Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 2021. 24 с.

¹⁴ Бадер О. Н. Уральский неолит... С. 158–159.

¹⁵ Там же. С. 163.

См.: Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. Вып. 1. С. 46. (Научные труды ТюмГУ; сб. 37); Матвеева Н. П. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье // Там же. 1979. Вып. 2. С. 73–81. (Научные труды ТюмГУ; сб. 64); Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. М., 1986. Вып. 185: Памятники неолита и бронзы. С. 44; Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век... С. 12–13; Матвеева Н. П. Неолитический памятник в Сургутском Приобье // СА. 1990. № 2. С. 127–135; Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова Гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 193–195.

мени. Накопление новых источников поставило под сомнение единство восточноуральской археологической культуры и правомерность включения в неё западносибирских материалов.

В. Т. Ковалёва предложила новую схему развития эпохи неолита в Зауралье. Неолитические древности были сведены в четыре археологические культуры, представляющие два хронологических этапа (ранний неолит — V тыс. до н. э., поздний неолит — IV тыс. до н. э.) двух линий развития. К аборигенным относились козловская и наследующая ей полуденская культуры; к пришлым, сформировавшимся в результате миграций, — кошкинская и последующая боборыкинская культура. Абсолютная хронология определялась по аналогиям с материалами сопредельных территорий и на основе ещё немногочисленных некалиброванных радиоуглеродных дат.¹⁷ Эта концепция была принята почти всеми исследователями. Однако позднее возникла многолетняя дискуссия о соотношении и происхождении кошкинских и боборыкинских древностей.¹⁸

Своеобразный «уралоцентризм» в определении культурной принадлежности северных материалов, заложенный их первыми исследователями, в значительной степени сохранялся на протяжении 1970–1990-х гг. В эти годы открыты и раскопаны неолитические поселения на рр. Сумпанья, Леушинка, Канда, Чилимка, Эсс (Кондинская низменность), в урочище Барсова Гора, на рр. Вах, Чёрная (Среднеобская низменность), в бассейне рр. Казым и Северная Сосьва (Нижнее Приобье). Новые памятники сравнивались со среднезауральскими, датировались по аналогии с ними, если и не включались в состав культур Зауралья и Приуралья, то трактовались как их производные.¹⁹ Выводы строились преимущественно на признаках сходства керамики. Однако невозможно было не заметить и её своеобразия в сравнении с зауральской посудой. По мере расширения полевых исследований и поступления новых данных становилось всё более очевидным, что археологический материал центральных и северных районов Западной Сибири разнообразен и по комплексу признаков отличен от зауральского. С середины 1990-х гг. наметился альтернативный подход к интерпретации северного неолита: исследователи пошли по пути выделения дискретных групп памятников, основанного на учёте особенностей керамики, каменного инвентаря, построек и радиоуглеродных дат.²⁰

¹⁷ Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989. 80 с.

¹⁸ См.: Зах В. А. К проблеме неолитизации ... С. 60–70; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 30–43.

¹⁹ См.: Васильев Е. А. Энеолит и бронзовый век... С. 3–13; Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 143–170; Гаджиева Е. А. Неолит бассейна р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 15 с.; Соболяникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита — ранней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 1998. 23 с.; Глушков И. Г., Соболяникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 109–122; Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таёжной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 123–134; Кокшаров С. Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. XII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург, 1993. С. 88–90.

²⁰ См.: Косинская Л. Л. Проблемы хронологии и культурного взаимодействия в неолите таёжного Зауралья Западной Сибири // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. XII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург, 1993. С. 102–104; Чемакин Ю. П. К периодизации памятников каменного века в Сургутском Приобье // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. IX Западно-сибирское археолого-этнографич. совещание. Томск, 1993. С. 117–119.

Был уточнён понятийный аппарат (жилищный комплекс, культурный тип керамики, культурный тип памятников / археологическая культура), используемый при таком группировании,²¹ а сами группы таёжных поселений вместе с памятниками юга лесной зоны предложено рассматривать в рамках урало-западносибирской культурной общности.²²

Процессы культуругенеза по-разному проявлялась в локальных районах таёжного Приобья, что требовало построения культурно-хронологических схем для каждого из них.

Для памятников Барсовой Горы Ю. П. Чемякин выделил группу поселений завьяловского (ныне — быстринского) типа с волнисто-прочерченной керамикой (ранний неолит), группы барсовогорского типа со смешанными приёмами орнаментации керамики, представляющие средний и поздний неолит, энеолит; группы с гребенчатой традицией орнаментации (поздний неолит и энеолит), а также энеолитическую группу с отступающе-накольчатой посудой.²³ Группирование основано преимущественно на типологии керамики. При поступлении новой информации он дополнял и уточнял эту схему.²⁴ В последующее десятилетие увеличился список выделенных культурных групп Сургутского Приобья. Так, завьяловская группа «переросла» в быстринскую культуру.²⁵ На обоих берегах Оби были исследованы два оригинальных поселения, объединённые в каюковскую культуру.²⁶ Благодаря накоплению радиоуглеродных дат уточнялась абсолютная хронология эпохи. Была пересмотрена культурно-хронологическая атрибуция памятников с плоскодонной керамикой типа поселения Барсова гора II/9, которые из раннего бронзового века «перекочевали» в ранний неолит.²⁷ Со временем всё менее ясной становилась позиция барсовогорской группы. Единичные ¹⁴C даты противоречили предложенной Ю. П. Чемякиным периодизации и типологической последовательности этапов; появились и стратиграфические данные, свидетельствующие, в частности, о раннеолитическом возрасте комплексов с керамикой третьей (энеолитической, по Ю. П. Чемякину) стадии.²⁸

Источниковая база Кондинской низменности позволила разработать для этой территории подробные типологические схемы эпохи неолита и энеолита. В 1993 г. Е. А. Гаджиева защитила кандидатскую диссертацию «Неолит бассейна р. Конда».²⁹ Это исследование стало пер-

---

²¹ Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таёжная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 61–72.

²² Косинская Л. Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // Тверской археологический сборник. Тверь 2002. Вып. 5. С. 215–223.

²³ Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 12–24.

²⁴ Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.

²⁵ Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006. 192 с.

²⁶ Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 112–122.

²⁷ Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 19–33.

²⁸ Дубовцева Е. Н. Селище Барсова Гора II/42 (комплексы неолита, энеолита и бронзового века) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 2. С. 126, 134.

²⁹ Гаджиева Е. А. Указ. соч. 17 с.

вым обобщающим трудом по неолиту региона. Для систематизации неолитических древностей она объединила известные к тому времени памятники в три группы: сумпаньинскую, кошкинскую и немнёлскую. Сопоставив их с неолитическими древностями Зауралья, пришла к выводу о неоднородности восточно-уральской неолитической культуры и самобытности кондинского неолита, ранний период которого характеризовался сумпаньинскими памятниками. Вопрос о позднем периоде остался открытым из-за неопределённости хронологической позиции кошкинских и немнёлских памятников.³⁰

В этом же году кандидатскую диссертацию «Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конда», в которой обсуждалась локальная типолого-хронологическая схема, представил С. Ф. Кокшаров. Все известные к тому моменту энеолитические памятники на основе морфолого-технологических и декоративных особенностей керамического материала и сопутствующего ему инвентаря были объединены в два типа памятников: атымьинский и волвончинский.³¹ Схема была существенно уточнена в 2009 г., когда, в связи с появлением новых материалов, были выделены ещё два типа: ушьинский и еныйский, занимающие обособленную хронологическую позицию и отражающие эволюцию культуры местного населения в период энеолита.³²

С начала 2000-х гг. происходит интенсивное пополнение источников, существенно изменившее сформированные представления о динамике культуры нео-энеолитического населения таёжных районов Западной Сибири. В бассейне р. Конда исследования сосредоточены преимущественно на притоках её верхнего и среднего течения: рр. Эсс, Большая Умытья, Шоушма, Убья, Усть-Тетер, Мулымья (Геологическое VII и XVI; Еныя 12, Большая Умытья 2, 8, 9, 57, 60, 100, 109; Шоушма 10; Убья 3; Усть-Тетер 1, Мулымья 3 и 4, Толум 1 и др.). Здесь были открыты сотни памятников неолита и энеолита, десятки из которых исследованы раскопками (рис. 118).

В Сургутском Приобье продолжают исследования нео-энеолитических памятников на Барсовой Горе (Барсова гора II/9, II/19, II/22 II/42), активно исследуются малые реки Сургутского Приобья: Чёрная, Быстрый Кульёган, Минчимкина (поселения Пыхты I, Быстрый Кульёган 38, 66, Чёрная 3, Кушниково 1, 2, 8); открыты памятники на р. Аган (Нёх-Урий 3.1, 3.2, 3.3, 3.4, Имнъёган 2.1, 2.2), на левобережье р. Обь исследованы памятники Каюково 1, 2, Колунгтотыроп 1, Большой Салым 4, Кулунигый 5. Продолжаются работы на памятниках Нижнего Приобья, Надым-Пуровского междуречья и южной части полуострова Ямал (Амня I, Ia, II; Кирип-Вис-Юган 2, Чэс-тый-яг, Горный Самотнёл, Хулюм-Сунт I, Ясунское, Ловсанг-Хум, Усть-Васъёган 1, Салехард 1, 5, Ет-то I, II, Пякупур 3, Йоркутинская стоянка).

Эти годы ознаменовались выпуском монографических исследований Ю. Ф. Кирюшина,³³ Ю. П. Чемякина,³⁴ С. Ф. Кокшарова,³⁵ в которых упорядочены материалы эпохи неолита

³⁰ Там же. С. 16–17.

³¹ См.: Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 92–95; Он же. Энеолит и бронзовый век р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 22 с.

³² Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. 271 с.

³³ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной. Барнаул, 2004. 295 с.

³⁴ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... 224 с.

³⁵ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... 272 с.

и энеолита Васюганья, Сургутского Приобья и р. Конда. Они посвящены не только рассмотрению материалов и находок с отдельных памятников (например, поселения Быстрый Кульёган 66,³⁶ Горный Самотнёл,³⁷ Лемья 19.1³⁸), но и обоснованию локальных хронологических схем.

Применение единой методики полевых и камеральных исследований предоставило возможность сопоставления комплексов между собой. Изучение археологических памятников большими площадями позволило получить информацию о структуре неолитических поселков и могильников, а применение индивидуальной фиксации археологического материала — установить выборки по жилищным и погребальным комплексам.

Уточнение абсолютного возраста памятников с разными культурными типами керамики всё более явно противоречило двухэтапной периодизации, разработанной для Среднего Зауралья. В процессе многолетнего научного поиска исследователями неолита центральной и северной части Западной Сибири были предложены новые подходы к периодизации эпохи. Основным принципом анализа стало частичное абстрагирование от выделенных ранее типов керамики и обращение к обобщающим дефинициям — декоративно-морфологическим группам посуды³⁹ и традициям керамического производства.⁴⁰ Определяющая роль в предложенной трёхчленной периодизации отводилась корреляции керамических традиций и абсолютных дат.⁴¹

На сегодняшний день многие вопросы изучения неолита-энеолита таёжной зоны Западной Сибири далеки от своего решения. Продолжается дискуссия, начатая в 2000-е гг., по проблемам соотношения ранней плоскодонной керамики, посуды боборыкинской культуры, в том числе басьяновского типа; не ясна хронологическая позиция и культурная принадлежность кошкинской посуды Кондинской низменности и Нижнего Приобья, гребенчатой и накольчатой керамики Барсовой Горы; под сомнение ставится периодизация барсовогорской группы памятников. Новые неолитические комплексы, в частности, находки с р. Аган и левобережья р. Обь,⁴² часто не вписываются в существующие культурно-хронологические схемы,

³⁶ Косинская Л. Л. Поселение Быстрый Кульёган 66...

³⁷ Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнёл-1: материалы исследования. Салехард, 2018. 150 с. (Прил. к сб. «Археология Арктики»; вып. 5).

³⁸ Гирия Е. Ю. и др. Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. Екатеринбург, 2019. 124 с.

³⁹ См.: Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии. М., 2012. С. 497–524; Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 247–251.

⁴⁰ Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства на Севере Западной Сибири // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015. С. 208–212.

⁴¹ См.: Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228; Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Хронология и периодизация неолита таёжной зоны Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Тверь, 2021. Вып. 12. С. 11–29.

⁴² См.: Данилова Е. Н. Раскопки селища Нёх-Урий 3.1 в Нижневарттовском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 447–458; Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтогытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО — Югры в 2017 г. // Там же ... 2018. Вып. 16. С. 295–312; Тресцова А. Ю. Общее и особенное неолитических памятников в долине р. Аган // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2019. С. 124–126.

Рис. 118. Раскопки поселения Большая Умытья 100 в 2012 г. экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Котлован сооружения № 14 позднего неолита. Вид с запада. Фото А. А. Погодина

однако они слишком малочисленны для выделения самостоятельного типа керамики или культурного типа памятников. Переосмысления требует и содержание финального этапа эпохи камня — энеолита. Как отмечалось выше, памятники Барсовой Горы, ранее отнесённые к этому этапу, по стратиграфическим данным и радиоуглеродному датированию, скорее всего, относятся к неолиту. Однако ошибочно было бы думать, что во второй половине IV — первой половине III тыс. до н. э. территория Среднего Приобья не была заселена, о чём свидетельствуют, в том числе, яркие городища (Имнъёган 2.1) и погребальные комплексы (Большой Салым 4).⁴³

Помимо изысканий, направленных на культурно-хронологическую атрибуцию, в фокусе внимания исследователей находятся вопросы более широкого спектра: изучение древнейших производств; соотношение автохтонных и миграционных импульсов в развитии обществ таёжных охотников, рыболовов и собирателей каменного века и связанные с ними социальные изменения: возможные конфликты (появление первых городищ); иные, по сравнению с периодом мезолита, ритуальные практики (появление культовых холмов); хронология неолитической эпохи и т. п.⁴⁴

Изложенные проблемы таёжного неолита и энеолита Западной Сибири определяют круг актуальных вопросов, которые позволяют уточнить общие процессы культурогенеза на рассматриваемой территории. Таким образом, можно констатировать, что неолитоведение региона на современном этапе постепенно переходит от анализа к синтезу накопленной информации.

⁴³ См.: Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. 352 с.; Коноваленко М. В., Балуева Ю. В. Новые данные о погребальном обряде эпохи раннего металла в Сургутском Приобье (по материалам комплекса Большой Салым 4) // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2019. С. 94–97.

⁴⁴ См.: Piezonka H., et al. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2020. № 116. P. 1–19; Чаиркина Н. М. и др. Традиции и новации в раннем неолите Севера Западной Сибири // *Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях)*. М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 48–54.

Глава 2

Основные термины и понятия

Содержание понятий «неолит» и «энеолит»

Понятие «неолит» — новый каменный век — введено Д. Леббокком для обозначения одного из периодов дописьменной истории человечества. Выделение неолитического периода соответствовало принципам археологической периодизации Х. Томсена и было основано на совершенствовании способов обработки камня, появлении техники шлифования. Идея Дж. Мелларта о керамике как показателе уровня общественного развития, перехода от дикости к варварству, была воспринята археологами — наличие глиняной посуды стало одним из критериев выделения новокаменного века. Благодаря работам Г. Чайлда, понятие «неолит» в западной археологии приобрело экономическое содержание. Его основным критерием стало распространение и становление производящего хозяйства. В связи с тем, что на Ближнем Востоке зарождение земледелия и скотоводства происходило до появления керамики, Г. Чайлд ввёл термин «докерамический неолит», а Дж. Мелларт — «протонеолит». Концепция неолитической революции Г. Чайлда во многом определила современные подходы к периодизации каменного века лесной зоны Западной и Северной Европы.⁴⁵ В настоящее время в мировом археологическом сообществе развернулась дискуссия о содержании этого понятия. В Южной, Западной, Центральной Европе неолитом считают период становления и распространения производящей экономики, внедрение в культуру «неолитического пакета» производственных технологий (в том числе гончарства), изменения в социальной организации и мировоззрении древнего населения. В лесной зоне Северной Евразии под неолитом понимают культуры охотников-рыболовов-собирателей, освоивших керамическое производство. В период неолита у населения этих территорий также происходят значительные изменения в основных сферах материального производства, в социальной организации и духовной культуре.

На территории Западной Сибири в большинстве культур изменяется облик каменного инвентаря; появляются примитивные шахты для добычи сырья; распространяется керамическая посуда; повсеместно фиксируются разнообразные по форме, размерам и конструкции жилища; в некоторых районах возникают уникальные укрепленные поселения (городища) и своеобразные культовые комплексы, так называемые «холмы». Эти и другие инновации являются признаками перехода от эпохи мезолита к неолиту. Сам факт распространения

---

⁴⁵ Пиенонка Х. Старейшие горшки мира: о рассеивании керамических инноваций среди евразийских охотников-собирателей со времен позднего ледникового периода // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 2. С. 66–78.

керамики в неолите лесной и лесостепной зон связывают с относительно оседлым (по сравнению с мезолитом) образом жизни, который стал возможен благодаря интенсификации рыболовства, а также совершенствованию способов охоты, что повлекло более высокий уровень пищевой обеспеченности. В этих условиях глиняная посуда оказалась востребованной. Таким образом, под **неолитом** таёжных районов Западной Сибири мы понимаем новый этап социально-экономического и культурного развития древних обществ с высокопродуктивным комплексным присваивающим хозяйством в конце каменного века (VII–IV тыс. до н. э.).

Следующий этап развития древних обществ в уральской и западносибирской историографии традиционно назывался **энеолитом**.⁴⁶ Современные исследователи используют для обозначения этого периода и другие дефиниции: эпоха раннего металла, переходное время от неолита к эпохе бронзы, постнеолитическое время и т. п.

Термин «энеолит» впервые был введён Ф. Пульским в 1876 г. для обозначения периода между каменным и бронзовым веками. Исследователь связывал его с началом использования древним населением самородной меди.⁴⁷ В определении понятия «энеолит» сейчас существует несколько концептуальных подходов: технологический и содержательный. Сторонники первого подхода считают энеолитическими только те культуры, в обиходе которых есть изделия из меди. Последователи второго отмечают важные изменения, произошедшие во всех сферах жизни древнего населения в этот период, подчёркивая его специфичность. Дискуссия вокруг термина и его содержания длится до сих пор, обзор альтернативных мнений по данному вопросу изложен в научной литературе.⁴⁸

В определении содержания периода, по нашему мнению, наиболее приемлем комплексный подход с вычленением определяющего технико-металлургического принципа, который соответствует основному критерию археологической периодизации и отражён в семантике понятия. Под энеолитическими культурами и типами памятников понимаются те, в среде которых распространяются металлургически чистые медные изделия, либо появляется комплекс показателей, свидетельствующих об их использовании.⁴⁹

На памятниках центральной и северной части Западной Сибири, в отличие от материалов этого времени Среднего Зауралья и Тюменского Приоболья, отсутствуют изделия из металла и следы его обработки, поэтому было бы правильнее относить эти древности не к энеолиту, а к переходному времени от неолита к бронзовому веку, по определению М. Ф. Косарева,⁵⁰ или рассматривать их в рамках **финального этапа эпохи камня**. Необходимость выделения отдельного этапа диктуется отражёнными в материальной культуре свидетельствами изменений в жизнедеятельности западносибирского населения в это время, что выражалось

⁴⁶ См.: Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999. 181 с.; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. 313 с.; Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... 272 с.

⁴⁷ Рындина Н. В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник МГУ. Сер. 6. История. 1978. Вып. 6. С. 74–86.

⁴⁸ См.: Мерперт Н. Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981. С. 11, 20; Массон М. В. Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит» // Энеолит СССР. М., 1982. С. 7. (Археология СССР); Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. С. 14–12; Бобров В. В. «Энеолит» Западной Сибири // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 347–349.

⁴⁹ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья... С. 36.

⁵⁰ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 22.

в смене керамических типов, появлении новых орудий, предметов промысла, появлении новых образов в орнаментальном искусстве. К этим изменениям, вероятно, могло привести поступательное развитие культуры неолитического населения региона, а также культурные связи и обмен с населением металлургических очагов и провинций, включение таёжных районов Югры в их систему коммуникаций.

Исследователи предполагают существование в III тыс. до н. э. на восточном склоне Урала, Кондинской низменности Западной Сибири и территории современного Северного Казахстана культурно-исторической области (КИО) — восточноуральская,⁵¹ Зауральско-Североказахстанская⁵² или Зауральско-Казахстанская.⁵³ Она объединяет терсекские и ботайские памятники (Северный Казахстан), кысыкульско-суртандинские (Южное Зауралье); липчинские, шувакишские и аятские (Среднее Зауралье), атымьинские и волвончинские (Кондинская низменность), ряд других культур и культурных типов памятников. Параллели с северными материалами обнаруживаются в керамике кысыкульской, суртандинской, аятской и липчинской культур горно-лесной зоны Южного и Среднего Урала,⁵⁴ на памятниках которых найдены металл и первые следы металлопроизводства.⁵⁵ В Западной Сибири самые ранние медные изделия обнаружены в Васюганье.⁵⁶ Технологическая керамика в Зауралье на памятниках липчинской и андреевской культур является косвенным свидетельством знакомства этого населения с технологией металлообработки.⁵⁷ Становление собственной металлообработки в таёжной зоне связано уже с полымьятскими и кульёганскими древностями эпохи бронзы.⁵⁸

Жилищный комплекс, культурный тип памятников, археологическая культура и керамическая традиция

Особенностью археологических памятников равнинной части Западной Сибири является то, что каждое исследованное жилище можно рассматривать как закрытый или полузакрытый комплекс при условии, что его котлован не был перекрыт или прорезан относительно поздними постройками. Песчаные почвы и традиция строительства углублённых жилищ

⁵¹ См.: Бадер О. Н. Уральский неолит... С. 157–171; Кокшаров С. Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность... С. 88–90.

⁵² Чаиркина Н. М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. XII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург, 1993. С. 216–217.

⁵³ Шорин А. Ф. Энеолит Урала... С. 71–90.

⁵⁴ См.: Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С. 7–48; Старков В. Ф. Мезолит и неолит... С. 147–157; Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности... С. 27–32; Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. 328 с.; Шорин А. Ф. Энеолит Урала... С. 71–90; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья... С. 287–296; Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 252–258.

⁵⁵ Спиридонов И. А. Металл энеолитических комплексов Зауралья // ВААЭ. 2019. № 3 (46). С. 86–95.

⁵⁶ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век... С. 53.

⁵⁷ Спиридонов И. А. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ См.: Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // ВААЭ. 2012. № 4(19). С. 27–42; Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Быстрый Кульёган-38 — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // АЭАЕ. 2011. № 2(46). С. 55–69; Борзунов В. А. и др. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 184–220.

позволяет четко фиксировать и отличать археологические объекты один от другого, устанавливать их последовательность. Специальные процедуры по формированию искусственных выборок из определённых горизонтов — первичных заполнений жилищ («выборка по полу») и горизонтов обитания вне объектов — позволяют выделять эталонные комплексы, близкие к реально существовавшим в древности. Таким образом, под *жилищным комплексом* понимается совокупность находок (керамики, украшений, каменных и костяных орудий), отражающих период функционирования конкретного жилища. Сосуды в этом комплексе могут принадлежать одному или нескольким *типам керамики*. Среди исследователей нет единства мнений о содержании этого понятия. Одни понимают под ним всю совокупность керамического материала, обнаруженного в полузакрытых или закрытых комплексах.⁵⁹ Другие подразделяют керамику жилищных комплексов или поселений на морфологические и стилистические типы, для которых характерны определенные технические приемы декорирования и мотивы орнамента.⁶⁰

Независимо от позиции исследователей, под термином *культурный тип памятников* понимается локальная группа археологических памятников, включающих комплексы со сходными типами построек, с устойчивым сочетанием типов керамики и каменного инвентаря.⁶¹ Необходимость выделения этого таксона связана с малочисленностью археологических памятников и методическими сложностями в выделении археологических культур в таёжных районах Западной Сибири.

Стремление выделять «локальные типы керамики, местные культурные типы памятников»⁶² привело к тому, что таких культурных типов появилось около двух десятков. Некоторые включают лишь одно поселение (чилимкинский, чэстыйягский типы), другие объединяют несколько разновременных памятников (барсовогорский и др.). Вопросы их хронологии, а также возможности объединения в рамках уже существующих или новых археологических культур являются дискуссионными. С резким увеличением количества исследованных неолитических комплексов назрела необходимость в упорядочении выделяемых культурных типов памятников. Нежелание исследователей множить подобные таксоны вызвало обращение к обобщающим дефинициям: *декоративно-морфологическая группа посуды*,⁶³ *традиция керамического производства*,⁶⁴ *культурно-хронологический горизонт*.⁶⁵

Одно из наиболее корректных, на наш взгляд, определений понятия «культурная традиция» предложено Э. С. Маркаряном. «Культурная традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих

---

⁵⁹ Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите... С. 61.

⁶⁰ Чаиркина Н. М. Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. — СПб., 2009. С. 179.

⁶¹ Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите... С. 61–62.

⁶² Косинская Л. Л. К вопросу о гребенчатом неолите таёжного Приобья // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2003. С. 5.

⁶³ Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Указ. соч. С. 497–524.

⁶⁴ Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства на севере Западной Сибири... С. 208–212.

⁶⁵ Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таёжной зоны Западной Сибири // УИВ. 2022. № 2(75). С. 139–148.

коллективах».⁶⁶ Своеобразие культуры того или иного общества достигается путём сочетания специфических черт, обусловленных историческим развитием и условиями существования данного социума. Э. С. Маркарян называет такое сочетание «локальной традицией». Функцией локальных традиций является поддержание стабильности и воспроизводства обществ как специфических систем. В совокупности локальные традиции — это некая целостная характеристика культуры. Ряд исследователей рассматривает археологическую культуру как проявление локальных культурных традиций.⁶⁷ Помимо локальных традиций существуют и общие, которые включают общий опыт различных исторических общностей.⁶⁸ Общие культурные традиции носят транскультурный характер и существуют на протяжении длительного времени — эпохи, выходя иногда за её пределы. Причинами формирования общих традиций могут служить культурная диффузия, идентичность условий существования или единство происхождения социумов. Понятие «культурная традиция», применительно к западносибирским неолитическим материалам, обосновано для керамики,⁶⁹ помимо морфологии и декора оно включает также технологию производства посуды и нанесения орнамента. Этот термин может быть применим и для других материалов и сфер производства.

Археологический материал на территории Югры, несмотря на разнообразие, демонстрирует общие исторические и культурные явления на протяжении всей эпохи неолита. Для обозначения общности некоторых явлений используется концепция **культурно-хронологического горизонта**, которая не противоречит и не отрицает концепции археологической культуры или концепции культурной традиции. По определению Л. Я. Яблонского, под культурно-хронологическим горизонтом понимается географический регион, в котором на определённом хронологическом этапе получают широкое распространение характерные маркёры: археологические артефакты и их комплексы, признаки духовной культуры (в том числе признаки погребального обряда и декоративно-прикладного искусства).⁷⁰ Выделение культурно-хронологических горизонтов требует хорошо разработанной хронологии и периодизации.

Приведённый краткий обзор терминов и понятий, с одной стороны, демонстрирует сложность и многообразие культурных и исторических процессов, происходивших в таёжных районах Западной Сибири в конце каменного века, а с другой — показывает поиски адекватных теорий и терминов для описания этих явлений.

---

⁶⁶ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78–96. Также см. другие статьи в этом выпуске.

⁶⁷ См.: Аникович М. В. Археологическая культура: определение понятия и процедура выделения // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1990. С. 42; Викторова В. Д. Традиции, обряды и обычаи как формы деятельности и общественных отношений первобытного общества // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1982. Вып. 16: Археологические исследования Севера Евразии. С. 3–12.

⁶⁸ Маркарян Э. С. Указ. соч. С. 84.

⁶⁹ Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите... С. 49–59.

⁷⁰ Яблонский Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? Челябинск, 2013. С. 36–37.

Глава 3

Хронология и периодизация

Основание археологической периодизации — это появление и распространение новых технологий. Начало эпохи неолита в таёжной зоне связано с распространением глиняной посуды, окончание — с распространением металлических изделий.

В последней трети VII тыс. до н. э. происходит знакомство населения Западной Сибири с гончарной технологией, что является наиболее ярким признаком эпохи неолита. Основными маркерами культурной динамики становятся изменения в технологии производства и стилистике орнамента глиняной посуды.

Несмотря на существенный прорыв в радиоуглеродном датировании как вновь поступающих, так и старых коллекций, сохраняется ряд проблем, требующих своего решения.⁷¹ Имеющийся в нашем распоряжении массив ¹⁴C дат, в том числе определяющих хронологические рамки неолита, характеризуется значительной расплывчатостью.

Нижний его рубеж не ясен. Даты большинства ранних комплексов не выходят за пределы 6000 кал. л. до н. э., около 30 образцов дали значения в интервале 6500–6000 кал. л. до н. э. (табл. 26, 28, 32). Последняя группа датировок, на наш взгляд, наиболее чётко обозначает проблему времени начала неолита в регионе. На некоторых памятниках есть ещё более ранние даты: 12 100–7000/6600 кал. л. до н. э. Они вызывают дискуссию о времени начала керамического производства в таёжной зоне Западной Сибири в связи с гипотезой восточносибирского культурного импульса.⁷²

В целом памятники раннего неолита в разных районах Западной Сибири охватывают интервал второй половины VII — третьей четверти VI тыс. до н. э. (6500/6200–5500/5300 кал. л. до н. э.). Этот период характеризуется не только появлением керамической посуды, но и рядом других инноваций, в том числе возникновением поселений со сложной планировкой и культовых холмов, а также изменениями в каменной индустрии.

Вторая половина VII тыс. до н. э. является переходным временем, когда на одной территории проживали сообщества, использовавшие керамическую посуду, и группы населения,

⁷¹ Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Указ. соч. 2021. С. 12, 21.

⁷² Kuzmin Y. V., Vetrov V. M. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust-Karenga 12 site and its significance for the neolithisation process in Eurasia // Documenta Praehistorica. 2007. Vol. 34. P. 9–20.

ещё не воспринявшие эту новацию. Ареалы мезолитических и неолитических памятников часто совпадают (Часть 3, рис. 61; Часть 4, рис. 116). Появление глиняной посуды в среде таёжных охотников не изменило их традиционную систему хозяйства. Черты мезолитической эпохи в раннем неолите проявляются в строительстве двухкамерных землянок — такие постройки изучены в бассейне р. Конда на поселениях Мулымья 3, Шоушма 10 и Усть-Тетер 1; на Надым-Пуровском водоразделе на поселении Ет-то I.⁷³ В индустрии камня раннего неолита применяются технологии расщепления (контрударная, ударная и отжимная), абразивная обработка (шлифование, пиление и сверление), пикетаж, которые применялись и мезолитическим населением р. Конда.

Однако по сравнению с мезолитом число известных поселений в неолите на порядок возрастает: на 40 мезолитических стоянок и поселений приходится более 400 неолитических. В эпоху неолита процесс освоения центральных и северных районов Западной Сибири стал более интенсивным. Заселение территории могло идти по двум основным направлениям: на север и северо-восток вдоль Уральского хребта; на север и северо-запад по водной системе Обь–Иртыш. Теоретически нельзя исключать и третий путь из Обь-Енисейского междуречья на запад, однако надёжных археологических свидетельств этому пока нет.

Верхний рубеж эпохи неолита также не слишком отчётлив. Во-первых, недостаточно дифференцированы критерии отнесения того или иного типа памятников к энеолиту, во-вторых, для многих энеолитических памятников нет радиоуглеродных дат, а имеющиеся ¹⁴C даты малочисленны и противоречивы. Верхняя граница наиболее молодых неолитических типов варьирует в пределах 3800–3400 кал. л. до н. э., а датировки спорных неолитических/энеолитических комплексов охватывают интервал 4000/3700–3400/3000 кал. л. до н. э.

Несмотря на сложности в разработке периодизации заключительных этапов каменного века, анализ радиоуглеродных данных различных культурных типов и стратиграфических наблюдений в сопоставлении с керамическими традициями позволяет выделить три хронологических этапа в неолите и три — в энеолите рассматриваемых территорий (рис. 119).

Хронологические границы периодов в разных районах не совпадают, что, с одной стороны, может объясняться степенью изученности территории и погрешностями в ¹⁴C датировании, а с другой, тем, что скорость распространения новаций (в том числе керамических традиций) в таёжных районах не была одинакова, их внедрение могло запаздывать в глубинных районах Среднего и Нижнего Приобья.

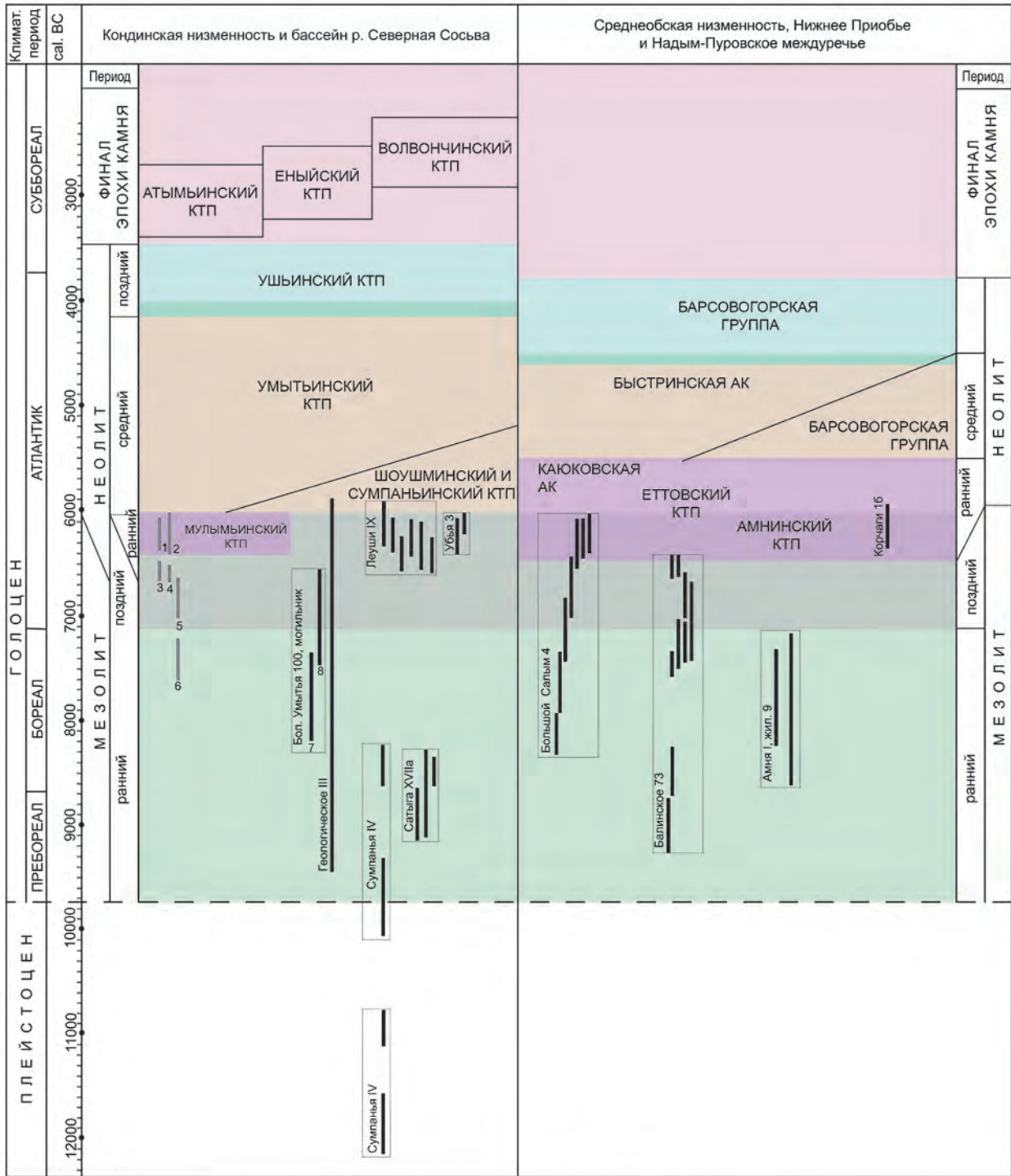
Ранние неолитические памятники Сургутского и Нижнего Приобья датируются сейчас в хронологическом интервале 6500/6000–5500/5300 кал. л. до н. э. (табл. 26, 28), памятники среднего этапа — в интервале 5500/5300–4600/4400 кал. л. до н. э. (табл. 27, 29), позднего — 4600/4400–3800/3700 кал. л. до н. э. (табл. 30).

В Нижнем Приобье хронологическая последовательность культурных образований с учётом радиоуглеродных дат выглядит следующим образом. К раннему неолиту отнесены древности амнинского типа.

---

⁷³ См.: Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Указ. соч. С. 497–524; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита... С. 216–228; Косинская Л. Л. К вопросу о гребенчатом неолите таёжного Приобья // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2003. С. 3–6.

— даты мезолитических памятников. 7, 8 – могилы 33 и 35 Большой Умыты 100
 — даты поселения раннего неолита Мулымья 3. 1 – яма 8; 2 – сооружение № 12; 3, 4 – яма 10; 5 – сооружение № 25; 6 – сооружение № 11

Рис. 119. Хронология и периодизация каменного века таёжных районов Западной Сибири.
 Составители Е. Н. Дубовцева, Т. Ю. Клементьева, Л. Л. Косинская, А. А. Погодин, Н. М. Чаиркина

Таблица 26

**Радиоуглеродные даты памятников раннего неолита
Нижнего Приобья и Надым-Пуровского междуречья**

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3 %) ±2σ (95,4 %)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Ет-то I						
1	7200±120	Le-6595	6222–5930 6373–5836	Уголь	Жилище 4	Косинская Л. Л., 2014. С. 31.
2	6880±80	Le-6596	5876–5671 5971–5633	Уголь	Жилище 4	Там же.
3	6740±65	Le-6594	5715–5572 5743–5527	Уголь	Жилище 4	Там же.
4	7566±100	SPb-891	6502–6259 6638–6229	Уголь	Жилище 5	Там же.
5	6378±100	SPb-1610	5473–5223 5531–5066	Уголь	Жилище 5	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 17.
6	5216±120	SPb-892	4239–3820 4333–3773	Уголь	Жилище 5	Косинская Л. Л., 2014. С. 32.
7	5840±40	Le-6592	4676–4538 4700–4461	Уголь	Над жилищем 5, пожарная прослойка	Там же.
8	6230±280	Le-4975в	5473–4850 5709–4541	Уголь	Жилище 2	Косинская Л. Л., 2005. С. 21.
9	6110±50	Le-4975с	5206–4944 5210–4905	Уголь	Жилище 2	Там же.
10	5670±80	Le-4975а	4606–4372 4690–4353	Уголь	Над жилищем 2, пожарная прослойка	Там же.
Поселение Ет-то II						
11	7200±80	SPb-1314	6215–5988 6235–5908	Уголь	Объект 3	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 17.
12	7176±70	SPb-2048	6087–5925 6224–5912	Уголь	Объект 3	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 18.
13	7190±80	SPb-1316	6215–5984 6231–5898	Уголь	Объект 2	Там же.
14	6677±100	SPb-1615	5667–5484 5761–5389	Уголь	Объект 2	Там же.
15	6649±100	SPb-1614	5635–5481 5733–5382	Уголь	Объект 2	Там же.
16	6000±70	SPb-895	4988–4798 5201–4718	Уголь	Объект 2	Косинская Л. Л., Юдина Е. А., 2015. С. 81.
17	5930±100	SPb-894	4943–4698 5200–4546	Уголь	Объект 2	Там же.
18	6968±100	SPb-1606	5974–5747 6022–5667	Уголь	Объект 56.1	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 18.

Таблица 26 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 1\sigma$ (68,3%) $\pm 2\sigma$ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
19	6900 $\pm$ 100	SPb-1612	5891–5673 5984–5630	Уголь	Объект 2	Там же.
20	6672 $\pm$ 80	SPb-1608	5657–5486 5719–5479	Уголь	Объект 56.3	Там же.
21	6650 $\pm$ 100	SPb-1312	5636–5481 5733–5382	Уголь	Жилище 55	Косинская Л. Л., Юдина Е. А., 2015. С. 81.
22	6600 $\pm$ 80	SPb-1313	5617–5480 5666–5378	Уголь	Жилище 55	Там же.
23	9080 $\pm$ 70	SPb-2050	8418–8231 8544–8015	Уголь	Жилище 180, яма 19	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 18.
24	7818 $\pm$ 70	SPb-2049	6768–6511 7028–6472	Уголь	Над жилищем 180. Очаг 1	Там же.
Поселение Амня I, амнинский тип						
25	8760 $\pm$ 280	Ле-4974а	8236–7587 8620–7187	Уголь	Жилище 9	Тимофеев В. И. и др., 2004. С. 124.
26	8630 $\pm$ 180	Ле-4974б	8161–7510 8247–7333	Уголь	Жилище 9	Там же.
27	6900 $\pm$ 90	Ле-4973	5889–5713 5981–5634	Уголь	Жилище 9	Там же.
28	7590 $\pm$ 40	Poz-97648	6466–6421 6563–6386	Нагар	Жилище 1	Дубовцева Е. Н. и др., 2020. С. 101.
29	6920 $\pm$ 80	Ki-16028	5887–5726 5983–5663	Керамика	Жилище 1	Косинская Л. Л., 2011. С. 243.
30	7205 $\pm$ 35	Poz-120474	6077–6022 6217–5989	Уголь	Вал II. Канавка частокола	Дубовцева Е. Н. и др., 2020. С. 101.
31	7060 $\pm$ 40	Poz-118343	5989–5896 6020–5842	Уголь	Жилище 8	Там же.
32	7390 $\pm$ 40	Poz-116666	6372–6223 6388–6088	Уголь	Вал II. Канавка частокола	Там же.
33	7070 $\pm$ 50	Poz-118431	6007–5896 6059–5839	Уголь	Ров 1	Там же.
34	7020 $\pm$ 50	Poz-118432	5983–5843 6010–5777	Уголь	Жилище 2	Там же.
Поселение Кирип-вис-юган, амнинский тип						
35	6880 $\pm$ 50	Ле-6582	5831–5719 5887–5662	Уголь	Постройка 4	Стефанов В. И. и др., 2005. С. 33.
36	7600 $\pm$ 40	Poz-97649	6469–6425 6567–6392	Нагар	Постройка 1	Дубовцева Е. Н. и др., 2020. С. 101
Поселение Амня II						
37	6970 $\pm$ 40	Poz-118357	5901–5788 5978–5747	Уголь	Жилище 2, пол	Дубовцева Е. Н. и др., 2020. С. 101.
38	7080 $\pm$ 40	Poz-116667	6009–5915 6032–5882	Уголь	Погребенный подзол	Там же.

Таблица 27

**Радиоуглеродные даты памятников среднего
неолита бассейна р. Северная Сосьва**

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 1\sigma$ (68,3 %) $\pm 2\sigma$ (95,4 %)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Чэс-тый-яг, чэстыйягский тип						
1	7930±80	Ле-2710	7031–6690 7055–6640	Уголь	Жилище 3	Тимофеев В. И. и др., 2004. С. 123.
2	5785±40	СОАН-2716	4702–4555 4772–4506	Уголь	Жилище 3	Там же.
3	6130±50	Ле-2711	5208–5030 5215–4935	Уголь	Жилище 3	Там же.
4	6150±40	Ле-2713	5208–5030 5215–4960	Уголь	Жилище 3	Там же.
5	6165±35	СОАН-2717	5208–5049 5213–5008	Уголь	Жилище 3	Там же.
6	5750±60	СОАН-2719	4687–4537 4770–4451	Уголь	Жилище 4	Там же.
7	6455±40	СОАН-2718	5473–5379 5480–5331	Уголь	Жилище 4	Там же.
8	6095±30	СОАН-2720	5197–4951 5206–4904	Уголь	Жилище 5	Там же.
9	6150±40	СОАН-2721	5208–5030 5215–4960	Уголь	Жилище 5	Там же.
Поселение Сартынья I						
10	6630±80	Ле-1830	5623–5483 5716–5412	Уголь	Не указано	Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., 1996. С. 343.
11	6440±80	Ле-1831	5476–5331 5556–5219	Уголь	Не указано	Там же.

Посуда городища Амня I разделена на две группы. Первая представлена округлодонными сосудами, украшенными гребенчатыми штампами в технике штамповки и, единично, шагания (рис. 120, 5, 6, 8). Для декора этой керамики характерны простые композиции с плотным заполнением орнаментального поля, состоящие из горизонтальных линий, поясов наклонных или вертикальных отпечатков штампа, ёлочных узоров. Во вторую группу входят сосуды с плоским или округлым днищем, с мощным наплывом изнутри под венчиком, орнаментированные в прочерченной или прочерчено-накольчатой технике (рис. 120, 1–4, 7, 12, 15). Орнамент построен на сочетании горизонтальных и вертикальных зон, с преобладанием последних, он более разрежен и обязательно включает геометрические мотивы: вертикальные колонки, лесенки, сетки, вытянутые заштрихованные треугольники, вертикальные зигзаги и волнистые линии. Посуду обеих групп объединяет присутствие в декоре ямочных вдавлений под венчиком, наколов на внутренней стороне по ребру наплыва.

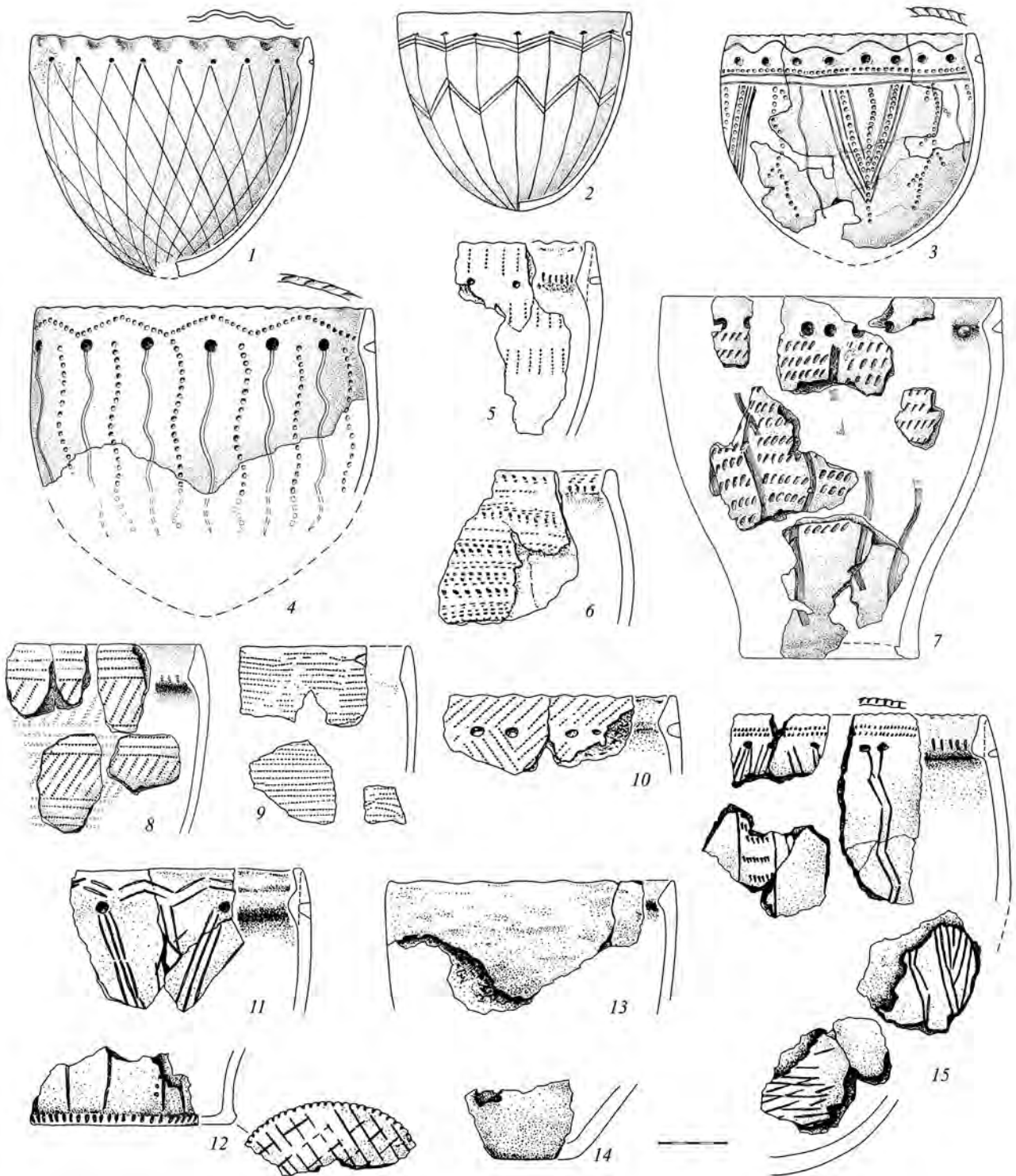

Рис. 120. Ранний неолит Нижнего Приобья.
Керамика амнинского типа. Городище Амня I, жилища 1–4, 9 (1–8, 11–15), поселение Кирип-Вис-Юган,
жилище 1 (9, 10) (по: Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов и др., 2005; Стефанов, Борзунов, 2008)

Между технологией изготовления, морфологическими особенностями и орнаментацией сосудов прямой зависимости нет.

К среднему неолиту относится поселение Чэс-тый-яг. Посуда представлена двумя основными формами: полуяйцевидной и ладьевидной. Керамика тонкостенная. Практически все сосуды украшены по верхнему краю отпечатками тонкого гребенчатого штампа с мелкими зубцами, тулово покрыто прочерченными горизонтальными, вертикальными или наклонными линиями (рис. 121). Реже встречаются узоры из наколов и оттисков гребенчатого штампа.⁷⁴ Часть сосудов окрашена охрой. На венчике нередки фигурные налепы.

Материалы поселения Сартынья I по ¹⁴C датам и типологии керамики занимают позицию между амнинским и чэстыйягским культурно-хронологическими горизонтами, тяготея больше к первому. Керамический комплекс Сартынья I представлен закрытыми сосудами с круглым или плоским дном, с внутренней стороны венчика имеется мощный наплыв. Орнамент разреженный, нанесён преимущественно в верхней, реже в придонной части сосудов и на днище. Узоры просты, состоят из волнистых, прямых и зигзагообразных линий, выполненных палочкой или лопаточкой в отступающей, прочерченной и накольчатой техниках.⁷⁵

Древности позднего неолита на этой территории пока не известны.

Энеолитические материалы в Нижнем Приобье происходят с поселений Амня IA, Сартынья I, Амня II, Каксинская гора 3, Старый Хангокурт II, Хулюм-сунт I, Ясунское и др. Культурная принадлежность этих комплексов не всегда ясна и/или дискуссионна. Памятники с керамикой, украшенной арочными узорами и своеобразным сотовым геометризмом, первоначально отнесённые к пернашорскому типу второй трети III тыс. до н. э.,⁷⁶ позже были включены в ясунскую культуру,⁷⁷ занимающую северо-таёжную зону от Урала до Обь-Надымского водораздела. Оригинальными чертами ясунской посуды являются чешуйчато-геометрическая орнаментация и ладьевидные блюда, которые бытовали наряду с полуяйцевидными ёмкостями и чашами. Края блюд часто украшались зооморфными или орнитоморфными налепами. Сосуды орнаментировались гребенчатыми или фигурными штампами (арочными, слабоизогнутыми, петлевидными, копытными и др.). В зоне под венчиком обязателен пояс из рядов (от 1 до 8) глубоких ямок. Горизонтальные композиции составлены из прямых или зигзагообразных линий. Характерны геометрические узоры: сложные зигзаги, треугольники, заполненные ромбами, крупные шестиугольники — «соты», вытянутые в цепочку или вписанные в сетку ромбы (рис. 122, 2, б).

Сходство керамики ясунской культуры с материалами верховьев р. Конда (поселения Геологическое III, XVI), с чужьяёльской и ортинской культурами Приуралья,⁷⁸ с одной стороны, отра-

⁷⁴ См.: Старков В. Ф. Неолитические памятники в Нижнем Приобье // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 151; Виноградов А. С. Керамика неолитического поселения Чэс-Тый-Яг: культурно-хронологический аспект // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 52–53.

⁷⁵ Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век... С. 10–11.

⁷⁶ См.: Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Указ. соч. С. 45.; Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 214–233.

⁷⁷ Васильев Е. А., Глызин И. П. Энеолит Нижнего Приобья... С. 112.

⁷⁸ Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла... С. 25–47.

жает наличие региональных, с другой, — трансуральских культурных связей. Хронологическая позиция ясунской культуры была определена в интервале середины — второй половины III тыс. до н. э.⁷⁹ Однако калиброванные значения немногочисленных ¹⁴C дат позволяют предполагать её существование со второй половины IV — рубежа IV–III тыс. до н. э., что соответствует калиброванным радиоуглеродным датам атымьинских комплексов (табл. 35) и раннего этапа чужьяёльской культуры.⁸⁰

В Сургутском Приобье к раннему неолиту относятся древности каюковского культурного типа (Каюково 1, 2, Микишино V), а также жилища 7, 15, 16 поселения Барсова гора II/9 и жилище 1a поселения Чёрная 3. Керамика этих поселений представлена сосудами баночной формы с плоским и округлым дном. Орнамент выполнен в основном наколами, другие способы орнаментации — прочерчивание, оттиски и шагание гребенчатым штампом — использовались реже. Один из сосудов поселения Микишино V снабжен налепным валиком под венчиком. Простые элементы орнамента — наклонные, горизонтальные, вертикальные, дугообразные прямые и волнистые линии — образуют сложные мотивы: многорядные зигзаги, заштрихованные ромбы, треугольники, чешуйчатый орнамент, горизонтально заштрихованные вертикальные пояса, древовидные узоры. Своеобразный орнамент располагался на дне сосудов (рис. 123, 5, 6).

⁷⁹ Васильев Е. А., Глызин И. П. Указ. соч. С. 112.

⁸⁰ Карманов В. Н., Зарецкая Н. Е. Радиоуглеродная хронология чужьяёльской культуры // Поволжская археология. № 3(37). 2021. С. 55–69.

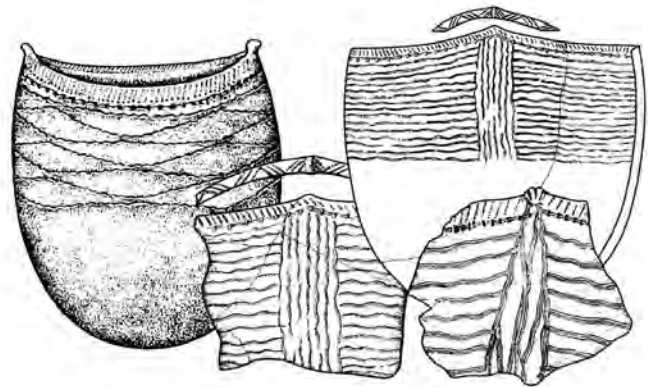

Рис. 121. Средний неолит Нижнего Приобья. Керамика чэстыйягского типа. Поселение Чэс-тый-яг (по: Виноградов, 2007)

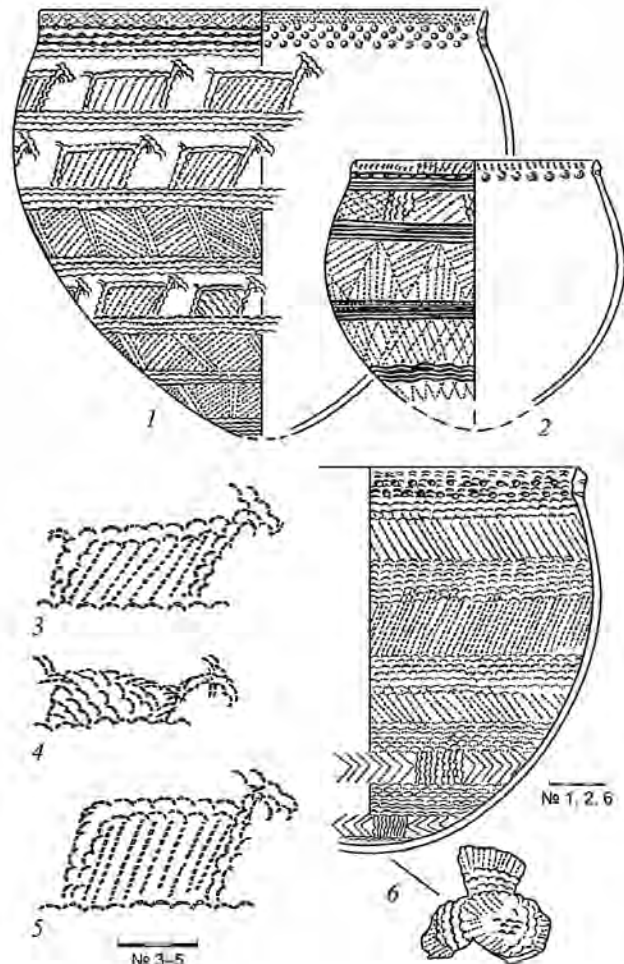

Рис. 122. Энеолит Нижнего Приобья. Керамика пернашорского типа (ясунская культура). Поселение Амня IA (по: Кокшаров, 2009)

Рис. 123. Ранний неолит Сургутского Приобья.
Керамика каюковского типа. Городище Каюково 2 (1, 3–6, 8), поселение Микишкино 5 (2, 7) (по: Ивасько, 2002; 2008)

Таблица 28

Радиоуглеродные даты памятников раннего неолита Сургутского Приобья

№ п/п	^{14}C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 1\sigma$ (68,3%), $\pm 2\sigma$ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Барсова Гора II/17						
1	7450 $\pm$ 50	Ле-2987	6385–6250 6422–6230	Уголь	Жилище	Тимофеев В. И. и др., 2004. С. 124.
Поселение Черная 3						
2	7220 $\pm$ 60	Ле-6686	6215–6016 6223–5991	Уголь	Жилище 1a	Косинская Л. Л. и др., 2011. С. 215.
3	7160 $\pm$ 60	Ле-6687	6073–5985 6218–5897	Уголь	Жилище 1a	Там же.
4	7090 $\pm$ 50	Ле-6688	6021–5908 6064–5846	Уголь	Жилище 1, пол	Там же.
5	6510 $\pm$ 40	Ле-6689	5522–5385 5558–5373	Уголь	Жилище 1, пол	Там же.
Поселение Микишкино 5						
6	7070 $\pm$ 95	СОАН-6230	6028–5842 6207–5729	Уголь	Раскоп 2, жилище	Ивасько Л. В., 2008. С. 121.
7	7060 $\pm$ 80	СОАН-6229	6016–5845 6067–5760	Уголь	Раскоп 2, жилище	Там же.
8	6880 $\pm$ 90	СОАН-5720	5878–5669 5979–5627	Уголь	Раскоп 1, жилище	Там же.
9	6590 $\pm$ 90	СОАН-5719	5621–5477 5704–5369	Уголь	Раскоп 1, жилище	Там же.
10	6790 $\pm$ 110	СОАН-6228	5796–5566 5965–5483	Уголь	Яма	Там же.
Поселение Каюково 2						
11	6810 $\pm$ 55	СОАН-4800	5733–5642 5829–5622	Уголь	Постройка 3	Ивасько Л. В., 2008. С. 121.
12	6810 $\pm$ 40	Ле-6206	5727–5663 5761–5627	Уголь	Постройка 3	Там же.
13	6795 $\pm$ 65	СОАН-4801	5728–5635 5831–5566	Уголь	Раскоп 2, заполнение рва	Там же.
14	6580 $\pm$ 35	Ле-6207	5554–5481 5617–5477	Уголь	Раскоп 2, заполнение рва	Там же.
15	5495 $\pm$ 70	СОАН-4208	4444–4258 4496–4074	Уголь	Постройка 3	Там же.
16	5475 $\pm$ 85	СОАН-4207	4444–4244 4493–4055	Уголь	Постройка 3	Там же.
17	6380 $\pm$ 90	СОАН-5126	5472–5226 5526–5075	Уголь	Постройка 7	Кардаш О. В. и др., 2020. С. 117.
18	6190 $\pm$ 40	СОАН-5127	5211–5065 5294–5011	Уголь	Раскоп 4, уч. С-У/7, ур. 63.45–63.30	Там же.
19	6067 $\pm$ 80	SPb-2950	5202–4846 5211–4792	Уголь	Постройка 4	Там же.

Таблица 28 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%), ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
20	6060±100	SPb-2973	5205–4836 5216–4722	Уголь	Постройка 4	Там же.
21	6060±100	SPb-2974	5202–4846 5211–4792	Уголь	Постройка 4	Там же.
22	6067±70	SPb-2975	5201–4848 5209–4799	Уголь	Постройка 4	Там же.
23	5542±70	SPb-2976	4451–4336 4538–4253	Уголь	Постройка 4	Там же.
24	5530±70	SPb-2977	4450–4331 4536–4247	Уголь	Постройка 4	Там же.
25	6056±70	SPb-2978	5045–4846 5209–4793	Уголь	Постройка 4	Там же.
26	6376±100	SPb-2951	5473–5222 5530–5065	Уголь	Постройка 4	Там же.
27	7010±40	Poz-110379	5978–5842 5988–5788	Уголь	Постройка 4	Там же.
28	7000±40	Poz-110381	5976–5939 5985–5774	Уголь	Постройка 4	Там же.
29	6870±40	Poz-110382	5801–5714 5842–5665	Уголь	Постройка 4	Там же.
30	6820±40	Poz-110383	5731–5666 5776–5631	Уголь	Постройка 4	Там же.
31	6960±40	Poz-110384	5891–5776 5973–5739	Уголь	Постройка 4	Там же.
Поселение Каюково 1						
32	6925±35	KIA-56701	5836–5746 5888–5727	Уголь	Сектор 1, гл. –2,50	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 125.
33	7060±35	KIA-56700	5988–5898 6016–5846	Уголь	Сектор 2, гл. –2,80	Там же.
34	7040±35	KIA-56699	5983–5890 6009–5838	Уголь	Сектор 1, гл. –2,90	Там же.
35	6225±35	KIA-56698	5294–5074 5304–5053	Уголь	Сектор 1, гл. –2,70	Там же.
36	6935±35	KIA-56697	5842–5750 5962–5728	Уголь	Сектор 1, гл. –2,60	Там же.
Поселение Барсова Гора II/96						
37	6780±140	Ле-8562	5832–5560 5982–5476	Уголь	Жилище 15	Чемякин Ю. П., 2011а. С. 248.
38	6760±120	Ле-8560	5776–5556 5963–5477	Уголь	Жилище 15	Там же.
39	6660±35	Ле-8593	5627–5557 5641–5483	Уголь	Жилище 16	Там же.
40	6280±50	Ле-8592	5315–5211 5364–5071	Уголь	Жилище 16	Там же.

Таблица 28 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
41	6540±70	Ле-8558	5612–5410 5622–5371	Уголь	Жилище 7	Там же.
42	5940±110	Ле-8557	4988–4701 5206–4542	Уголь	Жилище 7	Там же.
43	5840±50	Ле-8559	4786–4616 4830–4549	Уголь	Жилище 7	Там же.
44	3990±440	Ле-5771	3092–1899 3650–1437	Уголь	Жилище 7	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 16.

Средний неолит характеризуется наибольшим разнообразием типов керамики.

К нему относятся памятники быстринской культуры: поселения Быстрый Кульёган 66, Чёрная 3, жилище 1, Пыхты I, Барсова гора II/8, II/19, II/42 (жилища 1б, 2, 6, 15), Кушниково 2, 8. Сосуды быстринского типа полуяйцевидной формы с округлым или приострѐнным днищем (рис. 124, 1, 3, 7), встречаются небольшие округлые и ладьевидные чаши (рис. 124, 2). Посуда тонкостенная, выполнена на форме-основе, поверхности сосудов тщательно заглаживались и ложились, покрывались волнистыми узорами, выполненными прочерченным, отступающим и шагающим способом, часть из них окрашивалась охрой. Элементы и мотивы предельно просты: горизонтальные и наклонные волнистые линии. Реже встречаются геометрические узоры: косая сетка, заштрихованные треугольники, кресты, зигзаги, ромбы, в том числе с точками. Яркой чертой является использование рельефного декора в виде выступов-ушек на венчиках (рис. 124, 2, 7) и шипов на днищах (рис. 124, 1, 6).

К этому же периоду относятся памятники первой и третьей стадий барсовогорской группы.⁸¹ Барсова гора II/16, II/17, I/5а, II/9а, II/42 (жилище 1в).⁸² Посуда этих поселений полуяйцевидной формы с округлым или приострѐнным днищем (рис. 125, 1, 7, 11), распространены ладьевидные ёмкости (рис. 125, 3, 5). В орнаментации преобладают три способа: шагающая гребѐнка, прочерчивание и отступление, они часто сочетаются на одном сосуде. Характерна также двойная орнаментация, когда по фону из рядов шагающей гребѐнки нанесены волнистые линии в технике прочерчивания или отступления (рис. 125, 12). Орнамент плотный, состоит из рядов шагающей гребѐнки, прямых и волнистых прочерченных линий. Редкие геометрические мотивы представлены ромбами с точками, зигзагами, сетчатыми и древоидными узорами.

Судя по радиоуглеродным датам, к этому периоду относятся и памятники, на посуде которых преобладает накольчатая орнаментация: жилища 6, 7 поселения Барсова гора II/8, Большой Ларьяк II. Традиции раннего неолита продолжает плоскодонная посуда с накольчатой орнаментацией поселений Барсова гора II/22, II/25, II/10 (жилища 13), II/8 (жилище 2). В её орнаментации преобладают монотонные узоры из горизонтальных и наклонных прямых линий (рис. 126).

⁸¹ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 15–19, 27–29.

⁸² Дубовцева Е. Н. Селище Барсова гора II/42... С. 126.

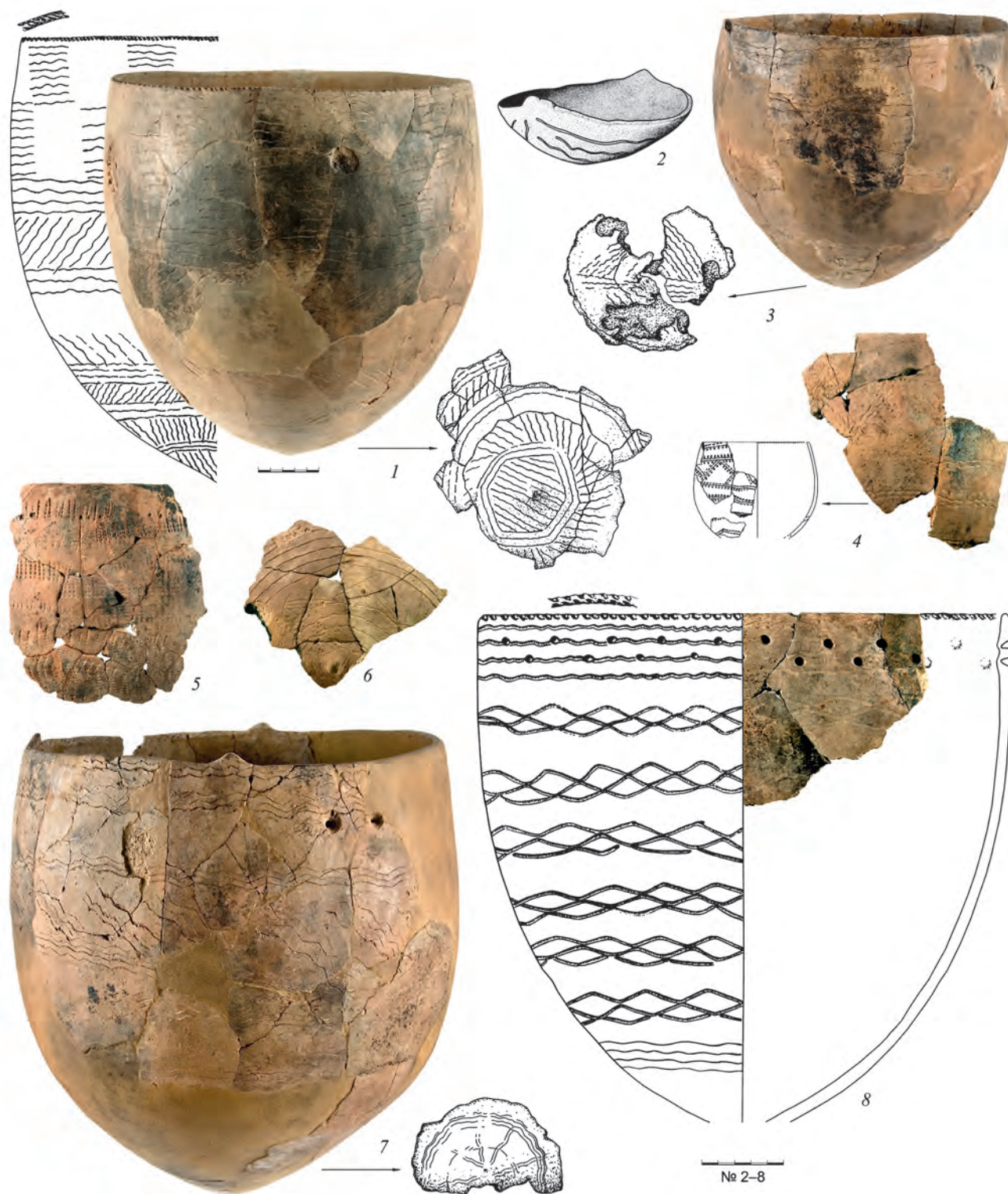

Рис. 124. Средний неолит Сургутского Приобья. Керамика быстринского типа.
Поселение Быстрый Кульёган 66 (1, 3–8), поселение Кушниково 8 (2). Фонды Сургутского краеведческого музея

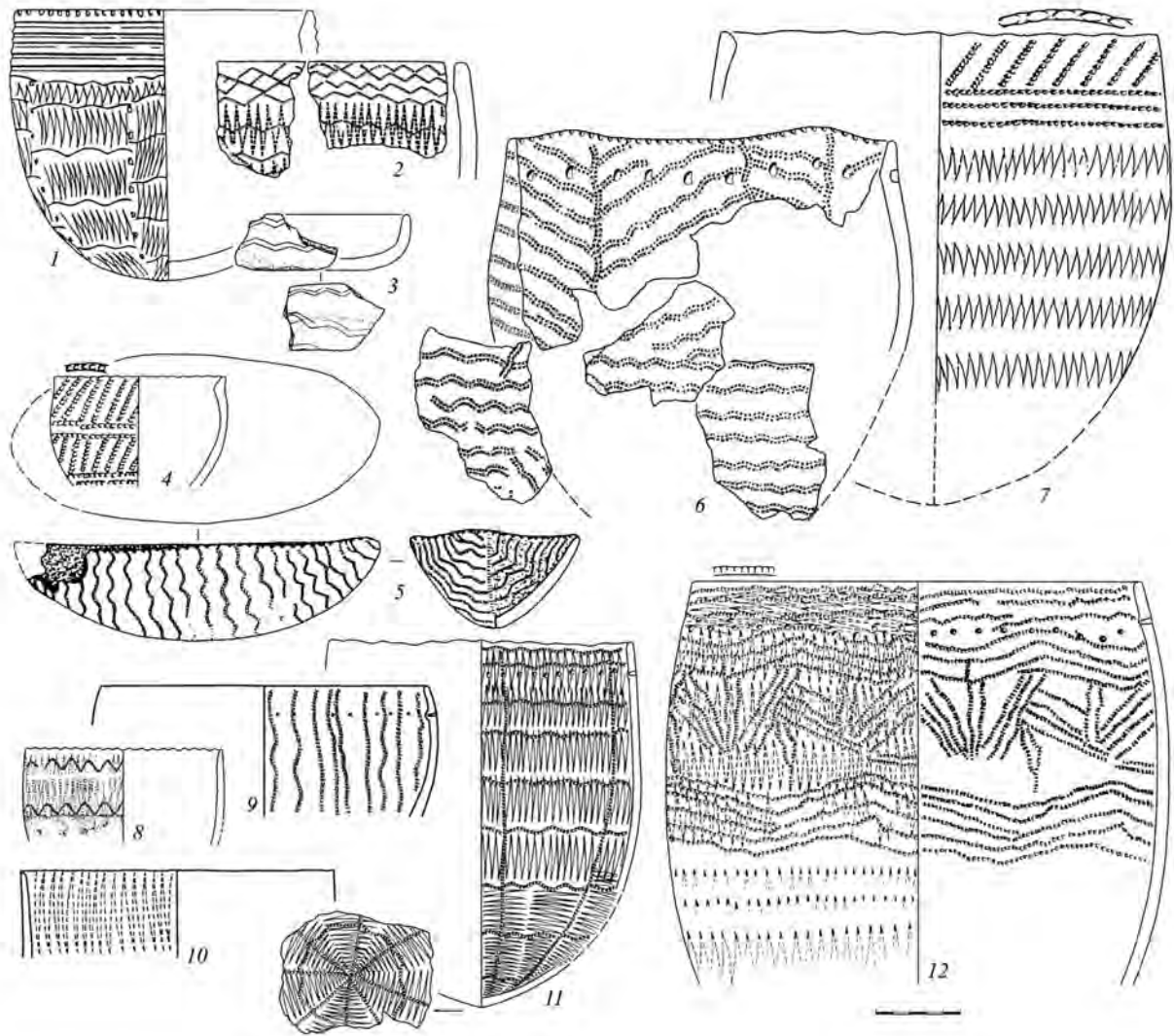

Рис. 125. Средний неолит Сургутского Приобья. Керамика первой (1–7) и третьей (8–12) стадии барсовогорской группы памятников. Стоянка Барсова гора II/17 (1, 4, 5), стоянка Барсова гора II/16 (2, 3, 6, 7), стоянка Барсова гора I/5a (8–12) (по: Чемякин, 2008)

Возможно, в это же время в Сургутском Приобье появляется и посуда с гребенчатой орнаментацией типа Барсова гора I/8, II/9 (рис. 127). Ёмкости представлены двумя формами: полувальцевидной и ладьевидной. Днища округлые. Под венчиками характерно утолщение или треугольный наплыв. Орнамент состоит из горизонтальных прямых линий, составленных из оттисков гребенчатого штампа, или из наклонных отпечатков штампа. Геометрические узоры по сравнению с ранним неолитом используются чаще, их набор изменился — это зигзаги, сетки, ромбы с точками (рис. 127, 2, 7, 9). По аналогиям с хуторской и сосновоостровской керамикой эти памятники традиционно датируют поздним неолитом — началом энеолита.⁸³ Хронологическая позиция поселения Барсова гора I/8a по результатам датирования ке-

⁸³ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 22.

Рис. 126. Средний неолит Сургутского Приобья.
Плоскодонная посуда с накольчатой орнаментацией. Поселение Барсова гора II/22 (по: Борзунов и др., 2010)

рамики 5550 ± 90 л. н. (Ki-15662) может быть удревнена до середины V тыс. до н. э. (табл. 30, 3). Эта дата сопоставима с самыми поздними датировками поселения Ет-то I, относящимися к углистым прослойкам, перекрывающим котлованы. ^{14}C даты жилищ поселения Ет-то I и городища Амня I с гребенчатой керамикой значительно древнее, укладываются в интервал конца VII — первой половины VI тыс. до н. э. (табл. 26, 1–10, 34).

К позднему неолиту относятся памятники второй стадии барсовогорской группы: поселения Барсова гора IV/5 (жилище 10), II/10 (жилище 1). В их керамических комплексах прослеживается преемственность традиций предшествующего барсовогорского периода. Вместе с тем наряду с округлодонной появляется посуда с плоским или уплощённым донцем. Узоры, выполненные в технике шагающей гребёнки, заменяются на оттиски гребенчатого или гладкого штампа; сохраняются прочерченные и накольчатые способы декорирования (рис. 128).

К этому же периоду принадлежат керамические комплексы с толстостенной, слабо орнаментированной керамикой поселений Нёх-Урий 3.1 и Барсова гора II/42. Орнамент на посуде разрежен, выполнен отступанием и накальванием. Возможно, такая керамика продолжает существовать и в энеолите.

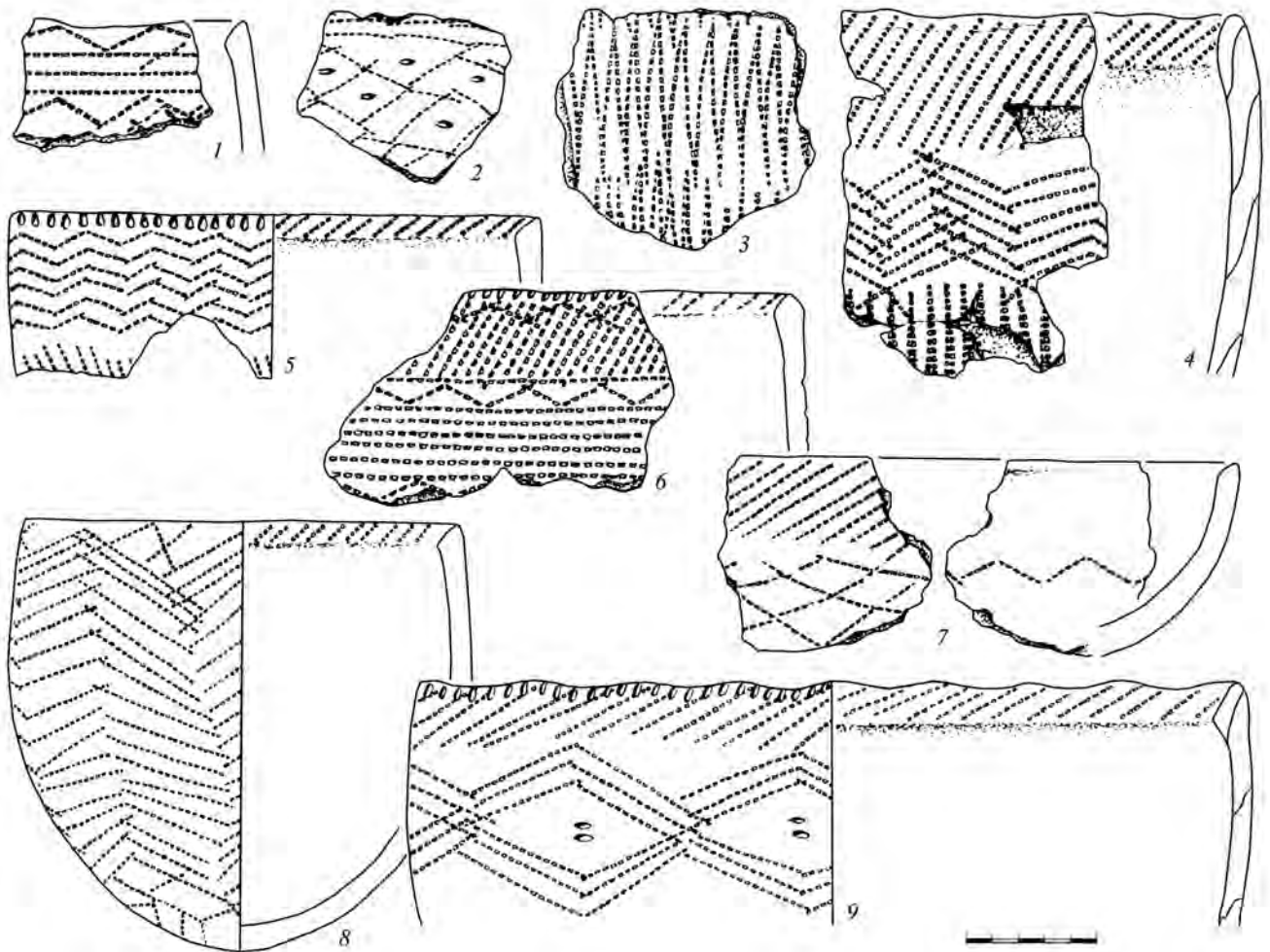

Рис. 127. Средний неолит Сургутского Приобья.
Керамика с гребенчатой орнаментацией. Поселение Барсова гора I/8a (по: Чемякин, 2008)

Период энеолита в Сургутском Приобье слабо обеспечен источниками, их периодизация не разработана. Ю. П. Чемякин отнёс к древностям энеолита поселения и стоянки Барсова гора I/5a, II/86, II/9a и ряд других памятников, датировав их III тыс. до н. э.⁸⁴ Эта хронологическая позиция в настоящее время подвергается сомнению:⁸⁵ на поселении Барсова гора II/42 жилище 1в было перекрыто сооружением быстринского типа.¹⁴C даты по нагару с керамики поселения Барсова гора II/9a (табл. 31, 15) относятся к среднему неолиту,⁸⁶ но, вероятно, подвержены пресноводному резервуарному эффекту и удревнены. Для чёткого определения хронологии комплексов требуются дальнейшие исследования.

⁸⁴ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 26–35.

⁸⁵ Дубовцева Е. Н. Селище Барсова гора II/42... С. 126.

⁸⁶ Piezonka H. et al. Op. cit. P. 1–19.

Таблица 29

Радиоуглеродные даты памятников среднего неолита Сургутского Приобья

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%), ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Быстрый Кульеган 66, быстринский тип						
1	5930±90	Ле-5335	4936–4712 5038–4553	Уголь	Жилище 2	Поселение Быстрый Кульеган ..., 2006. С. 103.
2	5910±130	Ле-5336	4947–4612 5207–4458	Уголь	Жилище 2	Там же.
3	5725±70	Ле-5337	4677–4462 4723–4370	Уголь	Жилище 2а	Там же.
4	5560±100	Ле-5690	4532–4275 4678–4174	Уголь	Жилище 2а	Там же.
5	5780±130	Ле-5689	4785–4462 4936–4357	Уголь	Ров, северная часть	Там же.
6	6150±210	Ле-5680	5315–4838 5518–4555	Уголь	Ров, южная часть	Там же.
Поселение Чёрная 3, быстринский тип						
7	6510±40	Ле-6689	5522–5385 5558–5373	Уголь	Жилище 1	Косинская Л. Л. и др., 2011. С. 215.
Поселение Барсова Гора II/19, быстринский тип						
8	6165±35	KIA-56640	5208–5049 5213–5008	Уголь	Жилище 2	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 125.
9	6390±35	KIA-56641	5467–5316 5474–5230	Уголь	Жилище 2	Там же.
10	4400±140	Ле-8547	3331–2903 3509–2637 3509–2637	Уголь	Жилище 2	Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А., 2011. С. 252.
11	6750±90	Ki-16033	5730–5565 5830–5482	Керамика	Жилище 2	Там же.
12	7500±200	Ле-8594	6566–6089 6906–5925	Уголь	Жилище 3	Там же.
Поселение Барсова Гора II/8, быстринский тип						
13	6135±35	Poz-98996	5211–4956	Нагар	Жилище 3	Piezonka H. et al., 2020. P. 12.
14	6321±33	AAR-14836	5365–5216	Нагар	Жилище 3	Там же.
Поселение Барсова Гора II/42, быстринский тип						
15	5900±35	KIA-56642	4797–4721 4879–4695	Уголь	Жилище 1б	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 125.
16	6230±35	KIA-56643	5297–5076 5306–5056	Уголь	Жилище 1б	Там же.

Таблица 29 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
17	5570±30	KIA-56645	4443–4360 4454–4348	Уголь	Жилище 1б, очаг	Там же.
18	6025±35	KIA-56646	4987–4848 5009–4799	Уголь	Жилище 1б	Там же.
Поселение Пыхты 1, быстринский тип						
19	6535±35	KIA-56630	5536–5473 5611–5386	Нагар	Сосуд со шнуровой орнаментацией	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 126.
20	7215±40	KIA-56631	6208–6015 6220–5992	Нагар	Сосуд с прочерченной орнаментацией	Там же.
Поселение Кушниково 2, быстринский тип						
21	5390±130	Ле-7101	4346–4052 4493–3957	Уголь	Объект 2	Публикуется впервые
22	5500±100	Ле-7103	4453–4247 4545–4053	Уголь	Объект 2	Публикуется впервые
23	6030±110	Ле-7102	4951–4851 4994–4847	Уголь	Объект 2	Публикуется впервые
Поселение Кушниково 8, быстринский тип						
24	6260±90	Ле-7096	5318–5067 5471–4993	Уголь	Объект 3	Публикуется впервые
25	7010±100	Ле-7095	5987–5793 6066–5718	Уголь	Объект 3	Публикуется впервые
26	7680±45	KIA-56634	6636–6438	Нагар	Объект 4, ладьевидный сосуд	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 126.
Поселение Барсова Гора II/22 с плоскодонной посудой						
27	6320±45	Ле-8550	5356–5218 5467–5210	Уголь	Жилище 3	Борзунов В. А. и др., 2010. С. 201, 203.
28	6280±50	Ле-8549	5315–5211 5364–5071	Уголь	Жилище 3	Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., 2021. С. 16.
29	5700±100	Ле-8551	4680–4448 4781–4350	Уголь	Раскоп 1, уч. В/14, ров	Борзунов В. А. и др., 2010. С. 201, 203.
Поселение Барсова Гора II/10 с плоскодонной посудой						
30	6080±120	Ле-4977в	5207–4844 5304–4720	Уголь	Жилище 1, пол	Тимофеев В. И. и др., 2004. С. 124.
31	5750±150	Ле-4977с	4784–4448 4988–4333	Уголь	Жилище 1	Там же.

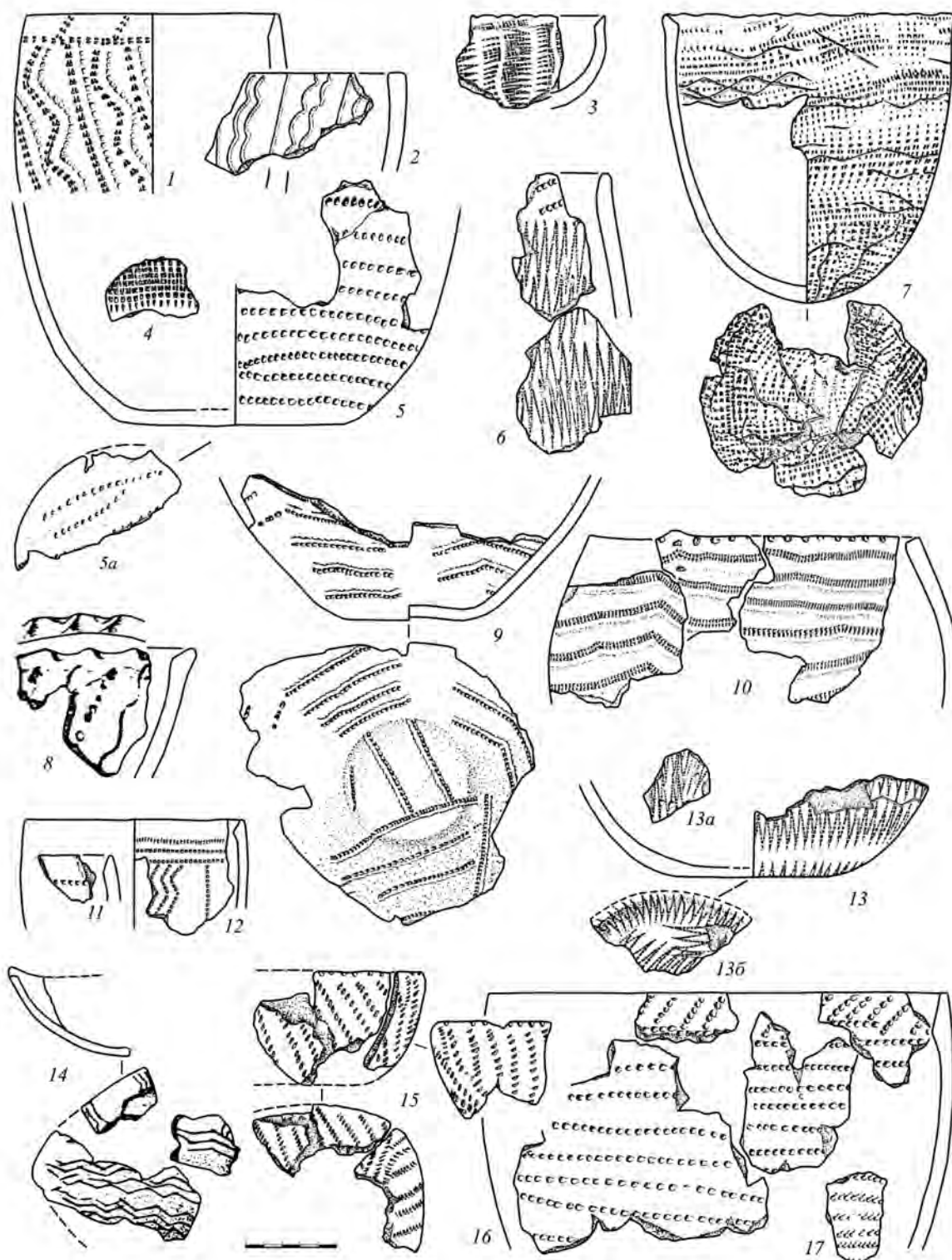

Рис. 128. Поздний неолит Сургутского Приобья. Керамика памятников второй стадии барсовогорской группы. Поселение Барсова гора IV/5 (по: Чемякин, 2008)

Таблица 30

Радиоуглеродные даты памятников позднего неолита Сургутского Приобья

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%), ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Нёх-Урий 3.1						
1	4960±115	СОАН-6950	3941–3641 4036–3520	Уголь	Нет данных	Данилова Е. Н., 2011. С. 449.
2	4700±120	СОАН-6951	3632–3367 3756–3092	Уголь	Нет данных	Там же.
Поселение Барсова Гора I/8а с гребенчатой керамикой						
3	5550±90	Ki-15662	4493–4275 4611–4171	Керамика	Жилище 4, керамика с гребенчатой орнаментацией	Чемякин Ю. П., 2011а. С. 247.
Поселение Барсова Гора IV/5, барсовогорский тип 2 стадия						
4	4920±90	Ki-15660	3901–3545 3948–3528	Керамика	Жилище 10	Чемякин Ю. П., 2011а. С. 247.
Поселение Барсова Гора II/8 с накольчатой керамикой						
5	4815±80	Ле-4976а	3700–3386 3768–3374	Уголь	Жилище 6	Тимофеев В. И. и др., 2004. С. 124.

Корпус источников по энеолиту представлен городищами Имнъёган 2.1, Нёх-Урий 3.2, 3.3; поселениями Барсова гора II/42 (ваховский тип), Большой Ларьяк II, III, Кулунигый 5, Колунгтотытор 1, Коим I; могильниками Старые Покачи 5.1, Большой Салым 4, Барсовский II.

Типология посуды энеолита Сургутского Приобья разработана слабо. Судя по погребальным (Большой Салым 4, Барсовский II) и поселенческим комплексам (Колунгтотытор 1, Кулунигый 5, Коим I), в этот период сохраняется посуда с накольчатой орнаментацией, которая сочетается с сосудами, украшенными оттисками гребенчатого штампа (рис. 129). Для гребенчатых орнаментов характерны узоры из наклонных оттисков штампа, «ёлочки», встречаются ромбы, вертикальные зигзаги и треугольники. В бассейне р. Аган в это время была распространена круглодонная и плоскодонная посуда, украшенная гребенчатым штампом в технике шагания и штампования. Её отличительной чертой является обработка внешней и внутренней поверхности под текстиль. Такая посуда встречена на поселении Нёх-Урий 3.2 (объекты 1–3, 18, 19). По орнаментации она близка посуде городищ Имнъёган 2.1 и Нёх-Урий 3.3, которые датируются по ¹⁴C в пределах последней трети IV — начала III тыс. до н. э.

К энеолиту можно отнести ваховский тип керамики с печатным гребенчатым декором, отличительной особенностью которого является использование рядов неглубоких наколов в качестве разделителей орнаментального поля (поселения Большой Ларьяк II, Барсова гора II/42)⁸⁷ (рис. 129, 4).

⁸⁷ См.: Посредников В. А. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. С. 65–93; Дубовцева Е. Н. Селище Барсова гора II/42... С. 122–136.

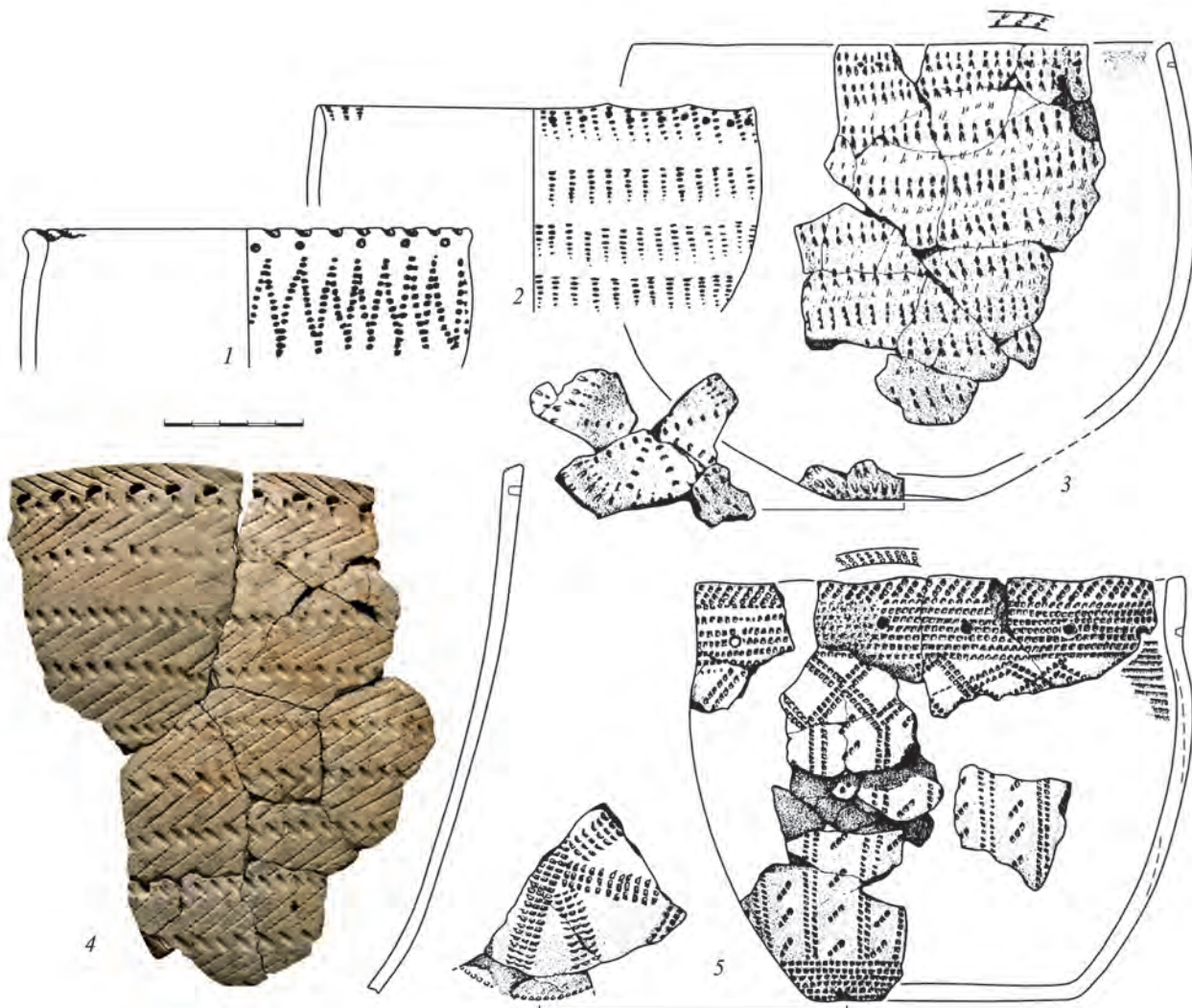

Рис. 129. Энеолит Сургутского Приобья. Керамика поселений Большой Ларьяк II (1, 2), Нёх-Урий 3.2 (3, 5), Барсова гора II/42 (4) (по: Чемакин, 2008; Стефанов и др., 2014; Дубовцева, 2021)

Материалы энеолитических памятников Сургутского Приобья своеобразны и довольно сильно отличаются от зауральских, притобольских и кондинских комплексов. Разработка периодизации энеолита этой территории находится в начальной стадии, основным источником для определения хронологии являются ^{14}C даты, которыми обеспечено большинство раскопанных в XXI в. памятников. Калиброванные значения ^{14}C дат энеолитических памятников укладываются в интервал 3600–2600 кал. л. до н. э.⁸⁸ (табл. 31).

⁸⁸ Храмцов М. В. и др. Каменный инвентарь поселения Толум-1 // ВААЭ. 2023. № 3(62). С. 14–25.

Таблица 31

Радиоуглеродные даты памятников энеолита Сургутского Приобья

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3 %) ±2σ (95,4 %)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Нёх-Урий 3.3						
1	4513±27	KIA-56685	3346–3106 3356–3100	Уголь	Жилище 2	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 125–126.
2	4491±27	KIA-56686	3332–3103 3348–3092	Уголь	Жилище 2	Там же.
3	2740±35	KIA-56687	910–831 978–810	Уголь	Жилище 2	Там же.
4	4141±27	KIA-56688	2865–2633 2875–2587	Уголь	Оборонительный вал	Там же.
5	4411±27	KIA-56689	2847–2584 2865–2574	Уголь	Оборонительный вал	Там же.
6	4714±27	KIA-56690	3601–3378 3626–3375	Уголь	Оборонительный вал	Там же.
Поселение Имнъёган 2.1						
7	4081±26	KIA-56677	2835–2505 2851–2496	Уголь	Жилище 7	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 125.
8	4056±26	KIA-56678	2625–2497 2835–2475	Уголь	Жилище 7	Там же.
9	4361±26	KIA-56679	3011–2916 3079–2906	Уголь	Жилище 7	Там же.
10	5544±29	KIA-56680	4443–4348 4446–4343	Уголь	Жилище 7	Там же.
11	4044±27	KIA-56681	2621–2492 2663–2472	Уголь	Жилище 7	Там же.
12	4460±27	KIA-56682	3324–3031 3335–3023	Уголь	Жилище 2	Там же.
13	4513±27	KIA-56683	3346–3106 3356–3100	Уголь	Жилище 2	Там же.
14	4389±27	KIA-56684	3075–2926 3093–2916	Уголь	Жилище 2	Там же.
Поселение Барсова Гора II/9a						
15	6305±35	Poz-98997	5315–5218 5359–5213	Нагар	Керамика с накольчатой и гребенчатой орнаментацией	Piezonka et al., 2020. P. 12.

В бассейне р. Конда оформление основ хозяйственного уклада таёжных охотников и рыболовов и переход к оседлому образу жизни происходит уже в мезолите.

В последней трети VII тыс. до н. э. местное население знакомится с гончарной технологией. Ранний период неолита укладывается в интервал 6300–6000 кал. л. до н. э. (табл. 32); средний — 6000–4500 кал. л. до н. э. (табл. 33); поздний период — 4500–3500 кал. л. до н. э. (табл. 34).

Ранний неолитический период представлен памятниками мулымьинского типа — Мулымья 3, 4 (рис. 130, 1–5, 8–10) и керамикой сатыгинского типа с поселений Сумпанья II, IV, VI (рис. 130, 6, 7). Керамика этих памятников характеризуется посудой баночной и горшечной формы с плоскими днищами и придонным валиком. Сосуды украшены преимущественно по верхней части и дну в накольчатой и прочерченной технике; треть сосудов не орнаментирована. Изредка использовался скульптурный декор в виде рассечённых валиков (рис. 169) и налепов по краю сосудов (рис. 170, 1–3), характерны ямки под венчиком (рис. 130, 2–5).

Таблица 32

Радиоуглеродные даты памятников раннего неолита бассейна р. Конда

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Мулымья 3, мулымьинский тип						
1	7800±30	IAAA-190399	6650–6595 6691–6516	Нагар	Сосуд 116 из ямы 10	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2023. С. III.
2	7770±40	IAAA-190398	6646–6531 6681–6481	Нагар	Сосуд 116 из ямы 10	Там же.
3	8455±80	SPb-3172	7588–7385 7601–7206	Уголь	Сооружение 11, уч. IIIK/50–51, ур. 58,69–58,64 ⁸⁹	Там же.
4	7370±70	SPb-3173	6367–6090 6391–6077	Уголь	Яма 8, уч. IIIK/48, ур. 58,99–58,95	Там же.
5	6172±100	SPb-3174	5292–4995 5328–4843	Уголь	Сооружение 19, уч. IIIA/62/2–3, ур. 58,89–58,84	Там же.
6	7340±100	SPb-3175	6351–6075 6406–6025	Уголь	Сооружение 12, уч. IIII/33/3–1, ур. 58,54–58,50	Там же.
7	7900±50	Poz-137049	6906–6650 7035–6644	Уголь	Сооружение 25, уч. IIII/36, ур. 58,39–58,29	Там же.
Поселение Сумпанья IV, сатыгинский тип						
8	5468±100	SPb-2542	4446–4173 4531–4048	Керамика	Сосуд 93	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2023. С. III.
9	8170±50	Poz-125897	7302–7068 7329–7057	Нагар	Сосуд 93	Там же.

⁸⁹ Ур. — Здесь и далее глубина указана в Балтийской системе высот.

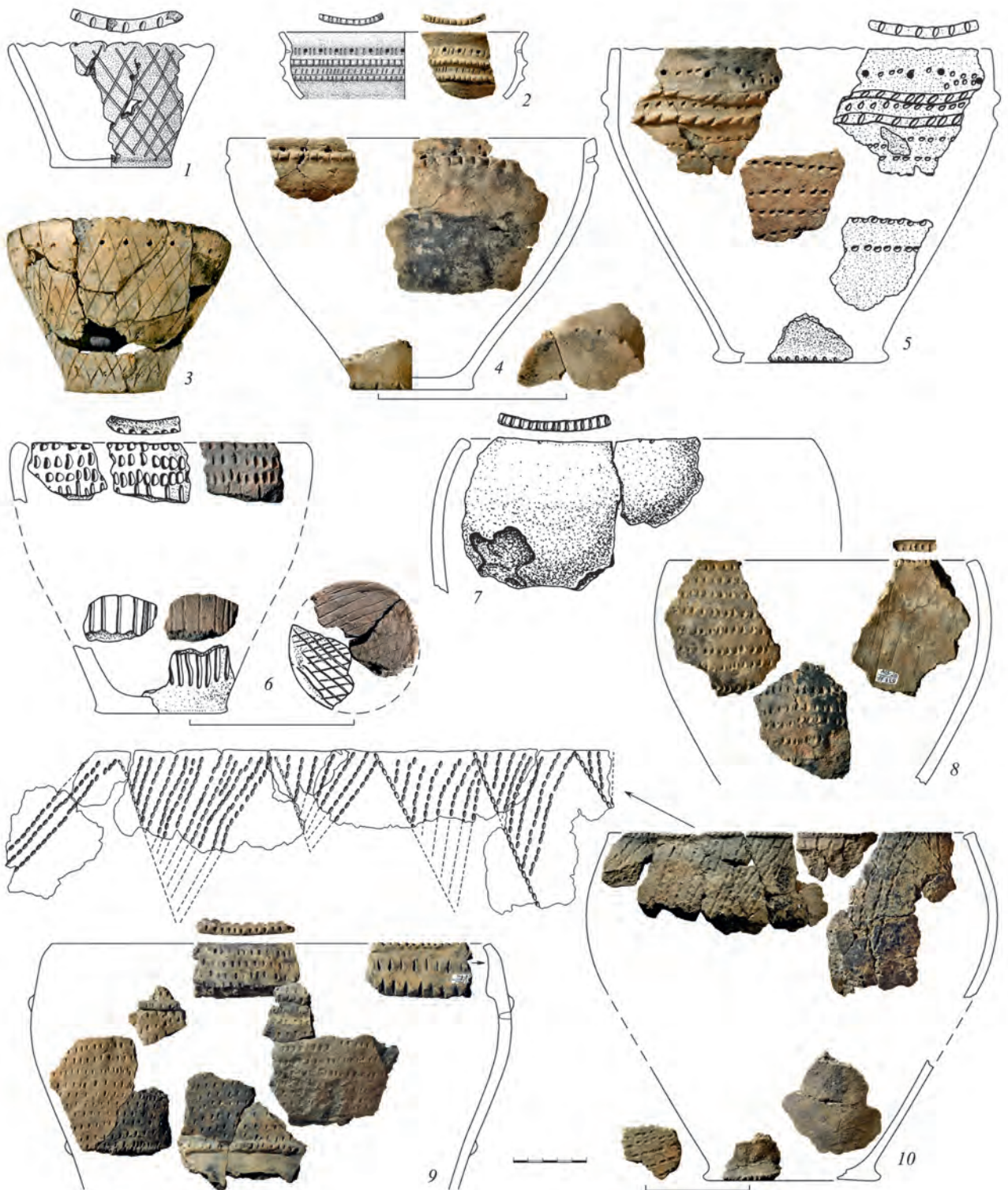

Рис. 130. Ранний неолит бассейна р. Конда. Керамика мулымьинского типа поселения Мулымья 3 (1–5, 8–10) и сатыгинского типа поселения Сумпанья IV (6, 7)

Средний период неолита в бассейне р. Конда характеризуется многообразием типов памятников. С начала VI тыс. до н. э. распространяются памятники умытынского типа. На них преобладает посуда полуяйцевидной формы (рис. 131), выполненная на форме-основе (рис. 167, 7). Единичны ёмкости с приострѐнными или уплощенными днищами, с шиповидным выступом на дне. Присутствуют ладьевидные сосуды (рис. 131, 7). Характерно оформление края округлыми или подтреугольными выступами — «ушками» с двух или четырёх противоположных сторон (рис. 171). Посуда украшена от венчика до дна. Доминируют монотонные схемы из горизонтальных волнистых, прямых линий и зигзагов. Среди геометрических мотивов распространены заштрихованные треугольники, простейший меандр, сетка. Характерным признаком умытынского типа керамики является поясок отверстий или глубоких ямок под венчиком, а его особенностью — многообразие орнаментальных техник: прочерчивание, отступление, накальвание стержневидными инструментами, шагание и штампование зубчатыми штампами. Соотношение орнаментальных техник для каждого памятника индивидуально, но преобладающим способом является прочерчивание. Во всех комплексах присутствуют сосуды, украшенные только в верхней части (рис. 131, 11) или совсем не орнаментированные (рис. 131, 10).

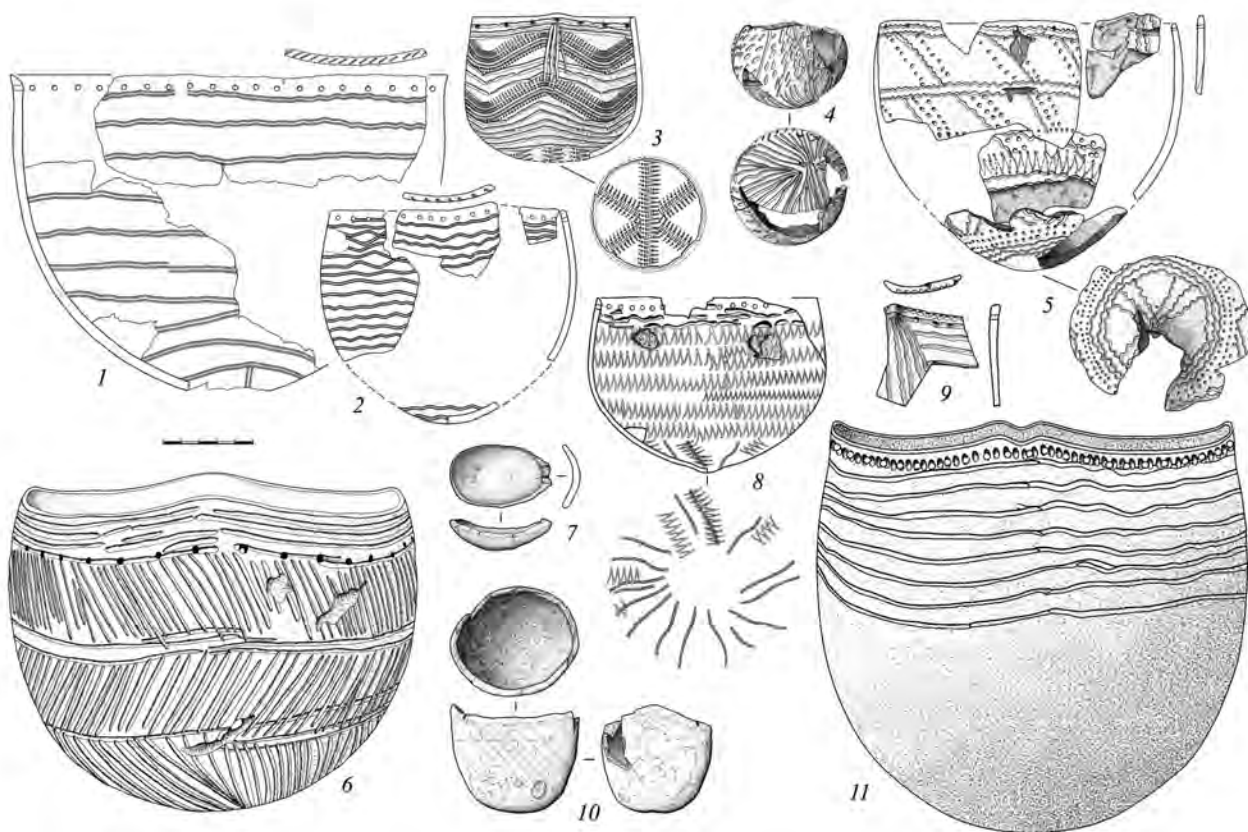

Рис. 131. Средний неолит бассейна р. Конда.
Керамика умытынского типа. Поселения Большая Умытья 109.2 (1, 2), Большая Умытья 9 (3–5),
Большая Умытья 100 (6, 7, 10), Большая Умытья 109.1 (8), Большая Умытья 57 (9, 11)

К среднему периоду неолита относятся и памятники шоумминского типа, керамика которых представлена толстостенными ёмкостями полуяйцевидной формы. Характерной чертой их являются массивные венчики с плоским срезом и утолщением изнутри. Оригинальная деталь в оформлении края — утолщение на внешней стороне, напоминающее «воротничок» (рис. 132, 2). Внешняя поверхность покрыта плотным орнаментом от венчика до дна. Композиции состоят из широких горизонтальных поясов, разбитых на треугольные или четырёхугольные зоны. Верхняя часть сосудов — бордюрная зона — украшена рядами наколов. Орнамент выполнен стержневидными инструментами в технике накалывания, отступления и/или прочерчивания, реже — гребенчатыми штампами в технике штампования и прочерчивания (рис. 132).

Вероятно, в результате взаимодействия коллективов с различными традициями (умытйинскими и шоумминскими) производства посуды появляется керамика со смешанными признаками: сумпаньинского, немнёлского, «кошкинского» типов.

Сумпаньинский тип керамики близок умытйинскому. Общими признаками являются: конструирование на формах-основах; венчики, равные по толщине стенкам; поясок ямок под венчиком; приострѐнные днища; доминирование прочерченной техники и монотонных линейных схем, использование зубчатых штампов в орнаментации. Признаки, отличающие сумпаньинский тип от умытйинского и, вероятно, являющиеся результатом взаимодействия с носителями шоумминских гончарных традиций: более массивные стенки, утолщения с внутренней стороны венчика; наколы по срезу, взаимопроникающие треугольные зоны; отступающий способ в декорировании (рис. 133).

В жилищных комплексах среднего неолита поселений Леуши VII, Мулымья 3 и 4, Большая Умытъя 9, Геологическое VII присутствует посуда немнёлского типа. Ёмкости округлодонные, с плавными утолщениями с внутренней стороны венчика. Посуда часто декорирована только в верхней части, орнамент состоит из рядов наколов, оттисков длинных гребенчатых и верёвочных штампов, волнистых и/или прямых линий, выполненных в технике отступления. Наряду с монотонными узорами присутствуют и геометрические: цепочки ромбов и ромбическая сетка (рис. 134). Распространены неорнаментированные сосуды, на одном из них, вероятно, сохранилась роспись охрой.

Вероятно, к среднему неолиту на территории Кондинской низменности относятся комплексы с плоскодонной посудой поселения Сумпанья III⁹⁰ и раскопа III поселения Геологическое XVI,⁹¹ отнесѐнной ранее к северному варианту кошкинского типа. Ёмкости украшались в накольчатой, отступающей, реже — в прочерченной технике. Бордюрная зона часто выделена рядом крупных наколов. К кошкинскому типу отнесены и сосуды культовой площадки Чѐртовой Горы.

⁹⁰ Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III... С. 123–134.

⁹¹ Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 185–198.

Таблица 33

Радиоуглеродные даты памятников среднего неолита бассейна р. Конда

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%), ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Большая Умытъя 100, умытъянский тип						
1	5610±80	Ki-17963	4531–4356 4673–4331	Уголь	Сооружение 16, ур. 61,91–61,86	Публикуется впервые
2	5153±120	SPb-1425	4219–3789 4311–3656	Керамика	Сооружение 16, сосуд с шагающе-гребенчатым орнаментом	Публикуется впервые
Поселение Большая Умытъя 109.1, умытъянский тип						
3	5650±50	Ki-17967	4543–4402 4603–4359	Уголь	Сооружение 1, уч. Д1/73, гл. –1,45–1,50 ⁹²	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 503.
4	5550±50	Ki-17974	4445–4348 4495–4273	Уголь	Сооружение 1, уч. А1/74, гл. –1,50–1,55	Там же.
5	5510±60	Ki-17975	4444–4271 4489–4246	Уголь	Сооружение 1, уч. Б1/73, гл. –1,65–1,70	Там же.
Поселение Большая Умытъя 109.2, умытъянский тип						
6	5320±70	SPb-472	4246–4050 4329–3988	Уголь	Сооружение 2, уч. Ш/26, гл. –1,17	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 503.
7	5320±50	SPb-470	4239–4054 4324–3995	Уголь	Сооружение 2, уч. Ш/25, гл. –0,65	Там же.
8	5300±100	SPb-471	4246–3967 4346–3951	Уголь	Сооружение 2, уч. Ш/26, гл. –1,10	Там же.
9	5265±100	SPb-473	4234–3983 4336–3811	Уголь	Сооружение 2, уч. ПЧ-Ш/21, гл. –0,98	Там же.
10	5234±70	SPb-469	4226–3967 4316–3818	Уголь	Сооружение 2, уч. ПЧ-Ш/21, гл. –1,00	Там же.
Поселение Большая Умытъя 2, умытъянский тип						
11	5710±70	Ki-17977	4656–4456 4715–4368	Керамика	Сооружение 3, сосуд с почерченным орнаментом	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 503.
Поселение Большая Умытъя 57, умытъянский тип						
12	6030±85	COAH-7639	5035–4800 5208–4723	Уголь	Сооружение 1, жердь с плечика котлована	Погодин А. А., Миронов П. В., 2009. С. 154.

⁹² Здесь и далее глубины (гл.) указаны в условной системе высот

Таблица 33 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
13	6030±80	COAH-7640	5030–4801 5208–4724	Уголь	Сооружение 1, жердь с плечика котлована	Там же.
14	5930±70	SPb-2547	4899–4719 4997–4616	Уголь	Сооружение 1, уч. К/55, гл. –3,55–3,60	Публикуется впервые
15	5846±65	SPb-2546	4792–4613 4882–4541	Уголь	Сооружение 1, уч. 3/55, гл. –3,40–3,45	Публикуется впервые
16	5680±80	Ki-15078	4845–4616 4700–4357	Керамика	Сооружение 1	Погодин А. А., Миронов П. В., 2009. С. 154.
Поселение Большая Умытъя 8, умытъянский и шоушминский тип						
17	7000±100	SPb-482	5984–5784 6064–5714	Уголь	Сооружение 2, пол, уч. X/66, гл. –3,60–3,70	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 504.
18	6615±100	SPb-481	5626–5478 5719–5376	Уголь	Сооружение 2, уступ котлована, уч. Ф/65, гл. –3,20–3,25	Там же.
Поселение Большая Умытъя 9, умытъянский тип						
19	6810±70	SPb-2544	5742–5634 5876–5566	Уголь	Сооружение 1, дно котлована, уч. О-Н/67, гл. –4,20–4,30	Публикуется впервые
20	6766±90	SPb-2543	5738–5566 5841–5483	Уголь	Сооружение 1, яма на уч. О/68, гл. –4,15–4,20	Публикуется впервые
Поселение Усть-Тетер 1, умытъянский тип						
21	5800±100	SPb-476	4784–4541 4904–4404	Уголь	Сооружение 2, уч. КЛ/24–25, гл. –1,90–1,95	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 505.
22	5350±100	SPb-475	4326–4052 4357–3971	Уголь	Сооружение 2, уч. КЛ/24–25, гл. –1,90–1,95	Там же.
Поселение Чилимка 5, чилимкинский тип						
23	6970±35	KIA-56638	5963–5792 5975–5747	Нагар	Сосуд из жилища	Дубовцева Е. Н. и др., 2023. С. 126.
24	6560±70	KIA-56639	5616–5474 5626–5376	Нагар	Сосуд из жилища	Там же.
Поселение Шоушма 10, шоушминский тип						
25	6700±100	SPb-477	5712–5536 5790–5474	Уголь	Сооружение, яма под полом, уч. Д/4–5, гл. –2,29–2,33	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 506.

Таблица 33 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%), ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
26	6500±100	SPb-478	5556–5367 5632–5300	Уголь	Сооружение, пол, уч. В/7, гл. –1,93–1,94	Там же.
27	6340±100	Ki-17442	5471–5213 5485–5055	Керамика	Керамика, сосуд 19	Там же.
28	6350±70	SPb-479	5467–5219 5480–5209	Уголь	Сооружение, пол, уч. БВ/6, гл. –1,96–1,98	Там же.
Поселение Усть-Тетер I, шоушминский тип						
29	6830±200	Ki-17443	5973–5562 6095–5373	Керамика	Сосуд 18	Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А., 2012. С. 505.
Поселение Сумпанья II, сумпаньинский тип						
30	6530±70	Ле-1818	5606–5388 5620–5364	Уголь	Жилище, гл. –1,15	Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П., 1984. С. 38.
Поселение Сумпанья IV, сумпаньинский тип						
31	6850±60	Ле-1440	5789–5666 5873–5635	Уголь	Жилище, очаг, уч. В-3	Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П., 1984. С. 38.
32	6688±120	SPb-2539	5889–5666 5842–5464	Керамика	Сосуд 55	Публикуется впервые
33	6590±70	Ле-1814	5612–5480 5645–5383	Уголь	Жилище, дно котлована, уч. Б-3, гл. –2,10	Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П., 1984. С. 38.
34	6520±70	Ле-1813	5554–5382 5618–5357	Уголь	Жилище, жердь, уч. Б-4, гл. –2,00	Там же.
35	6342±120	SPb-2540	5473–5212 5528–5011	Керамика	Сосуд 39	Публикуется впервые
36	6300±110	SPb-2541	5464–5074 5479–5002	Керамика	Сосуд 74	Публикуется впервые
Поселение Сумпанья VI, сумпаньинский тип						
37	6100±70	Ле-2540	5207–4907 5218–4841	Уголь	Не указано	Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А., 1991. С. 85.
Поселение Леуши VII, сумпаньинский, шоушминский, немнёлский типы						
38	6890±70	Ле-2726	5878–5715 5971–5648	Уголь	Сооружение, настил жил., уч. Е-Ж/6–7, гл. –0,65–0,70	Тимофеев В. И. и др., 2004. С. 123.

Таблица 33 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ С даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
39	6370±60	Ле-2729	5469–5226 5474–5226	Уголь	Сооружение, настил жил., уч. Ж/6, гл. –0,70	Там же.
40	6130±40	Ле-2725	5207–4996 5211–4962	Уголь	Сооружение, настил жил., уч. Ж/6–8, гл. –0,75–0,80	Там же.
41	5750±60	Ле-2728	4687–4537 4722–4461	Уголь	Сооружение, «сгоревшая крыша», гл. –0,80	Там же.
Поселение Мулымья 3, сумпаньинский, немнёлский типы						
42	6610±40	Poz-137578	5615–5484 5621–5480	Нагар	Сосуд 1 из сооружения 15	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2023. С. 113.
Поселение Мулымья 4, сумпаньинский, немнёлский, шоушминский типы						
43	6020±35	Poz-136861	4951–4846 5003–4799	Уголь	Сооружение 2	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2023. С. 113.
44	6330±60	Poz-137579	5368–5218 5474–5128	Нагар	Сосуд 2 из сооружения 2	Там же.

Поздний период неолита р. Конда представлен памятниками ушьянского типа. По ¹⁴С датам их хронология соответствует последней трети V тыс. до н. э. — первой половине IV тыс. до н. э. (табл. 34). Во второй половине V тыс. до н. э. отмечается постепенное замещение прочерчено-волнистого орнаментального стиля на печатно-ребенчатый. К началу IV тыс. до н. э. ушьянские традиции декорирования посуды полностью угасают, ушьянские продолжают до середины IV тыс. до н. э.

Сосуды ушьянского типа округлодонные, прямостенные, иногда с прогибом стенок в приустьева части (рис. 135, 5, 8).

Ёмкости оригинальных форм — плоскодонные прямоугольной формы или чаши — имеют небольшие размеры, представлены единично. Венчики равны по толщине стенкам. Для орнаментации использовались ребенчатые штампы из кости, камня и керамики, а также кости животных.⁹³ В кинематике орнаментирования превалирует техника штампования, в единичных случаях отмечено шагание, прочерчивание и отступление. Сосуды украшены от венчика до дна. Композиции состоят из линейных горизонтальных мотивов: прямых линий, зигзагов, поясов из наклонных оттисков. Их комбинации создают многообразие орнаментальных схем. Геометрические мотивы представлены «флажками» (рис. 135, 8), единично — ромбами. Обязательным элементом декора является поясок отверстий, редко — глубоких ямок, вдоль края (рис. 135).

⁹³ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде с верховьев реки Конды // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 50–58. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. 6).

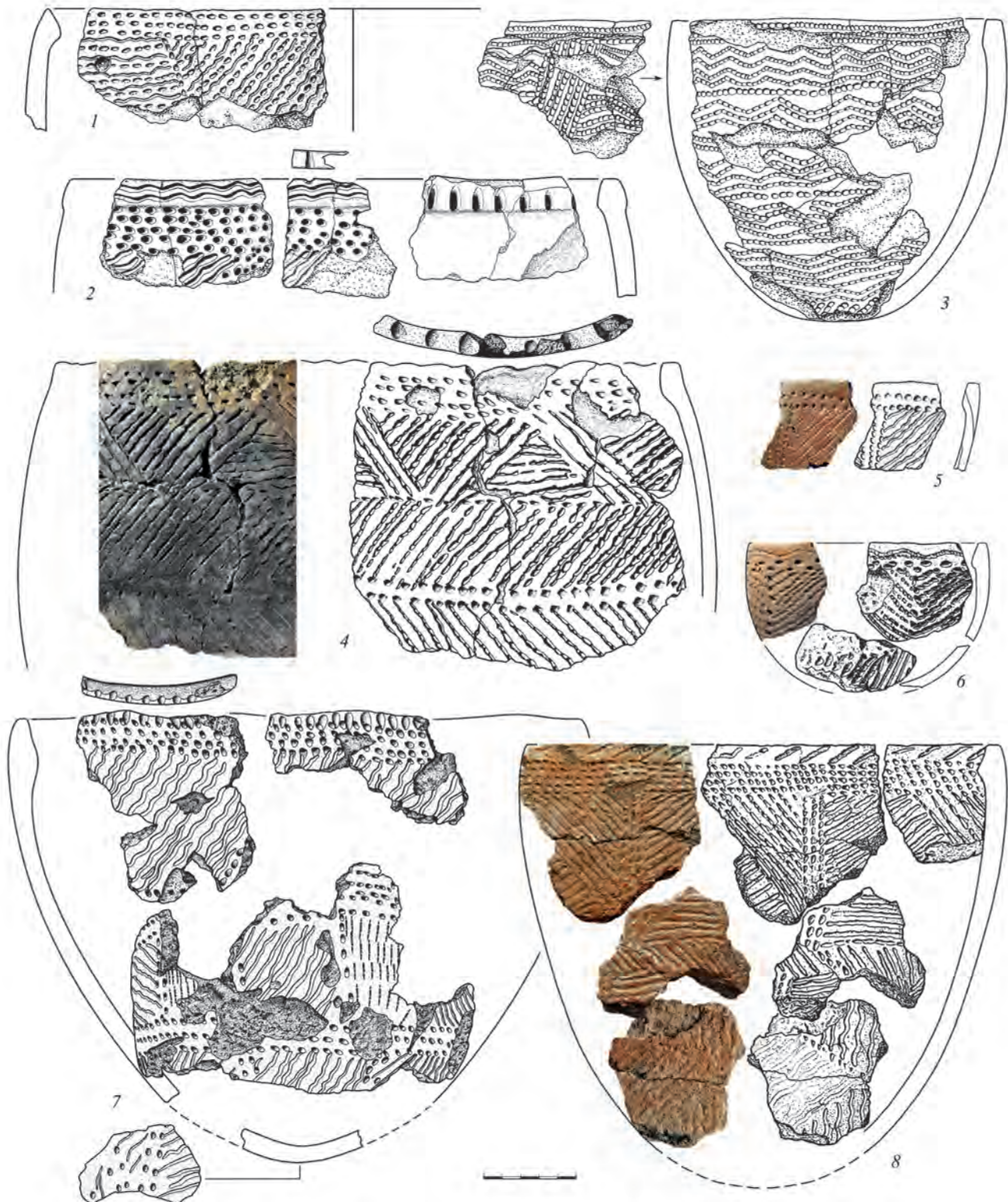

Рис. 132. Средний неолит бассейна р. Конда.
Керамика шоушминского типа. Поселения Шоушма 10 (1–5), Леуши VII (6, 7), Большая Умытья 8 (8)

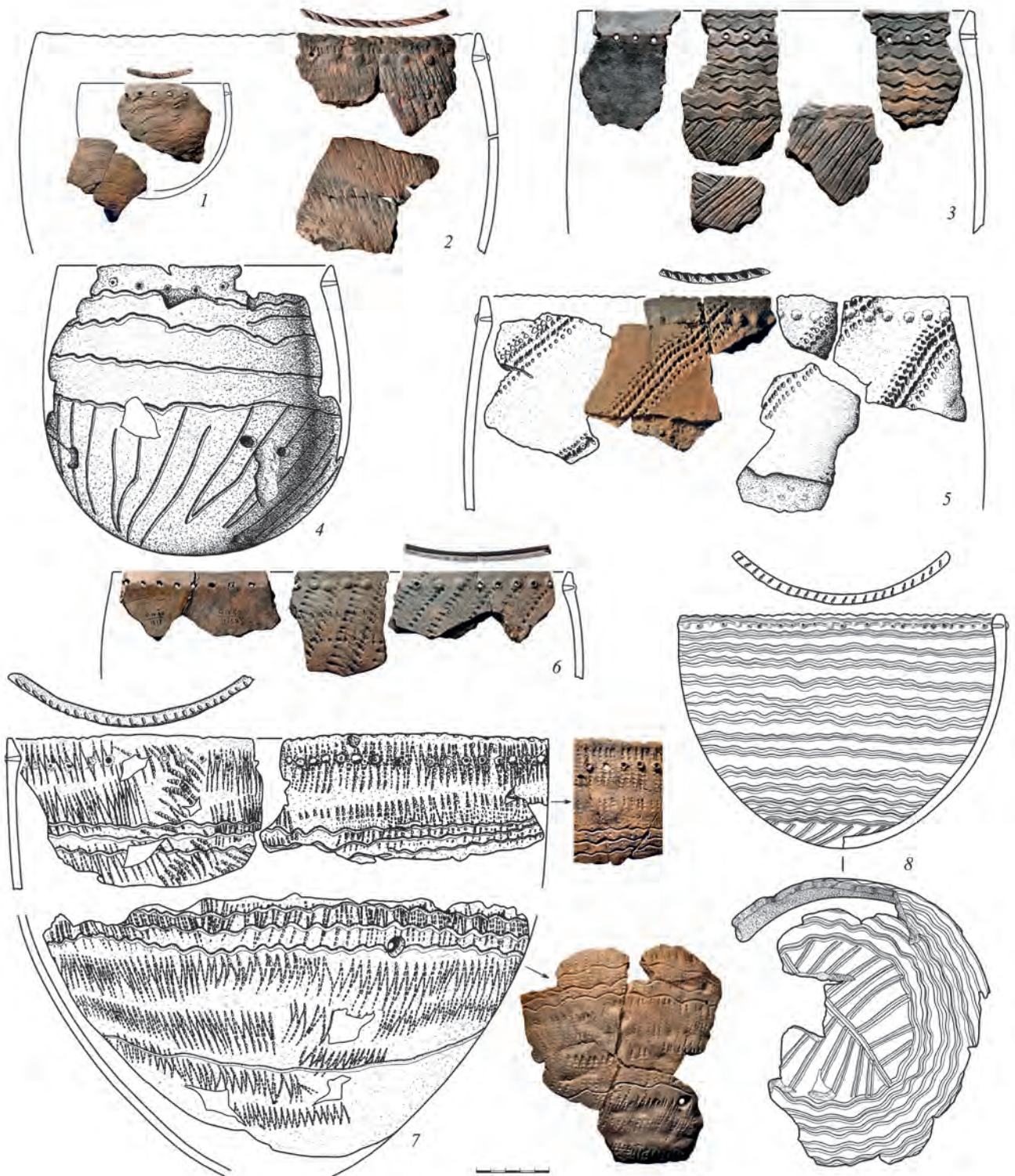

Рис. 133. Средний неолит бассейна р. Конда.
Керамика сумпаньинского типа. Поселения Сумпанья IV (1–3, 6), Леуши VII (4, 5, 7, 8)

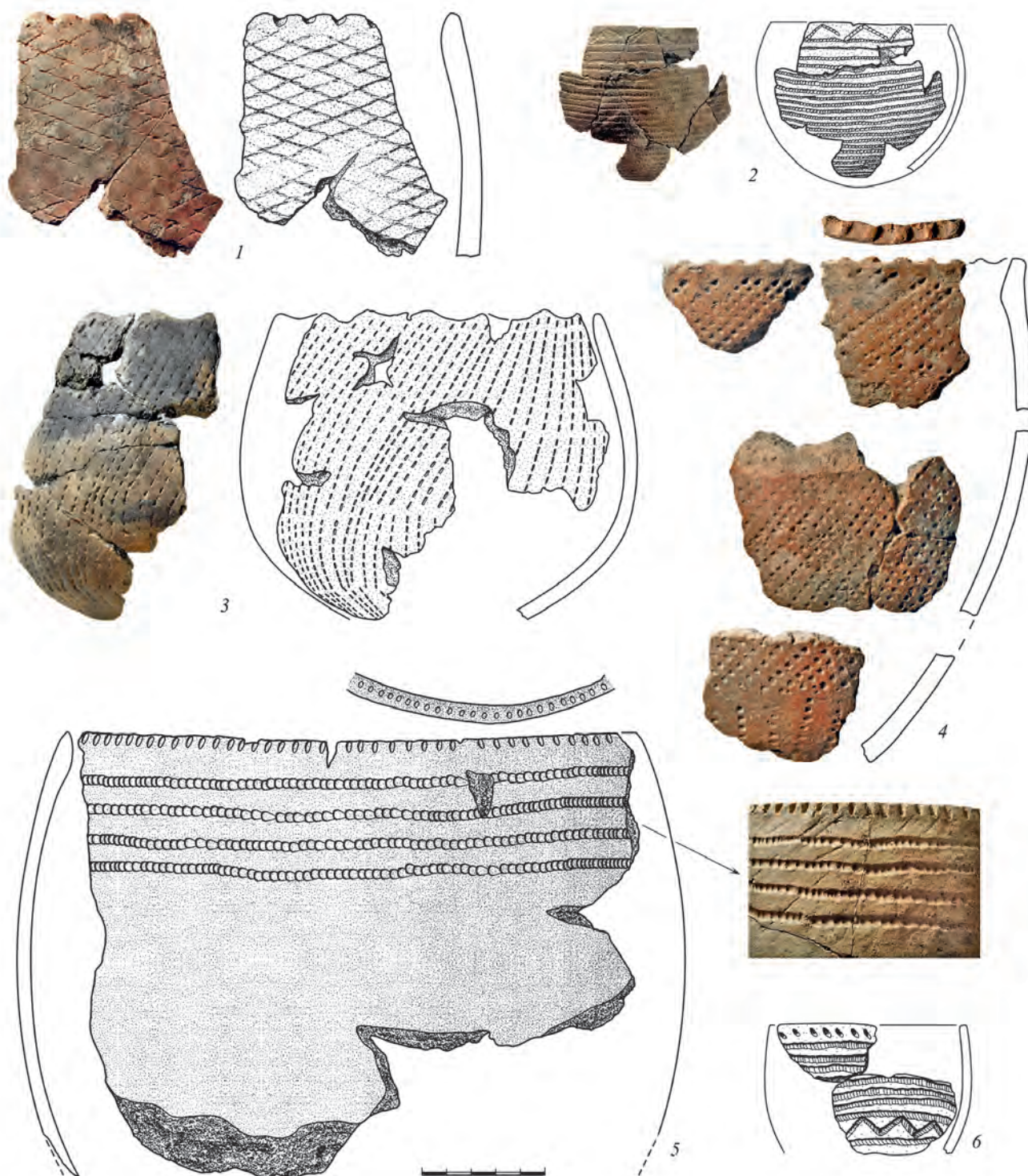

Рис. 134. Средний неолит бассейна р. Конда.
Керамика немнёлского типа. Поселения Мулымья 4 (1), Мулымья 3: сооружение № 15 (2, 5), Леуши VII (3, 4), Большая Умытья 9 (6)

Рис. 135. Поздний неолит бассейна р. Конда.
Керамика ушинского типа. Поселения Большая Умытья 100 (1, 5–9), Большая Умытья 8 (2–4)

В периодизации энеолита р. Конда, разработанной С. Ф. Кокшаровым,⁹⁴ к первой стадии отнесены памятники ушьяинского типа (рубеж IV–III тыс. до н. э.⁹⁵) ко второй — еныйского (первая треть III тыс. до н. э.), к третьей — атымьинского (вторая треть III тыс. до н. э.), к четвертой — волончинского (последняя треть III тыс. до н. э.). В последние годы эта схема подверглась пересмотру. Ушьяинские комплексы отнесены к позднему неолиту.⁹⁶

Таблица 34

**Радиоуглеродные даты памятников позднего
неолита в бассейне рр. Конда и Согом**

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3 %) ±2σ (95,4 %)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Большая Умытъя 8, ушьяинский тип						
1	5240±100	Ki-17447	4231–3966 4329–3803	Керамика	Сосуд 154	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2017. С. 46.
Поселение Большая Умытъя 100, ушьяинский тип						
2	5310±60	Ki-17968	4238–4050 4322–3990	Уголь	Сооружение 14, ЮВ стена, уч. ПБ–В/64, ур. 62,06–61,46 ⁹⁷	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2017. С. 45.
3	5170±60	Ki-17969	4049–3817 4226–3797	Уголь	Сооружение 14, ЮЗ стена, уч. ПЮ–Я/64, ур. 62,06–61,46	Там же.
4	5096±70	SPb-1114	3969–3798 4040–3711	Уголь	Сооружение 28, ур. 61,61–61,56	Там же.
5	4927±120	SPb-1424	3941–3538 3972–3381	Керамика	Сосуд 55 из сооружения 33	Там же.
6	4890±80	SPb-1109	3780–3536 3945–3386	Уголь	Сооружение 33, уч. ПЛ/41, ур. –61,86–61,76	Там же.
7	4800±380	Ki-17965	3983–3030 4445–2582	Уголь	Сооружение 33, очаг, уч. ПН/42, ур. –61,46–61,41	Там же.
Поселение Усть-Тетер 1, ушьяинский тип						
8	4650±280	Ki-17444	3701–2936 4042–2630	Керамика	Сосуд 22 из сооружения 3	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2017. С. 46.
Поселение Стариков мыс Ia						
9	5090±280	Le-5769	3986–3715 4221–3647	Уголь	Постройка 5, гл. –1,95–2,05	Чемякин Ю. П., 2011. С. 225.

⁹⁴ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита...С. 173–251.

⁹⁵ Некалиброванная шкала.

⁹⁶ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов... С. 216–228.

⁹⁷ Ур. — Здесь и далее глубина указана в Балтийской системе высот

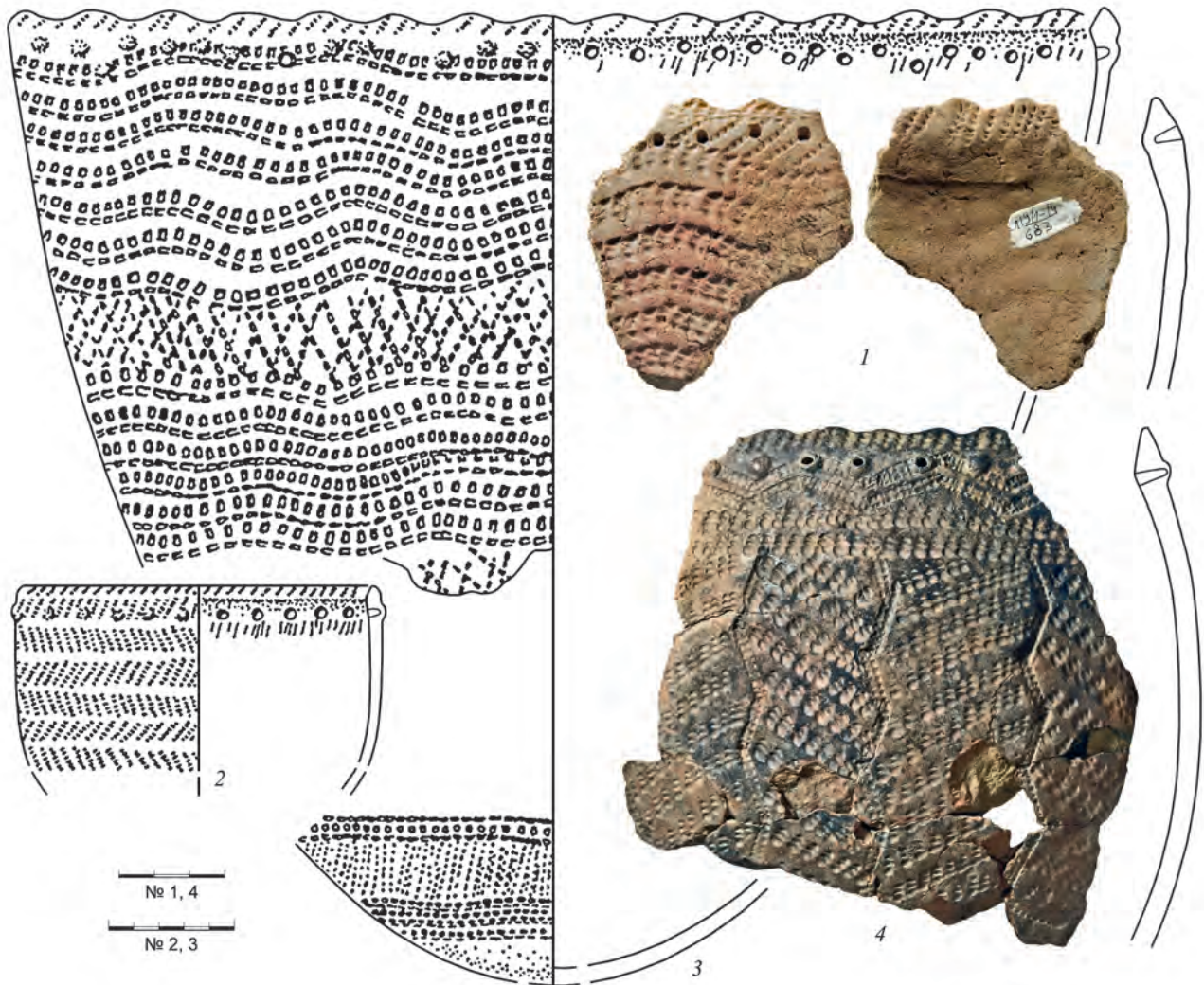

Рис. 136. Энеолит бассейна р. Конда.
Керамика еныйского типа. Поселения Лемья 19.1 (1); Еныя 12 (2, 3); Большая Умытъя 57 (4)
(по: Поселение Лемья 19.1, 2019; Стефанов и др., 2005; Погодин, 2008)

Еныйские древности (рис. 136), судя по калиброванным радиоуглеродным датам поселений Большая Умытъя 57 и Толум 1, имеют широкую датировку: с середины IV до середины III кал. л. до н. э.⁹⁸

Памятники атымьинского (рис. 137) и волвончинского (рис. 138) типов слабо обеспечены радиоуглеродными датами. Хронологическая позиция памятников атымьинского типа по ¹⁴C датам поселения Атымья VII и погребения 2 поселения Большая Умытъя 9 (рис. 192, Б) определена в интервале последней трети IV — первого столетия III тыс. до н. э. (табл. 35).

⁹⁸ Храмцов М. В. и др. Указ. соч. С. 15–25.

Таблица 35

Радиоуглеродные даты энеолитических памятников бассейна р. Конда

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение Толум I, еныйский тип						
1	4330±70	Лу-9866	3081–2886 3329–2704	Уголь	Сооружение 3	Храмцов М. В. и др., 2023. С. 22.
2	4300±100	Лу-9867	3095–2701 3332–2626	Уголь	Сооружение 3	Там же.
Поселение Большая Умытъя 57, еныйский тип						
3	4310±135	СОАН-7642	3317–2696 3352–2580	Уголь	Сооружение 2, дно котлована	Погодин А. А., Миронов П. В., 2009. С. 165.
4	4130±130	СОАН-7641	2883–2501 3025–2300	Уголь	Сооружение 2, дно котлована	Там же.
5	5180±120	Ki-17445	4226–3802 4322–3709	Керамика	Сосуд из сооружения 2	Лемья 19.1..., 2019. С. 34–35.
Поселение Атымья VII, атымьинский тип						
6	4410±40	Ле-2644	3096–2938 3327–2912	Уголь	Внешняя яма II	Кокшаров С. Ф., 2009. С. 22.
7	4130±40	Ле-2642	2862–2626 2874–2578	Уголь	Жилище	Там же.
Поселение Волвонча I, волвончинский тип						
8	4240±40	Ле-1453	2908–2708 2919–2674	Уголь	Нет данных	Кокшаров С. Ф., 2009. С. 241.
9	3900±60	Ле-1448	2466–2297 2568–2202	Уголь	Нет данных	Там же.

Рис. 137. Энеолит бассейна р. Конда.

Керамика атымьинского типа. Поселения Геологическое XVI (1, 5); Атымья IV (2, 3, 6, 8, 10); Большая Умытья 9 (4); Большая Умытья 60 (7, 9) (1–3, 5, 6, 8, 10 — по: Кокшаров, 2009; 4 — по: Клементьева, Погодин, 2017; 7, 9 — фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск)

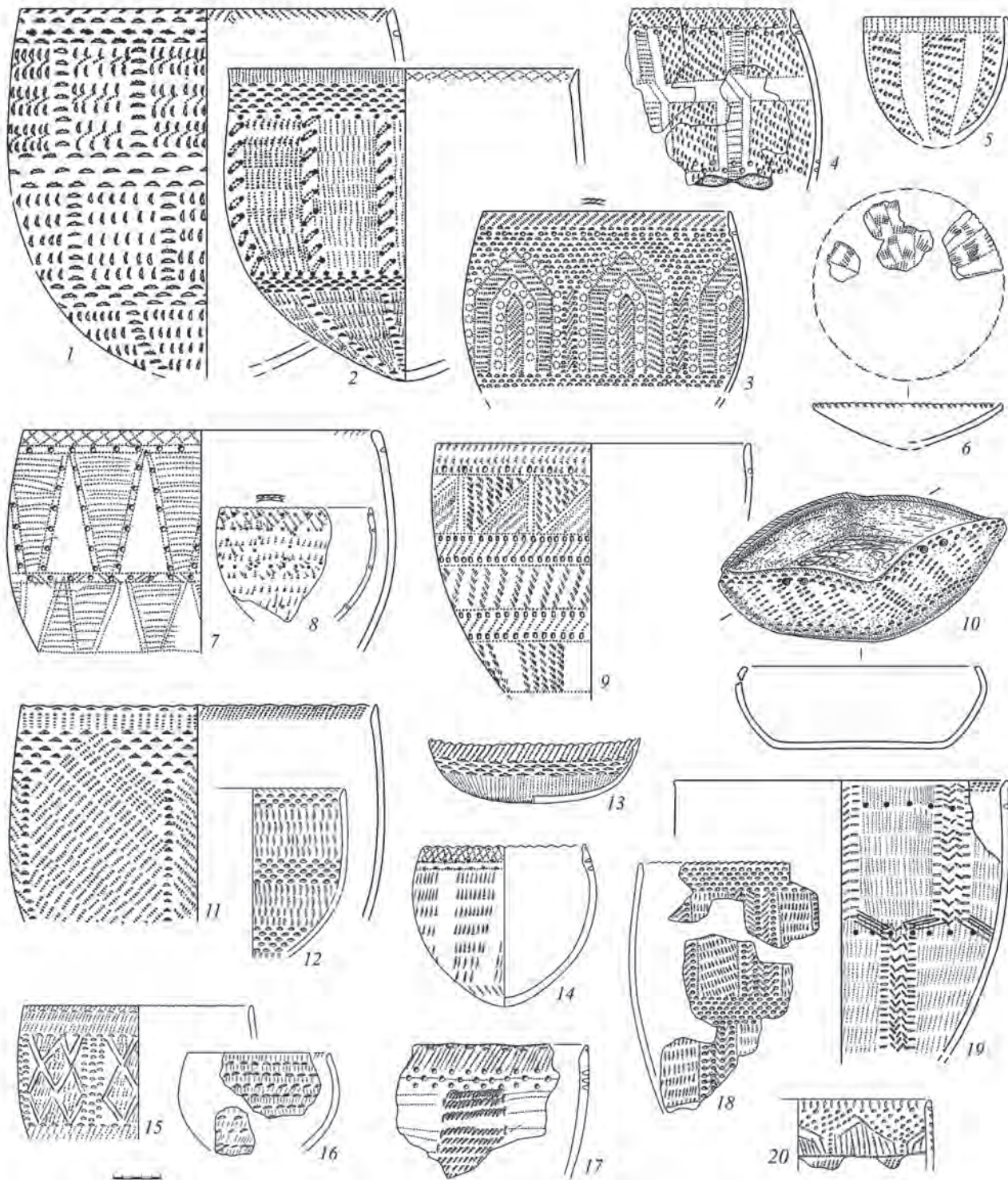

Рис. 138. Энеолит бассейна р. Конда.
 Керамика волвончинского типа. Поселения Волвонча I (1, 2, 4–8, 11, 12, 14–16, 18, 19), Геологическое III (3, 9, 10), Геологическое XVI (13, 17, 20). 10 — миска из погребения собаки (по: Кокшаров, 2009)

Глава 4

Хозяйство и образ жизни

Рассматриваемые территории Западной Сибири в атлантический период голоцена занимали хвойные леса (тайга). Наибольшим природным разнообразием отличались склоны Уральских гор и их предгорья, для которых характерны сложный рельеф, развитая гидросеть, мозаичность ландшафтов с разнообразием флоры и фауны. Эти районы выглядят наиболее освоенными в эпоху мезолита, тогда как на равнине известные нам памятники этого времени пока единичны.⁹⁹ Вероятно, здесь оставалось много свободных, не заселённых человеком территорий. Одним из важных факторов, замедлявших освоение глубинных таёжных районов Западно-Сибирской равнины, мог быть дефицит камня. На восточном склоне Урала почти нет кремня, но есть породы, способные его заменить: яшмы, халцедоны, метаморфизированные кремнистые породы. Чем дальше от Урала, тем реже можно найти подходящий для обработки камень, а местами дефицит сырья становится абсолютным.

Данные палеоэкологии свидетельствуют о том, что условия окружающей среды атлантического периода голоцена (где АТ-2 и АТ-3 соответствуют неолиту) были более благоприятными, чем в настоящее время. По мере потепления, особенно в конце атлантического периода, распространялись тёмно-хвойные леса, границы ландшафтных подзон смещались на север, в то время как граница лесостепной зоны была близка к современной; количество болот было минимальным.

Охота и рыболовство

Неолитическое население таежной зоны, как и в мезолите, вело присваивающее охотничье-рыболовческое хозяйство. Об этом свидетельствует остеологический материал, состав каменных орудий, а также топография поселений.

Видовой состав животных, вероятно, являлся относительно стабильным на протяжении всего голоцена. На поселениях эпохи мезолита — позднего неолита находят кости северного оленя, лося, бобра (основные промысловые виды), а также волка, соболя, зайца, птицы, рыбы (щука, окунь, налим, сиговые, карповые виды).¹⁰⁰

---

⁹⁹ См. Часть 1 в этом издании.

¹⁰⁰ Беспрозванный Е. М., Косинцев П. А., Погодин А. А. Север Западной Сибири // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. М., 2014. С. 168–181.

Кости, как правило, мелкие, обожжённые (кальцинированные), залегали в очагах, на полу жилищ или в заполнении кострищ на территории поселений и стоянок. Интересны ямы, насыщенные костями рыб (умытйинские комплексы поселений Усть-Тетер 1 и Большая Умытъя 109.1), предназначенные, видимо, для приготовления (квашения?) и/или хранения рыбы. Аналогичные сооружения — ямы — известны в Барабинской лесостепи на поселении раннего неолита Тартас 1.¹⁰¹

Находки сырых костей большая редкость, так как в песчаных грунтах они сохраняются плохо. В хозяйственных ямах, расположенных рядом с котлованом землянки (сооружения 16, умытйинский тип) на поселении Большая Умытъя 100, лежали крупные кости северного оленя и лося (рис. 146, 4). Челюсть лося найдена в верхнем заполнении неолитического котлована на поселении Мулымья 4.

Наряду с активными способами охоты, о чём свидетельствует широкое распространение каменных наконечников стрел, применялись, вероятно, и пассивные, в частности, ямы-ловушки на копытных животных. Они встречаются в таёжной зоне повсеместно, располагаются как по берегам небольших рек и озёр, так и на значительном удалении от воды, перекрывая наиболее удобные места для прохода животных или на путях миграций копытных.¹⁰² Ямы, как правило, расположены в цепочку, на небольшом расстоянии друг от друга. Известные системы включают от 2 до 20 и более объектов. Но встречаются и одиночные впадины. Согласно этнографическим данным, между ловушками, входящими в систему, строились загороди. Датировка этих памятников затруднена из-за отсутствия в них находок и угля для радиоуглеродного датирования. Однако известно, что ловушки появились ещё в конце мезолита.¹⁰³

Пока единственным подобным объектом, относящимся к неолитическому периоду, является памятник Вора-яха 1 в среднем течении р. Пякупур. По придонному заполнению котлована получена дата 6000±80 л. н. (Ле-7004), погребённый подзол вокруг ямы также содержал уголь, который дал дату 6670±90 л. н. (Ле-7005)¹⁰⁴. В глубине террасы, на ровном участке, располагалась одиночная овальная впадина, в результате раскопок которой был выявлен небольшой котлован подпрямоугольной формы размером 2,0×1,2 м и глубиной 1,1 м, интерпретированный как остатки ловчей ямы. По периметру дна фиксировалась канавка, маркирующая крепёж стенок. На дне ямы в центре сохранилась столбовая ямка диаметром 10 см и глубиной 16 см — след вертикального кола (рис. 139).

Возможно, в это время началось становление запорного рыболовства. У ханты и манси фиксируется более 200 вариантов ловли рыбы с помощью запоров.¹⁰⁵ Такое разнообразие и лингвистические данные говорят о достаточно раннем появлении и широком распространении в финно-угорском мире запорного рыболовства: котца с IV–III тыс. до н. э., морды

¹⁰¹ Молодин В. И. и др. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 69–93.

¹⁰² Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 166–167.

¹⁰³ История Ямала: в 2-х томах. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010. С. 31.

¹⁰⁴ Там же. С. 41.

¹⁰⁵ Лукина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 124.

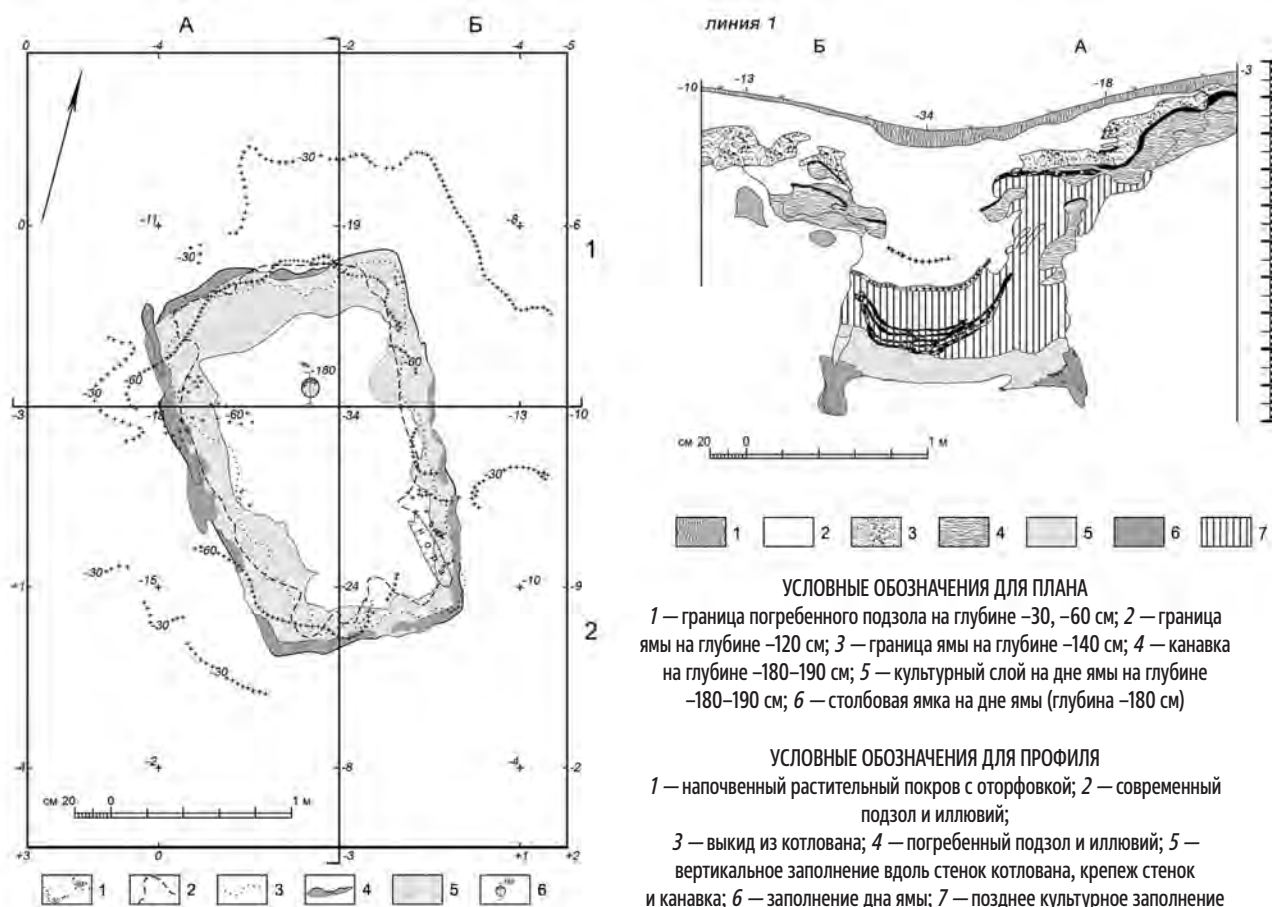

Рис. 139. Охота. Памятник Вора-яха 1. Яма-ловушка на копытных животных. План и профиль (по: Косинская, 2010)

и рукава — с III-II тыс. до н. э.¹⁰⁶ Остатки подобных рыболовных сооружений известны на памятниках неолита — раннего металла в Прибалтике, Верхнем Поволжье, на Европейском Севере, в Зауралье,¹⁰⁷ но в Западной Сибири они пока не обнаружены. О распространении в IV тыс. до н. э. сетевого рыболовства свидетельствуют находки керамических (рис. 174) и каменных грузил для сетей.¹⁰⁸

Традиционность рыболовного и охотничьего промыслов, основные элементы которых сохранились с каменного века до этнографической современности, была обусловлена спецификой природной среды и носила характер культурной адаптации. Максимальная продуктивность присваивающего хозяйства была возможна при относительной оседлости рыболовов и охотников, имевших наряду с местами постоянного проживания и сезонные лагеря, где добывались рыба и животные. Обратимся к имеющимся археологическим свидетельствам и рассмотрим структуру изученных памятников.

¹⁰⁶ Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000. С. 37.

¹⁰⁷ Чайркина Н. М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы. СПб., 2022. С. 292.

¹⁰⁸ Чайркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья... С. 228-229.

Поселения и жилища

В археологии поселением принято считать компактное скопление жилых и хозяйственных построек. Такие поселения часто состоят из одновременных сооружений, оставленных группами носителей одной или разных археологических культур. Поэтому судить о реальных размерах неолитических посёлков можно только по материалам полностью раскопанных поселений, которые пока единичны.

Большинство известных неолитических поселений представлено одним сооружением. Посёлков, состоящих из нескольких жилищ, не так много, одновременность построек предполагается, но требует дополнительного подтверждения.

В эпоху неолита в западносибирской тайге развернулось «массовое домостроительство», нормой становятся стационарные жилища. Неолитические постройки, как правило, углублены в землю полностью (землянки глубиной более 1,5 м) или частично (полуземлянки от 0,3 м до 1,5 м),¹⁰⁹ последние доминируют. На современной поверхности остатки жилищ выглядят как впадины, часто окружённые расплывшейся обваловкой. Известны остатки наземных построек.¹¹⁰

Изучение жилищ археологическими методами имеет ряд ограничений и проблем.

В таёжной зоне типичны кислые почвы, крайне агрессивные к органическим веществам, поэтому древесина — основной строительный материал — здесь не сохраняется. При раскопках обнаруживаются лишь остатки сгоревших деревянных конструкций в виде скоплений угля, полос обесцвеченного или прокалённого грунта. Иногда в них можно опознать следы брёвен, жердей, плетёнок, являвшихся конструктивными деталями стен, крыши и пола. Сложно определить реальные границы жилища, то есть местоположения основания стен, которые зачастую располагались не по краям котлована, а на некотором расстоянии за его пределами. Для этого необходимо зафиксировать границы постройки и котлована на уровне древней дневной поверхности, что далеко не всегда удаётся в силу плохой их сохранности. Несмотря на эти ограничения, объём накопленной информации позволяет судить об особенностях и динамике домостроительства на протяжении эпохи неолита. Размеры жилищ и планировка их внутреннего пространства являются ценным источником для реконструкции численности и социальной организации коллективов — обитателей жилищ.

В раннем неолите в Сургутском Приобье известны как одиночные жилища-полуземлянки (поселение Чёрная 3, жилище 1а),¹¹¹ так и памятники, состоящие из нескольких, возможно, одновременных построек (поселения Каюково 1, Барсова гора II/9б),¹¹² а также жилища, окружённые загородью и рвом (поселение Микишкино 5),¹¹³ и поселения со сложной круго-

¹⁰⁹ Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 22: Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. С. 7.

¹¹⁰ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов... С. 216–228.

¹¹¹ Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Чёрная 3 // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 199–217.

¹¹² Чемякин Ю. П. Неолитический комплекс поселения Барсова Гора II/9 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 191–202.

¹¹³ Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре... С. 112–122.

вой планировкой (городище Каюково 2).¹¹⁴ Для этих памятников характерны полуземлянки с небольшими подквадратными котлованами площадью 20–35/40 кв. м и глубиной от 0,6 до 1,1–1,5 м. Судя по наличию столбовых ямок, жилища имели каркасно-столбовую конструкцию, когда каркас стен и крыши крепится на опорные столбы, вкопанные в дно котлована по углам и/или вдоль стен и в центре. Примечательная особенность почти всех жилищ — канавка, впущенная в дно котлованов по периметру.¹¹⁵ Песчаные стенки котлованов требовали крепления, и основание опалубки из вертикальных жердей, брёвнышек или плах опускалось в эту канавку.¹¹⁶ Выход в виде короткого углублённого выступа устраивался в середине стены или ближе к углу.

Данные об устройстве интерьеров жилищ крайне скудны. Помещения отапливались очагом — открытым кострищем, размещённым в центре сооружения на полу или в яме. В одном из жилищ поселения Каюково 2 очаг отличался более сложным, оригинальным устройством. Кострище располагалось в продолговатой яме, к одному концу которой примыкала канавка-поддувало, а от другого отходила вентиляционная канавка (своего рода горизонтальная «труба»), выведенная через стенку наружу. В некоторых жилищах зафиксированы места для отдыха. Так, в жилище 1а поселения Чёрная 3 вдоль тыльной стены располагалась низкая земляная полка шириной до 1,5 м. Угол котлована в этом жилище, справа от входа, был отгорожен цепочкой столбов и канавок, но назначение этой зоны не установлено (рис. 140). В некоторых сооружениях зафиксированы ямы, вероятно, хозяйственного назначения.

Домостроение раннего неолита в бассейне р. Конда иллюстрируется по материалам поселения Мулымья 3, на котором изучены наземные постройки площадью 8–12 кв. м и углублённые до 0,7–1,2 м, состоящие из одного или двух, соединённых переходом, котлованов (рис. 141).

Площади однокамерных полуземлянок 30–50 кв. м, двухкамерных — 50–80 кв. м. Стенки котлованов были забраны деревянной крепью, перекрытие поддерживалось опорной конструкцией из столбов, расположенных по углам и вдоль стен котлована. Выходы коридорообразные, шириной 0,6–0,7 м и длиной до 2,1 м. Внутри двухкамерных сооружений зафиксированы наземные очаги, в полу углублённых построек — хозяйственные ямы. В конструкции котлованов встречены такие детали, как земляные уступы вдоль одной-двух стен. Охра на полу котлованов отмечена локальными линзами. Сооружения раннего неолита по площади котлованов, остаткам опорной конструкции стен и конструктивным элементам интерьера имеют сходство с позднемезолитическими постройками поселений Геологическое III¹¹⁷ и Леуши IX.¹¹⁸

В Сургутском Приобье на памятниках барсовогорской группы конца раннего или начала среднего неолита (поселения Барсова гора II/16а и II/17) изучено 10 сооружений.¹¹⁹

---

¹¹⁴ Ивасько Л. В. Укреплённое поселение каменного века Каюково 2 // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири*. Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 7–25.

¹¹⁵ Далее в тексте этот конструктивный элемент будет именоваться пристенной канавкой.

¹¹⁶ Ивасько Л. В. Укреплённое поселение... С. 11, 23.

¹¹⁷ Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // *РА*. 2000. № 4. С. 109–127.

¹¹⁸ Беспрозванный Е. М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 26–38.

¹¹⁹ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 16–17.

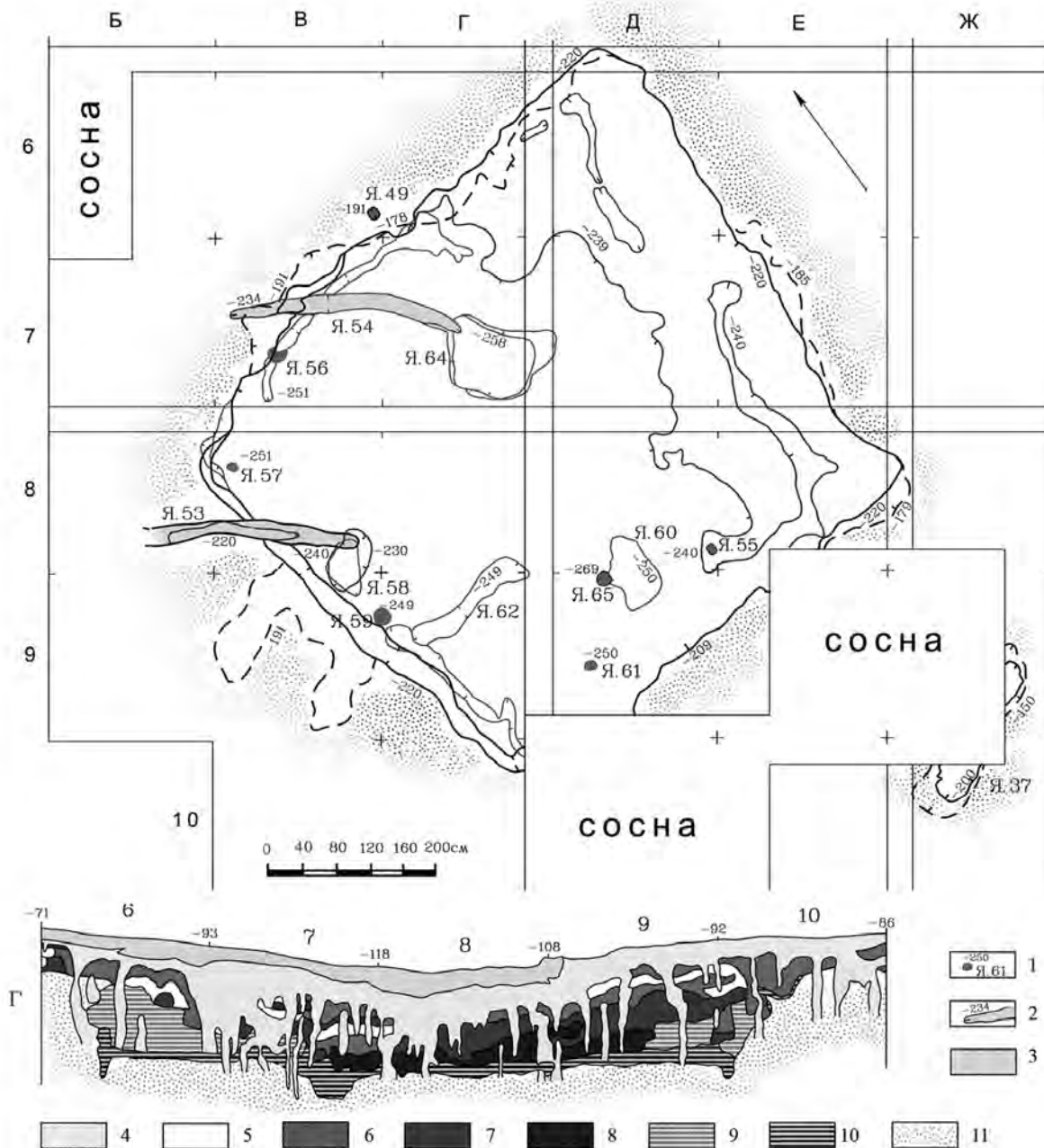

Рис. 140. Ранний неолит Сургутского Приобья. Поселения и жилища. Селище Чёрная 3. Жилище 1а. План и разрез (по: Косинская и др., 2011)
 1 — столбовые ямки; 2 — объекты естественного (?) происхождения; 3 — переотложенный песок — современные антропогенные нарушения;
 4 — естественные почвенные слои (подзол, ярко-желтый и светло-желтый иллювий);

5 — погребенный подзол; 6 — верхнее заполнение котлована 1 (белесовато-желтый пестроцвет с углистыми вкраплениями и линзами прокала);
 7 — нижнее заполнение котлована 1 (светлый оподзоленный серовато-желтый песок с ортандовой крошкой и углистыми вкраплениями);
 8 — пол жилища 1 (зеленовато-желто-серый, пепельно-серый углистый песок); 9 — заполнение котлована 1а (бледно-желтый и серовато-желтый песок с углистыми включениями); 10 — пол жилища 1а (желто-черный песок с пятнами охры и прокала); 11 — материковый песок

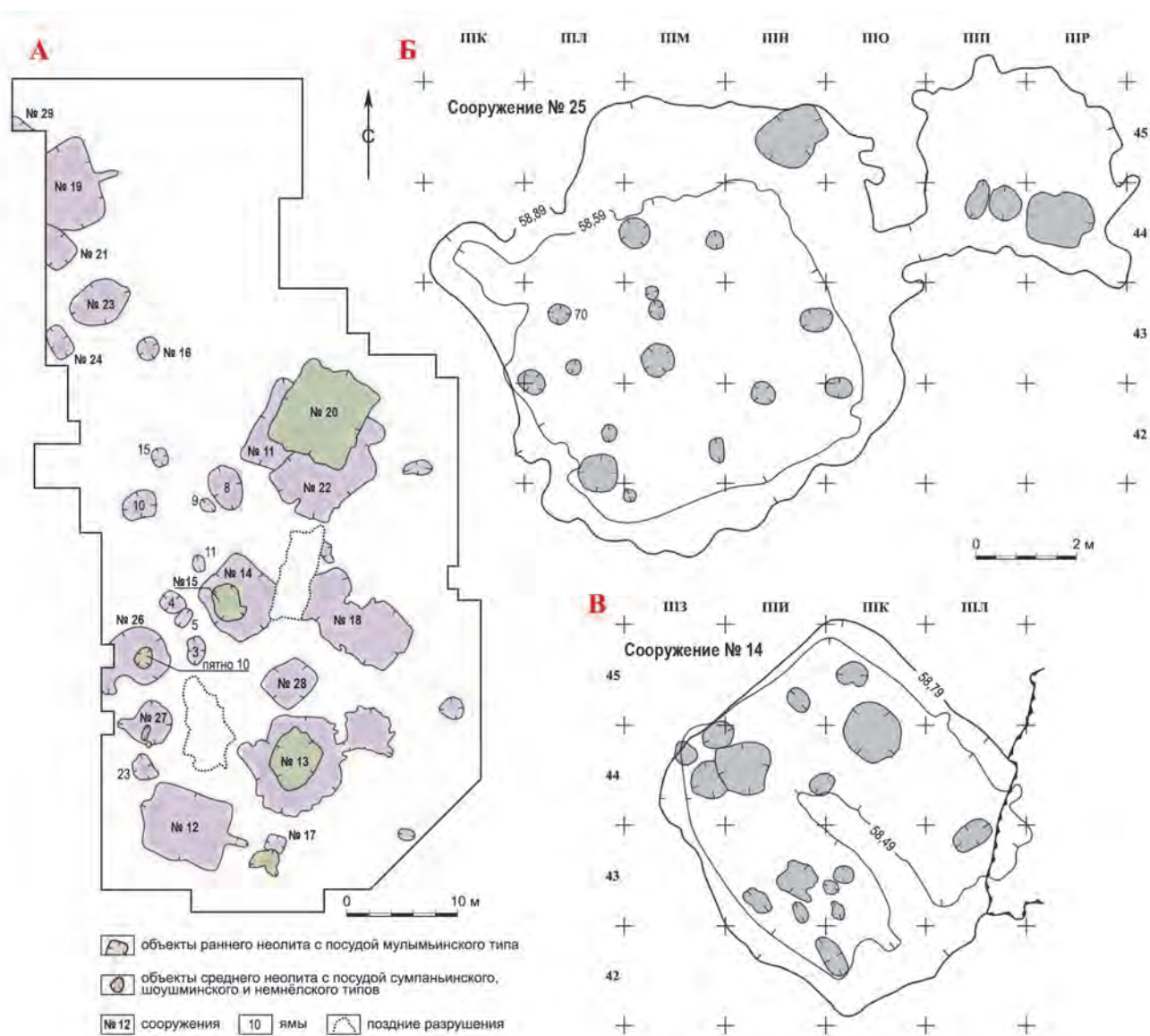

Рис. 141. Ранний неолит бассейна р. Конда.

Поселения и жилища. Поселение Мулымья 3. А — план раскопа с неолитическими сооружениями; Б — сооружение № 25; В — сооружение № 14

Одно раскопано на поселении Кушниково 1.¹²⁰ Жилища поселения Барсова гора II/16а площадью 25–40 кв. м и глубиной 0,2–0,5 м расположены компактно, но бессистемно (рис. 142). Предполагается их каркасно-столбовая конструкция: редкие столбовые ямки прослежены у входа или у стен. Большинство жилищ одноочажные, в некоторых зафиксировано по два очага — напротив входа, в центре, у боковой стены или в углу. Охра покрывала пол в центральной или в наиболее глубокой части котлована.

¹²⁰ Дубовцева Е. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С. Керамические комплексы неолитического посёлка Кушниково // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск., 2006. Вып. 3. С. 23–24.

В некоторых постройках прослеживаются хозяйственные ямы у очага или в стенных нишах. Выход в виде короткого тамбура был устроен в середине одной из стен или сдвинут к углу. Одной из особенностей поселения являются выкладки валунов, расположенные в котловане или рядом с ним и сопряжённые с очагом либо прокалом. Котлован одного из жилищ разделяла земляная перемычка (рис. 142).¹²¹ Аналогичная деталь зафиксирована в трёх жилищах поселения Ет-то I¹²² и в сооружении № 14 на поселении Мулымья 3 (рис. 141, В).¹²³

От жилищ поселения Барсова гора II/17 сохранились котлованы площадью 18–25 кв. м и глубиной 0,5–1,2 м, с единичными столбовыми ямками по углам и у короткого коридорообразного выхода в середине одной из стен. Наземный очаг располагался в центре или в дальней от входа половине котлована. Пол посыпан охрой. В одном из жилищ по трём стенам котлована зафиксированы земляные уступы¹²⁴ шириной 1,0–1,5 м, высотой от пола 0,7–1,0 м. Вероятно, именно по внешним краям этих полок проходила граница постройки, площадь которой в таком случае составляла не менее 35 кв. м.

Общей чертой обоих памятников является бессистемная планировка и разная ориентация котлованов и выходов, что может указывать на одновременность построек каждого поселения. Наличие в межжилищном пространстве очагов, хозяйственных и столбовых ям, находок, а также малое число керамики (84 сосуда¹²⁵ на 13 жилищ) указывает на сезонный, возможно, летний характер обитания.¹²⁶

Судя по радиоуглеродным датам, к среднему периоду неолита относятся несколько жилищ с накольчатой толстостенной керамикой поселений Барсова гора II/86, жилище 2; Барсова гора II/22, жилище 3; Барсова гора II/10, жилище 1 и Барсова гора IV/5, жилища 2, 3 и 7.¹²⁷ В большинстве случаев прослежена лишь придонная часть четырёхугольных котлованов площадью от 12–16 до 28 кв. м с коридорообразным выходом у угла постройки. Напольный очаг располагался ближе к дальней от входа стене или в углу помещения. Пол посыпан охрой. На поселении Барсова гора II/10 исследовано жилище с квадратным котлованом размером 6,5×7,0 м. Центральная часть размером 4,5×4,5 м была углублена на 0,6 м, её окружали земляные нары шириной 1–2 м, общая площадь жилища превышала 45 кв. м. Очаг был устроен в яме на нарах вблизи от коридорообразного входа, пол покрыт охрой, по периметру котлована располагались столбовые ямки. К жилищу, видимо, примыкали две пристройки,

¹²¹ Матвеева Н. П. Неолитический памятник... С. 127–135.

¹²² Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник ТомГУ. История. № 3(23). Томск, 2013. С. 240–245.

¹²³ См.: Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2019 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2020. 250 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 149; Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2020 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2021. 247 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 159.

¹²⁴ Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова гора II/17... С. 184–197.

¹²⁵ Здесь и далее учёт керамики в жилищных комплексах велся не по количеству фрагментов, а по числу сосудов, которым эти фрагменты принадлежат.

¹²⁶ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 17.

¹²⁷ См.: Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 23–26; Борзунов В. А. и др. Охранные раскопки укрепленного жилища и селища Барсова гора II/22 в окрестностях г. Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень, Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 120–123.

соединявшиеся с ним коридорами.¹²⁸ Судя по количеству находок, сосредоточенных в помещениях, — 6–7 сосудов и представительное, по меркам Барсовой Горы, собрание каменного инвентаря, включая нуклеусы, отщепы и орудия, — этот комплекс можно трактовать как базовый/зимний, в отличие от жилищ остальных поселений, в которых обнаружены фрагменты 1–3 сосудов и единичные изделия из камня.

На поселении Барсова гора I/5а раскопаны три постройки, удалённые друг от друга более чем на 70 м, на поселении Барсова гора II/9а — четыре постройки. Исследованные сооружения представлены небольшими полуземлянками с котлованами подквадратной и подпрямоугольной формы площадью 22–35 кв. м и глубиной 0,5–0,8 м. Один или два очага-кострища расположены на полу или в неглубоких ямах, обычно сдвинуты к стенам, пол покрыт охрой. Немногочисленные столбовые ямки прослежены вдоль стен и вокруг котлованов. В некоторых постройках зафиксированы пристенные канавки и хозяйственные ямы. В жилище 1 на поселении Барсов Городок I/5а сохранилась стенка из валунов и галек, протянувшаяся от края котлована к его центру. Керамика из сооружений немногочисленна, по 7–10 сосудов, и 20 сосудов — в двухочажном жилище 11 поселения Барсова гора II/9а.¹²⁹

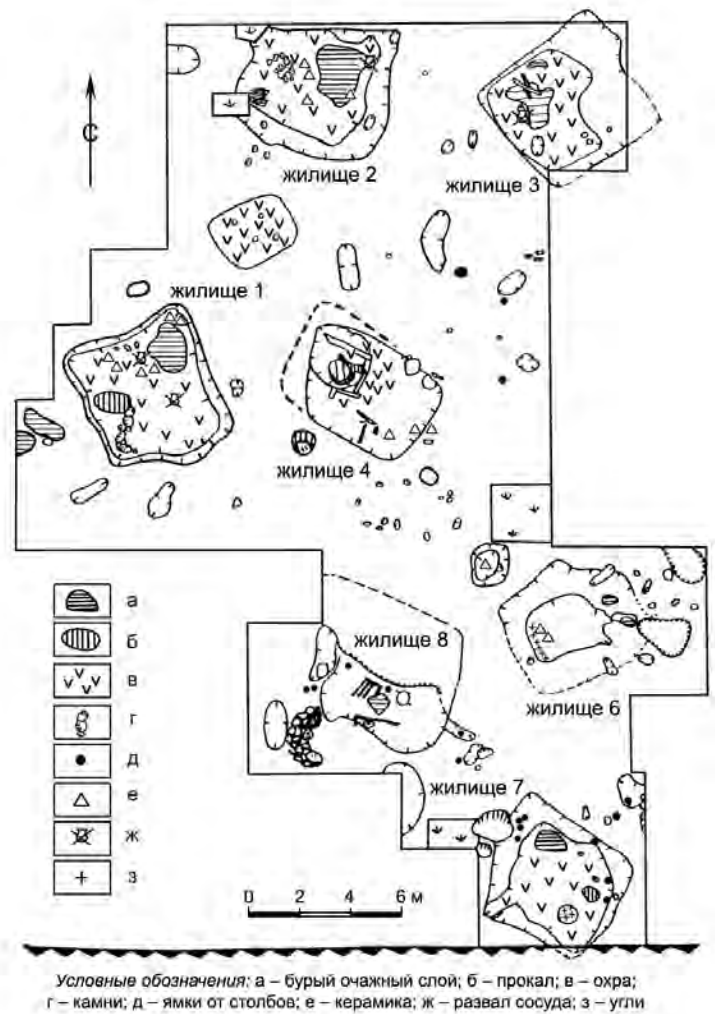

Рис. 142. Средний неолит Сургутского Приобья. Поселения и жилища. Стоянка Барсова гора II/16. План раскопа (по: Матвеева, 1990; Чемякин, 2008)

В среднем неолите в Сургутском Приобье поселения быстринской археологической культуры были сосредоточены на берегах правобережных проток р. Обь и её притоков. На левобережье р. Обь близким по материальной культуре и времени существования является поселение Колунгтотытор I в Салымско-Юганском междуречье.¹³⁰

¹²⁸ Отчёт о раскопках поселения Барсова Гора II/10 в 1993 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Косинская Л. Л. Екатеринбург, 1994. 67 с. // Архив ИА РАН. № 18493.

¹²⁹ См.: Чемякин Ю. П., Ушаков М. А. Новый тип энеолитических памятников в Сургутском Приобье // 120 лет археологии восточных склонов Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. С. 32–39; Матвеева Н. П. Энеолитическая стоянка ... С. 73–81; Дубовцева Е. Н. Селище Барсова гора II/42... С. 122–136.

¹³⁰ Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор I... С. 296–312.

В бассейне р. Конда в это время распространяются поселения умытъянского и чилимкинско-типов, которые имеют общие признаки в домостроении, каменной индустрии и керамике с быстринскими комплексами. На этих памятниках изучено от одного до трёх жилищ, но ни одно поселение не исследовано полностью.

Быстринские жилища свидетельствуют о развитии раннеолитических традиций домостроительства. Характерны крупные полуземлянки с подквадратными котлованами площадью 65/70–130 кв. м и глубиной 0,5–1,0 м. Они исследованы на поселениях Быстрый Кульёган 66, Барсова гора II/8, Пыхты I и Колунгтотытор I.¹³¹

Как и в раннем неолите, для фиксации основания деревянной обшивки стен в дне котлованов сооружались канавки; столбовые ямки располагались по углам, вдоль стенок и внутри сооружений. Стены постройки отстояли от краёв котлована, этот промежуток, почти неуглублённый, занимали нары и приочажные ямы. Внутри помещения располагались два очага, сдвинутые к середине длинных стен и сопряжённые с канавками, выходящими за границы углублённой части постройки и оканчивающимися ямами. С их помощью обеспечивалась просушка земли под настилом нары, тяга и вентиляция. Пол полностью посыпан охрой. Выход из жилища в виде короткой неглубокой канавки располагался в торцевой части котлована (рис. 143, А). Материалы поселения Быстрый Кульёган 66, уникальные по обилию сохранившихся конструктивных деталей, позволили провести обоснованную реконструкцию и апробировать её на 3D-модели жилища 2а (рис. 143, В; 144).¹³² В жилищах обнаружено большое количество керамики (фрагменты десятков сосудов) и полный хозяйственно-бытовой набор каменных изделий.

Наряду с ними исследованы одноочажные полуземлянки с котлованами меньшей площади — 30–50 кв. м и глубиной 0,4–0,9 м. Часть из них имеет один коридорообразный выход, другие — по два противоположных. Очаг располагается в центре или смещён к одному из выходов. В некоторых постройках зафиксирован земляной уступ вдоль одной из стен котлована, столбовые ямки и канавки для крепления деревянной обшивки стен. Пол, за редким исключением, посыпан охрой. В этих жилищах количество керамики невелико (менее 10 сосудов), а набор орудий избирателен.

В жилищах иногда встречаются небольшие хозяйственные ямы, но чаще они находятся снаружи, рядом с постройками. На поселении Быстрый Кульёган 66 жилища 2 и 2а, соединённые переходом, окружены цепочкой овальных ям, образующих подобие рва. Аналогичное кольцо из ям зафиксировано вокруг жилища на поселении Колунгтотытор I. Анализ распределения находок позволил выявить хозяйственные зоны жилого пространства. Крупные жилища делятся по продольной оси на две макрзоны: бытовую, с которой связан привходовой участок, и производственную, каждая со своим очагом. Находки в малых жилищах свидетельствуют о доминировании производственной деятельности, а бытовая зона, связанная с приготовлением пищи, сужена и примыкает к очагу. Места отдыха (нары) во всех жилищах почти лишены находок.¹³³

¹³¹ См.: Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульёган 66...; Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 9–14; Калиева С. С., Логвин В. Н. Первое жилище поселения Пыхты I // ВИАЭ. 2015. № 3(30). С. 15–22; Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор I... С. 296–312.

¹³² Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульёган 66... С. 32–38.

¹³³ Там же. С. 65.

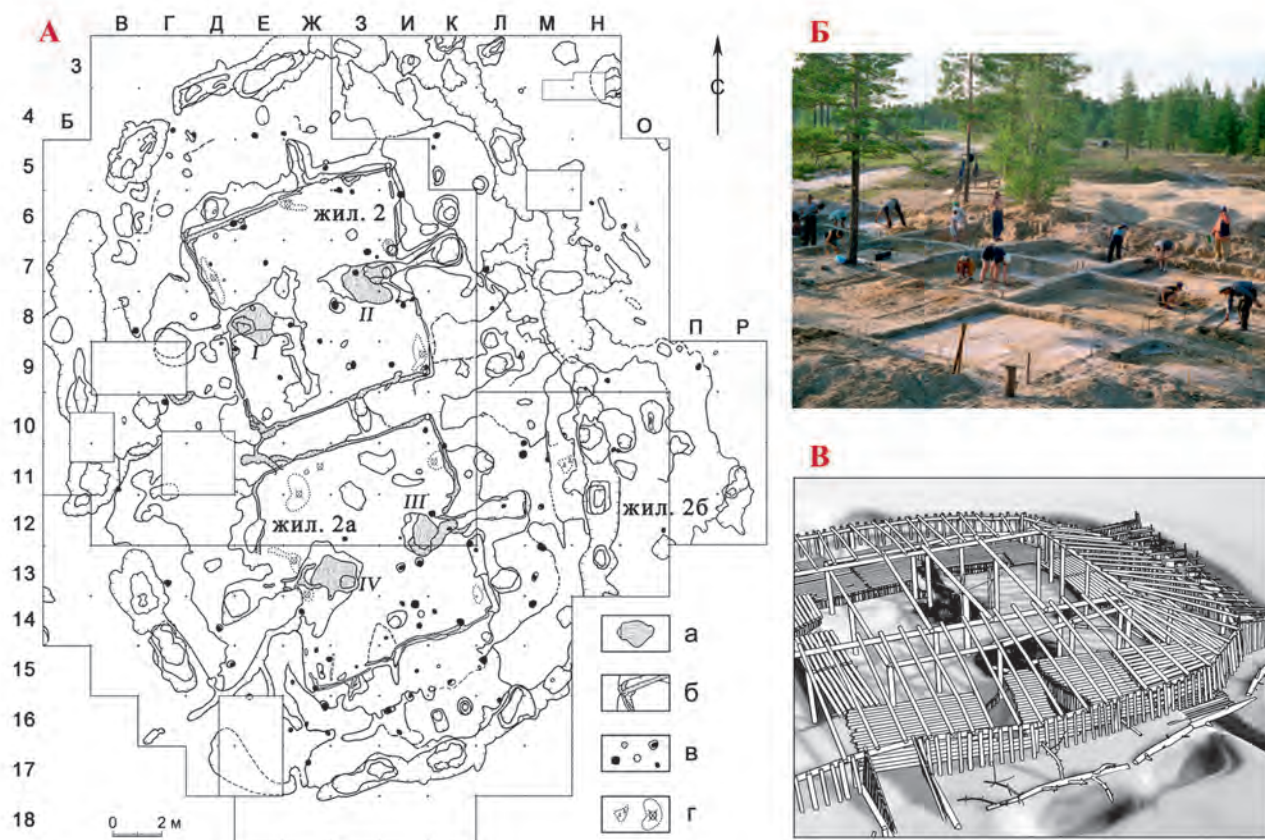

Рис. 143. Средний неолит Сургутского Приобья. Поселения и жилища. Поселение Быстрый Кульёган 66.
 А — план жилищ 2–2а, 2б (а — очаг; б — канавка на дне котлована; в–в столбовые ямки; z — развал сосуда);
 Б — фото раскопа; В — реконструкция каркаса полуземлянки (по: Поселение Быстрый Кульёган..., 2006)

Различия жилищ в размерах, планировке, количестве и составе артефактов, вероятнее всего, обусловлены разной продолжительностью их функционирования и хозяйственной спецификой. Крупные жилища интерпретируются как относительно долговременные и, вероятно, круглогодичные (условно — базовые), с полным набором хозяйственных занятий. Сооружения меньших размеров — как недолговременные, или сезонные, с ограниченным спектром хозяйственной деятельности или преобладанием некоторых её видов. Таким образом, можно предполагать существование у носителей быстринской культуры практики сезонных перекочёвок с соответствующей специализацией жилищ и, возможно, разным составом коллективов обитателей.¹³⁴ Любопытно, что на трёх базовых поселениях присутствуют жилища обеих размерных групп. Скорее всего, они разновременные, что подтверждено стратиграфически на поселении Быстрый Кульёган 66.

Сходные традиции домостроительства и архитектурной планировки поселений демонстрируют памятники умытшинского типа. На поселениях Большая Умытша 2, 8, 9, 57, 100 и 109 изучены посёлки, состоящие из одного или нескольких жилищ, и кратковременные стоянки. Постройки представлены полуземлянками, землянками и наземными сооружениями.

¹³⁴ Там же. С. 65–66.

Рис. 144. Средний неолит Сургутского Приобья. Поселения и жилища. Поселение Быстрый Кульёган 66.
Реконструкция землянки (по: Поселение Быстрый Кульёган..., 2006)

На поселении Большая Умытъя 100 исследованы три углублённых и два наземных жилища, а также многочисленные наземные кострища, вероятно, функционировавшие одновременно. В конструкции одной из землянок площадью 35 кв. м и глубиной 2 м стены были двурядные (рис. 145).

По углам и в центре котлована вкопаны столбы, несущие конструкцию перекрытия. У противоположной от выхода стены был обустроен очаг. Ровный пол постройки маркирован красной охрой. По внешнему периметру землянки выкопаны ямы, использовавшиеся как хозяйственные. В них найдены развалы сосудов, скопления костей животных, каменные орудия (рис. 146).

Об активной хозяйственной деятельности за пределами жилищ свидетельствуют многочисленные наземные кострища, заполненные пережжёнными костями животных, мелкими обломками посуды, кусками обожжённой глины и обломками каменных орудий.

Иная организация жилого пространства зафиксирована на поселении Большая Умытъя 9, где исследована землянка площадью 72 кв. м и глубиной 2,7–2,8 м (рис. 192, А). По периметру стен располагались земляные уступы высотой от пола 0,5–0,7 м. Площадь центральной углублённой части постройки 32,5 кв. м. Под уступами и полом фиксировались ямки от столбовой конструкции. Вдоль стен отмечены неглубокие пристенные канавки. Пол постройки маркирован красной охрой. Жилище было огорожено на площади 900 кв. м. От ограждения осталась канава шириной 0,4–0,5 м, глубиной 0,5–0,7 м, проходившая в 6–8 м от стен котлована. Очаг в постройке не выявлен, несколько наземных кострищ располагалось на ограждённой площадке. На ней же зафиксированы следы подсыпки охрой, поверх которой был распределён грунт из котлована. Основная часть находок сосредоточена на площадке, между жилищем и оградой, в кострищах и вокруг них.¹³⁵

На поселении Большая Умытъя 57 территория жилого комплекса площадью до 1000 кв. м была также ограничена канавой, которая являлась остатками заграждения (рис. 147).

Площадка имела вид двух смежных пятиугольников с общим основанием. Размеры западной части 22×20 м, восточной — 13×16 м. На восточной части построена землянка глубиной 2 м и площадью 35 кв. м по дну. Вдоль её южной стенки был оформлен уступ шириной 1,3 м, высотой 0,7 м от пола. В центре жилища располагался прямоугольный напольный очаг. На западной площадке исследованы три наземных комплекса с очагами, насыщенными кальцинированной костью и угольками.¹³⁶

Другой вариант планировки посёлка изучен на поселении Большая Умытъя 109.1, где исследована землянка и огороженный наземный комплекс. Землянка имела прямоугольный котлован глубиной 1,8 м с земляными уступами, площадь по полу составляла 45 кв. м, по верхнему уровню — 111 кв. м. Очаг располагался в центре. На дне котлована зафиксирована пристенная канавка от деревянной крепи. В 7–9 м к юго-востоку от землянки, между нею и берегом реки, исследован наземный комплекс — прямоугольная площадка размером 32×23 м. По её периметру зафиксирована канавка шириной и глубиной до 0,6 м. По юго-восточной

¹³⁵ Погодин А. А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 157–160.

¹³⁶ Погодин А. А., Миронов П. В. Указ. соч.

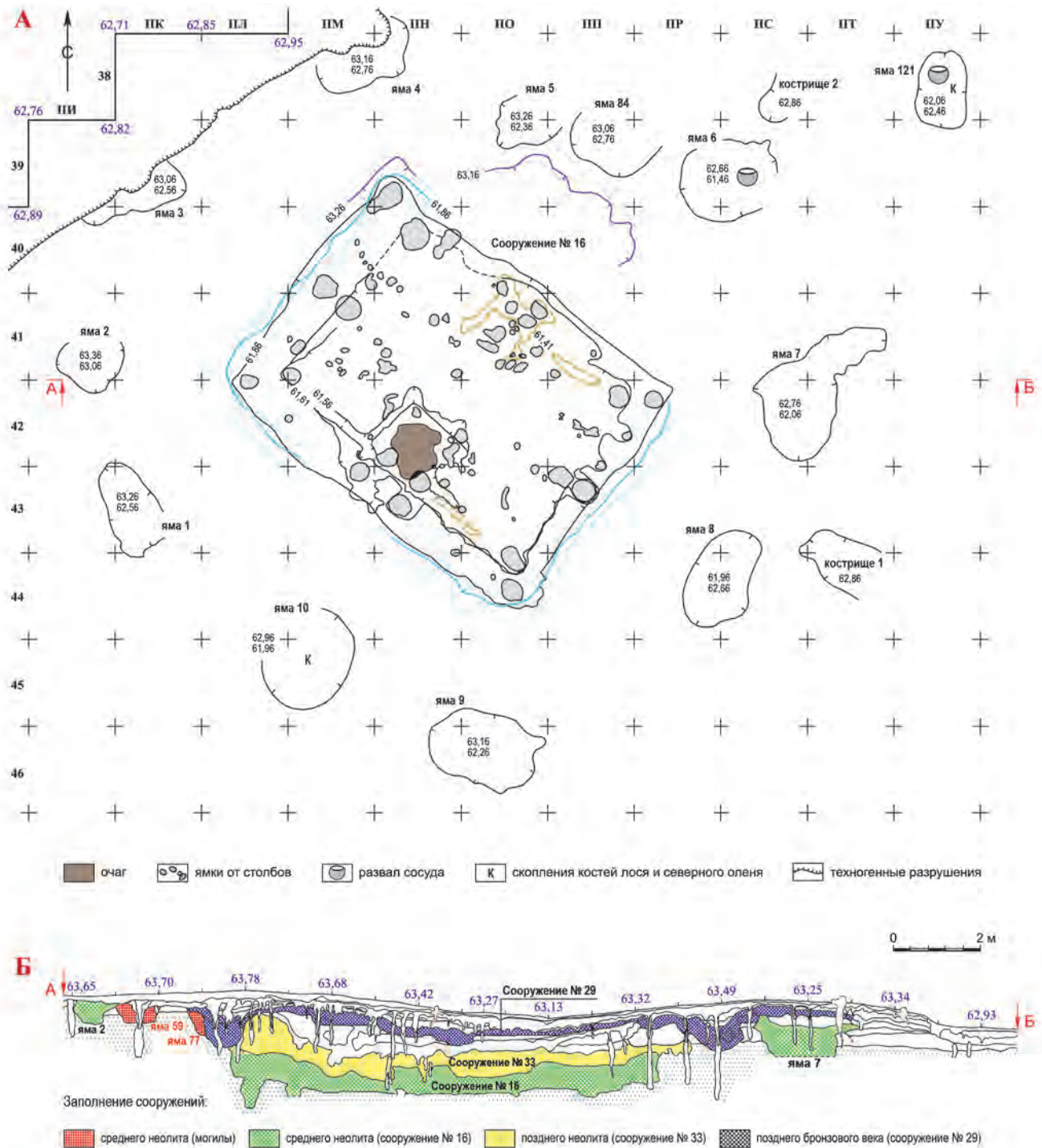

Рис. 145. Средний неолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища. Поселение Большая Умытья
100. Сооружение № 16. План (А) и профиль (Б) (по: Погодин, 2014)

и северо-западной стороне площадки, напротив друг друга, в канаве имелись проходы шириной 1,9–2,7 м. На площадке располагались ямы, в их заполнении найдены кальцинированные кости рыб. Ямы были перекрыты крупными очажными линзами, насыщенными органикой и углём.¹³⁷

В Нижнем Приобье к среднему периоду неолита относится поселение Чэс-тый-яг (рис. 148): на мысу останца надпойменной террасы р. Ляпин — притока р. Северная Сосьва — сосредоточены 20 жилищных впадин, условно подразделённых на малые (60–70 кв. м), средние (100–120 кв. м) и большие (150–250 кв. м).

Раскопками изучены пять жилищ-землянок и две постройки. Земляники имели прямоугольный котлован глубиной до 2 м, с земляными полками-нарами по периметру стен, шириной около 2 м и высотой до 0,3 м от уровня пола. Коридорообразные выходы в одной из стен оканчивались округлой ямой. Ориентировка исследованных жилищ и выходов разнонаправлена. В центре котлована расположены очаг и зольник, по внутреннему абрису нар прослежены столбовые ямы с интервалом 1–2 м. Пол, поверхность нар и основание очага покрыты охрой.¹³⁸

Памятники быстринской культуры, умытынского и чэстыйягского типов демонстрируют сходные традиции домостроения. Возводились крупные землянки и полуземлянки каркасно-столбовой конструкции площадью до 130 кв. м, углублённые постройки меньшей площади, от 30 до 50 кв. м, а также наземные сооружения — 13–27 кв. м. Во всех случаях пол посыпался охрой, в жилищах располагались один-два наземных очага, стенки котлованов имели крепёж, по периметру фиксировались столбовые ямки, часть сооружений имела земляные уступы. Особенностью поселений является традиция ограждения жилой территории, а также, в ряде случаев, сооружение прерывистых рвов вокруг жилищ. Ограждения и рвы в этот период вряд ли имели оборонительный характер.

Сходство с мезолитическими традициями домостроения демонстрирует шоушминский тип памятников. На поселениях Шоушма 10 и Усть-Тетер 1 изучены двухкамерные полуземлянки площадью по 75 и 100 кв. м глубиной до 1,0 м (рис. 149).

Конструкция сооружений каркасно-столбовая, перекрытие поддерживалось столбами, расположенными в углах, в центре и вдоль стен.¹³⁹ От основания деревянной крепи стен в котлованах сохранились пристенные канавки. Общими деталями конструкции построек поселений Шоушма 10 и Усть-Тетер 1 являются расположение выхода в меньшей по площади и глубине камере и устройство ниш в стенах. В обеих камерах сооружения Шоушмы 10 очаги в ямах располагались близ стен. В нишах напротив очагов могли быть обустроены дымоходы. Конструктивные детали построек: земляной уступ в большой камере сооружения на Шоушме 10 и внешняя канава, окружавшая котлован на поселении Усть-Тетер 1. Насыщенность охрой заполнения котлована слабая — на Шоушме 10 ею посыпан земляной уступ.

¹³⁷ Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я. Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытья 109 // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 20–33.

¹³⁸ Васильев Е. А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск. 2004. Вып. 2. С. 297.

¹³⁹ См.: Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Указ. соч. С. 497–524; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конда // Поволжская археология. 2020. № 3(33). С. 84–99.

Рис. 146. Средний неолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища. Поселение Большая Умыт'ья 100.

1 — котлован сооружения № 16 и прорезающий его котлован сооружения № 33.

Вид с запада; 2 — уровень пола сооружения № 16 и очажная конструкция. Вид с запада; 3 — сосуд на полу.

Вид с северо-запада; 4 — кости лося во внешней яме 10. Вид с юго-запада; 5 — развал сосуда во внешней яме 6. Вид с севера. Фото А. А. Погодина

Рис. 147. Средний неолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища.
Поселение Большая Умыт'ья 57. План объектов и ограждения (по: Погодин, Миронов, 2009)

В бассейне р. Конда двухкамерные полуземлянки известны с эпохи мезолита на поселении Геологическое III, они зафиксированы на ранне-неолитическом поселении Мулымья 3. К концу VII тыс. до н. э. относятся двухкамерные сооружения на поселении Мергень 6¹⁴⁰ в Нижнем Приишимье, к VI тыс. до н. э. — двухкамерные постройки в Зауралье (Липчинское в низовьях р. Туры¹⁴¹). Традиция возведения двухкамерных котлованов в эпоху неолита в Зауралье и Западной Сибири не коррелируется с каким-то определённым типом керамики.

Таким образом, в среднем неолите у групп разнокультурного населения таёжной зоны Западной Сибири сложились близкие традиции строительства углублённых каркасно-столбовых

¹⁴⁰ Еньшин Д. Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // ВИАЭ. 2014. № 1 (24). С. 14–23.

¹⁴¹ См.: Отчёт об археологических исследованиях поселений Липчинское и Боярка-I в Свердловской области в 1995 году / ИИиА УрО РАН; Чаиркина Н. М. Екатеринбург, 1996. 165 с. // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 68; Отчёт об археологических исследованиях в Свердловской области в 1996 году / ИИиА УрО РАН; Чаиркина Н. М. Екатеринбург, 1996. 114 с. // Научный архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. Д. 20454.

Рис. 148. Средний неолит Нижнего Приобья. Поселение Чэс-туй-яг. План памятника (по: Васильев, Косинская, 2023)

жилищ с такими конструктивными деталями, как столбы вдоль стен, пристенные канавки, напольные очаги, охристая прослойка на полу, земляные уступы — нары, углублённый коридорообразный выход. Изредка — хозяйственные ямы рядом с очагом или в стенных нишах. Крупные зимние/круглогодичные жилища зафиксированы пока только для быстринских, умытыньских и чэстыйягских комплексов. Традиция возведения двухкамерных жилищ разных конструкций: с двумя специализированными котлованами, соединёнными переходом (Шоушма 10, Усть-Тетер 1), и с одним котлованом, разделённым поперек земляной перемычкой (Барсова гора II/16а), архаична, сохраняется, по меньшей мере, с раннего неолита, что зафиксировано на поселении Ет-то I за Сибирскими Увалами.¹⁴²

¹⁴² Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). 2013. С. 240–245.

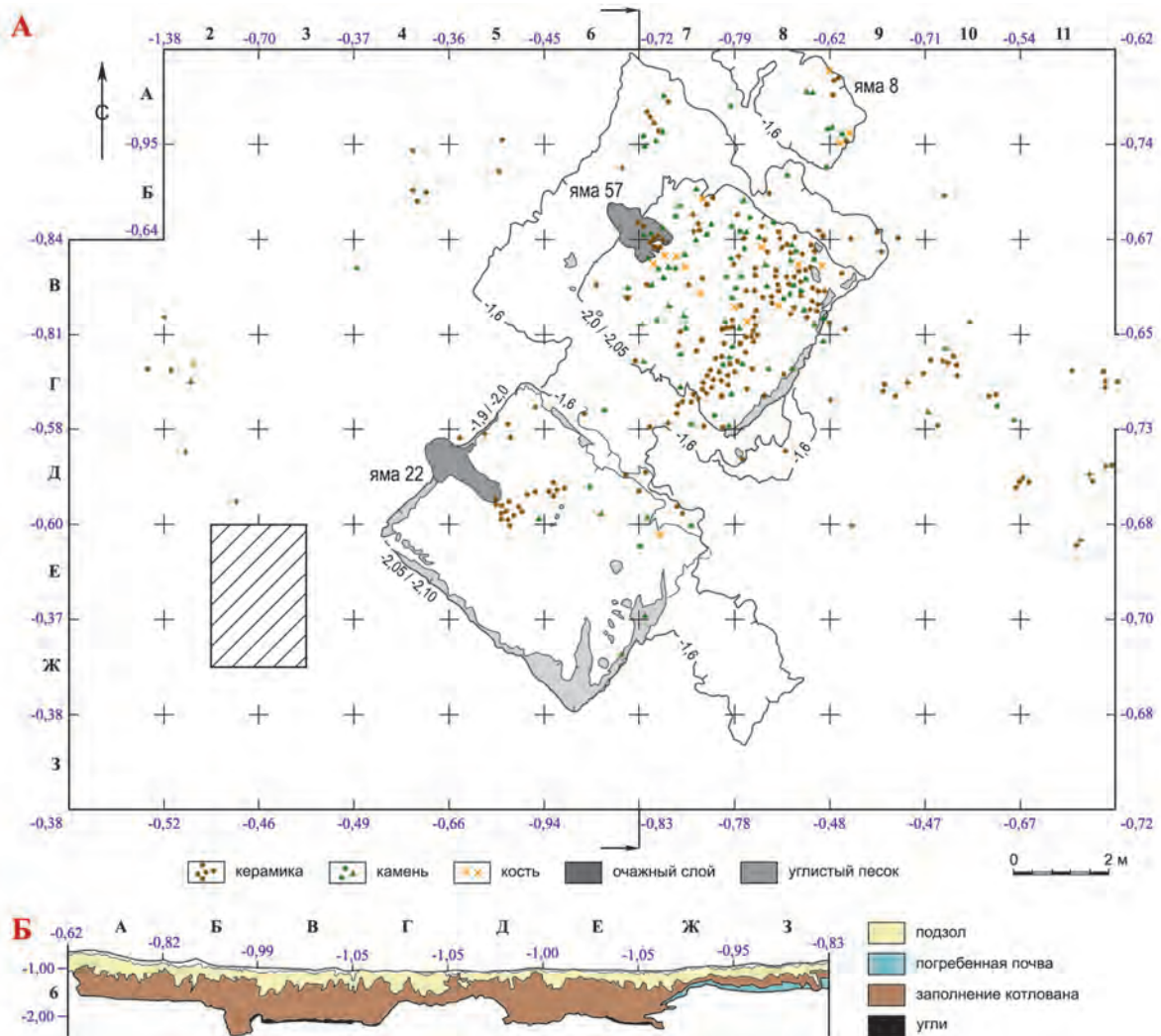

Рис. 149. Средний неолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища. Поселение Шоушма 10. Двухкамерная полуземлянка. А — план; Б — профиль (по: Клементьева и др., 2020)

К позднему неолиту в Сургутском Приобье относятся поселения второй стадии барсовогорского типа: поселения Барсова гора II/10, жилища 13; Барсова гора IV/5, жилища 4, 5, 8–10. По размерам и конструктивным деталям они близки постройкам среднего неолита. Единственная особенность — наличие небольших ниш в углах некоторых котлованов.

В низовьях р. Аган исследованы пять построек на селищах Нёх-Урий 3.1, 3.4 и 9, которые по данным радиоуглеродного датирования относятся, вероятно, к самому концу неолита (второй четверти IV тыс. до н. э.). Сооружения подпрямоугольной или овальной формы площадью от 40 до 140 кв. м с охристым заполнением. Обращает на себя внимание незначительная глубина их котлованов — 0,2 м. Керамика и каменный инвентарь концентрируются внутри жилищ; в каждом присутствуют фрагменты всего 6–7 сосудов.¹⁴³

¹⁴³ См.: Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 447–458; Тресцова А. Ю. Указ. соч. С. 124–126.

В бассейне р. Конда об особенностях домостроения в поздний период неолита можно судить по материалам памятников ушьинского типа. Посёлки состояли как из одиночных построек (поселения Геологическое VII, Усть-Тетер 1), так и из групп до семи сооружений (Большая Умытья 100, рис. 150).

Жилища — полуземлянки с прямоугольными котлованами глубиной 0,4–1,3 м и площадью от 6,7 до 64 кв. м (Большая Умытья 100) и наземные, площадью до 40 кв. м (Усть-Тетер 1, Большая Умытья 8, Неушья 2.1).¹⁴⁴ В углублённых постройках каркасно-столбовой конструкции сохранились столбовые ямки по углам и вдоль стен и пристенные канавки. В котловане одного из сооружений поселения Большая Умытья 100 присутствовал земляной уступ. Жилища отапливались наземными или углублёнными очагами, расположенными по центру. В двух постройках рядом с очагами были обустроены приочажные ямы, расположенные напротив друг друга. Коридорообразный выход зафиксирован только в сооружении 2 на поселении Геологическое VII. В ушьинских комплексах сохраняется традиция маркирования жилого пространства охрой. Вблизи котлованов располагались хозяйственные ямы и наземные комплексы, насыщенные охрой, костями животных, каменными орудиями и фрагментами керамики.

В энеолите известны как одиночные жилища, так и посёлки. Часть из них окружены рвом и валом, и на этом основании отнесены к укрепленным поселениям и городищам¹⁴⁵ — городища Имнъёган 2.1, Нёх-Урий 3.3, Нивагальское 20, поселение Имнъёган 2.2¹⁴⁶, укрепленное жилище Волвонча I.¹⁴⁷ В это время сохраняются основные черты домостроительных традиций, сложившихся в эпоху неолита. Продолжается возведение каркасно-столбовых полуземлянок, землянки не зафиксированы.

В Сургутском Приобье энеолитические памятники исследованы на левобережье р. Обь и в бассейне р. Вах. Отнесённые ранее к этому периоду древности третьей стадии барсовогорского

¹⁴⁴ См.: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Аварийные раскопки поселения Большая Умытья 8 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2009 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2010. 235 с. // Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 6270. Д. 1362а; Проведение противоаварийных спасательных археологических работ на поселении Усть-Тетер 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Круземент С. А. Екатеринбург, 2011. 248 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 101; Спасательные раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Городище Неушья 2.1» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2017. 226 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 129.

¹⁴⁵ Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири: в 4 т. Т. 1: Неолит и энеолит. Екатеринбург, 2020. С. 393–395.

¹⁴⁶ См.: Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 44–49; Археологическое обследование Кечимовского, Нонг-Ёганского, Северо-Покачевского и Покачевского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 году: отчёт о НИР / ООО НПО «Северная археология — 1»; Карачаров К. Г., Носкова Л. В., Мызников С. А., Чибиряк В. Э., Косинцев П. А., Ражев Д. И. Екатеринбург; Нижневартовск, 2005. 110 с. // Научно-производственный архив АУ «Центр охраны культурного наследия». Д. 557. Инв. № 4930; Архив АСА. Ф. 1. Д. 169; Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачевнефтегаз» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / НПО «Северная археология — 1»; Данилов Е. А. Нефтеюганск, 2011. 247 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 330.

¹⁴⁷ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 233–234.

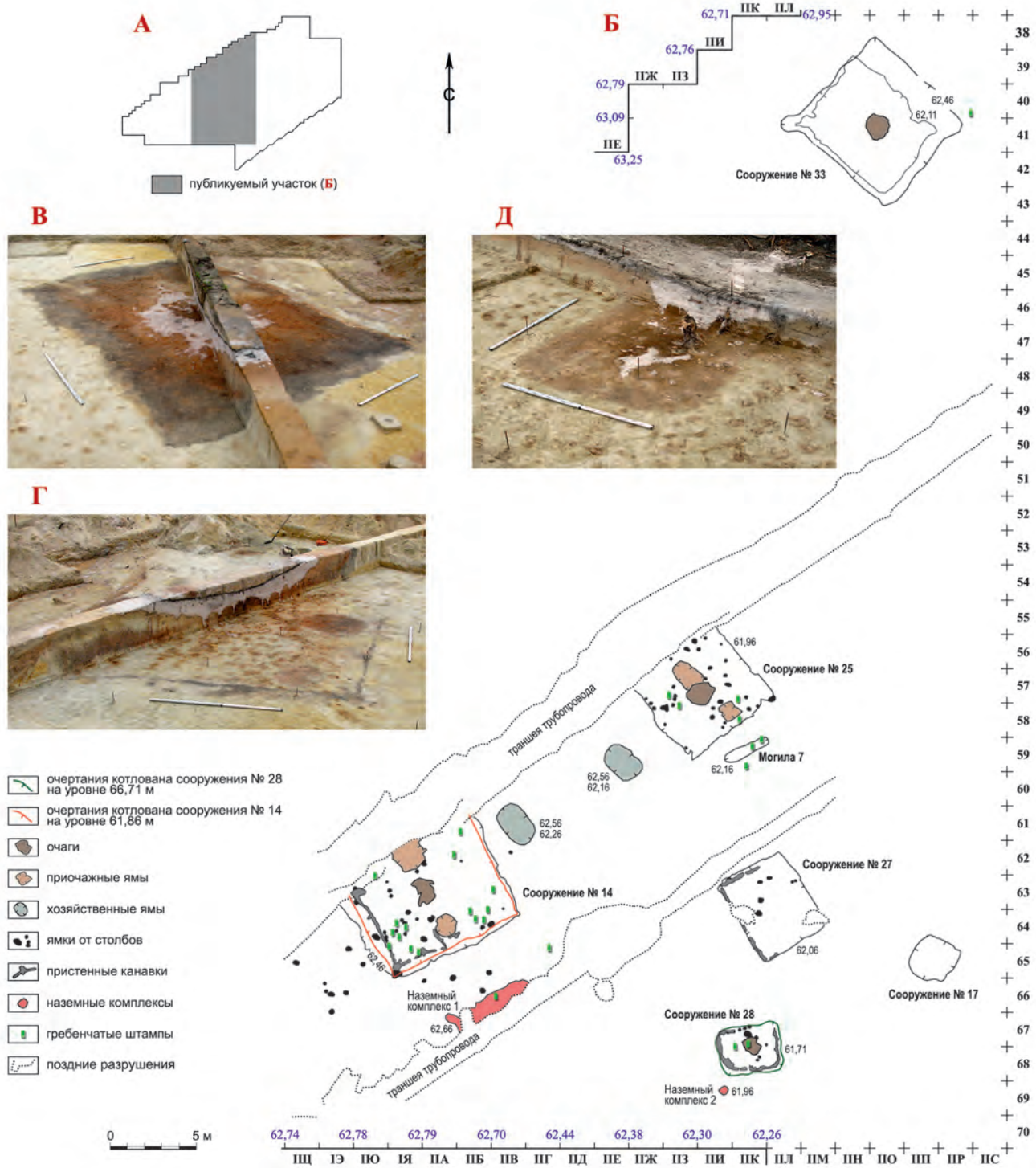

Рис. 150. Поздний неолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища. Поселение Большая Умытья 100.
 А — схема раскопов 2–4; Б — сооружения ушвинского поселка; В — сооружение № 14 на уровне 61,86 м, вид с востока;
 Г — причажная яма и пристенная канавка в южной части сооружения № 14 на уровне 61,61 м, вид с юго-запада;
 Д — сооружение № 28 на уровне 61,66 м, вид с юго-запада. Фото А. А. Погодина

типа¹⁴⁸ сейчас по ¹⁴C датируются средним неолитом.¹⁴⁹ В бассейне р. Аган разведками исследованы селища Энтль-Пеу, Пуралнъёган 1, Нёх-Урий 1–3, Имнъёган 2/2¹⁵⁰, раскопки на них не проводились.

В бассейне р. Вах на поселении Большой Ларьяк II, возможно, существовали неуглублённые сезонные постройки.¹⁵¹ На поселении Большой Ларьяк III было исследовано жилище с прямоугольным котлованом площадью 32 кв. м, глубиной 0,4 м и коридорообразным выходом. По периметру котлована выявлены столбовые ямки, одна находилась в котловане напротив выхода, очаг сдвинут к стенке.¹⁵² Охристая подсыпка пола отсутствовала, что отличает это сооружение от других нео-энеолитических комплексов Сургутского Приобья. В жилище была обнаружена гребенчато-ямочная керамика ваховского типа.¹⁵³ Подобная посуда найдена вне связи с каким-либо сооружением на поселении Барсова гора II/42.¹⁵⁴

На р. Большой Юган, левом притоке р. Обь, расположены селища Кулунигый 5 и поселение Колунгтотытор 1. На селище Кулунигый 5 исследовано не менее 16-ти построек с котлованами подпрямоугольной формы, дно маркировано прослойкой охристого песка, в некоторых сооружениях фиксировался очаг. Конструктивной особенностью котлованов является наличие овальных или округлых ям глубиной 0,3–0,4 м, врезанных в пол. Одна из построек была окружена рвом шириной до 1 м. Возможно, более масштабный ров глубиной до 1,8 м и шириной 2,5 м отсекал часть жилищ, сосредоточенных на мысовидном выступе берега.¹⁵⁵

На поселении Колунгтотытор 1 исследовано два энеолитических сооружения. Одно из них, площадью около 40 кв. м, перекрывало постройку быстринского типа. Второе сооружение — хозяйственная постройка с котлованом подквадратной формы, площадью около 20 кв. м, глубиной 0,5 м от древней дневной поверхности. С южной стороны котлована фиксировался выход в виде небольшого тамбура. В постройке отсутствуют очаг, столбовые и хозяйственные ямы. В заполнении котлована найдено пять мелких кальцинированных костей человека.¹⁵⁶

В бассейне р. Конда изучены остатки энеолитических кратковременных (Атымья II, IV, VII; Геологическое III, XVI) и долговременных (Еныя 12, Толум 1, Большая Умытья 57, сооружение 2; Леуши XIX, жилище 2; Геологическое III, жилище 2) поселений, а также укрепленных сооружений (Волвонча I).

¹⁴⁸ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 27–29.

¹⁴⁹ Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Указ. соч. С. 16.

¹⁵⁰ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 44–49.

¹⁵¹ Васильев Е. А. Энеолитическое время в бассейне р. Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 10.

¹⁵² Там же. С. 8, рис. 3.

¹⁵³ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 33.

¹⁵⁴ Дубовцева Е. Н. Селище Барсова гора II/42... С. 122–136.

¹⁵⁵ Спасательные археологические раскопки объекта культурного наследия селище Кулунигый 5 (раскоп № 2.1) в зоне обустройства кустов скважин № 25, № 49 Среднеугутского месторождения в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2018 г.: отчёт о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; Коноваленко М. В. Нефтеюганск, 2023. 241 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 451.

¹⁵⁶ Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1... С. 295–312.

На поселениях еныйского типа Еныя 12¹⁵⁷, Большая Умытъя 57¹⁵⁸, Толум 1¹⁵⁹ исследованы прямоугольные котлованы площадью 50–75 кв. м, глубиной от 1 до 1,5 м.

В двух случаях вдоль стен, на высоте 0,5 м от уровня пола, зафиксированы уступы шириной 2,4–2,9 м. Судя по обугленным плашкам, их поверхность, а также стенки котлована были укреплены деревянной обшивкой. Пол в постройках горизонтальный, неровный, посыпан охрой. По центру жилищ располагались одиночные овальные наземные очаги. Их размеры довольно большие, 2,4–3,9×1,6–2,2 м, мощность до 0,3 м, заполнение насыщено кальцинированной костной крошкой. Ниже уровня пола котлована зафиксированы канавки, хозяйственные и столбовые ямы. Выход из жилища ни в одном случае выявить не удалось. В структуру архитектурной планировки поселения Толум 1 входило ограждение жилища. Оно представлено серией несоединённых между собой ям и канавок шириной до 0,6 м, глубиной до 0,5 м, расположенных с северной и западной стороны от жилища. В их заполнении найдены немногочисленные фрагменты керамики, в некоторых — костная кальцинированная крошка. О долговременности поселений свидетельствует многочисленность керамических сосудов (60–100 ед.).

Памятники атымьинского типа в бассейне р. Конда довольно многочисленны (более 85), однако раскопаны из них немногие.¹⁶⁰ Исследованные объекты разделены на кратковременные и долговременные поселения. Первые — с одним–тремя наземными сооружениями площадью 17–28 кв. м, — рассматриваются как специализированные стоянки рыболовов и охотников. Они располагаются в верховьях небольших таёжных рек. Для их строительства выбирались как ровные участки боровых террас, так и углубления, возникшие на месте жилищ предшествующего времени. Отсутствие очагов в помещениях и немногочисленность находок указывают на эпизодичность посещения этих мест в тёплое время года. Так, на промысловой стоянке Атымья IV в трёх сооружениях обнаружены обломки только 25 сосудов.¹⁶¹

Другие поселения, относимые к местам постоянно проживания, находились вблизи устьев рек, впадающих в проточные озёра. Жилище этого типа, исследованное на поселении Еныя 12 (постройка Э2), имело котлован подквадратной формы общей площадью около 64 кв. м и глубиной 0,9–1,0 м от современной поверхности (рис. 151).

Судя по столбовым ямкам вдоль стенок котлована, жилище имело каркасно-столбовую конструкцию. Стены, вероятно, были забраны деревом, основание обшивки опускалось в пристенные канавки. Пол посыпан охрой. Очаг не зафиксирован.¹⁶² О стационарности жилища свидетельствует присутствие в комплексе более 100 сосудов.

Деление на промысловые и базовые поселения характерно и для памятников волончинского типа. Первые возникали на рыболовных и охотничьих угодьях, а вторые — в местах длительного проживания. К объектам, связанным с промысловой деятельностью, отнесены

¹⁵⁷ Стефанов В. И. и др. Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита–энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 52.

¹⁵⁸ Погодин А. А., Миронов П. В. Указ. соч. С. 124–131.

¹⁵⁹ Храмцов М. В. и др. Указ. соч. С. 15–24.

¹⁶⁰ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 188–190.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 3–17.

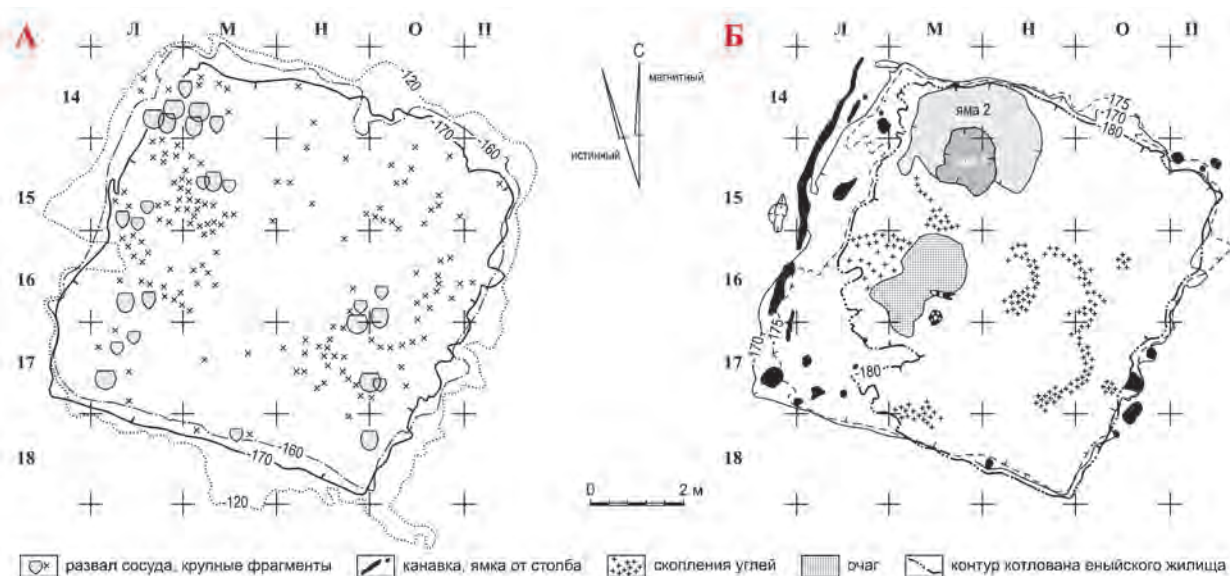

Рис. 151. Энеолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища. Поселение Енья 12.

А — очертания котлована Э2 атымьинского жилища на уровне —120, —160, —170 см; Б — донная часть котлована Э2 атымьинского жилища на уровне —170–175 см, контур котлована Э1 еныйского жилища на уровне —180 см (по: Стефанов и др., 2005)

поселения Геологическое III и XVI. На них изучены жилища площадью 30–40 кв. м, с прямоугольными котлованами, углублёнными на 0,2–0,9 м. Набор посуды составляет около 30 сосудов в каждом жилище. На летний сезон обитания указывает наличие керамических грузил для рыболовных сетей.¹⁶³

Поселение Волвонча I, на котором исследованы остатки жилища площадью более 200 кв. м, являлось местом длительного проживания (рис. 152). По периметру оно было окружено земляной насыпью и рвом. Ямки от опорных столбов располагались вдоль всех стенок, но отстояли на 2–4 м от края котлована. Очаг был уничтожен более поздним сооружением. Постройка реконструируется одними исследователями как жилище шатрового типа каркасно-столбовой конструкции с центральной углублённой частью.¹⁶⁴ Другие предполагают, что котлован был обшит горизонтально уложенными брёвнами, а наземная часть, занятая нарами, имела призматическую форму с выступавшим наружу крытым входом-коридором.¹⁶⁵ В любом случае, трудозатраты на возведение столь крупного жилища свидетельствуют о том, что оно принадлежало большому коллективу. Коллекция керамики включает обломки более 300 сосудов, но обнаружено лишь 15 рыболовных грузил, что значительно уступает количеству этих изделий на промысловых стоянках.¹⁶⁶

Представленный обзор исследованных неолитических и энеолитических жилищ и поселений, с одной стороны, свидетельствует о традиционности конструктивных элементов

¹⁶³ Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 3–17.

¹⁶⁴ Кокшаров С. Ф., Стефанова Н. К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 54–67.

¹⁶⁵ Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы Урала ... С. 365.

¹⁶⁶ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 234.

сооружений, имеющих транскультурный характер, с другой — демонстрирует разнообразие типов построек (землянки, полуземлянки, наземные, одно- и двухкамерные, укрепленные) даже в пределах одного культурного образования, что в большей степени обусловлено сезонностью, функциональным назначением построек, численностью и, возможно, составом коллективов.

Для реконструкции жилищ и структуры поселений в эпоху неолита и в энеолите таёжной зоны Западной Сибири репрезентативный материал даёт этнография таёжного угорского и самодийского населения.¹⁶⁷ Привлечение этнографических данных в качестве аналоговой модели помогает лучше понять археологические материалы отдалённых от нас эпох.

Хозяйственный комплекс жителей глубинной тайги (манси, ханты) включает рыболовство, охоту на крупных копытных, мелкого зверя и птицу. Характерен годовой хозяйственный цикл, состоящий из двух сезонов: зимнего (весь снежный период с конца осени по раннюю весну) и летнего. Каждый из них ориентирован на определённые виды промыслов в разных угодьях. Такая модель эксплуатации ресурсов обуславливает необходимость сезонных миграций и предполагает смену постоянных стойбищ — зимнего и летнего, — расположенных в разных местах хозяйственной территории. На маршрутах перекочёвок и в местах промысла существует ряд временных стоянок. Кочёвки осуществляются членами домохозяйства в полном составе, растягиваясь на всё межсезонье. Потребности и возможности промысловой экономики диктуют дисперсное проживание минимальных по численности коллективов. Зарождение элементов подобного образа жизни прослеживается в эпоху неолита и в энеолите.¹⁶⁸ Например, в топографии древних поселений. Расположение значительной части археологических памятников эпохи камня по небольшим рекам 3–4-го порядков соответствует глубинно-таёжному типу хозяйственного комплекса.¹⁶⁹ В районах, где население сохранило традиционный уклад, отчётливо прослеживается закономерность: археологические памятники располагаются там же, где современные стойбища и стоянки. Это указывает на то, что критерии выбора мест поселений в этих краях за несколько тысячелетий существенно не изменились, несмотря на неоднократные природно-климатические

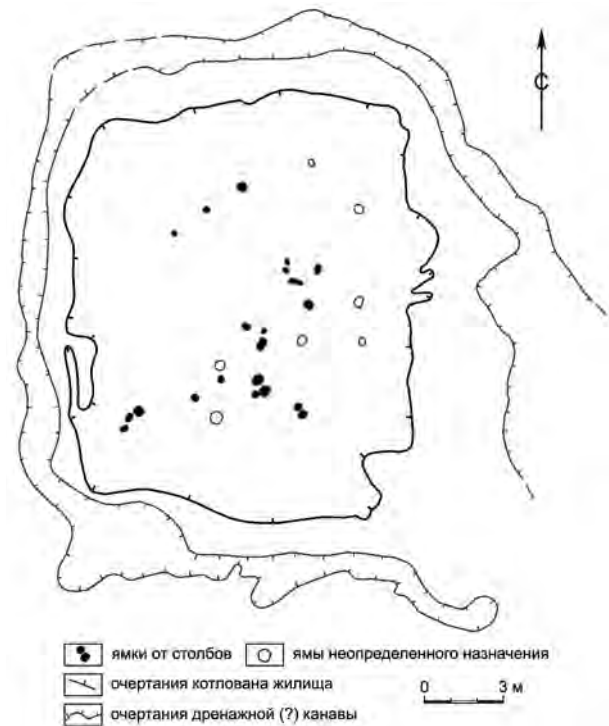

Рис. 152. Энеолит бассейна р. Конда. Поселения и жилища. Укрепленное жилище Волвонча I (по: Кокшаров, 2009)

¹⁶⁷ Очерки культуургенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 2. Томск, 1994. 286 с.

¹⁶⁸ Косинская Л. Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 16–40.

¹⁶⁹ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 122.

изменения.¹⁷⁰ Система расселения коллективов, наличие базовых поселений и промысловых стоянок свидетельствуют о глубокой традиционности такого образа жизни.

Поселения различных культурных образований можно представить¹⁷¹ как результат жизнедеятельности ряда производственных коллективов — «домохозяйств», объединённых общностью традиций. Ареал их расселения предстаёт как система динамичных, часто смещавшихся хозяйственно-промысловых территорий с сезонными зимними и летними поселениями. Причиной смещения является истощение пищевых и строительных ресурсов. Негативное воздействие на степень оседлости древнего населения могли оказывать и природные катаклизмы: неурожай дикоросов, вызывавшие миграции травоядных, эпизоотии, лесные пожары. Появление специализированных сезонных местообитаний эпохи неолита и энеолита можно расценивать как признак зарождающейся практики сезонных миграций в пределах промысловой территории. Каждая покинутая территория по прошествии некоторого времени становилась пригодной к новому циклу эксплуатации.¹⁷²

При сопоставимой численности коллективов современных домохозяйств и древних общин площадь их промысловых угодий вряд ли существенно различалась, составляя тысячи квадратных километров. Поэтому одновременные поселения соседних общин могли располагаться на расстоянии десятков, если не сотен километров. Каждое древнее «домохозяйство» за столетие должно было оставить после себя несколько поселений.¹⁷³

Не менее информативны этнографические материалы для реконструкции жилищ. Большинство исследованных раскопками в таёжных районах Западной Сибири неолитических жилых объектов представлены землянками и полуземлянками. У остяков Сургутского Приобья ещё в начале XX в. «земляные дома» были самым распространённым видом зимнего жилища. Они представляли собой каркасно-столбовое сооружение в форме усечённой пирамиды с квадратным или прямоугольным основанием (шатровая полуземлянка). В зависимости от размеров, которые колебались от 20 до 40 кв. м, ставили 4–12 опорных столбов, которые обшивались вертикально поставленными брёвнами. Лучшим материалом для строительства считалась сосна. Сверху всё строение покрывали полотнищами бересты и пластами мха, а затем присыпали песком. Подновлять моховое покрытие приходилось каждый год, так как за зиму мох скатывался с наклонных стен; обычно ремонт производили осенью. Землю для подсыпки брали у жилища, о чём свидетельствует наличие глубоких ям вдоль его стен.¹⁷⁴

Строительство дома занимало немного времени: двое мужчин могли поставить такое жилище за одну-две недели в конце лета или начале осени, но при условии, что лес был заготовлен ещё с весны. Подготовленные брёвна раскалывали на плахи и шкурили, оставляли на просушку в течение лета. Дом мог служить достаточно долго — 40–50 лет. Жилища такого типа были характерны для обских угров и селькупов на всей территории проживания.¹⁷⁵ Широко представлены и другие виды построек: наземные конусовидные строения из тон-

¹⁷⁰ Косинская Л. Л. Взгляд археолога на западносибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 22.

¹⁷¹ Для неолита и энеолита — культурный тип памятников или археологическая культура.

¹⁷² Косинская Л. Л. Взгляд археолога... С. 19–25.

¹⁷³ Там же. С. 24.

¹⁷⁴ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 254–255.

¹⁷⁵ Там же. С. 258

ких сосновых брёвен с четырёхугольным основанием, покрытые мхом и берестой; обширные землянки (до 300 кв. м); срубные полуземлянки с двускатной или плоской крышей.¹⁷⁶

Проживать в земляном доме, по данным этнографии, могло от 2 до 12 человек, в среднем 5–8 человек,¹⁷⁷ на одного человека приходится по 3–5 кв. м общей площади. Усреднённая цифра в 3,5 кв. м на человека была предложена для расчёта числа обитателей археологических жилищ.¹⁷⁸ Исходя из этого, можно примерно рассчитать численность обитателей жилища. Для раннего неолита при размерах жилищ 20–50 кв. м она, вероятно, составляла 6–14 человек. Двухкамерные жилища могли вмещать от 14 до 22 человек. В период среднего неолита площадь стационарных жилищ увеличилась и порою достигала 130–180 кв. м, то есть они могли быть местом жительства 20–50 человек. Промысловые постройки служили временным пристанищем для более мелких групп, от трёх до девяти человек. Судя по изученным жилищам, такая численность коллективов сохранялась в позднем неолите и энеолите. Однако в крупном жилище на поселении Волвонча I могло проживать до 60 человек.

Размеры значительной части промысловых стоянок ранних эпох в таёжной зоне, а, следовательно, и численность производственных коллективов сопоставимы с современными семейными домохозяйствами (от 5–7 до 15–20 человек). Сроки эксплуатации жилищ вряд ли превышали 5–15 лет.

У коренных жителей таёжных районов часто существует запрет на пользование покинутым домом, целая система табу и способов очистить жилище.¹⁷⁹ В большинстве своём они связаны с уверенностью, что покинутый дом заселяют духи. Переселение из дома может быть связано со смертью главы семьи или родами. Отсюда стремление ставить новые дома на «чистом» месте. Такая тенденция наблюдается и у неолитического населения. Жилища, перекрывающие друг друга, довольно редки, особенно это заметно на поселениях барсовогорского типа с большим числом жилищ, скорее всего, разновременных. На поселении Барсова гора IV/5, II/9 и II/16, где раскопано от 6 до 16 построек, ни одна не перекрывает другую.¹⁸⁰ Строители быстринских жилищ, наоборот, выбирали для строительства углубления от более ранних построек (Барсова гора II/19, II/42, Чёрная 3).¹⁸¹ На поселении Быстрый Кульёган 66 ров, опоясывающий жилища 2 и 2а, прорезал более раннее жилище 2б¹⁸²; на поселении Кушниково 8 фиксировались, возможно, перестройки жилых объектов.¹⁸³ Такая стратегия позволяла снизить трудозатраты на возведение котлована. В энеолите использование более ранних впадин для сооружения котлованов стало повсеместным и вошло в домостроительные традиции еныйского, атымьинского и волвончинского населения.

¹⁷⁶ Там же. С. 259.

¹⁷⁷ Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 169–180.

¹⁷⁸ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 30–31.

¹⁷⁹ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 253, 276.

¹⁸⁰ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 23, рис. 13.

¹⁸¹ См.: Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Указ соч.; Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Указ соч. С. 199–217; Дубовцева Е. Н. Селище Барсова гора II/42... С. 122–136.

¹⁸² Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульёган 66 ... С. 192.

¹⁸³ Ковригин А. А. и др. Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 302–307.

Эта гипотетическая модель позволяет разглядеть за мозаикой археологических памятников различных культур и культурных типов древние производственные коллективы, проживавшие в богатой биоресурсами, но не всегда доброжелательной окружающей среде. Судя по тому, что на протяжении тысячелетий выбирались одни и те же места для поселений и производственных стоянок, удобных и подходящих мест для них было не очень много. Возможно, это стало причиной выраженной территориальности и даже конфликтности в тайге, которая зафиксирована в письменных, этнографических и археологических источниках.¹⁸⁴ Не исключено, что самым ранним свидетельством этого стало появление городищ, укрепленных и огороженных жилищ в раннем неолите и энеолите.

Укрепленные поселения — городища

Феномен ранних укрепленных поселений Югры в последнее время привлекает внимание археологов, культурологов и этнологов со всего мира. В стратифицированных обществах земледельцев и скотоводов с высоким уровнем агрессии и социального неравенства укрепленные поселения и специальные линии обороны принято рассматривать как свидетельства конфликтов и войн. Однако в различных этноисторических и археологических исследованиях приводятся также примеры наличия фортификационных сооружений у групп охотников-собирателей с незначительной социальной дифференциацией. По наблюдениям этнологов, по этому признаку общества охотников и собирателей могут существенно различаться. История строительства укрепленных поселений в таёжной зоне Западной Сибири насчитывает более восьми тысяч лет. На протяжении этого времени, в условиях, не способствующих развитию производящих форм экономики, сохраняется и совершенствуется традиция строительства укреплений и ограждений. На территории таёжной зоны Западной Сибири сейчас известно более 1000 городищ и их прототипов, большая часть которых относится к раннему железному веку и Средневековью.¹⁸⁵ Первые укрепления датируются эпохой неолита и появляются в регионе на рубеже VII–VI тыс. до н. э.¹⁸⁶ Возникновение городищ происходило на фоне других существенных изменений в культуре: появление керамической посуды и новых технологий камнеобработки, становление высокоэффективной комплексной присваивающей экономики, сооружение культовых холмов, свидетельствующих об изменениях в ритуальной практике.

Для эпохи неолита известно несколько типов укрепленных поселений. Первый представлен мысовыми поселениями. Ярким памятником такого типа является городище Амня I (рис. 153).¹⁸⁷

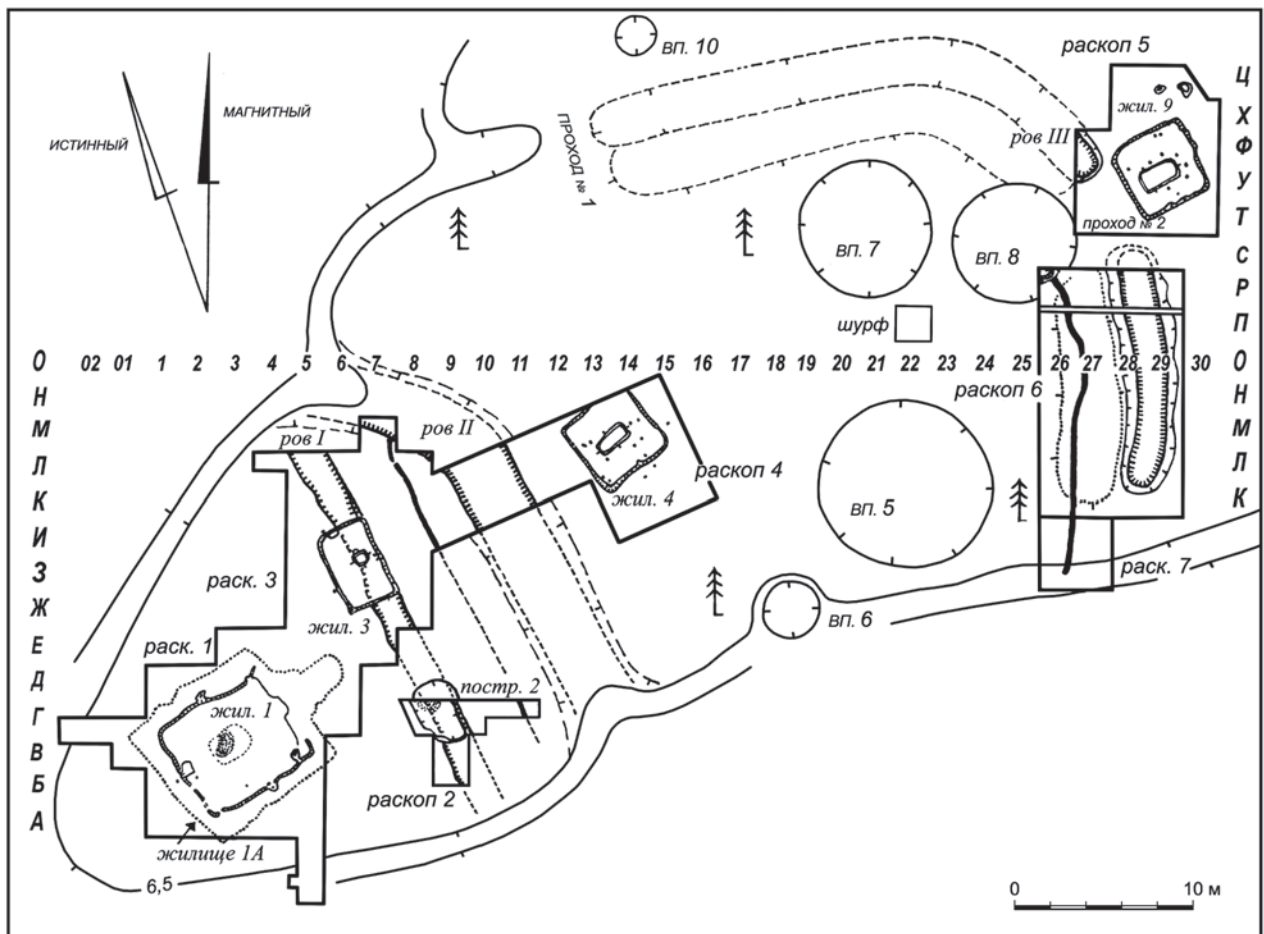
Оно состоит из двух площадок, расположенных на мысу боровой террасы высотой 5–6 м, с трёх сторон окружённой болотом. Южный и северо-западный склоны террасы довольно крутые, на оконечности мыса она полого понижается к болоту. Исследования болотных от-

¹⁸⁴ См.: Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 111–168; Головнёв А. В. Говорящие культуры... С. 96–197.

¹⁸⁵ Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы ... С. 6.

¹⁸⁶ Piezonka H. et al. Op. cit. P. 1–19.

¹⁸⁷ См.: Морозов В. М., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 143–170; Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 93–111.

3

Рис. 153. Ранний неолит Нижнего Приобья. Укрепленные поселения. Городище Амня I.
 1 — вид на участок террасы в месте расположения городища Амня I (с юго-западной стороны); 2 — впадина 5
 (вид с северной стороны); 3 — план-схема расположения раскопов (по: Стефанов, Борзунов, 2008)

ложений свидетельствуют о том, что во время существования городища с его южной стороны располагалась старица или небольшое проточное озеро. Русло р. Амня проходило с северо-западной стороны. В рельефе хорошо выражены два рва глубиной 0,26–0,61 м, отсекающие две поселенческие площадки: внутреннюю и внешнюю.

С внутренней стороны ко рвам примыкают невысокие (до 0,5 м) валообразные насыпи. Во внешней линии обороны заметны два прохода. На внешней площадке городища фиксировались четыре глубокие округлые и овальные в плане впадины. В 50 м к востоку от внешней линии укреплений располагаются десять жилищных впадин поселения Амня II, часть из которых могла являться неукрепленным посадом.¹⁸⁸ Возможно, к этому типу городищ относится и неолитическое поселение Микишкино 5. Памятник занимал стрелку мыса высотой 1 м над уровнем поймы. На нём исследованы жилище-полуземлянка и хозяйственная яма. Жилой комплекс был с одной стороны ограждён сооружением «столбово-жердевой конструкции типа загороди», а с противоположной — рвом шириной 0,6–0,8 м, глубиной 0,9–1,0 м.¹⁸⁹

Второй тип городищ представлен поселениями с круговой планировкой, которые были окружены рвом. К таким объектам относится городище Каюково 2 (рис. 154).

Оно расположено у края обширного пойменного болота, на узкой песчаной гриве, в 2,5 км от оз. Большое Каюково. Во время существования городища к востоку и юго-востоку от него находилась пойма небольшой реки, обращённый к речке склон был крутой, площадка поселения располагалась на высоте 7 м от уровня древней поймы.¹⁹⁰ Городище состоит из шести сооружений. Центральную, крупную жилищную впадину размером около 6×6 м окружают пять меньших впадин, соединённых с ней коридорами. Ров не был выражен в рельефе, он зафиксирован в процессе раскопок, его глубина составляла 1–1,2 м от современной поверхности, ширина — в среднем 1 м. С западной стороны обнаружен «вход» на площадку жилого комплекса. Раскопанные сооружения интерпретируются как полуземлянки с котлованами глубиной 1,0–1,2 м, с центральным очагом. Аналогичные городища на севере Западной Сибири пока не известны, в лесостепной зоне близкую планировку и хронологию имеет поселение Мергень 6.¹⁹¹

Городища Амня I, Каюково 2, поселения Мергень 6 и Микишкино 5 датируются рубежом VII–VI — первой половиной VI тыс. до н. э.

Несколько позже, с середины VI тыс. до н. э., в таёжной зоне появляются одиночные или соединённые переходом двухкамерные жилища, окружённые на небольшом удалении неглубоким прерывистым рвом (поселения Быстрый Кульёган 66, Колунгтотытор 1)¹⁹² или оградами, от которых остались канавки (Большая Умытья 9, 57).¹⁹³ Ограды окружали жилые постройки с придомовой территорией, на которой располагались кострища, хозяйственные

¹⁸⁸ Дубовцева Е. Н. и др. Поселения амнинского культурного типа ... С. 94–108.

¹⁸⁹ Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре... С. 113.

¹⁹⁰ Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2... С. 7.

¹⁹¹ Еньшин Д. Н. Указ. соч. С. 14–23.

¹⁹² См.: Баранов Ю. М., Косинская Л. Л. Методика построения трёхмерной виртуальной модели неолитического жилища (по материалам раскопок поселения Быстрый Кульёган 66) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2006. С. 231–233; Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1... С. 296–312.

¹⁹³ См.: Погодин А. А., Миронов П. В. Указ. соч. С. 132–167; Погодин А. А. Поселение Большая Умытья 9... С. 146–183; Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я. Указ. соч. С. 20–33.

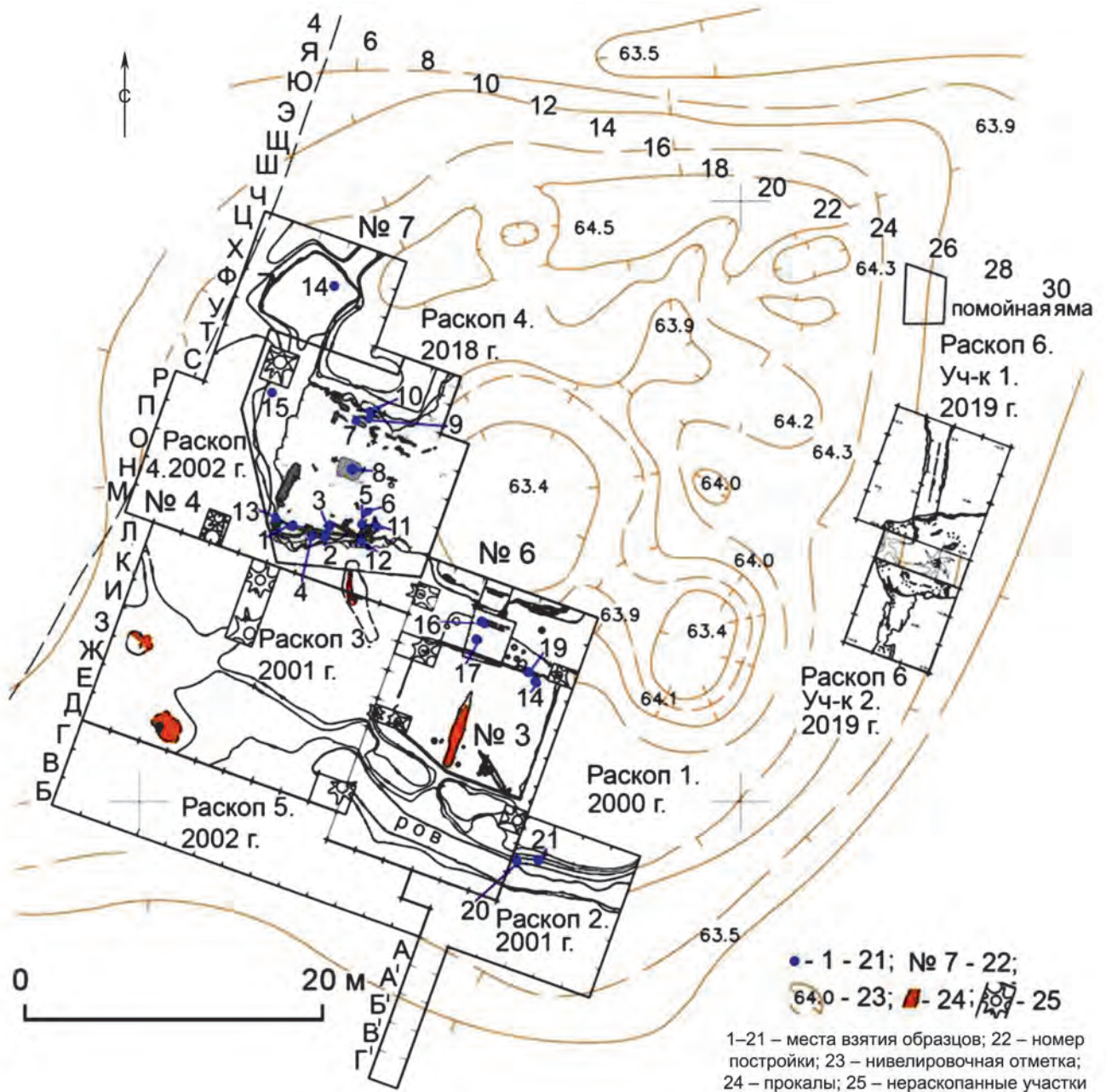

Рис. 154. Ранний неолит Сургутского Приобья. Укрепленные поселения. Городище Каюково 2. Сводный план раскопов (по: Кардаш и др., 2020)

ямы и наземные постройки. Поселения с оградами и рвами имеют сходство в керамике и каменном инвентаре и относятся к быстринско-умытьинскому культурно-хронологическому горизонту. Вопрос о функциях ограждений и рвов — сакральная, дренажная, оборонительная от враждебных групп населения или от природных факторов — требует дополнительных исследований. Предполагаемая небольшая высота ограды, прерывистость, малая глубина и ширина рвов, а также «огораживание» территории в стороне от жилищ ставят под сомнение оборонительную функцию таких построек.

В период энеолита, начиная с 4000 кал. л. до н. э., мысовые городища известны только в бассейне р. Аган: Инмъёган 2.1, Нёх-Урий 3.3¹⁹⁴, по архитектурной планировке и размерам они напоминают неолитические. На многих укрепленных поселениях эпохи неолита (Амня I, Колунгтотытор I, Большая Умытья 57) присутствуют энеолитические неукрепленные жилища, которые впущены в неолитические котлованы. Это свидетельствует о том, что в III тыс. до н. э. люди выбирали те же места для жизни, что и в период неолита, но необходимости в строительстве ограждений не возникало. Селища энеолита не имеют существенных отличий от неукрепленных поселений предшествующей эпохи. В то же время происходит развитие одиночных укрепленных жилищ.¹⁹⁵ Они представляли собой обширные бревенчато-земляные постройки, окруженные с напольной стороны рвами и, возможно, защитными стенами (поселение Волвонча I, городище Нивагальское 20 и др.). Площадь таких укрепленных жилищ могла достигать 400 кв. м, а с учетом оборонительных систем 900–950 кв. м.¹⁹⁶

Возведение городищ и укрепленных жилищ продолжалось на этой территории в бронзовом и железном веках. Восемитысячелетняя история фортификационного строительства в таёжной зоне Западной Сибири является уникальным феноменом, требующим пристального внимания и исследования, ответа на целый ряд вопросов. Почему именно на этих территориях сложился ареал «северного градостроительства»? Чем вызвана необходимость создания здесь городищ? Является ли появление укрепленных поселений следствием социально-экономической конкуренции? Функционировали ли они как демонстрация богатства и власти? Были ли они практически вовлечены в насильственные конфликты между общинами или возводились, скорее, упреждающе, как часть стратегии предотвращения рисков и конфликтов? Способствовали ли они контролю над территорией? Или это были общинные и культовые центры?

В настоящее время известно как минимум десять поселений каменного века, окруженных рвами и валами. Что заставляло охотников и рыболовов каменного века тратить существенные усилия на возведение этих сооружений? Наиболее простое, стандартное и «очевидное» объяснение появления укрепленных поселений — потребности обороны в условиях напряженных отношений различных групп населения. Безусловно, исключать такую вероятность нельзя, однако возникает вопрос: какие ценности обитателей городищ, помимо жизни и имущества, требовалось оборонять? По мнению В. А. Борзунова, строительство таких сооружений было связано с наличием конфликтов между равными по уровню развития коллективами из-за раздела и/или передела богатых рыболовных и охотничьих угодий. Именно защита территории, а не людей, являлась главной задачей ранних укрепленных

¹⁹⁴ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 46–47.

¹⁹⁵ Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы ... С. 43.

¹⁹⁶ Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачевнефтегаз» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / НПО «Северная археология — 1»; Данилов Е. А. Нефтеюганск, 2011. 247 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 330.

поселений.¹⁹⁷ Однако, учитывая слабую заселённость тайги в неолите-энеолите, дисперсное проживание небольших общин, обилие незанятых земель, трудно согласиться с вероятностью «раздела и передела» угодий. В любом случае, укрепления демонстрировали силу, высокий уровень технологии и социальной организации создававших их коллективов. Они могли быть многофункциональными: являться центрами общинных территорий, форпостами на новых освоенных землях, постоянными круглогодичными селениями, местами сосредоточения производственной, хозяйственной и, вероятно, культовой деятельности.¹⁹⁸

Исторические и этнографические источники подтверждают древность традиции строительства фортификаций в Западной Сибири и помогают осветить специфику этого явления, которую невозможно выявить только по археологическим источникам. Военная история коренных народов этого региона — угров и самодийцев — началась задолго до знакомства с русскими. Их фольклор изобилует преданиями о межэтнических военных конфликтах, дающих ценную информацию о причинах, участниках и стратегиях.¹⁹⁹ Война часто велась в качестве мести за предыдущие грабежи, захват территории, женщин, оленьих стад или других богатств. О межродовых войнах тундровых ненцев и взаимных нападениях друг на друга остяцких князей свидетельствуют и многочисленные сказания.²⁰⁰ Следует, однако, подчеркнуть, что источники, скорее всего, отражают реалии элитарных обществ бронзового и железного веков, а отнюдь не эпохи камня.

Война играла важную роль в повышении политического статуса лидеров.²⁰¹ Селькупская и обско-угорская устные традиции упоминают об основании укреплённых поселений военачальниками, которые занимали положение вождей или «князей», представляя, по сути, элитный класс. Укрепления строились на возвышенностях или на берегах рек и включали в себя палисады, валы и рвы. Фортификационные системы, описанные в исторических и этнографических источниках, строились людьми, облечёнными властью, и, следовательно, были тесно связаны с демонстрацией статуса и богатства. Статус мог быть отражён через специфическое размещение укрепления в ландшафте, только самые храбрые вожди могли расположить свои крепости, видимые для всех, на высоких берегах рек. Слабые или побеждённые обычно скрывали свои дома в удалении от рек, в низинах и болотах.²⁰² В укреплённом поселении жил только так называемый князь, его родня и слуги. Остальным жителям разрешалось прятаться там только в случае опасности, а большую часть времени они жили на близлежащих неукреплённых стойбищах. Средневековое общество таёжных охотников и рыболовов было стратифицировано, в его среде выделялась политическая элита, военная и культовая прослойка, которые были представлены «князьями-богатырями», «лучшими людьми», шаманами. Учитывая этнографические примеры стратификации общества и, как следствие, неравномерной защиты, некоторые исследователи рассматривают возникновение укреплённых поселений в тайге как следствие социальной дифференциации.²⁰³

---

¹⁹⁷ Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы ... С. 284, 353.

¹⁹⁸ Там же. С. 350.

¹⁹⁹ См.: Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.; Головнёв А. В. Говорящие культуры... С. 96–197; Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 111–168.

²⁰⁰ Головнёв А. В. Говорящие культуры... С. 98.

²⁰¹ См.: Головнёв А. В. Говорящие культуры ... С. 96–197; Чиндина Л. А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1997. С. 86–116.

²⁰² Головнёв А. В. Говорящие культуры... С. 98.

²⁰³ Чиндина Л. А. О войне и мире ... С. 98.

Домашние производства неолитического населения таёжной зоны Западной Сибири

Каменные орудия

Каменный инвентарь — неотъемлемая и жизненно важная часть материальной культуры и повседневного обихода людей каменного века, самого продолжительного в истории человечества. Без каменных орудий невозможна обработка любых других материалов: древесины, кости и рога, шкур. Да и сами эти орудия изготавливались в основном каменными инструментами: отбойниками, отжимниками, абразивами. Для современного человека, не только неспециалиста, но даже для археолога, изучающего эпоху металла, каменный инвентарь малопонятен, большинство орудий трудно опознаваемы. А ведь их функциональный набор мало чем отличается от современных инструментов. Среди них рубящие (топоры, долота, тёсла, стамески) орудия, режущие (ножи, резцы), скобящие (скребки, скобели), а также пилы, свёрла, проколки, наконечники стрел и копий, ударные инструменты и наковальни, абразивы, шлифовальники, лощила. Чтобы всё это изготовить, необходимо найти подходящее каменное сырьё и знать приёмы его обработки, иными словами, владеть соответствующими технологиями. У разных культурных групп и в разное время сырьё и технологии различались, что и обеспечивает исследователю возможность ориентировочно определять культурную принадлежность, возраст и генетические связи собраний каменного инвентаря разновременных и разнокультурных археологических памятников: поселений, могильников, святилищ, мастерских.

При обработке камня образуется значительный объём отходов: кусков, обломков, отщепов, чешуек. Их можно сравнить с отходами деревообработки, но часть каменных отходов могла идти в дело и использоваться для кратковременных одноразовых операций, а остальные раскрывают набор технических приёмов и алгоритмы действий древних мастеров. Всё это усложняет анализ каменного инвентаря и требует комплекса методов: типологического, технико-морфологического, трасологического.

Современная геология разработала дробные классификации минералов и горных пород. Последние различаются минералогическим составом и условиями формирования (магматические, осадочные, метаморфические породы), внутренней структурой и внешней текстурой, плотностью, твёрдостью, окраской. Но для древнего мастера были важны только качества пород, влиявшие на способы их обработки и потребительские свойства. Некоторые породы обладают относительно высокой твёрдостью и изотропностью, при раскалывании дают острые режущие кромки, но довольно хрупки. К ним относятся: кремень, обсидиан, некоторые виды яшмы, в меньшей степени кварц, кварцит, а также другие магматические и многие метаморфизированные породы. Вторую группу образуют породы относительно мягкие, разной текстуры, такие как алевролиты, сланцы, опоки, зелёнокаменная порода. Они поддаются раскалыванию, пригодны и для абразивной обработки: распила, сверления и шлифовки. Наконец, третья группа — это разнообразные породы, плотные и вязкие, которые могли служить ударными и абразивными инструментами. К ним относятся, в частности, граниты, диориты, песчаники, а также часть пород первой группы (кварц, кварцит). Конечно, древние мастера-каменщики не занимались научной геологической классификацией. Но они обладали эмпирическими знаниями о внешнем виде и качестве горных пород, о местах, где их можно было найти в коренных скальных массивах или в виде обломочного материала в осыпях, обрывах, прибрежных галечниках.

Западно-Сибирская низменность находится вдали от коренных выходов горных пород. Поэтому здесь сбор каменного сырья представлял определённую проблему. Окатанный обломочный материал в виде валунов и галек мог встречаться в обнажениях древних морен, оставленных ледниками плейстоценовой эпохи, и на речных бечёвниках. Но со времён неолита поверхностный рельеф изменился, в первую очередь, за счёт заболачивания. Поэтому найти в наше время источники сырья, доступные в древности, крайне сложно. К тому же галечники отличаются крайней пестротой слагающих их пород и отсутствием качественного кремня и яшмы. Распространены кварцы, кварциты, а также разнообразные слабо окремнённые породы, сланцы и алевриты.

Для изготовления основного набора каменных орудий неолитическое население чаще всего пользовалось сырьём местного происхождения, которое не отличалось высоким качеством. В северной части Западной Сибири единственным его источником являются рыхлые отложения ледникового и водно-ледникового генезиса, на которых сформирован голоценовый рельеф. Обеспечение поделочным камнем являлось, вероятно, одной из важнейших задач. На водоразделе рр. Надым и Пур исследован уникальный памятник Ет-то II: место добычи галечного сырья ямами — подобием примитивных шахт (рис. 155; 156, 1–13).²⁰⁴

Технологическая адаптация к такому «низкокачественному» (с невыраженной и слабо выраженной изотропностью) материалу вылилась в распространение так называемых кварцево-сланцевых индустрий и обеспечила населению северного субареала сырьевую «независимость» и автономность.²⁰⁵

В мезолите и начале неолита на право- и левобережье Сургутского отрезка р. Обь появляются немногочисленные поселения. Вероятно, они отражают начало заселения человеком данного района. Одной из задач, стоявших перед первопоселенцами, было обеспечение каменным сырьём, и, судя по находкам, они искали местные источники. Начало неолита представлено поселениями с посудой, относящейся к культурной традиции ранней плоскодонной керамики.²⁰⁶ В бассейне р. Салым находятся поселения Каюково 1 и 2, остальные памятники располагаются на малых правых притоках р. Обь и на Барсовой Горе. Все они крайне бедны каменным инвентарём. На поселениях Каюково 2, Микишкино 5, Барсова гора II/9б найдено в общей сложности всего несколько десятков предметов.²⁰⁷ Это шлифованные топорики и тёсла, в том числе желобчатые, шлифованный нож на изогнутом обломке, узкие иволистные шлифованные наконечники стрел, а также шлифовальные плитки. Инвентарь из твёрдых пород включает кремневый наконечник стрелы на отщепе с краевой ретушью, кварцевые нуклеус и скребок, немногочисленные отщепы кремнистых пород. В жилище селища Чёрная 3 состав инвентаря совсем другой: серия кремнёвых микропластинок-вкладышей, заготовка нуклеуса на гальке, осколки, отщепы, чешуйки. Имеется точильный брусок, но шлифованных орудий нет (рис. 156, 14–32).²⁰⁸

²⁰⁴ Косинская Л. Л., Юдина Е. А. Древние каменные копи Надым-Пуровского водораздела // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015. С. 80–82.

²⁰⁵ Косинская Л. Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // УИВ. 2010. № 2(27). С. 13–24.

²⁰⁶ Характеристику культурных традиций керамического производства см. ниже.

²⁰⁷ См.: Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2... С. 8; Чемякин Ю. П. Неолитический комплекс поселения Барсова гора II/9... С. 196–198.

²⁰⁸ Косинская Л. Л. Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 167–168.

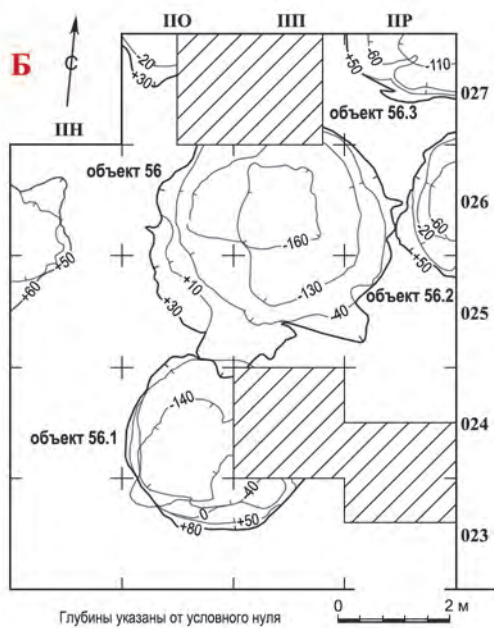
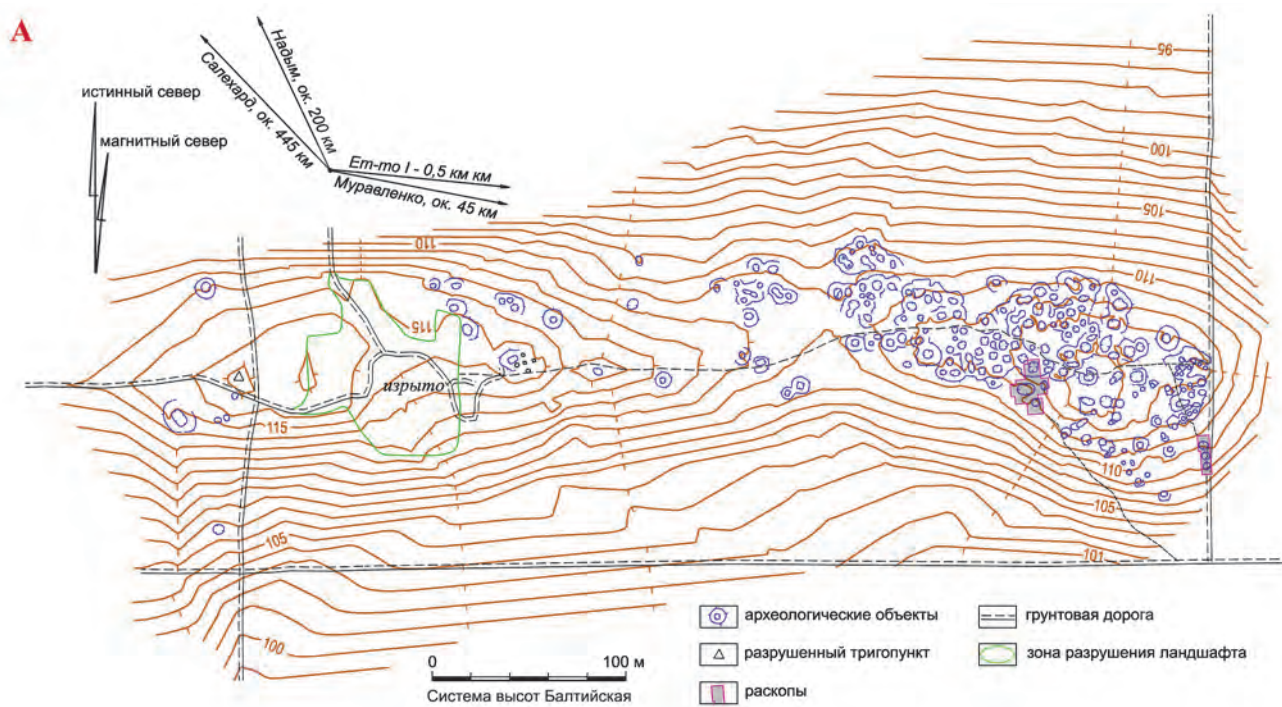

Рис. 155. Ранний неолит Надым-Пуровского междуречья. Памятник Ет-то II.
А — план памятника; Б — план раскопа; В — объект 56.1, вид с юга. Фото Л. Л. Косинской

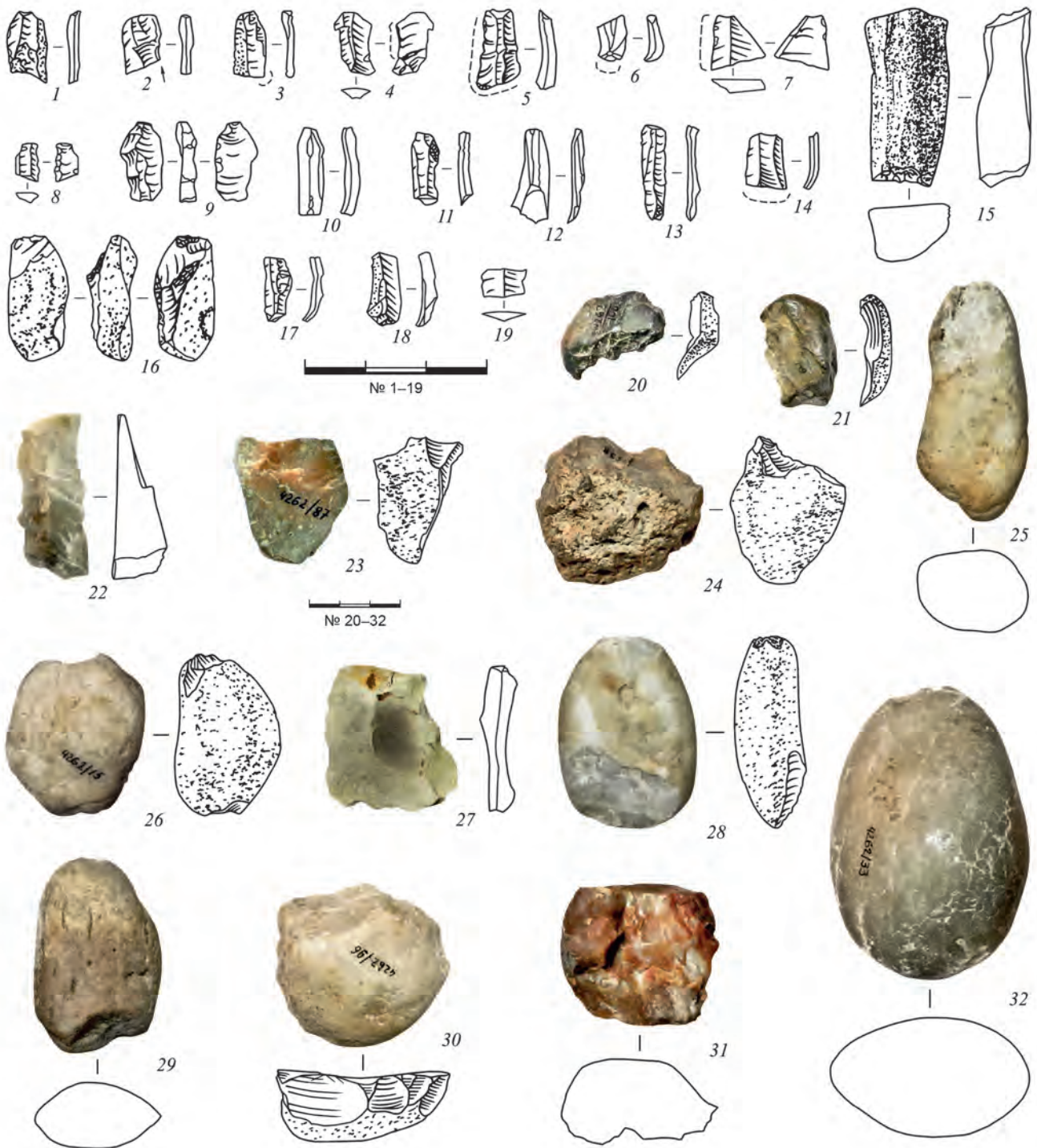

Рис. 156. Ранний неолит Надым-Пуровского междуречья и Сургутского Приобья. Памятник Ет-то II (1-13) и поселение Чёрная 3, жилище 1а (14-32). Каменный инвентарь. 1-5 — отбойники; 6-9 — нуклеусы; 10, 11 — отщепы; 12 — отщеп с ретушью; 13 — резчик; 14-30 — микропластины; 31 — пренуклеус; 32 — брусок-оселок

На поселениях Барсова гора II/16а и 17, также относимых к раннему неолиту, немногочисленный каменный инвентарь включает нуклеусы, в том числе один — призматический под пластины, скребки на отщепах, обломки наконечников стрел с неполной двусторонней ретушью, шлифованные топоры, абразивы, песты и тёрочки, гальки-грузила из кремнистых и сланцевых пород.²⁰⁹

Сравнивая эти материалы с инвентарём одновременных памятников Нижнего Приобья — Амня I, Кирип-Вис-Юган 2²¹⁰ и Ет-то I Надым-Пуровского водораздела²¹¹, обнаруживаем там кварцево-сланцевую индустрию. Для неё характерно широкое использование кварцевого сырья в ударной и контрударной технике расщепления, что не наблюдается в Сургутском Приобье. Однако сходство проявляется в наборе и типологии шлифованных орудий и в микропластинчатом кремнёвом инвентаре (рис. 157).

Возможно, сургутские раннеолитические группы ещё не освоили кварцевое сырьё. С другой стороны, перечисленные особенности могут объясняться хозяйственной специализацией и/или особым функциональным статусом конкретных жилищ и поселений.

В бассейне р. Конда о каменной индустрии раннего неолита можно судить по ряду объектов поселения Мулымья 3, каменный инвентарь которых разнообразнее и многочисленнее, чем в Сургутском Приобье (рис. 158).

Производством каменных орудий занимались на поселении, в сооружениях обнаружены отдельные сырьё в виде колотых и целых галек, продукты дебитаж, контрударные ядрища, отщепы и сколы, наковальни и отбойники. Для производства орудий использовалось местное галечное сырьё: кварц, серо-зелёный кремль, серо-зелёный сланец, кварцитопесчаник, кварцит и гнейс. Доля изделий из кварца составляет 40 %. Расщепление проводилось контрударным и отжимным способом. На доминирование первого указывает высокий процент контрударных ядрищ — 96 % по сравнению с призматическими нуклеусами — 4 %. В комплексе не встречены нуклеусы для снятия крупных пластин. Среди продуктов расщепления преобладают отщепы и осколки, пластин не более 5–6 %. Больше половины заготовок на пластинах переоформлены в орудия. Микропластины и часть узких пластин, вероятно, являлись вкладышами составных орудий. Более массивные заготовки — средние и широкие пластины — использовались для изготовления концевых скребков и острий (рис. 158, 3, 5, 6). На поселении найдена представительная серия ретушированных наконечников стрел на пластинах (рис. 158, 4, 7, 8, 10–12). Они выполнены из кремня серо-зелёного и светло-серого цвета, серо-зелёного сланца и калканской яшмы, представлены целыми и сломанными экземплярами. Форма их разнообразна, преобладают черешковые — 26 единиц; листовидных — 6, подтреугольных с выемкой в основании — 4, асимметричных — 1. В заполнении сооружений найдены наконечники разных форм, как целые, так и фрагментированные. Крутой краевой ретушью со спинки, как правило, оформлены оба края и/или острий. Треугольные насады черешковых наконечников дополнительно подработаны краевой

²⁰⁹ См.: Матвеева Н. П. Неолитический памятник... С. 130–131; Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова гора II/17... С. 191.

²¹⁰ См.: Морозов В. М., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 143–170; Стефанов В. И., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 93–111; Стефанов В. И., Морозов В. М., Погодин А. А. Кирип-Вис-Юган 2 — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикамыя) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 21–31.

²¹¹ Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела... С. 240–245.

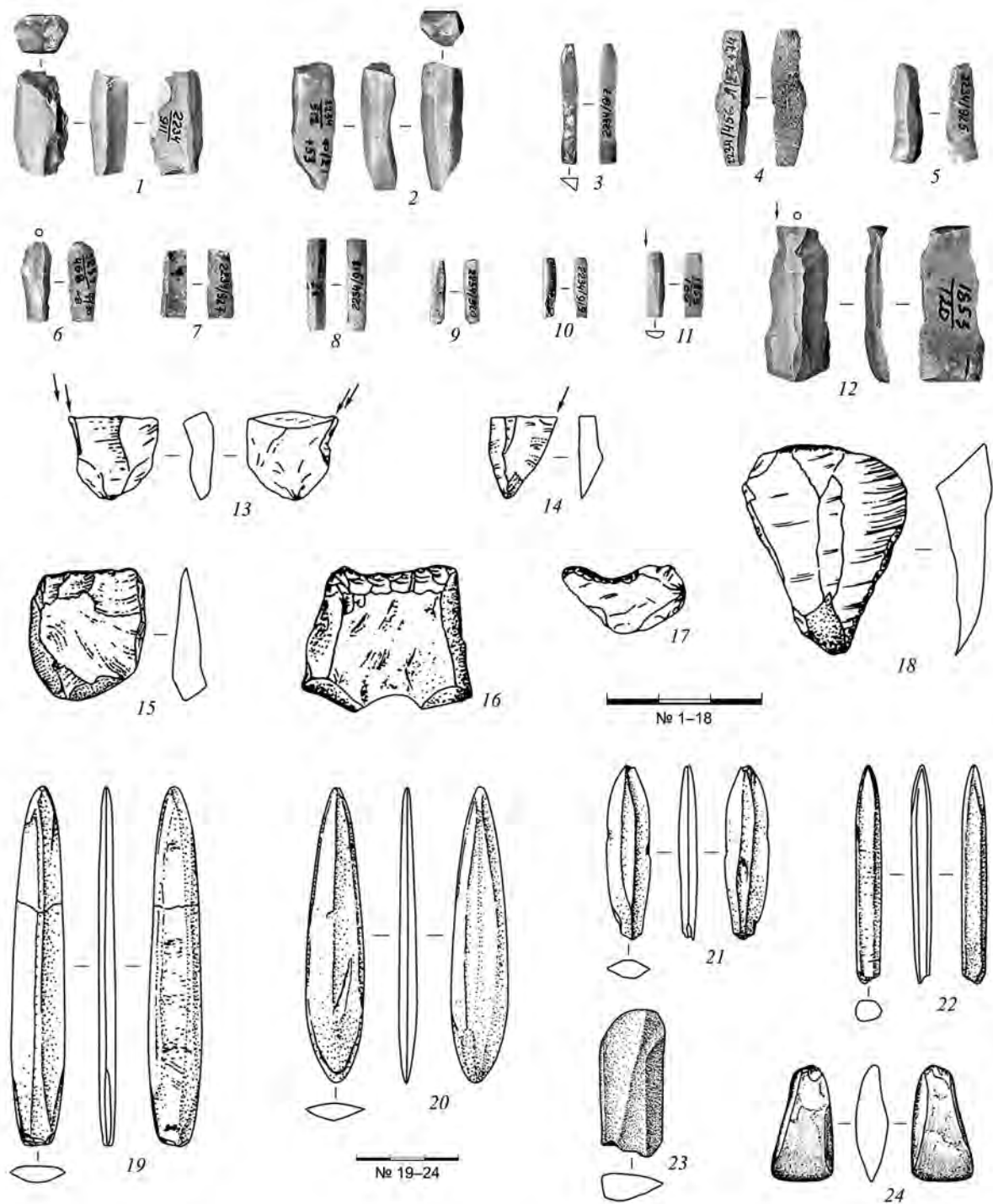

Рис. 157. Ранний неолит Нижнего Приобья. Городище Амня I.

Каменный инвентарь: 1, 2 — нуклеусы для микропластинок; 3–10 — микропластинки; 1–14 — резцы; 15, 16 — долотовидные орудия; 17, 18 — ножи на отщепях с ретушью; 19–22 — наконечники стрел шлифованные; 23 — нож шлифованный; 24 — тесло шлифованное (по: Дубовцева и др., 2019)

Рис. 158. Ранний неолит р. Конда. Каменные орудия. Поселение Мутьмыя 3.
 1, 2 — скребки на отщепах; 3 — остриё на пластине; 4, 7, 8, 10–12 — наконечники стрел;
 5, 6 — скребки на пластинах; 9, 14 — пластины с ретушью; 13 — нож; 15–17 — тѣсла

ретушью по обеим сторонам с брюшка. Среди фрагментированных орудий два со следами метательного воздействия. На территории Кондинского бассейна черешковые наконечники на пластинах встречены на памятниках вместе с плоскодонной посудой (Супра 4, Арантур 2²¹², Леуши III²¹³, Чёртова Гора²¹⁴). Показателем развития абразивной техники камнеобработки являются находки шлифованных рубящих орудий и ножей с треугольным клинком (рис. 158, 13), абразивных камней. Тёсла по форме трапециевидные, их лезвия прямые или дуговидные, обушковый торец усеченный (прямой) или приострѐнный (рис. 158, 15–17).

Совсем другая ситуация складывается в среднем неолите, когда в Сургутском Приобье получают распространение памятники быстринской археологической культуры, а в бассейне р. Конда — близкие по материальной культуре памятники умытѣинского, сумпанѣинского и чилимкинских типов. На всех поселениях наблюдается одна и та же картина сочетания двух технологических циклов. Развитая индустрия ударного и контрударного расщепления ориентирована на разнообразное местное «твёрдое» галечное сырьѐ, в основном мелкое, до 3 см в поперечнике — кремнистые породы низкого качества и кварц, доля которого существенна (рис. 159). Для ретушированных орудий — скребков, свѣрл-провѣртков и наконечников стрел — использовались кремнистые породы, кремень и яшма (калканская, сургучная).

Отщепы, сработанные нуклеусы и куски этих пород, а также кварца использовались в качестве долотовидных орудий, скребков, скобелей, ножей, острий, резчиков, причѐм вторичная обработка их минимальна (подтѣска мелкими сколами и краевая ретушь), а типология не выражена. Призматическое пластинчатое расщепление и техника резцового скола практически отсутствуют. По соотношению продуктов расщепления в комплексах преобладают отщепы, доля пластин незначительна, в Сургутском Приобье она «стремится к 0», на Кондинских памятниках составляет от 3 % до 6 %. Основные виды орудий на отщепах — это скребки, острия и свѣрла-провѣртки. Орудия на пластинах единичны, представлены скребками и наконечниками стрел. Не исключено, что пластины без обработки использовались как вкладыши.

Эту группу дополняет второй технологический цикл — абразивная обработка «мягких» пород (сланца, алевролита, серпентинита) — триада прекрасно выделанных шлифованных рубящих орудий (тёсла, топоры, стамески), крупных сегментовидных ножей и мелких с прямым и вогнутым лезвием, а также иволистных наконечников стрел с ромбическим или линзовидным поперечным сечением, аналогичных раннеолитическим Нижнего Приобья (рис. 160, 1, 5–9, 11, 12).

Насады наконечников стрел приострѐнные или уплощённые. Целые изделия в комплексах немногочисленны. Их длина — от 40 до 90 мм, ширина — 11–21 мм, толщина — 4–5 мм. На многих орудиях имеются следы использования в виде метательных сколов.²¹⁵ Известны слу-

²¹² Разведка Е. М. Беспрозванного 1984 г., шифр коллекции 2887 в фондах Археологического музея УрФУ.

²¹³ Отчѣт об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1995 г. Т. 2: Охранные раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1996. 91 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 19466. С. 33, рис. 56, 13.

²¹⁴ Сладкова Л. Н. Чёртова Гора — неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 157, рис. 8–10, 12, 14.

²¹⁵ По определению Е. Ю. Гири, «язычковый излом или износ» присутствует на девяти наконечниках поселения Большая Умытѣя 109 и на трёх наконечниках из наземного комплекса 1 поселения Большая Умытѣя 100.

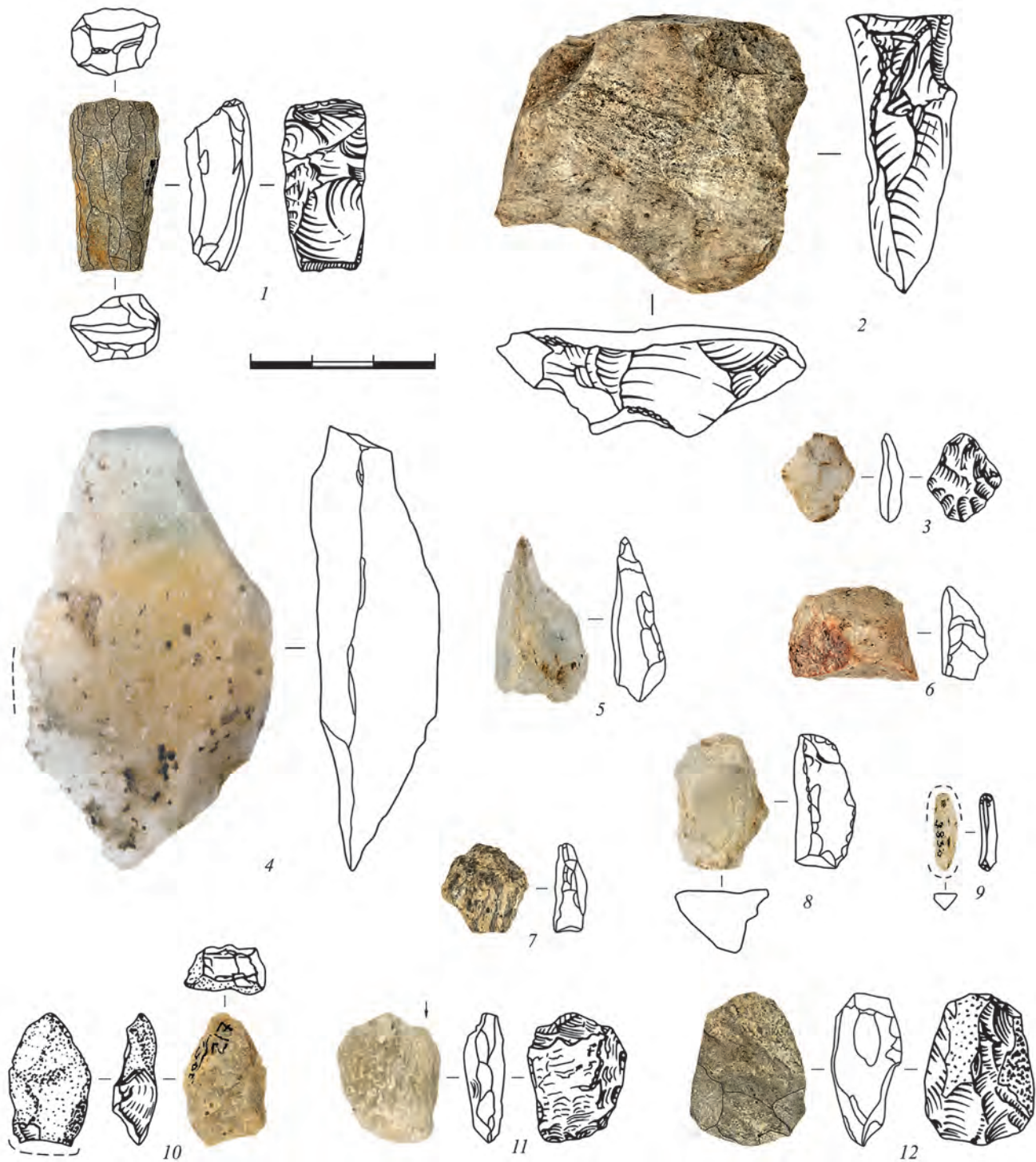

Рис. 159. Средний неолит Сургутского Приобья. Поселение Быстрый Кульган 66.
Каменный инвентарь: 1, 2 — нуклеусы; 3 — наконечник стрелы; 4 — нож; 5–7 — скребки; 8 — скобель; 9 — сверло; 10–
12 — долотовидные орудия. 1 — алевролит; 2, 6 — кварцит; 3–5, 8, 9, 11, 12 — кварц; 7 — кремль; 10 — халцедон

Рис. 160. Средний неолит бассейна р. Конда. Каменные орудия памятников умытского типа. Поселения Большая Умытъя 9 (1, 5, 7), Большая Умытъя 100 (2-4, 6, 8-15). 1, 5, 7 — наконечники стрел; 2 — нож на отщепе; 3, 4 — скребки на отщепе; 6, 12 — тѣсла; 8, 10, 11 — ножи шлифованные; 9 — заготовка ножа; 13 — абразив (с напылением MgO)

чаи переоформления наконечников в ножи или абразивы. Многочисленны и разнообразны абразивные и ударные инструменты из кристаллических пород — кварца, кварцита, песчаника, гнейса, гранитоидов, а также сланцев — шлифовальные плиты с продольным и круговым износом (рис. 160, 13), желобчатые абразивы, точильные бруски-оселки, пилы, гальки-отбойники, отжимники, наковальни. Примечательно, что наиболее плотные отделности мягких пород, обломки шлифованных орудий и сколы с них использовались в первом технологическом цикле в технике расщепления и ретуширования (рис. 160, 2). Возможно, таким образом древние мастера восполняли дефицит «твёрдого» сырья.²¹⁶

Практически все шлифованные изделия имеют следы изготовления — пиления и шлифовки. Следы использования обнаружить сложнее. Они фиксируются на строгальных ножах по дереву, иногда на тёслах, стамесках, вкладышах стругов. Многие изделия сломаны.

Четыре шлифованных орудия снабжены гравировками. Обломок наконечника с поселения Большая Умытъя 109.1 украшен гравировками в виде зигзагов, расположенных вдоль оси изделия (рис. 161, 1). На боковом ребре ножа с поселения Усть-Тетер 1 пропилены четыре перпендикулярные бороздки (рис. 161, 3). Шлифованный наконечник стрелы с поселения Колунгтотытор 1 орнаментирован симметричными насечками, выполненными на его перьевых гранях.²¹⁷ Орнаментом из параллельных отрезков, расположенных перпендикулярно продольной оси изделия, покрыта одна из плоскостей абразивного бруска с поселения Леуши VII (рис. 161, 2).

Каменный инвентарь поселения Чэс-тый-яг в бассейне р. Северная Сосьва демонстрирует те же два технологических цикла каменной индустрии: расщепление и ретуширование твёрдых изотропных пород, оббивка, пиление и шлифование мягких сланцевых. Однако ему присуща одна, но очень важная особенность. Обитатели поселения пользовались качественным кремнем нескольких разновидностей: как окатанным галечным, так и кусками с не окатанной известняковой коркой — из коренных залегающих. Очевидно, сказалась близость отрогов Уральского хребта, откуда берут начало рр. Ляпин и Северная Сосьва и где, вероятно, добывали сырьё. Кварц почти не использовался. Тем не менее техника первичной обработки не отличается от умытъянской и быстринской. Преобладают приёмы конкретно-ситуационного ударного и контрударного расщепления, направленные на получение отщепов-заготовок. Пластины составляют 8,5 % всего инвентаря, преимущественно это крупные (длиной до 80 мм и шириной до 33 мм) неправильные экземпляры, полученные ударным расщеплением. Единичные мелкие пластинки шириной 6–8 мм и толщиной 1,5–3 мм могли быть получены отжимом или ударом через посредник. Высока доля орудий, обработанных краевой, преимущественно дорсальной ретушью (43 %): разнообразные скребки, в том числе правильных геометрических очертаний; резчики, острия-перфораторы, мелкие долотовидные орудия, отщепы и пластины с ретушью, выполнявшие режущие, строгачные, пилящие, скоблящие функции. Несколько черешковых наконечников на пластинах обработаны неполной двусторонней ретушью. Контрудар использовался и как приём вторичной обработки для оформления лезвий и тыльных частей орудий, а также для фрагментации и переоформления изделий. Техника резцового скола не зафиксирована. Не менее выразительна группа шлифованных орудий: тёсла, топоры, ножи сегментовидной и треугольной формы, иволистные наконечники стрел с коротким зауженным насадом. Многочисленны

²¹⁶ Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульёган 66 ... С. 20–31.

²¹⁷ Виноградов А. С. Керамика неолитического поселения Чэс-тый-яг... С. 306.

Рис. 161. Неолит. Изделия из камня с гравировками.

1 — фрагмент наконечника стрелы (поселение Большая Умытъя 109.1); 2 — фрагмент абразивного бруска (поселение Леуши VII); 3 — шлифованный нож (поселение Усть-Тетер 1)

разнообразные абразивы, наковаленки, отбойники. Таким образом, каменную индустрию поселения Чэс-тый-яг можно охарактеризовать как «кремнёво-сланцевую», но не имеющую существенных отличий от умытъянской.²¹⁸

Индустрия камня на памятниках шоушминского типа бассейна р. Конда также базировалась на ударно-контрударном расщеплении, отжимной технике, пикетаже и абразивной обработке галечно-валунного сырья. Контрударное расщепление применялось на стадии первичного раскалывания и при последующем переоформлении/подживлении инструментов. Орудий-

²¹⁸ Васильев Е. А., Косинская Л. Л. Кремневая индустрия поселения Чэс-тый-яг в контексте Урало-Западносибирского неолита // XXII Уральское археологическое совещание. Курган, 2022. С. 24–25.

ный набор представлен изделиями для обработки и выделки шкур: скребками на отщепах, стругами, ножами-скобелями. В абразивной технике изготовлены ножи, долото и тѣсла. Шлифовальные плиты несут следы продольного, диагонального и кругового износа.²¹⁹

Третья культурная группа среднего неолита, для которой характерна толстостенная кругло- и плоскодонная керамика с отступающе-накольчатой орнаментацией (поселения Барсова гора II/86; II/22; II/10, жилище 1), даёт слабое представление об особенностях каменного инвентаря в силу его немногочисленности. Здесь, как и в быстринской культуре, шлифованные орудия сочетаются с изделиями, изготовленными в технике расщепления из разнообразных, но по большей части кремнистых пород, тогда как кварц, кварцит, халцедон редки. В жилищах единичны нуклеусы, отщепы, скребки, остря, долотовидные орудия. Шлифованные изделия представлены тѣслами и долотами, большей частью в обломках, иволистным наконечником стрелы и ножами. Регулярно встречаются разнообразные абразивные плитки.²²⁰

По-видимому, сходный облик каменного инвентаря по составу использованных пород, технике обработки и набору изделий присущ и комплексам среднего неолита с гребенчато-накольчатой керамикой с двойной орнаментацией: поселения Барсова гора II/42, жилище IV и наиболее ранним жилищам поселений Барсова гора II/9а и Барсова гора I/5а.

Малочисленность каменных изделий на поздненеолитических поселениях Барсовой Горы (часть жилищ поселений Барсова гора IV/5; Барсова гора II/10, жилище 13), часто происходящих из смешанных слоев, не позволяет выделить какие-либо особенности по сравнению со средним неолитом.

Относительное обилие каменного инвентаря и значительное число технологических отходов на памятниках Нѣх-Урий 1, 3.1, 3.2, 3.4, 9 в низовьях р. Аган свидетельствует об обработке сырья непосредственно на этих поселениях. В составе «твёрдых» пород преобладает кварц, присутствуют кремнистые породы и халцедон. Ударная и контрударная техники расщепления ориентированы на получение отщепов, служивших орудиями без вторичной обработки. Для изготовления шлифованных тѣсел и ножей использовались сланцы и другие осадочные породы, для отбойников, наковален, абразивов — магматические зернистые породы.²²¹

Коллекция изделий из камня ушьинского поселения Большая Умытъя 100 в верховьях р. Конда демонстрирует продолжение умытъянской традиции изготовления сланцевых шлифованных орудий.

Типологически сходны наконечники стрел иволистной формы (рис. 162, 4, 5), ножи с треугольным и прямоугольным клинком (рис. 162, 11–13), тѣсла (рис. 162, 9, 14). На этом поселении обнаружены абразивные инструменты: пилы и пилы-абразивы, бруски-оселки, плиты (рис. 162, 10, 16). Ретушированные орудия представлены остриями и скребками (рис. 162, 6–8). Они изготовлены из отщепов контрударного расщепления (72 %) и пластин (36 %). Новыми, по сравнению с памятниками умытъянского типа, являются такие категории каменного инвентаря, как наконечники кельтеминарского типа (рис. 162, 1, 2) и гребенчатые штампы (рис. 166, 5, 6). Для изготовления последних использовались обломки каменных орудий.

²¹⁹ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н. Поселение раннего неолита Шоушма ... С. 89.

²²⁰ См.: Борзунов В. А. и др. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 ... С. 184–220; Чемякин Ю. П. Барсова Гора ... 224 с.

²²¹ См.: Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 453–457; Тресцова А. Ю. Указ. соч. С. 125.

Рис. 162. Поздний неолит бассейна р. Конда. Каменные орудия. Поселение Большая Умытья 100.
 1–5 — наконечники стрел; 6, 7 — скребки на отщепе; 8 — острий на пластине; 9, 14 — тѣсла;
 10 — пила; 11–13 — ножи шлифованные; 15 — нож на отщепе; 16 — абразивная плитка

Таким образом, традиции камнеобработки среднего неолита сохраняются и в комплексах позднего неолита.

Каменный инвентарь энеолита в бассейне р. Конда, соотносимый с керамикой еныйского, атымьинского и волвончинского типов (рис. 163), продолжает традиции камнеобработки, сложившиеся в неолите. По-прежнему использовалось местное галечное сырьё. Контр-ударное расщепление применялось при обработке кварца и кварцита. Преобладающей заготовкой для скребков, острий, долотовидных орудий являлся отщеп, пластины — единичны. Увеличивается разнообразие орудий с двусторонней ретушью, в первую очередь, наконечников стрел различной формы: рыбковидной, треугольной с выемкой в основании, листовидной с прямым или округлым основанием и асимметричной с одним шипом.²²² С поселения Большая Умытья 57 происходит кварцитовый наконечник копья или дротика размером 178×60×6 мм, выполненный в бифасиальной технике (рис. 163, 13). Форма наконечника листовидная, округлый торец оканчивается коротким трапециевидным выступом. Кромка обработана краевой уплощающей ретушью.²²³ Велика доля шлифованных долот, тёсел, наконечников стрел, а также инструментов для их изготовления: пил, плиток, оселков и других абразивов. Шлифованные ножи замещаются отщепами с ретушью. В еныйских и, единично, в атымьинских комплексах появляются шлифованные наконечники стрел с жальцами и продольным желобком (рис. 163, 8, 10; 193, Б — 1). Дефицит качественного сырья вёл ко вторичному использованию инструментов. Кремнёвые острия и насады наконечников стрел служили свёрлами по дереву, кости и керамике. Многие обломки изделий переоформлялись. Отщепы, сколотые с крупных шлифованных орудий, использовались в качестве ножей.

Особую категорию находок составляют шлифованные подвески из красного и красно-коричневого сланца округлой, овальной, каплевидной и грушевидной формы (рис. 163, 1–6). В Зауралье такие подвески обнаруживаются обычно в погребениях и интерпретируются как нашивки на одежду.²²⁴ В Западной Сибири всё больше находок таких подвесок происходит из жилищных комплексов (например, поселений Большая Умытья 57, Толум 1, Кулунигый 5).²²⁵

Каменный инвентарь энеолитических памятников Сургутского Приобья (могильники Барсовский II, Старые Покачи 5.1, Большой Салым 4; поселение Барсова гора II/8б, жилища 2, 6, 7) демонстрирует некоторые инновации по сравнению с неолитом. Меняется типология наконечников стрел. Они представлены теми же формами двусторонне ретушированных и шлифованных наконечников (рис. 196, 5; 197, 1–3; 199, 2–6, 9–13), что и на памятниках бассейна р. Конда. Ретушированные наконечники копий представлены обломками (рис. 199, 14). На могильнике Старые Покачи 5.1 найдены шлифованные каплевидные подвески и серия кремневых пластинок шириной 6–8 мм. Шлифованные топоры и тёсла не отличаются от неолитических. Остальные изделия единичны: кварцевые долотовидные орудия и абразивная пила, скребок из кремнистого сланца, отщепы без вторичной обработки.²²⁶

²²² Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 193–195, 235.

²²³ Погодин А. А., Миронов П. В. Указ. соч. С. 160.

²²⁴ Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья... С. 263.

²²⁵ См.: Погодин А. А., Миронов П. В. Указ. соч. С. 163; Храмцов М. В. и др. Указ. соч. С. 15–24.

²²⁶ См.: Коноваленко М. В., Балуева Ю. В. Указ. соч. С. 94–97; Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 146–169.

Рис. 163. Энеолит бассейна р. Конда.
 Каменные орудия (7-13) и украшения (1-6). Поселение Большая Умытъя 57. 1-6 — подвески; 7, 9 — скребки на отщепах; 8, 10 — наконечники стрел; 11 — изделие на плитке; 12 — тесло; 13 — наконечник копья

Таким образом, анализ каменного инвентаря показывает, что уже в раннем неолите начала складываться традиция двух технологий использования местного обломочного материала при частичном сохранении мезолитической микропластинчатой индустрии. В среднем неолите, очевидно, процесс адаптации к местному сырью, включая освоение обработки кварца и низкокачественных кремнистых пород ударной и контрударной техникой, был в целом завершён. В таком виде индустрия сохранялась вплоть до энеолита, когда появились новые типы кремнёвых и шлифованных орудий. Памятники Барсовой Горы по сравнению с теми, что расположены на притоках р. Обь и в Кондинском бассейне, отличаются крайней малочисленностью каменного инвентаря. Причины этой особенности пока не ясны.

Костяные орудия

Информация о традициях косторезного производства неолитического и энеолитического населения получена по эпизодическим находкам обломков костяных орудий и украшений. Учитывая малочисленность качественного каменного сырья на этих территориях, роль костяных орудий в хозяйстве должна была быть довольно значима. Материалы торфяников Среднего Зауралья и неолитических поселений Нижнего Приишимья, где условия для сохранения органических материалов более благоприятны,²²⁷ демонстрируют наличие разнообразного промыслового инвентаря: игловидных и листовидных наконечников стрел, гарпунов и зубчатых острий с выделенными черешками и коническим насадом, рыболовных крючков, жерлиц. В этих районах для разделки добычи использовались прямые и изогнутые ножи и кинжалы с орнаментированными костяными оправами; для обработки шкур — струги, скребки, проколки, иглы; для обработки дерева — топоры и тёсла; для изготовления глиняной посуды — шпатели, лопаточки, стеки, орнаменты; для плетения — кочедыки и иглы для вязания сетей. Среди наконечников, ножей и кинжалов встречаются изделия с кремнёвыми пластинками-вкладышами. Предметы домашней утвари представлены ложками из лопаток мелких животных.

Костяной инвентарь таёжной зоны намного скромнее. Кость со следами обработки присутствует во многих неолитических коллекциях, но определить тип и назначение изделий удаётся в редких случаях, так как их сохранность очень плохая.

В раннеолитическом жилище 2 городища Амня 1 в очаге найден небольшой обломок костяного орудия (вероятно, наконечника стрелы).

К среднему неолиту относятся единичные обломки костяных орудий. В наземном комплексе 1 поселения Большая Умытъя 100 обнаружено два фрагмента колющих орудий игловидной формы размерами 40×7×4 мм и 26×9×3 мм. Орудие стержневидной формы размером 37×4–2×3–1 мм найдено и на поселении Усть-Тетер 1. С поселения Большая Умытъя 9 происходит изделие из лосиного рога с выбранной губчатой массой, размером 111×47×29 мм, которое могло служить роговой муфтой²²⁸ (рис. 164).

В позднеолитическом сооружении поселения Большая Умытъя 100 обнаружены обломки гарпунов, а также изделия неясного назначения дисковидной и подпрямоугольной формы,

²²⁷ См.: Жилин М. Г. и др. Неолитический комплекс стоянки Береговая II Горбуновского торфяника и проблемы неолита Зауралья // *Camera praehistorica*. 2020. № 1 (20). С. 48–52; Скочина С. Н. Орудийный комплекс из кости и рога раннеолитического слоя поселения Мергень 6 // *Изделия из камня и кости в культурах неолит*. СПб., 2022. С. 50–52.

²²⁸ Погодин А. А. Поселение Большая Умытъя 9... С. 169.

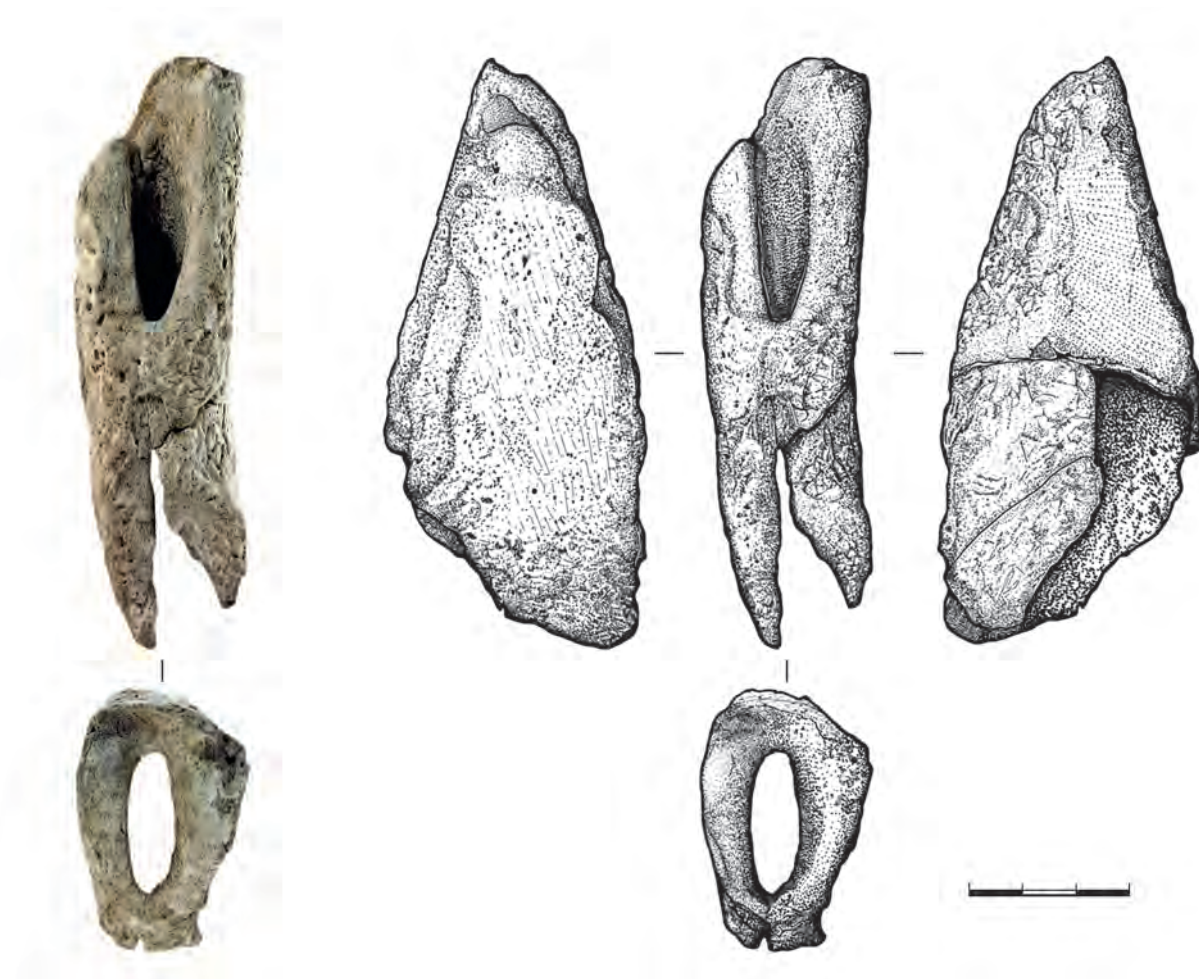

Рис. 164. Изделие из кости. Средний неолит, умытгинский тип. Поселение Большая Умытъя 9

костяной бисер и каплевидные подвески линзовидного сечения (рис. 165). Аналогичные подвески найдены в погребении 1 на поселении Большая Умытъя 9 и в погребении 7 могильника Большая Умытъя 100. В последнем обнаружены 22 костяные подвески и 2 заготовки²²⁹ шириной 12–22 мм (рис. 191, Д). В зауженной части изделий встречным сверлением выполнены отверстия диаметром 2 мм. Поверхность подвесок тщательно отполирована. На заготовках видны следы срезов, шлифовка отсутствует²³⁰ (рис. 191, В — 3, Д — 15–16).

В неолитическом слое поселения Усть-Тетер 1 найдены две каплевидные подвески из кости размерами 14×10×2 мм. В энеолитическом (еныйском) жилище на поселении Толум 1 наряду с каменными каплевидными подвесками обнаружены две овальные костяные.

В энеолитических памятниках Сургутского Приобья костяные подвески и бисер известны на поселении Кулунигый 5 и в могильнике Старые Покачи 5.1²³¹ (рис. 196, 6, 7).

²²⁹ Определение выполнено П. А. Косинцевым.

²³⁰ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 137–138.

²³¹ Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 146–169.

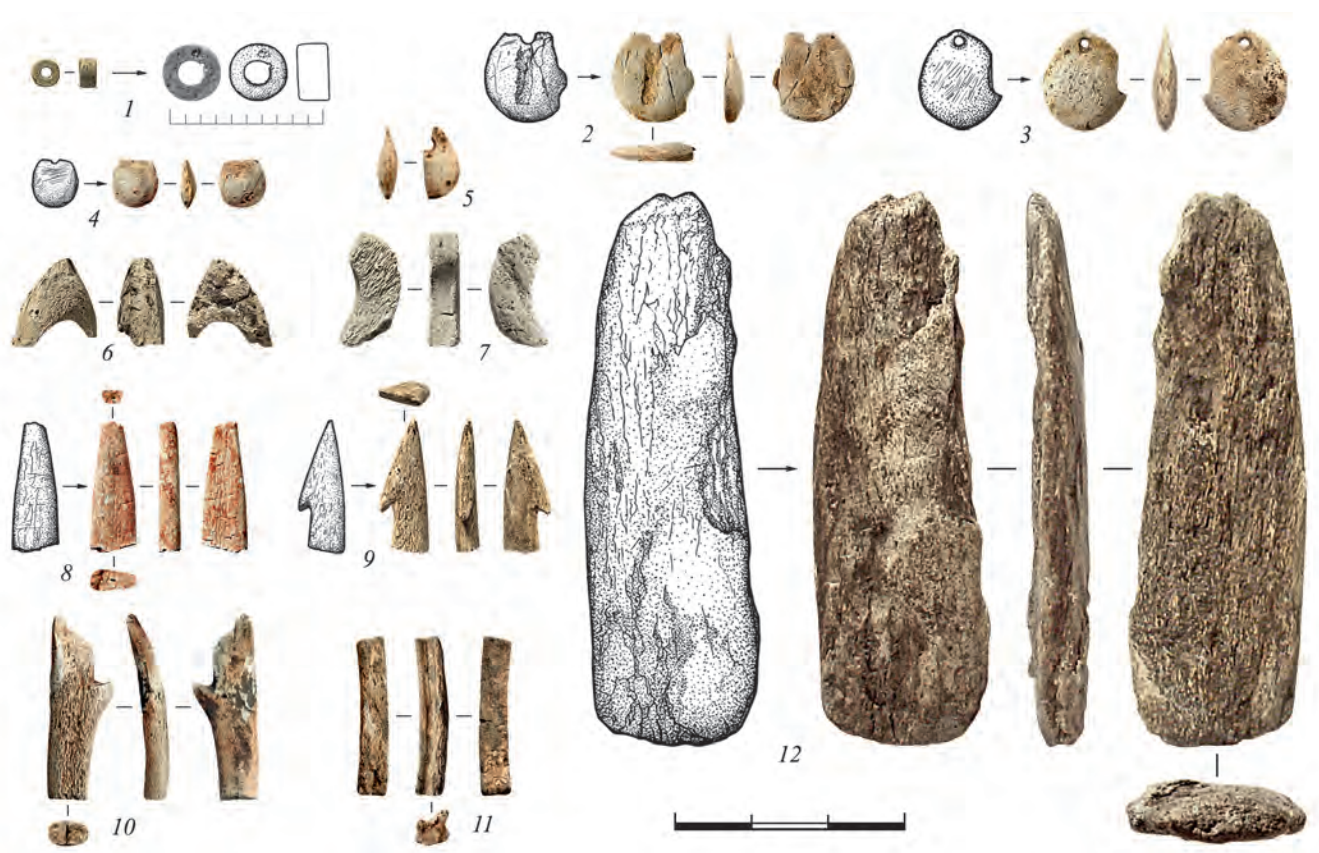

Рис. 165. Изделия из кости. Поздний неолит, ушыйский тип. Поселение Большая Умытья 100.
1 — бисер; 2–5 — каплевидные подвески; 6–8, 10–12 — предметы неясного назначения; 9 — наконечник гарпуна

Керамика

Керамическая посуда — наиболее яркий и легко уловимый маркер неолитической эпохи. В таёжных районах Западной Сибири культурные слои, содержащие обломки глиняной посуды, датируются не ранее второй половины VII тыс. до н. э. С этого времени керамика становится ведущим источником для построения культурно-хронологических схем, выделения археологических культур и культурных типов, исторических реконструкций. Этот массовый материал обладает огромным познавательным потенциалом для реконструкции экономики, социальной организации и элементов духовной культуры древнего населения.

Назначение посуды зависит от её объёма и формы. В раннем неолите, как правило, это были средние по объёму сосуды (3–7 л). Более крупные ёмкости (до 13–25 л) встречаются реже, они могли использоваться для хранения продуктов питания. Два таких сосуда найдены на поселении Микишкино V и один на Чёртовой Горе. Малые формы до 1 л (Мулымья 3, Чёртова Гора) единичны, могли быть предназначены для индивидуального использования, хранения особых продуктов малого объёма и т. д.

В периоды среднего неолита — энеолита размерный ряд посуды значительно расширяется. На поселениях встречаются миниатюрные (до 0,1 л) и малые (до 1,5 л) чаши, миски, ладьи,

а также средние (до 6 л) и крупные (25 л и более) ёмкости. В жилищах раннего неолита находят фрагменты от 1 до 30 сосудов, позднее их количество на базовых поселениях возрастает до 100–200. Но на сезонных стоянках, связанных с промысловой деятельностью, их количество по-прежнему невелико.

Керамическая посуда на поселениях имеет следы нагара и пригара, что говорит об её использовании в очагах, в том числе для приготовления пищи. Однако нельзя исключать и другие функции. Глиняную посуду могли использовать для изготовления различных веществ: клея, дёгтя, краски и т. п.; для хранения продуктов питания и воды.

Не исключено использование керамики в качестве прикладов и строительных жертв. В двухкамерном жилище 5 поселения Ет-то I фрагменты двух малых сосудов были размещены в восточном и западном углах южного котлована. Один из них залегал в пятне охры, в 0,2 м выше пола, за деревянной обшивкой стенки котлована.²³² Сосуды в погребениях или рядом с ними на могильниках Барсовский II (рис. 198, Б — 3, 4), Большая Умытья 100 (рис. 187, А — 6), Большой Салым 4 позволяют рассматривать их как часть погребальной обрядности. На поселении Геологическое III в погребении собаки обнаружена квадратная миска (рис. 138, 10), из которой, возможно, кормили животное.

К глиняной посуде относились бережно, её ремонтировали. По обе стороны трещины на сосуде просверливались отверстия (рис. 124, 7), через которые продевался шнур, стягивавший её. Мелкие повреждения замазывали клееподобным веществом, например, берёзовым дёгтем.²³³ Обломки керамики использовали как абразивы, ложила, скребки и т. п., из них изготавливали орнаменты (рис. 166, 4, 5, 9), а часть фрагментов перерабатывали в шамот (рис. 167, 1а-3а).

Традиции производства керамики таёжной зоны Западной Сибири

Комплексный анализ морфологии, технологии и орнаментации посуды выявил четыре керамические традиции её изготовления, которые были распространены на территории таёжной зоны Западной Сибири в эпоху неолита.

К первой, самой ранней традиции на этой территории относится посуда мулымьинского (рис. 130, 1–5, 8–10) и каюковского (рис. 123) типов. Она представлена плоскодонными и круглодонными сосудами с непрофилированной и слегка профилированной горловиной. Венчики изнутри, как правило, имеют утолщения-наплывы. Посуда толстостенная, изготовлена из глины с примесью песка, дресвы, шамота (рис. 167, 1, 2) и органического раствора.

Конструирование производилось жгутовым или лоскутным налёпом; в исключительных случаях заметны следы использования формы-модели и выбивки.

В орнаментации преобладают накольчатые (рис. 130, 2, 5, 8–10) и прочерченные (рис. 130, 1, 3) узоры, реже встречается отступление лопаточкой (рис. 123) и оттиски гребенчатых штампов, которые выступают как разделители орнаментального поля. Композиции построены по горизонтальному, вертикальному принципу и на основе косой сетки. Орнамент может быть плотным или разреженным, покрывать всю внешнюю поверхность или только верхнюю часть тулова. Нередки недекорированные ёмкости (рис. 130, 4, 7). Среди мотивов пре-

²³² Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела... С. 241.

²³³ Chen S., et al. Classification of archaeological adhesives from Eastern Europe and Urals by atr-ft-ir spectroscopy and chemometric analysis // *Archaeometry*. 2022. Vol. 64, № 1. P. 227–244.

обладают простые, состоящие из прямых или волнистых линий, реже встречаются сложные геометрические композиции: треугольники с бахромой вершиной вниз, вертикальные лесенки, зигзаги и т. п. На внешней поверхности иногда присутствуют налепные валики (рис. 130, 2, 5, 9). Помимо посуды встречаются керамические бруски-оселки.

Вторая традиция представлена керамикой еттовского типа Надым-Пуровского водораздела. Толстостенные сосуды полуяйцевидной формы с округлым или приострѐнным дном и с наплывом изнутри под венчиком изготовлены на плоскости ленточным или лоскутным налепом. Керамическое тесто содержит примесь шамота и жидкой органики, иногда в сочетании с песком. Вся внешняя поверхность орнаментирована длинным гребенчатым штампом в технике штампования и шагания.

Носители обеих традиций уже в раннем неолите взаимодействовали, о чём может свидетельствовать двухкомпонентный комплекс посуды амнинского типа городища Амня I (рис. 120) и многокомпонентные комплексы поселения Нижнее озеро III и объекта 1 Чёртовой Горы (рис. 180, Б).

К третьей традиции отнесены комплексы умытѣинского (рис. 131), быстринского (рис. 124), чилимкинского, чэстыйягского (рис. 121) типов.²³⁴ Форма посуды разнообразна: наряду с полуяйцевидными появляются ладьевидные (рис. 124, 2; 131, 7) и миниатюрные чашевидные сосуды с округлым или приострѐнным дном; венчики, как правило, без наплывов; плоские днища отсутствуют. Сосуды тонкостенные, изготовлены на форме-модели из глины (рис. 167, 6) или илистой глины с обильной примесью органики (в виде костной крошки, органического раствора и растительности), шамота и охры. Внешняя поверхность сосудов часто обмазывалась жидкой глиной, лощилась и окрашивалась охрой (рис. 167, 4, 4а, 5, 5а, 7, 7а). В орнаментации преобладает прочерчивание (рис. 168, 5, 7–12), которое сочетается с наколами, отступанием, шаганием гребенчатым или гладким штампом. Характерной чертой является наличие скульптурного декора на венчиках — выступов-ушек (рис. 124, 2, 7; 171) и фигурных налепов (рис. 121; 170, 5, 6), а также использование для декорирования посуды естественных (зубы, челюсти и кости зверей и рыб) и шнуровых орнаментов²³⁵ (рис. 168).

Коммуникации в таѣжных обществах на протяжении всего неолита привели к формированию четвёртой, гибридной культурной традиции, к которой относится посуда сумпаньинского²³⁶ (рис. 133), немнѣлского²³⁷ (рис. 134) и барсовогорского²³⁸ типов (рис. 129), характеризующаяся разнообразием морфологии, технологии и орнаментации.

Для энеолита предварительно можно выделить две традиции. Первая включает керамику с гребенчатой орнаментацией еныйского, атымьинского, волвончинского типов и ясунской культуры (рис. 122; 136–137). Вторая, пока безымянная, — керамику с накольчатой орнаментацией поселений Колунгготытор 1, Кулунигыт 5, Нѣх-Урий 3.2 и могильников Барсовский II и Большой Салым 4 (рис. 198, 3–4).

²³⁴ См.: Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я., Указ. соч.; Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульѣган 66...; Глушков И. Г., Соболевникова Т. Н. Указ. соч.; Васильев Е. А. Энеолит и бронзовый век... С. 19–20.

²³⁵ Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства на Севере Западной Сибири... С. 209–210.

²³⁶ Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 80–99.

²³⁷ Гаджиева Е. А. Указ. соч. С. 14.

²³⁸ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 15–28.

Изготовление керамики

Следы производства глиняной посуды на нео-энеолитических памятниках крайне редки. На поселениях среднего неолита Большая Умытья 100, Чилимка V найдены аморфные куски обожжённой глины и фрагменты глиняных лент, которые могут быть интерпретированы как пробы исходного сырья и остатки строительных элементов для создания сосудов.²³⁹ На памятнике Большая Умытья 100 исследована наземная площадка со следами прокала, насыщенная мелкими кальцинированными костями, каменными и костяными изделиями, обломками глиняной посуды. Деформация (сплющивание) некоторых сосудов, отслаивание слоя обмазки на внешней поверхности, вероятно, являются следствием неудачного кострового обжига, проводившегося на этой площадке.

Бракованная при обжиге посуда встречена и на поселении Кулунигый 5²⁴⁰ — фрагменты некоторых сосудов имеют признаки термического отслаивания, распадаются на строительные элементы. На энеолитическом поселении Неушья 1 обнаружена глиняная лепёшка, которая, скорее всего, в древности являлась сосудом, поставленным на просушку, обжиг которого так и не был произведён.²⁴¹

Другим признаком производства посуды на поселениях являются находки орнаментиров. На поселении Чилимка V — это шлифованные треугольные плитки со сработанным приотсранным концом, предназначенные для нанесения узоров в технике прочерчивания и накалывания²⁴² (рис. 166, А — 1, 2).

Подобное орудие известно на поселении Сумпанья VI.²⁴³ На поселении Большая Умытья 100 в комплексах позднего неолита найдено 28 каменных (рис. 166, А — 5, 6) и керамических (рис. 166, А — 4, 9) гребенчатых штампов, залежавших как внутри жилых сооружений, рядом с кострищами и приочажными ямами, так и за их пределами (рис. 150). Часть из них применялась для орнаментации поселенческой посуды.²⁴⁴ Каменные гребенчатые штампы типичны для энеолитических комплексов еныйского (рис. 166, А — 8), атымьинского типов и ясунской культуры (рис. 194, Б — 9). Гребенчатые штампы из обожжённой глины в форме лунниц с зубчиками по краю найдены в жилище волончинского типа поселения Геологическое XVI.²⁴⁵ Эти немногочисленные факты могут свидетельствовать о том, что изготовление керамической посуды в неолите и энеолите имело характер домашнего производства.

Изготовление посуды было возможно лишь в тёплое время года. Глину для её производства брали недалеко от поселений. Источники глинистого сырья были приурочены к водоёмам — берегам рек и ручьёв. Это подтверждено как петрографическим анализом образцов разновременной керамики урочища Барсова Гора, так и экспериментальным путём.²⁴⁶ В ос-

²³⁹ См.: Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытья 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 33; Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V... С. 139–148.

²⁴⁰ Коноваленко М. В. Указ. соч. С. 167.

²⁴¹ Мызников С. А. Охранно-спасательные раскопки в Тюменской области // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 699–700.

²⁴² Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V... С. 139–148.

²⁴³ Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Указ. соч. С. 93. Рис. 4–23, 24.

²⁴⁴ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Технология орнаментации посуды... С. 26–33.

²⁴⁵ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 70–71.

²⁴⁶ Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите... С. 6.

Рис. 166. Изготовление керамики. Орнаментация.

А — орнаменты, найденные на поселениях среднего (1–3) и позднего (4–7, 9) неолита и энеолита (8):
 1, 2 — каменные стержни для нанесения прочерченного и накольчатого орнамента (Чилимка V);
 3–9 — гребенчатые штампы из камня (3, 4, 6–8) и керамики (4, 5) (3 — Мульмыя 4; 4–7, 9 — Большая Умытья 100; 8 — Большая Умытья 57);
 Б — экспериментальные орнаменты: 1, 2, 7 — кости (1) и челюсти (7) животных и рыб
 (2); 3, 5 — веревочные штампы; 4, 6 — деревянные орнаменты

новном использовались суглинки и тощие глины с естественной примесью мелкого кварцевого песка и бурого железняка. Реже в исходном сырье присутствовали отпечатки растений и чешуя рыб.

Для улучшения свойств формовочной массы в глину добавляли различные примеси. Наиболее распространённой добавкой был шамот — дроблёная керамика размерами 0,5–5 мм. На крупных фракциях шамота иногда заметен орнамент (рис. 167, 2а–3а). Добавление шамота в глину предотвращало деформацию ёмкости, уменьшало время сушки, снижало возможность брака при обжиге, защищало от перепадов температур при готовке на костре. Этими же свойствами обладали и другие, более редкие примеси: крупный песок, дресва, или дроблёный камень (в основном гранит), лимонит (рис. 167, 3, 3а). Обычной примесью являлся органический раствор, состав которого определить сложно. При наблюдении под микроскопом он фиксируется в черепке в виде пустот от выгоревших семян, стеблей и листьев растений и водорослей, костей и чешуи рыб, белёсого, коричневого или сероватого налёта, углистых плёнок и натёков. По данным этнографии известно, что он мог состоять из сока различных растений, дёгтя, рыбьего клея, крови, экскрементов животных и других компонентов, которые повышали пластичность и прочность глиняного теста, но не исключён и сакральный смысл применения таких примесей. С верованиями и обрядами гончаров могло быть связано и добавление в формовочную массу охры — красного пигмента в виде порошка, кусочков обожжённого бурого железняка или гематитовой дресвы, часто сочетающейся с размолотой кальцинированной костью.

После подготовки глиняного теста начинался процесс формовки ёмкостей. Навыки конструирования являются наиболее устойчивыми в условиях смешения населения или смены места проживания гончара. В приёмах изготовления стенок сосуда фиксируются три направления: выдавливание из куска глины; наращивание стенок из отдельных порций глины (лоскутов, жгутов, лент), характерное для неолитического гончарства Западной Сибири; вытягивание на гончарном круге, распространившееся на этой территории только с приходом русских гончаров.²⁴⁷ Выдавливание из одного куска глины применялось только при изготовлении сосудов малых и очень малых форм — чаш, ладьевидных ёмкостей, мисочек и т. п. Для создания остальной керамики использовались различные способы налёпа — скульптурный на плоскости или на/в форме-основе.

В раннем неолите изготавливали плоскодонные и круглодонные сосуды преимущественно лоскутным или жгутовым способом на плоскости. Кардинальные изменения произошли в среднем неолите, когда для производства посуды стали использовать формы-основы. На модель, в качестве которой мог выступать другой сосуд, мешок с песком или деревянная форма, налепляли небольшие порции формовочной массы — лоскуты или ленты; затем их заглаживали и выбивали, выравнивая стенки. Чтобы глина не прилипла, между ней и моделью делали прокладку из кожи или растений, отпечатки которой изредка фиксируются на неолитической посуде (рис. 167, 6). Этот способ позволял делать сосуды с тонкими (0,3–0,6 см) стенками. На памятниках быстринско-умытйинского культурно-хронологического горизонта было распространено конструирование сосудов на формах-моделях. В последующем эта технология использовалась населением р. Конда, оставившим памятники ушьинского, еныйского, атымьинского типов. Технология не стала универсальной для таёжной зоны Западной Сибири: на поселениях в левобережье р. Обь, на рр. Аган, Вах и некоторых памятниках Барсовой Горы формы-модели не использовались.

²⁴⁷ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 154.

Рис. 167. Технология производства керамики.

Примесь в глине: шамот (1–2), кварцевая галька и лимонит (3). Конструирование на форме-основе: следы прокладки на внутренней поверхности (7). Обработка поверхности: выравнивание гребенчатым штампом (5), лощение (4), окрашивание охрой (6, 8). Керамика раннего неолита — мулымьинского типа поселения Мулымья 3 (1, 2); среднего неолита — чилимкинского типа поселения Чилимка V (4) и умытынского типа поселения Большая Умытья 57 (7) и Лемья 19.1 (6); позднего неолита — ушынского типа поселений Большая Умытья 100 (3) и Большая Умытья 8 (5)

Следующая ступень в создании сосуда связана с обработкой его поверхности. Отличительной чертой неолитической и энеолитической посуды является тщательность выполнения этой операции. Сначала поверхность сосудов выравнивалась шпателями из кости и дерева, затем заглаживалась мягким материалом: кусочком кожи, ткани, пальцами, пучком травы и т. д. В энеолите для выравнивания поверхности широко применялись гребенчатые штампы (рис. 167, 8). Иногда дополнительно использовалась обмазка жидкой глиной и лощение (рис. 167, 4, 4а, 7, 7а). Для керамики таёжной зоны Западной Сибири характерно окрашивание охрой как орнаментированных, так и неорнаментированных сосудов (рис. 167, 5, 5а, 7, 7а). Доля их на поселениях невелика, что наводит на мысль об особой функции крашеной посуды. Эта традиция существует с раннего неолита и сохраняется до эпохи бронзы.

Вся керамическая посуда неолита и энеолита обжигалась в костре в неустойчивой окислительной среде, редко превышавшей температуру 600–700 °С.

Орнаментация

Особую роль в создании керамики играла орнаментация. Большинство сосудов памятников таёжной зоны Западной Сибири украшались графическим, реже — скульптурным декором.

Графические орнаменты выполнялись различными инструментами-орнаментирами: гребенчатыми, гладкими, верёвочными и фигурными штампами; стержнями-палочками; челюстями и костями животных и рыб (рис. 166, Б — 1, 2, 7). Разнообразны и способы декорирования: прочерчивание, накалывание, отступление, штампование, шагание и прокатывание (рис. 168).

Для нео- энеолитической посуды характерно использование нескольких видов орнаментов и сочетание нескольких способов декорирования в керамических комплексах и даже на одном сосуде. Типы керамики различаются по доминированию того или иного способа орнаментации, специфическому составу орудий для декорирования и типичному набору орнаментальных мотивов и сюжетов.

Под скульптурным декором понимаются различные налепы: орнитоморфные и зооморфные головки (рис. 121; 170), выступы-ушки (рис. 121; 123, 2; 124, 2, 7; 125, 6; 131, 3, 5, 6, 10, 11; 171), валики (рис. 130, 2, 4, 5, 9; 169), шипы на днищах (рис. 124, 1, 6).

Основные способы декорирования — гребенчатый, прочерченный и накольчатый — появляются на территории Урала и Западной Сибири уже в раннем неолите. В технике накалывания и прочерчивания украшена посуда мулымьинского и сатыгинского типов (рис. 130). На сосудах каюковского типа (рис. 123) в качестве разделителей основных мотивов, выполненных в прочерченной, отступающей и накольчатой техниках, появляются оттиски гребенчатого штампа. Посуда егтовского типа украшалась гребенчатыми орудиями в технике штампования и шагания. На городище Амня I, поселении Барсова гора II/9б встречаются сосуды, сочетающие прочерченные, накольчатые и гребенчатые узоры.

Скульптурный декор на раннеолитической посуде представлен валиками и налепами, характерными для посуды мулымьинского и сатыгинского типов на р. Конда (рис. 130, 2, 4, 5, 9). В Сургутском Приобье сосуды с валиками встречены единично в комплексах каюковского типа. Валики располагаются, как правило, на внешней поверхности в один, реже в два или три горизонтальных ряда под венчиком. По способу формовки преобладают налепные, крепившиеся в специально подготовленный желобок (рис. 169).

Рис. 168. Технология орнаментации керамики среднего неолита (по материалам поселения Чилимка V).
 1–5 — оттиски верёвочного штампа, выполненные в технике штампования (1, 2), шагания (3, 4) и прочерчивания (5); 6 — оттиски гребенчатого штампа; 7–12 — прочерченные линии, выполненные костями рыб (7, 8), стержнем с округлым рабочим краем (9), инструментами с двумя и более зубцами (10–12)

Вытяжные валики образованы выдавливанием глины в результате прочерчивания пары глубоких параллельных желобков. Обязательным элементом являются наколы на поверхности валиков.

Выступы-ушки, украшающие часть сосудов мулымьинского и каюковского (рис. 123, 2) типов, выполнены двумя способами: налепом небольшого куска глины на срез венчика (рис. 171, Г — 2) или преднамеренной деформацией устья с утолщением края. Налепные ушки имеют форму высокого овала. Графическим орнаментом зона под выступом, как правило, не выделялась. Рельефные налепы овальной формы известны только на посуде мулымьинского типа (рис. 170, 1–3). Они расположены перпендикулярно краю с внешней, реже — с внутренней стороны сосудов. Например, на одном из сосудов поселения Сумпанья II массивный налеп обращён внутрь ёмкости, а снаружи оформлен валик в виде широкого зигзага, одна из вершин которого примыкает к краю ёмкости напротив налепа (рис. 170, 1).

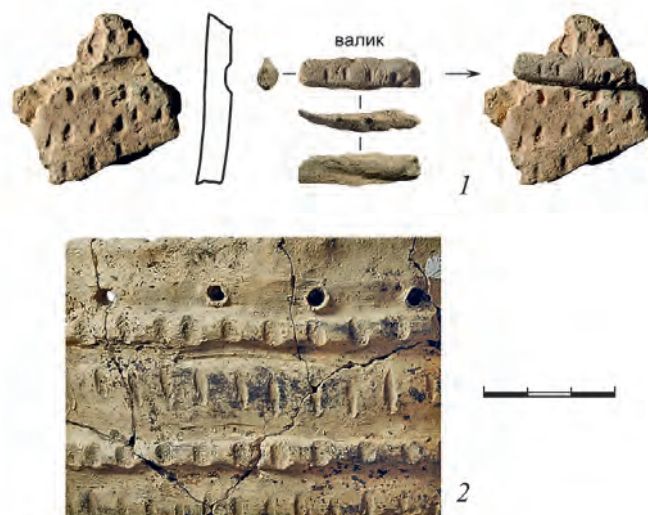

Рис. 169. Технология производства керамики. Валики. Поселение Мулымья 3

Период среднего неолита характеризуется наибольшим разнообразием в орнаментации посуды, широко распространяются динамические способы декорирования: прочерчивание, отступление и шагание. Наряду со специально изготовленными инструментами используются и естественные орнаменты: челюсти и кости животных и рыб (рис. 166, Б — 2, 7). Они служили для украшения керамики умытьинского, сумпаньинского, немнёлского, чилимкинського, чэстыйягского, быстринского типов. Реже — для орнаментации посуды применялись шнуровые штампы в технике шагания, прокатывания и штампования (рис. 166, Б — 3, 5; 168, 1–4). Во многих комплексах присутствуют сосуды, декорированные гребенчатыми (рис. 127; 131, 3; 132, 3; 133, 2, 7; 134, 3, 4), шнуровыми (рис. 134, 1) и естественными орнаментами (рис. 124; 133, 5, 6).

Скульптурный декор на посуде среднего неолита (умытьинский, быстринский, чилимкинский, барсовогорский, чэстыйягский типы) представлен выступами-ушками, выполненными, как правило, налепом кусочка глины, реже — пальцевыми защипами (рис. 171).

Количество сосудов с ушками в некоторых кондинских комплексах достигает 35 %. Выступы округлой или треугольной формы, иногда вершина рассечена глубоким вдавлением или оттиском гребенчатого штампа (рис. 171, А — 3), что особенно характерно для посуды поселения Чэс-тый-яг (рис. 121). Ушки часто спарены, расположены по двум или четырём противоположащим сторонам устья (рис. 124, 2, 7; 131, 6, 11). В большинстве случаев горловина по сторонам выступа отогнута наружу и слегка утолщена (рис. 131, 5, 9, 10). Рельефные налепы встречаются значительно реже (поселения Большая Умытья 8, 9 и 57; Чэс-тый-яг) (рис. 121; 170, 5, 6).

О семантической близости налепа и ушка свидетельствует тождество сопряжённых с ними орнаментальных композиций (рис. 170, 5, 6; 171, А — 1, 2). Их можно объединить в две группы. Первая, наиболее представительная, — зона под скульптурным элементом выделена вертикальной фигурой, разбивающей горизонтальный мотив из волнистых или прямых линий (рис. 171, Б, В). Наиболее распространённым вариантом является треугольная фигура

Рис. 170. Скульптурный декор (налепы) на керамике неолита (1–7) и энеолита (8–10). 1, 2 — поселение Сумпанья II; 3 — поселение Мульмыя 3; 4 — урочище Сенькино I; 5, 6 — поселение Большая Умытья 57; 7 — поселение Большая Умытья 8; 8 — поселение Амня IA; 9 — поселение Атымья IV; 10 — поселение Большая Умытья 60 (по: 1–3 — Клементьева, Погодин, 2023; 4 — фонды Археологического музея УрФУ; 5, 6 — Погодин, Миронов, 2009; 8 — Стефанов, Морозов, 1992; 9 — Кокшаров, 2009; 10 — Цеменков, 2007)

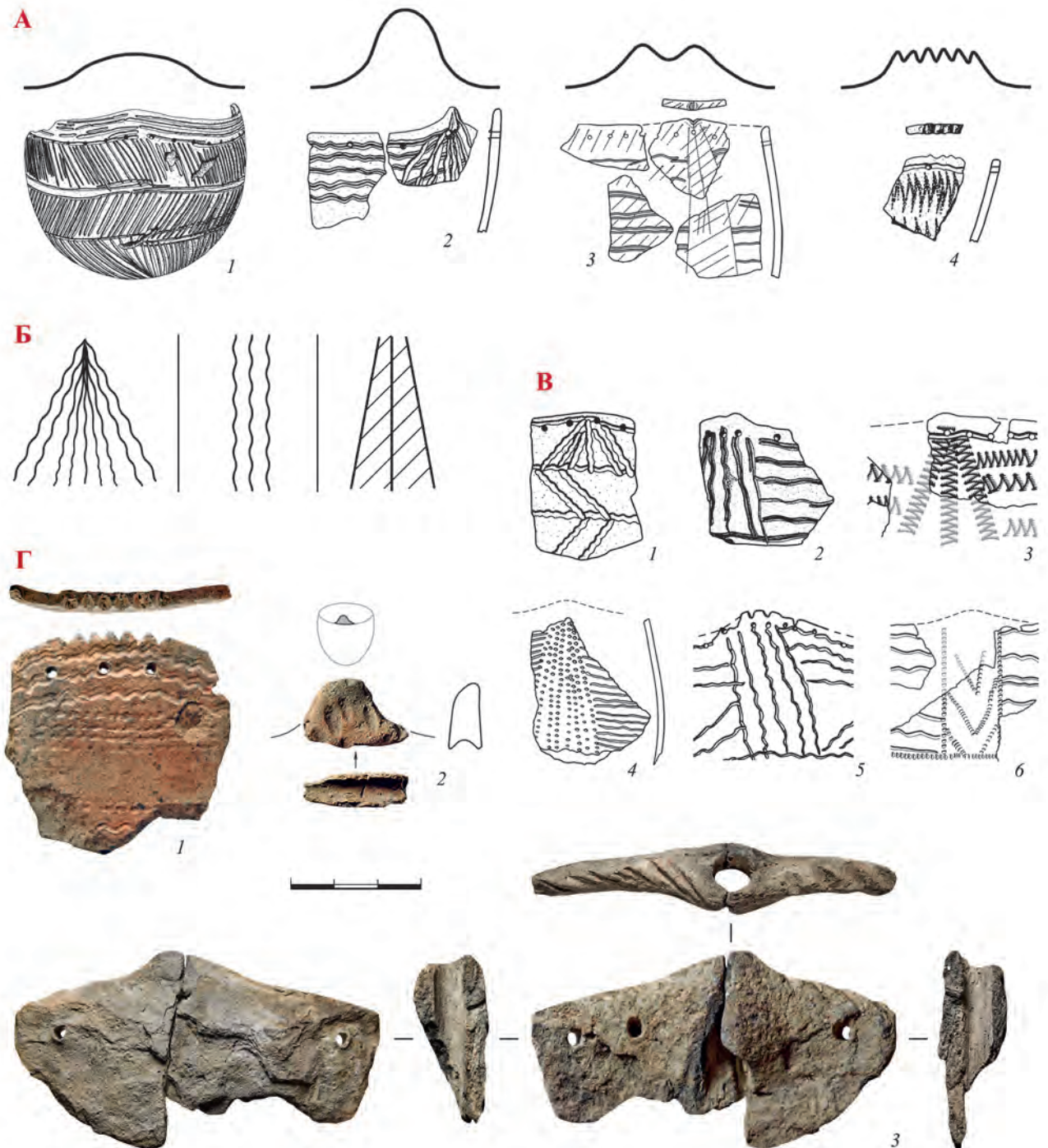

Рис. 171. Скульптурный декор на неолитической керамике: ушки. А — основные формы; Б — схема основных вертикальных мотивов под ушком; В — орнаменты под ушком (см., также А — 2, 3); Г — оригинальные способы оформления ушек. Все (кроме Г — 2) — средний неолит бассейна р. Конда, умытский тип. Поселения Большая Умытъя 100 (А — 1; В — 5), Большая Умытъя 57 (А — 2), Большая Умытъя 9 (А — 4; В — 1, 2; Г — 1), Большая Умытъя 109 (А — 3; В — 3, 4, 6), урочище Пашкин Бор (Г — 3). Г — 2 — ранний неолит бассейна р. Конда, поселение Мулымья 3 (А, Б, В — масштаб произвольный)

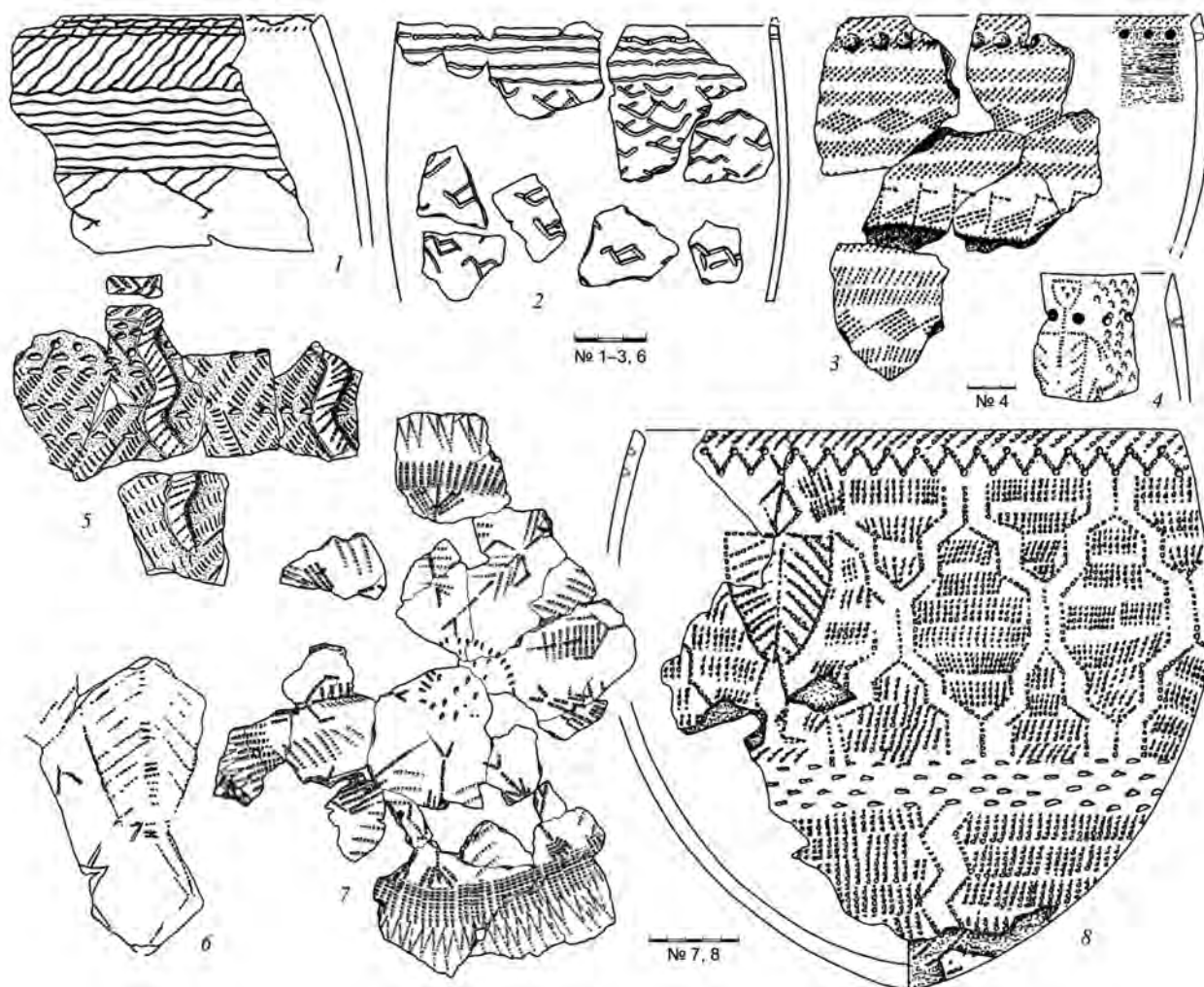

Рис. 172. Образы в орнаментах на керамике неолита (1, 2) и энеолита (3–8). 1 — поселение Быстрый Кульган 66; 2 — поселение Большая Умытья 100; 3 — поселение Каксинская Гора 3; 4 — поселение Старый Хангокурт II; 5, 6, 8 — поселение Волвонча I; 7 — поселение Большая Умытья 9 (по: 1 — Косинская, 2001; 2 — Клементьева и др., 2012; 3 — Морозов и др., 2001; 4–6, 8 — Кокшаров, 2009)

из 3–10 отрезков (чаще это волнистые линии), расходящихся лучами от центра ушка или от налепа. Другие варианты вертикальных мотивов под ушком — это зигзаг, столбец из наколов, вертикальные или диагональные волнистые линии, сгруппированные по три-пять; треугольник из вписанных углов; лента, заполненная наклонными отрезками или углами; ромбическая сетка. Вторая группа композиций под ушком — основной орнаментальный мотив (рис. 124, 7; 131, 2, 6, 11). Отдельную группу представляют неорнаментированные миниатюрные сосуды с ушками (рис. 131, 10). Такие детали, как глаза, рот или уши, на налечах и выступах не обозначены. Исключение составляет подтреугольный налеч на внешней поверхности под ушком на сосуде шоушминского типа поселения Большая Умытья 8 (рис. 170, 7). По бокам от него наколами обозначены глаза, под ним — рот. Вниз по диагонали от налеча спускается линия из наколов. Оригинально оформление днищ сосудов быстринского типа, увенчанных налечным шипом в виде соска (рис. 124, 1, 6).

В позднем неолите в бассейне р. Конда наблюдается угасание прочерченной и накольчатой орнаментации,²⁴⁸ к концу V тыс. до н. э. доминирующей становится печатно-гребенчатая техника. Получают распространение каменные и керамические гребенчатые штампы (рис. 166, А — 4–7, 9). Меняется состав естественных орнаментиров: челюсти щуки и бобра замещаются эпифизами птиц, фалангами псовых (рис. 166, Б — 1).

Не столь очевидна смена орнаментальных традиций в Сургутском Приобье. Здесь сохраняется отступающая, накольчатая и прочерченная техники орнаментации, они сочетаются с гребенчатой, в том числе в декоре одного сосуда.²⁴⁹ На р. Аган появляются комплексы со слабо орнаментированной керамикой: горизонтальные пояса разреженных узоров из прямых и волнистых линий, наклонных отрезков, выполненных преимущественно отступающе-накольчатой техникой, реже применялось шагание, отгиски гребенчатого штампа и прочерчивание.²⁵⁰ Традиция украшения посуды скульптурным декором в этот период угасает.

Расцвет гребенчатой орнаментации в Западной Сибири наблюдается в энеолите. Гребенчатые штампы используются не только для декорирования, но и для обработки поверхности сосудов (рис. 167, 8). В среднем течении р. Обь наряду с гребенчатой сохраняется и накольчатая орнаментация. В конце периода появляются памятники ваховского типа с гребенчатоямочной орнаментацией (рис. 129, 4). В энеолитических комплексах эпизодически встречаются рельефные налепы (Амня 1А; Атымья IV, Волвонча I, Большая Умытъя 60). В отличие от неолитических, они оформлены не только на обычных полуяйцевидных сосудах, но и на ладьевидных (рис. 170, 9, 10), а также на прямоугольной миске с плоским дном (рис. 170, 8). Налепы напоминают орнито-зооморфные образы, у которых проработаны уши, глаза и рот. На одном из сосудов волвончинского типа в рельефном декоре воплощены образы змей, поднимающихся к устью сосуда²⁵¹ (рис. 172, 5).

Изделия из глины

Изделия из керамики использовались и в производственной деятельности. Обломки керамических сосудов служили скребками, абразивами, лощилами, иногда из них вытачивались прямоугольные оселки. Из глины формовали точильные бруски, гребенчатые штампы, рыболовные грузила различных форм.

Лепные точильные бруски обнаружены на неолитических (Барсова гора II/9а, Чёрная 3, Леуши VII, Мулымья 3, Чёртова Гора)²⁵² и энеолитических (Немич 1, Нёх-Урий 3.2, Угутское Левобережное 2, Кулунгый 4, Колунгтотытор 1)²⁵³ памятниках.

²⁴⁸ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Технология орнаментации посуды... С. 20–39.

²⁴⁹ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 23–26.

²⁵⁰ Тресцова А. Ю. Указ. соч. С. 124–126.

²⁵¹ См.: Стефанов В. И., Морозов В. М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 77–89; Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 55; Васильев Е. А., Глызин И. П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 121–124.

²⁵² См.: Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова гора II/9... С. 204, ил. 7; Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Указ. соч. С. 199–217.

²⁵³ См.: Стефанов В. И., Косинская Л. Л., Карачарова Л. В. Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2. в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 12. С. 62–67; Мызников С. А. Указ. соч. С. 201; Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1... С. 306–308.

Рис. 173. Изделия из глины. Бруски. Неолит. 1, 5, 6 – поселение Леуши VII; 3, 4 – сооружение № 20 поселения Мулымья 3; 7–11 – поселение Барсова Гора II/9 (1, 5, 6 – фонды Археологического музея УрФУ; 3, 4 – по: Погдин, 2020; 7–11 – по: Чемякин, 2020)

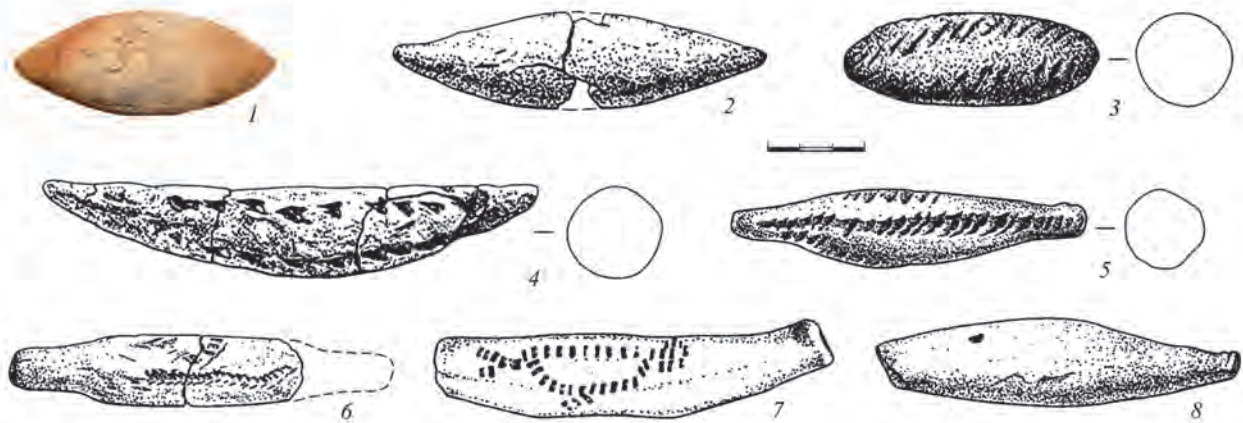

Рис. 174. Изделия из глины. Грузила для сетей атымьинского (1–3) и волвончинского (5–8) типов, найденные на поселениях Енья 12 (1), Геологическое XVI (2–6, 8), Геологическое III (7) (1 – фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск; 2–8 – по: Кокшаров, 2009)

Неолитические точильные бруски имеют форму полуцилиндрических или уплощённых глиняных плиток (рис. 173). Так, на поселении Леуши VII обнаружено пять глиняных брусков из плотной однородной глины, их поверхность тщательно заглажена, возможно, окрашена охрой, у двух — орнаментирована (рис. 173, 5, 6). Прочерченный заострённым стержнем узор состоит из волнистых линий, расположенных вдоль длинной оси предмета, и ромбической сетки. Все изделия фрагментированы, на поверхности присутствует абразивный желобчатый износ. Глиняные бруски поселения Барсова гора II/96 овальной и подпрямоугольной формы, иногда с отверстиями на концах (рис. 173, 7–11). Многие из них украшены насечками и волнистыми линиями.²⁵⁴

Энеолитические точильные бруски отличаются от неолитических разнообразием форм и орнаментацией. Они обнаружены только в южной и восточной части таёжной зоны и характеризуются существенным сходством между собой. На поселении Колунгтотытор I найдены фрагменты от 140 брусков с отверстием на одном конце. Изделия выполнены из обожжённой глины, единичные экземпляры — из глинистого песчаника. Более половины из них орнаментировано, как правило, по двум противоположным плоскостям. Орнаменты на брусках по мотивам и технике их выполнения сходны с орнаментами на поселенческой посуде. Они состоят из волнисто-прочерченных линий и оттисков личинковидного штампа, из геометрических фигур, выполненных гребенчатым штампом, наколов трубчатой костью, насечек. На боковых гранях многих предметов присутствуют следы абразивного износа.

Глиняные грузила для сетей в бассейне р. Конда обнаружены на памятниках атымьинского (Атымья IV, Геологическое XVI, Енья 12) и волвончинского (Геологическое III и XVI, Волвонча I) типов (рис. 174). Изделия отличаются оформлением концов (приострённые, уплощённые, раздвоенные) и конфигурацией тела (биконическая, цилиндрическая). Некоторые изделия украшены: поверхность затерта охрой или орнаментирована. На одном из грузил оттисками гребенчатого штампа нанесено изображение рыбы (рис. 174, 7).²⁵⁵ В Среднеобской низменности биконические и цилиндрические грузила найдены на поселениях Нёх-Урий 3.2, Кулунигый 5, Колунгтотытор I. Грузила иногда залегают скоплениями (до 30 экз.) в жилищах и за их пределами.

²⁵⁴ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 39.

²⁵⁵ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 51

Глава 5

Мировоззренческие представления

Мировоззренческие представления неолитического населения таёжной зоны отражены в многообразии ритуальных практик, сложности орнаментального искусства, мелкой пластике, посвященной животному миру и, реже, человеку.

Образы в орнаментах и пластике

Слово «орнамент» предполагает, что основной его функцией является украшение, однако он может выступать в роли протописьма, посредством которого передавались мифы и основные знания об окружающем мире;²⁵⁶ отражать мировоззренческие представления его создателей.²⁵⁷

На посуде раннего неолита орнамент в основном линейный, не содержит каких-либо фигур, которые можно было бы трактовать как персонифицированные образы. Горловина части сосудов «укреплена» декорированными валиками и/или увенчана выступами-ушками. Отсутствие деталей, слабая сопряжённость с нижележащим орнаментом не позволяют интерпретировать эти крайне стилизованные элементы.

Часть орнаментальных мотивов на посуде быстринской культуры и умытъянского типа — пояса из треугольных заштрихованных фигур с отростками (рис. 172, 1) — интерпретирована как изображения водоплавающих птиц. В обоих случаях присутствуют цепочки фигур, обращённые головой вверх и вниз, что напоминает сюжет древнего космогонического мифа о ныряющей птице, достающей первичную землю со дна океана.²⁵⁸ На одном из умытъянских сосудов иконография этого образа отличается ромбическим незаштрихованным корпусом (рис. 172, 2). Композиция дополнена стилизованными фигурами «летающих» птиц.

²⁵⁶ В таком ракурсе орнамент на керамических сосудах рассматривали Б. А. Рыбаков, Н. Н. Гурина, Д. А. Крайнов и др.

²⁵⁷ Шерстобитов В. Ф. У истоков искусства. М., 1971. С. 117.

²⁵⁸ См.: Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения уральской языковой семьи: данные мифологических реконструкций (прауральский космогонический миф). М., 1991. 189 с. (Материалы к серии «Народы Советского Союза»; вып. V: Народы уральской языковой семьи); Косинская Л. Л. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского культурного типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 57–60.

Примечательно, что этот сюжет имеет продолжение в орнаментах энеолитической керамики липчинского типа Зауралья (стоянка Разбойничий остров)²⁵⁹ и в Нижнем Приобье на поселениях Каксинская гора 3 (рис. 172, 3) и Горный Самотнёл 1.²⁶⁰

Древний мифологический персонаж — водоплавающая птица — в энеолите встраивается в образный ряд, включающий зоо- и антропоморфные образы. В средней части тулова сосуда поселения Амня IА (по одной из версий — ясунской культуры)²⁶¹ помещён пояс из расположенных цепочкой копытных животных²⁶² (рис. 122, 1, 3–5). На сосудах поселения Волвонча I присутствуют скульптурные и графические изображения змей, поднимающихся вверх к устью сосуда по его внутренней и внешней поверхности²⁶³ (рис. 172, 5).

Антропоморфные изображения, включенные в геометрический орнамент, известны на сосудах поселений Волвонча I (рис. 172, 6, 8), Старый Хонгокурт II (рис. 172, 4).²⁶⁴ Интересна композиция на дне атымьинского сосуда из ритуального комплекса поселения Большая Умытья 9: по кругу размещены девять антропоморфных фигур с «веерообразной» головой и короткими ногами²⁶⁵ (рис. 172, 7). Иконографию изображений объединяют фронтальная позиция, скелетный стиль, включённость фигур в орнамент. По особенностям трактовки головы, детализации лица, корпуса и конечностей в каждой фигуре угадывается отдельный персонаж. Широкие плечи, мощные конечности позволили трактовать их как образы мифических героев.²⁶⁶

Орнаменты, нанесённые костями и челюстями животных, могут быть ассоциированы с тотемными предками. Появление подобных инструментов для декорирования в среднем неолите, вероятно, связано с встраиванием керамического производства в систему древних верований. В это время для жителей таёжной зоны керамика и керамическое производство, включая орудия, уже не являются новацией и наделяются культовыми смыслами. Отпечатки на сосудах челюстей животных воспринимаются как след зверя и имеют функцию защиты и родового знака.²⁶⁷ Нанося на сосуд изображение зверя или выполняя узор его костью, человек обращался к тотему-покровителю с просьбой защитить сосуд, его содержимое и, конечно, хозяина от злых духов и т. п. Казымские ханты верят, что священные узоры таят в себе некую силу, некий заряд энергии, способный сакрально очистить предмет, на который он наносится, и далее содержать его в этом состоянии.²⁶⁸

²⁵⁹ Чайркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья... С. 243.

²⁶⁰ См.: Морозов В. М., Стефанов В. И., Погодин А. А. Древнее поселение в бассейне Казыма // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 34, рис. 3; Тупахина О. С. Образы птиц на керамической посуде эпохи энеолита Севера Западной Сибири (по материалам поселения Горный Самотнёл-1 // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 204–211; Дубовцева Е. Н. Сюжет о ныряющей птице в неолите — энеолите севера Западной Сибири // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2019. С. 80–82.

²⁶¹ История Ямала... С. 49–50.

²⁶² Стефанов В. И., Морозов В. М. Указ. соч. С. 80–83.

²⁶³ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 109.

²⁶⁴ Кокшаров С. Ф., Широков В. Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала.: препринт. Свердловск, 1990. С. 8–15.

²⁶⁵ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок... С. 50–58.

²⁶⁶ Кокшаров С. Ф., Широков В. Н. Указ. соч. С. 8–15.

²⁶⁷ Калинина И. В., Гаджиева Е. А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. № 2. С. 69–83.

²⁶⁸ Молданова Т. А. Орнамент хантов казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999. С. 146.

Глиняная и каменная пластика

Из глины изготавливались фигурки, изображающие, вероятно, животных и птиц, а также части человеческого тела. Поделки с раннеэнеолитического селища Чёрная 3 в виде жгутиков и лепёшек, иногда декорированных насечками и ногтевыми вдавлениями, предельно схематичны, распознать в них какие-то образы довольно сложно.²⁶⁹ На поселении Большая Умытъя 57 найдены обломки двух орнитоморфных скульптурок. Первая представлена жгутиком глины, напоминающим головку птички с вытянутой шеей и приподнятым вверх клювом (рис. 175, 1), вторая — частью овального туловища и шеи птицы (рис. 175, 2).

Ещё одно орнитоморфное изображение из глины происходит с позднеэнеолитического поселения Большая Умытъя 100. Поделка фрагментирована, размером 17×26×19 мм. Корпус смоделирован из куска глины, голова и шея — из изогнутого жгутика. По «спине» ребром палочки нанесены длинные насечки (рис. 175, 2).

На поселении Кулунигый 5, вероятно, в энеолитическом слое найдена фигурка летящей птицы из камня, выполненная в шлифованной технике.

В погребении 2 могильника Большой Салым 4 обнаружена керамическая фигурка соболя или куницы (рис. 199, 1). Хвост фигурки обломан, длина сохранившейся части — 5 см. Зверек изображён с выгнутой спиной, удлинённой мордой, короткими ушками и намеченными лапками. На брюшке фигурки под передними и задними лапками высверлены углубления, возможно следы от крепежа.²⁷⁰

Обломок глиняной фигурки размером 48×18×5 мм с поселения Колунгтотытор 1 напоминает хвост животного, возможно, соболя или куницы.

Зооморфные и орнитоморфные фигурки, вероятно, могли использоваться для привлечения удачи в охоте или являться олицетворением духов-покровителей.

Антропоморфные образы в глиняной пластике практически не встречаются. На поселении Чилимка V найден изогнутый глиняный жгут длиной 44 мм и толщиной 16×11 мм с утолщением на одной из сторон до 19×15 мм. Поверхность изделия заглажена, на жгуте есть углубления от пальцев. Поделка напоминает мужской детородный орган²⁷¹ (рис. 176).

Комплексу ушьянского типа поселения Большая Умытъя 8 принадлежит антропоморфная скульптурка из камня (рис. 177). Она выполнена на гальке удлинённой формы округлого сечения размером 33×12×10 мм. Голова и плечи выделены пропилами, лицевая плоскость пришлифована. На ней проделаны округлые углубления, возможно, показывающие глаза и рот. В средней части фигурки обозначена «талиа». В области ног часть поверхности гальки косо сошлифована, а с противоположной стороны сделан продольный пропиал длиной 7 мм.

Изображения животных и людей на керамике, воплощение этих образов в глине и камне связаны с верованиями охотников, рыболовов и собирателей тайги. Можно предположить, что они являлись своеобразными родовыми знаками. По данным этнографии, у коренных

²⁶⁹ Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Указ. соч. С. 213.

²⁷⁰ Коноваленко М. В., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Энеолитические погребения на р. Большой Салым // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 512–513.

²⁷¹ Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V... С. 142.

Рис. 175. Орнитоморфные образы в глиняной пластике неолита.
1 — поселение Большая Умытъя 57; 2 — поселение Большая Умытъя 100

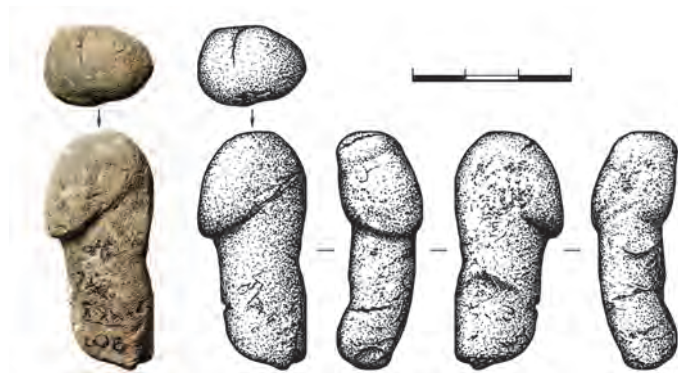

Рис. 176. Изделие из глины. Средний неолит, поселение Чилимка V

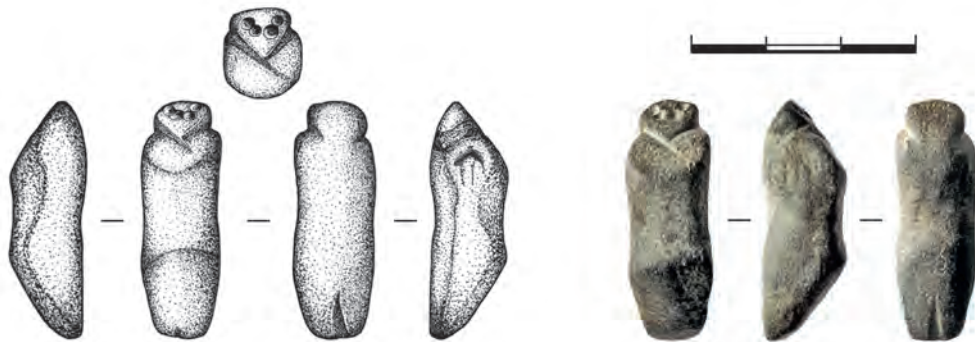

Рис. 177. Антропоморфное каменное изображение. Поздний неолит, поселение Большая Умытъя 8

народов Западной Сибири фиксируются подобные обычаи. «По Патканову, у иртышских остяков каждый “род”... имеет свой особый знак (вероятно, знаки собственности): фигуры животных, людей и предметов, а также простые линии».²⁷² Обычай изображать родового то-

²⁷² Цит. по Хэкель Й., Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма). Томск, 2001. С. 14.

тема с целью показать свою принадлежность данному роду оказал влияние на орнаментику угорских народов.²⁷³ Традиционные племенные орнаменты включали в себя изображения тотемов разных родов — зверя или его частей.²⁷⁴ Такой узор (родовой символ) служил опознавательным знаком принадлежности человека к определённой коллективу и указывал на его место в социальной структуре общества.

Холмы

Уникальным типом археологических памятников Зауралья и Кондинской низменности Западной Сибири являются культовые холмы — искусственные насыпные сооружения диаметром 30–50 м и высотой до 6 м, окружённые рвом.

В бассейне р. Конда холмы выявлены на памятниках Вишья 9, Супра 4, Чёртова Гора, Мулымьинское 9, Канда, Сотник 3 и др. (рис. 178; 179, А). Они расположены на высоких берегах рек, недалеко от устья, и представляют собой возвышения округлой или овальной формы, диаметром до 30 м и высотой от 1,3 до 2,5 м. Холмы Вишья 9, Мулымьинское 9, Супра 4 окружены рвом глубиной от 0,1 м до 0,5 м, шириной — 3,5–7 м (рис. 179, Б). По разведочным данным установлено, что это многослойные памятники. Так, в зачистке культурного слоя в центре холма Супра 4 наряду с каменными предметами (преимущественно продуктами дебитаж) и кальцинированными костями животных были обнаружены фрагменты неолитической керамики мулымьинского, шоушминского и немнёлского типов²⁷⁵ (рис. 179, В).

На двух памятниках, относимых к числу культовых холмов — Чёртова Гора и Канда, проводились раскопки. В основании Чёртовой Горы изучены остатки одиннадцати сооружений, в том числе землянка (объект 1) и «культовая площадка» (объекты II–V), ров не обнаружен (рис. 180, А). Все объекты интерпретированы автором исследования памятника как культовые. В объекте V культовой площадки найдены захоронения людей в берестяных коробах. В нижнем заполнении объекта 1 залежали плоскодонные сосуды (рис. 180, Б), в его верхнем заполнении и на культовой площадке — посуда, определённая как кошkinsкая.²⁷⁶ На памятнике Канда выявлены слои раннего неолита и энеолита. Неолитический комплекс представлен округлодонной и плоскодонной посудой, украшенной в прочерченной, отступающей и шагающе-гребенчатой технике.²⁷⁷

²⁷³ Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. Т. VI–VII. С. 169.

²⁷⁴ См.: Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952. 280 с. (МИА; вып. 29); Мошкова В. Г. Племенные «голи» в туркменских коврах // СА. 1946. № 1. С. 145–162.

²⁷⁵ См.: ИКЭ трасс реконструируемых автодорог п. Мортка — п. Сотник и на п. Междуреченский в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа, 1996 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Старков А. Е. Пермь; Екатеринбург, 1996. 198 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 2. Д. 273; Проведение археологических полевых работ на земельных участках ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» ТПП «Урайнефтегаз» в Ханты-Мансийском, Октябрьском, Советском, Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Цеменков А. Е. Екатеринбург, 2017. 212 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 144; Проведение археологических полевых работ (разведок) на территории Советского, Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Цеменков А. Е. Екатеринбург, 2019. 185 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 141.

²⁷⁶ Сладкова Л. Н. Чёртова Гора... С. 147–158.

²⁷⁷ Глушков И. Г., Соболенкова Т. Н. Указ. соч. С. 108–111. Рис. 1, 2.

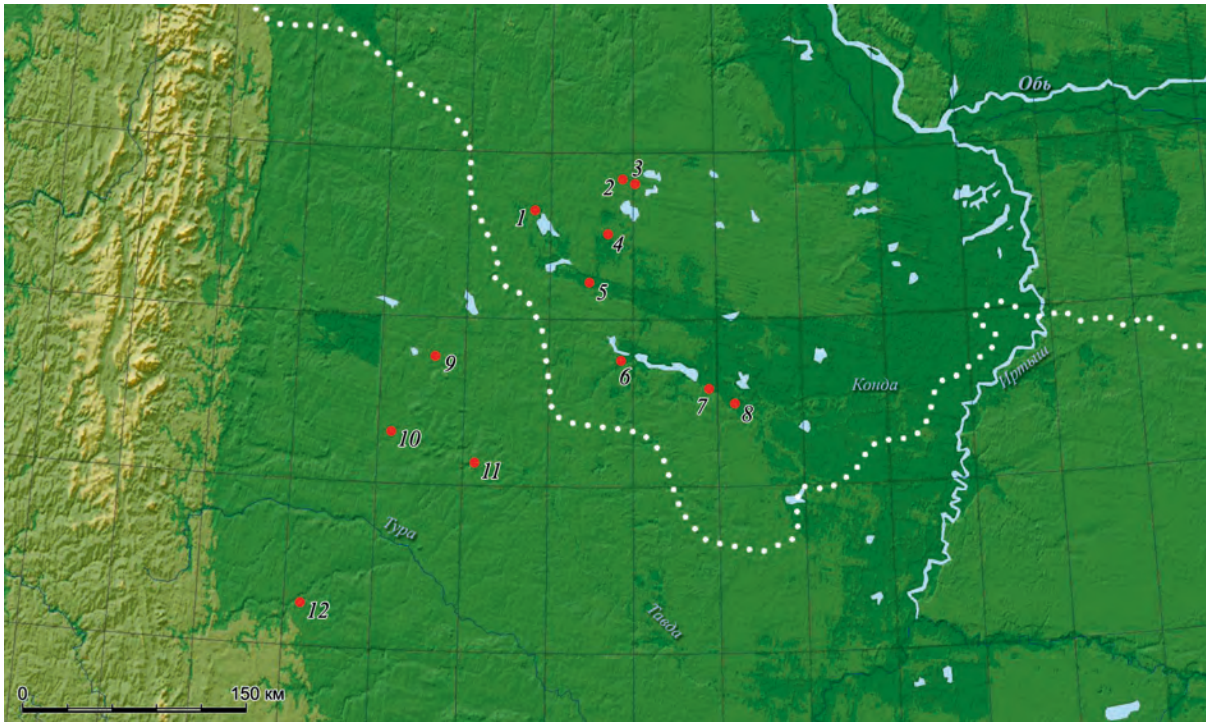

Рис. 178. Карта культовых холмов эпохи неолита в бассейне р. Конда и в Среднем Зауралье. Составитель Т. Ю. Клементьева

1 — холм в низовьях р. Большая Умытья	4 — Мулымьинское	8 — Сотник 3	12 — Кокшаровский холм (пунктиром показана граница ХМАО — Югры)
2 — Вишья 9	5 — Ушья	9 — Усть-Вагильский холм	
3 — Супра 4	6 — Конда	10 — Махтыльский холм	
	7 — Чёртова Гора	11 — Костюр 1	

Для понимания феномена культовых холмов обратимся к результатам исследований таких памятников, как Кокшаровский, Махтыльский²⁷⁸ и Усть-Вагильский холмы в Зауралье.

В основании Кошаровского холма находились слабоуглублённые постройки, по мнению исследователей, — ритуальные комплексы. Пространство, на котором располагались объекты, было отделено от близлежащего Юрьинского поселения двумя рвами.²⁷⁹ На периферии Усть-Вагильского холма, в основании культурных отложений, изучен комплекс, состоящий из двух скоплений костей животных и семи человеческих черепов.²⁸⁰ Этот комплекс, содержащий посуду сатыгинского типа и датированный второй половиной VI тыс. до н. э., перекрыт слоями с посудой сумпаньинского и кокшаровско-юрьинского типов.²⁸¹

²⁷⁸ Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник МГУ. История. 1969. № 5. С. 72–77.

²⁷⁹ Шорин А. Ф. Кокшаровский холм. Святилище на холме // Культовые памятники горно-лесного Зауралья. Екатеринбург, 2004. С. 87–94.

²⁸⁰ Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 137–146.

²⁸¹ Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма — культового места эпохи неолита — железного века в лесном Зауралье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 185.

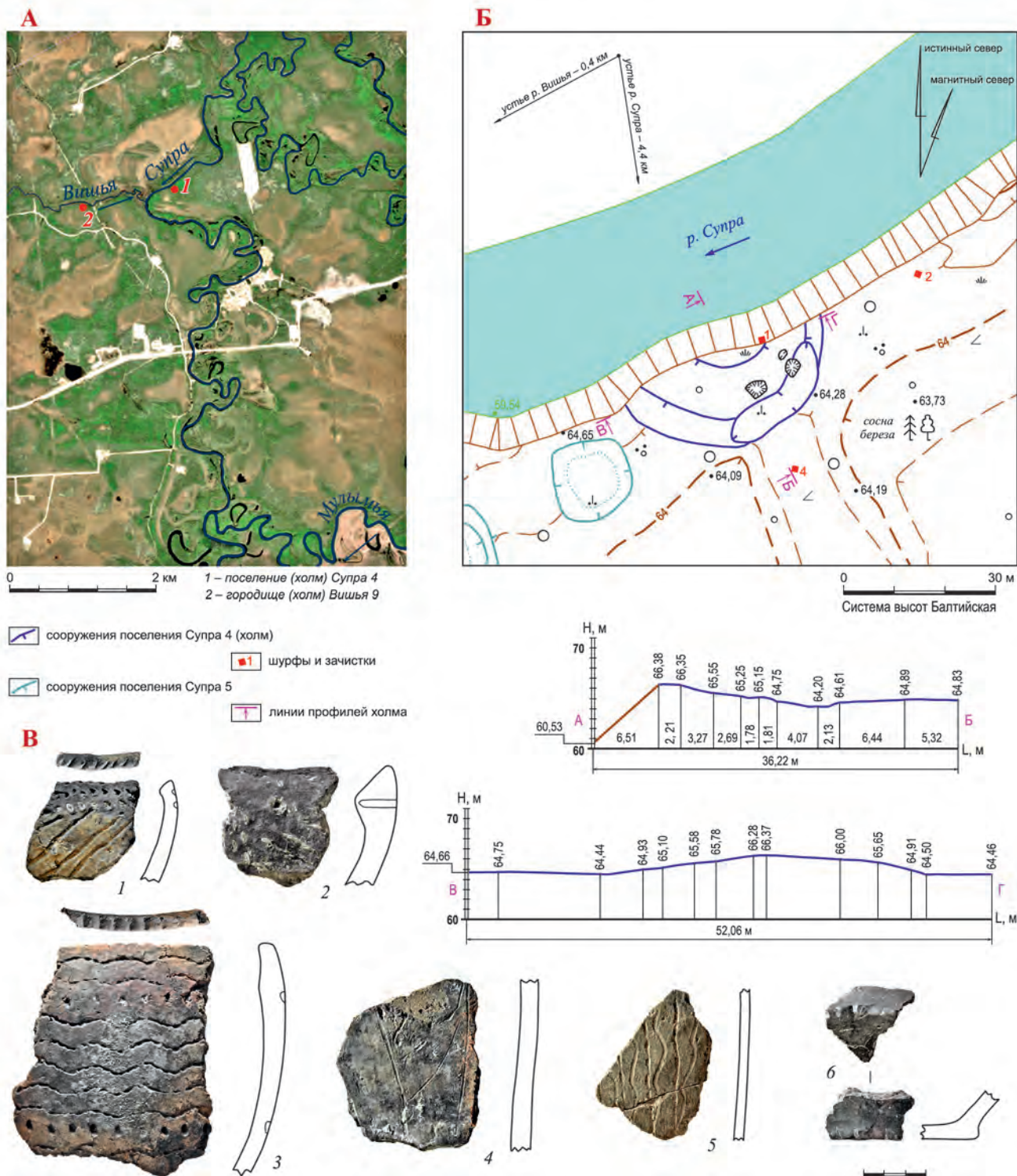

Рис. 179. Культурные холмы эпохи неолита в бассейне р. Конда. А – расположение холмов Супра 4 (1) и Вишня (2); Б – план и профили холма на поселении Супра 4 (по: Цеменков, 2019); В – керамика из зачистки 1 (обрыв берега) в центральной части холма Супра 4

Признаками проведения ритуальных действий на холмах является слоистая структура культурного слоя, образованная в результате многократной подсыпки грунта, в том числе белой глины и охры; следы интенсивного воздействия огня; погребальные и жертвенные комплексы; отличный по составу от поселенческих набор предметов, включающий сосуды с зооморфными налепами, «утюжки», каменные, глиняные поделки и др.²⁸²

Не исключено, что холмы возникали на местах древних поселений или захоронений/жертвенников рубежа VII–VI тыс. до н. э., а обрядовые действия на них, в том числе сооружение насыпей, относятся к VI тыс. до н. э., о чём свидетельствуют археологические находки и радиоуглеродные даты (табл. 36). Обряды на холмах совершались на протяжении всего неолита и энеолита, а возможно, и в более позднее время.

Таблица 36

**Радиоуглеродные даты холма Супра 4
и поселения (холма) Чёртова Гора в бассейне р. Конда**

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), ±1σ (68,3%) ±2σ (95,4%)	Материал	Местонахождение, глубина (м)	Источник
Поселение (холм) Чёртова Гора, шоушминский, сумпаньинский, немнёлский						
1	6480±65	Нет данных	5509–5369 5607–5316	Уголь	Культовая площадка	Сладкова Л. Н., 2008. С. 155.
2	6445±90	Нет данных	5478–5323 5612–5218	Уголь	Культовая площадка	Там же.
3	6400±90	Нет данных	5474–5309 5605–5135	Уголь	Культовая площадка	Там же.
Холм Супра 4, мулымьинский, шоушминский, сумпаньинский, немнёлский						
4	6058±80	SPb-2901	5200–4843 5211–4786	Уголь	Зачистка 1	Публикуется впервые
5	6884±100	SPb-2900	5882–5669 5984–5624	Уголь	Зачистка 1	Публикуется впервые
6	5684±70	SPb-2902	4648–4446 4690–4362	Уголь	Зачистка 1	Публикуется впервые
7	6503±70	SPb-2903	5529–5375 5615–5324	Уголь	Зачистка 1	Публикуется впервые
8	6500±70	SPb-2904	5527–5374 5614–5324	Уголь	Зачистка 1	Публикуется впервые
9	6688±80	SPb-2905	5668–5530 5721–5481	Уголь	Зачистка 1	Публикуется впервые

²⁸² См.: Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх»... С. 72–77; Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркёры сакрального пространства // УИВ. 2010. № 1 (26). С. 32–42; Сладкова Л. Н. Чертова Гора... С. 147–158; Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма... С. 185–189.

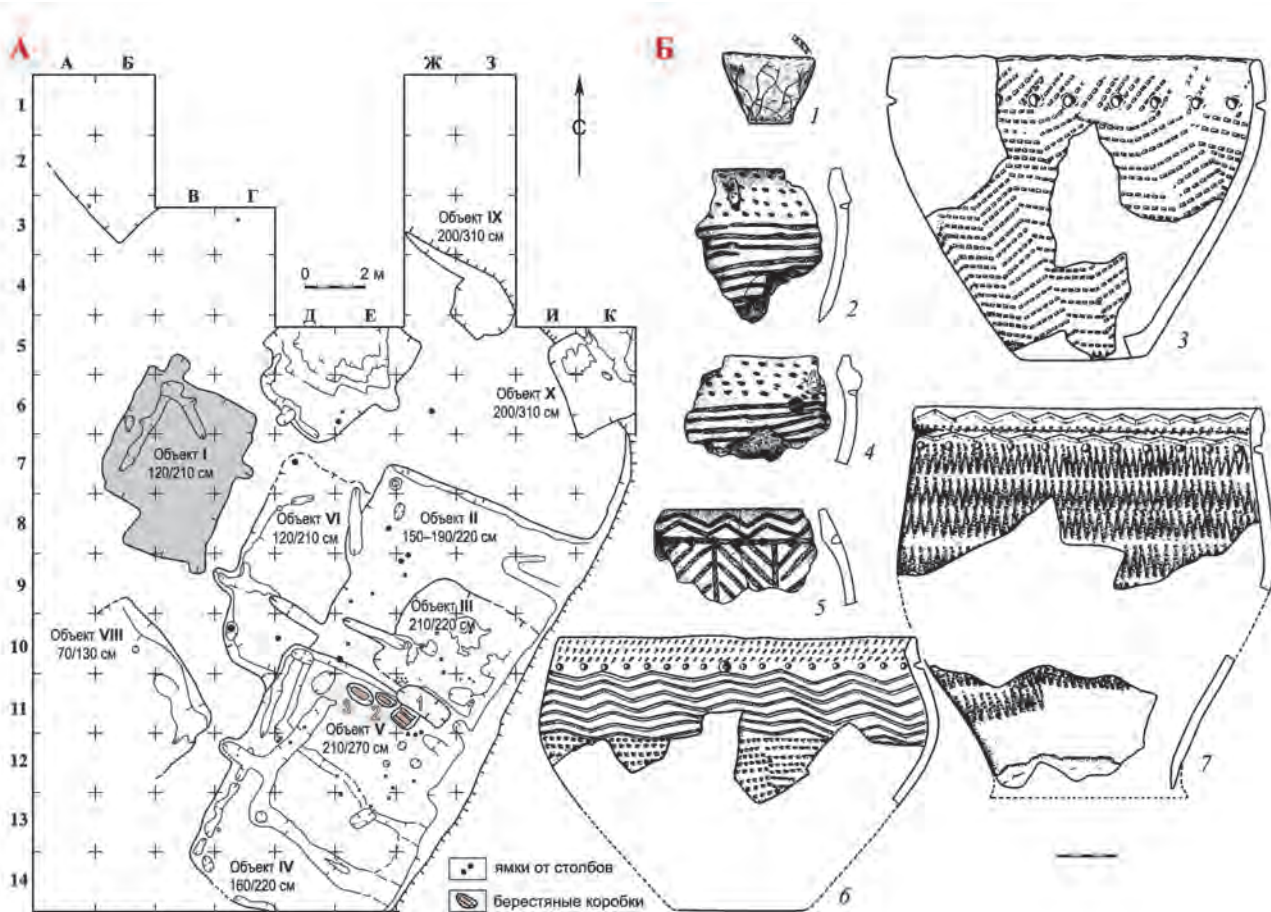

Рис. 180. Культовые холмы эпохи неолита на севере Западной Сибири.

Поселение Чёртова Гора. А — сводный план раскопов; Б — керамика из нижнего заполнения объекта I (по: Сладкова, 1989; 2008)

Погребальные памятники

Погребальные памятники — один из важнейших источников для реконструкции духовной и материальной культур древних обществ. Исследователи определяют погребальный обряд как древнейшую форму религии;²⁸³ социальный механизм регулирования и приспособления к смерти;²⁸⁴ обряд перехода, связанный с изменением социального положения индивида.²⁸⁵

Структура погребально-поминального обряда взаимосвязана с идеологической сферой общества, которая включает в себя религиозно-мифологическую систему, семантический, процессуальный и практический уровни, отраженные в погребальном памятнике.²⁸⁶

²⁸³ См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 153–155; Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура: (По данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. С. 10.

²⁸⁴ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. 304 с.

²⁸⁵ Геннеп А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 2002. С. 17, 135–150.

²⁸⁶ См.: Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. 1986. 68–70; Он же. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2. С. 85–98.

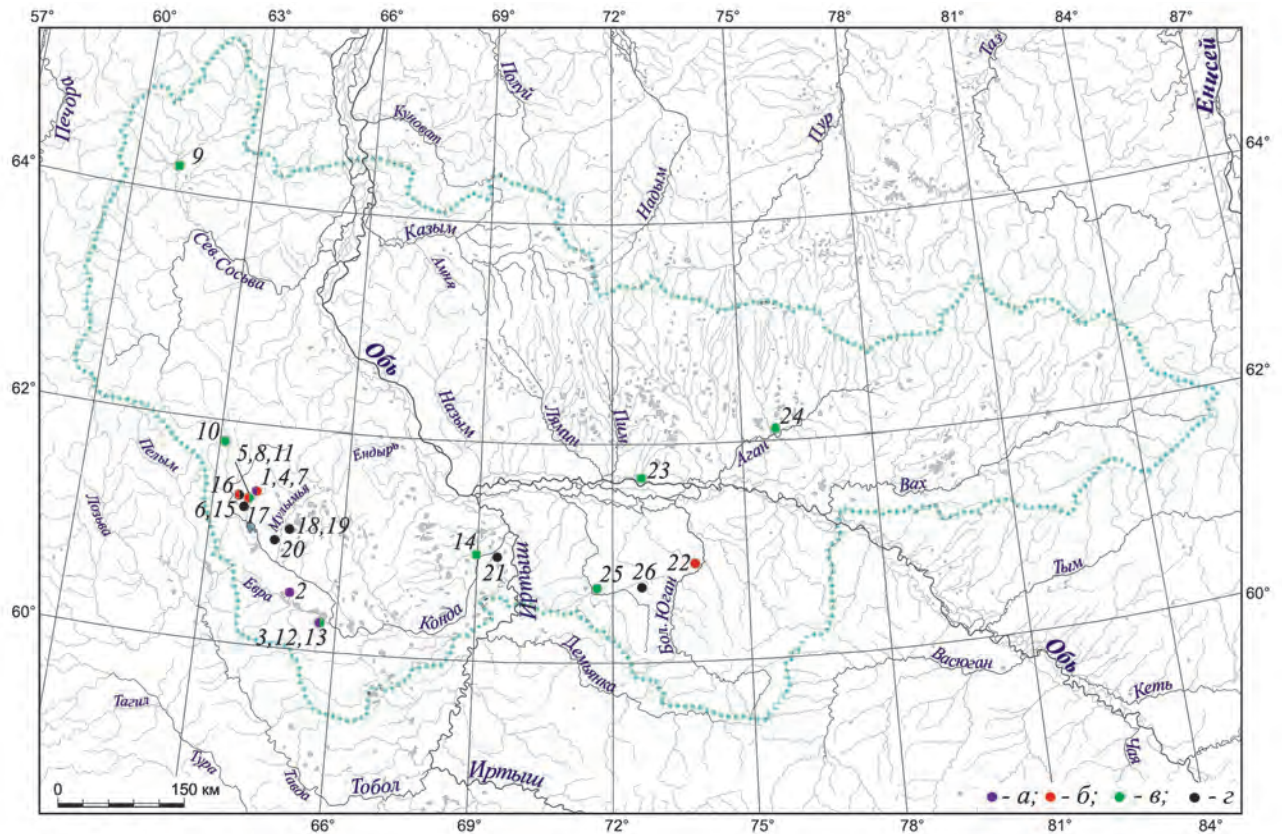

Рис. 181. Карта распространения погребальных памятников мезолита — энеолита в таёжных районах Западной Сибири. Составитель Т. Ю. Клементьева. Нумерация памятников на карте соответствует номерам памятников в табл. 37. «Погребальные памятники мезолита — энеолита таёжных районов Западной Сибири»

а) эпоха мезолита:	б) эпоха неолита:	в) энеолит:	г) без точной датировки:
1 — Большая Умытья 100	4, 7 — Большая Умытья 100	9 — Ясунское погребение	15 — Большая Умытья 8
2 — Сатыга XVIa	5, 8 — Большая Умытья 9	10 — Геологическое III	16 — Большая Умытья 2
3 — Леуши IX	6 — Большая Умытья 8	11 — Большая Умытья 9	17 — Большая Умытья 36
		12 — Лева VIII	18 — Мульмыя 3
		13 — Леуши XIV	19 — Мульмыя 4
		14 — Кама II	20 — Неушья 2.1
		22 — Кулунигый 64	21 — Чилимка V
		23 — Барсовский II	26 — Колунготтытор 1
		24 — Старые Покачи 5.1	
		25 — Большой Салым 4	

Первые погребения эпохи камня/раннего металла открыты в центральных и северных районах Западной Сибири более 40 лет назад в бассейне р. Конда при исследовании стоянки Сатыга XVIa и поселений Леуши IX²⁸⁷, Леуши XIV²⁸⁸, Геологическое III, Лева VIII, Кама II.²⁸⁹

²⁸⁷ См. Часть 2 в настоящем издании.

²⁸⁸ Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Погребение в Нижнем Приртышье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1986. Вып. 18: Проблемы Урало-Сибирской археологии. С. 33–38.

²⁸⁹ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 148–155, 157.

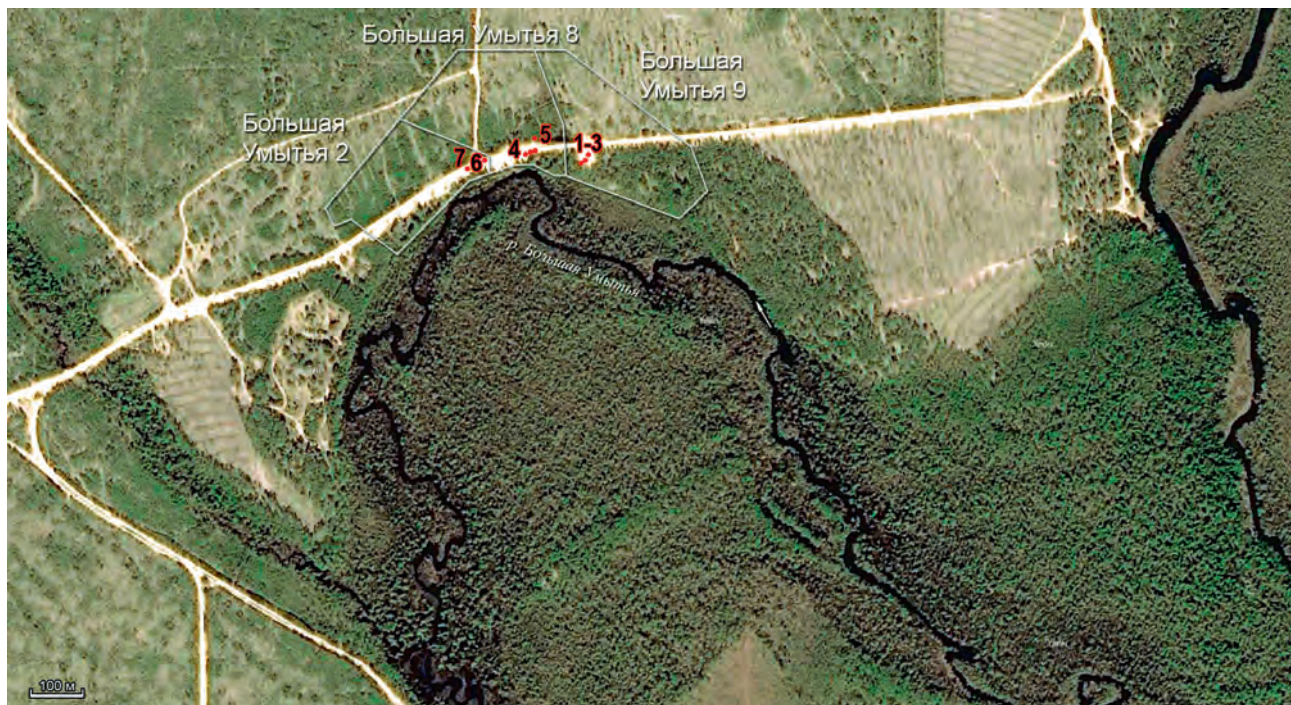

Рис. 182. Схема расположения погребений, исследованных на поселениях:
1-3 – Большая Умыт'я 9; 4, 5 – Большая Умыт'я 8; 6, 7 – Большая Умыт'я 2

В бассейне р. Северная Сосьва изучено энеолитическое погребение на территории Ясунского поселения.²⁹⁰ В последние десятилетия ряд одиночных погребений или могильников был обнаружен в бассейне р. Конда²⁹¹ и в Сургутском Приобье.²⁹²

На сегодняшний день фонд источников по погребальной практике нео- энеолитического населения таёжных районов Западной Сибири включает 26 комплексов, на которых изучено 189 захоронений (табл. 37; рис. 181).

Малочисленность этой категории археологических памятников каменного века объясняется сложностью их обнаружения (как правило, они визуальны не выражены в рельефе) и плохой сохранностью органики в кислых почвах. Это затрудняет интерпретацию некоторых ям овальной или подпрямоугольной формы, заполненных охрой, без костей человека, как захоронений. Зачастую погребения нео- энеолитического периода на многослойных памятниках разрушены или перекрыты сооружениями более поздних эпох (Большая Умыт'я 9, 100, Неушья 2.1, Лева VIII, Барсовский II, Старые Покачи 5.1 и др.). Несмотря на компактность расположения могил, принадлежность их к одной эпохе всегда остаётся под вопросом. Так, на террасе правого берега р. Большая Умыт'я протяжённостью не менее 210 м в гра-

²⁹⁰ Васильев Е. А. Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 36–46.

²⁹¹ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения... С. 131–141.

²⁹² См.: Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 146–169; Коноваленко М. В. Указ. соч. С. 123.

нищах поселений Большая Умытъя 2, 8 и 9 выявлено девять захоронений, из них три могилы одиночные, остальные расположены двумя группами по три (рис. 182). Погребения на поселении Большая Умытъя 9 предварительно были датированы эпохой энеолита.²⁹³ Позже, по ¹⁴C датированию угля и останков умерших, установлено, что захоронения совершены в разные периоды неолита и в энеолите (табл. 38; рис. 192, Б).

Захоронения на территории поселения Большая Умытъя 100 совершались в мезолите, в среднем и позднем неолите²⁹⁴ (рис. 183).

Большинство исследованных погребений происходит с территории Кондинской низменности. Захоронения эпохи неолита были обнаружены на поселениях Большая Умытъя 2, 8, 9, 100, Мулымья 3 и 4 и городище Неушья 2.1.

Наиболее информативным источником по погребальной обрядности является могильник Большая Умытъя 100.²⁹⁵ Он расположен на высокой (до 5,0 м) гриве при слиянии р. Большая Умытъя с её правым притоком — р. Вершина (рис. 183, А). К среднему неолиту отнесено 118 погребений. Многие из них были полностью или частично разрушены при возведении углублённых жилищ неолита и бронзового века, а также при прокладке коммуникаций нефтяного месторождения (рис. 183, Г, Д). Значительная часть гривы осталась неисследованной, и, вероятно, захоронения этого времени ещё могут быть выявлены в будущем.

Планиграфия могильника. В центральной части могильника погребения расположены в четыре длинных ряда. Центральный ряд нарушен котлованами построек позднего неолита и современными траншеями, сохранилось 21 погребение. Могильные ямы прямоугольной формы, расположены в 0,25–1,4 м друг от друга. В южной и центральной частях ряда они ориентированы СЗ–ЮВ, в северной — З–В. На юго-западе ряда локализована группа из четырёх погребений (могила 21, ямы 51А, 74, 54²⁹⁶) с пристенными канавками по периметру дна. В заполнении всех могильных ям присутствовала охра. В пяти из них обнаружены человеческие останки и погребальный инвентарь (могилы 1, 4, 6, 10, 12), в двух — только останки (могилы 13 и 14), ещё в трёх — только инвентарь (могилы 15, 21, 23). Ямы 54, 62, 74, 132, 109, 69, 117, 46, 105, 108 и 51А не содержали ни того, ни другого. Антропологический материал из погребений центрального ряда не несёт признаков высокотемпературного воздействия (рис. 184).

Погребальный инвентарь представлен каменными орудиями: шлифованными тёслами (рис. 185, 7–9), остриём (рис. 185, 5), стамеской (рис. 185, 1), пренуклеусом (рис. 185, 2), стругом и ретушированным наконечником стрелы (рис. 185, 3, 4); украшениями: пронизками из смолы (рис. 186, Б); просверленным фрагментом человеческого черепа (рис. 69, 2), керамикой шовшинского типа (рис. 187, 4). Из ямы 54 по углю получена дата 7090±60 л. н. (Кi-1796) (табл. 38).

²⁹³ Погодин А. А. Поселение Большая Умытъя 9... С. 169.

²⁹⁴ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения... С. 131–141.

²⁹⁵ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Труфанов А. Я. Неолитический могильник Большая Умытъя 100 на севере Западной Сибири: планиграфия, хронология, стратиграфия // Археология евразийских степей. № 5. 2023. С. 8–22.

²⁹⁶ Для удобства описания погребений Большой Умытъя 100 было введено условное деление на «могилы» — погребения с останками и/или погребальным инвентарем (35 ед.) и «ямы» — погребения без останков, инвентаря, а иногда и без охры (83 ед.).

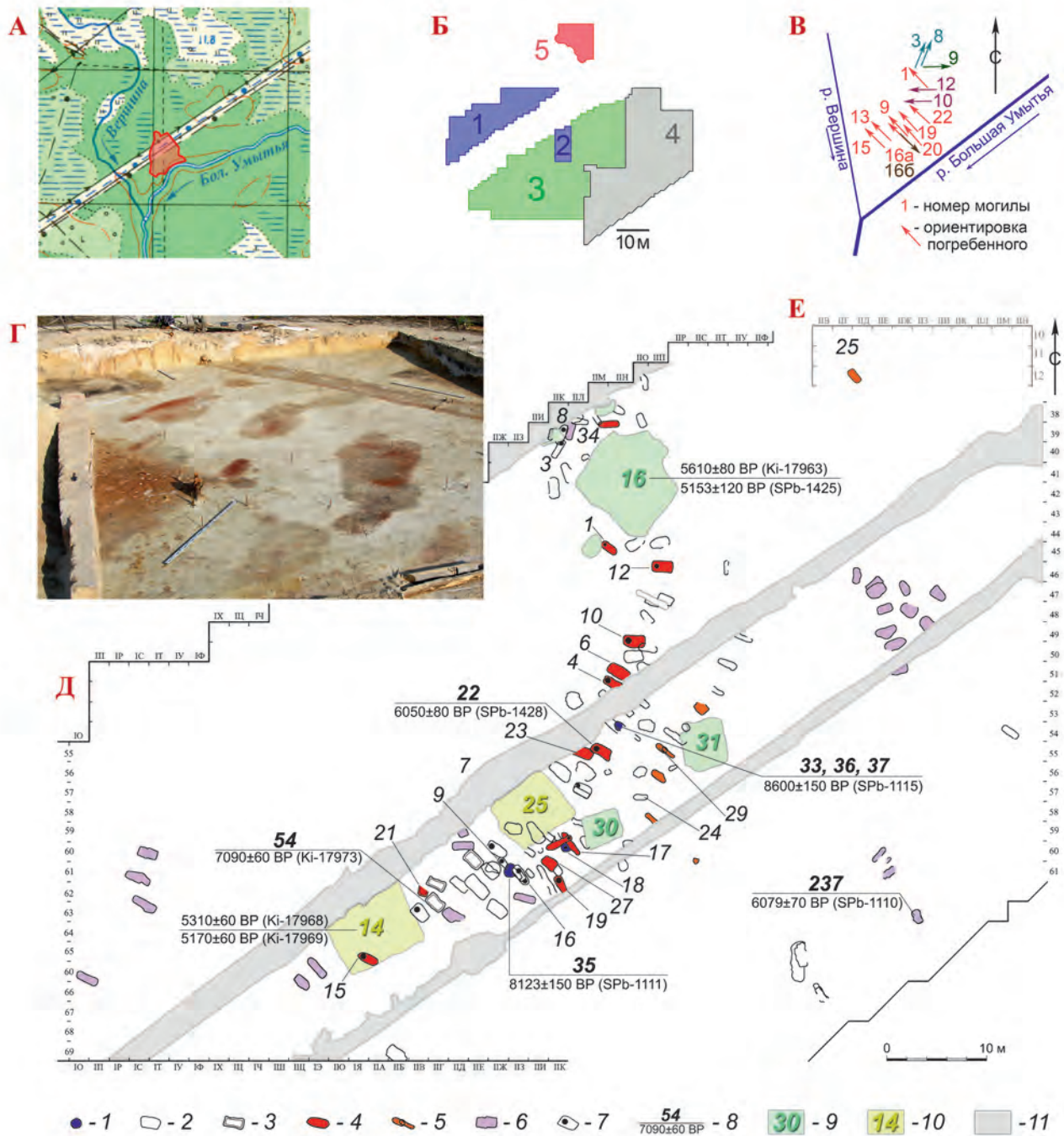

Рис. 183. Поселение Большая Умытъя 100.

А — расположение и территория памятника; Б — схема раскопов 1–5; В — ориентировка погребенных относительно рек;

Г — могилы и котлованы сооружений № 25 и 30 (вид с СЗ); Д — схема расположения могил и неолитических котлованов в раскопах 3 и 4; Е — могила 25 в раскопе 5. Фото А. А. Погодина

Рис. 184. Могильник Большая Умытя 100. Погребения с ингумациями.

1, 2 — могила 12: 1 — кости черепа, фрагменты зубной эмали и фрагмент изделия из человеческого черепа; 2 — фрагмент изделия из человеческого черепа; 3 — могила 1, кости черепа и челюсти; 4 — могила 9, тлен черепа № 1 и фрагменты челюсти; 5 — могила 3, костный тлен и фрагменты черепа. Вид с севера (1), с юго-запада (3, 5), с юга (4). Фото А. А. Погодина

Таблица 37

**Погребальные памятники мезолита — энеолита
в таёжных районах Западной Сибири**

№ п/п	Название и тип погребального памятника	Кол-во погребений	Обряд*	Источник
Бассейны рр. Конда и Северная Сосьва				
Мезолит				
1	Большая Умытъя 100, могильник	5	И, охра	Kuzmin Y. et al., 2017. P. 89; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 131–141.
2	Сатыга XVIa, могильник	3	К, охра	Беспрозванный Е. М., Погодин А. А., 1998. С. 42–62.
3	Леуши IX, яма 37: захоронение в Жилище 3	1	И	Беспрозванный Е. М., Погодин А. А., 1998. С. 42–62; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 131–141.
Неолит				
4	Большая Умытъя 100, могильник	118	И+К, охра	Kuzmin Y. et al., 2017. P. 89; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 134.
5	Большая Умытъя 9, погребение 3: захоронение на поселении	1	И, охра	Погодин А. А., 2010. С. 173; Kuzmin et al., 2017. P. 89.
6	Большая Умытъя 8, яма 10: захоронение на поселении	1	И? охра	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 131–141.
7	Большая Умытъя 100, могила 7: захоронение на поселении	1	И, охра	Там же.
8	Большая Умытъя 9, погребение 1 захоронение рядом с поселением	1	И, охра	Там же.
Энеолит				
9	Ясунское погребение: захоронение на поселении	1	К, охра	Кокшаров С. Ф., 2009. С. 158.
10	Геологическое 3, яма 4: захоронение животного (собаки) на поселении	1	И	Там же. С. 157.
11	Большая Умытъя 9, погребение 2: захоронение рядом с ритуальным комплексом	1	н/о, охра	Погодин А. А., 2010. С. 171; Kuzmin Y. et al., 2017. P. 89.
12	Лева VIII, могильник	8	И+К, охра	Кокшаров С. Ф., 2009. С. 149–152.
13	Леуши XIV, погребение	1	И, охра	Беспрозванный Е. М., Старостина, 1986. С. 33–38; Кокшаров С. Ф., 2009. С. 155–157.
14	Кама II, погребение в жилище	1	И, охра	Кокшаров С. Ф., 2009. С. 154.
Мезолит — неолит				
15	Большая Умытъя 8, пятна 36–38: могильник	3	н/о, охра	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 131–141.

Таблица 37 (продолжение)

№ п/п	Название и тип погребального памятника	Кол-во погребений	Обряд*	Источник
16	Большая Умытъя 2, погребения 1 и 2	2	И, охра	Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытъя 2 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение): отчёт о НИР / Цеменков А. Е., 2010.
17	Большая Умытъя 36, погребение	1	К, охра	Кокшаров С. Ф., 2009. С. 154–155.
18	Мулымья 3, погребения	2	К, охра	Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном ОАН «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2019 г.: отчёт о НИР / Погодин А. А. Екатеринбург, 2020.
19	Мулымья 4, погребение	1	К, охра	Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном ОАН «Поселение Мулымья 4» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2020 г.: отчёт о НИР / Беспрозванный Е. М., 2022.
20	Неушья 2.1, могильник	8	К, охра	Погодин А. А., Труфанов А. Я., 2018. С. 374.
21	Чилимка V, погребения 1–3	3	К, охра	Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю., 2022. С. 140–141.
Среднеобская низменность				
Неолит				
22	Кулунигый 64, могильник	8	н/о, охра	Дудко А. А., Васильева Ю. А., 2020. С. 141–142.
Энеолит				
23	Барсовогорский II, могильник	3	К+И	Чемякин Ю. П., 2008. С. 33–35.
24	Старые Покачи 5.1, могильник	7	И, охра	Носкова Л. В., Карачаров К. Г. 2008. С. 146–169.
25	Большой Салым 4, могильник	7	И+К, охра	Коноваленко М. В., Балужева Ю. В., Сериков Ю. Б., 2017. С. 201–218.
Неолит — энеолит				
26	Колунготытор 1, погребение	1	И	Виноградов А. С., 2018. С. 301–302.

* Примечание: И — ингумация, К — кремация, н/о — не определен

Второй ряд могил расположен к югу от центрального ряда и параллелен ему. В нём зафиксировано II погребений, часть ям в середине ряда разрушены котлованом сооружения позднего неолита и траншеей нефтепровода. Некоторые погребения примыкают вплотную к могилам центрального ряда или прорезают их. Могильные ямы прямоугольной формы, ориентированы СЗ–ЮВ. Охра присутствует в 10 погребениях. В могилах 5 и 22 найдены останки и инвентарь, в могилах 9 и 11Б — только останки. Вещи из могил: каменный скол и фрагмент круглодонного сосуда с шагающе-гребенчатым орнаментом (рис. 187, А — 6, Б). Могила 9 в южной части второго ряда является парным захоронением. Погребение 22 датировано по углю — 6050±80 л. н. (SPb-1428) (табл. 38).

Таблица 38

**Радиоуглеродные даты погребальных памятников мезолита —
энеолита в таёжных районах Западной Сибири**

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (BP)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 1\sigma$ (68,3%) $\pm 2\sigma$ (95,4%)	Контекст и материал датирования	Источник
Большая Умытъя 100, могильник эпохи мезолита					
1	8600 $\pm$ 150	SPb-1115	7941–7506 8204–7344	Могила 33, уголь	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 134.
2	8123 $\pm$ 150	SPb-1111	7341–6828 7488–6656	Могила 35, уголь	Там же.
Большая Умытъя 100, могильник эпохи неолита					
3	7090 $\pm$ 60	Ki-17973	6023–5897 6069–5841	Яма 54, уголь	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 134.
4	6079 $\pm$ 70	SPb-1110	5203–4850 5211–4803	Яма 237, уголь	Там же.
5	6050 $\pm$ 80	SPb-1428	5197–4841 5210–4736	Могила 22, уголь	Там же.
Большая Умытъя 9, погребения					
6	6770 $\pm$ 40	AMS1793/59114	5711–5636 5731–5622	Погребение 3, кость	Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2020а. С. 134.
7	5505 $\pm$ 35	AMS1793/59113	4441–4275 4446–4263	Погребение 1, череп	Там же.
8	4454 $\pm$ 45	SPb-2545	3328–3025 3341–2933	Погребение 2, уголь	Там же.
Старые Покачи 5.1, могильник					
9	3985 $\pm$ 55	COAH-5697	2579–2363 2832–2298	Погребение 1, уголь	Носкова Л. В., Карачаров К. Г., 2008. С. 167.
10	3970 $\pm$ 45	COAH-5698	2572–2409 2617–2302		Там же.
11	4050 $\pm$ 55	COAH-5699	2830–2474 2865–2463	Погребение 2, уголь	Там же.
12	3980 $\pm$ 35	COAH-5700	2567–2466 2580–2349		Там же.
13	3940 $\pm$ 75	COAH-5696	2567–2302 2662–2153	Погребение 3, уголь	Там же.
14	4500 $\pm$ 125	COAH-6050	3366–3021 3520–2900		Там же.
15	5555 $\pm$ 110	COAH-6351	4535–4265 4683–4067		Там же.
16	3980 $\pm$ 85	COAH-6051	2623–2343 2859–2206	Погребение 4, уголь	Там же.
17	3980 $\pm$ 35	COAH-6053	2567–2466 2580–2349	Погребение 5, уголь	Там же.
18	4650 $\pm$ 95	COAH-6054	3626–3340 3637–3102	Погребение 6, уголь	Там же.

Таблица 38 (продолжение)

№ п/п	¹⁴ C даты, л. н. (ВР)	Лабораторный индекс	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC), $\pm 1\sigma$ (68,3%) $\pm 2\sigma$ (95,4%)	Контекст и материал датирования	Источник
Кулунигый 64, могильник					
19	5631 $\pm$ 70	BINP-NSU 1523	4536–4366 4657–4342	Погребение 1, уголь	Дудко А. А., Васильева Ю. А. 2020. С. 141.
20	5316 $\pm$ 73	BINP-NSU 1524	4243–4050 4329–3985	Погребение 2, уголь	Там же.
21	5176 $\pm$ 74	BINP-NSU 1525	4159–3809 4231–3795	Погребение 4, уголь	Там же.
22	5365 $\pm$ 78	BINP-NSU 1526	4327–4060 4347–3995	Погребение 5, уголь	Там же.
23	5431 $\pm$ 74	BINP-NSU-1527	4356–4081 4444–4052	Погребение 6, уголь	Там же.
24	5151 $\pm$ 85	BINP-NSU-1528	4048–3802 4232–3713	Погребение 7, уголь	Там же.

Третий ряд расположен к югу от второго, в нём не менее восьми погребений: могилы 16В, 20, 11А и ямы 120, 90, 91, 110. Ямы прямоугольные, ориентированы СЗ–ЮВ, во всех зафиксирована охра. Останки погребённых найдены в могилах 16В, 20 и 11А. Могила 16В прорезала восточный край могилы 35 эпохи мезолита. Она несколько древнее могил 16А и 16Б ярусного типа, в которых погребённые лежали головами в противоположные стороны. Погребение 11А впущено в могилу 11Б второго ряда, что, возможно, свидетельствует о более позднем возрасте могил третьего ряда, меньших по размерам и глубине по сравнению с ранними.

Четвёртый ряд включает десять объектов: могилы 24, 26, 28, 29 и ямы 162, 97, 101, 99, 64, 65 с охрой в заполнении. Ямы 97 и 101 отчасти разрушены постройкой среднего неолита с керамикой умытгинского типа. Останки из могил 26, 28 и 29 подверглись высокотемпературному воздействию, в могиле 24 обнаружены зубы ребёнка. Вещи в захоронениях четвёртого ряда не найдены.

На юго-западной площадке могильного поля, южнее погребений четвёртого ряда, рядность не фиксировалась. Здесь вскрыты могилы 19, 27, 17 и ямы 122, 111, 94, 96, 92, 75, 126Б. Две ямы частично разрушены постройкой среднего неолита с керамикой умытгинского типа. Погребение 17 прорезало верхнюю часть могилы 18 эпохи мезолита. В заполнении всех погребений, кроме ямы 122, присутствовала охра. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могиле 19. Погребальный инвентарь из могилы 17 представлен ретушированным отщепом, из могил 19 и 27 — обломками посуды шоушминского типа (рис. 187, 1, 3, 4).

В северной части могильника просматривались два ряда из 11 захоронений (ямы 59, 77, 60, 71А, 134, 44А, 93, 81А и могилы 3, 8, 34), ориентированные по направлению ССВ–ЮЮЗ. Три погребения были частично разрушены внешними ямами постройки среднего неолита с посудой умытгинского типа. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могилах 2, 3 и 8, погребальный инвентарь — шлифованное остриё — в могиле 34 (рис. 185, 6).

Рис. 185. Могильник Большая Умытыя 100.
 Погребальный инвентарь из могил 21 (1), 1 (2-4), 4 (5), 34 (6), 15 (6, 8) 10 (9). 1 – стамеска; 2 – пренуклеус; 3 – струг; 4 – наконечник;
 5, 6 – остря; 7-9 – шлифованные тѣсла; 10 – шлифованное тесло и тлен черепа в западной
 части могилы 10, вид с северо-запада. Фото А. А. Погодина

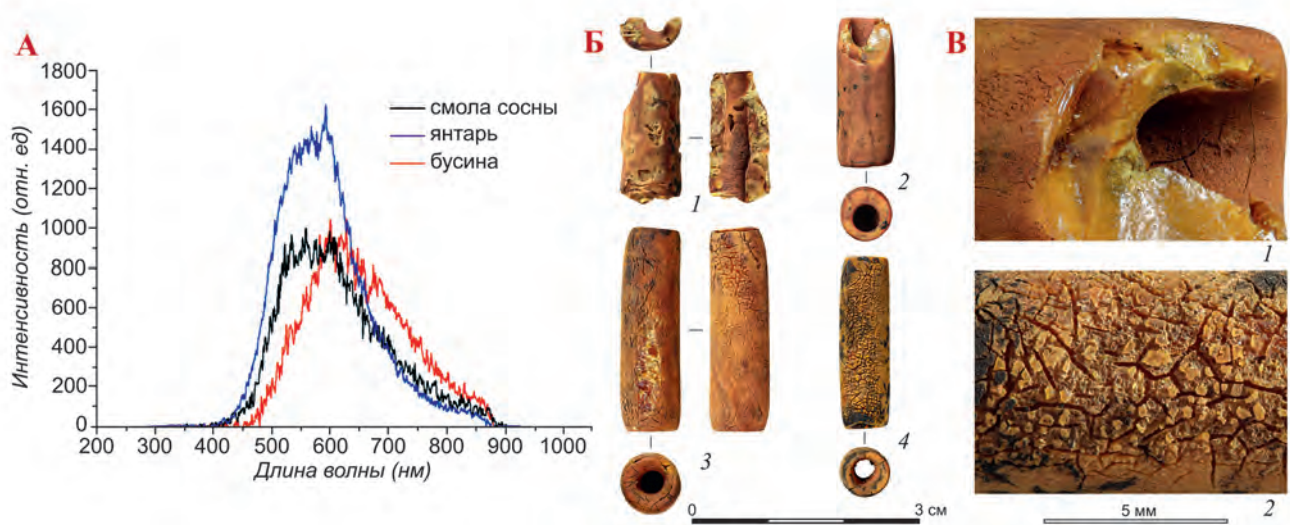

Рис. 186. Могильник Большая Умытъя 100. Смоляные бусины-пронизки из могилы 1.
 А — спектры импульсной катодолуминесценции бусины, янтаря и сосновой смолы;
 Б — бусины-пронизки; В — макрофото поверхности бусин-пронизок. Аналитика В. И. Соломонова

На восточной и западной периферии могильного поля локализованы короткие ряды ям, в заполнении которых отсутствовали останки, охра и погребальный инвентарь.

В восточной части могильника изучено 11 погребений, шесть из которых — ямы 168А, 168, 169, 170, 171, 172 — ориентированы по линии СВ-ЮЗ, ряд вытянут с ССЗ-ЮЮВ. Ещё пять погребений с разной ориентировкой (ямы 167, 181, 185, 184, 240) в этой же части могильника не образуют отдельного ряда. На юго-восточной периферии могильного поля находится группа из трёх погребений (ямы 223–225), образующих короткий ряд, ориентированный СЗ-ЮВ. Ямы прямоугольной и овальной формы, вытянуты по длинной оси по направлению СВ-ЮЗ. Группа из четырёх погребений (ямы 40–43), выстроенных в ряд, локализована на юго-западной периферии могильного поля. Ямы прямоугольной формы, ориентированы СЗ-ЮВ.

На южной периферии расположены погребения вне рядной структуры: ямы 113, 163, 226, 229 и 229Б, 237. Они прямоугольной формы, ориентированы СЗ-ЮВ, в пяти из них, кроме ямы 237, из которой получена дата по углю 6079 ± 70 л. н. (SPb-1110) (табл. 38), присутствовала охра. Останки и вещи в объектах отсутствовали.

На северной периферии могильника вскрыта могила 25 с захоронением по обряду кремации (рис. 183, Е; 188, А, Д). С останками обнаружены два скола шлифованных орудий, осколок плитки, обожжённые кости животных и кусочки глины (рис. 188, Г).

Могильные ямы прямоугольной (76 %²⁹⁷), овальной (21 %) и сигаровидной (3 %) формы. Могилы ориентированы по линии СЗ-ЮВ (56 %), ЮЗ-СВ (15 %) и З-В (10 %). Две трети ям имеют длину от 1,56 м до 2,50 м, глубину от 0,15 м до 1,40 м (рис. 189). Их стенки, вертикальные или слегка наклонные, плавно переходят к чашевидному дну. Четыре ямы имели по периметру дна пристенные канавки шириной 0,15–0,20 м и глубиной 0,05–0,18 м.

²⁹⁷ Здесь и далее от числа захоронений среднего неолита — от 118.

Рис. 187. Могильник Большая Умыт'я 100. Погребальный инвентарь.
А — керамика из могил 19 (1, 3), 4 (2), 27 (4), 22 (5); Б — сосуд в южной части могилы 22, вид с северо-востока. Фото А. А. Погодина

Дополнительная структура (охра и уголь). В 76 % могил присутствовала бордовая или красная охра. Пятно охры в плане всегда было четким, не расплывалось, несмотря на интенсивный промывной режим, в разрезе имело форму уплощенного овала. Оно обычно заканчивалось на глубине 0,1–0,2 м выше дна могилы. Этот факт может указывать на помещение тела, засыпанного охрой, в мягкие пелёны. Концентрация охры увеличивалась от ног погребённого к голове. Как минимум в пяти могилах охра фиксировалась на двух/трёх уровнях в верхнем или среднем заполнении ямы. Не исключено, что при отсутствии антропологических останков такие случаи маркируют ярусные захоронения. Примечательно, что погребения без охры располагались на западной, восточной и южной перифериях могильного поля. В центральном массиве зафиксировано лишь девять погребений без охры. Верхнее и среднее заполнение могильных ям было в разной степени насыщено углём; мелкие угольки отмечены и на дне могил, на уровне залегания костей без признаков высокотемпературного воздействия.

Останки сохранились плохо: в 29 погребениях обнаружен костный тлен, мелкие фрагменты костей и эмаль зубов (рис. 184, 1, 3–5). Изучение антропологического материала проведено Д. И. Ражевым и Е. О. Святовой. Кости из могил 1, 6 и 12 среднего неолита были отправлены на радиоуглеродный анализ, кости из могилы 7 позднего неолита — на генетический анализ.

В обоих случаях исследования не дали результатов из-за отсутствия коллагена.

В погребальном обряде практиковались ингумация и кремация. При ингумации тела укладывали в выпрямленном положении с вытянутыми вдоль корпуса руками и выпрямленными ногами, лицом вверх или вниз, головой на СЗ, ногами к р. Большая Умыт'я (60 %) ²⁹⁸, СВ (13 %) и З (13 %) (рис. 183, В; 189, Г). Преобладают одиночные захоронения. К достоверно парным относится могила 9, в ней два черепа лежали рядом на одном уровне. Могила 16А и 16Б двухъярусная, останки двух умерших лежали головами на СЗ и ЮВ.

Кремации обнаружены в семи могилах. Видимо, таких захоронений было больше, так как сожжённые кости найдены в переотложенных грунтах руинированных построек последующих эпох, которыми разрушены погребения. Шесть кремированных захоронений находились в южной части могильника, ещё одно (могила 25) — в северной.

²⁹⁸ Здесь и далее — от количества погребений, выполненных по обряду ингумации — от 22.

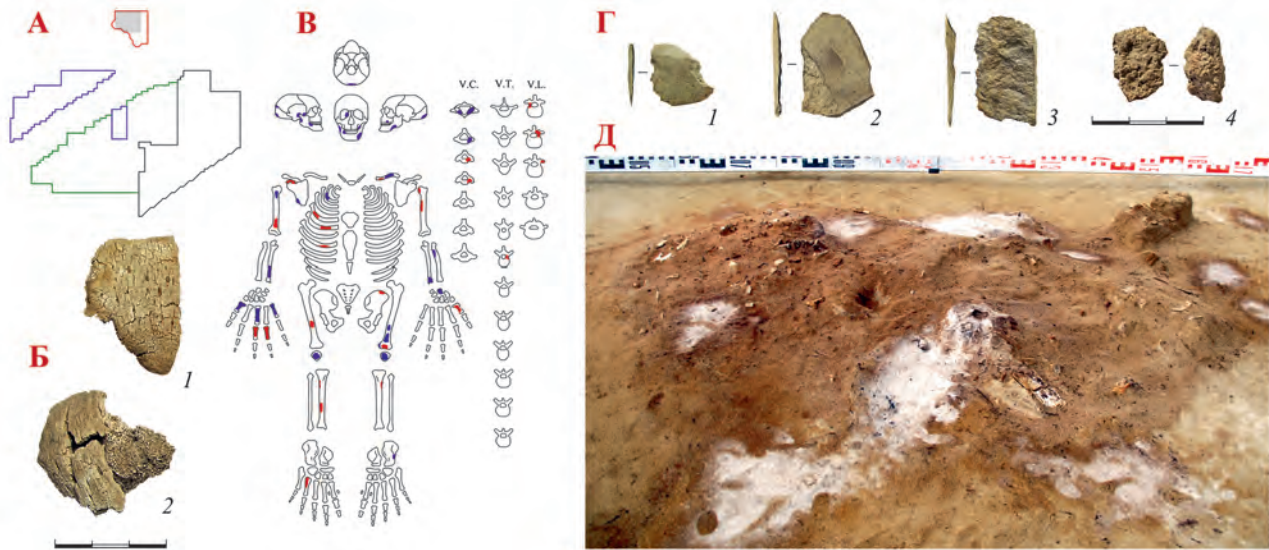

Рис. 188. Могильник Большая Умытъя 100. Погребения с кремациями. Могила 25.

А — могила 25 на плане раскопа (серый цвет); Б — фрагменты костей со следами кремирования (1, 2); В — схема сохранности костей (синий цвет — достоверно определённые фрагменты, красный — предположительно); Г — предметы из могилы: 1, 2 — сколы со шлифованных орудий; 3 — скол с плитки; 4 — обожжённая глина; Д — вид с северо-запада на расчистку кремированных костей. Фото А. А. Погодина

К сожалению, пространство между основным массивом могил и его северной периферией (?) разрушено песчаным карьером. Захоронения с кремациями (как и погребения по обряду труположения) совершены в прямоугольных или овальных ямах, ориентированных СЗ–ЮВ. Во всех могилах, преимущественно по центру ям, залегала охра. Кремация тел проходила вне территории могильника на открытом пламени при температуре 400°–1000 °С. Тело покойника из могилы 25 сожжено вскоре после наступления смерти. В других случаях сжигались скелетированные останки. В могилах 16В и 29 кремированные останки и кости без термического воздействия залегали вместе.

Половозрастной состав. На могильнике изучены погребения взрослых и детей. 14 погребённых умерли после достижения 16–18 лет. В могиле 24 захоронен семилетний ребёнок. Зуб ребёнка, умершего в возрасте 5–12 лет, найден в сооружении 14 позднего неолита, при строительстве которого были разрушены могилы юго-западной части центрального ряда. Детские останки (до 7 лет) определены и среди кремированных костей разрушенных погребений. Пол установлен у шести погребённых: это три женщины и трое мужчин. По мнению Д. И. Ражева, одонтологические признаки — пятибугорковый второй нижний моляр — указывают на принадлежность индивида из верхнего яруса могилы 16 к «восточному» (монголоидному) расовому стволу. Состояние его зубной системы хорошее, без признаков заболеваний или маркёров физиологического стресса (болезнь, голод), перенесённых в детстве. Погребённый в могиле 28 взрослый индивид перенёс при жизни перелом костей конечностей.

Погребальный инвентарь найден в 14 погребениях (12%)²⁹⁹, а в 3 могилах — ещё и кости животных. Умерших сопровождали каменные орудия, украшения, обломки посуды. Просматривается закономерность в расположении вещей. В область головы уложены тёсла (могилы 10

²⁹⁹ От количества погребений среднего неолита — от 118.

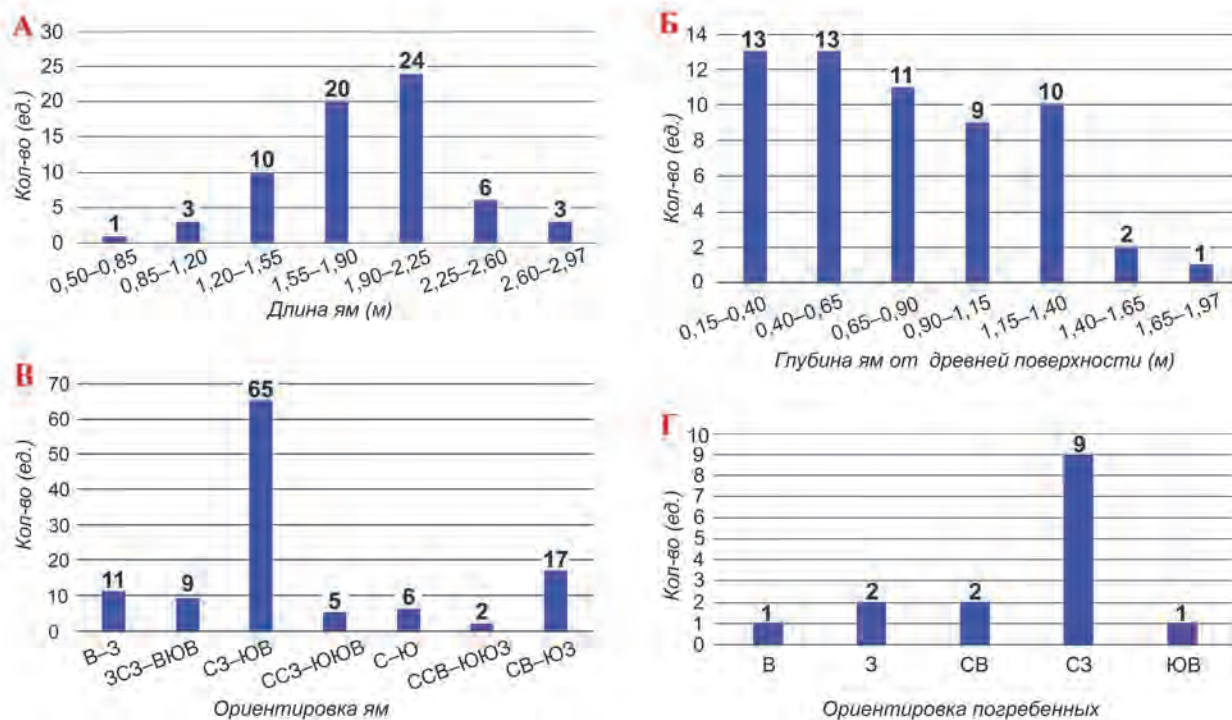

Рис. 189. Могильник Большая Умытья 100.

Графики распределения могильных ям по длине (А), глубине от древней поверхности (Б), ориентировке по сторонам света (В) и по направлению головы погребенных (Г). Аналитика Т. Ю. Клементьевой

и 15), строгальный нож, пренуклеус (могила 1); у пояса — ретушированный отщеп (могила 17), наконечник стрелы (могила 1), острие (могила 4); в ногах — нижняя часть глиняного сосуда (могила 22).

Керамика присутствует на дне и в заполнении восьми погребений. В могилах 4, 11Б, 19, 23 и 27 найдены обломки сосудов шоушминского типа³⁰⁰ (рис. 187, А — 1–4). Фрагменты такой посуды залегали и на дневной поверхности погребального поля. В ногах погребённого в могиле 22 лежала нижняя половина небольшого (диаметр тулова 10 см) сосуда с шиповидным дном (рис. 187, А — 5; Б). Сосуд, типологическая принадлежность которого не установлена, декорирован оттисками шагающего гребенчатого штампа. Конструирование ёмкости на форме-основе и плотный шагающе-гребенчатый орнамент характерны для керамики умытьинского и сумпаньинского типов, а шиповидная форма днищ встречается на посуде умытьинского типа³⁰¹ и быстринской культуры.³⁰² Технологические признаки, такие как примесь крупнотолчёного шамота, жжёная кость, толстые стенки, отличны от умытьинских и более близки шоушминским традициям. Не исключено, что этот сосуд является примером поселенческой керамики со смешанными культурными признаками, либо относится к специализированной погребальной посуде.

³⁰⁰ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения... С. 131–141.

³⁰¹ Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я. Указ. соч. С. 20–33.

³⁰² Косинская Л. Л. и др. Поселение Быстрый Кульёган 66... 192 с.

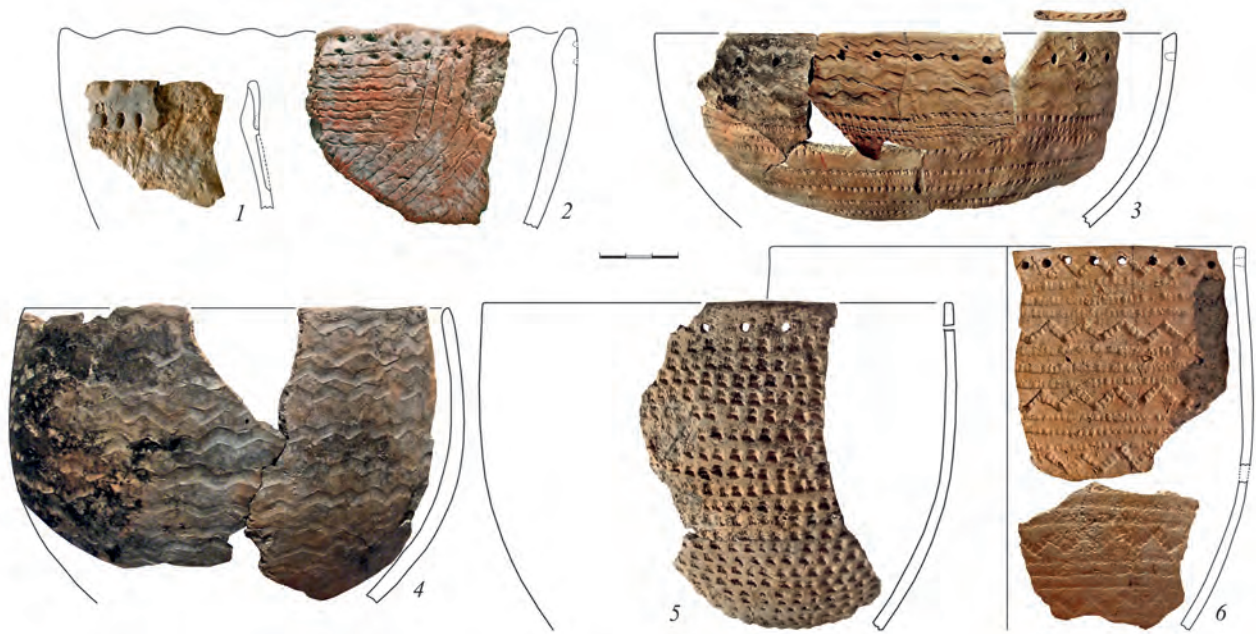

Рис. 190. Поселение Большая Умытъя 100.

Керамика. 1, 2 — с древней поверхности погребального поля, шоушминский тип; 3, 4 — из сооружения № 16, умытъянский тип; 5, 6 — из сооружений № 14 и 25, ушьинский тип

В заполнении погребений 1, 3 и 12 найдены очень мелкие черепки керамики умытъянского типа, которая, вероятно, попала в заполнение могил по корневым или норным ходам. Такая посуда происходит из расположенного рядом, но стратиграфически более позднего сооружения 16.

Изделия из камня. Шлифованные инструменты изготовлены из серо-зелёного сланца. Тёсла из могил 10 и 15 и остриё из могилы 34 оформлены оббивкой и продольной шлифовкой, стамеска из могилы 21 — грубой диагональной шлифовкой. Тёсла массивные, трапециевидной в плане формы, в профиле — трапециевидной и линзовидной, с неглубоким продольным желобком на одной из поверхностей у обушка (рис. 185, 7, 8). На тёслах выявлены следы утилитарного износа и подновления,³⁰³ т. е. с умершими клали использовавшиеся ранее, но целые и даже заново заточенные инструменты. Следы подновления имеются на ретушированном наконечнике и пренуклеусе из могилы 1 (рис. 185, 2, 4). В могилах 22, 23, 25 и 16 обнаружены мелкие отщепы; в могилах 6, 5 и 11 — сколы-чешуйки; в могиле 12 — обломок шлифованного изделия.

Украшения. Из пронизок цилиндрической формы длиной от 10 до 23 мм и диаметром 6–8 мм состояло ожерелье человека, захороненного в могиле 1 (рис. 186, Б). Анализ материала пронизок³⁰⁴ показал, что они, вероятнее всего, изготовлены из смолы хвойного дерева (но не сосны!) и обсыпаны охрой (рис. 186, А, В). В могиле 12 найдена пластина резца бобра, вероятно, деталь украшения костюма.

³⁰³ Определение выполнено к. и. н. Е. Ю. Гирей.

³⁰⁴ Анализ проведён д. ф.-м. н. В. И. Соломоновым.

Изделие из черепа. Под тленом черепа индивида, погребённого в могиле 12, обнаружен фрагмент левой (?) теменной кости с двумя отверстиями (рис. 184, 2). Одно отверстие овальной формы размером 7,2×7,7 мм просверлено в центральной части изделия с внутренней стороны. Второе, диаметром 5,5 мм, — по краю фрагмента. Отверстия могли быть как прижизненными, так и перимортальными повреждениями.³⁰⁵

Датировка. Могильник датируется по ¹⁴С VI тыс. до н. э. (табл. 38). Непрерывность его функционирования на протяжении тысячелетия сомнительна. Анализ стратиграфии показал, что погребения являются более ранними относительно неолитических сооружений с умытшинским и ушшинским типами посуды (рис. 183, Д; 190, 3–6) середины V — середины IV тыс. до н. э. (табл. 33, 34).

По керамической посуде часть погребений можно соотнести с памятниками шоушминского культурного типа среднего неолита р. Конда VI тыс. до н. э. Каменный инвентарь из погребений имеет ряд аналогий в комплексах позднего мезолита (поселение Леуши IX (см. Часть 3, рис. 92), раннего (поселение Мулымья 3 (рис. 158)) и среднего (поселение Шоушма 10) неолита.³⁰⁶

К позднему неолиту на поселении Большая Умытша 100 отнесено одно погребение — могила 7, расположенная рядом с поздненеолитическим жилищем (вдоль южной стенки) и прорезавшая одну из ям могильника среднего неолита (рис. 150, Б; 191, А). Могила 7 удлинённо-овальной формы размером 2,43×0,55 м и глубиной 0,47 м, ориентирована ВСВ–ЮЗЮ (рис. 191, Г). Её северная половина маркирована красной охрой. На дне, у северо-восточного края ямы, расчищена часть черепной коробки мужчины 35–60 лет (рис. 191, Б), в средней части — костный тлен посткраниального скелета, лежавшего в анатомическом порядке. Края свода черепа, вероятно, были специально подработаны и выровнены так, что череп приобрёл форму чаши. Внутри него находились три заготовки и 21 целая подвеска, изготовленные, вероятно, из кости лося, четырёхгранное костяное изделие. Подвески каплевидной в плане формы, в поперечном сечении — «грушевидной» или линзовидной. Отверстия диаметром 2 мм просверлены на их зауженном конце (рис. 121, Д: 1–7, 9–14). Готовые изделия тщательно отполированы (рис. 191, В — 3, Д — 1–7, 9–14), заготовки покрыты негативами срезов (рис. 191, В — 2, Д — 8, 15, 16). В области пояса погребённого найден каменный гребенчатый штамп (рис. 191, В — 1). Этим орнаментом были декорированы некоторые сосуды из жилища, рядом с которым располагалось захоронение.

Поздненеолитическое погребение 1 зафиксировано и на поселении Большая Умытша 9, где оно прорезает канаву ограждения умытшинского жилища начала VI тыс. до н. э. (рис. 192, А, Б). На дне прямоугольной ямы, ориентированной ССЗ–ЮЮВ, в слое розовой охры залежали останки мужчины 16–26 лет. Три отщепа, один из них с ретушью, и шлифованное сланцевое тесло залежали на дне по центру ямы, шлифованное сланцевое кольцо — в северной половине у западной стенки (рис. 192, В, Г).

³⁰⁵ Отчёт о НИР по обработке антропологического материала из погребений могильника на территории памятника «поселение Большая Умытша 100» / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Ражев Д. И. Тюмень, 2013 // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ–Наследие». Оп. 11. Д. 2.

³⁰⁶ См.: Погодин А. А. Мезолитические рубящие орудия таёжного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 173–174, рис. 1, 1, 2; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конда... С. 216–228.

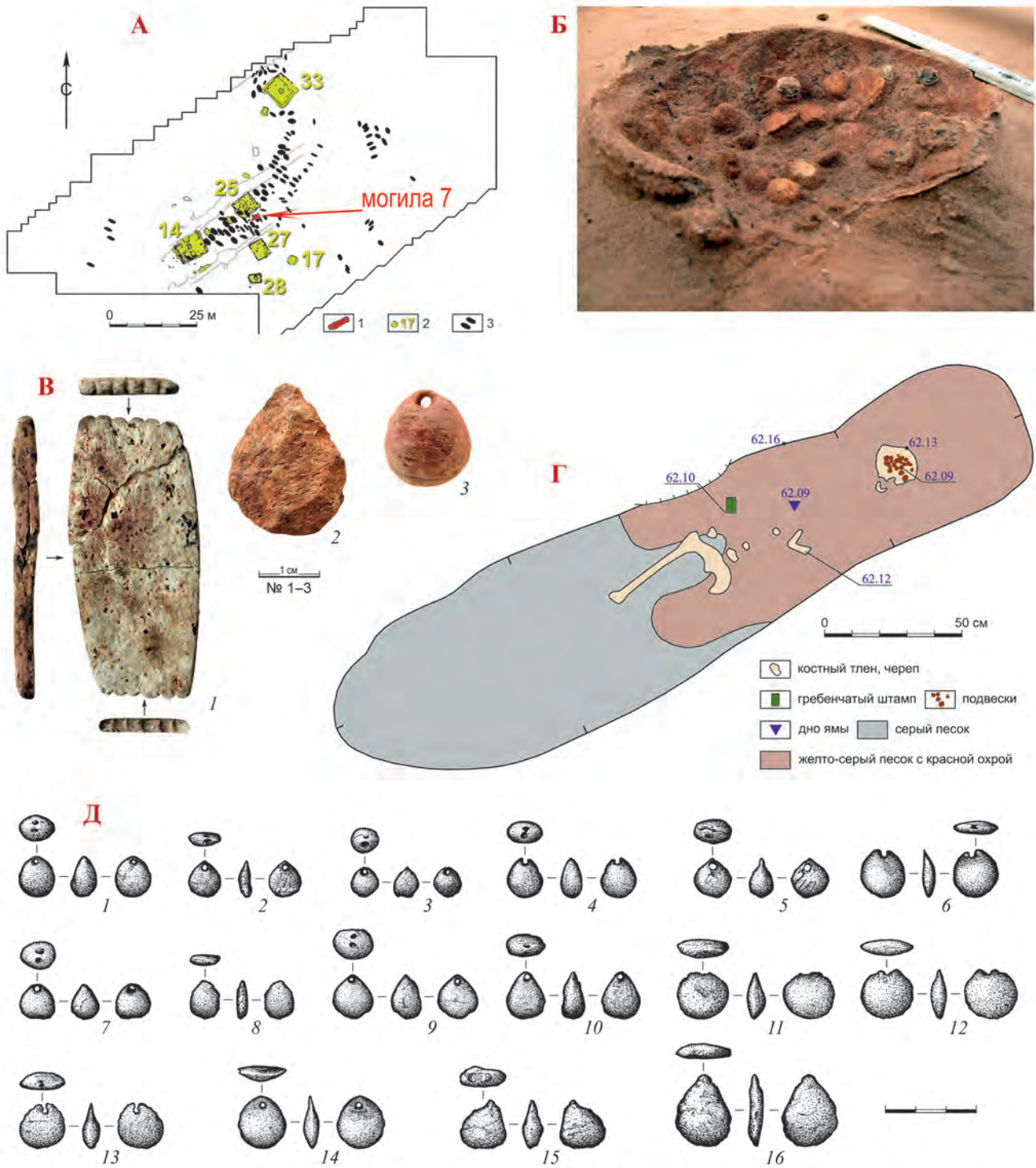

Рис. 191. Поселение Большая Умыт'я 100.

Погребение на территории поздненеолитического посёлка. А — план раскопа 3: 1 — могила 7; 2 — сооружения поздненеолитического посёлка; 3 — могилы среднего неолита; Б — вид с юга на череп с подвесками на уровне 62,11–61,06 м; В — предметы из могилы 7: 1 — каменный гребенчатый штамп; 2 — заготовка подвески; 3 — подвеска; Г — план могилы 7; Д — костяные подвески (1–7, 9–14) и заготовки (8, 15, 16). Фото А. А. Погодина

Сланцевое кольцо внешним диаметром 55 мм, внутренним — 28 мм, толщиной 6 мм. Поверхность кольца отполирована, отверстие сделано двухсторонним сверлением.³⁰⁷ Скол со шлифованного орудия найден в просеве заполнения могилы. По углю получена дата 5505±35 л. н. (табл. 38). По аналогии теслу и датировке погребение можно соотнести с ушьинским типом памятников, тем более что рядом, в 120 м ниже по течению реки, расположено поселение Большая Умытья 8 с керамикой этого типа.

К периоду энеолита в бассейне р. Конда отнесены могильник Лева VIII, погребения на поселениях Геологическое III, Большая Умытья 9, Леуши XIV, Кама II (табл. 37; рис. 181).

На поселении Лева VIII, расположенном на р. Лева, впадающей в оз. Леушинский Туман, изучено семь погребений. Могильные ямы глубиной 0,2–0,3 м, во всех присутствует подсыпка охры, иногда очень интенсивная на дне. Погребённые, за исключением могилы 4, обращены головой к реке. Помимо труположений исследовано два неполных сожжения. Сопроводительный инвентарь (нуклеусы, колотые гальки, заготовки наконечников) располагался обычно вдоль туловища; наконечники — с левой стороны ближе к голове.³⁰⁸

На поселении Леуши XIV, расположенном на р. Леушинка, впадающей в оз. Леушинский Туман, изучено одиночное погребение, выполненное по обряду труположения на спине с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 193, А, В). Прямоугольная яма размером 1,8–1,9×0,68–0,48 м и глубиной 0,63 м ориентирована по направлению СЗ–ЮВ. Вероятно, тело было завёрнуто в органический материал (бересту или шкуру) и засыпано охрой. В заполнении ямы найдены пластина и небольшой фрагмент керамики с печатно-гребенчатым орнаментом (рис. 193, А; Б — 2), обломок шлифованного наконечника стрелы с шипами лежал в районе головы³⁰⁹ (рис. 193, А; Б — 1). По типологии находок погребение может быть отнесено к памятникам еныйского типа второй половины IV — начала III тыс. до н. э.

К этому же времени относится погребение 2 на поселении Большая Умытья 9 (рис. 192, Б). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 1,75×1,0 м и глубиной не менее 0,5 м ориентирована С–Ю. Дно пигментировано розовой охрой, возможно, было устлано берестой. Костные останки не сохранились. По центру дна ямы компактно залежали четыре каменных предмета: два отщепы, продольный скол с призматического нуклеуса и расколота галька. По углю из погребения получена дата 4454±45 л. н. (SPb-2545) (табл. 38). Погребение 2, вероятно, соотносится с атымьинским комплексом, расположенным в 15 м севернее и представленным на памятнике углублённым сооружением, в котором найден сосуд с изображением девяти антропоморфных фигур³¹⁰ (рис. 172, 7).

Признаки неолитического погребального обряда, зафиксированные на могильнике Большая Умытья 100 и в одновременных захоронениях Большой Умытьи 9, присутствуют в погребениях, расположенных на городищах Большая Умытья 36³¹¹ и Неушья 2.1³¹², на посе-

³⁰⁷ Погодин А. А. Поселение Большая Умытья 9... С. 146–183.

³⁰⁸ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 149–154.

³⁰⁹ Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Указ. соч. С. 33–38.

³¹⁰ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде... С. 50–58.

³¹¹ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 154–155.

³¹² Погодин А. А., Труфанов А. Я. Спасательные работы на городище Неушья 2.1 // Археологические открытия. 2016 год. М., 2018. С. 372–374.

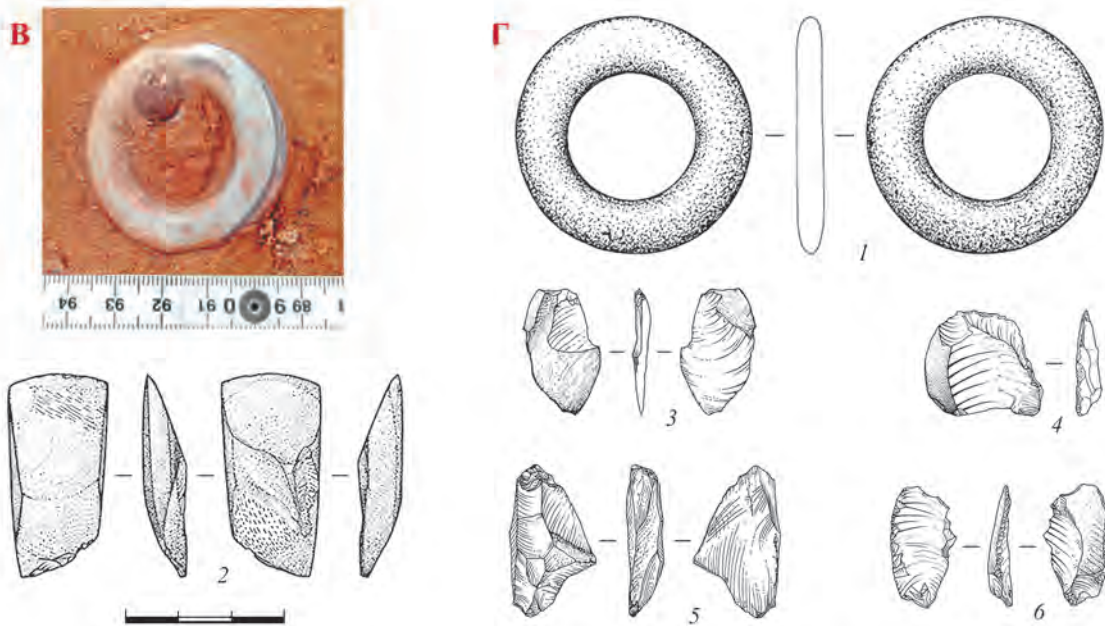
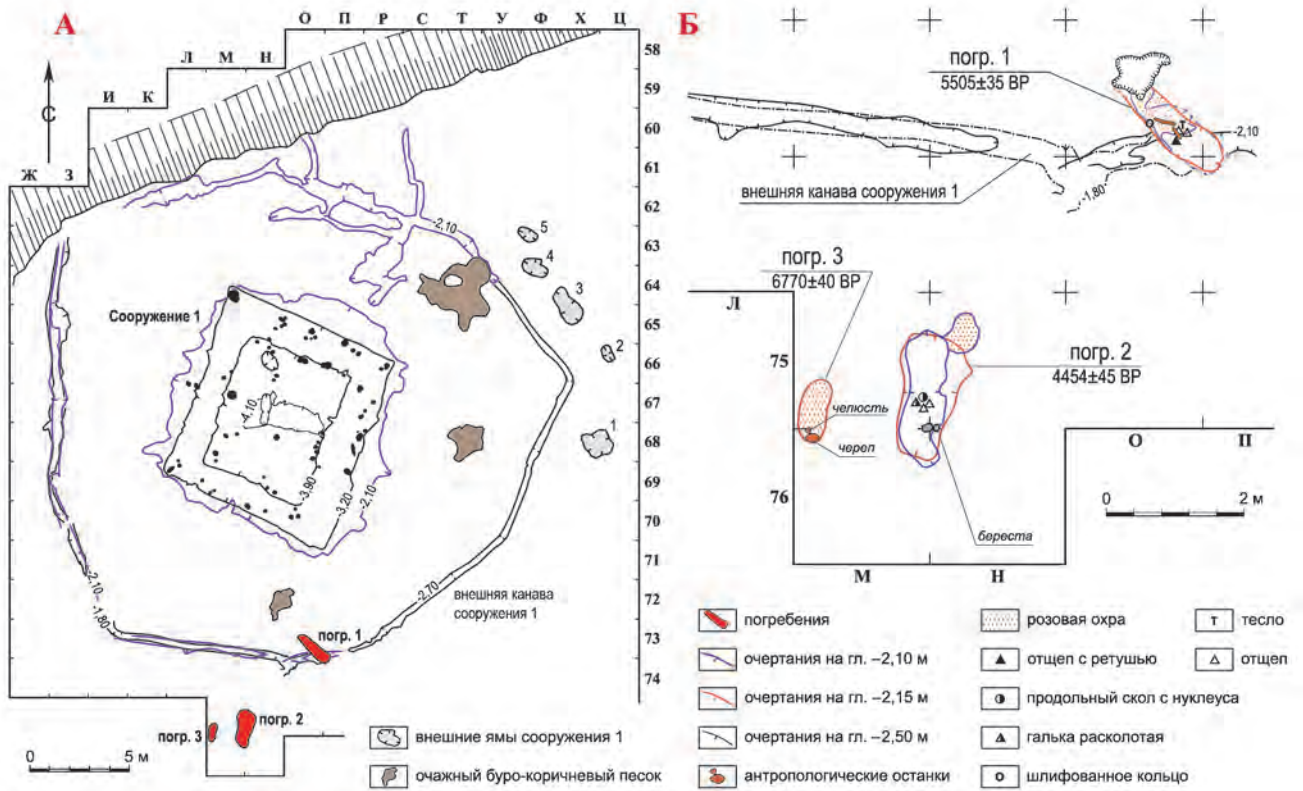

Рис. 192. Погребения на поселении Большая Умытъя 9. А — план раскопа 1 (по: Погодин, 2009; 2010); Б — планы погребений 1–3; В — вид с юго-запада на шлифованное кольцо и костяную «погремушку» в погребении 1; Г — каменные вещи из погребения 1: 1 — шлифованное кольцо; 2 — шлифованное тесло; 3–6 — отщепы. Фото А. А. Погодина

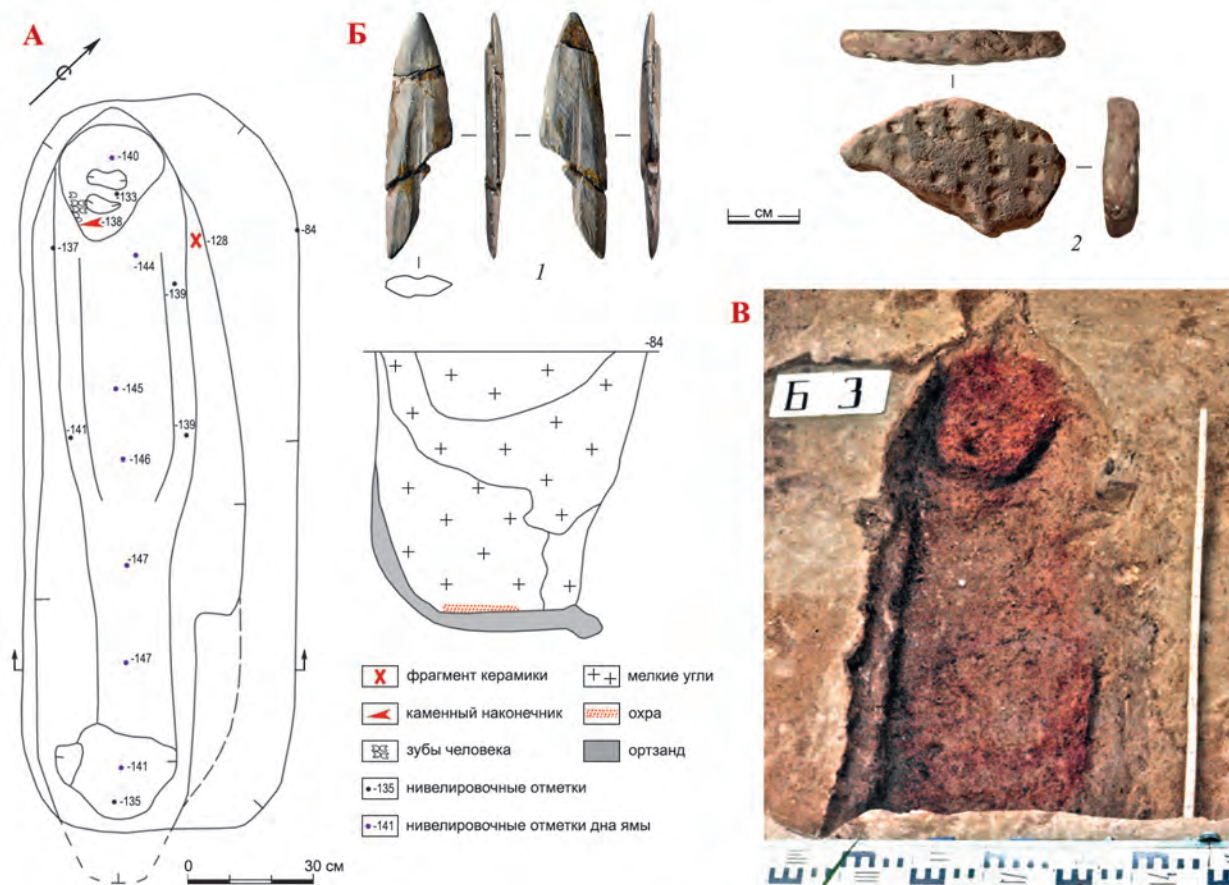

Рис. 193. Погребение на стоянке Леуши XIV.

А — план и разрез погребения (по: Беспрозванный, Старостина, 1986; Кокшаров, 2009); Б — находки из погребения: 1 — каменный шлифованный наконечник стрелы; 2 — фрагмент керамики; В — вид с юго-востока на заполнение могилы. Фото Е. М. Беспрозванного

лениях Мулымья 3³¹³, Мулымья 4³¹⁴ и Чилимка V.³¹⁵ Точная хронологическая позиция этих погребальных комплексов пока не установлена, определена в рамках эпохи мезолита — неолита (например, восемь погребений исследованы на многослойном памятнике «Городище Неушья 2.1»). Могильные ямы прямоугольной, ближе ко дну овальной формы, размерами не менее 1,5–1,8×0,5–0,6 м и глубиной 0,5–0,7 м. Шесть из них ориентированы по оси ЮЗ–СВ, две — Ю–С. Общим для всех захоронений является использование охры, которая залегала выше дна могильной ямы, мощность красного слоя составляла не менее 0,2 м. Только в трёх могилах сохранились кремнированные останки погребённых в возрасте 20–25, 20–55 и 7–55 лет. Во всех случаях останки человека подвергались воздействию высоких (800–1000 °С) температур, сжигание происходило на открытом пламени. Возможно, кремационному воздействию

³¹³ Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2020 г. ...

³¹⁴ Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 4» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2020 г. ...

³¹⁵ Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V... С. 140–141.

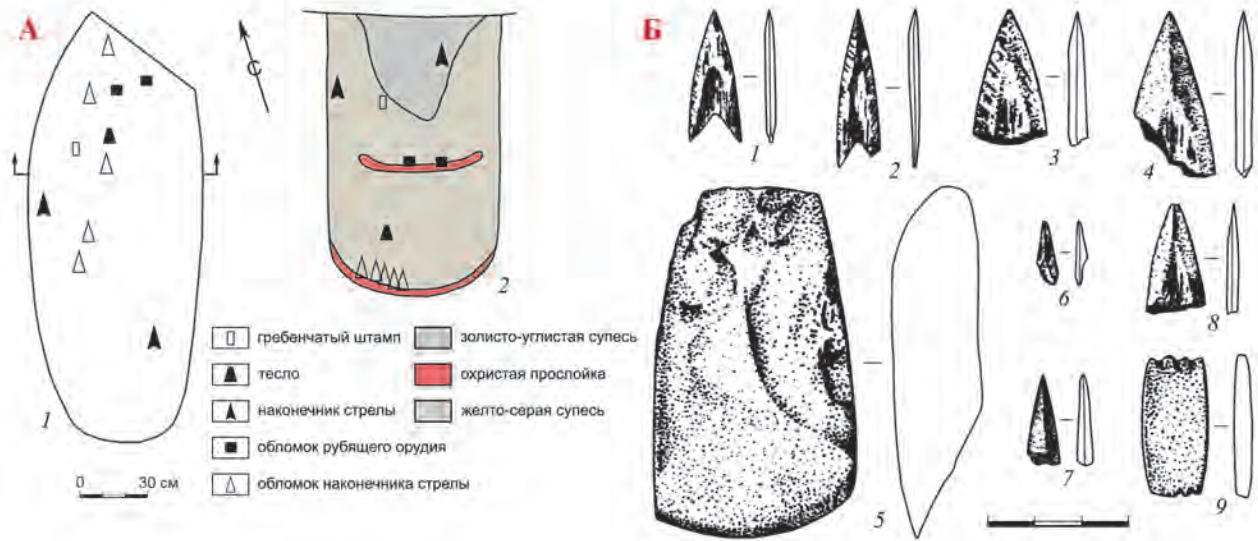

Рис. 194. Ясунское погребение: А — план (1) и разрез (2) погребения; Б — погребальный инвентарь: 1, 2 — наконечники стрел; 3, 4, 6–8 — обломки наконечников стрел; 5 — тесло; 9 — гребенчатый штамп. Камень (по: Васильев, 1996)

подвергалось тело (покрытое мягкими тканями) умершего человека вскоре после наступления момента смерти.³¹⁶ Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

В бассейне р. Северная Сосьва на Ясунском поселении изучено ярусное захоронение³¹⁷ в яме подпрямоугольной формы размером 1,88×0,8 м и глубиной 1,25 м, ориентированной по линии С–Ю (рис. 194, А).

В заполнении верхнего яруса обнаружены остатки кремации, каменный гребенчатый штамп и два шлифованных наконечника стрел с продольным желобком и шипами (рис. 194, Б — 1, 2, 9). В охристой прослойке, отделявшей верхний ярус от нижнего, залегало шлифованное, практически целое тесло из зелёнокаменной породы (рис. 194, Б — 5) и два обломка рубящих орудий из такого же материала. На дне погребения, в охре, найдены обломки верхних частей пяти шлифованных наконечников (рис. 194, Б — 3, 4, 6–8). Погребальный обряд — кремация на месте или на стороне с последующим захоронением.

На территории Сургутского Приобья погребения эпохи неолита обнаружены на могильнике Кулунигый 64.³¹⁸ К энеолиту отнесены могильники Старые Покачи 5.1,³¹⁹ Большой Салым 4³²⁰, Барсовский II³²¹ и погребение на поселении Колунгтотытор 1.³²²

³¹⁶ Отчёт о НИР по обработке антропологического материала из объектов на территории выявленного объекта культурного наследия «Городище Неушья 2.1» (раскопки 2016 года) / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Святова Е. О. Екатеринбург, 2017. 245 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 11. Д. 22.

³¹⁷ Васильев Е. А. Погребальные комплексы Ясунского озера... С. 36–46.

³¹⁸ Дудко А. А., Васильева Ю. А. Хронология грунтового могильника Кулунигый 64 (бассейн р. Большой Юган) // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. В 3-х т. Самара, 2020. Т. 1. С. 141–142.

³¹⁹ Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 146–169.

³²⁰ Коноваленко М. В., Балужева Ю. В. Указ. соч. С. 94–96.

³²¹ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 33–35.

³²² Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1...

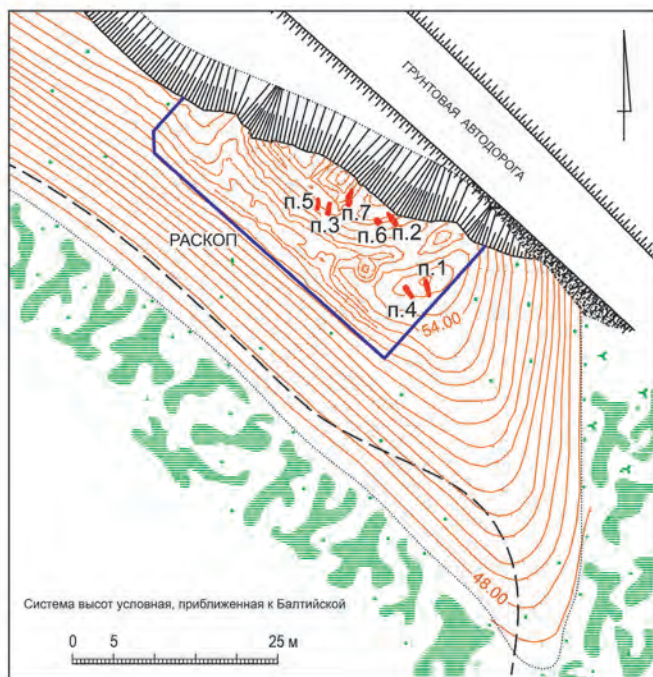

Рис. 195. Могильник Старые Покачи 5.1. Расположение погребений на плане раскопа (по: Носкова, Карачаров, 2008)

террасы правого берега р. Аган.³²⁴ На могильнике исследовано семь погребений, которые располагались, по меньшей мере, двумя широтными рядами: в одном — погребения 1 и 4, в другом — 2, 3, 5, 6 и 7 (рис. 195). Могильные ямы овальной или подпрямоугольной формы размерами 1,5–2,2×0,46–0,7 м, глубиной 0,2–0,6 м от древней дневной поверхности, ориентированы по линиям СЗ–ЮВ и С–Ю; во всех присутствовала охра.

В захоронениях 1, 3, 4 и 5 остатки черепов находились в северной части ям, в остальных погребениях кости черепа не сохранились.

В погребении 1 был захоронен мужчина 30–45 лет. Сопровождающий инвентарь представлен изделиями из камня: двумя пластинами и отщепом. На дне погребения 2 обнаружены фрагменты костей и эмаль зубов человека, возраст и пол которого определить не удалось. Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Погребение 3 совершено в яме, заполненной интенсивно окрашенным охрой песком с углём и фрагментами обугленной бересты. В ней обнаружены две каменные подвески каплевидной формы (одна — с зубчиками по краю), пластина с ретушью (фрагмент наконечника?), два отщепы.

В могильной яме погребения 4 захоронен ребёнок 1–7 лет без сопровождающего инвентаря. В погребении 5 — мужчина 18–30 лет. Рядом с черепом обнаружено шлифованное тесло,

На могильнике Кулунигы 64,³²³ расположенном на высокой коренной террасе левого берега р. Кулунигы (приток р. Большой Юган), изучено восемь погребений, образующих ряд, вытянутый по направлению СЗ–ЮВ. Могильные ямы овальной формы размерами 1,2–3,0×0,46–0,86 м и глубиной 0,31–0,9 м ориентированы по линии СВ–ЮЗ. Погребения 1–7 в юго-западной части насыщены охрой, в северо-восточной — песком с включением угля. Костные остатки плохой сохранности найдены в погребениях 3, 4, 5, 7. Сопроводительный инвентарь в могильной яме 1 представлен каменной каплевидной подвеской (размером 1,25×1,0×0,3 см); в ямах 2, 5 и 7 — обломками наконечников стрел. Функционирование могильника в диапазоне 4230–4053 л. до н. э. определено по углю из могил 2, 4–7 (табл. 38).

Могильник Старые Покачи 5.1 расположен на высоком, до 9 м, мысу коренной

³²³ Дудко А. А., Васильева Ю. А. Указ соч. С. 141–142.

³²⁴ Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Указ соч. С. 146–169.

на черепае — круглая плоская бусина из кости, ещё одна бусина обнаружена при в просеве заполнения. В южной части ямы найдены две пластины со сколами (заготовки орудий?), в просеве — обломок наконечника стрелы, отщеп и чешуйка, пластина со сколами (рис. 196).

Погребение 6 частично разрушено. Достоверно определить количество погребённых в могильной яме не удалось. Кости могли принадлежать ребёнку 6–8 лет, останки которого были сложены компактным пакетом после расчленения или скелетирования тела. Может быть, в могилу были помещены тела двоих детей 4–8 лет. Из погребения происходят фрагмент костяной бусины в виде усечённого конуса, скол со шлифованного сланцевого орудия и отщеп, а также шлифованные наконечники стрел треугольной формы с шипами и с продольными желобками — два целых и один обломок (рис. 197). Такой же наконечник залегал рядом с могильной ямой. Погребение 7 частично разрушено. В заполнении найдено два фрагмента эмали зубов взрослого человека, сопроводительный инвентарь не обнаружен.

С погребальным комплексом, предположительно, связано 23 фрагмента не менее чем от 6 сосудов. Все обломки найдены за пределами могильных ям. Сосуды изготовлены из глины с примесью крупного шамота, мелкозернистого песка и органики. Их поверхность покрыта узорами в виде горизонтальных двойных зигзагообразных линий и рядов наклонных оттисков тонкого двузубого гребенчатого штампа. Фрагменты подобных сосудов присутствуют в материалах энеолитического могильника Чепкуль 21 в Тюменской области.³²⁵ Несколько фрагментов покрыто горизонтальными рядами наклонных оттисков гладкого тонкого штампа, рядами вертикальных оттисков; линиями, выполненными в отступающе-накольчатой технике; параллельными линиями, составленными из оттисков короткого гладкого штампа.

Радиоуглеродные даты указывают на вероятное время функционирования могильника Старые Покачи 5.1 (табл. 38) в середине III тыс. до н. э. (XXVI–XXV вв. до н. э.³²⁶).

На могильнике Барсов городок 2 (Барсовский II), расположенном в юго-восточной части урочища Барсова Гора, на высоком, до 26–28 м, участке берега протоки Утоплой р. Обь, изучено три захоронения. Яма погребения 1 неправильной овальной формы, размером 2,05×0,7 м, глубиной 0,35 м от древней поверхности, ориентирована по линии СВ–ЮЗ, заполнена охрой (рис. 198, А). В её северо-западной половине зафиксированы спёкшиеся скопления обожжённых костей взрослого мужчины; в северо-восточной — обугленные плахи. Погребальный обряд — кремация на стороне с последующим помещением останков в могилу.³²⁷ Сопроводительный инвентарь представлен обломком шестигранного шлифованного наконечника стрелы, отщепом и фрагментами, как минимум, от пяти ёмкостей: двумя археологически целыми и обломками трёх сосудов³²⁸ (рис. 198, Б). Нижняя часть одного из них декорирована оттисками и прокатыванием шнурового штампа. Неглубокая чаша с открытым устьем и уплощённым дном в верхней части не орнаментирована, а в нижней трети и на дне расположены горизонтальные ряды наколов. Сосуд полуяйцевидной формы украшен широкими

³²⁵ Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. 2005. № 6. С. 33, 40.

³²⁶ Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 166–167.

³²⁷ Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 33–35.

³²⁸ Дубовцева Е. Н. и др. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2016. С. 61–68.

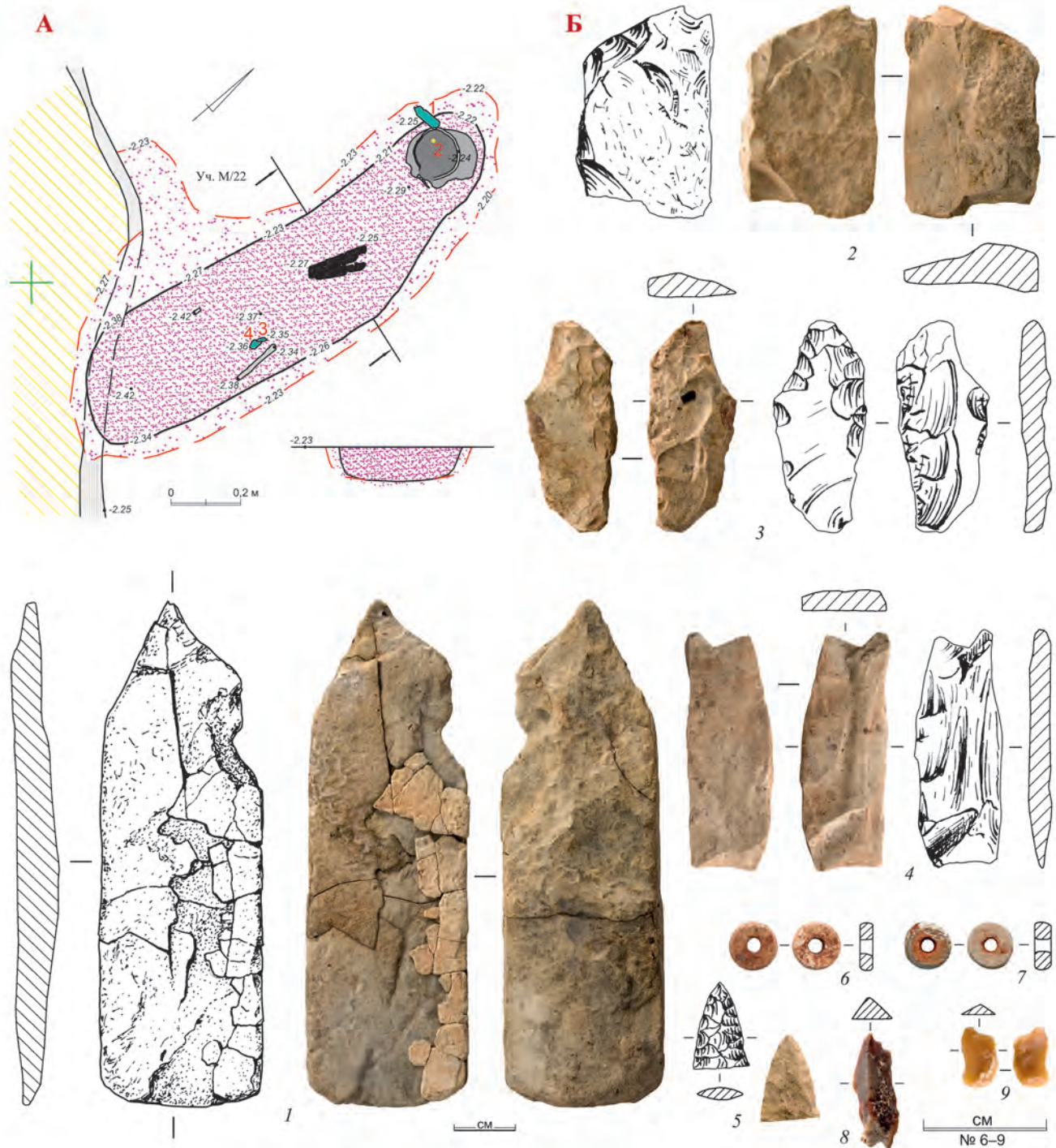

Рис. 196. Могильник Старые Покачи 5.1.

Погребение 5. А — план и разрез; Б — инвентарь: 1 — тесло (на плане № 1); 2, 3 — заготовки орудий (на плане № 4 и 3); 4 — заготовка орудия; 5 — фрагмент наконечника стрелы; 6 — бусина (на плане № 2); 7 — бусина; 8 — отщеп; 9 — чешуйка. Камень (по: Носкова, Карачаров, 2008)

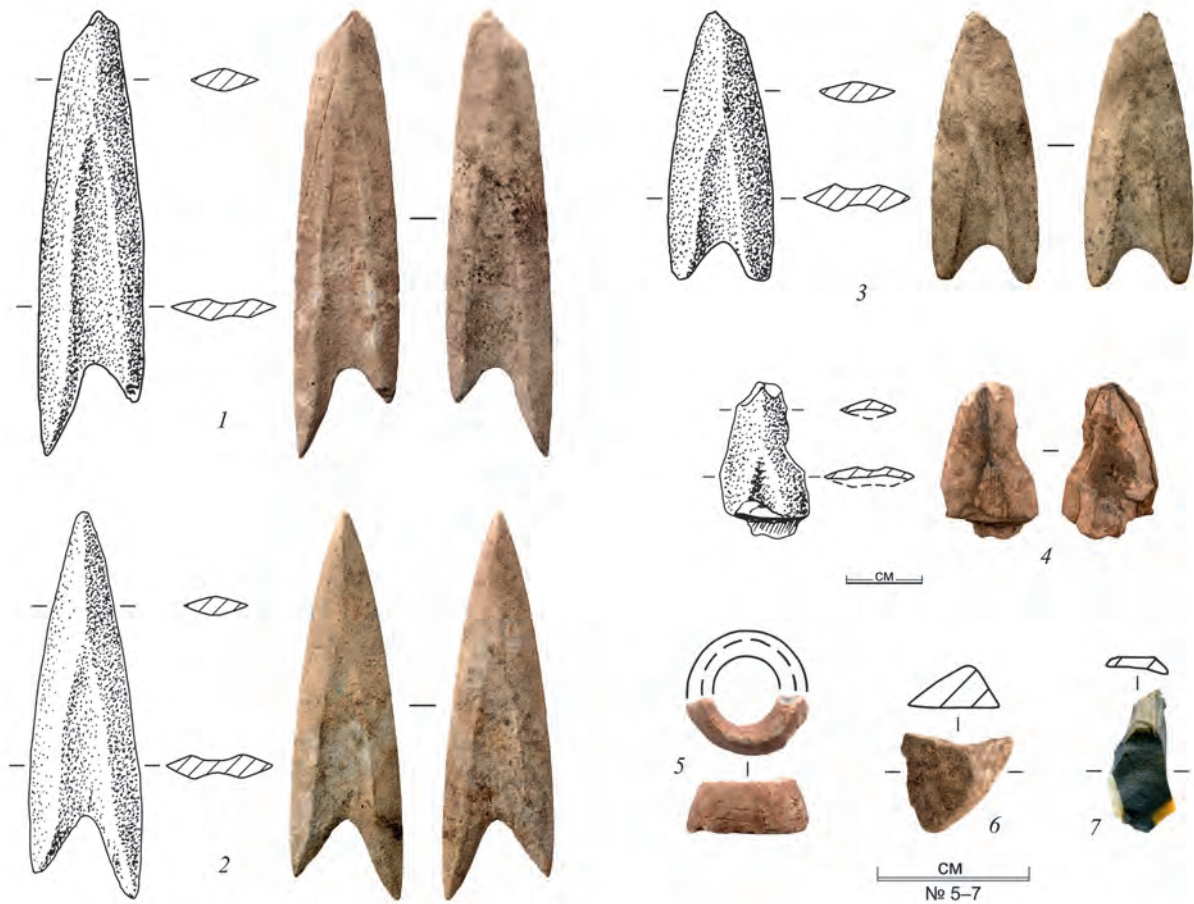

Рис. 197. Могильник Старые Покачи 5.1. Погребение 6.
1–3 — наконечники стрел; 4 — обломок наконечника стрелы; 5 — фрагмент бусины; 6 — скол со шлифованного орудия; 7 — отщеп. Камень (по: Носкова, Карачаров, 2008)

поясами взаимопроникающих заштрихованных треугольников, разделённых горизонтальными поясами сдвоенных ямочных наколов. Под венчиком, поверх основного узора, нанесены два ряда ямок в шахматном порядке (рис. 198, Б — 4). Для фрагментированных сосудов характерна разреженная орнаментация. Керамика из погребения могильника Барсовский II имеет аналогии с материалами энеолитического могильника Большой Салым 4, а также с посудой неолитических поселений Барсова гора II/22 (жилище 2, 3), II/8 (жилище 6, 7, 2), II/10 (жилище 12). По форме сосудов, примеси песка в сочетании с шамотом, орнаментации аналогии прослеживаются с керамикой поселения Большой Ларьяк II. Могильные ямы 2 и 3 не содержали останков умерших и погребального инвентаря; отнесены к кенотафам.³²⁹

Археологический комплекс Большой Салым 4 расположен на правобережье среднего течения р. Большой Салым. Семь энеолитических погребений, врезанных в мезолитические объекты, образовали плотный ряд, вытянутый параллельно краю надпойменной террасы.

³²⁹ Дубовцева Е. Н. и др. Новые данные по первому погребению...

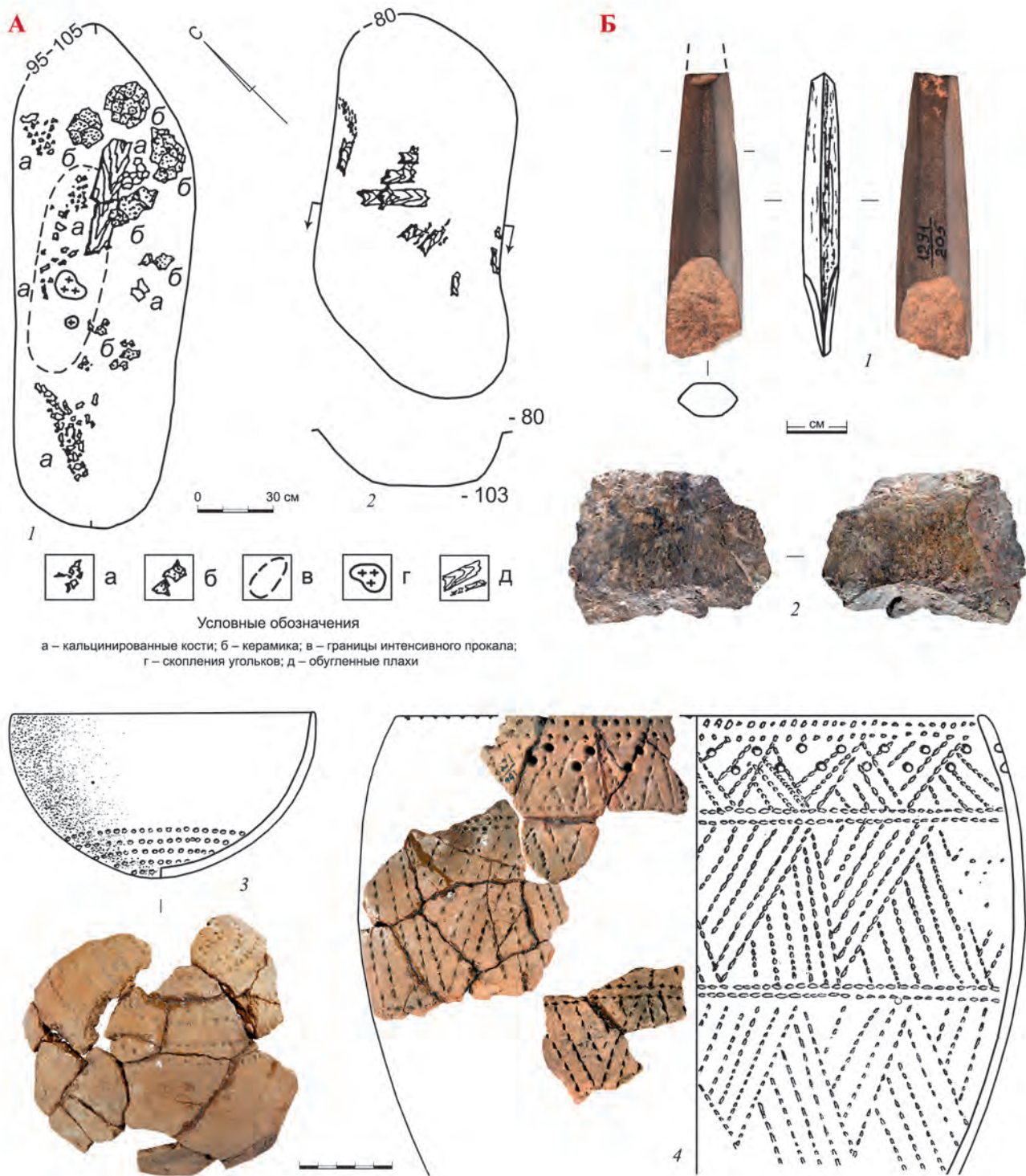

Рис. 198. Могильник Баровский II.
А – план погребения 1 (1), план и профиль погребения 3 (2); Б – инвентарь из погребения 1:
1 – наконечник стрелы; 2 – отщеп; 3, 4 – керамика (по: Чемякин, 2008)

Могильные ямы подпрямоугольной формы размерами 1,2–2,2×0,6–0,96 м и глубиной от современной поверхности от 0,4 до 0,85 м ориентированы по линии СВ–ЮЗ.³³⁰

В погребении 1 в линзе тёмно-малиновой охры обнаружены кремированные останки, в том числе зубы ребёнка 3-х лет. Сопроводительный инвентарь представлен обломком шлифованного топора и венчиком миниатюрного сосуда с накольчатый орнаментом.

Погребение 2, смещённое к юго-востоку относительно других захоронений, выделяется составом и количеством инвентаря. Кремированные останки принадлежат взрослому индивиду 25–30 лет. В центре могильной ямы, в слое охристого песка, обнаружены две компактные группы предметов. В северо-восточной части залежали обломок наконечника копья длиной около 20 см и фрагменты абразива (рис. 199, 12, 14). В юго-западной — девять каменных наконечников стрел листовидной, рыбковидной и треугольной формы с глубокой выемкой в основании, два фрагмента глиняной фигурки соболя/куницы и две небольшие кварцевые гальки (рис. 199, 1–11, 13). Один наконечник изготовлен из сланца, остальные предметы — из серо-зеленоватой кремнистой породы.

С погребением 2 можно соотнести фрагментированный сосуд с оттисками тонкого штампа.³³¹

Погребение 3 — двухъярусное коллективное захоронение взрослых мужчины и женщины, ребёнка 2–4 лет. На верхнем ярусе, в слое охры, обнаружены фрагменты от трёх емкостей и компактно расположенные развалы четырёх сосудов. На нижнем ярусе, среди кремированных останков взрослых индивидов, залежал целый сосуд с накольчато-прочерченным орнаментом в нижней трети, подвеска каплевидной формы из зернистой красно-коричневой породы и скребок из кремнистого сланца. Из верхнего яруса получены ¹⁴C даты 4542±70 л. н. (SPb-1574), 5109±80 л. н. (SPb-1575), 4540±70 л. н. (SPb-1580) (табл. 38).

В погребении 4 найдены кремированные останки мужчины 21–35 лет. Инвентарь залежал в пятне охры в центральной части могилы. Представлен каменным шлифованным теслом, расколотым абразивным брусом и миниатюрным остродонным неорнаментированным сосудом. По углю получена ¹⁴C дата — 6300±100 л. н. (SPb-1588) (табл. 38).

Погребение 5 — двухъярусное захоронение взрослого индивида. На верхнем ярусе обнаружен развал сосуда закрытой формы, орнаментированный оттисками гладкого штампа, образующими сетчатый орнамент. Нижний ярус маркирован мощным слоем охристого песка, в котором найден шлифованный топор из зелёнокаменной породы.

В погребении 6, выполненном по обряду ингумации, обнаружена эмаль зубов нижней челюсти мужчины 20–25 лет. Головой погребённый ориентирован на СВ.

В погребении 7, расположенном в 50 м к северу от остальных, захоронение взрослого индивида 20–25 лет выполнено по обряду ингумации. Костяк ориентирован в направлении С–Ю. На дне могильной ямы, в линзе охристого песка, обнаружена эмаль зубов верхней и нижней челюсти. У головы погребённого найдено остриё на кварцевой пластине.

Во всех погребениях могильника Большой Салым 4 отмечено использование охры; в пяти случаях захоронение умерших производилось по обряду кремации на стороне при

³³⁰ Коноваленко М. В., Балужева Ю. В. Указ. соч. С. 94–96.

³³¹ Там же. С. 94–96.

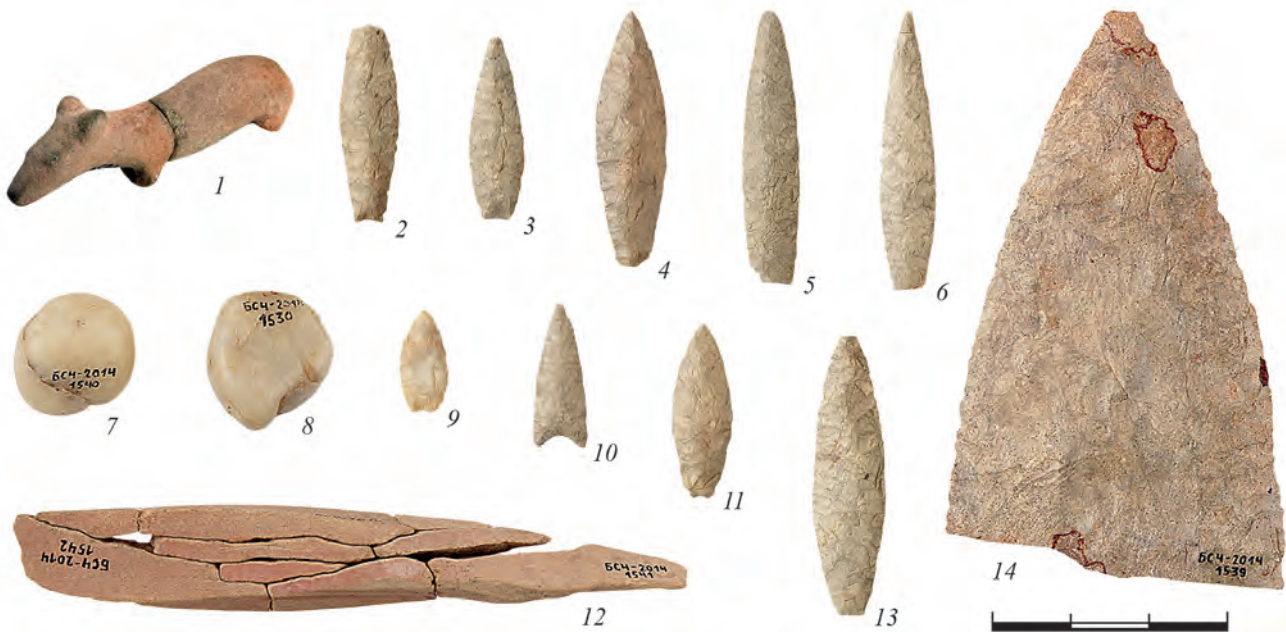

Рис. 199. Могильник Большой Салым 4. Инвентарь из погребения 2.
1 — зооморфная скульптурка; 2–6, 9–11, 13 — наконечники стрел; 7, 8 — гальки; 12 — абразив; 14 — обломок копья.
7, 13 — глина, остальное — камень. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

температуре в среднем 500–800 °С, мягкие ткани перед сожжением тела не удалялись; два — по обряду ингумации. Шесть погребений одиночные, одно из них принадлежало ребёнку в возрасте около трёх лет, остальные — взрослым. Одно погребение коллективное, в нём обнаружены фрагменты скелета взрослого мужчины, взрослой женщины и ребёнка в возрасте 2–4 лет. Насыщенность могил погребальным инвентарём различна, одна могила — безинвентарная. Погребальный инвентарь представлен фрагментами 12 сосудов и изделиями из камня, отмечен факт умышленной порчи или слома предметов. В четырёх из пяти одиночных погребений были обнаружены кремированные останки не только людей, но и животных, в одном случае удалось идентифицировать фрагмент нижней конечности северного оленя. Погребальный обряд и инвентарь находят аналогии в энеолитических могильниках Барсовский II и Старые Покачи 5.1.³³²

Одиночное погребение изучено на многослойном поселении Колунгтотытор 1, расположенном на северо-восточном берегу одноимённого озера.³³³ Для захоронения мужчины 45–50 лет была использована одна из внешних ям жилища быстринской культуры. Погребение выполнено по обряду ингумации в положении вытянуто на спине, головой на запад, череп покрыт охрой. Погребальный инвентарь не найден.

На поселении Кулынигыт 5 в разных сооружениях найдено более 80 сланцевых подвесок каплевидной формы, которые, возможно, происходят из разрушенных погребений энеолитического могильника.

³³² Коноваленко М. В., Балужева Ю. В. Указ. соч. С. 94–96.

³³³ Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1... С. 301–302.

Таким образом, особенностью нео-энеолитических погребальных памятников центральных и северных районов Западной Сибири являются захоронения, в которых отсутствуют останки усопших и/или сопроводительный инвентарь, что, в том числе, может объясняться неудовлетворительной степенью сохранности того и другого. По материалам могильников с благоприятной совокупностью почвенных условий известно, что значительная часть погребального инвентаря изготавливалась из органических материалов: дерева, кости, рога, зубов животных.³³⁴ Культурная атрибуция многих захоронений затруднена из-за отсутствия изделий с диагностирующими признаками.

Погребальный обряд эпохи неолита и энеолита

Погребальный обряд — одна их наиболее консервативных сфер культуры. На исследуемых территориях он сохранялся практически без изменений с эпохи мезолита до бронзового века. Погребения эпохи неолита и энеолита имеют больше черт сходства, чем особенностей, которые прослеживаются лишь в облике сопроводительного инвентаря.

Пространственная организация погребений является археологически видимым показателем. Локализация в пространстве, место погребения, характер надмогильного сооружения, наличие или отсутствие могильной ямы обуславливались помимо прочих важных обстоятельств топографическим положением захоронений.

На территории средне-таёжной подзоны Западной Сибири изучены могильники и отдельные погребения на поселениях. Те и другие располагались на возвышенностях или мысовидных выступах террас (могильники Старые Покачи 5.1, Лева VIII, поселения Большая Умытья 9, Большая Умытья 100 и Колунгтотытор 1).

На могильниках погребения, как правило, располагались рядами (Старые Покачи 5.1), параллельными краю берега (Большая Умытья 8, Большая Умытья 100, Большой Салым 4), или группами (Лева VIII). Основой могильных сооружений являлись ямы подпрямоугольной, реже овальной, формы, размеры и пропорции которых, по-видимому, были индивидуальны и приближены к параметрам тела, уложенного в горизонтальном положении. Размеры ям детей не отличаются от взрослых (могила 24 Большой Умытья 100; погребения 4 и 6 могильника Старые Покачи 5.1). Глубина ям варьирует в пределах одного могильника от 0,2 до 1,5 м, что может быть объяснено сезонностью захоронений, причиной смерти, социальным статусом погребённого и др. В некоторых случаях отмечена корреляция глубины могильной ямы и количества сопровождающего инвентаря: чем больше глубина, тем многочисленнее и/или оригинальнее инвентарь (могилы 10 и 12 Большой Умытья 100; Лева VIII).

Не исключено, что в ямах сооружали деревянные конструкции. Косвенными признаками их наличия в могилах являются пристенные канавки по периметру дна, уголь и «свежие»

---

³³⁴ См.: Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИА. М., 1952. Вып. 47. С. 15–16; Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. 431 с. (МИА; № 47); Костылева Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010. 300 с.; Костылева Е. Л. Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш IIa (Центральная Россия) // *Historia Provinciae. Журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 4. С. 291–293; Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Слепченко С. М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мергень // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015. С. 72–74.

сколы со шлифованных рубящих орудий в заполнении ям. Наличие ярусных захоронений также может указывать на возведение в могиле разделяющих перекрытий. Отсутствие случайных нарушения ям в пределах одного ряда свидетельствует о том, что в древности погребения имели на поверхности какие-то опознавательные знаки.

Ориентировка ям относительно сторон света вариативна, преобладает СЗ–ЮВ (Большая Умытья 8, 9, 100), реже встречается ориентировка С–Ю (ямы 1, 3, 5, 7 могильника Старые Покачи 5.1; яма 7 Большого Салыма 4) и СВ–ЮЗ (ямы 1 и 3 могильника Барсовский II; ямы 1–6, 8 Большого Салыма 4).

Преобладают одиночные погребения с горизонтальным положением тела, ориентированным головой в северном направлении. Тела укладывали в выпрямленной позе с вытянутыми вдоль туловища руками. Возможно, перед помещением в могильную яму тела усопших «пеленали», пересыпая охрой. Анатомическая целостность костяка редко фиксируется из-за плохой сохранности. Встречаются ярусные захоронения (могилы 16А и 16Б Большой Умытья 100; Ясунское погребение; погребения 3 и 5 могильника Большой Салым 4), единичны парные захоронения в одной яме (могила 9, Большая Умытья 100; погребение 6, Старые Покачи 5.1).

В погребальном обряде прослеживается разная степень использования огня — частичная или полная кремация на стороне (Большая Умытья 100, Неушья 2.1, Ясунское погребение, Барсовский II, Большой Салым 4); ингумация с последующим частичным обгоранием костей (Старые Покачи 5.1, Лева VIII). Кремированные останки захоранивали в могилах с охрой. Сожжённые кости компактно помещали по центру ям, размеры и глубина которых были близки ямам с труположением.

Часть могильников являются биритуальными (Большая Умытья 100, Большой Салым 4). Только кремированные погребения осуществлялись на могильниках Неушья 2.1 и Барсовский II.

На могильниках представлены все половозрастные категории, за исключением стариков. Захоронения детей зафиксированы как в одиночных погребениях (могила 24 Большой Умытья 100; погребение 4, Старые Покачи 5.1; погребение 1, Большой Салым 4), так и в ярусных (погребение 3, Большой Салым 4).

Посыпка охрой присутствует почти во всех погребениях, но встречаются исключения (Большая Умытья 100).

Насыщенность погребальным инвентарём различна, известны как безинвентарные могилы, так и с большим количеством предметов. Состав вещей разнообразен. Умерших сопровождали каменные изделия: орудия для обработки дерева (тёсла, стамеска, струг) и охоты (наконечники стрел и копий), заготовки (пренуклеус), отщепы и пластины; индивидуальные украшения из камня, смолы и кости; керамика; мелкая глиняная пластика; иногда кости зверей. Сколы со шлифованных орудий и мелкие кусочки обожжённой глины в заполнении ям не обязательно являлись погребальным инвентарём, могли попасть в могилу в процессе подготовки захоронения (строительство конструкций, кремация на стороне и т. п.).

Вещи специально подготавливались для захоронения, но по-разному. В неолитических погребениях могильника Большая Умытья 100 были подновлены лезвия каменных тёсел, подретушированы грани наконечника, а керамика представлена повреждёнными сосудами и фрагментами. Характерной чертой погребального ритуала энеолита являлась преднамеренная порча предметов. Практически во всех погребениях встречены поломанные вещи, большинство обломанных частей отсутствует.

Имело место особое отношение к черепакам умерших, которое проявлялось в маркировании их охрой. Череп человека послужил материалом для изготовления перфорированного диска, положенного в одном из погребений могильника Большая Умытъя 100. Из черепа человека, захороненного в могиле 7 этого же памятника, вероятно, была изготовлена «чаша».

В расположении вещей в могилах прослежены определенные закономерности. В районе головы помещены тѣсла (могилы 10, 15, Большая Умытъя 100; погребение 1, Большая Умытъя 9; погребение 5, Старые Покачи 5.1), наконечники стрел (Большой Салым 4), костяной бисер (погребения 5, Старые Покачи 5.1); на шее — ожерелье из пронизок (могила 1, Большая Умытъя 100); у пояса — гребенчатый штамп (могила 7, Большая Умытъя 100); в ногах — кремнёвые пластины (погребения 5, Старые Покачи 5.1), керамика (погребение 22, Большая Умытъя 100; погребение 1, могильник Барсовский II).

Различия погребальных памятников эпох неолита и энеолита прослеживаются, главным образом, по типологии погребального инвентаря. Культурно-хронологическим индикатором энеолитических погребений являются каменные наконечники стрел, наконечник копья-бифаса, каплевидные подвески, костяной бисер и небольшие целые сосуды. Энеолитические наконечники стрел: шлифованные треугольные с шипами и продольным желобком (Леуши XIV, Ясунское погребение; погребение 6, Старые Покачи 5.1) и ретушированные рыбковидной формы (погребения 3 и 5, Старые Покачи 5.1), листовидной, треугольные с выемкой в основании. Каменные шлифованные подвески обнаружены в погребении 3 могильника Старые Покачи 5.1 и погребении 1 Лева VIII; костяной бисер — в погребениях 5 и 6 могильника Старые Покачи 5.1.

На протяжении всего неолита и энеолита прослеживается сходство традиций погребального обряда населения Кондинской и Среднеобской низменностей, Зауралья, Тюменского Притоболья и, отчасти, Тоболо-Ишимья.³³⁵

В таёжной зоне Западной Сибири две традиции — ингумация и кремация — существовали с мезолита до эпохи раннего металла. Длительное сохранение основных традиций погребального обряда свидетельствует, вероятно, об автохтонности населения этой территории.

---

³³⁵ См.: Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург, 2011. С. 49–119; Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Слепченко С. М. Указ. соч. С. 72–74; Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Указ. соч. С. 24–31; Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень, 2012. 154 с. (Древности Ингальской долины; вып. 3); Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 13–22; Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989. 104 с.; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // АЭАЕ. Т. 44, № 2. 2016. С. 30–36; Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 23–27; Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск, 2001. 128 с.; Бобров В. В. К проблеме исследования «плоскодонного» неолита Западной Сибири (хроностратиграфический аспект) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 150–163; Марочкин А. Г. О двух погребально-обрядовых провинциях в Западной Сибири в периоды неолита — энеолита — ранней бронзы // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2019. С. 110–112.

Глава 6

Процессы неолитизации и культурные связи

В лесной зоне Евразии появление керамики является одним из самых ярких критериев выделения неолитической эпохи. Механизм распространения глиняной посуды — фундаментальный вопрос, тесно связанный с дискуссиями о процессе неолитизации и содержании эпохи. Западная Сибирь является важным регионом в исследовании этой проблемы: с одной стороны, эта территория находится на периферии первичных центров возникновения гончарства, а с другой — имеет ранние свидетельства освоения керамики.

Наличие некоторых черт сходства в керамике с неолитическими культурами Поволжья, Северного Прикаспия, Приаралья, Казахстана привело к формированию миграционной гипотезы о начальных этапах неолитизации Западной Сибири, то есть о становлении раннеолитических культур в результате прямых и неоднократных миграций южного населения на север. Причины миграций связываются с изменениями климата.³³⁶

Автохтонная гипотеза неолитизации Западной Сибири предполагает формирование неолитических комплексов на местной основе. По мнению ряда исследователей — её сторонников,³³⁷ распространение гончарной технологии в последней трети VII тыс. до н. э. не повлекло за собой видимых изменений в хозяйственном укладе местного населения, в домостроительстве и каменной индустрии прослеживается преемственность с местными мезолитическими культурами.³³⁸

Однако древнейшие керамические комплексы Западной Сибири демонстрируют высокий технологический уровень, а также общность морфологии и орнаментации на огромной территории, что ставит под сомнение гипотезу о самостоятельном изобретении керамики местным населением. Скорее всего, керамика, или умение её изготавливать, появилась на территории центральных и северных районов Западной Сибири, как и в Восточной Европе, в результате прямых или опосредованных контактов между общинами, владеющими и не владеющими знаниями и умением изготовления керамической посуды. Существует и диффузионная модель заимствования керамической технологии, которая предполагает инфильтрацию в местные сообщества небольших по численности инородных групп или

³³⁶ См.: Зах В. А., Еньшин Д. Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 34–43; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии... С. 30–43.

³³⁷ Молодин В. И. [и др.] Барабинская культура раннего неолита ... С. 69–93.

³³⁸ Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов... С. 216–228.

индивидов, что объясняет отсутствие коренных изменений в других сферах хозяйствования. Она предполагает достаточно устойчивые связи населения лесостепной и лесной зон. Исходным импульсом для распространения керамического производства на север действительно могли послужить климатические изменения, когда в условиях аридизации происходили подвижки населения в лесную зону, где на основе местных мезолитических культур формировались ранненеолитические. Дальнейшее распространение керамики в глубь лесной зоны могло осуществляться уже по цепочкам коммуникаций.³³⁹ Аналогичный механизм неолитизации можно предполагать для Зауралья и Западной Сибири. По-видимому, распространение керамики явилось результатом многократно повторяющихся культурных контактов в различных частях Евразии, а не результатом непосредственного переселения из какого-то одного центра.

Появление керамики в лесной зоне Западной Сибири на рубеже VII–VI тыс. до н. э. сопровождается и другими инновациями, в частности, появлением укрепленных поселений, в том числе с круговой планировкой, и культовых холмов. Возведение этих объектов требует слаженных усилий большого коллектива, их структура свидетельствует о многократных посещениях. Начиная со среднего неолита, появляются признаки формирования годового хозяйственного цикла: некоторые поселения носят всесезонный характер, а другие представляют собой летние промысловые стоянки.

Трансформируется и каменная индустрия. В комплексах раннего неолита таёжной зоны присутствуют кремневые микропластинки, но к среднему неолиту вкладышевая техника сходит на нет. Формируется каменная индустрия типично таёжного облика, основанная на местном кварцевом и некачественном кремнистом сырье, направленная на получение заготовок-отщепов ударной и контрударной техникой. Технология производства шлифованных орудий достигает высокого уровня. Они занимают существенную долю в каменном инвентаре. Эти изменения следует рассматривать как адаптацию к местной специфической сырьевой базе.

По крайней мере, с периода среднего неолита в таёжной зоне Западной Сибири произошло существенное увеличение плотности населения, что выразилось как в росте количества поселений, так и в увеличении площади жилищных объектов. Это было связано с успешной адаптацией древнего населения к природным условиям и развитием высокопродуктивного хозяйства, основанного на комплексной присваивающей экономике. Не исключено, что имел место и приток населения с соседних территорий.

Увеличение плотности населения в среднем неолите неизбежно приводило к контактам различной направленности и установлению социальных, экономических и родственных связей между отдельными коллективами. В таких условиях неизбежен обмен культурными традициями, что ярко проявилось в исследованных керамических комплексах. Средний неолит характеризуется наибольшей культурной пестротой, что проявляется в смешении навыков гончарного производства и орнаментальных стилях. Для этого периода характерны жилищные комплексы с несколькими типами керамики. Сочетание разных технических приемов декорирования в керамических комплексах и даже на отдельных сосудах является, скорее, правилом, нежели исключением. Это характерно для сумпаньинского, барсового-

---

³³⁹ Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004. 157 с.

ского и немнёлского типов памятников. Возможно, смешанные гончарные традиции отражают социальную структуру древних обществ.

По данным этнографии обских угров и самодийцев, присваивающее многоотраслевое хозяйство таёжных охотников-рыболовов диктует дисперсное расселение небольших по численности общин-домохозяйств. В этих условиях оптимальной становится относительно высокая сезонная мобильность домохозяйств, каждое из которых на протяжении хозяйственного года могло включаться в разные временные объединения, состав которых не отличался постоянством. Следствием и условием этого могла выступать разветвлённая сеть социальных связей по родству и свойству,³⁴⁰ мобильность элементного состава более крупных социальных структур, например, фратриальных.³⁴¹ Не исключено, что нечто подобное могло иметь место и в неолитическую эпоху.

Культурные связи таёжных охотников, рыболовов и собирателей Западной Сибири, унаследованные по керамике, прослеживаются в двух основных направлениях: в западной части Урало-Западносибирского региона — вдоль восточных склонов Уральского хребта (левобережье речной системы Тобол — Иртыш — Нижняя Обь); в более восточных районах — по речной системе Иртыш — Обь (лесостепное Обь-Иртышье — Среднее Приобье — правобережье Нижней Оби). Вероятно, они отражают как магистральные пути расселения, так и господствующие векторы межкультурных контактов. Но уже на широте Сургутского Приобья оба направления связей пересекаются, порождая переплетение морфологических и орнаментальных признаков керамики западной и восточной частей ареала урало-западносибирской культурной общности.

В период раннего неолита (последняя треть VII — первая половина VI тыс. до н. э.) трендом гончарства является изготовление плоскодонной посуды и декорирование её в накольчатой и прочерченной техниках. Такая посуда получает широкое распространение в бассейне рр. Обь и Иртыш. Наиболее южными являются неолитические комплексы Барабинской лесостепи — Тартас 1, Усть-Тартас, Автодром 2 и другие,³⁴² а северными — памятники Нижнего Приобья: Амня I, Сартынья I. Прослеживаются общие черты между ранней керамикой Нижнего Приобья и Северного Зауралья и ранней накольчатой керамикой Прикамья и Европейского Северо-Востока.³⁴³ Сходство проявляется как в технологии изготовления посуды — использовании исходного сырья в сухом состоянии с обильной примесью органического раствора, так и в морфологии и орнаментации.³⁴⁴ Вместе с тем традиции домостроения и обработки камня раннеолитического населения северных районов Западной Сибири имеют элементы сходства с традициями мезолитического и раннеолитического населения лесной зоны Европейской части России. Ареал строительства двухкамерных построек в VIII–VII тыс. до н. э. охватывает большую территорию лесной зоны Северной Евразии:

³⁴⁰ Перевалова Е. В. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 124–125.

³⁴¹ Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 268 с.

³⁴² См.: Бобров В. В. К проблеме исследования «плоскодонного» неолита...; Молодин В. И. и др. Барабинская культура раннего неолита... С. 69–93.

³⁴³ См.: Лычагина Е. Л. Ранний неолит Прикамья // АЭАЕ. 2013. № 4(56). С. 50–57; Карманов В. Н. Неолитическое население на европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии. М., 2012. С. 419–446.

³⁴⁴ Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 103–124.

бассейн р. Конда, Камско-Вятское междуречье, среднее и верхнее Поволжье, Карелию.³⁴⁵ Появление в неолитических комплексах Западной Сибири ретушированных наконечников стрел на пластинах является новшеством, тогда как в Европейской части России этот тип изделий распространён в парчëвской, пургасовской, свидерской и других культурах мезолита.³⁴⁶ В раннем неолите такие наконечники известны в елшанской и верхневолжской культурах.³⁴⁷ В Зауралье подобные наконечники стрел найдены на Усть-Вагильском и Кокшаровском холмах, на поселениях боборькинской и кошкинской культур.³⁴⁸

Пути проникновения керамики с гребенчатой орнаментацией в таëжную зону пока не ясны. В раннем неолите она концентрируется в северо-таëжной зоне. Возможно, истоком этой традиции являются регионы, лежащие к востоку.³⁴⁹

Наиболее заметным явлением среднего неолита (вторая половина VI — первая половина V тыс. до н. э.) является распространение тонкостенной керамики преимущественно с прореченной орнаментацией. Её ареал охватывает Кондинскую и Среднеобскую низменности, единичные памятники известны в Нижнем Приобье (Северная Сосьва) и Юганско-Салымском междуречье. Происхождение чилимкинских и чëстыйягских керамических типов напрямую связывалось с влиянием или миграциями южного населения в таëжную зону в IV–III тыс. до н. э. Исследователи обращали внимание на их сходство с материалами синхронных прииртышских (раннеекатерининских) керамических комплексов, а также с посудой кельтеминарской культуры.³⁵⁰ Сходство керамики умытйинского, быстринского и чëстыйягского типов с материалами Барабы, Среднего Прииртышья и южных районов Васюганья³⁵¹ привело к формированию миграционной гипотезы появления такой посуды в таëжных районах Западной Сибири³⁵² — цепочка поселений со сходной керамикой прослеживается по рр. Обь и Иртыш.

³⁴⁵ Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде... С. 124.

³⁴⁶ См.: Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006. С. 43; Сорокин А. Н. Пургасовская культура: к 30-летию изучения // КСИА. М., 2015. Вып. 239. С. 314; Хрусталева И. Ю. Кремневые наконечники поселения каменного века Сертя XIV (Велижский район, Смоленская область) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2021. Вып. 12. С. 193–216.

³⁴⁷ См.: Андреев К. М. Характеристика раннеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 198–211; Цветкова Н. А. Начало неолитической эпохи на Верхней Волге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, Вып. 2. С. 683–717; Vybornov A., Konstantin A., Somov A., Kulkova M. The Neolithic evolution and cultural transformations in the Povolzhye region (Eastern Europe) // Documenta Praehistorica. 2020. Vol. XLVII. P. 222–230. URL: <https://journals.uni-lj.si/DocumentaPraehistorica/article/view/47.12/9173> (дата обращения: 10.11.2022).

³⁴⁸ См.: Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма ... С. 184. рис. 1, 9, 10; Шорин А. Ф., Шорина А. А. Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 266, рис. 5, 1–9; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборькинская культура. Екатеринбург, 2010. С. 38, рис. 9, 6; С. 100, рис. 57, 1–6; Шаманаев А. В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевское) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 146, рис. 1, 1.

³⁴⁹ Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // УИВ. 2014. № 2 (43). С. 30–40.

³⁵⁰ См.: Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век... С. 15; Глушков И. Г., Соболюнкова Т. Н. Указ. соч. С. 31–33.

³⁵¹ Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 — памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 1. С. 58–59.

³⁵² См.: Косинская Л. Л. Поселение Быстрый Кульëган 66... С. 63–64; Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите... С. 199–202.

В бассейне р. Конда некоторое время комплексы умытгинского типа соседствуют с поселениями шоушминского типа. По-видимому, между оставившими их группами таежных охотников в первой половине VI тыс. до н. э. существовали тесные контакты, отразившиеся в появлении многокомпонентных и смешанных комплексов. Одним из вариантов смешения умытгинской и шоушминской гончарных традиций является оформление керамических комплексов сумпаньинского типа.

В комплексах шоушминского типа прослеживается влияние кокшаровско-юрьинской (козловской) керамической традиции Зауралья при сохранении местной сырьевой базы производства посуды и каменных орудий. Близость, а иногда и тождество, форм и орнаментов шоушминской и кокшаровско-юрьинской посуды является признаком существования одного культурного пространства на территории бассейнов рр. Сосьва, Конда, Тавда, Тура, Исеть и нижнего течения Тобола. Близкие черты посуда шоушминского типа имеет и с посудой каюковского типа Среднеобской низменности.

В позднем неолите, со второй половины V тыс. до н. э., в бассейне р. Конда наблюдается смена орнаментального стиля: переход к печатно-гребенчатому орнаменту, что характерно для памятников с ушьинским типом керамики. Отмечая типологическую близость керамики ушьинского типа бассейна р. Конда, шuvaкишского типа Среднего Зауралья и шапкульской культуры Притоболья, С. Ф. Кокшаров отнёс памятники с подобной керамикой к одному хронологическому пласту, предположив, что они отражают раннеэнеолитический этап восточно-уральской историко-культурной области.³⁵³ Согласно калиброванным значениям дат памятников ушьинского типа, шапкульской культуры³⁵⁴ и памятников с посудой раннеаятского и шuvaкишского типа,³⁵⁵ временные рамки этого пласта охватывают период со второй половины V тыс. до н. э. до первой половины IV тыс. до н. э. Для всех перечисленных культурных образований характерны находки каменных и керамических гребенчатых штампов, наконечников стрел кельтеминарского типа, подвесок каплевидной формы из кости и камня.³⁵⁶ Полагаем, что к обозначенному культурно-хронологическому горизонту относятся и постройки 3–5 поселения Стариков Мыс Iа, расположенного в левобережье р. Обь, в бассейне р. Согом.³⁵⁷ Общность культурного развития во второй половине V тыс. до н. э. — первой половине IV тыс. до н. э. на обширной территории Среднего Зауралья и Западной Сибири (от Кондинского бассейна до Тюменского Притоболья прослеживается по керамике и по погребальным комплексам.³⁵⁸ Материалы памятников ушьинского типа имеют опре-

³⁵³ Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита... С. 252–254.

³⁵⁴ См.: Зах В. А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 35, табл. 3; Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Указ. соч. С. 24–31, 39–40; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде... С. 47–48.

³⁵⁵ Арефьев В. А., Рыжкова О. В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2010. Вып. 6: Древности Горбуновского торфяника. С. 86.

³⁵⁶ См.: Старков В. Ф. Мезолит и неолит... С. 162–163; Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Указ. соч. С. 24–31; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья... С. 276; Арефьев В. А., Рыжкова О. В. Указ. соч. С. 76–112; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде... С. 47–48.

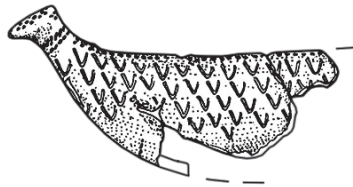
³⁵⁷ Чемякин Ю. П. Неолитические комплексы на стоянке Стариков Мыс IА... С. 218–231.

³⁵⁸ См.: Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Указ. соч. С. 24–31; Матвеев А. В. и др. Культурные памятники эпохи энеолита ...; Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 161–173; Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н. Указ. соч. С. 13–22; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды... С. 131–141.

делённое сходство в орнаментации посуды и комплексе шлифованных сланцевых орудий с сосновоостровской культурой Притоболья.³⁵⁹ Более северные территории в это время не демонстрируют подобных изменений. В Сургутском Приобье продолжает бытовать посуда со смешанными чертами в орнаментации и морфологии барсовогорского типа. Эти территории включаются в круг культур гребенчатого геометризма Зауралья только в период энеолита (середины IV — середины III тыс. до н. э.).

Культурные процессы в различных локальных районах таёжной зоны в раннем и среднем неолите имеют элементы сходства. В раннем неолите повсеместно распространена плоскодонная керамика. Средний неолит характеризуется большим разнообразием керамических типов, смешением их черт в одних и тех же жилищных комплексах. Наиболее яркой и многочисленной в это время является посуда быстринско-умытьинского культурно-хронологического горизонта. С позднего неолита наблюдается увеличение культурной дифференциации памятников Кондинской и Среднеобской низменностей. На р. Конда с этого времени преобладает гребенчатая орнаментация (ушьинский тип). В Среднеобской низменности сохраняются смешанная керамическая традиция предшествующего периода (барсовогорский тип).

В период энеолита (вторая половина IV — вторая треть III тыс. до н. э.) существенных изменений в образе жизни местного населения не произошло, но локальные различия в керамике только увеличиваются. В северо-таёжной и тундровой зонах распространяется керамика ясунской культуры с арочными узорами и сотовым геометризмом, кондинские материалы входят в круг зауральских культур гребенчатого геометризма, среднеобские материалы имеют большее сходство с восточными и юго-восточными культурами (игрековская, байрыкско-лыбаевская, андревская и т. п.).

³⁵⁹ Усачева И. В. Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии // ВААЭ. 2016. № 4 (35). С. 5–7.

Часть 5

Территория
ХМАО — Югры
в эпоху бронзы

Бронзовый век в древней истории севера Западной Сибири является, с одной стороны, одним из интересных, а, с другой, недостаточно изученным по сравнению с эпохой железа или Средневековья. Отчасти это нашло отражение в соответствующих параграфах недавно изданной «Истории Сибири».¹

По мнению специалистов, начало меднокаменного века (энеолита) и эпохи бронзы на любой территории следует вести с того времени, когда живущее на ней население начинает пользоваться изделиями из этих материалов. При этом не имеет значения происхождение металла: получен ли он из местного сырья или является привозным.²

В этом отношении часть таёжного Приобья, занимаемая в настоящее время ХМАО — Югрой, представляет особый исследовательский интерес, так как проживавшие здесь рыболовы и охотники оказались вовлечёнными в сложную систему широтно-меридиональных контактов и связей, по которым растекалось сырьё (медь и сплавы на её основе), необходимое для литья, и передавались технологии обработки металла. В эпоху бронзы местное население являлось активным потребителем металла и изделий из него, что привело впоследствии к сложению в Северной Азии ещё одного (или нескольких?) очагов металлообработки и существенным изменениям в материальной, духовной культуре и к усложнению общинной организации.³

Начало новой эпохи совпало с началом функционирования собственного литейного производства на севере Западной Сибири, о чём красноречиво свидетельствуют найденные при раскопках металлические предметы, его слески и разнообразная технологическая керамика (тигли, льячки, литейные формы, сопла).⁴ Накопление источников по данной проблематике, осмысление и интерпретации полученных данных, включая моделирование исторических процессов в древности, связаны с деятельностью исключительно советских/российских исследователей, которая имеет длительную историю.

---

¹ См.: Нестерова М. С. Западная Сибирь в развитом бронзовом веке. Таёжная зона // История Сибири: в 4-х томах. Новосибирск, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 416–419; Она же. Западная Сибирь в позднем бронзовом веке. Барсовская культура // Там же. С. 456.

² Черных Е. Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 109. (МИА; № 129).

³ Баранов Н. Н. и др. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 18–20.

⁴ Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.

Глава 1

История исследования

Отсутствие развитой транспортной сети оказывало непосредственное влияние на состояние изученности археологических памятников таёжного Приобья, включая территорию ХМАО — Югры. Поисково-разведочные работы по выявлению и последующим раскопкам памятников носили точечный характер и велись обычно не по плановым заданиям, а по инициативе отдельных археологов или небольших научных коллективов.

Археологические источники по данному периоду древнейшей истории (рис. 200), сосредоточенные в музейных собраниях гг. Москвы, Ленинграда, Тобольска, Томска, Свердловска ещё с дореволюционных времен, впервые проработал и критически осмыслил В. Н. Чернецов. Благодаря материалам, полученным в процессе собственных изысканий в таёжном Обь-Иртышье (стоянки Хулюм-сунт, Сортынья II, Сузгун II), он обобщил и визуализировал не только накопленные коллекции, но и новые данные в монографическом исследовании «Древняя история Нижнего Приобья».⁵ Древности эпохи раннего металла (ЭРМ) соотнесены с двумя периодами: энеолитом и бронзовым веком. Исследователь не ставил задачи дать исчерпывающую характеристику обоих этапов, ограничившись их констатацией. Важно то, что он обратил внимание на специфику западносибирских коллекций в сравнении с синхронными собраниями сопредельных территорий. Публикация В. Н. Чернецова — первый крупный труд по региональной археологии послевоенного времени. Он стал на долгие годы настольным для всех археологов, приступавших к изучению древней истории Западной Сибири. Следует обратить внимание на то, что в ту пору ещё отсутствовали в достаточном количестве материалы, отражающие особенности производства металлических орудий, оружия, украшений и пр. Несмотря на это, выдающийся исследователь, опирающийся, в первую очередь, на массовый керамический материал, выстроил вполне логичную схему эволюции культуры таёжного населения в ЭРМ. При систематизации северных памятников он привлекал материалы сопредельных территорий (Урал, Восточная Европа, Южная Сибирь), где древности бронзового века изучались ранее и были упорядочены по хронологии в соответствующих региональных схемах.

В 1960–1970-е гг. начаты исследования археологических объектов в бассейнах крупных западносибирских рр. Конда, Тура, Тавда, Вах и Обь. Работы проводились специалистами из Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения той же организации (ЛОИА ИА

---

⁵ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 7–71. (МИА; № 35).

СССР), учёными из Уральского и Томского государственных университетов. Исследовательские коллективы перечисленных академических и вузовских центров занимались изучением памятников ЭРМ отдельных археологических микрорайонов, публикацией новых данных и изданием обобщающих трудов.

В 1966 г. была проведена первая ознакомительная поездка на р. Конда Л. П. Хлобыстина, сотрудника ЛОИА АН СССР, посетившего места исследований В. Н. Чернецова.⁶ В последующие годы изучение археологических памятников в окрестностях пос. Шугур и Карым, а также на р. Сумпанья проводилось свердловскими и тобольскими специалистами.

В те же годы в приуральской части Западной Сибири — на рр. Тура, Тавда — проводила исследования свердловский археолог В. Д. Викторова. Анализируя керамический материал, она наметила основные этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на глиняной посуде ЭРМ–Средневековья. Её обобщающая работа была опубликована в сборнике Томского госуниверситета, в который вошли материалы совещания, посвящённого вопросам хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. С этого времени в археологической литературе закрепились такие определения, как «сотниковский, лозьвинский и вагильский типы памятников» бронзового века.⁷

На рубеже 1960–1970-х гг. начинаются археологические исследования в различных частях Сургутского Приобья. Томский исследователь В. А. Посредников впервые получил материалы бронзового века с бассейна р. Вах. Определяя культурную принадлежность находок, автор обратил внимание на их сходство с некоторыми материалами андроновидной еловской культуры, но предпочел говорить об их более раннем возрасте, отнеся к раннееловскому этапу еловской археологической культуры.⁸ Коллектив археологов из Уральского госуниверситета под руководством В. Ф. Генинга сосредоточил исследования западнее г. Сургута, в урочище Барсова Гора. Однако в ту пору свердловчане, выполнявшие хоздоговорные работы в зонах новостроечных землеотводов, не ставили задач целенаправленного поиска и изучения памятников ЭРМ. Со временем произошло количественное накопление керамического материала с памятников Барсовой Горы, что привело М. В. Елькину к необходимости обособления двух групп посуды позднего бронзового века.⁹ Позднее оба керамических комплекса и поселения, с которых они происходили, были соотнесены с барсовской и атлымской культурами.¹⁰

---

⁶ Хлобыстин Л. П. Исследования на севере Западной Сибири // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 147–149.

⁷ Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 256–259.

⁸ Посредников В. А. О культурно-хронологической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таёжном Приобье (эпоха бронзы) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7: Материалы совещ. по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. С. 103–104.

⁹ Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1977. Вып. 14: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. С. 107–110, рис. 3, 4.

¹⁰ См.: Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 62–63; Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Новое поселение барсовской культуры (предварительная публикация) // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 106; Васильев Е. А. Северотаёжное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 11.

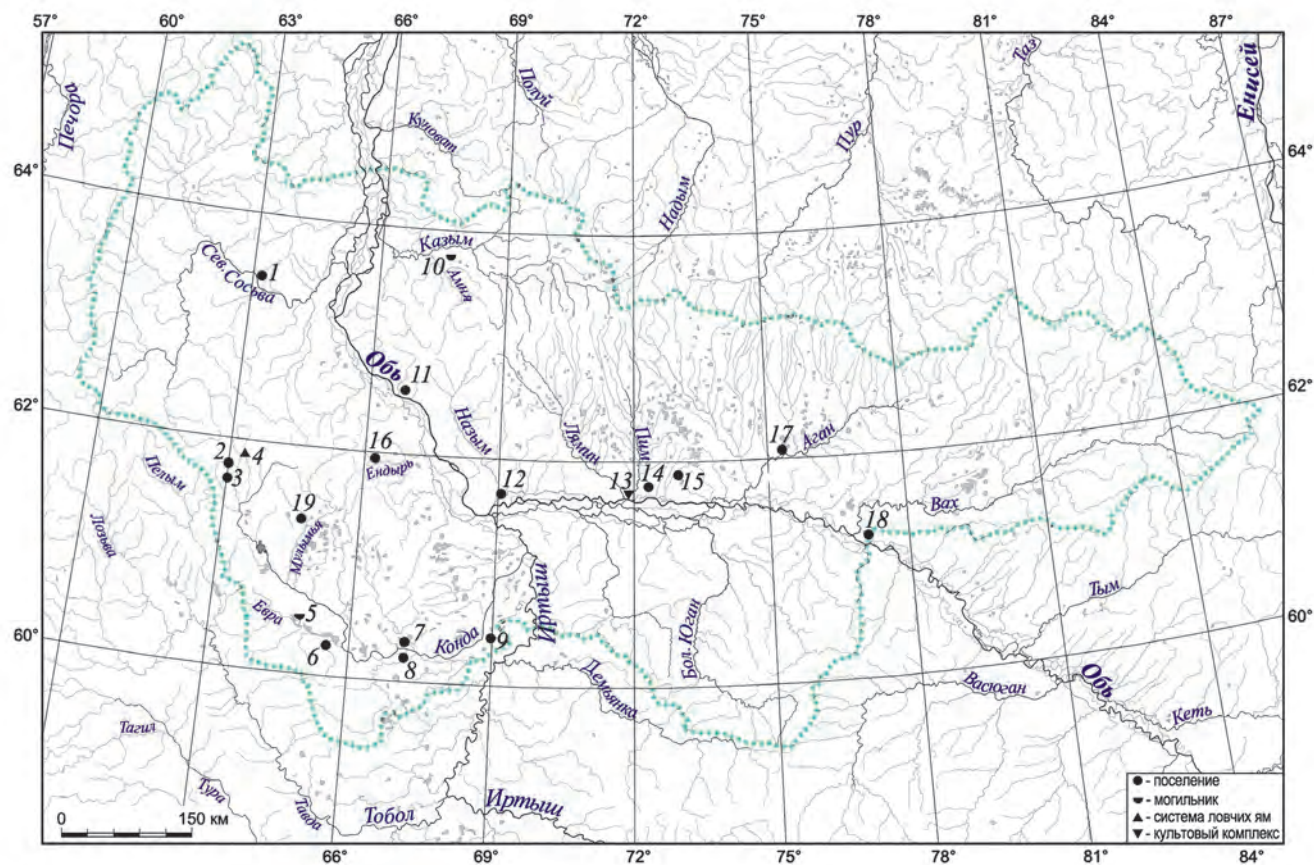

Рис. 200. Карта памятников бронзового века на территории ХМАО — Югры. Составитель С. Ф. Кошаров

1 — Сартынья I	7 — Волвонча I	13 — Сайгатино VI
2 — Геологическое III	8 — Пашкин Бор I	14 — археологические памятники Барсовой Горы
3 — Геологическое XVI	9 — Ленино I	15 — Быстрый Кульёган 38
4 — Геологическое I	10 — Товкуртлор 3	16 — Ендырское VIII
5 — Сатыга XVI	11 — Малый Атлым I	17 — Нёх-Урий 3.2, 5.1, 5.2
6 — Лева VIII	12 — Балинское 1	18 — Савкинская Речка 1

В начале 1970-х гг. почти одновременно опубликованы монографические работы двух сибирских археологов: В. И. Матюшенко и М. Ф. Косарева.¹¹ Их труды были посвящены изучению бронзового века Томско-Нарымского Приобья. Привлекая материалы одних и тех же археологических памятников (Самусь IV, Еловское и др.), изученных томскими специалистами, исследователи существенно расходились по целому ряду ключевых вопросов.

¹¹ См.: Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2: Самусьская культура. Томск, 1973. 141 с. (Из истории Сибири. Вып. 10); Он же. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. Томск, 1973. 150 с. (Из истории Сибири. Вып. 11); Он же. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Томск, 1974. 196 с. (Из истории Сибири. Вып. 12); Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 218 с.

По мнению В. И. Матющенко, бронзовый век представлялся чередой сменяющих друг друга археологических культур (самусьской, андроновской, еловско-ирменской). Не трудно заметить, что в предложенной схеме не уделялось первостепенного значения технологическим новациям в сфере металлопроизводства, которые положены в основу археологической периодизации.

М. Ф. Косарев разработал и обосновал периодизацию бронзового века, отталкиваясь, во-первых, от облика датирующих металлических вещей, во-вторых, от процессов социально-экономического и этнокультурного плана, на которые оказывали значительное влияние колебания климата и изменения окружающей среды.¹² Совершенно очевидно, что в этом вопросе исследователь пытался сбалансированно подойти к применению технологического принципа (обработка металла) и историческим процессам, протекавшим на изучаемой территории.

Другие расхождения во взглядах двух ведущих археологов-сибиреведов касались хронологии ключевых памятников региона и взглядов на существование единой урало-сибирской общности. Несовпадения взглядов и оживлённые дискуссии вокруг поднимаемых проблем нашли отражение в материалах урало-сибирских конференций и совещаний, стимулировали научные поиски других исследователей.

Работа М. Ф. Косарева, изданная по материалам Томско-Нарымского Приобья, явилась хорошим заделом для подготовки другого обобщающего исследования, посвящённого бронзовому веку всего западно-сибирского региона.¹³ Ещё позже в отдельной книге были рассмотрены экологические аспекты древней истории народов Западной Сибири.¹⁴

Материалы, проработанные в прежние годы, а также обращение ко вновь публикуемым источникам, полученным на протяжении 1980–1990-х гг., позволили М. Ф. Косареву оперативно корректировать схему развития древних культур бронзового века севера Западной Сибири. Так, например, в 1987 г. раздел «Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока», вошедший в том «Эпоха бронзы лесной полосы» (Археология СССР), в подготовке которого он активно участвовал, дополнен характеристикой атлымской культуры Нижнего Приобья.¹⁵

В 1993 г. исследователем опубликована интереснейшая во всех отношениях монография «Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция».¹⁶ В работе сделана попытка соотнесения всех известных и вновь выявленных памятников, культур и типов керамики на фоне древней истории таёжного Приобья. Здесь дано объяснение взаимосвязи между отдельными древностями бронзового века и продемонстрировано великолепное знание сибирской географии, истории и этнографии. В частности, уделено внимание сартыньинской культуре Нижнего Приобья и полымьятским памятникам р. Конда¹⁷, оригинальному культовому комплексу Сайгатино VI с акцентированием внимания на сходстве керамического комплекса памятника с раннееловской и ненарядной посудой черно-

---

¹² Косарев М. Ф. Древние культуры... С. 20.

¹³ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

¹⁴ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 246 с.

¹⁵ Косарев М. Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева и др. М., 1987. С. 295–296. (Археология СССР).

¹⁶ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция. М., 1993. 283 с. (Российский этнограф: этнологический альманах; вып. 4).

¹⁷ Там же. С. 77–78, 86.

озерско-томского варианта фёдоровской культуры¹⁸, позднебронзовым культурам и типам памятников (барсовским, атлымским и лозьвинским).¹⁹ Он отметил участие популяций, оставивших лозьвинские поселения и керамику, в этногенезе гамаюнской культуры.²⁰

М. Ф. Косарев внёс значительный вклад в подготовку урало-сибирских археологов. Под его руководством были подготовлены кандидатские диссертации В. Т. Ковалевой, А. Ф. Шорина, Е. А. Васильева, В. Т. Галкина, О. Н. Корочковой, С. Ф. Кокшарова. Таким образом, М. Ф. Косарев, ученик В. Н. Чернецова и верный продолжатель его дела, на многие годы вперёд обозначил вектор исследований памятников бронзового века Урала и Западной Сибири.

В 1980-х гг. были озвучены ещё две культурно-хронологические схемы, упорядочивающие памятники и культуры бронзового века Нижнего и Среднего Приобья. В основу обеих положены декоративно-морфологические различия керамических комплексов, поскольку испытывался дефицит материалов, отражающих особенности металлопроизводства, а сама металлопродукция была почти не известна.

К этому времени опубликована серия статей и автореферат кандидатской диссертации Е. А. Васильева, посвящённых памятникам бронзового века нижнего течения рр. Обь и Северная Сосьва.²¹ На фоне аморфных гребенчато-ямочных керамических комплексов таёжного Обь-Иртышья, традиционно рассматриваемых археологами своеобразным фоном (или субстратом), исследователь обособил материалы двух археологических культур: сартыньинской и атлымской.

Первая, отнесённая к раннему бронзовому веку, прошла в своём развитии этапы становления (XVIII–XVI вв. до н. э.) и расцвета (XV–XIII вв. до н. э.), отражённые в особенностях декора керамической посуды. В орнаментальных композициях, покрывающих стенки горшков, обращено внимание на геометрические узоры (зигзаги, ромбы, бордюры из рассечённых сеток с прямоугольными и шестиугольными ячейками). Сартыньинские коллекции отличает наличие ёмкостей ладьевидных форм.²² Население, оставившее эти поселения, было знакомо с металлообработкой, о чём свидетельствуют керамические фурмы, капли меди и бронзы, случайные находки из металла.²³

Выделение атлымских древностей позднего бронзового века произошло после раскопок в 1977–1978 гг. Малоатлымского городища и проведения разведочных работ, в ходе которых была накоплена «критическая масса» находок, представленных преимущественно посудой с оригинальным крестовым орнаментом.²⁴ В развитии атлымской культуры обозначены три

---

¹⁸ Там же. С. 97–98.

¹⁹ Там же. С. 103–104, 109–110.

²⁰ Там же. С. 118.

²¹ См.: Васильев Е. А. Миграционные процессы в таёжной части Обского бассейна в эпоху бронзы // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980. С. 3–10; Он же. Северотаёжное Приобье... С. 3–14; Он же. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 40–62; Он же. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаёжного Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1989. 21 с.

²² Васильев Е. А. Сартыньинская культура // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3. Р-Я. С. 69.

²³ Там же.

²⁴ Васильев Е. А. Атлымская культура // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 2000. Т. 1. А-И. С. 76–77.

последовательных этапа. Первый этап (XII–X вв. до н. э.) связан с формированием культуры, второй (X–IX вв. до н. э.) знаменует расселение атлымских популяций в Среднее Приобье, наконец, третий (не ранее IX в. до н. э.) «период широкой территориальной экспансии атлымцев», когда последние проникают в южно-таёжную зону Сибири.²⁵ Нетрудно заметить, что Е. А. Васильев вкладывал в широкое распространение подобной керамики на пространствах от Зауралья до Новосибирского Приобья историческое содержание, объясняя наблюдаемое явление миграционной активностью таёжных рыболовов и охотников. По его мнению, в это время последние исчерпали возможности присваивающего хозяйства для обеспечения роста народонаселения за счёт экстенсивного рыболовства и охотничьего промысла.²⁶ Вслед за М. Ф. Косаревым исследователь связал движение таёжных популяций с климатическими изменениями (увлажнением), повлиявшими на ухудшение условий для земледелия и скотоводства в лесостепи и отходу в степные пространства.²⁷ При отсутствии датирующих вещей, позволяющих выяснить возраст памятников атлымской культуры, Е. А. Васильев обратился к стратиграфическим наблюдениям и ¹⁴C датам. Он не согласился с предложением М. Ф. Косарева о выделении особого переходного периода от бронзового века к железному применительно к северу Западной Сибири, предлагая сохранить за ним определение «эпоха поздней бронзы».²⁸

Материалы бронзового века Сургутского Приобья были упорядочены Ю. П. Чемякиным, предложившим схему развития археологических культур II–I тыс. до н. э. в данном микрорайоне Западной Сибири. В её основу положен «анализ керамики и каменных изделий, остатков жилищ и поселений».²⁹ Она разработана на материалах Барсовой Горы, накопленных за годы многолетних исследований. Нетрудно заметить, что в приведённом перечне источников не фигурируют остатки литейного производства, а также металлические (медные, бронзовые) изделия. Действительно, такие материалы на тот период времени отсутствовали и, как следствие, Ю. П. Чемякин, оперировавший понятием «ранний бронзовый век» в отношении Сургутского Приобья, не обосновывал его технологическое содержание.³⁰ Важно то, что помимо культур позднего бронзового века (барсовской и атлымской) на данной территории обозначились древности, которые ранее не попадали в поле зрения археологов. Одни из них относились к началу бронзового века, а другие — к сейминско-турбинской (СТ) эпохе.³¹ Если начало бронзового века в источниках микрорайона было представлено достаточно аморфно, то финал эпохи отчётливо маркировали поселения белоярской культуры начала раннего железного века. Новации коснулись изменений в форме керамических сосудов, «принципов её орнаментации», увеличении бронзолитейного производства, появлении плоского культового литья и широком распространении городищ.³² В автореферате кандидатской диссертации исследователь разделяет бронзовый век на три периода: ранний, средний и поздний.³³

Древности бронзового века бассейна р. Конда были хронологически упорядочены в работах С. Ф. Кокшарова. В разработанной схеме предложено разграничить два неравных по продолжительности периода: ранний и поздний бронзовый век.

---

²⁵ Васильев Е. А. Атлымская культура... С. 76–77.

²⁶ Васильев Е. А. Северотаёжное Приобье... С. 13–14.

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа... С. 61.

³⁰ Там же. С. 62–63.

³¹ Там же. С. 62.

³² Там же. С. 66.

³³ Чемякин Ю. П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья: (культурно-хронологическая периодизация памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. С. 10–11.

Первый этап связан с поселениями, с которых происходит ранняя полымьятская керамика и зафиксированы самые первые следы обработки металла. В обосновании первого этапа бронзового века ключевое значение имели находки с поселения Геологическое III (Верхняя Конда)³⁴ и материалы поселения Лева VIII, расположенного на реке с эпонимным названием (Средняя Конда).³⁵

Начало второго этапа связано с поздними полымьятскими памятниками, где найдены наиболее ранние литейные формы и сердечники для кельтов, сердечники для отливки копий. Они ярко демонстрируют использование технологий литья позднего бронзового века. Затем они сменяются варпаульскими комплексами. Среди последних важное значение отводилось культовому комплексу Сайгатино VI, с которого был получен комплекс посуды, литейные формы кельтов из глины и камня, костяные изделия и пр.³⁶ В конце бронзового века варпаульские памятники уступают место поселениям с керамикой лозьвинского типа.³⁷

Откорректированная схема развития культуры кондинского населения в бронзовом веке, где фигурировали такие определения, как полымьятский и варпаульский типы памятников, вошла в автореферат кандидатской диссертации С. Ф. Кокшарова. Автор не ограничился характеристикой древностей бронзового века и, опираясь на данные этнографии обских угров, дал характеристику основных жизнеобеспечивающих промыслов таёжного населения (рыболовство, охота), было обосновано усложнение общинной организации таёжного общества в сравнении с предшествующим историческим периодом.³⁸ Обращение к археолого-этнографическим параллелям для интерпретации неординарных археологических фактов и памятников продемонстрировано в работах «Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири»³⁹ и «Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке».⁴⁰

В историографическом отношении представляют интерес исследования, направленные на изучение взаимоотношений популяций рыболовов и охотников тайги и групп скотоводов, оставивших т. н. андронидные памятники в южно-таёжном Тоболо-Иртышье. Эти сюжеты затронуты в работах В. Т. Галкина⁴¹ и И. Г. Глушкова.⁴² Привлекая материалы жерт-

---

³⁴ Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 95, рис. 1, 30, 33, 39 и др.

³⁵ Визгалов Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1988. Вып. 19: Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. С. 47–53.

³⁶ Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 43–52.

³⁷ Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды... С. 94, рис. 1; 2.

³⁸ Кокшаров С. Ф. Энеолит и бронзовый век р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1993. 22 с.

³⁹ Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 162–169.

⁴⁰ Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 3–17.

⁴¹ Галкин В. Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южно-таёжном Тоболо-Иртышье: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. 21 с.

⁴² Глушков И. Г. Поселение Лучкино I — памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 93–103.

венного места Сузгун, опубликованные В. Н. Чернецовым⁴³, и новые находки, специалисты обратили внимание на локальную специфику керамической коллекции памятника, отражённую в сочетании лесных и южных черт. В дальнейшем было предложено отказаться от использования термина «сузгунско-лозьвинская» керамика, которым оперировал В. Т. Галкин,⁴⁴ и ввести определение «лучкинский» тип керамики.⁴⁵

Внимание археологов к Сузгуну обращено не случайно. Вслед за В. Н. Чернецовым, М. Ф. Косарев рассматривал находки с жертвенного места в качестве знаковых, характеризующих новый период в древней истории региона, когда под влиянием южных импульсов произошло становление т. н. андронидных археологических культур в предтаёжной и таёжной зонах Западной Сибири. В противовес сузгунским керамическим комплексам он объединял в рамках предсузгунского этапа бронзового века все предшествующие таёжные памятники с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. На тот момент они рассматривались в качестве местного однородного субстрата.⁴⁶

С сожалением можно констатировать, что в те годы ни одна из исследовательских работ не была доведена до опубликованных монографий. Исключением является, пожалуй, труд И. Г. Глушкова и Т. М. Захожей, в котором рассмотрены коллекции позднебронзовой керамики из нижнеиртышских поселений.⁴⁷

На рубеже XX–XXI вв. археологические работы охватили другие слабоизученные районы севера Сибири: бассейн р. Казым и Надым-Пуровское междуречье.⁴⁸

На оз. Товкурт-лор в Белоярском районе ХМАО — Югры раскопан могильник позднего бронзового века, а в публикации, подготовленной по полученным материалам, было высказано предположение о принадлежности некрополя группе аборигенного населения, испытавшего «воздействие со стороны СТ групп и объединений, двигавшихся как на запад, так и в обратном направлении — из-за Урала в объ-иртышскую тайгу».⁴⁹

Интересные материалы бронзового века получены Л. Л. Косинской с поселений Чернореченское I в Сургутском районе ХМАО — Югры⁵⁰ и Щетнмат-лор в Пуровском районе ЯНАО.⁵¹

---

⁴³ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья... С. 48–50.

⁴⁴ Галкин В. Т. Сузгунская культура... С. 18.

⁴⁵ Глушков И. Г. Поселение Лучкино I... С. 101.

⁴⁶ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири... С. 84–86, рис. 29.

⁴⁷ Глушков И. Г., Захожая Т. М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут, 2000. 201 с.

⁴⁸ В историографическом отношении несомненный интерес представляет работа, опубликованная Н. К. Стефановой и В. А. Борзуновым. В ней рассмотрена хронология археологических исследований, проведённых на территории ХМАО до 2000 гг. (Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург, 2002. 136 с.). Удивительно, что спустя почти 20 лет подобного издания не было подготовлено ни одной из исследовательских организаций, работающих на территории ХМАО — Югры.

⁴⁹ Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор-3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1. С. 55–56.

⁵⁰ Косинская Л. Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998. С. 87–102.

⁵¹ Косинская Л. Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. С. 13–23.

Здесь раскопками изучены жилищные комплексы, из которых происходят коллекции керамики, каменный инвентарь и предметы, отражающие литейное производство. Примечательность этих археологических объектов в том, что находки обнаруживают параллели с посудой кульёганского типа Сургутского Приобья.

Понятие «кульёганский тип» памятников и керамики, предложенное ещё в 1995 г. В. И. Стефановым и В. А. Борзуновым, закрепилось в археологической литературе.⁵² В типологическом отношении кульёганские древности предшествовали поселениям барсовской культуры позднего бронзового века Сургутского Приобья и были отнесены к среднему этапу той же эпохи.⁵³

2000-е гг. отмечены активной публикационной деятельностью, издавались материалы и коллекции ключевых памятников таёжной зоны, комплексы, отражающие особенности северного металлопроизводства, суммировались данные по отдельным типам памятников бронзового века. Это позволило конкретизировать хронологию и периодизацию бронзового века севера Западной Сибири, уточнить историческое содержание древней эпохи.

В эти годы была выпущена серия статей, отражающих особенности металлопроизводства на памятниках досейминского периода бронзового века. Речь идёт о производственной площадке поселения Лева VIII,⁵⁴ литейной мастерской на поселении Ендырское VIII,⁵⁵ поселении Савкинская Речка 1,⁵⁶ а также комплексах Нёх-Урий 3.2, 5.1 и 5.2,⁵⁷ поселении Балинское I.⁵⁸

В поле зрения археологов оказались немногочисленные, но очень выразительные объекты сейминского периода бронзового века. Материалам могильника Товкуртлор 3 посвящена отдельная статья В. И. Стефанова,⁵⁹ а находки с некрополя Сатыга XVI обстоятельно рассмотрены в коллективной монографии специалистов гг. Тюмени, Москвы и Екатеринбурга.⁶⁰ Особо следует отметить опубликованный пленарный доклад по итогам и проблемам изучения ЭРМ, подготовленный ко II Северному археологическому конгрессу (г. Ханты-

---

⁵² См.: Стефанов В. И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 109; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. С. 43.

⁵³ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 28; Чемякин Ю. П. Барсова Гора... С. 45–46, рис. 30, 31.

⁵⁴ Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды [Рец. на кн.: Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.] // УИВ. 2011. № 1 (30). С. 122–130.

⁵⁵ Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 100–113.

⁵⁶ Мызников С. А., Косинская Л. Л., Стефанов В. И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаёжного Приобья // ВААЭ. 2012. № 3 (18). С. 60–72.

⁵⁷ Стефанов В. И., Данилова Е. Н. Кульёганские древности среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2013. Вып. 11. С. 84–96.

⁵⁸ Кокшаров С. Ф., Баранов М. Ю. Следы металлопроизводства бронзового века с поселения Балинское I (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) // РА. 2017. № 2. С. 39–54.

⁵⁹ Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор-3... С. 44–58.

⁶⁰ Беспрозванный Е. М. и др. Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011. 192 с.

Мансийск, 2006 г.),⁶¹ а также обобщающие монографии Ю. П. Чемякина и С. Ф. Кокшарова с развёрнутыми характеристиками древностей севера Сибири от неолита до раннего железного века.⁶² Некоторые из перечисленных печатных работ получили высокую оценку ведущих специалистов.⁶³

С другой стороны, на издания, поднимавшие дискуссионные вопросы в изучении ЭРМ Западной Сибири, были подготовлены обстоятельные рецензии.⁶⁴

Очень важно, что в последних древняя история региона рассмотрена на широком евразийском фоне. В качестве примера следует отметить СТ проблематику и противоречия, содержащиеся в модели СТ транскультурного феномена, предложенной Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых в исследованиях 1980–2000 гг. По существу, впервые была поставлена под сомнение культуртрегерская роль СТ мигрантов в распространении металла и технологий его обработки на севере Западной Сибири в позднем бронзовом веке. Внимание обращено на критическое отношение к калиброванным ¹⁴С датам, которые всегда следует сверять со всем имеющимся археологическим контекстом.

Многие поднятые сюжеты, касающиеся древностей севера Западной Сибири, рассмотрены в диссертационном исследовании С. Ф. Кокшарова «Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке»,⁶⁵ которое готовится в настоящее время к изданию.

---

⁶¹ Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 41–67.

⁶² См.: Чемякин Ю. П. Барсова гора...; Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. 271 с.

⁶³ Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2010. С. 66.

⁶⁴ См.: Васильев Е. А. Древности Конды: субъективные заметки (Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2009. 272 с.): [Рец.] // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 514–518; Кокшаров С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации // ВААЭ. 2013. № 2(21). С. 133–149.

⁶⁵ Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири... 47 с.

Глава 2

Периодизация и хронология памятников и культур бронзового века

Выше отмечено значение работ М. Ф. Косарева в изучении археологических памятников Западной Сибири. Чтобы полнее понять вклад исследователя в разработку хронологии и периодизации эпохи бронзы, необходимо остановиться на обобщающем исследовании, вышедшем в 1993 г. Из работы следует, что освоение металлопроизводства в полной мере «не определяет исторического существа бронзового века».⁶⁶ Таким образом, технологии обработки металлов как ключевой показатель в градации археологических памятников изучаемого региона отходят на второй план в сравнении с историческими событиями, в реконструкции которых на первый план выходят смена декоративных стилей и морфологическое своеобразие керамических комплексов.

В данной работе бронзовый век разделен на 5 периодов.⁶⁷

Первый период, определённый как «ранняя бронза», отчётливо фиксируется лишь на юге Западной Сибири и к нему относятся ташковские, одиновские, игрековские и крохалевские поселения.⁶⁸ Название второго периода не связано с предшествующим логически и звучит как «первая половина бронзового века». В этом блоке наряду с коптяковскими древностями Зауралья фигурируют северные сартыньинские и ранние полымьятские памятники. В рамках гребенчато-ямочной общности севера региона обособлена ортинская культура. В южной части Западной Сибири отмечены самусьско-логиновская, кротово-елунинская общности. В рамках последней рассмотрены степановские и позднеполымьятские комплексы. Культурная принадлежность могильника Ростовка, фигурирующего здесь же, не установлена, но для М. Ф. Косарева этот уникальный объект однозначно относится к «самусьско-сейминскому периоду». Данное определение представляется более точным, чем название второго этапа, поскольку отражает время распространения конкретных типов металлопродукции (оружия и орудий).⁶⁹ Третий период — «андроновский» — объединяет памятники фёдоровской культуры (в составе АКИО) и её северных вариантов, разнопорядковые андронидные образования (еловская, пахомовская, корчажкинская, сузгунская), а также объекты, содер-

---

⁶⁶ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири... С. 68.

⁶⁷ Там же. С. 282.

⁶⁸ Там же. С. 69–75.

⁶⁹ Там же. С. 75–94.

жащие гребенчато-ямочную керамику на севере Сибири (варпаульские, тазовские, барсовские и раннеатлымские).⁷⁰ Памятники поздней бронзы объединены в четвёртый период. Здесь фигурируют межовские (включая бархатовский вариант), сузгунские, чупинские, ирменские, дандыбай-бегазинские и саргаринско-алексеевские комплексы. В северной части Западной Сибири получают своё оформление такие ямочно-гребенчатые культуры, как атлымская, хэяхинская и лозьвинская.⁷¹ Наконец, завершающий пятый период, определён как «переходное время от бронзового века к железному». Он связан с функционированием таких археологических культур, как гамаюнская, красноозёрская, завьяловская и молчановская.⁷²

Локальная периодизация бронзового века М. Ф. Косарева получила широкое признание среди урало-сибирских археологов.⁷³ Однако она имела один существенный недостаток, поскольку не соотносилась с периодизацией ЭРМ, предложенной Е. Н. Черных для районов Северной Евразии. Этот исследователь шёл к ней постепенно, отработывая свою концепцию на большом массиве археологических данных, особое место в котором отводилось СТ древностям. В основу данной схемы положен технологический принцип, учитывающий изменения в технологии производства (литья) металлических изделий, их морфологию и химический состав использованного сырья, которые определялись в рамках так называемых металлургических провинций (МП).

Е. Н. Черных предложил соотнести энеолит и бронзовый век со временем существования сменяющих друг друга МП: Балкано-Карпатской (БКМП) — энеолит, Циркумпонтийской (ЦМП) — ранний и средний бронзовый век и Евразийской (ЕАМП) — поздний бронзовый век.⁷⁴ Так или иначе речь идёт о четырёх периодах ЭРМ: медном веке, раннем, среднем, позднем бронзовом веке.⁷⁵ По причине аморфности определение «Евразийская МП» откорректировано, сейчас оно фигурирует как Западно-азиатская МП (ЗАМП)⁷⁶. Примечательно, что здесь отсутствовало такое понятие как «развитый бронзовый век», широко применяемое урало-сибирскими коллегами.⁷⁷

В работах, подготовленных Е. Н. Черных в соавторстве с С. В. Кузьминых, фигурируют и археологические памятники Западной Сибири. Прежде всего, это объекты, на которых найдены выразительные предметы (бронзовые наконечники копий, кельты, ножи и пр.) и остатки литейного производства (матрицы, сердечники, тигли, сопла), которые соотно-

---

⁷⁰ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири... С. 94–104.

⁷¹ Там же. С. 104–110.

⁷² Там же. С. 116–125.

⁷³ Бобров В. В., Молодин В. И. Сибирь в бронзовом веке. Историография бронзового века Сибири // История Сибири: в 4-х томах. Новосибирск, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 380.

⁷⁴ Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

⁷⁵ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древнейшая металлургия Северной Евразии: проблема взаимосвязей производящих центров // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 2. С. 135.

⁷⁶ Черных Е. Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск, 2013. С. 386–400.

⁷⁷ Молодин В. И. Сибирь в бронзовом веке. Введение // История Сибири: в 4-х томах. Новосибирск, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 374.

сятся с продукцией ЕАМП/ЗАМП. В соответствии с гипотезой СТ транскультурного феномена, интересующие нас древности позднего бронзового века дифференцированы на исходные СТ и производные от них самусьско-кижировские (СК).⁷⁸ К сожалению, на то время отсутствовали публикации материалов, отражающих особенности досейминского металлопроизводства.

Сопоставление периодизаций М. Ф. Косарева и Е. Н. Черных впервые озвучено в докладе С. Ф. Кокшарова на конференции «Проблемы позднего бронзового века и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях», проходившей в г. Уфе и приуроченной к 90-летию К. В. Сальникова. Принимая во внимание хронологические рамки ЕАМП от сложения до распада, или XVII/XVI — XIII/IX — VIII вв. до н. э.,⁷⁹ получалось, что схема М. Ф. Косарева представляла собой достаточно дробную и детальную градацию древностей позднего бронзового века.⁸⁰

Ранее уже отмечалось, что подходы М. Ф. Косарева и Е. Н. Черных к периодизации бронзового века имеют свои сильные и слабые стороны и было бы правильнее их не противопоставлять, а рассматривать как взаимодополняющие. Периодизация ЭРМ севера Западной Сибири должна рассматриваться в качестве региональной, но в ней следует учитывать преимущества евразийской периодизации, основанной на технологическом принципе. Сильной стороной региональной типолого-хронологической схемы М. Ф. Косарева является надёжная относительная хронология памятников, что достигнуто обращением археолога к многочисленному керамическому материалу (анализ декора и морфологических особенностей посуды) и стратиграфическим наблюдениям. Она незаменима в тех случаях, когда ставится под сомнение связь объектов, керамики, каменных изделий с датирующими вещами (изделиями из металла, матрицами и т. п.) или вызывают недоверие калиброванные ¹⁴C даты.⁸¹

Вопрос периодизации и хронологии памятников бронзового века, имеющий ключевое значение в упорядочении археологических материалов, предполагает активное привлечение калиброванных ¹⁴C дат, полученных по углю, кости и другим органическим материалам. Правда, в настоящее время их не так много, как бы хотелось. Речь идёт о нескольких десятках определений, что явно недостаточно для такой внушительной территории и столь протяжённого периода древней истории. Однако следует понимать, что они не могут рассматриваться как самодостаточные источники, позволяющие быстро выйти на абсолютную хронологию и решить возникающие проблемы. Изотопные данные должны быть тщательно сопоставлены со сложившимися региональными типолого-хронологическими схемами и обстоятельным объяснением их соответствий (или противоречий) всему имеющемуся археологическому контексту (стратиграфии, планиграфии, типологии керамики и др.).⁸²

⁷⁸ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева и др. М., 1987. С. 84–105. (Археология СССР); Они же. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

⁷⁹ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древнейшая металлургия Северной Евразии... С. 139–140.

⁸⁰ Кокшаров С. Ф. Памятники позднего бронзового века р. Конда // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991. С. 66–69.

⁸¹ Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла... С. 45.

⁸² См.: Линдафф К. М. Как далеко на восток распространялась Евразийская металлургическая традиция // РА. 2005. № 4. С. 29; Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008. С. 92, 236; Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В. Некоторые вопросы

Археологические источники, накопленные к настоящему времени, и наметившиеся исследовательские подходы к периодизации дают основания для градации древностей бронзового века, охватывающего временной интервал с конца III тыс. до н. э. до VIII в. до н. э.⁸³ Принимая во внимание ключевое значение СТ памятников на территории Северной Евразии, предлагается выделить три периода: досейминский, сейминский и постсейминский. Таким образом, в вопросе периодизации приоритет отдан технологическому принципу, который является ключевым в археологии, а предлагаемые определения, наиболее полно отражающие изменения в сфере металлопроизводства, хорошо знакомы археологам.

радиоуглеродной хронологии памятников андроновской культуры Алтая // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2010. С. 19–20; Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. М., 2011. Вып. 225. С. 27; Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012. С. 193–194; Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на р. Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск, 2016. С. 371–372.

⁸³ См.: Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла... С. 4; Он же. Культура населения севера Западной Сибири... С. 44–47.

Глава 3

Основные характеристики периодов бронзового века

Досейминский период. Новая эпоха связана с приобщением объ-иртышских рыболовов и охотников к литейному производству. Говоря об этом важном историческом событии на изучаемой территории, уместно вспомнить слова Е. Н. Черных о «взрывном»/скачкообразном характере появления балкано-карпатской металлургии в V тыс. до н. э., или о стремительности распространения революционных технологий и оловянных сплавов позднего бронзового века, связываемых с миграциями СТ популяций во II тыс. до н. э.⁸⁴ Нечто похожее мы видим и на территории Западной Сибири, когда население лесостепных и таёжных районов начинает активно использовать металлические предметы и осваивает технологии литья металла. Если учесть, что здесь в предшествующий переходный период от каменного к бронзовому веку находки из металла и следы его обработки фиксировались единично,⁸⁵ то появление в досейминское время первых производственных площадок и мастерских по литью металла однозначно указывает на возросшее количество сырья, поступавшего на север Западной Сибири.

Специфика досейминского периода, приходящегося на конец III тыс. до н. э. — первую треть II тыс. до н. э., проявляется в том, что его можно разделить на две последовательные фазы, с которыми связаны важные технологические новации.

Особенности металлопроизводства на *первой фазе досейминского периода* отчётливо отражают археологические материалы, полученные в бассейне р. Конда. В этом микрорайоне Западной Сибири отмечается появление ранних памятников полымьятского типа, в культурных слоях которых обнаружены ошлакованная керамика, плавильные ёмкости (тигли), односторонние матрицы, керамическое сопло, сплески, капли металла и изделия из него. К важнейшим объектам относятся поселения Лева VIII, Геологическое III и XVI.

На поселении Лева VIII, расположенном в Кондинском районе ХМАО — Югры, изучена производственная площадка с остатками примитивной печи для расплава металла, рядом с которой были собраны обломки двух массивных тиглей, трёх литейных форм и сплески металла.⁸⁶

⁸⁴ Черных Е. Н. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологически музеев. М., 2000. С. 30, 38. (Труды Государственного исторического музея; вып. 113).

⁸⁵ Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура: препринт. Екатеринбург, 1995. С. 32.

⁸⁶ См.: Визгалов Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды... С. 47–53; Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени... С. 122–130.

Все матрицы, выполненные из напесоченной глины, относятся к числу открытых. Металл заливался в них на выплеск, т. е. без каких-либо литниковых воронок (рис. 201, 1, 5). Они служили для производства заготовок двух типов: слитков овальной и трапециевидной формы. Размер первых составлял 32×15×4 мм, вторых — 72(74)×74×5–7 мм. У меньшего основания имелось кюветообразное углубление размером 36×15×2,5 мм, которым оформлялось утолщение, необходимое, по-видимому, для надежного закрепления отливки в рукояти (?).

Два тигля, сохранившиеся фрагментарно, не позволяют судить о форме и полных размерах изделий. Один из них вылеплен на основании круглодонного сосуда, которое было заполнено формовочной массой с большой примесью песка. Ложе для расплава подпрямоугольное. Его длина превышала 80 мм, ширина и глубина составляли 53 и 14 мм соответственно. Второй тигель изготовлен из глины, содержащей песок и кальцинированную кость. Он отличался небрежностью: на основании видны каверны и неровности, а верхняя сторона затёрта грубым шпателем. Его ёмкость также подпрямоугольная, длиной не менее 90 мм, шириной 45(?) и глубиной 18 мм.

Комплект раннеполымьятской технологической керамики дополняет сопло, найденное на поселении Геологическое XVI (рис. 201, 6). Это трубка с продольным отверстием, изготовленная из напесоченной глины, длиной 130 мм, диаметром 30 мм в средней части. Тело изделия покрыто декором из гребенчатых отпечатков и зигзагов. Предмет служил для подачи воздуха в теплотехническое сооружение (печь) для разогрева металла.

К сожалению, не известен химический состав металла (сплесков и капель), обнаруженного Г. П. Визгаловым при раскопках поселения Лева VIII, что затрудняет поиск источников сырья, использовавшегося древними литейщиками. Это упущение компенсируют материалы, полученные при раскопках двух других ранних полымьятских памятников, исследованных на р. Эсс в верховьях р. Конда: поселениях Геологическое III и XVI.

В раскопе IV, заложенном на поселении Геологическое III, открыты остатки жилища с прямоугольным котлованом, размером 68,6 кв. м, ориентированным по линии СВ–ЮЗ. В центральной части располагался открытый очаг. С постройкой связаны три металлических предмета: подвеска в виде лунницы, шило и кованая пластинка⁸⁷ (рис. 201, 2, 4). Атомно-эмиссионный спектрометрический анализ показал, что для украшения использован медно-серебряный сплав с содержанием серебра 1,6 %, а два других изделия выполнены из чистой меди.⁸⁸ Ещё одна медная пластина (рис. 201, 8) была найдена в основании раннего полымьятского жилища площадью 45,1 кв. м, исследованного в раскопе III того же поселения.⁸⁹

На поселении Геологическое XVI (раскоп I) найдены две медные пластинки и пронизка в виде трубки из свёрнутого листа металла. Последняя любопытна тем, что в её составе отмечена десятая доля мышьяка.⁹⁰

⁸⁷ Кокшаров С. Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011. С. 75–90.

⁸⁸ См.: Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // ВААЭ. 2012. № 4(19). С. 30, таб. 1, 11; Он же. Подвеска-лунница с верховьев Конды (к проблеме трансуральских связей начала бронзового века) // УИВ. 2012. № 3(36). С. 131–132, рис. 1, 1.

⁸⁹ Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды... С. 28, рис. 1, 7.

⁹⁰ Там же. Табл. 2, 1.

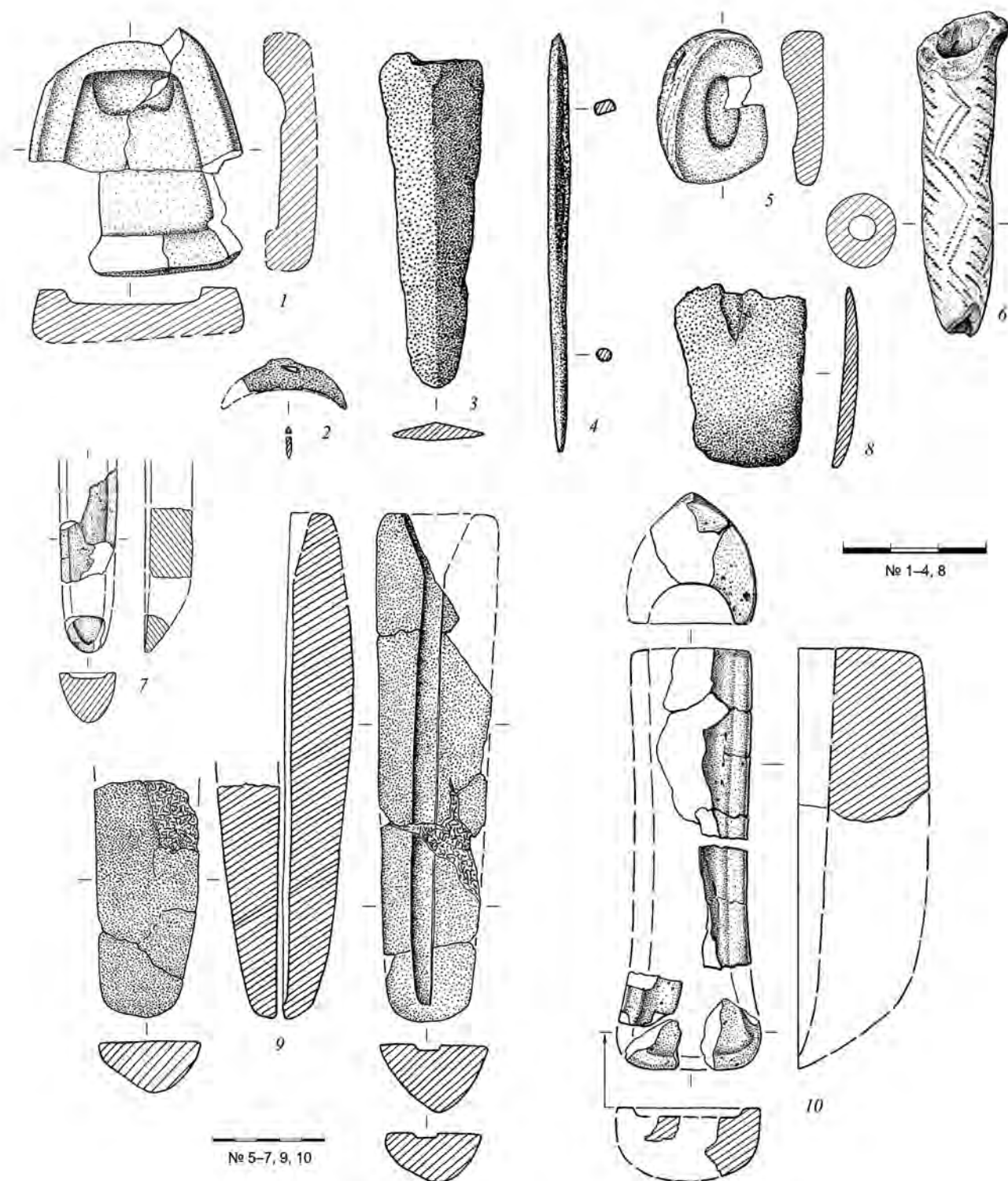

Рис. 201. Технологическая керамика и металлические изделия досейминского периода.
 1, 5 — Лева VIII; 2-4, 8 — Геологическое III; 6 — Геологическое XVI; 7, 10 — Балинское 1; 9 — Савкинская Речка 1 (по: Кокшаров, 2019)

Несмотря на невзрачность, эти источники очень ценны. Почти все их объединяет одна общая черта: примесь серебра от десятых до целых долей, позволяющая обозначить источники поступления сырья. По мнению С. В. Кузьминых, речь может идти о каких-то пока не определённых уральских месторождениях.⁹¹ С другой стороны, т. н. «серебристую» медь древние металлурги могли выплавлять из медистых песчаников Прикамья и Поволжья.⁹² В любом случае становление литейного дела на севере Западной Сибири было бы невозможным без определяющего влияния уральского или прикамского (гаринского?) населения, имевшего доступ к медным рудопроявлениям. Среди лесных популяций именно гаринские металлурги более других преуспели в сфере металлопроизводства. Они извлекали металл как из окисленных руд медистых песчаников, так и из коренных (самородных) месторождений. Высокая квалификация мастеров Прикамья подтверждается их умением обрабатывать медь при предплавильных температурах.⁹³

Западные влияния в становлении металлообработки на севере Сибири подтверждают находки с памятника Палатки I, исследованного в Среднем Зауралье В. Д. Викторовой. Она обнаружила обломки двух открытых матриц из керамики, имеющих значительное сходство с кондинскими типами литейных форм, а также медный слиток подпрямоугольной формы, соответствующий выемке одного из изделий.⁹⁴ Обе имеют широкие основания, превышающие размеры кювет для удержания расплавов.

В типологическом отношении эти предметы явно примитивнее и архаичнее кондинских, и на этом основании могут рассматриваться в качестве исходных. Уральские изделия связываются предположительно с аятской керамикой периода энеолита, встреченной на Палатках.

Распространение технологии литья в открытые матрицы для получения сходного сорта продукта (говоря иначе, слитков двух типов), а также использование уральской (в широком понимании) меди на территориях Среднего Зауралья и в бассейне р. Конда позволяет ставить вопрос о функционировании самостоятельного восточно-уральского очага металлообработки. Его становление происходит в энеолите на территории Среднего Зауралья под воздействием западных (гаринских) импульсов. Таким образом, следует признать опосредованное влияние металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП на позднем этапе её существования на Средний Урал и прилегающие районы Западной Сибири. Учитывая выраженный досейминский облик технологии литья, металлических предметов и состав металла, уместно синхронизировать ранние полымьятские памятники со временем функционирования ЦМП среднего бронзового века.

За пределами Кондинского бассейна пока не выявлены следы столь архаичной металлообработки, что затрудняет идентификацию археологических памятников, синхронных ранним

---

⁹¹ Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды... С. 37.

⁹² Там же. С. 38.

⁹³ Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Денисов В. П. Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // ВААЭ. № 4 (23). 2013. С. 13, 20.

⁹⁴ См.: Викторова В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2008. № 1(23). С. 31–45; Викторова В. Д., Кокшаров С. Ф. Ранние литейные формы с памятника Палатки I (Среднее Зауралье) // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований СЗАЭК». Томск, 2020. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/Viktorova_Koksharov_2020_poster.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

полымьятским. В этой связи внимание уделяется другим археологическим материалам: бытовой посуде, изделиям из камня и керамики, важное значение которых отмечали В. Н. Чернецов, М. Ф. Косарев и другие исследователи. Работая в том направлении, важно выявить так называемые хроноиндикаторы, как бы далеко они не располагались друг от друга.

Говоря о керамической посуде, следует заметить, что раннеполымьятские комплексы включают банки с круглым, приострѐнным, плоским дном и единичные ёмкости индивидуальных форм (рис. 202). Плоскодонные баночные сосуды, появлявшиеся изредка в переходное время от неолита к бронзовому веку, становятся обычными для памятников начала бронзового века на территории всей Западной Сибири, и специалисты рассматривают это явление как стадиальное.

Ранняя керамика полымьятского типа, особенно фрагментированная, теряется на фоне других гребенчато-ямочных комплексов региона, поскольку её декор достаточно однообразен и в нём немного геометрических мотивов, образующих сложные композиции. На двух сосудах встречены стилизованные изображения водоплавающих птиц.⁹⁵ Однако особое внимание привлекают ёмкости со специфическим «псевдотекстильным» декором на внешних стенках.⁹⁶ Он напоминает отпечатки ткани (поселения Геологическое III и XVI), которые отражают использование специфической технологии выбивки под текстиль.⁹⁷ Немногочисленные черепки с такими отпечатками встречены в нижнем течении р. Конда (поселения Чилимка IV, X, Болчары и Кама-2). Это послужило основанием для включения нижнекондинских объектов в круг древностей одиновско-крохалѐвского хронологического горизонта.⁹⁸ В хронологическом отношении он занимает интервал между екатерининскими (энеолит) и кротовско-елунинско-ташковско-степановскими, керамику которых украшает «движущаяся» гребѐнка.⁹⁹

Посуда с «текстильными» отпечатками обнаружена в ранних слоях поселения Барсова гора I/3,¹⁰⁰ а также на памятниках кульѐганского типа р. Аган¹⁰¹ и р. Вах,¹⁰² расположенных в Сургутском Приобье. Примечательно, что керамическая фурма из слоя аганского поселения Нѐх-Урий 3.2 также декорирована «псевдотекстилем», который отражает её архаичность.¹⁰³

Каменные изделия, сопутствующие ранним полымьятским поселениям р. Конда, не столь выразительны, чтобы можно было их отделить от инвентаря предшествующего времени. Мы видим сохранение отщеповой индустрии и производство известных типов наконечников листовидной формы с усечѐнным основанием и выступающими жальцами, а также

⁹⁵ См.: Визгалов Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды ... С. 51, рис. 2, 1; Глиняная погребушка [фотография] // Сибирские реликвии: альбом: из собраний Тобольского музея. Тобольск, [2001]. С. 21.

⁹⁶ Кокшаров С. Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III... С. 85, рис. 4, 6, 8.

⁹⁷ Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1996. С. 102.

⁹⁸ Глушков И. Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 34.

⁹⁹ Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). 2-е изд., испр. Сургут, 2009. С. 109.

¹⁰⁰ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... С. 38, рис. 27, 15.

¹⁰¹ Стефанов В. И., Данилова Е. Н. Кульѐганские древности... С. 90.

¹⁰² Мызников С. А., Косинская Л. Л., Стефанов В. И. Селище Савкинская Речка 1... С. 66, рис. 5, 9.

¹⁰³ Стефанов В. И., Данилова Е. Н. Кульѐганские древности ...С. 95, рис. 3, 1.

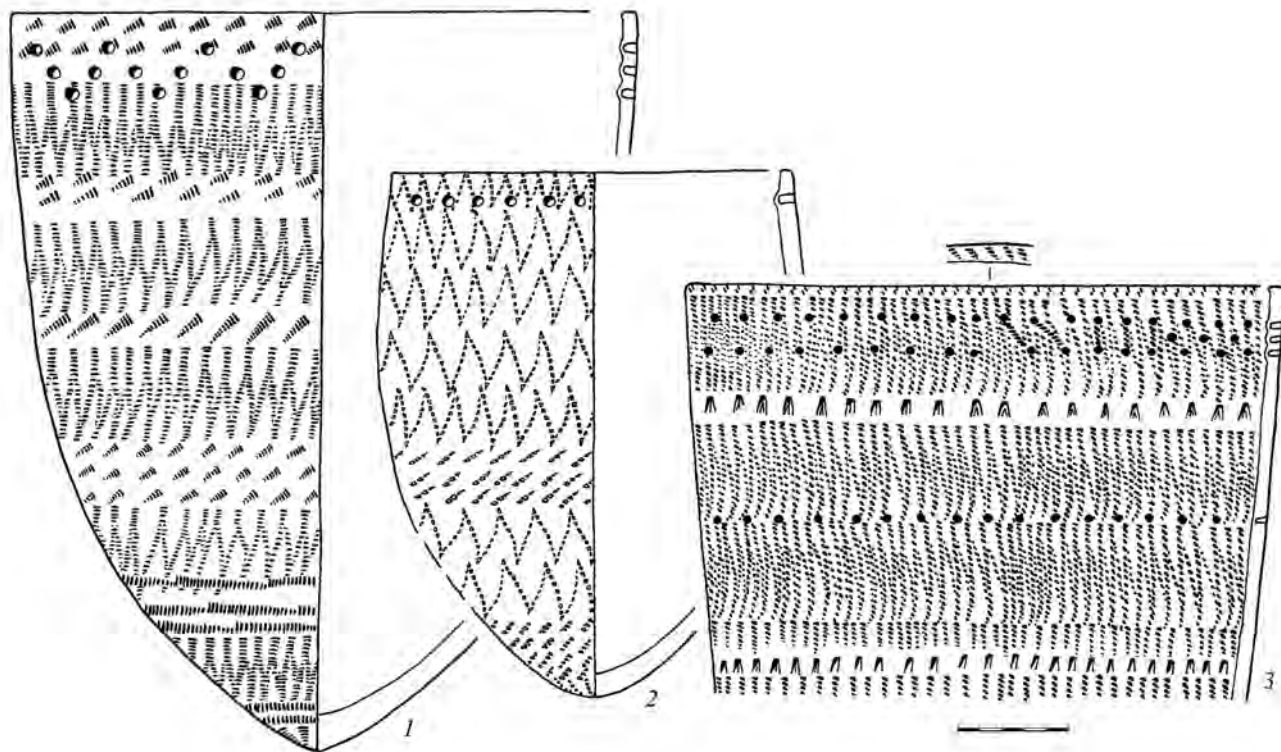

Рис. 202. Ранняя керамика полымьятского типа с поселения Геологическое III (по: Кокшаров, 2015)

скребков и ножей. Население, проживавшее в южной части Северо-Сосьвинской возвышенности, активно использовало галечниковое сырьё, содержащее большое количество кварца. Это обусловило сохранение традиций в камнеобработке, где часто применялась архаичная технология контрударного расщепления. Крупные камни (плиты, гальки) использовались в качестве наковален, молотков, абразивов и пестов.¹⁰⁴

В это время отмечаются незначительные новации в облике керамических грузил для сетей. Они сохраняют форму палочек круглого или овального поперечного сечения, но их концы оснащаются раздвоенными или «Т»-образными концами (рис. 203, 1), надёжно фиксирующими утяжелители на снастях.¹⁰⁵ На поселениях Лева VIII и XII археологи отмечают скопления таких предметов по 14 и 10 экз., среди которых лишь один предмет украшался насечками. Количество грузил в скоплениях даёт возможность восстановить размер сетей, подсчитано, что они не превышали в длину 8 м. Своеобразный облик поделок предложено рассматривать как этно-определяющий признак,¹⁰⁶ но с этим выводом трудно согласиться.

¹⁰⁴ Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Каменный инвентарь бронзового века на поселении Геологическое XVI // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 1 (36). С. 41–52.

¹⁰⁵ См.: Визгалов Г. П., Фильчаков Е. Г. О рыболовстве древнего населения бассейна Конды эпохи раннего металла // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 24, рис. 1, 7, 9; Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды... С. 126, рис. 3, 6, 7.

¹⁰⁶ Визгалов Г. П., Фильчаков Е. Г. Указ. соч. С. 23, 25.

Рис. 203. Досейминский период. Керамическое грузило для сети (1) и технологическая керамика (2–4) с поселения Пашкин Бор I. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Вторая фаза досейминского периода на изучаемой территории отмечена важными изменениями, произошедшими в сфере металлообработки. При сохранении уже известных приёмов обработки металла наблюдается усовершенствование технологий литья, появление новых типов металлопродукции и рецептур металла. Ареал металлоносных археологических памятников и культур на севере Западной Сибири заметно расширяется, а качество и разнообразие технологической керамики, связанной с металлообработкой, увеличивается.

При сохранении уже известных двух форм матриц для производства заготовок-полуфабрикатов, фурм и тиглей, археологи находят двухстворчатые литейные формы, предполагающие заливку металла в закрытые полости. Последние отличает разнообразие, так как они использовались, с одной стороны, для получения пластинчатых предметов (заготовок, ножей и тёсел), а с другой, для производства втульчатых предметов, таких, например, как кельты и копыя. К сожалению, самих отливок этого времени очень мало и представление о металлопродукции дают негативы литейных форм. Очень важно, что в бассейне р. Конда эти материалы имеют хороший археологический контекст и связаны с поздними полымьятскими поселениями. Параллели поздней полымьятской керамики и находкам, сопутствующим ей, хорошо обособляются по всей территории Западной Сибири. Это облегчает выход на относительную хронологию кондинских древностей, которые можно уверенно отнести к доандроновскому времени.

Наиболее информативные материалы, отражающие особенности металлопроизводства этого времени, получены при раскопках поселений Геологическое III, Ендырское VIII, Пашкин Бор I, Волвонча I с поздней полымьятской керамикой, памятников кульгганского типа Савкинская Речка I и Балинское I и объектов степановской культуры.

На поселении Геологическое III (раскопы III и V) были обнаружены открытые матрицы для изготовления слитков овальной и трапециевидной формы, выполненные из хорошо отмученной глины, которые внешне напоминают изделия производственной площадки Левы VIII. Судя по реконструируемым выемам, размер отливок мог составлять 36×16×8 мм и 45–65(?)×65×15–17 мм.¹⁰⁷

Технологическая керамика, морфологически близкая изделиям с кондинских памятников, найдена в мастерской, открытой на поселении Ендырское VIII (раскоп III).¹⁰⁸ Открытые формы, предназначенные для литья подпрямоугольного стержня (5(?)×1,7×1,4 мм) и слитка в виде равнобедренной трапеции (4,2/7×6(?)×1,5 мм), выполнены из глины с большой примесью песка. Они использовались в производстве, на что указывают ошлакованные и растрескавшиеся кромки ёмкостей. К ендырской коллекции можно отнести ещё одну любопытную находку — керамическое сопло, обнаруженное в 40 м к северу от мастерской (раскоп XIII). Это трубка конической формы размером 76 мм, снабженная продольным отверстием диаметром 7–16,5 мм. На широком основании изделия диаметром 43 мм заметны следы воздействия высокой температуры.¹⁰⁹ Примечательно, что почти вся керамика из упомянутой литейной мастерской Ендырского VIII поселения представлена в обломках, имеющих ошлакованные края или плоскости.

Если в истоках р. Конда и на р. Ендырь (Нижняя Обь) сохранялась традиция литья заготовок в открытые матрицы, то в нижнем течении р. Конда фиксируется применение технологий позднего бронзового века. Речь идёт о керамических двухсторонних формах для получения втульчатых изделий.

Эти материалы связаны с поселениями Пашкин Бор I и Волвонча I. На обоих памятниках найдены створки и сердечники для изготовления небольших по размерам кельтов, а также сердечники для небольших копий (рис. 203, 2–4). В коллекции Пашкиного Бора имеются и обломки тиглей. Судя по матрицам, кельты имели овальное, а не шестигранное поперечное сечение, их втулки иногда усиливались валиками, единичные отливки имели сечкообразные лезвия.¹¹⁰ Эта продукция морфологически явно не соответствует СТ и СК типам кельтов, однако специалисты находят возможным включать их в число СК серий.¹¹¹ Между тем, согласно модели СТ транскультурного феномена, СК металл является производным от СТ и может датироваться лишь постсейминским временем.¹¹² Переход к литью кельтов и копий

¹⁰⁷ Кокшаров С. Ф. Геологическое III — поселение бронзового века (материалы раскопов I–III, V) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 342, рис. 3, 16, 19.

¹⁰⁸ Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мастерская бронзового века... С. 105, рис. 7, 1–3.

¹⁰⁹ Раскопки Ендырского VIII поселения и Ендырского II могильника в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2021 г.: отчёт о НИР / ИИиА УрО РАН; Кокшаров С. Ф. Екатеринбург, 2022 // Научный архив ИИиА УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 230. Л. 40, рис. 146, 5, 5а.

¹¹⁰ Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла... С. 49.

¹¹¹ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии... С. 145.

¹¹² См.: Черных Е. Н., Агапов С. А., Кузьминых С. В. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя: информационные материалы. Свердловск, 1989. С. 9–10; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древнейшая металлургия Северной Евразии... С. 160, 276–277 и др.

специфического облика документируется также находками южно-таёжной степановской культуры в Васюганье¹¹³ и самусьских памятников Верхнего Приобья.¹¹⁴

Особый исследовательский интерес представляют следы металлопроизводства на памятниках кулёмганского типа Сургутского Приобья (Балинское I, Савкинская Речка I и др.). Население, оставившее эти объекты, не изготавливало втульчатые предметы, но усовершенствовало литьё пластинчатых орудий и оружия в двухстворчатых формах. Они примечательны тем, что одна из створок являлась крышкой. Таким образом, производимая продукция отличалась асимметричностью.

При раскопках поселения Балинское I обнаружены фрагменты глиняной формы для отливки тесла, пластинчатого ножа (рис. 201, 7, 10) и керамического сопла. Судя по негативу, у первого было расклеванное лезвие: длина отливки, ширина лезвия и толщина 176×52×4–8 мм. Исходя из облика матрицы ножа, он был оснащён продольным ребром жёсткости. Параметры отливки составляли 79(?)×18×2,5–3 мм. Плохая сохранность затрудняет установление полных размеров сопла. Можно уверенно говорить о диаметрах изделия в средней части и воздухопроводного канала, составлявших 25 и 12,5 мм. Снаружи предмет украшен отпечатками штампа в виде гребёнки.¹¹⁵ Значительно лучше сохранилась форма для изготовления пластинчатой заготовки (прутка) с поселения Савкинская Речка I, состоящая из матрицы и крышки (рис. 201, 9; 204). На одном из торцов совмещённых створок расположена литниковая воронка, направлявшая расплав в полость. Размер отливки составлял 190×9–11×2,5–3 мм.¹¹⁶ Она могла служить для изготовления ножей, шильев и других несложных вещей.

Рис. 204. Досейминский период. Створки литейной формы с поселения Савкинская Речка I. Фонды Сургутского краеведческого музея

¹¹³ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. С. 213–217, рис. 103–107.

¹¹⁴ Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. С. 51, рис. 25, 1, 5.

¹¹⁵ Кокшаров С. Ф., Баранов М. Ю. Следы металлопроизводства бронзового века... С. 39, 41.

¹¹⁶ Мызников С. А., Косинская Л. Л., Стефанов В. И. Селище Савкинская Речка I... С. 63.

В досейминский период бронзового века к металлопроизводству приобщаются рыболовы и охотники, оставившие памятники сартыньинской культуры,¹¹⁷ поселения в зоне Сибирских Увалов — Щетнматолор, Пякупур 3¹¹⁸ и культуры вары-хадыта в Обской губе.¹¹⁹ Из этих мест происходят не только тигли, ошлакованная керамика и сопла, а также слитки, капли, всплески металла и единичные вещи. Археологи, привлекающие ¹⁴C даты, полученные по углю, и данные дендрохронологии, для обоснования энеолитического возраста комплексов вары-хадыта,¹²⁰ к сожалению, никак не комментируют следы металлообработки в культурном слое эпонимного поселения. Кроме того, ими не учтён важный факт: обитатели Арктики традиционно использовали в качестве топлива и строительного материала ископаемую (морёную) древесину, погребённую в болотных отложениях или мерзлотных слоях на многие сотни и тысячи лет. Это обстоятельство не могло не отразиться на удревнении полученных дат.

Металлических изделий этого времени немного: асимметричный нож из оловянно-мышьяковой бронзы с поселения Геологическое III¹²¹ (рис. 201, 3), пластина из чистой меди с поселения Балинское 53,¹²² серьга в полтора оборота с памятника Пяку-то из медно-серебряного сплава (Ag 2 %).¹²³ Архаичность этих вещей в сравнении с сортаментом СТ продукции не вызывает никаких сомнений. По химическому составу металла можно проследить разнонаправленные связи сибиряков с группами уральского населения,¹²⁴ синташтинско-петровскими популяциями.¹²⁵ Говоря о других контактах, необходимо обратить внимание на находки керамики типа вары-хадыта в бассейнах рр. Северная Сосьва и Конда.¹²⁶ Возможно, они свидетельствуют об эпизодических инфильтрациях (или связях?) рыболовов и охотников из арктической зоны.

В это время керамическая посуда северного населения имела преимущественно баночную форму (открытую, закрытую) и плоские днища. У части сосудов выражен ребристый переход от тулова к придонной части. Ребро возникало на месте стыка стенок и придонной части, лепившихся отдельно, отражая особенности лепки (рис. 205, 2). Другая черта, отличающая керамику от посуды предшествующей фазы, проявлялась в необработанности внутренних стенок банок, сформованных на горшках-шаблонах. Последние оставляли

---

¹¹⁷ Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век... С. 17.

¹¹⁸ См.: Косинская Л. Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала: в 2-х томах. Екатеринбург, 2010. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. С. 57, рис. 40, 22; Пошехонова О. Е., Скочина С. Н. Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северотаёжной зоне Западной Сибири // ВААЭ. 2012. № 1(16). С. 40–41, рис. 3, 11.

¹¹⁹ Васильев Е. А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 212.

¹²⁰ Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Сомотнёл-1: материалы исследования. Салехард, 2018. С. 9, 45–46. (Прил. к сб. «Археология Арктики»; вып. 5).

¹²¹ Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды... С. 28, рис. 1, 4.

¹²² Кокшаров С. Ф., Баранов М. Ю. Следы металлопроизводства бронзового века... С. 43.

¹²³ Косинская Л. Л. Энеолит и эпоха бронзы... С. 59, рис. 41, 10.

¹²⁴ См.: Черных Е. Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаённая (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007. С. 38, рис. 3.1. (Каргалы; т. V); Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век... С. 17.

¹²⁵ Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды... С. 31.

¹²⁶ Кокшаров С. Ф. Геологическое III — поселение бронзового века... С. 340, 345.

Рис. 205. Керамика досейминского периода с поселений Малый Атлым I (сартыньинская культура) (1) и Пашкин Бор I (польшьятский тип) (2).
Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

негатив орнамента внутри новых ёмкостей, который не затирался.¹²⁷ Эта технологическая особенность известна не только на поздней полымьятской посуде, но и степановской, ташковской и кульёганской (памятники Хостортур, Пякупур 3, Рыбный Сор, Ташково II, Тух-Сигат IV и др.).¹²⁸ На использование гончарами южноуральских культур горшков-шаблонов, обтянутых тканью или без неё, в конце среднего — начале ПБВ впервые обратили внимание челябинские археологи.¹²⁹

В досейминский период проявляются различия керамики южных и северо-таёжных районов Западной Сибири.

Керамика с южных памятников имеет обычно стандартную форму, украшена разнообразными «движущейся гребёнки» (шагающей, отступающей, протащенной), образующей довольно плотные монотонные узоры (степановская, кротовская, полымьятская, отчасти, посуда ташковского типа). Не случайно было предложено объединить лесостепные и южно-таёжные памятники Западной Сибири и предгорного Алтая в «кротовско-елунинскую общность».¹³⁰

Для памятников средне-, северо-таёжной и арктической зон характерно присутствие чаш и блюд овальной, квадратной, прямоугольной форм. Наблюдается возрастание количества керамики, декорированной горизонтальными геометрическими узорами, которые построены на основе рассечённых сеток с ромбическими или шестиугольными (сотовыми) ячейками (рис. 205, 1). Керамику северных памятников отличает присутствие в орнаменте ленточных узоров (рис. 205, 2). Это либо горизонтальные пояса, либо зигзаги, из углов которых отходят ответвления. Часто ленты обрамлены ямками или наколами гребенчатых штампов. Ярче всего сетчатый (сотовый) геометризм проявляется на керамике сартыньинской и вары-хадыта культур¹³¹, поздних полымьятских памятников верховьев р. Конда (рис. 206). Созвучные декоративные мотивы можно встретить на посуде кульёганских комплексов¹³² и керамике степановской культуры.¹³³ В настоящее время можно согласиться со специалистами, что керамические комплексы Среднего и Нижнего Приобья действительно по-своему оригинальны¹³⁴ и рассматривать их в качестве некоего «гребенчато-ямочного субстрата» неправомерно.

¹²⁷ Кокшаров С. Ф. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 174–176, рис. 1.

¹²⁸ См.: Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла... С. 87; Он же. Использование шаблона в керамическом производстве... С. 175.

¹²⁹ Виноградов Н. Б., Мухина М. А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 80–82.

¹³⁰ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири... С. 84.

¹³¹ Васильев Е. А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза... С. 212–214.

¹³² Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Быстрый Кульёган — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // АЭАЕ. 2011. № 2 (46). С. 63, рис. 9, 3–6; 10, 1, 4, 8.

¹³³ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век... Рис. 113, 1.

¹³⁴ См.: Чемякин Ю. П. О кульёганском типе памятников // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 199; Васильев Е. А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. С. 24–31.

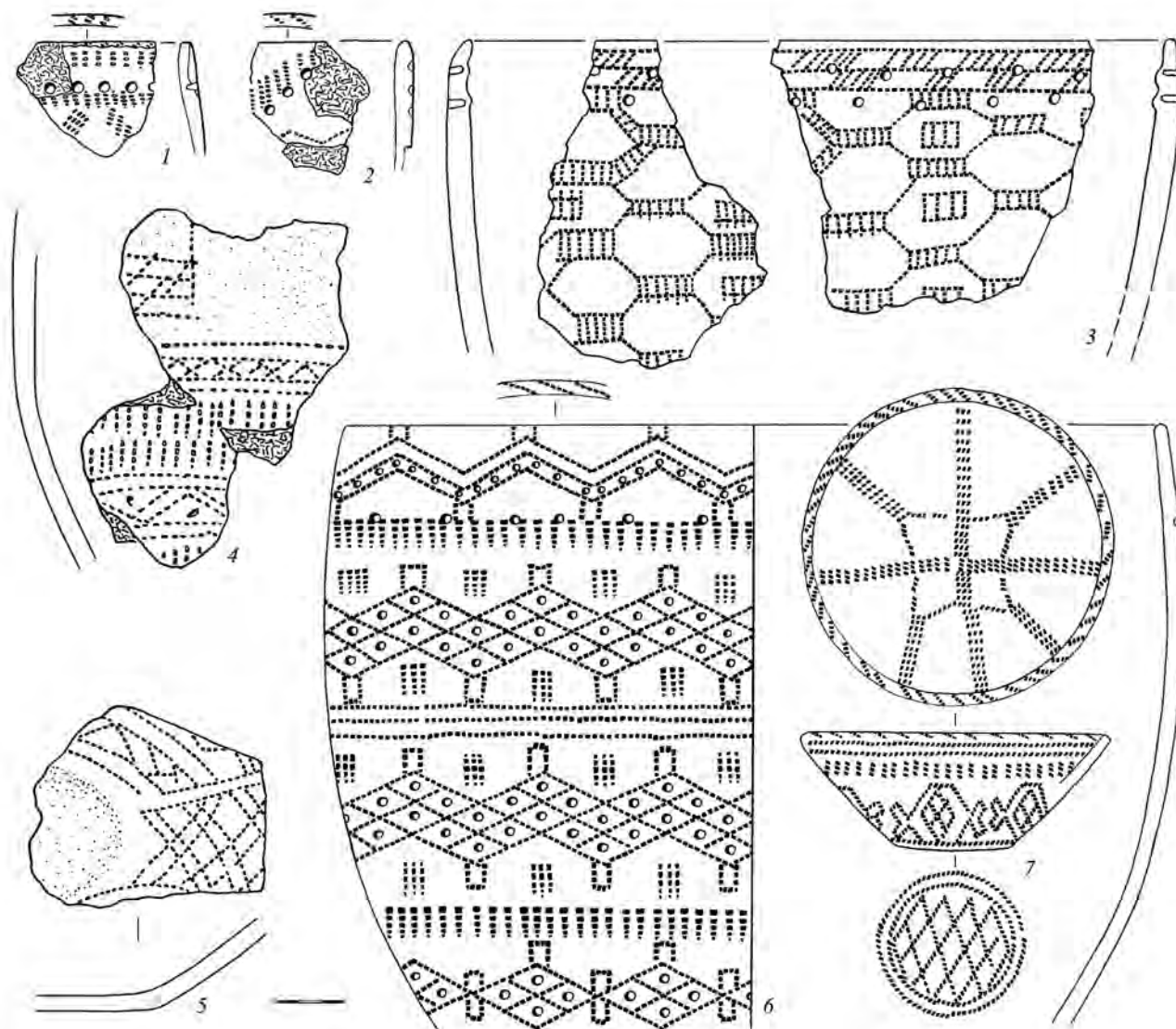

Рис. 206. Поздняя керамика польмяятского типа с поселения Геологическое III (по: Кокшаров, 2018)

В досейминских комплексах встречаются каменные т. н. подвески-лунницы и черешковые двусторонне обработанные наконечники стрел. На поселениях средне-таёжной и лесостепной зон часто находят глиняные грузила для сетей в виде палочек с «Т»-образными и раздвоенными концами (польмяятские, ташковские и кротовские памятники). В Сургутском Приобье и Васюганье грузила снабжались желобками и сквозными отверстиями, за которые крепились к снасти (степановские и кульёганские комплексы).

Сейминский период бронзового века (вторая треть II тыс. до н. э.) отмечен на севере Западной Сибири появлением на археологических памятниках вещей, типичных для СТ коллекций Северной Евразии. Они представлены не только металлопродукцией, которой не столь много, но и литейными формами, каменным инвентарём и костяными изделиями.

Важнейшие памятники этого времени, изученные раскопками: культовый комплекс Сайгатино VI, могильники Сатыга XVI и Товкуртлор 3, поселение Ленино I. Перечисленные объекты объединяет присутствие в культурных слоях и объектах керамики варпаульского типа.¹³⁵ Она представляет собой плоскодонные банки, имеющие иногда ребристый переход от тулова к придонной части, и слабопрофилированные горшки, украшенные упрощёнными гребенчатыми узорами (рис. 207, 2). На тулове отдельных сосудов имеются свободные от декора пояса. Встречаются ёмкости подпрямоугольных или овальных форм (рис. 207, 1), миниатюрные квадратные чашечки.

Присутствие в варпаульских коллекциях горшков указывает на их более поздний облик (по сравнению с полымьятскими, сартыньинскими, кульёганскими и др.), где преобладает баночная посуда. Рассматривая керамику Сайгатино VI, М. Ф. Косарев отмечал, что она более всего напоминает раннееловскую, а также «ненарядную» посуду черноозерско-томского варианта фёдоровской культуры,¹³⁶ с чем трудно не согласиться. Мнения других исследователей, не усматривающих различий между варпаульскими и полымьятскими керамическими комплексами,¹³⁷ следует расценивать как недоразумение.¹³⁸

Соответствия варпаульской керамике по форме и орнаменту можно увидеть в посуде андроновско-сейминского времени, происходящей с Томского могильника на Малом Мысе, Еловского II¹³⁹ и Черноозёрского I могильников (погребения 15, 39, 81, 122, 123),¹⁴⁰ могильника Ростовка,¹⁴¹ а также в памятниках фёдоровской культуры в Барабинской лесостепи.¹⁴²

При высокой степени сходства керамики Сатыги XVI, Товкуртлора 3, Сайгатино VI состав сопутствующих вещей на каждом из памятников вариабелен. В этом отношении очень показательны материалы, отражающие особенности металлопроизводства.

Сопроводительный инвентарь, связанный с могильником Сатыга XVI, имеет ярко выраженный СТ облик, что безусловно позволяет ставить его в один ряд с такими некрополями, как Сейма, Турбино, Ростовка, Сопка-2. С кондинского памятника происходят керамические литейные формы для пластинчатого ножа (разряд НК-4?) (рис. 208, 5) и кельтов разряда К-14

¹³⁵ См.: Кокшаров С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации... С. 136, 141–142; Он же. Культура населения севера Западной Сибири... С. 13, 15, 18–19, 26–27, рис. 7, 24–50; Нестерова М. С. Западная Сибирь в развитом бронзовом веке... С. 417.

¹³⁶ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири... С. 118–132; Он же. Из древней истории Западной Сибири... С. 98.

¹³⁷ См.: Стефанов В. И. Керамика // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный и др. Екатеринбург, 2011. С. 54; Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Сатыга XVI в системе культур бронзы Зауралья и Западной Сибири // Там же. С. 63, 75, 82, 85.

¹³⁸ Кокшаров С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации... С. 141.

¹³⁹ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири... Рис. 42, 4–6, 8; 44, 1, 3, 5.

¹⁴⁰ Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья: препринт. Екатеринбург, 1994. Рис. 3, 4, 6, 14, 19, 20; рис. 28, 1–2.

¹⁴¹ Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у д. Ростовки вблизи Омска. Томск, 1988. С. 13, рис. 11, 6–7; С. 90, рис. 81, 5.

¹⁴² Молодин В. И. и др. Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы на памятнике Тартас-1: новейшие результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 333–335, рис. 2, 1, 5.

Рис. 207. Сейминский период. Керамика варпаульского типа могильника Сатыга XVI. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

(К-18) и К-10 (К-16)¹⁴³ (рис. 208, 7, 8), ножи турбинского типа (рис. 208, 3; 209, 2, 3, 5), нож срубно-андроновского типа разряда НК-16 (рис. 208, 4; 209, 1), ножи-скобели, пластинчатые долота, кремневые наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием (рис. 210, 7–10) и крупные асимметричные ножи (или наконечники дротиков?) (рис. 210, 11–13), кварцевая булава, а также оригинальные костяные накладки (рис. 210, 3, 4), имеющие прямые аналоги в Канинской пещере на западном склоне Урала.¹⁴⁴

К особенностям металла Сатыги XVI относятся низкое содержание олова в сплавах (0,8–3,6%), отливка орудий без последующей кузнечной обработки (47%), полное отсутствие таких способов получения орудий, как формообразующаяковка, сварка, редкое использование упрочняющего наклепа на лезвиях.¹⁴⁵ Отмечена также наибольшая близость металлических изделий могильника к коллекциям ямных памятников Приуралья, где хорошо представлены медные отливки в формах в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части при средних степенях обжатия.¹⁴⁶ Это свидетельствует о сохранении у таёжных литейщиков традиций (или, может быть, пережитков?) в сфере металлообработки.

Своеобразие коллекции находок из Сайгатино VI определяют створки от двух литейных форм СК кельтов (разряды К-36 и К-46)¹⁴⁷ (рис. 208, 6), матрица с плоской крышкой для отливки кольца с антропоморфом (т. н. «человек в круге») (рис. 208, 2). Среди прочих находок отмечены каменная «булава» (?)¹⁴⁸ и костяные накладки с отверстиями,¹⁴⁹ идентичные найденным в Сатыгинском некрополе и Канинской пещере.

Форма ложноушкового кельта разряда К-46 из талькохлоритового сланца (рис. 208, 6) имеет уральское происхождение, т. к. именно здесь известны выходы этого сырья. Иное направление контактов местного населения устанавливается по химическому составу обломков втулок от двух (?) предметов. Их отличает высокое содержание олова (7,6 и 8,4%) с сопутствующим свинцом (0,45 и 0,13%). Учитывая присутствие в варпаульских памятниках вещей, характерных для образований, входящих в АКИО (рис. 208, 1, 4), логично связать распространение оловянных сплавов именно с её носителями, на что обращалось внимание ранее.¹⁵⁰ Это

¹⁴³ Кузьминых С. В. Литейные формы // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный и др. Екатеринбург; Сургут, 2011. С. 30–32. С. 137, рис. 4.1.1, 1,2; С. 138. 4.1.2, 1.

¹⁴⁴ Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964. С. 56, рис. 18, 1, 3.

¹⁴⁵ Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В. Результаты аналитического изучения металлических изделий // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный и др. Екатеринбург; Сургут, 2011. С. 40, 42–44.

¹⁴⁶ Там же. С. 44.

¹⁴⁷ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии... С. 148, 152, рис. 75, 1–2; 77, 7.

¹⁴⁸ См.: Раскопки культового места Сайгатино VI: Отчёт о выполнении работ в сезоне 2003 года по ФЦП «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 2002–2006 гг.». Книга 3: Поддержка экспедиционных и полевых исследований с целью проведения комплексных геологических, биологических, археологических, биолого-археологических, археографических работ с участием студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей и учёных ВУЗов и институтов УрО РАН / УрГУ им. А. М. Горького; Корочкова О. Н. Екатеринбург, 2003. // Угорский научно-исследовательский центр. Фонд рукописей. Д. 9. С. 40, 42.

¹⁴⁹ Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино... С. 49, рис. 3, 5.

¹⁵⁰ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. С. 111. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 172).

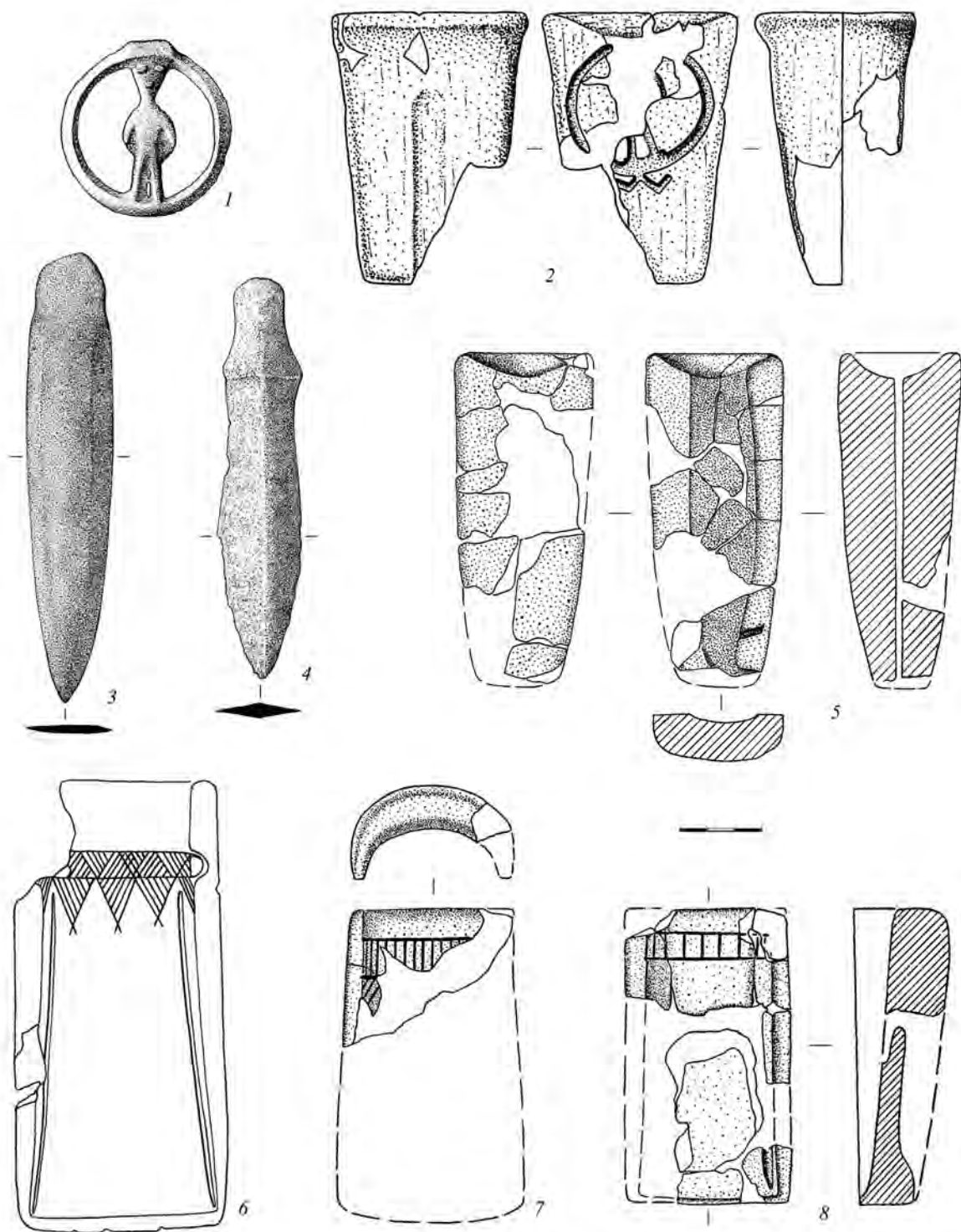

Рис. 208. Литейные формы и металлопродукция сейминского периода:
 1 — могильник Боровлянка XVII; 2, 6 — культовый комплекс Сайгатино VI;
 2, 5, 7, 8 — могильник Сатыга XVI (по: 1 — Погодин, Полеводов, Труфанов, 2008; 2–8 — Кокшаров, 2019)

важное наблюдение, а также находка двухстворчатой формы (матрица и плоская крышка) для отливки фигурки т. н. «человека в круге» (рис. 208, 2) дают дополнительные основания для синхронизации варпаульских комплексов севера Западной Сибири с южными андроновскими (федоровскими) памятниками, где обнаружены сами металлические предметы.¹⁵¹

Инвентарь, связанный с обработкой металла, и металлические изделия с поселения Ленино I и могильника Товкуртлор 3 единичны и невыразительны. Вместе с тем каменный инвентарь могильника, в частности, наконечники стрел, выполненные из тонкозернистого серого кварцито-песчаника и кремня, аналогичны сатыгинским.¹⁵²

Таким образом, варпаульские комплексы отражают особенности культуры таёжного населения Западной Сибири, когда в Северной Евразии появляются археологические объекты с металлом СТ и СК типов, памятники, входящие в состав АКЮ. Кстати сказать, этот вывод хорошо согласуется с материалами зауральского памятника Шайтанское Озеро II, где также отмечено причудливое сочетание перечисленных древностей бронзового века.¹⁵³ Сейчас есть все основания связывать западно-сибирские памятники варпаульского типа, относящиеся к сейминско-андроновскому времени, с таёжными рыболовами и охотниками, а не с мигрирующими по таёжному Обь-Иртышью воинственными СТ популяциями, как полагают сторонники концепции СТ транскультурного феномена.¹⁵⁴ Археологи помещают памятники АКЮ, как, впрочем, и срубную культуру в хронологическом диапазоне между XIX (XVII) и XIV (XIII) вв. до н. э.¹⁵⁵ Этот период связывается обычно с фазой стабилизации ЕАМП, приходящейся на ПБВ-2.¹⁵⁶

Таёжные мастера, освоившие технологии обработки металла позднего бронзового века уже в досейминское время, переходят в сейминское время к изготовлению более совершенной продукции СТ и СК типов. Повсеместно фиксируется работа с оловянными бронзами, хотя содержание легирующего металла в последних очень вариабельно. Благодаря упрочившимся связям с южными и западными соседями, северные мастера получали от них не только металл, изделия из него (кельт из Самарово, нож срубно-андроновского типа из могильника Сатыга XVI), но и практичные литейные формы из талька (Сайгатино VI, и, вероятно, Товкуртлор 3), которые могли использоваться многократно.

Расцвет металлообработки на севере Западной Сибири в сейминский период привёл к важным историческим процессам, в частности, разделению труда в некоторых общинах

---

¹⁵¹ См.: Погодин Л. И., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровлянка XVII // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 195–200, рис. 1, 2–3; 2, 1–2; 3, 2; 4, 4; 5, 3–4; Стефанов В. И. Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. 2004. № 4. С. 114–115, рис. 1.

¹⁵² Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор-3... С. 53–54.

¹⁵³ Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург, 2020. С. 113 и др.

¹⁵⁴ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии... С. 269–276; Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор-3... С. 57.

¹⁵⁵ См.: Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 99; Черных Е. Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции... С. 391.

¹⁵⁶ Черных Е. Н., Агапов С. А., Кузьминых С. В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 35–36.

Рис. 209. Сейминский период. Бронзовые ножи из могильника Сатыга XVI. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

таёжных рыболовов и охотников.¹⁵⁷ Внутри коллективов выделились мастера-литейщики, о чём свидетельствуют материалы могильника Сатыга XVI. Материалы северных памятников не вписываются в концепцию СТ феномена, предусматривающую миграции носителей передовых технологий металлообработки в лице представителей СТ племён. Учитывая тот факт, что литье металла северяне освоили под влиянием импульсов, шедших с Урала уже в предшествующее время, правильнее говорить о восприятии таёжными литейщиками новых стереотипов металлических вещей и нового сырья (оловянных бронз), которые массово распространялись в степной Евразии носителями АКЮ и их соседями. Погребения литейщиков сейминского времени, выявленные на могильниках Ростовка и Сопка-2,¹⁵⁸ красноречиво свидетельствуют о сходных изменениях в общинных организациях Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи.

Постсейминский период бронзового века (последняя треть II тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э.) отмечен сохранением прежних технологий литья в закрытые формы и появлением типов орудий и оружия, характерных для завершающей стадии ЗАМП.¹⁵⁹ Сортамент продукции таёжных мастеров устанавливается по фрагментам матриц и оригинальным вотивным предметам из керамики. Археологи пока не обнаружили специализированных мастерских этого времени, но, по-видимому, простейшее литьё в открытые формы было распространено повсеместно. На поселениях барсовской и атлымской культур нередки находки тиглей и их обломков, ошлакованной керамики, ёмкостей, где плавился металл, и сплески последнего.

Глиняные модельки наконечника копья с прорезным пером и двух кельтов с лобным ушком были найдены на поселении Сузгун Па.¹⁶⁰ Подобные вещи характерны для приказанского металлургического очага, который в предананьинское время превращается едва ли не в самый мощный на территории Приуралья.¹⁶¹ Створка формы из песчаника для клиновидного изделия, оснащённого ребром, происходит из жилища барсовской культуры поселения Барсова гора I/50.¹⁶² Крышка и матрица для отливки пластинчатого ажурного украшения (?) обнаружены на кондинском поселении Чилимка VIII.¹⁶³ При раскопках памятника Новый Катмыш (р. Конда) была найдена форма и сердечник из глины для отливки втульчатого асимметричного долота.¹⁶⁴ Эта продукция очень характерна для постсейминского времени, когда в степях Евразии появляются общность культур валиковой керамики (ОКВК) и андроновидные

¹⁵⁷ Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества... С. 14–15.

¹⁵⁸ См.: Матющенко В. И., Синицына Г. В. Указ. соч. С. 10, 30–31; Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 96–109.

¹⁵⁹ См.: Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла... С. 53–82; Он же. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

¹⁶⁰ Галкин В. Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 129–136. Рис. 2, 1, 3, 5.

¹⁶¹ См.: Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья... С. 116; Халиков А. Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева и др. М.: Наука, 1987. С. 143. (Археология СССР).

¹⁶² Чемякин Ю. П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 64–76, рис. 4, 1.

¹⁶³ Захожая Т. М. Бронзолитейное производство в эпоху поздней бронзы (по материалам Нижней Конды) // Тобольский исторический сборник. Тобольск, 1994. Ч. 1. С. 3, рис. 1, 1.

¹⁶⁴ Кокшаров С. Ф. Литейная форма долота из Старого Катмыша // ВААЭ. 2014. № 3 (26). С. 41–43, рис. 2.

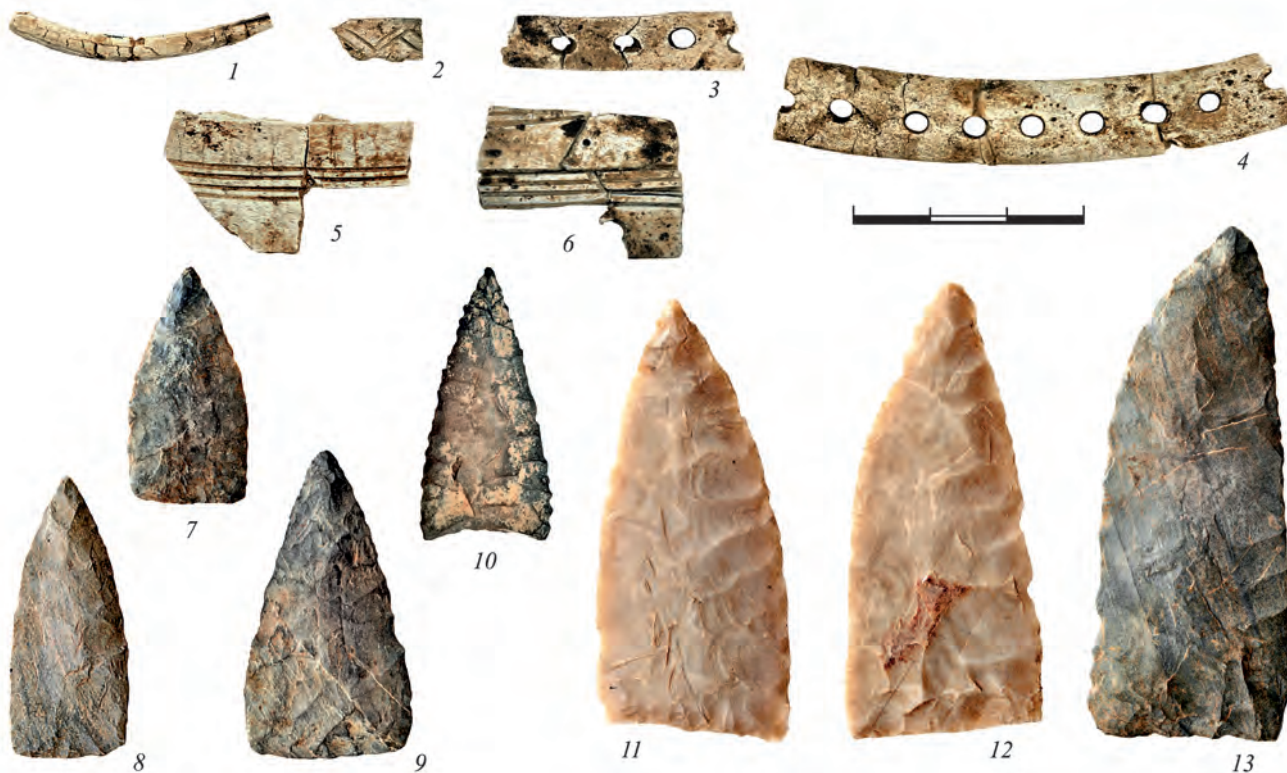

Рис. 210. Сейминский период. Сопроводительный инвентарь могильника Сатыга XVI: 1–6 — поделки из кости; 7–10 — наконечники стрел; 11–13 — асимметричные ножи или наконечники дровиков(?). Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

образования. Единственное на сегодняшний день плоское литое изображение медведя, связываемое с керамикой атлымской культуры, обнаружено в Нижнем Приобье.¹⁶⁵ В 2005 г. на р. Глубокий Сабун (бассейн р. Вах) был найден кинжал карасукского облика (сообщение К. Г. Карачарова).

Несмотря на появление новых типов изделий, у таёжных литейщиков сохраняли популярность несложные технологии литья пластинчатых предметов (орудий, украшений) в закрытых формах.¹⁶⁶

Химический состав металла исследован недостаточно полно: анализ проведён для находок с атлымских поселений Сургутского и Нижнего Приобья. Сургутские материалы (объект 107 поселения Барсова гора, селище Барсова гора II/16) относятся к оловянно-мышьяково-сурьмянистым бронзам, «связанным, видимо, с химико-металлургической группой ВК

¹⁶⁵ Васильев Е. А. Исследования в Нижнем Приобье // Археологические открытия. 1981. М., 1983. С. 190.

¹⁶⁶ Кокшаров С. Ф. О специфике литейного производства таёжных аборигенов Западной Сибири в бронзовом веке // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург, 2019. С. 209–216.

(волго-камской)». Опосредованные контакты древних сургутян с уральцами подтверждает керамика гамаюнской культуры с характерной примесью талька.¹⁶⁷

В образцах металла Ендырского VIII поселения (атлымский комплекс) заметно повышенное содержание мышьяка и серебра, и в одном образце — сурьмы.¹⁶⁸

Постсейминский период отмечен изменениями в орнаментации керамической посуды северного населения. В таёжной зоне от Урала до Томско-Нарымского Приобья наблюдается переход к декорированию посуды фигурными штампами, оставлявшими отпечатки в виде волны, прямого и косоугольного креста (рис. 211). В приуральской части региона найдены и сами штампы, имеющие форму колёсиков, прямоугольных плакеток и «сердечек» из обожженной глины¹⁶⁹ (рис. 212, 1). Оттиски подобных инструментов оставляли на сырой глине одно- и многорядовые волны, сетчатые и крестовые пояса, поэтому штампы и узоры часто именуется прокатанными. Постепенное исчезновение из декора гребенчатых узоров и, напротив, возрастание количества фигурных отпечатков наблюдается вплоть до раннего железного века (до VII в. н. э.). Это наглядно отражают материалы ранних и поздних поселений лозьвинского и барсовского типов.¹⁷⁰

Использование штампов в виде волны зафиксировано на керамике поселения Сартынья I,¹⁷¹ близкой по декору лозьвинской и коршаковской посуде. Последняя встречена на некоторых памятниках Ямала (Хадыта-Яха), приуральских тундр (Мой-ярей и Сандибей VI) и изначально связывалась с проникновением на северо-восток Европы зауральского населения.¹⁷² По технологии изготовления она аналогична восточно-сибирской сетчатой (вафельной) керамике. Вслед за Л. П. Хлобыстиным и Л. П. Лашуком, В. С. Стоколос видит истоки коршаковской орнаментальной традиции в северных районах, куда включает Таймыр и смежные с ним территории. Эти памятники были оставлены одной из групп палеоазиатов — носителей ымыяхтахской культуры, продвигавшихся на запад по евразийскому Заполярью на рубеже II–I тыс. до н. э.¹⁷³ По-видимому, инфильтрация населения из арктических широт Сибири в Северное Приуралье была эпизодической и кратковременной.¹⁷⁴

Северное население Западной Сибири оказало влияние на южно-таёжную зону региона. Фигурные штампы в виде волны появляются на андроновидной еловской и бархатовской

¹⁶⁷ Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: материалы XI Западносибирской археолого-этнографич. конф. Томск, 1998. С. 114.

¹⁶⁸ Кокшаров С. Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // АЭАЕ. 2007. № 3 (31). С. 57.

¹⁶⁹ См.: Кокшаров С. Ф. Лозьвинского типа памятники // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 313; Алексашенко Н. А., Кокшаров С. Ф., Морозов В. М. Низямы VIII — поселение бронзового века в Нижнем Приобье // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 104, рис. 5, 10–11.

¹⁷⁰ См.: Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации... С. 257–258; Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конда... С. 100; Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа... С. 62, 64.

¹⁷¹ Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников... С. 53, рис. 7.

¹⁷² Стоколос В. С. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1992. С. 21–22.

¹⁷³ Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. М., 1986. Вып. 185: Памятники неолита и бронзы. С. 49.

¹⁷⁴ Стоколос В. С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 20–21.

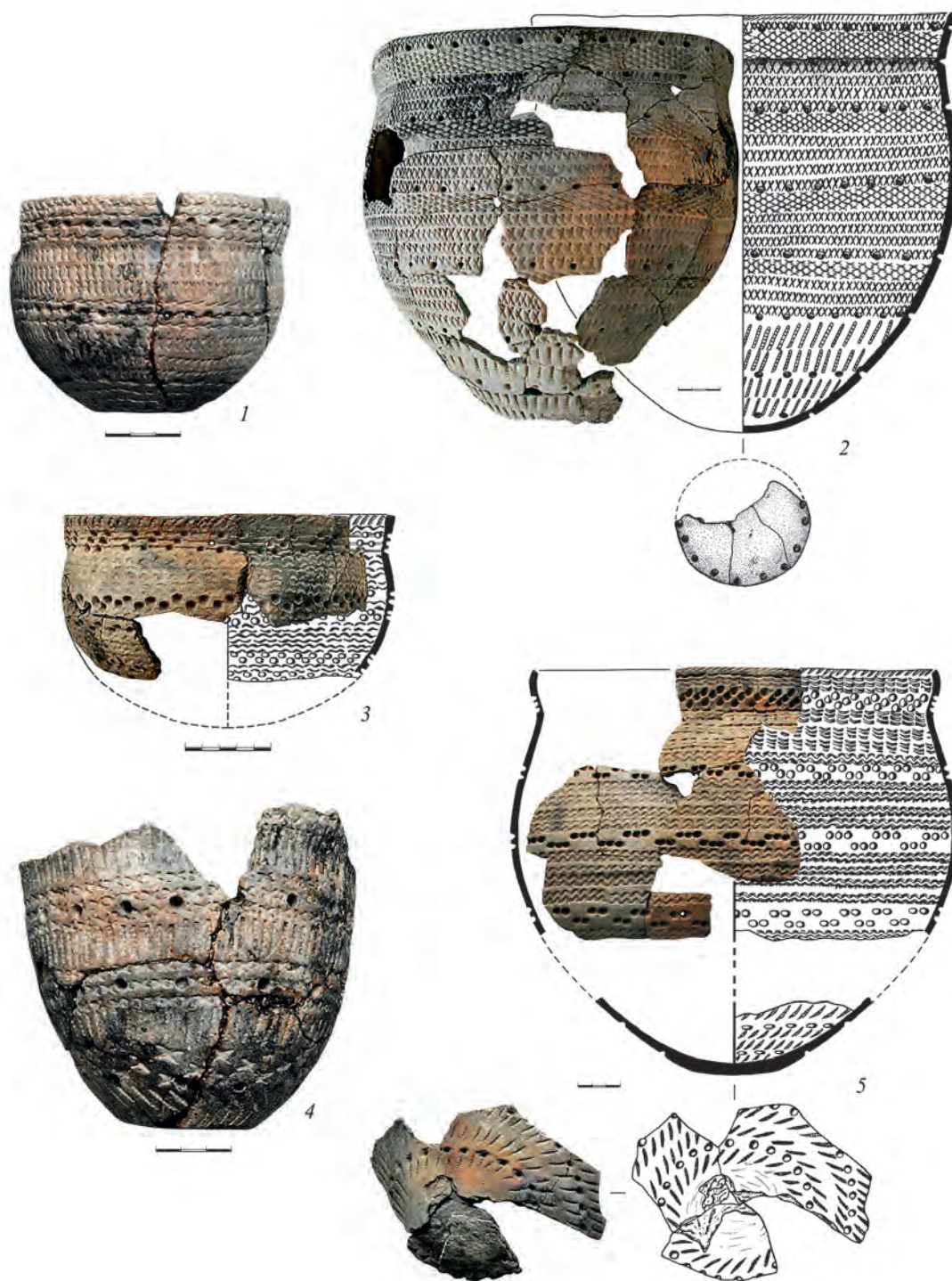

Рис. 211. Керамическая посуда постсейминского периода:
 1, 2, 4— атлымская культура; 3, 5— лозьвинский тип (1, 4— поселение Барсов городок 1/22а; остальное — поселение Олымья IV)

Рис. 212. Инвентарь постсейминского периода:
1 — пинтадер с городища Старокладбищенское; 2 — кварцевая булава; 3, 4 — грузила для
рыболовных сетей. Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

посуде.¹⁷⁵ Другие комплексы, сочетающие сразу несколько орнаментальных традиций, становятся настолько необычными, что вызывают дискуссии в определении их культурной принадлежности.¹⁷⁶ Керамика лучкинского облика на р. Иртыш и лозьвинский тип керамики на р. Конда образуют один культурно-типологический горизонт, южнее которого расположен андронидный еловско-сузгунский.¹⁷⁷

Поздние лозьвинские и барсовские поселения Западной Сибири, синхронные атлымской культуре, образуют ядро памятников, содержащих посуду с крестовой орнаментацией. Переход к изготовлению горшков с дуговидными шейками при широком использовании в декоре крестового штампа рассматривается исследователями в качестве культуроопределяющих и хронологических признаков, которые ассоциируются с переходным временем от бронзового века к железному. Продвижение северных популяций в южно-таёжную зону и лесостепь привело к сложению шлейфа памятников и культур, содержащих керамику с крестовой орнаментацией. Новая общность определена М. Ф. Косаревым как гамаюнско-молчановская.¹⁷⁸ Небольшая примесь крестовой керамики содержится в слоях сузгунских,

¹⁷⁵ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири... Рис. 58, 4, 7–8, 18; Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 86–87, рис. 4, 9.

¹⁷⁶ См.: Галкин В. Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье... С. 130; Глушков И. Г. Поселение Лучкино I... С. 93–103; Глушков И. Г., Захожая Т. М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья... С. 31, 37; Степаненкова З. В. Лучкинский тип керамики: Эпоха поздней бронзы // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 110–111.

¹⁷⁷ Глушков И. Г. Поселение Лучкино I... С. 101–102.

¹⁷⁸ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири... С. 181.

бархатовских и позднеирменских памятников западно-сибирской лесостепи.¹⁷⁹ «Осваивая южные районы Западной Сибири... северные группы частично ассимилировали сузгунское и еловское население, частично оттеснили его далее на юг».¹⁸⁰

В качестве свидетельств связей северного и южного населения рассматриваются находки сузгунской или еловско-ирменской посуды на поселении барсовской культуры Барцевка IV в Сургутском Приобье,¹⁸¹ лучкинской — на Ендырском VIII поселении в Нижнем Приобье.¹⁸² Результат южных влияний проявился в распространении меандров и меандровых узоров на посуде лозьвинского и атлымского типов.¹⁸³ Постоянные или эпизодические контакты северного населения с популяциями подтаёжной и лесостепной зон прослеживаются по распространению в тайге керамических грузил андроновского типа для рыболовных сетей (рис. 212, 3–4), отличавшихся овальной формой и одним-двумя перехватами.¹⁸⁴ Такие вещи известны на поселениях лозьвинского типа р. Конда. Любопытная находка, подтверждающая существование прямых и опосредованных контактов древних сибиряков с соседями, — керамическая погремушка, найденная на поселении Олымья IV (р. Конда). Схожие предметы известны в археологических памятниках Европы, Кавказа и других регионов, датируемых бронзовым и железным веками (поля погребальных урн, гальштатская и латенская культуры и др.).¹⁸⁵

В постсейминское время в тайге Западной Сибири распространяются укрепленные поселения — городища,¹⁸⁶ а традиция их возведения непрерывно сохраняется до вхождения региона в состав Московского государства. Появление крепостей объясняется расселением лесных популяций, оставивших памятники атлымской культуры, которые оказались в инокультурной среде. Атлымские городища отличает слабовыраженная оборонительная система, что характерно для фортификаций начала железного века.¹⁸⁷ Если в при-

¹⁷⁹ См.: Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья... С. 87; Потёмкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995. С. 65; Молодин В. И. и др. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). Новосибирск, 2001. С. 145, 152.

¹⁸⁰ Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991. С. 21.

¹⁸¹ Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Новое поселение барсовской культуры... С. 112–113, рис. 1, 1–4; 2, 1; 3, 1.

¹⁸² Кокшаров С. Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь... Рис. 5, 5.

¹⁸³ Кокшаров С. Ф., Ермакова Н. Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлымского типов // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 12–21.

¹⁸⁴ Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 23.

¹⁸⁵ См.: Сладкова Л. Н., Кокшаров С. Ф. Керамическая погремушка с поселения Олымья IV (бронзовый век) // XXII Уральское археологическое совещание. Курган, 2022. С. 138–139; Они же. Керамическая погремушка бронзового века с поселения Олымья IV (север Западной Сибири) // *Stratum plus*. 2023. № 2. С. 119–132; Pasalodos R. J., Benito C. G., Fernández J. J. P. The Clay Rattles of the Numantine Museum of Soria: An Approach from Experimental Archaeology // *Studien zur Musikarchäologie IX. Papers from the 8th Symposium of the International Study Group on Music Archaeology in Suzhou and Beijing, China, 20–25 October, 2012. Leidorf, 2014. Band 33. P. 47–64*; Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. СПб., 1898. С. 317–318, 414–415; Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог. Екатеринбург; Сургут, 2011. С. 39, 118, рис. 71.

¹⁸⁶ Васильев Е. А. Миграционные процессы... С. 9.

¹⁸⁷ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня завтра. Томск, 2000. Вып. 1. С. 120–121.

уральской части региона продолжает сохраняться традиция возведения крупных жилищ, обнесённых оборонительными стенами и рвами,¹⁸⁸ то в Среднем Приобье отмечено начало строительства наземных жилищ площадью 225–300 кв. м, окруженных по периметру внешними ямами.¹⁸⁹

Хозяйственная деятельность таёжного населения в бронзовом веке. Изученные поселения бронзового века делятся археологами на базовые посёлки и промысловые лагеря, расположенные на немагистральных реках, где велись традиционные жизнеобеспечивающие промыслы (рыболовство, охота). Самые существенные новации отмечаются лишь в сфере металлообработки, оформление которой происходит в досейминское время и приводит к выделению внутри таёжных коллективов мастеров-литейщиков (сейминское время).

На базовых посёлках строились дома площадью 93–260 кв. м, служившие для постоянного проживания крупных таёжных общин, включавших, по-видимому, парные семьи, которых объединяло ведение общего хозяйства (поселения Пашкин Бор I, Балинское I, объект 107 на Барсовой Горе, Тух-Сигат IV и др.). Здесь же проживали и литейщики, обслуживавшие рыбаков-охотников своей продукцией. Однако по причинам безопасности литьё металла велось в обособленных постройках или на специализированных производственных площадках, располагавшихся за пределами больших общинных домов (поселения Лева VIII, Ендырское VIII).

Типичные сезонные промысловые стоянки (лагеря) рыбаков и охотников — поселения Геологическое III и XVI, Атымья Ia, Малая Моховая и др. Некоторые из них функционировали десятки, даже сотни лет на одном месте. Здесь по мере обветшания ремонтировались старые сооружения или возводились новые, что отчётливо заметно по планиграфии памятников. Они уступали в размерах жилищам базовых поселений; их площадь варьировалась в пределах 21–68 кв. м. Судя по находкам (орудия из камня, кости животных и пернатых, гастролиты птиц и др.), основными объектами охоты были крупные копытные, бобр, боровая дичь, утки и др. Промысел вёлся активным (с использованием лука и стрел, гарпуна, остроги) и пассивным способами (загороди с «воротами» и ловчими ямами, ловушки давящего типа).¹⁹⁰ Система ловчих ям для добычи копытных, надёжно датируемая поздним бронзовым веком, выявлена в верховьях р. Конда на р. Эсс (Геологическое I). Она включала восемь объектов, вытянутых в линию, протяженностью почти 400 м, которые перекрывали поперёк боровую террасу, выходящую к реке. Как единичные ловушки, так и их системы располагались по путям суточных и сезонных миграций животных и, судя по воспоминаниям обских угров, сохранили промысловое значение до середины XX в.¹⁹¹

Рыболовство также велось активными и пассивными способами, напоминавшими отдаленно промысел животных. В первом случае использовались всевозможные снасти и орудия (костяные или составные крючки и гарпуны, лук и стрелы со специальными шиловидными наконечниками, сети из органических материалов с керамическими или каменными грузи-

¹⁸⁸ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992. С. 42.

¹⁸⁹ См.: Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье... С. 109; Чемякин Ю. П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье... С. 66.

¹⁹⁰ Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества... С. 6–10.

¹⁹¹ Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири... С. 165–166, рис. 2; 3.

лами), во втором — реки, ручьи и небольшие старичные озёра перекрывались специально подготовленными щитами, «запирающими» или удерживающими рыбу. Незагороженные участки служили для размещения самых разнообразных съёмных и стационарных ловушек.¹⁹² Скопившаяся в них рыба могла извлекаться в необходимом количестве круглогодично, гарантируя стабильность пищевых ресурсов у таёжных популяций.

Высокопродуктивное присваивающее хозяйство, основанное на сезонном рыболовном и охотничьем промысле с дополняющим их собирательством, обусловило относительно стабильное существование таёжных коллективов. Налаживание устойчивых контактов северян с южными популяциями привело не только к получению ценного металла, необходимого для изготовления орудий, оружия и украшений, тканей, но и сложению такого специфического вида скотоводства, как таёжное коневодство в Васюганье, о чём свидетельствуют материалы поселения Тух-Эмтор IV.¹⁹³

¹⁹² См.: Sirelius U. T. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern: eine vergleichende ethnographische Untersuchung / von U. T. Sirelius. Helsingfors: Dr. der Finn. Literatur-Ges., 1906. 486 s. (Kansatieteellisiä julkaisuja; 3); Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества... С. 10–11.

¹⁹³ См.: Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. С. 130; Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири ... С. 73.

Часть 6

Западно-Сибирская тайга в эпоху железа

Глава 1

Источниковая база и история исследования раннего железного века таёжного Обь-Иртышья

История полевого изучения памятников раннего железного века (РЖВ) таёжного Обь-Иртышья сравнительно небольшая и отражена в общей хронике полевых исследований на территории ХМАО — Югры, а также серии статей.¹ Первые археологические памятники Нижнего и Сургутского Приобья с культурными слоями начала эпохи железа стали известны учёным ещё в XVIII — начале XX вв. (городища Шеркалы I, Барсов городок I/3, I/4 и др.), однако их датировка тогда не была определена. Поселенческие памятники изучались в основном по внешним остаткам, шурфовались крайне редко, а их культурная принадлежность была установлена намного позже.

До начала 1970-х гг. на севере Западной Сибири были исследованы, да и то лишь разведочными раскопами, единичные памятники со слоями эпохи раннего железа. Исключением явилось городище Усть-Полуй в окрестностях Салехарда, открытое в 1932 г. и изучавшееся В. С. Адриановым в 1935–1936 гг. На нём было вскрыто около 540 кв. м культурного слоя. Но судьба этих раскопок и самого В. С. Адрианова печальная: в декабре 1936 г. он был репрессирован и расстрелян. Подробная история полевых работ и их дальнейшая интерпретация, в первую очередь, В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, дана в статьях Н. В. Фёдоровой и А. С. Гусева.² В 1933 г. В. Н. Чернецов заложил небольшие раскопы и разведочную траншею на многослой-

¹ См.: Морозов В. М., Шатунов Н. В. Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 62–72; Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург, 2002. 136 с.; Чемякин Ю. П. Начало раннего железного века таёжного Обь-Иртышья: история исследований и современное состояние вопроса // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2004. С. 243–247; Он же. Кулайский этап раннего железного века таёжного Обь-Иртышья: из истории исследований // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографич. конф. Томск, 2005. С. 50–53; Он же. Ранний железный век Кондинского края: история исследований // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2015. Вып. 13. С. 117–138 и др.

² См.: Гусев А. В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард, 2012. 59 с.; Федорова Н. В. История изучения археологического памятника Усть-Полуй. Историография раннего железного века Западной Сибири: усть-полуйская и кулайская проблемы // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 7–18.

ном городище Ус-Толт (Карым I) на р. Юконда. Ему удалось проследить последовательность залегания культурных слоёв и связать их с тремя основными выделенными им типами керамики: ярсалинской, карымской и оронтурской. Первый тип он датировал II–III вв. н. э., то есть концом раннего железного века.³ В 1946 г. В. Н. Чернецов заложил два небольших раскопа на стоянке Зелёная Горка под Салехардом. Неправильно понятая стратиграфия памятника привела к тому, что слой раннего Средневековья он отнёс к самому началу железного века.⁴ И это сыграло негативную роль в его дальнейших построениях. Несмотря на скудость материала, происходившего главным образом из сборов, В. Н. Чернецов разработал периодизацию культур Нижнего Приобья от неолита до позднего средневековья, где ранний железный век был представлен двумя культурами — зеленогорской (ок. IX–VIII — V вв. до н. э.) и усть-полуйской (IV в. до н. э. — II в. н. э.), а также ярсалинским — «послеустьполуйским» — этапами нижнеобской культуры (II–III вв. н. э.).⁵ Эта схема, несмотря на ряд ошибок, на многие десятилетия определила представление о культурогенезе северных народов.

В Сургутском Приобье среди первых памятников с материалами эпохи раннего железа были городища Барсов городок I/3–I/7 и I/31–32 (современные названия), на которых В. Ф. Казаковым (1887 или 1889 гг.) и Ф. Мартиным (1891 г.) были заложены небольшие раскопы и траншеи. Эти памятники находятся в урочище Барсова Гора, на правом берегу р. Обь, в 6–7 км к западу от современной границы г. Сургута. Среди найденного материала, попавшего впоследствии в музей Тобольска, Перми и Стокгольма, была керамика белоярской и кулайской культуры начала железного века.⁶

Затем наступил длительный перерыв в полевых исследованиях на Тюменском Севере. Новый период в развитии археологии севера Западной Сибири (середина 1960-х гг. — наше время) был обусловлен началом промышленного освоения природных богатств региона. Он характеризуется масштабными исследованиями в таёжном Приобье, резким увеличением источниковой базы и разработкой новой периодизации археологических культур Обь-Иртышья, в том числе раннего железного века. Роль центральных академических институтов в этом была минимальной, по крайней мере, в изучении эпохи железа.

В 1966 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР был создан Заполярный отряд, который возглавил Л. П. Хлобыстин. В том же году он провёл разведочные работы на р. Юконда и оз. Сатыгинский Туман. Позже, в 1978, 1980, 1984 и 1985 гг., под его руководством исследовался ряд памятников, главным образом неолитических, в бассейне р. Конда. В них присутствовали и материалы раннего железного века, оставшиеся практически неизвестными.

В 1968 г. в Берёзовском районе работал западносибирский отряд МГУ под руководством В. Ф. Старкова. Кроме небольших раскопок на известном неолитическом поселении Чэс-

³ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Смирнов А. П. и др. Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. М., 1957. С. 137–138. (МИА; № 58).

⁴ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012. С. 26–27.

⁵ См.: Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 7–71. (МИА; № 35); Он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии ... С. 137–138

⁶ Чемякин Ю. П. Материалы из раскопок Ф. Р. Мартина на городищах Барсовой Горы // Арне Т. Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут, 2005. Прил. 4. С. 154–171.

Тый-Яг, им были предприняты поиски новых памятников, увенчавшиеся открытием Вугра-сян-Вада — многослойного поселения, содержавшего, среди прочего, керамику и вещи усть-полуйской культуры. Материалы поселения не опубликованы, но рядом с ним был найден уникальный комплекс из 92 бронзовых зооморфных фигурок. В. С. Старков отнёс его, как и ряд фрагментов сосудов с поселения, к усть-полуйской культуре.⁷

В 1976 г. на южном берегу оз. Леушинский Туман побывала разведочная группа Института археологии АН СССР под руководством М. Ф. Косарева, выявившая там восемь поселений. Собранные на них керамика включала и обломки сосудов раннего железного века. Однако, кроме краткой заметки в «Археологических открытиях», информации о них нет.

Со второй половины 1960-х гг. началось изучение Тюменского Севера молодыми археологами Уральского (УрГУ) и Томского университетов. В 1965–1966 гг. разведгруппа УрГУ (рук. Л. Г. Шорикова) побывала на Барсовой Горе и в окрестностях Ханты-Мансийска. В обоих местах она выявила археологические памятники. Через два года другая группа (1968 г., рук. Л. В. Сухина) вновь посетила Барсову Гору и Сайгатино (урочище на правом берегу р. Обь в 8–9 км к западу от Барсовой Горы), отсняв планы 15 городищ и 7 селищ. Многие из них датировались ранним железным веком. Эти открытия послужили толчком в изучении древностей Сургутского Приобья. В 1971 г. на Барсовой Горе в связи со строительством железнодорожного моста начались широкомасштабные спасательные раскопки Уральского госуниверситета, продолжавшиеся, с перерывами в 1997 и 2004 гг., до 2008 г. включительно. Организатором работ стал видный советский учёный В. Ф. Генинг. Выявившаяся картина потрясла археологов: урочище оказалось уникальным! Здесь на площади менее 6 кв. км обнаружены сотни селищ, объединявших остатки более 3000 жилищ и построек, 66 городищ, 7 или 8 могильников, святилища, клады и т. д. Наиболее ранние из них датируются эпохой неолита, но не исключено, что человек посещал эти места и раньше. Известны на Барсовой Горе и находки плейстоценовой фауны — кости мамонта и шерстистого носорога. Поздние археологические памятники датируются XVIII–XIX вв. н. э. С традиционной культурой XX в. связаны остатки охотничьих ловушек, следы жертвоприношений. Именно поэтому В. Ф. Генинг высказал идею создания здесь археологического заповедника. К сожалению, она так и осталась неосуществлённой. А удачное расположение Барсовой Горы привело к тому, что её стали активно осваивать уже в наше время. Временный посёлок Мостоотряда-29 в 1979 г. появился на карте СССР как посёлок Барсово, большие площади осваивались под деревообрабатывающий комбинат, трубную базу и многое другое, при этом уничтожались десятки археологических памятников. Уральские археологи в течение нескольких десятилетий боролись за придание урочищу статуса охраняемой территории. Но только в 2012 г. Постановлением правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 314-п Барсова Гора в качестве объекта культурного наследия регионального значения была объявлена достопримечательным местом.

В первые годы исследований археологами УрГУ при раскопках было допущено немало ошибок, что неудивительно. Во-первых, в стране практически не была разработана методика раскопок в условиях подзолистых почв средней тайги. Естественные слои подзола, в том числе погребённого, а также ортзанда нередко воспринимались как культурные. Во-вторых, на раскопки приехали молодые специалисты, недавние выпускники университета,

---

⁷ Старков В. Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 208–219.

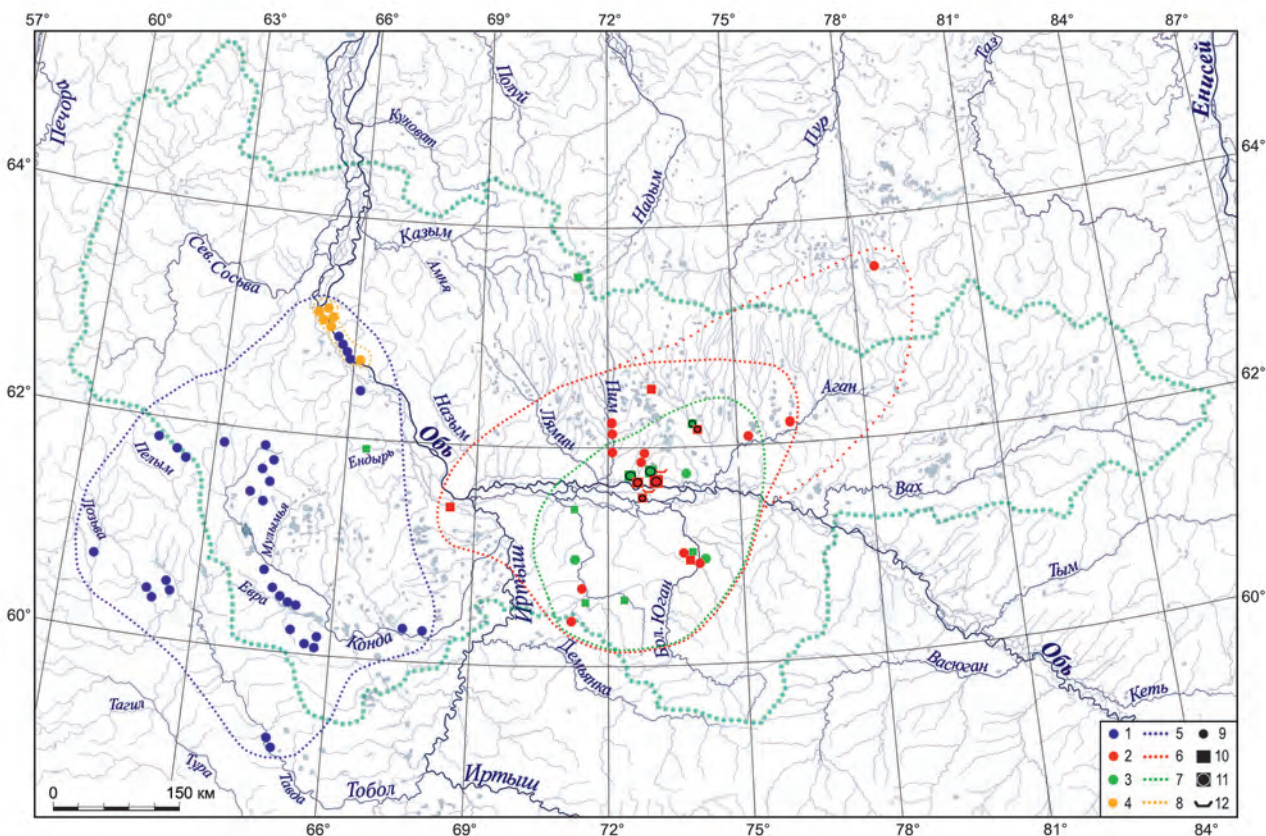

Рис. 213. Карта памятников 1-й половины раннего железного века на территории ХМАО — Югры (белоярско-васюганский этап). Ареалы культур. Составитель Ю. П. Чемякин

1 — памятники кульминского типа	6 — ареал белоярской культуры	11 — городища и селища
2 — памятники белоярской культуры	7 — ареал калинкинской культуры	12 — могильники
3 — памятники калинкинской культуры	8 — ареал памятников перегребнинского типа	13 — граница ХМАО — Югры
4 — памятники перегребнинского типа	9 — поселения и местонахождения	
5 — ареал памятников кульминского типа	10 — городища	

без большого полевого опыта. Тем не менее Сургутским отрядом Уральской археологической экспедиции (УАЭ) УрГУ были изучены десятки объектов в зоне новостройки (только в 1971 г. были раскопаны остатки 26 построек, в 1972 г. — 25 построек и 3 городища). Фонд археологических источников пополнился коллекциями преимущественно позднего бронзового и раннего железного веков. В то же время при строительстве моста и железной дороги, а потом несанкционированном расширении посёлка Барсово, строительстве трубной базы и других объектов на Барсовой Горе только за 1971–1977 гг. было уничтожено более полутысячи древних построек. Полученные в ходе первых раскопок материалы сейчас можно корректировать с учётом современных знаний.

Школу Барсовой Горы прошли десятки специалистов, часть из них сегодня работает в округе. В результате сплошного обследования урочища, продолжавшегося, наряду с раскопками, всё это время, было открыто более 130 памятников раннего железного века. На 32 городищах, 57 селищах, 3 могильниках и святилище этой эпохи проведены исследования. Общее

же число открытых на Барсовой Горе памятников превысило 400. Результаты работ на других объектах эпохи раннего железа Сургутского Приобья и Ханты-Мансийского округа в целом более скромные, но не менее значимые. В 1974–1976 гг. В. М. Морозов (УрГУ) исследовал бассейн р. Тромъёган в районе д. Ермаково. Им были заложены небольшие раскопы на пяти городищах и двух селищах. В 1987 г. там же И. Г. Глушков (Сургутский пединститут) получил кулайские материалы при раскопках городища Ермаково VI. В 1975 г. археологи УрГУ второй раз посетили урочище Сайгатино, а с 1981 г. уральские учёные развернули там масштабные исследования, сравнимые с работами на Барсовой Горе. За 13 лет были вскрыты небольшие участки на 16 поселениях начала железного века.

Такой объём полевых исследований сопровождался осмыслением их результатов. Кроме заметок в «Археологических открытиях», уже в 1975 г. на основе стратиграфических наблюдений была предложена первая периодизация древностей Сургутского Приобья эпохи раннего железа,⁸ были опубликованы материалы раскопок ряда городищ. Среди ярких открытий этого времени — кулайское святилище на городище Барсов городок I/9, кулайское городище с богатым металлообрабатывающим комплексом Барсов городок III/6 и другие. Однако то, что они кулайские, стало понятно несколько позже. В Уральском университете была сформирована группа по изучению древностей Сургутского Приобья. В результате коллективной работы были выделены пять типов (групп) памятников конца бронзового — начала железного веков, первоначально не имевших названия. При этом сложились два взгляда на них. М. В. Елькина считала их генетически связанными (но происхождение четвёртой группы (современная калинкинская культура) осталось непонятным).⁹ В одной из своих работ, посвящённых систематизации и периодизации древностей раннего железного века Сургутского Приобья, она лишь вскользь заметила, что памятники четвёртой группы могли сосуществовать с третьей или быть переходными к пятой.¹⁰ Ю. П. Чемякин предположил две миграции в Сургутское Приобье: в конце бронзового века (с севера, атлымские племена) и в начале раннего железного века (с юга или юго-востока, калинкинские группы).¹¹ Последнюю точку зрения относительно древностей бронзового века поддержал Е. А. Васильев. С ней согласились и свердловские археологи. В результате археологами УрГУ были внесены серьёзные коррективы в схему В. Н. Чернецова. Материалы раскопок были положены в основу периодизации памятников эпохи раннего железа Среднего Приобья, а также характеристики материальной культуры и системы хозяйства местных обществ этого периода. Были выделены новые культуры конца бронзового — начала железного веков, зеленогорская культура из раннего железного века была перемещена в Средневековье (зеленогорский этап

⁸ Чемякин Ю. П. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. 2. С. 42–43.

⁹ См.: Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1977. Вып. 14: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. С. 104–118; Она же. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири: материалы семинара. Томск, 1978. С. 71–77.

¹⁰ Елькина М. В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 112.

¹¹ См.: Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в I тысячелетии до н. э. // Вопросы финно-угроведения: тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Т. 2. Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. С. 544; Он же. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 87–91; Он же. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 60–74.

следовал за карымским), предложены новые этапы средневековой истории аборигенов западно-сибирской тайги.¹²

Практически одновременно с Уральским университетом в Нижневартовском районе начали работать археологи Томского университета. В 1969–1975 гг. раскопки в бассейне р. Вах производил В. А. Посредников, однако древности эпохи раннего железа он не обнаружил. С 1977 г. работы томичей переместились на Нижнюю Обь, их возглавил Е. А. Васильев, сосредоточившийся на изучении памятников неолита — бронзового века. В 1981 г. Л. А. Чиндина на Белогорском материке исследовала поселение и кулайский могильник Шеркалы IX.

В Сургутском Приобье на рубеже тысячелетий и в начале XXI в., наряду с уральскими учёными, проводили раскопки археологи Сургутского (СурГУ) и Томского (ТГУ) государственных университетов. В 1999–2000 гг. В. Н. Логвин (СурГУ) частично раскопал в Сайгатино селище калинkinской культуры.¹³ Ещё одно калинkinское поселение — Моховая 83 — было исследовано А. И. Бобровой и С. И. Рудковским (ТГУ) в 2007 г. в бассейне р. Тромъёган.¹⁴ В 1995 г. В. М. Морозов вскрыл постройку белоярской культуры на поселении Вачим VII в бассейне р. Пим. В 2001–2002 гг. он же исследовал городище Глухое II, расположенное между Сайгатино и Барсовой Горой.

Объёмные работы в бассейнах р. Балинская (правобережье р. Обь, Ханты-Мансийский р-н) и р. Большой Юган, в том числе на памятниках эпохи раннего железа, выполнили экспедиции ООО НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск). Следует отметить раскопки В. А. Арефьева на комплексе поселений Сырой Аган в окрестностях Нефтеюганска на левобережье р. Обь. В 2010–2011 гг. М. В. Коноваленко практически полностью раскопала калинkinское поселение в бассейне р. Большой Юган. Под руководством К. Г. Карачарова с 2003 г. по сегодняшний день масштабно исследуются древности раннего железного века в бассейне р. Аган. Там открыты и раскопаны памятники белоярской и кулайской культур, ряд из них опубликован. Среди уникальных памятников два элитарных кулайских могильника, разграбленных мародерами от археологии. К. Г. Карачарову удалось сделать на них ряд полных наблюдений и изложить их, а также доступные ему материалы, в публикациях.

В Нижнем Приобье с 1978 г. активно работал Северный отряд УАЭ УрГУ под руководством В. М. Морозова. Он открыл и частично исследовал комплексы памятников Низямы, Перегребное, Шеркалы. Везде были обнаружены материалы кулайской и синдейской археологических культур, в Низямах и Перегребном присутствовала кульминская керамика и ори-

---

¹² См.: Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–14; Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: 12 Уральское археологическое совещание. Екатеринбург, 1993. С. 65–66; Морозов В. М. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 102–109; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 5–74; Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.; Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ...

¹³ Логвин В. Н., Калиева С. С. Раскопки селища Кучиминское X в 1999–2000 гг. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 259–276.

¹⁴ Боброва А. И., Рудковский С. И. Раскопки селища Моховая 83 — памятника раннего железного века в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 128–138.

гинальные комплексы, позже названные перегребнинскими. В 1984 г. С. Г. Пархимович на городище Шеркалы 1/2 раскопал пять жилищ раннего железного века с обильными берестяными прослойками, керамикой, сопоставимой с саровской и ярсалинской. Были найдены бронзовые фигурки орнитоморфа, бобра и медведя, глиняные и стеклянные бусы, берестяные изделия.

Определённый вклад в изучение древностей тюменского Севера внесли тобольские археологи. Они сосредоточили свои исследования в Кондинском крае. В 1977 г. разведочная группа Тобольского музея-заповедника под руководством А. В. Малышкина провела обследование бассейна р. Конда от с. Мулымья до п. Кондинское. Среди открытых памятников было святилище Учинья, функционировавшее, вероятно, «с конца I тысячелетия до н. э.». Кроме керамики этого времени, на нём найдены «бронзовый наконечник стрелы скифо-сарматского типа, бронзовый наконечник копья» и другие предметы.¹⁵ С 1982 по 1990 гг. активные работы в бассейне р. Конда вели археологи Тобольского государственного педагогического института: В. Т. Галкин, А. В. Расторопов, С. И. Шумайлов (свою первую разведку в Кондинском районе он совершил в 1979 г.), Г. П. Визгалов, Л. Н. Сладкова, А. В. Соколов, Е. Г. Фильчаков, И. Г. Глушков, Т. М. Захожая. Они провели разведки в Кондинском районе, а также раскопки ряда памятников. Слои и материалы раннего железного века выявлены на поселениях Чёртова Гора, Сатыга (Л. Н. Сладкова), Денисово 2 (С. И. Шумайлов), городищах Старый Катмыш (А. В. Расторопов),¹⁶ Болчары 1/2 и Болчары 1/3, Денисово 1 (С. И. Шумайлов).¹⁷ В 1986 г. Е. Г. Фильчаковым был открыт комплекс из девяти памятников на р. Чилимка. Позднее микрорайон Чилимка исследовался И. Г. Глушковым и Т. М. Захожей, были совершены раскопки на десяти поселениях и городищах. Керамика эпохи раннего железа была собрана на городищах Чилимка 1 и 12, а также, вероятно, на поселениях Чилимка 6 и 10.¹⁸ Материалы исследований памятников эпохи железа в бассейне р. Конда и низовьях Иртыша были включены в диссертацию А. В. Расторопова.¹⁹ Работы историко-архитектурного музея-заповедника, открывшие «тобольскую эру» в исследовании кондинского края, были продолжены в начале 2000-х гг. Л. Н. Сладковой, заложившей раскопы на поселениях Олымья IV, Чёртова Гора и впоследствии опубликовавшей неолитические материалы Чёртовой Горы. Но найденная при раскопках обоих памятников керамика раннего железного века осталась неизданной.

В 1978 г. обследование ряда памятников в Кондинском районе провёл А. И. Петров (Омский государственный университет). Среди них было городище Ус-Толт и поселения в окрестностях п. Карым, известные ещё по работам В. Н. Чернецова.

В 1979 г. к изучению древностей бассейна р. Конда приступили археологи Уральского государственного университета. Общее руководство работами осуществляла Н. К. Стефанова.

---

¹⁵ Малышкин А. В. Исследования на р. Конда в Тюменской области // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 252.

¹⁶ Расторопов А. В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катмыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург, 2014. С. 246–254.

¹⁷ Шумайлов С. И. Раскопки группы памятников Болчары // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 295–296.

¹⁸ Соболяникова Т. Н. Возможности реконструкции орудий обработки поверхности по следам на сосудах: гребенчатый штамп // Экспериментальная археология. Тобольск, 1994. Вып. 3. С. 15.

¹⁹ Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 226 с. + прил. (с. 227–319)

Разведочная группа В. М. Коноркина обследовала окрестности п. Кондинское, п. Мортка. В 1980 г. Кондинский отряд в составе Н. А. Алексахенко, С. Г. Пархимовича, Н. К. Стефановой, В. М. Морозова продолжил разведки и исследовал раскопками поселения Леуши I, Пашкин Бор I, Новый Катмыш IVa и IVб. На двух последних были изучены остатки построек кулайской культуры, а на поселении Пашкин Бор I найдена бронзовая личина этого времени. Работы Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории (ПНИАЛ) УрГУ на р. Конда продолжались с перерывами до 1999 г. Кроме перечисленных археологов, их осуществляли Е. М. Беспрозванный, С. Ф. Кокшаров, в разные годы возглавлявшие отряды, А. А. Погодин. За эти годы были проведены многочисленные разведки и раскопки в зонах новостроек. На ряде памятников, раскопанных в это время, были обнаружены керамика и даже объекты эпохи раннего железа. Это поселения Леуши III, XIV, Геологическое III.

В 1986–1987 гг. обследование памятников, связанных с чёрной металлургией, включая небольшие по площади раскопки в Кондинском районе, проводились Тюменским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством Н. М. Зинякова. Результаты работ вошли в его докторскую диссертацию и опубликованы в монографии «Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири».²⁰ Своего рода продолжением этих исследований явились раскопки Е. А. Жирных и С. Ю. Каменского средневековых железодельных печей на городище Евра 25, предпринятые Урайским отрядом Югорской археологической экспедиции УрГУ в 2004 г.²¹ При раскопках были получены материалы эпохи раннего железа (в частности, кулайские и ярсалинские), а также карымские начала Средневековья.

С 1991 г. к работе в округе приступило предприятие АВ КОМ Свердловского отделения Российского Фонда культуры (сейчас — Научно-аналитический Центр проблем сохранения культурного и природного наследия — ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»). В первые годы сотрудники предприятия сосредоточились на обследовании бассейна р. Конда, были выявлены сотни новых и осмотрены многие известные памятники. Но уже в 1992 г. Е. М. Беспрозванный в Советском районе провёл раскопки многослойного памятника Арантур 27, включавшего средневековые поселение и могильник. Позже специалисты АВ КОМа проводили охранные раскопки памятников, в том числе и с материалами эпохи раннего железа. Среди них могильник Неушья 1.2 (Е. М. Беспрозванный), поселения Ахтымья 1, Неушья 1.1, 1.3, Большая Умытья 2, 9, 57, 58, 60, 61, 72, 74, 100, 109, Лемья 19.1 (Т. Ю. Клементьева, С. А. Круземент, А. А. Погодин, А. Е. Цеменков), Большая Учinya XXIII (А. Н. Бессмертных), городища Неушья 1.1 и 2.1 (Е. М. Беспрозванный, А. А. Погодин) и другие. Работы Центра в бассейне р. Конда продолжают по настоящее время. Сегодня их отличает тщательность, масштабность и объективность (фотофиксация, наличие в отчётах фотопланов и фотопрофилей, дающих возможность специалистам делать независимые выводы). Охранные раскопки большими площадями позволили зафиксировать явления, прежде ускользавшие от внимания археологов. На многих поселениях обнаружена керамика раннего железного века, чаще кульминского типа, реже — синдейская и кулайская. В редких случаях рядом с ней были зафиксированы комплексы типа очагов или ям и в единичных выявлены следы построек.

²⁰ Зиняков Н. М. Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997. 368 с.

²¹ Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 168–178.

В 1991 г. В. И. Асташкин (Тюменский государственный университет) исследовал средневековое городище Болчары II в низовьях р. Конда, среди находок на котором есть и датирующиеся эпохой раннего железа. В том же году Е. Г. Фильчаков, переехавший в Тюмень, провёл обследование ряда памятников, открытых им ранее.

С 1991 г. к работам в округе подключился Институт истории и археологии УрО РАН (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург). В 1996 г. экспедиция под руководством А. П. Зыкова выявила четыре памятника в окрестностях с. Половинка. Совместными экспедициями ИИиА УрО РАН и Угорского научно-исследовательского центра (УрГУ) были проведены раскопки на городищах Евра 25 (С. Ю. Каменский, Е. А. Жирных, 2004–2005 гг.), Большая Умытъя 36, поселениях Геологическое XVI (С. Ф. Кокшаров, 2001–2003 гг.) и других. В большинстве случаев это были многослойные памятники, на которых обнаружены материалы начала железного века.

Такова краткая история полевых исследований древностей раннего железного века в Ханты-Мансийском автономном округе. От первой траншеи, заложенной В. Н. Чернецовым на городище Ус-Толт (Карым) в 1933 г., до сегодняшних масштабных раскопок прошло 90 лет. Каковы же итоги почти векового изучения древней истории Югры в начале железного века?

Сегодня на территории Ханты-Мансийского автономного округа открыто около 570 памятников эпохи раннего железа, но изучены они по типам, территориям и периодам крайне неравномерно. Раскопки проведены примерно на 170 памятниках этого времени. Наиболее исследованным является Сургутское Приобье, где выявлено около 270 городищ, селищ, могильников и святилищ раннего железного века. Стационарно исследовались, главным образом, долговременные поселенческие памятники, реже — стоянки, святилища и погребальные комплексы. Могильники малочисленны, с небольшим числом погребений (исключение — могильник Сырой Аган 13, где вскрыто около 20 могил²²). На Барсовой Горе известны святилище и клад кулайской культуры. Ряд кулайских кладов и святилищ были разграблены «чёрными копателями», информация о них появлялась на кладоискательских сайтах в Интернете и частично опубликована Я. А. Яковлевым с коллегами в сборниках «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого»,²³ а также в прекрасно изданных каталогах зеркал из Государственного музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) и Пойковской коллекции.

В Нижнем Приобье и бассейне р. Конда выявлено около 300 объектов культурного наследия с материалами эпохи раннего железа, на 45 из них были проведены раскопки. Среди них 13 городищ, 5 могильников, 2 клада (жертвенных комплекса?), остальные — селища. Однако лишь на 21 обнаружены какие-то объекты этого времени. Следы примерно 35 руинированных построек и участки оборонительной системы выявлены на 18 памятниках. Четыре постройки были раскопаны В. М. Морозовым на памятниках Белогорского материка. Там же Л. А. Чиндиной изучен кулайский могильник Шеркалы IX. Посёлок из восьми жилищ исследован А. П. Зыковым, С. Ф. Кокшаровым и С. Ю. Каменским на р. Ендырь, ров и четыре жилища — С. Ф. Кокшаровым на городище-святилище Большая Умытъя 36; ров и три по-

²² Баранов М. Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут., 2008. С. 219–238.

²³ См.: Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 21–62; Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 10–81.

стройки — Е. М. Беспрозванным на городище Неушья 1.1 и им же — четыре погребения на могильнике Неушья 1.2. Н. К. Стефановой и С. Г. Пархимовичем раскопаны четыре жилища и постройка на поселениях Новый Катмыш IVа и IVб, по одному жилищу — Т. Ю. Клементьевой на поселении Большая Умытья 58, С. Ф. Кокшаровым и Ю. П. Чемякиным на поселении Геологическое III, Е. А. Цеменковым на поселении Ахтымья 1, С. А. Крузементом на поселении Лемья 19.1. На последнем ещё две постройки раскопаны А. А. Погодиным. Участки оборонительной системы вскрыты С. А. Терёхиным на городище Островное и А. А. Погодиным на городище Сатыга XVII. А. В. Растороповым практически полностью раскопано городище Старый Катмыш, почти полностью — городища Болчары I/2 и I/3 С. И. Шумайловым. Объекты раннего железного века выявлены С. И. Шумайловым на городище Денисово 1 и поселении Денисово 2, С. Ю. Каменским — на городище Евра 25. В 2016 г. А. А. Погодин полностью исследовал остатки городища синдейской культуры Неушья 2.1. На остальных памятниках обнаружена лишь керамика этого времени.

Археологи Тобольского государственного педагогического института работали на 12 памятниках со слоями или материалами этого времени, на которых была вскрыта площадь около 2600 кв. м, зафиксированы остатки минимум 15 построек, участки оборонительных сооружений. Почти полностью раскопаны три городища. Кроме краткой информации о них в «Археологических открытиях», есть небольшая статья А. В. Расторопова о раскопках городища Старый Катмыш. Из неё, а также из его отчётов и диссертации ясно, что это сложный памятник (городище и святилище), возникший на месте селища, предположительно, лозьвинской культуры позднего бронзового века. Раскопками зафиксированы несколько объектов. «Девять углистых пятен, фиксировавшихся на поверхности городищенской площадки, предположительно, можно связать с остатками жилых построек». Одно из них содержало лозьвинские материалы позднего бронзового века, остальные — шесть жилищ и две «какие-то постройки» — остались от кулайского укрепленного посёлка.²⁴ В диссертации упоминаются лишь одно лозьвинское и шесть кулайских жилищ. Одно кулайское жилище (от него сохранилось овальное углистое пятно размером 2,2×1,8 м) было углублено в материк на 0,65 м. Углистые пятна от других жилых построек, неуглублённых или слабо углублённых, имели размеры от 2,6×1,2 до 3,0×2,8 м (указанные размеры пятен в диссертации и статье заметно различаются). Остатки хозяйственных (?) построек представляли собой углистые пятна размерами 1,7×1,2 и 2,0×1,6 м. В трёх жилищах описываются очаги: два в углублениях и один — на возвышении. А. В. Расторопов датировал городище V — II-I вв. до н. э., отмечая, что при его закладке были совершены «жертвенные ритуальные захоронения», представленные двумя человеческими черепами, «тесно прижатыми висками друг к другу».²⁵ После «прекращения постоянной жизнедеятельности на городище... последнее действовало только как святилище (начало — середина I тыс. н. э.)».²⁶ К сожалению, практически никаких стратиграфических наблюдений на памятнике с мощностью культурного слоя до 0,6–1,2 м не сделано, святилище выделено по вещевому комплексу («вещам культового назначения»). Суммарное описание керамики (по шейкам выделено 984 сосуда!) и небольшое количество иллюстраций (17 шеек сосудов без изображения профилей) даёт очень слабое представление о коллекции и не позволяет сравнивать её с другими памятниками. Судя по иллюстрациям

²⁴ Расторопов А. В. Исследования комплекса археологических памятников... С. 246.

²⁵ Там же. С. 246, 249.

²⁶ Там же. С. 248.

в диссертации (11 шеек с профилями), керамический комплекс неоднороден и сопоставим с кулайской керамикой второй и начала третьей стадий Сургутского Приобья, а также с синдейской. Автор пишет о формировании кондинского локального варианта кулайской культуры на основе «культурных традиций предшествующего времени. Для территории лесного Прииртышья это, скорее всего, относится к памятникам лозьвинского типа».²⁷ Обоснования этому, как и характеристика кондинского варианта кулайской культуры, не приводятся. Он отмечал близость керамического комплекса с городища Старый Катыш «керамике памятников синдейского типа лесного Зауралья второй половины I тыс. до н. э., выделенного В. Д. Викторовой в бассейне р. Тавда».²⁸

Остатки ещё одного частично разрушенного подпрямоугольного жилища выявлены А. В. Растороповым на поселении Белая гора. Оно было углублено на 0,3 м в материк, ширина сохранившейся части 2 м,²⁹ и больше о нём информации нет.

Кроме отмеченных выше городища и поселения в среднем течении р. Конда, в диссертации А. В. Расторопова упоминаются памятники васюганского этапа кулайской культуры в её верхнем течении (селище на Леушинском Тумане) и в низовьях реки (городище у с. Болчары, городища Чилимка 2/11, 3/4, 3/6 и селище Чилимка 3/2). Что касается кулайских памятников на р. Чилимка, перечисленных А. В. Растороповым, то информацию о них не удалось найти ни в одном отчёте. У с. Болчары С. И. Шумайловым в 1984 г. были открыты одно поселение и три городища, интерпретированные как «система укрепленных рвами и валами мысовых памятников». Из них два дали материалы раннего железного века: керамику, тигли, датирующиеся «временем кулайской культуры».³⁰ На городище Болчары 1/2 выявлено большое количество золистых, углисто-золистых и углистых пятен. На другом городище (Болчары 1/3) обнаружены остатки построек, вскрыты участки оборонительной системы, выход. Больше практически ничего о памятниках не известно. С. И. Шумайлов вскрыл также 140 кв. м на городище Денисово 1. Культурный слой имел мощность от 0,3 м в центре городища до 1,1 м на склонах. К сожалению, при такой толщине культурного слоя никакие стратиграфические наблюдения не сделаны, раскопки велись горизонтами по 15–20 см. Нет информации и об обнаруженных следах сооружений. Среди находок перечислены костяные наконечники стрел, накладки на луки, мотыги, глиняные фигурка кабана и личина «шамана», две бронзовые личины. Керамика датирована ранним железным веком (кулайская культура). Посуда эпохи раннего железа найдена С. И. Шумайловым и на поселении Денисово 2, но вскрытые там постройки содержали в основном лозьвинские сосуды.

Раскопки В. Т. Галкиным поселений Леуши III, Карым VIII, IX, Л. Н. Сладковой поселений Олымья IV, Сатыга, Чёртова Гора, Е. Г. Фильчаковым поселения Попуя II дали, помимо других материалов, небольшие коллекции керамики раннего железного века (преимущественно кульминского типа), но они не введены в научный оборот.

Интересны исследования памятников чёрной металлургии Н. М. Зинякова, но их объём невелик. Он выявил кострища для выжигания древесного угля и для обжига руды, выделил

²⁷ Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 25 с.

²⁸ Расторопов А. В. Исследования комплекса археологических памятников... С. 248.

²⁹ Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье... С. 25.

³⁰ Шумайлов С. И. Указ. соч. С. 296.

Кондинский рудно-металлургический район.³¹ Н. М. Зиняков реконструировал тип сыродутных печей одноразовой плавки с углублённым в землю шлаконакопителем, широко представленный в бассейне р. Конда.³² Но эти печи датированы широко: конец раннего — середина позднего железного века. Материал, обнаруженный вместе с печами, представлен керамикой ярсалинского, карымского и «оронтуровского» (по Н. М. Зинякову), или зеленогорского (по Н. В. Фёдоровой и др.)³³ типов. Раскопки археологов УрГУ на городище Евра 25 выявили ещё один тип сыродутных горнов — «надземные или слегка углублённые печи с толстыми глиняными дном и стенками».³⁴ Они датированы в пределах II–VIII вв. н. э. Что касается материалов эпохи раннего железа, то в публикациях авторы ограничились констатацией их наличия в культурном слое и краткой характеристикой ярсалинской керамики.³⁵

Как уже отмечалось, в середине 1970-х гг. к охранным работам в Нижнем Приобье и бассейне р. Конда приступили свердловские археологи. Удивительно, но при больших объёмах исследований древности раннего железного века редко оказывались в зонах новостроек. Материалы этого времени археологами УрГУ и ИИиА УрО РАН были обнаружены на 14 памятниках, на которых вскрыто ок. 8295 кв. м. На четырех селищах и двух городищах зафиксированы руинированные остатки шести жилищ и трех построек, а также участки оборонительной системы и отдельные кострища. На городище-святилище Большая Умытья 36 и поселении Геологическое XVI С. Ф. Кокшаровым были вскрыты 736 кв. м, выявлены остатки четырёх жилищ с керамикой синдейского, кулайского и ярсалинского типов, фрагмент рва и отдельный очаг. Ещё девять жилищ исследованы на поселении Ендырское VIII. Предприятием «АВ КОМ — Наследие» на 11 поселениях, 2 городищах и 1 могильнике, давших материалы раннего железного века, было изучено 14 185 кв. м. На семи памятниках обнаружены следы четырёх жилищ, трёх построек, четыре погребения, остатки оборонительных систем и отдельные кострища этого времени. В целом работы уральцев отличались большой тщательностью, исследование памятников проводилось горизонтами по 5–10 см, а часто — по 1–3 см. Абсолютное большинство построек (в т. ч. наземные), раскопанных ими, были зафиксированы в плане и профиле. Материал, включая керамику, привязан к ним, т. е. возможно изучение и сопоставление отдельных жилищных комплексов. Имеются и стратиграфические наблюдения. На уровне работ сказался большой опыт раскопок в условиях подзолистых почв в зоне средней тайги, полученный университетскими археологами в Сургутском Приобье, в первую очередь, на Барсовой Горе.

Однако, несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных памятников и объектов раннего железного века, их публикации, кроме кратких информационных в «Археологических открытиях» и «Ханты-Мансийском округе в зеркале прошлого», а также тезисах конференций, отсутствуют. Исключением являются небольшие статьи, посвящённые раскопкам кульминского жилища на поселении Геологическое III,³⁶ могильника Неушья 1.2³⁷

³¹ Зиняков Н. М. Указ. соч. С. 28–29.

³² Там же. С. 36.

³³ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья... С. 126–145.

³⁴ Жирных Е. А., Каменский С. Ю. Средневековые железодельные печи на территории Северо-Западной Сибири // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 140.

³⁵ Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Раскопки городища Евра 25... С. 171–173.

³⁶ Чемякин Ю. П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 208–213.

³⁷ Беспрозванный Е. М., Козеко О. Е. Могильник Неушья 1.2 — источник по истории Кондинского края // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 239–261.

и монографическое издание многослойного поселения Лемья 19,³⁸ а также ряд статей в упоминавшемся сборнике «Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого».³⁹ Сам сборник, бесменным редактором 17 выпусков которого был Я. А. Яковлев, сыграл большую роль в популяризации и пропаганде культурного наследия округа. Кроме информации об итогах полевых сезонов, в нём печатались обобщающие статьи по различным проблемам сохранения культурного наследия, археологии, в том числе по раннему железному веку региона.

В Нижнем Приобье, помимо Шеркалинского могильника I–III вв. н. э., изучался ряд многослойных памятников эпохи железа, в том числе городища Няксимволь, Перегребное VI, комплексы памятников Шеркалы, у пос. Низямы, Перегребное и др. Материалы раскопок поселений, за редким исключением, также не опубликованы. Выделенные В. М. Морозовым по результатам полевых работ оригинальные памятники и керамика перегребнинского типа, ориентировочно датирующиеся второй — третьей четвертью I тыс. до н. э., пока не имеют чётких характеристик.⁴⁰

Л. А. Чиндиной в фундаментальной монографии, посвящённой проблемам кулайской культуры, кратко изданы материалы Шеркалинского могильника.⁴¹ Следует упомянуть и коллективную монографию «Няксимволь»,⁴² где исследуются различные аспекты этого неординарного памятника и затрагиваются вопросы, связанные с синдейской культурой, а также первые публикации могильника, выявленного на территории поселения Няксимволь 2.⁴³

---

³⁸ Гиря Е. Ю. и др. Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. Екатеринбург, 2019. 124 с.

³⁹ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 114–134; Они же. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытья 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 137–155; Чемякин Ю. П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2015. Вып. 13. С. 139–166.

⁴⁰ См.: Морозов В. М. Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников) // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 63–64; Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 208–219.

⁴¹ Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.

⁴² Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. 196 с.

⁴³ См.: Соболяникова Т. Н., Кузина А. В. Спасательные археологические раскопки в Берёзовском районе ХМАО — Югры в 2017–2018 гг. // Археологические открытия. 2018 год. М., 2020. С. 432–435; Они же. Спасательные раскопки Няксимвольского археологического комплекса в Берёзовском районе ХМАО — Югры // Археологические открытия 2020. М., 2022. С. 342–345.

Глава 2

Хронология и периодизация

В I тыс. до н. э. бóльшая часть обществ Евразии вступает в эпоху железа. Но революционно-преобразующая роль нового металла, в силу неравномерности развития человечества, проявилась не везде и не сразу.

На Урале и в Западной Сибири железо впервые появилось и стало производиться в Волго-Камье (ок. VIII–VI вв. до н. э.), затем в Зауралье и на Алтае (V–IV вв. до н. э.).

В северных областях Урала и Западной Сибири изделия из нового металла фиксируются не ранее конца третьей четверти I тыс. до н. э. В целом же на севере Западной Сибири железо стало вытеснять бронзу только с III–II вв. до н. э.⁴⁴

По основному орудийному комплексу таёжные общества Западной Сибири начала раннего железного века соответствуют «позднебронзовым» культурам. Изделий из железа у них практически не известно. Основные отрасли экономики традиционные: рыболовство, охота, собирательство. Но по уровню развития технологий, социальному развитию северные коллективы сопоставимы с южно-таёжными и лесостепными урало-сибирскими обществами переходного времени от эпохи бронзы к железу. Происходит «скачок» в развитии цветной металлообработки. Он совпал с расцветом металлургических очагов на Урале и Алтае. В это время интенсифицируются торгово-обменные связи с населением южных районов, развивается пушной промысел как источник продукта для обмена на цветной металл. По сравнению с предшествующим периодом, широко распространяются городища, что отражает изменения в социальной сфере. Увеличивается количество памятников в целом — свидетельство роста численности населения.

Происходившие в начале второй четверти I тыс. до н. э. перемены в развитии местных обществ, отразившиеся в археологическом материале, позволяют говорить о том, что таёжные западносибирские племена вступили в новую эпоху.

В начале эпохи раннего железа в западно-сибирской тайге наблюдается культурная мозаика. Бассейн р. Конда занимали кульминские коллективы, рр. Тавда, Пелым и Лозьва — кульминские и северные гамаюнские (вагильские). В Зауралье, включая Притоболье, наряду с аборигенным иткульским населением обитало пришлое гамаюнское. В Сургутском Приобье на

⁴⁴ См.: Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 141–142; Бельтикова Г. В., Борзунов В. А. Металлургия раннего железного века. Распространение производящего хозяйства в лесные районы // История Урала с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 92–93.

основе барсовской и атлымской возникает белоярская культура. В южно-таёжном Прииртышье формируется богочановская культура. Её ранние памятники (журавлёвского этапа) демонстрируют преемственность от сузгунских и красноозёрских.⁴⁵ В Северной Барабе, на границе тайги и лесостепи, складываются основные черты новочекинской культуры, отражающей одну из первых волн миграции в местную лесостепь таёжного населения.⁴⁶

Лет 30–40 назад памятники большинства этих культур рассматривались в рамках васюганского этапа кулайской культуры, вопрос о происхождении и датировке которой остро дискутировался во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. При всём разнообразии мнений, большинство исследователей искали корни этой культуры–общности в древностях периода поздней бронзы. Ареал формирования кулайской культуры ограничивался Нарымским Приобьем,⁴⁷ но с открытием комплексов Барсовой Горы в него стали включать Сургутское Приобье. Время сложения кулайской культуры определяли в большом, почти тысячелетнем, интервале. Сейчас преобладает мнение, что она сформировалась в VI–V вв. до н. э.⁴⁸

Наиболее детально проблемы происхождения и развития кулайской культуры рассмотрены Л. А. Чиндиной, выделившей два этапа в её развитии: васюганский (VI — II–I вв. до н. э.) и саровский (II–I вв. до н. э. — V в. н. э.).⁴⁹ В круг васюганских она включила памятники Среднего Прииртышья и Барабы, которые сейчас относят к самостоятельным культурам — новочекинской и богочановской, и поселения раннего железного века Сургутского Приобья, ныне известные как памятники белоярской и калинкинской культур.

В этой связи важно выяснить, какие же признаки позволяют археологам объединять разные археологические памятники в рамках кулайской культуры (общности)? Возникло понятие «кулайская триада»: бронзовые оружие, культовое литьё, а также глиняная посуда, украшенная фигурным штампом в виде уточки. Большинство исследователей хронологические и территориальные границы кулайской культурно-исторической общности (КИО) определяются по наличию в археологических комплексах этих составляющих. Керамика, декорированная «уточкой» (5-я группа, по Л. А. Чиндиной), появляется в IV–III вв. до н. э. Тогда же прослеживаются первые признаки нивелировки культуры населения всего таёжного Обь-Иртышья. С этого времени, на наш взгляд, следует говорить о кулайской культуре (культурно-исторической общности). В Нарымском Приобье кулайскими, соответственно, надо считать комплексы с керамикой пятой и последующих групп.

За памятниками с посудой второй-четвертой групп было предложено сохранить название «васюганские», придав им статус археологической культуры (или культурного типа), локализуемой в восточной части Среднего Приобья. Кулайские древности на обширных пространствах таёжного Приобья формируются на местной основе, представляя собой одно из звеньев в общей эволюции культуры аборигенного населения края, прослеживаемой, по крайней мере, с эпохи бронзы, с общности гребенчато-ямочной керамики. Однако кулайские

⁴⁵ Данченко Е. М. Ранний железный век южнотаёжного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 15.

⁴⁶ Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. С. 106–108.

⁴⁷ Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 138.

⁴⁸ См.: Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М., 1993. С. 161; Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 103, 106, 120; Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Л. А. Голубева и др. М.: Наука, 1987. С. 163. (Археология СССР).

⁴⁹ Чиндина Л. А. Указ. соч.

и позднебронзовые памятники разделены хронологической лакуной в несколько веков. Поэтому ошибочно искать кулайские истоки непосредственно в культурах эпохи бронзы II — начала I тыс. до н. э. Правомернее выделить в рамках раннего железного века таёжного Обь-Иртышья два этапа: белоярско-васюганский и, собственно, кулайский. Сходной позиции в последнее время придерживался М. Ф. Косарев.⁵⁰ Нижняя граница белоярско-васюганского этапа совпадает с концом бронзового века (по традиционной хронологии) и распадом общности культур с крестово-струйчато-ямочной орнаментацией керамики. Верхний предел маркируется началом распространения керамики с фигурно-штампованной орнаментацией, где определяющим (но не всегда доминирующим) является штамп в виде уточки.⁵¹ В Сургутском Приобье первая половина раннего железного века связана с древностями белоярского типа. Вторая совпадает с формированием сургутского варианта кулайской КИО, что произошло не ранее IV или даже в III в. до н. э. В Томско-Нарымском Приобье наблюдается аналогичная преемственность между васюганскими и саровскими памятниками. В материальной культуре белоярских и ранних васюганских племён много общего; кроме того, их истоки уходят непосредственно в эпоху бронзы. Кулайские памятники Сургутского Приобья во многом близки поздневасюганским и саровским Томско-Нарымского Приобья. То есть наблюдается определённая параллель в развитии культур этих двух регионов. Ранне-васюганские памятники отличаются от «классических» кулайских — на сосудах нет оттисков штампа в виде уточки, мало или нет культового литья и типичного кулайского оружия.

Белоярско-васюганский этап

Период с VIII–VII по IV (IV–III) вв. до н. э. в таёжной зоне Западной Сибири характеризовался ломкой культурных стереотипов предшествующего времени, распадом культурных образований эпохи бронзы и формированием новых. Он отражает культуру носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции (включая отдельные общества с посудой, украшенной крестово-ямочными узорами) в момент их перехода к железному веку и самом начале новой эпохи. Восток и юг таёжного Приобья и Обь-Иртышья, а также северную кромку лесостепи в это время занимали васюганские, новочекинские и ранние богочановские (журавлёвские) поселения. Для керамики этих культурных типов характерны узоры, нанесённые отгисками гребенчатого и гладкого штампов, пояски ямочных вдавлений и жемчужин. Запад Среднего Приобья и Обь-Иртышья занимали белоярские племена, бассейн р. Конда — кульминские, рр. Тавда, Пелым и Лозьва — кульминские и северные гамаюнские (вагильские). В Зауралье, включая Притоболье, наряду с аборигенным иткульским населением обитало пришлое гамаюнское. В орнаментации белоярской, кульминской и гамаюнской посуды, помимо ямок и гребенчатого декора, присутствуют узоры, нанесённые как печатными, так и прокатанными фигурными штампами: мелкоструйчатым, змейковидным, крестовым, «крупной волной», мелким «полулунным», треугольным, ромбическим и др. В VI–IV вв. до н. э. в Сургутском Приобье появляются племена калинкинской культуры. Характеризующие их черты (своеобразная керамика, наличие лошади, прямоугольные укрепления, линейная расстановка жилищ) говорят о южном или юго-восточном происхождении пришельцев.

⁵⁰ Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири... С. 173.

⁵¹ См.: Чемякин Ю. П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таёжного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 218–219; Он же. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... С. 60–66.

В целом в таёжном Приобье начала эпохи железа сохраняются различия, наметившиеся между двумя большими ареалами — западным и восточным — ещё в период поздней бронзы. Начало белоярско-васюганского этапа связано с климатическими изменениями.

На рубеже бронзового и раннего железного веков, по мнению ряда учёных, произошло изменение климата в сторону большей увлажнённости, произошёл сдвиг ландшафтных зон к югу.⁵² В первых веках I тыс. до н. э. наступило резкое похолодание, самое сильное в голоцене. Оно сопровождалось катастрофическим обводнением и заболачиванием, что ухудшило экологическую обстановку в тундровой и таёжной зонах и привело к изменениям в составе животного и растительного мира.⁵³ Резко сократились территории, пригодные для существования человеческих популяций в этих регионах. Ухудшение условий обитания человека на севере, в тундрово-таёжной зоне, привело к формированию миграционных потоков, в первую очередь, в меридиональном направлении. Но мощные подвижки населения происходили и в широтном направлении. Этот процесс, сопровождавшийся возникновением целого ряда так называемых «гибридных» культур (культур крестово-струйчато-ямочной керамики), отмечается многими археологами. В. И. Молодин не без оснований считает, что экологический «стресс», наступивший на рубеже II и I тыс. до н. э., привёл к явлению, которое вполне можно назвать первым Великим переселением народов в масштабах, по крайней мере, северо-западной части Азии и которое по своей мощи и направленности может быть сопоставимо с известной в истории гуннской экспансией.⁵⁴

В Северном Приуралье и Западной Сибири изменение климата привело к увеличению площади болот, а это, в свою очередь, вызвало сокращение охотничьих угодий и относительное перенаселение. Новейшие исследования на сопредельных территориях, в частности, в лесостепной и подтаёжной зонах Притоболья, подтверждают данные выводы.⁵⁵ Выходом из этой ситуации стали миграции людских коллективов из Нижнего, а затем, видимо, и Сургутского Приобья. Исследователи отмечают несколько (минимум две-три) волн миграций, в первую очередь, атлымского населения. В позднем бронзовом веке крестово-струйчатая керамика появилась на Европейском Северо-Востоке, в районах тундры. Атлымские группы зафиксированы на рр. Конда и Тавда, где проживало лозьвинское население, также вовлечённое в миграционное движение. Это подтверждается открытием в бассейнах указанных рек поселений, в жилищах которых при раскопках был обнаружен чистый атлымский материал. В свою очередь лозьвинские группы в ходе переселений достигли Ледовитого океана, низовьев р. Печора,⁵⁶ но наиболее крупные перемещения были направлены на юг, в бассейны рр. Тавда и Лозьва.⁵⁷

⁵² См.: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья... С. 36–38; Львов Ю. А. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 18.

⁵³ Молодин В. И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археол. конф. Томск, 2010. С. 22.

⁵⁴ Там же. С. 22, 24.

⁵⁵ Зимина О. Ю., Сизов О. С., Цембалюк С. И. Стратегии заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная — подтаёжная зоны в долине р. Тобол) // УИВ. 2021. № 3 (72). С. 50–60.

⁵⁶ См.: Канивец В. И. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М., 1974. С. 18–32, 125; Стоколос В. С. Стоянка бронзового века на р. Коротаихе // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. С. 31–54, рис. 8–11. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 9).

⁵⁷ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992. С. 134–135.

В хозяйстве и культуре атлымского населения на рубеже II–I тыс. до н. э. произошли существенные изменения: высокоэффективное рыболовство и широкое внедрение металлических орудий привели к подъёму экономики, сопровождавшемуся ростом населения, имевшим скачкообразный характер.⁵⁸ По мнению Е. А. Васильева, это документируется резким увеличением количества археологических памятников атлымской культуры и расширением её ареала. Однако надо иметь в виду, что на предполагаемой территории формирования атлымской культуры известно чуть больше 20 памятников, и лишь на 2 из них раскопано по 1 жилищу.

Видимо, происходили как миграции относительно крупных коллективов, так и локальные инфильтрации небольших групп. Судя по количеству выявленных памятников, последние совершались в основном в северном и северо-западном направлениях. О них свидетельствуют немногочисленные находки атлымской керамики в тундре (низовья р. Обь) и на Европейском Северо-Востоке, в бассейне р. Печора. И в ряде случаев такие находки могут отражать не инфильтрации небольших коллективов, а культурные или торгово-обменные контакты.

В южном и восточном направлениях, по-видимому, устремились большие потоки «атлымцев». Атлымские поселения появляются в Сургутском Приобье, где сегодня их известно больше, чем в других частях ареала, включая Белогорский материк. На этих территориях они сосуществовали с местными культурами (лозьвинской и барсовской). Причём, видимо, не везде это сосуществование носило мирный характер: в низовьях р. Конда, в бассейне р. Чилимка, известны атлымские городища (Чилимка XIII, Чилимка XXIII).⁵⁹ Но отсутствие городищ на других территориях, появление в раннем железном веке памятников, материальная культура (в первую очередь, керамика) которых сочетает признаки атлымской и аборигенной культур, свидетельствуют, возможно, о возникновении территориальных (соседских) общин или о культурном влиянии северного населения.⁶⁰ Эти контакты привели к возникновению ряда новых культурных образований, в том числе белоярской культуры в Сургутском Приобье.

Хронологически белоярско-васюганскому этапу соответствуют памятники с керамикой перегребнинского типа Нижнего Приобья.⁶¹ Название дано по ярким керамическим комплексам поселения Перегребное 4 и городища Перегребное VI. Датировка памятников перегребнинского типа построена на сравнительно-типологическом анализе керамики. Не исключено, что представление о времени существования этого типа может измениться в сторону омоложения, т. е. соответствия его ранней стадии кулайского этапа.

Кулайский этап

Ранний железный век в западно-сибирской тайге ассоциируется, в первую очередь, с кулайской культурой. Она формируется одновременно в нескольких центрах в IV или даже в III в. до н. э. (есть и другие точки зрения). Постепенно — путём культурно-экономических контактов и миграций — распространяется почти по всей лесной и отчасти лесостепной и лесо-

⁵⁸ Васильев Е. А. Атлымская культура // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 1. А-И. Ханты-Мансийск, 2000. С. 77.

⁵⁹ Глушков И. Г., Захожая Т. М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут, 2000. С. 193–195.

⁶⁰ Там же. С. 43.

⁶¹ Морозов В. М. Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников)... С. 63–64.

тундровой зонам Западной Сибири, образуя, в конечном итоге, кулайскую культурно-историческую общность (или культурную непрерывность, по Ю. В. Ширину⁶²).

В Сургутском Приобье кулайская культура формируется в результате взаимной ассимиляции населения аборигенной белоярской и пришлой калинkinской. В Нарымском Приобье и Васюганье прослеживается постепенная эволюция керамики от второй группы к шестой и далее (по Л. А. Чиндиной), соответственно, нарымский вариант кулайской культуры (общности) образуется на базе васюганских древностей. В Томском, Новосибирском и Барнаульском Приобье кулайские памятники не имеют местных корней. Кулайские племена приходят сюда с севера и, по-видимому, несколькими разновременными потоками.

Открытие ранних и поздних кулайских поселений в бассейне р. Конда, материалы новых раскопок на Усть-Полуйском городище и других синхронных памятниках Нижнего Приобья позволяют ставить вопрос о местном происхождении кулайской культуры в этих районах и выделении кондинского и нижеобского вариантов кулайской КИО. Среди ранних памятников бассейна р. Конда — поселения Новый Катыш IVa и IVб. Более поздними являются поселения Ахтымья I и городище Старый Катыш, где есть керамика, близкая ярсалинской. Концом этапа датируются древности с ярсалинской керамикой.

В кулайскую общность следует включить синдейские памятники Северного Зауралья (бассейны рр. Тавда, Пелым, Лозьва), сложившиеся, по В. Д. Викторовой,⁶³ из трёх компонентов, в том числе местного вагильского (северного гамаюнского). Их сменяют памятники туманского типа. Сравнение туманской керамики с ярсалинской и карымской показывает их практически полное сходство, что ставит под сомнение целесообразность выделения туманских памятников в особый тип, или же делает необходимым более аргументированное обоснование их своеобразия. Скорее всего, синдейские комплексы относятся к раннему и началу позднего (саровского, по Л. А. Чиндиной) этапов функционирования кулайской КИО. Туманские (они же — ярсалинские) представляют более поздний этап развития кулайской КИО на данной территории и относятся к первым векам н. э. Поздняя туманская керамика сопоставима с карымской эпохи раннего Средневековья.

До сих пор вызывает острые дискуссии усть-полуйская культура Нижнего Приобья, выделенная в 1940-х гг. В. Н. Чернецовым.⁶⁴ С ней связывают и ряд памятников в северо-западной части Ханты-Мансийского автономного округа. Исследователь различал в материалах культуры два компонента: арктический охотничье-рыболовческий и степной, связанный с появлением в северо-западной Сибири нового этнического элемента. Материалы, полученные уральскими археологами при раскопках в Нижнем Приобье, в том числе на самом Усть-Полуйском городище, позволяют иначе взглянуть на проблему. На памятнике присутствует средневековый комплекс, соотносимый с керамикой типа бичевник (первая группа, по В. И. Мошинской).⁶⁵ В составе второй группы (по В. И. Мошинской) есть более ранняя по-

⁶² Ширин Ю. В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015. С. 145.

⁶³ Викторова В. Д. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 489.

⁶⁴ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья... С. 8-71; и др.

⁶⁵ Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры // Древняя история Нижнего Приобья / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. М., 1953. С. 107-120. (МИА; № 35).

суда — перегребнинского типа. Основная же керамическая коллекция вполне соответствует характеристике кулайской посуды. Современные работы на городище под руководством Н. В. Фёдоровой привели к новым открытиям, позволили переосмыслить ряд прежних положений. Были предложены новые интерпретации металлопластики, художественных образов Усть-Полуя, хозяйства и социального устройства усть-полуйского общества, уточнена датировка памятника. Основание городища (сакрально-производственного центра) Усть-Полуй, по данным дендрохронологического анализа, относится к середине I в. до н. э.⁶⁶ Правда, сегодня констатируется, что сакрально-производственный центр «функционировал без видимых перерывов в течение III в. до н. э. — II в. н. э.»⁶⁷

Но вызывает недоумение отсутствие до сих пор сводного плана раскопов на городище, результатов обработки керамического комплекса, корреляции залегания разных типов посуды с выявленными объектами. Не исключено, что, по крайней мере, часть т. н. культовых комплексов окажется покрытиями полов в наземных жилищах. Нет ответа на вопрос (и даже постановки вопроса), где проживали люди, пришедшие на Усть-Полуй для совершения каких-то священнодействий, ритуалов или производственных процессов? С какой культурой (культурами) они связаны? Увлечение же изобразительной деятельностью «усть-полуйцев», сакральной составляющей памятника в отрыве от анализа массового материала привело к тому, что недавно было предложено вообще отказаться от понятия «усть-полуйская культура».⁶⁸

Пока не ясно взаимоотношение племён богочановской и кулайской культур в Среднем Прииртышье. Первая датируется Е. М. Данченко VI–II вв. до н. э.⁶⁹ Этот интервал совпадает с белоярско-васюганским этапом и началом, собственно, кулайского.

В целом можно констатировать, что взгляды археологов на кулайскую КИО существенно различаются. Новые материалы свидетельствуют в пользу автохтонного формирования культур (или локальных вариантов) кулайской КИО на большей части таёжного Приобья, там, где в эпоху бронзы были распространены культуры общности гребенчато-ямочной керамики. Что касается миграций среднеобского кулайского населения, то они были направлены в основном на юг и юго-восток Западной Сибири: в Омское Прииртышье, Томское и Верхнее Приобье. Переселения из Среднего Прииртышья на запад и северо-запад — в Нижнее Приобье и на р. Конда — маловероятны. Скорее, если западные и северо-западные миграции имели место, то исходной территорией было Сургутское Приобье. Говоря о переменах, происходивших в кулайское время в западно-сибирских лесах, их «можно кратко определить двумя словами: унификация и прогресс».⁷⁰

---

⁶⁶ Федорова Н. В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. С. 7.

⁶⁷ См.: Гусев А. В., Федорова Н. В. Морфология древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 64; Федорова Н. В. Сакрально-производственный центр Усть-Полуй // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 128–129.

⁶⁸ Фёдорова Н. В., Гусев А. В. Кулайская проблема: история и современное состояние // *Universum Humanitarium*. 2019. № 1. С. 20–37.

⁶⁹ Данченко Е. М. Указ. соч. С. 17.

⁷⁰ Федорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 1999. Вып. 1. С. 57.

Глава 3

Белоярско-васюганский этап в Сургутском Приобье

Белоярская культура

Наиболее изученным регионом в Ханты-Мансийском автономном округе является Сургутское Приобье, где открыто свыше 100 памятников белоярской культуры (из них половина — на Барсовой Горе под Сургутом). На многих из них проведены раскопки, которыми исследованы в разной степени более полутора сотен построек. Первые памятники этой культуры были выявлены в 1971 г. на Барсовой Горе. Во второй половине 1970-х гг. появилось несколько публикаций, характеризующих как отдельные поселения, так и всю группу памятников в целом.⁷¹ В статьях М. В. Елькиной они фигурируют как памятники «третьей группы» (в рамках периодизации сургутских древностей I тыс. до н. э.). Термин «белоярский тип» был впервые употреблён в статье, посвящённой керамике эпохи финальной бронзы Сургутского Приобья, и в «Археологических открытиях 1981 г.».⁷² Эта культура сформировалась в результате взаимной ассимиляции населения местной по происхождению барсовской культуры с нижнеобскими мигрантами атлымской культуры. В своём развитии она прошла несколько стадий. Ранние памятники несут явные следы преемственности от древностей позднебронзового века. Они проявляются и в домостроении, и в керамическом производстве, и в камнеобработке. Даже в орнаментальных композициях на сосудах, построенных уже по канонам раннего железного века, первое время сохраняются ряды ямок по всему тулову — реликт посуды общности гребенчато-ямочной керамики.

На ранних белоярских поселениях известны почти все типы построек предшествующей эпохи. Сами поселения располагались на тех же участках, что и в эпоху бронзы: на краю бе-

⁷¹ См.: Чемякин Ю. П. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье... С. 42–43; Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. С. 49–62; Чемякин Ю. П., Сосновкин И. Н. Городище Барсов городок I/2 близ г. Сургута // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. Вып. 2. С. 118–130; Чемякин Ю. П. Городища Барсов городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья // Там же. С. 131–144; Он же. Городища Барсов городок I/13 и I/14 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 62–69; Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье... С. 104–118; Она же. Новые данные о поселении раннего железного века... С. 71–77; Она же. О месте сургутских поселений в раннем железном веке... С. 109–112.

⁷² См.: Чемякин Ю. П. Керамика эпохи финальной бронзы... С. 87–91; Он же. Раскопки на Барсовой горе // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 235.

реговых террас, на мысах, в глубине леса. Но количество построек на них, как и количество самих посёлков, значительно возросло. Площадь селищ в среднем составляет 2000–3000 кв. м, на них зафиксировано от 5–6 до 16–20 сооружений. На одном из ранних селищ Барсова гора I/40 белоярские постройки были разбросаны на участке 11000 кв. м (рис. 214, 1). Планировка поселений беспорядочная, так же как и ориентировка жилищ (рис. 214).

Со среднего этапа появляются городища, как правило, относительно большие, с неупорядоченной застройкой. Открыто свыше 20 городищ, среди которых выделяются две группы: лесные (в глубине террас) и береговые. Лесные городища расположены на некотором удалении от края берега и имеют замкнутую (кольцевую) оборонительную систему, овальную в плане (рис. 215). Валы и внешние рвы в настоящее время выражены плохо (за исключением Барсова

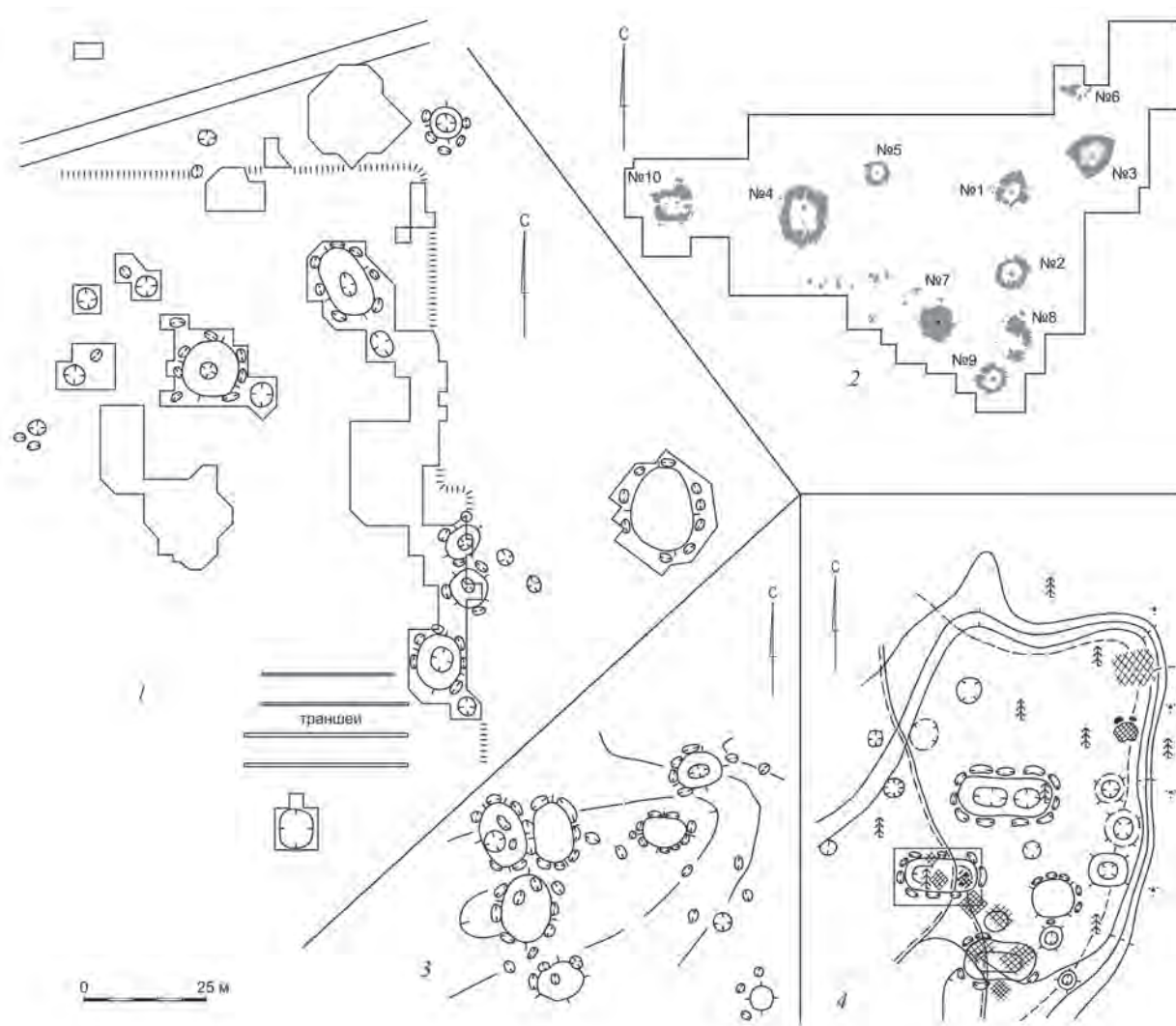

Рис. 214. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура.
Планы селищ: 1 — Барсова гора I/40; 2 — Ампельурий 20 (по: Пономарева, Коноваленко, Балуева, 2022); 3 — Барсова гора III/23; 4 — Вачим 7 (по: Морозов, Чемякин, 1997)

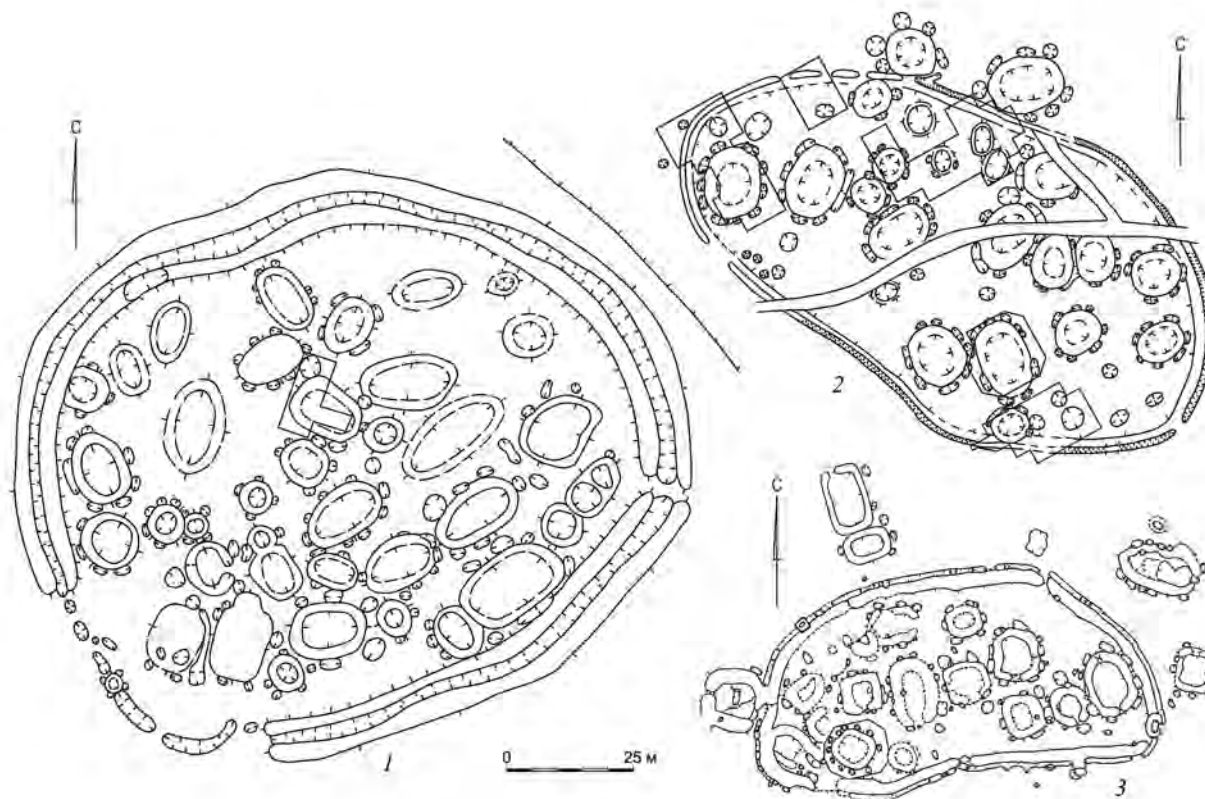

Рис. 215. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура.
Планы лесных городищ: 1 — Барсов городок III/7; 2 — Барсов городок III/7; 3 — Ермаково IV (по: Ведмидь, 2003)

городка III/7). Внутренняя площадь лесных городищ колеблется от 3000 до 9000 кв. м. На ней сосредоточено до 20–35 объектов в виде площадок с валообразным окружением и неглубоких впадин. Береговые городища в плане подпрямоугольные или трапециевидные, площадь их меньше, чем у лесных (внутренняя площадка от 900 до 3000 кв. м). Исключениями являются городища Барсов городок I/3 (позднее) — 6200 кв. м и Барсов городок I/1—630 кв. м (рис. 216, 5, 7). Число внешне фиксируемых сооружений на них — от 5–6 (Барсов городок I/1) до 30–40 (Барсов городок I/2, I/3). Городища находились на краю береговой террасы и на мысовидных участках, образованных коренным берегом и логами (рис. 216). Оборонительная система их выражена лучше, чем у лесных, но так же незначительна. На одном из поздних городищ — Барсовом городке I/1, зафиксировано эскарпирование склона террасы и предвратное, вероятно, бревенчатое сооружение с Г-образным проходом на жилую площадку на месте входа. Это сооружение (возможно, башня) примыкало ко рву с внешней стороны, внутри него был проход на городище в виде перемычки во рву.

Белоярское домостроение наследовало традиции позднебронзового века. Жилища наземные и со слегка углублённым котлованом, каркасно-столбовой (и срубной?) конструкции. Вдоль стен таких жилищ часто сохранялся подзол, что свидетельствует о каком-то покрытии пристенных (спальных) участков. Пространство в центре нередко было вытоптано или специально углублено. В последних случаях при раскопках фиксируется котлован подпря-

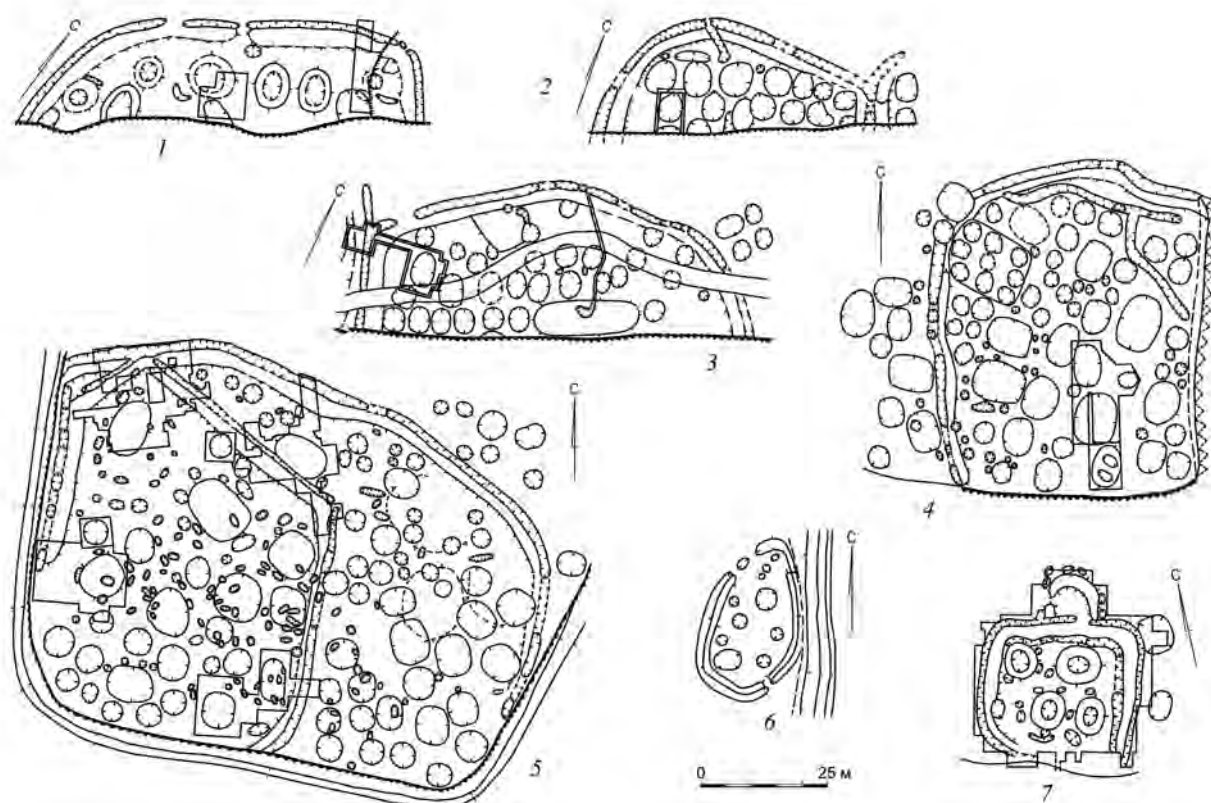

Рис. 216. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура.
 Планы береговых городищ: 1 — Барсов городок I/10; 2 — Барсов городок I/14; 3 — Барсов городок I/2; 4 — Барсов городок I/11;
 5 — Барсов городок I/3, 3а; 6 — Peu III; 7 — Барсов городок I/1 (по: 6 — Селянина, 1997; 7 — Косинская, 1972)

моугольной формы, не доходивший до стен жилища. Его стенки, видимо, укреплялись деревянными плахами, от которых в редких случаях сохранились углистые полосы. На неуглублённых пристенках размещались нары.

В больших жилищах, размерами 9,0×8,0 м и более, часто устраивались два-три очага (рис. 215; 216). На городищах по два очага встречались и в меньших сооружениях. Прямоугольная форма очагов в ряде построек предполагает существование каких-то конструкций, ограничивавших их. Внутри жилищ находились ямы. Во многих из них найдены обломки тиглей, керамика; в некоторых на дне были углистые прослойки. Выходы из наземных построек, как и в жилищах эпохи бронзы, фиксировались плохо. Вероятно, в них были навесные или приставные двери.

Полуземлянки (постройки с углублённым на 20–50 см полом) преобладали на береговых городищах. Выход из них часто имел форму коридора и, вероятно, был перекрыт. Рядом с жилищами нередко находились небольшие хозяйственные постройки. На белоярских памятниках раскопано около 30 хозяйственных построек площадью от 4 до 22 кв. м. Часть из них имела прямоугольные в плане неглубокие (20–50 см) котлованы, иногда с коротким коридорообразным выходом (рис. 217, 1а). Возможно, от хозяйственных построек остались и большие округлые ямы диаметром до 2–3 м, расположенные сбоку от выходов из жилищ

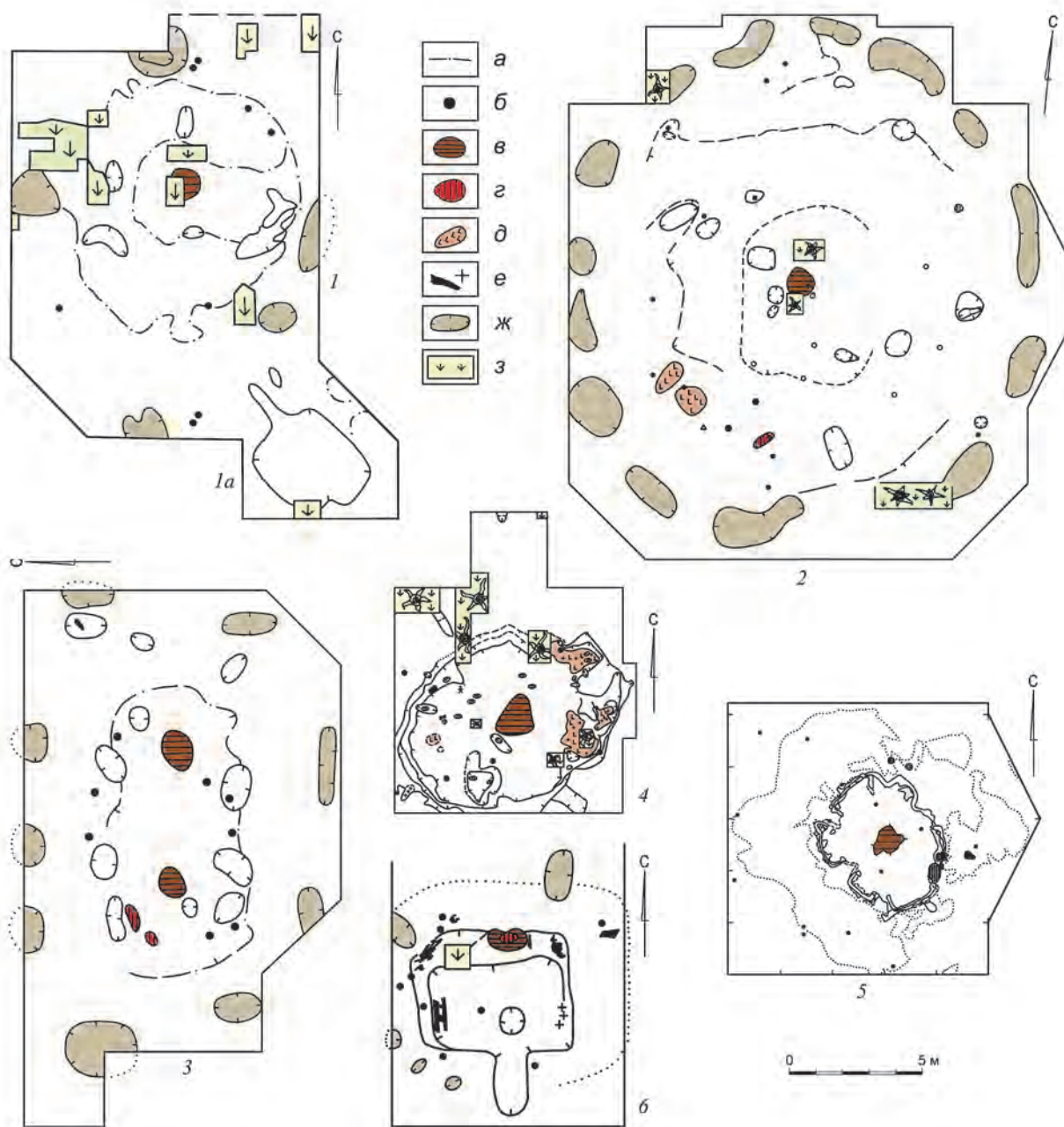

Рис. 217. Ранний железный век Барсовой Горы. Белоярская культура.

Планы построек. 1, 1а — Барсова гора I/40в (жилище 14 и хозяйственная 5); 2 — Барсова гора III/1; 3, 3а — Барсова гора III/28 (объект 1675, хозяйственная?); 4 — Барсова гора I/40в (жилище-мастерская 20); 5 — Барсова гора III/76 (жилище 3); 6 — Барсов городок I/3.

Условные обозначения: а — границы погребенного подзола; б — ямки от столбов; в — бурый очажный слой; г — провал; д — выкид из очага; е — угли, обугленное дерево; ж — внешние ямы; з — деревья, кусты

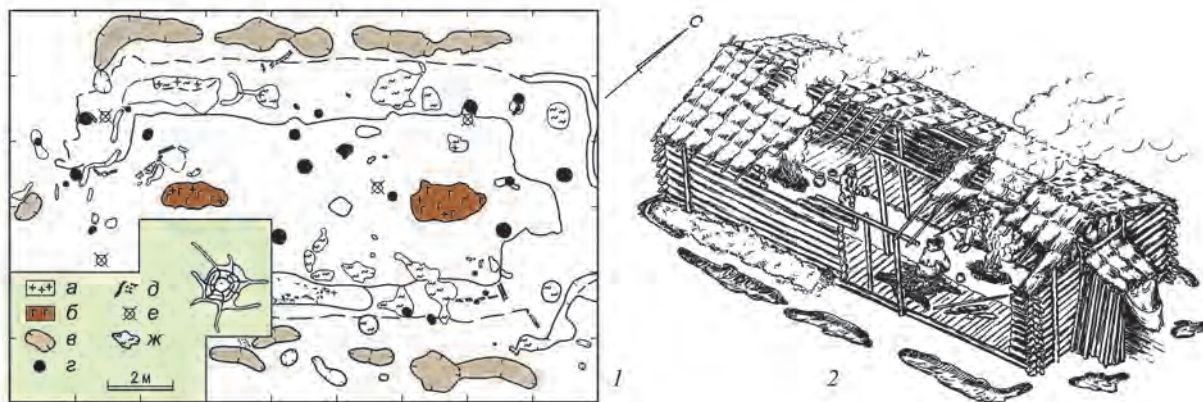

Рис. 218. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура.

Селище Вачим 7: 1 — план раскопа (1 — угли, 2 — очаги, 3 — внешние ямы, 4 — ямки от столбов (?), 5 — сгоревшее дерево, 6 — раздавленный сосуд, 7 — зола (подзол?); 2 — реконструкция жилища выполнена В. М. Морозовым и А. А. Ковригиным (по: Морозов, Чемякин, 1997)

(рис. 217, 3а). В их заполнении встречаются обломки сосудов и тиглей, но есть и ямы без находок. Такие хозяйственные ямы могли перекрываться конструкциями типа шалашей. Специализированная производственная постройка исследована на селище Барсова гора I/40.⁷³ Там раскопано жилище-мастерская по изготовлению каменных орудий и, главным образом, грузил. Овальный в плане котлован имел глубину до 0,4–0,5 м (рис. 217, 4). В центре находился очаг, вокруг него — ямы. В некоторых ямах найдены скопления заготовок для орудий.

На поселениях обнаружены и очаги-кострища под открытым небом, рядом с жилищами. В их заполнении нередко обломки тиглей, капли бронзы. Линзы бурой очажной супеси с аналогичными находками выявлены и в ямах снаружи жилищ. Всё это свидетельствует о том, что производственная деятельность на поселениях осуществлялась не только внутри помещений. Возможно, над некоторыми из очагов были лёгкие навесы, не фиксируемые археологически. Присутствие подобных объектов на поселениях свидетельствует о функционировании последних круглогодично или в тёплое время года (весна — осень).

Погребальный обряд белоярской культуры малоизвестен. На селище Барсова гора III/19 были раскопаны две могилы, одна из которых вырыта в центре белоярского жилища уже после того, как оно было заброшено (рис. 219). В ней найдены развалы двух белоярских сосудов, когда-то стоявших на перекрытии. В другом погребении обнаружены кальцинированные кости, в том числе нижняя челюсть взрослого человека, скорее всего, женщины. Ещё две ямы отнесены к погребениям с большой долей вероятности. Все могилы прямоугольные в плане, с вертикальными стенками и углистыми прослойками в заполнении. Последние могли остаться от сгоревших перекрытий. Размеры ям 1,5–1,9×0,75–1,15 м, глубина 50–70 см от уровня древней поверхности. Три ямы непонятного назначения были обнаружены при раскопках на селище Барсова гора III/22. Они располагались вдоль склона террасы и были ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Длина их — до 3,0 м при ширине 0,7–1,0 м и глубине 30–50 см. Дно ям и, возможно, стенки были выложены досками (плахами), частично дошедшими до нас в обугленном состоянии. В двух из них найдены обломки тиглей, однако с металлообработкой ямы связать нельзя.

⁷³ Сериков Ю. Б., Чемякин Ю. П. Каменный инвентарь белоярского поселения Барсова гора I/40 // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 241–256.

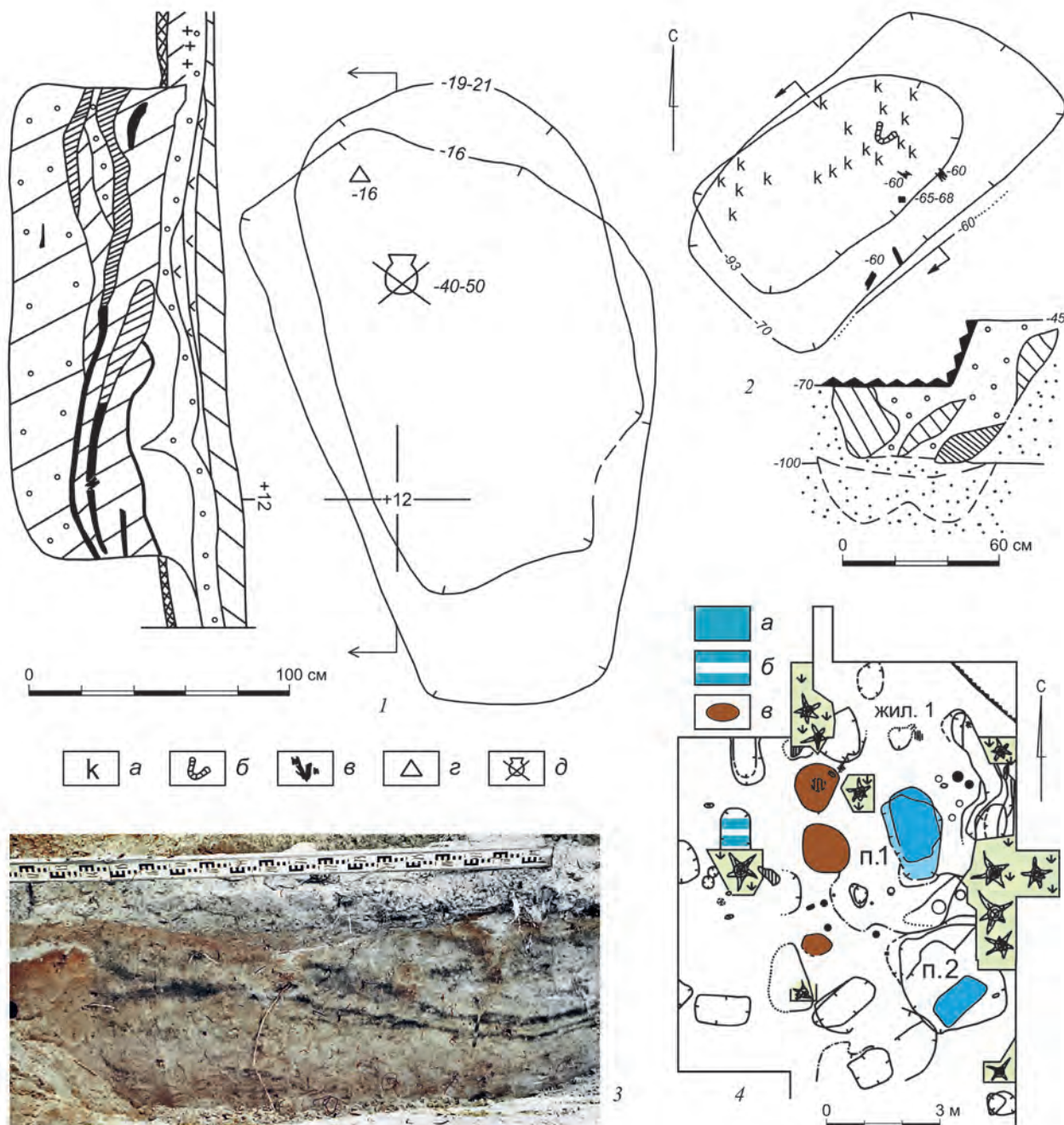

Рис. 219. Ранний железный век Барсовой Горы. Белоярская культура.
 Могильник Барсовский VI: 1 — погребение 1; 2 — погребение 2 (а — кальцинированные кости; б — нижняя челюсть; в — сгоревшие плахи; г — керамика; д — развал сосуда); 3 — разрез погребения 1, вид с запада; 4 — план жилища 1 селища Барсова гора III/19 и погребений (а — бесспорных; б — вероятных; в — очаги жилища)

С белоярской культурой, возможно, связано погребение могильника Сырой Аган 16, где в грунтовой яме найдена нижняя часть круглодонного сосуда. А. Ф. Шорин допускает, что ещё два сосуда, найденные в зачистке и осыпи берега недалеко от могилы, происходят из разрушенных строителями захоронений.⁷⁴ Один из них, в обломках, относится к белоярской культуре, второй, в виде небольшой банки на поддоне, культурно не идентифицируется. Он мог принадлежать любой из трёх культур раннего железного века, известных в Сургутском Приобье. По таким скудным материалам можно реконструировать лишь некоторые элементы погребального обряда аборигенов края в начале железного века. Им была известна и ингумация, и кремация. Захоронения производились в подпрямоугольных ямах разных размеров и глубины (от 1,5×0,7×0,5 до 1,9×1,15×0,7 м). Ориентировка их неустойчивая. В некоторых могилах найдены керамические сосуды. Погребённые могли сопровождаться и вещами из органических материалов, которые не сохраняются в подзолистых почвах. Малочисленность грунтовых могил допускает наличие других способов погребения, в том числе воздушных или водных.

Сосуды самых ранних белоярских памятников и по форме (круглодонные ёмкости, в отличие от плоскодонных эпохи поздней бронзы), и по степени орнаментированности (украшена лишь верхняя часть сосуда) соответствуют канонам посуды железного века. Но, в то же время, в этих коллекциях присутствуют горшки и банки с чертами, характерными для предыдущей эпохи. Это единичные плоскодонные формы (рис. 220, 9, 13), а также ёмкости, тулово которых покрыто рядами ямок — своеобразный реликт разделительных поясков между рядами оттисков разнообразных гребёчатых, мелкоструйчатых или крестовых (фигурных) штампов (рис. 220, 6, 8, 10–12). Кроме круглых, встречаются ромбические и треугольные ямки. Сосуды с высокой прямой или отогнутой наружу шейкой, напоминающие горшки барсовской культуры, найдены на селище Барсова гора I/40; часть сосудов на этом памятнике имела чуть выгнутую (дуговидную) шейку, как у атлымских горшков, у некоторых тулово до дна опоясывали ряды ямок, три сосуда были украшены оттисками косоугольного креста, один имел плоское дно. Основные мотивы на сосудах: горизонтальные линии и пояски, ряды разнонаклонных оттисков штампов, зигзаги, горизонтальная ёлочка. В целом количество орнаментальных мотивов по сравнению с предыдущей эпохой уменьшилось. Похожая картина и на селище Барсова гора III/76, с той лишь разницей, что его керамическая коллекция имеет больше сходства с атлымской посудой эпохи поздней бронзы. Там также найдена одна плоскодонная банка, тулово четырёх ёмкостей украшали ряды ямок и половина сосудов была декорирована оттисками косоугольного креста. На обоих памятниках собраны коллекции каменных орудий.

На более поздних белоярских поселениях, но также относящихся к ранней стадии, меняется форма и орнаментация сосудов. Они приобретают котловидную форму, в узорах доминируют гребёчатый и мелкоструйчатый штампы, встречается прокатанный мелкогребёчатый (рис. 221). Некоторые сосуды, украшенные ими, близки по форме и орнаментации иткульским, в том числе восточного варианта, и кульминским. Впервые встречаются ёмкости на поддонах (рис. 221, 8). На многих поселениях найдены небольшие чашки.

Поздняя посуда — котловидная, иногда с профилированным плечиком, реже с очень короткой шейкой (рис. 222). Для неё характерны поддоны (рис. 222, 1). Немногие сосуды имеют подобие воротничков под венчиком, напоминающих оформление ананьинских

⁷⁴ Шорин А. Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 156–164.

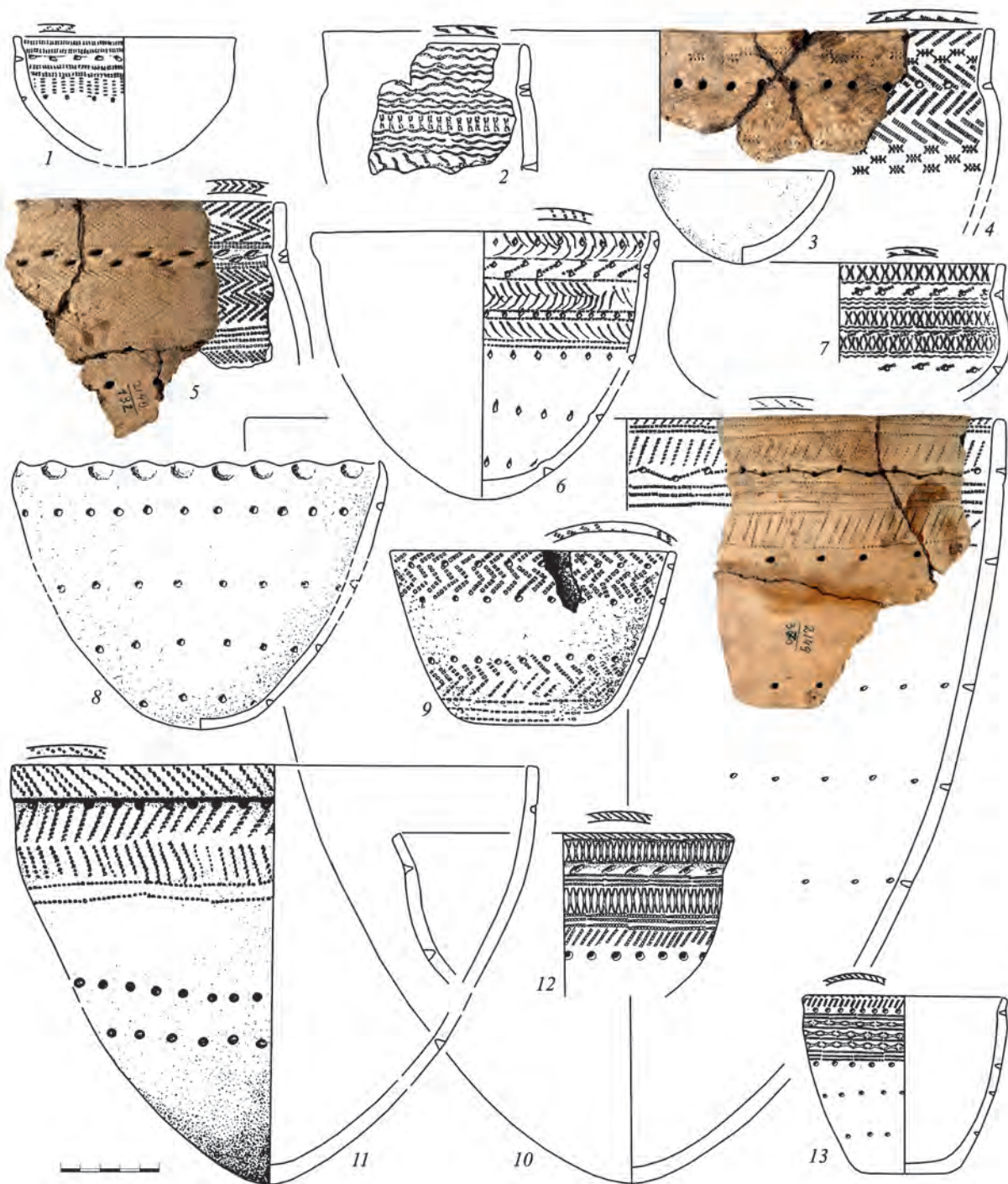

Рис. 220. Ранний железный век Барсовой Горы. Белоярская культура. 1-я стадия. Керамика.
 1-10 — селище Барсова гора I/40в; 11-13 — селище Барсова гора III/76
 (фото по: Сургутский краеведческий музей Археологическое собрание, 2011 (СКМ АС, 2011))

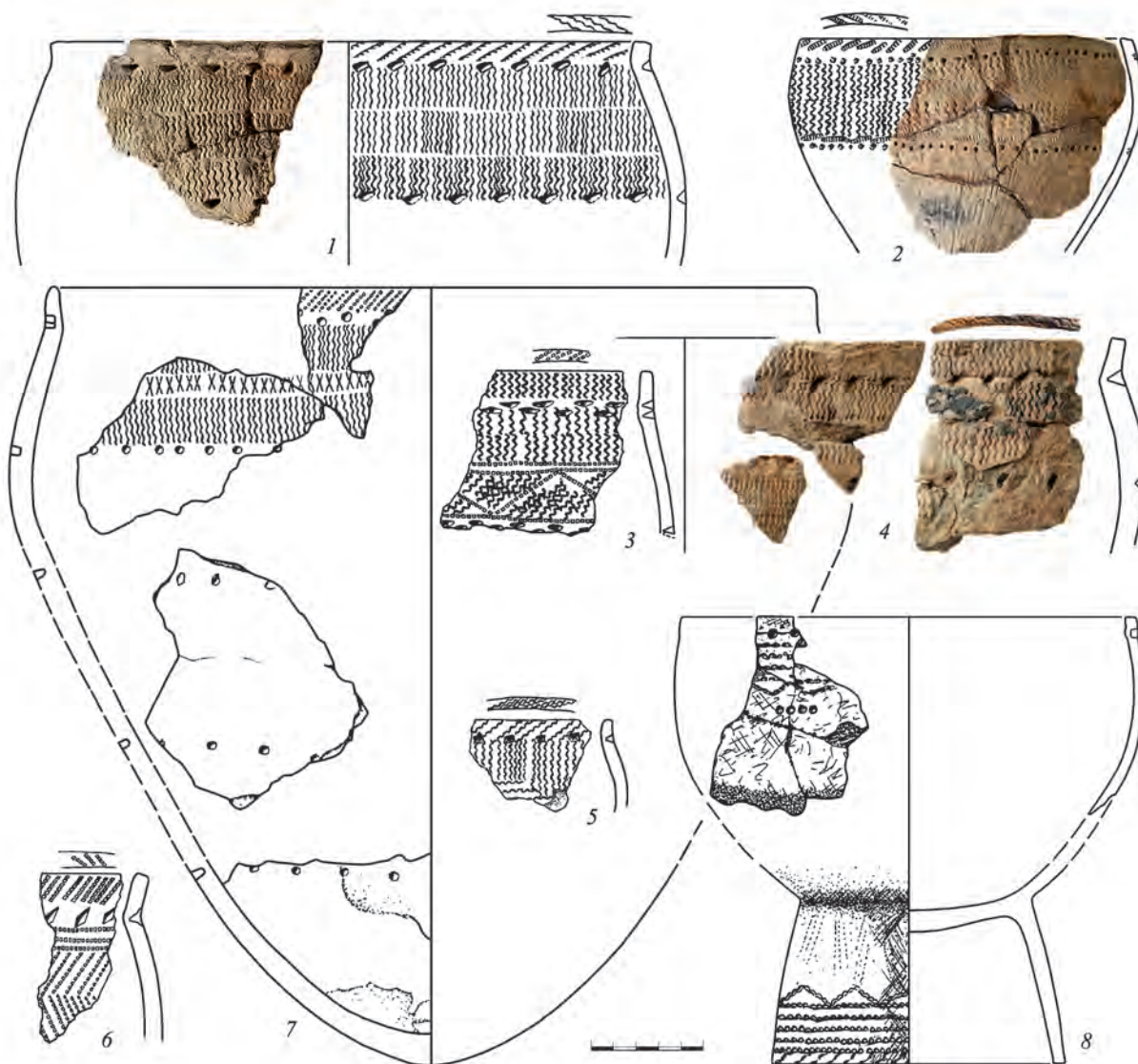

Рис. 221. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура. 2-я стадия. Керамика.
 1, 2, 5 — селище Барсова гора III/2а; 3, 6, 7 — селище Барсова гора III/1; 4 — поселение Нёх-урий 3.2 (раскопки П. С. Бахарева, 2013 г.);
 8 — селище Барсова гора III/74 (раскопки А. С. Сергеева, 2002 г.)

и перегребнинских горшков.⁷⁵ Единичны маленькие четырёхугольные плоскодонные сосуды, встречаются и небольшие чашки. Белоярские гончары украшали свою посуду узорами, известными в западно-сибирской тайге по крайней мере с эпохи бронзы, на сосудах общности гребенчато-ямочной керамики. Это пояски, образованные горизонтальными или разнонаклонными оттисками штампов, реже зигзаги и совсем единичны меандры. На Барсовой Горе на разных памятниках найдены два фрагмента сосудов с граффити. На одном из

⁷⁵ Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 37, рис. 11, 14.

них процарапан сложный рисунок, сохранившийся частично и не поддающийся распознаванию. Одна из фигур, составляющих его, напоминает жердевую постройку (шалаш) с односкатной крышей (городище Барсов городок I/14, рис. 222, 9). В придонной части другого сосуда изображена маленькая личина (селище Барсова гора I/23, рис. 222, 2). Позже, в кулайское время, подобные личины будут процарапываться на бронзовых бляхах, но это самый ранний из известных нам рисунков.

Рис. 222. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура. 3-я стадия. Керамика.
1, 3 — городище Барсов городок III/1; 2 — селище Барсова гора I/23; 4, 9 — городище Барсов городок I/14;
5, 7, 8 — городище Барсов городок I/1; 6 — городище Барсов городок I/18 (3 — фото по: СКМ АС, 2011)

Орнаментальные мотивы на поздней посуде мало чем отличаются от мотивов на ранней, но это нельзя сказать о применяемых штампах. Практически исчезли оригинальные и мелко-струйчатые штампы, зато появились треугольные, ромбические, битреугольные и другие, часто с зубцами внутри. Нередко применялся штамп в виде короткой змейки. Встречаются отпечатки креста (рис. 222, 6). Но доминирует по-прежнему крупная гребёнка. На городище Барсов городок I/1 ею выполнено почти 70 % узоров. Возможно, городище относится к позднему этапу существования культуры, но пока однозначно судить об этом нельзя.

Технология керамического производства остаётся прежней. Анализ формовочных масс и технологии изготовления белоярских сосудов этого времени на примере коллекции селища Вачим 7 был выполнен Н. В. Варанкиным.⁷⁶ Он выявил такие варианты рецептуры сырья: 1) Глина + Органика (птичий помёт, экскременты животных); 2) Глина + Песок + Органика; 3) Глина + Шамот + Органика; 4) разносортная глина без видимых добавок. Последние два состава преобладали.

Близкие рецептуры были зафиксированы Д. В. Селиным⁷⁷ на раннем белоярском селище Барсова гора III/66: Глина + Шамот (преобладала); 2) Глина + Дресва; 3) Глина + Шамот + Дресва + Органика. Последние два рецепта представлены единичными фрагментами и, видимо, отражают наследие атлымской гончарной традиции, для которой характерна примесь дресвы в формовочной массе. В то же время преобладают рецепты, где в качестве основной примеси выступает шамот, восходящие к традициям барсовских гончаров. Особый интерес представляет черепок с искусственной добавкой металлургического шлака, найденный на этом селище. Посуда с такой примесью известна на памятниках эпохи бронзы в Приуралье и Самарском Поволжье, в культурах андроновской общности Центрального Казахстана.⁷⁸ Археологические памятники Приуралья и Самарского Поволжья с примесью шлака в керамике расположены вблизи рудных источников или содержат остатки производств, связанных с переработкой металлургического сырья.⁷⁹ Не исключено, что и в начале раннего железного века традиция добавления шлаков в формовочную массу в этих регионах продолжала существовать. Черепок с Барсовой горы III/66 является привозным, так как ни в более раннее время, ни в раннем железном веке для культур Нижнего и Сургутского Приобья добавка шлака в керамику неизвестна. Кроме того, поскольку в регионе не было своей металлургии (только металлообработка), не было и источника шлака. Маловероятно, что им могли служить дробленые тигли. К сожалению, фрагмент остался от стенки, которая не позволяет определить ни культуру, ни территорию, откуда сосуд попал на Север. Он, по всей видимости, отражает контакты белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами, от которых мог импортироваться металл для производства различных изделий. Вместе с сырьём на селища попадала и импортная посуда. Направление этого торгового обмена к настоящему мо-

⁷⁶ Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Древнее поселение в бассейне р. Пим (Краткий археологический очерк). Сургут, 1997. С. 33–34.

⁷⁷ Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Керамика с металлургическими шлаками на белоярском поселении Барсова Гора III/66 (ранний железный век, Сургутское Приобье) // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 145–147.

⁷⁸ См.: Бейсенов А. З., Ломан В. Г. Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 221–225; Ермолаева А. С., Калиева Ж. С., Дубягина Е. В. Культурная атрибуция жилища-мастерской на поселении Талдысай на основе анализа керамики // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3. С. 269–275.

⁷⁹ Салугина Н. П. Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможности историко-культурной интерпретации // Вестник «История керамики». 2019. Вып. 1. С. 36–48.

менту однозначно определить затруднительно, металлургическое сырьё могло поступать из Приуралья, Центрального Казахстана и Алтая. Возможно, эти торгово-обменные контакты проходили через ареал иткульской (менее вероятно, кульминской) культуры, с представителями которой носители белоярской культуры могли вступать и в брачные связи. Что касается контактов с кульминским населением Нижнего Приобья, бассейнов рр. Конда и Тура, то это направление связей было освоено ещё атлымскими племенами в конце бронзового века.

Материальная культура белоярского населения, несмотря на большое число раскопанных памятников, почти неизвестна. Всё её богатство, выраженное в костяных и деревянных, меховых и кожаных изделиях, до нас не дошло. Известны только обломки трёх костяных наконечников стрел ромбического сечения, найденные в очагах жилищ. Единичны и металлические вещи, хотя, судя по находкам следов металлообработки в виде тиглей и сплесков металла, обнаруженным во многих жилищах, бронзолитейное производство у таёжных аборигенов было развито. Просто все пришедшие в негодность, сломанные вещи снова шли в переплавку. Овальные или яйцевидные (ладьевидные) в плане, тигли различаются размерами, формой и способами изготовления. Среди них есть сделанные выдавливанием из одного комка глины (рис. 223, 31, 32), путём налёпа бортиков на предварительно подготовленное днище или фрагмент сосуда. Есть сильно запесоченные, осыпающиеся под руками; плотные с небольшим содержанием песка; более рыхлые, с белой крошкой (раковиной или костью) в составе. У многих тиглей края сильно ошлакованы, что говорит об их многократном использовании.

Из бронзовых изделий нам известны четыре целых и один обломок пластинчатых однолезвийных ножей, наконечник стрелы кулайского типа, шило и остриё (?), обломок накладки и 26 культовых фигурок, сделанных в технике плоского литья, в том числе ажурного. На селище Барсова гора I/11 найден пластинчатый однолезвийный нож со слабо выделенным коротким черенком, образованным отковкой лезвия в рукояточной части (рис. 223, 28). Он изготовлен из медно-мышьякового сплава. Остальные ножи имели близкую форму и отличались степенью сточенности (рис. 223, 27, 29). Подобные ножи в Западной Сибири известны уже в эпоху поздней бронзы (могильники Черноозерье I, Еловка II и др.).⁸⁰ В раннем железном веке они встречаются на памятниках васюганского типа,⁸¹ большереченской,⁸² тагарской и иных культур. Обнаружены такие ножи и на калинкинских поселениях. Они датируются, по крайней мере, с VII по IV вв. до н. э. и даже шире.⁸³ На селище Барсова гора III/74 найден нож с дуговидной спинкой и канавкой для стока крови, отдалённо напоминающий карасукские кинжалы и датированный предварительно VII–VI вв. до н. э. (рис. 223, 27).⁸⁴

⁸⁰ См.: Генинг В. Ф., Ещенко Н. К. Могильник эпохи бронзы Черноозерье I // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5. Рис. 4, 11; Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья: препринт. Екатеринбург, 1994. Рис. 3: погр. 16, 1; погр. 17, 3. Рис. 11: погр. 67, 11 и др.; Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск, 1974. Ч. 4. Еловско-ирменская культура. С. 47, приложения. Рис. 88, 1.

⁸¹ Чиндина Л. А. Указ. соч. Рис. 7, 6.

⁸² См.: Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 46., рис. 23. (МИА; №24); Членова Н. Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 145, табл. 1, 14.

⁸³ Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 25.

⁸⁴ Бельтикова Г. В. и др. Исследование селищ конца бронзового — начала железного века на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2003. Вып. 1. С. 240.

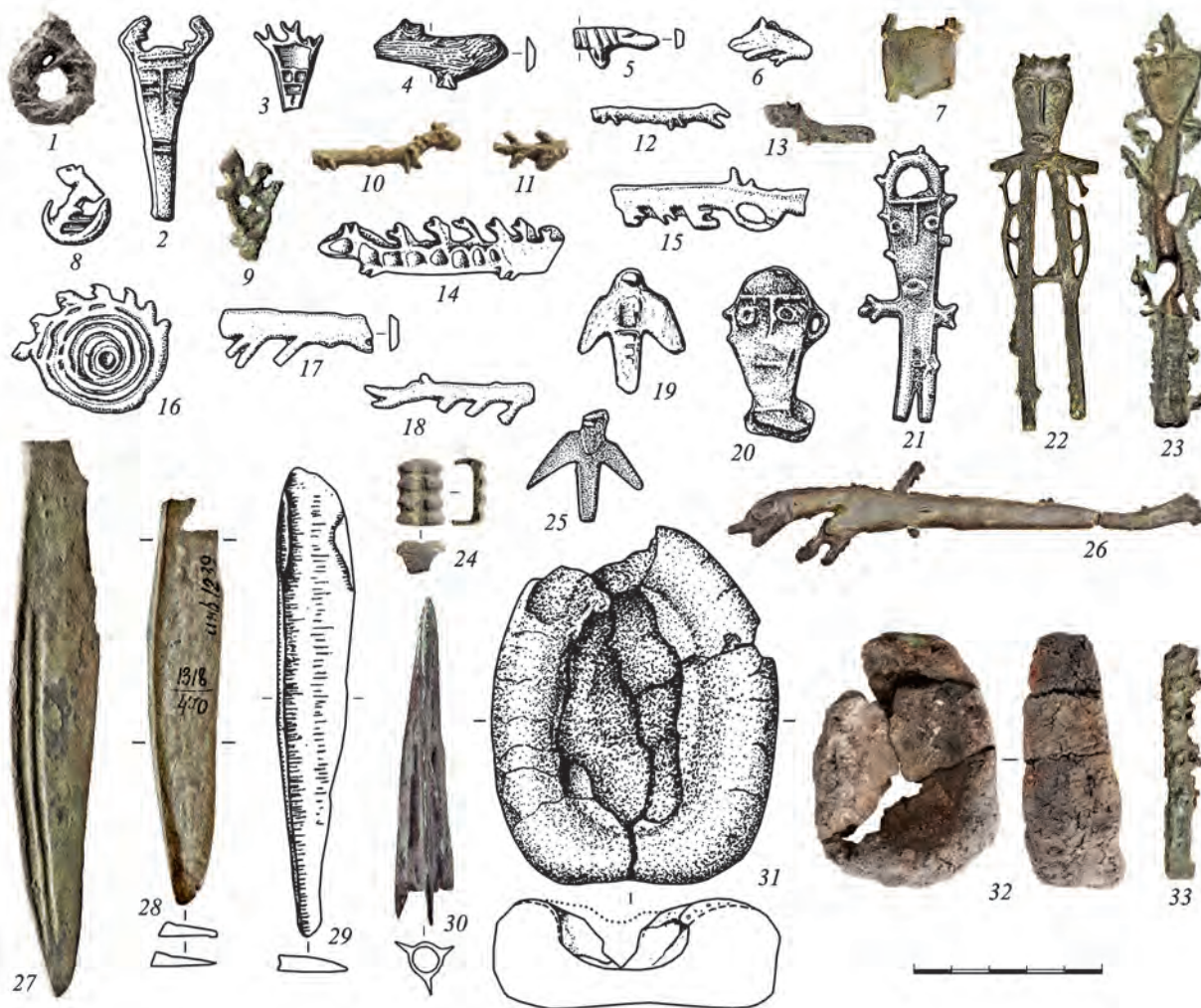

Рис. 223. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура.

Изделия из металла, тигли. 1, 32 — поселение Нёх-урий 3.2 (раскопки П. С. Бахарева, 2013 г.); 2 — селище Барсова гора III/19; 3, 4 — городище Барсов городок I/3; 5 — городище Барсов городок III/1; 6 — селище Барсова гора III/3, объект 230; 7, 10–12, 24 — селище Барсова гора I/21; 8, 9, 13–16, 19, 31 — селище Барсова гора III/49; 17 — селище Барсова гора III/22; 18, 20, 21 — селище Барсова гора IV/10; 22 — городище Стрелка; 23 — селище Мохтикъёган 4; 25 — селище Барсова гора III/72; 26, 33 — поселение Нёх-урий 3.4; 27 — селище Барсова гора III/74; 28 — селище Барсова гора I/11; 29 — поселение Вачим 7; 30 — селище Барсова гора III/38 (1, 32 — по: Бахарев, 2013; 22 — по: Кардаш, Пономарёва, 2010; 23 — фото А. Я. Труфанова; 26, 33 — по: Данилова, Бахарев, 2016; 27, 28 — фото по: СКМ АС, 2011) (31, 32 — глина, остальное — медь, бронза)

Единственный пока на белоярских памятниках бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой обнаружен в очаге жилища селища Барсова гора III/38. У него лопасти с прямым скосом, плавно сужающиеся к вершине, с длинными жальцами (рис. 223, 30). На селище Мохтикъёган 4 найден обломок наконечника (рис. 223, 34). Такие наконечники датируются Л. А. Чиндиной IV–II вв. до н. э. Близкие наконечники, но не со столь длинной втулкой, происходят с культового места на горе Кулайка и из Степановского поселения.⁸⁵ По своему абрису и пропорциям наконечник с Барсовой Горы напоминает двух-

⁸⁵ Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 34–35, рис. 12, 12–14.

и трёхлопастные наконечники из так называемых Степановских находок.⁸⁶ Кулайские, со ссылкой на Н. Л. Членову, датированы VII–VI вв. до н. э., степановские — VI–V и даже (крупных размеров) IV вв. до н. э.⁸⁷ К прототипам таких наконечников можно отнести стрелы, отливавшиеся в литейных формах с городища Инберень VI и существовавшие в VII (VIII–VII) в. до н. э.,⁸⁸ а также наконечники, соотносимые с красноозёрской культурой, происходящие с жертвенного места Окунево V. Время бытования последних определено в пределах VIII–VII вв. до н. э. — середины второй половины I тыс. до н. э.⁸⁹ или VII–VI вв. до н. э.⁹⁰ Таким образом, есть основания полагать, что наконечник с селища Барсова гора III/38 датируется IV в. до н. э. или даже более ранним временем.

Бронзовая рифленая накладка, возможно, связана с поясной гарнитурой. Аналогий ей нам не известно (рис. 223, 24). Обломок отдалённо похожей вещи был найден на кулайском поселении Амтуньох 3, но он был полукруглым в сечении и имел выпуклую продольную жилку, а не желобок.⁹¹

Обработка камня играла важную роль в жизни ранних «белоярцев». На памятниках этого времени найдены самые крупные коллекции изделий. Особенно впечатляющее собрание происходит с селища Барсова гора I/40–351 предмет, из них 123 орудия.⁹² Среди последних преобладают рыболовные грузила, инструменты ударного действия (молотки и отбойники) и абразивы. Единичны скребки и скрёбла, шлифованные изделия и наковальни. Остальные — куски породы (габбро, гранодиориты, кварциты и др.) и гальки — являлись сырьём для изготовления орудий. В одном из жилищ этого памятника найдено 227 предметов, среди которых 74 орудия, в том числе 45 рыболовных грузил. Вероятно, это жилище одновременно являлось мастерской по изготовлению грузил. Интересно, что в нём же были найдены зуб мамонта и глиняная антропоморфная скульптурка (рис. 224, 3). Каменные грузила, найденные на этом селище, удлинённой формы, округлые или подквадратные в сечении, несколько напоминают бруски с желобками у торцовых граней эпохи поздней бронзы. На других поселениях каменные изделия немногочисленны. Обычно в коллекциях представлены следующие категории орудий: шлифовальные плиты и абразивы, отбойники и ретушеры, песты и молоточки, тёрочки, наковальни. Они сделаны из разнообразных галек и булыжников с минимальной подработкой. Поэтому имеют индивидуальные формы и размеры. Рубящие орудия отсутствуют, что косвенно свидетельствует о широком использовании металлических изделий. Единственное каменное украшение — подвеска из серой гальки — происходит из раннего слоя на городище Барсов городок I/12 (селище Барсова гора I/11). В её верхней части сделан желобок, а в нём — сквозное отверстие.

На белоярских поселениях найдены 23 фигурки культового назначения, выполненные в технике плоского литья (рис. 223, 1–23, 25, 26, 33). Интересен объект 161 (наземное жилище)

⁸⁶ Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск, 1977. Рис. 23, 3–5; 24, 28, 37.

⁸⁷ См.: Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 42, 45, табл. 12, 23; Плетнева Л. М. Томское Приобье... С. 70–71, рис. 23, 3–5; 24, 28, 37.

⁸⁸ Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозёрская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 123, рис. 9, 1, 9, 10.

⁸⁹ Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994. С. 78–80, рис. 60, 1–4.

⁹⁰ Данченко Е. М. Южно-таёжное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н. э. Омск, 1996. С. 86–87, рис. 59, 1–3, 5–8.

⁹¹ Морозов В. М., Кондрашев А. Н. Результаты предварительного обследования поселения Амтуньох 3 // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. Томск, 2000. Вып. 1. Рис. 3, 4.

⁹² Сериков Ю. Б., Чемякин Ю. П. Указ. соч. С. 241–256.

Рис. 224. Ранний железный век Сургутского Приобья. Белоярская культура.
Глиняная пластика. 1 — селище Барсова гора III/72; 2, 3 — селище Барсова гора I/40; 4 — поселение Нёх-урий 3.2

селища Барсова гора III/49. С ним связана находка семи бронзовых фигурок (рис. 223, 8, 9, 13–16, 19). Часть из них залегала под дерном. Возможно, эта постройка была общественной или предназначалась служителю культа (шаману?). Но не исключено, что изделия были оставлены на этом месте во время какого-то обряда уже после того, как жилище покинули. Среди белоярских поделок есть древовидные изображения, зоо-, орнито- и антропоморфные. Преобладают простые зооморфные фигурки, стилизованные настолько, что определять их видовую принадлежность среди представителей реальной фауны (да и их ли отливали древние мастера?) представляется бессмысленным. Восемь вещей из белоярской коллекции сделаны в технике плоского безрельефного литья, семь — в технике плоского рельефного литья, остальные — плоские с минимальными элементами рельефа. Восемь фигурок с некоторой долей условности можно отнести к ажурным (рис. 223, 1, 8, 9, 14, 15, 21–23).

К культовым предметам, возможно, относится глиняная антропоморфная фигурка из жилища-мастерской по изготовлению каменных орудий на селище Барсова гора I/40в (рис. 224, 3). Подобные скульптурки были обнаружены ещё на трёх раннебелоярских поселениях: две на Барсовой Горе и одна в бассейне р. Аган (рис. 224, 1, 4). Следует отметить, что на рубеже бронзового и железного веков антропоморфная пластика широко распространяется в культурах Северной Евразии. Достаточно вспомнить поделки, найденные на бархатовских, гамаюнских,⁹³ ирменских,⁹⁴ сузгунских,⁹⁵ ананьинских, дьяковских и других памятниках лесостепной и южно-таёжной зон. Но белоярские фигурки достаточно оригинальны, их отличает большая «реалистичность», детализация лица, размеры.

⁹³ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... Рис. 24, 28.

⁹⁴ См.: Молодин В. И. и др. Глиняные скульптурки городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. Рис. 1; Мыльникова Л. Н., Чемякина М. А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск 2002. Рис. 13; и др.

⁹⁵ Голдина Р. Д. Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. Вып. 8: Археологические памятники Ишимской лесостепи. Отчёты уральской археологической экспедиции 1963–1964 гг. С. 155, табл. 77, 1.

В своём развитии белоярская культура прошла несколько стадий. Ранняя, очень короткая, характеризуется многочисленностью каменных орудий, близостью керамических комплексов позднебронзовым, наличием большого числа горшковидных сосудов (с вертикальной или слегка отогнутой наружу шейкой), единичных плоскодонных ёмкостей. Чуть позже основной формой керамики становятся котловидные сосуды, в том числе на поддонах. Среди орнаментов широко распространяются оттиски мелкоструйчатых, гребенчатых, крестовых штампов, позже появляются фигурные (треугольники, ромбы и др.), часто с зубцами внутри; доминируют же крупногребенчатый и штамп в виде короткой змейки. Со среднего периода широко распространяются городища. К нему относится и большая часть находок культового литья белоярской культуры. С поздней стадией связывается городище Барсов городок I/1, керамический комплекс которого представлен в основном котловидными сосудами, украшенными крупногребенчатым штампом. Однако такая хронологическая позиция городища объясняется только нашими представлениями об эволюции оборонительных сооружений и керамики, других, более объективных оснований нет.

По археологическим данным хозяйственная деятельность белоярского населения традиционна. Её основу составляли охота и рыболовство. Подтверждением этому служат немногочисленные костные остатки, главным образом, кальцинированные, найденные в заполнении очагов. Среди объектов охоты: северный олень, лось, бобр, белка, заяц, птица. Рыбы представлены костями осетровых, щуки, сиговых, карповых. По-видимому, были развиты деревообработка, косторезное, кожевенное и другие домашние производства. Наблюдается резкое падение камнеобработки и увеличение роли цветной металлообработки, о чём свидетельствуют многочисленные находки тиглей, капель бронзы и обломков вещей в жилищах. По-видимому, металлообработка существовала на уровне домашнего производства. Редкость находок готовых изделий при раскопках ещё не означает редкость металла в культурах: при дефиците сырья все пришедшие в негодность вещи снова переплавлялись. Источником металла могли служить скифские котлы и другие готовые изделия или слитки из разных металлургических центров. Наиболее вероятными были месторождения Казахстана и Алтая, в меньшей степени — Урала.⁹⁶ Косвенным подтверждением поступления металлических котлов в тайгу служат глиняные сосуды на поддонах, копирующие их форму (рис. 221, 8; 222, 1). Увеличение роли металла в жизни общества, торгово-обменные контакты с его поставщиками, вероятно, способствовали проникновению и новых религиозно-мифологических представлений, в том числе связанных с металлообработкой. Находки глиняной (на ранних памятниках) и бронзовой пластики могут свидетельствовать об изменениях в религиозных воззрениях.

Датирующих материалов на белоярских памятниках не найдено. Стратиграфические наблюдения и косвенные данные, в том числе аналогии керамике и вещевому комплексу, позволяют датировать её в пределах VIII/VII — IV/III вв. до н. э. Есть радиоуглеродные даты для раннебелоярского селища Мохтикьёган 4-2440±60 и 2400±120 радиоуглеродных л. н.,⁹⁷ или, в калиброванном значении, 747-412 и 753-391 л. до н. э. (68,3 %); 760-404 л. до н. э. и 802-202 л. до н. э. (95,4 %).

⁹⁶ Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тысячелетия до н. э. (предварительные результаты) // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения Томск, 2005. Вып. 1. С. 123-134.

⁹⁷ Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. С. 55.

Калинкинская культура

В VI–IV вв. до н. э. в Сургутском Приобье и на сопредельных территориях появляются племена калинкинской культуры (известно более 50 памятников, и около половины из них — в урочище Барсова Гора) (рис. 213). Эта культура была открыта одновременно с белоярскими древностями и тоже на Барсовой Горе.⁹⁸ Некоторые памятники оказались многослойными. Собственно, калинкинскими на Барсовой Горе можно считать 6 городищ и 14 селищ. Ещё три городища и семь селищ выявлены на берегу Кучиминского сора в окрестностях д. Сайгатина. Отдельные памятники обнаружены на оз. Нум-то, в бассейне р. Тромъёган, в районе заброшенной д. Ермаково и на р. Моховая, на левобережье р. Обь на Соровских озёрах и в бассейне р. Большой Юган. Близкий калинкинским по орнаментации сосуд происходит с Няксимволя (бассейн р. Северная Сосьва, разведка А. П. Зыкова, 1991 г.). К настоящему времени полностью или частично раскопано более 70 объектов калинкинской культуры (в том числе 42–45 — на Барсовой Горе), около 20 из них — на городищах. Термин «калинкинская культура» был предложен Ю. П. Чемякиным на VI Международном конгрессе финно-угроведов в 1985 г. (г. Сыктывкар).

Топография калинкинских поселений не отличается от топографии белоярских и поздне-бронзовых памятников. Пришельцы селились там же, где и местное население: в глубине леса и на берегу, на мысах и на ровных прибрежных участках. Отличалась планировка, в первую очередь, селищ. Несколько жилищ стояли в линию, стена к стене. Ещё две-три постройки обычно находились сбоку от основного ряда (рис. 225). Плотность застройки такова, что нередко внешние ямы или канавы являлись общими для двух соседних построек. Такая планировка типична для калинкинских поселений Барсовой Горы и Сайгатина — двух урочищ на правом берегу р. Обь в окрестностях современного Сургута. В других местах, где открыты калинкинские селища, известна неупорядоченная застройка (рис. 225, 2). Площадь посёлков — 900–5200 кв. м, количество построек в них — от 5 до 12 (площадь самого большого известного селища Угутское 29 определена в 18 000 кв. м, и на нём исследовано 15 объектов).⁹⁹

Среди городищ есть лесные и береговые, площадь их в целом меньше, чем белоярских. Лесные городища подчетырёхугольные, два из них изучены практически полностью (Барсов городок III/2 и III/4). На городище Барсов городок III/4, площадь которого всего 260 кв. м, находилось два наземных жилища (рис. 225, 4). О выходах и их количестве судить нельзя, так как памятник был серьёзно повреждён строителями. Площадь городища Барсов городок III/2 больше — около 650 кв. м (рис. 226). У него были два выхода с противоположных сторон. На внутренней площадке с южной стороны располагались три больших наземных жилища. Рядом с крайними находились ещё по одной маленькой углублённой постройке. Значительная часть пространства перед северным выходом не была застроена. В двух жилищах вдоль длинной оси были сооружены по два очага. В третьем, углублённом в центральной части, находился один

⁹⁸ См.: Чемякин Ю. П. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье... С. 42–43; Чемякин Ю. П., Кортаев В. П. Указ. соч. С. 49–62; Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье... С. 104–118.

⁹⁹ Аварийные археологические раскопки селища Угутское 29 на территории Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2010–2011 гг.: отчёт о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; М. В. Коноваленко. Нефтеюганск, 2011. Кн. 1. 249 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 323. С. 10–11. Автор благодарен М. В. Коноваленко за предоставленную информацию.

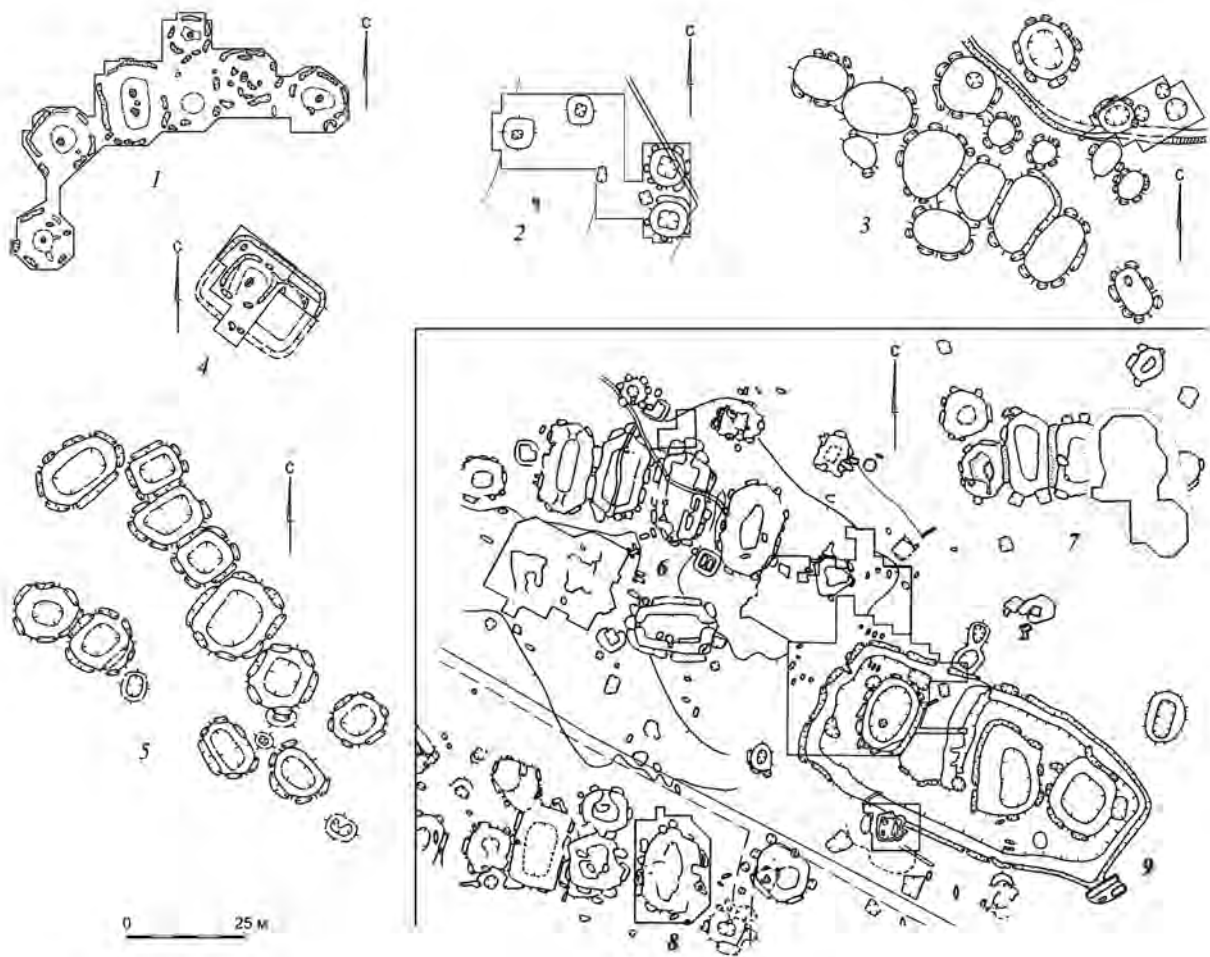

Рис. 225. Ранний железный век Сургутского Приобья. Калининская культура.

Планы селищ и городищ: 1 — селище Барсова гора I/43; 2 — селище Моховая 83 (по: Боброва, Рудковский, 2008); 3 — селище Барсова гора III/24; 4 — городище Барсов городок III/4; 5 — селище Кучиминское XVIII; 6 — селище Кучиминское III; 7 — селище Кучиминское XXII; 8 — селище Кучиминское XXII; 9 — селище Кучиминское XIII

очаг. Возможно, оно соединялось наземным переходом с подпрямоугольной полуземлянкой площадью 16 кв. м с небольшим очагом в центре. Пятая постройка — тоже подпрямоугольная полуземлянка глубиной до 0,8–0,9 м, площадью 12 кв. м — находилась в юго-западном углу городища. Реконструкция жилищ затруднена, так как западная половина памятника была разрушена при сооружении кулайского городища Барсов городок III/3 и современным строительством. В свою очередь ров калинкинского городища с восточной стороны частично нарушил остатки белоярского жилища. Таким образом, была выявлена последовательность смены культур в регионе. Городища окружали невысокий вал и мелкий неширокий ров, служившие, скорее, не для защиты, а для подчёркивания особого статуса его обитателей. Хотя последнее нуждается в других доказательствах (и в других аргументах). Известны и небольшие неукреплённые поселения, в которых проживали всего две-три семьи. Однако не все городища были такими маленькими. В урочище Сайгатино известны укрепленные поселения, на внутренних площадках которых зафиксированы руины семи и девяти построек.

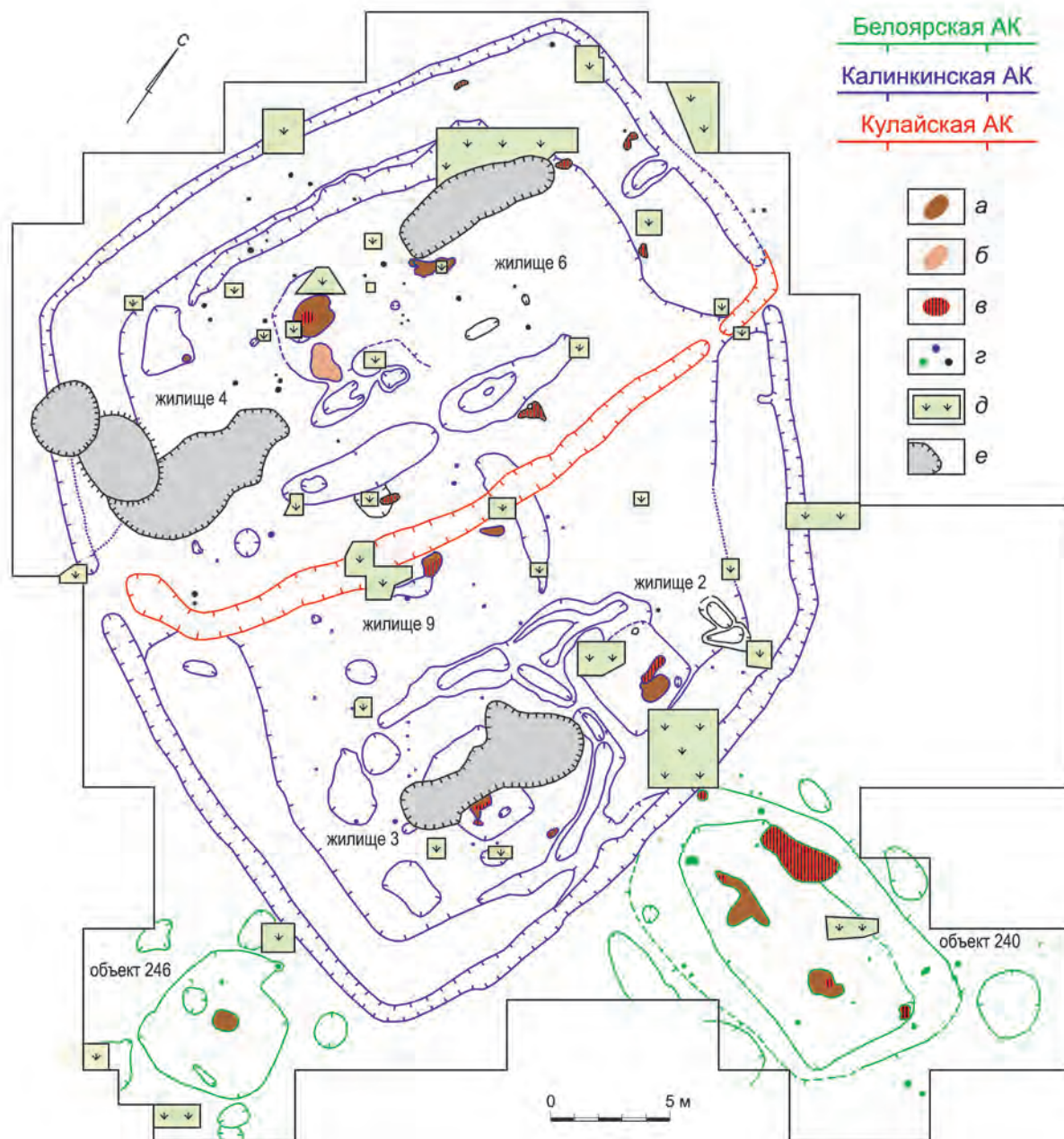

Рис. 226. Ранний железный век Сургутского Приобья. Калинкинская культура. Городище Барсов городок III/2. Условные обозначения: 1 — очаги; 2 — выкиды из очагов; 3 — прокалы; 4 — ямки от столбов; 5 — деревья, кусты; 6 — современные нарушения; 7 — керамика

Береговые городища имели прямоугольную или треугольную форму (последняя, возможно, получилась в результате обрушения береговой кромки) и с трёх сторон были ограждены небольшим валом и рвом. Интересно Кучиминское XIX городище, расположенное под углом к краю пологого берега, переходящего в пойму, и окружённое оборонительной системой со всех четырёх сторон. Площадь береговых памятников — от 1600 до 2400 кв. м. Застройка их однорядная (Кучиминское XIII, XIX, рис. 225, 8) или двухрядная (Барсов городок I/13). Все жилища на городищах, судя по внешнему виду их остатков, были наземными. На ряде городищ в урочище Барсова Гора были выявлены слои и сооружения с калинkinской керамикой, перекрывающие белоярские. Частичное использование рва белоярского городища при сооружении калинkinских укреплений отмечено на городище Барсов городок I/13.

Новое население обитало в жилищах, похожих на постройки коренных жителей Среднеобья. До раскопок они представляли собой, как правило, подпрямоугольные, реже квадратные или округлые приподнятые площадки, окружённые обваловками и внешними ямами. Среди них есть объекты как с выраженными углублениями (впадинами) в центре, так и без них. Ямы по периметру часто имели вид длинных канав, что, наряду с характером застройки и уровнем приподнятости площадок, даже внешне отличает калинkinские объекты от объектов других культур.

Вероятно, это были сооружения с каркасно-столбовой, реже, возможно, со срубной конструкцией (рис. 227). По размерам они делятся на три группы: 12–30, 35–100 и 120–175 кв. м. Первую составляют в основном хозяйственные постройки без очагов, но среди них есть и прямоугольные полуземлянки с небольшими очагами. Возможно, от хозяйственных остались и большие округлые внешние ямы, расположенные на углах жилищ. Подобно белоярским, они могли представлять собой шалаши. Вторая группа — самая большая из раскопанных. Определить, где находились стены наземных жилищ, часто затруднительно. Судя по тому, что за пределами неглубоких котлованов сохранился погребённый подзол, строители часто не убрали лесную подстилку внутри дома, а перекрывали её вдоль стен шкурами, плахами или иным материалом. Снаружи лесная подстилка сохранялась, засыпанная песком из внешних ям и канав, являясь своеобразной завалинкой, которая, когда дом ветшал и покидался, оплывала внутрь, перекрывая обломки посуды, забытые или оставленные вещи. Таким образом, стена проходила где-то под обваловкой остатков построек. В большинстве случаев археологами реконструируются прямоугольные сооружения. Но есть поселения, где учёные предполагают жилища в виде чумов, с округлым внутренним пространством (например, селище Моховая 83¹⁰⁰). Третью группу составляют жилища с двумя очагами, расположенными вдоль продольной оси; все они раскопаны на селищах (рис. 227, 2, 4).

Выходы не фиксировались практически во всех сооружениях. Наиболее вероятно, что они находились с короткой стороны по центру или на углу. Двери могли быть приставными или откидными. Для реконструкции внешнего вида и интерьера жилищ данных мало. Небольшие ямы, зафиксированные в некоторых жилищах посередине коротких противоположных стен, могли остаться от центральных столбов, на которых лежала коньковая балка. В таком случае достаточно вероятны двускатные крыши. Угли, расчищенные в углу одного из жилищ на селище Кучиминское XXIII, могли быть как остатками нар, так и рухнувшими стенами из жердей. В ряде жилищ обнаружены ямы, часто рядом с очагами, в заполнении которых были фрагменты тиглей, керамика, кости лошадей. Обломки тиглей и сосудов найдены и в очагах, вокруг которых сосредотачивалась хозяйственная деятельность.

---

¹⁰⁰ Боброва А. И., Рудковский С. И. Указ. соч. С. 128–138.

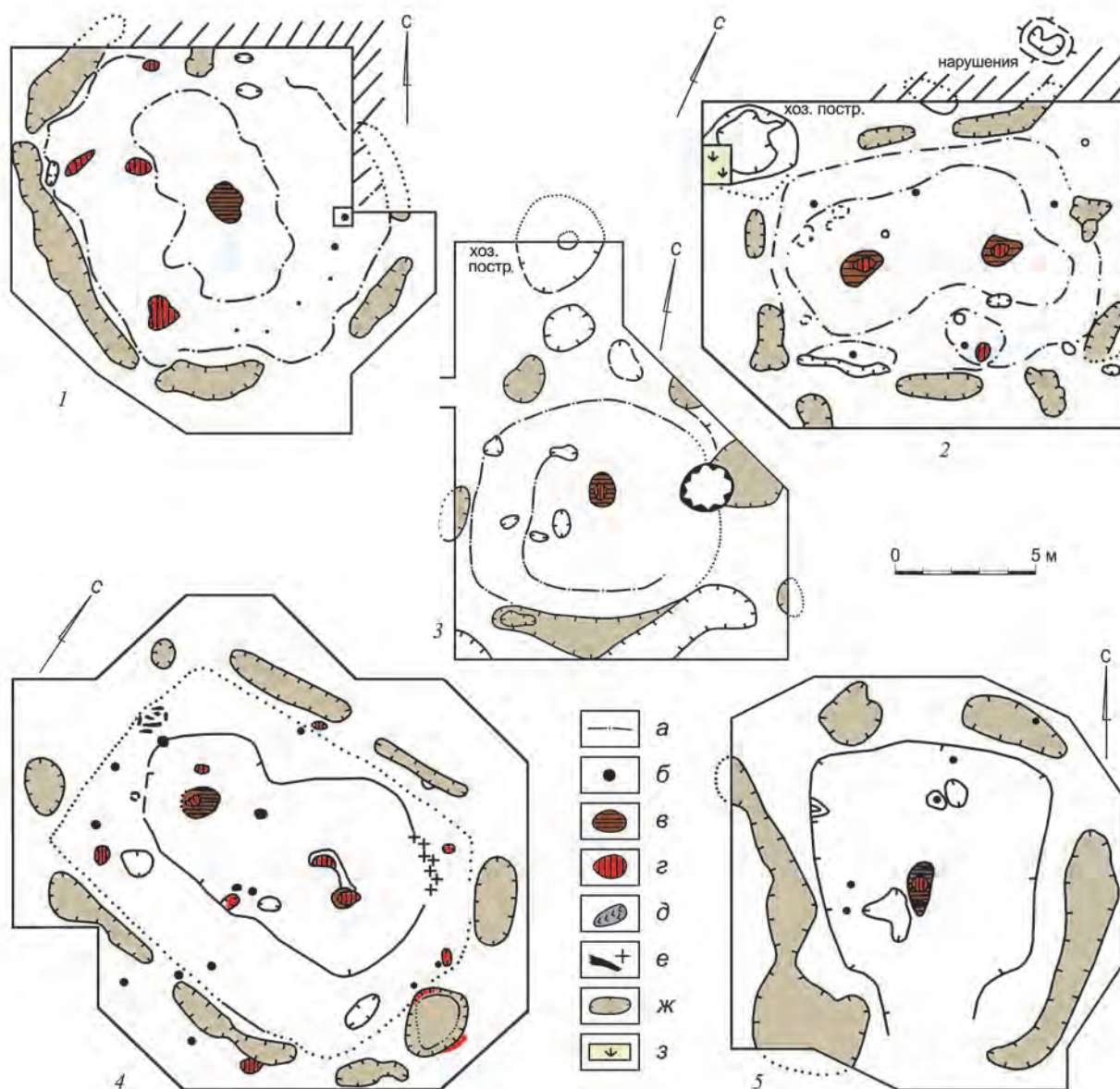

Рис. 227. Ранний железный век Сургутского Приобья. Калинкинская культура.

Планы построек: 1 — селище Барсова гора III/11; 2 — селище Барсова гора III/8, объект 271, хозяйственная постройка; 3 — городище Барсов городок I/13; 4 — селище Барсова гора III/8, объект 267; 5 — селище Кучиминское XXIII (условные обозначения см. рис. 217)

Погребальный обряд калинкинского населения до сих пор не известен.

Калинкинское население вело традиционное для таёжной зоны хозяйство, основу которого составляли охота, рыболовство и собирательство. О нём свидетельствует и малочисленный остеологический материал, главным образом мелкие фрагменты кальцинированных костей из очагов. Найдены кости зайца, бобра, куных, рыб. Новым для характеристики хозяйства данной территории являются кости лошади, найденные на пяти памятниках. Пока нельзя сказать, было здесь собственное коневодство или лошадей закупают (меняли) в более

южных районах, возможно, для ритуальных целей. Но в любом случае знакомство пришельцев с элементами скотоводства неоспоримо. Кости лошади в регионе отсутствуют как на более ранних памятниках — эпохи бронзы, так и на одновременных белоярских.

Лучше всего в археологическом материале представлено керамическое производство. Калининские сосуды чашевидной или котловидной формы, декорированы гладким или гребенчатым штампами и рядами жемчужин (ямки) под венчиком (рис. 228, 17). Встречаются ёмкости на поддонах. На трёх памятниках найдены единичные плоскодонные формы. Своеобразным маркером культуры являются глиняные сосуды, украшенные поясками расположенных в шахматном порядке горизонтальных оттисков штампа, часто заключённых между поясками вертикальных или наклонных оттисков этих же штампов. На поздней керамике заметно влияние белоярских стереотипов. Преобладают сосуды чашевидной (с вертикальной или слабо отогнутой высокой шейкой и прямыми плечиками) и горшковидной формы (с короткой слабо профилированной шейкой). Котловидных и промежуточных форм меньше. На городище Барсов городок I/13 найдена четырёхугольная чашечка, аналогичная белоярским (возможно, это результат контактов между двумя группами населения) (рис. 229, 3). Небольшие сосудики выдавливались из цельного куска глины. Более крупные ёмкости формовались жгутами или лентами, а также при помощи лоскутного налёпа. На внутренней поверхности нескольких изделий зафиксированы отпечатки рубчатой формы-основы. В глине, из которой калининские гончары делали сосуды, преобладает примесь шамота, иногда крупнозернистого. Встречаются также мелкие зёрна лимонита или охры, мелкий песок, органика.

Украшалась обычно верхняя часть сосудов, венчики и, если были, поддоны. В композициях ярко выражена зональность: зона под венчиком (на шейке), зона без узоров, зона на плечиках и верхней части тулова. Узор на первой зоне представлял собой пояски из вертикальных или наклонных оттисков штампа. Иногда верхняя зона не украшалась. Под ней, изредка накладываясь на неё, наносился разделительный поясик из жемчужин, ямок или их сочетания. Композиции нижней зоны более разнообразны. Кроме горизонтальных линий, поясков вертикальных или наклонных оттисков штампа, здесь есть пояски из оттисков, расположенных в шахматном порядке или сгруппированных по три-пять. Последние часто заключены между поясками вертикальных или наклонных оттисков. Реже встречаются зигзаги, меандры, треугольные фестоны.

Вся посуда орнаментировалась штампами. Преобладает гладкий штамп, не всегда имеющий чёткие прямоугольные очертания. В среднем около половины сосудов украшены с его помощью. Чуть меньше трети ёмкостей декорированы коротким гребенчатым штампом, 5 % — штампом в виде уточки, другие штампы единичны.

Анализ большой группы керамических коллекций с калининских памятников привёл Н. В. Шатунова к выделению трёх групп керамики, различавшихся следующими деталями.¹⁰¹ В первой группе резко преобладает гладкий штамп; больше, чем в других группах, отпечатков уголкового штампа и узоров в виде оттисков, чередующихся в шахматном порядке (рис. 228). Во второй появляются штампы в виде змейки или уточки. Они есть и в третьей группе. Кроме того, в третьей группе много горизонтальных линий, присутствуют узоры из ямочных вдавлений, преобладают разделительные пояски из одних ямок, часто сквозных (рис. 229). В ней много баночных сосудов, что сближает её с белоярской керамикой. Причины различий могут лежать как во временной, так и в пространственной плоскостях. Если

¹⁰¹ Шатунов Н. В. Развитие орнамента на посуде раннего железного века Сургутского Приобья. Дипломная работа. Екатеринбург, 1993 // Архив Археологического музея УрФУ. Ф. III. Д. 355.

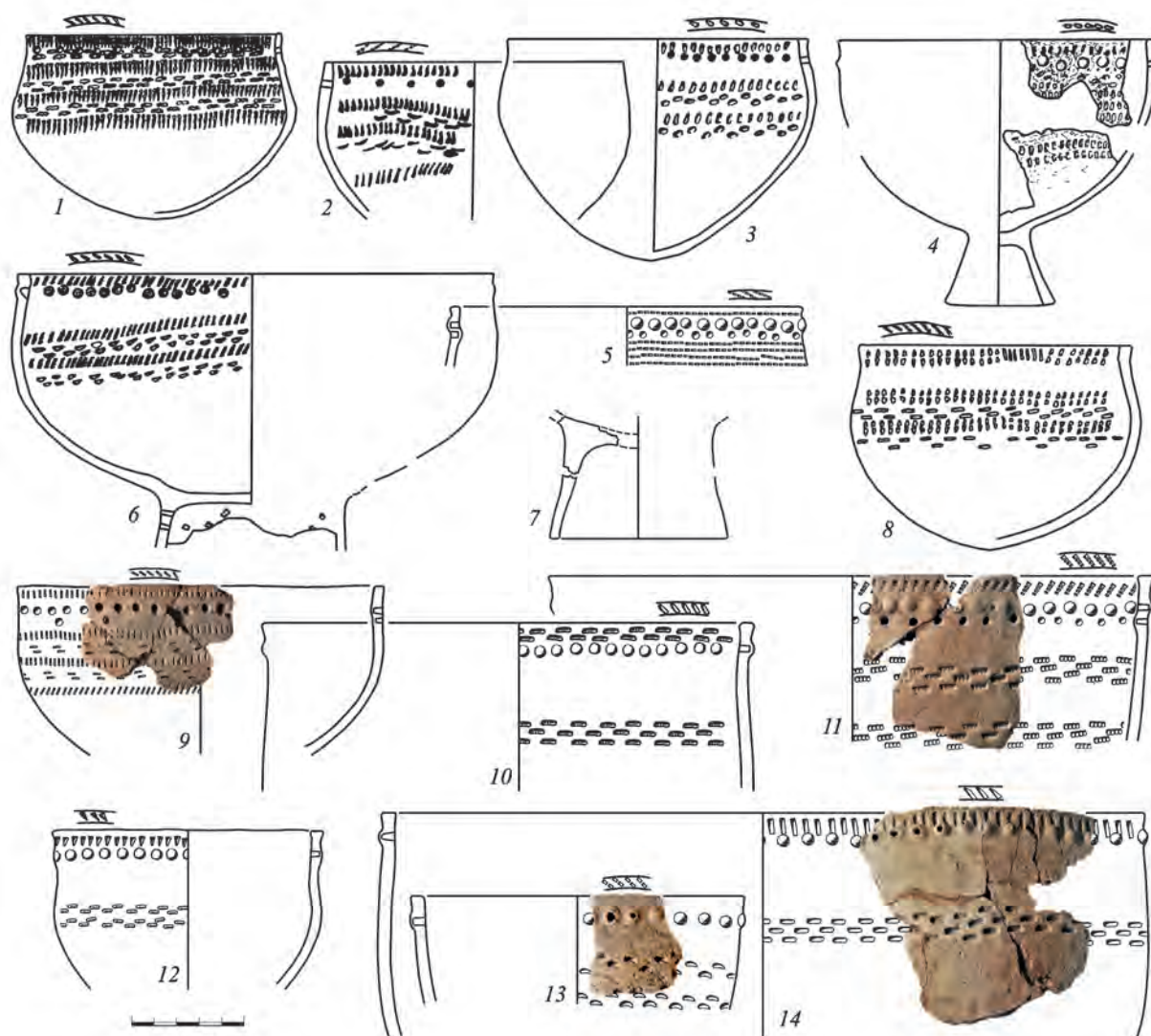

Рис. 228. Ранний железный век Сургутского Приобья. Калинкинская культура.
Керамика. 1, 3, 4, 8 — селище Барсова гора III/20; 2, 6 — городище Кучиминское XIX; 5, 7, 9–14 — городище Барсов городок III/2

первую и третью группы составляют в основном памятники Барсовой Горы, то во второй преобладают кучиминские селища. Отличия между первой и третьей группами имеют хронологический характер. Первая имеет наименьшее сходство с керамикой других культур раннего железного века Сургутского Приобья. Наибольшая близость к белоярской посуде — у второй и третьей групп керамики, а к кулайской — у третьей. Несколько отличающийся хронологический ряд калинкинских памятников на основе изучения керамики был выстроен С. А. Гусевым.¹⁰² Но оба автора среди поздних поселений называют селище Барсова гора I/43. Керамике этого памятника близки сосуды селищ Моховая 83 и Угутское 29.

¹⁰² Гусев С. А. Керамика калинкинской культуры Сургутского Приобья // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 216–217.

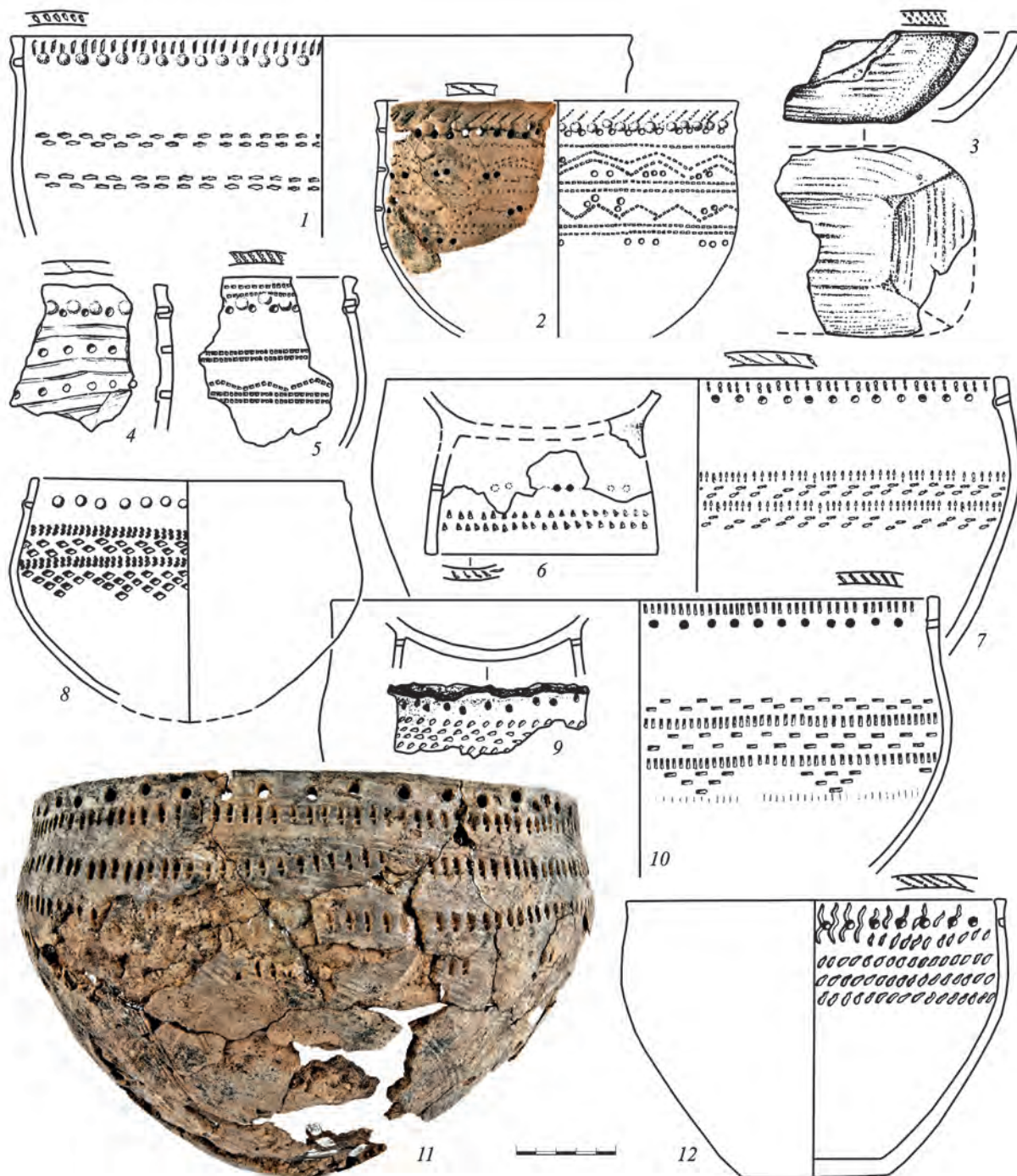

Рис. 229. Ранний железный век Сургутского Приобья. Калинкинская культура.
 Керамика: 1–3 — городище Барсов городок 1/13; 4, 5 — городище Барсов городок 1/8; 6, 8–10, 12 — селище Барсова гора 1/43;
 7 — селище Кучиминское XIII; 11 — селище Моховая 83 (фото по: СКМ АС, 2011)

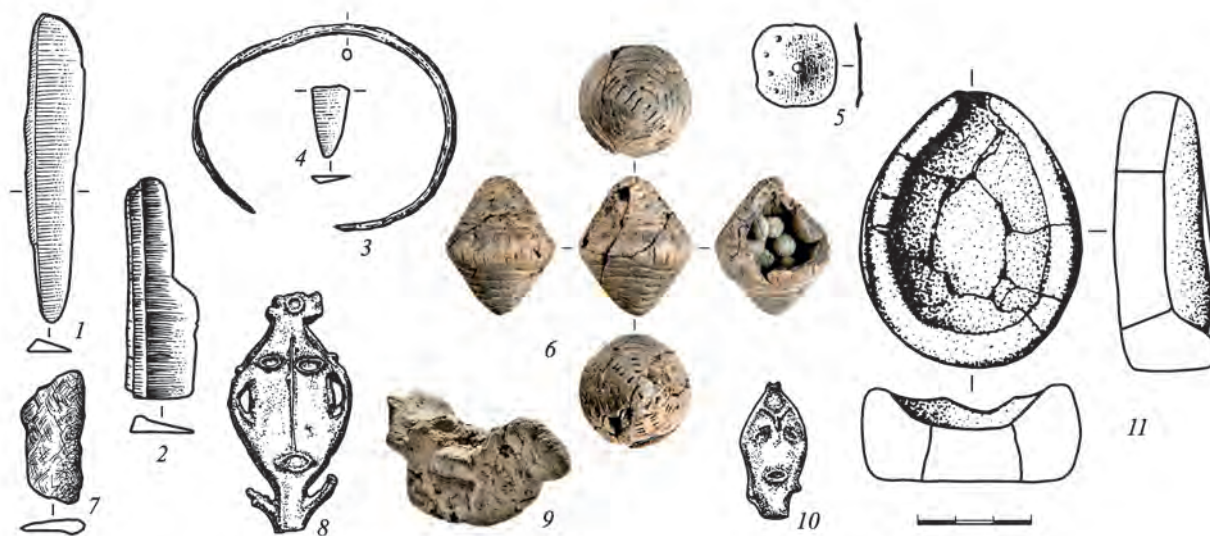

Рис. 230. Ранний железный век Сургутского Приобья. Калинкинская культура.
 Вещи: 1, 5 — селище Барсова гора III/7; 2 — городище Барсов городок I/28; 3, 11 — селище Барсова гора I/43; 4 — селище Барсова гора III/13; 6, 9 — селище Моховая 83; 7 — городище Нум-то II; 8 — городище Кучиминское IV; 10 — городище Кучиминское XIX (6, 9, 11 — глина, 7 — железо, остальное — медь, бронза) (фото по: СКМ АС, 2011)

Инвентарь калинкинской культуры небогат. Каменные изделия невыразительны: тёрочки, молоточки, шлифовальные плиты, лощила, сделанные, за неимением хорошего сырья, из крупных галек и булыжников. Глиняная пластика единична: орноморфные фигурки (рис. 230, 9), керамические шумящая подвеска (рис. 230, 6) и бусины, в том числе, орнаментированные.

Цветная металлообработка представлена большим числом тиглей (рис. 230, 11), аналогичных белоярским, и каплями металла, что свидетельствует о развитости этого производства. Бронзовых предметов немного: однолезвийные ножи (рис. 230, 1, 2, 4), проволочный браслет (рис. 230, 3), бляшки (рис. 230, 5). Редкие образцы металлопластики представлены личинами (рис. 230, 8, 9), зооморфной фигуркой и прямоугольными решётками. На селище Угутское 29 (бассейн Большого Югана) найдена накладка с головами грифонов,¹⁰³ почти идентичная происходящей из могильника Почта-3 (Новосибирское Приобье, V-IV вв. до н. э.). Она свидетельствует о связях со степным миром, скорее, в южном или юго-восточном направлении. Близкие накладки известны и в Приуралье,¹⁰⁴ но между ними больше отличий, и связь с этим регионом менее вероятна. (Интересно, что из грабительских раскопок кулайского святилища на городище Барсов городок I/9 тоже происходит накладка с грифонами, но она аналогична кара-абызским накладкам из Приуралья). Знакомство с железом зафиксировано лишь на одном городище в верховьях Казыма (рис. 230, 7).

Многолетние раскопки в уникальном по концентрации археологических памятников урочище Барсова Гора на правом берегу р. Обь около г. Сургута позволили не только создать

¹⁰³ Коноваленко М. В. Указ. соч.

¹⁰⁴ Воробьева С. Л. Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 52-59.

региональную периодизацию древностей, но и поставить ряд дискуссионных вопросов. Существует точка зрения, что ведение присваивающего хозяйства на такой ограниченной площади, как урочище Барсова Гора, возможно лишь для одного хозяйственного коллектива, состоящего максимум из нескольких десятков человек.¹⁰⁵ Однако, судя по исследованным памятникам, в конце бронзового и начале раннего железного веков в урочище на разных поселениях могли одновременно проживать носители двух разных культур, в частности, барсовской и атлымской, белоярской и калинкинской. Эти коллективы, по-видимому, были малочисленными и даже могли составлять одну хозяйственную единицу (например, территориальную общину). В этом урочище зафиксированы и случаи перекрывания белоярских объектов калинкинскими. Известны совместные находки белоярских и калинкинских материалов. Видимо, калинкинские племена появились в регионе в то время, когда белоярское население, обитавшее здесь изначально, вступило во вторую стадию своего развития.

Возникшие в это время городища отражают сложный характер взаимоотношений населения этих двух групп. Наличие общих черт в материальной культуре белоярских и калинкинских племён, их последующая эволюция, результатом которой явилось формирование кулайских древностей, свидетельствуют о постепенной ассимиляции пришлого населения аборигенным и возникновении на этой основе новой культуры — сургутского варианта кулайской общности.

Наиболее вероятной датой существования калинкинских памятников в Сургутском Приобье следует считать VI–IV вв. до н. э. Датировка накладки с грифонами ей не противоречит. Существует несколько радиоуглеродных дат с селища Моховая 83,¹⁰⁶ но при калибровке все они попадают в Гальштатское плато, то есть охватывают практически весь период существования культуры.

До сих пор не известна территория, откуда могли выйти носители калинкинской культуры. Оригинальная планировка поселений, керамика, знакомство с элементами скотоводства позволили в своё время высказаться в пользу южного (юго-восточного) происхождения культуры.¹⁰⁷ Открытие памятников к югу от основного ареала, на Соровских озёрах и в бассейне р. Большой Юган, не противоречит этой гипотезе. Отдалённое сходство некоторых черт калинкинской культуры отмечено с раннекулайскими (по Л. А. Чиндиной) древностями Васюганья, а также с новочекинской культурой. Косвенно на южный характер пришельцев указывает металлопластика, найденная на селище Угутское 29 (бассейн р. Большой Юган). Накладка с головами грифонов отражает связи со степным миром, скорее, в южном или юго-восточном направлении. Близкие накладки известны и в могильнике Новочекино-2.¹⁰⁸

Н. В. Полосьмак отмечала таёжный характер новочекинской культуры и близость её поселений (подчетырёхугольные жилища, окружённые канавками или ровиками, расположенные ровными рядами) памятникам калинкинской культуры Барсовой Горы, а также Васюганья.¹⁰⁹ К сожалению, новочекинский поселенческий материал практически не издан,

¹⁰⁵ Косинцев П. А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 52.

¹⁰⁶ Боброва А. И., Рудковский С. И. Указ. соч. С. 129, 133.

¹⁰⁷ Чемякин Ю. П. Проблемы археологии раннего железного века в Сургутском Приобье // Проблемы археологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири, Барнаул, 1991. С. 127.

¹⁰⁸ Полосьмак Н. В. Указ. соч. Рис. 41, 3, 5.

¹⁰⁹ Там же. С. 59.

а опубликованная посуда отличается от калинкинской. Что касается васюганской керамики, то наблюдается некоторое сходство с калинкинскими сосудами Нововасюганского поселения.¹¹⁰ Н. В. Полосьмак полагает, что новочекинская керамика маркирует проникновение северных (таёжных) групп населения в лесостепную Барабу, без указания района исхода.¹¹¹

Исходя из степени исследованности территорий к югу от Сургутского Приобья, можно предположить, что исходным районом, территорией формирования калинкинской культуры может быть Васюганье. Но без точной её локализации пока трудно говорить о причинах миграции калинкинского населения. Материалы Барсовой Горы демонстрируют сосуществование поселений аборигенов и мигрантов на ограниченной территории, их взаимодействие, в результате которого формируется сургутский вариант кулайской культуры.¹¹² Таким образом, кулайские древности в регионе — не следствие миграций (из Нарымского Приобья), а результат трансформации местных культур. Роль калинкинских племён в этой трансформации в разных районах Сургутского Приобья ещё предстоит определить.

---

¹¹⁰ Кирюшин Ю. Ф. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. Табл. 8, 7, 8.

¹¹¹ Полосьмак Н. В. Указ. соч. С. 108.

¹¹² Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность... С. 78.

Глава 4

Белоярско-васюганский этап в Нижнем Приобье

Лозьвинские памятники в Северном Зауралье и Нижнем Приобье трансформируются в кульминские и вагильские (северный вариант гамаюнской культуры). Процесс этой трансформации до конца не выяснен. Если генезис вагильских памятников от лозьвинских (при участии атлымских) обосновывается близостью типов построек, глиняных штампов-пинтадеров, орнаментальных мотивов на керамике,¹¹³ то кульминская керамика по многим параметрам отличается и от лозьвинской, и от атлымской.

Кульминский тип памятников

Этот оригинальный тип посуды В. Д. Викторова выделила в 1967 г. по материалам Туманского IV селища. Селище находится на р. Кульма в бассейне р. Тавда. Малочисленность разведочных коллекций не позволили ей всесторонне охарактеризовать его, выяснить его генезис и исторические судьбы. В. Д. Викторова писала, что границы распространения кульминской посуды в общих чертах совпадают с распространением памятников вагильского варианта гамаюно-каменогорской культуры. Она не видела никаких черт преемственности этой керамики с местной и её влияния на последующее развитие местной посуды.¹¹⁴ Неясностей было так много, что, предлагая схему (этапы) развития керамики с фигурно-штампованной орнаментацией из бассейна р. Тавда на совещании 1970 г. в Томске, она даже не упомянула о кульминском типе.¹¹⁵ По её мнению, «назвать сколько-нибудь близкие аналогии к ней (кульминской керамике — Ю. Ч.) из зауральских культур затруднительно. Можно лишь констатировать факт, что все узоры на этих сосудах имеют зауральское происхождение, что самая характерная, на наш взгляд, черта — подчёркивать узор бахромой из насечек — встречается на сосудах горного и лесостепного Зауралья в эпоху развитой бронзы».¹¹⁶

¹¹³ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... С. 134–135.

¹¹⁴ Викторова В. Д. Археологическая карта рр. Тура и Тавда (опыт систематизации и периодизации археологических памятников): дис. ... канд. ист. наук. Т. 1, 2. — Свердловск, 1967 / Архив Археологического музея УрФУ. Ф. III. Д. 127. С. 114.

¹¹⁵ Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 254–270.

¹¹⁶ Викторова В. Д. Археологическая карта рр. Тура и Тавда... С. 115.

В свою очередь сходство тавдинской керамики с посудой из Нижнего (Тюменского) Приобья привели к тому, что В. Д. Викторова включила эту территорию в кульминский ареал.

Активные работы с начала 1970-х гг. на территории Ханты-Мансийского автономного округа привели к открытию большого количества древностей кульминского типа в бассейне р. Конда. На ряде памятников фрагменты кульминской керамики были найдены вместе с посудой северного (вагильского) варианта гамаюнской культуры. Но в целом, по мнению В. А. Борзунова, вагильский и кульминский ареалы различаются. Основной ареал вагильских памятников — низовья рр. Сосьва и Лозьва,¹¹⁷ в то время как кульминские древности сконцентрированы в бассейне р. Конда (рис. 213). Сегодня известно около 100 памятников, на которых обнаружена кульминская керамика (11 городищ, 7 местонахождений, остальные — поселения). Из них около 80 находятся в бассейне р. Конда, по 11 — в бассейне р. Тавда и в Нижнем Приобье, вплоть до Полярного круга (поселение Корчаги 5). С одной стороны, такое распределение отражает степень изученности территорий. С другой — достаточно вероятно, что бассейн р. Конда — основной ареал кульминских древностей.

В позднем бронзовом веке он был плотно заселен популяциями — создателями лозьвинской культуры. В настоящее время известно более 200 лозьвинских поселений и местонахождений керамики,¹¹⁸ большая часть которых находится в кондинском крае. Время существования лозьвинских памятников р. Конда может быть определено концом II — началом I тыс. до н. э. В раннем железном веке они сменяются поселениями с кульминской керамикой.¹¹⁹ Кульминские материалы были получены при раскопках 17 памятников, но только на трёх из них выявлены остатки четырёх жилищ и следы лёгких построек (поселения Геологическое III, Большая Умытья 58, Лемья 19.1); ещё на четырёх поселениях обнаружены открытые кострища и ямы с кульминской посудой. На остальных памятниках встречены лишь отдельные фрагменты и небольшие скопления кульминской посуды, что свидетельствует о кратковременном пребывании населения начала железного века в данных местах (временные стоянки рыбаков и охотников).

При отсутствии публикаций возникла ситуация, когда, несмотря на значительное число выявленных памятников с кульминской керамикой, в среде археологов не сложилось единого представления о последней. Кульминские коллекции почти не охарактеризованы, в немногочисленных статьях часто лишь упоминается наличие фрагментов таких сосудов, в лучшем случае с публикацией некоторых из них. А это приводит к различному пониманию «кульминского типа посуды». В литературе присутствует и термин «кульминский тип памятников», под которым понимают поселения и местонахождения с кульминской керамикой.

Можно отметить, что среди кульминских сосудов преобладают горшковидные сосуды с прямой или отогнутой наружу короткой шейкой и закрытые ёмкости баночной или котловидной формы с округлым дном. Шейки на ряде сосудов утолщены изнутри, что характерно для гамаюнской и восточного варианта иткульской (юртоборской) керамики. Нечасто, но встречаются и воротнички по верху шейки, вызывающие отдалённые ананьинские ассоциации. Узор обычно покрывает верхнюю треть или половину ёмкостей и выполнен штам-

¹¹⁷ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... Рис. 1, 3.

¹¹⁸ Сладкова Л. Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таёжного Зауралья — Западной Сибири // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 164.

¹¹⁹ Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 99.

пами, реже — насечками, тонкими резными линиями. Наиболее распространён гребенчатый (с мелкими зубцами) штамп, но использовались и другие, в том числе фигурные: в виде волны, змейки, ромба, треугольника и т. п. Встречаются разные варианты гладкого штампа и, редко, отпечатки шнура. Часто применялась прокатка штампа, что характерно также для лозьвинской и гамаюнской, включая её вагильский вариант, керамики. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясками из вертикальных или наклонных оттисков этих штампов, наклонными колонками из них же, зонами взаимопроникающих треугольников или параллелограммов, вложенных углов, ромбической сеткой. На переходе от шейки к плечу — 1–2 ряда ямок (круглых, треугольных или ромбических), редко встречаются жемчужины. В глиняном тесте обычна примесь песка, часто крупнозернистого, дресвы, мелкой гальки, шамота.

Среди исследованных коллекций выделяются керамические комплексы поселения Геологическое III отсутствием в нём емкостей, украшенных взаимопроникающими треугольниками, вложенными углами и рядами сдвоенных ямок (рис. 231, 1–4), и стоянки Сатыга XVIIa — отсутствием в разделительных поясках на сосудах ямок треугольной и ромбической формы. Подобные различия могут носить как локальный, так и хронологический характер. Но, несмотря на них, кульминская посуда в бассейнах рр. Тавда и Конда выглядит достаточно единообразно. Другая картина наблюдается на памятниках Белогорского материка. Здесь, в средней части нижнего течения р. Обь, можно выделить комплексы перегребнинского и низямского кустов. Их сходство с кондинскими коллекциями выражается в форме сосудов, наличии воротничков на шейках, поясков из ямок ромбической формы в основании шейки, а также в наклонных колонках из оттисков гребенчатого или гладкого штампа на плечиках ёмкостей. Однако, с одной стороны, подобные признаки распространены шире кульминского ареала. С другой — обеднённая по сравнению с тавдинско-кондинским вариантом орнаментация может означать и локальные, и хронологические различия.

Иная ситуация с ендырской коллекцией, по многим признакам отличной от «классической» кульминской. Судя по публикации,¹²⁰ в ней отсутствуют сосуды, украшенные взаимопроникающими треугольниками и прямоугольниками, вложенными углами, ромбической сеткой, столь характерные для кульмино. Данная керамика ближе к синдейскому типу. Возможно, она отражает переход от культуры кульминского облика к синдейской.

Близкие аналоги кульминской посуде можно найти среди сосудов иткульской (исетской), в первую очередь, её восточного варианта, и белоярской культур. Особенно близок ей ранний (иткульский II) тип посуды восточного варианта иткульской культуры, датируемый концом VIII / началом VII — концом VI вв. до н. э.¹²¹ Не без оснований В. Д. Викторова отнесла 55 лет назад ряд памятников в окрестностях Тюмени к кульминскому типу. Уральские археологи соотносили подобные материалы также с «каменогорско-иткульскими»,¹²² трактовали как тюменский вариант гамаюнской культуры¹²³ или Андреевское гнездо поселений иткульской культуры.¹²⁴ Сегодня тюменскими учёными выделен восточный вариант иткульской

¹²⁰ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 54, рис. 25, 3–10.

¹²¹ Зими́на О. Ю. Керамические комплексы городища Карагай Аул-1 в Нижнем Притоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2003. Вып. 4. Рис. 1, 10–13.

¹²² Романова М. В., Сухина Л. В. Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 46.

¹²³ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... С. 122–123. Рис. 16, 28–39.

¹²⁴ Бельтикова Г. В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 9.

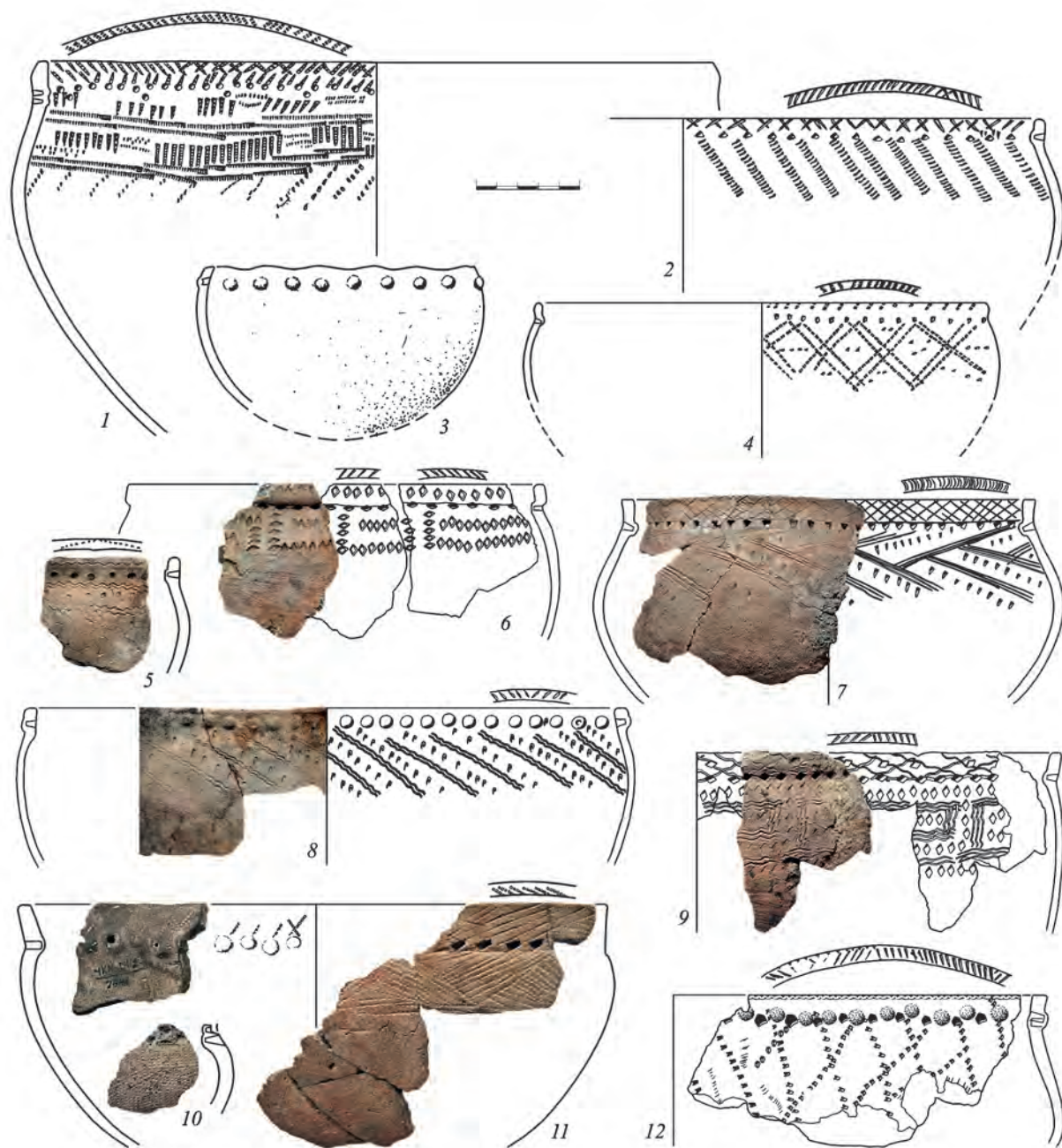

Рис. 231. Ранний железный век Нижнего Приобья. Кульминский тип памятников.
Керамика: 1-4 — поселение Геологическое III, раскоп 6; 5-9, 12 — поселение Лемья 19.1; 10, 11 — поселение Ахтымья 1

культуры, сложившийся, по их мнению, при участии бархатовской и гамаюнской культур.¹²⁵ В. А. Борзунов полагает, что в сложении восточного варианта иткульской культуры (юртоборской культуры, по его предложению) могли участвовать и кульминские группы. Он пишет, что «это могло быть как результатом миграции небольших коллективов из верховьев р. Тавда и бассейна р. Конда вниз по р. Тавда (путь, не освоенный гамаюнскими коллективами), происходившей в самом начале железного века, так и результатом взаимодействия кульминских коллективов с исетскими и юртоборскими с целью получения зауральского цветного металла».¹²⁶

Появление памятников кульминского типа приходится на середину субатлантического периода голоцена, характеризовавшегося тёплым и относительно сухим климатическим циклом.¹²⁷ Большинство выявленных поселений расположены по берегам рек и озёр на участках первых надпойменных террас высотой не более 3 м. Одно из городищ этого времени (Сатыга XVIIa) зафиксировано на берегу озера на высоте 5 м. Есть поселения (или кратковременные стоянки), занимавшие площадки невысоких (до 1,5 м) грив в притеррасных заболоченных пространствах.

Что касается построек, то к настоящему времени раскопаны остатки всего четырёх жилищ, а также следы лёгких построек. Исследованные жилища представляли собой наземные подпрямоугольные постройки размерами от 4×3,5 до 5,0×4,7 и 6,5×2,5 м, площадью 15–24 кв. м (рис. 232). В трёх из них находились наземные открытые очаги и хозяйственные ямы. На двух поселениях очаги зафиксированы во впадинах от построек предшествующих эпох. Возможно, они также находились в наземных жилищах, границы которых не прослежены. Постройки, аналогичные исследованным, известны в лозьвинской и атлымской культурах и являются типичными в таёжной зоне Западной Сибири.

Это бревенчатые и каркасно-столбовые наземные или со слабо углублёнными котлованами постройки, окружённые в основании завалинкой из грунта, взятого рядом с постройкой. В рельефе их остатки выглядят как слегка приподнятые над окружающей поверхностью овальные или подпрямоугольные в плане площадки с примыкающими к ним внешними ямами или канавами. В центре площадок, оставшихся от построек со слегка углублённым котлованом, видны легкие впадинки. Такие объекты в массе фиксируются в Тюменском и Курганском Притоболье, низовьях р. Исеть, в том числе на памятниках восточного варианта иткульской культуры. Самые ранние из них, судя по радиоуглеродным датам, относятся к IX/VIII вв. до н. э.¹²⁸ Аналогичные «приподнятые жилые площадки» обнаружены на р. Ишим, в Среднем Прииртышье, а также в Барабе и Новосибирском Приобье. Центром строительства таких жилищ является таёжное Обь-Иртышье.

В приобской тайге самые ранние объекты подобного типа фиксируются с периода поздней бронзы. Наибольшая концентрация приподнятых жилых площадок известна на правобережье Сургутского Приобья (в т. ч. на Барсовой Горе их зафиксировано несколько тысяч), на

¹²⁵ Зими́на О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск:, 2009. С. 195.

¹²⁶ Борзунов В. А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург, 2014. С. 231.

¹²⁷ Турков В. Г. Многовековая ритмика природной среды и динамика лесного биогеоценологического покрова среднеуральского низкогорья в антропогене // Взаимосвязи среды и лесной растительности на Урале. Свердловск, 1981. С. 32.

¹²⁸ Зими́на О. Ю. Керамические комплексы городища Карагай Аул-1... С. 52–53.

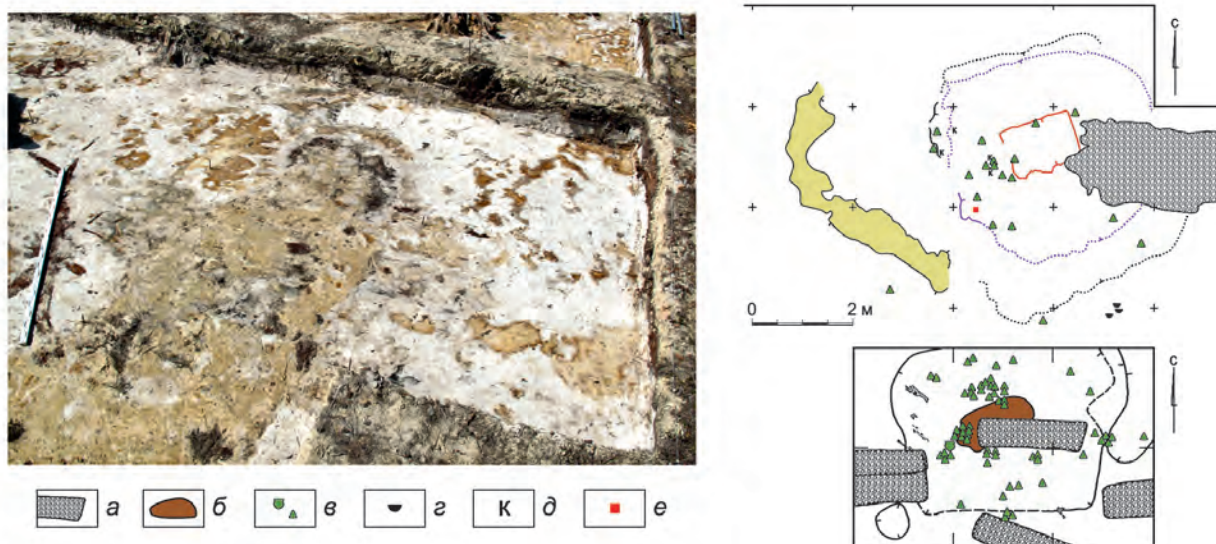

Рис. 232. Ранний железный век бассейна р. Конда. Кульминский тип памятников.

Планы построек: 1 — селище Лемья 19.1. Общий вид сооружения 5. Вид с ВСВ (фото А. А. Погодина);

2 — селище Лемья 19.1, план сооружения 5; 3 — поселение Геологическое III, раскоп 6, план жилища.

Условные обозначения: а — современные нарушения; б — очаг; в — керамика; г — тигли (1, 2 — по: Поселение Лемья 19.1..., 2019)

Соровских озёрах, в окрестностях д. Согом, а также в бассейне р. Конда. Самые северные дома такого типа выявлены в бассейнах рр. Казым, Надым и Пур. Исходя из этого, можно предположить, что распространение их в южно-таёжном и лесостепном Притоболье, вероятно, было обусловлено миграцией гамаюнских, кульминских и иных коллективов охотников-рыболовов с р. Конда, низовьев рр. Тобол, Иртыш и, возможно, даже с р. Обь. В лесостепном Обь-Иртышье они могли появиться с атлымским, а позднее — с кулайским населением.

Кроме керамики, на кульминских поселениях найдены единичные орудия. Среди них есть обломки тиглей для переплавки цветного металла. Они реконструируются как ладьевидные, такие же как в предшествующее время и как в культурах начала железного века на сопредельных территориях. Металлические вещи пока неизвестны, хотя можно предполагать связи местного населения с иткульским (исетским) и, соответственно, импорт иткульского металла. Есть и каменные орудия, сделанные из местных пород, в первую очередь, абразивы. Можно полагать, что «кульминцы» прекрасно владели обработкой дерева и кости, шкур, однако в песчаных почвах средней тайги органические материалы не сохраняются.

Видовой состав промысловых животных в виду отсутствия остеологического материала с кульминских поселений практически не известен. Лишь на поселении Лемья 19.1 среди обожжённых косточек из очагов удалось определить кости соболя, бобра и щуки. То есть налицо следы пушной охоты и рыболовства. Принимая во внимание разнообразие форм ландшафтов на занимаемой «кульминцами» территории и благоприятные климатические условия, можно предполагать сохранение охоты на традиционные промысловые виды крупных млекопитающих (лось, северный олень, медведь), пушных зверей, а также боровую и водоплавающую птицу. Немаловажную долю пищевого рациона составляла рыба. Не исключено, что приоритетными в охоте и рыбной ловле являлись пассивные средства: ловчие ямы, известные на этой территории уже с энеолита, разного типа ловушки, речные запоры, верши и пр. Собираательство также играло важную роль в жизни кульминских популяций.

Происхождение кульминских древностей по-прежнему вызывает много вопросов. В эпоху поздней бронзы в бассейне р. Конда наиболее многочисленными были лозьвинские памятники. Однако, как правильно замечает В. А. Борзунов, «эта [кульминская — Ю. Ч.] посуда более сходна с исетской и ранней юртоборской («иткульской») посудой, чем даже с предшествующей лозьвинской и вагильской».¹²⁹ Тем не менее несколько ранее он счёл возможным писать даже о кульминской культуре, связанной происхождением с лозьвинской АК: «Поздние лозьвинские группы, обитавшие на Конде и соседствовавшие с ранними гамаюнскими, стали основой для формирования кульминской культуры».¹³⁰

К такой же гипотезе склоняется С. Ф. Кокшаров.¹³¹ Учитывая количество лозьвинских и кульминских памятников в бассейне р. Конда и верховьях р. Тавда, происхождение последних от первых наиболее вероятно. Очевидно, что значительную роль в их формировании сыграло и мигрировавшее в Кондинский край население атлымской культуры. Не исключено, что кульминская традиция добавлять в глину дресву при лепке сосудов уходит корнями в атлымское гончарство. Смена же формы и характера орнаментации сосудов в переходное от эпохи бронзы к железу время наблюдается и на других таёжных территориях (в частности, в Сургутском Приобье).

На кульминской посуде, как и на лозьвинской, при орнаментации часто применялась прокатка штампа, использовались фигурные штампы. Имеющиеся в распоряжении археологов коллекции демонстрируют разнообразие и лозьвинской, и кульминской керамики. Возможно, что при накоплении материала будут выделены локальные и хронологические варианты памятников с керамикой этих типов.

Стратиграфические наблюдения на ряде памятников, близость керамических комплексов сосудам исетской, восточного варианта иткульской (юртоборской), белоярской, гамаюнской, в первую очередь вагильского варианта, культур, позволяют датировать кульминские древности началом раннего железного века (VIII/VII–IV вв. до н. э.). Эта же близость, проявляющаяся также в типах построек, каменного инвентаря, технологической керамики, свидетельствуют о наличии культурной общности в западной части западно-сибирской тайги. Она сформировалась на основе западного варианта культурно-исторической общности (КИО) крестово-струйчато-ямочной керамики — позднему этапу в развитии КИО гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы. На западе кульминский ареал примыкает к ананьинскому миру, на юге и юго-востоке — к иткульскому, на востоке, вероятно, граничит с белоярской культурой.

Что касается исторической судьбы кульминского населения, то в бассейне р. Конда оно могло принять участие в сложении синдейских и кулайских древностей, а в Нижнем Приобье — ещё и перегребнинских.¹³²

Памятники перегребнинского типа были выделены В. М. Морозовым по материалам его исследований на Белогорском материке, в среднем течении нижней Оби.¹³³ Их отличительной

¹²⁹ Борзунов В. А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности... С. 231.

¹³⁰ Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... С. 135.

¹³¹ См.: Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды... С. 99; Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 10.

¹³² Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Керамика перегребнинского типа... С. 217–218.

¹³³ Морозов В. М. Новое в изучении усть-полуйской культуры // XIII Уральское археологическое совещание. Уфа, 1996. Ч. II. С. 40–41.

чертой являются оригинальные сосуды котловидной или горшковидной формы со слабо-раздутым туловом и короткой шейкой, с венчиками, оформленными в виде утолщений-карнизиков (рис. 233). Украшены они довольно бедно, в основном в верхней трети ёмкости. Композиции состоят преимущественно из поясков наклонных оттисков штампа или насечек. Редко встречаются зигзаги, ромбическая сетка, треугольные фестоны и др. Инструментом для нанесения узоров чаще всего служил короткий гребенчатый штамп с крупными зубцами, реже стержень, которым делались насечки. На ряде сосудов отмечены отпечатки шнура. Под венчиком почти обязательный для таёжной посуды эпохи железа Западной Сибири разделительный поясик из ямок — наследие КИО гребенчато-ямочной керамики.

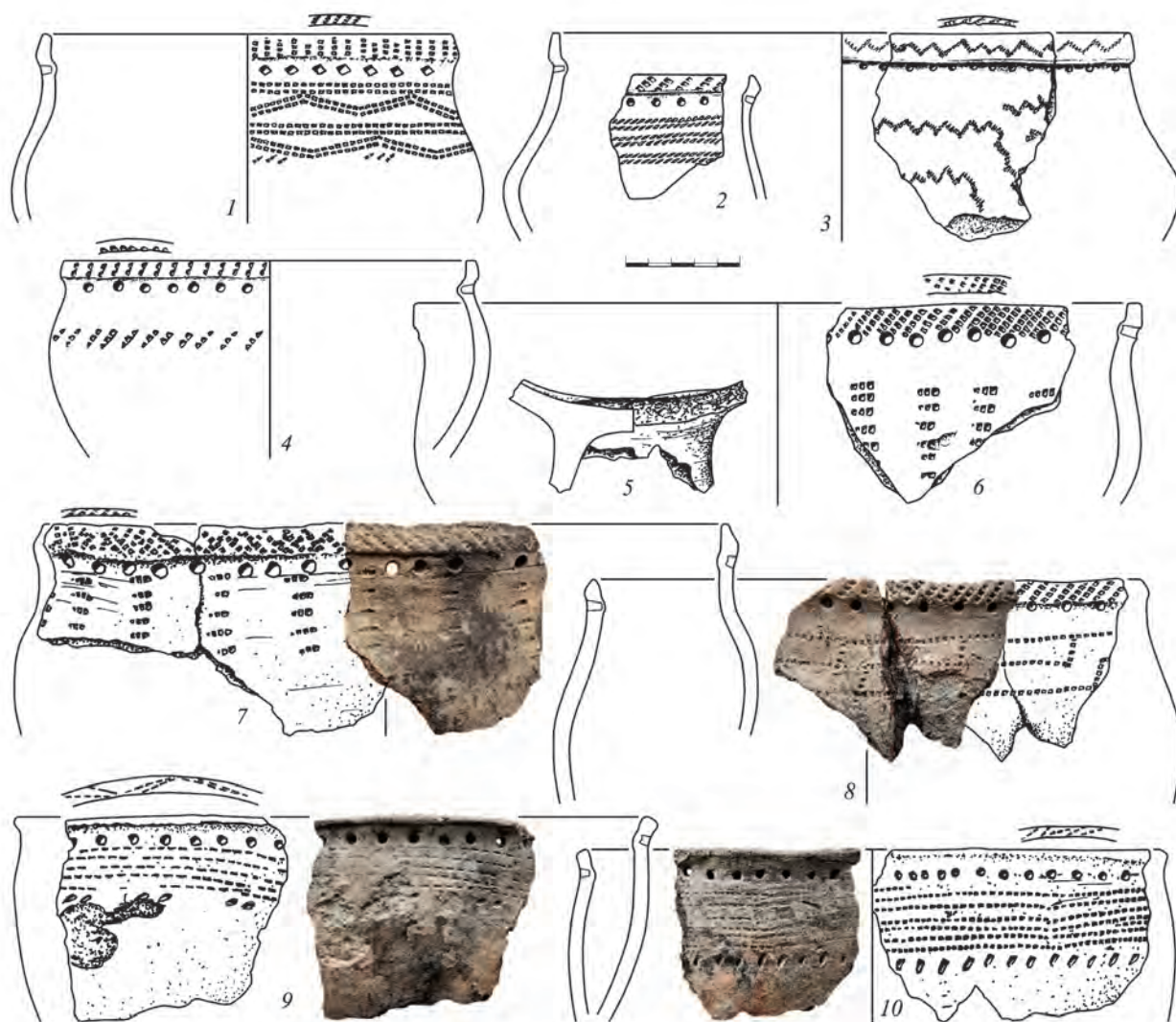

Рис. 233. Ранний железный век Нижнего Приобья. Перегребнинский тип памятников.
Керамика: 1–3, 6 — городище Перегребное VI; 5, 7–11 — поселение Низямы 9

Происхождение этого комплекса, с одной стороны, связано с местным населением, оставившим памятники кульминского типа. В пользу этого свидетельствуют сосуды, украшенные поясами горизонтальных и ломаных (зигзагов) линий из оттисков мелкой «гребёнки», поясами из ямок треугольной и ромбической формы под венчиком (поселение Низямы 9, городище Перегребное VI). С другой — данный комплекс имеет широкий круг аналогий среди культур и культурных типов, существовавших в начале железного века на территории севера Западной Сибири, Северного Зауралья и Приуралья. Территориально самыми близкими к перегребнинским являются стоянки Юган-Горт VI и VII в низовьях р. Войкар и городище Усть-Полуй в черте г. Салехарда. Наличие на перегребнинской посуде карнизиков, напоминающих воротнички на ананьинских сосудах, и оттисков шнура вызывает приуральские ассоциации, в первую очередь с культурными типами Перный и Ямашор (Печорское Приуралье).¹³⁴

Возможно, что формирование синкретических образований, подобных перегребнинскому, свидетельствует о тесных и разносторонних контактах между населением северных районов Приуралья и Зауралья. Причина такого взаимовлияния кроется в особенностях хозяйственно-культурного типа охотников-рыболовов этого региона. Как пишут Л. Л. Косинская и Е. Н. Дубовцева, ориентация на промысел дикого северного оленя могла обусловить подвижный образ жизни, в том числе перекочёвки в соответствии с сезонными миграциями животных не только в меридиональном, но и в широтном направлениях, с равнины в горы и через хребет. В этих условиях контакты между соседями неизбежны, со временем перерастая в устойчивые социальные¹³⁵ (включая брачные) связи. Косвенным подтверждением этому и служит керамика с выраженными чертами синкретизма, демонстрирующая смешение различных керамических традиций. Распространение такой керамики в Северном Зауралье и Нижнем Приобье, возможно, маркирует направления миграций древних охотников на северных оленей.

Исторические судьбы перегребнинского населения, как и время существования этих групп, пока не ясны. Очевидно, что их сложение произошло на первом (белоярско-васюганском) этапе раннего железного века. Это подтверждают обнаруженные на перегребнинских поселениях сосуды с кульминскими чертами, а также датировка ананьинских древностей Приуралья, в т. ч. типа Перный и Ямашор (VI–III вв. до н. э.).¹³⁶ Найденные на городище Перегребное VI единичные фрагменты синдейских сосудов, как и находки близких перегребнинским сосудов на городище Усть-Полуй, видимо, маркируют время исчезновения этих комплексов. Представляется, что они были поглощены, вошли одним из компонентов в формирующиеся в Нижнем Приобье синдейскую и кулайскую культуры.

¹³⁴ Морозов В. М., Дубовцева Е. Н. Керамический комплекс эпохи раннего железного века городища Перегребное VI // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск, 2008. С. 351.

¹³⁵ Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н. Комплексы раннего железного века в Войкарском археологическом микрорайоне // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск, 2008. С. 130.

¹³⁶ Ашихмина Л. И., Васкул И. О. Памятники ананьинской культурной общности // *Археология Республики Коми*. М., 1997. С. 329, 333.

Глава 5

Кулайский этап в Сургутском Приобье

В Сургутском Приобье известны более 160 кулайских памятников, многие из них изучались раскопками. Только на Барсовой Горе выявлено более 20 городищ, 40 селищ и местонахождений, 2–3 могильника и одиночное погребение, святилище, клад, исследовано около сотни построек, 13 погребений (рис. 234). Около полутора десятков городищ, в т. ч. окружённых селищами, располагались вдоль правого коренного берега р. Обь на участке протяжённостью не более 2,5 км. На таком небольшом расстоянии одновременно, кроме селищ, могло функционировать только одно укреплённое поселение. Его обитатели регулярно переносили место расположения городка, обновляя его оборонительные системы, жилища, производственные и иные постройки. Кроме того, на ряде поздних кулайских городищ Барсовой Горы зафиксированы следы перестроек и разновременные строительные горизонты. За пределами урочища раскопано свыше 60 построек и около 30 погребений на четырёх десятках памятников. Анализ такого материала позволил прийти к выводу об автохтонном происхождении сургутского варианта кулайской культуры (общности).

Поселения расположены в тех же местах, что и на предшествующем этапе. Неоднократно зафиксированы случаи перекрывания кулайскими сооружениями белоярских и калинкинских. При возведении оборонительных сооружений городищ Барсов городок I/22 и Барсов городок III/3 кулайские строители частично использовали рвы, оставшиеся от калинкинских укреплённых посёлков. На заброшенных городищах возникали кулайские святилища (Барсов городок I/9).

Кулайские поселения состояли из 4–20 и более построек, расположенных на площади от 1000 до 10 000 кв. м (в основном — 3000–5000 кв. м). Существовали и своеобразные хутора из одного жилища — Барсова гора IV/13.¹³⁷ Планировка селищ разнообразная. На Барсовой Горе из-за скученности разновременных объектов выявить её без раскопок широкими площадями зачастую невозможно. В тех случаях, когда планировка была определена, она реконструируется как кольцевая или близкая к ней, замкнутая (селища Барсова гора III/2, IV/3, Остяцкий Живец IV, Нёх-урий 5.1 — рис. 235, 1, 3; 240, 1). Поселения с большим количеством сооружений формировались на протяжении относительно длительного времени, и постройки, остатки которых фиксируются сегодня в рельефе местности, воздвигались на них в разное

¹³⁷ Борзунов В. А., Стефанова Н. К. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 96–109.

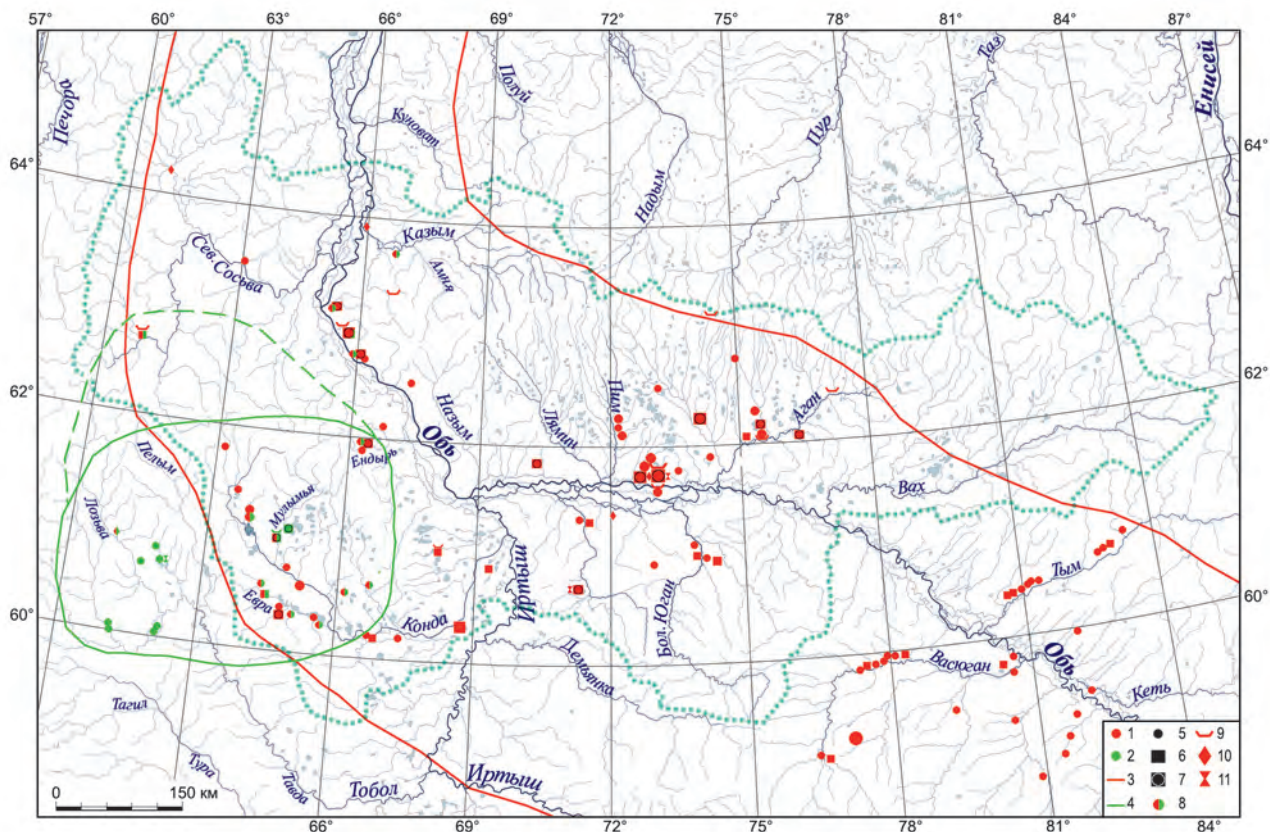

Рис. 234. Ранний железный век на территории ХМАО — Югры, кулайский этап. Ареалы культур. Составитель Ю. П. Чемякин

1 — памятники кулайской культурно-исторической общности	5 — поселения и местонахождения	9 — могильники
2 — памятники синдейской культуры	6 — городища	10 — клады
3 — ареал кулайской КИО	7 — городища и селища	11 — святилища, культовые места
4 — ареал синдейской культуры	8 — памятники с синдейской и кулайской керамикой	12 — граница ХМАО — Югры

время, по мере ветшания жилищ. Видимо, примером этому может служить селище Барсова гора III/36, где руины жилых объектов до раскопок выглядели как неглубокие впадины с обваловкой и внешними ямами. На этом памятнике было зафиксировано несколько десятков объектов, примыкавших к кулайскому же селищу Барсова гора III/2. На первом раскопано 21 кулайское жилище, на втором — 12. Встречаются и неуглублённые площадки с обваловкой и ямами по периметру. Преимущественно на городищах зафиксированы неглубокие впадины без обваловок.

Среди кулайских городищ есть лесные и береговые. Внутренняя площадь первых — 300–500 кв. м (общая площадь памятников вместе с оборонительной системой — 580–690 кв. м). На них находились две-три наземные или слабо углублённые постройки (рис. 235, 4–6). Валы и внешние рвы, образывавшие оборонительную систему, выражены лучше, чем на предыдущем этапе. Они имели довольно чёткую подпрямоугольную форму.

Береговые городища тоже в основном подпрямоугольные, вытянутые вдоль коренной террасы (на Барсовой Горе мысовых городищ не было, но они известны на Тромъегане). Их внутренняя площадь — от 300 до 1100 кв. м (преобладает 400–900 кв. м), общая — от 430 до

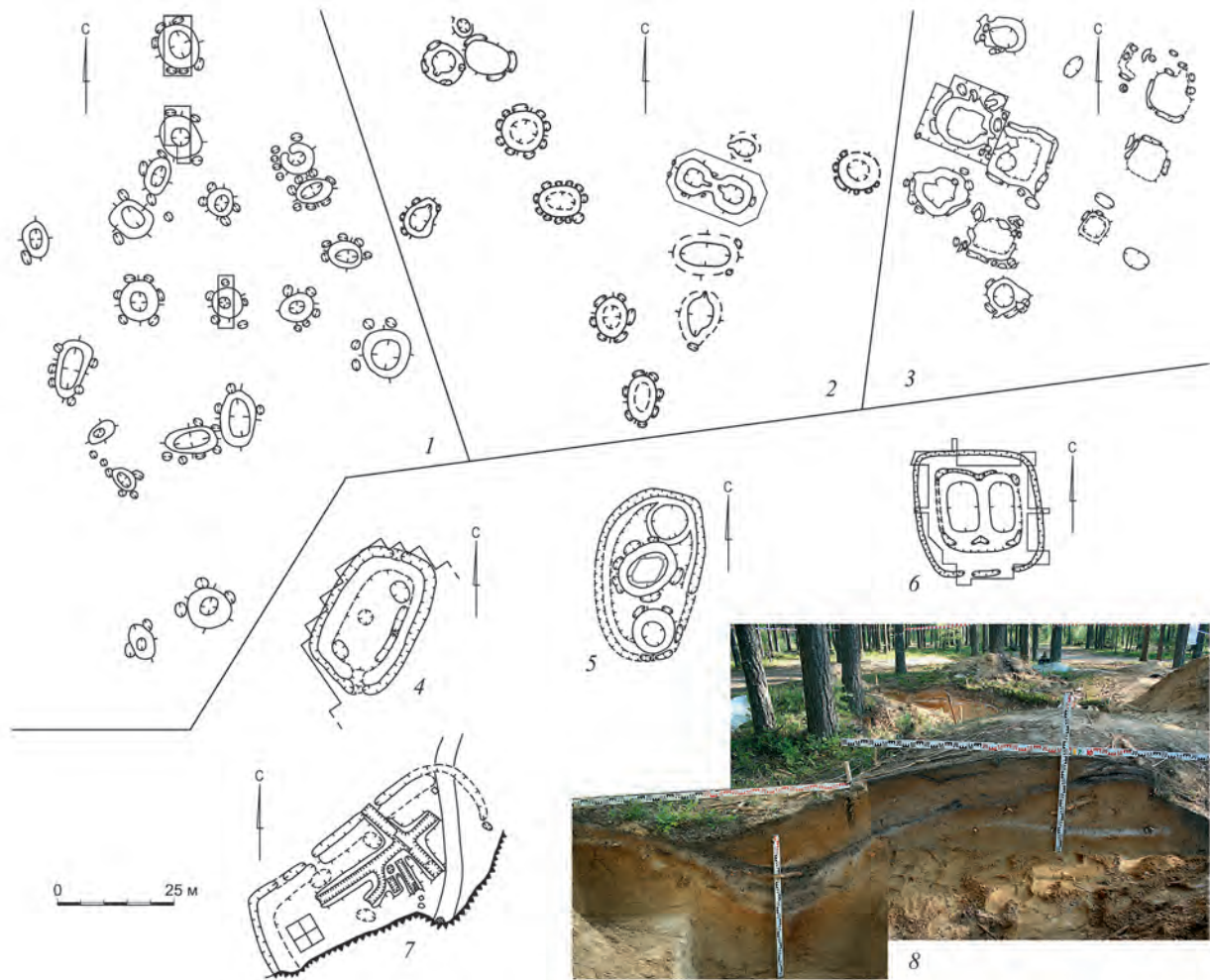

Рис. 235. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.

Планы селищ и городищ. Селища: 1 — Барсова гора IV/3; 2 — Кучиминское IX (по: Данилова, 2012); 3 — Остяцкий Живец IV. Городища: 4 — Барсов городок III/3; 5 — Барсов городок III/5; 6 — Барсов городок III/6; 7 — Барсов городок I/7; 8 — разрез через ров и вал городища Барсов городок III/6, вид с севера (фото Ю. П. Чемякина)

2700 кв. м (рис. 236). Многие памятники сильно пострадали в результате береговой эрозии, и их первоначальные размеры были больше. За пределами Барсовой Горы есть городища площадью до 3400 кв. м. На внутренних площадках фиксируются остатки 2–10 построек. Впадины более глубокие, чем на лесных городищах; мощнее и оборонительная система. Проходы на городища представляли собой, как и в предшествующее время, земляные перемычки во рву и понижения на валу. Обычно их было от одного до трёх. На ряде памятников выявлены дополнительные укрепления — бастионы (башни?), от которых сохранились выступы. Как пишет В. А. Борзунов, «переход к прямоугольным напольным системам делал необходимым совершенствование фланговой защиты. Это решалось путём пристройки к основной оборонительной линии башен и башнеобразных выступов».¹³⁸ Одиночные баш-

¹³⁸ Борзунов В. А. Городища второй половины раннего железного века // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 324.

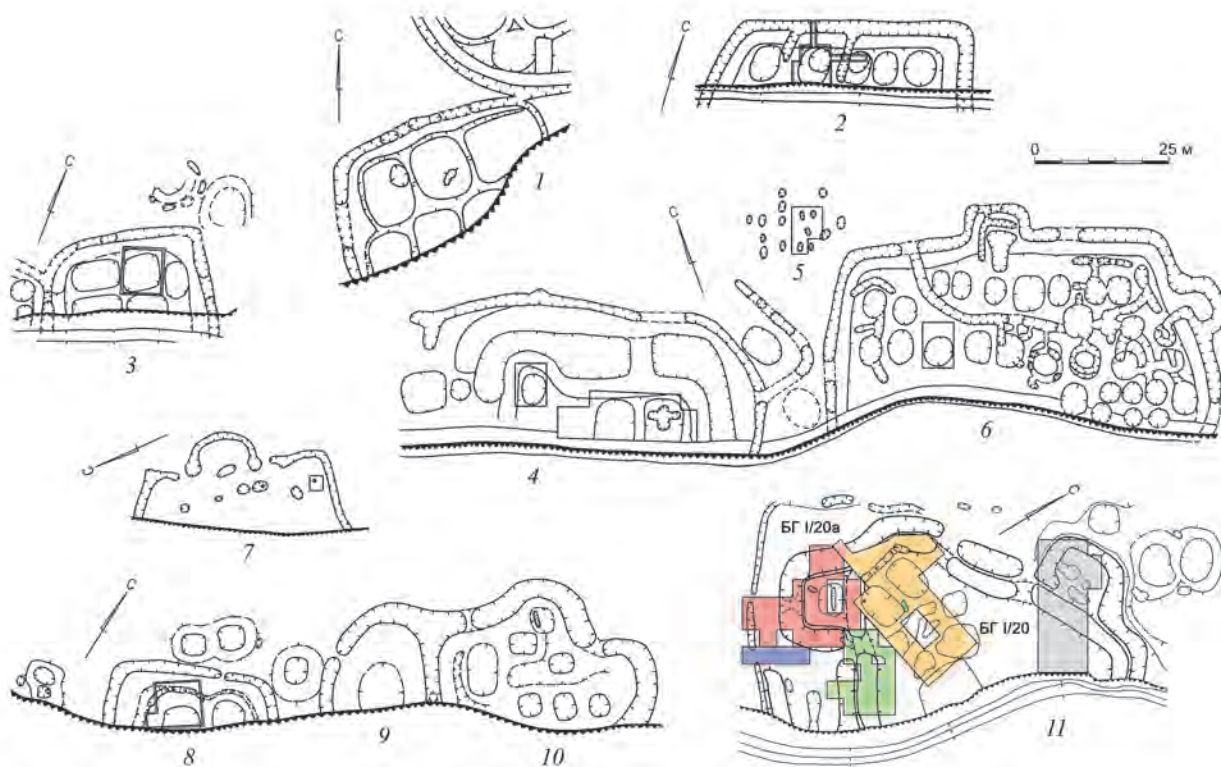

Рис. 236. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.

Планы береговых городищ: 1 — Барсов городок I/30; 2 — Барсов городок I/8; 3 — Барсов городок I/12; 4 — Барсов городок I/4; 5 — могильник (?) Барсовский VIII; 6 — Барсов городок I/5; 7 — Кучиминское II; 8 — Барсов городок I/15; 9 — Барсов городок I/16; 10 — Барсов городок I/17; 11 — Барсов городок I/20 (цветом обозначены раскопы; по: Клад кулайской культуры..., 2016)

ни либо выдвигались вперёд, как на позднебелоярском городище Барсов городок I/1 (Барсов городок I/17, Кучиминское XX), либо размещались на одном из углов (Барсов городок I/4, Ермаково XIX). Если башен было две, то «...одна ставилась впереди, другая — сбоку, либо обе находились на углах оборонительных линий (Барсов городок I/5, I/20 — поздняя система). Во всех случаях башни прикрывали входы на городищенскую площадку, а некоторые из башен играли роль дополнительных укрепленных входов (Барсов городок I/20 — северо-западная, I/5 — центральная). Полностью раскопанные башни на городище I/20 представляли собой двойные бревенчатые срубы, скрепленные перегородками и пристроенные к основной оборонительной линии. Внешние размеры таких сооружений около 7,5×7 м».¹³⁹ На Тромъёгане некоторые городища имели двойную оборону и занимали края коренных террас, в том числе их мысовидные выступы (Ермаково XVIII). Сейчас эти террасы окружены болотами. Следует, однако, иметь в виду, что датировка и культурная принадлежность многих памятников определена по разведочным сборам и шурфовке.

В ходе раскопок на городище Барсов городок I/20 В. А. Борзуновым была зафиксирована смена одной оборонительной системы другой (рис. 237). «Первая представлена

¹³⁹ Борзунов В. А. Городища второй половины раннего железного века // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 324.

Рис. 237. Кулайская культура. Городище Барсов городок I/20.
Участок северо-восточного отрезка оборонительной системы, вид с ССВ (фото А. В. Заики)

подпрямоугольными в плане фортификациями, состоявшими, вероятно, из частокола, мелкого ровика-водоотвода и сложного предвратного сооружения из двух параллельных рядов бревенчатых стен. Около рубежа эр на остатках раннего кулайского городища построена меньшая (1620 кв. м), но более мощная крепость: подтрапециевидной формы, с двойными бревенчатыми стенами на валу, двумя башнями и оборонительным рвом... Усложнение фортификационных систем в данном случае и в культуре в целом отмечает возросшую военную активность на уровне отдельных кулайских общин и, по-видимому, социальных групп. О формировании в это время военной верхушки свидетельствует кулайское погребение ребёнка-«воина» с исключительно богатым набором оружия, украшений (в том числе греческих бус) и предметов культа... в заплывшем рву городища Барсов городок I/3».¹⁴⁰ Если с этим тезисом можно согласиться, то идея о совершенствовании фланговой защиты (сооружения башен и т. п.) в связи с переходом к прямоугольным напольным системам спорна: все городища предшествующего времени с подобными оборонительными системами (за исключением Барсова городка I/1), да и многие кулайские, не имеют дополнительных укреплений типа бастионов или башен. Скорее всего, усиление мощи оборонительных сооружений действительно связано с возросшей военной активностью в конце кулайской эпохи. Для сравнения: кулайские лесные городища Барсовой Горы имеют прямоугольную форму, относительно неглубокие рвы и невысокие валы, без каких-либо выступов-башен. Судя по керамике, все они относятся к ранней стадии этой культуры. То же можно сказать и о береговых городищах

¹⁴⁰ Борзунов В. А. Городища второй половины раннего железного века // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 324–325.

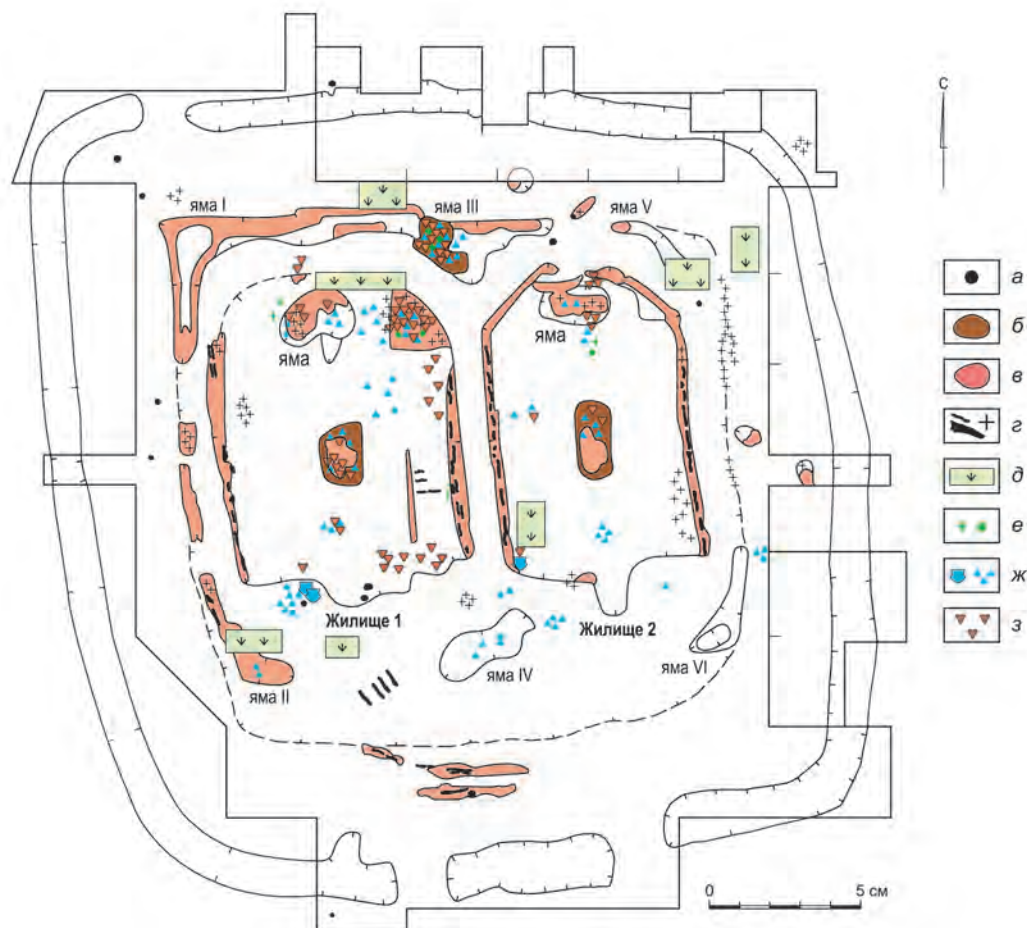

Рис. 238. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
Городище Барсов городок III/6. План раскопа. Условные обозначения: а — лом и изделия из бронзы;
б — тигли; в — керамика; г — развалы сосудов; д — обугленное дерево; остальные обозначения см. рис. 217

Барсов городок I/7, I/8, I/12 и I/15, датирующихся, предварительно, концом ранней или средней стадией сургутского варианта кулайской культуры. Рвы этих укрепленных поселений становятся глубже, но никаких башен-бастионов у них нет.

Среди кулайских жилых и хозяйственных сооружений по площади предварительно выделены три группы. К малым постройкам площадью от 2 до 16 кв. м отнесены в основном хозяйственные помещения с углубленными на 0,2–0,4 м котлованами. В большинстве из них отсутствуют очаги. Две другие группы близки между собой и различались лишь площадью: от 30 до 60 и свыше 60 кв. м. Известны как полностью наземные постройки, так и сооружения с углубленной на 15–40, редко 50 см, центральной частью. Котлованы, как правило, имели хорошо выраженную прямоугольную форму. По-видимому, они крепились горизонтальными бревнами или жердями (плахами) — в ряде случаев вдоль стенок фиксировались углистые полосы или пятна (Барсов городок III/6). В жилищах сооружалось от одного до трёх очагов. Один очаг был в центре, реже — у задней стенки котлована. Другие нередко находились на неуглубленной части у стен или в углах. Есть жилые сооружения без очагов,

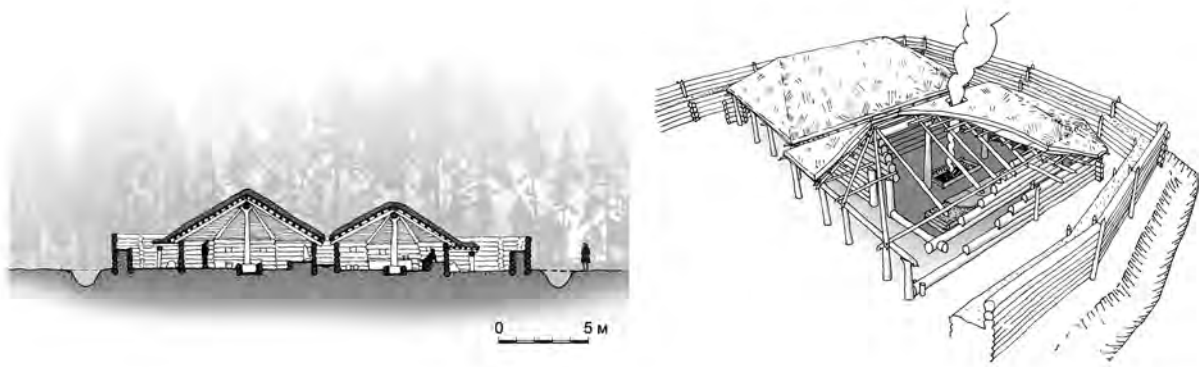

Рис. 239. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
Городище Барсов городок III/6. Варианты реконструкции (выполнены Ю. П. и А. Ю. Чемякиными)

функционировавшие, видимо, в тёплое время года. Вероятно, были и специализированные (общественные) постройки, не предназначенные для жилья. Например, на селище Барсова гора III/21 раскопано большое наземное жилище с очагом в центре, находки из которого представлены лишь чёрно-красной пастовой бусиной и двумя бронзовыми зооморфными культовыми фигурками (рис. 256, 8).

В жилищах обычны ямы, в том числе хозяйственные, однако закономерностей в их расположении нет. Вдоль стен на неуглубленной части, скорее всего, сооружались нары. В углах некоторых котлованов прослежены следы вертикальных столбов. На них могли крепиться прямоугольные рамы, на которые опирались наклонные жерди, образывавшие стены. Снаружи стены имели покрытие и присыпались землёй, отчего при их разрушении возникла своеобразная обваловка. Вероятно, жилища имели форму пирамиды, возможно, — усечённой. Не исключено и существование срубных конструкций, хотя достоверных свидетельств этому пока нет.

Коридорообразные выходы длиной до 2,0–2,5 м обычно находились посередине длинной стены. Иногда одна, реже обе передние стенки котлованов расходились под небольшим углом от выхода, образуя с боковыми стенками острый (до 70°) угол (рис. 240, 1). Некоторые наземные постройки не имели коридоров; двери в них могли быть приставными или навесными. У ряда жилищ выход находился со стороны короткой стены или в углу (рис. 240, 2). Напротив выхода древняя дневная поверхность могла быть слегка углубленной. Иногда в этом месте или с противоположного конца «коридора» внутри жилища наблюдались прокалы — следы кострищ; не исключено, что это остатки дымокуров. От предвыходовых столбовых конструкций иногда сохраняются следы ям в центре или на конце коридорообразного выступа (выхода). С конструкцией выхода связаны и расположенные снаружи по его периметру или вдоль одной из сторон ямки небольшого диаметра. Интересно, что коридорообразные выступы практически не выходят за пределы погребённого под обваловкой подзола и внешних ям.

Археологически фиксируемые остатки наземных жилищ аналогичны описанным постройкам с углублённой центральной частью. Среди раскопанных жилищ второй группы наземные составляют чуть меньше половины, а в третьей группе — четверть. На Кучиминском IX селище раскопаны два наземных жилища с выходами, направленными друг к другу (рис. 235, 2). В центре одного жилища был очаг, во втором он отсутствовал. Возможно, аналогичное

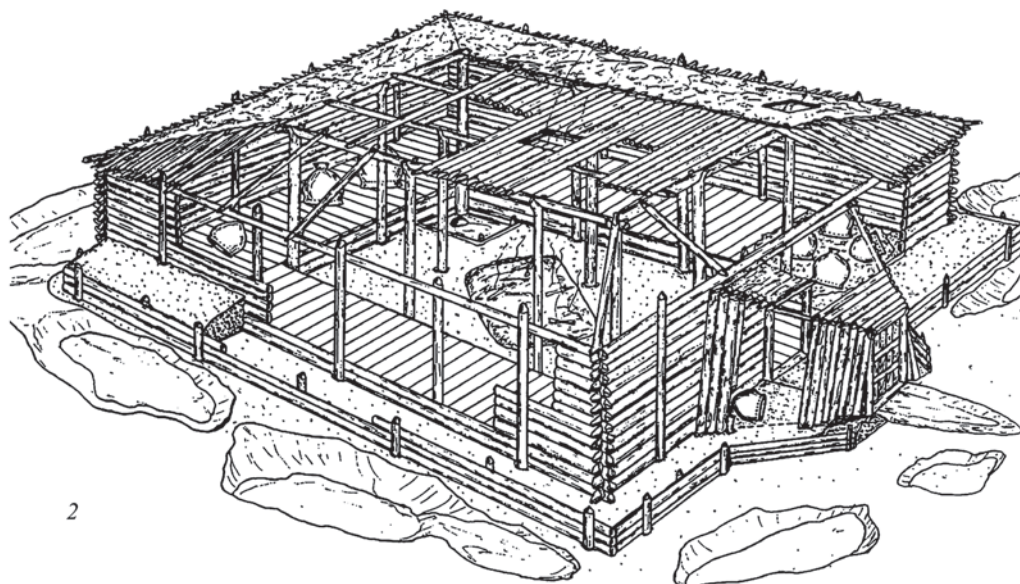
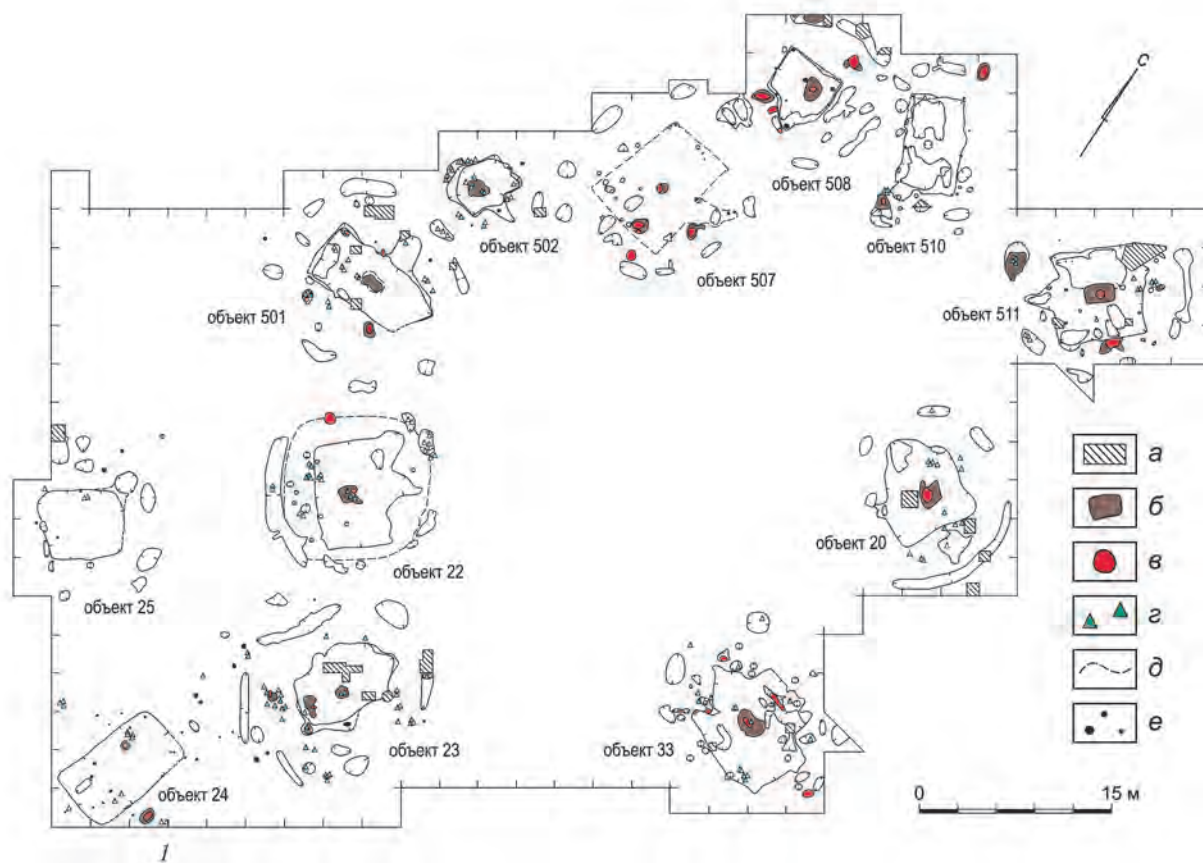

Рис. 240. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
 1 — селище Барсова гора III/2, план раскопа; 2 — селище Барсова гора III/36, реконструкция жилища выполнена В. А. Борзуновым (по: Борзунов, 2018)

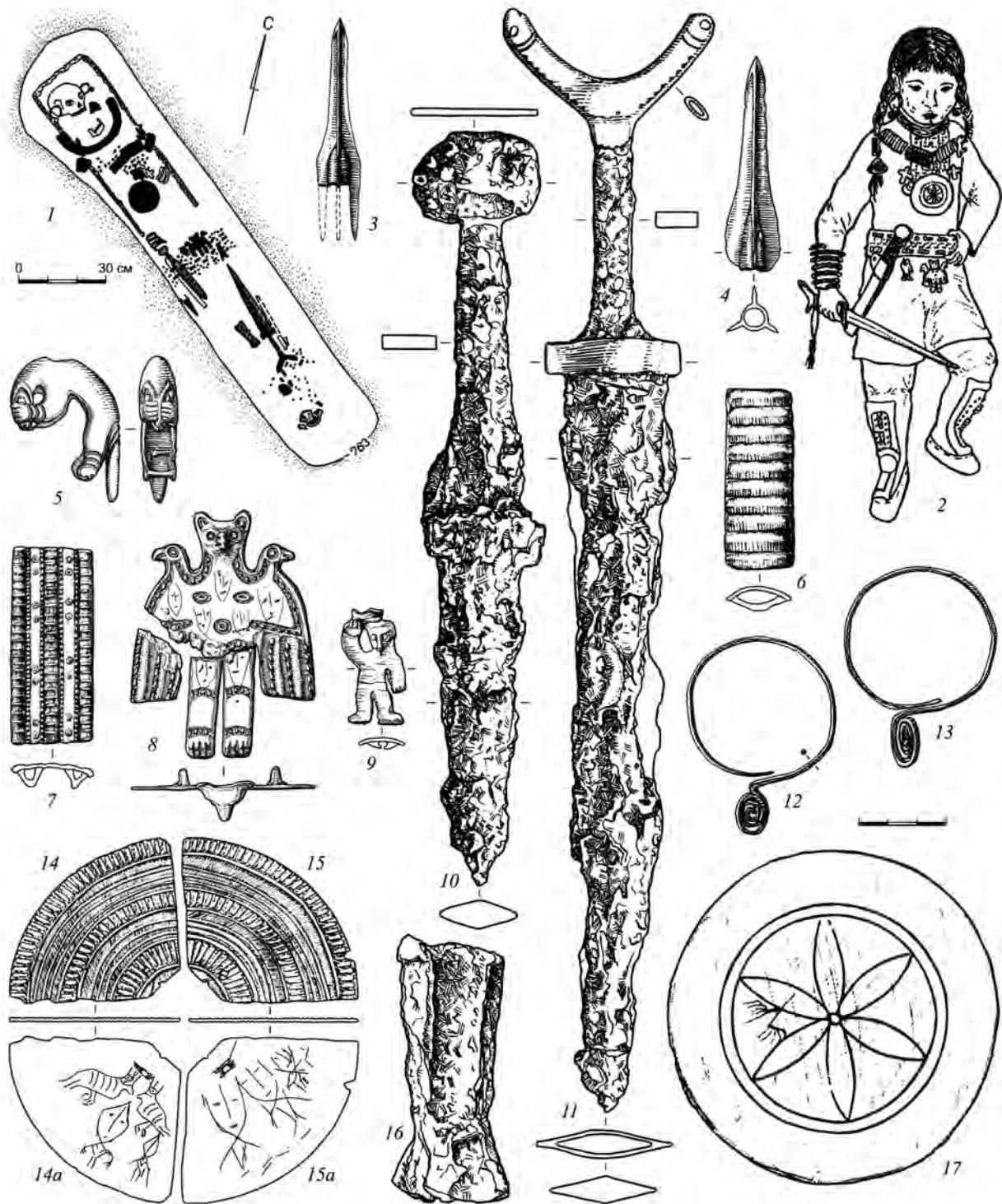

Рис. 241. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
 Могильник Барсовский III: 1 — план погребения; 2 — костюм мальчика из погребения 1 (реконструкция А. П. Зыкова);
 3-17 — инвентарь из погребения 1 (3-9, 12-17 — бронза; 10, 16 — железо; 11 — бронза, железо)

Рис. 242. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура. Могильник Барсовский III. 1–5 — погребение 1, бусы (стекло); 6 — погребение 2, орнитоморфное изображение (медный сплав)

нуто на спине, по-видимому, в деревянных гробовищах (колодах) (рис. 241, 1). Погребённые лежали головой на северо-запад и на запад. В обоих погребениях в ногах умерших стояло по одному сосуду. В могиле 1 был захоронен мальчик лет шести с монголоидными чертами и богатым сопровождающим инвентарем (рис. 241, 2). В него входили многочисленные стеклянные бусы и бисер, зооморфные подвески, бляхи, пронизки-накладки, бронзовые и серебряные пластинки, браслет, целое и обломки зеркал, в том числе с гравировками, культовое литье, а также оружие (бронзовые наконечники стрел кулайского типа, железные кинжалы и кельт) (рис. 241; 242). Рядом с погребением стоял сосуд позднесаровского облика.

Второе погребение — взрослого — намного беднее. В нём найдены две окатанные гальки (возможно, рыболовные грузила), бронзовые витые подвески на деревянной основе и обломки пластин (в том числе зеркал), а также ажурная птицевидная фигурка (рис. 242, 2). Третья могила обнаружена в 80 м севернее вышеописанных.¹⁴² В ней найдены три фрагмента глиняного сосуда, коррозированный железный предмет и обломок бронзовой чаши. На площадке между погребениями были расчищены развалы кулайских сосудов. С этой же территории

расположение построек было и на селище Остяцкий Живец IV, где раскопано чуть углублённое жилище, коридорообразный выход из которого вел в сторону другого (рис. 235, 3). На береговых городищах исследованы полуземлянки глубиной до 0,4–0,5 м. По площади они входят во 2-ю группу. В них обнаружено по одному очагу. На городище Барсов городок I/15 на дне постройки вдоль противоположавших стен, перпендикулярных кромке берега, были вырыты канавки шириной до 1,0–1,2 м и глубиной до 0,20–0,35 м.

Погребальный обряд кулайских племён Сургутского Приобья реконструируется по двум могильникам на Барсовой Горе и погребению на городище Барсов городок I/20, могильникам на левобережье Оби недалеко от Нефтеюганска и одиночным элитарным погребениям в бассейне р. Аган. Два погребения Барсовского III могильника были совершены во рву белоярского городища Барсов городок I/3. Они ориентированы по оси рва. Размеры подпрямоугольных могил 175×32–42 см и 178×40 см, глубина около 100 см и не менее 50 см.¹⁴¹ В них зафиксированы захоронения по обряду труположения, вытя-

¹⁴¹ Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург, 2003. С. 103–105.

¹⁴² Отчёт о раскопках могильника Барсов Городок (Барсовский I) у пос. Барсово в Сургутском районе и разведке на Сороских озерах у пос. Салым в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (1988 г.) / УрГУ им. А. М. Горького; Карачаров К. Г. Свердловск, 1988. 172 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13242.

происходит железный кинжал, найденный местными жителями. Не исключено, что сосуды и кинжал относятся к тризнам или остались от каких-то иных ритуальных действий, связанных с погребальным обрядом. Возможно, ещё одна кулайская могила была вскрыта Ф. Мартином в 1891 г.: единственной находкой в погребении № 93 был крупный обломок кулайского горшка.¹⁴³

Могильник Барсовский VII возник на месте селища Барсова гора I/21. За три года исследований на памятнике раскопаны девять погребений, локализованных следующим образом: шесть погребений располагались по дуге с запада на юго-восток, два находились южнее дуги и одно (№ 2) — севернее (рис. 243, 2). Последнее, совершенное во внешней яме кулайского жилища, не содержало ни останков умершего, ни погребального инвентаря, и отнесено к могильнику на основании стратиграфии и формы ямы. Размеры могильных ям от 95×40 до 350×110 см, глубина от 30 до 70 см. Четыре ямы имели подпрямоугольную форму с закруглёнными углами, пять ям (в том числе пустая) по форме напоминали лодку с обрезанной кормой (рис. 243, 1). Скорее всего, это действительно были погребения в лодках. Южнее могил зафиксирована канава, ограничивавшая могильное поле и протянувшаяся, с изгибами, в направлении 3–В на 22 м. Возможно, она связана с каким-то ограждением, относящимся к исследованной группе захоронений. Южнее кулайского жилища, в центре могильного поля, находился открытый очаг, в заполнении и вокруг которого найдены многочисленные черепки от кулайских горшков, а также обломки бронзовых изделий, в том числе зеркал. Этот очаг мог быть летним и относиться к кулайскому же селищу, а мог быть связан с могильником. В таком случае он отражает какой-то обряд, входивший в погребальный ритуал. Фрагменты сосудов вокруг него могут быть следами тризны. Обломки зеркал с валиком по краю, аналогичные происходящим из очага, обнаружены в погребении.

Умерших хоронили на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Костяки были ориентированы головой на СЗ (2), СВ (2), В–СВ (1) и ЮВ (? — 1). Соответственно ориентированы и могильные ямы. Все «лодки» носами были обращены (с небольшими отклонениями) к очагу в центре могильного поля. В южной части могилы 1 (в носовой части «лодки») в ногах погребённого зафиксировано большое охристое пятно. По богатству погребального инвентаря выделяются могилы 6 и 8, где расчищено 50 и 36 мелких предметов, включая бусы, обломки медных или бронзовых пластинок и культовое литье, часть из которого была завёрнута в бесту. В 2 могилах найдено от 12 до 16 предметов, в 2 — по 2.

В погребении 7 стоял только один сосуд, а погребение 2 было пустое. Горшки (рис. 243, 16), обнаруженные в шести ямах, стояли в изголовье. В верхней части заполнения одного горшка была найдена обугленная сосновая шишка. Погребальный инвентарь состоял из бус, бронзовых и серебряных пластинок, пронизок, подвесок, фрагментов зеркал, в том числе с гравировками, культового литья (рис. 243, 3–23). Антропоморфные, зооморфные и птицевидные фигурки были в четырёх могилах, в трёх найдены железные ножи или их фрагменты.

Датирующих вещей в могильнике не найдено. Ясно, что он возник после того, как было заброшено кулайское жилище: три могилы находились в его внешних ямах. Среди сосудов, найденных в жилище и вокруг очага в центре могильного поля, преобладали ёмкости котловидной формы с профилированным плечиком, ярко выраженным внутренним карнизиком на венчике, нередко украшенном горизонтальными оттисками гребенчатого или змейко-

¹⁴³ Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут, 2005. Прил. 1. Рис. 324.

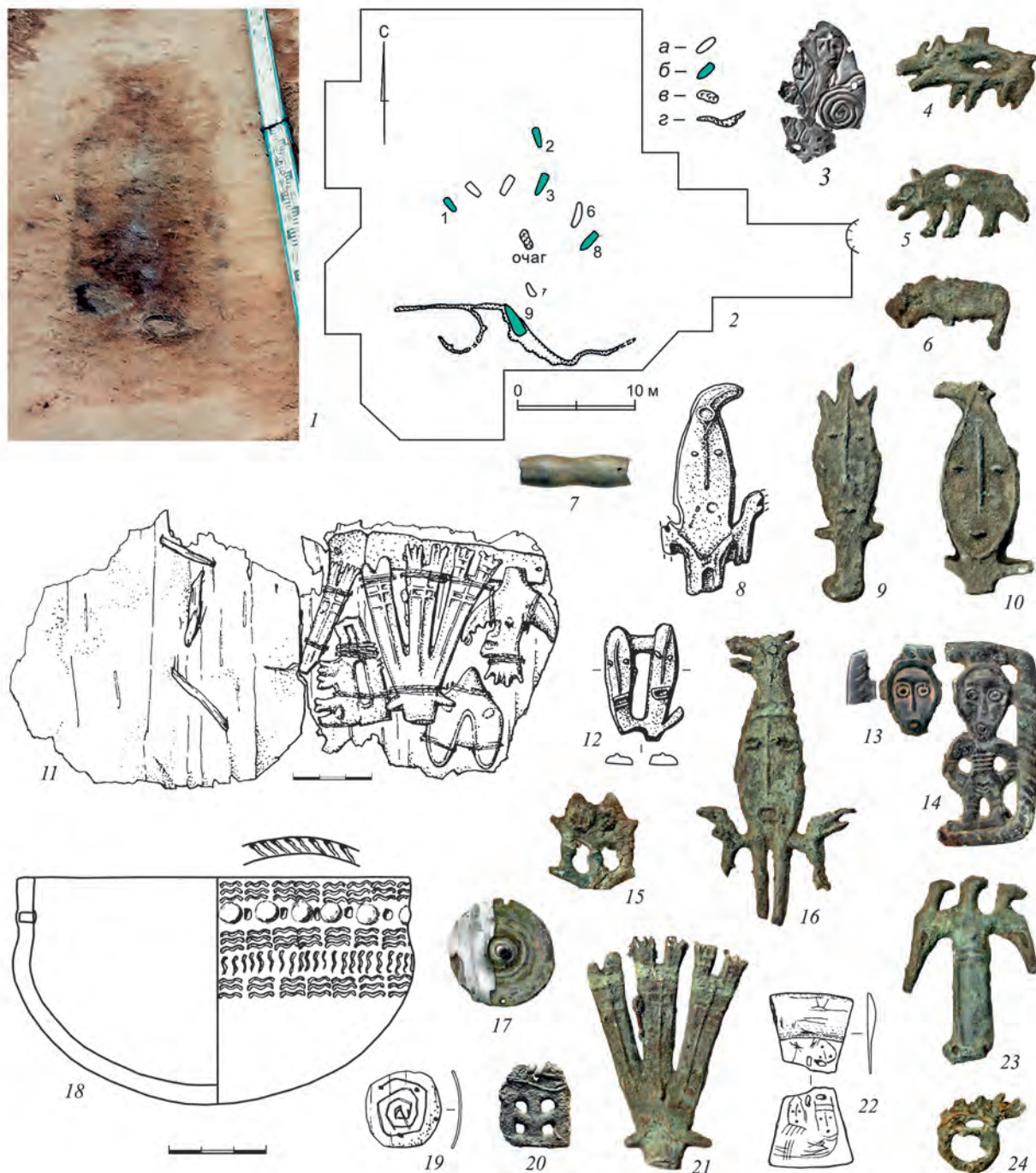

Рис. 243. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.

Могильник Барсовский VII. 1 — погребение 8 на гл. — 189 см, вид с СВ (фото Ю. П. Чемякина); 2 — план могильника;
 3–10, 12–17, 22–24 — погребение 6; 11, 21 — погребение 3; 18–20 — погребение 8 (3 — серебро; 4–10, 12–14, 16, 21–23 — бронза;
 11 — бронза, береста, нить; 15, 24 — бронза, нить; 17 — бронза, береста; 18 — глина; 19 — береста; 20 — бронза, паста, нить)

видного штампа. Орнамент на внешней поверхности насыщенный, плотный, часто переходящий с плечика на верхнюю часть тулова. Подобные сосуды характерны для поздней стадии кулайской культуры Сургутского Приобья и сравнимы с горшками шестой и седьмой групп саровского этапа (по Л. А. Чиндиной).¹⁴⁴ Рядом с погребениями 4 и 5 найдены фрагменты сосуда, близкого ярсалинским, украшенного штампами в виде уточки, змейки и двучленным. Все это позволяет предполагать, что могильник существовал на рубеже эр — в начале I тыс. н. э.

Есть мнение, что Барсовский III могильник возник позже Барсовского VII могильника, с аргументацией тем, что последний содержит более архаичный материал.¹⁴⁵ Однако эти памятники содержат несравнимый инвентарь. Хронология бус достаточно широкая, а культового литья — не разработана (да и вряд ли возможна в узких диапазонах). Керамика из погребений индифферентна (скорее, она близка посуде ранней стадии кулайской культуры), а найденные рядом с могилами сосуды на обоих памятниках близки ярсалинским и позднесаровским. Барсовский VII могильник мог возникнуть после запустения городища Барсов городок I/20, он находится всего в 100 м от него. На этом городище было обнаружено погребение в яме размером 240×62–96 см и глубиной 20–25 см, ориентированной по линии З–В. Помимо эмали от зубов, в могиле найдены два сосуда на поддонах, бронзовая личина, крестовидная подвеска и пластинчатые нашивки на кожаный пояс.¹⁴⁶ Это погребение объединяет с Барсовским VII могильником наличие среди инвентаря культового литья.

На Барсовой Горе выявлен ещё один памятник, интерпретация которого пока затруднена. Между городищами Барсов городок I/4 и I/5 были зафиксированы 17 овальных ям, расположенных четырьмя параллельными рядами, ориентированными по линии З–В (рис. 236, 5). Разведочным раскопом вскрыты четыре овальные ямы. На дне самой маленькой был обнаружен очажный слой, содержащий мелкие угольки и кальцинированные косточки. Остальные ямы оказались пустыми, но у края одной из них найдены развалы двух кулайских сосудов, орнаментированных крупным гребенчатым штампом. Могилы, у внешнего края которых стояли сосуды, есть на Барсовских III и VII могильниках. Две ямы, в каждой из которых найдено по кулайскому сосуду, выявлены при раскопках средневекового городища Кучиминское XI. На дне одной зафиксированы прокол и угли. Ещё одна яма, похожая на могильную, раскопана на селище Кучиминское IX. На дне её находились развалы двух кулайских горшков. Таким образом, не исключено, что в перечисленных случаях мы имеем дело с кулайскими погребениями, однако однозначно определить это нельзя.

На левом берегу р. Обь, напротив Барсовой Горы, исследован относительно крупный могильник Сырой Аган 13 (более 20 погребений).¹⁴⁷ Размеры погребений в нём от 150×60 до 220×100 см, глубина 40–80 см. Ориентировка могильных ям неустойчивая. В восьми ямах обнаружены фрагменты железных изделий, в основном ножей, в семи — медных (бронзовых?) и в трех — серебряных. Но ни в одном из погребений не найдены ни оружие, ни культовое литье, а из украшений были только три стеклянных бусины с внутренней позолотой, целое и фрагменты серебряных височных колец. Возможно, это кладбище рядовых общинников.

¹⁴⁴ Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 92.

¹⁴⁵ Борзунов В. А., Зыков А. П. Указ. соч. С. 106.

¹⁴⁶ Бельтикова Г. В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 24–27.

¹⁴⁷ Баранов М. Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13... С. 219–238.

Рис. 244. Ранний железный век бассейна р. Аган. Кулайская культура.
 Могильник Агрнъёган 1 (1, 13 — железо; 2-4, 9-12, 14, 15 — медь, бронза; 5 — стекло; 6-8 — египетский фаянс;
 16 — бронза, железо; 16а — реконструкция К. Г. Карачарова, В. Н. Широкова) (по: Первалова, Карачаров, 2006)

Рис. 245. Ранний железный век бассейна р. Аган. Кулайская культура.
Могильник Нивагальское 34 (1-3, 7-12, 14-16 — бронза; 4, 5 — золото; 6 — стекло; 13 — железо) (по: Карачаров, 2011; 2017)

В Сургутском Приобье известны также несколько одиночных или образующих небольшие могильные поля богатых погребений (Агрнъёган 1, Нивагальское 34). Оба памятника были разрушены строительством и мародерами от археологии, их остатки обследованы К. Г. Карачаровым. На первом обнаружено 235 предметов и их обломков, остатки четырёх человек и кости двух северных оленей¹⁴⁸ (рис. 244). На втором — свыше 50 изделий и фрагментов, выявлены следы двух погребений¹⁴⁹ (рис. 245). Среди находок: железное и бронзовое

¹⁴⁸ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 62-71.

¹⁴⁹ См.: Карачаров К. Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 82-110; Он же. Погребение 1 могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 88-102.

Рис. 246. Ранний железный век бассейна р. Аган. Кулайская культура. Могильник Нивагальское 34. Глиняный сосуд (по: Карачаров, 2017)

оружие (наконечники копий и стрел, кинжалы и ножны, кельты), культовое литье (зоо-, орнито- и антропоморфные фигурки), фрагменты бронзовых котлов и чаш, зеркала, бляхи и подвески, в том числе вырезанные из зеркал, некоторые с процарапанными граффити, украшения (подвески, пронизки, серьги, бусы), глиняный сосуд (рис. 246). Погребальный инвентарь сближает эти могильники с такими комплексами, как погребение 1 Барсовского III могильника, Холмогорский клад,¹⁵⁰ найденный на границе с Ямало-Ненецким автономным округом (Сибирские Увалы) и интерпретируемый как погребение иттарма, а также погребения на поселении

Няксимволь 2¹⁵¹ и городище Согом 64.¹⁵² Таким образом, могильники демонстрируют ярко выраженную имущественную и социальную дифференциацию кулайского общества.

В кулайское время распространяются святилища и клады, в том числе «оружейные». Выделяются несколько групп культовых памятников: крупные региональные и локальные святилища; «клады», содержащие сакральные вещи, и так называемые случайные находки; культовые объекты на городищах; сакральное пространство в постройках. Самым ярким памятником первой группы является сакрально-производственный центр Усть-Полуй, расположенный на Полярном круге. Крупными региональными святилищами могли быть культовые места на городище Барсов городок 1/9, Кулайское, Парабельское. На каждом из них найдены десятки предметов культовой металлопластики и другие изделия.

Святилище на Барсовой Горе находилось на одной из самых высоких точек в урочище, на заброшенном к тому времени городище (рис. 247), в культурном слое которого были обнаружены следы постройки с керамикой калинкинской культуры, обломки сосудов белоярской культуры. Отдельные вещи и их скопления (приклады) были найдены в верхней части засыпки вала (всего 47 бронзовых предметов), в меньшем количестве (3 изделия) — на внутренней площадке (рис. 248). Среди нескольких ям, выявленных в раскопе, три выделялись присутствием на дне лошадиных зубов или челюстей. В одной из них, помимо этого, найдены обломки толстостенного неорнаментированного сосуда. К сожалению, святилище было разграблено, добыча мародёров насчитывает примерно 89 предметов¹⁵³ (рис. 249). Среди изделий из бронзы наиболее многочисленны круглые бляхи с отверстиями в центре — вместе

¹⁵⁰ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. 176 с.

¹⁵¹ Соболевникова Т. Н., Кузина А. В. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 313–327.

¹⁵² Безформата. Новости Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского автономного округа. Погребение на городище раннего железного века: [сайт]: URL: <https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/pogrebenie-na-gorodishe-rannego-zheleznogo/87134624/> (дата обращения: 11.12.2023). Автор благодарит за информацию и предоставленные материалы Т. Н. Соболевникову.

¹⁵³ Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. Указ. соч. С. 21–62.

Рис. 247. Городище Барсов городок I/9. Ров и вал, вид с запада. Видны следы грабительских «раскопок». Фото Ю. П. Чемякина, 2012 г.

с разграбленными более 40 экз. В коллекции присутствуют также зеркала, поясные (эполетообразные) застёжки, серьги, пластинки разных форм. Культовое литьё представлено 30 изделиями (в том числе 20 антропоморфными). Из них 23 происходят из грабительских раскопок. Со слоем святилища, вероятно, связана находка сломанной глиняной скульптурки (головы коня? — рис. 248, 8). Височные подвески аналогичны находке с селища Барсова гора IV/13, которое может датироваться рубежом эр — I в. н. э. Наиболее вероятно, что святилище действовало в пределах I в. до н. э. — III в. н. э., то есть было одновременно святилищем из Канинской пещеры и Усть-Полуйскому городищу. По своему характеру оно схоже со средневековыми, известными по раскопкам на городищах Барсов городок I/6, Ермаково I и Сайгатино I, и современными святилищами. На этих памятниках тоже зафиксированы приношения вещей (украшений, культового литья, оружия и т. п.) и кости животных. Интересно, что в верхнем слое на валу городища Барсов городок I/9 найдена монета (5 копеек) 1785 г., что может быть связано с почитанием этого места и в более позднее время.

На той же Барсовой Горе на городище Барсов городок I/20 найден клад, состоявший из 54 предметов (рис. 250). Все вещи, кроме двух, отлиты из цветного металла в двустворчатых матрицах в технике объёмного и плоского литья. Среди бронзовых изделий поясные застёжки, прямоугольные ажурные бляхи с изображениями животных и людей, круглые и прямоугольные бляхи, полые подвески в виде медведя и барсука (?), пронизки, а также фигурка совы, покрытая гравировками. В составе клада есть обломок железного кузнечного молотка (рис. 250, 15) и стеклянная глазчатая бусина (рис. 250, 12). По мнению Г. В. Бельтиковой, клад

Рис. 248. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
 Святилище на городище Барсов городок 1/9. Вещи (1 — бронза, нить, мех; 8 — глина; остальное — медь, бронза) (9, 13, 18 — по: СКМ АС, 2011)

Рис. 249. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура. Святилище на городище Барсов городок 1/9. Вещи из грабительских раскопок, бронза (по: Ширин, Яковлев, 2010)

представлял собой «шаманский» набор, состоявший из нагрудника с богатым убранством и кожаного пояса. Она считала, что «клад и постройка [в которой он обнаружен — Ю. Ч.] принадлежат раннему горизонту, т. е. периоду сооружения и функционирования городища», и датируются в рамках I в. до н. э. — II в. н. э.¹⁵⁴ В. А. Борзунов и А. П. Зыков полагают, что «клад был зарыт на площадке городища намного позднее» прекращения его функционирования. Выделяя по материалам Барсовой Горы позднекулайский период (I — начало III вв. н. э.), они датируют клад вместе с зоо-орнитоморфной подвеской, найденной на

¹⁵⁴ Бельтикова Г. В. Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 203–206.

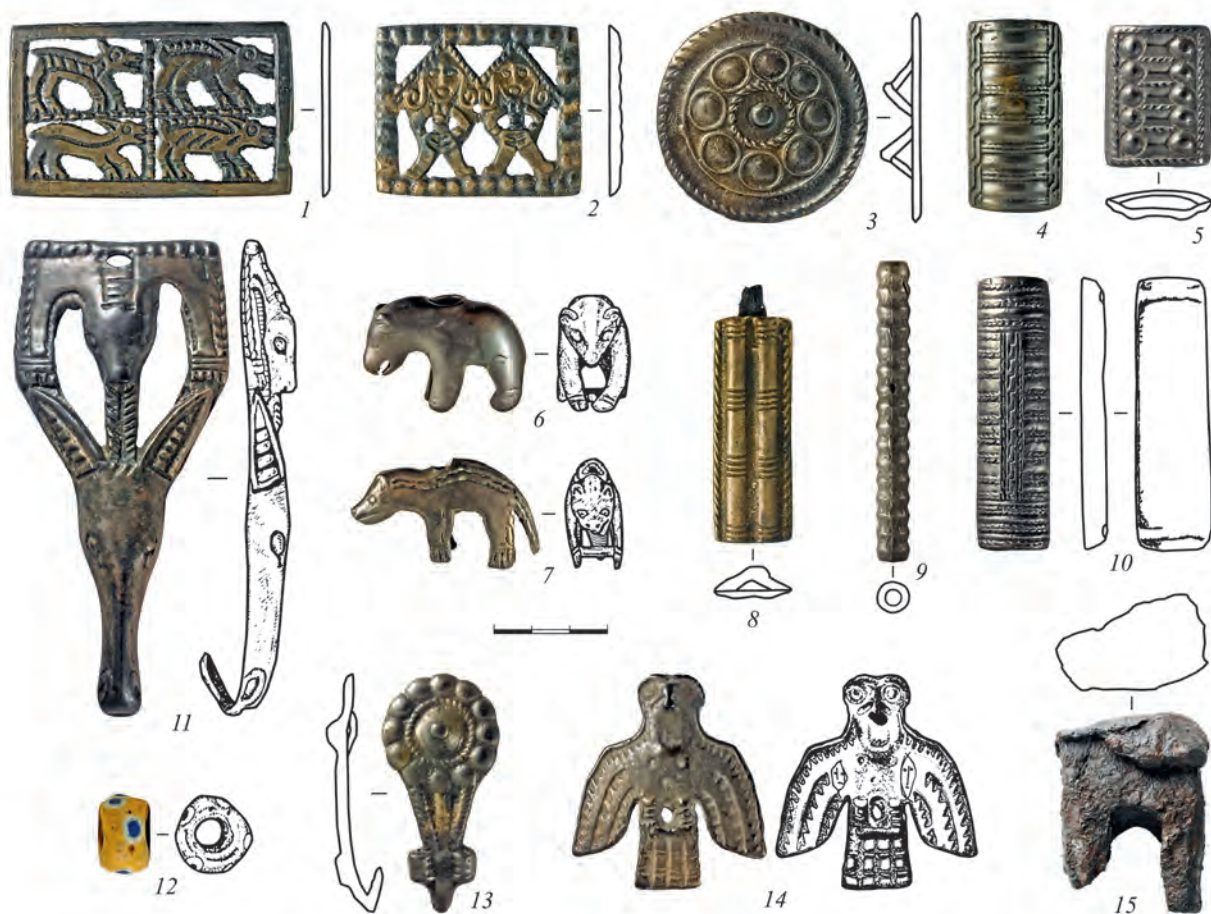

Рис. 250. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.

Клад на городище Барсов городок 1/20. Вещи: 8 — бронза, кожа; 12 — стекло; 15 — железо; остальное — бронза (по: Клад кулайской культуры... 2016)

этом же городище, и Барсовский III могильник «более поздним временем в пределах обозначенного выше хронологического интервала».¹⁵⁵ Эта точка зрения на датуклада и его отношение к городищу представляется ближе к истине.

В Сургутском Приобье есть ещё несколько памятников, которые могут быть связаны с кулайскими святилищами, но меньшего масштаба, чем Барсова Гора. Они открыты на Соровских озёрах (Соровское 22, 23)¹⁵⁶ в бассейне р. Большой Салым и в бассейне р. Пим (Амтуньюх 3).¹⁵⁷ Оба памятника приурочены к выдающимся формам рельефа (остров, мыс, гребень гривы) и содержат культовое литьё, оружие, украшения, то есть набор предметов, характерных для сакральных мест. Такой же характер могла иметь и т. н. Пойковская коллекция — собрание из 112 бронзовых и железных предметов, случайно найденных на левобережье р. Обь

¹⁵⁵ Борзунов В. А., Зыков А. П. Указ. соч. С. 106.

¹⁵⁶ Кардаш О. В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озёрах // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 207–218.

¹⁵⁷ Морозов В. М., Кондрашев А. Н. Результаты предварительного обследования... С. 72–85.

Рис. 251. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
 Пойковская коллекция: 2, 4, 5 — железо; 3 — бронза, железо; остальное — бронза (по: Яковлев, 2018)

в окрестностях п. Пойковского и переданных в Музей Природы и Человека.¹⁵⁸ В её составе 90 художественных изделий, относимых обычно к культовым, обломки и целые круглые бляхи, в том числе с циркульным орнаментом, и 16 наконечников стрел (рис. 251). Отдельные образцы художественной металлопластики найдены в жилищах или культурных слоях на поселениях или городищах. Учитывая их редкость, а также состав других находок в таких объектах, можно допустить, что в них проживали представители верхушки общества, вожди (богатыри) или шаманы, либо что эти постройки являлись общественными.

Распространённым занятием кулайского населения, как и в предыдущие времена, было керамическое производство. Из глины лепилась посуда разного назначения, технические изделия — тигли, льячки, литейные формы, а также украшения и скульптура. Изучение эволюции кулайской керамики позволило наметить периодизацию всей культуры в регионе.

¹⁵⁸ Яковлев Я. А. Пойковская коллекция: каталог. Екатеринбург, 2018. 296 с.

Ранняя посуда Сургутского Приобья имеет в основном горшковидную форму, с хорошо профилированной шейкой, иногда с ребром на переходе от плечика к тулову, округлым или приострѣнным дном. Есть сосуды на поддонах, небольшие чашечки. На селище Барсова гора I/22 (рис. 252, 1–5) вместе с такими горшками найдено несколько сосудов смешанного облика. Их котловидная форма и разделительный пояс из сквозных ямок аналогичны белоярским, широкая неорнаментированная зона под ямками и жемчужины характерны для калинкинской посуды, гребенчатый штамп, которым они украшены, обычен на всём протяжении бронзового и железного веков (рис. 252, 3). Возможно, эти горшки отражают одну из форм сосудов на переходе от белоярско-васюганского этапа к кулайскому. Там же найдены две маленькие чашки, орнаментированные по канонам калинкинской посуды (рис. 252, 1, 2).

На раннекулайских сосудах обычны плоские венчики, орнаменты близки узорам на поздних белоярских и калинкинских сосудах. Они состоят из горизонтальных поясков вертикальных, наклонных и горизонтальных оттисков штампов в виде короткой гребѣнки, гладкого, реже уголка и иных, индивидуальных форм. Появляются оттиски уточки или птички — своеобразных маркѣров кулайской культуры. Редки элементы из геометрических фигур, зигзагов или меандров. Найдены и оригинальные сосуды с изображениями распластанной шкуры медведя и/или лягушки (рис. 253). Сосуды средней стадии по технологии изготовления, форме и орнаментации близки ранним, но отличаются от них значительным преобладанием скошенных внутрь венчиков, нередко с карнизиками.

Есть горшки с более плотным расположением узоров, заходящих на верхнюю часть тулова (рис. 254). Они схожи с сосудами пятой и шестой групп Томско-Нарымского Приобья (по Л. А. Чиндиной).¹⁵⁹ Керамика поздней стадии преимущественно котловидная, с профилированным плечиком и округлым дном, хотя встречаются горшковидная и другие формы. Сосудов на поддонах почти нет, в отличие от первых двух стадий. Венчики разнообразные, но преобладают массивные, скошенные внутрь, с карнизиком. Нередко они украшены горизонтальными оттисками штампов, иногда орнаментировались и карнизиками. Этого практически не было прежде, но известно позже, на карымской керамике. Узоры по-прежнему состоят преимущественно из горизонтальных поясков разнонаклонных оттисков штампов. Среди последних появляется штамп в виде змейки, зубчатой уточки. Чаще применяется гребенчатый штамп с косою нарезкой зубцов. Композиции стали насыщеннее, плотнее, узор спускается на тулово ниже. Неорнаментированные зоны, где находился разделительный пояс, почти исчезли. Разделительные пояски нередко перекрывают орнамент, и в них почти нет жемчужин. Подобная посуда близка саровской седьмой и восьмой групп, а также среднеиртышской (сперановской) и отчасти ярсалинской.

Близкие формы и орнаменты встречаются и на карымском этапе среди сосудов с гребенчатым и фигурно-штампованным орнаментом. В Сургутском Приобье пока не известны поселения с керамикой ярсалинского типа (не исключено, что их здесь нет), но отдельные «ярсалинские» сосуды найдены на ряде памятников. Позднекулайским временем могут датироваться городища Барсов городок I/4 (рис. 255, 7, 8, 10, 11), Кучиминское II, селище Барсова гора I/21 (рис. 255, 1–6) и некоторые другие. Вероятно, к переходному времени от второй к третьей стадии относятся городища Барсов городок I/20 и селище Барсова гора IV/13¹⁶⁰, причѣм типологически керамика городища выглядит более ранней.

¹⁵⁹ Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 87–92.

¹⁶⁰ Борзунов В. А., Стефанова Н. К. Кулайский «поселок из одного двора»... С. 96–109.

Рис. 252. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
1-я стадия. Керамика: 1-5 — селище Барсова гора I/22а; 6 — Барсова гора, р. Барцевка; 7, 8 — селище Барсова гора III/36;
9-11 — городище Барсов городок I/7 (1, 4, 7, 8 — по: СКМ АС, 2011)

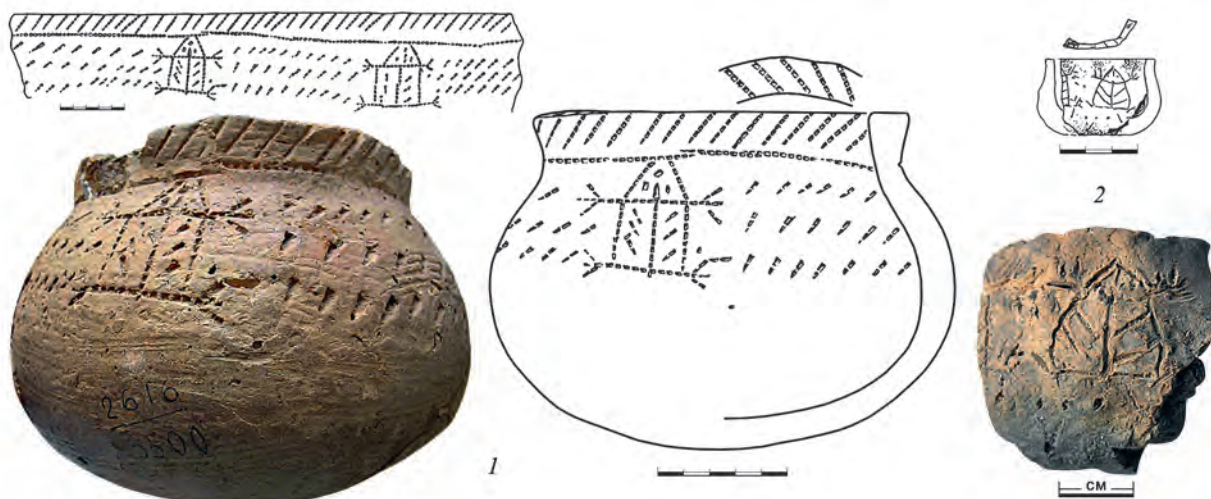

Рис. 253. Ранний железный век Барсовой Горы.

Кулайская культура. 1-я стадия. Оригинальная керамика. 1 — селище Барсова гора III/10; 2 — городище Барсов городок III/6

Технико-технологический анализ керамики шести кулайских поселений на Барсовой Горе показал, с одной стороны, близость представлений гончаров сургутского варианта кулайской КИО об исходном пластичном сырье и навыков конструирования начала и полого тела. Это говорит о сходстве гончарных традиций населения разновременных памятников. Выявленная же разница в рецептах формовочных масс, отдельных узких навыках конструирования полого тела, вариантах механической обработки поверхности позволяет допускать, что население Барсовой Горы смешивалось с носителями других гончарных традиций (гончарами иных кулайских популяций). Это могло происходить в результате брачных связей, а также в результате активного посещения урочища представителями других кулайских общин.¹⁶¹ Последнее могло быть связано с проведением каких-то региональных мистерий, празднеств. Отсюда можно сделать предварительный вывод, что уже в кулайское время на Барсовой Горе существовало общерегиональное святилище.

Обработка камня у кулайского населения занимала подчинённое место, вытесняемая металлообработкой. Каменные орудия, как и в предшествующий период, невыразительны и малочисленны: различные отбойники, молотки, а также абразивы, сделанные из местных низкокачественных пород. Заготовками часто служили булыжники и гальки. Для абразивов выбирали в основном песчаниковые породы, а для пряслиц — сланцы. Из камня делали и грузила.

Цветная металлообработка в кулайское время достигла своего пика. Тигли — овальные и ладьевидные — имеют разные размеры и в целом аналогичны тиглям, найденным на белоярских и калинкинских памятниках (рис. 256, 18, 19). Среди них есть экземпляры, формованные из целого куска глины, изделия, бортики которых прилепливались к отдельно вылепленным днищам или специально обработанным фрагментам керамики. Однако металлических вещей, кроме украшений и культовых изделий, оружия, происходящих из могильников, культовых

¹⁶¹ Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Особенности гончарной технологии населения сургутского варианта кулайской КИО (по материалам памятников Барсовой Горы) // XXII Уральское археологическое совещание. Курган, 2022. С. 238–240.

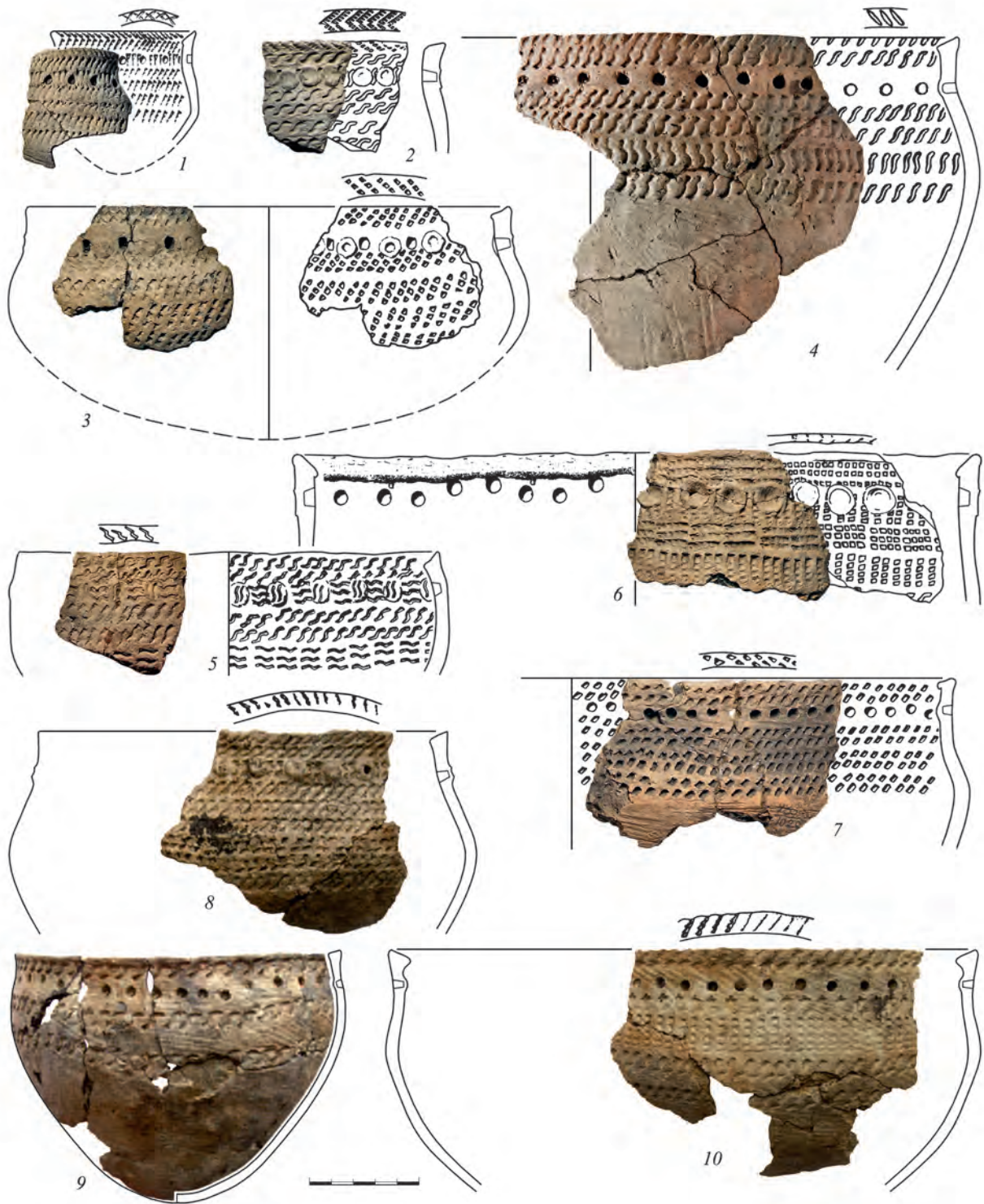

Рис. 254. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
 2-я стадия. Керамика: 1-3, 5-7 — городище Барсов городок 1/5; 4 — городище Барсов городок 1/12
 (фото — по: СКМ АС, 2011); 8-10 — городище Мильтоньяун 4 (по: Стефанов и др., 2010)

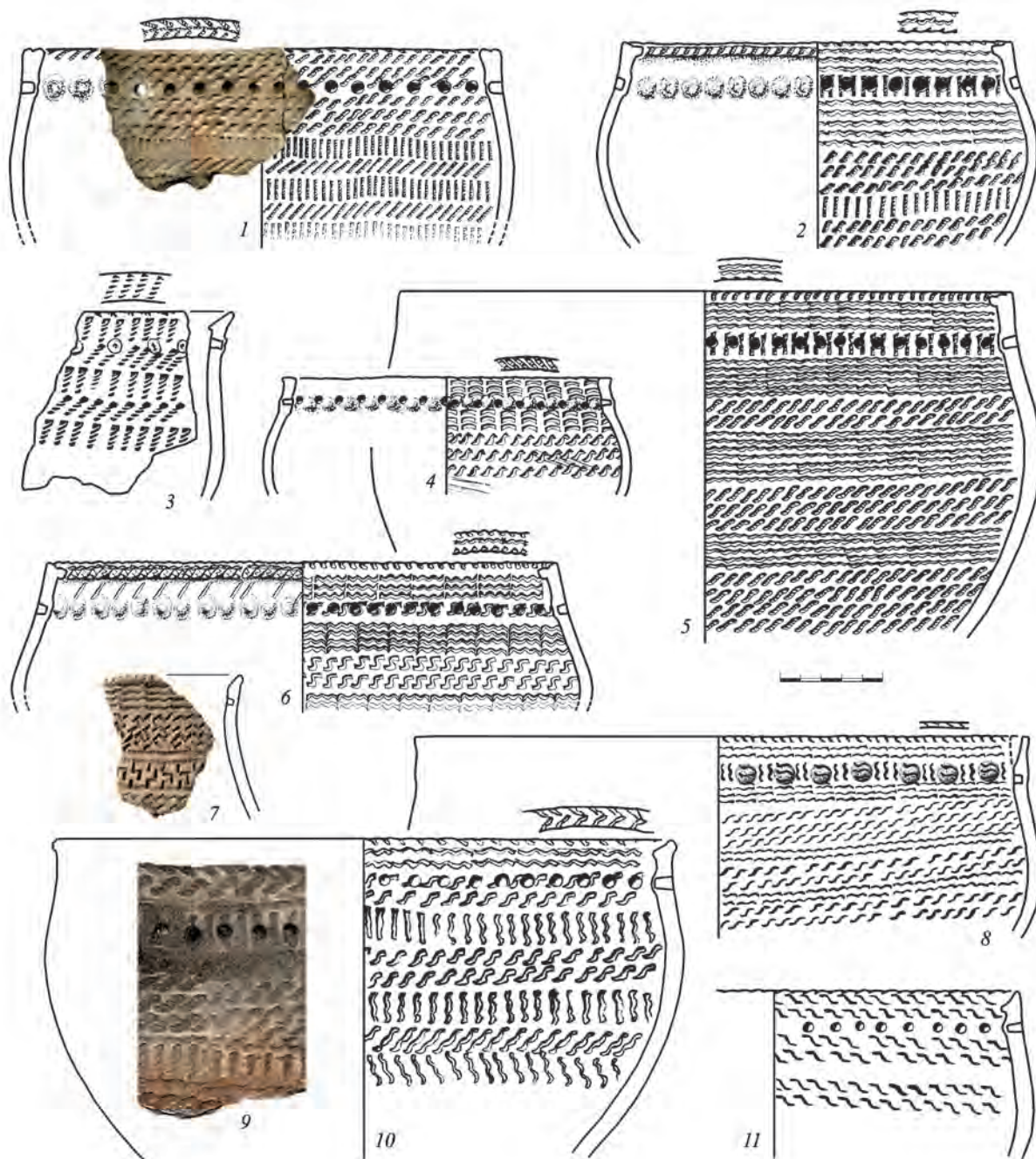

Рис. 255. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура. 3-я стадия. Керамика. 1-6 — селище Барсова гора 1/21; 7, 8, 10, 11 — городище Барсов городок 1/4; 9 — городище Барсов городок 1/31

мест и кладов, по-прежнему немного. И объяснение этому то же — все сломанные, пришедшие в негодность предметы пускались в переплавку. Отсутствие собственных рудных месторождений и всё возрастающая потребность в металле вели к интенсификации торговли. Появляется много импортных вещей, среди которых оружие, украшения, бляхи. Эти вещи, помещённые в погребения, принесённые на святилища или закопанные в землю (клады), не подлежали переплавке, и именно они составляют большинство дошедших до нас предметов.

Что касается источников металла, то ими могли служить крупные изделия, в первую очередь, бронзовые (медные) котлы, а также слитки. Об этом свидетельствуют находки обломков котлов и сами котлы, дошедшие до наших дней на культовых местах или в составе т. н. кладов (Кулайское культовое место, Истяцкий «клад» и др.). Косвенным подтверждением этому служат керамические сосуды на поддонах, видимо, копировавшие металлическую посуду. Спектральный анализ ряда изделий не позволил выявить рудные источники металла, поставлявшегося в регион. Да и возможно ли это, с учётом неоднократных переплавок вещей? С. В. Кузьминых отмечает, что кулайские литейщики сохраняли налаженную ещё с эпохи бронзы систему поставок меди, бронз и, возможно, лигатуры, прежде всего, из алтайских горно-металлургических центров.¹⁶² Другим источником могли быть месторождения Восточного Казахстана. Материалы Барсовой Горы и Холмогорской коллекции демонстрируют отсутствие сколько-нибудь значимой роли Урала, Центрального Казахстана и Средней Азии в поставке меди и лигатур в регион в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. Находки на Барсовой Горе сосуда саргатского облика¹⁶³ (рис. 257), а также кулайских сосудов в саргатском ареале указывают на посредников в такой торговле, хотя не исключены и прямые контакты «кулайцев» с населением указанных территорий.

Плавка металла производилась в жилищах, в очагах. В них часто находят обломки тиглей, сплески и капли меди или бронзы. Изделия отливались в односторонних, двух- и трёхстворчатых формах. Было известно и литье по моделям.¹⁶⁴ Кулайские литейщики изготавливали орудия труда (шилья, ножи, кельты), оружие (наконечники стрел), плоское (ажурное и сплошное) культовое литьё (рис. 256). Относительно рельефного литья, преимущественно из т. н. «белых бронз», мнения исследователей разделились. Есть достаточно аргументированная точка зрения, что подобные изделия, как и целый ряд украшений (бляхи, зеркала), отливались за пределами кулайского ареала, то есть представляют собой импорт.¹⁶⁵ Но до выявления такого (таких?) центра она остаётся только предположением.

О существовании местной чёрной металлургии и металлообработки свидетельствуют сосуды со следами железодельного производства и куски железного металлургического шлака с городища Барсов городок I/4, а также обломок кузнечного молотка из клада на городище Барсов городок I/20 (рис. 256). Сосуд был найден в жилище, в углублённом очаге размером 2,3×1,9–2,0 м. Он стоял вертикально, и его горловина чуть возвышалась над очажным слоем.

¹⁶² Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Указ. соч. С. 134.

¹⁶³ Ковригин А. А. Об одном керамическом сосуде с Барсовой Горы (о характере связей населения таёжной и лесостепной зон Западной Сибири) // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 57–58.

¹⁶⁴ Терехин С. А. Техника и технология цветной металлообработки кулайской культуры (васюганский этап) // Вестник ТГУ. 2009. № 328. С. 81–83.

¹⁶⁵ Ширин Ю. В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-западно-сибирского литья из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 90–91

Рис. 256. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.

Вещи: 1 — городище Мильтонъяун 4 (по: Стефанов и др., 2010); 2 — городище Старые Покачи 5 (по: http://northarch.ru/exp2004_3.htm);
 3 — городище Барсов городок I/17; 4, 5 — городище Барсов городок I/22; 6 — селище Барсова гора III/10;
 7, 18, 24 — селище Барсова гора III/36; 8 — селище Барсова гора III/21; 9, 11 — городище Барсов городок III/6; 10 — городище Барсов городок I/4;
 12 — городище Барсов городок I/8; 13, 17, 19, 22 — селище Нёх-урий 5.1 (по: Данилова, 2015); 14, 15 — поселение Балинское
 7 (по: Баранов, 2008); 16 — городище Барсов городок I/5; 20 — поселение Амтунных 3 (по: Морозов, Кондрашёв, 2000);
 21, 23 — городище Барсов городок I/20 (12, 18, 19 — глина; 13, 20 — железо; 17 — стекло; остальное — медь и медные сплавы)

Рис. 257. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура. Селище Барсова гора III/36, сосуд саргатского облика (по: СКМ АС, 2011)

По форме и орнаментации он был датирован, как и всё городище, первой третью I тыс. н. э.¹⁶⁶ Однако, учитывая, что над этим жилищем выявлены ещё три кулайских строительных горизонта, вероятно, время его функционирования будет ближе к самому началу I тыс. н. э. Недалеко от очага найден бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой «усть-полуйского» типа, железные наконечники стрел происходили из расположенного рядом раскопа 1. Железные изделия присутствуют на многих кулайских памятниках, и в первую очередь в т. н. «оружейных кладах». Часть из них, главным образом оружие, имеет импортное происхождение, но другая часть вполне могла изготавливаться местными кузнецами.

Е. В. Водясов считает необоснованными выводы о собственной кулайской чёрной металлургии, оперируя отсутствием соответствующих анализов и, с его точки зрения, следов металлургии на поселениях. Однако, опровергая такую возможность для таёжных аборигенов, он в то же время признаёт её намного севернее, в зоне тундры, на Усть-Полуе.¹⁶⁷ К тому же утверждение об импортном характере железных изделий у «кулайцев» без анализов этих вещей также голословно. Следует заметить, что, несмотря на большое число раскопанных памятников конца раннего железного века, единицы из них исследовались большими площадями. И если бронзолитейное производство носило характер домашнего, его следы фиксируются во многих жилищах, то выплавка железа была более трудоёмким занятием, доступным немногим (богатырям, шаманам-кузнецам). Более того, она могла происходить за пределами поселений. Отсюда и редкость следов металлургии не только на кулайских, но и на раннесредневековых памятниках, не только в тайге, но и в Западной Сибири этого времени в целом.

Деревообработка, кожевенное и косторезное производства, игравшие важную роль в жизни аборигенов, следов в археологических памятниках на территории ХМАО — Югры

¹⁶⁶ См.: Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность... С. 91–92; Чемякин Ю. П., Жирных Е. А. К вопросу о возникновении чёрной металлургии на севере Западной Сибири // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 51–54.

¹⁶⁷ Водясов Е. В. Миф о кулайской чёрной металлургии: историография проблемы и перспективы ее решения // Вестник ТГУ. История. 2021. № 74. С. 178–182.

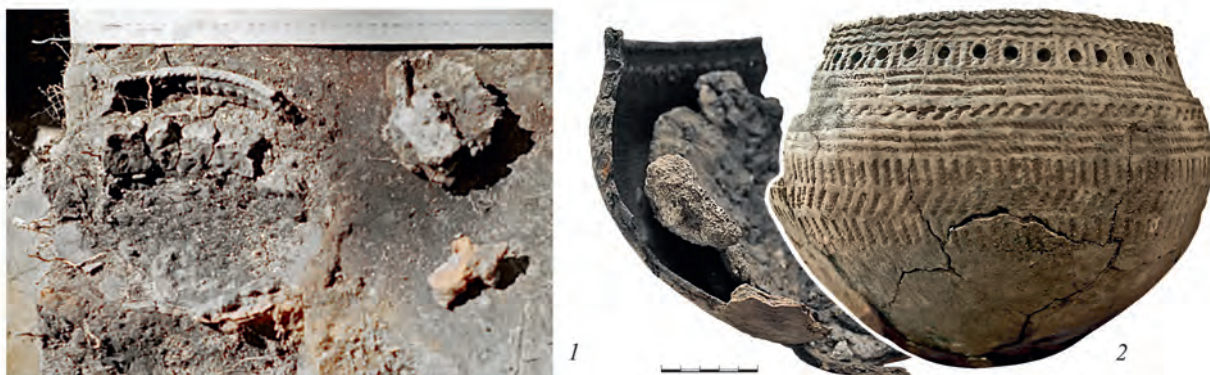

Рис. 258. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура.
Городище Барсов городок I/4, сосуд со следами плавки железа: 1 — in situ, вид с востока
(фото Ю. П. Чемякина, 1973 г.); 2 — после реставрации (реставратор — М. Е. Тропина)

практически не оставили. Причина этому неоднократно указывалась: в условиях подзолистых песчаных почв органика практически не сохраняется. Но на памятниках Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья представлены костяные наконечники стрел, гарпуны, пряслица, рукояти различных орудий, детали упряжи, ложки и гребни. Богатая коллекция костяных изделий происходит с городища (сакрально-производственного центра) Усть-Полуй. Надо полагать, что в Сургутском Приобье резьба по кости и рогу не уступала соседним регионам.

Абсолютных дат для кулайских памятников Сургутского Приобья мало, и они в основном относятся к ранней стадии. Калиброванные радиоуглеродные даты укладываются в промежуток с конца V до I вв. до н. э. Они происходят с поселения Кедровая 2,¹⁶⁸ селища Нёх-Урий 5.1¹⁶⁹ и городища Барсов городок III/6.¹⁷⁰

¹⁶⁸ Чарусова И. С., Баранов М. Ю. Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО — Югре в 2010 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 465.

¹⁶⁹ Данилова Е. Н. Комплекс раннего железного века селища Нёх-Урий 5.1 в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2015. Вып. 13. С. 189.

¹⁷⁰ См.: Чемякин Ю. П. Исследования оборонительной системы городища Барсов городок III/6 // Археологические открытия. 2021 (в печати); Дубовцева Е. Н., Пиецонка Х., Шрайбер Т. Новые данные о хронологии укрепленных поселений охотников, рыболовов и собирателей таёжной зоны Западной Сибири // УИВ. 2023. № 3 (80). С. 119–130.

Глава 6

Кулайский этап в Нижнем Приобье и Кондинском крае

Кулайский этап раннего железного века в Нижнем Приобье и Кондинском крае связан с кулайской КИО, представленной синдейской и кулайской культурами. Синдейский тип керамики, как и кульминский, был выделен В. Д. Викторовой для археологических памятников бассейна р. Тавда в конце 1960-х гг.¹⁷¹

Синдейская культура

Характеризуя керамику из этого региона, она писала, что применение специально изготовленных фигурных штампов в Тавдинском районе прослеживается во второй половине раннего железного века на сосудах памятников синдейского типа. По В. Д. Викторовой, в синдейской керамике наблюдается взаимодействие трёх компонентов: ямочно-насечкового неясного происхождения; гребенчатого, аналогии которому есть в керамике кашинского типа среднего течения Туры; и местного, змейкового. Сосуды змейковой группы генетически связаны с вагильским типом керамики. Полные аналогии им имеются среди сосудов городища Няксимволь.

Позже В. Д. Викторова повторила характеристику синдейской керамики, выделив в ней три орнаментальные группы. Ямочно-насечковая орнаментация первой из них, в том числе в сочетании со шнуром, присуща сосудам гляденовской культуры. Происхождение сосудов второй группы, украшенных прокатанным штампом и фигурными оттисками, она связала с местными традициями, а также традициями большого круга памятников Нижней Оби. Третья, наиболее представительная группа, украшенная крупногребенчатым штампом, имеет широкое распространение на памятниках кашинского типа лесного Зауралья.¹⁷² Другими словами, синдейский культурный комплекс сформировался в результате взаимодействия трёх этнокультурных групп: мигрантов из Приуралья (гляденовской культуры), местного и нижеобского населения и коллективов из лесного Зауралья (кашинской культуры).

¹⁷¹ См.: Викторова В. Д. Археологическая карта рр. Тура и Тавда...; Она же. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации... С. 260–261.

¹⁷² См.: Викторова В. Д. Синдея, городище; синдейская культура... С. 489; Она же. Туманское I поселение, святилище, костыше // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 131, 136.

С Туманского I поселения происходит большая коллекция костяных изделий и бронзовой металлопластики, одновременная синдейской керамике. Аналоги им известны в прикамских и западносибирских культурах эпохи раннего железа, в первую очередь, гляденовской и усть-полуйской. В. Д. Викторова характеризует синдейский комплекс Туманского I поселения как культовый, находящийся параллели среди святилищ Приуралья и Западной Сибири, таких как гляденовские костница, Лозьвинский клад, Усть-Полуй и другие.¹⁷³ В последних работах она пишет уже о синдейской культуре, сложившейся на основе местных вагильских и лозьвинских древностей под сильным воздействием мигрантов кашинской культуры, потомков иткульских металлургов. Её создатели имели постоянные контакты с населением Среднего Прикамья, также повлиявшим на формирование синдейского керамического комплекса.¹⁷⁴ В то же время «относительная самостоятельность синдейской культуры, возможно, связана с её географическим положением и ролью посредника в зоне контакта населения Зауралья и Приуралья. Специфика культовой пластики обнаруживается на всём протяжении от верховьев Вишеры до верховьев Северной Сосьвы и Ляпина».¹⁷⁵ Вместе с тем она выглядит как составная часть нижеобского (кулайского) мира на саровском этапе его развития.¹⁷⁶

Синдейские памятники имеют признаки того, чтобы их объединить в археологическую культуру, но для этого необходимо выделить и охарактеризовать такие её черты и особенности, как ареал, поселения и жилища, погребальный обряд и многие другие. До сих пор нет даже обобщённой характеристики керамики, её локальных вариантов. Говорить о синдейской культуре, пока ряд её признаков или не известен, или не описан, видимо, рано.

В своё время В. Д. Викторова перечислила 13 памятников в бассейне р. Тавда с синдейской керамикой. На двух из них — селищах Туманском I и Тыне I — были произведены раскопки. Позже В. М. Морозов отмечал присутствие синдейской керамики и построек в Нижнем Приобье на поселениях Перегрёбное 4 и Каксинская гора 4, городищах Низямы II, Перегрёбное VI и Шеркалы I. К сожалению, ввести в научный оборот эти материалы он не успел, и без нового обращения к коллекциям и полевым материалам трудно сказать, насколько они соответствуют современному пониманию синдейского типа. Самое крупное пока синдейское поселение — Ендырское VIII — раскопано А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым на р. Ендырь в Нижнем Приобье.¹⁷⁷ На площади 605 кв. м исследованы минимум девять построек раннего железного века. В семи из них обнаружена керамика синдейского облика, еще в двух — кулайская. Интересно, что, по наблюдениям исследователей, кулайские постройки возникли позже синдейских.¹⁷⁸ Синдейские сосуды найдены в бассейне р. Северная Сосьва, в том числе на городище Няксимволь. Есть они и на знаменитом городище Усть-Полуй на Полярном круге.

¹⁷³ Викторова В. Д. Туманское I поселение... С. 149.

¹⁷⁴ См.: Викторова В. Д. Синдея, городище... С. 478; Она же. Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций // Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 54–56.

¹⁷⁵ Викторова В. Д. Туманское I поселение... С. 150.

¹⁷⁶ Там же. С. 149.

¹⁷⁷ См.: Зыков А. П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 332–335; Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. ... С. 114–134; Мельник Т. В. Планировка поселения раннего железного века Ендырское VIII (по материалам раскопок 2002–2018 гг.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул, 2019. Вып. 14. С. 77–81.

¹⁷⁸ Мельник Т. В. Указ. соч. С. 79.

В бассейне р. Конда синдейская керамика известна минимум на 17 памятниках. На десяти из них проведены раскопки, при этом выявлены участки оборонительных систем (рвов), жилища и постройки, предположительно, хозяйственного назначения, а также отдельные кострища. Возможно, с синдейскими древностями связаны погребения могильника Неушья 1.2.¹⁷⁹ На городище Неушья 1.1 зафиксированы остатки жилища кулайской культуры, разрушившего котлован синдейской постройки. На городище-святилище Большая Умытья 36 (Шаман-Гора) С. Ф. Кокшаровым исследованы четыре жилища раннего железного века и участок рва. Вместе с синдейской посудой там найдена бронзовая фигурка лося или оленя с подогнутыми ногами.¹⁸⁰ Небольшое количество синдейской керамики залегало вместе с кулайской на поселении Ахтымья 1, предварительно датированном первой третью 1 тыс. н. э. Крупная коллекция — около 115 сосудов — была собрана Е. М. Беспрозванным и А. А. Погодиным на поселении Лева 22.

О планировке синдейских поселений трудно судить. Единственным памятником, где зафиксирован комплекс построек, является Ендырское VIII поселение. Жилища в нём «образуют посёлок, располагаясь компактным полукругом».¹⁸¹ Постройки этого памятника небольшие, прямоугольные, наземные или чуть углубленные (до 0,25–0,5 м). Размеры их от 2,2×1,5 до 5,0×3,0 м. Стенки двух углублённых жилищ укреплялись вертикально вбитыми досками, от которых сохранились узкие канавки. Во всех постройках, кроме одной, частично разрушенной выворотом дерева, выявлены очаги. С внешней стороны жилищ зафиксированы ямы, откуда брался грунт для подсыпки стен снаружи. Небольшие постройки (от 4,0×3,9 до 4,9×3,9 м) обнаружены на городище Большая Умытья 36.¹⁸² Но, кроме синдейской, на этом памятнике присутствует кулайская и ярсалинская керамика. На поселении Лева 22 с синдейским комплексом предположительно связаны небольшая хозяйственная постройка (или яма) под прямоугольной формы глубиной не менее 0,6 м, рядом с которой зафиксированы два внешних кострища, и остатки углубленного на 0,4 м жилища (?). Вдоль стен в границах котлована последнего были прослежены углистые полосы — остатки конструкций. Синдейский период на городище Неушья 1.1 представлен сильно разрушенными остатками двух чуть углублённых (до 0,35 м) построек и фрагментом оборонительного рва, исследованного на длину 27 м. Ширина его по верху до 1,6 м, по дну — до 1,3 м, глубина 0,6–0,7 м. Одна из построек была частично перекрыта жилищем с кулайской керамикой. Таким образом, можно отметить небольшие размеры углублённых до 0,6 м жилищ на исследовавшихся синдейских поселениях — от 2,2×1,5 до 5,0×4,0 м, наличие в них очагов, а также, во многих случаях, внешних ям.

Масштабные исследования проведены А. А. Погодиным на остатках разрушенного карьером городища Неушья 2.1. Оно было возведено на краю террасы высотой не менее 4 м. Конструкция состояла из прямоугольной жилой площадки размером 20×10 м, огороженной стеной и обнесённой рвом, имевшими в плане ломаный (восьмигранный?) контур. Городище было вытянуто вдоль края террасы, размеры его составляли не менее 30×20 м. Жилая площадка была выделена эскарпом высотой от 1,5 до 2,8–3,0 м. Вокруг эскарпа была выровнена

¹⁷⁹ Беспрозванный Е. М., Козеко О. Е. Могильник Неушья 1.2... С. 239–261.

¹⁸⁰ Кокшаров С. Ф. Раскопки городища Большая Умытья 36 // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 581.

¹⁸¹ Зыков А. П. Раскопки комплекса памятников... С. 334.

¹⁸² Кокшаров С. Ф. Раскопки городища Большая Умытья 36 (Шаман-гора) в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 5. С. 108.

площадка шириной 5–7 м, на которой сооружена деревянная стена, состоявшая, видимо, из трёх параллельных бревенчатых рядов, расположенных на расстоянии 1,0–1,2 м друг от друга. Общая ширина стены составляла 3,5–4,5 м. Внутреннее пространство между рядами было забутовано песком, принесённым со стороны. Таким же песком заполнили пространство между внутренней линией стены и эскарпом. Внешний край укреплений маркировался ровиком шириной от 0,8 до 1,8 м и глубиной до 0,5 м. Жилая площадка была покрыта настилом толщиной 0,15–0,20 м. В северной и южной частях жилого пространства зафиксированы два кострища, являвшиеся, по-видимому, остатками наземных очажных конструкций прямоугольной формы.

За северным участком рва городища было возведено наземное строение, в интерьере которого имелся прямоугольный котлован размером 4,0×3,5 м, глубиной 0,25 м. В центре его зафиксирована очажная конструкция размером не менее 2×1 м, забранная, видимо, деревянной рамой. К югу от городища выявлено ещё одно наземное прямоугольное кострище.¹⁸³

Рядом с городищем Неушья 1.1 Е. М. Беспровзванным были обнаружены четыре могилы, в которых были погребены пять индивидов. Размеры подпрямоугольных или овальных ям от 0,74×0,2 до 1,7×0,3–0,4 м, глубина 0,23–0,35 м от древней поверхности. Ямы располагались чуть изогнутым рядом. Три из них, ориентированные по оси СЗ–ЮВ, находились по одной линии в 0,5–1,0 м друг от друга, а четвертая, вытянутая по оси С–Ю, отстояла от них на 2,7 м к западу. Костяки плохо сохранились. Ориентировка двух из них головой на северо-запад, одного — на север. В самой маленькой могиле расчищено беспорядочное скопление костей от двух индивидов — взрослого мужчины и ребёнка; раздавленный череп лежал в юго-восточной части погребения (автор раскопок допускает, что захоронение могло быть вторичным). Рядом с черепом найден фрагмент бронзовой серьги (?). Жёлтая стеклянная бусина происходит из женского погребения. Других артефактов в могилах не обнаружено. В 1,3 м к западу от четвёртого погребения расчищены остатки кострища, вокруг которого лежали фрагменты синдейских сосудов.¹⁸⁴ Вероятно, к этому же времени принадлежали и погребения.

В. Д. Викторовой открыт и исследован уже упоминавшийся синдейский культовый комплекс на Туманском поселении у слияния рр. Кульма и Тынь. Набор наконечников стрел, связываемых с синдейским комплексом, панцирные пластины, в том числе украшенные узором уточка, бронзовое литьё, по её мнению, сравнимы с культовым статусом памятников раннего железного века Приуралья и Западной Сибири.¹⁸⁵ Бронзовые изображения, близкие найденным на Туманском святилище, известны в Приуралье (чердынские находки Н. Л. Гондатти), на рр. Северная Сосьва и Ляпин (Няксимволь, Вуграсян-Вад), на городище Усть-Полуй. По В. Д. Викторовой, они маркируют расселение племён — носителей синдейской культуры, а также древний путь связей населения Западной Сибири и Северо-Западной Европы конца раннего железного века.¹⁸⁶ Заметим, что многими исследователями эти памятники атрибутируются как усть-полуйские. На Вуграсян-Ваде вместе с 92 бронзовыми фигурками (рис. 264, 9–14) найден один сосуд. Статус городищ Няксимволь и Усть-Полуй до сих пор является предметом острых дискуссий.

¹⁸³ Погодин А. А., Труфанов А. Я. Спасательные работы на городище Неушья 2.1 // Археологические открытия. 2016. М., 2018. С. 372–373.

¹⁸⁴ Беспровзванный Е. М., Козеко О. Е. Могильник Неушья 1.2... С. 243–248, 261.

¹⁸⁵ Викторова В. Д. Туманское I поселение... С. 140–149.

¹⁸⁶ Викторова В. Д. Синдея, городище; синдейская культура... С. 312.

Самым массовым материалом, происходящим с синдейских памятников, является глиняная посуда. В. Д. Викторова, как уже отмечалось, предполагает в синдейской керамике взаимодействие трёх компонентов, отражённых в орнаментации. А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров отмечают преобладание на поселении Ендырское VIII горшковидных слабопрофилированных круглодонных сосудов; есть также миниатюрный горшок с резко отогнутой наружу шейкой и несколько закрытых чаш. Характерной особенностью сосудов являются скошенные внутрь венчики, иногда с карнизиками. Орнамент на внешней поверхности наносился гребенчатым, гладким или фигурным (змейка, птичка, единично — S-видный) штампами. На нескольких сосудах встречены отпечатки веревочки или шнура. Узоры простые: горизонтальные ряды прямых или наклонных оттисков штампа, ряды сгруппированных по два-три горизонтальных оттисков штампов, ряды шнуровых отпечатков.¹⁸⁷ Близкая керамика найдена и на городище Умытья 26. Большая керамическая коллекция происходит с поселения Лева 22 (раскопки Е. М. Беспрозванного, А. А. Погодина).¹⁸⁸ Среди сосудов 93 горшковидные и 20 — котловидные ёмкости с округлыми или слегка приотстрёнными днищами. На всей посуде орнамент занимает только верхнюю часть: украшались венчик, шейка, плечико и, в редких случаях, верхняя часть тулова. Разделительный пояс под венчиком образован ямками, «жемчужинами» или их сочетанием. Узор на внешней поверхности наносился штампованием. Почти половина ёмкостей украшена шнуровым орнаментом, велика доля гребенчатого штампа. Использовались также отпечатки гладкого штампа и трапециевидные ямки, фигурных штампов: крупной змейки, птички, уточки, Z-видного и других. На нескольких сосудах весь декор ограничивался разделительным пояском.

По основному использованному при декорировании штампу в коллекции Левы 22 можно выделить четыре группы сосудов, украшенных: 1) шнуровыми отпечатками; 2) гребенчатыми, гладкими и мелкоструйчатыми оттисками, в том числе в сочетании с шнуровыми; 3) фигурными, а также фигурными в сочетании с шнуровыми или гребенчатыми оттисками; 4) с декором только из ямок либо жемчужин.

В первой группе оттиски штампа имеют вид скрученного шнура разной толщины, иногда чуть разлохмаченного (рис. 259, 13, 16). Узоры состоят из горизонтальных рядов коротких наклонных или вертикальных оттисков, иногда сгруппированных по два-три; полукруглых (подковообразных) оттисков, в том числе в комбинациях с крупными крестовыми или меандровидными фигурами, и других. В узорах второй группы преобладают негативы от трёхзубого узкого инструмента. Композиции монотонные, преимущественно из горизонтальных поясков наклонных оттисков штампа, иногда сгруппированных по два (рис. 259, 9).

В третью группу объединены горшки, украшенные фигурными штампами, иногда в комбинации с шнуровыми или гребенчатыми оттисками. В большинстве композиций они образуют горизонтальные ряды, либо сгруппированы по два или три, в том числе в шахматном порядке (рис. 259, 10, 12). Змейковидные отпечатки часто создают горизонтальные линии. Декор четвёртой группы состоял из пояса ямок, жемчужин или их сочетания. Редко ямки образовывали самостоятельный узор. Эту группу составляют преимущественно котловидные сосуды (рис. 259, 8).

¹⁸⁷ Ил. 4. Ендырское VIII поселение. Керамика синдейского типа раннего железного века // Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. ... С. 125.

¹⁸⁸ Спасательные археологические раскопки на территории выявленного объекта культурного наследия «Поселение Лева 22» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 году: отчёт о НИР. Екатеринбург, 2016. 1 кн. в 2 ч. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М. // Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 127. Автор признателен Е. М. Беспрозванному и А. А. Погодину за предоставленную возможность работы с коллекцией памятника.

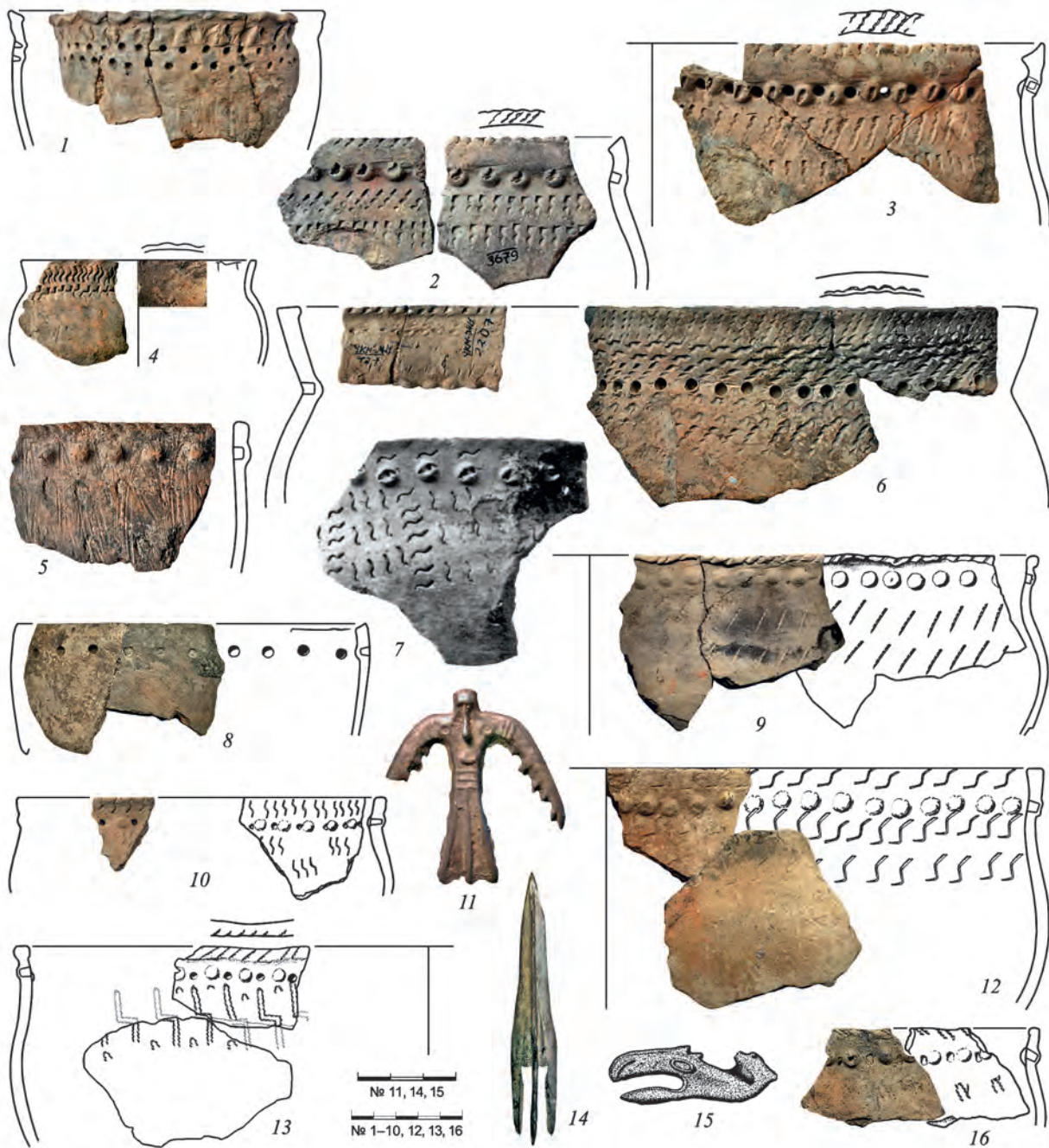

Рис. 259. Ранний железный век бассейна р. Конда. Синдейская культура.

Керамика, вещи: 1–6 — поселение Ахтымья 1 (раскопки А. Е. Цеменкова, 2004 г.); 7 — городище Старый Катыш 1 (по: Расторопов, 2014); 8–10, 12, 13, 16 — поселение Лева 22 (по: Беспрозванный, 2016); 11, 14 — городище Неушья 1.1 (по: Беспрозванный, 2006); 15 — городище Неушья 2.1 (по: Труфанов, Труфанова, 2017) (11, 14, 15 — бронза; остальное — глина)

Ряд обломков сосудов использовался вторично, в качестве скребков или шпателей. Их края приострены и заглажены, носят явные следы сработанности (рис. 259, 8).

Сравнивая комплексы Туманского поселения и Левы 22, можно отметить близость выделенных групп (кроме первой группы Левы 22). Спецификой комплекса Левы 22 является большое число посуды, украшенной шнуровыми оттисками — половина коллекции. Малочисленность «шнуровой» керамики на Туманском поселении и тождественность орнаментальных мотивов на ней с третьей, «гребенчатой» группой, позволила В. Д. Викторовой объединить их (правда, тремя абзацами ниже она уже писала об орнаментации шнуром сосудов первой группы, украшенных ещё насечками, в том числе сдвоенными, и неглубокими ямочками, что присуще сосудам гляденовской культуры).¹⁸⁹ Преобладание сосудов, украшенных «шнуром», на поселении Лева 22 позволяет поставить вопрос не просто о заимствованиях, влиянии, контактах, но о миграции каких-то приуральских групп в Северное Зауралье, бассейн р. Конда.

С другой стороны, «шнуровые» узоры, похожие на гребенчатые кашинские, есть на сосудах прыговского типа. Что касается «мигрантов кашинской культуры, потомков иткульских металлургов»,¹⁹⁰ то их роль, возможно, следует пересмотреть. Безусловно, часть «гребенчатых» сосудов близка кашинским. Однако другая часть близка кулайским, и есть сосуды, по профилировке напоминающие кульминские. На абсолютном большинстве сосудов, включая «гребенчатые», в верхней части ёмкостей нанесён разделительный пояс из ямок или жемчужин — черта, не характерная для посуды кашинской культуры, но типичная для северо- и средне-таёжной керамики, своеобразный реликт общности гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы.

В публикациях отмечалось, что керамика, близкая гребенчатой синдейской, есть не только в кашинской культуре, но и в древностях перегребнинского типа Нижнего Приобья.¹⁹¹ На поселении Низямы 9 вместе с перегребнинской посудой найдены несколько синдейских фрагментов.¹⁹² Самая крупная синдейская коллекция сегодня происходит с городища Неушья 2.1 — около 250 сосудов, но она пока не введена в научный оборот. Сравнение посуды разных памятников, относимых к синдейской культуре и происходящих с разных территорий, показывает неоднородность комплексов. Её можно объяснить и локальными, и хронологическими различиями памятников, однако детального анализа синдейских древностей ещё не сделано.

Быт, хозяйство, духовная сфера синдейского населения отражены в различных артефактах из металла, кости, глины и других материалов. На Туманском поселении найдены вооружение и орудия охоты (бронзовый и костяные наконечники стрел, накладки на колчаны, панцирные пластины), железные ножи, костяной гребень, вещи ритуального назначения (плоское и объёмное литьё). Большая коллекция вещей происходит с городища Неушья 2.1. Цветную металлообработку на нём характеризуют бронзовые изделия и их обломки, литники, слитки, сплески и капли металла, обломки тиглей и литейных форм. Среди изделий: отливка в виде головы лося, две бляшки, обойма. На памятнике найдены железные пред-

¹⁸⁹ Викторова В. Д. Туманское I поселение... С. 131.

¹⁹⁰ Там же. С. 150.

¹⁹¹ Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Керамика перегребнинского типа...

¹⁹² Там же. Рис. 9, 6.

меты, в том числе шесть столовых ножей и фрагмент лезвия кинжала в железных ножнах. Имеются многочисленные скребки на фрагментах глиняной посуды, изделия из кости и рога, среди которых заготовки и обломки наконечников стрел. Единичны каменные оселки. Особо выделяется коллекция бус — 54 экземпляра, из которых 43 в виде бисера из прозрачного и полупрозрачного стекла с золотой или серебряной подкладкой. Две бусины крупные: одна с золотой, другая с серебряной подкладкой. Несколько бусин средних размеров изготовлены из глухого сине-голубого стекла, часть из них украшены желтыми глазками с красным «зрачком». Есть бусина, сделанная из коралла.¹⁹³

На Ендырском VIII поселении найдены железные черешковые наконечники стрел (двух- и трёхлопастной), железная игла и небольшая бусина из синей пасты, фрагмент сарматского зеркала IV в. до н. э. — I в. н. э. Аналоги этим вещам можно найти в памятниках саргатской культуры на юге Западной Сибири. С синдейским комплексом также связана канава, засыпанная тёмно-жёлтым песком, в основании которой обнаружена спрессованная чешуя, позвонки и плавники рыбы. Поселение, скорее всего, было сезонным и функционировало в тёплое время года. Возможно, люди приходили сюда осенью, когда в р. Нижняя Обь падал уровень воды и в р. Ендырь поднималась различная рыба. Её и заготавливали аборигены края. На промысловую направленность поселения указывают рыбные остатки. Их общий вес составил почти 6 кг. В случайной выборке абсолютно преобладают кости окуня, достигавшего веса 500–600 г, единичны позвонки небольшой щуки и плотвы. Кости голов деформированы, что могло быть обусловлено термической обработкой (например, их вывариванием). После варки и распаривания они были сложены в ров и засыпаны песчаным грунтом, чтобы запах пищи не привлекал хищников.¹⁹⁴

Духовный мир создателей синдейской культуры отражён, в первую очередь, в культовом литье. Самое большое собрание бронзовых изделий, однозначно интерпретируемых как синдейские, происходит с Туманского святилища — 13 экземпляров, среди которых антропоморфные, орнитоморфная и зооморфные фигурки. Близкое по технологии и иконографии туманскому культовое литьё известно в Лозьвинском кладе, сборах Н. Л. Гондатти в бывшем Чердынском уезде Пермской губернии, в коллекции с городища Няксимволь. В. Д. Викторова рассматривает эти памятники в рамках синдейской культуры, но следует заметить, что В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская считали их усть-полуйскими. Решить этот вопрос можно только после обработки керамических коллекций этих памятников (включая собрание Усть-Полуйского городища), что не сделано до сих пор. На городище Неушья 2.1 найдено бронзовое изображение головы лося (рис. 259, 15), выполненное в традициях восточной части кулайского ареала (Томско-Нарымского Приобья).¹⁹⁵ С синдейским или кулайским комплексами связаны находки бронзовых орнитоморфных фигурок, также выполненные в кулайском стиле, на археологическом комплексе Неушья 1 (рис. 259, 11).¹⁹⁶ Фигурка копытного происходит из городища Большая Умытья 36.

¹⁹³ Погодин А. А., Труфанов А. Я. Спасательные работы на городище Неушья 2.1... С. 373.

¹⁹⁴ Мельник Т. В. Планировка поселения... С. 79–80.

¹⁹⁵ Труфанов А. Я., Труфанова Ж. Н. Находка кулайской металлопластики в верховьях Конды // *Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время*. Томск, 2017. С. 90–97.

¹⁹⁶ Проведение раскопок поселения Неушья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра на территории Мортымья-Тетеревского месторождения нефти в 2005 году: отчёт о НИР. Т. 1 (Холм-городище Неушья 1.1, раскоп 1) / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М. Екатеринбург, 2006. // Архив ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 69.

К настоящему времени хорошо обоснованной даты синдейских памятников нет. В. Д. Викторова датировала их второй половиной раннего железного века.¹⁹⁷ Со ссылкой на неё А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров относят синдейские селища бассейна р. Конда и низовьев р. Обь ко второй половине I тыс. до н. э.,¹⁹⁸ сужая эту дату для Ендырского VIII поселения до III–II вв. до н. э.¹⁹⁹ Они отмечают, что в Нижнем Приобье и в бассейне р. Конда синдейские древности непосредственно предшествуют кулайским (саровским).²⁰⁰

О включении синдейских памятников в кулайский ареал уже отмечалось.²⁰¹ Сравнение синдейской керамики с кулайской показывает как близость форм орнаментации, так и её отличие. Для обоих культурных типов характерны горшковидные формы, там и там встречаются котловидные ёмкости, группы сосудов, украшенных гребенчатым и фигурными штампами, а также с бедной (ямочно-жемчужной и насечковой) орнаментацией. С этими культурными типами связано распространение штампов в виде уточки и птички.

В то же время, синдейская керамика отличается от раннекулайской наличием горшков с дуговидной шейкой, относительно большим количеством емкостей с приострѐнным и скошенным внутрь венчиком, разделительным пояском из ямок и жемчужин не в основании шейки, а посередине её, вдавлениями внутри жемчужин. Среди оригинальных узоров выделяются горизонтальные пояски из сдвоенных (строенных) оттисков штампа, отпечатки Z-образного штампа и штампа в виде повернутой влево (зеркальной) уточки; велик процент сосудов, декорированных шнуровыми оттисками. Таковы предварительные результаты сравнения кулайской (ранней) и синдейской керамики. На синдейских памятниках найдено типичное кулайское оружие (наконечники стрел) и культовая металлопластика (рис. 259, 11, 14, 15). Последняя достаточно специфичная, но не чужеродная в рамках кулайской общности.

Точка зрения о влиянии приуральских культур на сложение памятников синдейского типа имеет под собой основание, но характер этого влияния пока не ясен. Шнуровая орнаментация в небольшом количестве известна в регионе уже в предшествующее время на керамике кульминского типа начала эпохи железа. Вероятно, появление её здесь связано не только с контактами, но и с прямым проникновением, инфильтрацией небольших коллективов из Приуралья в позднеананьинское и гляденовское время. Возможно, сегодня роль кашинского компонента в сложении синдейского керамического комплекса преувеличена. С одной стороны, представляется, что эти культуры (кашинская и синдейская) синхронны, по крайней мере, на раннем этапе. Нижнюю дату кашинских древностей определяют как IV (IV–III) в. до н. э.²⁰² С другой стороны, гребенчатая орнаментация характерна не только для кашинских сосудов. Она известна и в Приуралье; наряду с «ямочно-насечковой» и фигурно-

¹⁹⁷ Викторова В. Д. Синдея, городище; синдейская культура... С. 489.

¹⁹⁸ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытъя 36... С. 148.

¹⁹⁹ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. ... С. 126.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Чемякин Ю. П. Кулайский этап раннего железного века таёжного Обь-Иртышья... С. 52.

²⁰² См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1988. Вып. 19: Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. С. 139; Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994. С. 140.

штампованной присуща сосудам предшествующих периодов в бассейне р. Конда (лозьвинским, кульминским) и посуде синхронных и более ранних памятников сопредельных территорий, в том числе белоярской и кулайской культур. Более того, гребенчатая орнаментация на посуде этих культур сочетается с поясками ямок под венчиком, в основании шейки, чего нет на кашинских ёмкостях, но есть на синдейских.

Известны памятники, на которых синдейская керамика залегала вместе с кулайской, причем в одних случаях может преобладать синдейская, в других — кулайская (Ахтымья 1). Есть и стратиграфические наблюдения, когда кулайские объекты залегали выше синдейских (поселение Ендырское VIII, городище Неушья 1.1). Синдейские сосуды найдены в бассейне р. Северная Сосьва, в том числе на городище Няксимволь, где, как пишет В. Д. Викторова, они залегали ниже кулайских²⁰³ (к сожалению, ссылки на эти стратиграфические наблюдения не приводятся).

Историческая судьба населения, создавшего синдейскую культуру, не до конца ясна. В. Д. Викторова, характеризуя туманскую керамику первой группы, пишет, что она «по форме венчика и профилировке, видам фигурных штампов и их сочетанию генетически восходит к синдейской и даже более ранним традициям». Эта группа является исходной в формировании туманского типа памятников.²⁰⁴ Сосуды основной части туманского комплекса имеют «большой район генезиса и распространения», охватывающий бассейны рр. Конда и Северная Сосьва. «Имея ряд общих черт в форме и орнаментации с западносибирским кругом памятников карымского этапа Сургутского Приобья IV — VI вв., комплексы керамики туманского типа, по всей вероятности, представляют собой северо-западный вариант общности с фигурно-штампованной орнаментацией сосудов».²⁰⁵ Таким образом, можно предположить, что синдейские древности явились основой памятников туманского типа, датирующихся началом Средневековья. Возникает вопрос: а что же представляют собой памятники туманского типа, также выделенные В. Д. Викторовой?

На наш взгляд, они сопоставимы с древностями ярсалинского и карымского этапов²⁰⁶ Нижнего Приобья (по В. Н. Чернецову²⁰⁷). Возможно, они представляют собой южный (юго-западный) локальный вариант карымских памятников (тем более что В. Д. Викторова включила в состав «туманских» Слобцовское городище, Андрюшин городок и Козловский могильник).²⁰⁸ По В. Н. Чернецову, первое относится к концу ярсалинского этапа, третье — к карымскому этапу нижнеобской культуры, а второе упоминается в главе «Карымский этап (IV–V вв. н. э.)»²⁰⁹. Однако для выделения локальных, как и хронологических, вариантов необходимо увеличение источниковой базы и обращение к старым коллекциям, их анализ на современном уровне.

---

²⁰³ Викторова В. Д. Городище Няксимволь... С. 55–56.

²⁰⁴ Викторова В. Д. Туманское I поселение... С. 136–137.

²⁰⁵ Там же. С. 138.

²⁰⁶ См.: Говейлер Т. А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археол. студ. конф. Пермь, 2007 С. 187–190; Чемякин Ю. П. О ярсалинском этапе в древней истории таёжного Приобья // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3(23). С. 316.

²⁰⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... С. 136–245.

²⁰⁸ Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации... С. 261.

²⁰⁹ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... С. 162, 165–166, 176–178.

Кондинский вариант кулайской культуры

Население, создатели синдейского культурного типа, могло участвовать в сложении кондинского и нижнеобского вариантов кулайской культуры. Обоснование существования первого — дело будущего. Кулайская керамика (без учёта ярсалинской) обнаружена на 36 памятниках в бассейне р. Конда, на 12 из них проводились раскопки. Уральскими археологами на трёх поселениях изучены остатки пяти жилищ и одной хозяйственной постройки (рис. 260). Тобольские коллеги раскопали почти полностью три городища с мощным культурным слоем, однако, кроме краткой информации об углистых пятнах предположительно на месте древних построек, зафиксированных на Старокатышском городище,²¹⁰ характеристики выявленных объектов обнаружить не удалось.

Сегодня можно выделить три периода в развитии кулайской культуры в регионе. Ранний представлен такими поселениями, как Новый Катыш IVa и IVб (раскопки Н. К. Стефановой и С. Г. Пархимовича, 1980 г.), лишь частично введёнными в научный оборот и впоследствии неоднократно использовавшимися при анализе кулайских древностей кондинского края.²¹¹ Керамика этих поселений представлена круглодонными слабо профилированными сосудами с разреженной орнаментацией (рис. 261, 1–9) Узоры состояли из горизонтальных поясков оттисков штампов в виде уточки, птички, реже гребенчатого и гладкого. Разделительный пояс в основании шейки был выполнен приплюснутыми жемчужинами или чередованием ямок и жемчужин. Такая керамика сравнима с посудой первой стадии кулайской культуры Сургутского Приобья. Следующий период, сравнимый с сургутскими второй — начала третьей стадий, иллюстрируют сосуды поселения Ахтымья I (раскопки А. Е. Цеменкова, 2004 г.), городища Старый Катыш. Для них характерна более плотная орнаментация, использование проташенной гребенки, ямки в разделительном пояске, скошенные венчики, нередко с карнизиками (рис. 261, 10–19). Среди сосудов немало котловидных.

Наконец, последнюю стадию эволюции кулайской посуды в бассейне р. Конда представляет керамика ярсалинского типа, охарактеризованная еще В. Н. Чернецовым по находкам на городище Ус-Толт (Карым I) и датированная им II–III вв. н. э.²¹² Она найдена на 33 памятниках, на 3 из них велись раскопки, однако однозначно ярсалинских объектов не выявлено. Крупная коллекция ярсалинской керамики, наряду с карымской, собрана Е. А. Жирных и С. Ю. Каменским на городище Евра 25.²¹³ До недавнего времени чистые памятники этого типа не были известны. В 2009 г. А. В. Гордиенко произвёл небольшие раскопки на поселении Айгинское VIII в Нижнем Приобье. На площади 60 кв. м им были зафиксированы фрагменты двух наземных построек. В раскопе обнаружен развал сосуда иткульской культуры, встречена керамика раннего железного века (баитовской культуры) и средневековья, но основной комплекс был представлен находками переходного периода от эпохи раннего железа к средневековью — ярсалинского времени.²¹⁴ Посуда этого комплекса автором

²¹⁰ Расторопов А. В. Исследования комплекса археологических памятников... С. 246.

²¹¹ Чемякин Ю. П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 92, 275–296.

²¹² Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... С. 138–146.

²¹³ Жирных Е. А., Каменский С. Ю. Средневековые железоделательные печи... С. 139–140.

²¹⁴ Гордиенко А. В. Нижнее Приобье в первой половине I тыс. н. э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // ВИАЭ. 2013. № 1(20). С. 47–57.

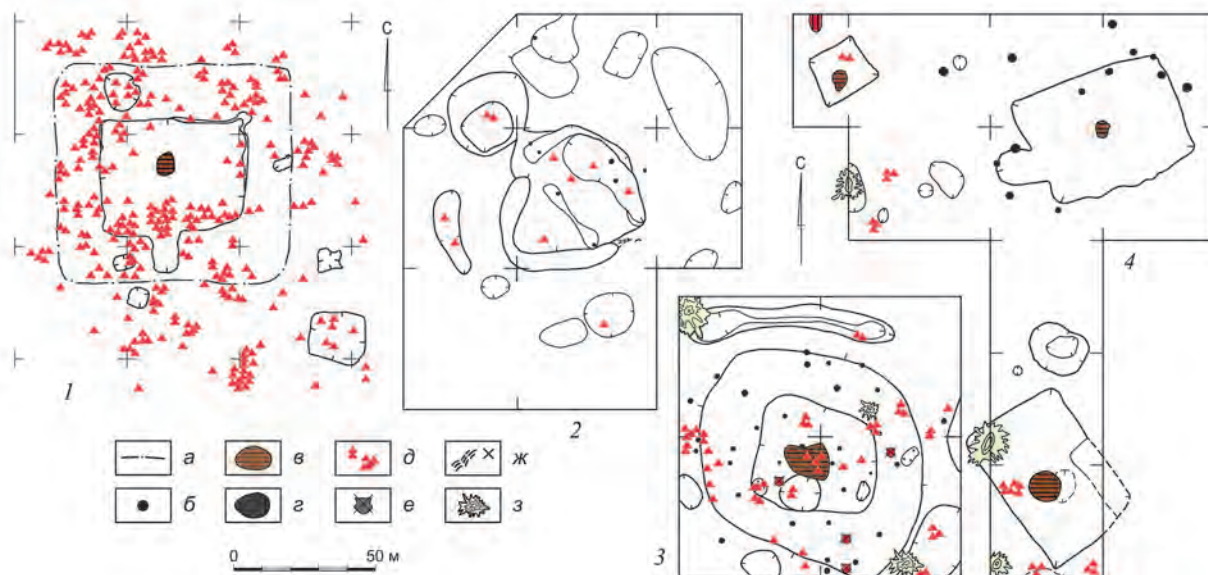

Рис. 260. Ранний железный век бассейна р. Конда. Кулайская культура.

Планы построек: 1 — поселение Ахтымья 1 (раскопки А. Е. Цеменкова, 2004 г.); 2 — поселение Новый Катыш IVб, раскоп 3; 3 — поселение Новый Катыш IVб, раскоп 1; 4 — поселение Новый Катыш IVа, раскоп 2. Условные обозначения: а — предполагаемые границы постройки; б — ямки от столбов; в — очаги; г — прокалы; д — керамика; е — развалы сосудов; ж — уголь, сгоревшее дерево; з — пни, деревья (2–4 — раскопки Н. К. Стефановой, С. Г. Пархимовича, 1980 г.)

публикации «по особенностям орнаментации» была разделена на три основные группы: с фигурно-штамповым декором, гребенчатым и обеднённым, т. е. на те же группы, что характерны и для более ранних кулайских сосудов, и для более поздних карымских. А. В. Гордиенко датирует поселение III в. н. э. Но небольшая площадь, вскрытая на памятнике, не позволяет охарактеризовать попавшие в раскоп объекты и дать полноценный анализ сохранившихся в них артефактов. Не до конца ясна стратиграфия памятника, выделяются ли слои, связанные с инокультурными находками, местоположение последних в раскопе. Поэтому данные, полученные на Айгинском VIII поселении, нуждаются в подтверждении дальнейшими раскопками. Но в целом новые материалы доказывают правомерность выделения ярсалинского этапа (или заключительной стадии в рамках кулайского этапа) в древней истории Нижнего Приобья и бассейна р. Конда.

Кулайская культура Нижнего Приобья

В Нижнем Приобье в пределах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в настоящее время выявлено около 20 памятников, в культурном слое которых обнаружена кулайская керамика. Незначительным раскопкам подверглись десять из них, но материалы практически не опубликованы. На городище Шеркалы 1/2 раскопано пять жилищ. Кроме керамики, там обнаружены бронзовое культовое литье, керамические и стеклянные бусы. Известно, что керамика сопоставима с саровской и ярсалинской. Самой же яркой находкой явились фрагменты берестяных изделий: чаш, коробок, украшенных рисунками, выполненными в тех-

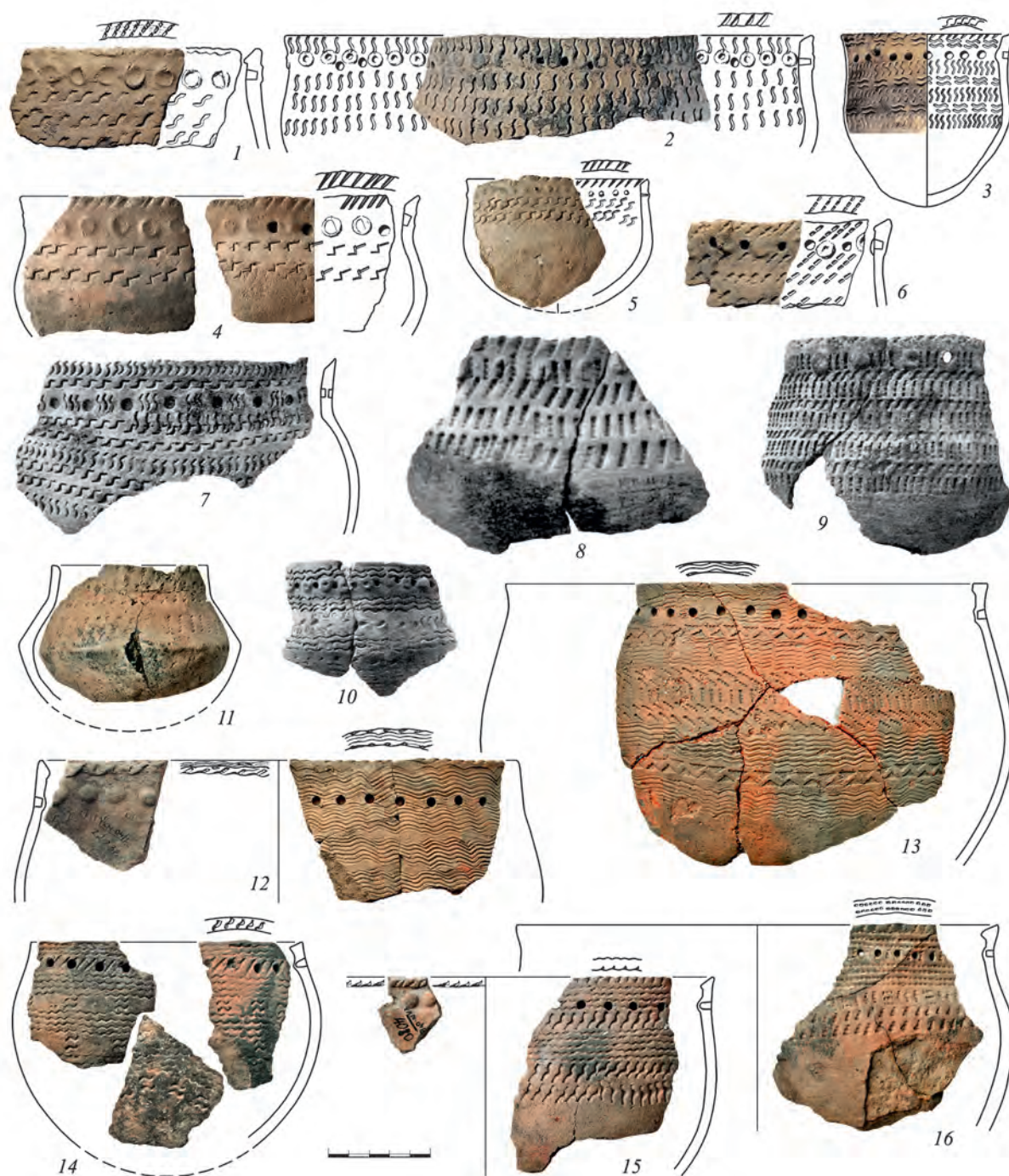

Рис. 261. Ранний железный век бассейна р. Конда. Кулайская культура.
 Керамика: 1–3 — поселение Новый Катыш IVб; 4–6 — поселение Новый Катыш IVа (1–6 — раскопки Н. К. Стефановой, 1980 г.);
 7–10 — городище Старый Катыш 1 (по: Расторопов, 2014); 11–16 — поселение Ахтымья 1 (раскопки А. Е. Цеменкова, 2004 г.)

Рис. 262. Ранний железный век Нижнего Приобья.

Няксимволь 2, могильник: 1 — план раскопа. условные обозначения: а — современные ямы; б — столбовые ямки; 2–13 — вещи (бронза) (по: Соболяникова, Кузина, 2018; 2022)

нике выскабливания. Анализ орнаментов на бересте привёл С. Г. Пархимовича к выводу, что «шеркалинские узоры и изображения находят аналогии только в материалах обских угров».²¹⁵

Интересны погребальные комплексы. Л. А. Чиндиной был исследован могильник Шеркалы IX, в котором выявлены три погребения по обряду ингумации и три небольших ямки с кремированными останками. Погребения совершены в ямах, углублённых в материк на 15 см (средние размеры ям 2,5×0,55 м). Трупосожжения выявлены в небольших круглых ямках размерами 0,12×0,2–0,35 м, заполненных пеплом, кальцинированными костями и скоплениями вещей. В одной ямке лежали бронзовые браслеты, прямоугольные накладки и полулунная подвеска, в другой — бронзовые наконечник стрелы, накладка и пластина, в третьей — круглая бронзовая бляшка, покрытая циркульным орнаментом, и стеклянная бусина. Можно предположить, что эти вещи принадлежали не рядовым членам общества. В могилах с трупоположениями также содержались престижные вещи: бронзовые

²¹⁵ Пархимович С. Г. Орнаментированные берестяные изделия раннего железного века с городища Шеркалы 1/2 (к проблеме этнической интерпретации кулайской культуры) // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 123. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI).

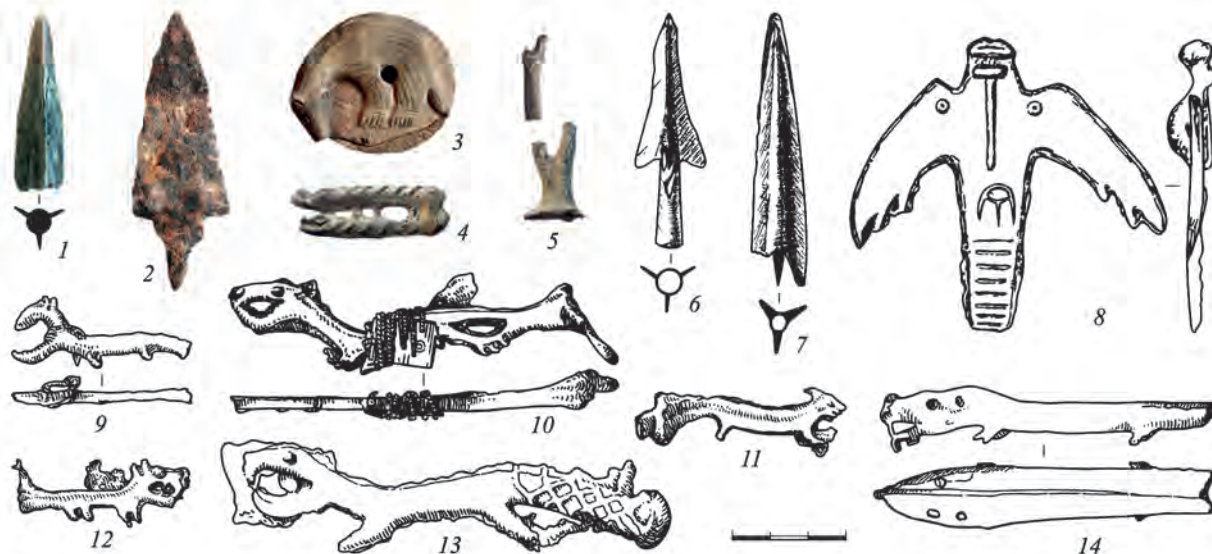

Рис. 263. Ранний железный век Нижнего Приобья. Кулайская культура.

Вещи: 1–3 — поселение Ахтымяя 1 (раскопки А. Е. Цеменкова, 2004 г.); 4, 5 — поселение Новый Катъш IVб (раскопки Н. К. Стефановой, 1980 г.); 6–8 — городище Старый Катъш 1 (по: Расторопов, 2014); 9–14 — жертвенный комплекс Вуграсян-Вад (по: Старков, 1973)

пронизки, подвески в виде орнитоморфных фигурок, накладки (погребение 1), бронзовые пронизки и круглая бляха (погребение 2), бронзовая гривна (погребение 3). В первых двух могилах найдены также железные ножи и 52 стеклянные и керамические бусины. Шеркалинский могильник Л. А. Чиндина датирует I–III вв. н. э.²¹⁶

Более ранним временем датируют могильник на площадке поселения Няксимволь 2²¹⁷, где выявлено уже 15 погребений. Все они совершены в ямах размерами от 1,2×0,4 до 2,1×1,2 м, глубиной 0,6–0,7 м. В песчаных почвах скелеты не сохранились, но по ряду признаков, в том числе по находкам зубной эмали, удалось определить, что умершие лежали головой на восток, юг и в одном случае на северо-восток. Рядом с погребениями обнаружено кострище подквадратной формы размером 1,8×1,6 м, толщиной 0,54–0,62 м, насыщенное керамикой, кальцинированными костями и отходами от производства металла (шлаком). Кострище могло нести производственную функцию, но не исключено и его ритуальное предназначение, связанное с могильником. Сами погребения отличались богатством сопровождавшего инвентаря. Он включал в себя оружие, украшения, металлопластику: бронзовые кельты, наконечник стрелы, антропо- и зооморфные изображения, фрагменты зеркал и подвески из них, гривны, перстни, накладки, пряжку, стеклянные и керамические бусы, железные ножи и кинжал. В могилах обнаружена разнообразная органика: фрагменты деревянного настила из кедра или сосны, берестяных изделий, циновок из травы, одежды из шкур животных (оленя, пушных зверей), кедровые орехи, косточки черёмухи. По пробам угля и фрагментам деревянного настила из заполнения погребений была получена серия абсолютных дат. Три из них укладываются в период конца IV — начала II в. до н. э.²¹⁸ Сложности вызывает опре-

²¹⁶ Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 56.

²¹⁷ Соболевникова Т. Н., Кузина А. В. Археологические исследования в с. Няксимволь... С. 313–327.

²¹⁸ Соболевникова Т. Н., Кузина А. В. Спасательные археологические раскопки в Берёзовском районе ХМАО — Югры в 2017–2018 гг. ... С. 434.

деление культурной принадлежности могильника, что во многом связано с отсутствием в погребениях сосудов. На городище и поселении обнаружена керамика синдейской и кулайской культур. Отражает она последовательные этапы заселения данного места или совместное проживание здесь представителей двух культур — пока не ясно. Погребальный же инвентарь, наряду с импортными изделиями, содержит вещи, характерные для обеих культур. Но в любом случае его богатство свидетельствует о принадлежности могильника какой-то элитарной группе общества. Ещё одно погребение человека высокого социального статуса было открыто в низовьях р. Иртыш на площадке городища Согом 64 при расчистке грабительского шурфа. В нём найдены нагрудное украшение из бус разных форм и размеров из т. н. «египетского фаянса», круглый медальон из бронзы с рельефным изображением погрудной антропоморфной фигуры, бронзовые литые круглые зеркала (на одном были выгравированы фигуры двух плывущих бобров) и бронзовые антропоморфные изображения, завернутые в ткань. Сделаны они в технике плоского ажурного литья.²¹⁹

Три погребения, предположительно, раннего железного века были вскрыты в 20 м к северу от сейминско-турбинского могильника Товкуртлор 3 (могильник Товкуртлор 4). Подпрямоугольные ямы размерами 1,2–2,0×1,2–1,3 м были углублены в грунт на 1,0–1,2 м. Полной уверенности в том, что это погребения, нет, так как находки были выявлены около ям на уровне древней поверхности. Только в одной могиле на дне найден крупный фрагмент керамики раннего железного века, а в другой — пакетированное в древности скопление костей северного оленя. Возможно, что кости, собранные в какой-то чехол, были помещены в яму позднее.²²⁰

С усть-полуйской культурой (нижнеобским вариантом кулайской КИО) связывают комплекс из 92 фигурок культового литья, найденный у поселения Вуграсян-Вад (рис. 263, 9–14). Клад, состоявший из двух закладок (в деревянной ёмкости и глиняном сосуде) и более чем из 260 предметов, обнаружен кладоискателями на небольшом островке недалеко от устья р. Казым.²²¹ Он содержал 140 дисков (блях) и зеркал, в том числе с гравировками, 31 антропоморфное изделие, пряжки, эполетообразные застёжки, плакетки, подвески, медальоны и оружие — наконечники стрел и чеканы.

Однозначного ответа на происхождение кулайских древностей в бассейне р. Конда и Нижнем Приобье пока нет. С одной стороны, в позднем бронзовом веке здесь проживало население с культурой, близкой культурам аборигенов Сургутского и Нарымского Приобья и входившей в общность гребенчато-ямочной керамики. Её эволюция проходила по тому же пути: трансформации в общность крестово-струйчато-ямочной керамики, на базе которой возникли памятники кульминского и вагильского типов, синхронные и сравнимые с белоярскими Сургутского Приобья. То есть местная основа для дальнейшей эволюции в кулайскую культуру на р. Конда и в Нижнем Приобье была. С другой стороны, на этой основе, вероятно, здесь сформировалась синдейская культура. Нельзя исключать пришлый характер «кулайцев» на Нижней Оби, их миграцию сюда из Сургутского Приобья. Для решения этого вопроса, тесно связанного также с вопросом об усть-полуйской культуре, нужны новые исследования, а также глубокий анализ массового материала — керамики.

²¹⁹ Безформата. Новости Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского автономного округа. Погребение на городище раннего железного века: URL: <https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/pogrebenie-na-gorodishe-rannego-zheleznogo/87134624/> (дата обращения: 11.12.2023).

²²⁰ Стефанов В. И. и др. Работы Казымской экспедиции // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 255.

²²¹ Вауло А. В., Белогай О. И. Казымский клад. Новосибирск, 2020. 248 с.

Глава 7

Кулайская культура, общая характеристика

В первичном кулайском ареале население занималось преимущественно присваивающим хозяйством: рыболовством и охотой. Большое количество пойменных озёр и проток, небольших речек, исключительно богатых рыбой, обеспечивало обитателей тайги регулярной пищей. Значительную роль играла охота, снабжая население мясом, шкурами, костями и рогом — сырьём для косторезного производства. Особую значимость имела охота на пушного зверя, обеспечивавшая торгово-обменные связи. Важное место в жизни таёжных аборигенов занимало собирательство.

В южных регионах, где «кулайцы» и их потомки появились в результате миграций, на кулайских памятниках найдены кости домашних животных: лошади, овцы, коровы.

К скотоводству переселенцы перешли под влиянием местного (кижировского, большевиченского) населения. Таким образом, в Верхнем Приобье кулайское хозяйство приобрело комплексный характер и базировалось на скотоводстве, охоте и рыболовстве, причём значение производящих отраслей постепенно возрастало. Коневодством могли заниматься и обитатели средней тайги, где на памятниках также известны находки костей лошади. Изображения всадников есть на бляхах и плакетках из Холмогорского и Казымского кладов, Айдашинской пещеры (видимо, импортного происхождения), на гравировках и металлопластике Истяцкого клада (культурная принадлежность последнего — предмет дискуссий). Однако характер и масштабы северного коневодства пока не ясны. Поистине революционное значение имело становление оленеводства, что зафиксировано в Нижнем Приобье на Усть-Полуе. На других памятниках в регионе следы оленеводства не выявлены. И причиной этому может быть несохранение органических материалов в культурных слоях более южных памятников.

На всей территории кулайской общности существовали обработка камня, деревообработка, кожевенное, косторезное, керамическое и бронзолитейное производства, носившие характер домашних промыслов. О таком характере литья говорят бронзолитейные площадки, целые и обломки тиглей и форм, капли, всплески металла и сами бронзовые изделия, найденные в очагах и вокруг них во многих жилищах. Большое количество культового литья, обнаруженного в составе кладов, свидетельствует о существовании бронзолитейных мастерских. Во II–I вв. до н. э. железные орудия начинают вытеснять бронзовые. Следы собственной чёрной металлургии зафиксированы на Усть-Полуе, городище Барсов городок I/4, возможно, Саровском. Использовались болотные руды. Сложность и трудоёмкость металлургического процесса, кузнечного дела обусловили специализацию ремесленников-кузнецов.

В кулайское время усилилась социальная дифференциация общества. Об этом свидетельствуют изменение характера застройки городищ, разнообразие погребального обряда, появление престижных, или статусных, вещей. Кулайские городища меньше по площади, на них иногда размещались всего одна-три постройки, но вокруг формируются своего рода посады. Видимо, в крепостях жили вожди, богатыри, в то время как простые общинники обитали в примыкающих к ним поселениях. Оформляется принцип раздельного проживания различных социальных групп²²², известный по средневековым былинам обских угров и связанный с выделением в рамках общины относительно самостоятельных коллективов — больших семей или малых общин. Не исключено, что на раннем этапе оборонительная система имела символический характер, но в конце кулайской эпохи она приобрела мощные размеры. В современном состоянии (без раскопок) валы достигают ширины 4,0–5,0 м и высоты до 1,0–1,5 м, а рвы — ширины 3,0–5,0 и глубины до 1,5–2,0 м. На этих городищах выявлены следы масштабного бронзолитейного производства, чёрной металлургии, найдено культовое литьё, бронзовое и железное оружие (наконечники стрел). На бастионном городище Барсов городок I/20 в одном из жилищ найден кожаный мешочек с тремя бронзовыми наконечниками стрел, в развалинах другого — погребение, в инвентаре которого присутствовали сосуды на поддонах, бронзовая антропоморфная личина и клад, представлявший собой, по одной из интерпретаций, детали костюма шамана. Выше уже говорилось о возможном существовании отдельных кладбищ для представителей разных социальных слоев.

Изменения, происходившие в таёжных приобских обществах, затронули и духовную сферу. В археологическом материале это выразилось в оформлении культового литья, расцвете косторезного производства, деревообработке. Есть точка зрения, что к раннему этапу эпохи железа (кулайскому времени) относится сложение шаманизма.²²³

В изобразительном искусстве появляются новые образы, среди которых «хищная птица с распахнутыми крыльями», «медведь с головой между передними лапами», «плывущий бобр», «голова оленя с высунутым языком» и другие.²²⁴ Среди антропоморфных отливок в конце кулайской эпохи встречаются реалистичные изображения, нередко трактуемые как изображения богатырей, что можно считать одним из проявлений воинского культа. На орнитоморфных фигурках появляются личины.

В разных частях кулайского ареала доминировали различные образы. В Нижнем Приобье на городище (сакрально-производственном центре) Усть-Полуй многочисленны изображения водоплавающих и дневных хищных птиц, а также куньих и голов оленей, выполненных преимущественно из кости (рога) и дерева. Среди бронзовых фигурок много медведей, есть бобры. В других регионах изделия из органических материалов единичны или отсутствуют (не сохранились). В металлопластике Сургутского Приобья преобладают антропоморфы, есть орнитоморфы и медведи. В Нарымском Приобье особенно многочисленны изображения лосей. Часть изделий, в первую очередь из бронзы, носила культовый характер и входила в состав кладов или приношений на святилищах. Обычно такие вещи не подвергались дополнительной обработке. Зооморфные изображения с петлями или ушками для крепления, вероятно, являлись украшениями или принадлежностями статусного костюма (вождя,

²²² Борзунов В. А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 234–235.

²²³ Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991. С. 190.

²²⁴ Федорова Н. В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 104–126.

богатыря, шамана), что ещё раз подтверждает усилившуюся социальную дифференциацию общества. Однако они не всегда связаны с костюмом, на что указывают находки изделий с петлями в своего рода прикладах в Барсовском VII могильнике. Ряд изделий кулайских мастеров свидетельствует о влиянии на них скифо-сибирского искусства.

Отдельную категорию находок, отражающих духовную жизнь таёжных аборигенов в конце раннего железного века, составляют гравировки, выполненные преимущественно на бронзовых зеркалах и бляхах. Известны также граффити на кости и на камне, изображения на глине. Кроме отдельных образов (орнито-, зоо- и антропоморфных), на них встречаются сюжетные рисунки, иллюстрирующие, вероятно, мифологические представления или ритуальные действия (рис. 264). По мнению М. Ф. Косарева, в раннем железном веке западносибирский север испытал мощное влияние культур савромато-сармато-сакского мира, что выразилось в «скифоидности» ряда черт материальной культуры таёжного кулайского и усть-полуйского населения, в широком проникновении на Урал и в Западную Сибирь парфянских и бактрийских вещей. Он даже не исключал, что в период перехода к средневековью или даже несколько ранее (т. е. в конце кулайской эпохи) в обско-угорской среде существовали параллельно две системы верований: шаманистская (господствовавшая в основном в простонародье) и зороастрийская, или митраистская (в среде элитарной богатырской верхушки), хотя и там, и там мог иметь место определённый мировоззренческий

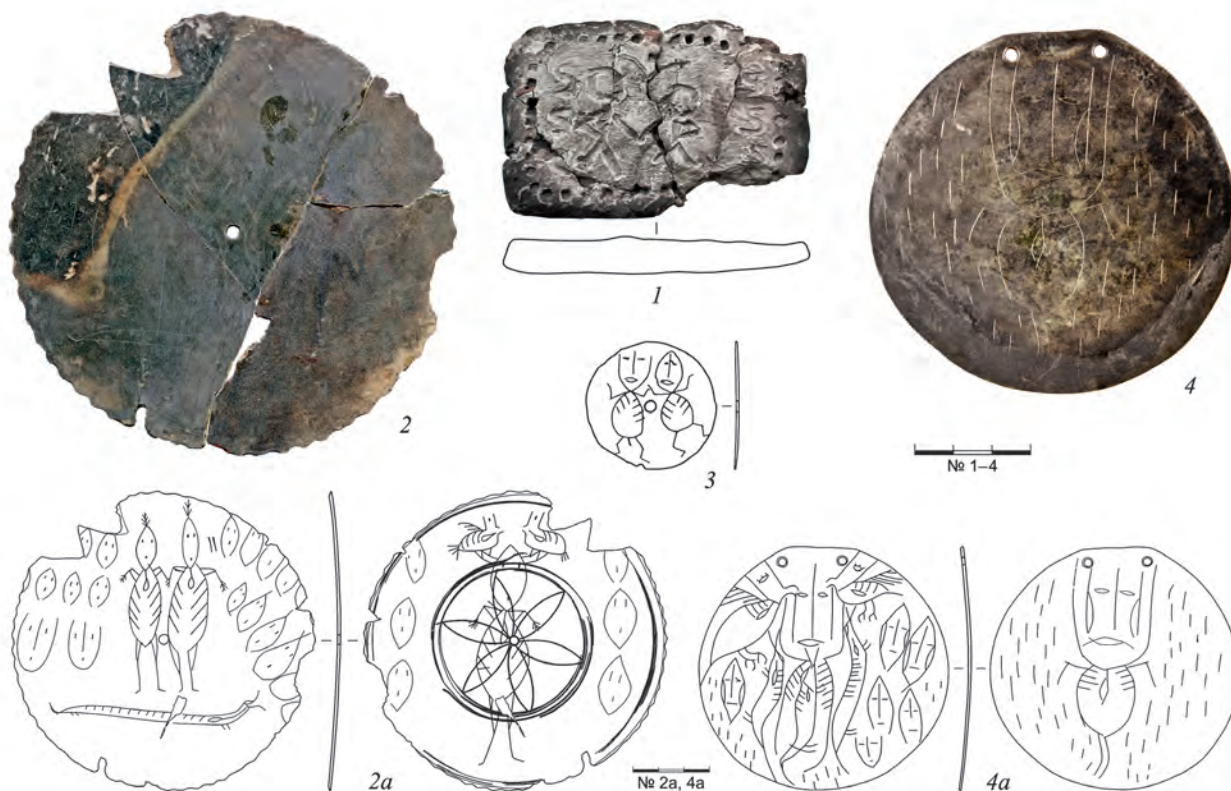

Рис. 264. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура. Рисунки на глине и металле: 1 — городище Барсов городок 1/26; 2–4 — святилище на городище Барсов городок 1/9 (1 — глина; 2–4 — бронза) (2, 4 — фото по: СКМ АС, 2011)

синкретизм.²²⁵ Видимо, в этот период в кулайской среде происходит формирование сложного мировоззренческого комплекса, угорского в своей основе, но включающего элементы древнеиранских мифологических представлений, что нашло отражение и в гравировках на бронзовых дисках, и в художественной металлопластике, в т. ч. культовом литье.

Значительные изменения происходят в системе этнокультурных и экономических контактов. В кулайское время в Нижнем и Среднем Приобье появляется масса импортных вещей, произведённых в Волго-Камье, скифо-сарматском мире, Средней Азии, Северном Причерноморье, Греции и даже Египте (бронзовые украшения, зеркала и бляхи, биметаллическое и железное оружие, стеклянные бусы и др.). Это является следствием включения северных областей Западной Сибири в систему общеевразийской экономики на правах поставщика «мягкой рухляди». Во второй половине раннего железного века формируется первый трансконтинентальный торговый путь. Северные ответвления Великого шелкового пути дошли до Нижнего и Среднего Приобья. Главной причиной постоянных торгово-обменных операций, видимо, было истощение запасов пушнины в лесостепи и южной тайге. Это благоприятствовало развитию в лесной зоне Западной Сибири специализированной охоты на пушных зверей и стимулировало накопление престижных ценностей в руках местной элиты, контролировавшей все сферы деятельности коллективов.²²⁶

Этническую принадлежность кулайского населения определяют по-разному. В своё время В. Н. Чернецов предположил, что усть-полуйская культура связана с уграми, а кулайская — с самодийцами (предками селькупов).²²⁷ Сегодня усть-полуйская культура считается вариантом кулайской общности, то есть следует говорить о полиэтничности «кулайцев». Существует точка зрения и на их угорскую принадлежность.²²⁸ Признавая многокомпонентность культуры (общности), многие исследователи подчёркивают доминирование в ней самодийского компонента.²²⁹ На материалах Сургутского и Нижнего Приобья удалось проследить переход от кулайских памятников к карымским и далее вплоть до XVI в. Последние тракуются как угорские (прахантыйские). Таким образом, по крайней мере, в западной части ареала, кулайские племена явились одним из компонентов (доминирующим?), на основе которых формировался обско-угорский этнос.²³⁰

Эти два ареала — западный и восточный (с границей по устью р. Вах) — фиксируются в культурах западно-сибирской тайги с эпохи бронзы и до средневековья включительно. Первый (Ниж-

²²⁵ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003. С. 304–305, 308.

²²⁶ Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 71.

²²⁷ Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье... С. 226.

²²⁸ Молодин В. И. Этногенез // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 3–44.

²²⁹ См.: Косарев М. Ф. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. 1969. Вып. 119: Памятники раннего железного века. С. 43–51; Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья... С. 153; Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 184; Чиндина Л. А. Указ. соч. С. 171; Головнев А. В. Туземцы и пришельцы в этногенезе Северного Приобья: заметки к археологической дискуссии // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3. С. 66–83.

²³⁰ Чемякин Ю. П. К вопросу об этнической принадлежности кулайской культуры // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 86–88.

нее и Сургутское Приобье, Конда, Нижнее Прииртышье) по направлению культурно-экономических связей тяготеет к Приуралью, Зауралью и Притоболью. Второй (Томско-Нарымское Приобье, Васюганье, правобережье Среднего Прииртышья, ленточные боры Верхнего Приобья) ориентируется главным образом на юго-восток Западной Сибири. В позднем средневековье в северных и восточных областях Западной Сибири среди коренных народов этнографы фиксируют преимущественно самодийское население, в западных и юго-западных — угорское.

Несмотря на выявляемые различия, многие исследователи отмечают близость материальной культуры аборигенов западно-сибирской тайги, выделяя культурно-исторические общности. Кулайская КИО сформировалась на основе КИО культур гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы (через белоярско-васюганский этап) и, в свою очередь, переросла в объ-иртышскую КИО Средневековья. Западные варианты кулайской КИО трансформировались в древности карымского типа раннего средневековья.²³¹ В Нарымском Приобье кулайскую культуру сменила рёлкинская.²³²

В Верхнем Приобье в результате взаимной ассимиляции кулайских и большебереченских племен сложилась верхнеобская культура.²³³

Единичные краниологические данные по всей территории кулайской общности свидетельствуют о монголоидности кулайского населения с заметной примесью европеоидных черт. Исследованные черепа из погребений на святилище Усть-Полуй обнаруживают высокое морфологическое сходство с большинством популяций томско-нарымского (томско-чулымские тюрки, нарымские селькупы) и тоболо-барабинского (тюменские и барабинские татары) вариантов объ-иртышской группы антропологических типов западно-сибирской локальной расовой формации. С уральскими популяциями западно-сибирской формации (ханты и манси), а также с енисейскими популяциями североазиатской формации (ненцы, кеты) различия несколько больше.²³⁴ Монголоидные и европеоидные черты сочетаются на черепках с горы Кулайки и из кулайского святилища на городище Большой Лог.²³⁵

²³¹ См.: Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья... С. 126–145; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья... С. 6–74.

²³² Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.

²³³ См.: Троицкая Т. Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 133–140; Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

²³⁴ Багашев А. Н. и др. Антропологические особенности населения субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты. СПб., 2014. С. 66–68.

²³⁵ Багашев А. Н. и др. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омской области // ВААЭ. 2017. № 2. С. 58, 64.

Часть 7

Западно-Сибирская
тайга в эпоху
раннего
средневековья

Глава 1

Север Западной Сибири в раннем средневековье (вторая половина IV–X вв.). История изучения

Археологическое изучение раннего средневековья севера Западной Сибири началось с последней четверти XIX в. местными краеведами-любителями. Первым объектом изучения стало многослойное городище Чувашский мыс (Потчеваш), первооткрывателем которого стал тобольский краевед М. С. Знаменский (1833–1892), на правом берегу р. Иртыш, на восточной окраине г. Тобольска в 1877–1879 гг. Этот памятник содержал культурные слои и находки с позднего бронзового и раннего железного веков до татарского периода позднего средневековья, основные из них относились к раннему средневековью второй половины IV–XII вв. Точная датировка памятника стала возможна лишь после раскопок Потчевашского городища, которые провели в 1951 г. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская, в 1969 и 1970 гг. — Н. В. Федорова. М. С. Знаменскому удалось собрать большую коллекцию археологических находок с городища Потчеваш.¹ В 1881 г. он продал её Сибирскому императорскому университету в г. Томске, где она положила начало университетскому музею. М. С. Знаменский был не только археологом-любителем, но и прекрасным художником, что позволило ему выполнить хорошие зарисовки своих находок. Великолепные рисунки подчевашских находок были подарены в 1880 г. итальянскому учёному (ботанику, антропологу, этнографу) Стефано Соммье, который использовал их в своей книге,² изданной сейчас на русском языке.³ М. С. Знаменский готовил к изданию книгу «Прогулки по историческим окрестностям города Тобольска», но смерть в 1892 г. нарушила его планы. Авторский альбом художественных иллюстраций к этой ненаписанной книге хранится в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.⁴

До 60–70-х гг. XX в. раннесредневековая коллекция с городища Потчеваш М. С. Знаменского была крупнейшей для всей таёжной зоны севера Западной Сибири. Преобладающая часть коллекции находится в музее Томского университета, небольшая же оставалась в семье

¹ Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск, 2000. С. 18, 19; Рис. 1; 2; 10, 1–4; 18, 1–7; 19, 1–3, 5–12, 14, 15, 17–19, 21–23; 20, 1, 6–8, 17–20; 21, 3, 5–10, 12, 14.

² Sommier S. Un'Etat in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni, tatari, kirgisi, e baskiri. Turino; Roma, 1885. P. 86–87, 90–91.

³ Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар и башкир. Томск, 2012. С. 71–102.

⁴ Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование). М., 2017. С. 36, 37, 43, Рис. 1–3; 5; 8–30.

М. С. Знаменского и после его смерти была продана в 1897 г. вместе с коллекцией городища Искер в Финский национальный музей г. Хельсинки.⁵

К сожалению, это искусственное объединение в рамках одного музейного собрания обеих коллекций — потчевашской (раннего средневековья) и искерской татарской (позднего средневековья) — привело к ошибочному пониманию этих двух разных археологических памятников, что отразилось на сибирской историографии XX — начала XXI вв. После современных научных раскопок городища Искер и полной обработки всех полученных археологических коллекций выяснилось, что на городище к VIII — началу IX вв. относится очень небольшой комплекс вещей, свидетельствующий о кратковременном заселении.⁶ Остальные культурные слои и находки этого памятника связываются с татарским городом Сибир XIV–XVI вв.

М. С. Знаменский был первым сибирским археологом, который понял, что средневековые городища Западной Сибири (Чувашский мыс и Искер) представляют собой ценный и информативный вид памятников. Конечно, методический уровень проведённых им работ был крайне низок, исследования носили любительский, а не профессиональный характер, находки не документировались, что привело к перемешиванию материалов двух крупнейших коллекций. После раскопок М. С. Знаменского длительное время ни один поселенческий памятник с находками раннего средневековья во всём огромном регионе севера Западной Сибири методом археологических раскопок не изучался. Единственной попыткой провести подобные работы были раскопки С. К. Кузнецовым в 1889 г. позднесредневекового городища Тоянов, городок на левом берегу р. Томи, напротив г. Томска.⁷ И лишь в 1946 г. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская провели раскопки стоянки Зелёная Горка близ г. Салехарда.⁸ Таким образом, длительное время средневековые поселения оставались не исследованными.⁹

Совсем иной была ситуация с комплексами могильников раннего средневековья, раскопки которых позволяли получить яркие находки. В 1880 г. на левобережье р. Иртыш у с. Савино М. С. Знаменский произвёл раскопки поймаемого одиночного кургана диаметром 30 м и высотой до 4 м. Под насыпью кургана была исследована могила с захоронением, выполненным по обряду вытянутой ингумации. Рядом с телом найдены череп коня, пояс и бронзовые пряжки с геральдическими накладками конца VI–VII вв., ажурной антропоморфной плоской и зооморфной полой подвесками.¹⁰

С 1887 г. в окрестностях г. Томска, по инициативе образованного в 1882 г. Сибирского Императорского университета, начались активные исследования могильников, в том числе средневековых. В организации томской археологии ведущую роль играл попечитель Западносибирского учебного округа Министерства народного просвещения В. М. Флоринский (1834–1899), совмещавший должность чиновника с руководством на общественных началах

⁵ См.: Зыков А. П. Коллекция городища Искер М. С. Знаменского // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 12. С. 336–378; Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski. Antiquites de la Siberie Occidentale conserves au Musee National de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsingfors, 1922. P. 1–3, P. I–VI.

⁶ Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 56–64, 211–216. Рис. 35, 1–9; 99, 1–3; 100, 3.

⁷ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 258. (МИА; № 35).

⁸ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 66–68. Табл. XX, 1–9. (МИА; № 35).

⁹ Матющенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск, 2001. Т. I. С. 32–33.

¹⁰ Адамов А. А. Указ. соч. С. 22. Рис. 4; 5; 20, 3, 5, 9, 10, 12, 13; Талицкая И. А. Указ. соч. С. 269.

музеем университета. Он был сторонником соблюдения законов Российской Империи при проведении археологических раскопок: получения Открытых листов от Императорской Археологической комиссии г. Санкт-Петербурга с последующей подготовкой полевых отчётов о раскопках. Эти требования неукоснительно соблюдались в Сибирском Императорском университете г. Томска вплоть до 1917 г. В 1887 г. на мысу правого берега р. Томь, на окраине г. Томска, А. В. Адриановым начаты, а в 1889 г. С. К. Кузнецовым продолжены раскопки огромного Томского могильника эпох неолита, бронзового и раннего железного веков. Тщательно собранная коллекция находок была передана в университетский музей. Спустя 60 лет М. Н. Комарова полностью обработала и опубликовала её.¹¹ Она выявила, что шесть могил Томского могильника из раскопок 1887 г. А. В. Адрианова датируются IV–V вв. и относятся к самому началу раннего средневековья.

В 1891 г. швед Фредерик Роберт Мартин (1868–1933) провёл первые масштабные раскопки средневекового могильника VIII–XIV вв. Барсов городок близ г. Сургута, в ныне широко известном археологическом урочище Барсова Гора. Захватывающие подробности авантюристических путешествий по северу, совершенно ненаучных «раскопок» 23-летнего шведского бакалавра, на общественных началах ассистента Национального Исторического музея г. Стокгольма, хорошо изложены в литературе.¹² Любопытно, что сам Ф. Мартин, добывший уникальную средневековую коллекцию, доставивший её с немалым риском для себя контрабандным способом в шведский музей, не пытался её обработать, а на исходе жизни передал право на это своему коллеге Туру Йохансону Арне (1879–1953) — известному учёному-археологу, с 1921 г. — члену Шведской академии изящной словесности, истории и археологии, автору нескольких монографий. Т. Й. Арне высокопрофессионально обработал все 111 могильных комплексов, подготовил фотографии почти всех вещей могильника Барсов городок.

В результате в 1932 г. вышла его статья на шведском языке,¹³ а в 1935 г. — монография на немецком языке¹⁴. Сейчас изданы переводы на русский язык статьи¹⁵ и монографии с многочисленными комментариями и приложениями.¹⁶

Каким бы авантюристом ни был Ф. Мартин, но он навсегда останется первым специалистом, который провел на севере Западной Сибири раскопки средневекового могильника, а Т. Арне — первым археологом, создавшим по его материалам первую научную работу по средневековой археологии Западной Сибири.

---

¹¹ Комарова М. Н. Томский могильник — памятник древних племён лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 7–50. (МИА; № 24).

¹² См.: Зыков А. П. Могильник Барсов городок: начало раскопок // Арне Т. Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут, 2005. С. 172–181; Он же. Первые исследования Барсовой Горы // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 6–15; Он же. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012. С. 20–25

¹³ Arne T. J. Vastsibirisk Kultur for 1000 ar sedan // Arkeologiska Studier tillägnade H.K.H. Kronprins Gustaf Adolf. Utgivna av Svenska Fornminnesföreningen–Stocholm, 1932.

¹⁴ Arne T. J. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Graberfeld aus der Jungeren Eisenzeit. Stocholm, 1935. 134 p.

¹⁵ Арне Т. Й. Культура Западной Сибири 1000 лет назад // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 86–96.

¹⁶ Арне Т. Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут, 2005. 184 с.

В 1896 г. библиотекарь Сибирского императорского университета С. К. Кузнецов раскопал 36 курганов могильника у Архиерейской заимки, в 10–12 км севернее г. Томска. Это были вполне научные исследования, проведённые по Открытому листу с созданием отчёта в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) и частично опубликованные в 1898 и 1899 гг. Коллекция находок была передана в Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III в г. Москве (ныне — ГИМ).

Полная обработка и публикация материалов курганного могильника VI–X вв. у Архиерейской заимки состоялась усилиями советских томских археологов через 85 лет.¹⁷ Отдельные элитные погребальные комплексы этого могильника до сих пор привлекают внимание археологов.¹⁸

В 1911 г. раскапывался Кинтусовский могильник, коллекция которого из Тобольского губернского музея (ТГМ) и Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) датируется X–XIV вв. Раскопки были проведены Салымской экспедицией под руководством сотрудника ТГМ Л. Р. Шульца, организованной Тобольским губернским музеем, Российской академией наук, Русским географическим обществом и Русским музеем г. Санкт-Петербурга. Основной задачей экспедиции было проведение этнографических исследований остяцкого населения десяти посёлков бассейна р. Салым и обследование археологических городищ, расположенных по пути следования. На одном из них был обнаружен и масштабно раскопан Кинтусовский средневековый могильник, расположенный на восточном берегу оз. Сырко-вый Сор (Имн-тор), севернее Кинтусовских летних юртов. Из этих раскопок в Тобольский губернский музей поступило 96 археологических находок. Краткие отчёты о поездке опубликованы.¹⁹ Дополнением к ним может быть одно упоминание в 1927 г. директором музея Л. Р. Шульцем в «Каталоге археологических коллекций Свердловского краеведческого музея» семи предметов «из могильника у оз. Ямантур, у юрт Кинтусовых», в том числе «двух полых подвесок из серебра (изображения рыб, длиной 6,2–6 см с колечками для подвешивания на одежду)».²⁰ Точно такие же филигранно выполненные золотоордынские полые паянные из серебряных позолоченных деталей подвески известны из северных западносибирских погребений конца XIII–XIV вв.

Информация о Салымской экспедиции 1911 г. и о раскопках Кинтусовского могильника до сих пор появляется в отечественной археологической литературе.²¹ Место раскопок экспедиции 1911 г. было обнаружено В. И. Семеновой в 1978 г. по сборам находок из разрушавшегося

¹⁷ См.: Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск, 1983. С. 37–41, 61–89, 92–93, 95. Рис. 73–79; Плетнева Л. М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // *Западная Сибирь в эпоху средневековья*. Томск, 1984. С. 70–87. (Рис. 6–11).

¹⁸ Водясов Е. В. Элитное захоронение с кузнечными клещами в курганном могильнике Архиерейская заимка (Томское Приобье) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 51. С. 90–97.

¹⁹ См.: Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. 1911. Вып. XXI. С. 1–100 (оттиск); Шульц Л. З. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. 1913. Вып. XXI. С. 1–17; Он же. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // *Записки Тюменского общества научного изучения местного края*. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 166.

²⁰ Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959. С. 73.

²¹ См.: Мартынова Е. П. и др. Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 24–26, 31, 44–45, 48–49, 52; Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья. (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург, 2002. С. 16.

культурного слоя средневекового могильника, в обрывах восточного берега оз. Сырковый Сор. Топографический план раскопок 1911 г. на раннесредневековом городище Кинтусовском 4.1 был снят Л. М. Тереховой в 1982–1983 гг. Оказалось, что качество раскопок экспедиции Л. Р. Шульца 1911 г. было даже хуже, чем у Ф. Мартина в 1891 г. Раскапывалась каждая видимая могильная впадина вне общей сетки, культурный слой городища карымского этапа IV–VI вв. нижнеобской культуры раннего средневековья не прокапывался, нумерация могил не велась, их описания не составлялись, чертежей планов и разрезов не было. Самое печальное, что все находки вещей, керамических сосудов из погребений и керамических фрагментов из более раннего городищенского слоя собирались без какого бы то ни было разделения по отдельным комплексам. Эта методика раскопок 1911 г. объясняет краткость отчётных описаний в публикациях Б. Н. Городкова и Л. Р. Шульца 1913 г.²²

Вот и все те немногие городища и могильники раннего средневековья севера Западной Сибири, которые исследовались раскопками в последней четверти XIX — начала XX вв. Остальные работы этого периода — это разведочные натурные описания археологических памятников, редко сопровождавшиеся составлением топографических планов и фотографированием. Основной задачей исследователей этого времени был сбор археологических находок. Археологи севера Западной Сибири дореволюционной эпохи не имели профильного образования, специальной подготовки, принадлежали к разным социальным, имущественным, сословным слоям общества, но всех их объединяла искренняя любовь к этому суровому краю и увлечённость своим нелёгким трудом. В силу специфики ссыльнопоселенческих Тобольской и Томской губерний среди археологов-любителей, занимавшихся ранним средневековьем, встречались и осевшие здесь бывшие политические ссыльные.

Например, В. Н. Пигнатти (1877–1920), в юности студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета, эсер. В 1899 и 1903 гг. дважды приговаривался судом к тобольской политической ссылке. В 1908–1917 гг. — сотрудник Тобольского губернского музея. В 1915 г. он блестяще провёл археологические раскопки городища Искер.²³ После отбытия второго срока ссылки В. Н. Пигнатти навсегда остался в Тобольске, став здесь присяжным поверенным в Тобольском окружном суде и на общественных началах делал успешную музейную карьеру. Его научные археологические успехи были потрясающими: оценив вслед за М. С. Знаменским историческое значение городища Искер, он в 1915 г. организовал и официально провёл его раскопки, легализовав все коллекции незаконных искерских сборов тобольских археологов-любителей конца XIX — начала XX вв. в фондах музея, опубликовал две большие научные статьи, был близок к написанию собственной научной монографии об этом городище. Но из-за революционных событий 1917 г. В. Н. Пигнатти прекратил исследования по археологии и был вовлечён в политическую деятельность.

Во время существования Сибирского временного правительства в 1918 г. в Томске была провозглашена идея создания Института исследования Сибири, при котором предполагалось проведение обширных археологических исследований.²⁴ Однако в условиях Гражданской войны эти намерения не были осуществлены. Кроме В. Н. Пигнатти жертвами Гражданской

²² Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 25. Рис. 4.

²³ Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище). Тобольск, 1915. 36 с. (Ежегодник Тобольского губернского музея: [отд. оттиск]; вып. XXV).

²⁴ Смолин В. Ф. Организация археологического обследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 97–100.

войны 1918–1921 гг. стали Г. М. Дмитриев-Садовников — краевед, этнограф и археолог, исследовавший средневековые могильники р. Вах, и томский археолог А. В. Андриянов.

В 20-х — первой половине 40-х гг. XX в. археологические изыскания раннего средневековья севера Западной Сибири почти не проводились, что во многом было связано с экономическими трудностями, вызванными двумя мировыми войнами, утратой большей части дореволюционных кадров археологов в ходе Гражданской войны в Сибири. В это время осуществлялись лишь случайные разведки, сопровождавшиеся описанием, съёмкой топографических планов, сбором подъёмного археологического материала, рекогносцировочными раскопками памятников раннего средневековья. Эти работы проводились ссыльным исследователем К. А. Козловским, геологами С. Г. Бочем и Д. К. Александровым, этнографом А. Н. Баландиным; сотрудником, а с 1941 г. директором Омского областного краеведческого музея А. Ф. Палашенковым, сотрудником Музея Тобольского севера А. К. Трапезниковым.²⁵ Наиболее значимой работой этого периода была схематическая съёмка планов 40 городищ на Барсовой Горе, проведённая в 1925 г. группой в составе охотоведа С. А. Куклина, тобольских краеведов И. В. Павлова, К. А. Верёвкина и С. А. Мерозидова. Краткий отчёт и топографический план были переданы в Музей Тобольского севера.²⁶

В этот очень непростой период началась научная жизнь крупнейшего советского археолога севера Западной Сибири В. Н. Чернецова (1905–1970 гг.). Он родился в Москве в семье видного архитектора. После окончания школы два сезона (1923–1924 гг.) отработал в составе партии Высшего геодезического управления на Северном Урале, в верховьях рр. Ляпин и Лозьва. Эти до сих пор мало обжитые места заселены вогулами (манси). В этнографических экспедициях на рр. Северная Сосьва, Конда, на полуострове Ямал и в Большеземельской тундре В. Н. Чернецов проводил первые археологические обследования. Круг его научных интересов был весьма широк: этнография, фольклор, лингвистика, археология.²⁷ В 1935 г. В. Н. Чернецов перевёлся в Институт этнографии АН СССР (г. Ленинград), а с 1938 г. по совместительству возглавлял Сибирский отдел Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) (МАЭ) АН СССР. Занимаясь лингвистикой и этнографией, В. Н. Чернецов продолжал совершать археологические экспедиции на север Западной Сибири, отслеживал все поступления археологических материалов в Остяко-Вогульский, Томский, Тобольский и Тюменский музеи, контролировал сохранность поступившей в МАЭ уникальной коллекции из раскопок в Усть-Полуе зоолога В. С. Адрианова. В 1940 г. В. Н. Чернецов становится научным сотрудником Института истории материальной культуры (с 1959 г. — Институт археологии) АН СССР и начинает профессионально заниматься археологией, но до конца своих дней остается членом редакции журнала «Советская этнография». В 1942 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы истории Приобья с древнейших времён до X в. н. э.»²⁸ В диссертационной

²⁵ Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 17–19.

²⁶ См.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 16–17; Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 26; Чемякин Ю. П. Материалы из раскопок Ф. Р. Мартина на городищах Барсовой Горы // Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут, 2005. Рис. 1, 1; Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004. С. 171–172; Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 41.

²⁷ Омельчук А. К. Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 132–153.

²⁸ Чернецов В. Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времён до X в. н. э. // КСИА. М., 1946. Вып. XIII. С. 153–156.

работе был представлен первый опыт выстраивания периодизационной археологической схемы слабо изученного на тот момент северного региона. Основой для схемы являлись уже опубликованные археологические коллекции дореволюционного времени, находки, полученные В. Н. Чернецовым в результате собственных сборов и раскопок в 20–30-е гг., и этнографические материалы по обско-угорским и самодийским народам. Главной особенностью этого диссертационного исследования явилось взаимосочетание археологических и этнографических данных. В 1945, 1946, 1948, 1951 гг. он возобновляет экспедиционные поездки вместе с женой, археологом В. И. Мошинской (1917–1980), проводит раскопки археологических памятников разных эпох в Нижнем Приобье, Среднем Прииртышье, лесном Зауралье. Эти исследования позволили уточнить и конкретизировать культурно-периодизационную схему от эпохи неолита до позднего средневековья, предложенную в диссертации В. Н. Чернецова. Полностью схема была изложена в книге «Древняя история Нижнего Приобья»,²⁹ а также в монографии, посвящённой средневековью.³⁰

Для своего времени культурно-хронологическая периодизация древностей Нижнего и Сургутского Приобья, предложенная В. Н. Чернецовым и его коллегами, была выдающимся научным событием. Фактически они создали древнюю историю огромного северного региона страны, основываясь на малочисленных археологических материалах и интуиции исследователя. В 1954 г. за научные достижения В. Н. Чернецов был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

В работе «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры», посвящённой периодизации эпохи средневековья, В. Н. Чернецов поставил задачу: изложить весь археологический материал в рамках нижнеобской культуры, единой для всей таёжной территории севера Западной Сибири, выделяемой им почти исключительно по форме и орнаментации керамической посуды. Нижнеобскую культуру он подразделил на четыре хронологических этапа: ярсалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.) и кинтусовский (X–XIII вв.). Последовательность первых трёх из них базировалась на стратиграфии и сборах находок с городища Усть-Толт, исследованного В. Н. Чернецовым в 1935 г. В этой периодизационной схеме зеленогорский тип керамики и зеленогорская культура Нижнего Приобья были, на наш взгляд, неправомерно отнесены к началу раннего железного века, предшествующему усть-полуйской культуре конца раннего железного века. Это произошло из-за неправильно понятой им «обратной стратиграфии» раскопанной в 1946 г. стоянки Зелёная Горка близ г. Салехарда: «Слой, относящейся к эпохе раннего железа, лежит на грунте и перекрыт пластом светлого песка, в верхнем горизонте которого обнаружен сосуд и поделки усть-полуйского времени. находка сосуда особенно ценна, так как даёт очень надёжное указание для относительной датировки памятников типа Зелёной Горки, с одной стороны, и Усть-Полуя — с другой».³¹ Ясность со стратиграфией стоянки Зелёная Горка была установлена только после раскопок О. В. Малозёмовой в 1996–1997 гг., когда выяснилось, что земляночные жилища посёлка XIV в. возводились на памятнике с подстилающим нижним слоем усть-полуйского

²⁹ Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. 362 с. (МИА; № 35).

³⁰ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957. С. 136–245. (МИА; № 58).

³¹ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 66. Табл. XXI, 1–9. (МИА; № 35).

типа раннего железного века и верхним раннесредневековым слоем с керамикой зеленогорского типа. Выбросы грунта от рытья котлованов жилищ позднего средневековья и создавали эффект «обратной стратиграфии».³²

В. И. Мошинская ранним железным веком «не позднее середины I тысячелетия до н. э.» до «рубежа нашей эры — едва ли позднее I в.» датировала Потчевашское городище с находками керамики зеленогорского и усть-полуйского типов.³³

Основным положением средневековой периодизационной схемы В. Н. Чернецова с 60-х гг. XX в. следовал его ученик В. А. Могильников (1932–2002). В 1964 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э.»,³⁴ придерживался этой схемы и применительно к Среднему Прииртышью.³⁵ В 70–90-е гг. XX в. В. А. Могильников продолжал отстаивать неизбежность периодизации В. Н. Чернецова для севера Западной Сибири, сочетая её с выделенными рёлкинской, потчевашской, усть-ишимской и юдинской культурами южной тайги раннего средневековья, которые заметно отличались от схемы нижеобской культуры.

В 1960 г. в Уральский университет г. Свердловска пришёл талантливый и амбициозный археолог В. Ф. Генинг (1924–1993), который развернул в южнолесном и лесостепном Зауралье и Среднем Прииртышье изучение памятников археологии, в том числе раннего средневековья. Он, вслед за В. И. Мошинской, поддержал выделение локальной для Среднего Прииртышья потчевашской культуры, но датировал её V–VIII вв. и рассматривал как «часть большой этнокультурной общности большей части территории Приобья» от Томского и Новосибирского Приобья до низовьев Оби.³⁶ В последний раз об «обширной этнокультурной общности второй половины I тыс. н. э., которая объединяла археологические культуры, содержащие в большем или меньшем количестве керамику с фигурно-штамповым или гребенчатым орнаментом», в которую входила и потчевашская культура Среднего Прииртышья, он упоминал в статье о Лихачёвском могильнике.³⁷ В. Ф. Генинг предполагал, что выделяемая им потчевашская культура была результатом переселения северного охотничье-рыболовецкого населения в лесостепи. Он неоднократно говорил об «обширной этнокультурной общности второй половины I тыс. н. э.» и для подтверждения этой идеи организовал с 1971 г. раскопки на Барсовой Горе близ г. Сургуты. В результате В. Ф. Генинг стал зачинателем процесса выделения отдельных археологических культур раннего средневековья вдоль южной границы ареала нижеобской культуры В. Н. Чернецова.

³² Малоземова О. В. Отчёт о раскопках поселения Зелёная горка, произведённых летом 1997 г. Екатеринбург, 1998. 38 с. // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. II.

³³ Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 216. (МИА; № 35).

³⁴ Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: локальные варианты культур: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 24 с.

³⁵ Могильников В. А. Культура племён лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. // Учёные записки Пермского университета. Пермь, 1968. № 191. С. 269–291.

³⁶ Генинг В. Ф. и др. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 202–228.

³⁷ Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачёвский могильник на реке Ишим памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 119–133.

В дальнейшем потчевашская культура южного леса и лесостепей Среднего Прииртышья изучалась тобольскими,³⁸ омскими³⁹ и новосибирскими⁴⁰ археологами уже без всякой связи с обширной этнокультурной общностью. В 1955 г. А. П. Дульзоном, в 1963–1964 гг. В. И. Матющенко и в 1966 г. Л. А. Чиндиной на левом берегу р. Обь, в посёлке Молчаново Томской области, был исследован курганный могильник Рёлка, датированный VI–VIII вв. На основании полученных материалов Л. А. Чиндина выделила рёлкинскую культуру раннего средневековья Томско-Нарымского Приобья.⁴¹ Главным критерием обоснования этой восточной культуры было полное отличие её основного комплекса керамики от оронтурского этапа нижнеобской культуры В. Н. Чернецова и присутствие в нём сосудов с желобчато-валиковой орнаментацией юго-восточного сибирского происхождения. Позднее она продлила период бытования рёлкинской культуры до IX в. включительно, добавив в неё поздний юторский тип керамики и включив средневековые памятники бассейна р. Вах, исследованные в 1969–1975 гг. В. А. Посредниковым.⁴²

В 70–80-е гг. XX в. Л. П. Хлобыстин (1931–1988) на материалах исследованного им в Таймырском Заполярье поселения Дюна III предложил выделение локальной прасомодийской вожпайской культуры IX–X вв. Авторские публикации о ней появились лишь в его посмертных изданиях.⁴³ Такое преобразование в отдельную археологическую культуру одного из важнейших элементов периодизации нижнеобской культуры, по В. Н. Чернецову, вожпайского типа керамики её оронтурского этапа окончательно выявило и обострило кризисное состояние северной западносибирской археологии раннего средневековья.

Это состояние отражено в созданной В. А. Могильниковым главе «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири» соответствующего тома «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» серии «Археология СССР».⁴⁴ В ней автор уделил большое внимание всем культурам и типам памятников по юго-западу, югу и юго-востоку ареала нижнеобской культуры, рассматривал оронтурский и кинтусовский типы памятников севера Западной Сибири, взяв за основу периодизацию В. Н. Чернецова.

Пока в 70–80-е гг. происходили эти прорывы в систематизации раннего средневековья в Среднем Прииртышье, Среднем Приобье, Таймырском Заполярье, археологи Уральского университета проводили масштабные археологические исследования двух огромных скоплений памятников в самом центре таёжной зоны Западной Сибири: с 1971 г. на Барсовой Го-

---

³⁸ Адамов А. А. Указ. соч. С. 44–50.

³⁹ См.: Конилов Б. А. Культуры таёжного Прииртышья в IV–XIII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 16 с; Могильников В. А., Конилов Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.

⁴⁰ См.: Бараба в тюркское время / В. И. Молодин и др. Новосибирск, 1988. 173 с.; Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск, 1991. 127 с.

⁴¹ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 194 с.

⁴² См.: Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 24–32; Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.

⁴³ См.: Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы её этнической принадлежности // Ad Polus. СПб, 1993. С. 19–28. (Археологические изыскания; вып. 10); Он же. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998. С. 138–147. Рис. 143–158.

⁴⁴ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 163–235. Табл. LXVII–CII. (Археология СССР)

ре и с 1981 г. в Сайгатино близ г. Сургута. Материалы именно из этих комплексов должны были помочь найти доказательства существования «огромной этнокультурной общности первой половины I тыс. н. э.», которую предвидел В. Ф. Генинг. Раскопками были исследованы 23 городища, 7 селищ, 9 могильников и 3 святилища второй четверти I — середины II тыс. н. э. Первые полученные результаты привели Н. В. Федорову к попытке осторожной модернизации схемы В. Н. Чернецова и к убеждению в существовании на территории таёжного Обь-Иртышья некоего культурного единства в рамках одной средневековой культуры с локальными вариантами. Она высказала сомнения в обоснованности выделения некоторых археологических культур — потчевашской и рёлкинской,⁴⁵ с чем не был согласен целый ряд исследователей.⁴⁶

После публикации в 1987 г. тома «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» стало ясно, что кризис средневековой археологии севера Западной Сибири необходимо разрешать. В 1991 г. для Сургутского Приобья, с учётом данных археологических исследований последних лет, была модернизирована схема этапов нижнеобской культуры В. Н. Чернецова и предложена новая культурно-хронологическая схема.⁴⁷ Деление средневекового археологического материала на карымский (IV–VI вв.), зеленогорский (VI–VII вв.), кучиминский (VIII–X вв.), кинтусовский (конец IX — начало XIII вв.), сайгатинский (XIII–XVI вв.) этапы проведено, прежде всего, по особенностям изменений в форме и орнаментации лепных керамических сосудов. По мнению авторов статьи, средневековая керамика населения Сургутского Приобья, наследующая предшествующей керамике конца раннего железного века (саровского этапа кулайской культуры), до начала XIII в. развивалась эволюционно. А сами по себе периодизационные этапы являются условным маркером, который позволял расчленить огромный объём средневекового керамического материала. В основе выделения каждого этапа были заложены какие-то яркие изменения в группах фигурно-штамповой керамики. Авторы схемы 1991 г. сохранили названия этапов и типов керамики, предложенных ранее В. Н. Чернецовым; этапы и типы керамики, которые отсутствовали в его схеме, получили новые названия. Они указывали на необоснованность выделения потчевашской, усть-ишимской и рёлкинской культур в южной части севера Западной Сибири; считали, что выделенные ими «пять этапов... отражают хронологические ступени развития одной культурной общности..., в развитии материальной культуры на различных территориях фиксируются сходные синхронные хронологические изменения, соответствующие выделенным нами этапам, что также является свидетельством её единства. По-видимому, настала пора выработки какой-то общей концепции средневековой истории лесной и отчасти лесостепной части Западной Сибири, которая, возможно, поставит решение этногенетических и культурно-исторических вопросов на твёрдую базу археологических фактов».⁴⁸

⁴⁵ См.: Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 78–83; Она же. Итоги четырёхлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск, 1981. С. 140–142.

⁴⁶ См.: Могильников В. А., Конилов Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье ... С. 162; Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура ... С. 23–25; Чиндина Л. А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 14–22.

⁴⁷ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

⁴⁸ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 142–143.

Позднее для единого средневекового пространства севера Западной Сибири было предложено определение Обь-Иртышской культурно-исторической общности.⁴⁹ Создатели новой периодизационной схемы призывали к выработке общей концепции средневековья севера Западной Сибири. Однако многие исследователи продолжают отстаивать самостоятельность локальных культур раннего средневековья юга леса и северной лесостепи Западной Сибири, не видя их единства с материалами севера.

Во Введении к разделу «Сибирь в эпоху средневековья» второго тома «Истории Сибири» Ю. С. Худяков, А. И. Соловьев, С. П. Нестеров отмечают: «Развернувшиеся в последнее время раскопки в Нижнем Приобье дали новый материал, культурно-хронологическая интерпретация которого позволила поставить вопрос о возможности уточнения и расширения существующей схемы развития археологических памятников региона, разработанной ещё в 1950-е гг. В. Н. Чернецовым в рамках развития единой нижеобской археологической культуры. В 1980-е гг. содержание введенного исследователем термина “этап” было расширено В. А. Могильниковым и заменено понятием “тип памятников” с сохранением общего прежнего названия и исторического содержания. Ещё позже аналогичная работа была проделана группой екатеринбургских археологов (Н. В. Федорова, А. П. Зыков, В. М. Морозов, Л. М. Терехова), несколько расширивших и изменивших существующую периодизацию и наименования этапов. Однако в плане динамики этнокультурных процессов предложенная исследователями схема коренным образом не изменила предыдущие разработки».⁵⁰ В подробном изложении средневековых археологических культур и типов памятников севера Западной Сибири этого издания за базовую основу был взят компромиссный вариант, предложенный В. А. Могильниковым ещё 35 лет назад. Сведения об отдельных рёлкинской, потчевашской, усть-ишимской культурах, о карымском, оронтурском, кинтусовском типах памятников изложены с учётом современных данных.⁵¹ Исследователи, ссылаясь на статью группы екатеринбургских археологов 30-летней давности, не учитывают, что она была создана против схемы А. В. Могильникова 1987 г., что её авторы заявляли о необоснованности выделения рёлкинской, потчевашской и усть-ишимской культур и фактически выступали за восстановление единой для всей таёжной зоны Западной Сибири нижеобской культуры В. Н. Чернецова, предлагая её сильно модернизированную схему периодизации разделить на этапы. Они отвергли оронтурский этап, как ошибочно датированный В. Н. Чернецовым, и заменили его начало зеленогорским этапом, материалы которого ранее были отнесены В. Н. Чернецовым к раннему железному веку, и дополнили кучиминским этапом, материалы которого отсутствовали в чернецовской периодизационной схеме. Большую часть материалов оронтурского этапа, по В. Н. Чернецову, екатеринбургские археологи отнесли к кинтусовскому этапу X — начала XIII вв., основательно его пересмотрев.

В 1993–1997 гг. вышло несколько работ с изложением периодизации этапов обь-иртышской культурно-исторической общности. В первой половине 90-х гг. XX в. К. Г. Карачаров активно исследовал памятники севера Западной Сибири и использовал в своих публикациях новую периодизационную схему екатеринбургских коллег, лишь слегка её уточнив.⁵² В публика-

⁴⁹ Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: 12 Уральское археологическое совещание Екатеринбург, 1993. С. 65–66.

⁵⁰ История Сибири в 4 т. Новосибирск, 2019. Т. 2. Железный век и средневековье. С. 291.

⁵¹ Там же. С. 359–364, 367–374, 390–400.

⁵² См.: Карачаров К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 205–218; Он же.

циях 1999 и 2002 гг. в соавторстве с Ю. П. Чемякиным К. Г. Карачаров⁵³ предложил преобразовать схему, заменив её этапы отдельными археологическими культурами. Эта новая схема была дополнена отдельной вожпайской археологической культурой конца IX–X вв.⁵⁴ В 2002 г. К. Г. Карачаров выпустил большую статью «Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута», в которой отнёс их к «кучиминской археологической культуре (кучиминскому хронологическому этапу)».⁵⁵ В 2006 г. он опубликовал статью, посвящённую вожпайской культуре, в которой пытался обосновать правомерность её выделения.⁵⁶ В совместной книге с Е. В. Переваловой⁵⁷ «Археология Агана» изложена та же схема, представленная многочисленными мелкими археологическими культурами. Небольшие дополнения касались возможной миграции в район Сургутского Приобья носителей желобчато-валиковой керамики рёлкинской культуры Томско-Нарымского Приобья.⁵⁸

Схема К. Г. Карачарова, представленная чередованием средневековых археологических культур с короткими временными отрезками их существования противоречит структурированной от карымского до конца кинтусовского этапа периодизационной схеме средневековой культуры Сургутского Приобья. Эта пока ещё не названная культура входила в состав объ-иртышской культурно-исторической общности, объединявшей все культуры и типы памятников Западной Сибири, возникшие на кулайской основе конца раннего железного века. Схема, предложенная в 1991 г., была вполне реализуемой заявкой на объединение ранее выделенных нижеобской, потчевашской и рёлкинской культур в единую средневековую археологическую культуру.⁵⁹

А. П. Зыков в монографиях и статьях, изданных с соавторами в 2001–2002 гг., писал о керамике карымского⁶⁰ или зеленогорского и позднекинтусовского (рачёвского) типов,⁶¹ не соотнося их с какими-либо археологическими культурами. В совместной работе с Ю. П. Чемякиным он относит памятники Барсовой Горы карымского — кинтусовского этапов к нижеобской культуре Сургутского Приобья.⁶² В дальнейших публикациях 2005–2008 гг.

Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 110–118; Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 277–289.

⁵³ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 9–66; Они же. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 5–74.

⁵⁴ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 52–53; Они же. Древняя история ... 2002. С. 57.

⁵⁵ Карачаров К. Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 49–50.

⁵⁶ Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // УИВ. 2006. № 14. С. 135–149.

⁵⁷ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. С. 43–85.

⁵⁸ Там же. С. 72.

⁵⁹ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 126–145.

⁶⁰ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. 176 с.

⁶¹ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001: 320 с.; Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // РА. 2002. № 2. С. 67–80.

⁶² Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта ...

А. П. Зыков реабилитирует единую для всей таёжной зоны Западной Сибири нижнеобскую археологическую культуру В. Н. Чернецова, но корректирует её хронологические рамки второй половиной IV — концом XII вв., делит на четыре хронологических этапа: карымский, зеленогорский, кучиминский и кинтусовский.⁶³ В коллективной монографии «Берёзово (очерки истории с древности до наших дней)» он кратко охарактеризовал памятники и находки нижнеобской культуры бассейна рр. Северная Сосьва и Ляпин.⁶⁴

Наиболее полно нижнеобская культура второй половины IV — конца XII вв. обь-иртышской культурно-исторической общности была охарактеризована в монографии А. П. Зыкова.⁶⁵ В ней были чётко оговорены нижняя и верхняя хронологические границы культуры. Нижней границей признан верхний хронологический предел кулайской культуры, или историко-культурной общности раннего железного века. Верхней границей — начало деградации собственного производства лепных керамических сосудов на севере Западной Сибири в самом конце XII в. В коллективной статье 1991 г. этот, условно «бескерамический», период именовался сайгатинским этапом XIII–XVI вв.⁶⁶ В монографии статус этапа повышался до сайгатинской археологической культуры, чётко разделявшейся на два локальных варианта: эмдерский — на западе, в таёжном Зауралье до долготного течения рр. Обь и Иртыш, и сайгатинский на остальном востоке севера Западной Сибири.⁶⁷ Были определены территориальные границы средневековой нижнеобской культуры таёжной зоны Западной Сибири как ареала распространения круглодонной керамики с фигурно-штамповой и гребенчатой орнаментацией. В ареал нижнеобской культуры, по мнению автора, входят памятники рёлкинской, потчевашской и усть-ишимской культур. С юго-запада от ареала нижнеобской культуры, приблизительно по течению р. Тавда, проходит граница с кругом средневековых культур с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики лесного Среднего Зауралья: батырской V–IX вв., юдинской X–XIII вв., макушинско-чияликской XIV–XV вв. С этими родственными по посткулайскому происхождению культурами нижнеобская входит в одну обь-иртышскую историко-культурную общность.

В монографии А. П. Зыкова была модернизирована периодизационная схема нижнеобской культуры, представленная карымским (вторая половина IV — начало VI вв.), зеленогорским (VI — начало VII вв.), рёлкинским (конец VI–VII вв.), кучиминским (VIII–IX вв.), кинтусовским (конец IX–XII вв.) этапами. Эта модернизация заключалась в разделении зеленогорского этапа VI–VII вв. схемы екатеринбургских археологов⁶⁸ на два последовательных этапа: зеленогорский и рёлкинский, с присущими только им формами и орнаментацией керамических сосудов, типами городищ. Эволюционные различия между более ранней, собственно зеленогорской по В. Н. Чернецову, и более поздней, рёлкинской по Л. А. Чиндиной, орнаментацией

---

⁶³ См.: Зыков А. П. Могильник Барсов городок... С. 180; Он же. Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса. Екатеринбург, 2006. С. 109–124; Он же. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: материалы регион. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2006. С. 33–58; Он же. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 8–9.

⁶⁴ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 37–38.

⁶⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012. 232 с.

⁶⁶ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 141–142.

⁶⁷ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 98–111. Рис. 64–77.

⁶⁸ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 126–145.

внутри фигурно-штамповой керамики были замечены уже в момент создания первоначального варианта схемы периодизации материалов Барсовой Горы. Очевидная хронологическая одновременность заставила объединять их в рамках одного зеленогорского этапа VI–VII вв.

В качестве датирующих вещей для определения хронологии рёлкинского этапа концом VI–VII вв. А. П. Зыков привлёк единичные к тому времени находки бронзовой геральдической гарнитуры на Барсовой Горе: псевдопряжку с городища Барсов городок II/15 и щитовидную геральдическую накладку из Барсовского V могильника, обнаруженные в одних комплексах с керамикой рёлкинско-го типа.⁶⁹ Дополнительным аргументом стала находка в поминальном комплексе № 1 ранней группы могильника Зелёный Яр в Нижнем Приобье переходного зеленогорско-рёлкинского сосуда, фрагмента кожаного пояса с большим количеством геральдических серебряных накладок восьми типов, в том числе с пятью псевдопряжками.⁷⁰ На этом основании был сделан вывод о том, что в Сургутском Приобье «период существования памятников с рёлкинской группой керамики полностью совпадает с периодом бытования в регионе поясной геральдической гарнитуры “стиля псевдопряжек”, то есть памятники рёлкинского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья синхронны могильнику Рёлка в Нарымском Приобье, могильнику манякского типа на Южном Урале, погребальным комплексам бартымской стадии неволинской культуры, агафоновской стадии ломоватовской культуры, варнинской стадии полемской культуры в Прикамье».⁷¹ В исследованном гораздо позднее могильнике Священная Кедровая Роща обнаружено большое количество находок поясов с накладками геральдической гарнитуры конца VI–VII вв. (рис. 275), что великолепно подтверждалось найденными здесь же двумя серебряными драхмами шахиншаха Ирана Хосрова II Парвиза (591–628), отчеканенными в 594–595 гг. и 617–618 гг. (рис. 276).⁷²

Монография А. П. Зыкова была важным этапом в деле реабилитации нижнеобской археологической культуры раннего средневековья В. Н. Чернецова, занимавшей со второй половины IV в. до конца XII в. большую часть таёжной зоны Западной Сибири, а во второй половине VI–IX вв. и большую часть лесостепи Среднего Прииртышья и Барабы, т. е. ареал потчевашской культуры, по А. П. Зыкову — южный миграционный локальный вариант северной нижнеобской культуры. Он распространил периодизационно-хронологическую схему этой культуры, делящуюся на пять этапов, только на Сургутское Приобье, где имелись хорошо исследованные скопления средневековых памятников в урочищах Барсова Гора и Сайгатино. В Нижнем Приобье, таёжном Зауралье, в бассейнах рр. Северная Сосьва, Ендыря и Конда, в Нижнем Прииртышье и в более восточных регионах бассейнов рр. Агана, Ваха, Югана археологическая изученность не позволяла создать сколь-нибудь полные схемы средневековых древностей. Однако имевшиеся к тому времени опубликованные данные позволили А. П. Зыкову считать, что все эти регионы входили в ареал единой нижнеобской культуры.

Он разделит зеленогорский этап VI–VII вв. нижнеобской культуры на два отдельных узко датированных этапа: зеленогорский VI в. и рёлкинский конца VI–VII вв. С одной стороны, была очевидна постепенная эволюционная модификация фигурно-штамповой орнамента-

⁶⁹ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 73–77. Рис. 32, 2; 33. 12.

⁷⁰ Зелёный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Н. А. Алексашенко и др. Екатеринбург; Салехард., 2005. С. 66–69, 260.

⁷¹ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 74.

⁷² Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. 170 с.

ции местных керамических сосудов VI–VII вв., приведшая к преобразованию зеленогорского типа керамики с приоритетом в её орнаментации оттисков угловых штампов в более поздний рёлкинский тип керамики с преобладанием оттисков уточковых штампов. С другой стороны, такие же постепенные эволюционные изменения фиксировались и в развитии керамики всех остальных этапов нижнеобской культуры раннего средневековья: карымского, кучиминского, кинтусовского. Другое дело — внутренняя эволюция фигурно-штамповой керамики зеленогорского этапа VI–VII вв. Барсовой Горы и других комплексов Сургутского Приобья.⁷³ Развивая эту идею, А. П. Зыков неизбежно должен был вступить в противоречие с мнением Л. А. Чиндиной, выделившей отдельную рёлкинскую культуру VI–IX вв. в Томско-Нарымском Приобье, которая развивалась непосредственно от кулайской культуры VI в. до н. э. — V в. н. э.⁷⁴ Он и большинство екатеринбургских коллег были согласны с кулайской основой всех средневековых типов керамики, но конкретные археологические материалы Сургутского Приобья доказывают, что между кулайским саровским и рёлкинским типами керамики достаточно длительное время существовали керамические типы карымского второй половины IV — начала VI вв. и зеленогорского VI в. этапов нижнеобской культуры.⁷⁵

В последние годы А. П. Зыков несколько изменил свою позицию по разделению продолжительного зеленогорского этапа VI–VII вв. на очень короткие зеленогорский VI в. и рёлкинский конца VI–VII вв. этапы. Действительно, периодизационные этапы нижнеобской культуры раннего средневековья севера Западной Сибири являются лишь условными звеньями одной цепи длительной сложной эволюции форм и способов орнаментации лепной керамики, существовавшей непрерывно на протяжении 850 лет в середине IV–XII вв., внутри каждого этапа существовало одновременно несколько типов керамики, и лишь по одному из них — фигурно-штамповому — была возможность проследить временную эволюцию, которая и позволяла создать периодизационную схему.

Но внутри фигурно-штамповых типов керамики каждого достаточно длительного выделенного этапа прослеживалась своя хронологическая эволюция, которая позволяла делить их, в свою очередь, на более короткие периоды со своими группами керамики. До сих пор лишь для самого позднего кинтусовского этапа нижнеобской культуры эти периоды и группы носили имена собственные, получившие названия по эпонимным исследованным археологическим памятникам.⁷⁶ Сейчас становится очевидным, что то же самое должно неизбежно произойти с зеленогорским этапом VI–VII вв.

В решении этого вопроса А. П. Зыков учёл материалы переходного зеленогорско-рёлкинского памятника — городища Сургутское I («Орбита») в черте г. Сургута: зеленогорское по фигурно-штамповой керамике, но уже рёлкинское по округлой планировке фортификаций и находке на нём бронзовой литой колоколовидной подвески — непременно принадлежности поясов с геральдической гарнитурой.⁷⁷ На предшествующем карымском этапе второй половины IV — начала VI вв. в Сургутском Приобье расположение и планировка городищ

⁷³ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 133–135.

⁷⁴ См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби ...; Она же. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск, 1984. 256 с.; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ...

⁷⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 46–68.

⁷⁶ Там же. С. 88–93.

⁷⁷ Там же. С. 62–68. Рис. 17, 3; 18, 1, 2; 19, 20, 22–29.

менялась весьма кардинально один раз, а на последующем кучиминском этапе VIII–IX вв. — трижды. Все эти факты он подробно описывал, объясняя особенностями шедших здесь ожесточённых межобщинных войн, но не спешил делить кучиминский этап нижнеобской культуры на три менее продолжительных отдельных этапа. Тем более каждому из них он мог бы подобрать соответствующую им же описанную хронологическую группу кучиминской керамики. Однако в этом случае был сохранён единый кучиминский этап VIII–IX вв.

Выделив на Барсовой Горе три городища и могильник конца VI–VII вв., сопоставимые по материалам с рёлкинской культурой Томско-Нарымского Приобья, по Л. А. Чиндиной, и оценив их место в средневековой периодизационной схеме Сургутского Приобья, А. П. Зыков обозначил их ещё одним этапом нижнеобской культуры, назвав его по эпонимному памятнику — знаменитому могильнику Рёлка, исследованному Л. А. Чиндиной,⁷⁸ и отметил необоснованность выделения отдельной рёлкинской культуры.⁷⁹

В авторской первой главе «Таёжное Приобье в раннем средневековье во второй половине IV–IX вв.» коллективной монографии «Западная Сибирь в эпоху раннего средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей», под общей редакцией Н. П. Матвеевой⁸⁰ А. П. Зыков дал развёрнутую характеристику нижнеобской культуры раннего средневековья всей таёжной зоны севера Западной Сибири; восстановил единый зеленогорско-рёлкинский этап VI–VII вв., подразделяющийся на два последовательных подэтапа — зеленогорский VI в. и рёлкинский конца VI–VII вв. с присущими только им последовательными группами фигурно-штамповой керамики.

Кроме этих двух крайних точек зрения существует и третья, являющаяся следствием кризисного состояния в изучении археологии раннего средневековья севера Западной Сибири. Это отказ от употребления термина «археологическая культура» относительно любых средневековых северных материалов и памятников. Ярким выразителем этой точки зрения является Н. В. Федорова.⁸¹

Как отчётливо видно из вышеизложенного, исследование раннего средневековья севера Западной Сибири с 60–70 гг. XX в. вошло в состояние глубокого всеобъемлющего кризиса: либо по-прежнему будет признаваться оправданным существование отдельных рёлкинской, потчевашской и усть-ишимской культур юга Западной Сибири, за что ратовал В. А. Могильников более 35 лет назад и что поддерживают его современные последователи, либо установится представление о существовании единой для всего севера Западной Сибири нижнеобской культуры раннего средневековья, за что выступал ещё 65 лет назад В. Н. Чернецов и что предлагает ряд исследователей, придавших нижнеобской культуре новое периодизационное содержание и включивших её в состав обь-иртышской историко-культурной общности.

⁷⁸ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ...

⁷⁹ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 40–43.

⁸⁰ Матвеева Н. П. и др. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень, 2022. 260 с.

⁸¹ Федорова Н. В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Омск, 2019. 149 с.

Глава 2

Нижнеобская культура раннего средневековья

На раннее средневековье, то есть на время до X в. н. э. включительно, на север таёжной зоны Западной Сибири приходится большая часть периода существования нижнеобской археологической культуры второй половины IV–XII вв. н. э., входящей в средневековую обь-иртышскую историко-культурную общность культур и типов памятников, базирующихся на основе распавшейся к средневековью кулайской культуры, или общности раннего железного века. Нижнеобская культура выделяется в огромном таёжном регионе по массовой лепной керамической круглодонной посуде чашевидных и горшечных форм, декорированных особыми типами штампов. Среди керамики нижнеобской культуры заметную долю составляют сосуды, заимствованные от соседних археологических культур, либо местные, декорированные композициями оттисков простых гребенчатых штампов. В керамике нижнеобской культуры они, отличающиеся очень слабой временной изменчивостью, составляют абсолютное большинство. Одновременно в нижнеобской культуре существовала ещё одна группа фигурно-штамповой керамики, декорированная оттисками различных фигурных штампов. Она была настолько изменчива во времени, что элементарная типолого-хронологическая обработка нижнеобской фигурно-штамповой керамики позволила легко расчленить культуру на четыре примерно равных типолого-хронологических этапа: карымский второй половины IV — начала VI вв., зеленогорско-рёлкинский VI–VII вв., кучиминский VIII–IX вв., кинтусовский конца IX–XII вв. Внутри трёх последних этапов выделяются соответствующие группы керамики и прослеживается их чёткое хронологическое деление.

Эта периодизация керамики раннего средневековья была основана на материалах исследований комплексов Сургутского Приобья.⁸² На сегодня в рамки нижнеобской культуры с её модернизированной периодизацией керамики⁸³ можно включать всю таёжную зону севера Западной Сибири, в том числе и ареалы рёлкинской, потчевашской и усть-ишимской культур. Для современной археологии таёжной зоны севера Западной Сибири важнейшим, самым массовым и универсальным научным источником по эпохе раннего средневековья, до конца XII в., является фигурно-штампованная лепная керамика, широко употреблявшаяся в быту, в культовых и погребальных обрядах.

По мере накопления новых данных всё более информативными становятся остальные виды археологических источников: информация по особенностям расположения поселений

⁸² Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 126–145.

⁸³ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 44–97.

и городищ, конструкции жилищ, хозяйственных и производственных построек и фортификационных сооружений, погребальных и культовых сооружений. Но эти данные могли быть получены только после широких археологических раскопок крупных скоплений раннесредневековых памятников. Только в этом случае они могут стать важной информативной частью событийной истории для отдельных регионов огромного ареала нижнеобской культуры севера Западной Сибири (рис. 265). Накопление находок из железа, бронзы, серебра, стекла и прочих материалов эпохи раннего средневековья протекает довольно медленно. Ещё более медленно идёт процесс их научного осмысления и публикации результатов исследований. Однако эти находки приводят к важнейшим выводам об оружии и военном деле, о чёрной металлургии, железоделательном производстве и бронзолитейном деле, о направлении и интенсивности торговых связей стран раннего средневековья с далёким для них севером Западной Сибири.

Ареал распространения постоянно изменяющихся фигурно-штамповых круглодонных лепных керамических сосудов нижнеобской культуры может быть очерчен достаточно точно. На юго-западе, по бассейнам рр. Тавда, Лозьва и Сосьва нижнеобская культура соседствовала со средневековой общностью последовательных культур Среднего Зауралья с лепной круглодонной керамикой, декорированной гребенчато-шнуровыми оттисками штампов: батырской V–IX вв., юдинской X–XIII вв., макушинско-чияликской XIII–XV вв. Они, как и нижнеобская, были производными от кулайской культуры, или общности раннего железного века, и вместе с ней входили в состав средневековой обь-иртышской культурно-исторической общности. Носители гребенчато-шнуровой керамики Зауралья, скорее всего, были угрозычны, как и большая часть носителей нижнеобской культуры севера Западной Сибири, то есть были родственны не только по материальной культуре, но и по языку, что великолепно доказывается письменными свидетельствами 30-х гг. XIII в. о языке полукочевых носителей макушинско-чияликской культуры.⁸⁴

Западная граница ареала нижнеобской культуры проходила по Уральским горам, от верховьев р. Сосьва на юге, где располагалось самое западное погребение в Усть-Вагранском гроте зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижнеобской культуры,⁸⁵ до лесотундры Полярного Урала. С запада располагались ареалы приуральских бичевникской и ванвиздинской культур раннего средневековья. Это пограничье между финно-пермским Приуральем и угро-самодийским Зауральем в раннем средневековье было мирным и взаимно пересекалось: находки керамики зеленогорско-рёлкинского этапа нередки в таёжном Приуралье, а бичевникской культуры — в Зауралье.

Северная граница ареала нижнеобской культуры проходила по зоне лесотундры Западной Сибири — от Уральских гор на западе до бассейна р. Таз на востоке. Севернее её располагалась зона распространения памятников с тиутейским типом керамики раннего средневековья, которая при всех отличиях от керамики нижнеобской культуры имела сходное происхождение от кулайской культуры или общности. То есть памятники с керамикой тиутейского типа также входили в состав обь-иртышской историко-культурной общности. В раннем средневековье ещё не появилось крупно-табунного тундрового оленеводства,

⁸⁴ Шорин А. Ф., Шорина А. А., Зыков А. П. О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миассово 1 в горнолесном Зауралье // История и современное мировоззрение. М., 2019. Т. 1. № 2. С. 63–70.

⁸⁵ Баранов Н. Н. и др. Югорск от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 31.

Рис. 265. Карта расположения археологических памятников раннего средневековья на территории таежной зоны севера Западной Сибири. Составитель А. П. Зыков

- памятники восточносибирских мигрантов с желобчатой керамикой
- памятники карымского этапа нижнеобской культуры (вторая половина IV — начала VI в.)
- памятники зеленогорско-рёлкинского этапа нижнеобской культуры (VI–VII вв.)
- памятники кучиминского этапа нижнеобской культуры (VIII–IX вв.)
- памятники кинтусовского этапа нижнеобской культуры (конец IX–XII вв.).

I. ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСИБИРСКИХ МИГРАНТОВ С НАХОДКАМИ ЖЕЛОБЧАТО-ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ (IV–VII вв.)

- 1 — селище Егур-Ях 4
- 2 — селище Нёх-Урий 1
- 3 — селище Вор-Сап 2
- 4 — селище Вор-Сап 4
- 5 — селище Варьёган 15
- 6 — селище Усть-Ваньёган 2
- 7 — селище Сардыковы
- 8 — поселение Большой Ларьяк
- 9 — селище Кондрашкино I
- 10 — селище Кондрашкино VI
- 11 — поселение Малгет
- 12 — поселение Круглое Озеро II

II. ПАМЯТНИКИ НИЖНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

IIA. Памятники карымского этапа (вторая половина IV — начала VI в.)

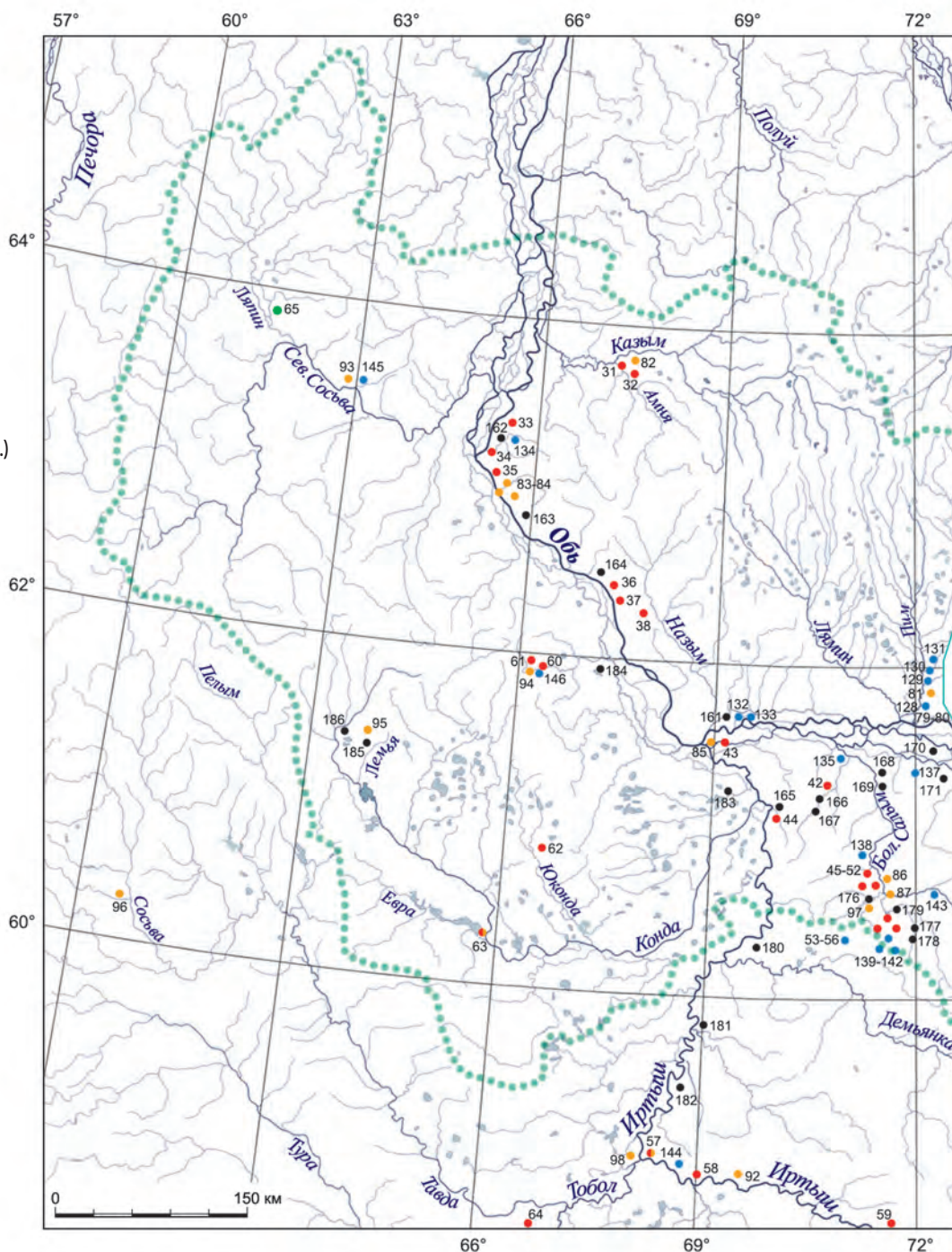
- 13 — городище Айка-Еган III
- 14 — городище Емаково VIII
- 15 — городище Путчи-Урий III
- 16 — городище Русскинский Урий I
- 17 — городище Русскинский Урий II
- 18 — селище Русскинский Урий V
- 19 — селище Русскинский Урий XIII
- 20 — поселение Быстрый Кульёган 66
- 21 — городище Барсов городок II/6
- 22 — городище Барсов городок II/7
- 23 — городище Барсов городок II/9
- 24 — городище Барсов городок II/10
- 25 — селище Барсова гора II/1
- 26 — селище Барсова гора II/3
- 27 — селище Барсова гора II/5
- 28 — селище Кучиминское I
- 29 — селище Кучиминское XXII
- 30 — могильник Сайгатинский VI (ранняя группа погребений)
- 31 — городище Какинская гора IV (4)
- 32 — городище Киспор III

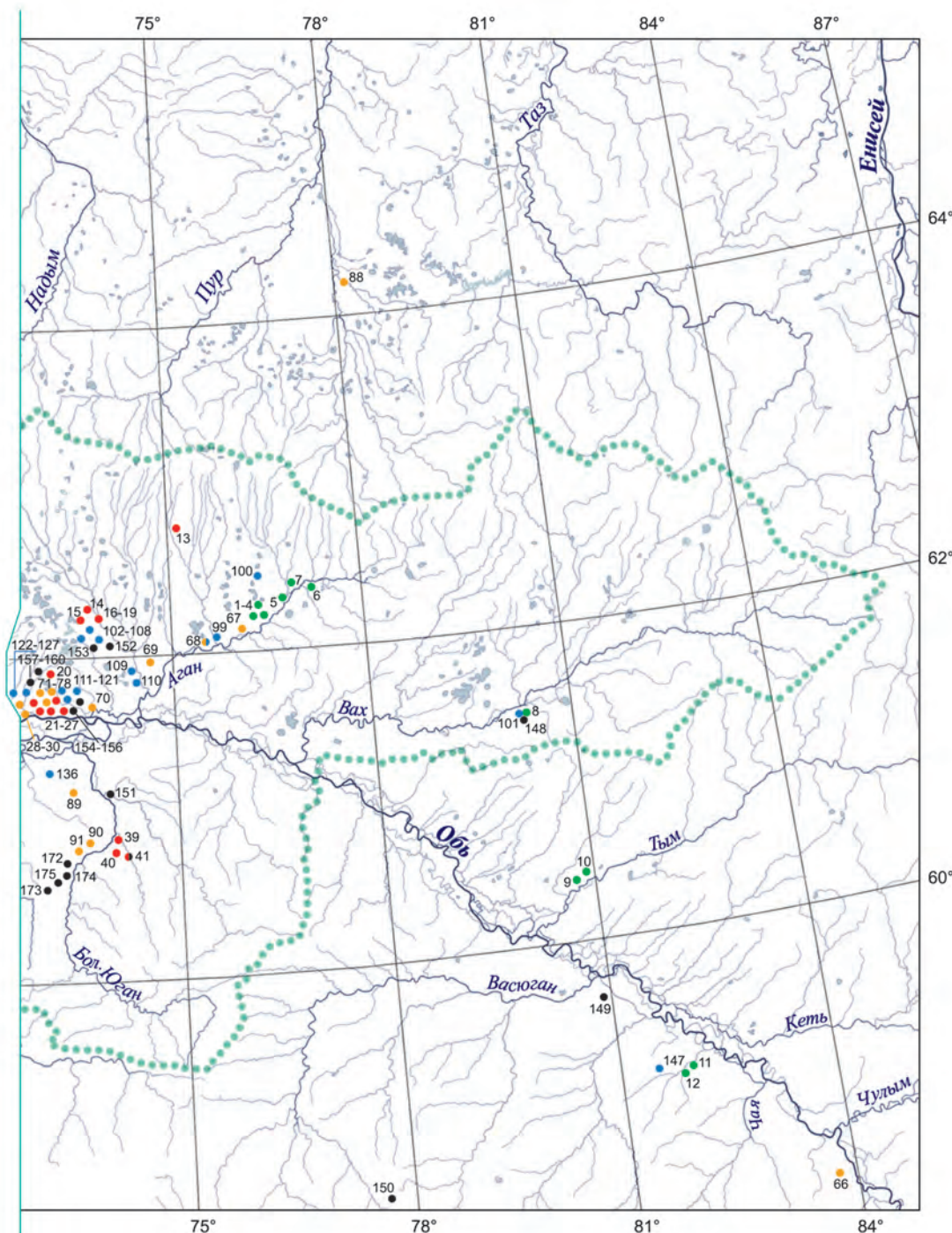
- 33 — селище Перегребное IV
- 34 — поселение Нангакорка
- 35 — селище Низямы 3
- 36 — городище Большеатлымское I
- 37 — поселение Большие Леуши
- 38 — городище Устьевьюган
- 39 — городище Сартым-урий 18
- 40 — селище Сартым-урий 17
- 41 — селище Сартым-урий 16
- 42 — поселение Усть-Камчинское 2
- 43 — поселение Горное II
- 44 — городище Гришкино I
- 45 — городище Кинтусовское 1.1
- 46 — городище Кинтусовское 3.1

- 47 — городище Кинтусовское 3.2
- 48 — городище Кинтусовское IV (4.1)
- 49 — поселение Кинтусовское 3.3
- 50 — поселение Кинтусовское 5
- 51 — поселение Кинтусовское 6
- 52 — поселение Кинтусовское 7
- 53 — городище Соровское V
- 54 — городище Соровское X
- 55 — городище Соровское XVII
- 56 — городище Соровское XXXV
- 57 — городище Потчеваш
- 58 — городище Красноярское
- 59 — могильник Усть-Тара VII

- 60 — поселение Ендырское VII
  - 61 — городище Ендырское IV
  - 62 — городище Карымское (Усть-Толт)
  - 63 — городище Евра 25
  - 64 — могильник Ипкульский
  - 65 — городище Ляпинское 2
- ##### IIБ. Памятники зеленогорско-рёлкинского этапа (VI–VII вв.)
- 66 — могильник Рёлка
  - 67 — городище Нёх-Урий 2
  - 68 — городище Старые Покачи 5
  - 69 — поселение Каттыньёган 5

- 70 — городище Сургутское I
- 71 — городище Барсов городок II/1
- 72 — городище Барсов городок II/2
- 73 — городище Барсов городок II/8
- 74 — городище Барсов городок II/11
- 75 — городище Барсов городок II/12
- 76 — городище Барсов городок II/13
- 77 — городище Барсов городок II/15
- 78 — могильник Барсовский V
- 79 — городище Кучиминское I
- 80 — селище Кучиминское XXXIX
- 81 — городище Атымлор I
- 82 — городище Товгор-Лор II
- 83 — городище Низямы III

- 84 — городище Низямы IV
 85 — городище Самаров городок
 86 — городище Кинтусовское 2.1
 87 — городище Кинтусовское 5.1
 88 — поселение Усть-Харампур 17
 89 — поселение Пучийёга 1
 90 — городище Когончинское
 91 — городище Купшин ко-вэнту
 92 — городище Долговское I
 93 — городище Сортынья II
 94 — городище Ендырское VI
 95 — поселение Лемья 19.1
 96 — одиночное погребение в Усть-Вагранском гроте

- 97 — могильник Священная Кедровая Роща
 98 — могильник Савинский курган
- IV. Памятники кучиминского этапа (VIII–IX вв.)**
- 99 — городище Старые Покачи IV
 100 — селище Варьёган VI
 101 — городище Большой Ларьяк II
 102 — городище Егоркин Урий I
 103 — городище Егоркин Урий II
 104 — городище Ермаково I
 105 — городище Ермаково II

- 106 — городище Ермаково VI
 107 — городище Ермаково VII
 108 — селище Ермаково XIА
 109 — городище Ульт-Ягун 1
 110 — поселение Ульт-Ягун 2
 111 — городище Барсов городок I/21
 112 — городище Барсов городок I/25
 113 — городище Барсов городок II/3
 114 — городище Барсов городок II/4
 115 — городище Барсов городок II/5
 116 — городище Барсов городок II/14
 117 — селище Барсова гора II/2
 118 — поселение Барсова гора II/8
 119 — селище Барсова гора II/11

- 120 — селище Барсова гора II/36
 121 — могильник Барсов Городок (Барсовский I)
 122 — городище Кучиминское V
 123 — городище Кучиминское XI
 124 — городище Кучиминское XIV
 125 — селище Кучиминское IV
 126 — могильник Сайгатинский I
 127 — могильник Сайгатинский III
 128 — городище Алтым-Лор II
 129 — поселение Амтуньох 2
 130 — городище Лархни 16
 131 — поселение Лархни 17

- 132 — городище Нялинское II
 133 — поселение Нялинское IV
 134 — поселение Перегребное II
 135 — поселение Лемпино 1
 136 — городище Ай-ягунское I
 137 — поселение Мамонтово IV
 138 — поселение Ай-ега 1
 139 — городище Соровское XXV
 140 — городище Соровское XXVI
 141 — городище Соровское XXVII
 142 — городище Соровское XXVIII
 143 — поселение Усть-Хоттахтыёга 3
 144 — городище Искер
 145 — городище Сортынья III
 146 — поселение Ендырское VI
 147 — городище Югор I

III. Памятники кинтусовского этапа (конец IX — XII в.)

- 148 — поселение Чехломей III
 149 — городище Тух-Эмтор IV
 150 — городище Остяцкий Бор
 151 — городище Каменные Пески
 152 — городище Ермаково XI
 153 — селище Ермаково 14
 154 — городище Барсов городок II/31–32
 155 — селище Барсова гора 14
 156 — могильник Барсов Городок (Барсовский I)
 157 — городище Кучиминское IX
 158 — могильник Сайгатинский I
 159 — могильник Сайгатинский IV
 160 — могильник Сайгатинский VI
 161 — городище Нялинское I
 162 — городище Перегребное I
 163 — городище Шеркалы I
 164 — городище Малоатлымское I
 165 — городище Гришкино II
 166 — городище Вошин-Мыттын
 167 — поселение Совкунины Зимние
 168 — городище Муанашево 2
 169 — городище Муанашево 3
 170 — могильник Усть-Балык
 171 — поселение Тывьёга 2
 172 — городище Кулунигы
 173 — городище Топатъёга 12
 174 — поселение Пунси 1
 175 — поселение Кауково 8
 176 — могильник Кинтусовский (4.3)
 177 — поселение Соровское XI
 178 — городище Соровское XV
 179 — поселение Кум-тор
 180 — городище Рачевское II
 181 — городище Кошелево
 182 — городище Уки
 183 — городище Стариков Мыс
 184 — поселение Тал I
 185 — могильник Большая Умытья 28
 186 — могильник Арантур 27

и жители тундры оставались по преимуществу охотниками на диких северных оленей и не представляли опасности для своих южных соседей, носителей нижнеобской культуры таёжной зоны. Поэтому северное пограничье оставалось в эту эпоху относительно мирным. Всё коренным образом изменилось в позднем средневековье, когда со становлением тундрового крупно-стадного оленеводства усилившиеся кочевые тундровые ненцы превратились в опасного неуязвимого противника для южных соседей: обских угров и селькупов таёжной зоны Западной Сибири, коми-зырянского населения таёжного Северо-Востока Европы.

Восточная граница ареала нижнеобской культуры проходила по водоразделу между бассейнами рр. Таза, Средняя Обь и Енисей. Именно здесь в раннем средневековье проходила граница между западносибирскими носителями культуры с фигурно-штамповой керамикой и восточносибирскими носителями культур толстостенных круглодонных сосудов с желобчато-валиковой орнаментацией, то есть предками хантыйского и селькупского народов тайги Западной Сибири и предками тунгусских и кетских народов тайги Восточной Сибири. Интересно, что и те, и другие находились на одном уровне экономического развития, были оседлыми таёжными охотниками, рыболовами и собирателями дикоросов. Но, тем не менее, в раннем средневековье это восточное пограничье стало очень беспокойным. На исходе времени существования кулайской культуры, на карымском второй половины IV — начала VI вв. и зеленогорско-рёлкинском V–VII вв. этапах нижнеобской культуры по всему пограничью началось проникновение в Западную Сибирь восточносибирского населения. По масштабам это восточное проникновение можно смело называть великим переселением восточносибирских народов, тем более что оно совпало по времени с Великим переселением народов, начатом в степях Евразии гуннами. В археологических материалах севера Западной Сибири этот процесс великолепно датируется распространением с востока на запад — вплоть до Среднего Прииртышья, верховьев р. Конда, лесотундры Южного Ямала — чуждой здесь прежде желобчато-валиковой керамики. Однако очень устойчивая нижнеобская культура устояла, её население смогло ассимилировать и абсорбировать восточных мигрантов. А в конце IX–X вв. начался обратный процесс: на Южном Таймыре появилось поселение начала кинтусовского этапа нижнеобской культуры с вожпайским типом керамики, явно оставленным в Восточной Сибири переселенцами с запада.

Самой беспокойной и подвижной частью ареала нижнеобской культуры была южная граница. Её весьма оживлённые подвижки начались ещё на исходе эпохи раннего железного века, в конце периода существования кулайской культуры. Вследствие первых ударов из степей современного Казахстана от только что появившихся там новых восточных мигрантов кочевников-хунну в I–II вв. н. э. начался стремительный распад саргатской лесостепной культуры Зауралья. Её население в этот период покидает лесостепи правобережья Среднего Прииртышья и Барабы, смещаясь на запад — в бассейн низовьев рр. Ишим, Тобол, Исеть, Пышма, Тавда. Здесь в течение III — первой половины IV вв. н. э. происходил процесс отмирания стереотипов саргатской культуры раннего железного века и формирования на её основе новой бакальской культуры второй половины IV–IX вв. раннего средневековья лесостепного Зауралья.⁸⁶

Трудностями начавшегося трагического развала саргатской культуры в лесостепях Среднего Прииртышья и Барабы не могли не воспользоваться её вековечные северные соседи кулай-

⁸⁶ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 19–25; Матвеева Н. П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 178 с.

ской культуры. Уже в I–III вв. таёжное кулайское население начинает распространяться на юг в лесостепи, оставляя здесь свои специфические археологические памятники: городища, поселения и могильники. Но центральноазиатские кочевники-хунну, освоив степи Южной Сибири и Казахстана, в III — начале IV вв. начали продвигаться и на север — в лесостепи Барабы и Среднего Прииртышья. Они быстро изгнали из них в таёжную зону долины р. Тара недавних пришельцев — носителей позднекулайской культуры. Их непосредственные потомки, носители карымского и начала зеленогорско-рёлкинского этапов нижнеобской культуры, в первой половине IV — первой половине VI вв. обитали в южно-таёжной зоне Тобольского Прииртышья. В этот 200-летний период они развивались в северных традициях материальной культуры производства фигурно-штамповой круглодонной керамической посуды, бронзолитейного производства, прикладного искусства, домостроения и принципов строительства фортификационных сооружений городищ. Во всём этом материальная культура раннего средневековья Тобольского Прииртышья мало чем отличалась от Сургутского Приобья. Другое дело, что в этот период начала раннего средневековья в южно-таёжной зоне Западной Сибири ещё памятен был урок неоспоримого военного превосходства кочевников-хунну, постепенно превращавшихся в гуннов эпохи Великого переселения народов, преподанный их недавним предкам поздней кулайской культуры конца раннего железного века. Этот период III — первой половины VI вв. в лесостепи Западной Сибири представлен лишь единичными случайно обнаруженными одиночными погребениями⁸⁷ (рис. 266).

В азиатской части Евразийских степей находился огромный конгломерат различных кочевых племён, известных под собирательным именем «гуннов», под которым они вторглись в степи Восточной Европы во второй половине IV в. Степи Южной Сибири и Казахстана на протяжении IV–VI вв. оставались их неиссякаемым резервом. Для их северных соседей — носителей нижнеобской культуры севера Западной Сибири начала раннего средневековья — гуннские кочевники были основным поставщиком новшеств в оборонительном и наступательном оружии, снаряжении коней и всадников (рис. 267), неизвестных здесь прежде сюжетов прикладного искусства (рис. 266), погребальных обрядах, ритуальной черепной деформации и др. Ретрансляторами этого гуннского влияния на север было население южной кромки тайги Западной Сибири.

Новое изменение южного пограничья нижнеобской культуры произошло в начале второй половины VI в. В 554–557 гг. в ходе западного похода войск Первого Тюркского каганата были разгромлены и завоёваны все гуннские племена степей Казахстана и юга Западной Сибири. Самая непокорённая часть из них под натиском тюрков отступала через степи Восточной Европы и смогла дойти до Паннонии, где стала надолго известна под именем авар. Неожиданно опустевшие лесостепи Омского Прииртышья и Барабы немедленно были заняты мигрантами из тайги Западной Сибири, которым здесь удалось продержаться до IX в. включительно в окружении лесостепных археологических культур: одинцовской и верхнеобской — с востока, караякуповской и бакальской — с запада, тюркской степной кочевой — с юга. Этот очень своеобразный южный лесостепной анклав раннего средневековья Западной Сибири до сих пор большинством археологов принято считать отдельными потчевашской VI–IX вв. и усть-ишимской X–XIII вв. культурами.⁸⁸ Впрочем, существует и альтернативная версия, со-

⁸⁷ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 22–24; Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (проблемы культуругенеза по данным погребальных памятников). Тюмень, 2016. 264 с.

⁸⁸ История Сибири: в 4 томах ... Т. 2. С. 367–374.

Рис. 266. Гуннский конный лучник IV–V вв. лесостепи юга Западной Сибири (реконструкция А. П. Зыкова по материалам погребения 688 могильника Сопка 2 и изображению на бронзовой плакетке IV–V вв. из с. Ягкедж на р. Вычегде). Рисунок А. П. Зыкова

гласно которой выделение этих культур было необоснованным,⁸⁹ что это всего лишь южные локальные варианты зеленогорско-рёлкинского и кучиминского этапов (касательно потчевашской культуры) единой нижнеобской культуры севера Западной Сибири.⁹⁰ Тем более что существование этого локального варианта южной части огромной северной таёжной археологической культуры не могло быть слишком продолжительным. Он появился в лесостепи юга Западной Сибири вследствие массовой миграции таёжного населения в благодатную зону лесостепи из-за её временного запустения. Такая уникальная для населения севера ситуация сложилась случайно. Правителей Первого и Второго Тюркских каганатов, разгромивших и покоривших все постгуннские кочевые племена степей Евразии, северный лесостепной пояс не интересовал: они боролись за гегемонию над евразийскими степями и контроль над оседлыми цивилизациями, расположенными южнее. Именно это пренебрежение тюрков к северным лесостепям позволило таёжным мигрантам укрепиться здесь во второй половине VI — первой половине VIII вв. После падения гегемонии тюрков в степях юга Западной Сибири сложилась сросткинская

культура предков тюркоязычных кыпчаков, которая неизбежно начала выдавливать анклав северных мигрантов из лесостепи. К концу IX в. этот процесс завершился — они вернулись в зону южной тайги, на рубеж долины р. Тара.

Обстановка на южном пограничье нижнеобской культуры раннего средневековья вовсе не диктовалась её какой-то особенной мощью, а целиком зависела от складывающейся политической ситуации в степном поясе юга Западной Сибири. Именно приход кочевников-хунну из Центральной Азии в I–II вв. привёл к началу неожиданного распада лесостепной саргатской культуры и резкому сдвигу её населения на запад в лесостепное Зауралье. Освободившиеся от саргатского населения Среднее Прииртышье и Бараба во II–III вв. были быстро заняты таёжными мигрантами с севера, носителями кулайской культуры конца раннего железного века. Но в этот раз сколь-нибудь надолго таёжным мигрантам закрепиться здесь не удалось. Уже в конце III — начале IV вв. кочевники-хунну — будущие гунны, закрепившиеся в степях юга Западной Сибири — изгнали их обратно в южно-таёжную зону бассейна р. Тара. Здесь они мирно обитали всю последующую эпоху формирования нижнеобской культуры

⁸⁹ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 127–129, 142–144.

⁹⁰ Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов ... С. 32–33.

раннего средневековья на карымском второй половине IV — начала VI вв. и начале зеленогорско-рёлкинского VI–VII вв. этапов. В дальнейшем всё происходило точно по той же схеме: резкое возникновение Первого Тюркского каганата и его блестящие военные походы привели к полному разгрому многочисленных гуннских племён степей юга Западной Сибири в 50-е гг. VI в. и к полному обезлюдиванию более северной лесостепной зоны. Среднее Прииртышье и Бараба были тут же заняты таёжными мигрантами, которые смогли удерживать этот лесостепной анклав на протяжении большей части зеленогорско-рёлкинского VI–VII вв. и почти весь кучиминский VIII–IX вв. этапы нижнеобской культуры. После трагической гибели Второго Тюркского каганата в середине VIII в. тюркоязычная сроткинская культура степей юга Западной Сибири медленно, но настойчиво начала выдавливать своих северных соседей нижнеобской культуры из зоны лесостепей. К концу IX–X вв. они вновь оказались в южно-таёжной зоне бассейна р. Тара, где проживали на протяжении последнего кинтусовского этапа конца IX–XII вв. нижнеобской культуры.

Рис. 267. Северные западносибирские воины конца III — первой половины IV вв. (реконструкция А. П. Зыкова по материалам Холмогорского «клада»). Рисунок А. П. Зыкова

Следующая большая подвижка южного пограничья произошла уже в начале эпохи позднего средневековья, в самом начале существования сайгатинской культуры XIII–XVI вв. И вновь таёжное население выступало в роли невинной жертвы намерений новых властителей Великой степи. В XIII в. ханы Джучидского Улуса Монгольской империи вознамерились насильно переселить из степей Дешт-и-Кипчака часть своих подданных кочевников-кыпчаков в северные лесостепи от Поволжья до Приобья.

В результате этого переселения кыпчаки прижились не только в лесостепной, но и в южно-таёжной зонах, заложив тем самым языковые основы ныне существующих татарских народов, в том числе сибирских татар. А южное пограничье потомков нижнеобской культуры раннего средневековья существенно сместилось гораздо севернее — в среднюю тайгу.

Нижнеобская культура раннего средневековья занимала огромную территорию всей таёжной зоны севера Западной Сибири — от Уральских гор и бассейна р. Тавда на западе до Обь-Енисейского междуречья на востоке, а в относительно короткий период второй половины VI–IX вв. и зону лесостепи в Среднем Прииртышье и Барабе. На всей этой территории фиксируется удивительное сходство материальной культуры во всём очень широком спектре её археологических проявлений. Главное из них, что и способствовало выделению столь территориально огромной археологической культуры, — это сходство группы фигурно-штамповой круглодонной керамической лепной посуды, которая была очень изменчива во времени. Её изучение на материале памятников раннего средневековья Барсовой Горы и Сайгатино в Сургутском Приобье позволило расчленить весь период нижнеобской культуры второй по-

ловины IV–XII вв. на четыре примерно одинаковых периода-этапа: карымский (второй половины IV — начала VI вв.), зеленогорско-рёлкинский (VI–VII вв.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конца IX–XII вв.). Такая же периодизация прослеживается в развитии фигурно-штамповой керамики и во всех других регионах нижнеобской культуры. Другое дело, что во всех остальных регионах севера Западной Сибири, вследствие гораздо меньшей на сегодняшний день археологической изученности эпохи раннего средневековья, пока невозможно выстраивание таких же периодизационных шкал, как в Сургутском Приобье.

При выделении нижнеобской культуры раннего средневековья важнейшую роль играла керамическая посуда. И судя по керамике, культура выглядит удивительно единой на всём огромном пространстве таёжной зоны Западной Сибири. По всем границам культуры отмечается присутствие примеси керамики сопредельных культурных образований — культур и типов памятников. Особенно это заметно в южном лесостепном анклав Среднего Прииртышья, существовавшего во второй половине VI–IX вв. в постоянном культурном окружении с запада, юга и востока. Но даже здесь невозможно определить хоть какой-то устойчивый локальный вариант культуры основного типа.

Существование единой нижнеобской культуры второй половины IV–XII вв. было обусловлено принципиальным единством хозяйственных занятий населения таёжной зоны севера Западной Сибири, целиком основанных на присваивающей экономике: охоте, рыболовстве и собирательстве дикоросов, при очень незначительной роли производящих отраслей таёжного скотоводства, преимущественно, транспортной направленности (придомного оленеводства, коневодства, собаководства). Исключительным было значение производящего скотоводства в южном лесостепном анклав Среднего Прииртышья второй половины VI–IX вв. Заняв эту обширную территорию лесостепи, таёжные северные мигранты охотники и рыболовы не могли не освоить передовую производящую отрасль — скотоводство. Если бы им удалось продержаться в лесостепи дольше, то вполне возможно, что этот лесостепной анклав стал бы основой формирования новой археологической культуры. Но, увы, уже в IX в. северные мигранты были вытеснены из лесостепи тюркскими кочевниками сrostкинской культуры, а в XIII в. их потомки тюрки-кыпчаки оттеснили потомков нижнеобской культуры, носителей сайгатинской культуры, из южно-таёжной зоны Тобольского Прииртышья ещё севернее — в среднюю тайгу Нижнего Прииртышья. За 300–350 лет проживания в лесостепях Среднего Прииртышья во второй половине VI–IX вв. северные мигранты просто не успели оторваться от нижнеобской культуры даже в развитии своей фигурно-штамповой круглодонной керамики. Этот лесостепной локальный вариант нижнеобской культуры так и остался её очень своеобразным относительно кратковременным лесостепным анклавом с более развитыми элементами скотоводства.

В социальном плане эпоха раннего средневековья севера Западной Сибири начиналась с явного общественного регресса. Буквально накануне, в конце эпохи раннего железного века при кулайской культуре III в. до н. э. — первой половины IV в., население севера таёжной зоны достигло уровня классового образования и сложения предгосударственных общественных структур. Начавшееся Великое переселение народов нанесло страшные удары по обществу севера Западной Сибири. Сначала в конце III–IV вв. кочевники-гунны отбросили из только что занятых во II–III вв. лесостепей Среднего Прииртышья и Барабы кулайцев обратно в таёжную зону. Но самые опасные вторжения восточносибирских соседей, таких же оседлых тунгусоязычных охотников и рыболовов, начались почти одновременно по всей восточной границе от арктических тундр до бассейна р. Томь и непрерывно продолжались до VII в. От-

ряды восточносибирских мигрантов пронизывали почти все огромные пространства тайги Западной Сибири, доходя на западе до лесотундры полуострова Ямал, низовьев р. Обь, среднего течения р. Конда, Тобольского Прииртышья. Нижнеобская культура в начале раннего средневековья устояла перед этим восточносибирским натиском. Но это стоило обществу севера Западной Сибири утраты достижений предшествующей кулайской культуры, отходом назад от процессов классовообразования и возвратом на более примитивную стадию разложения первобытнообщинного строя. Большая часть периода существования нижнеобской культуры до X в. включительно с точки зрения археологии представляла беспросветную внутреннюю борьбу враждующих отдельных общин друг с другом. Лишь в XI–XII вв., в поздний период кинтусовского этапа, вновь начался переход к стадии классовообразования.

С точки зрения этнической составляющей нижнеобская культура раннего средневековья представляла собой конгломерат лингвистически очень разных предков обско-угорских (манси и ханты) и самодийских (лесные ненцы и селькупы) народов, объединённых в этот период общностью материальной культуры. Большую часть эпохи раннего средневековья этот и без того сложный этнический конгломерат севера западно-сибирской тайги был вынужден противостоять миграционному натиску тунгусоязычных и кетоязычных народов Восточной Сибири. Население нижнеобской культуры устояло под этим натиском, смогло его преодолеть к концу VII в., полностью абсорбировав и ассимилировав восточносибирских мигрантов в своей более многочисленной среде.

Глава 3

Карымский этап второй половины IV — начала VI вв.

Карымский этап нижнеобской культуры был выделен В. Н. Чернецовым по керамике второй группы сборов с городища Усть-Толт и датирован IV–V вв. по материалам четырёх раскопанных курганов Козловского могильника.⁹¹ Этот этап средневековой периодизации не вызывает особых возражений среди археологов севера Западной Сибири. Нижнеобскую культуру В. Н. Чернецов начинал с ярсалинского этапа II–III вв. В. А. Могильников в 80-е гг. XX в. более не упоминал нижнеобскую культуру, признавая выделенные в 60–70 гг. XX в. рёлкинскую, потчевашскую, усть-ишимскую и юдинскую культуры раннего средневековья южно-таёжной зоны Западной Сибири. Раннее средневековье на севере Западной Сибири, по его мнению, маркируют памятники оронтурского типа VI–IX вв., характеризующие один из этапов развития культуры Нижнего Приобья.⁹² Предшествующий карымский этап IV–V вв. В. А. Могильников относил к раннему железному веку.

В 1991 г. вышла уже упоминавшаяся статья екатеринбургских археологов с коренной переработкой средневековой периодизационной схемы В. Н. Чернецова, выполненной на материалах Сургутского Приобья, в которой карымский этап IV–V вв. отнесен к началу раннего средневековья.⁹³ В число карымских памятников были включены и вещи Холмогорского «клада».⁹⁴ В. А. Борзунов и Ю. П. Чемякин,⁹⁵ отметив ошибочность последнего заключения, датировали Холмогорскую коллекцию предшествующей кулайской культурой раннего железного века. В монографии А. П. Зыкова комплексы могильника Агрнъёган I и Холмогорской коллекции отнесены к финалу сургутского варианта кулайской культуры, а не к началу карымского этапа нижнеобской культуры раннего средневековья.⁹⁶ Хронология самой поздней исследованной Холмогорской коллекции, захороненной в конце III — первой половине IV вв.⁹⁷ и однозначно отнесённой к финалу кулайской культуры, позволила разделить ранний же-

⁹¹ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 162, 164, 180–185. Табл. VII, VIII, XI.

⁹² Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири ... С. 202–207.

⁹³ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 131–133.

⁹⁴ См.: Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны ... С. 113; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 26–30, 126. Рис. 3, 4; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 42. Рис. 14, 3–7; Они же. Древняя история ... 2002. С. 45. Рис. 14, 3–14.

⁹⁵ Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таёжного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 157–160, 195.

⁹⁶ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 45–46.

⁹⁷ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 145.

лезный век и средневековье на севере Западной Сибири; определить начало карымского этапа и всей нижнеобской культуры раннего средневековья второй половиной IV в.

Карымский этап впервые появился в схеме нижнеобской древнехантыйской культуры II–XIII вв. В. Н. Чернецова.⁹⁸ В. А. Могильников карымский этап относил к раннему железному веку, начиная раннее средневековье с VI в.⁹⁹ В статье екатеринбургских археологов с переработкой периодизационной схемы В. Н. Чернецова вновь появился переосмысленный карымский этап IV–V вв. объ-иртышской культурно-исторической общности.¹⁰⁰ Авторы этой статьи, высказываясь о необоснованности уже выделенных рёлкинской, потчевашской и усть-ишимской культур раннего средневековья Западной Сибири, однако не рискнули заявить о реабилитации нижнеобской культуры В. Н. Чернецова, единой для всей таёжной зоны Объ-Иртышья.¹⁰¹ Во втором томе «Истории Сибири» вновь была дана характеристика рёлкинской, потчевашской и усть-ишимской культур.¹⁰² Концепция А. П. Зыкова по возрождению единой нижнеобской культуры средневековья в рамках объ-иртышской культурно-исторической общности получила принципиальное одобрение, правда, с некоторыми замечаниями со стороны коллег.¹⁰³

Изначально и вся нижнеобская культура раннего средневековья, и составляющие её периодизационные этапы, в том числе карымский, выделялись В. Н. Чернецовым по керамике, как по единственному в то время массовому археологическому материалу, который позволял хоть как-то его хронологически расчленять. Выделив вторую группу керамики в материалах сборов 1935 г. с городища Усть-Толт и назвав её карымской, он не пытался расчленить её на типы.¹⁰⁴ Деление на типы отсутствовало и в описании керамики карымского этапа в модернизированной периодизации В. Н. Чернецова. Однако исследователи отмечали, что в их карымских материалах с однослойных памятников Сургутского Приобья помимо гребенчатой и фигурно-штамповой керамики присутствует и немногочисленная (не более 2%) группа керамики с желобчатым орнаментом инородного происхождения, не имеющая аналогов в предшествующие эпохи.¹⁰⁵ Почти такая же описательная характеристика керамических сосудов карымской культуры, без выделения каких-либо типов, была предложена и К. Г. Карачаровым.¹⁰⁶

Впервые о выделении трёх типов лепных керамических сосудов карымского этапа IV — начала VI вв. заявлено в статьях А. П. Зыкова,¹⁰⁷ а подробно изложено в сопровождении боль-

⁹⁸ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 180–185.

⁹⁹ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири ... С. 202–207.

¹⁰⁰ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 131–133.

¹⁰¹ Там же. С. 142–145.

¹⁰² История Сибири в 4-х томах ... Т. 2. С. 291, 359–364, 367–374, 390–400.

¹⁰³ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 156–161; Они же. Карымская керамика таёжного Приобья // ВААЭ. 2015. № 1 (28). С. 56, 62–63; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. С. 93–94; Он же. Ещё раз о вожпайской культуре // Вопросы истории Сибири. Омск, 2014. Вып. 9. С. 119–120, 123.

¹⁰⁴ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 160–163. Табл. IX, X.

¹⁰⁵ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 131–133.

¹⁰⁶ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 43; Они же. Древняя история ... 2002. С. 45, 48.

¹⁰⁷ См.: Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны ... С. 113, 114; Он же. Периодизация нижнеобской культуры... С. 40–41.

шого количества графических иллюстраций в его монографии.¹⁰⁸ Любопытно, что все три типа керамики в Сургутском Приобье были обнаружены при раскопках в однослойных жилищных комплексах Барсовой Горы, Сайгатино и в памятниках Нижнего Прииртышья.

Абсолютное большинство карымских лепных керамических сосудов севера Западной Сибири представлено горшковидными сосудами с выделенной шейкой, гораздо меньше закрытых чаш и сосудов котловидной формы. Все карымские сосуды круглодонные, округло-уплощённые днища встречаются исключительно редко. Исключение известно только одно. На юге ареала карымского этапа нижнеобской культуры, в Тарском Прииртышье, в курганном могильнике Усть-Тара VII среди типичного комплекса северных карымских круглодонных горшков были обнаружены кринкообразные высокогорлые плоскодонные сосуды. Они являлись своеобразным гибридом, сочетавшим форму и построение орнаментальной композиции, характерные для южного кушнаренковского типа керамики, на них также широко применялись северные карымские ромбические штампы.¹⁰⁹ Венчики основных, I и II типов, карымских керамических сосудов имеют характерный скос внутрь и карниз. Скошенные венчики нередко с желобообразным прогибом. Венчики сосудов III типа появляются лишь в конце карымского этапа, преимущественно плоские, скошенные внутрь.

Орнаментальный декор карымской посуды резко отличает её как от предшествующей керамики кулайской культуры, так и от керамики более поздних этапов. И дело не только в применении разнообразных фигурных штампов для украшения карымских сосудов типа II или присутствии в керамическом комплексе специфической желобчато-валиковой керамики типа III. Разнообразие фигурных штампов, но иного набора, специфично также для типа II, а желобчато-валиковые сосуды типа III столь же характерны и для комплексов керамики зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. Дело в том, что пышный орнамент покрывал практически всю внешнюю поверхность большинства карымских сосудов — от шейки до придонной части. Этот эффект достигался в основном за счёт широкого применения фестонов — наклонных столбиков из горизонтально поставленных оттисков гребенчатых или змейковых штампов. Если шейка и плечики сосудов типов I и II карымского этапа орнаментировались горизонтальными поясками, выполненными в несколько рядов различными оттисками штампов, то поверхность тулова и придонной части покрывали фестоны. Впервые фестоны появились в самом финале кулайской культуры, в период существования ярсалинского типа керамики. Это свидетельствует о приемственности в орнаментации кулайской и карымской керамики. Обязательным элементом декора для типов I и II, а также для большей части сосудов типа III карымского этапа является горизонтальный ряд ямок или жемчужин на шейке под венчиком. Они накалывались на ещё не обожжённые сосуды после нанесения орнамента, чаще всего поверх него.

Тип I. Гребенчатая керамика. Название типа условное, так как в него включены сосуды, орнаментированные оттисками не только различных вариантов гребенчатого штампа, но и оттисками простых змейковидного и гладкого штампов, которые нельзя относить к категории фигурных. Основной орнаментальной композицией этого типа сосудов являлось украшение шейки двумя-четырьмя, редко пятью-шестью горизонтальными рядами прямых или наклонных оттисков штампов; ниже, на плечиках и тулове, дополненных фесто-

¹⁰⁸ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 53–58. Рис. 8–15.

¹⁰⁹ Скандаков И. Е., Данченко Е. М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таёжном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Омск, 1999. Вып. 3. С. 168. Рис. 17.

нами из оттисков чаще всего того же штампа. Среди карымской посуды типа I встречаются экземпляры с гораздо более сложным горизонтальным поясом на шейке, оконтуренными рядами наклонных или горизонтальных оттисков гребенчатого штампа: наклонные столбики горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, зигзаговые многорядные композиции, меандровые узоры, выполненные гребенчатым штампом. На тулове помимо монотонных фестонов иногда встречается очень сложная орнаментация. Так, в коллекции из раскопок городища Кинтусовское 4.1 есть горшок, тулово которого почти до придонной части украшено фестонами из тройных столбиков, пространство между которыми заполнено решетчатым узором, выполненными оттисками змейкового штампа.¹¹⁰ Любопытно, что фрагменты тулова сосуда с точно такой же сложной орнаментацией есть в сборах М. С. Знаменского с городища Потчеваш. В. И. Мошинская ошибочно отнесла этот сосуд раннего средневековья к позднему бронзовому веку.¹¹¹ Среди карымской керамики типа I крайне редко встречаются беднее орнаментированные сосуды: без фестонов на тулове, с гребенчатой ёлочкой на шейке или с одним-тремя горизонтальными рядами оттисков штампа. Единично найдены сосуды, где оттисками гребенчатого и гладкого штампов или ногтевыми вдавливаниями орнаментирована только поверхность скошенных внутрь венчиков, так что единственным украшением их внешней поверхности являлся ряд ямок на шейке под венчиком.¹¹² Подобный же минимально орнаментированный сосуд есть в погребении I, где он обнаружен вместе с классическими карымскими фигурно-штамповыми фрагментами сосуда типа II бакальско-карымского курганно-грунтового Козловского могильника эпохи Великого переселения народов в Тюменском Притоболье.¹¹³

Тип II. Фигурно-штамповая керамика. К этому типу относятся сосуды, в орнаментации которых использованы оттиски различных видов фигурных штампов: ромбических, уточковых, S-образных, двучленного, уголкового, крестовидного. Каждый из видов фигурных штампов имел несколько вариантов. Особенно разнообразны самые массовые по применяемости в орнаментации карымского этапа ромбические штампы (рис. 268, 1, 2). Среди них различаются простые ромбы, ромбы со вписанными в них четырьмя выпуклинами, решётчатые, рамчатые со вписанным в них рельефным крестом, глазчатые, ромбы со ступенчато оформленным рельефным краем со вписанными внутрь двумя уточками, ромбовидные из двух состыкованных рамчатых уточек. Это разнообразие дополняется различиями в размерах одного и того же вида штампов или вписанных в него деталей. В орнаментации одного сосуда использовался преимущественно один вид фигурного штампа, гораздо реже — два, в редчайших случаях — три, но всегда в сочетании с гребенчатым или змейковидным штампами.

Фигурные штампы использовались преимущественно для орнаментации шейки сосудов ниже ямочно-жемчужной зоны. Чаще всего они занимали горизонтальную полосу, оконтуренную сверху и снизу оттисками гребенчатого или змейковидного штампов, где оттиски ромбических штампов ставились в шахматном порядке рядами: на небольших сосудах — в один-два ряда, на крупных — в два-семь рядов. Иногда таких горизонтальных полос оттисков ромбических штампов, разделённых рядами наклонных или горизонтальных оттисков

¹¹⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 54. Рис. 12, 8.

¹¹¹ Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш ... Табл. VIII.

¹¹² Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 54. Рис. 12, 3.

¹¹³ См.: Матвеева Н. П. Козловский могильник ... С. 74. Рис. 2, 1; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 164. Табл. XI, 9.

Рис. 268. Фигурно-штамповые сосуды типа II карымского этапа нижнеобской культуры.
 1 — поселение Горное 2 (раскопки Д. О. Стародумова, 2004 г.). Фонды Музея Природы и Человека,
 г. Ханты-Мансийск; 2 — городище Барсов городок II/6 (по: Сургутский краеведческий музей, 2011)

гребенчатого или змейковидного штампа, на сосудах было две-три. Практиковалось не сплошное заполнение полос отпечатками штампов, а группировка их в треугольные композиции, направленные углом к днищу сосуда. Штампы и в этих треугольных композициях ставились в шахматном порядке. В редких случаях на карымской керамике такие композиции завершал орнамент на плечиках или тулове сосуда. В основном тулово заполнялось фестонами из отпечатков гребёнки, «змейки», редко — «уточки», S-образного или уголкового штампов. Мелкие уголкового штампы применялись для создания сложных меандридных фигур.

Степень частоты того или иного фигурного штампа в орнаментации карымской керамики различна. Абсолютное большинство сосудов типа II орнаментировано отпечатками ромбических штампов. Именно эта легко распознаваемая исследователями группа керамики и стала основанием для выделения карымского этапа нижнеобской культуры. Уточковый и S-образный штампы применялись в ограниченном числе случаев, но сосуда, орнаментированные ими, есть в большинстве коллекций этого периода. То есть штампы, отпечатки которых были массовыми на сосудах предшествующей кулайской культуры, не исчезают, но очень редко применяются в периоды карымского этапа и в начале зеленогорско-рёлкинского этапа нижнеобской культуры. И лишь на рёлкинской керамике конца VI–VII вв. они вновь получают широчайшее распространение. Это будет первый пример ренессанса применения когда-то популярных древних штампов, после 300 лет практического их забвения. Первый, но отнюдь не единственный в сложной эволюции орнаментации керамики нижнеобской культуры. Мелкие уголкового и двучленные штампы, состоящие из двух мелких уголков, применялись на карымском этапе для орнаментации лишь небольших сосудов. Крупные уголкового штампы появляются только на самых поздних памятниках карымского этапа Барсовой Горы — на городищах Барсов городок II/7 и II/10, то есть накануне перехода к началу зеленогорско-рёлкинского этапа, когда на керамике зеленогорского типа наступает расцвет этого вида штампов. Удивительно редко в орнаментации карымской керамики Сургутского Приобья применялись крестовидные штампы, столь характерные для предшествующей ярса-

линской и последующей зеленогорской керамики. Это буквально единичные фрагменты сосудов с городищ Сартым-Урий 18,¹¹⁴ Барсов городок II/7 и Соровское X.

На городищах Барсовой Горы, городище Кинтусовское 4.1 и селище Сартым-Урий 18, керамика карымского этапа типа II составляет большую часть коллекций, преобладая над двумя другими типами. На городище Сартым-Урий 18 преобладают сосуды типа III, составлявшие 42,9% керамической коллекции, типы I и II были представлены равномерно — по 28,6%. Однако среди исследованных раскопками памятников карымского этапа нижеобской культуры Сургутского Приобья есть одно исключение — селище Кучиминское I в урочище Сайгатино. В коллекции из его раскопанного жилища не было найдено ни одного фрагмента керамики типа II, обнаружена только керамика типа I и фрагменты от одного сосуда типа III.

Керамика типов I и II карымского этапа демонстрирует высокую степень преемственности как с посудой, предшествующей кулайской культуры конца раннего железного века, так и с последующей зеленогорской группой керамики зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижеобской культуры.

Тип III. Желобчато-валиковая керамика. К этому типу отнесены керамические лепные сосуды, орнаментированные желобками, выдавленными по сырой глине пальцами или палочкой шириной 3–4,5 мм так, что между желобками формировались узкие валики, или, гораздо реже в Западной Сибири, наклепными треугольными в сечении узкими валиками. Крупные наклепные валики, оплетённые в виде косицы из трёх глиняных жгутиков, встречены только на фестолах, завершающих арочный орнамент из желобков, одного сосуда с городища Барсов городок II/6.¹¹⁵ Поэтому орнамент этого типа посуды гораздо более правильным было бы называть желобчатым.¹¹⁶

Сосуды типа III резко отличаются от всей остальной керамики карымского этапа севера Западной Сибири. Они также относятся к горшкам и чашам, такие же круглодонные, но отличаются плоскими венчиками, толстостенностью и вылепленностью из рыхлого глиняного теста. В карымском комплексе жилища 5 селища Сартым-Урий 16 обнаружен развал сосуда с шестью горизонтальными желобками и рядом ямок под венчиком с округлым днищем на глиняном поддоне.¹¹⁷ На исследованных раскопками памятниках карымского этапа Сургутского Приобья неплохо прослеживается эволюция керамики типа III. В наиболее раннем памятнике, городище Сартым-Урий 18, она составляет 42,9% (11–12 сосудов из 28 выявленных по фрагментам). У четырёх-пяти из них орнамент выполнен узкими наклепными валиками. Собственно, это вся валиковая керамика Сургутского Приобья: вся остальная посуда типа III этого памятника орнаментирована желобками. Ещё одна особенность сосудов типа III городища Сартым-Урий 18 — лишь два сосуда имели ямочную зону на шейке, у остальных она отсутствовала.¹¹⁸

¹¹⁴ Чемякин Ю. П. Городище Сартым-Урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2003. Вып. 1. Ил. 10, 7–9; 11, 5.

¹¹⁵ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 96, 3.

¹¹⁶ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 55.

¹¹⁷ Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 240, 242. Ил. 9: 1.

¹¹⁸ Чемякин Ю. П. Городище Сартым-Урий XVIII ... С. 66–70. Ил. 10, 11, 13.

Более поздние сосуды типа III селища Сартым-Урий 17 и городища Барсов городок II/6 сходны между собой и представляют следующий этап эволюции уже желобчатой керамики в Сургутском Приобье. Отличия от предшествующего периода разительные. Во-первых, явно стала нарастать профилировка горшковидных сосудов, увеличиваться раздутость их тулова, очевидно, по примеру сосудов типов I и II.¹¹⁹ Во-вторых, поясок ямок или жемчужин под венчиком становится обязательным в орнаментации, его не имели только по одному сосуду в каждой коллекции из раскопок. В-третьих, орнамент выполнялся почти только желобками, не считая фестонов из наклепного валика сложной конструкции в виде косички из трёх сплетённых глиняных жгутов, завершавших арочные композиции из желобков на одном из сосудов с городища Барсов городок II/6 (рис. 269). Практически обязательным становится в это время украшение шейки сосудов горизонтальным поясом из 2–3, а чаще из 5–11 желобков. Лишь один горшок из селища Сартым-Урий 17 украшен по плечикам и тулову фестонами из вертикальных желобков, сгруппированных по шесть и девять.¹²⁰ Чаще плечики и тулово декорировались зигзагами или арочными композициями из желобков, поясами из вертикальных желобков, сгруппированных по пять, перемежающихся с крестовидными фигурами, выполненными также желобками. В-четвёртых, помимо насечек гладкой палочкой и ногтевых вдавливаниях по краю венчиков начинают использоваться наколы округлой или квадратной в сечении палочкой. Ими выполняются разделительные зоны между поясами желобков, короткие фестоны, завершающие зигзаговые желобчатые композиции на тулове сосудов, заполняются пустые треугольники желобчатых зигзагов. Наконец, на одном сосуде с городища Барсов городок II/6 и на двух с селища Сартым-Урий 17 впервые отмечается применение оттисков змейкового и гребенчатого штампов, сгруппированных в горизонтальные ряды, что является явным копированием принципов орнаментации карымской керамики типов I и II.

На самых поздних памятниках карымского этапа нижнеобской культуры севера Западной Сибири (селище Сартым-Урий 16, городища Барсовы городки II/7, II/9, II/10, Кинтусовское 4.1) в абсолютном большинстве сосудов типа III появляются горизонтальные ряды прямых или наклонных отпечатков оттисков гребенчатого или змейковидного штампов не только под венчиком, но и на шейке и тулове в качестве разделителя и завершения желобчатых узоров. На некоторых сосудах орнамент на тулове завершается типичными карымскими фестонами из столбиков горизонтальных оттисков тех же видов штампов. Наконец, на городищах Барсов городок II/10 и Кинтусовское 4.1 появились сосуды типа III со скошенными назад венчиками, то есть уже типичные карымские.¹²¹

Происхождение сосудов I и II типов карымского этапа нижнеобской культуры от керамики предшествующей кулайской культуры не вызывает сомнений. Но для керамических сосудов типа III с желобчато-валиковой орнаментацией очевидны инородный характер и невозможность его происхождения от предшествующей керамики кулайской культуры Западной Сибири конца раннего железного века. Первым, кто в 40-х гг. XX в. отметил

¹¹⁹ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... Ил. 10, 1, 3, 6; 11, 3, 4, 6, 8; Зыков А. П. Указ. соч. Рис. 10, 2–4.

¹²⁰ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 98, 6.

¹²¹ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... Ил. 10, 8, 10–12; Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 56. Рис. 11, 1–3, 5–7; 15, 7, 8; Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-Урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. Ил. 28, 15.

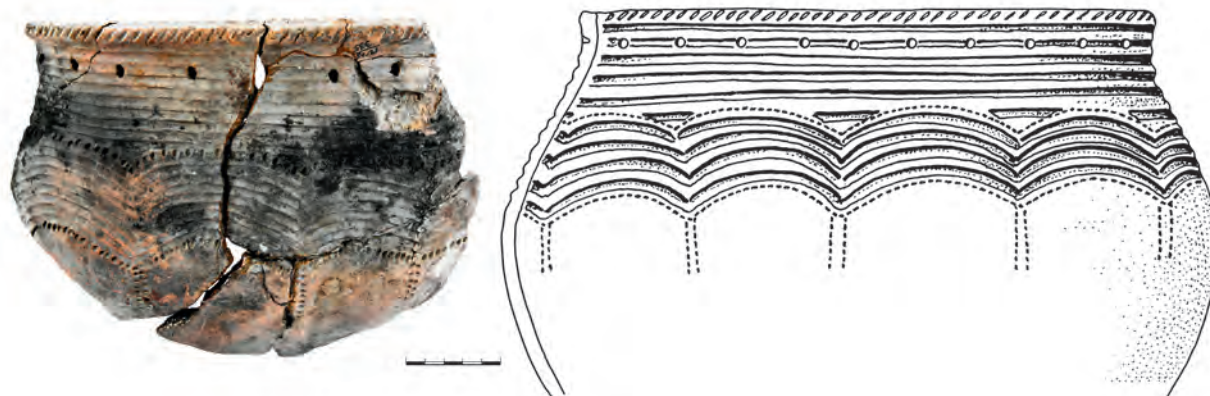

Рис. 269. Желобчато-валиковый сосуд типа 3 карымского этапа нижнеобской культуры с городища Барсов городок II/6 (по: Сургутский краеведческий музей. Сургут, 2011)

инородность валикового декора для керамики Приобья, сходство среднеобской и восточносибирской валиковой керамики и высказал гипотезу о переселении части носителей этого декора посуды из Восточной Сибири, был томский археолог К. Э. Гриневич. Своё предположение он сделал при анализе керамики с городища Басандайка.¹²² Гораздо позднее, при рассмотрении типа III валиковой керамики рёлкинской культуры VI–VIII вв., к такому же выводу о её миграционном юго-восточном происхождении из Восточной Сибири пришла Л. А. Чиндина.¹²³ О. Б. Беликова и Л. М. Плетнева считали, что восточносибирская керамика с наклепными валиками в Томском Приобье появляется на Тимирязевском городище III начала IV — первой половины V вв., где она составляет 1,4% керамической коллекции,¹²⁴ а наиболее поздняя находка — в погребении 22 IX–X вв. могильника у Архиерейской заимки.¹²⁵ По представлению Б. А. Борзунова и Ю. П. Чемякина, желобчато-валиковая керамика типа III карымского времени также «инородна и связана, скорее всего, с обществом юга Восточной Сибири»,¹²⁶ то есть они согласны с гипотезой томских коллег о продвижении восточносибирских мигрантов, носителей валиковой керамики, с юго-востока по долине р. Томь в Томско-Нарымском Приобье и далее «до Сургутского и Нижнего Приобья, р. Конды, низовий Иртыша и лесного Об-Иртышья».¹²⁷

А. П. Зыков предполагал, что распространение валиковой и желобчатой восточносибирской посуды на огромную территорию севера Западной Сибири одним только южным путём через долину р. Томь ограничиваться не могло. Действительно, для огромных пространств Якутии, Забайкалья, Таймырского Заполярья, Красноярского Приенисейя позднего средневековья были характерны керамические сосуды с наклепными «обмазочными» валиками,

¹²² Гриневич К. Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка. Томск, 1947. С. 145, 147.

¹²³ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... С. 130–132.

¹²⁴ Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Указ соч. С. 99, 100.

¹²⁵ Плетнева Л. М. Погребение IX–X вв. в Томском Приобье ... С. 72. Рис. 7, 1.

¹²⁶ Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 193.

¹²⁷ Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 223.

желобками и без пояса ямок под венчиком.¹²⁸ Именно в период карымского этапа нижнеобской культуры существовал и другой путь активного проникновения восточносибирского населения в Западную Сибирь, которое, судя по имеющимся археологическим результатам, можно смело называть вторжением: через долину р. Вах до низовьев р. Аган. В среднем течении р. Вах В. А. Посредниковым из сборов с поселения Большеларьякское I и раскопок на поселении Большеларьякское II получены фрагменты керамики, орнаментированные налепными валиками и желобками, полностью соответствующие карымскому типу III. Фрагменты типов I и II с ними не обнаружены.¹²⁹ Любопытно, что В. А. Посредников нигде не упоминал среди ваховских материалов находок раннего железного века. Впрочем, это, возможно, связано со слабой археологической изученностью р. Вах.

Напротив, в бассейне р. Аган разведками и раскопками исследовано большое число селищ и городищ белоярской и калинкинской культур начала и кулайской культуры конца раннего железного века, причём среди последних четыре являются позднекулайскими бастионными городищами. Здесь же были обнаружены остатки коллективного захоронения могильника Агрнъёган I–IV вв. «переходной от раннего железного века к средневековью», по К. Г. Карачарову, с разнообразным инвентарём: два железных кинжала с бронзовыми литыми съёмными рукоятями с перекрестиями и сложными двухволютными навершиями, в бронзовых литых ножнах; железные наконечники копий, втульчатый топор, не менее 11 железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел, один бронзовый литой втульчатый наконечник стрелы, фрагменты бронзового котла и чаши, бронзовое художественное литье, круглые бляхи-зеркала, втулки-обоймы, фаянсовые и стеклянные бусы.¹³⁰ По мнению А. П. Зыкова, комплекс могильника Агрнъёган I датируется III в., он моложе погребений 1 и 2 Барсовского III могильника и синхронного им клада с городища Барсов городок I/20 II — начала III вв. и старше Холмогорского комплекса конца III — первой половины IV вв., то есть вместе с последним относится к самому финалу кулайской культуры.¹³¹

Что же, по археологическим данным, происходило в бассейне р. Аган во второй половине IV — начале VI вв.? В 2004 г. на левобережной террасе нижнего течения р. Егур-Ях, правого притока среднего течения р. Аган были проведены аварийно-спасательные раскопки селища Егур-Ях 4, с которых происходили находки развала круглодонного горшка со слабопрофилированной шейкой с прямым закруглённым по краям венчиком. Шейка орнаментирована горизонтальными налепными валиками, горизонтальными наклонными рядами вдавлений гладкой палочкой и рядом ямочных вдавлений круглой палочкой. Тулово горшка ниже шейки декорировано десятью налепными такими же приострѣнными треугольными валиками, организованными в параллельные волны или арочными узорами острыми углами вниз.¹³² В том же году в бассейне р. Аган К. Г. Карачаров произвёл раскопки

¹²⁸ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 56–58; Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 209–216.

¹²⁹ См.: Посредников В. А. Археологические работы на реке Вах // Из истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 2. С. 83. Табл. 31, 15; Он же. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5. Табл. 4–6.

¹³⁰ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 54–71.

¹³¹ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 45–46.

¹³² Яковлев Я. А. Селище Егур-Ях 4 — новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 185–204.

селища Нёх-Урий 1, собрал единичные находки на селищах Вор-сап 2 и 4, Варьёган 15, Усть-Варьёган 2, Сандаковы. Найденные на них фрагменты керамики относятся только к толстостенным сосудам, декорированным прочерченными параллельными желобками, иногда разделёнными рядами наколов палочкой или короткими фестонами из тех же наколов от нижних углов арочной желобчатой волны, наклонных горизонтальных рядов отпечатков гребенчатого штампа под венчиком, ямочной зоны на шейке. Кроме желобчатой посуды на селище Сандаковы был найден фрагмент с налепными валиками. Аганская керамика этой эпохи полностью соответствует типу III желобчато-валиковых сосудов карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. нижеобской культуры севера Западной Сибири. Но на всех этих селищах не было найдено ни одного фрагмента керамики, соответствующего хотя бы отдалённо типам I и II этого этапа. Основываясь на этих фактах, К. Г. Карачаров осторожно предположил, что «скорее всего, бассейн Агана в то время входил в иную историко-культурную область, нежели остальная часть среднеобского географического района».¹³³ Эта идея была принята В. А. Борзуновым и Ю. П. Чемякиным, предположившим, «что восточная граница расселения карымских общин проходила между Тромьёганом и его притоком Аганом», где эти общины граничили с памятниками «аганского типа», под которыми исследователи подразумевали памятники с исключительно желобчато-валиковой керамикой.¹³⁴ По мнению А. П. Зыкова, в самом финале кулайской культуры, в первой половине IV в., из северной тайги Восточной Сибири началась миграция носителей валиковой керамики в Западную Сибирь, имевшая завоевательный характер. Мигранты быстро овладели огромным ареалом бассейнов рр. Вах и Аган, полностью изгнав или уничтожив местное население, и остановились только на западе в бассейнах рр. Тромьёган и Большой Салым, где продолжалось закономерное развитие наследников кулайской культуры раннего железного века — памятников карымского этапа нижеобской культуры раннего средневековья. Неизвестно, как далеко сумели распространиться восточносибирские мигранты на север и юг от рр. Вах и Аган. Вверх по р. Обь «горшки с налепным узким низким приострённым валиком зафиксированы на селищах Малгет. Круглое Озеро II, Кондрашкино I и Кондрашкино VI, среди разновременных находок на Нёготском могильнике».¹³⁵

После того как глубокое вторжение восточносибирских мигрантов было остановлено, уже в начале карымского этапа нижеобской культуры в бассейнах рр. Тромьёган и Большой Салым началось долгое сосуществование двух достаточно близких, но иноязычных обществ с присваивающим охотничье-рыболовческим хозяйством. Но в период всего карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. давление с востока было преобладающим и постоянным. Судя по распространению совершенно чуждых прежде сосудов типа III с желобчато-валиковой орнаментацией на памятниках карымского этапа, инфильтрация восточносибирских элементов в местную западносибирскую среду была весьма ощутимой. Конечно, она уже не доходила до такого опасного предела, как 42,3 % желобчато-валиковой керамики типа III на пограничном восточном раннем карымском городище Сартым-Урий 18 на р. Большой Юган. Нижеобская культура смогла устоять: ассимиляция и угроза потери самобытности населению севера Западной Сибири уже не угрожали даже на карымском этапе. Но влияние восточносибирских мигрантов было велико. На карымском этапе инфильтрация, хоть и всё более сдержанная, проходила строго с востока на запад, обратной инфильтрации

¹³³ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 72.

¹³⁴ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... Ил. 1; Они же. Карымское общество... С. 224.

¹³⁵ Яковлев Я. А. Селище Егур-Ях 4 ... С. 200–201. Ил. 6.

в долину р. Аган не наблюдалось. Распространение керамики типа III пронизывало весь ареал карымского этапа: на западе до среднего течения р. Конда,¹³⁶ на юге до городища Потчеваш в Тобольском Прииртышье,¹³⁷ до городищ и поселений Томского Приобья,¹³⁸ на севере до поселения Солемал I и городища Едитта-Яха в заполярной лесотундре самых низовий Оби.¹³⁹ И везде процент желобчато-валиковой керамики был невелик, но настолько заметен, что её выделяли в особый тип III сосудов карымского этапа нижнеобской культуры.¹⁴⁰

Тип IV. Неорнаментированная керамика. А. П. Зыков предложил типологию керамики сосудов карымского этапа, состоящую из трёх основных типов.¹⁴¹ Однако он не учёл единичные сосуды, украшенные только рядом ямок или жемчужин под венчиком. Эту керамику по материалам многослойного городища Евра 25 было предложено выделить в IV тип карымского этапа нижнеобской культуры.¹⁴² В. А. Борзунов и Ю. П. Чемякин в IV тип включают обеднённую ямочно-насечковую и ямочно-жемчужную карымскую керамическую посуду.¹⁴³

В изучении древностей карымского этапа нижнеобской культуры дело начинает доходить до мелочей, которые казались несущественными ещё совсем недавно, в частности, до очень малочисленной неорнаментированной керамики. Но в отдельный IV тип керамики необходимо включать лишь сосуды, полностью лишённые орнамента как с ямочно-жемчужной зоной под венчиком, так и без неё.

Ю. П. Чемякин и В. А. Борзунов считали, что «в южно-таёжной полосе керамика IV типа пока не выделена».¹⁴⁴ Однако в бакальско-карымском Козловском могильнике эпохи Великого переселения народов, в погребениях 5, 11, 13-1, 34, именно такие неорнаментированные горшки типа IV обнаружены совместно с классическими карымскими фигурно-штампованными сосудами типа II.¹⁴⁵ Причём лишь один козловский фрагмент горшка из погребения II имел пояс ямок по шейке, остальные его не имели.

Неорнаментированные керамические сосуды единично встречаются в памятниках кулайской культуры: чаще всего с ямками на тулове с поселения Степановское III,¹⁴⁶ с ямками под венчиком и на поддонах из погребения III-I вв. до н. э. на городище Барсов городок I/20,¹⁴⁷ из

¹³⁶ Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 171. Ил. 1, 2, 4.

¹³⁷ Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш ... Табл. VIII.

¹³⁸ Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Указ. соч. С. 71. Рис. 106.

¹³⁹ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 25; История Ямала. Т. I. Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010. С. 71.

¹⁴⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 55-58.

¹⁴¹ См.: Зыков А. П. Средневековые таёжной зоны ... С. 114; Он же. Периодизация нижнеобской культуры ... С. 40-41; Он же. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 53-58. Рис. 8-15.

¹⁴² Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Раскопки городища Евра 25 ... С. 171.

¹⁴³ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники... С. 189, 193. Рис. 9: 9-12; Они же. Карымская керамика... С. 56, 59-60. Рис. 2: 21, 23-25; Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы... С. 323, 327, 328. Ил. 30, 22-26.

¹⁴⁴ Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 193.

¹⁴⁵ Матвеева Н. П. Козловский могильник ... Рис. 5, 1; 7, 3, 4; 9, 2; 20, 1.

¹⁴⁶ Чиндина Л. А. Древняя история в эпоху железа (кулайская культура). Томск, 1984. Рис. 40, 4.

¹⁴⁷ Бельтикова Г. В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 26. Рис. 1, 2.

сборов в разрушенной части могильника Сырой Аган 16,¹⁴⁸ без пояса ямок из святилища на городище Барсов городок I/6. Эти немногочисленные неорнаментированные сосуды в тексте о керамике кулайской культуры Ю. П. Чемякин не упоминает, лишь в подписях к графическому рисунку сосуда из святилища он обозначил в том числе и его, назвав «оригинальная керамика».¹⁴⁹ В погребениях фоминской культуры южно-таёжного Верхнего Приобья рубежа II–III–IV вв., то есть самого финала начавшей уже распадаться кулайской культуры, находки неорнаментированной керамики как с поясом ямок под венчиком, так и без него встречаются гораздо чаще. Они есть в Фоминском могильнике; погребениях 9, 15, 30, 47, 48, 59, 107 могильника Ближние Елбаны-7; погребении 1 могильника Степной Чумыш-2; погребениях 1, 3, 4, 12, 13 могильника Усть-Абинский;¹⁵⁰ погребении 1 могильника Татарские Могилки.¹⁵¹ Эти отнюдь не единичные находки неорнаментированной керамики кулайской культуры раннего железного века служат весомым доказательством происхождения сосудов типа IV карымского этапа раннего средневековья севера Западной Сибири.

С признанием типа IV неорнаментированной керамики, самого малочисленного, не влияющего в дальнейшем на развитие эволюции керамики нижнеобской культуры, наши современные представления о керамическом комплексе карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. приобрели большую ясность. Керамический комплекс был явно двухкомпонентен, состоял из большей части прямо продолжавшей линию развития керамики предшествующей кулайской культуры (типы I, II и IV) и гораздо меньшей, но заметной инородной — восточносибирской керамики типа III.

Остальной вещевой комплекс находок карымского этапа нижнеобской культуры по яркости сильно проигрывает предшествующему комплексу кулайской культуры конца раннего железного века. Это и вполне понятно: для периода второй половины IV — начала VI вв. на севере Западной Сибири исследовались в основном только поселения и городища, наименее богатые на вещевые находки. Всего один грунтовый могильник Сайгатинский VI на севере Западной Сибири исследовался раскопками с 1989 по 2007 гг. В нём ко времени карымского этапа достоверно отнесено лишь восемь могил, а остальное обширное могильное поле датируется с X–XI до XV–XVI вв. Карымские погребения одиночные по обряду ингумации совершались в неглубоких грунтовых ямах, головой преимущественно на ЮЗ — к обской протоке Безымянной. Инвентарь погребений очень скуден: фрагменты глиняных сосудов, железный нож, точильные камни. В одну могилу рядом с головой покойного был помещён целый горшок карымского типа I.¹⁵² Все остальные более многочисленные курганные могильники с материалами второй половины IV — начала VI вв., исследованные археологическими раскопками, располагались вдоль южной границы ареала карымского этапа, на самой кромке ландшафтных зон леса и лесостепи Томского Приобья, Тарского Прииртышья и Тюменско-

¹⁴⁸ Шорин А. Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 161–163. Ил. 5.

¹⁴⁹ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 84–86. Рис. 75, 4.

¹⁵⁰ Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. С. 93. Табл. II, 2; X, 1, 2; XIV, 2; XXII, 1; XXIII, 1, 2; XXVII, 2; XXXVIII, 5; XLIII, 2; LVIII, 1, 2; LXIII, 1; LXIV, 2; XC, 7; XCV, 28.

¹⁵¹ Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 145. Рис. 6, 2.

¹⁵² См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя культура ... 1999. С. 42–43. Рис. 14, 8; Они же. Древняя культура... 2002. С. 45. Рис. 14, 18.

го Притоболья. Но даже в более исследованных южных карымских погребениях не было того богатства и разнообразия инвентаря, присущего уже исследованным более ранним позднекулайским погребениям II–III вв. Пока на севере Западной Сибири на карымском этапе неизвестны святилища и «клады» с их разнообразными находками (бронзового литья, бронзового и железного оружия, каменных и стеклянных импортных бус и др.), характерными для поздней кулайской культуры.

Тем не менее даже по тем, не очень выразительным находкам предметов карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. нижеобской культуры мы способны сделать определённые выводы. Самое важное: население севера Западной Сибири уже к началу средневековой эпохи обладало всеми навыками чёрной металлургии и металлообработки, полученными ещё в предшествующей кулайской культуре конца раннего железного века. Самые древние остатки сыродутных металлургических железодельных печей III в. до н. э. — I в. н. э. на севере были выявлены при археологических раскопках 2010–2012 и 2015 гг. на городище Усть-Полуй.¹⁵³ С этого же времени на севере появляются железные предметы собственного кузнечного производства. Однако процесс вытеснения бронзовых литых изделий коваными из железа даже в сфере производства оружия в тайге затянулся до конца кулайской культуры. Так, в самом позднем кулайском памятнике — Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV вв. — на 61 железный черешковый наконечник приходится 2 бронзовых литых втульчатых наконечника стрел.¹⁵⁴ Первое доказательство высокого статуса кузнеца в позднекулайском обществе — ритуальный нагрудник военного вождя-жреца-кузнеца, одной из привесок к которому служил обломок железного кузнечного проушного молотка, из клада II–III вв. на городище Барсов городок I/20.¹⁵⁵

«Учителями» металлургов и кузнецов севера Западной Сибири были металлурги и кузнецы саргатской культуры лесостепи Зауралья и Западной Сибири конца раннего железного века, юго-западные соседи ареала кулайской культуры на всём протяжении периода её существования. Судя по материалам металлографического изучения железных предметов Холмогорской коллекции, её технологический уровень являлся высшей точкой развития местного кузнечного ремесла, на который продолжали ориентироваться и безуспешно пытались его сохранять потомки на протяжении более 1200 лет. Достижения этого высшего северного уровня конца III — первой половины IV вв. полностью копировали достижения технологии кузнечного ремесла лесостепной саргатской культуры во время её финала в I–II вв., в период перестройки её стереотипов в III — начале IV вв. в средневековую бакальскую культуру IV–IX вв. Этими саргатскими достижениями были: наварка стальных углеродистых лезвий на железную основу с последующей закалкой, поверхностная цементация с обязательным последующим отпуском нормализации и закалкой.¹⁵⁶ Без долгого ученичества достигнуть такого уровня развития технологий кузнечного производства, который был продемонстрирован на примере продукции Холмогорской коллекции, было невозможно.

¹⁵³ Водясов Е. В. Чёрная металлургия Усть-Полуя // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 116–122.

¹⁵⁴ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 52, 121–125, 142–144.

¹⁵⁵ Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея). Екатеринбург; Сургут, 2016. С. 62, 104, 108.

¹⁵⁶ См.: Зыков А. П. Особенности технологии кузнечного производства населения Северо-Западной Сибири II — начала XVIII веков // Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 4. С. 217, 219; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 151–155.

Судя по всему, кузнецы карымского этапа нижеобской культуры сумели сохранить уровень технического развития, достигнутый их предшественниками конца кулайской культуры, и передать его потомкам уже в виде некоей освящённой веками древней технологической традиции. Но, однако, ничего принципиально нового в развитие технологии кузнечного производства севера Западной Сибири уже не вносилось. Когда-то надёжно освоенные технологические операции наварки лезвий и поверхностной цементации стали постепенно упрощаться. Чётко стала проявляться тенденция постепенного отказа в изделиях с наварными стальными лезвиями от обязательной прежде закалки, а в цементованных изделиях — от прежде обязательного отжига нормализации, необходимого для снятия отрицательных последствий высокотемпературного пережога. Упрощения в период карымского этапа только начинались, но это стало началом стагнации технологии местного западносибирского кузнечного производства, последствия которой скажутся гораздо позднее, через тысячу лет.¹⁵⁷

Широкое распространение на поселенческих памятниках карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. нижеобской культуры севера Западной Сибири специализированных железообрабатывающих мастерских-кузниц было доказано Ю. П. Чемякиным, который при раскопках городища Сартым-Урий 18 и селищ Сартым-Урий 16 и 17 зафиксировал остатки как минимум четырёх подобных сооружений. Они определялись по обязательным обнаруженным в них остаткам кузнечных горнов для разогрева железа или металлургических полуфабрикатов — криц, в двух случаях с остатками расположения керамических сопел для искусственного дутья, от которых сохранились вытянутые желоба прокалённого грунта; по отходам кузнечного производства — скоплениям железной окалины. В жилище 8 городища Сартым-Урий 18 вплотную к кузнечному горну была зафиксирована наковальня — большая гранитная плита с плоской верхней частью¹⁵⁸ (рис. 270). Подобные открытия стали возможны лишь с начала XXI в., когда были исследованы поселенческие памятники карымского этапа раннего средневековья на р. Большой Юган. Все карымские памятники в 70-х — начале 90-х гг. XX в. раскапывались по иной, менее тщательной методике. Главный же вывод, который можно сделать из раскопок последних 20 лет, что с самого начала раннего средневековья почти каждое поселение и городище севера Западной Сибири было способно иметь своих кузнецов, обеспечивавших всю ближайшую округу железными изделиями.

Основным видом универсального рубящего деревообрабатывающего орудия труда с конца I тыс. до н. э. и до XI в. были железные кованые втульчатые топоры-тёсла, которыми выполнялись самые различные функции в зависимости от способов насада на деревянное топорще. Этот же вид топоров был практически единственным древковым рубящим оружием ближнего боя на севере Западной Сибири.¹⁵⁹ Проушные боевые и рабочие топоры до второй половины IX–X вв. здесь неизвестны. Остальные виды орудий труда из железа карымского этапа обычны для эпохи раннего средневековья: универсальные хозяйственные ножи, шилья, иглы, рыболовные крючки, охотничьи наконечники стрел-срезни.¹⁶⁰

¹⁵⁷ Зыков А. П. Особенности технологии кузнечного производства ... С. 215.

¹⁵⁸ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 173–175; Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 53. Рис. 7; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 207–213.

¹⁵⁹ Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Указ. соч. С. 12–13. Рис. 4, 7; 7, 1; 9, 2; 10, 21; 12, 4; 14, 5.

¹⁶⁰ Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 196–197. Ил. 12, 2, 3, 11, 16–20.

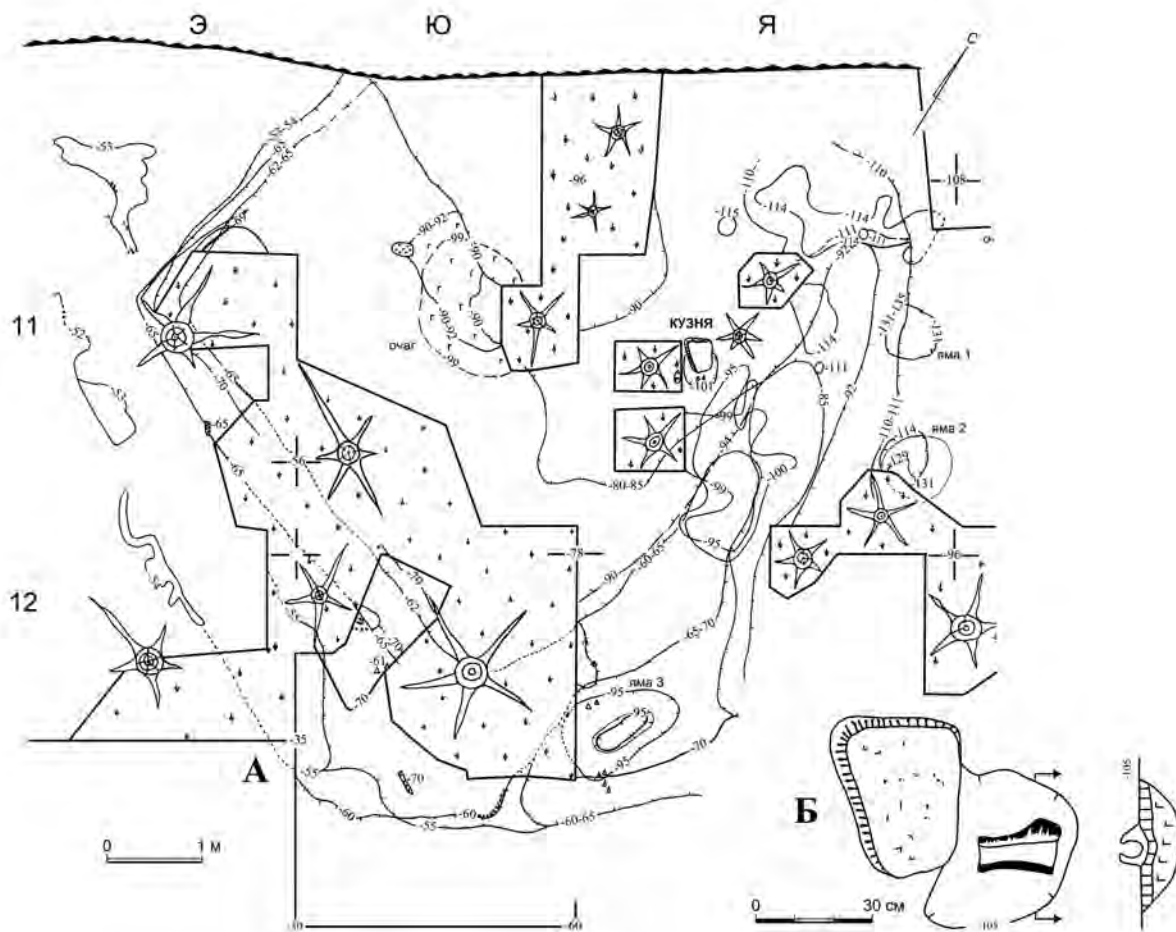

Рис. 270. Жилище 8 городища Сартым-Урий 18 карымского этапа нижнеобской культуры с остатками кузнечной мастерской (по: Чемякин, 2008 А — план жилища; Б — план и разрез кузнечного комплекса (каменной наковальни, остатков места установки керамического сопла кузнечного горна)

Наступательное и защитное вооружение на карымском этапе второй половины IV — начала VI вв. продолжало развивать все те традиции, которые сложились в финале кулайской культуры в конце III — первой половине IV вв. Именно на позднем этапе кулайская культура потерпела очень тяжелое военное поражение на своём юго-западном пограничье, когда после стремительного и успешного заселения лесостепных пространств Среднего Прииртышья и Барабы во II—III вв. к концу III в. северные мигранты были вытеснены назад в таёжную зону р. Тара более сильным в военном плане и доселе неизвестным врагом — кочевыми хунно-гуннами. Военное превосходство гуннов стало тем импульсом, который полностью в короткое время кардинально изменил весь строй военного дела кулайской культуры в конце III — первой половине IV вв.¹⁶¹

И население карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. нижнеобской культуры, оставаясь на протяжении всего этого периода постоянным северным таёжным соседом

¹⁶¹ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 26–30, 126–145.

гуннов и их ближайших постгуннских потомков в лесостепях и степях юга Западной Сибири, полностью восприняло тот финальный облик кулайской культуры, который нам хорошо известен по опубликованной Холмогорской коллекции. Это гуннский облик всего наступательного и оборонительного оружия, уже максимально приспособленного к пешему бою в лесисто-болотистой местности севера Западной Сибири. Прежде всего, была полностью завершена модернизация клинкового оружия. Место двулезвийных колюще-рубящих кинжалов, ещё популярных в конце III — первой половине IV вв. в финале кулайской культуры, окончательно заняли однолезвийные формы длинных рубящих палашей, рубильных ножей, колюще-режущих боевых ножей. По-прежнему сохранилось значение древкового оружия: копий и боевых втульчатых топоров. Казалось бы, окончательно победили черешковые формы железных наконечников стрел: трёхлопастные и двухлопастные без упоров для древков, длинночерешковые с выделенными боевыми головками. Но неожиданная находка в постройке 15 карымского селища Сартым-Урий 16 железного двухлопастного ромбического сечения втульчатого наконечника стрелы¹⁶² доказывает, что окончательного вытеснения черешковым насадом втульчатого в кулайской культуре раннего железного века не произошло. Прямым продолжением кулайских традиций, никак не связанным с гуннским импульсом, было существование на карымском этапе наконечников-срезней без упора для древка. Самый ранний такой железный кулайский наконечник стрелы известен в коллекции сборов с городища Няксимволь из Свердловского областного краеведческого музея, а карымские — из раскопок селища Сартым-Урий 17.¹⁶³

Шлем для защиты головы на карымском этапе продолжал позднекулайские традиции. Так, очень популярные в поздней кулайской культуре высокие конические боевые оголовья с длинными наносниками, хорошо известные по реальным железным образцам, склёпаным из трёх продольных кованых листов, из Истяцкого клада I–II вв. и многочисленным кулайским бронзовым плакеткам,¹⁶⁴ продолжают такие же карымские высокие оголовья, но с сильно приплюснутой верхней частью тульи и с таким же длинным наносником. Именно в таком типе шлема с бармицей изображена бронзовая ростовая фигурка из раскопок жилища 1 поселения Ендырское VII.¹⁶⁵ Очевидно, ко времени карымского этапа относится и ростовая бронзовая фигурка в таком же шлеме из сборов в фондах Тобольского музея, рисунок которой использовал В. Н. Чернецов для обложки своей книги «Вогульские сказки», изданной в 1935 г. Такой цилиндрический, сужающийся кверху вид шлемов, с плоской или слегка выпуклой вершиной тульи, был характерен для «тёмных веков» Великого переселения народов — самого начала раннего средневековья от Японии, Кореи, Китая до Западной Европы эпохи поздней Римской империи.¹⁶⁶ Они были разной конструкции, но очень схожего внеш-

¹⁶² Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы ... С. 334–335. Ил. 32, 12.

¹⁶³ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... Ил. 12: 2, 3; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 99, 1, 3.

¹⁶⁴ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 127–128. Рис. 20, 1–3; 21, 3.

¹⁶⁵ Кокшаров С. Ф. и др. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 242. Ил. 1.

¹⁶⁶ См.: Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и прилегающей к ней территории в I-м. тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 161–166. Рис. 9, 11–13, 15–20, 27, 31–34, 38; Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображение панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований Афон Ле Кока) // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 58. Рис. 3, 1; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 134–143. Рис. 9, 1, 3, 5; 10, 6, 8, 11, 12; 12, 1–5; 14, 10, 11; 20, 1–5, 8.

него вида. Наверняка на карымском этапе употреблялись и полусферические шлемы с носниками, поскольку, появившись в конце кулайской культуры, они особенно были распространены на зеленогорско-рёлкинском этапе VI–VII вв. нижеобской культуры. Но реальных карымских находок и изображений шлемов такого полусферического типа пока нет.

Основным типом доспеха в этот период был так называемый «гуннский» панцирь из горизонтальных удлинённых пластин, скреплённых друг с другом, и подкладкой железными проволочными заклёпанými кольцами. Этот тип доспеха появился на севере Западной Сибири на самом финале кулайской культуры. В Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV вв. есть четыре бронзовых фигурки со вполне реалистичными изображениями именно такого доспеха, закрывающего тело от горла до колен.¹⁶⁷ Самая ранняя находка крупного фрагмента такого доспеха обнаружена в погребении лошади на позднекулайском (фоминском) культовом комплексе III в. Обские Плёсы II в Барнаульском Приобье. Фрагмент состоял из 15 узких длинных прямоугольных железных пластин, скреплённых друг с другом внахлёт в горизонтальные ряды железной проволокой. В. В. Горбуновым была предложена убедительная реконструкция этой находки в качестве панциря-нагрудника.¹⁶⁸ Два полных нагрудника обнаружены *in situ* в воинском парном погребении 4 IV–V вв. могильника в урочище Татарские Могилки в том же Барнаульском Приобье. Каждый панцирь состоял из 100 прямоугольных пластин, сгруппированных в 25 вертикальных рядов по 4 горизонтально расположенных пластины в каждом. Пластины частично перекрывали друг друга слева направо и снизу вверх. Скреплялись они между собой кольцами из железной проволоки. Края нагрудников были дополнительно укреплены железными полосками, приклёпанými к пластинам.

С изнанки нагрудники имели кожаную подкладку.¹⁶⁹ Отдельная удлинённая прямоугольная железная пластина обнаружена на Городище-3 III–IV вв. у оз. Большой Иткуль.¹⁷⁰ В Васюганье Среднего Приобья, предположительно у оз. Тух-Пугол, найден фрагмент доспеха такого же типа из пяти железных удлинённых пластин, соединённых проволочными кольцами.¹⁷¹

Фрагменты аналогичных панцирей этого же типа, смонтированные из удлинённых железных пластин, скреплённых проволочными кольцами, обнаружены на Западном Алтае и в Тянь-Шане. В кургане III могильника Берель III–V вв. в верховьях р. Бухтарма найдены четыре железные пластины, край которых скреплен проволочными кольцами, проходящими через узкую железную накладную пластину.¹⁷² В кургане 33 могильника Анчий-Карасу кенкольской культуры III–V вв. в Киргизии была зафиксирована находка фрагментов панциря из узких горизонтальных пластин, скреплённых проволочными кольцами.¹⁷³

¹⁶⁷ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 102–105. Кат. № 15, 16, 19, 20.

¹⁶⁸ Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плёсы II) // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул, 1996. С. 163–164. Рис. 1, 3; 3, 4, 1–4.

¹⁶⁹ См.: Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры ... С. 142–143, 147–148. Рис. 4, 7; Уманский А. П., Горбунов В. В. Реконструкция вооружения воинов Верхне-Обского Правобережья в IV–V вв. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 161–165.

¹⁷⁰ Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных ... С. 164. Рис. 4, 13.

¹⁷¹ См.: Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. С. 51. Табл. X, 2, 3; Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. Рис. 3, 16, 19.

¹⁷² См.: Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 131–132. Рис. 59, 3; Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Указ. соч. С. 139–141. Рис. 1, 6.

¹⁷³ Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружений кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 92. Рис. 11, 1–6.

Но самая замечательная находка из всей этой длинной цепи аналогий была обнаружена в Среднем Прикамье, в погребении 1685 конца IV — первой половины V вв. мазунинского этапа пьяноборской культуры Тарасовского могильника. Здесь в воинской могиле «княжеского ранга» был великолепно зафиксирован полный доспех, состоящий из нагрудника и наспинника с горизонтальным набором прямоугольных вытянутых железных пластин, скреплённых проволочными кольцами на кожаных подкладах.¹⁷⁴ Расположение всех вышеописанных находок огромной дугой через лесное Прикамье и таёжную зону Западной Сибири с севера, лесостепи Верхнего Приобья и Западного Алтая с востока, Тянь-Шаня с юго-востока окаймляют обширную зону степей и лесостепей Казахстана, юга Западной Сибири и Южного Урала, где в III–IV вв. находилась орда кочевников-гуннов, в последней четверти IV–V вв. потрясшая Восточную и Западную Европу. Именно ранние гунны были той средой, в которой зародился и развивался своеобразный и эффективный тип защитного доспеха из удлинённых прямоугольных железных пластин горизонтального набора, скреплённых друг с другом и подкладкой железными проволочными кольцами. Пока этот тип доспеха, имеющий очень отдалённое сходство с лорикой сегментата (*lorica segmentata*) легионной пехоты Римской империи периода Принципата первой половины I–III вв.,¹⁷⁵ но на самом деле принципиально другой, не имеет надёжных, сколь-нибудь близких аналогов ни на Дальнем Востоке в Японии, Корее и Китае, ни на юге Центральной Азии и Ближнем Востоке в Кушанской, Эфталитской, Парфянской и Сасанидской империях, ни у западных соседей кочевых сармат и алан степей Восточной Европы.¹⁷⁶ И пока гунны и их прямые потомки постгуннского времени удерживали своё лидерство в степях и лесостепях юга Западной Сибири, у их северных соседей — населения западно-сибирской тайги карымского этапа нижнеобской культуры — не могли отказаться от типичного гуннского доспеха с горизонтальным набором пластин.

Принципиально другой тип доспеха для защиты тела, кольчужная рубашка, появился на севере Западной Сибири одновременно с панцирем из железных пластин с горизонтальным их набором благодаря тому же южному гуннскому импульсу. Самые ранние находки крупных фрагментов кольчужного плетения были сделаны на позднекулайском (фоминском) культовом комплексе III в. на территории могильника Обские Плёсы II в южно-таёжном Барнаульском Приобье,¹⁷⁷ в кургане поздней саргатской культуры у с. Замараево на берегу р. Исети из раскопок А. И. Зырянова в 1889 г.,¹⁷⁸ в захоронении жертвенной лошади в насыпи саргатского кургана в Прииртыше.¹⁷⁹

Гораздо более наглядными, позволяющими представить покррой этого нового типа доспехов, были бронзовые литые ростовые плакетки, найденные в таёжной зоне Западной Сибири. Самая реалистичная из них — это прямоугольная плакетка с барельефным изображением всадника в кольчуге с длинными рукавами до запястий, с коротким подолом до середины

¹⁷⁴ См.: Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II, ил. Ижевск, 2003. Табл. 617–623; Она же. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I, текст-каталог погребений. Ижевск, 2004. С. 255; Зыков А. П. Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск, 2016. С. 224–225.

¹⁷⁵ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 231–233.

¹⁷⁶ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 132–134.

¹⁷⁷ Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных ... С. 164–165. Рис. 4, 6–8.

¹⁷⁸ Берс Е. М. Каталог археологических коллекций ... С. 58.

¹⁷⁹ Погодин Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998. С. 57.

бёдер, из состава Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV вв.¹⁸⁰ Этой бронзовой плакетке есть два прямых аналога: обломок из коллекции сборов в Айдашинской пещере в среднем течении р. Чулым¹⁸¹ и случайная находка аналогичной бронзовой плакетки на Верхней Вычегде.¹⁸² Другое, весьма деформированное при отливке барельефное изображение всадника в кольчуге с длинными рукавами есть на верхнем фризе бронзовой накладки на ножны кинжала из могилы 1 фоминского типа позднекулайской культуры рубежа II–III–IV вв. могильника Татарские Могилки в южно-таёжном Барнаульском Приобье.¹⁸³ Любопытно, что на остальных известных сейчас девяти бронзовых накладках на ножны с изображением всадников на верхнем их фризе из позднекулайских (фоминских) погребений Верхнего Приобья изображений кольчуги больше не прослеживалось.¹⁸⁴ Только на очень деформированном при литье изображении всадника на верхнем фризе ножен можно предполагать наличие кольчуги с длинными рукавами. Это изображение близко холмогорскому, найденному в могиле 1 могильника Степной Чумыш-2.¹⁸⁵ Наиболее же соответствует по покрою холмогорской кольчужная рубашка с длинными до запястий рукавами, с подолом до середины бёдер, фактура которой передана сплошным заполнением углублённых рельефных колец, на антропоморфной воинской бронзовой фигурке навершия, отлитого на каком-то не сохранившемся железном предмете (рукояти клинкового оружия?), из коллекции, собранной на Парабельском культовом месте.¹⁸⁶

Кольчуга, как предельно простое защитное устройство, сплетённое из колец железной проволоки так, чтобы каждое из них продевалось в четыре соседних, причём в процессе все они скреплялись железным шпеньком-гвоздиком, была изобретена кельтами Западной Европы не позднее III в. до н. э. Судя по многочисленным изобразительным материалам, кельтский кольчужный доспех имел два основных вида покроя: либо кольчужная безрукавка с дополнительным прикрытием плеч и груди накидной пелериной с нагрудной застёжкой, либо такая же кольчужная безрукавка с наплечниками, застёгивавшимися на груди. Тогда же это кельтское изобретение было принято всеми соседними с ними народами, в том числе римлянами периода Республики, эллинистическими государствами, до I в. сохранявшими оба традиционных кельтских покроя. Судя по тем же изобразительным материалам, привычный для нас покрой рубашки с короткими рукавами и подолом до середины бёдер римская кольчуга приобрела не позднее начала II в. От римлян на востоке кольчужный доспех быстро заимствовали их извечные антагонисты парфяне. Именно здесь, на Среднем Востоке, в первой половине III в. кольчужная рубаха в самом начале становления Сасанидской империи Ирана приобрела следующее дополнение — длинные до запястий рукава. Через Сасанидскую империю и связанные с нею более восточные Кушан-

¹⁸⁰ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 107–108, 131. Кат. № 23; Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков и др. Екатеринбург, 1994. С. 81, 132. Кат. № 58.

¹⁸¹ Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. С. 62–63. Табл. XXI: 7.

¹⁸² Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... Рис. 25, 2.

¹⁸³ Уманский А. Г. Могильники верхнеобской культуры ... С. 145–146. Рис. 6, 5.

¹⁸⁴ Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау ... С. 58–60. Табл. XIV, 1; XXXIV, 4; LXI, 22; LXX, 17; LXXVII, 107; LXXXIII, 69; XC, 9.

¹⁸⁵ Там же. Табл. LXIII, 4.

¹⁸⁶ См.: Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири ... Рис. 7, 6; Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа ... Рис. 34, 9.

скую и Эфталитскую империи кольчуги с длинными рукавами могли быть заимствованы в Азиатской части Евразийских степей, где ещё только начался процесс формирования и усиления гуннов. А уже от гуннов в III–IV вв. кольчуги были получены позднекулайским населением севера Западной Сибири.¹⁸⁷

На карымском этапе второй половины IV — начала VI вв. нижеобской культуры использование кольчужных доспехов сохранялось. Это подтверждают находки железных кольчужных колец при раскопках селища Сартым-Урий 17.¹⁸⁸

Ещё одним результатом гуннского культурного импульса на северное население, следствием длительного в III–VI вв. их соседства на пограничье зон тайги и лесостепи в Тарском Прииртышье, стали коренные преобразования в финале кулайской культуры и на карымском этапе нижеобской культуры всей сферы снаряжения верхового коня и всадника. Оно на севере Западной Сибири приобрело типично гуннский облик. Наиболее полным отражением этого нового гуннского облика являлось барельефное изображение всадника на бронзовой литой прямоугольной пластине, случайно обнаруженной в 1984 г. в селе Ягкедж в верховьях р. Вычегда в Республике Коми. Эта находка была сделана на территории разрушенного поселения Ягкедж III гляденовской культурной общности I–IV–V вв.¹⁸⁹ Бородатый с усами, с длинными волосами, заплетёнными во множество тугих косиц, ягкеджинский всадник был одет в облегающую длиннорукавную рубаху с подолом до верхней части бёдер, перетянутую широким поясом с накладными бляшками, переданными выступающими жемчужинами, с плетью в правой, откинутой назад, руке, управляющий вожжами конской узды левой рукой, в облегающих штанах и коротких сапогах. Конская узда имеет круглые нащёчные бляхи и удила с длинными стержневыми псалиями, расширяющимися к концам. Всадник сидит в жёстком конском седле с вертикальными передней и задней луками, удерживаемом на крупе коня нагрудными и подхвостными ремнями с двумя парами накладных округлых фаларов на груди и на бёдрах коня. Ноги всадника упираются в стремяна, изображение которых передано рельефным выступающим валиком поперёк стопы. Несомненно, очень реалистичное изображение всадника на ягкеджинской бронзовой пластине является более поздним стилистическим и хронологическим развитием блях холмогорского типа конца III — первой половины IV вв., тем более что здесь же, в селе Ягкедж, был обнаружен аналог холмогорской пластины.¹⁹⁰ Бляхи предшествующего холмогорского типа изображают всадников в мягком седле, удерживаемом на крупе коня ремнями, с двумя парами фаларов, без стремян, которые тогда ещё не появились.

Вся реальность снаряжения всадника и верхового коня, нашедшие отражение в холмогорских и ягкеджинских типах бронзовых пластин с изображением всадников, полностью подтверждены комплексом находок с памятников севера Западной Сибири финала кулайской культуры раннего железного века и карымского этапа начала раннего средневековья нижеобской культуры. При всём не очень большом значении конного вида боя в лесной среде

¹⁸⁷ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 131–132. Рис. 23, 1; 25, 6.

¹⁸⁸ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 198. Ил. 12, 12; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 99, 18.

¹⁸⁹ См.: Археология Республики Коми. М., 1997. С. 373. Рис. 11, 13; Игнатов Л. А. Образцы древнего искусства из с. Ягкедж (Верхняя Вычегда) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Сыктывкар, 1994. С. 10, 12. Рис. 1, 2.

¹⁹⁰ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 107–108, 134–136. Кат. № 23, 24. Рис. 25, 1, 2.

конские железные удила были достаточно распространены в кулайской культуре раннего железного века вплоть до её финала на рубеже II–III–IV вв.¹⁹¹ А такой крайне редкий вид археологических находок, как фалары, крупные бляхи для распределения ремней на теле лошади для удержания седла на её спине, хорошо известен по двум экземплярам накладок из тиснёной серебряной фольги с позолотой на парадные конские фалары с кулайского городища Няксимволь на р. Северная Сосьва.¹⁹² После V в. применение крупных фаларов в качестве распределителей ремней конской сбруи уже неизвестно. Единственные исключения — применение крупных подвесных драгоценных фаларов в парных конских сбруях византийских императоров первой половины VI в., которые являлись точной копией церемониальной сбруи коней иранских поздних Сасанидов IV–VII вв.¹⁹³ Среди вещей из сборов М. С. Знаменского 1877–1880 гг. и раскопок В. Ф. Генинга 1970 г. на городище Потчеваш, где имеется мощный культурный слой карымского этапа нижнеобской культуры, содержится целый ряд предметов, относившихся к конскому снаряжению этой эпохи начала раннего средневековья. Это — фрагмент костяного стержневидного псалия с вырезанной конской головкой на верхнем конце, фрагмент стремени, вырезанного из лосиного рога; керамическая фигурка всадника на лошади в жёстком седле «вэйского типа» с двумя вертикальными высокими луками. Жёсткие седла с двумя вертикальными высокими луками и стременами появились в Северном Китае не ранее начала IV в., а уже в VI в. их сменили более удобные седла с наклонной задней полкой. Так что этот комплекс потчевашских находок почти наверняка может относиться к карымскому этапу второй половины IV — начала VI вв.¹⁹⁴ Кнут, как единственная непременная принадлежность всадника гуннской эпохи, на севере Западной Сибири никакими материальными археологическими находками не представлен. Кнуты изображены не только в руках холмогорского и ягкоджинского всадников, но и в подвешенном к поясу состоянии на бронзовой пешей фигуре воина из той же Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV вв.¹⁹⁵

К концу раннего железного века на севере Западной Сибири в производстве орудий труда и оружия железо полностью одержало победу над бронзой. Из бронзы продолжали делать украшения: диадемы, серьги, височные подвески, гривны, бронзовые бусы, накладки, пронизки, подвески, браслеты пряжки, накладки и подвески на пояса и т. п. Она также использовалась для украшения клинкового оружия (рукояти и их детали в виде наверший, перекрестий-гард, ножны и их детали как цельнолитые, так и их детали в виде устий, обойм и наконечников), в качестве наверший и деталей многих бытовых предметов и утвари (кресал, гребней, посохов, назатыльников плетей и т. п.). Предметы, связанные с очень сложным, издревле складывающимся религиозным мировоззрением народов севера Сибири, тоже воплощались в бронзе (сюда входит большинство предметов бронзовой художественной пластики). Напомним, что древнее население никогда не имело на севере Западной Сибири доступных им собственных источников медных руд, ибо все возможные их месторождения

¹⁹¹ Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау ... С. 52–53.

¹⁹² См.: Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири. Свод археологических источников. М., 1965. С. 34. Табл. 20 (Свод археологических источников; вып. ДЗ–8); Ширин Ю. В. Хронология Няксимволя // Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 44–48. Ил. 17–20.

¹⁹³ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 155.

¹⁹⁴ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 136–139. Рис. 26, 1–7; 27, 1–3; Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш ... С. 210–211, 216. Табл. XII, 1–5; XVI, 8.

¹⁹⁵ См.: Угорское наследие ... С. 78, 131. Кат. № 46; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 102, 142. Кат. № 15.

в Западно-Сибирской низменности были перекрыты мощными многосотметровыми отложениями осадочных пород, возникших на дне когда-то существовавших здесь относительно молодых третичных и четвертичных морей. Поэтому вся медь и бронза для западносибирского бронзолитейного производства всегда поступала по каналам торгово-обменных связей из Северного Приуралья, Среднего Урала, Алтая и Минусинской котловины. В конце раннего железного века на севере Западной Сибири в бронзолитейном деле произошёл переход от изготовления преимущественно оружия и орудий труда к производству в основном украшений. Это резко изменило основные требования к качеству бронз: они должны были стать прежде всего легкоплавкими, приобрести эстетичный внешний вид с благородным серебристым оттенком поверхности, хорошо поддаваться полировке. Это потребовало изменения лигатуры бронз: к финалу кулайской культуры раннего железного века в Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV вв. более 4/5 её изделий изготавливались из меди с повышенным содержанием от 10 до 30–50% олова или олова и свинца.¹⁹⁶ Так называемые «Белые бронзы» были характерны для продукции бронзолитейного производства всего раннего средневековья на протяжении нижеобской культуры.

Переход на работы по изготовлению относительно малых предметов потребовал переоснащения бронзолитейного производства севера Западной Сибири набором инструментов, пригодных для этих целей. На самых ранних памятниках карымского этапа, таких как городище Сартым-Урий 18, появляются рюмковидные керамические тигли именно для расплава небольших объёмов металла и более удобные для залива его в литейные формы, сменяющие ставшие уже традиционными на протяжении бронзового и раннего железного веков блюдцевидные низкобортные тигли с плоским дном.¹⁹⁷ На всех остальных памятниках карымского этапа при раскопках и сборах были найдены только рюмковидные керамические тигли.¹⁹⁸ Появление этого типа тиглей, помимо очень специфической по орнаментации карымской керамики, служит ещё одним хронологическим индикатором, позволяющим уверенно расчленять памятники нижеобской культуры раннего средневековья. Рюмковидные тигли господствовали на протяжении почти всего периода существования нижеобской культуры на карымском, зеленогорско-рёлкинском, кучиминском этапах и даже в начале последнего кинтусовского этапа, то есть со второй половины IV по начало XI вв. И лишь в XI–XII вв. они начали активно вытесняться очень близким к ним типом стакановидных таких же плоскодонных тиглей для расплава столь же малых объёмов металла.

Ни одной находки литейных форм или хотя бы их фрагментов для всей эпохи раннего средневековья севера Западной Сибири пока не обнаружено. Самые ранние такие находки относятся к XI–XII вв. конца кинтусовского этапа нижеобской культуры. Это весьма странно, ибо время нижеобской культуры второй половины IV–XII вв. было эпохой расцвета западносибирского бронзолитейного производства.

О бронзовой литой художественной пластике карымского этапа севера Западной Сибири известно очень мало. Но до начала работ Ю. П. Чемякина с 2000 г. на карымских памятниках

¹⁹⁶ Кузьминых С. В. Цветной металл Холмогорской коллекции. Приложение 4 // Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. С. 146–150.

¹⁹⁷ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 99, 25, 30.

¹⁹⁸ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники... С. 198. Ил. 12, 28, 32; Угорское наследие ... С. 46; Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш ... С. 211. Табл. XIV; Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье в эпоху средневековья ... С. 133.

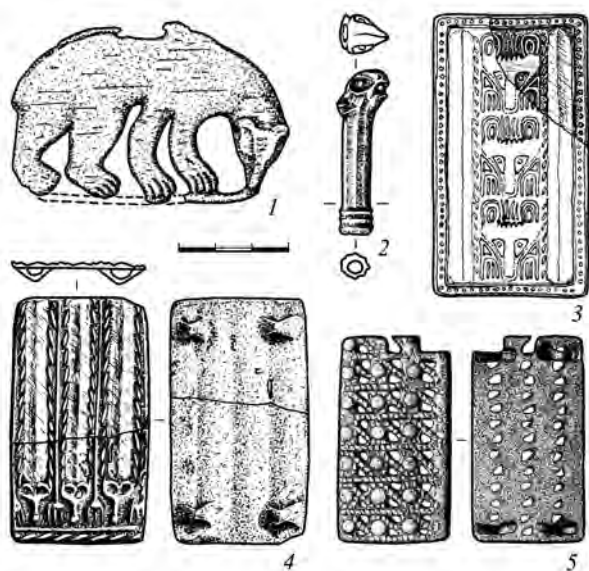

Рис. 271. Бронзовые литые изделия из раскопок памятников карымского этапа нижнеобской культуры селища Сартым-Урий 16 и городища Сартым-Урий 18 (по: Чемякин, 2008)

в урочище Сартым-Урий бассейна р. Большой Юган не было известно вообще ничего. Широкие раскопки уральских археологов самых разнообразных памятников (городищ, селищ и могильников) в урочищах Барсова Гора, Сайгатино и других в 70–80-х гг. XX в. никакого материала по бронзовой пластике не дали. А вот относительно недавние раскопки городища Сартым-Урий 18, селищ Сартым-Урий 16 и 17 позволили Ю. П. Чемякину получить достоверную именно карымскую коллекцию пластики второй половины IV — начала VI вв. (рис. 271). Теперь появляется возможность соотнесения этих карымских находок пластики севера Западной Сибири с широким кругом аналогичных случайных находок юга Западной Сибири и лесного Приуралья.

В самом раннем на сегодняшний день карымском городище Сартым-Урий 18 в жилище 4 с комплексом керамики карымского типа

была обнаружена бронзовая литая четырёхугольная накладка с четырьмя петлями для подвешивания на обороте. На лицевой стороне накладки внизу в горизонтальном ряду рельефно изображены головы трёх медведей, положенные между лапами в так называемой «жертвенной позе». От каждой головы вертикально вверх до самого края накладки проходит двугранная рельефная гладкая полоса, оконтуренная каждая по сторонам ложновитыми жгутами.¹⁹⁹ Наиболее ранние бляхи этого типа, очень близкие сартым-урьевской, с тремя медвежьими головами в горизонтальном нижнем ряду, но с круглыми рельефными умбонами на всех трёх вертикальных полосах, разделённых мелкими жемчужинами, с четырьмя петлями для подвешивания на оборотах есть в сборах из Айдашинской пещеры,²⁰⁰ из грунтовых погребений 4 и 8 кашинской культуры в заплывшем рву кургана 2 поздней саргатской культуры могильника Абатский-3 в Нижнем Приишимье, которые, несмотря на очевидные аналогии среди вещей фоминского этапа кулайской культуры III–IV вв., Н. П. Матвеева датировала V в.²⁰¹

Вариантом этих накладок, ещё ближе к сартым-урьевскому экземпляру, являются прямоугольные бронзовые накладки с тремя медвежьими головами в жертвенной позе в одном нижнем горизонтальном ряду с двумя крайними вертикальными рядами округлых рельефных умбонов и двугранной вертикальной гладкой полосой между ними, разделёнными ложновитыми жгутами. Такие накладки были обнаружены на берегу оз. Чагыр в междуречье верховьев рр. Салым и Демьянка (случайная находка),²⁰² в сборах в Новосибирском Приобье,

¹⁹⁹ См.: Чемякин Ю. П. Городище Сартым-Урий XVIII ... С. 70, 71. Ил. 14, 4; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 94. Рис. 99, 27.

²⁰⁰ Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Указ. соч. С. 60–61. Табл. XXI, 1, 4.

²⁰¹ Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994. С. 131–132, 135, 138–139. Рис. 66, 4; 69, 7–10.

²⁰² Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 130. Табл. III, 8. (МИА; № 35).

в курганах 13 и 17 могильника Юрт-Акбалык 8, которые Т. Н. Троицкая первоначально относила к фоминскому этапу II–V вв. кулайской культуры,²⁰³ в сборах у д. Зародята в Верхнем Прикамье.²⁰⁴ В погребении XX конца VI–VII вв. Окунёвского III могильника в Среднем Прииртышье эта ранняя накладка была встречена в комплекте с гораздо более поздней бронзовой накладкой с тремя вертикально расположенными головами медведей в жертвенной позе.²⁰⁵

Дальнейшим развитием бронзовых подвесок с тремя головами медведей в жертвенной позе в нижнем горизонтальном ряду стало появление изделий, в которых горизонтальный ряд усложнялся ещё и вертикальной колонкой из трёх голов медведей в жертвенной позе одна над другой, оконтуренных двугранными гладкими полосами, окантованными ложновитыми жгутами. Такие подвески известны с поселения Окунёво X в Среднем Прииртышье, две в Верхнем Прикамье из коллекции Теплоуховых²⁰⁶ и из погребения 4 кургана 16 VI в. Верх-Саинского могильника неволинской культуры.²⁰⁷ Датировка накладок с тремя медвежьими головами в горизонтальном нижнем ряду, таким образом, по многочисленным аналогиям устанавливается в пределах III–VI вв., но пережиточно они встречались и в VII в. По степени условности изображения голов медведей с очень стилизованной тонкой удлинённой мордой сартым-урьская подвеска наиболее близка одному из образов из Айдашинской пещеры, находки с оз. Чагыр, образцам из Чагоровского IV могильника, что может свидетельствовать о принадлежности этой разновидности подвесок к нижнему пределу времени бытования на самом рубеже финала раннего железного века — самого начала карымского этапа раннего средневековья, т. е. IV — самое начало V вв.

На самом позднем среди исследованных раскопками Ю. П. Чемякиным памятнике карымского этапа в урочище р. Большой Юган — селище Сартым-Урий 16 — был обнаружен крупный обломок верхней части бронзовой литой накладки с петлёй на обороте и барельефным изображением медвежьей головы в жертвенной позе на лицевой стороне.²⁰⁸ Она представляет из себя вертикальный центральный столбик из трёх медвежьих голов в жертвенной позе друг над другом, окаймлённых с обоих боков гладкими гранёными зонами, то есть тот вид, который на севере Западной Сибири станет классическим на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. Но складываться этот вид начал ещё в конце карымского этапа.

На городище Сартым-Урий 18 была обнаружена прямоугольная бронзовая цельнолитая ажурная накладка с четырьмя петлями на обороте, украшенная с лицевой стороны семью горизонтальными рядами, разделёнными псевдовитыми жгутами, с четырьмя выпуклыми круглыми умбонами с окантовкой из перлов в каждом ряду. Промежутки между окантованными умбонами и разделительными жгутами образовывали сквозные отверстия, придававшие отливке изящный ажурный вид.²⁰⁹ Эта ажурная накладка с самого раннего памятника

²⁰³ См.: Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 113. Рис. 6, 41–44; 8, 3; Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху железа ... С. 57. Рис. 21, 2.

²⁰⁴ Чемякин Ю. П. Об этническом окрасе одного художественного сюжета // Угры: материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. Рис. 1, 8.

²⁰⁵ Могильников В. А., Коников Б. А. Указ. соч. С. 170, 179. Рис. 9, 17.

²⁰⁶ Там же. С. 153. Рис. 1, 12; 2, 15.

²⁰⁷ Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. С. 26, 81. Табл. XXX, 27.

²⁰⁸ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 94. Рис. 99, 26.

²⁰⁹ Там же. Рис. 99, 22.

карымского этапа раннего средневековья севера Западной Сибири была прямым продолжением технологических традиций бронзолитейного производства кулайской культуры позднего железного века вплоть до её финала в III — первой половине IV вв., после которого она распалась на отдельные археологические культуры раннего средневековья. В этой традиции уживались стремления изготовить бронзовые литые изделия со сплошной поверхностью, на которой в виде выступающих барельефных изображений высились массивные умбоны, и ажурные изделия из состыкованных умбонов в окантовке из мелких перлов.²¹⁰ У сартым-урьевской бронзовой накладки есть очень близкие аналогии. Совершенно аналогичная накладка обнаружена в кургане 8 могильника Усть-Тара VII конца карымского этапа в Тарском Прииртышье.²¹¹

Меньшая по размеру, состоящая всего из двух четырёхумбонных рядов ажурная накладка, но с такими же четырьмя петлями для крепления на обороте найдена в составе инвентаря погребения 5 Бахмутинского могильника V в. бахмутинской культуры,²¹² или мазунинской культуры,²¹³ или же мазунинского этапа пьяноборской культуры. Последняя находка является одним из немногих, но веских доказательств существования контактов таёжной зоны Западной Сибири с лесостепным Приуральем в шедшую тогда эпоху Великого переселения народов. В этот период в степях юга Западной Сибири господство гуннов полностью разрушило весь уклад существовавшей до них караванной торговли с государствами юга Центральной Азии и Среднего Востока. Население севера Западной Сибири было вынуждено искать любые пути для своей торговли пушниной, идущие в обход владений кочевников-гуннов. Но в V в. это было уже невозможно: гунны заняли всё пространство степной Евразии.

На селище Сартым-Урий 16 была найдена плоская литая бронзовая бляха с реалистичным изображением медведя, стоящего четырьмя лапами на плоском основании, с низко опущенной головой, повернутой в фас вправо.²¹⁴ Подобные плоские бронзовые изображения медведей на подставках, например, в виде змеи, с петельками на спине, позволявшие использовать их в качестве подвесок, были распространены в раннем средневековье в Томско-Нарымском Приобье.²¹⁵ У сартым-урьинской бляшки место закрепления такой петли для подвешивания было обломано ещё в древности.

На селище Сартым-Урий 17 было обнаружено бронзовое литое полое навершие, увенчанное головой глухаря с раскрытым клювом. Глаза птицы моделированы каплевидными рельефными углублениями, на затылке выделены перья в виде впитрошённого хохолка. Полая втул-

²¹⁰ См.: Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера ... С. 29. Табл. III, 15, 16, 19, 20; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 64; Подосенова Ю. А. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа изделий из цветного металла из святилища Усть-Полуй // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 238, 250, 255, 264; Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау ... С. 71-75. Рис. 5, 2. Табл. XIV, 3, 4; LX, 20; LXXVI, 131; XCV, 34; Ширин Ю. В. Хронология Няксимволя // Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 41-42. Ил. 11, 12; Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа ... Рис 23, 6.

²¹¹ См.: Данченко Е. М. Характеристики историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: материалы науч.-практич. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск; Шадринск, 2008. Рис. 1, 2; Скандаков И. Е., Данченко Е. М. Указ. соч. С. 165. Рис. 13, 2.

²¹² Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. Табл. 30, 12.

²¹³ Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. С. 107. Рис. 37, 12.

²¹⁴ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 99, 21.

²¹⁵ Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху железа ... Рис. 21, 10, 11, 13, 18, 19.

ка изделия гранёная, каждая из девяти граней вогнута, на основании втулки имеются три рельефных валика.²¹⁶ Подобные втульчатые рукояти с навершиями в виде головы птиц были известны на севере Западной Сибири ещё с кулайской культуры раннего железного века: на навершии резной роговой рукояти из Усть-Полуя,²¹⁷ на навершиях втулок бронзового из Усть-Полуя²¹⁸ и биметаллического чеканов из сборов на городище Нум-то III,²¹⁹ на навершии бронзовой втулки биметаллической секиры с бойком и на бойке бронзовой проушной секиры.²²⁰

В коллекции Усть-Полуя помимо самых разнообразных резных костяных и роговых рукоятей железных ножей²²¹ обнаружена и одна литая бронзовая богато орнаментированная рукоять с зооморфным навершием.²²²

Ничего нового в развитии бронзовой художественной пластики население севера Западной Сибири на карымском этапе нижнеобской культуры не привнесло. Но оно сумело сохранить высокий уровень бронзолитейного дела своих предшественников и даже усовершенствовать его технологии, внедрив керамические рюмковидные тигли, более удобные для работы с малыми объёмами цветных металлов. На самом финале раннего железного века произошёл слом кулайской культуры.

На протяжении тысячелетий север Западной Сибири находился на стадии разложения первобытнообщинного строя и только в конце раннего железного века, а именно во время существования кулайской культуры, северное общество перешло к эпохе классового образования. В это время появились позднекулайские городища II в. до н. э. — II в. н. э. с их мощными бревенчатыми, возможно, срубными оборонительными стенами с грунтовой забутовкой, с частыми бастионными внешними выступами, с достаточно широкими и глубокими оборонительными рвами перед ними. Ничего подобного этим крепостям здесь никогда ещё не существовало. В них постоянно проживала лишь небольшая часть элиты западносибирского общества: военные вожди-жрецы, их ближайшие родственники (прежде всего жёны и дети), дружинники, ближняя обслуживающая челядь и рабы. Поблизости от таких элитных крепостей располагались неукреплённые посёлки зависимых от элиты рядовых общинников. Быстро нараставшее социально-имущественное неравенство в позднекулайское время великолепно демонстрируется одиночными элитными могилами в Сургутском Приобье: погребение I Барсовского III могильника I — начала III вв.,²²³ могильник Агрнъёган I I–IV вв.,

²¹⁶ Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 99, 4.

²¹⁷ См.: Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири ... С. 36. Рис. 24; Усть-Полуй: I век до н. э.: каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. С. 38. Кат. № 87; Федорова Н. В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. «Усть-Полуй: материалы и исследования». Т. 2. С. 109. Рис. 3, 5.

²¹⁸ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени ... С. 122. Табл. I, 1.

²¹⁹ Угорское наследие ... С. 102, 145. Кат. № 192.

²²⁰ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени ... С. 150. Табл. X, 1, 2.

²²¹ См.: Гусев А. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006, 2015 гг. // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 43–46. Рис. 33, 13–20; 34, 1–16; 35, 1–15; 36, 1–4; Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история нижнего Приобья. М., 1953. С. 90. Табл. IX, 5–7; X, 1–10 (МИА; № 35); Она же. Археологические памятники севера Западной Сибири ... С. 29. Табл. 11, 1–18.

²²² Подосенова Ю. А. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа ... С. 212.

²²³ Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. С. 103–112. Рис. 1–6; 7, 1, 2.

а по мнению А. П. Зыкова, — III в.,²²⁴ ритуальное захоронение кукол-итгырма в составе Холмогорского «клада» конца III — первой половины IV вв.²²⁵ К этому перечню можно добавить сокрытие личного клада — ритуального парадного нагрудника с поясом и привесками к нему «шамана-кузнеца-вождя-воина» на руинах городища Барсов городок I/20 «в пределах II–III вв. н. э.»²²⁶

Ко II–III вв. в огромном регионе севера Западной Сибири сложился устойчивый конгломерат множества мелких, независимых, вполне самостоятельных военно-потестарных образований, классовых по своей внутренней сути, но объединённых единой очень своеобразной материальной культурой, полностью базирующейся на абсолютном преобладании присваивающих отраслей экономики (охоты, рыболовства и собирательства) при минимальном участии в ней производящей отрасли скотоводства преимущественно транспортной направленности (коневодства и оленеводства). Эту культуру севера Западной Сибири у археологов принято называть кулайской. В рамках кулайской культуры население севера смогло выйти из положения проживания в условиях «пережиточного бронзового века», обрекавшего их на заведомое отставание от всех соседей. Северянам необходимо было совершить технологический прорыв и освоить собственную чёрную металлургию и кузнечное производство. В освоении технологии кузнечного производства железного оружия и орудий труда кулайские кузнецы к концу III — первой половине IV вв. достигли столь выдающихся успехов, что уже ни в чём не уступали своим соседям.

В период существования кулайской культуры сформировался путь сбыта главного богатства западносибирского севера — ценной пушнины. Сбыт осуществлялся через многовековых южных соседей, населения саргатской культуры лесостепей Зауралья, Среднего Прииртышья и Барабы. Торгово-обменный караванный путь сбыта пушнины, непрерывно действовавший весь период существования кулайской и саргатской культур, шёл от них до городов Средней Азии, а уже оттуда — в цивилизованные страны античности от Дальнего до Ближнего Востока.

Почему этот реально существовавший предгосударственный уровень поздней кулайской культуры с классовыми отношениями, сформировавшимися внутри общества севера Западной Сибири, так внезапно был утрачен в IV в. при переходе к нижеобской культуре раннего средневековья? Произошёл отказ от большинства достижений эпохи классообразования и возвращение назад — к разложению первобытнообщинного строя, в котором общество севера Западной Сибири будет пребывать всё раннее средневековье вплоть до XI–XII вв., когда вновь вступит в ту самую эпоху классообразования.

Причиной возвращения к эпохе разложения первобытнообщинного строя стали военные поражения на южных и восточных границах ареала поздней кулайской культуры. До этого для неё на южной границе сложилась удивительно благоприятная ситуация: в I — начале II вв. их вековые лесостепные соседи саргатской культуры потерпели поражение от вновь возникших в казахстанских степях кочевников-хунну, изгнанных из Центральной Азии кочевниками-сянби. Из-за этого разгрома саргатское население во II в. оставило свои прииртышские лесостепи и переселилось на запад, в лесостепи Зауралья, в долины Нижнего

²²⁴ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 62–71.

²²⁵ Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 62–63, 145. Рис. 19.

²²⁶ Клад кулайской культуры ... С. 18–62, 108–109.

Приишимья, Нижнего Притоболья, Исети и Нижней Пышмы. Здесь остатки некогда могущественной блестящей саргатской культуры стали быстро разлагаться в период «тёмных», почти неинформативных III — первой половины IV вв., затем на этой территории сформировались бакальская и караякуповская культуры раннего средневековья. Подступала эпоха Великого переселения народов. Но грядущие изменения население южной тайги Западной Сибири не ощутило и осваивало во II — начале III вв. освободившиеся благоприятные пространства лесостепей Омского Прииртышья и Барабы. Но уже в III в. их оттуда выдавили в таёжную зону Тарского Прииртышья хунну, теперь уже трансформировавшиеся в гуннов. Конечно, азиатским кочевникам-гуннам в то время незачем было захватывать таёжные дебри Западной Сибири, они лишь поставили под свой минимальный контроль лесостепи Барабы и Омского Прииртышья. Естественно, гуннское степное доминирование оказывало глубокое влияние на южный предтаёжный фоминский локальный вариант кулайской культуры в Барнаульском и Новосибирском Приобье. Его население и их потомки раннего средневековья подвергались всё большей тюркизации, так что носители верхнеобской или одинцовской культур, безусловно, не принадлежали к нижнеобской культуре севера Западной Сибири, слишком уж отличаясь от неё всем набором своих стереотипов, диктуемых кочевым бытом южностепных соседей. Но эти культуры раннего средневековья ещё можно включать в объ-иртышскую культурно-историческую общность, пока во второй половине VIII в. остатки одинцовской культуры не были окончательно инкорпорированы в сrostкинскую, типично тюркскую культуру предков кыпчаков.

Несомненное превосходство военного дела гуннов-кочевников и их конницы оказало глубочайшее влияние на вооружение, защитные доспехи и снаряжение коня и всадника, на всё население севера Западной Сибири самого финала III — первой половины IV вв. кулайской культуры раннего железного века и карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. нижнеобской культуры раннего средневековья. Но вместе с тем нельзя забывать, что период гуннского господства в азиатских степях Казахстана во II — первой половине VI вв., а уж тем более в Восточной и Западной Европе во второй половине IV — первой половине V вв. полностью дезорганизовал всю привычную до этого систему международных торговых связей. Это негативно сказалось и на севере Западной Сибири.

Гораздо более опасным было начало давления на всю огромную протяжённую восточную границу ареала кулайской культуры в самом её финале, в III–IV вв. со стороны их соседей, носителей толстостенной круглодонной керамики, орнаментированной декором из налепных глиняных валиков. Это были издревле обитавшие в таёжной зоне Восточной Сибири, очевидно, тунгусоязычные и кетоязычные охотники и рыболовы. Опасность этого давления состояла в том, что оно имело характер массовой миграции — переселения людей из бассейна р. Енисей на запад в бассейн р. Обь. Причины, толкнувшие восточносибирских обитателей к началу столь масштабного западного переселения, нам на сегодняшний день неизвестны. Одно можно смело констатировать, что вторая северная волна Великого сибирского переселения народов никак не была связана с первой гуннской, несмотря на приблизительное совпадение датировок этих двух очень различных волн.

Памятники фоминского этапа рубежа II–III–IV вв. кулайской культуры южно-таёжной зоны Барнаульского и Новосибирского Приобья и памятники раннего средневековья этого же региона говорят о том, что жители никакого давления со стороны своих северо-восточных соседей не ощущали. Они всю эту эпоху прожили под мощным культурным воздействием и защитой со стороны степных кочевников-гуннов. Недалеко от фоминских памятников из-

вестны как минимум два очень знаменитых одиночных гуннских захоронения: Тугозвонское военного вождя «княжеского ранга» на р. Чарыш²²⁷ и полностью вооруженного гуннского простого воина с конём на р. Ераська.²²⁸ Оба этих погребения датируются не IV–V вв., как предполагали авторы раскопок, а несколько ранее — III–IV вв.²²⁹ Более северные памятники раннего средневековья Томско-Нарымского Приобья, конечно, подверглись заметному воздействию со стороны пришлых восточносибирских носителей керамики с валиковой орнаментацией. Но это воздействие носило характер лишь небольшой инфильтрации каких-то отдельных представителей чуждого населения со своими керамическими сосудами в местную, преобладающую, многочисленную западносибирскую среду. Здесь катастрофического вторжения с востока не произошло, западносибирское общество сумело остановить натиск восточносибирских мигрантов.

А ещё севернее, там, где р. Обь разворачивает русло своего течения с северо-восточного направления строго на восток, в самом финале кулайской культуры раннего железного века произошло нечто действительно страшное: восточносибирские мигранты на очень широком протяжении проникли на восточную границу ареала кулайской культуры и вторглись вглубь него, полностью оккупировав бассейны рр. Вах и Аган. На р. Вах на сегодняшний день не известно ни одной находки керамики кулайской культуры или фигурно-штампованной типа II карымского этапа кулайской культуры. Но из сборов В. А. Посредникова с поселения Большеларьякское I и из раскопок поселения Большеларьякское II известны образцы восточносибирской керамики с орнаментацией налепными валиками и желобками.²³⁰ По материалам К. Г. Карачарова, бассейн р. Аган в раннем железном веке довольно плотно был заселён населением кулайской культуры, самый поздний известный кулайский памятник здесь — могильник III в Агрнъёган I. Здесь же известны шесть более поздних селищ с многочисленными находками восточносибирских сосудов с налепными валиками и желобками, но в них нет ни одного фрагмента фигурно-штамповой керамики карымского типа.²³¹ Скорее всего, это означало, что пришедшие сюда мигранты-завоеватели из Восточной Сибири вытеснили или истребили всё ранее проживавшее западносибирское население. Наверняка завоеватели продвигались и на север, в бассейны рр. Таза и Пура, ещё не обследованные археологически, и на юго-восток, вверх по р. Обь, где известны находки фрагментов восточносибирской керамики с налепными валиками.²³² Дальнейшее продвижение восточносибирских мигрантов местное население карымского этапа нижнеобской культуры смогло остановить только на рубежах правого притока р. Обь — р. Тромъёгана и левого притока р. Обь — р. Большой Юган.

Военные поражения на юге от гуннов в III в., на востоке — от нашествия мигрантов из Восточной Сибири в конце III — первой половине IV вв. резко ослабили кулайскую культуру на самом пике её развития. Выходом из этого ослабления стало упрощение её внутренней социально-классовой структуры, отказ от всех достижений в общественной жизни севера

²²⁷ Уманский А. Г. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.

²²⁸ Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

²²⁹ Амброс А. К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4. С. 57–58; Зыков А. П., Федорова Н. В. Указ. соч. С. 23.

²³⁰ См.: Посредников В. А. Археологические работы на реке Вах ... С. 83. Табл. 31, 15; Посредников В. А. Большеларьякское поселение II ... Табл. 4, 5, 6.

²³¹ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 57–72.

²³² Яковлев Я. А. Селище Егур-Ях 4 ... С. 200–201. Ил. 6.

Западной Сибири последних нескольких столетий. То есть в IV в. при трансформации кулайской культуры раннего железного века в карымский этап нижеобской культуры раннего средневековья отмечается резкое регрессивное развитие всего западносибирского общества, откатившегося из эпохи классового образования обратно на несколько столетий назад в, казалось бы, уже забытое прошлое периода разложения первобытнообщинных отношений. Этот социальный регресс общества севера Западной Сибири в раннем средневековье по сравнению с предшествующим периодом конца раннего железного века очень зримо предстаёт на археологических материалах исследованных городищ и их фортификационных систем.

Подобное «регрессивное развитие» хорошо представлено археологическими материалами раннего железного века и эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. Там на месте ярких ананьинской и чегандинской культур с выраженной военно-аристократической направленностью и с высоким элитарным искусством возникла мазунинская культура III–V вв. со средним уровнем «профанного» искусства. Случившиеся были результатом внутреннего восстания рядовых масс населения чегандинской культуры против своей аристократии и поддерживающих их дружинников и начавшейся в результате этого «гражданской войны» I в. до н. э. — I в. н. э., безоговорочно проигранной элитарной стороной. Уцелевшая в ней часть чегандинской аристократии укрылась западнее Волги, в лесах Волго-Окского междуречья, где ей удалось создать режим жесточайшей военно-аристократической диктатуры на базе населения местной городищной культуры. А в Среднем Прикамье и прилегающей с юга территории Северной Башкирии просуществовало до второй половины IV в. в эгалитарном состоянии население мазунинской культуры, пока одновременно с запада, юга и востока над ним не нависла угроза уничтожения со стороны народов, незадолго до этого разбитых нашествием кочевников-гуннов и искавших в лесном Приуралье надёжного укрытия от них. Эгалитарные «мазунинцы» обратились за помощью к военным дружинам населения тураевского типа — далёким потомкам когда-то изгнанных их предками чегандинских аристократов, разбитых в войне в западном Поволжье населением формирующейся именьковской культуры. Как это ни странно, но этот необычный политический эгалитарно-элитарный тураевско-мазунинский симбиоз сложился и продержался до своей трагической гибели на рубеже V–VI вв. ещё столетие.²³³

Внезапное исчезновение археологических культур, явно находившихся на высоком уровне развития эпохи классового образования, с растущей ролью в них военных вождей и военной дружины, приход им на смену заведомо более слабых образований не всегда означало социальный регресс, связанный с откатом к эпохе разложения первобытнообщинного строя, как это было на севере Западной Сибири в IV в. при складывании карымского этапа нижеобской культуры.

В Среднем Прикамье на 400 лет ранее никакой внешней военной опасности не существовало, не было и тяжёлых поражений, но сильная власть военных вождей с их дружинами была уничтожена в результате «гражданской войны». Пришедшая на смену чегандинской мазунинская культура была неяркой и даже строгой, но назвать эту эгалитарную культуру регрессивной невозможно. Другое дело, что этот эгалитарный строй стал быстро развиваться с началом складывания оборонительного мазунинско-тураевского симбиоза конца IV–V вв. На рубеже V–VI вв. общество этого симбиоза трагически погибло.

²³³ Зыков А. П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник, 2011. Вып. 11. С. 66–79.

Складывание нижнеобской культуры уже на самом раннем карымском этапе привело к распаду некогда существовавшей консолидирующей кулайской культуры. На юго-востоке, в южно-таёжной и лесостепной зонах Новосибирского и Барнаульского Верхнего Приобья, на основе предшествующего фоминского локального варианта кулайской культуры конца раннего железного века в раннем средневековье сформировалась одинцовская культура, подвергавшаяся постоянному южному кочевническому тюркоязычному влиянию. Это влияние настолько преобладало над изначально северным кулайским по происхождению содержанием одинцовской культуры, что в её керамическом производстве не выработалась фигурно-штампованная орнаментация своей керамической лепной посуды, столь характерной для северной нижнеобской культуры раннего средневековья севера Западной Сибири. Неудивительно, что в дальнейшем тюркизированной одинцовская культура станет одной из составных частей сrostкинской культуры Южной Сибири — культуры предков ведущего тюркского народа кыпчаков, будущих татар.

На юго-западе, в лесном Зауралье, существовавший здесь зауральский локальный вариант кулайской культуры конца раннего железного века, в керамике которого заметную роль имели местные докулайские синдейские шнуровые отпечатки, в начале раннего средневековья переформировался в батырскую культуру, в керамике которой шнуровые отпечатки стали занимать ведущие позиции.²³⁴ Эта культура V–IX вв., как и наследующие её юдинская X–XIII вв. и чияликская XIV–XV вв. культуры, уже прочно займёт своё место в истории лесного Зауралья и лесостепей Зауралья и Приуралья.

Наконец, последний вид памятников, свидетельствующих об окончательном распаде некогда существовавшего кулайского единства конца раннего железного века к началу раннего средневековья, — это тиутейский тип памятников, или культура V–VIII вв. полярных лесотундр и арктических тундр Западной Сибири. Тиутейские толстостенные лепные котловидные сосуды с утолщёнными венчиками с кулайской культурой сближают часто использованные на них керамические поддоны, а с керамикой карымского и зеленогорско-рёлкинского этапов нижнеобской культуры таёжной зоны Западной Сибири — используемые на тиутейской посуде разнообразные виды фигурных штампов.²³⁵ Главной особенностью обособления тиутейской культуры была максимальная её приспособленность к арктическим тундровым условиям на возникшей базе кочевого оленеводства. Все эти обособившиеся от нижнеобской культуры раннего средневековья, но первоначально берущие своё начало от единой кулайской культуры конца раннего железного века, правильнее будет объединять в обь-иртышскую культурно-историческую общность. Время существования её выходит далеко за пределы раннего средневековья, вплоть до памятников позднего Средневековья и Нового времени. Очевидно, что это когда-то существовавшее кулайское единство лежит в основании удивительной схожести материальной и духовной культуры почти всех коренных народов Западной Сибири, невзирая на их глубокие различия в языке, религиях и видах экономической деятельности, что до сих пор поражает современных историков и этнографов.

Выше уже упоминалось, что начало регрессивных изменений всей социально-политической структуры общества поздней кулайской культуры, резкое падение от формирующихся образований предгосударственного типа (вождеств) эпохи классового образования с их быстро на-

²³⁴ Шорин А. Ф., Зыков А. П., Вилисов Е. В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // РА. 2013. № 1. С. 119–129.

²³⁵ Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998. 180 с.

растающей имущественной и классовой дифференциацией населения к возврату в период разложения первобытно-общинных отношений очень чётко фиксируется по упрощению фортификаций и планировки городищ самого начала карымского этапа нижнеобской культуры, второй половины IV — начала V вв. По сравнению с поздними кулайскими городищами с мощными оборонительными срубными, забутованными изнутри грунтом стенами, с двумя-четырьмя выступающими бастionsами для фланговых обстрелов атакующих, с достаточно широкими и глубокими оборонительными рвами перед стенами, карымские городища были слабозащищёнными посёлками. Самое раннее из четырёх известных карымских городищ Барсовой Горы — Барсов городок II/6 — представляло собой посёлок из 15 подчетырёхугольных полуземляночных жилищ, построенных одной вытянутой улицей в два ряда, коридорообразными выходами навстречу друг другу. Улица была направлена по линии С–Ю, перпендикулярно линии обрыва береговой террасы. Стены всех жилищ оконтурены грунтовой утепляющей подсыпкой и внешними ямами выборки этого грунта. Первоначально возводилась жилая часть этого посёлка, а уже потом вокруг неё возводилась фортификационная система из оборонительной стены и рва. Срубная стена строилась на удалении 1–3 м от жилищ с их обваловками и внешними ямами, основание её забутовывалось грунтом, вынутым из внешнего оборонительного рва. Этот ров был небольшим: шириной 1–1,5 м и глубиной 0,2–0,4 м. Никаким оборонительным препятствием он служить не мог, выполняя, скорее всего, роль противопожарной канавки. Основная оборонительная нагрузка падала на срубную стену, служившую стрелковой площадкой, выстроенной в виде огромного четырёхугольника площадью 3300 кв. м. Её короткий 24-метровый торец был обращён к обрыву береговой террасы, а длинный — на 90 м уходил вглубь террасы. Естественно, фортификационные возможности этого укрепленного посёлка были ничтожными. По сравнению с предшествующей позднекулайской эпохой в плане фортификационного зодчества карымский этап раннего средневековья был огромным шагом назад в глубины раннего железного века.²³⁶

Появление такого способа постройки укрепленных посёлков в начале карымского этапа, когда сначала возводилась его жилая часть, а потом она дополнялась фортификационными сооружениями, делало их на период строительства очень уязвимыми для нападений противника. И примеры, когда противник сумел воспользоваться уязвимостью недостроенных укреплений раннекарымских посёлков и разорил их, хорошо прослеживаются на археологических материалах. Именно это и произошло на карымском городище Сартым-Урий 18 на р. Большой Юган, на самом восточном фронтире противостояния западносибирского населения карымского этапа раннего средневековья с восточносибирскими мигрантами-завоевателями, только что глубоко вторгшимися из бассейна р. Енисей в Западную Сибирь. Это городище, чуть более раннее, чем Барсов городок II/6, уже имело отстроенную жилую часть из хаотично расположенных вдоль берега протоки наземных неуглублённых жилищ с грунтовой подсыпкой стен и кузницу. Здесь уже начали жить и работать люди, приступившие к возведению оборонительной стены в 7–8 м на удалении от жилищ и прокапыванию рва перед ней. Ю. П. Чемякин проследил оборонительный ров на 12,5 м длины в виде канавы шириной 0,6–1 м, глубиной от уровня древней поверхности 0,3–0,4 м и не зафиксировал никаких следов построенной стены. Очевидно, строители только наметили контур будущих фортификаций небольшой канавкой. А дальше произошло нападение врагов, поселение было разорено. Это красноречиво подтверждает состав археологических находок: 2,6 единицы фрагментов керамики на 1 кв. м исследованной площади раскопок при удивительно

²³⁶ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 50–51. Рис. 6, 6; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 40. Рис. 17.

большом количестве находок из бронзы и железа.²³⁷ Другим примером является городище Ендырское IV в большой излучине р. Ендырь, левого притока нижнего течения р. Обь. Оно было выстроено по раннекарымскому принципу Барсова городка II/6: сначала жилая часть из полужемляночных жилищ с грунтовыми обваловками, улицей в два ряда с коридорообразными выходами навстречу друг другу, а затем жилой посёлок начали обносить по четырёхугольной схеме планировки срубной стеной с забутовкой и рвом перед стеной. На ¾ городище было закончено, осталась только одна южная сторона, но с этой стороны фортификации так и не были возведены: ни оборонительная стена, ни ров.²³⁸ Недостроенное городище было уничтожено врагами. Но это было глубинное таёжное левобережье Нижней Оби, а не восточный фронт Большой Юганы, где внешний инородный восточносибирский враг-захватчик был рядом, здесь была другая межобщинная война, не менее опасная и жестокая. Таковы были реалии регрессивного развития, связанного с возвращением в эпоху разложения первобытнообщинного строя, наступившего на карымском этапе нижеобской культуры раннего средневековья, вновь вернувших постоянное состояние межобщинных войн с ближайшими соседями. Это внезапно возникшее состояние повышенной опасности великолепно иллюстрирует расположение всех городищ и поселений карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. на Барсовой Горе — в самом её центре, на максимальном удалении от р. Обь, куда можно было добраться только через целую систему извилистых обских проток. Опасен был не только и не столько внешний инородный враг, гораздо более страшна была ближняя, хорошо знакомая соседняя община, способная напасть внезапно.²³⁹

Всю зыбкость жизни в наступивших новых условиях постоянных межобщинных войн население карымского этапа очень быстро поняло и стало принимать меры. Во-первых, уже в самом начале карымского этапа все неукреплённые поселения стали концентрироваться вблизи городищ, за оборонительными стенами которых их жители могли быстро укрыться, усиливая гарнизоны. К концу этапа количество неукреплённых поселений резко сократилось: относительно безопасно можно было проживать только на городищах. Во-вторых, жители севера Западной Сибири на карымском этапе начали экспериментировать с повышением фортификационных возможностей своих городищ.

Лучше всего эволюция фортификации городищ этого времени прослеживается в урочище Барсова Гора. Отлично понимая всю слабость невысоких оборонительных возвышенностей первого из городищ карымского этапа, уже в следующем, построенном поблизости городище Барсов городок II/9, жители учли все слабые места фортификационных сооружений предшественников. Первое новое городище было более рационально размещено на местности. Имея в принципе такую же двухрядную уличную планировку расположения 13-ти жилищ, с такой же широкой центральной улицей в 6–14 м, с такой же неправильной подчетырёхугольной схемой расположения оборонительных стен с нешироким и неглубоким рвом перед ними, городище Барсов городок II/9 размещалось одной из длинных сторон вдоль высокого обрыва террасы. Это позволило резко сократить обороняемый, в первую очередь, периметр. Второе и более существенное: строители этого карымского городища, вероятно, впервые на практике применили новый жилищно-оборонительный принцип застройки, при котором расположенные плотными рядами жилища своими задними стенами, а два

²³⁷ Чемякин Ю. П. Городище Сатрым-Урий XVIII ... С. 38–46. Ил. 1–3.

²³⁸ Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер — вымысел или реальность? // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. Рис. 2.

²³⁹ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... Рис. 5.

крайних юго-восточных жилища ещё и одной из боковых стен пристраивались или встраивались в срубную оборонительную стену фортификации. Правда, строителю-реформатору этого городища не удалось соблюсти этот новый принцип до конца: три северо-западных жилища отстроены традиционно на расстоянии от оборонительных стен. И всё же этот новаторский принцип позволил сделать городище Барсов городок II/9 гораздо более компактным по площади — всего 2450 кв. м — по сравнению с его предшественником.²⁴⁰

Этот эволюционный переход через внедрение в практику жилищно-оборонительного принципа был завершён при строительстве самого позднего на Барсовой Горе карымского городища Барсов городок II/10. Оно было расположено всего в 40 м к СЗ от Барсова городка II/9. При выборе места для его строительства впервые из всех предшествующих городищ карымского этапа учитывались все выгодные для обороны особенности рельефа. Памятник был вписан в мысовидный выступ высокой надпойменной террасы, образованный двумя небольшими логам. Городище Барсов городок II/10 имеет правильную прямоугольную форму. Оно было окаймлено со всех сторон неширокими и неглубокими рвами, присущими этой эпохе. Рвы имели две перемычки для входов на жилую площадку в концах улиц, в восточном и западном коротких торцах городища. Само городище было обращено длинной стороной к обрыву террасы. Площадка застроена 11-ю полуземляночными слабоуглублёнными прямоугольными жилищами, сгруппированными в два плотных ряда. Эти ряды разделяет улица шириной до 10–12 м, как это было принято на всех городищах карымского этапа Барсовой Горы. Жилища оснащены коридорообразными выходами, обращёнными друг к другу. Все жилища городища Барсов городок II/10 задними стенами своих котлованов, а крайние в рядах ещё и одной из боковых, примыкали к оборонительной стене. По материалам раскопок 1989 г. двух северо-западных жилищ за их задними торцами котлованов была зафиксирована полоса прогиба погребённой почвы — отчётливый след от вдавления в грунт нижнего венца задней стенки срубной оборонительной стены, забутованной грунтом из выкидов от рытья рва и котлована жилищ. Такой жилищно-оборонительный принцип строительства сделал городище ещё более компактным. Его площадь была всего лишь 1900 кв. м.²⁴¹

Новый жилищно-оборонительный принцип постройки городищ впервые появился на карымском этапе нижнеобской культуры севера Западной Сибири. В дальнейшем этот принцип строительства городищ со встроенными в оборонительную стену жилищами будет господствовать в местном фортификационном зодчестве и соблюдаться, по крайней мере, до конца XVI в.²⁴² Но построенные по заранее разработанному плану, удобные для обороны, укреплённые посёлки имели один существенный недостаток: их очень трудно было реставрировать, ремонтировать, а уж тем более перестраивать. Эти посёлки, по сути, представляли единый жилищно-оборонительный архитектурный ансамбль, и крупный ремонт, а тем более перестройка одного из его элементов (жилища, участка оборонительной стены) неизбежно затрагивали и другие элементы. Ремонтировать и перестраивать городища в Сургутском Приобье на урочищах Барсова Гора и Сайгатино научились только на кучиминском этапе VIII–IX вв., а содержать городище на одном месте начали только с кинтусовского этапа конца IX–XII вв. В более ранние периоды карымского и зеленогорско-рёлкинского этапов

²⁴⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 51–52. Рис. 6, 3.

²⁴¹ Там же. С. 52. Рис. 6, 1.

²⁴² См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Поселенческо-погребальный комплекс ... С. 72. Рис. 1, 2; Они же. Итоги изучения Эмдера в 2001 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1. С. 110–136.

этого ещё не умели. Городище, спешно выстроенное из свежесрубленного сырого леса, как и всякое деревянное и деревоземляное сооружение, с течением времени неизбежно ветшало и приходило в негодность. Быстрота износа деревянных укреплений, выстроенных из сибирских пород дерева, прежде всего, сосны, хорошо прослеживается на примере русских городов и острогов конца XVI–XVII вв. Обычно деревянные сооружения приходили в негодное состояние уже через 20–30 лет.²⁴³ Чем разбирать и перестраивать старый обветшалый укрепленный посёлок, проще было выстроить новый, порой совсем рядом, как во всех случаях переноса карымских городищ Барсовой Горы. При этом, очевидно, учитывалось и то обстоятельство, что в период постройки нового укрепления старое, обветшавшее, ещё продолжало функционировать и население не оставалось без защиты. Известны примеры гибели недостроенных раннекарымских укрепленных посёлков, типа городищ Сартым-Урий 18 и Ендырское IV.

В этом и состоял секрет большого числа однослойных, очень близких по археологическим материалам городищ раннего средневековья, расположенных компактными скоплениями во многих местах таёжной зоны севера Западной Сибири. Каждое из них существовало не более нескольких десятков лет до определённой степени износа сооружений, после чего его жители поблизости, в пределах того же урочища, строили по очень схожей схеме новый укрепленный посёлок, внося в его конструкцию небольшие изменения. Закончив строительство, они переселялись из своего старого, обветшавшего, оставляя однослойные и чистые во всех отношениях, в том числе и, к сожалению, для археологов, памятники. На сегодня археологическими раскопками лучше всего исследован только комплекс городищ карымского этапа урочища Барсова Гора. Только здесь удалось наиболее точно проследить их эволюцию на отрезке второй половины IV — начала VI вв.

На всём остальном севере Западной Сибири — от южно-таёжной зоны до полярной лесотундры — ни одного сколь-нибудь близкого по составу комплекса однослойных городищ карымского этапа раскопками исследовано не было. Во всех остальных урочищах раскопками изучалось не более одного городища. В основном карымские скопления городищ исследовались лишь топографической съёмкой и сбором с них подъёмного археологического материала. И каких-либо принципиальных отличий от эволюционной схемы карымских однослойных городищ Барсовой Горы во всей Западной Сибири нет, кроме одного глубокого таёжного урочища у Соровских озёр, в верховьях р. Большой Салым. Здесь К. Г. Карачаровым топографической съёмкой и сбором подъёмного материала были выявлены четыре однослойных городища карымского этапа, чётко делящихся на две группы как по планировке расположения жилищ, так и по системе устройства фортификаций. Два из них — Соровское V и XXXV — имеют подковообразную систему фортификаций из оборонительной стены (так называемого «вала») с бастионным фланкирующим выступом и рвом перед ней. Городища выстроены у края береговых террас, полуземляночные котлованные жилища на жилых площадках располагались по широкой дуге изнутри, вдоль «вала», но не соприкасаясь с ним, одно жилище располагалось в центре дуги. Эти карымские городища были прямым продолжением бастионных городищ поздней кулайской культуры раннего железного века. Два других городища — Соровское X и XVII — имеют вполне обычную карымскую пря-

²⁴³ См.: Леонтьева Г. А. Застройка Тюмени и её государственное обеспечение в конце XVI — начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 54–57; Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. С. 93–94.

моугольную вытянутую в плане форму фортификаций из стены с нешироким и неглубоким рвом перед ней, уличную планировку полуземляночных подпрямоугольных жилищ, расположенных в два ряда, коридорообразными выходами навстречу друг другу. В городище Соровское XVII стены жилища с оборонительной стеной не соприкасались, эти два конструктивных сооружения были построены отдельно друг от друга.²⁴⁴

В районе Соровских озёр, в глубине тайги севера Западной Сибири, даже в условиях развивавшегося карымского этапа нижеобской культуры раннего средневековья военные вожди этой территории продолжали строить маленькие крепости позднекулайского стиля. Они смогли отсрочить как минимум на два поколения наступление неизбежного краха, но полностью предотвратить его были не способны. Упрощенческая культура карымского этапа победила и здесь, на берегах Соровских озёр. Появились типичные карымские городища — укрепленные посёлки.

---

²⁴⁴ См.: Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники ... С. 167–169. Ил. 2, 3; 3, 3; Мартынова Е. П. и др. Салымский край ... С. 42, 46; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 2002. С. 42. Рис. 14, 9, 10; Там же. С. 45. Рис. 14, 16, 17.

Глава 4

Зеленогорско-рёлкинский этап VI–VII вв.

Впервые зеленогорский тип керамики, главным в котором было преобладающее значение оттисков уголковых штампов, и зеленогорскую культуру выделил В. Н. Чернецов по материалам своих раскопок в 1946 г. стоянки Зелёная Горка близ г. Салехарда и сборов керамики с городищ Кушеват и Сортынья I в Нижнем Приобье. Из-за неверно понятой стратиграфической ситуации на стоянке Зелёная Горка, они были отнесены к эпохе начала раннего железного века, ко времени более раннему, чем усть-полуйская культура.²⁴⁵ Опираясь на мнение В. Н. Чернецова, В. И. Мошинская также датировала похожую керамику городища Подчеваш в тобольском Прииртышье, отнеся её ко времени «не позднее I тысячелетия до рубежа нашей эры — едва ли позднее I в.».²⁴⁶ Отнесение зеленогорского типа керамики к эпохе раннего железного века полностью исключило его из тогда уже разрабатываемой В. Н. Чернецовым периодизационной схемы нижнеобской культуры Западной Сибири раннего средневековья.²⁴⁷

Через 20 лет вышла монографически исполненная публикация Рёлкинского могильника VI–VIII вв. Томско-Нарымского Приобья²⁴⁸ — основного эпонимного памятника рёлкинской культуры раннего средневековья, выделенной Л. А. Чиндиной ещё в начале 70-х гг. XX в. и прямо продолжавшей кулайскую культуру раннего железного века. Процесс раздробления выделенной В. Н. Чернецовым единой для всего севера Западной Сибири средневековой нижнеобской культуры в общих чертах завершился.

В это же время Н. В. Федорова столкнулась с несоответствием новых материалов из раскопок городищ Барсовой Горы периодизации нижнеобской культуры В. Н. Чернецова и предложила включить шесть однослойных городищ с находками керамики, близкой зеленогорской Нижнего Приобья, в рамки карымского этапа, расширив его хронологию до V — начала VIII вв.²⁴⁹ На тот момент она ещё не соотносила эти памятники с материалами зеленогорской культуры начала раннего железного века по В. Н. Чернецову.

²⁴⁵ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья ... С. 63–71.

²⁴⁶ Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш ... С. 216.

²⁴⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 136–245.

²⁴⁸ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... 194 с.

²⁴⁹ См.: Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников ... С. 80–82; Она же. Итоги четырёхлетнего изучения поселений ... С. 140–142.

Зеленогорский этап VI–VII вв. впервые был выделен в коллективной статье екатеринбургских археологов.²⁵⁰ Однако авторам и тогда было ясно, что внутри выделяемого ими этапа существовали две хронологически следующие друг за другом эволюционные группы керамики: раннезеленогорская, наиболее соответствующая «классическому» зеленогорскому типу, выделенному для Нижнего Приобья В. Н. Чернецовым, и позднезеленогорская группа, наиболее соответствующая керамике рёлкинской культуры Томско-Нарымского Приобья по Л. А. Чиндиной.

За истекшие годы эта дополненная и исправленная периодизация керамики памятников севера Западной Сибири не подвергалась какой-либо серьезной критике, за исключением предложения К. Г. Карачарова переименовать все последовательные этапы раннего средневековья, в том числе и зеленогорский, в отдельные археологические культуры.²⁵¹ В работах до 2006 г. А. П. Зыков придерживался ставшего уже традиционным взгляда на зеленогорский этап VI–VII вв. нижеобской культуры с обязательным упоминанием о существовании внутри него эволюционных раннезеленогорского и позднезеленогорского типов керамики.²⁵²

К этому моменту стало ясно, что именно период VI–VII вв. является самым уязвимым в периодизационной схеме нижеобской культуры В. Н. Чернецова из-за отнесения им зеленогорского типа керамики Нижнего Приобья к началу раннего железного века. Налиествовал недостаток конкретного археологического материала, препятствующий в тот период созданию какой-то единой схемы развития раннего средневековья для всего севера Западной Сибири. Исследователи пытались найти выход из этой ситуации через создание более мелких региональных археологических культур этого периода. Периодизационная схема группы екатеринбургских археологов по средневековью Сургутского Приобья, основанная на новых материалах раскопок 70–80-х гг. XX в., позволила модернизировать периодизацию В. Н. Чернецова. Возрождение единой для всего севера Западной Сибири нижеобской культуры, насыщенной новым периодизационным содержанием, поставило под вопрос закономерность дальнейшего существования уже выделенных региональных культур раннего средневековья юга Западной Сибири: потчевашской В. Ф. Генинга и рёлкинской Л. А. Чиндиной.

Другой точки зрения придерживался А. П. Зыков, который подчёркивал, что членение культуры на периодизационные этапы было обусловлено эволюционными изменениями в фигурно-штамповой орнаментации части богато орнаментированных лепных круглодонных керамических сосудов севера Западной Сибири. Пока они были в массовом производстве, употреблялись местным средневековым населением и составляли массовый археологический материал памятников, можно было говорить о нижеобской культуре второй половины IV–XII вв. Когда на рубеже XII–XIII вв. лепная керамическая посуда вышла из бытового употребления, нижеобская археологическая культура прекратила своё существование, поскольку исчез массовый археологический материал — керамика с городищ и поселений. Во всех остальных сферах жизни и производства всё оставалось прежним: население севера Западной Сибири продолжало успешно развиваться, но уже в рамках другой сайгатинской археологической культуры XIII–XVI вв.²⁵³

²⁵⁰ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 133–135.

²⁵¹ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 44–45; Они же. Древняя история... 2002. С. 48–51.

²⁵² См.: Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны ... С. 114–116; Он же. Периодизация нижеобской культуры ... С. 41, 44.

²⁵³ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 34–111.

А. П. Зыков предложил прежний зеленогорский этап VI–VII вв.²⁵⁴ разделить на два отдельных: зеленогорский VI в. с фигурно-штамповой посудой, орнаментированной по преимуществу отпечатками уголковых штампов, и рёлкинский этап конца VI–VII вв. с фигурно-штамповой посудой, орнаментированной вновь возрождёнными с эпохи кулайской культуры оттисками уточковых и S-видных штампов. Последний датирован пока ещё немногочисленными находками бронзовой и серебряной поясной гарнитуры «стиля псевдопряжек».²⁵⁵ Рёлкинская культура Томско-Нарымского Приобья не была прямым, непосредственным продолжением кулайской культуры раннего железного века. Хронологический промежуток между ними был плотно занят памятниками карымского этапа второй половины IV — начала VI вв. и зеленогорского этапа VI в. нижнеобской культуры. Рёлкинская культура не была достоянием населения раннего средневековья только Томско-Нарымского Приобья, а закономерным эволюционным этапом развития всего севера Западной Сибири, в том числе Сургутского Приобья. Исследованный и полностью опубликованный Л. А. Чиндиной богатейший могильник Рёлка на фоне малочисленных и «бедных» погребений Барсовского V могильника²⁵⁶ и могильника Зелёный Яр на р. Полууй,²⁵⁷ выглядит более основательно для выделения рёлкинской культуры.

В 2013–2019 гг. под руководством О. В. Кардаша близ посёлка Салым, у оз. Сырковый сор (Им-тор) был исследован новый яркий могильник Священная Кедровая Роща. На нём изучено 1071 кв. м культурного слоя, 54 захоронения с 63 индивидуумами. Основная часть могильника уверенно датируется концом VI–VII вв.²⁵⁸ Богатейший на сегодняшний день некрополь этой эпохи на севере Западной Сибири содержал 15 могил элиты: военных вождей, членов их семей, дружинников (рис. 275–281).

С появлением новых материалов стала очевидной неправомерность выделения самостоятельных зеленогорского и рёлкинского этапов. В одной из последних работ был воссоздан единый этап VI–VII вв., названный «зеленогорско-рёлкинским» с двумя подэтапами: зеленогорский VI в. и рёлкинский конца VI–VII вв.²⁵⁹

Зеленогорский подэтап VI в.

Он получил своё название по выделенной В. Н. Чернецовым керамике зеленогорского типа Нижнего Приобья, отнесённой к началу раннего железного века. С 70-х гг. XX в. её принадлежность к раннему средневековью не вызывает сомнения. Хронологически этот тип располагается между карымским этапом второй половины IV — начала VI вв. и рёлкинским подэтапом конца VI–VII вв.

Преобладающий вид памятников зеленогорского подэтапа — городища и неукреплённые поселения, содержащие большое количество фрагментов керамических сосудов и бронзо-

²⁵⁴ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 133–135.

²⁵⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 61–77.

²⁵⁶ Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников... С. 110–112. Рис. 1, 10, 22, 47, 48, 51.

²⁵⁷ Зелёный Яр ... С. 66–69, 260.

²⁵⁸ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Указ. соч. С. 34.

²⁵⁹ Матвеева Н. П. и др. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья ...

литейных тиглей. Единственная датирующая археологическая находка — бронзовая литая колоколовидная подвеска с ушком из жилища I Сургутского I городища, самого позднего памятника зеленогорского подэтапа конца VI — самого начала VII вв.²⁶⁰ и бронзовая подвеска с городища Низямы V в Нижнем Приобье.²⁶¹ Подвеска выполнена в виде крупного центрального выпуклого умбона, оконтуренного рельефным расщепленным желобками валиком, снабженным в нижней части гроздьё из трёх окружностей с выпуклыми умбонами, а в верхней — ушком для подвешивания. Это очень сильно стилизованная по исполнению, но очень точная в передаче деталей оригинала серебряного позолоченного медальона с вставками из сердолика, оконтуренных зернью и сканью. Оригиналы известны из памятников Приуралья VI и конца VI–VII вв.²⁶²

Единственный на сегодня погребальный памятник с находками зеленогорских сосудов — пещерное захоронение в Усть-Вагранском гроте в верховьях р. Сосьва на самом западном краю ареала нижеобской культуры.²⁶³ Продолжительность зеленогорского подэтапа на протяжении около одного столетия хорошо документируется существованием последовательных, однослойных городищ, сменявших во времени друг друга в процессе обветшания Барсовых городков II/8, II/1 и II/12 (в таком порядке по эволюционным изменениям их керамики).

Керамика зеленогорского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа нижеобской культуры представлена только круглодонными сосудами. Исключение лишь одно — небольшой плоскодонный горшок с Сургутского I городища. Шейка его не сохранилась, но общие пропорции, форма плоского днища и раздутого тулова с выделенным ребром позволяют найти ему параллели в некоторых кувшиновидных плоскодонных сосудах ранней группы посуды кушнаренковской культуры Южного Урала.²⁶⁴

Среди самых больших коллекций зеленогорских керамических сосудов Сургутского Приобья абсолютно преобладают горшковидные формы с выделенной шейкой. Закрытые чаши и котловидные сосуды встречаются в единичных экземплярах. Выделяется коллекция Сургутского I городища, в которой закрытые чаши составляют 22,8%. Для зеленогорской посуды, как и для предшествующей карымской, характерны (до 84,4% коллекций) скошенные внутрь венчики, часто с образованием карниза. Сосуды с плоскими прямыми, округлыми или скошенными наружу венчиками встречаются единично. Большинство венчиков (до 91,6%) с наружной верхней стороны орнаментированы оттисками гребенчатых или гладких штампов, редко — оттисками угловых штампов или ногтевыми вдавлениями. До 56,7% венчиков орнаментированы и изнутри поверх скошенных назад поверхностей, в основном ногтевыми вдавлениями.

Поверхность сосудов зеленогорского подэтапа была плотно декорирована. Но в отличие от сосудов карымского этапа орнамент редко покрывал зеленогорские сосуды на две трети, гораздо чаще лишь шейку и плечики горшков, то есть треть или половину их поверхности. Фестоны из прямых или наклонных оттисков штампов (гребенчатого, змейковидного, накольчатого), столь характерные для карымской орнаментации, на зеленогорских

²⁶⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 82–83. Рис. 18, 2.

²⁶¹ Морозов В. М. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 106. Рис. 1, 2.

²⁶² Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 62–63.

²⁶³ Баранов Н. Н. и др. Указ. соч. С. 31.

²⁶⁴ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. Табл. XV, 11.

сосудах встречаются гораздо реже, узор на плечиках часто завершался треугольными композициями, выполненными оттисками фигурных, чаще всего уголкового штампов. Встречаются сочетания фестонов из треугольников и столбиков отпечатков штампов. Практически обязательным элементом орнаментации остаётся ряд ямок или жемчужин на шейке под венчиком.

Для зеленогорского подэтапа, как и для сосудов карымского этапа, выделяется три основных типа орнаментации. Неорнаментированный сосуд известен только один: плоскодонный кувшинообразный горшок с городища Сургутского I.²⁶⁵

Тип I. Гребенчатая керамика зеленогорского подэтапа почти аналогична сосудам типа I как предшествующего карымского этапа, так и последующего рёлкинского подэтапа. В этом хронологическом периодизационном членении на карымский и зеленогорско-рёлкинский этапы гребенчатая керамика никакой роли не имеет, она принципиально не меняется на протяжении всего этого времени, со второй половины IV — по VII вв. Одно из заметных отличий, массово впервые появляющееся на зеленогорских гребенчатых сосудах, скорее, количественное. В зеленогорской посуде типа I достаточно распространены горшки, шейки которых декорированы короткими наклонными столбиками оттисков гребенчатого или гладкого штампов, выполненных в технике отступления. Эти столбики всегда были заключены между горизонтальными рядами оттисков штампов. Среди карымских коллекций сосуд с подобной орнаментацией известен только в одном экземпляре на городище Кинтусовское 4.1, а в орнаментации рёлкинского подэтапа и кучиминского этапа это уже станет массовым характерным явлением. Другое отличие зеленогорской гребенчатой керамики от карымской состоит в появлении горшковидных сосудов, шейки и плечики которых орнаментированы горизонтальными полосами, выполненными проташенным вертикально поставленным гребенчатым штампом.²⁶⁶ Подобная техника орнаментации, редкая на севере Западной Сибири в памятниках зеленогорского подэтапа, станет очень характерной для синхронных памятников зеленогорско-рёлкинского этапа Тобольского, Тарского и Омского Прииртышья, которые многие исследователи именуют потчевашской культурой. В памятниках зеленогорского подэтапа Сургутского Приобья керамика типа I составляет от трети до 90 % коллекций в селище Кучиминское I.

Тип II. Фигурно-штамповая керамика составляет большую часть керамических коллекций зеленогорского подэтапа — до 59,4 %. Керамическая посуда с орнаментацией оттисками различных вариаций уголкового штампов составляет в наиболее изученных коллекциях Сургутского Приобья от 62,7 % до 90 % от общего объёма фигурно-штамповой керамики типа II. Столь же многочисленна керамика, орнаментированная уголковыми штампами, и в других регионах севера Западной Сибири: Нижнем Приобье, левобережье Нижней Оби и Иртыша, Нижнем и Среднем Прииртышье. Эта фигурно-штамповая керамика с орнаментом в основном из оттисков уголкового штампов, составляющая львиную долю типа II, и является определяющей для памятников зеленогорского подэтапа VI в. почти всего севера Западной Сибири. По мнению Л. А. Чиндиной, «зеленогорский тип керамики, безусловно, отсутствует в Среднем Обь-Иртышье, то есть там, где выделены потчевашская и рёлкинская культуры».²⁶⁷ В Нарымском Приобье присутствуют все этапы, составляющие нижнеобскую куль-

²⁶⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 66. Рис. 29, 12.

²⁶⁶ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... Рис. 2, А, 9.

²⁶⁷ Чиндина Л. А. Об археологических культурах Приобья // Культурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 54.

туру второй половины IV–XII вв., кроме зеленогорского подэтапа VI в. Скорее всего, этот тип керамики здесь просто ещё не выявлен.²⁶⁸

Другие виды фигурных штампов: крестовый, ромбический, уточковый, S-образный, «след медведя», скобовидный, треугольный, сердцевидный — в орнаментации зеленогорской керамики типа II встречались достаточно редко, либо единично. Так, в коллекциях фигурно-штамповой керамики зеленогорского подэтапа с городищ Барсовой Горы сосуды, орнаментированные оттисками крестовых штампов, встречаются единично. Но в самом позднейшем зеленогорском Сургутском I городище посуда с орнаментацией крестовым штампом составляла 37,5% от всего типа II (18 сосудов из 48), а это уже, скорее, была эволюционная примета: вскоре памятники зеленогорского подэтапа сменятся памятниками рёлкинского подэтапа. В рёлкинской орнаментации фигурно-штамповой посуды крестовые оттиски займут заметное место. Ромбические штампы, абсолютно господствовавшие на фигурно-штамповой посуде предшествующего карымского этапа, конечно, применялись в орнаментации зеленогорской керамики, но не более чем на 10,4% фигурно-штамповых сосудов зеленогорского подэтапа. Нередко в одном сосуде встречается сочетание отпечатков крестового или ромбического с отпечатками уголкового штампа.

С зеленогорским подэтапом севера Западной Сибири связана уникальная археологическая находка костяного орнамента для нанесения декора на ещё сырые глиняные сосуды до помещения их в огонь для длительного обжига, из которого они выйдут уже готовыми гончарными изделиями. Орнамент найден в раскопках 1994 г. в переотложенных слоях городища Ендырское I (Эмдер), первый строительный горизонт которого и был связан с зеленогорским подэтапом VI в. зеленогорско-рёлкинского этапа. Этот орнамент служил тем самым универсальным штампом, которым наносили гребенчатые, уголкового и треугольные отпечатки.²⁶⁹

Тип III. Желобчатая керамика. К этому типу отнесены сосуды, в орнаментации которых использованы желобки, выдавленные по сырой глине плоской палочкой.

В зеленогорских коллекциях сосуды типа III составляют до 7,4%. Желобчатая керамика зеленогорского подэтапа была генетически связана с желобчато-валиковым типом керамики предшествующего карымского этапа и является прямым продолжением этой инородной восточносибирской линии развития, уже вошедшей на протяжении карымского этапа в местное западносибирское керамическое производство, прочно усвоенное и уже начавшее перерабатываться. Зеленогорский подэтап стал эпохой завершения изменения керамики этого типа III. На рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв., произошло полное слияние с основными типами керамики — гребенчатым и фигурно-штамповым — в единый облик рёлкинской посуды, включающий в себя неотъемлемые элементы когда-то инородной керамики: разделительные горизонтальные желобки между орнаментальными зонами, налепные валики на шейках сосудов. Это было результатом полной ассимиляции в местной западносибирской среде к VII в. далёких потомков восточносибирских мигрантов IV–V вв., принятых в западносибирские общины с их абсолютно чуждым для местного населения типом керамических сосудов. Эта ассимиляция благополучно завершилась только на основной территории ареала нижнеобской культуры севера Западной Сибири. На её юго-восточном пограничье, в Томско-Нарымском Приобье, противостояние восточносибирскому натиску

²⁶⁸ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 41–43.

²⁶⁹ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер ... С. 99–100. Рис. 33, 15.

носителей валиковой керамики продолжалось и на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв., происходила неизбежная инфильтрация её носителей в рёлкинскую среду.

В памятниках зеленогорского подэтапа единично ещё встречаются типичные для предшествующего карымского этапа слабопрофилированные котловидные или горшковидные толстостенные сосуды, сформованные из рыхлого глиняного теста, с плоскими венчиками, украшенными по наружному краю ногтевыми вдавлениями. Наружные поверхности этих сосудов орнаментированы горизонтальными рядами, арочными или зигзаговыми композициями из желобков. Большинство сосудов III типа зеленогорского подэтапа представлено относительно тонкостенными горшками с хорошо выраженной прямой шейкой, со скошенными внутрь венчиками. По форме и фактуре они не отличались от основной массы посуды типов I и II. В основном они имели шейки, орнаментированные горизонтальным поясом из двух-семи желобков, сочетающихся с оттисками гладких, гребенчатых или уголковых штампов, украшавших зону под венчиком и образующих фестоны на плечиках. Всё это обязательно дополнялось горизонтальным рядом ямок или жемчужин на шейке. Появляются также горшки, у которых несколько горизонтальных желобков на шейке чередуются с рядами прямых или наклонных оттисков гребенчатого штампа, а плечики украшены фестонами из треугольных композиций, заполненных оттисками уголковых штампов. Единичны сосуды I и II типов с наклепными валиками.²⁷⁰

Развитие орнаментации керамики зеленогорского подэтапа происходило в рамках традиций предшествующего карымского этапа нижнеобской культуры раннего средневековья. Единственное, что отличало керамику этих двух периодов друг от друга в общем эволюционном ряду, это абсолютное преобладание в керамической фигурно-штамповой посуде типа II отпечатков различных видов ромбических штампов, сменившиеся в зеленогорской посуде абсолютным преобладанием отпечатков уголковых штампов. Эти, казалось бы, мелочи позволяют археологам точно отслеживать эволюцию орнаментации керамики на протяжении всего раннего средневековья вплоть до XII в. и выстраивать её периодизацию, а когда на севере Западной Сибири к массовому керамическому материалу поселений добавляются материалы могильников с их датирующим материалом, то и хронологию.

Городища и селища зеленогорского подэтапа, кроме большого количества бытовой керамики, содержат и бронзолитейные керамические тигли. Все они рюмковидной формы с выпуклым туловом плавильной ёмкости, выделенной ножкой и плоским основанием.²⁷¹ Единственная бронзовая отливка западносибирского производства происходит с городища Низямы IV зеленогорского подэтапа в Нижнем Приобье. Это — бляшка с барельефным изображением головы медведя, расположенной между его лапами, со сквозными отверстиями для привешивания.²⁷² Она аналогична бронзовой бляшке из состава кладов у д. Плёт в Верхнем Прикамье, которые Р. Д. Голидна отнесла к концу VI–VII вв.²⁷³

Разведками по находкам керамики на севере Западной Сибири выявлено более 150 памятников зеленогорского подэтапа VI в., а археологическими раскопками из них исследовано всего 10 городищ. Наиболее полно они были обследованы в урочище Барсова Гора: почти

²⁷⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 67. Рис. 29, 1, 3–6, 9, 11.

²⁷¹ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер ... Рис. 39, 17; 42, 10; Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 133, 140. Рис. 2, Б, 15, 16.

²⁷² Морозов В. М. К вопросу о зеленогорской культуре ... С. 106. Рис. 1, 6.

²⁷³ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 116–117. Табл. LII, 15.

полностью раскопано городище Барсов городок II/1 и по 1–3-м жилищам на городищах Барсов городок II/8 и II/12. Четвёртое зеленогорское городище Барсов городок II/2 не раскапывалось, так как его большая часть разрушена поздним городищем Барсов городок II/3–4-го кучиминского этапа. Все зеленогорские городища Барсовой Горы были выстроены по подобию позднейшего городища карымского этапа Барсов городок II/10: строго прямоугольной вытянутой в плане формы, оконтуренной оборонительным рвом по всему внешнему периметру с двумя-тремя перемычками для устройства ворот, обращённых одной из длинных сторон вдоль края высокого обрыва береговой террасы, уличной двухрядной планировки из 8–11 прямоугольных полуземляночных жилищ коридорообразными выходами навстречу друг другу. Площадь этих зеленогорских городищ от 1300 до 2000 кв. м, но они, выстроенные по жилищно-оборонительному принципу, были более компактны за счёт гораздо меньшей ширины центральной «улицы», в отличие от предшествующих городищ карымского этапа. Ещё одно разительное отличие — их рвы шириной 1,5–2 м, глубиной около 1,5–1,8 м действительно стали приобретать оборонительные функции. И последнее отличие: если все карымские городища Барсовой Горы были сосредоточены на центральном участке урочища, вытянутом вдоль обрыва террасы всего на 400 м, то зеленогорские располагались вдоль берега протоки Микишкиной на 1,75 км. По-прежнему это было самым безопасным местом Барсовой Горы, наиболее удалённым от р. Обь, откуда и карымские, и зеленогорские жители постоянно ожидали внезапных нападений своих соседей-врагов. Очевидно, что с той же постоянной опасностью нападений были связаны и небольшие размеры зеленогорских неукреплённых селищ Барсовой Горы, состоящие из 2–4 жилищ, расположенных в непосредственной близости от городищ, за стенами которых их обитатели могли быстро укрыться.²⁷⁴

Население зеленогорского подэтапа севера Западной Сибири ещё около столетия после карымского этапа продолжало проживать в постоянной угрозе межобщинных войн. Именно это заставляло их планомерно строить новый укреплённый посёлок по уже прочно усвоенной жилищно-оборонительной схеме. Населению зеленогорской культуры приходилось воздвигать новое укрепление подальше: там, где ещё стоял нетронутый лес, годный для строительства и пополнения запаса дров на будущие 20–30 лет существования нового укреплённого посёлка до его полного обветшания. А потом процесс повторялся. Это происходило не только на Барсовой Горе, но и в других регионах севера Западной Сибири. Нечто подобное прослеживалось на однослойных, исследованных В. М. Морозовым в Нижнем Приобье городищах Низямы III–IV того же зеленогорского подэтапа.²⁷⁵

На левобережье южно-таёжной зоны Омского Приитышья единственным, хорошо исследованным памятником зеленогорского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа нижнеобской культуры является городище Чудская Гора, раскопанным Т. М. Потёмкиной в 1976–1977 гг. Керамика этого городища была отнесена авторами к потчевашской культуре раннего средневековья. Городище имело вид подпрямоугольного укрепленного посёлка, оконтуренного рвами и валами (расплывшейся грунтовой забутовкой деревянных срубных стен). Его площадь составляла около 2000 кв. м, была застроена примыкавшими к оборонительным стенам девятью полуземляночными жилищами уличной двухрядной планировки. Примечательно, что это городище явно погибло от пожара.²⁷⁶

²⁷⁴ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 63–64. Рис. 17, 1, 2, 4–7.

²⁷⁵ Морозов В. М. Поселения и постройки Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 371. Рис. 32, 10, 11.

²⁷⁶ Потёмкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995. С. 70–74. Рис. 2; 7; 11; 41, 2, 4; 43, 3; 44, 1, 2.

На исходе зеленогорского подэтапа, в конце VI — начале VII вв., началась перестройка планировки расположения жилищ на внутренних площадках и внешней формы укреплений. Городища приобрели округлые, замкнутые оборонительные рвы с перемычками для устройства проходных ворот, оборонительные срубные стены с примыкающими к ним задними стенками четырёхугольных полуземляночных или наземных жилищ с выходами, направленными к центру жилой площадки. Началась эта перестройка не на Барсовой Горе, где самым ранним округлым городищем был Барсов городок II/15 с керамикой уже следующего рёлкинского подэтапа.²⁷⁷ Самые ранние округлые городища с находками только зеленогорской керамики выявлены на оз. Сырковый сор (Имн-тор) — Кинтусовское 2.1,²⁷⁸ в Нижнем Приобье — Товгор-Лор III на оз. Товгор-Лор,²⁷⁹ в урочище Сайгатино — Кинтусовское I, в черте г. Сургута — Сургутское I (рис. 272). Все укрепления этого типа имели незастроенные центральные площадки, кроме последнего Сургутского I городища, в котором на ней располагалась наземная постройка, ооконтуренная внешними ямами.²⁸⁰

Сургутское I городище было единственным исследованным археологическими раскопками памятником раннего средневековья, что позволило выполнить его графическую и макетную реконструкцию²⁸¹ (рис. 273). На этом памятнике были исследованы два жилища, прилегающие к ним «валы» — остатки забутованных грунтом срубных стен, рвов и постройки для отдыха воинов охраны проходных ворот. Срубная оборонительная стена имела ширину до 4-х м и была двучастной: состояла из трёх продольных линий брёвен, связанных между собой поперечными короткими перерубами. Изнутри, к лицевой стороне срубной стены, были приставлены вертикальные брёвна, образующие внешнюю тыновую стену стрелковой площадки фортификации. Внутри сруба эта тыновая стена удерживалась грунтовой подсыпкой. Такая конструкция оборонительной стены зеленогорского подэтапа была чётко реконструирована по фиксациям развала деревянных конструкций фортификации первого строительного горизонта VI–VII вв. Ендырского I городища.²⁸² Изнутри к оборонительной стене были пристроены каркасно-столбовые полуземляночные жилища и караульное помещение.²⁸³ Это было самое раннее помещение для отдыха смены караула городищенских ворот, зафиксированное на археологическом материале севера Западной Сибири.

Можно высказать предположение, что реформирование городищ в округлые в плане конструкции в конце зеленогорского подэтапа было напрямую связано с началом возвышения власти военных вождей севера Западной Сибири. На западной, северной и восточных границах ареала зеленогорского подэтапа никаких существенных подвижек не происходило, продолжалось сосуществование ослабленного на заре раннего средневековья населения западно-сибирской тайги. А вот на юге, в восточной части степного пояса Евразии, в середине VI в. произошло грандиозное событие — образование Первого Тюркского каганата, круто

²⁷⁷ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 70–72. Рис. 31, 2.

²⁷⁸ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 46. Рис. 15, 8; Они же. Древняя история ... 2002. С. 48. Рис. 15, 13.

²⁷⁹ Морозов В. М. Поселения и постройки Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья ... Рис. 32, 4.

²⁸⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 64. Рис. 17, 3.

²⁸¹ Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог. Екатеринбург; Сургут, 2011. С. 9–10.

²⁸² Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер ... С. 14–17. Рис. 6.

²⁸³ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 64–66. Рис. 17, 3; 18, 1; 19, 1, 2; 20, 1, 2.

Рис. 272. Макет реконструкции городища Сургутского I конца VI в. зеленогорского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижеобской культуры, выполненный по графической реконструкции А. П. Зыкова. Фонды Сургутского краеведческого музея

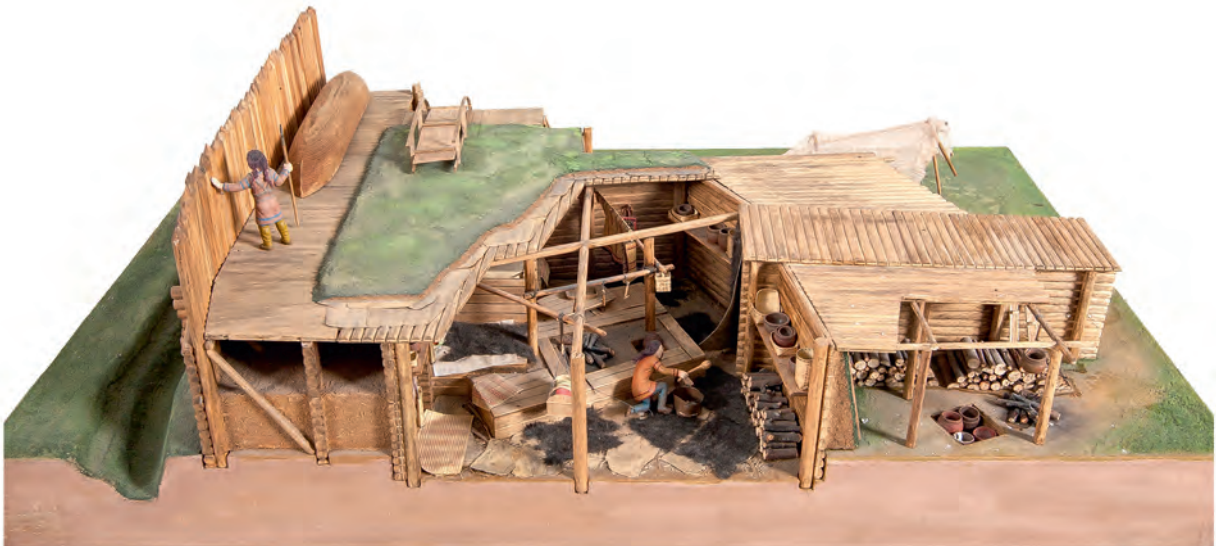

Рис. 273. Макет разреза жилища и фортификаций (оборонительной стены и рва) Сургутского I городища конца VI в. зеленогорского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижеобской культуры, выполненный по графической реконструкции А. П. Зыкова. Фонды Сургутского краеведческого музея

изменившее всю мировую историю. В результате западного похода 554–557 гг. войска каганата разгромили и покорили проживавших здесь постгуннских кочевников, а тех, кто пытался сопротивляться, изгнали за Волгу в восточно-европейские степи. Постгуннские кочевники покинули лесостепи Барабы и Омского Прииртышья, хотя эти территории тогда тюрки не интересовали. Так во второй половине VI в. у населения зеленогорского подэтапа нижнеобской культуры появилась благоприятная возможность освоить без какой-либо борьбы огромные пространства южных лесостепей, чем они незамедлительно и воспользовались.

Такое безболезненное крупное расширение на юг ареала нижнеобской культуры в разгар её медленно эволюционирующего зеленогорского подэтапа не могло не вызвать и вызвало начало крупных перемещений населения в глубинных районах тайги Западной Сибири. Естественным следствием этих перемещений было начало усиления статуса возглавлявших их военных вождей. Именно оно и могло стать причиной реформирования планировки городищ к концу зеленогорского подэтапа. В это же время керамическое производство севера Западной Сибири подошло к следующей стадии развития орнаментации фигурно-штампового типа керамики, по которому выделялся рёлкинский подэтап конца VI–VII вв. зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII в. нижнеобской культуры второй половины VI–XII вв.

Рёлкинский подэтап конца VI–VII вв.

Л. А. Чиндина выделила рёлкинскую культуру раннего средневековья Томско-Нарымского Приобья, непосредственно продолжавшую кулайскую культуру раннего железного века Западной Сибири. По её совершенно верным представлениям, керамика могильника Рёлка и всей рёлкинской культуры не имела ничего общего с керамикой нижнеобской культуры по В. Н. Чернецову.²⁸⁴ Первые сомнения в верности этой схемы были высказаны по материалам Сургутского Приобья. В частности, при характеристике зеленогорского этапа VI–VII вв. отмечалась близость его сургутских материалов малгето-рёлкинским Томско-Нарымского Приобья.²⁸⁵ Позднее в зеленогорском этапе VI–VII вв. нижнеобской культуры были выделены две группы керамики: раннезеленогорская и позднезеленогорская, аналогичная керамике рёлкинской культуры по Л. А. Чиндиной.²⁸⁶ Вместо отдельной, независимой от нижнеобской рёлкинской культуры, в Томско-Нарымском Приобье выделен зеленогорский этап VI в. и рёлкинский этап конца VI–VII вв. нижнеобской культуры для всего севера Западной Сибири.²⁸⁷ Позднее был воссоздан единый этап VI–VII вв., названный зеленогорско-рёлкинским, с зеленогорским и рёлкинским подэтапами.²⁸⁸

Рёлкинский подэтап конца VI–VII вв. был дальнейшим развитием и непосредственным эволюционным продолжением предшествующего зеленогорского подэтапа VI в., прежде всего, в керамическом производстве. Наиболее полно керамические сосуды рёлкинского подэтапа

²⁸⁴ См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... 194 с.; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... 184 с.

²⁸⁵ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 135.

²⁸⁶ См.: Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны ... С. 115–116; Он же. Периодизация нижнеобской культуры ... С. 43–44.

²⁸⁷ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 68–77. Рис. 30–35.

²⁸⁸ Матвеева Н. П. и др. Западная Сибирь в эпоху раннего средневековья ... С. 21–24.

были исследованы Л. А. Чиндиной на материалах могильника Рёлка. По формам и орнаментации она выделила три основных типа лепной посуды.²⁸⁹ Типологию Л. А. Чиндиной можно распространять на весь север Западной Сибири.

Тип I. Гребенчатая керамика. Этот тип лепной круглодонной посуды составлял абсолютное большинство керамики рёлкинского подэтапа. Принципиально он ничем не отличался от типов I сосудов, предшествующих карымского этапа и зеленогорского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа. Можно отметить одну особенность, присущую сосудам типа I рёлкинского подэтапа, — абсолютное доминирование на них округлых, прямых плоских и приострѐнных венчиков.²⁹⁰ Столь характерные в предшествующей карымской и зеленогорской посуде скошенные назад венчики в рёлкинской керамике типа I немногочисленны.²⁹¹ Орнаментированные исключительно поясом ямок или жемчужин под венчиком или без него единичные сосуды этого типа I Л. А. Чиндина не была склонна выделять в отдельный тип.²⁹² Неорнаментированные или орнаментированные только поясом ямок керамические сосуды VI–VIII вв. Томского Приобья в отдельный тип не выделяли и О. Б. Беликова, и Л. М. Плетнева.²⁹³ В Сургутском Приобье подобная неорнаментированная керамика при раскопках поселений, городищ и могильника не выявлена.²⁹⁴ Основной орнаментальный элемент сосудов типа I рёлкинского подэтапа — горизонтальные ряды (от одного до восьми) оттисков гребенчатого, змейкового или гладкого штампов, поставленных вертикально или с разной степенью и направлением наклона. Иногда между этими рядами находились разделительные полосы из протращенного гребенчатого штампа, иногда волнистые, из желобков, сделанные гладкой палочкой. Очень часто на шейке наносились горизонтальные меандровые узоры и зигзаговые композиции из одного-трѐх рядов, выполненные из оттисков гребенчатых штампов. Такие же зигзаговые композиции часто завершали орнамент на тулове со сдвоенными вертикальными гребенчатыми отпечатками, выходящими из нижних углов зигзага с завершениями в виде трѐх наколов палочки.²⁹⁵

Тип II. Фигурно-штамповая керамика. Этот тип керамики, орнаментированный оттисками разнообразных фигурных штампов, и позволял выстраивать обоснованную эволюционную периодизацию. Для рёлкинского подэтапа на относительно короткий срок конца VI–VII вв.

²⁸⁹ Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... С. 38–54. Рис. 13–19.

²⁹⁰ См.: Зыков А. П., Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 69. Рис. 34, 1, 3, 5; 35, 1, 6; Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Указ. соч. С. 48, 51, 67, 69, 71, 80–81. Рис. 2.16, 1, 2; 2.19, 1; 2.39, 1; 2.42; 2.46, 1; 2.59; 2.60; Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Раскопки средневекового селища XXXIX в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. С. 306. Ил. 8, 2, 6; Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... Рис. 36, 1–4, 6–8, 10, 11, 13–19; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... Рис. 16, 1–5, 7–17, 19–22.

²⁹¹ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Указ. соч. С. 57. Рис. 2.28, 1; Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... Рис. 36, 5, 7, 9, 12; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... Рис. 16, 6, 18.

²⁹² См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... Рис. 11, 1; 23, 11; 27, 10, 11; 30, 12; 36, 1; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... Рис. 16, 1–3.

²⁹³ Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Указ. соч. С. 98–99. Рис. 25, 2, 3; 30, 1; 38, 2; 46, 1; 67, 1; 68, 1, 16; 78, 11; 105а, 4.

²⁹⁴ См.: Зыков А. П., Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 69; Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Указ. соч. С. 306–309.

²⁹⁵ См.: Зыков А. П., Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 69. Рис. 34, 1, 3, 5; 35, 1, 3, 6; Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Указ. соч. С. 306, 309. Ил. 7, 2, 3, 8; 8, 1–3, 6–10.

в пределах огромного региона севера Западной Сибири основным видом штампов стали уточковые и S-видные. Они смогли потеснить уголкового штампы, бывшие фаворитами в орнаментации фигурно-штамповой керамики на зеленогорском подэтапе. На рёлкинском подэтапе уголкового штампы стали стремительно эволюционировать в полулунные. Степень применения уголкового и производных от них полулунных штампов оставалась достаточно заметной на рёлкинском подэтапе на западной части ареала нижнеобской культуры: в Нижнем и Сургутском Приобье, в Нижнем и Среднем Прииртышье. Это обстоятельство и позволяет рассматривать оба подэтапа в качестве последовательных периодизационных частей единого зеленогорско-рёлкинского этапа. Остальные виды фигурных штампов — крестовые, различные по заполнению ромбические и близкие им овальные, в виде «следа медведя» — по частоте употребления сильно отстают от уточковых, S-видных, уголкового и полулунных.

Столь мощный ренессанс употребления в орнаментации керамических сосудов конца VI–VII вв. уточковых и S-видных штампов позволил Л. А. Чиндиной считать рёлкинскую культуру раннего средневековья Томско-Нарымского Приобья прямой наследницей кулайской культуры раннего железного века всего севера Западной Сибири. Но против такой слишком прямолинейной связи встаёт более чем двухвековой период существования здесь карымского этапа и зеленогорского подэтапа нижнеобской культуры, в орнаментации керамики которых эти виды штампов существовали, но употреблялись незначительно. В Нижнем Приобье такой фигурно-штамповой керамики с орнаментацией уточковым штампом рёлкинского типа немного, но она есть.²⁹⁶ Скорее всего, она пока не выявлена археологами и традиционно зачисляется в состав зеленогорской посуды. Но подобная ситуация наблюдалась и на Барсовой Горе Сургутского Приобья, где в середине 70-х гг. XX в. были исследованы раскопками Барсовы городки II/11, II/13 и II/15 с комплексами керамики явно рёлкинского типа, но в 90-е гг. их включили в состав зеленогорского этапа VI–VII вв.,²⁹⁷ некоторые выделили в отдельный рёлкинский этап конца VI–VII вв. нижнеобской культуры.²⁹⁸

На фигурно-штамповых сосудах типа II рёлкинского подэтапа оттиски фигурных штампов группировались на шейках в горизонтальные орнаментальные пояски с применением одного-двух видов штампов, разделённых поясками вертикально или горизонтально поставленных оттисков гребенчатого или змейкового штампов, или разделительными желобками. На плечиках сосудов орнамент обычно завершался фестонами из оттисков S-видного, уголкового и полулунного штампов либо гребенчатым зигзагом, иногда двойным с двумя вертикально поставленными отпечатками гребенки от нижних углов зигзага с тремя ямочными наколами внизу фестонов.²⁹⁹ В составе поминального комплекса могильника Зелёный Яр конца VI–VII вв. на р. Полуи присутствует сосуд типа II рёлкинского подэтапа с наклепными валиками под венчиком и разделительными желобками на тулове, орнаментированный оттисками гребенчатых, уголкового и полулунных штампов.³⁰⁰

²⁹⁶ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер ... С. 54, 57. Рис. 26, 10.

²⁹⁷ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 134–135. Рис. 2.Б, 10, 12, 17.

²⁹⁸ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 68–77. Рис. 30–35.

²⁹⁹ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 69. Рис. 34, 2, 4, 6–14; 35, 2, 4, 5, 7, 8; Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Указ. соч. С. 306, 309. Ил. 7, 1, 4–7, 9–11; 8, 2а, 4, 5, 5а, 9–14; Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... Рис. 37, 1–4, 6–10; Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... Рис. 17, 7, 9–16.

³⁰⁰ Зелёный Яр ... С. 250–254, 260.

Тип III. Валиковая керамика. Желобчатые сосуды, выделяемые в тип III зеленогорского подэтапа, на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. в Сургутском Приобье начинают постепенно трансформироваться в I и II типы керамики. Единственный похожий на зеленогорские желобчатый, тонкостенный горшок с плоским венчиком, орнаментированный ногтевыми вдавлениями с обоих краёв, с пятью желобками на шейке, заключёнными между рядами оттисков гребенчатых штампов, пирамидками оттисков угловых штампов на плечиках, заканчивающимися столбиками фестонов из оттисков того же углового штампа, с усложнёнными нижними завершениями из пирамидки оттисков угловых штампов на тулове, найден при раскопках жилища селища Кучиминское XXXIXc рёлкинского подэтапа в урочище Сайгатино.³⁰¹ Очевидно, что к концу зеленогорского подэтапа некогда привнесённый, совершенно чуждый для севера Западной Сибири тип III желобчато-валиковой и желобчатой керамической посуды был освоен и начал распространяться в местной среде. К рёлкинскому подэтапу в Сургутском Приобье в местном керамическом производстве от керамики восточносибирских мигрантов сохранились только налепные валики под венчиком и разделительные желобки на I и II типах местной посуды.

На рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. противостояние с восточносибирскими мигрантами на восточном пограничье стало явно разрешаться в пользу населения нижеобской культуры севера Западной Сибири. С большим трудом остановив вторжение мигрантов из Восточной Сибири, захвативших огромные территории бассейнов рр. Ваха и Агана на карымском этапе второй половины IV — начала VI вв., в течение зеленогорского подэтапа VI — начала VII вв., местное население поддерживало с вновь обретенными восточными соседями весьма слабые взаимоотношения. Всего один фрагмент зеленогорской керамики был обнаружен в бассейне р. Агана на городище Старые Покачи 5. Но уже на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. усилившееся население нижеобской культуры стало способно перейти к вытеснению из бассейна Агана восточносибирских захватчиков. Об этом свидетельствует городище Нёх-Урий 2 с находками типичной рёлинской фигурно-штамповой керамики.³⁰²

В Томско-Нарымском Приобье местное западносибирское население вынуждено было сдерживать мощный натиск восточносибирских мигрантов, продвигавшихся с юго-востока по долинам рр. Томь и Чулым. Противостояние шло с переменными успехами для обеих сторон. Подтверждением этого являются могильники, поселения и городища Томского Приобья VI–VIII вв. с яркими комплексами находок в них чуждой для Западной Сибири восточносибирской толстостенной валиковой керамической посуды.³⁰³ Даже в гораздо более северном могильнике Рёлка конца VI–VII вв. сосуды с валиковой орнаментацией явно восточносибирского происхождения составляют 11,15% керамической коллекции.³⁰⁴ Это заметное присутствие восточносибирской валиковой посуды типа III и полное отсутствие употребления угловых штампов в фигурно-штамповом типе II свидетельствуют о принадлежности керамики конца VI–VII вв. Томско-Нарымского Приобья к некоему локальному варианту рёлкинского подэтапа нижеобской культуры, а не отдельной рёлкинской праселькупской культуры, по Л. А. Чиндиной.

³⁰¹ Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Указ. соч. С. 309. Ил. 8, 14.

³⁰² Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 73–74.

³⁰³ Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Указ. соч. С. 71. Рис. 27, 1; 85, 11; 90, 1, 3–7; 91, 2–4; 93, 3–5; 97, 2; 102, 1, 2; 103, 5; 106, 1–6.

³⁰⁴ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... С. 52–66. Табл. 6. Рис. 38, 1–6.

Однослойные городища с находками керамики только рёлкинского подэтапа археологическими раскопками исследованы пока только на Барсовой Горе: Барсовы городки II/11 и II/15. Они, как и остатки рёлкинского городища Барсов городок II/13, сильно разрушенного позднесредневековым укреплением XIV–XV вв., располагались на участке обрывистой террасы протоки Микишиной, самого неприступного места урочища с русла р. Обь. Городища были отстроены по жилищно-оборонительному принципу, применявшемуся на севере Западной Сибири с раннего до позднего средневековья, по которому жилища внутренней площадки всегда пристраивались к срубной оборонительной стене, но в данном случае повторяли замкнутую планировку, принятую на самом исходе зеленогорского подэтапа и хорошо изученную раскопками городища Сургутское I. Восемь-девять жилищ строились по кругу, коридорообразными выходами направленными внутрь жилой площадки, последнее прямоугольное жилище, оконтуренное обваловкой с подсыпкой стен, располагалось в центре жилой площадки выходом к протоке Микишиной. Эти центральные жилища были наиболее крупные: 130 кв. м площади на более раннем городище Барсов городок II/15 и 80 кв. м — на позднем (Барсов городок II/11). Не исключено, что это были дома военных вождей общины, занимавшей урочище Барсова Гора. К сожалению, проверить это уже не удастся: оба городища и их центральные жилища были уничтожены хозяйственной деятельностью наших современников.

Усиление военной власти вождей в начале рёлкинского подэтапа в Сургутском Приобье на Барсовой Горе было вызвано обострением ситуации с военной опасностью, скорее всего, вследствие очередной межобщинной войны (рис. 274). На Барсовом городке II/15 был исследован западный, ещё сохранившийся участок рва и оборонительной стены. Ров имел ширину 1,2–1,8 м, глубину 1,6–1,75 м от уровня древней поверхности, почти отвесную внутреннюю стенку и более пологую — внешнюю. Стенки рва, скорее всего, укреплялись какой-то деревянной обшивкой (досками или плетнём). Почти вплотную, сразу за рвом, возвышалась срубная стена общей шириной до 2,8 м с поперечными перерубами через каждые 2,8–3 м, отсеки которой были забутованы песком, вынутым при рытье рвов. Самое раннее рёлкинское городище погибло в результате пожара, его ров был заполнен линзами пожарища сторевшей внешней стены и обрушившейся в него забутовки.³⁰⁵

К сожалению, пока округлых или многоугольных замкнутых городищ рёлкинского подэтапа на севере западной Сибири известно очень мало. Вероятно, таким было овальное городище Кинтусовское 5/1 VI–VII вв. с семью полуземляночными жилищами, расположенными по контуру его оборонительного «вала» — забутовки стены, с коридорообразными выходами к центру жилищной площадки, в 1,8 км к З от синхронного могильника Священная Кедровая Роща.³⁰⁶ Археологическими раскопками этот памятник ещё не изучался. В Томско-Нарымском Приобье такими замкнутыми, скорее многоугольными, городищами с находками керамики рёлкинского типа являлись городища Ютор I и Карбинское II с четырьмя бастионными выступами, выходящими за линию оборонительных стен для фланкирующего обстрела атакующих. Его не менее 13 углублённых полуземляночных жилищ расположены овалом вдоль оборонительного «вала» — забутовки стены.³⁰⁷

³⁰⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 70–72. Рис. 30; 31, 2, 3; 32, 1–3; 34, 1–14.

³⁰⁶ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. Указ. соч. Ил. 9; 11.

³⁰⁷ См.: Яковлев Я. А. Поселения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 393. Рис. 35, 1, 2; Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... С. 14–15. Рис. 4, 3, 4.

Во второй половине рёлкинского подэтапа в фортификационном зодчестве нижнеобской культуры произошли очередные изменения в планировке городищ — возвращение к прямоугольным вытянутым укреплениям, обращённым длинными сторонами к обрывам береговых террас рек. Внутренняя планировка жилищных площадок городищ вернулась вновь к карымско-зеленогорской двухрядной уличной с выходами жилищ навстречу друг другу. Эта поздне-рёлкинская перестройка фортификации стала одной из примет перехода к следующему кучиминскому этапу VIII–IX вв. нижнеобской культуры. Единственным, полностью исследованным раскопками ещё в 1963 г. поздне-рёлкинским памятником является Логиновское городище, расположенное в лесостепи, на берегу протоки низовьев р. Ишим. Его жилищная площадка была плотно застроена двумя рядами, состоящими из восьми подквадратных полуземляночных жилищ со ступенчатыми выходами на центральную «улицу», девятое жилище замыкало южный ряд, а севернее располагалось ещё одно центральное жилище I — «дом военного вождя» (?). Планировка жилищной площадки почти точно соответствовала исследованным городищам рёлкинского подэтапа Барсовой Горы и Сургутскому I городищу конца зеленогорского подэтапа, только она была приспособлена применительно к изменившейся уличной застройке. Все жилища Логиновского городища примыкали, а проще говоря, пристраивались к срубной стене, клетки которой забутовывались гумусом и суглинком, взятыми при рытье рвов. Ширина стены была не более 1,2–2 м. Незабутованная грунтом пустотелая часть восточной оборонительной стены, обращённая к речному обрыву, использовалась для хозяйственных нужд. В северном и южном концах «улицы» городища укрепления имеют внешние выступы шириной до 6 м, глубиной в напольные стороны около 3 м. Они подобны фланкирующим выступам рёлкинского Карбинского II городища Нарымского Приобья. Это, скорее всего, были выступающие за линию стен входы на городище, на что указывает и пристроенное изнутри к нему небольшое помещение для отдыха смены охраны ворот, подобное выявленному на Сургутском I городище. Перед оборонительными стенами был вырыт ров шириной 2–3 м и глубиной 1–1,5 м. Внутренние стенки рвов отвесные. Логиновское городище — очень компактное, чуть более 1000 кв. м, построенное по обычному для севера Западной Сибири жилищно-оборонительному принципу плотной застройки. Найденный на нём керамический комплекс почти исключительно состоит из сосудов типа I, орнаментированных гребенчатыми и гладкими штампами, единичны сосуды и фрагменты типа II фигурно-штамповой

Рис. 274. Военный вождь в полном вооружении VII в. рёлкинского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижнеобской культуры на стене городища (по материалам могильника Рёлка в Нарымском Приобье). Рисунок А. П. Зыкова

Рис. 275. Фрагменты кожаных поясов с бронзовыми (1, 2) и серебряными с золотом (3) геральдическими накладками VI–VII вв. из погребений 1 и 2 могильника Священная Кедровая Роща рёлкинского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижнеобской культуры (раскопки Т. М. Пономарёвой, 2015 г.). Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

посуды, декорированные оттисками ромбических, уголковых, треугольных штампов. Присутствует небольшое количество сосудов бакальской культуры, на границе с ареалом которой и находился этот памятник.³⁰⁸

Ещё одно позднее рёлкинское городище подчетырёхугольной вытянутой в плане формы, тесно застроенное в два ряда девятью прямоугольными полуземляночными жилищами, встроенными в забутованные грунтом оборонительные стены, обнесённые со всех сторон оборонительным рвом с двумя перемычками для устройства ворот — Нёх-Урий 2 — было выявлено в бассейне р. Аган. О его принадлежности именно к рёлкинскому подэтапу конца VI–VII вв. свидетельствуют фрагменты фигурно-штамповой керамики с оттисками уточкового и полулунного штампов, которые более всего характерны для сургутского локального варианта этого подэтапа.³⁰⁹

Впервые для раннего средневековья севера Западной Сибири именно с рёлкинского подэтапа важнейшими археологическими памятниками стали могильники. Их довольно много во всех важнейших северных регионах огромного края. Погребения содержат очень узко датированный археологический материал, прежде всего массовые импортные бронзовые, серебряные и позолоченные детали поясных наборов как геральдического стиля конца VI–VII вв. (рис. 275, 1–3), так и сменяющей их прорезной гарнитуры с последней трети VII — начала VIII вв., и ещё очень редкие нумизматические находки как китайские танские, так и иранские сасанидские. Многочисленность узко датированного, весьма разнообразного погребального вещевое инвентаря из этих могильников позволяла выстраивать гораздо более обоснованные схемы развития железных орудий труда, наступательного и защитного вооружения, конского снаряжения, местной бронзовой художественной пластики этого периода, чем сделанные по гораздо более малочисленным находкам предшествующих карымского этапа и зеленогорского подэтапа нижнеобской культуры.

В Томском Приобье к рёлкинскому подэтапу относятся исследованные раскопками Тимирязевские курганные могильники I и II, могильник у Архиерейской заимки, курганный могильник у д. Казанские юрты.³¹⁰ Все они совершены под курганными насыпями на уровне древней дневной поверхности (наземные) или в неглубоких грунтовых ямных погребениях

³⁰⁸ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 102–127. Табл. 44; 51; 56, 3, 8; 57, 4, 5; 58, 3; 59, 6, 7, 10.

³⁰⁹ Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 73.

³¹⁰ См.: Великова О. Б., Плетнева Л. М. П. Указ. соч. С. 20–41, 71–100; Гаман А. Д. Томское и Нарымское Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 234–245.

глубиной 0,2–0,45 м. Абсолютно преобладают одиночные захоронения под курганом, хотя единично встречаются парные и коллективные. Одновременно сосуществовали обряды ингумации, которая абсолютно преобладала, и кремации как на стороне с захоронением сожжённого праха умерших на грунт или в грунтовой могиле, так и трупосожжение непосредственно в могиле. Трупоположения осуществлялись на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентация умерших в погребениях Томского Приобья этого периода неустойчивая. На Тимирязевских курганных могильниках I и II стабильно фиксировались кенотафы: соответственно, 14 и 6 курганов с находками погребального инвентаря, но без всяких признаков остатков покойного. Сложение столь сложных многокомпонентных могильников рёлкинского подэтапа конца VI–VII вв. в Томском Приобье свидетельствует, на наш взгляд, о том, что их погребальный обряд формировался здесь достаточно долго из множества разнотипных компонентов, ставших классическими в эту эпоху.

Единственный исследованный раскопками курганный могильник Рёлка расположен в п. Молчаново, в Нарымском Приобье. Материалы этого памятника полностью опубликованы.³¹¹ В 13 исследованных курганных насыпях содержалось 58 погребений конца VI–VII вв. Из них в 30 были трупоположения в грунтовых ямах глубиной 0,15–0,4 м, в 22 — наземные трупоположения, в 6 — кремации. Из кремированных — 5 сожжены на стороне с последующим захоронением праха на древней поверхности или на различных уровнях насыпи курганов, а в одном случае, в погребении 3 кургана 5, трупосожжение было совершено в могиле, костяк частично обгорел. Останки непо потревоженных умерших, сохранившиеся полностью или частично, обнаружены в 21 могиле, там они лежали вытянуто на спине. В пяти погребениях при наличии костяков отсутствовали черепа. В двух погребениях были захоронены только черепа. К числу трупоположений следует отнести и захоронения человеческих черепов в насыпях курганов: 7 захоронений с 10 черепами, в одном захоронении содержалось сразу 3 черепа.³¹² Могильник Рёлка отличался от одновременных ему более южных курганных могильников Томского Приобья только абсолютным преобладанием многоактных погребальных курганов.

Единственный на территории Томской области грунтовой могильник Вахтовый обнаружен в верхнем течении р. Кеть. Это захоронение мужчины возрастом около 45 лет, лежащего на спине с вытянутыми конечностями, завёрнутого в бересту. Наземное погребение сопровождалось железными двулезвийным мечом с прямым перекрестием и петлевидным кольцевым навершием, палашом с прямым перекрестием и двумя костяными наконечниками стрел.³¹³

Эти могильники, поселения и городища Томско-Нарымского Приобья Л. А. Чиндина объединяет в рёлкинскую культуру VI–IX вв., развивавшуюся, по её мнению, отдельно от основного массива памятников раннего средневековья севера Западной Сибири.

Огромное пространство Среднего Приирышья на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. прочно удерживалось населением нижнеобской культуры. Эти территории достались носителям нижнеобской культуры без какой-либо напряжённой борьбы ещё во второй половине VI в. на зеленогорском подэтапе. В результате жизнедеятельности северных мигрантов естественно появлялись их могильники в южной тайге и лесостепях. Могильники периода

³¹¹ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... С. 7–24. Рис. 1–32.

³¹² Гаман А. Д. Указ. соч. С. 240–242.

³¹³ Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... С. 30. Рис. 27, 1, 2.

конца VI–VII вв. легко вычлняются по погребальному инвентарю с очень специфическим видом находок — бронзовой, серебряной и позолоченной поясной геральдической гарнитуры. Такого вида наборные пояса появились во всём степном пространстве Евразии после становления Первого Тюркского каганата. От него эта новая «имперская» мода распространилась очень широко, и в её сферу была включена также нижнеобская культура на рёлкинском подэтапе. Во второй половине VI в. её носители в Среднем Прииртышье вступили в непосредственные контакты с кочевниками степей. Глубокая проработка темы распространения геральдической поясной гарнитуры на севере Западной Сибири началась относительно недавно.³¹⁴ Богатейшим на всём севере комплексом с находками геральдической гарнитуры сейчас является могильник Священная Кедровая Роща.³¹⁵

Для периода рёлкинского подэтапа в Среднем Прииртышье наиболее характерны исследованные раскопками грунтовые могильники: Окуневский III на левобережье устья р. Тара,³¹⁶ Лихачёвский — на правом берегу низовьев течения р. Ишим,³¹⁷ одиночное погребение на Долговском I городище в устье р. Вагай.³¹⁸ На сегодня известно всего два кургана конца VI–VII вв.: Савинский, исследованный ещё в 1880 г. М. С. Знаменским на левобережье Иртыша, напротив г. Тобольска, в зоне южной тайги, и один раскопанный курган с двумя погребениями в Ирчинском могильнике VII в. на левобережье р. Иртыш, в лесостепи Омского Прииртышья.³¹⁹ Они надёжно датируются находками бронзовой поясной геральдической гарнитуры.³²⁰ Сторонники выделения отдельной потчевашской культуры VI–IX вв. в Среднем Прииртышье считают, что «в зонах интенсивного межэтнического контакта под влиянием тюркского населения умерших хоронили и под курганными насыпями».³²¹ На наш взгляд, это произошло гораздо позднее — в VIII–IX вв. Одиночный Савинский курган диаметром около 30 м и не менее 4 м в высоту, сооруженный над одиночным ингумационным погребением человека с богатым погребальным инвентарем и черепом лошади, расположенный так далеко от лесных синхронных и единокультурных грунтовых могильников, на севере, в южно-таёжной зоне, был возведён на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. Объяснить его появление только влиянием южных кочевников-тюрков слишком просто. Во-первых, в этой южно-таёжной зоне ещё задолго до появления Савинского кургана существовала практика подкурганых погребений на могильнике Усть-Тара VII карымского этапа второй половины IV — начала VI вв.³²² Во-вторых, выше уже были изложены наши представления об эволюции городищ зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижнеобской культуры и о том, как в конце зеленогорского и в большую часть рёлкинского подэтапов, т. е. как раз в конце VI–VII вв., на севере Западной Сибири господствовали округлые в плане городища с кольцевой планировкой жилищ и одним центральным «домом военного вождя». По нашему мнению, именно такой результат эволюцион-

³¹⁴ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 73–77.

³¹⁵ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Указ. соч. С. 21.

³¹⁶ Могильников В. А., Коников Б. А. Указ. соч. С. 162–182.

³¹⁷ Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Указ. соч. С. 119–133.

³¹⁸ Адамов А. А. Указ. соч. С. 45. Рис. 21, 1, 11, 13.

³¹⁹ Могильников В. А. Работы в Омском Прииртышье // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 206.

³²⁰ См.: Адамов А. А. Указ. соч. С. 22. Рис. 4; 5; 20, 3, 5, 9, 10, 12, 13; Талицкая И. А. Указ. соч. С. 269.

³²¹ Адамов А. А. Указ. соч. С. 46.

³²² Скандаков И. Е., Данченко Е. М. Указ. соч. С. 160–186.

ного развития северных городищ может быть отражением вновь начавшегося усиления здесь власти военных вождей. Савинский курган более всего подходит в качестве примера элитарного захоронения военного вождя рёлкинского подэтапа Тобольского Прииртышья, расположенного на другом берегу Иртыша, напротив управляемой им при жизни резиденции на Потчевашском городище.

В наиболее раннем Окуневском III могильнике, где было исследовано 28 грунтовых могил конца VI–VII вв., чётко прослеживался биритуализм, подобный синхронным могильникам Томско-Нарымского Приобья: сочетание трупосожжений покойных на стороне, с последующим захоронением праха в могилах глубиной 0,2–0,5 м, и одиночных труположений вытянуто на спине, головой на СЗ в простых грунтовых ямах глубиной до 1,15 м. На Окуневском III могильнике абсолютно преобладали кремационные погребения (24) над ингумационными (4). Во всех остальных исследованных погребениях конца VI–VII вв. Лихачёвского могильника, могилы на Долговском I городище, в погребениях Савинского и Ирчинского курганов был зафиксирован только обряд ингумации. Из 26 могил раннего средневековья глубиной 0,4–1 м Лихачёвского могильника лишь одно погребение I было парным, все остальные — одиночные. Преобладающая ориентировка головой к СЗ (восемь случаев).³²³

Все рассмотренные могильники Среднего Прииртышья конца VI–VII вв. великолепно датируются по встречаемым в них бронзовым деталям поясной геральдической гарнитуры, а самые поздние погребения — по сочетанию в одних комплексах более ранних деталей геральдической гарнитуры — псевдопряжек — и более поздней прорезной гарнитуры последней трети VII — начала VIII вв. (например, погребение 9 Лихачёвского могильника).³²⁴ Эта датировка Лихачёвского могильника очень хорошо коррелируется с найденными в погребениях 10 и 13 тремя бронзовыми китайскими монетами, отлитыми в 589 г. при императоре Вень-ди, который был полководцем Ян Цзянем в 581 г., совершил переворот, свергнув Чжоусскую династию и основав новую династию Суй. Если учитывать крайнюю непродолжительность правления династии Суй (581–618 гг.), эти монеты были важнейшим хроноиндикатором.³²⁵

Гораздо севернее Тобольского Прииртышья, на южном берегу оз. Сырковый сор, находится исследованный в 2013–2019 гг. грунтовый могильник раннего средневековья Священная Кедровая Роща. Большая часть из 54 выявленных на нём захоронений относится к рёлкинскому подэтапу зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижеобской культуры, хотя могильник продолжал заполняться и в VIII в., уже на кучиминском этапе VIII–IX вв. Этот памятник является ещё одной великолепной иллюстрацией всей условности периодизации раннего средневековья.³²⁶ И подтверждает, что деление на этапы и подэтапы единой средневековой материальной культуры являлось не более чем способом необходимой археологической систематизации всей совокупности материала во времени и пространстве.

³²³ См.: Адамов А. А. Указ. соч. С. 46; Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачёвский могильник ... С. 119–133; Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири ... С. 186–187. Табл. LXXVI, 1–5; Могильников В. А., Конилов Б. А. Могильник потчевашской культуры ... С. 162–182; Конилов Б. А. Среднее Прииртышье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 260–264.

³²⁴ Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачёвский могильник ... С. 125. Рис. 3, 3, 4.

³²⁵ Там же. С. 128. Рис. 3, 10.

³²⁶ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 126–145.

Рис. 276. Две серебряных драхмы Хосрова II Парвиза, шахиншаха Ирана, Сасанида (590–628 гг. правления), найденные в культурном слое могильника Священная Кедровая Роща близ могил конца VI–VII в. рёлкинского подэтапа. 1 — монета, чеканенная на монетном дворе Ардашир-Хурра в Парсе на 27 году правления Хосрова II, т. е. в 617–618 гг.; 2 — монета, чеканенная на монетном дворе Эран-Хварра-Шапур (т. е. Сузы в Южном Иране, Хузистане) на четвертом году правления Хосрова II, т. е. в 594–595 гг. (по: Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021)

Материалы, полученные при многолетних раскопках О. В. Кардаша и его коллег, опубликованы.³²⁷ На полную обработку коллекций могильника Священная Кедровая Роща и их развёрнутую публикацию потребуется ещё много лет. Погребения рёлкинского подэтапа можно надёжно выделить по четырём опубликованным богатым элитным могилам 1, 2 (двойная), 3 и 4 с найденными в них поясами с геральдическими накладками и псевдопряжками из бронзы, серебра и серебра с золотом (рис. 275, 1–3), оружием (палашом, рубильным ножом, ножнами палаша с серебряной обкладкой и полукруглыми скобами крепления подвески), серебряными гривнами, височными подвесками, браслетами и т. д. (рис. 277). Очевидно, это были импорты с юга конца VI–VII вв. на север Западной Сибири, что великолепно подтверждается находками двух серебряных иранских драхм, чеканенных в 594–595 гг. и 617–618 гг. от имени шаха Хосрова II Парвиза Сасанида (590–628), обнаруженных вблизи от «жреческого» погребения 11 (рис. 276).³²⁸

В элитарной части могильника были захоронены представители элиты (военные вожди, жрецы, дружинники с их жёнами и детьми). Их погребения хорошо определяются и датируются по роскошным поясам с геральдическими накладками, наборам стеклянных и каменных бус и местного бронзового литья, специфического для этого периода (рис. 278–281). Эта элитарная часть располагалась в 100 м от современного уреза воды оз. Сырковский сор, в восточной части раскопа 5. Она представляла собой скопление 21 исследованной могилы с одновременными им находками из поминальных комплексов в межмогильном пространстве. Скопление могил конца VI–VII вв. было вытянуто с севера на юг, имело размеры 18 на 7,5 м. В том же раскопе 5, в 1–4 м восточнее, начинается скопление такой же элитарной части могильника VIII в. начала кучиминского этапа с хорошо датированными находками пояса с бронзовыми геометрическими накладками прорезной гарнитуры (погребение 34), железными саблями со слабо искривлённым однолезвийным клинком с колющим двулезвийным остриём, с прямой съёмной гардой (погребение 32), втульчатými боевыми топорами (погребения 32, 43, 51), боевым ножом с однолезвийным клинком (погребение 51), многочисленными бронзовыми кольцевыми подвесками и бронзовым литьём несколько иного облика, чем рёлкинский, но известный по кучиминским могильникам Сургутского Приобья на Барсовой

³²⁷ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. 170 с.

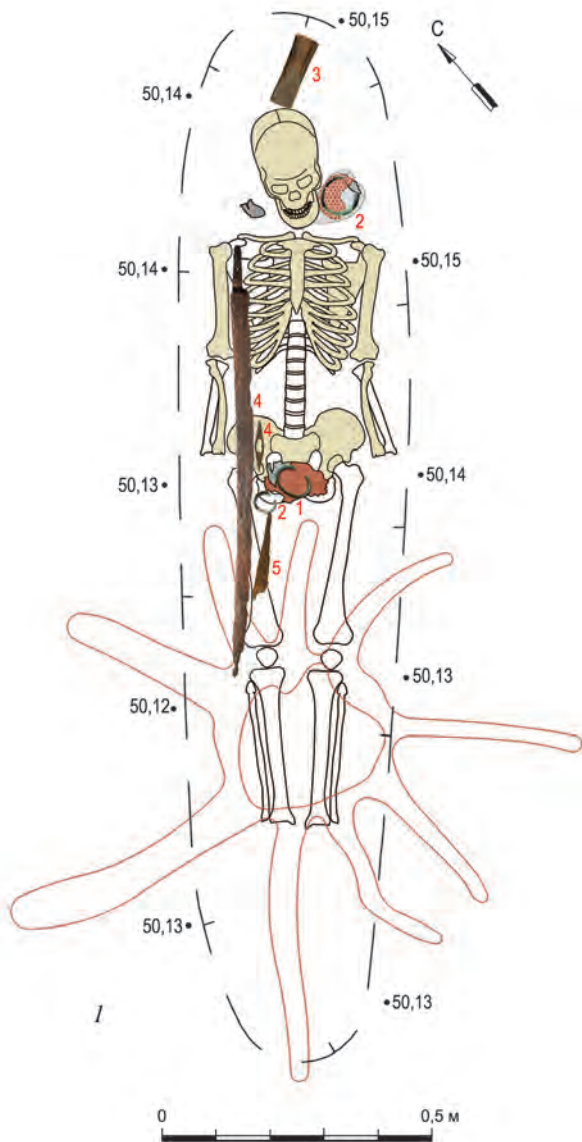
³²⁸ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Указ. соч. С. 40–61, 84, 88–89.

Горе и в Сайгатино. В ситуации с элитными частями могильника Священная Кедровая Роща положение ещё более запутывается расположением погребения 31. В могиле захоронен подросток с четырьмя крупными бронзовыми височными подвесками кучминского типа и в «шаманском» нагруднике из восьми крупных прямоугольных бронзовых подвесок с барельефными реалистичными изображениями медвежьей головы между передних лап, более привычной для бронзолитейного производства рёлкинского подэтапа (рис. 278). Могила располагалась среди погребений VIII в.³²⁹ На наш взгляд, могила 31 является лучшим свидетельством неразрывной традиционной связи рёлкинского подэтапа со следующим за ним кинтусовским этапом. Гораздо более бедные по наборам погребального инвентаря, но более многочисленные могилы рядовых общинников могильника Священная Кедровая Роща располагались в стороне от элитных. Они были исследованы раскопом 1, расположенном в 10–15 м от уреза воды оз. Сырковый сор. За 2013–2019 гг. здесь исследовано 54 могилы с 63 индивидами. Погребальный обряд — только ингумация лёжа на спине, руки вытянуты вдоль туловища, в простых неглубоких грунтовых ямах овальной в плане формы глубиной 0,15–0,4 м. Ориентировка могил произвольная: даже в одном коротком ряду костяки могут быть ориентированы головами в противоположные стороны. Погребения преимущественно одиночные, хотя обнаружены девять двойных, как правило, женщин с ребёнком, вероятно, умерших одновременно. Погребения рёлкинского подэтапа сопровождалось богатым погребальным инвентарём. На сегодня комплекс этого периода могильника Священная Кедровая Роща является самым представительным на севере Западной Сибири.

³²⁹ Там же. С. 36–37, 64–75, 144–145, 147, 149.

Рис. 277. Рубельный нож-тесак со съёмным железным перекрестьем из погребения 3 военного вождя конца VI–VII в. могильника Священная Кедровая Роща рёлкинского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижеобской культуры (по: Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021)

- 1 браслет, бронза
- 2 кольцо, бронза
- 3 топор, железо
- 4 сабля, прекрестье сабли, железо
- 5 нож (?), железо

Рис. 278. Захоронение воина-дружинника в погребении 32 VIII в. могильника Священная Кедровая Роща кучиминского этапа VIII–IX вв. нижеобской культуры. 1 — план; 2 — общий вид; 3 — бронзовый браслет; 4, 5 — бронзовые височные кольца (по: Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021)

Рис. 279. Железное оружие из погребения 32 VIII в. могильника Священная Кедровая Роща кучиминского этапа VIII–IX вв. нижнеобской культуры.
 1, 1а — сабля; 2 — съемное брусковидное перекрестье (гарда) сабли; 3 — нож; 4 — втульчатый топор;
 5 — общий вид сабли в погребении (по: Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021)

Рис. 280. Бронзовая литая накладка с барельефными изображениями трёх медвежьих голов в «жертвенной» позе из погребения 31 могильника Священная Кедровая Роща рёлкинского подэтапа зеленогорско-рёлкинского этапа VI–VII вв. нижеобской культуры (раскопки С. А. Липс, 2016 г.). Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Ещё севернее, в урочище Барсова Гора, был раскопан могильник рёлкинского подэтапа — Барсовский V, место захоронения умерших обитателей одновременных городища Барсов городок II/11 и селища около него. Исследовано 17 погребений, 13 из которых ориентированы по линии СЗ–ЮВ; 4 по линии С–Ю. Размеры трапецевидных и овальных в плане могильных ям определялись ростом погребённого, глубина могил составляла около 0,3 м. Сохранность костяков в условиях песчанного грунта была неудовлетворительной, но по их фрагментам можно установить, что погребённые укладывались в могилы вытянуто на спине, головами на юг или юго-восток по направлению к протоке Микишиной. Инвентарь погребений скуден: фрагменты керамики, коррозированные железные предметы, лишь в одном случае найдена серьга в форме несомкнутого кольца из тонкой медной проволоки. Большое количество изделий из бронзы, железа, керамики было найдено за пределами могил, на поверхности, но связь их с погребениями несомненна.³³⁰ По находкам могильник Барсовский V уверенно датируется концом VI–VII вв.³³¹

Самый северный исследованный раскопками погребальный комплекс рёлкинского подэтапа конца VI–VII вв. Западной Сибири находится на границе северной тайги и лесотундровой зоны — это ранняя часть могильника Зелёный Яр, расположенного на правом берегу р. Полуй. Некрополь включал очень компактную группу из 14 могил (погребения 1, 3–13, 16, 17) и поминальный комплекс, занимавший северо-восточную часть раскопа 1. Пять могил принадлежали взрослым мужчинам, умершим в возрасте 20–25 лет, которых захоронили в узких грунтовых ямах глубиной 0,3–0,7 м от современной дневной поверхности в положении лёжа на спине; головой, ориентированной на ЮЗ, вытянутыми ногами к реке. Отвесные стенки ям

у дна укреплялись деревянными плахами. Погребённые укладывались на берестяную подстилку, покрывались или заворачивались в бересту, плотно обвязывались ремнями в области плеч, груди, локтей, коленей и ступней. Руки погребённых, привязанные к телу, укладывались ладонями внизу живота, ступни ног — одна на другую. Погребённый был одет в меховые головной убор, одежду и обувь. Сопровождающий умерших погребальный инвентарь беден. Ещё в одном погребении скелетные останки отсутствовали, но, судя по размерам могильной ямы, оно также принадлежало взрослому человеку. Женские взрослые погребения в ранней части могильника Зелёный Яр не найдены. Восемь могил принадлежат детям в возрасте до девяти лет, захороненным практически наземным способом или в ямах глубиной до 0,1–0,3 м. Ориентировка и набор погребального инвентаря в детских захоронениях Зелёного Яра аналогичны мужским взрослым погребениям.³³² Датировка ранней части

³³⁰ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 72–73. Рис. 30; 31, 1; 33, 1–16; 35, 1–3, 5; Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 279. Рис. 42, 2; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 46. Рис. 15, 2–7, 10.

³³¹ Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников ... С. 110–112.

³³² См.: Зелёный Яр ... С. 31–70; История Ямала ... Т. I. Кн. 1. С. 73–74.

некрополя Зелёный Яр не противоречит отнесению её к рёлкинскому подэтапу конца VI–VII вв. нижеобской культуры.

На абсолютно большей части территории тайги севера Западной Сибири на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. господствовал обряд захоронения умерших в виде трупоположений вытянуто на спине в очень неглубоких грунтовых ямах. Ни устойчивая ориентация умерших по сторонам света, ни какая-либо устойчивая планировка таёжных северных могильников в этот период не выработались. В связи с расселением таёжных мигрантов нижеобской культуры в лесостепных пространствах Среднего Прииртышья этот северный погребальный обряд неглубоких грунтовых трупоположений распространился и здесь. Но в Среднем Прииртышье он был усложнён широким распространением в конце VI–VII вв. кремаций умерших на стороне с последующим захоронением праха в неглубоких могилах, соседствующих с могилами грунтовых трупоположений. Судя по всему, кремационный обряд, неизвестно откуда появившийся, так и не прижился, а уже в пределах рёлкинского подэтапа был вытеснен ингумационным обрядом. Тогда же в южной тайге и лесостепи Среднего Прииртышья в конце VI–VII вв. у населения нижеобской культуры стали появляться немногочисленные подкурганные ингумационные погребения, широко распространившиеся в VIII–XII вв.

На юго-востоке ареала нижеобской культуры, в Томском и на юге Нарымского Приобья, подкурганый обряд погребений был абсолютно господствующим, по крайней мере, с кулайской культуры раннего железного века. В конце VI–VII вв. в курганных могильниках Томско-Нарымского Приобья присутствовали кремационные и ингумационные обряды с явным преобладанием последних. На р. Кеть известно одно синхронное им наземное трупоположение могильника Вахтовый.

К началу рёлкинского подэтапа нижеобской культуры её население во второй половине VI в. заселило опустевшие от кочевого постгуннского населения лесостепи Среднего Прииртышья. На юге, в степной зоне, нижеобская культура оказалась северным соседом могущественной, только что образовавшейся кочевой империи — Первого Тюркского каганата, в подчинении которого находились оазисы Средней Азии с их городами с высокоразвитой согдийской торговлей. Согдийские купцы использовали территорию степей Первого

Рис. 281. Железный нож с бронзовой литой полый рукоятью с орнитоморфным полым навершием из погребения 23 VIII в. могильника Священная Кедровая Роща кучиминского этапа VIII–IX вв. нижеобской культуры (по: Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021)

и Второго Тюркских каганатов для организации бесперебойной караванной торговли с севером Западной Сибири через лесостепь Среднего Прииртышья. На это однозначно указывает распространение имперской моды на пояса с бронзовой, серебряной и позолоченной геральдической гарнитурой, на тюркские кочевнические типы оружия (железные наконечники стрел, палаши, сабли, шлемы, кольчужные и пластинчатые доспехи), получавшие быстрое распространение у населения, оставившего могильники рёлкинского подэтапа конца VI–VII вв. В обмен на эти южные товары север поставлял, прежде всего, ценные шкуры пушных животных: соболей, горностаев, лисиц, бобров, белок и т. д. Север Западной Сибири вновь был включён в качестве неиссякаемого источника ценной пушнины в систему международной пушной торговли, организованной согдийскими купцами в раннем средневековье, как это уже было задолго до этого — в эпоху кулайской культуры раннего железного века.

Но чтобы вновь стать надёжным поставщиком пушнины на международные рынки в приемлемых для этого объёмах, население севера Западной Сибири вновь должно было пройти ускоренный курс внутренней трансформации от состояния разложения первобытно-общинного строя с присущим ему разделением на независимые, постоянно враждующие друг с другом мелкие общины, к эпохе классообразования с её неизбежными усилениями власти внутренней элиты (военных вождей, жрецов, дружинников), социальной и имущественной дифференциации внутри общин. То есть от общества севера Западной Сибири, основанного на присваивающей экономике охоты, рыболовства и собирательства, для полноценного удовлетворения запросов вновь возникающего мирового пушного рынка раннего средневековья, создаваемого согдийским купечеством городов-оазисов Средней Азии, опиравшегося на военную и политическую мощь кочевых империй Великой Степи — Первого и Второго Тюркских каганатов, требовалось интенсификация узкоспециализированной пушной охоты. А для того чтобы принудить к ней своих таёжных охотников, было необходимо воссоздать аппарат принуждения, подобный созданному в кулайской культуре конца раннего железного века: примитивные военно-политические объединения раннесредневекового типа и предгосударственного уровня (вождества). На археологических материалах севера Западной Сибири именно на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. этот процесс вновь начавшегося усиления власти военных вождей и жрецов пока ещё небольших отдельных общин фиксируется и на могильниках, и на городищах. На кучиминском этапе VIII–IX вв. этот уже начавшийся процесс приведёт к ужесточению межобщинных войн, которые фиксируются археологией.

Глава 5

Кучиминский этап VIII–IX вв.

Впервые три городища с находками керамики, позднее отнесённой к кучиминскому типу, были исследованы археологическими раскопками в 70-х гг. XX в. на Барсовой Горе. В периодизации нижнеобской культуры В. Н. Чернецова им не было места. Поэтому в первоначальных обобщениях Н. В. Федорова отнесла городища Барсовы городки II/25, II/3–4 и II/14 к самому концу карымского этапа схемы В. Н. Чернецова, передатировав его V — началом VIII вв.³³³ В 80-е гг. XX в. в Сургутском Приобье раскопками были исследованы несколько городищ и селищ, погребения нескольких могильников и святилища, которые содержали керамику нового, к тому времени ещё никак не названного типа. Появились веские основания для выделения этих материалов и памятников в отдельный кучиминский этап VIII–IX вв., существенно дополнивший, с одной стороны, эволюционную периодизацию развития средневековой керамики нижнеобской культуры севера Западной Сибири В. Н. Чернецова, с другой стороны, требующей её кардинальной переработки.³³⁴

Этап был назван кучиминским по наименованию самого яркого из изученных раскопками памятников — Кучиминского V городища в урочище Сайгатино (рис. 282). В процессе раскопок на нём была зафиксирована уникальная стратиграфическо-планиграфическая ситуация. Она позволила расчленить поздnekучиминскую керамику второй половины VIII–IX вв. Кучиминского V городища от финальных кучиминских керамических сосудов последней четверти IX — первой четверти X вв. Самое начало применения вожпайского типа керамики в последней четверти IX — первой четверти X вв. зафиксировано по сосуду из погребения 71 и сосуду, связанному с постройкой, возведённой поверх Кучиминских погребений 72 и 73, первого объекта поминального Сайгатинского I святилища X–XVI вв.³³⁵ То есть комплекс Кучиминского V городища позволял наиболее чётко определить хронологическую границу между материалами кучиминского VIII–IX вв. и следующего за ним кинтусовского конца IX–XII вв. этапов с его самым ранним вожпайским типом керамики. Очевидно, в Сургутском Приобье хронологическая граница этапов пролегла где-то в самом конце IX в.

Керамические лепные сосуды кучиминского этапа VIII–IX вв. представлены исключительно круглодонными формами. В абсолютном большинстве — это горшки с выделенной шейкой.

³³³ См.: Федорова Н. В. О культурной принадлежности ... С. 78–83; Она же. Итоги четырёхлетнего изучения поселений ... С. 140–142.

³³⁴ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 135–137.

³³⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 78. Рис. 40; 41; 47; 48; 51, 3, 6; 54; 57, 13, 15; 58, 1.

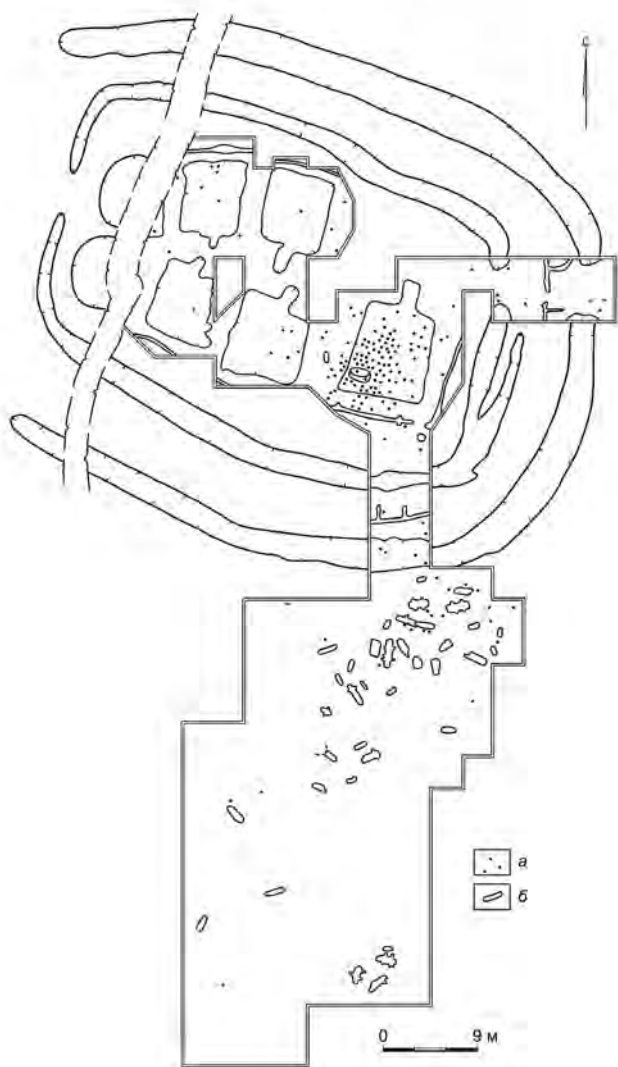

Рис. 282. Сводный план раскопов 1981–1984 гг. Кучиминского V городища, Сайгатинского I святилища и Сайгатинского I могильника (группа погребений «Г») — кучиминского (VIII–IX вв.) и кинтусовского (конца IX–XII в.) этапов нижнеобской культуры Сургутского Приобья. а — находки Сайгатинского I святилища; б — погребения Сайгатинского I могильника (по: Зыков, 2012)

Сосуды чашевидной формы единичны и представлены миниатюрными экземплярами, найденными как на городищах, так и в могильниках. Венчики кучиминских сосудов плоские, скошенные наружу, округлые или приострѣнные. В отличие от предшествующих карымского и зеленогорско-рѣлкинского этапов нижнеобской культуры, на кучиминском этапе утрачивается всякий смысл деления керамики по особенностям орнамента на гребенчатый, фигурно-штамповый и желобчатый типы. Кучиминская посуда VIII–IX вв. представлена единым эклектичным типом. Выход из употребления оттисков фигурных штампов — характерная черта орнамента кучиминских сосудов. Процесс замены всё более сглаженными полулунными штампами чѣтких угловых проходил на рѣлкинском подэтапе конца VI–VII вв. К началу кучиминского этапа VIII–IX вв. данный процесс завершился массовым выходом из употребления уточковых и S-видных штампов (рис. 283). Тем не менее даже для кучиминского этапа можно выделить три последовательных группы сосудов, которые в мелких деталях формы и орнамента ощутимо эволюционируют на протяжении двух веков.

Первая группа керамики, или ранняя кучиминская, выделена по материалам городищ Кучиминское XI, Барсовых городков I/21 и II/14, Урьевское III. Горшки этой группы отличаются наиболее высокой шейкой, составляющей до трети высоты сосудов, и слабой раздутостью тулова. Орнамента ранней кучиминской посуды максимально близка керамике предшествующего рѣлкинского подэтапа конца VI–VII вв. Барсовой Горы,

особенно керамике городища Барсов городок II/13. Отличие состоит, прежде всего, в практически полном исчезновении на кучиминских сосудах отпечатков фигурных штампов. В кучиминское время сохранился в употреблении только один вид штампов, который условно можно именовать фигурным: полулунный, который приобрѣл настолько сглаженный вид, что его чаще называют «лопаточковидным». Орнамент на ранних кучиминских сосудах, покрывавший шейку и плечики, выполнялся оттисками гребенчатых, лопаточковидных (полулунных), гладких штампов. Представлял собой чередование горизонтальных композиций, разделѣнных четырьмя-шестью желобками. По одному из желобков в верхней части шейки

под венчиком наносился ряд ямочных наколов, в исключительно редких случаях ямки чередовались с жемчужинами. Композиции состояли из прямых или наклонных отпечатков гребенчатого штампа, косо поставленных столбиков из горизонтальных оттисков гребенчатого, полулунного и гладкого штампов, выполненных в технике отступления. Последние и являются характерной особенностью орнамента кучиминского этапа, позволяющей почти безошибочно определять керамику этого типа. На сосудах первой группы зоны из наклонных столбиков отпечатков отступающего штампа, заключённые между желобками, часто повторяются, как правило, — дважды. Подобные монотонно повторяющиеся композиции — характерный признак орнамента ранней кучиминской керамики первой группы. Заметную роль в орнаментации имеют двух- и трёхрядные зигзаговые композиции, выполненные оттисками гребенчатого штампа, которые наносились как на шейку, так и на плечики сосудов.

Рис. 283. Керамический сосуд кучиминского этапа VIII–IX вв. нижеобской культуры с городища Увал (раскопки О. И. Приступы, 2003 г.). Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

На плечиках орнамент ранних кучиминских сосудов завершался фестонами, выполненными чаще всего отпечатками гребенчатого штампа. Они разнообразны и придают особый колорит этой керамике: ромбы из отступающих оттисков гребёнки, прямо поставленные вертикальные строенные или сдвоенные гребенчатые отпечатки, отходящие от нижних углов гребенчатых зигзагов, завершающиеся внизу треугольными фигурами из оттисков лопаточки или наколов палочки.

Преимственность первой ранней кучиминской группы керамики с предшествующей рёлкинского подэтапа очевидна. В декоре этой группы сосудов нет никаких элементов, чужеродных традициям орнамента керамики севера Западной Сибири более ранних эпох. Ранняя кучиминская керамика была закономерным продолжением эволюционного развития керамического производства раннего средневековья.³³⁶

Вторая группа керамики, или поздняя кучиминская, обнаружена на большинстве археологических памятников собственно кучиминского этапа, в том числе на широко исследованных раскопками городищах Кучиминское V и Барсов городок II/3–4. Для сосудов этой группы характерно уменьшение высоты шейки и появление экземпляров с раздутым туловом. Орнаментация керамики второй группы является упрощённой модификацией декора сосудов более ранней первой группы. На ней исчезает целый ряд мотивов: многорядные гребенчатые зигзаги, повторяемость зон из косо поставленных столбиков на шейке, сложные фестоны. Орнаментация становится ещё более монотонной. Основное место в ней занимают повторяющиеся горизонтальные ряды из прямо, наклонно или горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа, отступающей лопаточки (полулунного штампа) или нако-

³³⁶ См.: Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны ... С. 116–117; Он же. Периодизация нижеобской культуры ... С. 44–45.

лов палочкой. На шейке сохраняется лишь по одной горизонтальной зоне столбиков отступающего штампа, оконтуренной сверху и снизу желобками. В орнаментации поздних кучиминских сосудов желобков меньше — от одного до четырёх. Фестоны, завершающие декор на плечиках, становятся очень простыми: короткие столбики из оттисков отступающего штампа, прямые или слегка наклонные отпечатки гребёнки.

На основании второй группы керамики была дана характеристика кучиминского этапа VIII–IX вв.³³⁷ Помимо основной второй группы существовали и более ранняя первая, и финальная третья группы керамики.³³⁸ Археологические памятники с находками второй группы керамики покрывают весь ареал нижнеобской культуры севера Западной Сибири — от лесостепей и южной тайги Среднего Прииртышья до пограничья зон северной тайги и лесотундры Нижнего Приобья. В Томско-Нарымском Приобье тип IV орнаментации керамических сосудов поздней рёлкинской культуры Л. А. Чиндиной, названный ею юторским,³³⁹ является, на наш взгляд, восточным аналогом керамики кучиминского этапа.

Третья группа керамики, или финальная кучиминская, представлена небольшой серией сосудов из раскопок могильников Барсов городок (Барсовский I), Сайгатинский III, Усть-Балык, погребений 72 и 73 Сайгатинского I, городищах Барсов городок I/31–32 и Кучиминский IX. В основном сосуды этой группы представлены круглодонными горшками с невысокой шейкой и раздутым туловом. Единично встречались открытые и закрытые чаши. Большая часть сосудов имеют очень простую орнаментацию, выполненную исключительно гребенчатым штампом: чередование горизонтальных полос из прямо или наклонно поставленных отпечатков, линий из горизонтальных отпечатков, гребенчатой «ёлочки». Наряду с ними встречаются сосуды, декорированные отпечатками гладкого и полулунного штампов.

Эта керамическая посуда «с обеднённой гребенчатой орнаментацией» являлась дальнейшим развитием второй группы керамики кучиминского этапа. Большая часть её образцов происходила из хорошо датированных погребений времени перехода от кучиминского к кинтусовскому этапу с его самой ранней керамикой вожпайского типа. Поэтому вполне допускалась двойная трактовка этой группы керамики: либо отнести её к завершению кучиминского, либо — к началу кинтусовского этапов. Первоначально эту группу керамики синхронизировали с вожпайским типом кинтусовского этапа.³⁴⁰ К. Г. Карачаров включил керамику этой группы в выделенную им вслед за Л. П. Хлобыстиным вожпайскую археологическую культуру севера Западной Сибири.³⁴¹

В дальнейшем, при учёте новых опубликованных данных, А. П. Зыков пришёл к заключению, что комплексы с «обеднённой гребенчатой керамикой» несколько старше комплексов с вожпайской керамикой начала кинтусовского этапа и смыкаются с последним лишь в самом конце своего существования. Поэтому логичнее их рассматривать в качестве завер-

³³⁷ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 135–137. Рис. 2Б, 3–10.

³³⁸ См.: Зыков А. П. Средневековые таёжной зоны ... С. 116–117; Он же. Периодизация нижнеобской культуры ... С. 44–47; Он же. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 81–83. Рис. 49–51.

³³⁹ Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья ... С. 50–51. Рис. 7, 2–5; 15.

³⁴⁰ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 138–139. Рис. 3.А, 10–14, 16, 17, 23.

³⁴¹ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 52–53. Рис. 17, 9–11; Они же. Древняя история... 2002. С. 57. Рис. 17, 6, 9–19.

шающей третьей группы керамики кучиминского этапа нижеобской культуры³⁴² или финальной переходной кучиминско-кентусовской группы керамики.³⁴³

Как уже упоминалось выше, в конце рёлкинского подэтапа конца VI–VII вв. зеленогорско-рёлкинского этапа на севере Западной Сибири изменилась планировка городищ — от сложных для строительства и ремонта округлых замкнутых укрепленных поселений вновь вернулись к строительству вытянутых прямоугольных посёлков с двухрядной уличной планировкой расположения жилищ. Возвращение к удобной и рациональной застройке прямоугольных крепостей, обращённых одной из сторон к берегу водоёмов (рек, проток, озёр), хорошо знакомой местному северному населению на предшествующих карымском этапе и зеленогорском подэтапе их истории, очевидно, может объясняться наступившим временным снижением внутренней военной активности. После столетия напряжённых внутренних межобщинных войн в конце VI–VII вв., вызванных усилением власти общинной элиты (военных вождей, жрецов, дружинников и т. п.), приведших к повсеместному строительству округлых крепостей, очень удачных для обороны, наконец-то наступило временное успокоение.

В таком состоянии север Западной Сибири и вступил в начало кучиминского этапа VIII–IX вв. В Сургутском Приобье известно более 30 городищ кучиминского этапа, на которых сняты планы и с которых получен подъёмный материал, прежде всего, керамика. Не менее 14 городищ из них исследованы археологическими раскопками, половина которых располагалась в урочищах Барсова Гора и Сайгатино. Поэтому вполне естественно, что историю укрепленных поселений севера Западной Сибири кучиминского этапа логичнее рассматривать на материалах этих двух урочищ.

Самые ранние три кучиминских городища, исследованных раскопками, — Барсов городок I/25, II/14 и Кучиминское XI — содержали керамику первой группы, то есть самую раннюю этого этапа. Все три городища изначально имели одинаковые застройки из четырех полуземляночных подпрямоугольных жилищ, расположенных в два ряда выходами навстречу друг другу так, что задняя и одна из боковых их стен пристраивались вплотную к срубным оборонительным стенам, перед которыми были вырыты рвы подквадратных в плане очертаний фортификаций. Одна из сторон этих городищ вплотную прилегала к береговым обрывам террас. То есть все они были выстроены по древнему жилищно-оборонительному принципу, известному с карымского этапа и вновь возрожденному на исходе рёлкинского подэтапа. Само размещение городища Барсов городок I/25 всего в 500 м от выхода протоки Утопая из р. Обь свидетельствует о том, что оно возникло, когда межобщинные войны временно утихли. Но продолжалось это успокоение недолго. Если оба раннекучиминских городища Барсовой Горы так и остались до самого конца включающими четыре жилища, то их сайгатинский ровесник — городище Кучиминское XI — пережил за короткое время две серьёзные перестройки, связанные с увеличением численности его населения в два раза — с четырех до восьми жилищ, объединённых одной общей оборонительной системой.

На Кучиминском XI городище исследовано одно из жилищ и все прилегающие к нему участки городищенских валов, ров и разрыв в нём. Удалось проследить две основательные перестройки городища в первой половине VIII в., определить конструкцию трёхчастных срубных обо-

³⁴² См.: Зыков А. П. Средневековые таёжной зоны ... С. 117; Он же. Периодизация нижеобской культуры ... С. 46.

³⁴³ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. ... С. 62–63. Рис. 51.

ронительных стен и ворот, прохода на жилую площадку с постройкой для отдыха их охраны. Оказалось, обитателям четырёхжилищного квадратного в плане раннекучиминского укрепленного поселения потребовалось увеличить его ещё на два жилища. Для этого северная оборонительная стена с северными воротами была разобрана, участки рва перед ними засыпаны, поверх засыпанных рвов были построены слабоуглублённые жилища, фортификационная система была выстроена с севера вокруг них, были отстроены новые северные ворота в виде такого же бревенчатого тамбура, как и разобранные. В результате получилось удлинённое прямоугольное укрепленное поселение с шестижилищной уличной планировкой. Однако вскоре обитателям потребовалось пристроить ещё два жилища. На этот раз перестройка была гораздо проще: новая северная оборонительная стена и ворота не разбирались, северный ров сохранился, был засыпан только его небольшой северо-западный фрагмент, поверх которого была продолжена восточная оборонительная стена, защищавшая два новых жилища.

В результате этих переделок получилось двухплощадочное городище с восемью жилищами уличной планировки, сильно вытянутое с юга на север, обнесённое общей для всех жилищ фортификационной линией из срубной стены со рвом перед ней. Функцию ещё одной поперечной оборонительной линии без проведения этих археологических раскопок понять было невозможно.³⁴⁴

Подобные городища кучиминского этапа с прямоугольной в плане формой фортификаций из одной оборонительной стены и рва перед ней, с уличной застройкой из восьми прямоугольных полуземляночных жилищ коридорообразными выходами навстречу друг другу, с разрывами в фортификациях в конце улиц для устройства ворот известны на Соровских озёрах (например, Соровское XXVI).³⁴⁵ Они есть и в так называемой потчевашской культуре Среднего Прииртышья.³⁴⁶

Усиление на раннем кучиминском этапе сайгатинской общины, увеличение её численности вызвало обострение противоречий с соседней общиной Барсовой Горы, что уже в середине VIII в. вылилось в долгую межобщинную войну. Одним из наиболее ярких показателей этого начавшегося межобщинного противостояния стало повсеместное совершенствование оборонительных фортификаций городищ кучиминского этапа во второй половине VIII — первой половине IX вв. В это время появились поселения, защищённые двумя линиями фортификаций, состоящих из забутованных грунтом срубных стен и рвов перед ними. По конструкции оборонительные стены были аналогичны, но к внутренней стене изнутри примыкали полуземляночные прямоугольные жилища, расположенные по схеме той же уличной планировки. Но улицы были ориентированы иначе, чем в раннекучиминское время: не вдоль береговой линии, а перпендикулярно ей вглубь террасы. Две линии обороны примыкали друг к другу вплотную, одна сразу за другой, они не были разнесены ни в глубину, ни, скорее всего, в высоту. Это новшество двойного усиления толщины оборонительного пояса городищ резко усиливало обороноспособность.

³⁴⁴ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 79. Рис. 37, 5–7; 38; Морозов В. М. Поселения и постройки Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья ... С. 363. Рис. 29, 11.

³⁴⁵ См.: Мартынова Е. П. и др. Салымский край ... С. 43, 46; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 46–47. Рис. 16, 11.

³⁴⁶ Конилов Б. А. Поселения, жилища и хозяйственные постройки Среднего Прииртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 380. Рис. 33, 5–7.

В урочище Сайгатино известно два таких городища — Кучиминское V и Кучиминское XIV, на Барсовой Горе одно — Барсов городок II/5³⁴⁷, два в Нижнем Приобье — городище Шерклы II и Сартынья III³⁴⁸, одно на Соровских озёрах — городище Соровское XXV.³⁴⁹ Однако на севере Западной Сибири появление городищ с двухлинейной системой фортификаций было лишь кратким эпизодом, не нашедшем прямого продолжения в дальнейшем. Строительство их было слишком затратным, даже минимальный ремонт — очень трудным, а перестройка — невозможна. Из всех упомянутых укреплённых посёлков с двойной линией фортификаций кучиминского этапа масштабным археологическим раскопкам в 1981–1984 гг. подвергался только один — Кучиминское V городище (рис. 282, 284).

Рис. 284. Макет реконструкции Кучиминского V городища второй половины VIII — первой половины IX вв. кучиминского этапа нижнеобской культуры, выполненный по графической реконструкции А. П. Зыкова. Экспозиция Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

В рамках существования второй группы керамики, приблизительно во второй половине IX в., произошёл очередной виток эволюции оборонного зодчества населения кучиминского этапа. После городища Барсов городок II/5 с двухлинейной фортификацией рядом бы-

³⁴⁷ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 80. Рис. 37, 1; 39, 1, 2; 40; Плетнева Л. М., Абдулганеев М. Т., Казаков А. А. Поселения и постройки Верхнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 311. Рис. 25, 8; Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 136. Рис. 2.В, 1.

³⁴⁸ См.: Морозов В. М. Поселения и постройки Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья ... С. 372, 373; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... Рис. 14.

³⁴⁹ Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 2002. С. 51. Рис. 16, 20.

ло выстроено городище Барсов городок II/3–4, восточный ров которого был вырыт поверх внешней линии обороны предшественника. Это был укрепленный посёлок из шести прямоугольных полуземляночных жилищ, выстроенных в два ряда выходами навстречу друг другу улицей, вытянутой вдоль обрывистого берега протоки Микишиной. Он был обнесён со всех сторон одной линией фортификаций из забутованной грунтом срубной оборонительной стены и рва перед ней, в плане — в форме вытянутого прямоугольника. То есть поздние «кучиминцы» вернулись спустя столетие к планировке, принятой у их предков, привнеся небольшие улучшения: ров стал шире и глубже, исчезли перемычки в нём в концах улицы для устройства ворот, которые были наиболее уязвимыми точками при вражеских нападениях. Вскоре обитателям городища Барсов городок II/3–4 потребовалось увеличение жилой площадки ещё на два жилища.

И они поступили точно так же, как их предки сто лет назад: восточный участок срубной стены был разобран, участок рва засыпан, построены два новых жилища, продолжившие улицу. Новые жилища были обнесены срубной оборонительной стеной и рвом, несколько удлинивших новый восьмижилищный укрепленный посёлок. Но дальше, возможно, произошла военная или демографическая катастрофа, после которой обитателям городища Барсов городок II/3–4 срочно потребовалось вдвое сократить своё укрепление. Были оставлены только четыре западных жилища, восточная сторона уже нового городища была прикрыта новой срубной стеной и рвом, прорытым поверх остатков двух более ранних, уже заброшенных жилищ. Оставшаяся часть с разобранными срубной стеной и ещё двумя жилищами, с заброшенным рвом более не использовалась. Таким образом, до современных археологов дошло двухплощадочное городище Барсов городок II/3–4, подобное Кучиминскому XI, но история, которую могли выявить только археологические раскопки, у них была принципиально разная.³⁵⁰

Впрочем, эта кардинальная перестройка не помогла вдруг ослабевшему, вдвое сократившемуся в численности коллективу общины Барсовой Горы. Городище Барсов городок II/3–4 было уничтожено пожаром, возникшем в результате вражеского нападения. И этим нападавшим врагом была соседняя сайгатинская община, что стало ясно по материалам раскопанных могильников кучиминского этапа Барсовой Горы и Сайгатино. К финалу кучиминского этапа сайгатинская община уверенно побеждала и будет побеждать ещё долго, до конца XI в.

Самые ранние погребения VIII в. кучиминского этапа на сегодняшний день выявлены на могильнике Священная Кедровая Роща. Они продолжали заполнение некрополя, начатое предшествующими могилами рёлкинского подэтапа конца VI–VII вв. Пока опубликовано не более десятка погребений кучиминского этапа или вещей из них.³⁵¹ Датировка не ранее чем с середины VIII в. кучиминских погребений этого могильника возможна уже сейчас не только по опубликованным многочисленным находкам прорезной бронзовой геометрической гарнитуры, бронзового западносибирского художественного литья кучиминского этапа, но, прежде всего, по находке в межмогильном пространстве фрагментов кожаного пояса с серебряными умбовидными поясными накладками с вшитыми внутрь него в качестве мусульманских оберегов обрывков пергамента с арабоязычными письменами.³⁵² Повальная мусульманизация жителей средневековых оазисов, прежде всего, согдийских купцов, нача-

³⁵⁰ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 80. Рис. 37, 3, 4.

³⁵¹ Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Указ. соч. С. 64–83, 138–145.

³⁵² Там же. С. 84, 92. Рис. 2.74, 5.1–5.8.

лась не в 712 г., когда арабское войско Кутейбы взяло Хорезм, Самарканд, Фергану и Ходжент, а только после подавления отчаянных антиарабских восстаний в Согдиане в 20–30-х гг. VIII в. и после победы арабов в битве при Таласе в 751 г. Эта победа навсегда устранила угрозу вторжения в Среднюю Азию Танского Китая.

Погребальный обряд кучиминского этапа могильника Священная Кедровая Роща практически ничем не отличался от погребений рёлкинского подэтапа: труположения вытянуто на спине с руками вдоль туловища с неустойчивой ориентацией головы, в неглубоких (0,15–0,4 м) грунтовых ямах овальной в плане формы. Особенности расположения в них погребального инвентаря подобны кучиминским погребениям Сургутского Приобья. Например, железные наконечники стрел найдены не в могилах, а только в межмогильном пространстве вокруг них, как правило, воткнутыми в грунт в поминальных целях.

В Сургутском Приобье погребения кучиминского этапа VIII–IX вв. известны на четырёх могильниках. На могильниках Барсов городок (Барсовский I) и Сайгатинский III к этому периоду отнесены 127 погребений, на могильнике Сайгатинский I — погребения 72 и 73.³⁵³ На могильнике Усть-Балык В. И. Семенова датировала концом VIII–IX вв. погребения 9, 22 и 42.³⁵⁴ Могильники состояли исключительно из грунтовых погребений, сгруппированных в изогнутые дугообразные короткие ряды, иногда очень тесные. Преобладала южная ориентировка могил с отклонениями к ЮВ и ЮЗ. В ранней кучиминской группе Сайгатинского III могильника все погребения ориентированы головами на ЮВ. В группе кучиминских погребений могильника Барсов городок при преобладании захоронений с южной ориентировкой выявлены целые ряды погребений, ориентированные на ЮВ. Из двух кучиминских могил Сайгатинского I могильника погребение 73 было ориентировано головой на ЮВ, а перекрывавшее его погребение 72 имело противоположную ориентировку на СЗ.³⁵⁵ Форма могильных ям в плане была преимущественно прямоугольная или овальная, глубина в основном составляла 0,3–0,4 м, погребения глубже 0,7 м не встречаются.

Погребения в большинстве одиночные, редко парные.³⁵⁶ На могильнике Барсов городок зафиксированы три могилы, содержащие одновременные захоронения четырёх, пяти и семи умерших.³⁵⁷ Поза костяков в могилах, когда их сохранность позволяла её проследить, была стандартной: лёжа на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Иногда руки были слегка согнуты и уложены на таз. Исключение в кучиминских могильниках Сургутского Приобья пока встретилось только одно — в коллективном погребении 201 могильника Барсов городок крайний погребённый уложен на правый бок с подогнутыми ногами, что, вероятно, можно объяснить недостатком места в вырытой могильной яме.³⁵⁸ В трёх кучиминских погребениях было зафиксировано ритуальное разрушение уже скелетированных останков, сделанное явно гораздо позднее захоронения.

³⁵³ См.: Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников ... С. 112; Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 280.

³⁵⁴ Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. С. 105–106. Табл. 58.

³⁵⁵ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 83–84. Рис. 47, 48.

³⁵⁶ См.: Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 280. Рис. 42, 4; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 47. Рис. 16, 13; Они же. Древняя история ... 2002. С. 51. Рис. 16, 18.

³⁵⁷ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 84. Рис. 42; Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 280. Рис. 42, 6.

³⁵⁸ Там же. С. 281. Рис. 42, 6.

В связи с постоянно шедшей межобщинной войной между сайгатинской и барсовогорской общинами на протяжении всего кучиминского этапа особо интересны выявленные раскопками погребения, которые можно было бы интерпретировать как захоронения военных вождей: могилы 99 Сайгатинского III, 73 — Сайгатинского I, 119 — Барсов городок могильников. Могила «барсовского» вождя (рис. 286) или заслуженного воина, погребённого с длинным боевым ножом, поясом с бронзовыми накладками, высокохудожественными бронзовыми отливками, в диадеме из серебряной фольги на голове, была особо отмечена воткнутыми вокруг неё восемью боевыми ножами и семью наконечниками стрел.³⁵⁹ Ещё более примечательно на Сайгатинском I могильнике погребение 73 военного вождя (рис. 287) с дорогой импортной саблей, боевым проушным топором-чеканом, боевым ножом, в поясе с накладками, тиснёнными из серебряной фольги, бронзовыми местными и импортными украшениями, лепным керамическим горшком III финального типа кучиминского этапа (рис. 285). Прямо над могилой была поставлена святилищная постройка со священным очагом-каменкой. Это Сайгатинское I святилище в качестве поминального комплекса функционировало более 600 лет (с начала X по XVI вв.)! Что же такого выдающегося сделал этот военный вождь-богатырь, что память о его деяниях сохранилась на столь долгое время?

Уникально погребение 105 в кучиминской группе Сайгатинского III могильника с захоронением в грунтовой яме на берестяной подстилке полноразмерной куклы с телом и руками из связок берёзовых прутиков, одетой в меховую одежду. На левую «руку» куклы был надет бронзовый браслет, на «талию» — ремень с бронзовой пряжкой. «Голову» куклы изображал округлый ком сырой глины. Сверху кукла была покрыта берестяным полотнищем. В этнографической литературе Западной Сибири подобный обряд ритуального захоронения кукол, изображающих взрослого человека, на людском кладбище нам не известен.³⁶⁰ Но, по мнению К. Г. Карачарова, погребения подобных изображений — «заместителей умерших», в которых вселялись их души, ещё недавно можно было наблюдать у хантов р. Юган.³⁶¹

С погребально-поминальной обрядностью кучиминского времени связаны погребения антропоморфных кукол высотой 20–30 см. Основа их была сделана из тканевого, мехового или кожаного мешочка каплевидной формы, обшивавшего каркас из деревянных прутиков, заполненного органическими материалами (мхом?). Лицо куклы обозначали бронзовые или деревянные личины, прикреплённые к основе. На Барсовой Горе и в Сайгатино на сегодня известно восемь комплексов кучиминского этапа с находками остатков таких кукол: в погребениях 130 и 207 могильника Барсов городок, погребениях 86 и 108 Сайгатинского III могильника, захоронение комплекса из пяти кукол в межмогильном пространстве этого же некрополя; захоронение кукол, найденных при раскопках более ранних памятников — городищ Барсовы городки I/20 и II/1, поселения Остяцкий Живец IV³⁶² (рис. 288). Самая территориаль-

³⁵⁹ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 84. Рис. 43.

³⁶⁰ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 84. Рис. 45, 3; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 58. Рис. 16; Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 281.

³⁶¹ См.: Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 47; Они же. Древняя история ..., 2002. С. 51.

³⁶² См.: Борзунов В. А. Средневековый культовый комплекс городища Барсов городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. С. 113–120; Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 84. Рис. 44, 1, 2; 45, 1, 2; 46, 1–3; Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад ... С. 60–63. Рис. 17, 18; Карачаров К. Г. Антропоморфные куклы ... С. 26–52; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 47. Рис. 16, 7, 10; Они же. Древняя история ... 2002. С. 51, 54. Рис. 16, 9, 13.

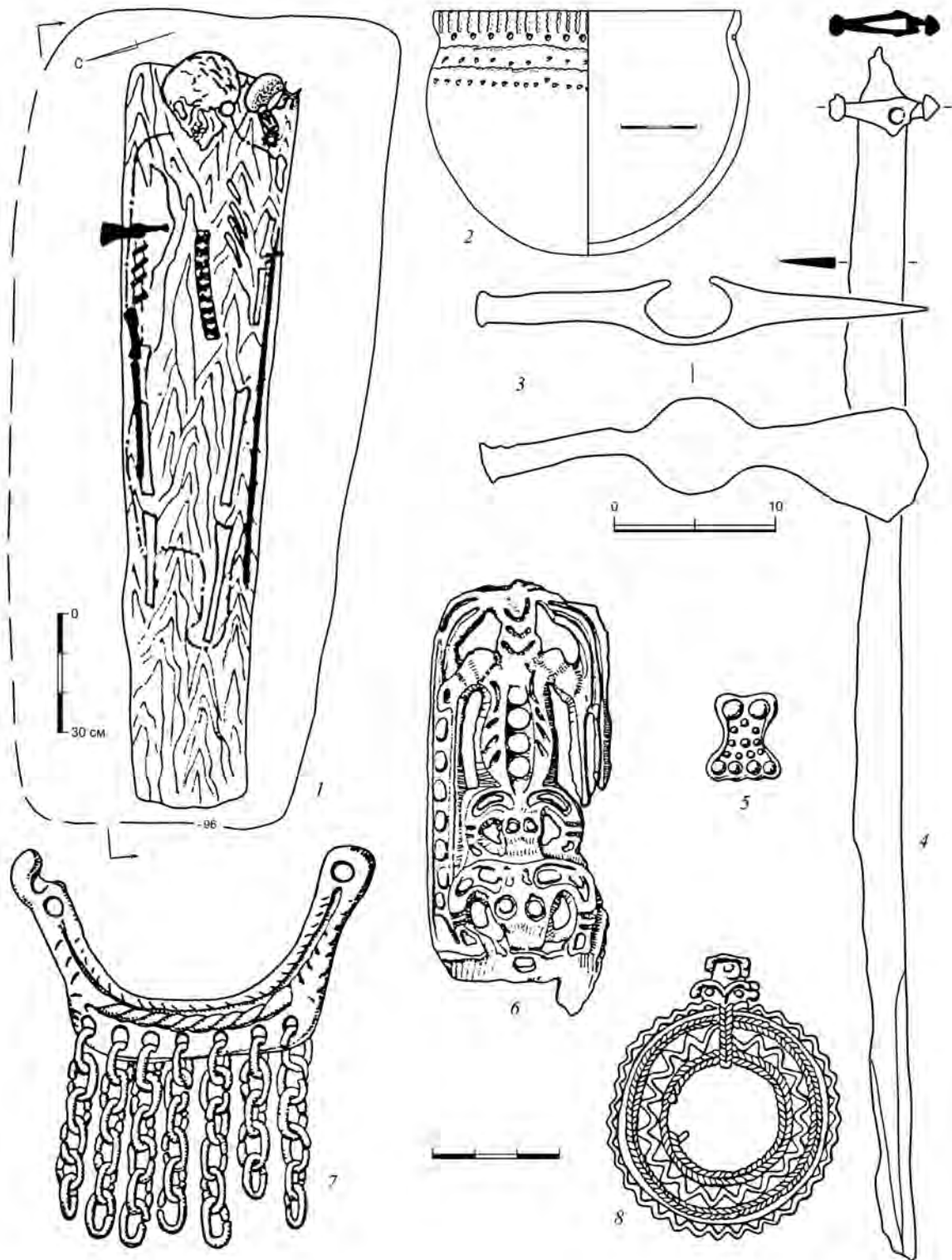

Рис. 285. План и основные находки погребения 73 конца IX — начала X вв. Сайгатинского I могильника — позднейшего комплекса кучиминского этапа VIII–IX вв. нижеобской культуры. 1 — план; 2–8 — часть инвентаря. 2 — керамика; 3, 4 — железо; 5 — серебро; 6–8 — бронза (по: Зыков, 2012)

Рис. 286. Бронзовая антропоморфная ростовая плакетка с изображением воина в полном вооружении из поминального комплекса Сайгатинского III могильника VIII–IX вв. (раскопки Л. М. Тереховой, 1985–1986 гг.). Фонды Музея Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

но отдалённая находка подобной деревянной личины, наверняка связанной с изготовлением поминальной куклы кучиминского этапа VIII–IX вв., была сделана М. С. Знаменским на Потчевашском городище.³⁶³

К. Г. Карачаров разработал хронологическую схему членения погребальных комплексов кучиминского этапа Сургутского Приобья, созданную на основе анализа 129 погребений могильников Барсов городок (Барсовский I), Сайгатинских I и III. Привлекая данные планиграфии некрополей и широкий круг аналогий из надёжно датированных, прежде всего по нумизматическим находкам памятников лесного Приуралья, Томского Приобья и Средней Азии, он выделил четыре последовательных хронологических группы кучиминских погребений.³⁶⁴ Эта хронологическая схема К. Г. Карачарова актуальна до сих пор.

В лесостепи и южной тайге Среднего Прииртышья в VIII в. прекращают сооружать грунтовые ямные погребения с труположениями, самым поздним из которых было труположение 1 Окуневского III могильника с находками бронзовой поясной прорезной гарнитуры с фестончатыми краями.³⁶⁵ С VIII–IX вв. здесь стал господствовать подкурганый погребальный обряд труположений, явно связанный со степным кочевым миром. В. А. Могильников этот период называл переходным от потчевашской к усть-ишимской культуре,³⁶⁶ нам кажется более предпочтительным определять его как среднеиртышский локальный вариант кучиминского этапа нижнеобской культуры.³⁶⁷ К курганам могильника этого периода относятся Угузы на левом лесостепном берегу р. Иртыш, около д. Айткулово. Диаметр исследованных здесь курганов составлял 5–16 м, высота 0,5–1 м. Для них характерен обряд труположения на уровне древнего горизонта или в насыпи курганов; лишь одна могила 3 кургана 21 Мурлинского могильника углублена в материк на 0,2 м. Костяки уложены вытянуто на спине, головой на С (Угузский могильник), Ю или ЮЗ (Мурлинские I и II могильники). Погребение 6 кургана 1 Мурлинского II могильника содержало совместное захоронение женщины и коня.³⁶⁸

Восточнее, в южно-таёжном Томском Приобье, к периоду VIII–IX вв. могут быть отнесены курганы Тимирязевских могильников I и II, могильника у Архиерейской заимки, у д. Могильники, Казанкинского, в погребениях которых были найдены бронзовая прорезная геометрическая поясная гарнитура, пряжки, наконечники ремней. Эти вещи датируются позднее находки бронзовой геральдической псевдопряжки конца VI–VII вв. в кургане 98 Тимирязевского

Восточнее, в южно-таёжном Томском Приобье, к периоду VIII–IX вв. могут быть отнесены курганы Тимирязевских могильников I и II, могильника у Архиерейской заимки, у д. Могильники, Казанкинского, в погребениях которых были найдены бронзовая прорезная геометрическая поясная гарнитура, пряжки, наконечники ремней. Эти вещи датируются позднее находки бронзовой геральдической псевдопряжки конца VI–VII вв. в кургане 98 Тимирязевского

³⁶³ Адамов А. А. Указ. соч. С. 48. Рис. 21, 7.

³⁶⁴ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 84–86; Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников ... С. 110–118.

³⁶⁵ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири ... С. 187. Табл. LXXVIII, 3, 4, 15, 24.

³⁶⁶ Там же. С. 186.

³⁶⁷ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 34–35.

³⁶⁸ Коников Б. А. Среднее Прииртышье ... С. 262–264.

II могильника.³⁶⁹ В Томском Приобье только этот курган датируется периодом рёлкинского подэтапа конца VI–VII вв. Все остальные курганы Тимирязевского могильника II (курганы 86, 91, 104) и погребения 24 и 25 могильника у Архиерейской заимки датируются находками бронзовой прорезной геометрической поясной гарнитуры не ранее VIII в.³⁷⁰ Находки бронзовых китайских монет в кургане 12 Тимирязевского могильника I, в погребении 24 могильника у Архиерейской заимки,³⁷¹ и золотой китайской монеты, датированной «примерно VII в.», из раскопок С. К. Кузнецова 1891 г. Казанкинского курганного могильника³⁷² не имеют точных датировок. Бронзовые монеты разменные, мелкого номинала, начали отливать при основании династии Тан в период правления императора Гаоцзу (618–626 гг.) с легендой «кайюань гун бао» («ходячая монета начала династии»), возобновлялись непрерывно в течение почти 340 лет и были, наверное, самыми долговечными в обращении.³⁷³ А судьба Казанкинской коллекции и её документация неизвестны³⁷⁴, поэтому точная атрибуция золотой китайской таннской монеты невозможна. Единственное, что могут точно обозначать эти таннские монеты — это нижний предел начала долгого правления династии Тан (618–907 гг.). Поэтому для Томского Приобья VIII–IX вв. гораздо надёжнее традиционное археологическое датирование по более изменчивым модам на простые бронзовые, серебряные, позолоченные и железные накладки поясов евразийских степей.³⁷⁵

Рис. 287. Военный вождь в полном вооружении конца IX в. (реконструкция А. П. Зыкова по материалам погребения 73 Сайгатинского I могильника и бронзовой плакетки из поминального комплекса Сайгатинского III могильника). Рисунок А. П. Зыкова

В Томском Приобье в VIII–IX вв., как и во все предыдущие периоды, начиная с кулайской культуры, традиционно господствовали подкурганые захоронения. Могильники устраивались на высоких береговых террасах. Курганы Томского Приобья имели овальную или

³⁶⁹ Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Указ. соч. С. 36, 92. Рис. 70, 2.

³⁷⁰ Там же. С. 35–36, 40–41. Рис. 67, 4; 68, 7, 8; 71, 10; 79, 5, 8.

³⁷¹ Там же. С. 22, 40, 93, 95.

³⁷² Чугунов С. М. Материалы для антропологии Сибири: Курганы близ д. Казанские юрты // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1893. Кн. 6. Отд. 2. С. 169–176.

³⁷³ Чиндина Л. А. Могильник Рёлка ... С. 69.

³⁷⁴ Гаман А. Д. Указ. соч. С. 236.

³⁷⁵ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири ... С. 225–226. Табл. ХСІХ.

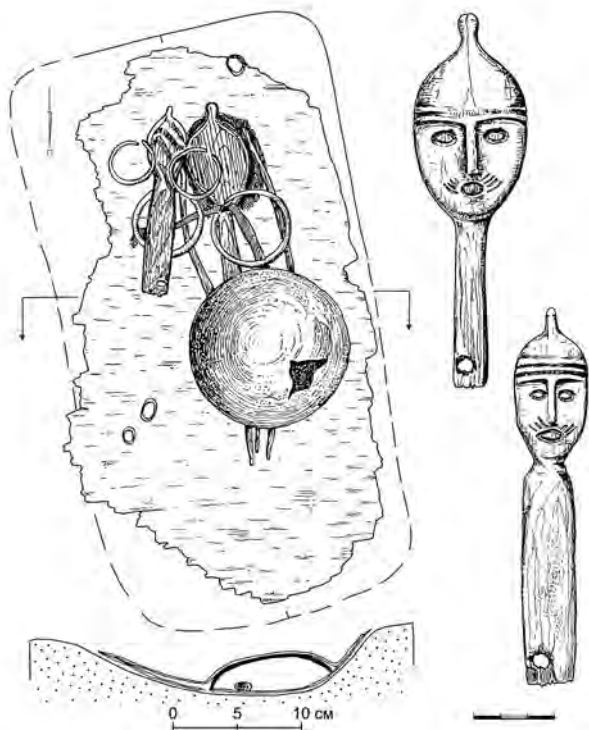

Рис. 288. Ритуальное погребение деревянных кукол-«иттерма» кучиминского этапа VIII–IX вв. нижнеобской культуры, обнаруженное при раскопках кулайского поселения Остяцкий Живец IV (по: Зыков, 2012)

округлую форму размерами от 4 на 4 м до 7,5 на 9,5 м, высотой от 0,3 до 0,6 м. Погребения в них устраивались как на дневной поверхности (наземные), так и в грунтовых ямах глубиной 0,2–0,45 м. Абсолютное большинство курганов имеют по одному захоронению (одноактовые), хотя встречаются курганы с двумя и более захоронениями. Для Томского Приобья VIII–IX вв. характерен биритуализм — сосуществование одновременно труположений и трупосожжений при абсолютном преобладании первых. Так было и в V–VI вв., и на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. Особенно показателен в плане биритуализма курган 7 IX–X вв. Тимирязевского курганного могильника I, под насыпью которого соседствовали трупосожжение на грунте и труположение в могильной яме.³⁷⁶ Труположения одновременно существовали как наземные, так и в грунтовых ямных погребениях, отмечается количественный рост наземных захоронений в VIII–IX вв. Поза погребённых в обоих случаях стандартная: вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Ориентация погребённых в этот период оставалась неустойчивой. Относительно более редкие случаи кремации умерших делались, как

правило, на стороне с захоронением их пепла как на грунте, так и в могильных ямах. Под курганами Томского Приобья VIII–IX вв. известны и единичные случаи кремации на грунте и в могильных ямах, а также частичной, незавершённой кремации, от которой оставались фрагментарно обожжённые костяки.³⁷⁷ Длительное устойчивое существование в Томском Приобье курганных могильников с таким биритуальным погребальным обрядом естественно ставит памятники раннего средневековья этой юго-восточной окраины таёжной зоны Западной Сибири на положение особого томского локального варианта единой нижнеобской культуры. Но выделять их в отдельную рёлкинскую культуру по признакам только особенностей погребальной обрядности неправомерно. Во всех остальных аспектах материальной культуры Томско-Нарымское Приобье мало чем отличается от остальных памятников севера Западной Сибири.

Кроме постоянно шедших внутренних межобщинных войн, которые хорошо просматриваются на примере кучиминских памятников Барсовой Горы и Сайгатино, на внешних границах анклава нижнеобской культуры на кучиминском этапе VIII–IX вв. наиболее напряжённая обстановка сохранялась на юго-западе и северо-востоке.

³⁷⁶ Плетнева Л. М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье ... С. 63–67. Рис. 1, 2.

³⁷⁷ Гаман А. Д. Указ. соч. С. 234–245.

В лесостепях Среднего Прииртышья в это время началось мощное давление степных тюркских кочевников, начавших бороться за возвращение утраченных ими в середине VI в. лесостепных пространств. К середине VIII в. Второй Тюркский каганат окончательно погиб, а усиление объединения тюркоязычных кыпчаков Южной Сибири привело к тюркизации, ассимиляции и включению в свой состав одинцовской культуры Верхнего Приобья, которую как наследницу кулайской культуры в V — середине VIII вв. ещё можно было относить к обь-иртышской культурно-исторической общности. Но с середины VIII в. потомки кулайской культуры уже полностью влились в состав сроткинской культуры кыпчаков. Так нижнеобская культура в VIII–IX вв. в лесостепном Среднем Прииртышье приобрела ещё одного врага с юго-востока. Западные её соседи — бакальская культура второй половины IV–IX вв. в лесостепном Зауралье, — угорские протомадьярские племена, подвергались такому же мощному давлению тюркских кочевников с юга. И население бакальской культуры вынуждено было мигрировать на запад — в лесостепи Приуралья в VIII–IX вв. Не смогли удержаться в лесостепи Среднего Прииртышья и носители кучиминского этапа нижнеобской культуры: к концу IX — началу X вв. тюркоязычные кочевники сроткинской культуры выдавили их на север в южно-таёжную зону, за р. Тару.

Так печально закончилась последняя попытка для обитателей северной тайги удержать благодатный регион лесостепи Омского Прииртышья (середина VI–IX вв.). Как гуннские степные кочевники в конце III — начале IV вв., так и кыпчаки, носители сроткинской культуры, в IX — начале X вв. неизменно оттесняли их в южную тайгу, за р. Тару.

Совершенно другая ситуация складывалась для носителей кучиминского этапа VIII–IX вв. на их северо-восточном пограничье. Здесь в этот период проходила победная западносибирская реконкиста — освобождение бассейнов рр. Аган и Вах от восточносибирских захватчиков, носителей валиковой керамики, которые овладели этими территориями ещё в III–IV вв. Началась эта реконкиста на исходе рёлкинского подэтапа в конце VII в., когда в бассейне р. Агана было отстроено позднерёлкинское городище Нёх-Урий 2, а на кучиминском этапе здесь возникла густая сеть селищ и городищ с первой и второй группами кучиминской керамики.³⁷⁸ Очевидно, уже на позднем кучиминском этапе в IX в. был освобождён и бассейн р. Вах.³⁷⁹ Пока изучение этого процесса Великой северной реконкисты — вытеснения восточносибирского населения с северо-востока Западной Сибири, из бассейнов правых притоков р. Обь обратно к р. Енисей — только начато археологической наукой.

---

³⁷⁸ См.: Глушков И. Г. Жилые комплексы кучиминского времени на Агане // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 47–49; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 72–74.

³⁷⁹ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 40; Посредников В. А. Археологические работы на реке Вах ... С. 83–84. Табл. 39; Посредников В. А. Большеларьякское поселение II ... С. 89–91. Табл. 4, 1–4, 7–13.

Глава 6

Кинтусовский этап конца IX–XII вв.

Этот заключительный этап нижнеобской культуры раннего средневековья Западной Сибири был выделен В. Н. Чернецовым и назван им по Кинтусовскому могильнику, исследованному экспедицией Тобольского губернского музея в 1911 г. во главе с Л. Р. Шульцем. На этом могильнике, наряду с гораздо более поздними, присутствовал яркий комплекс погребений второй половины X–XII вв.³⁸⁰

Начиная разбор кинтусовского этапа нижнеобской культуры, необходимо вновь вернуться к периодизации этапов по В. Н. Чернецову, опубликованной в 1957 г. В основе его периодизационных построений лежала стратиграфия городища Усть-Толт. Стратиграфию памятника и типологию трёх типов керамики (ярсалинского, карымского и оронтурского) он понял правильно, но опубликовал свои выводы спустя 22 года. Оронтурскую керамику городища Усть-Толт датировал «не позднее, чем до конца VIII в.», а дальнейшее развитие её завершилось появлением переходной керамики, «просуществовавшей, по-видимому, большую часть IX в. н. э.».³⁸¹ В определении времени существования вожпайского типа керамики В. Н. Чернецов в то время мог опираться только на явно заниженную датировку Т. Й. Арне материалов раскопок Ф. Мартина могильника Барсов городок,³⁸² других данных у него не было. В. Н. Чернецов отнес зеленогорский тип керамики к началу раннего железного века севера Западной Сибири³⁸³ и выделил «оронтурский этап» VI–IX вв. с тремя последовательными типами керамики: люликарским, оронтурским и вожпайским.³⁸⁴

Отнеся по времени оронтурского этапа керамику вожпайской группы и третьей типологической группы городища Усть-Толт (собственно, оронтурскую керамику), то есть по современным представлениям материалы конца IX–XI вв. севера Западной Сибири, В. Н. Чернецов неизбежно столкнулся с большими затруднениями при характеристике памятников, вещевого комплекса и, особенно, керамики следующего выделяемого им кинтусовского этапа X–XIII вв. Собственно обобщённому описанию кинтусовской керамики в его монографии

³⁸⁰ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 213, 237. Табл. XLIII, 12–14.

³⁸¹ Там же. С. 200.

³⁸² Arne T. J. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches graberfeld aus der jungeren eisenzeit. Stockholm: PA Akademiens Förlag, 1935. 134 p.

³⁸³ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья ... С. 63–71.

³⁸⁴ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры ... С. 190–213.

посвящено лишь несколько строк, в которых указано, что «орнаментация стала суше и монотоннее, ... наметилось постепенное исчезновение штампованных узоров, место которых снова начали занимать нанесённые отступающей лопаточкой и гребёнкой».³⁸⁵ Столь же не информативны и все иллюстрации керамики кинтусовского этапа севера Западной Сибири, помещённые в книгу.³⁸⁶

Предложенная им периодизация раннего средневековья севера Западной Сибири продержалась 30 лет без каких-либо изменений. Его ученик — В. А. Могильников — писал, что «основные положения работ В. Н. Чернецова сохранили своё значение до настоящего времени».³⁸⁷ Концепция В. А. Могильникова явилась слегка подновлённой периодизационной схемой нижнеобской культуры В. Н. Чернецова, сочетавшейся с выделенными потчевашской, усть-ишимской и рёлкинской культурами.³⁸⁸

В 1991 г. вышла статья группы екатеринбургских археологов, в которой был обобщён материал средневековых памятников, исследованных в 70–80-х гг. XX в. в Сургутском Приобье, и изложена новая периодизационная схема. Особенно основательно был переработан кинтусовский этап, разделённый на три последовательных, эволюционных периода существования трёх сменяющих друг друга типов керамики: вожпайского конца IX–X вв., оронтурского конца X–XI вв. и рачёвского конца XI–XII вв.³⁸⁹ Ясны были дальнейшие намерения авторов этой статьи, ставивших под сомнение обоснованность выделения отдельных потчевашской, усть-ишимской и рёлкинской культур на юге и юго-востоке Западной Сибири. Позднее А. П. Зыков реабилитировал нижнеобскую культуру В. Н. Чернецова, наполнив её модернизированной периодизацией этапов с последовательной ликвидацией выделенных южных и юго-восточных культур.³⁹⁰

Первый период конца IX–X вв. кинтусовского этапа нижнеобской культуры связан с существованием вожпайского типа керамики, который был выделен В. Н. Чернецовым по сборам с городища Вож-пай в устьевой части р. Куноват, правого притока Оби. Эти материалы сейчас хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунскамера) РАН Санкт-Петербурга.³⁹¹ Форма вожпайских сосудов аналогична предшествующей третьей группе керамики кучиминского этапа: круглодонные горшки с короткими прямыми или отогнутыми наружу шейками. Венчики приострénные или плоские, иногда украшенные оттисками гребенчатого или гладкого штампа. На некоторых сосудах на внешней стороне шеек под венчиком встречаются налепные валики, рассечённые оттисками прямо или наклонно поставленных отпечатков гребенчатого штампа. Поселенческая и большая часть погребальной посуды вожпайского типа украшена горизонтальным рядом ямочных наколов, расположенных в верхней части шейки под валиком. Орнамент выполнялся почти исключительно оттисками гребенчатого

³⁸⁵ Там же. С. 213.

³⁸⁶ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 26–28.

³⁸⁷ Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири ... С. 164.

³⁸⁸ Там же. С. 183–232.

³⁸⁹ Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье ... С. 137–141. Рис. 3.А.

³⁹⁰ См.: Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны ... С. 109, 124; Он же. Периодизация нижнеобской культуры ... С. 33–58; Он же. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 44–97.

³⁹¹ История Ямала ... 2010. Т. 1. Кн. 1. С. 78, 79.

Рис. 289. Фрагмент керамического сосуда вожпайской группы конца IX–X вв. кинтусовского этапа нижеобской культуры с городища Старые Покачи 5 (по: Сургутский краеведческий..., 2011)

штампа (рис. 289), лишь в редких случаях они сочетались с наколами палочки и оттисками скобковидного штампа. На миниатюрных погребальных сосудах вожпайский орнамент иногда выполнялся прочерчиванием гладкой палочкой.

Ведущим элементом декора вожпайских сосудов была широкая горизонтальная полоса на шейке, заполненная геометрическим узором, по краям, как правило, оконтуренная горизонтальными линиями, иногда сдвоенными из вертикально поставленных оттисков гребенчатого штампа. Узоры в основном состояли из взаимопроникающих треугольных композиций, заполненных гребенчатыми линиями, лентами с гребенчатой окантовкой из оттисков гребёнки или наколов

палочки. Реже шейка украшалась наклонными лентами или ромбической сеткой, которые были выполнены отпечатками гребенчатого штампа. На плечиках сосудов, ниже полосы геометрического узора, орнамент чаще всего завершался «бахромой» — одним-двумя горизонтальными рядами прямо или наклонно поставленных отпечатков гребенчатого штампа или горизонтальной гребенчатой «ёлочкой». Встречалась и более сложная орнаментация плечиков: зигзаги с отходящими от нижних углов сдвоенными или строеными вертикальными отростками, выполненные гребенчатым штампом; треугольные фестоны, заполненные отпечатками гребёнки или наколов; наклонные столбики из горизонтально или наклонно поставленных отпечатков гребенчатого штампа.

Строгая композиция орнаментации вожпайской посуды в большей степени характерна для крупных поселенческих горшков, на мелких погребальных сосудах встречается довольно много исключений — отсутствие гребенчатой окантовки геометрической полосы на шейке, отсутствие «бахромы» и фестонов, завершающих узор на плечиках.³⁹²

Вожпайский тип посуды является очередным эволюционным шагом развития орнаментации лепной керамики нижеобской культуры севера Западной Сибири. Этот очень кратковременно существовавший в конце IX–X вв. ярко орнаментированный тип, с одной стороны, очень удачно открывал последний кинтусовский этап нижеобской культуры; а с другой стороны, — тесно был связан с типологически предшествующей ему финальной третьей группой конца IX в. кучиминского этапа. В материалах могильников Сайгатинском I и Усть-Балык группы погребений с двумя этими типами керамики расположены рядом, а на последнем — зафиксирован факт перекрытия погребением 41 с сосудом вожпайского типа могилы 42 с сосудом третьей группы кучиминского этапа.³⁹³ Это, как мини-

³⁹² Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 88. Рис. 57, 1–15.

³⁹³ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья ... С. 82–83. Рис. 41, 47, 48, 54; Семенова В. И. Средневековые могильники ... С. 73–74, 247, 266. Табл. 48, 59. Рис. 13, 7, 8. Прил. 3.

мум, может означать, что вожпайский тип керамики моложе третьей группы керамики кучиминского этапа. На могильнике Барсов городок группы погребений с двумя этими типами керамики также располагались почти вплотную друг к другу, но лишь в одной могиле 44 сосуда этих комплексов встречаются совместно.³⁹⁴ Очевидно, что пока это единственное свидетельство того, что третья группа керамики кучиминского этапа и сосуды вожпайского типа очень непродолжительное время, в самом конце IX в., сосуществовали. Тогда и произошло полное вытеснение монотонных по орнаментации сосудов кучиминского этапа ярко декорированными вожпайскими начала кинтусовского этапа.

Преобразование эволюционного типа «нарядной» по орнаментации керамики в отдельную вожпайскую археологическую культуру второй половины IX–X вв., предложенную Л. П. Хлобыстиным³⁹⁵ и К. Г. Карачаровым,³⁹⁶ на наш взгляд, не убедительно. Исследованное в 1972–1973 гг. Л. П. Хлобыстиным большое наземное жилище на однослойном поселении Дюна III на р. Пясин в Таймырском Заполярье с ярким комплексом вожпайской керамики является всего лишь очень впечатляющим свидетельством того, что контрнаступление кучиминского этапа не остановилось на освобождении бассейна правого обского притока р. Вах, а продолжилось и в начале кинтусовского этапа восточнее р. Енисей до тундр Таймырского полуострова. Но считать носителей вожпайской культуры самодийцами, прямыми предками «ненецкого и энецкого народов»,³⁹⁷ веских оснований нет. Не убеждает и предположение К. Г. Карачарова о том, что исчезновение кучиминских прямоугольных укрепленных поселений с их мощной обороной на севере Западной Сибири связано с «приходом» сюда инородного населения, носителей вожпайского керамического стиля.³⁹⁸ По археологическим материалам, подробно описанным выше, можно проследить постоянные трудности населения раннего средневековья в их неустанных попытках совершенствования оборонительных систем своих городищ.

К концу кучиминского этапа VIII–IX вв. население таёжного севера наконец-то научилось строить, содержать, ремонтировать и перестраивать свои городища так, что они были способны веками находиться на одном месте. В урочищах Сайгатино и Барсова Гора появились городища Кучиминское IX и Барсов городок I/31–32, самые ранние средневековые комплексы которых были связаны с керамикой третьей группы кучиминского и вожпайского типа кинтусовского этапов. Окончательно погибли Кучиминское IX городище в конце XI — начале XII вв., а Барсов городок I/31–32 в самом конце XVI в.

На вторую половину IV–X вв. приходится большая часть периода существования нижнеобской культуры севера Западной Сибири. Это была очень непростая эпоха для таёжного западносибирского общества. IV в. стал временем крушения военно-потестарных объ-

³⁹⁴ Арне Т. Й. Барсов городок. ... С. 35. Рис. 104, 105, 244; Arne T. J. Barsoff Gorodok ... 1935. P. 39. Fig. 104, 105.

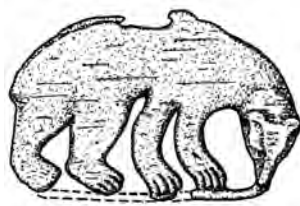
³⁹⁵ См.: Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура ... С. 19–27; Он же. Древняя история Таймырского Заполярья ... С. 138–147. Рис. 143–158.

³⁹⁶ См.: Карачаров К. Г. Вожпайская культура // УИВ. 2006. № 14. С. 133–149; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 74, 76–77; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история ... 1999. С. 52–53. Рис. 17. Карта 8; Они же. Древняя история ... 2002. С. 57. Рис. 17. Карта 8.

³⁹⁷ Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура ... С. 26.

³⁹⁸ Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура ... С. 141–142.

единений (вождеств) поздней кулайской культуры конца раннего железного века. Раннее средневековье, период формирования карымского этапа нижнеобской культуры, началось с крупного социального регресса. Общество, уже достигшее высокого уровня достижений эпохи классового образования, в IV в. было отброшено далеко назад на стадию разложения первобытнообщинного строя. И лишь на рёлкинском подэтапе конца VI–VII вв. зеленогорско-рёлкинского этапа начался процесс медленного усиления власти военных вождей и элиты мелких независимых друг от друга общин севера Западной Сибири. Это сопровождалось процессом классового расслоения внутри общин, постоянными жестокими межобщинными войнами. Процесс завершился лишь к концу XI–XII вв. в период существования рачёвского типа керамики кинтусовского этапа нижнеобской культуры, когда её общество вступило на стадию классового образования и стало способно вновь формировать военно-потестарные объединения (вождества).

Список источников и литературы

Источники

- Аварийные археологические раскопки селища Угутское 29 на территории Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2010–2011 гг.: отчёт о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; М. В. Коноваленко. Нефтеюганск, 2011. Кн. 1. 249 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 323.
- Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 74 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2006 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2007. 198 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 72–74.
- Археологическое обследование Кечимовского, Нонг-Ёганского, Северо-Покачевского и Покачевского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 году: отчёт о НИР / ООО НПО «Северная археология — 1»; Карачаров К. Г., Носкова С. В., Мызников С. А., Чибиряк В. Э., Косинцев П. А., Ражев Д. И. Екатеринбург; Нижневартовск, 2005. 110 с. // Научно-производственный архив АУ «Центр охраны культурного наследия». Д. 557. Инв. № 4930; Архив АСА. Ф. 1. Д. 169.
- Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождений нефти, разрабатываемом ТПП «Покачёвнефтегаз» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / НПО «Северная археология — 1»; Данилов Е. А. Нефтеюганск, 2011. 247 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 330.
- Бельтикова Г. В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Бельтикова Галина Викторовна; Институт археологии РАН. М., 1997. 23 с.
- Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаёжного Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Васильев Евгений Алексеевич; Институт археологии АН СССР. М., 1989. 21 с.
- Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников) = [Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников)]: дис. ... канд. ист. наук: 575 / Викторова Валентина Дометьяновна; Институт археологии АН СССР; Свердловск, 1969. 324 с. // АКА УрГУ. Ф. III. Д. 127.
- Гаджиева Е. А. Неолит бассейна р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Гаджиева Елена Александровна; Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 1993. 15 с.
- Галкин В. Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаёжном Тоболо-Иртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Галкин Валерий Терентьевич; Тюменский государственный университет. М., 1991. 21 с.
- Данченко Е. М. Ранний железный век южнотаёжного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Данченко Евгений Михайлович; Институт археологии АН СССР. М., 1991. 21 с.
- Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Дубовцева Екатерина Николаевна; Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2021. 24 с.
- Житенев В. С. Капова пещера — верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06 / Житенев Владислав Сергеевич; Московский государственный университет. М., 2017. 66 с.
- Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Зыков Алексей Павлович; Институт истории и археологии УрО РАН; Институт археологии РАН. М., 2008. 23 с.
- Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 8 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2009 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2010. 235 с. // Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Д. 1362а. Инв. № 6270.
- ИКЭ трасс реконструируемых автодорог п. Мортка — п. Сотник и на п. Междуреченский в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа, 1996 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Старков А. Е. Пермь; Екатеринбург, 1996. 198 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 2. Д. 273.

- Кинд Н. В. Изменение климата и оледенения в верхнем антропогене (абсолютная геохронология): автореф. дис. ... докт. геол.-минерал. наук: 140 / Кинд Наталия Владимировна; Геологический институт АН СССР. М., 1971. 44 с.
- Климанов В. А. Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным): автореф. дис. ... докт. геогр. наук: 11.00.04 / Климанов Владимир Андреевич; Институт географии РАН. М., 1996. 46 с.
- Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06 / Кокшаров Сергей Федорович; Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2015. 47 с.
- Кокшаров С. Ф. Энеолит и бронзовый век р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Кокшаров Сергей Федорович; Институт археологии РАН. М., 1993. 22 с.
- Конигов Б. А. Культуры таёжного Приртышья в VI–XIII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Конигов Борис Александрович; Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск, 1981. 16 с.
- Левковская Г. М. Закономерности распределения пыльцы и спор в современных и голоценовых отложениях севера Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Леваковская Галина Михайловна; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Л., 1967. 21 с.
- Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э.: локальные варианты культур: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Могильников Вячеслав Александрович; Институт археологии АН СССР. М., 1964. 378 с.
- Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: локальные варианты культур: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Могильников Вячеслав Александрович; Институт археологии АН СССР. М., 24 с.
- Отчёт о НИР по обработке антропологического материала из объектов на территории выявленного объекта культурного наследия «Городище Неушья 2.1» (раскопки 2016 года) / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Святова Е. О. Екатеринбург, 2017. 245 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 11. Д. 22.
- Отчёт о полевых исследованиях в Вагайском, Юрьинском и Берёзовском районах Тюменской области в 1988 г. / ТюмГУ; Галкин В. Т. Тюмень, 1990. 94 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14575.
- Отчёт о работах Кондинского отряда Уральской археологической экспедиции в 1984 году / УрГУ им. А. М. Горького; Сериков Ю. Б. Свердловск, 1984. 72 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9466.
- Отчёт о работах Кондинского отряда Уральской археологической экспедиции в 1985 году / УрГУ им. А. М. Горького; Сериков Ю. Б. Свердловск, 1985. 51 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11045.
- Отчёт о работе Заполярного отряда ЛОИА в 1966 г. 34 с. / ЛОИА АН СССР; Хлобыстин Л. П. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3339.
- Отчёт о разведке археологических памятников в Советском районе по рекам Тапсуй и Ворья летом 1991 г. / Свердловский отдел советского фонда культуры, предприятие «АВ КОМ»; Кардаш О. В. Екатеринбург, 1992. 81 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16832.
- Отчёт о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1994 г. Екатеринбург / Российский фонд культуры, «АВ КОМ»; Плешкова Л. А. Екатеринбург, 1995. Т. 1. 178 л.; Т. 2. 188 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18148; № 19067.
- Отчёт о раскопках могильника Барсов Городок (Барсовский I) у пос. Барсово в Сургутском районе и разведке на Соровских озерах у пос. Салым в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (1988 г.) / УрГУ им. А. М. Горького; Карачаров К. Г. Свердловск, 1988. 172 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13242.
- Отчёт о раскопках на выявленных объектах культурного наследия «Местонахождение (селище) Сумпанья 5» и выявленных объектах культурного наследия ансамбля Сумпанья: «Стоянка Сумпанья 3, 3/а», «Стоянка Сумпанья 4», «Поселение Сумпанья 4а», «Поселение Сумпанья 6», Поселение Сумпанья II» в зоне реконструкции основной нитки нефтепровода Наим–Тюмень 0–49 км, 50–141 км, замена трубы на участках 34,2–42, 42,4–46,2, 57–61 км в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. В 5 т. / ИАЭТ СО РАН; Дудко А. А. Новосибирск, 2017. 197 с. // Архив ИА РАН. Ф-1.
- Отчёт о раскопках поселения Барсова Гора II/10 в 1993 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Косинская Л. Л. Екатеринбург, 1994. 67 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18493.
- Отчёт о раскопках поселения Геологическое III в Советском районе и разведке в Кондинском районе Тюменской области в 1989 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1990. 100 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13994.
- Отчёт о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Кокшаров С. Ф. Свердловск, 1987. 111 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11649.

- Отчёт о раскопках поселения Зелёная горка, произведённых летом 1997 г. (ЯНАО, г. Салехард) / Институт истории и археологии УрО РАН; О. В. Малоземова. Екатеринбург, 1998. 38 с. // Научный архив ИИиА УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 78.
- Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе в 1986 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1987. 63 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11756.
- Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области летом 1981 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Стефанова Н. К. Свердловск, 1982. 157 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8650.
- Отчёт о раскопках поселения Леуши IX в Кондинском районе Тюменской области в 1982 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Стефанова Н. К. Свердловск, 1983. 99 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9069.
- Отчёт о раскопках поселения Сумпанья VI в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа Тюменской области в 1984 г. / ЛОИА АН СССР; Крижевская Л. Я. Ленинград, 1985. 15 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11231.
- Отчёт о раскопках поселения Сумпанья VI в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа Тюменской области в 1984 г.: список иллюстраций к отчёту / ЛОИА АН СССР; Крижевская Л. Я. Ленинград, 1985. 33 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11231а.
- Отчёт о раскопках стоянки Сатыга XVIIa и разведке в окрестностях озера Сатыгинский Туман в Кондинском районе ХМАО Тюменской области / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 2002. 185 с. // Архив археологического музея УрФУ. Ф. 2. Д. 628.
- Отчёт об археологических исследованиях в Свердловской области в 1996 году / ИИиА УрО РАН; Чаиркина Н. М. Екатеринбург, 1996. 114 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 20454
- Отчёт об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1995 г. Т. 2: Охранные раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1996. 91 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 19466.
- Отчёт об археологических исследованиях поселений Липчинское и Боярка-I в Свердловской области в 1995 году / ИИиА УрО РАН; Чаиркина Н. М. Екатеринбург, 1996. 165 с. // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 68.
- Отчёт об археологических работах в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1987 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Кокшаров С. Ф. Свердловск, 1988. 107 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12189.
- Отчёт об археологической разведке в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1992 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1993. 150 л. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 17190.
- Отчёт об археологической разведке в Сургутском и Берёзовском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1994 г. Т. 2: отчёт об археологических исследованиях в бассейне р. Тром-Аган и р. Северная Сосьва в 1994 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Погодин А. А. Екатеринбург, 1995. 47 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18138.
- Отчёт об исследовании могильника Сатыга XVI в Кондинском районе в 1987 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1988. 92 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12289.
- Отчёт об исследовании могильника Сатыга XVI в Кондинском районе в 1988 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1989. 75 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13363.
- Отчёт об исследовании памятников в районе д. Низямы в Октябрьском районе и в верховьях р. Эсс в Советском районе Тюменской области в 1985 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Морозов В. М. Свердловск, 1986. 93 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10713.
- Отчёт об исследовании памятников на трассе газопровода «Уренгой-Ужгород» в Октябрьском и Советском районах Тюменской области летом 1986 г. Т. 1 / УрГУ им. А. М. Горького; Морозов В. М. Свердловск, 1987. 116 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11429.
- Отчёт об исследовании памятников эпохи мезолита на Леушинском Тумане в Кондинском районе в 1983 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М. Свердловск, 1984. 81 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9413.
- Отчёт об исследовании пос. Леуши XIV и разведках в Кондинском районе в 1984 г. / УрГУ им. А. М. Горького; Беспрозванный Е. М.; Свердловск, 1985. 60 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10203.
- Полевые археологические работы (разведки) на правом берегу р. Конда в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В 3-х томах / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Надоева Н. Р. Екатеринбург, 2022. Т. 1. С. 49–53. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 70293.
- Проведение археологических полевых работ (разведок) на территории Советского, Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Цеменков А. Е. Екатеринбург, 2019. 185 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 141.
- Проведение археологических полевых работ на земельных участках ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» ТПП «Урайнефтегаз» в Ханты-Мансийском, Октябрьском, Советском, Кондинском районах Ханты-Мансийского

автономного округа — Югры в 2016 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Цеменков А. Е. Екатеринбург, 2017. 212 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ—Наследие». Оп. 3. Д. 144.

Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытья 2 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение): отчет о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Цеменков А. Е. Екатеринбург, 2010. 201 с. // Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Д. 1285а. Инв. № 6185.

Проведение противоаварийных спасательных археологических работ на поселении Усть-Тетер 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Круземент С. А. Екатеринбург, 2011. 248 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 101.

Проведение раскопок поселения Неушья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра на территории Мортымья-Тетеревского месторождения нефти в 2005 году: отчёт о НИР. Т. 1 (Холм-городище Неушья 1.1, раскоп 1) / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М. Екатеринбург, 2006. 154 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 69.

Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытья 100» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2012 году: отчёт о НИР: в 3-х книгах / Погодин А. А. Екатеринбург, 2014. 214 с. // Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Д. 2280. Инв. № 8411.

Проведение спасательных археологических работ на поселении Большая Умытья 74 / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М. Екатеринбург, 2007. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 113.

Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убья 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2014 г. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2015. 235 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 123.

Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убья 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 г. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2016. 243 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 128.

Раскопки Ендырского VIII поселения и Ендырского II могильника в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2021 г.: отчёт о НИР / ИИиА УрО РАН; Кокшаров С. Ф. Екатеринбург, 2022. 181 с. // Научный архив ИИиА УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 230.

Раскопки культового места Сайгатино VI: отчёт о выполнении работ в сезоне 2003 года по ФЦП «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 2002–2006 гг.». Книга 3: Поддержка экспедиционных и полевых исследований с целью проведения комплексных геологических, биологических, археологических, биолого-археологических, археографических работ с участием студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей и учёных ВУЗов и институтов УрО РАН / УрГУ им. А. М. Горького; Корочкова О. Н. Екатеринбург, 2003. 73 с. // Угорский научно-исследовательский центр. Фонд рукописей. Д. 9.

Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Расторопов Александр Васильевич; Институт археологии РАН. М., 1992. 226 с., прил. (с. 227–319).

Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Расторопов Александр Васильевич; Институт археологии РАН. М., 1992. 25 с.

Собольникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита — ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Собольникова Татьяна Николаевна; Сургутский государственный педагогический институт. Сургут, 1998. 23 с.

Собольникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита — ранней бронзы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Собольникова Татьяна Николаевна; Сургутский государственный педагогический институт. Сургут, 1998. 292 с.

Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 4» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2020 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М. Екатеринбург, 2022. 250 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 168.

Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2019 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2020. 250 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 149.

Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО — Югры в 2020 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2021. 247 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 159.

Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Группа впадин (ловчих ям) Мулымья 6.3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2020 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2021. 249 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 143.

Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убья 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2017. 248 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 131.

Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 74» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра в 2017 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2018. 252 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 139.

Спасательные археологические работы (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 74» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 году / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2019. 254 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 140.

Спасательные археологические раскопки на территории выявленного объекта культурного наследия «Поселение Лева 22» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 году: отчёт о НИР. Екатеринбург, 2016. 1 кн. в 2 частях. 176 с. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Беспрозванный Е. М. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 127.

Спасательные археологические раскопки объекта культурного наследия селище Кулунигый 5 (раскоп № 2.1) в зоне обустройства кустов скважин № 25, № 49 Среднеугутского месторождения в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2018 г.: отчёт о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; Коноваленко М. В. Нефтеюганск, 2023. 241 с. // Архив НПО «Северная археология — 1». Ф. 1. Д. 451.

Спасательные раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Городище Неушья 2.1» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г.: отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; Погодин А. А. Екатеринбург, 2017. 226 с. // Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Оп. 3. Д. 129.

Стоколос В. С. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья: автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.06 / Стоколос Владимир Савельевич; Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. М., 1992. 40 с.

Хотинский Н. А. Палеогеографические итоги корреляции этапов развития растительности Северной Евразии в голоцене: автореф. дис. ... докт. геол. наук / Хотинский Никита Александрович; Институт географии АН СССР. М., 1972. 47 с.

Чемякин Ю. П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья: (культурно-хронологическая периодизация памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Чемякин Юрий Петрович; Удмуртский государственный университет. Ижевск, 1994. 21 с.

Шатунов Н. В. Развитие орнамента на посуде раннего железного века Сургутского Приобья. Дипломная работа. Екатеринбург, 1993 // Архив Археологического музея УрФУ. Ф. III. Д. 355.

Щербакова Т. И. Палеолит южного и среднего Урала (к вопросу о характере и связях уральского палеолита): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Щербакова Татьяна Ивановна; Институт археологии АН СССР, Ленинградское отделение. Л., 1986. 25 с.

Литература

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозёрская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 103–130.

Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей / Отв. ред. А. В. Нескоров. Тобольск; Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2000. 95 с. (Культурное наследие народов Западной Сибири).

Алексашенко Н. А., Брусницына А. Г., Литвиненко М. Н., Косинцев П. А., Перевалова Е. В., Ражев Д. И., Федорова Н. В. Зелёный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Отв. ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. 368 с.

- Алексащенко Н. А., Кокшаров С. Ф., Морозов В. М. Низямы VIII — поселение бронзового века в Нижнем Приобье // Вестник угроведения. 2017. № 3(30). С. 99–118.
- Амброс А. К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // Советская археология. 1986. № 4. С. 53–73.
- Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // Советская археология. 1965. № 3. С. 100–113.
- Андреев К. М. Характеристика раннеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 198–211.
- Аникович М. В. Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологические культуры и культурная трансформация: материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л.: [б. и.], 1991. С. 40–48. (Археологические изыскания; вып. 1).
- Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и формирование болот на восточном склоне Приполярного и Полярного Урала // Торфяники Западной Сибири и цикл углерода: прошлое и настоящее: материалы II междунар. полев. симпозиума / Под ред. С. Э. Вомперского. Томск: Изд-во Науч. технич. лит-ры, 2007. С. 21.
- Антипина Т. Г., Панова Н. К. Ботаническая и палинологическая характеристика торфяника вблизи поселения Большая Умытъя 69 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 190–197.
- Антипина Т. Г., Панова Н. К. Динамика растительности и болотообразовательного процесса в верховьях реки Конды в голоцене // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы VI Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода / Отв. ред. А. Э. Конторович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 41–43.
- Антипина Т. Г., Панова Н. К. Палинологическое исследование торфяников на Приполярном Урале // Палинология: стратиграфия и геоэкология: сб. науч. тр. XII Всерос. палинологич. конф. / Отв. ред.: О. М. Прищепа и др. СПб.: ВНИГРИ, 2008. Т. 2. С. 49–55.
- Антипина Т. Г., Панова Н. К. Голоценовая динамика растительности и климатических условий на восточном склоне Приполярного Урала // Экология. 2016. № 4. С. 251–258.
- Антипина Т. Г., Панова Н. К., Корона О. М. Голоценовая динамика растительности и природных условий на Восточном склоне Северного Урала // Экология. 2014. № 5. С. 353–361.
- Антипина Т. Г., Прейс Ю. И., Зенин В. Н. Динамика лесной растительности и климата в Южной тайге западной Сибири в позднем голоцене по данным спорово-пыльцевого анализа и AMS-датирования торфяного разреза Болтное // Экология. 2019. № 5. С. 356–364.
- Арефьев В. А., Рыжкова О. В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале: сб. науч. ст. / Науч. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург: БКИ, 2010. Вып. 6: Древности Горбуновского торфяника. С. 76–112.
- Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Ред., авт. коммент. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. 184 с.
- Арне Т. Й. Культура Западной Сибири 1000 лет назад // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований: сб. ст. / Ред. А. Я. Труфанов, Ю. П. Чемякин. Сургут: Барсова Гора, 2002. С. 86–96.
- Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 756 с.
- Архипов С. А. Четвертичный период в Западной Сибири / Отв. ред. В. Н. Сакс. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. 329 с.
- Архипов С. А., Астахов В. И., Волков И. А., Волкова В. С., Паныхев В. А. Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения / Отв. ред. В. Н. Сакс. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1980. 110 с. (Тр. Ин-та геологии и геофизики; вып. 470).
- Архипов С. А., Волкова В. С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири / Отв. ред. А. В. Каньгин. Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. 105 с.
- Архипов С. А., Левина Т. П., Паныхев В. А. Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников из долины Средней и нижней Оби // Палеопалинология Сибири: статьи советских палинологов к V Междунар. палинологической конф. (Кембридж, Англия, 1980). М.: Наука, 1980. С. 123–127.
- Астахов В. И., Назаров Д. В. Стратиграфия верхнего неоплейстоцена севера Западной Сибири и ее геохронометрическое обоснование // Региональная геология и металлогения. 2010. № 43. С. 36–47.
- Ашихмина Л. И., Васкул И. О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.

- Багашев А. Н., Ражев Д. И., Пошехонова О. Е., Алексеева Е. А. Антропологические особенности населения субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. В. Громов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 60–73.
- Багашев А. Н., Слепченко С. М., Алексеева Е. А., Слепцова А. В. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2(37). С. 57–71.
- Бадер О. Н. Неолитическая стоянка на р. Полуденка близ Тагила // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов: [б. и.], 1948. Вып. I–IV. С. 37–41.
- Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А. А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 157–171. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 166).
- Баранов М. Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 219–238.
- Баранов Н. Н., Белобородов В. К., Вершинин Е. В., Горшков С. В., Дмитриева Т. Н., Редин Д. А. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург: Волот, 2000. 402 с.
- Баранов Н. Н., Горшков С. В., Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Миненко Н. А., Морозов В. М., Шашков А. Т. Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург: Волот, 1997. 158 с.
- Баранов Ю. М., Косинская Л. Л. Методика построения трехмерной виртуальной модели неолитического жилища (по материалам раскопок поселения Быстрый Кульёган 66) // Международное XVI Уральское археологическое совещание: материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию О. Н. Бадера / Отв. ред. А. Ф. Мельничук. Пермь: Изд-во Перм. ун-та., 2003. С. 231–233.
- Бауло А. В., Белогай О. И. Казымский клад / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 248 с.
- Бахарева В. А. Палинологическая характеристика верхнечетвертичных и голоценовых отложений в районе пос. Першино на Иртыше // Палиностратиграфия мезозоя и кайнозоя Сибири: сб. ст. / Ред. В. С. Волкова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 115–120. (Труды института геологии и геофизики; вып. 620).
- Безформата. Новости Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского автономного округа. Погребение на городище раннего железного века: [сайт]: URL: <https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/pogrebenie-na-gorodishe-gannego-zheleznoego/87134624/> (дата обращения: 11.12.2023).
- Бейсенов А. З., Ломан В. Г. Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2(94). С. 221–225.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. / Ред. З. Я. Бояршинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
- Бельтикова Г. В. Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы тематич. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 203–206.
- Бельтикова Г. В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок 1/20 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 24–28.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А. Металлургия раннего железного века. Распространение производящего хозяйства в лесные районы // История Урала с древнейших времен до 1861 года / Отв. ред. А. А. Преображенский. М.: Наука, 1989. С. 88–98.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С., Стефанов В. И. Исследование селищ конца бронзового — начала железного века на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 232–243.
- Берёзово. Очерки истории с древности до наших дней / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Сократ, 2008. 472 с.
- Берс А. А. Прошлое Урала: с древнейших времен до русской колонизации. М.: Работник просвещения, 1930. 132 с.
- Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья / Отв. ред. А. Я. Брюсов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 182–243. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 21).
- Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск: Облполиграфиздат, 1959. 91 с.
- Беспрозванный Е. М. Первые мезолитические жилища в таёжной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: [б. и.], 1985. С. 91–95.
- Беспрозванный Е. М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: БКИ, 1997. Вып. 1. С. 26–38.

- Беспрозванный Е. М., Козеко О. Е. Могильник Неушья 1.2 — источник по истории Кондинского края // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 239–261.
- Беспрозванный Е. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Косинская Л. Л. Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 192 с.
- Беспрозванный Е. М., Косинцев П. А., Погодин А. А. Север Западной Сибири // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография / Отв. ред. В. М. Котляков и др. М.: ГЕОС, 2014. С. 168–181.
- Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. Вып. 23. С. 48–62.
- Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России: материалы Всерос. археологич. съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 167–169.
- Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолитические стоянки в нижнем течении р. Большая Учинья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 4–19.
- Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Погребение в Нижнем Приртышье // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. Вып. 18: Проблемы Урало-Сибирской археологии. С. 33–38.
- Бляхарчук Т. А. Новые палеопалинологические данные о динамике растительного покрова и климата Западной Сибири и прилегающих территорий в голоцене / Науч. ред. А. С. Ревушкин. Новосибирск: Гео, 2012. 138 с.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобров В. В. «Неолит» Западной Сибири // Современные проблемы археологии России: материалы Всерос. археологич. съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 347–349.
- Бобров В. В. К проблеме исследования «плоскодонного» неолита Западной Сибири (хроностратиграфический аспект) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 150–163.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 — памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 49–61.
- Бобров В. В., Молодин В. И. Сибирь в бронзовом веке. Историография бронзового века Сибири // История Сибири: в 4-х томах / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 376–389.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. / Гл. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 23–27.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. науч. тр. / Под ред. Ю. С. Худякова, С. К. Скобелева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. С. 80–199.
- Боброва А. И., Рудковский С. И. Раскопки селища Моховая 83 — памятника раннего железного века в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Тюмень; Ханты-Мансийск: Риф КоЛеСо, 2008. Вып. 6. С. 128–138.
- Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. 188 с.
- Борзунов В. А. Городища второй половины раннего железного века // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 322–333.
- Борзунов В. А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири: сб. ст., посвящ. 60-летию Л. А. Чиндиной / Отв. ред. А. И. Боброва. Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 224–236.
- Борзунов В. А. Средневековый культовый комплекс с городища Барсов Городок 1/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох / Науч. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 113–120.

- Борзунов В. А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: материалы VII науч.-практич. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга / Науч. ред. В. А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
- Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири: в 4 т. Т. 1: Неолит и энеолит / Отв. ред. О. Н. Корочкова, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 576 с.
- Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 184–220.
- Борзунов В. А., Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Юдина Е. А. Охранные раскопки укрепленного жилища и селища Барсова Гора II/22 в окрестностях г. Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Тюмень; Ханты-Мансийск: КолСо, 2008. Вып. 6. С. 120–123.
- Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / Науч. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.
- Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. Вып. 22: Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. С. 4–45.
- Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер — вымысел или реальность? // Сургут. Сибирь. Россия: докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург: [б. и.], 1994. С. 25–28.
- Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Быстрый Кулъёган — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2(46). С. 55–69.
- Борзунов В. А., Стефанова Н. К. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Сургут: РИО СургПИ, 2001. С. 96–109.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса / Отв. ред. В. И. Стефанов, Е. В. Первалова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 68–108.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таёжного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 155–216.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые вопросы его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 217–261.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымская керамика таёжного Приобья // Вестник археологии, этнографии и антропологии. 2015. № 1(28). С. 56–66.
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображение панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. Фон Ле Кока) // Военное дело nomadov Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. науч. тр. / Под ред. Ю. С. Худякова, С. К. Скобелева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. С. 56–69.
- Борисова О. К., Зеликсон Э. М., Кременецкий К. В., Новенко Е. Ю. Ландшафтно-климатические изменения в Западной Сибири в позднеледниковье и голоцене в свете новых палинологических данных // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 6. С. 38–49.
- Борисова О. К. Ландшафтно-климатические изменения в умеренных широтах Северного и Южного полушарий за последние 130 000 лет. М.: ГЕОС, 2008. 264 с.
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Отв. ред. В. П. Алексеев. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
- Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник / Отв. ред. П. И. Пучков. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 828 с.
- Бурканова Е. М., Лещинский С. В., Зиновьев Е. В., Бабенко С. Н. Палеогеографические обстановки окружающей среды местонахождения мамонтовой фауны Луговское // Эволюция жизни на Земле: материалы IV Междунар. симпозиума / Отв. ред. В. М. Подобина. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. С. 579–582.
- Бурканова Е. М., Пономарёва Е. А. Флористическая характеристика местонахождения мамонтовой фауны «Луговское» // Проблемы и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса и производственных сил Томской области: материалы науч.-практич. конф. / Науч. ред.: А. Э. Конторович, В. С. Сурков. Новосибирск: СНИИГТиМС, 2004. С. 145–146.

- Бурканова Е. М., Пономарёва Е. А. Флористическая характеристика отложений поймы и первой надпойменной террасы Иртыш-Обской протоки Марамка // «Палинология: теория и практика»: материалы XI Всерос. палинологической конф. / Отв. ред.: С. А. Афонин, П. И. Токарев. М.: ПИН РАН, 2005. С. 37–38.
- Буров Г. М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии / Отв. ред. Т. С. Пасек. М.: Наука, 1969. Вып. 117: Каменный век. С. 130–134.
- Васильев Е. А. Энеолитическое время в бассейне р. Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. А. Дремов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 3–12.
- Васильев Е. А. Миграционные процессы в таёжной части Обского бассейна в эпоху бронзы // Вопросы этнокультурной истории Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. М. Кулемзин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 3–10.
- Васильев Е. А. Северотаёжное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья: сб. ст. / Ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 3–14.
- Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 40–62.
- Васильев Е. А. Исследования в Нижнем Приобье // Археологические открытия. 1981. М.: Наука, 1983. С. 189–190.
- Васильев Е. А. Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 36–46.
- Васильев Е. А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. С. 24–31.
- Васильев Е. А. Сартыньинская культура // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа / Ред. Г. Ф. Куцев, С. Н. Гашев. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. Т. 3. Р–Я. С. 69–70.
- Васильев Е. А. Атлымская культура // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа / Ред. Г. Ф. Куцев. Екатеринбург: Сократ, 2000. Т. 1. А–И. С. 76–77.
- Васильев Е. А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 296–301.
- Васильев Е. А. Древности Конды: субъективные заметки (Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2009. 272 с.): [Рец.] // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 514–518.
- Васильев Е. А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 212–214.
- Васильев Е. А., Глызин И. П. Энеолит Нижнего Приобья: проблемы культурогенеза // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 112–114.
- Васильев Е. А., Косинская Л. Л. Каменный инвентарь неолитического поселения Чэс-Тый-Яг // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 131–140.
- Васильев Е. А., Глызин И. П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографич. конф. / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 121–124.
- Васильев Е. А., Косинская Л. Л. Кремневая индустрия поселения Чэс-тый-яг в контексте Урало-Западносибирского неолита // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т. М. Потёмкиной: сб. докл. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2022. С. 24–25.
- Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 103–124.
- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 224 с.
- Величко А. А. Главный климатический рубеж и этапы плейстоцена // Известия АН СССР. Серия географическая. 1968. № 3. С. 5–17.

- Величко А. А., Тимирева С. Н., Кременецкий К. В., МакДональд Г., Смит Л. Западно-Сибирская равнина в облике позднеледниковой пустыни // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 4. С. 16–28.
- Визгалов Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. Вып. 19: Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. С. 47–53.
- Визгалов Г. П., Фильчаков Е. Г. О рыболовстве древнего населения бассейна Конды эпохи раннего металла // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. М. Ф. Косарев. Тобольск: [б. и.], 1988. С. 20–25.
- Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // Советская археология. 1968. № 4. С. 161–173.
- Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: материалы совещания / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 254–270.
- Викторова В. Д. Традиции, обряды и обычаи как формы деятельности и общественных отношений первобытного общества // Вопросы археологии Урала: ст. науч. тр. / Отв. ред. В. Е. Стоянов. 1982. Вып. 16: Археологические исследования Севера Евразии. С. 3–12.
- Викторова В. Д. Туманское I поселение, святилище, костыше // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. ст. / Ред. С. Е. Чаиркин. Екатеринбург: БКИ, 1999. Вып. 3. С. 126–153.
- Викторова В. Д. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 489.
- Викторова В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2008. № 1(23). С. 31–45.
- Викторова В. Д. Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций // Няксимволь / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 53–66.
- Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. Вып. 19: Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. С. 129–141.
- Викторова В. Д., Кокшаров С. Ф. Ранние литейные формы с памятника Палатки I (Среднее Зауралье) // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований СЗАЭК». Томск, 2020. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/Viktorova_Koksharov_2020_poster.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
- Виноградов А. С. Керамика неолитического поселения Чэс-Тый-Яг: культурно-хронологический аспект // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVII регион. (III-й Всерос. с междунар. уч.) археолого-этнографич. конф. студентов и молодых учёных Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. П. В. Лепин. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 52–53.
- Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО — Югры в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2018. Вып. 16. С. 295–312.
- Виноградов Н. Б., Мухина М. А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвуз. сб. / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во Куйб. ун-та, 1985. С. 79–84.
- Водясов Е. В. Чёрная металлургия Усть-Полуя // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 116–124.
- Водясов Е. В. Элитное захоронение с кузнечными клещами в курганном могильнике Архирейская заимка (Томское Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 90–97.
- Водясов Е. В. Миф о кулайской черной металлургии: историография проблемы и перспективы ее решения // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 178–182.
- Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 31. С. 96–119.
- Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с. (Archaeologica Varia).
- Волкова В. С. Послеледниковье и голоцен // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет (кайнозой: от палеоцена до голоцена) / Под ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 1999. С. 105–109.

- Волкова В. С. Четвертичные отложения низовьев Иртыша и их биостратиграфическая характеристика / Отв. ред. В. Н. Сакс. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966. 174 с.
- Волкова В. С., Бахарева В. А., Левина Т. П. Растительность и климат голоцена Западной Сибири // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. А. Хотинский. М.: Наука, 1989. С. 90–95.
- Волкова В. С., Левина Т. П. Растительность голоцена Западной Сибири по политологическим данным // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене: сб. ст. / Отв. ред. А. А. Величко и др. М.: Наука, 1982. С. 186–192.
- Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде / Отв. ред. А. Н. Сорокин. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2006. 124 с.
- Воробьева С. Л. Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2(28). С. 52–60.
- Галкин В. Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков: сб. ст. / Ред. М. Ф. Косарев и др. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1989. С. 129–136.
- Гаман А. Д. Томское и Нарымское Приобье // Очерки культуургенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 234–245.
- Гашев С. Н., Алешина О. А., Зубань И. А., Лупинос М. Ю., Мардонова Л. Б., Митропольский М. Г., Селюков А. Г., Сорокина Н. В., Столбов В. А., Шаповалов С. И. Фаунистические тренды голоцена на территории Западной Сибири и их причины // Геофизические процессы и биосфера. 2017. Т. 16, № 1. С. 55–74.
- Гвоздецкий Н. А. Физическая география СССР. Азиатская часть. Изд. 3-е, испр. и доп.: учеб. для студентов геогр. фак. ун-тов. М.: Мысль, 1978. 512 с.
- Гвоздовер М. Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Ученые записки Московского государственного университета. 1952. Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. С. 207–210.
- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969. Вып. 8: Археологические памятники Ишимской лесостепи. Отчёты уральской археологической экспедиции 1963–1964 гг. С. 102–127.
- Генинг В. Ф., Ещенко Н. К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I // Из истории Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 5: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. С. 53–64.
- Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачёвский могильник на реке Ишим — памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья: межвуз. сб. / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1987. С. 119–133.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. М., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: материалы совещания / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 202–228.
- Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Палеолитическая эпоха на юге Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 89 с.
- Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья: препринт. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. 67 с.
- Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Геоботаническое районирование СССР: сб. ст. / Сост. Я. Я. Васильев и др.; под ред. Е. М. Лавренко. М.-Л.: Из-во АН СССР, 1947. 152 с. (Труды Комиссии по естественноисторическому районированию СССР; Т. 2, вып. 2).
- География ХМАО: Климат ХМАО. URL: https://geografiyahmao.blogspot.com/2011/10/blog-post_4932.html (дата обращения: 11.12.2023).
- География ХМАО: Рельеф ХМАО: [сайт]: URL: https://geografiyahmao.blogspot.com/2011/10/blog-post_7095.html (дата обращения: 09.01.2023).
- Герасимов И. П., Розов Н. Н., Ромашкевич А. И. Почвы // Западная Сибирь / Отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 158–194. (Природные условия и естественные ресурсы СССР; т. 6).
- Гиря Е. Ю. Конвергентность одной категории изделий в материальной культуре неолита Евразии: причина и следствие // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. П. Третьякова / Под ред. В. М. Лозовского и др. СПб.: Периферия, 2015. С. 254–257.

- Гиря Е. Ю. Кварцевые орудия поселения Лемья 19.1 // Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья / Отв. ред. А. А. Погодин, А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 67–117.
- Гиря Е. Ю., Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Труфанов А. Я., Чемякин Ю. П. Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья / Отв. ред. А. А. Погодин, А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. 124 с.
- Гиря Е. Ю., Павлов П. Ю. Особенности технологии изготовления каменного инвентаря стоянки костенковско-стрелецкой культуры Гарчи I (Северный Урал) // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова / Отв. ред. К. Н. Гаврилов. М.: Таус, 2011. С. 159–168.
- Глебов Ф. З., Карпенко Л. В., Климанов В. А., Миндеева Т. Н. Палеоэкологический анализ торфяного разреза «Назино» (среднетаёжная подзона Западной Сибири) // Сибирский экологический журнал. Т. 8, № 6. 2001. С. 583–688.
- Глебов Ф. З., Толейко Л. С., Стариков Э. В., Жидовленко В. А. Палинологическая характеристика и датировка по ¹⁴C торфяника в Александровском районе Томской области (среднетаёжная зона) // Типы болот СССР и принципы их классификации / Под ред. Т. Г. Абрамовой и др. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1974. С. 194–199.
- Глушков И. Г. Поселение Лучкино I — памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Н. П. Матвеева. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1991. С. 93–103.
- Глушков И. Г. Жилые комплексы кучиминского времени на Агане // Сургут. Сибирь. Россия: докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург: [б. и.], 1994. С. 47–49.
- Глушков И. Г. Миграции и гончарные традиции // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье: тез. докл. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский гос. аграрный ун-т, 1994. С. 18–20.
- Глушков И. Г. Керамика как исторический источник / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Глушков И. Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. Т. Н. Глушкова. Сургут: РИЦ СурГПИ, 2005. С. 34–44.
- Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири) / Отв. ред. В. И. Молодин. 2-е изд., испр. Сургут: РИЦ СурГПИ, 2009. 190 с.
- Глушков И. Г., Захожая Т. М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья / Отв. ред. В. И. Молодин. Сургут: РИЦ СурГПИ, 2000. 201 с.
- Глушков И. Г., Соболюшкова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири: сб. ст. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 109–122.
- Говейлер Т. А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археол. студ. конф. / Отв. ред. Е. Л. Лычагина. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 187–190.
- Голдина Р. Д. Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969. Вып. 8: Археологические памятники Ишимской лесостепи. Отчёты уральской археологической экспедиции 1963–1964 гг. С. 138–158.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Науч. ред. В. Ф. Генинг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I / Науч. ред. В. А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 10).
- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II / Науч. ред. В. А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 11).
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Науч. ред. В. Е. Майер. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.
- Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та. 1993. 204 с.
- Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / Отв. ред. С. А. Аругюнов. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Головнев А. В. Туземцы и пришельцы в этногенезе Северного Приобья: заметки к археологической дискуссии // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума / Отв. ред. Н. А. Томилов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1998. Т. 3. С. 66–83.
- Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плёсы II) // Погребальный обряд древних племён Алтая: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1996. С. 156–166.

- Гордиенко А. В. Нижнее Приоболье в первой половине I тыс. н. э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1(20). С. 47–57.
- Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и прилегающих к ней территорий в I-м тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1993. С. 149–179.
- Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1911. Вып. XXI. С. 1–100 (отд. оттиск).
- Гриневиц К. Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка: сб. материалов и исслед. по археологии Томской обл. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1947[обл.: 1948]. С. 139–148. (Труды Томского государственного университета; т. 98).
- Гричук В. П. Растительность позднего плейстоцена // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет: атлас-монография: Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен — голоцен — элементы прогноза / Под ред. А. А. Величко. М.: ГЕОС, 2002. Вып. II: Общая палеогеография. С. 64–89.
- Гричук В. П., Заклинская Е. Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии / Под ред. К. К. Макарова. М.: ОГИЗ, Географгиз, 1948. 224 с.
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник / Вступ. ст. В. И. Равдоникаса; отв. ред. А. Я. Брюсов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 47).
- Гурина Н. Н. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР / Н. О. Бадер и др.; отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 63–67. (Археология СССР).
- Гурина Н. Н. Мезолит Карелии // Мезолит СССР / Н. О. Бадер и др.; отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 27–31. (Археология СССР).
- Гусев С. А. Керамика калинкинской культуры Сургутского Приобья // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всерос. (с междунар. уч.) 43 археол.-этнограф. конф. молодых ученых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 216–217.
- Гусев А. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 4–103.
- Гусев А. В., Фёдорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард: Северное изд-во, 2012. 59 с.
- Гусев А. В., Фёдорова Н. В. Морфология древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 19–64.
- Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья / Науч. ред. Л. Я. Крижевская. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 237 с.
- Данилова Е. Н. Раскопки селища Нёх-Урий 3.1 в Нижневартовском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 447–458.
- Данилова Е. Н. Комплекс раннего железного века селища Нёх-Урий 5.1 в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. С. 167–191.
- Данченко Е. М. Южнотаёжное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н. э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Данченко Е. М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: материалы науч.-практич. семинара по проблемам бакальской культуры / Науч. ред. С. Г. Боталов. Челябинск; Шадринск: Рифей, 2008. С. 45–60.
- Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В. Результаты аналитического изучения металлических изделий // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный [и др.]; отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2011. С. 37–44. (Материалы и исследования по археологии таёжного Приобья).
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1994. 288 с.

- Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Машенко Е. Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково / Отв. ред. В. Т. Петрин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 168 с. (Палеолит Западно-Сибирской равнины).
- Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья / Отв. ред. А. Я. Брюсов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 7–27. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 21).
- Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии / Гл. ред. Н. А. Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2010. Вып. 224. С. 85–97.
- Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 268 с.
- Домбровская А. В., Коренева М. М., Тюремнов С. Н. Атлас растительных остатков, встречаемых в торфе / Под ред. С. Н. Тюремнова. М.: Госэнергоиздат, 1959. 228 с.
- Древний город на Оби: История Сургута / Лит. обраб. В. И. Бугрова. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.
- Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства на Севере Западной Сибири // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. П. Третьякова / Под ред. В. М. Лозовского и др. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 208–212.
- Дубовцева Е. Н. Сюжет о ныряющей птице в неолите — энеолите севера Западной Сибири // V Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Альфа-Принт, 2019. С. 80–82.
- Дубовцева Е. Н. Селище Барсова Гора II/42 (комплексы неолита, энеолита и бронзового века) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2. С. 122–136.
- Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред.: А. Г. Ситдинов и др. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 247–251.
- Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таёжной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2022. № 2(75). С. 139–148.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х. Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки ранне-неолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2(27). С. 149–159.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х., Чаиркина Н. М. Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита на севере Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 94–108.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Хронология и периодизация неолита таёжной зоны Западной Сибири // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. Вып. 12. С. 11–29.
- Дубовцева Е. Н., Пиецонка Х., Шрайбер Т. Новые данные о хронологии укрепленных поселений охотников, рыболовов и собирателей таёжной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2023. № 3(80). С. 119–130.
- Дубовцева Е. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С. Керамические комплексы неолитического посёлка Кушниково // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 20–34.
- Дубовцева Е. Н., Тонкушина М. О., Юдина Е. А., Косинская Л. Л., Остроушко А. А., Кулеш Н. А. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археологич. науч.-практич. конф. / Отв. ред. В. Д. Викторова. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2016. С. 61–68.
- Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 239–254.
- Дудко А. А., Васильева Ю. А. Хронология грунтового могильника Кулунигый 64 (бассейн р. Большой Юган) // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А. П. Деревянко и др. Самара: СГСПУ, 2020. Т. 1. С. 141–142.
- Дудко А. А., Васильева Ю. А., Гурулев Д. А. Результаты спасательных археологических раскопок в устье р. Сумпанья в 2016 году // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т. М. Потёмкиной / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2022. С. 31–33.
- Евсеева Н. С., Жилина Т. Н. Палеогеография конца позднего плейстоцена и голоцена (корреляция событий): учеб. пос. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 021000.68 «География». Томск: Изд-во Науч.-технич. лит., 2010. 177 с.

- Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // *Культура древних народов Южной Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. С. 77–80.*
- Единый официальный сайт государственных органов. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Географическое положение. Границы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://admhmao.ru/> <https://admhmao.ru/ob-okruge/obshchie-svedeniya/geograficheskoe-polozhenie-granitsy-hmao/> (дата обращения: 09.01.2023).
- Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале 1-го тысячелетия н. э. / Отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 127 с.
- Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // *Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1977. Вып. 14: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. С. 104–118.*
- Елькина М. В. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // *Ранний железный век Западной Сибири: материалы семинара / Ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 71–77.*
- Елькина М. В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // *Вопросы археологии Урала: сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 109–112.*
- Еньшин Д. Н. Неолитические жилища поселений озера Мергеня // *Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.*
- Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Слепченко С. М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мергеня // *IV Северный археологический конгресс: материалы / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2015. С. 72–74.*
- Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // *Российская археология. 2005. № 4. С. 92–102.*
- Ермолаева А. С., Калиева Ж. С., Дубягина Е. В. Культурная атрибуция жилища-мастерской на поселении Талдысай на основе анализа керамики // *Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3(24). С. 269–275.*
- Жилин М. Г., Косинская Л. Л., Рыжкова О. В., Савченко С. Н., Устинова Е. А. Неолитический комплекс стоянки Береговая II Горбуновского торфяника и проблемы неолита Зауралья // *Camera praehistorica. 2020. № 1(4). С. 27–60.*
- Жилин М. Г., Савченко С. Н., Косинская Л. Л., Сериков Ю. Б., Косинцев П. А., Александровский А. Л., Лаптева Е. Г., Корона О. М. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. СПб.: Нестор-История, 2020. 368 с.
- Жирных Е. А., Каменский С. Ю. Средневековые железодельные печи на территории Северо-Западной Сибири // *II Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 139–140.*
- Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги: сб. ст. / Отв. ред. В. М. Лозовский и др. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2013. 240 с.
- Зах В. А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // *Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 25–36.*
- Зах В. А. К проблеме неолитизации Западной Сибири // *АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры: сб. ст., посвящ. памяти Л. А. Дрябиной. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2005. С. 60–70.*
- Зах В. А., Еньшин Д. Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // *Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(62). Т. 6. С. 34–43.*
- Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // *Древние погребения Обь-Иртышья: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991. С. 13–42.*
- Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // *Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 24–41.*
- Захожая Т. М. Бронзолитейное производство в эпоху поздней бронзы (по материалам Нижней Конды) // *Тобольский исторический сборник: сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. П. Мартынова. Тобольск: ТГПИ, 1994. Ч. 1. С. 3–7.*
- Земцов А. А. Геоморфология Западно-Сибирской равнины (Северная и Центральные части) / Ред. М. В. Тронов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1976. 343 с.
- Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // *Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.*
- Зенин В. Н., Лещинский С. В. Литоресурсы юго-востока Западно-Сибирской равнины // *Эволюция жизни на Земле: материалы II Междунар. симпозиума / Отв. ред. В. М. Подобина. Томск: Изд-во Науч.-технич. лит-ры, 2001. С. 491–492.*

- Зенин В. Н., Лещинский С. В., Золотарев К. В., Грутес П. М., Надо М.-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1(25). С. 41–53.
- Зими́на О. Ю. Керамические комплексы городища Карагай Аул-1 в Нижнем Притоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: материалы итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН / Ред. В. Р. Цибульский и др. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 49–53.
- Зими́на О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма. 2009. 232 с.
- Зими́на О. Ю., Сизов О. С., Цембалюк С. И. Стратегии заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная–подтаёжная зоны в долине р. Тобол) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 50–60.
- Зиняков Н. М. Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири: уч. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
- Зольников И. Д., Анойкин А. А., Филатов Е. А., Макаров С. С., Левицкая П. С., Бордюгова Е. А., Перфильев С. С., Джуманов А. Т., Выборнов А. В. Разведочные работы на Кушеватской протоке (правобережье Большой Оби) в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. / Гл. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. С. 97–103.
- Зыкин В. С., Зыкина В. С., Маркин С. В., Орлова Л. А. Западная Сибирь // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография / Отв. ред. В. М. Котляков и др. М.: ГЕОС, 2014. С. 159–167.
- Зыков А. П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 332–335.
- Зыков А. П. Могильник Барсов Городок: начало раскопок // Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Ред. и коммент. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. Приложение 5. С. 172–181.
- Зыков А. П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: материалы регион. науч.-практич. конф. Екатеринбург: Волот, 2006. С. 33–58.
- Зыков А. П. Средневековые таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса / Отв. ред.: В. И. Стефанов, Е. В. Первалова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 109–124.
- Зыков А. П. Первые исследователи Барсовой Горы // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 6–15.
- Зыков А. П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. 2011. Вып. 11. С. 66–79.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А. П. Коллекция городища Искер М. С. Знаменского // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. Вып. 12. С. 336–378.
- Зыков А. П. Особенности технологии кузнечного производства населения Северо-Западной Сибири II — начала XVIII веков // Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. Вып. 4. С. 207–221.
- Зыков А. П. Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. / Отв. ред. Е. М. Черных. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2016. С. 223–225.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внештогриздат, 1994. 160 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня завтра: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 1. С. 106–123.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // Российская археология. 2002. № 2. С. 67–80.

- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 114–134.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытъя 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 137–155.
- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука; Восточная литература, 2017. 559 с.
- Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: 12 Уральское археологическое совещание: тез. Екатеринбург ИИиА УрО РАН, 1993 С. 65–66.
- Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея / Науч. ред. В. И. Стефанов. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Г. П. Визгалов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 7–25.
- Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 112–122.
- Игнатов Л. А. Образцы древнего искусства из с. Ягкедж (Верхняя Вычегда) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: сб. тез. конф. / Отв. ред. Л. А. Максимова. Сыктывкар: Изд-во Сыктыв. ун-та, 1994. Вып. 3. С. 10–12.
- История озер Севера Ази / Отв. ред. Н. Н. Давыдова. СПб.: Наука, 1995. 288 с. (Серия: История озер; т. 7).
- История Сибири: в 4-х томах. Т. 2. Железный век и Средневековье / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.
- История Ямала: в 2-х томах. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы / Отв. ред. тома Н. В. Фёдорова. Екатеринбург: Баско, 2010. 416 с.
- Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // Краткие сообщения института археологии / Гл. ред. Н. А. Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2011. Вып. 225. С. 15–27.
- Калиева С. С., Логвин В. Н. Первое жилище поселения Пыхты I // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3(30). С. 15–22.
- Калинина И. В., Гаджиева Е. А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // Российская археология. 1995. № 2. С. 69–83.
- Каменский С. Ю. Ранний железный век р. Конды: история изучения // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Волот, 2006. С. 25–32.
- Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
- Канивец В. И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
- Канивец В. И. Печорское Приполярье: эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.
- Карачаров К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: сб. ст.: К 90-летию А. П. Смирнова / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ АН СССР, 1991. С. 205–218.
- Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала: сб. ст. / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. С. 110–118.
- Карачаров К. Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Г. П. Визгалов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 26–52.
- Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 135–149.
- Карачаров К. Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 82–110.
- Карачаров К. Г. Погребение I могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 88–102. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI).

- Кардаш О. В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озёрах // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 207–218.
- Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. 170 с.
- Кардаш О. В., Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н., Пиецонка Х. Новые исследования городища раннего неолита Каюково 2 на севере Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 109–124.
- Карманов В. Н. Неолитическое население на европейском Северо-востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 419–446.
- Карманов В. Н., Зарецкая Н. Е. Радиоуглеродная хронология чужьяельской культуры // Поволжская археология. № 3(37). 2021. С. 55–69.
- Каспаров А. К., Нехорошев П. Е. К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2 // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. С. 20–35.
- Кац Н. Я., Кац С. В. История растительности болот Севера Сибири как показатель изменений послеледникового ландшафта // Труды Института географии АН СССР: сб. тр. / Гл. ред. А. А. Григорьев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып. 37: Проблемы палеографии четвертичного периода. С. 330–348.
- Кац Н. Я., Кац С. В. Стратиграфия торфяников Приобского Севера // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 7. Вып. 1. С. 15–54.
- Кац Н. Я., Нейштадт М. И. Болота // Западная Сибирь / Отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 230–248. (Природные условия и естественные ресурсы СССР; т. 6).
- Кеммерих А. О., Куприянова Е. Н., Албул С. П., Малик Л. К. Воды // Западная Сибирь / Отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 100–154. (Природные условия и естественные ресурсы СССР; т. 6).
- Кинд Н. В. Абсолютная хронология основных этапов истории последнего оледенения и послеледниковья Сибири (по данным радиоуглеродного метода) // Четвертичный период и его история: К VII конгрессу INQUA. (США, 1965): сб. ст. / Отв. ред. В. И. Громов и др. М.: Наука, 1965. С. 157–175.
- Кинд Н. В. Синхронизация геологических событий и колебаний климата в верхнем антропогене // Основные проблемы геологии антропогена Северной Евразии: сб. ст.: к VIII конгрессу INQUA. Париж, 1969 / Отв. ред.: В. И. Громов, К. В. Никифорова. М.: Наука. 1969. С. 2–35.
- Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.: Наука, 1974. 256 с. (Труды Геологического института; вып. 257).
- Кiryushin Ю. Ф. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири: сб. ст. / Ред. В. А. Дремов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 29–48.
- Кiryushin Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири / Науч. ред. А. П. Деревянко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.
- Кiryushin Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.
- Кiryushin Ю. Ф., Папин Д. В. Некоторые вопросы радиоуглеродной хронологии памятников андроновской культуры Алтая // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею Т. Н. Троицкой): сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 19–22.
- Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея) / Гл. ред. М. Ю. Селянина; сост. А. Б. Агаркова, А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Караван, 2016. 128 с.
- Клементьева Т. Ю., Дубовцева Е. Н., Гирия Е. Ю., Бич Е. Ю. Неолитическое поселение Чилимка V в низовьях р. Конды // В печати.
- Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина: сб. ст. / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497–524.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде с верховьев реки Конды // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 50–58. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. 6).
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Нефтеюганск;

- Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 20–49. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. 6).
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 131–141.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Мулымьинский культурный тип памятников раннего неолита р. Конды: типология, хронология, стратиграфия // Уральский исторический вестник. 2023. № 3(80). С. 105–118.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Скульптурный декор на посуде раннего неолита Кондинского бассейна // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века: материалы симпозиума. Самара; СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 117–120.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология. 2020. № 3(33). С. 84–99.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Труфанов А. Я. Неолитический могильник Большая Умытъя 100 на севере Западной Сибири: планиграфия, хронология, стратиграфия // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 8–22.
- Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я. Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытъя 109 // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1(44). С. 20–33.
- Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: учеб. пособие по спецкурсу / Отв. ред. Ю. Б. Сериков. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура: препринт. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 62 с.
- Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таёжной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 123–134.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура / Отв. ред. А. В. Шаманев. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 30–43.
- Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 32–44.
- Ковальский В. В. Геохимическая экология: очерки. М.: Наука, 1974. 299 с.
- Ковригин А. А. Об одном керамическом сосуде с Барсовой Горы (о характере связей населения таёжной и лесостепной зон Западной Сибири) // Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Академкнига, 2002. С. 57–58.
- Ковригин А. А., Морозов В. М., Погодин А. А., Сергеев А. С. Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 302–307.
- Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 75–106.
- Кокшаров С. Ф. Памятники позднего бронзового века р. Конды // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: тез. науч. конф. посвящ. 90-летию со дня рожд. К. В. Сальникова. Уфа: [б. и.], 1991. С. 66–69.
- Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1991. Вып. 20. С. 92–101.
- Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 3–17.
- Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 162–169.
- Кокшаров С. Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. XII Уральского археологического совещания / Отв. за вып. Н. К. Стефанова. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 88–90.

- Кокшаров С. Ф. Лозьвинского типа памятники // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 1998. С. 312–313.
- Кокшаров С. Ф. Предварительные итоги изучения пос. Геологическое-16 на верхней Конде // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: тез. окружной науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Сургутского краеведческого музея. Сургут: Дефис, 2003. С. 19–21.
- Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса / Отв. ред.: В. И. Стефанов, Е. В. Перевалова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 41–67.
- Кокшаров С. Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3(31). С. 53–62.
- Кокшаров С. Ф. Раскопки городища Большая Умытъя 36 (Шаман-гора) в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 5. С. 108–110.
- Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 271 с.
- Кокшаров С. Ф. Раскопки городища Большая Умытъя 36 // Археологические открытия 2006 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2009. С. 580–582.
- Кокшаров С. Ф. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 175–182.
- Кокшаров С. Ф. Керамика польмятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 75–90.
- Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды [Рец. на кн.: Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 192 с.] // Уральский исторический вестник. 2011. № 1(30). С. 122–130.
- Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4(19). С. 27–42.
- Кокшаров С. Ф. Подвеска-лунница с верховьев Конды (к проблеме трансуральских связей начала бронзового века) // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 131–138.
- Кокшаров С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2(21). С. 133–149.
- Кокшаров С. Ф. Литейная форма долота из Старого Катыша // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3(26). С. 41–45.
- Кокшаров С. Ф. Геологическое III — поселение бронзового века (материалы раскопов I–III, V) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 338–355.
- Кокшаров С. Ф. О специфике литейного производства таёжных аборигенов Западной Сибири в бронзовом веке // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э.: сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 209–216.
- Кокшаров С. Ф., Баранов М. Ю. Следы металлопроизводства бронзового века с поселения Балинское I (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) // Российская археология. 2017. № 2. С. 39–54.
- Кокшаров С. Ф., Ермакова Н. Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлымского типов // Орнамент народов Западной Сибири: сб. ст. / Ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 12–21.
- Кокшаров С. Ф., Зимин А. Н., Казанцева А. И., Мотус А. И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 340–342.
- Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 185–198.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // Российская археология. 2000. № 4. С. 109–127.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2(22). С. 100–113.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Каменный инвентарь бронзового века на поселении Геологическое XVI // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 1(36). С. 41–52.

- Кокшаров С. Ф., Стефанова Н. К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. Вып. 22: Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. С. 54–67.
- Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991. С. 43–52.
- Кокшаров С. Ф., Широков В. Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: пре-принт / Отв. ред. В. Д. Викторова. Свердловск: АН СССР, 1990. 78 с.
- Колесников Б. П. Леса Свердловской области // Леса СССР в 5-ти томах / Ред. А. Б. Жуков. М.: Наука, 1969. Т. 4. Леса Сибири, Урала и Дальнего Востока. С. 64–124.
- Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племён лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири: сб. ст. / Ред. С. В. Киселев. М.: АН СССР, 1952. Т. 1. С. 7–50. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 24.)
- Конигов Б. А. Поселения, жилища и хозяйственные постройки Среднего Прииртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 373–384.
- Конигов Б. А. Среднее Прииртышье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общей ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 260–277.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.: ЭКСМО-Пресс. 2001. 320 с.
- Коноваленко М. В., Балуева Ю. В. Новые данные о погребальном обряде эпохи раннего металла в Сургутском Приобье (по материалам комплекса Большой Салым 4) // V Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. Н. М. Чаиркина, Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 94–97.
- Коноваленко М. В., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Большой Салым 4 — новое мезолитическое поселение на севере Западной Сибири (первые результаты исследования) // Stratum plus. 2017. № 1. С. 201–218.
- Коноваленко М. В., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б. Энеолитические погребения на р. Большой Салым // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 512–513. 1 эл. опт. диск (DVD-ROM).
- Коновалова В. А. Поздненеоплейстоценовые остракоды из образцов керна скважин местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Новости палеонтологии и стратиграфии: приложение к журналу Геология и геофизика. 2010. Т. 51. Вып. 14. С. 167–174.
- Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон) / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 176 с.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Сатыга XVI в системе культур бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный и др.; Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2011. С. 60–85. (Материалы и исследования по археологии таёжного Приобья).
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святилище первых металлургов Среднего Урала / Под общ. ред. Е. Н. Черных. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 214 с.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Вып. 20. С. 70–92.
- Косарев М. Ф. К вопросу о кулайской культуре // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии / Отв. ред. Т. С. Пассек. 1969. М.: Наука. Вып. 119: Памятники раннего железного века. С. 43–51.
- Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 218 с.
- Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 15–25.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири / Отв. ред. Ю. С. Гришин. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности / Отв. ред. Ю. С. Гришин. М.: Наука, 1984. 246 с.
- Косарев М. Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева и др.; отв. ред.: О. Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. С. 289–304. (Археология СССР).
- Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда / Отв. ред. В. Ф. Старков. М.: Наука, 1991. 302 с.

- Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция. М.: ИНИОН РАН, 1993. 283 с. (Российский этнограф: этнологический альманах; вып. 4).
- Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Косинская Л. Л. Проблемы хронологии и культурного взаимодействия в неолите таёжного Зауралья Западной Сибири // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез докл. XII Уральского археологического совещания / Отв. за вып. Н. К. Стефанова. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 102–104.
- Косинская Л. Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири: сб. науч. тр. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 87–102.
- Косинская Л. Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. С. 13–23.
- Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таёжная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы докл. / Отв. ред. В. А. Зах. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–72.
- Косинская Л. Л. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского культурного типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы докл. / Отв. ред. В. А. Зах. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 57–60.
- Косинская Л. Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: [б. и.], 2002. Вып. 5. С. 215–223.
- Косинская Л. Л. К вопросу о гребенчатом неолите таёжного Приобья // Сургут в отечественной истории: сб. тез. докл. и сообщ. Второй межрегион. науч. конф., посвящ. 10-летию Сургут. гос. ун-та / Науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут, 2003. С. 3–6.
- Косинская Л. Л. Проблемы хронологии западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и средней Европе): сб. ст. / Отв. ред. В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН. 2004. С. 301–307.
- Косинская Л. Л. Поселение Ет-то I и некоторые проблемы неолита севера Западной Сибири // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: материалы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение» / Отв. ред. В. П. Тимошенко. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. С. 3–21.
- Косинская Л. Л. Взгляд археолога на западносибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. Вып. 6: материалы III Тверской археологич. конф. Т. 1. С. 19–25.
- Косинская Л. Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Северного археологического конгресса / Отв. ред.: В. И. Стефанов, Е. В. Перевалова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16–40.
- Косинская Л. Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала: в 2-х томах / Отв. ред. тома Н. В. Федорова. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. С. 47–60.
- Косинская Л. Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2(27). С. 13–24.
- Косинская Л. Л. Радиоуглеродные датировки памятников амнинского культурного типа // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 243.
- Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3(23). С. 240–245.
- Косинская Л. Л. Неолит Зауралья: интерпретационные модели и теория миграций // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. Вып. 9: Материалы 13-го — 15-го заседаний науч.-методич. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 120–135.
- Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Уральский исторический вестник. 2014. № 2(43). С. 30–40.
- Косинская Л. Л. Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 164–175.
- Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н. Комплексы раннего железного века в Войкарском археологическом микрорайоне // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы XIV Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 125–130.

- Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Занина В. В., Баранов Ю. М., Юдина Е. А., Величко Т. Ю., Рябогина Н. Е. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. 192 с.
- Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Чёрная 3 // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 199–217.
- Косинская Л. Л., Юдина Е. А. Древние каменные копи Надым-Пуровского водораздела // IV Северный археологический конгресс: материалы / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2015. С. 80–82.
- Косинцев П. А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии: материалы науч. конф. Омск: ГарантПромРесурс, 2004. С. 51–54.
- Косинцев П. А., Бобковская Н. Е., Беспрозванный Е. М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 17–32.
- Костылева Е. Л. Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш Па (Центральная Россия) // *Historia Provinciae*. Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 286–325.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
- Кривоногов С. К. Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения (по карпологическим данным) / Отв. ред. В. С. Волкова. Новосибирск: Наука, 1988. 232 с. (Труды Ин-та геологии и геофизики; вып. 703).
- Кривоногов С. К. Проблема интерпретации отложений низких террас р. Оби (Западная Сибирь) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода М.: ГЕОС, 2009. № 69. Специальный выпуск: Четвертичный период Западной Сибири: результаты и проблемы новейших исследований. С. 106–116.
- Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. 129 с.
- Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Я. Крижевская Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 80–99.
- Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Отв. ред. А. А. Бисембаев. Актобе: Принта, 2008. 358 с. (История, археология и этнография Северного Казахстана).
- Кузьминых С. В. Цветной металл Холмогорской коллекции. Прил. 3 // Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея / Науч. ред. В. И. Стефанов. Екатеринбург: Сократ, 2001. С. 146–150.
- Кузьминых С. В. Литейные формы // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный [и др.]; отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2011. С. 30–32. (Материалы и исследования по археологии таёжного Приобья).
- Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Денисов В. П. Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4(23). С. 13–21.
- Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: материалы XI Западносибирской археолого-этнографич. конф. / Отв. ред. О. М. Рындина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 113–116.
- Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тысячелетия до н. э. (предварительные результаты) // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: сб. музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского / Отв. ред. О. И. Ожередов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 123–134.
- Куницын Л. Ф. Урал // Западная Сибирь / Отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 405–416. (Природные условия и естественные ресурсы СССР; т. 6).
- Лаптева Е. Г. Реконструкция этапов развития растительности Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене // Экология: от генов до экосистем: материалы конф. мол. ученых. Екатеринбург: Академкнига, 2005. С. 141–151.
- Лаптева Е. Г. Ландшафтно-климатические изменения на восточном склоне Северного Урала за последние 50 тыс. лет // Экология. 2009. № 4. С. 284–290.
- Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института археологии / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1986. Вып. 185: Памятники неолита и бронзы. С. 43–50.

- Левина Т. П. Развитие растительности в низовьях Енисея и Средней Оби в голоцене // Палеопалинология Сибири: ст. советских палинологов к V Междунар. палинологич. конф. (Кембридж, Англия, 1980) / Отв. ред. В. Н. Сакс. М.: Наука, 1980. С. 128–132.
- Левковская Г. М. Современные представления о способах подсчета результатов спорово-пыльцевого анализа четвертичных отложений и построение диаграмм // Проблемы палеогеографии: межвуз. сб. / Отв. ред. А. И. Зубков. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965. С. 237–259.
- Левковская Г. М., Кинд Н. В., Завельский Ф. С., Форова В. С. Абсолютный возраст района г. Игарка и расчленение голоцена Западной Сибири // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода / Отв. ред. В. И. Громов, И. К. Иванова. М.: Наука, 1970. № 37. С. 94–101.
- Леонтьева Г. А. Застройка Тюмени и её государственное обеспечение в конце XVI — начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1989. С. 54–69.
- Лещинский С. В. Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1(25). С. 33–40.
- Лещинский С. В., Бурканова Е. М. Динамика размера мамонтов в сарганское время на юге Западно-Сибирской равнины и ее палеоэкологическое обоснование // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: материалы междунар. конф. / Отв. ред. Г. Г. Матишев. Ростов-на-Дону: ЦВВР, 2005. С. 54–56.
- Лещинский С. В., Бурканова Е. М., Бабенко С. Н., Коновалова В. А., Пономарёва Е. А. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования керна скважин местонахождения мамонтовой фауны и палеолита Луговское (Западная Сибирь) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы V Всеросс. совещания по изучению четвертичного периода: сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Лаврушин и др. М.: ГЕОС, 2007. С. 229–232.
- Лещинский С. В., Бурканова Е. М., Орлова Л. А. Кочегур — новое мамонтовое местонахождение — зверовой палеосолонец на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Проблемы геологии и географии Сибири: материалы науч. конф., посвящ. 125-летию основания Томского гос. ун-та и 70-летию образования геолого-географического факультета / Гл. ред. Г. В. Майер. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 126–128. (Вестник Томского государственного университета. Приложение. № 3(II), апрель 2003).
- Лещинский С. В., Машенко Е. Н., Пономарёва Е. А., Орлова Л. А., Бурканова Е. М., Коновалова В. А., Тетерина И. И., Гевля К. М. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 годы) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2006. № 1. С. 54–69.
- Лещинский С. В., Орлова Л. А. О возрасте второй надпойменной террасы рек внеледниковой зоны Западно-Сибирской равнины // Проблемы и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса и производственных сил Томской области: материалы науч.-практич. конф. / Отв. ред. А. Э. Конторович, В. С. Сурков. Новосибирск: СНИИГГиМС, 2004. С. 159–161.
- Линдафф К. М. Как далеко на восток распространялась Евразийская металлургическая традиция // Российская археология. 2005. № 4. С. 25–35.
- Лисс О. Л., Абрамова Л. И., Аветов Н. А., Березина Н. А., Инишева Л. И., Курнишкова Т. В., Слуква З. А., Толпышева Т. Ю., Шведчикова Н. К. Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение / Под ред. В. Б. Куваева. Тула: Гриф и К°, 2001. 584 с.
- Лисс О. Л., Березина Н. А. Возраст и генезис болот в центральной части Западно-Сибирской равнины // Исследования торфяных отложений. Калинин, 1980. Вып. 4. С. 24–34.
- Лисс О. Л., Березина Н. А. Болота Западной Сибири. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 204 с.
- Лисс О. Л., Березина Н. А. К вопросу об индикации торфяной залежи по растительному покрову болот центральной части Западно-Сибирской равнины // Природные условия Западной Сибири: сб. ст. / Под ред. А. И. Попова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. Вып. 8. С. 149–158.
- Логвин В. Н., Калиева С. С. Раскопки селища Кучиминское X в 1999–2000 гг. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. ст. / Отв. ред. И. Т. Исаева. Сургут: Диорит, 2004. С. 259–276.
- Лукина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Ч. М. Таксами. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1986. С. 121–138.
- Лукина Н. В. Четвертичные движения юго-восточной части Западно-Сибирской плиты // Четвертичная геология и палеогеография России: сб. науч. тр. / Отв. ред.: М. Н. Алексеев, И. М. Хорева. М.: ГЕОС, 1997. С. 110–115.
- Лычагина Е. Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4(56). С. 50–57.

- Львов Ю. А. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири: сб. ст. / Ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 12–18.
- Мажитов Н. А. Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры / Отв. Ред. В. В. Кропоткин. М.: Наука, 1968. 162 с.
- Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. / Отв. ред. А. К. Амброз. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Макаров С. С. Первоначальное заселение и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене: хронология и периодизация // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: материалы междунар. конф. / Ред. А. А. Величко, С. А. Васильев. М.: [б. и.], 2008. С. 196–210.
- Макаров С. С. Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 64–76.
- Макаров С. С., Даи К. Проблема датирования стоянки древнего человека на территории местонахождения позднеплейстоценовой фауны «Луговское» // III Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 39–40.
- Макаров С. С., Зольников И. Д., Резвый А. С., Аношкин А. А., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Васильев А. В. Стоянка финального палеолита Комудваны в долине нижней Оби: геоморфология, палеонтология, археология // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1(50). С. 29–38.
- Макаров С. С., Резвый А. С., Телегина С. Н., Горелик В. И., Нарочный В. А., Дмитриева Л. В., Даи К., Судзуки К. Предварительные результаты полевых археологических работ в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011–2012 годах // Пятая Югорская полевая музейная биеннале: сб. докл. и общ. науч.-практич. конф. «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры». Екатеринбург: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2014. С. 8–18.
- Макаров С. С., Резвый А. С. Освоение территории центра Западной Сибири в позднем плейстоцене (по материалам стоянки Луговское) // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 22–27.
- Макаров С. С., Резвый А. С. Результаты полевых археологических работ на местонахождении Луговское в 2014 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. С. 268–281.
- Макаров С. С., Резвый А. С. Стоянка Комудваны — новый памятник палеолитической эпохи в среднетаёжной зоне Западно-Сибирской равнины // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. Н. Багашев. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 143–149.
- Макаров С. С., Резвый А. С., Горелик В. И. Местонахождение Комудваны — новый палеонтолого-археологический памятник Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле: материалы V Междунар. симп. / Отв. ред. В. М. Подобина. Томск: ИД Том. гос. ун-та, 2018. С. 215–217.
- Малахов М. В. О доисторических эпохах на Урале // Записки Уральского Общества Любителей Естественного. Екатеринбург: Типография А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1888. Т. 11. С. 1–8.
- Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. А. П. Хомик; под ред. О. Ю. Артемовой. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с. (Astrum Sapientiae).
- Малышкин А. В. Исследования на р. Конде в Тюменской области // Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 252.
- Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири: сб. ст., посвящ. 60-летию Л. А. Чиндиной / Отв. ред. А. И. Боброва. Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 209–216.
- Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.
- Марочкин А. Г. Древнейшие погребальные кремации Томского Приобья (хронологическая и культурно-историческая интерпретация) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(62). Т. 6. С. 80–86.
- Марочкин А. Г. О двух погребально-обрядовых провинциях в Западной Сибири в периоды неолита — энеолита — ранней бронзы // V Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Альфа-Принт, 2019. С. 110–112.
- Мартынова Е. П., Грценко В. Н., Ивасько Л. В., Ильина И. В., Кардаш О. В., Клепиков А. В., Суруень Д. А., Федорова Е. Г. Салымский край / Отв. ред. Г. П. Визгалов. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.

- Массон М. В. Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит» // Энеолит СССР / В. М. Массон и др.; отв. ред. М. В. Массон и др. М., 1982. С. 5–8. (Археология СССР).
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012. 154 с. (Древности Ингальской долины; вып. 3).
- Матвеева Н. П. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Приобья: сб. ст. / Отв. ред. И. Н. Сосновкин. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1979. Вып. 2. С. 73–81. (Научные труды Тюменского гос. ун-та; сб. 64).
- Матвеева Н. П. Неолитический памятник в Сургутском Приобье // Советская археология. 1990. № 2. С. 127–135.
- Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1994. 152 с.
- Матвеева Н. П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов / Отв. ред. А. И. Соловьев. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 178 с.
- Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников) / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2016. 264 с.
- Матвеева Н. П., Зыков А. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Алексеева Е. А., Клима Л., Кулешов В. С. Западная Сибирь в эпоху раннего средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Отв. ред. Н. П. Матвеева. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2022. 260 с.
- Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь / Отв. ред. В. Ф. Старков. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2: Самусьская культура / Отв. ред. В. И. Мошинская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 141 с. (Из истории Сибири. Вып. 10).
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби / Отв. ред. В. И. Мошинская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 150 с. (Из истории Сибири. Вып. 11).
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура / Отв. ред. В. И. Мошинская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. 196 с. (Из истории Сибири. Вып. 12).
- Матющенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Т. I. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2001. 179 с.
- Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево / Отв. ред. Б. А. Коникив. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1994. 223 с.
- Матющенко В. И., Сеницына Г. В. Могильник у д. Ростовки вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
- Мащенко Е. Н., Лещинский С. В. Состав и морфология остатков мамонтов местонахождения Волчья грива // Эволюция жизни на Земле: материалы II Междунар. симпозиума / Отв. ред. В. М. Подобина. Томск: Изд-во Науч.-технич. лит-ры, 2001. С. 507–511.
- Мельник Т. В. Планировка поселения раннего железного века Ендырское VIII (по материалам раскопок 2002–2018 гг.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г.: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. / Ред. М. А. Демин [и др.] Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2019. Вып. 14. С. 77–81.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи: сб. ст. / Науч. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж, 1981. С. 4–21.
- Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: официальный сайт: URL: <https://www.mnr.gov.ru/> (дата обращения: 11.12.2023).
- Могильников В. А. Культура племён лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. // Учёные записки Пермского государственного университета. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. № 191. С. 269–291.
- Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: материалы совещания / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172–190.
- Могильников В. А. Угры и самодейцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Л. А. Голубева, и др.; Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Могильников В. А., Коникив Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. № 2. С. 162–182.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис / Отв. ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 260 с.

- Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири: межвуз. сб. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. С. 96–109.
- Молодин В. И. Этногенез // История и культура хантов / Ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 3–44.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с.
- Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею Т. Н. Троицкой): сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 61–76.
- Молодин В. И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографич. конф. / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Аграф-Пресс. 2010. С. 22–24.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.
- Молодин В. И. Сибирь в бронзовом веке. Введение // История Сибири: в 4-х томах / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 373–375.
- Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера / Отв. ред. В. И. Васильевский. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 208 с.
- Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1989. 168 с.
- Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на р. Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерovo-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 30–46.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 69–93.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. Н., Ефремова Н. С., Чемякина М. А., Мыльникова Л. В., Васильев С. К., Беккер Г., Фасбиндер Й., Майнштейн А. К., Дядьков П. Г. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) / Отв. ред. В. И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. 240 с. (Материалы по археологии Сибири).
- Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Соболев В. И., Полосьямак Н. В., Сидоров Е. А., Соловьев А. И., Бороодовский А. П., Новиков А. В., Ким А. Р., Чикишева Т. А., Беланов П. И. Бараба в тюркское время / Отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 173 с.
- Молодин В. И., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ефремова Н. С., Ненахов Д. А., Ковыршина Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Борзых К. А., Сальникова И. В., Демахина М. С. Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы на памятнике Тартас-1: новейшие результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. / Гл. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 332–336.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Парцингер Г., Новикова О. И., Ефремова Н. С., Гришин А. Е., Марченко Ж. В. Глиняные скульптурки городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 333–340.
- Морозов В. М. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала: сб. ст. / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. С. 102–109.
- Морозов В. М. Поселения и постройки Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 362–373.
- Морозов В. М. Поселения и постройки Нижнего и Сургутского Приобья (развитие средневековья) // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 415–418.
- Морозов В. М. Новое в изучении усть-полуйской культуры // XIII Уральское археологическое совещание: тез. докл. / Отв. ред. В. А. Иванов. Уфа: Вост. Университет, 1996. Ч. 2. С. 40–41.

- Морозов В. М. Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников) // Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Академкнига, 2002. С. 63–64.
- Морозов В. М., Дубовцева Е. Н. Керамический комплекс эпохи раннего железного века городища Перегребное VI // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы XIV Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 349–353.
- Морозов В. М., Кондрашев А. Н. Результаты предварительного обследования поселения Амтунъюх 3 // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 1. С. 72–85.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. Очерки истории Коды / Ред. А. К. Киприянов. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
- Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. Вып. 21. С. 143–170.
- Морозов В. М., Стефанов В. И., Погодин А. А. Древнее поселение в бассейне Казыма // Материалы по археологии Обь-Иртышья: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Сургут: РИО СурГПИ, 2001. С. 26–34.
- Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Древнее поселение в бассейне р. Пим: краткий археологический очерк: учеб. пособие по археологии и краеведению / Ред. и авт. вступ. ст. В. Л. Москалева. Сургут: Изд-во Сургут. ун-та, 1997. 72 с.
- Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 208–219.
- Морозов В. М., Шатунов Н. В. Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова гора: 110 лет археологических исследований: сб. ст. / Ред. А. Я. Труфанов, Ю. П. Чемякин. Сургут: Барсова гора, 2002. С. 62–72.
- Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии / Отв. ред.: Р. С. Васильевский, И. В. Константинов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977. 264 с.
- Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской) культуре // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Ред. А. В. Збруева. М.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 189–220. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Ред. А. В. Збруева. М.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 107–120. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Мошинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1965. 88 с. (Свод археологических источников; вып. ДЗ–8).
- Мошкова В. Г. Племенные “голи” в туркменских коврах // Советская археология. 1946. № 1. С. 145–162.
- Мызников С. А. Охранно-спасательные раскопки в Тюменской области // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 699–701.
- Мызников С. А., Косинская Л. Л., Стефанов В. И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаёжного Приобья // Вестник археологи, антропологии и этнографии. 2012. № 3(18). С. 60–72.
- Мыльникова Л. Н., Чемякина М. А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1) / Отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 200 с. (Материалы по археологии Сибири; вып. 2).
- Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения уральской языковой семьи: данные мифологических реконструкций (прауральский космогонический миф) / Отв. ред. Ю. Б. Симченко. М.: [б. и.], 1991. 189 с. (Материалы к серии «Народы Советского Союза»; вып. V: Народы уральской языковой семьи).
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / Отв. ред. Н. А. Томилов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 344 с.
- Наш Урал: электронный путеводитель по Уралу: «Верхне-Кондинский» природный заказник: история, описание, фото. URL: <https://nashural.ru/mesta/hanty-mansijskij-ao/verhne-kondinskiy-zakaznik/> (дата обращения: 09.01.2023).
- Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 404 с.
- Нейштадт М. И. Голоценовые процессы в Западной Сибири и возникающие в связи с этим проблемы // Изучение и освоение природной среды: сб. ст. в честь 70-летия И. П. Герасимова. М.: [б. и.], 1976. С. 90–99.

- Нейштадт М. И. О смене природных условий в средней тайге Западной Сибири в голоцене // Палинология в СССР: статьи советских палинологов к IV Междунар. палинологич. конф. (Лакнау, Индия) / Отв. ред. Е. Д. Зарклинская, М. И. Нейштадт. М.: Наука, 1976. С. 156–161.
- Нестерова М. С. Западная Сибирь в развитом бронзовом веке. Таёжная зона // История Сибири: в 4-х томах / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 416–419.
- Нестерова М. С. Западная Сибирь в позднем бронзовом веке. Барсовская культура // История Сибири: в 4-х томах / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. Каменный и бронзовый век. С. 456–459.
- Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель / Ред. Д. Н. Анучин. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1898. 656 с.
- Никитин В. В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. 177 с. (Труды Марийской археологической экспедиции; т. IV).
- Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 146–169.
- Няксимволь: альбом / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 196 с.
- Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850 гг.). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 257 с.
- Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия) // У истоков древних культур (эпоха мезолита) / Отв. ред. Н. Н. Гурина. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1966. С. 213–223. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 126).
- Окладников А. П., Молодин В. И. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири: сб. ст. / Отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 9–19.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. № 1. 1986. С. 65–76.
- Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.
- Омельчук А. К. Рыцари Севера. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 192 с.
- Орлов В. И. Схема природного районирования // Западная Сибирь. М.: АН СССР. 1963. С. 315–316.
- Орлов В. И. Ход развития природы лесоболотной зоны Западной Сибири / Под ред. А. А. Земцова. Л.: Недра, Ленинград. отд-ние, 1968. 172 с. (Труды Зап.-Сиб. науч.-исслед. геол.-развед. нефт. ин-та; вып. 10).
- Орлов В. И. Районирование болот Севера Западно-Сибирской равнины с учетом особенностей динамики их развития // Генезис и динамика болот: сб. ст. / Отв. ред. О. Л. Лисс. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1978. Вып. 2. С. 19–25.
- Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Отв. ред. Н. И. Шутова. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 2. Томск: из-во Томского ун-та. 1994. 286 с.
- Ошибкина С. В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье) / Отв. ред. Е. В. Леонова. М.: ИА РАН, 2017. 140 с.
- Павлов А. Ф., Машенко Е. Н., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Орлова Л. А. Предварительные результаты междисциплинарных исследований местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 165–172.
- Павлов П. Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар: Коми книжное изд., 1996. 290 с.
- Павлов П. Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1(18). С. 6–23.
- Павлов П. Ю. Уральская позднелитическая культура: хронология, культурные особенности, происхождение // V Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Альфа-Принт, 2019. С. 31–33.
- Панина С. Н. Культурные предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея: Тесло с ушками в виде плывущего зверя // Культурные памятники горно-лесного Урала / Н. А. Алексашенко и др.; отв. ред. В. Д. Викторова и др. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 256.

- Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 137–146.
- Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма — культового места эпохи неолита — железного века в лесном Зауралье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 183–185.
- Паничев А. М. Литофагия в мире животных и человека / Отв. ред. А. И. Перельман, К. П. Филонов. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Панова Н. К. История горных лесов центральной части Южного Урала в голоцене // Лесоведение. 1982. № 1. С. 26–34.
- Панова Н. К. История озёр и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне- и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. ст. 2001. Екатеринбург: БКИ, 2001. Вып. 4. С. 48–59.
- Панова Н. К., Маковский В. И., Хижняк В. А. Итоги изучения болот и развития лесной растительности Висимского заповедника в голоцене // Исследования эталонных природных комплексов Урала: материалы науч. конф., посвящ. 30-летию Висимского заповедника / Отв. ред. Ю. Ф. Марин. Екатеринбург: Екатеринбург, 2001. С. 349–365.
- Пархимович С. Г. Орнаментированные берестяные изделия раннего железного века с городища Шеркалы 1/2 (к проблеме этнической интерпретации кулайской культуры) // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 103–126. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI).
- Пахунов А. С., Светогоров Р. Д., Овчаров А. В., Шушунов М. Н., Сенин Р. А. Изучение состава образцов охры из культурного слоя зала Знаков Каповой пещеры // Российская археология. 2021. № 1. С. 18–30.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во том. ун-та, 1972. 424 с.
- Перевалова Е. В. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология: известия Лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута: сб. ст. / Отв. ред. И. Г. Глушков. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. Вып. 1. С. 118–128.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с. (Панорама культур Ямала).
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург; Нижневартовск: Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
- Перельман А. И. Геохимия ландшафта: учеб. пособие для геогр. и геол. специальностей ун-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1975. 342 с.
- Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины / Отв. ред. Ю. П. Холюшкин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 142 с.
- Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале / Отв. ред. А. А. Деревянко. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1992. 206 с.
- Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище). Тобольск: Типография Епархиального братства, 1915. 36 с.: ил. (Ежегодник Тобольского губернского музея: [отд. оттиск]; вып. XXV).
- Пиецонка Х. Старейшие горшки мира: о рассеивании керамических инноваций среди евразийских охотников-собираателей со времен позднего ледникового периода // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 2. С. 66–78.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири (по материалам Янской стоянки) // Stratum Plus. 2015. № 1. С. 223–283.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 142 с.
- Плетнева Л. М. Погребение IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья: сб. ст. / Ред. Л. Н. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.
- Плетнева Л. М., Абдулганеев М. Т., Казаков А. А. Поселения и постройки Верхнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 306–312.
- Погода и климат. Летопись погоды. Ханты-Мансийский АО, Россия: [сайт] URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/history.php?id=ru&region=86> (дата обращения: 11.12.2023).
- Погодин А. А. Мезолитические рубящие орудия таёжного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута / Отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. С. 173–176.

- Погодин А. А. Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. С. 5–15.
- Погодин А. А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 146–183.
- Погодин А. А., Беспрозванный Е. М. Новые исследования каменного века таёжной зоны Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: материалы науч. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. С. 8–12.
- Погодин А. А., Миронов П. В. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытъя 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 132–167.
- Погодин А. А., Труфанов А. Я. Спасательные работы на городище Неушья 2.1 // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2018. С. 372–374.
- Погодин Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1998. 84 с.
- Погодин Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: ОмГУ, 1998. 84 с.
- Погодин Л. И., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровлянка XVII // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 195–205.
- Подосенова Ю. А. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа изделий из цветного металла из святилища Усть-Полуй // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 125–131; илл.: С. 205–276.
- Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа / Отв. ред. А. И. Соловьев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балужева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы / Отв. ред. В. П. Алексеев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 104 с.
- Пономарева Т. М. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 380–382.
- Пономарева Т. М. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры (по материалам работ 2015 г.) // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред.: К. Г. Карачаров, Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 15. С. 364–369.
- Посредников В. А. Археологические работы на реке Вах // Из истории Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. Вып. 2: Полевые работы 1969 года. С. 76–85.
- Посредников В. А. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 5: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. С. 65–93.
- Посредников В. А. О культурно-хронологической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таёжном Приобье (эпоха бронзы) // Из истории Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 7: Материалы совещ. по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. С. 95–107.
- Потёмкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы) / Отв. ред. М. Ф. Косарев. М.: ПАИМС, 1995. 208 с.
- Пошехонова О. Е., Скочина С. Н. Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северо-таёжной зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1(16). С. 31–41.
- Приступа О. И., Стародумов Д. О., Яковлев Я. А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века / Отв. ред. А. Я. Яковлев. Томск: ГалаПресс, 2002. 88 с.
- Пыльцевой анализ / Сост.: А. Н. Гладкова, В. П. Гричук, Е. Д. Заклинская и др.; Под общ. ред. А. Н. Криштофовича. М.: 1-я тип. Госгеолиздата, 1950. 572 с.
- Пьявченко Н. И. К изучению палеогеографии севера Западной Сибири в голоцене // Палинология голоцена: К III Междунар. палинол. конф. / Отв. ред. М. И. Нейштадт. М.: [б. и.], 1971. С. 139–157.

- Расторопов А. В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Ка-тыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археоло-гических исследований: материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящ. 90-летию со дня рожд. В. Ф. Генинга / Отв. ред. В. А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 246–254.
- Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы / Ред. А. Я. Брюсов. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 151 с. (Труды Государственного Исторического музея; вып. 29).
- Ревдатов В. В., Куминова А. В., Соболев Л. Н. Растительность // Западная Сибирь / М. И. Помус и др.; отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 195–229. (Природные условия и естественные ресурсы СССР, т. 6).
- Рихтер Г. Д. Рельеф и геологическое строение // Западная Сибирь / Отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 22–69. (Природные условия и естественные ресурсы СССР, т. 6).
- Рогачев А. Н. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // У истоков древних культур (эпо-ха мезолита) / Отв. ред. Н. Н. Гурина. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1966. С. 9–13. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 126).
- Романова М. В., Сухина Л. В. Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере // Из истории Сиби-ри: сб. ст. / Отв. ред.: В. Ф. Генинг, В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. Вып. 15. С. 43–46.
- Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура: (по данным фольклора и обрядов) / Ред. Н. Г. Ширькалова. Сургут: Северный дом; Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Рыгдылон Э. Г. Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея // Палеолит и неолит СССР / Отв. ред. А. П. Окладников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. С. 276–285. (Материалы и исследования по архео-логии СССР; № 39).
- Рындина Н. В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник Москов-ского государственного университета. Сер. 6. История. 1978. Вып. 6. С. 74–86.
- Савина С. С., Хотинский Н. А. Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суб-бореальном периодах голоцена // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1985. № 4. С. 18–33.
- Савченко С. Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Заура-лья // Stratum plus. 2014. № 1. С. 181–208.
- Савченко С. Н. Наконечники гарпунов и зубчатые острия в каменном веке Урала // Российская археология. 2017. № 2. С. 27–38.
- Салугина Н. П. Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможно-сти историко-культурной интерпретации // Вестник «История керамики»: сб. ст. / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 1. С. 36–47.
- Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследова-ниях Института истории материальной культуры / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. Вып. 47. С. 15–23.
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Особенности гончарной технологии населения сургутского варианта кулайской КИО (по материалам памятников Барсовой Горы) // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Все-рос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т. М. Потёмкиной / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. С. 238–240.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде // Археология Западной Сибири: сб. науч. тр. Нижне-вартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 3–23.
- Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: Изд-во Н.-Тагил. гос. пед. ин-та, 2000. 430 с.
- Сериков Ю. Б., Балуева Ю. В., Коноваленко М. В. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на се-вере западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4(43). С. 5–19.
- Сериков Ю. Б., Чемякин Ю. П. Каменный инвентарь белоярского поселения Барсова гора 1/40 // Вопросы архео-логии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. Вып. 23. С. 241–256.
- Сибирские реликвии: альбом: из собраний Тобольского музея / Ред. В. Ф. Петров. Тобольск: Изд-во обществ. фон-да Возрождение Тобольска, [2001]. 277 с.
- Скандаков И. Е., Данченко Е. М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаёжном Прииртышье // Гумани-тарное знание. Сер. «Преемственность» / Отв. ред. В. Н. Худяков. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Скочина С. Н. Орудийный комплекс из кости и рога ранне-неолитического слоя поселения Мергень 6 // Изделия из камня и кости в культурах неолит: материалы симпозиума. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 50–52.

- Сладкова Л. Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таёжного Зауралья — Западной Сибири // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 164–167.
- Сладкова Л. Н. Чёртова Гора — неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 147–158.
- Сладкова Л. Н., Кокшаров С. Ф. Керамическая погребушка с поселения Олымья IV (бронзовый век) // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потёмкиной: сб. докл. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2022. С. 138–139.
- Сладкова Л. Н., Кокшаров С. Ф. Керамическая погребушка бронзового века с поселения Олымья IV (север Западной Сибири) // *Stratum plus*. 2023. № 2. С. 119–132.
- Смолин В. Ф. Организация археологического обследования Сибири // Труды Съезда по организации Института исследования Сибири / Изд. под наблюдением пред. съезда Б. П. Вейнберга. Томск: [б. и.], 1919. Ч. 3. С. 97–100.
- Смолоногов Е. П., Вегерин А. М. Комплексное районирование лесов Тюменской области (Методические рекомендации) / Отв. ред. В. А. Кирсанов. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1980. 88 с.
- Собольникова Т. Н. Возможности реконструкции орудий обработки поверхности по следам на сосудах: гребенчатый штамп // Экспериментальная археология. Тобольск: Изд-во Тобольск. гос. пед. ин-та, 1994. Вып. 3. С. 13–19.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2018. Вып. 16. С. 313–327.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Спасательные археологические раскопки в Берёзовском районе ХМАО — Югры в 2017–2018 гг. // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 432–435.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Спасательные раскопки Няксимвольского археологического комплекса в Берёзовском районе ХМАО — Югры // Археологические открытия 2020 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2022. С. 342–345.
- Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 193 с.
- Сомье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар и башкир. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 71–102.
- Сорокин А. Н. Пургасовская культура: к 30-летию изучения // Краткие сообщения Института археологии / Гл. ред. Н. А. Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2015. Вып. 239. С. 301–325.
- Спиридонов И. А. Металл энеолитических комплексов Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3(46). С. 86–95.
- Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского Университета. Сер.9: История. 1969. № 5. С. 72–77.
- Старков В. Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири: сб. ст., посвящ. памяти В. Н. Чернецова / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 208–219.
- Старков В. Ф. Неолитические памятники в Нижнем Приобье // Памятники древнейшей истории Евразии: сб. ст., посвящ. 70-летию О. Н. Бадера / Отв. ред.: П. М. Кожин и др. М.: Наука, 1975. С. 151–157.
- Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья: сб. ст. / Отв. ред. И. Н. Сосновкин. Тюмень: Тип. изд-ва «Тюменская правда», 1976. Вып. 1. С. 38–48. (Научные труды Тюменского гос. ун-та; сб. 37).
- Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
- Степаненкова З. В. Лучкинский тип керамики: Эпоха поздней бронзы // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: тез. докл. IX Западно-сибирского археолого-этнографического совещания / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. С. 110–111.
- Стефанов В. И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов, Ю. П. Чемякин. Сургут: Барсова гора, 2002. С. 97–112.
- Стефанов В. И. Забытая находка из Черноозерского могильника // Российская археология. 2004. № 4. С. 114–118.
- Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор-3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Российская археология. 2006. № 1. С. 44–58.
- Стефанов В. И. Керамика // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный и др.; отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 51–56.

- Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 93–111.
- Стефанов В. И., Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Морозов В. М., Погодин А. А. Работы Казымской экспедиции // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 253–255.
- Стефанов В. И., Данилова Е. Н. Кульёганские древности среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 11. С. 84–96.
- Стефанов В. И., Косинская Л. Л., Карачарова Л. В. Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Вып. 12. С. 48–84.
- Стефанов В. И., Косинская Л. Л., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н., Беспрозванный Е. М. Поселение Енья 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита–энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. К 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. / Науч. ред. В. А. Борзунов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 48–66.
- Стефанов В. И., Морозов В. М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: материалы совещ., посвящ. памяти А. П. Смирнова / Отв. ред. Э. А. Савельева и др. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992. С. 77–91.
- Стефанов В. И., Морозов В. М., Погодин А. А. Кирип-Вис-Юган II — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикамыя) // Источники по археологии Западной Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. Т. Н. Глушкова. Сургут: РИО СурГПУ, 2005. С. 19–33.
- Стефанова Н. К. Работы в Кондинском районе // Археологические открытия 1981 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 232–233.
- Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа) / Науч. ред., авт. предисл. В. И. Стефанов. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 136 с.
- Стоколос В. С. Стоянка бронзового века на р. Коротаихе // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 31–54. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 9).
- Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1988. 254 с.
- Стоколос В. С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке // Древности Ямала / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 6–24.
- Сукачев В. Н. К вопросу об изменении климата и растительности на севере Сибири в послетретичное время // Метеорологический Вестник. 1922. Т. 32, № 1–4. С. 25–43.
- Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог / Сост. А. Б. Агаркова, А. Я. Труфанов; отв. ред. М. Ю. Селянина. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 151 с.
- Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и среднего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Ред. А. В. Збруева. М.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 242–357. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35)
- Терехин С. А. Техника и технология цветной металлообработки кулайской культуры (васюганский этап) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 81–83.
- Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. В. Н. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 277–289.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 337–348. (Археология СССР).
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / Отв. ред. Г. И. Зайцева, П. М. Долуханов. СПб.: ТЕЗА, 2004. 157 с. (Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН).
- Токарев С. А. Ранние формы религии / Под общ. ред. В. П. Алексеева; сост. И. В. Тарасова. М.: Политиздат, 1990. 622 с. (Библиотека атеистической литературы)
- Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 346 с.

- Тресцова А. Ю. Общее и особенное неолитических памятников в долине р. Аган // V Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Альфа-Принт, 2019. С. 124–126.
- Трифонов В. Г. Неотектоника Евразии. М.: Научный мир, 1999. 252 с. (Труды Геологического института РАН; вып. 514).
- Троицкая Т. Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири: сб. ст., посвящ. 60-летию Л. А. Чиндиной / Отв. ред. А. И. Боброва. Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 133–140.
- Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа: сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 101–120.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Труфанов А. Я., Труфанова Ж. Н. Находка кулайской металлопластики в верховьях Конды // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: материалы междунар. конф. посвящ. 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Д`Принт, 2017. С. 90–93.
- Тупахина О. С. Образы птиц на керамической посуде эпохи энеолита Севера Западной Сибири (по материалам поселения Горный Самотнёл — 1) // Археология Арктики: сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Федорова, Д. С. Тупахин. Калининград: ИД-Рос-ДООАФК, 2016. Вып. 3. С. 204–211.
- Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнёл-1: материалы исследования / Науч. ред. Н. В. Федорова. Салехард: Тип. Золотой тираж, 2018. 150 с. (Прил. к сб. «Археология Арктики»; вып. 5).
- Турков В. Г. Многовековая ритмика природной среды и динамика лесного биогеоценотического покрова среднеуральского низкогорья в антропогене // Взаимосвязи среды и лесной растительности на Урале: сб. ст. / Отв. ред.: Р. С. Зубарева, В. А. Кирсанов. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1981. С. 3–39.
- Уманский А. Г. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974. С. 136–149. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; вып. 4).
- Уманский А. Г. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Уманский А. Г., Горбунов В. В. Реконструкция вооружения воинов Верхне-Обского Правобережья в IV–V вв. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: тез. докл. и сообщ. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1991. С. 161–165.
- Усачева И. В. Сосновостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4(35). С. 5–17.
- Усть-Полуй: I в. до н. э.: каталог выставки / Вступ. ст. Н. В. Федорова; сост. Н. А. Алексашенко. Салехард; СПб.: [б. и.], 2003. 76 с.
- Федеральное агентство водных ресурсов: официальный сайт: URL: <https://voda.gov.ru/> (дата обращения: 11.12.2023).
- Федоров Е. Геологические исследования на Северном Урале в 1884–1886 годах. СПб.: Тип. и хромолитография А. Траншель, 1890. 270 с. (Извлеч. из Горного журнала 1889 № 5–6, 1890 № 3–4).
- Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 368 с.
- Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири: материалы семинара / ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 78–83.
- Федорова Н. В. Итоги четырёхлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала: сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 140–142.
- Федорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала: сб. ст. / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 1999. Вып. 1. С. 54–66.
- Федорова Н. В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. С. 4–12.
- Федорова Н. В. История изучения археологического памятника Усть-Полуй. Историография раннего железного века Западной Сибири: усть-полуйская и кулайская проблемы // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 7–18.

- Федорова Н. В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 104–126.
- Федорова Н. В. Сакрально-производственный центр Усть-Полуй // Археология Арктики: сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 127–144.
- Федорова Н. В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность: очерки / Науч. ред. О. Н. Корочкова. Салехард; Омск: Тип. Золотой тираж, 2019. 149 с.
- Федорова Н. В., Гусев А. В. Кулайская проблема: история и современное состояние // *Universum Humanitarium*. 2019. № 1. С. 20–37.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998. 180 с.
- Федорова Р. В. Материалы палеоботанического исследования погребённых торфяников Приполярного Урала // Известия Всесоюзного географического общества. 1951. Т. 83. Вып. 6. С. 635–640.
- Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 229–248.
- Формозов А. А. О термине «мезолит» и его эквивалентах // Советская археология. 1970. № 3. С. 6–11.
- Формозов А. Н., Исаков Ю. А. Животный мир // Западная Сибирь / Отв. ред. Г. Д. Рихтер. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 249–312. (Природные условия и естественные ресурсы СССР, т. 6).
- Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М.: АН СССР, 1952. 280 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; вып. 29).
- Халиков А. Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева, И. И. Артеменко, О. Н. Бадер [и др.]; отв. ред. О. Н. Бадер [и др.] М.: Наука, 1987. С. 139–146. (Археология СССР).
- Ханты-Мансийск. Официальный информационный портал органов местного самоуправления. В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре 24 особо охраняемых природных территорий: [официальный сайт]: URL: https://admhmansy.ru/rule/the-federal-bodies-of-vlast/detail.php?IBLOCK_ID=295&ID=140207 (дата обращения: 15.01.23).
- Хлобыстин Л. П. Исследования на севере Западной Сибири // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 147–149.
- Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы: проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе: сб. ст. / Отв. ред. А. М. Решетов. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние. 1972. С. 26–42.
- Хлобыстин Л. П. Первоначальное заселение Евразийского Заполярья // XI Конгресс ИНКВА: итоги и перспективы: тез. докл. / Отв. ред.: М. Н. Алексеев [и др.] М.: Наука, 1982. С. 286–287.
- Хлобыстин Л. П. Находки близ г. Салехард // Краткие сообщения институт археологии / Отв. ред. Т. И. Кругликова. М.: Наука, 1987. Вып. 189: Каменный век. С. 108–111.
- Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы её этнической принадлежности // *Ad Polus*: сб. ст. памяти Л. П. Хлобыстина. СПб.: ФАРН, 1993. С. 19–28. (Археологические изыскания; вып. 10).
- Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии / Ред. В. В. Питулько, В. Я. Шумкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 342 с.
- Хлопачёв Г. А., Гиря Е. Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии: опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата: к X конгрессу INQVA, Великобритания, 1977 / Отв. ред. М. И. Нейштадт. М.: Наука, 1977. 200 с.
- Хотинский Н. А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене: сб. ст. / Отв. ред. А. А. Величко и др. М.: Наука, 1982. С. 142–147.
- Хотинский Н. А. Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные по геохронологии четвертичного периода: к XII конгр. ИНКВА (Канада, 1987 г.): сб. ст. / Отв. ред. Я.-М. К. Пуннинг и др. М.: Наука, 1987. С. 39–45.

- Хотинский Н. А., Климанов В. А. Радиоуглеродный возраст и климатические условия развития бугристых торфяников Надым-Казымского междуречья в голоцене // Вопросы экологии растений болот, болотных местообитаний и торфяных залежей: сб. ст. / Науч. ред. В. Д. Лопатин, В. Ф. Юдина. Петрозаводск: КФАН СССР, 1985. С. 132–140.
- Храмцов М. В., Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н., Мызников С. А. Каменный инвентарь поселения Толум-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3(62). С. 14–25.
- Хрусталева И. Ю. Кремневые наконечники поселения каменного века Сертея XIV (Велижский район, Смоленская область) // Тверской археологический сборник / Ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. Вып. 12. С. 193–216.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1986. 269 с.
- Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 135–153.
- Хэзель Й., Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / Пер. с нем. и публ. Н. Л. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 107 с.
- Цветкова Н. А. Начало неолитической эпохи на Верхней Волге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 683–717.
- Чаиркина Н. М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез докл. XII Уральского археологического совещания / Отв. за вып. Н. К. Стефанова. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 216–217.
- Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. / Отв. ред. А. Ф. Шорин. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.
- Чаиркина Н. М. Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 179–189.
- Чаиркина Н. М. Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Н. Н. Гуриной / Отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: Лема, 2009. С. 179–181.
- Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская гора V) / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.
- Чаиркина Н. М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы / Отв. ред. В. И. Молодин СПб.: Нестор-История, 2022. 368 с.
- Чаиркина Н. М., Пиецонка Х., Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Кардаш О. В. Традиции и новации в раннем неолите Севера Западной Сибири // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М.; Ханты-Мансийск: [б. и.], 2020. С. 49–61.
- Чарусова И. С., Баранов М. Ю. Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО — Югре в 2010 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 463–466.
- Чемякин Ю. П. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье // Новейшие открытия советских археологов: тез. докл. конф., посвящ. 250-летию АН СССР / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: [б. и.], 1975. Ч. 2. С. 42–43.
- Чемякин Ю. П. Городища Барсов городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья // Вопросы археологии Приобья: сб. ст. / Отв. ред. И. Н. Сосновкин. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1979. Вып. 2. С. 131–144. (Научные труды Тюменского гос. ун-та; сб. 64).
- Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в I тысячелетии до н. э. // Вопросы финно-угроведения: тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов. Сыктывкар: Изд-во Коми филиал АН СССР, 1979. Т. 2. Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. С. 544.
- Чемякин Ю. П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала: сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 87–91.
- Чемякин Ю. П. Раскопки на Барсовой горе // Археологические открытия 1981 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 235.
- Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. С. 60–74.
- Чемякин Ю. П. Проблемы археологии раннего железного века в Сургутском Приобье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. С. 126–128.

- Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова Гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 184–196.
- Чемякин Ю. П. К периодизации памятников каменного века в Сургутском Приобье // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: тез. докл. IX Западно-сибирского археолого-этнографического совещания / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. С. 117–119.
- Чемякин Ю. П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таёжного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. XII Уральского археологического совещания / Отв. за вып. Н. К. Стефанова. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 218–219.
- Чемякин Ю. П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 275–296.
- Чемякин Ю. П. К вопросу об этнической принадлежности кулайской культуры // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов / Гл. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: Изд-во НЦ финно-угроведения, 1995. С. 86–88.
- Чемякин Ю. П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. С. 64–76.
- Чемякин Ю. П. Городище Сартым-Урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 38–76.
- Чемякин Ю. П. Начало раннего железного века таёжного Обь-Иртышья: история исследований и современное состояние вопроса // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы Всерос. науч. конф. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 243–247.
- Чемякин Ю. П. Кулайский этап раннего железного века таёжного Обь-Иртышья: из истории исследований // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. К 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 50–53.
- Чемякин Ю. П. Материалы из раскопок Ф. Р. Мартина на городищах Барсовой Горы // Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Ред. и коммент. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. Прил. 4. С. 154–171.
- Чемякин Ю. П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 208–213.
- Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 19–33.
- Чемякин Ю. П. Неолитические комплексы на стоянке Стариков Мыс 1А // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 218–231.
- Чемякин Ю. П. Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 247–249.
- Чемякин Ю. П. О ярсалинском этапе в древней истории таёжного Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3(23). С. 314–318.
- Чемякин Ю. П. Ещё раз о вожпайской культуре // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / Отв. ред. М. К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. Вып. 9. С. 118–127.
- Чемякин Ю. П. Ранний железный век Кондинского края: история исследований // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. С. 117–138.
- Чемякин Ю. П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 13. С. 139–166.
- Чемякин Ю. П. Неолитический комплекс поселения Барсова Гора II/9 // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 191–202.
- Чемякин Ю. П. О кульёганском типе памятников // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 194–200.

- Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-Урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 291–339.
- Чемякин Ю. П., Жирных Е. А. К вопросу о возникновении чёрной металлургии на севере Западной Сибири // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 51–54.
- Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Новое поселение барсовской культуры (предварительная публикация) // Жилища народов Западной Сибири: сб. ст. / Под ред. М. С. Усмановой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 106–114.
- Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья: сб. ст. / Отв. ред. И. Н. Сосновкин. Тюмень: [б. и.], 1976. С. 49–62. (Научные труды Тюменского гос. ун-та; сб. 37).
- Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Раскопки средневекового селища Кучиминское XXXIXС в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 298–311.
- Чемякин Ю. П., Сосновкин И. Н. Городище Барсов городок I/2 близ г. Сургута // Вопросы археологии Приобья: сб. ст. / Отв. ред. И. Н. Сосновкин. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1979. Вып. 2. С. 118–130. (Научные труды Тюменского гос. ун-та; сб. 64).
- Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований: сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Труфанов, Ю. П. Чемякин. Сургут: Барсова гора, 2002. С. 40–58.
- Чемякин Ю. П., Ушаков М. А. Новый тип энеолитических памятников в Сургутском Приобье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: материалы науч. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 1999. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. С. 32–39.
- Черная М. П. Томский Кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации / Науч. ред. В. И. Молодин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 137 с.
- Чернецов В. Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времён до X в. н. э.: тез. кандидатской диссертации, защищённой на заседании Учёного совета исторического факультета МГУ 27 мая 1942 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып. XIII. С. 153–156.
- Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. Т. VI–VII. С. 159–183.
- Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Ред. А. В. Збруева. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 121–178. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Ред. А. В. Збруева. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–71. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Ред. А. В. Збруева. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 221–241. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Смирнов А. П. и др. Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 58).
- Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии: сб. ст. к 60-летию С. П. Толстова. М.: Наука, 1968. С. 41–52.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья / Под ред. А. В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. 362 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Черных Е. Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки: сб. ст. / Под ред. Б. А. Колчина. М.: Наука, 1965. С. 94–110. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 129).

- Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1970. 180 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 172).
- Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4. С. 53–82.
- Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: сб. ст. / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1983. С. 81–99.
- Черных Е. Н. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологически музеев: сб. ст. / Отв. ред. Л. И. Скрипкина. М.: [б. и.], 2000. С. 29–40. (Труды Государственного исторического музея; вып. 113).
- Черных Е. Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потайная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с. (Каргалы; т. V).
- Черных Е. Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А. П. Деревянко / Отв. ред.: В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 386–400.
- Черных Е. Н., Агапов С. А., Кузьминых С. В. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя: информационные материалы. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 5–10.
- Черных Е. Н., Агапов С. А., Кузьминых С. В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: тез. докл. / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 34–37.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева и др.; отв. ред.: О. Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древнейшая металлургия Северной Евразии: проблема взаимосвязей производящих центров // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей: материалы 3-й балто-славянской конф. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. Ч. 2. С. 135–141.
- Черняев А. М., Дальков М. П., Прохорова Н. Б., Белова Л. П., Булатов Р. В., Вартанян Г. С., Гареев А. М., Гродзенский В. Д., Дерябин В. Н., Комягина В. А., Логинова Н. Н., Плотникова Р. И., Попов А. Н., Хордикайнен М. А., Черняк В. Я., Шахов И. С., Шпак А. А. Вода России. Водно-ресурсный потенциал / Науч. ред. А. М. Черняев. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2000. 420 с.
- Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на средней Оби / Ред. З. Я. Бояршинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 194 с.
- Чиндина Л. А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья: сб. ст. / Ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 14–22.
- Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура / Ред. А. П. Деревянко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
- Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 181 с.
- Чиндина Л. А. Об археологических культурах Приобья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: тез. докл. IX Западно-сибирского археолого-этнографического совещания / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. С. 53–54.
- Чиндина Л. А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири: сб. ст. / Ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 86–116.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н. Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: материалы совещания / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 133–149.

- Чугунов С. М. Материалы для антропологии Сибири: Курганы близ д. Казанские юрты, на берегу р. Томи // Известия Императорского Томского университета. Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1893. Кн. 6. Отд. 2. С. 169–176.
- Шаманаев А. В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевское) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы докл. / Отв. ред. В. А. Зах. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 146–153.
- Шаманаев А. В., Погодин А. А. Каменные индустрии ранне-неолитических культур среднего и северного Зауралья // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. Междунар. науч. конф. / Ред.: Н. Л. Моргунова и др. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 61–62.
- Шерстобитов В. Ф. У истоков искусства / Под ред. и с предисл. Л. Б. Переверзева. М.: Искусство, 1971. 200 с.
- Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э.: погребальные памятники фоминской культуры. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Ширин Ю. В. Хронология Няксимволя // Няксимволь / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 33–52.
- Ширин Ю. В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. / Гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. М. А. Корусенко и др. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 145–148.
- Ширин Ю. В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-западносибирского ли-тя из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: материалы Междунар. конф., посвящ. 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной / Отв. ред. М. П. Чёрная. Томск: Д`Принт, 2017. С. 93–98.
- Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 21–62.
- Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б. Палеолитическая стоянка Троицкая 1 на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. С. А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3–17.
- Шмидт А. В., Кардаш О. В., Липс С. А. Качество сырья как причина деградации пластинчатой техники расщепления в раннем голоцене (на примере каменной индустрии поселения Балинское-73) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Багашев. Тюмень: ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 284–287.
- Шмидт И. В. Информационный потенциал орнаментированных фрагментов костяных изделий из черноозерской коллекции // Уральский исторический вестник. № 1(70). 2021. С. 129–136.
- Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза / Науч. ред. В. И. Молодин. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1999. 181 с.
- Шорин А. Ф. Кокшаровский холм. Святилище на холме // Культурные памятники горно-лесного Зауралья / Н. А. Алексашенко и др.; отв. ред.: В. Д. Викторова и др. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 87–94.
- Шорин А. Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 156–164.
- Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1(26). С. 32–42.
- Шорин А. Ф., Зыков А. П., Вилисов Е. В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // Российская археология. 2013. № 1. С. 119–129.
- Шорин А. Ф., Шорина А. А. Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 262–268.
- Шорин А. Ф., Шорина А. А., Зыков А. П. О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миасово I в горнолесном Зауралье // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 2. С. 63–70.
- Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экспедиции на р. Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Епархиального братства. 1913. Вып. XXI. С. 1–17.
- Шульц Л. Р. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень: Гостипография, 1924. Вып. 1. С. 166–199.
- Шумайлов С. И. Раскопки группы памятников Болчары // Археологические открытия 1985 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 295–296.
- Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1994. 96 с.

- Экология Ханты-Мансийского автономного округа: природно-ресурсный потенциал, экологические проблемы ХМАО, региональная экологическая политика / Сост. Л. Н. Добринский, В. В. Плотников; под ред. В. В. Плотникова. Тюмень: Софт Дизайн, 1997. 286 с.
- Яблонский Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / Отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 34–48.
- Яковлев Я. А. Поселения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. С. 391–398.
- Яковлев Я. А. Селище Егур-Ях 4 — новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 185–204.
- Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 10–81.
- Яковлев Я. А. Пойковская коллекция: каталог / Ред. Ю. В. Ширин. Екатеринбург: Баско, 2018. 296 с.
- Amon L., Blaus A., Alliksaar T., Heinsalu A., Lapshina E., Liiv M., Reitalu T., Vassiljev J., Veski S. Postglacial flooding and vegetation history on the Ob River terrace, central Western Siberia based on the palaeoecological record from Lake Svetlenkoye // *The Holocene*. 2020. Vol. 30, № 5. P. 618–631.
- Arne T. J. Barsoff gorodok. Ein westsibirisches graberfeld aus der jungeren eisenzeit von. Stockholm: PA Akademiens Förlag, 1935. 96 pp.
- Arne T. J. Vastsibirisk Kultur for 1000 ar sedan // *Arkeologiska Studier tillägnade H. K. H. Kronprins Gustaf Adolf*. Utgivna av Svenska Fornminnesföreningen — Stockholm: P. A. Norstedt & Soner förlag, 1932.
- Behrensmeyer A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // *Paleobiology*, 1978. Vol. 4, № 2. P. 150–162.
- Blaauw M. Methods and code for 'classical' age-modelling of radiocarbon sequences // *Quaternary geochronology*. 2010. Vol. 5, № 5. P. 512–518.
- Blaauw M., Christen J. A. Flexible paleoclimate age-depth models using an autoregressive gamma process // *Bayesian Analysis*. 2011. Vol. 6, № 3. P. 457–474.
- Blyakharchuk T. A. Western Siberia, a review of Holocene climatic changes // *Journal of Siberian Federal University. Biology*. 2009. Vol. 2, № 1. P. 4–12.
- Chen S., Vahur S., Teearu A., Leito I., Oras E., Juus T., Zhilin M., Oshibkina S., Savchenko S., Asheichyk V., Vashanau A., Lychagina E., Kashina E., German K., Dubovtseva E., Kriiska A. Classification of archaeological adhesives from Eastern Europe and Urals by atr-ft-ir spectroscopy and chemometric analysis // *Archaeometry*. 2022. Vol. 64, № 1. P. 227–244.
- Christen J. A., Perez E. S. A new robust statistical model for radiocarbon data // *Radiocarbon*. 2009. V. 51, № 3. P. 1047–1059.
- Clark I. G. D. Mesolithic Prelude: the Palaeolithic-Neolithic transition in Old World prehistory. Edinburgh: Edinburg University Press, 1980. 122 pp.
- Clark P. U., Dyke A. S., Shakun J. D., Carlson A. E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J. X., Hostetler S. W., McCabe A. M. The Last Glacial Maximum // *Science*. 2009. Vol. 325, № 5941. P. 710–714.
- Davis B. A. S., et al. The Eurasian Modern Pollen Database (EMPD), version 2 // *Earth system science data*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 2423–2445.
- Fick S. E., Hijmans R. J. WorldClim 2: new 1-km spatial resolution climate surfaces for global land areas // *International journal of climatology*. 2017. Vol. 37, № 12. P. 4302–4315.
- Fick S. E., Hijmans R. J. WorldClim 2: new 1-km spatial resolution climate surfaces for global land areas // *International journal of climatology*. 2017. Vol. 37, № 12. C. 4302–4315.
- Grimm E. C. TILIA and TILIA. GRAPH: PC Spreadsheet and Graphics Program. 8th International Palynological Congress. Program and Abstracts. Aix-en-Provence, France: S. n., 1992. P. 56.
- Grimm E. C. TILIA and TILIA. GRAPH: PC Spreadsheet and Graphics Software for Pollen Data // *INQUA Commission for the Study of the Holocene. Working Group on Data-Handling Methods*, 1990, Newsletter 4: July. P. 5–7.
- Guiot J. Methodology of the last climatic cycle reconstruction in France from pollen data // *Paleogeography, Palaeoclimatology, Paleoecology*. 1990. V. 80, № 1. P. 49–69.
- Harrison S., Smith D. E., Glasser N. F. Late Quaternary meltwater pulses and sea level change // *Journal of Quaternary Science*. 2019. Vol. 34, № 1. P. 1–15.
- Haslam M., Luncz L. V., Staff R. A., Dradshaw F., Ottoni E. B., Falótico T. Pre-Columbian monkey tools // *Current Biology*. Vol. 26, № 13. 2016. R. 521–522.

- Haslett J., Parnell A. C. A simple monotone process with application to radiocarbon-dated depth chronologies. // *Journal of the Royal Statistical Society: Series C (Applied Statistics)*. 2008. Vol. 57, № 4. P. 399–418.
- Head M. J., Pillans B., Zalasiewicz J. A. The ICS Subcommittee on Quaternary Stratigraphy. Formal ratification of subseries for the Pleistocene Series of the Quaternary System // *Episodes*. 2021. Vol. 44, № 3. P. 241–247.
- Kuzmin Y., J. van der Plicht, Panov V., Chairkina N., Klementieva T., Pogodin A. First data on diet of the Neolithic — Eneolithic populations of the Trans-Urals and Central West Siberian plain // *Radiocarbon and Diet. Book of Abstracts*. Aarhus, June 20–23, 2017. Aarhus: Aarhus University, 2017. P. 88–89. URL: https://conferences.au.dk/fileadmin/conferences/2017/RadiocarbonAndDiet/RadiocarbonAndDiet_2017_BookOfAbstracts.pdf (дата обращения: 10.11.2022).
- Kuzmin Y. V., Vetrov V. M. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust-Karenga 12 site and its significance for the neolithisation process in Eurasia // *Documenta Praehistorica*. 2007. Vol. 34. P. 9–20.
- Leshchinskiy S. Enzoootic diseases and extinction of mammoths as a reflection of deep geochemical changes in ecosystems of Northern Eurasia // *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2015. Vol. 7, № 3. P. 297–317.
- Leshchinskiy S. V. The Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: «mineral oases» in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man's activity // *The World of Elephants. Proceedings of the 1-st International Congress, Rome, October 16–20, 2001*. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche, 2001. P. 293–298.
- Leshchinskiy S. V., Burkanova E. M. Kochegur, a new locality for mammoth remains in the Shestakovo beast solonetz district (Western Siberia) // *3rd International Mammoth conference: abstracts*. Whitehorse, 2003. P. 63–67. (Occasional Papers in Earth Sciences, № 5).
- Muscheler R., Adolphi F., Heaton T. J., Ramsey C. B., Svensson A., Plicht J., Reimer P. Testing and Improving the IntCal20 Calibration Curve with Independent Records // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62, № 4: IntCal20: Calibration Issue. P. 1079–1094
- Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Dementiev V. N. A review of the evidence for extinction chronologies for five species of Upper Pleistocene megafauna in Siberia // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46, № 1: Proceedings of the 18th International Radiocarbon Conference (Part 1 of 2), Conference Editors: Nancy Beavan Athfield, Rodger J. Sparks. P. 301–314.
- Orlova L. A., Zenin V. N., Stuart A. J., Higham T. F. G., Grootes P. M., Leshchinskiy S. V., Kuzmin Y. V., Pavlov A. F., Maschenko E. N. Lugovskoe, Western Siberia: a possible extra-arctic mammoth refugium at the end of the late glacial // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46, № 1: Proceedings of the 18th International Radiocarbon Conference (Part 1 of 2), Conference Editors: Nancy Beavan Athfield, Rodger J. Sparks. P. 363–368.
- Overpeck J. T., Webb T., Prentice I. C. Quantitative interpretation of fossil pollen spectra: dissimilarity coefficients and the method of modern analogs // *Quaternary Research*. 1985. Vol. 23, № 1. P. 87–108.
- Pasalodos R. J., Benito C. G., Fernández J. J. P. The Clay Rattles of the Numantine Museum of Soria: An Approach from Experimental Archaeology // *Studien zur Musikarchäologie IX. Papers from the 8th Symposium of the International Study Group on Music Archaeology in Suzhou and Beijing, China, 20–25 October, 2012*. Leidorf, 2014. Band 33. P. 47–64.
- Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence // *Journal of Archaeological Science*. 2020. № 116. P. 1–19.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Talamo S. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62, № 4. P. 725–757.
- Romanovskii N. N., Hubberten H.-W., Gavrillov A. V., Tumskoy, V.E., Kholodov A. L. Permafrost of the east Siberian Arctic shelf and coastal lowlands // *Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23, № 11–13. P. 1359–1369.
- Sheinkman V., Sharapov D. V., Sedov S. Northwest Siberia as a MIS 2 desert? Inferences from quartz morphoscopy and polygonal ice wedges // *Quaternary International*. 2022. Vol. 620. P. 46–57.
- Simpson G. L. Analogue Methods in Paleoecology: Using the analogue Package // *Journal of Statistical Software*. 2007. Vol. 22, № 2. P. 1–29.
- Simpson G. L., Oksanen J., Maechler M. Analogue and weighted averaging methods for paleoecology. 2021. R package version 0.17-6 // *The Comprehensive R Archive Network*. URL: <https://cran.r-project.org/package=analogue> (дата обращения: 14.12.2023).
- Sirelius U. T. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern: eine vergleichende ethnographische Untersuchung / von U. T. Sirelius. Helsingfors: Dr. der Finn. Literatur-Ges., 1906. 486 s. (Kansatieteellisiä julkaisuja; 3).
- Sommier S. Sirieni, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob. Prime Parte // *Archivio per L'Antropologia e la Etnologia*. Firenze, 1877. Vol. 17/ Fasc. 1–2. P. 20–70.
- Stuiver M., Reimer P. J., Bard E., Beck J. W., Burr G. S., Hughen K. A., Kromer B., McCormac G., Van der Plicht J., Spurk M. INTCAL-98. Radiocarbon age calibration, 24,000–0 cal BP // *Radiocarbon*. 1998. Vol. 40, № 3. P. 1041–1083.

- Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I., Demidov I., Dowdeswell J. A., Funder S., Gataullin V., Henriksena M., Hjorti C., Houmark-Nielsen M., Hubberten H. W., Ingolfsson O., Jakobsson M., Kjaer K. H., Larsen E., Lokrantz H., Lunkka J. P., Lys A., Mangerud J., Matiouchkov A., Murray A., Moller P., Niessen F., Nikolskaya O., Polyak L., Saarnisto M., Siegert C., Siegert M. J., Spielhagen R. F., Stein R. Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia // *Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271.
- Sommier S. Un' Estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni, tatari, kirgisi, e baskiri. Turino; Roma, 1885. 634 p.
- Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski. Antiquites de la Siberie occidentale conservees au musee national de Finland // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Vol. XXIX. Helsinki—Helsingfors, 1922.
- Team R. C. R. A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria: URL: <https://www.r-project.org/> (дата обращения: 11.12.2023).
- The Eurasian Modern Pollen Database (EMPD), version 2 // *Earth system science data*. 2020. T. 12. № 4. С. 2423–2445.
- Velichko A., Kononov Yu., Faustova M. The Last Glaciation of Earth: Size and Volume of Ice-Sheets // *Quaternary International*. 1997. Vol. 41/42. P. 43–51.
- Vybornov A., Konstantin A., Somov A., Kulkova M. The Neolithic evolution and cultural transformations in the Povolzhye region (Eastern Europe) // *Documenta Praehistorica*. 2020. Vol. XLVII. P. 222–230. URL: <https://journals.uni-lj.si/DocumentaPraehistorica/article/view/47.12/9173> (дата обращения: 10.11.2022).
- Walker M., Head M. J., Lowe J., Berkelhammer M., Björck, S., Cheng H., Cwynar L. C., Fisher D., Gkinis V., Long A., Newnham R., Rasmussen S. O., Weiss H. Subdividing the Holocene Series/Epoch: formalization of stages/ ages and subseries/subepochs, and designation of GSSPs and auxiliary stratotypes // *Journal of Quaternary Science*. 2019. Vol. 34, № 3. P. 173–186.
- Walker M., Johnsen S., Rasmussen S. O., Steffensen J. P., Popp T., Gibbard P., Hoek W., Lowe J., Andrews J., Björck S., Cwynar L. C., Hughen K., Kershaw P., Kromer B., Litt T., Lowe D. J., Nakagawa T., Newnham R., Schwander J. Formal definition and dating of the GSSP (Global Stratotype Section and Point) for the base of the Holocene using the Greenland NGRIP ice core, and selected auxiliary records // *Journal of Quaternary Science*. 2009. Vol. 24, № 1. P. 3–17.
- Zenin V. N., Maschenko E. N., Leshchinskiy S. V., Pavlov A. F., Grootes P. M., Nadeau M.-J. The first direct evidence of mammoth hunting in Asia (Lugovskoye site, Western Siberia) // 3rd International Mammoth conference: Program and abstracts. Whitehorse, 2003. P. 152–153. (Occasional Papers in Earth Sciences. № 5).

Указатель географических названий

Принятые сокращения:

возв. — возвышенность; вол. — волость; г. — город; губ. — губерния; д. — деревня; м. — место, местечко; обл. — область; оз. — озеро; п. — поселок; п-ов — полуостров; прот. — протока; р. — река; р-н — район; с. — село; у. — уезд; ю. — юрты

А

Австралия 110

Аган, р. 12, 23, 26, 264, 271–272, 273, 299, 337, 340, 350, 366, 375, 383, 416, 443, 453, 483, 513, 514, 544, 548–550, 564, 599, 601, 622–624, 642, 663, 666, 691, 709, 710, 726, 727, 731

— бассейн 23, 264, 299, 340, 350, 375, 383, 483, 513, 544, 548, 550, 564, 601, 622, 623, 642, 663, 666, 691, 710, 731

Аганский увал 24, 25

Азия

— Восточная 16

— Северная 100, 110, 212, 434, 460, 630, 714, 716, 734

— Северо-Восточная 245, 725

— Северо-Западная 494

— Средняя 158, 267, 561, 584, 640, 675, 676, 685, 688, 726, 736

— Центральная 212, 460, 610, 629–631, 638, 640, 704, 705, 734, 735

Актобе, г. 447, 720

Алатау

— Кузнецкий 101, 625, 632, 634, 638, 738

Алдан, р. 245

Александровский р-н, Томская обл. 35, 77, 709

Алтай 448, 460, 491, 510, 514, 566, 630, 631, 635, 642, 712, 715, 723, 732

Амня, р. 173, 348

Андреевская озерная система 712

Андреевское, оз. 425, 429, 528, 712, 729

Арантур, оз. 36, 47, 48, 62, 63, 163

Арантур, скважина, торф. разрез 23, 36, 37, 41, 46, 62, 64, 68

Атлантический океан (Атлантика) 6, 12, 25

Африканский континент 110

— Восточная часть 110

— Центральная часть 110

Б

Байкал, оз. 245, 718

Балинская, р., приток р. Обь 175, 483

Балтика 16

Барабинская лесостепь (Бараба) 320, 428, 429, 462, 468, 473, 492, 513, 525, 530, 596, 601, 608–612, 628, 640, 641, 660, 704, 712, 724, 725, 728

— северная 425, 492, 728

Барнаул, г. 212, 268, 271, 388, 457, 460, 468, 513, 524, 563, 566, 630, 642

Барсово, п. 480, 481, 698

Барцевка, р. 557

Белогорский материк 12, 25, 483, 486, 495, 528, 532

Белоярский р-н 5, 442

Березово, пгт 26, 36, 101, 600, 703

Березовский окр. 14

Березовский разрез 1, ст. в Красноярском кр. 154, 715

Березовский разрез 2, ст. в Красноярском кр. 154, 715

Березовский р-н 22, 164, 241, 479, 490, 579, 698, 699, 730

Болчары, с. 488

Большая Умытья, р. 31, 36, 47, 48, 54, 55, 57, 163, 168, 189, 259, 391, 396, 397, 406

Большая Учинья, р. 164, 171, 260, 704

Большое, оз. 348

Большое Васюганское болото 106

Большое Каюково, оз. 348

Большое Першино, с. 36, 69

Большой Балык, р. 12, 27

Большой Салым, р. 11–13, 15, 26, 27, 419, 554, 623, 648, 718

— бассейн 13, 27, 554, 623

Большой Тап, р. 171

Большой Юган, р. 11, 12, 26, 264, 340, 416, 483, 515, 524, 627, 637, 642, 645, 711

— бассейн 483, 515, 524, 711

Быстрый Кульёган, р. 271

В

Вагайский р-н Тюменской обл. 241, 698

Вар-бор, д. 164

Вар-бор, оз. 164

Варьеган, станция 25

Васюган, р. 11, 26

Васюганская равнина 159

Васюганье 265, 272, 276, 429, 457, 461, 475, 496, 524, 525, 585, 715

Вах, р. 11, 12, 14, 22, 23, 26, 264, 269, 338, 340, 375, 435, 436, 453, 469, 483, 584, 593, 596, 601, 622, 623, 642, 663, 691, 695, 706, 726

— бассейн 12, 23, 264, 269, 338, 340, 469, 483, 596, 601, 623, 642, 663, 691, 706

Вахская возвышенность 24

Вах–Кетская возвышенность 24

Велижский, р–н, Смоленская обл.
429, 734

Великий Новгород, г. 391, 458

Великий шелковый путь 584

Верхне–Вартовское, с. 36, 71

Верхне–Кондинская низменность
101, 106

Верхне–Кондинский, р–н 101, 106

Верхне–Газовская возвышенность
25

Вершина, р. 397

Висимский заповедник 727

Вишера, р. 566

Вогулка, р. 26

Войкар, р. 27, 534

Волга, р. 183, 258, 429, 643, 660, 710,
712, 734

Волго–Вятское междуречье 15

Волго–Камье 491, 584

Волго–Окское междуречье 423, 643,
720

Волго–Уральская лесостепь 275, 723

Ворья, р. 241, 698

Восточная Сибирь — см. Сибирь —
Восточная

Восточно–Европейская равнина 243

Восточно–Уральская культурно–
историческая область 276, 430, 716

Вычегда, р. 633

Г

Германия 142

Глубокий Сабун, р. 469

Голарктическая область 33, 104

Голландия 36

Греция 631, 718

Д

Дальний Восток 102, 438, 629, 640

Демьянка, р. 11, 26, 264, 636

Е

Евразийское Заполярье 162

Евразия 6, 11, 16, 104, 131, 427, 447,
491, 708

— лесная, таёжная 13, 182, 192,
246, 248, 426

— Северная 12, 64, 81–83, 89,
92, 94, 99, 100–105, 112, 116, 159,
173, 269, 274, 345, 427, 428, 446,
448, 461, 466, 513, 698, 701, 707,
710, 733

— степная, лесостепная 468,
608–610, 629, 638, 658, 668, 710,
717, 737

Евринско–Леушинская озёрная
система 164–166, 171

Европа 13, 473, 726

— Восточная 151, 158, 261, 272,
277, 375, 434, 435, 609, 631, 641, 704,
707–709, 711, 714, 729, 734, 736

— Западная 274, 629, 631, 632, 641,
734

— Северная 274

— Северо–Восточная 16, 470, 494,
495, 608

— Северо–Западная 568

— Средняя 261

— Центральная 274

— Южная 274

Европейская равнина 33

Екатеринбург, г. 6, 14, 43, 125, 486

Ендырь, р. 443, 456, 470, 473, 486,
566, 572, 646, 713, 717

Енисей, р. 112, 608, 641, 645,
691, 695

Ентарное, береговое обнажение,
торф. разрез 23, 36, 38, 71, 73, 83

Ентарный, р. 36

Енья, р. 315

Ермаково, д. 482, 515

Ершовое, оз. 47

Ж

Жохова, о–в, Вост–Сибирское море
213, 245

З

Западная Сибирь 12–19, 26, 29, 30,
32, 33, 45, 46, 83, 84, 96, 101, 103–107,
112, 123, 129, 155, 159, 160, 161, 164, 166,
174, 238, 241, 242, 258, 259, 264–269,
271–281, 319, 321, 335, 343, 344, 346,
348, 350, 351, 366, 370, 371, 375, 377,
383, 389, 395, 396, 400, 402, 423,
425–430, 434–449, 452, 453, 455, 460,
466, 470, 472, 473, 478, 479, 485, 491–
494, 496, 497, 527, 530, 533, 534, 561,
563, 566, 568, 572, 582–585, 588–590,
592–606, 608–616, 619–623, 625–627,
629–631, 633–636, 638–641, 643, 644,
646–652, 654–658, 660–668, 670, 671,
674–677, 679–681, 683, 686, 690–696

— лесостепная зона 29, 164, 561,
595, 597, 598, 609–611

— лесотундровая зона 29, 427,
496, 584, 590

— север 12–17, 19, 45, 46, 83, 84, 96,
101, 103, 160, 161, 166, 238, 241, 242,
258, 259, 265–267, 269, 271, 272, 275,
280, 395, 423, 425, 426, 428, 434,
440, 443–448, 452, 455, 461, 466,
478, 479, 491, 534, 588–590, 592–595,
597, 598, 600, 602–606, 608, 609,
611–616, 620, 621–623, 625–627, 629,
630, 633–636, 638–641, 643, 644,
646–652, 654–658, 660–668, 670,
671, 675–677, 679–681, 683, 690, 692,
693–696

— центральные районы 12, 105,
112, 160

— юго–восток 15, 472, 497, 585,
603, 609, 629, 631, 638, 693

Западно–Азиатская (Евразийская)
металлургическая провинция,
ист. обл. 446, 447, 468

Западно–Сибирская платформа 23

Западно–Сибирская плита 123, 131

Западно–Сибирская равнина 7, 11,
22, 106, 110–112, 116, 122, 123, 128, 131,
132, 155, 158–161, 193, 241, 264, 319,
702, 707, 712, 721, 722, 724, 726, 727

— северная часть 111

— центральная часть 11, 22,
110–112, 122, 128, 155, 158, 161, 264

Западно–Сибирский артезианский
бассейн 27

Зауралье 16, 46, 174, 265, 267–269, 271,
276, 321, 335, 366, 390, 391, 425, 427,

429–431, 48, 491, 493, 494, 513, 526–528, 523, 532, 534, 566, 585, 594, 605

— горно–лесное 258, 259, 605

— Северное 101, 428, 496, 526, 534, 571

— Среднее 155, 164, 174, 246, 267–269, 272, 275, 276, 368, 387, 391, 393, 430, 452, 600, 605

— степное 526, 595, 608, 610, 626, 640, 644, 691

— таёжное 600, 601

— Южное 267, 276, 460

Западно–Сибирская физико–географическая страна 22

Заполярье 470

Зауральско–Казахстанская культурно–историческая область 276

Зауральско–Североказахстанская культурно–историческая область 276

И

Ивдель, г. 84

Игарка, г. 96, 721

Игрим, пгт. 164

Индия 99

Иртыш, р. 12, 15, 22, 23, 26, 30, 36, 69, 72, 121, 128, 140, 159, 164, 428, 429, 472, 484, 531, 580, 588, 589, 600, 621, 654, 668, 669, 688

— бассейн 12, 155, 428

Иртыш — Обь, речная система 428

Исеть, р. 430, 530, 608

Ишим, р. 26, 530, 595, 608, 665, 668

К

Кавказ 473

Казахстан 268, 426, 608, 609, 631, 641

— Восточный 561

— Северный 276, 460, 707, 720

— Центральный 509, 510, 561

Казым, р., приток р. Обь 11–13, 264, 269, 383, 442, 523, 531, 580

— бассейн 13, 264, 269, 383, 442, 531

Казымская низменность 24

Камско–Вятское междуречье 182, 429, 710

Канда, р. 164, 269

Канинская пещера, зап. склон Урала 464, 551, 714

Капова пещера, южный Урал 155, 237, 697

Каргинский мыс 161

Карелия 13, 183, 245, 429

Карское море 26

Карым, п. 436, 484

Катым, р., приток р. Конда 179

Киль, г. 142

Комудвановские, ю. 146

Комсомольский, п. Советский р–н 698

Конда р. 11, 12, 14, 15, 17, 22, 23, 26, 33, 47, 161–164, 166, 167, 169–172, 174, 176, 178–182, 186–190, 192, 194, 196–208, 210, 213–216, 218–220, 222, 225–235, 239, 241, 244–247, 249, 259–261, 264, 267, 270–272, 280, 286, 301–304, 306, 309–318, 323, 325, 328, 332, 334, 335, 337–343, 356, 358, 359, 361, 363, 365–368, 375, 377, 381, 383, 385, 390–393, 395, 396, 400, 410, 412, 429–431, 435, 436, 438, 440, 449, 452, 453, 455, 456, 458, 468, 472–474, 479, 484–486, 489, 491, 493, 494, 496, 497, 510, 527, 528, 530–532, 567, 570, 571, 573, 574–577, 580, 593, 613, 621

— бассейн 15, 17, 22, 23, 33, 162, 163, 166, 170–172, 178, 179, 181, 182, 186–190, 194, 196–208, 210, 213–216, 218–220, 222, 225–235, 239, 244, 245, 247, 249, 260, 261, 264, 267, 270–272, 280, 301–304, 306, 310–318, 323, 325, 328, 332, 334, 335, 337–343, 356, 358, 359, 361, 363, 365–368, 381, 383, 385, 390–393, 395, 396, 412, 429, 430, 440, 449, 452, 453, 455, 456, 458, 486, 489, 491, 493, 510, 527, 530–532, 570, 571, 573, 574–577, 580

— верхняя 164, 166, 168, 178, 241, 441, 450, 460, 608

— Затуманная 180, 323

— нижняя 164, 178, 468, 486, 495

— средняя 164, 178, 441, 624

Кондинская возвышенность 24

Кондинская левобережная среднетаёжная провинция 7, 36, 37, 47

Кондинская низменность 12, 15, 24, 46, 120, 121, 159, 180, 184, 264, 268–270, 272, 276, 305, 390, 397, 425, 429, 431

Кондинская тайга 22

Кондинский край 484, 565

Кондинский р–н 14, 26, 162–164, 168, 171, 185, 186, 217, 267, 326, 338, 401, 449, 484, 485

Кондинско–Тавдинская наклонная равнина 159

Кондинское (Кондинский), пгт. 484, 485

Кондинское левобережье (басс. р. Конды), природная провинция 22, 64, 99, 100, 102, 103, 105, 106

Кондо–Сосьвинский регион 257

Корлики, с. 25

Коротаиха, р. 494, 731

Корчаги, ур. 162

Красноярский кр. 22, 621

Кулайка, гора 511, 585

Кулемья, береговое обнажение, торф. шурф 23, 36, 40, 41, 46, 88, 90–92, 96, 97

Кулемья, р. 36, 88

Кулунигый, р. 416

Куминский, пгт 22

Кульма, р. 526, 568

Кушеватская протока 111, 713

Л

Лева, р. 164, 412

Ледовитый океан — см. Северный Ледовитый океан

Лемья, р. 163

Лена, р. 245

Ленинград 268, 435, 593

Ленинская, протока 179

Леуши, с. 25

Леушинка, р. 164, 165, 178, 217, 269, 412

Леушинский туман, оз. 15, 165, 412, 480, 488

Лозьва, р. 11, 35, 36, 84, 85, 241, 491, 494, 496, 527, 593, 605

Луговской, п. 14

Лукашкин Яр, береговое обнажение, торф. разрез 23, 36, 40, 77, 79, 84

Лукашкин Яр, с. 36, 77

Лямин, р. 12, 26, 27

Ляпин, р. 23, 26, 27, 36, 88, 333, 362, 566, 568, 593, 600

— бассейн 23, 27, 600

Ляпинская низменность 24

Ляпинский острог 14

Люлимвор, возвышенность 24

М

Мавмлух, пещера в Индии 99

Малая Сосьва, р., 241

Малый Салым, р. 27

Мамонтовый, ручей 116

Мансийское, ледниково-подпрудное оз. 112

Манарага, вершина, Приполярный Урал 24

Маньинский Хартым, береговое обнажение, торф. разрез 23, 36, 41, 46, 91, 93, 94, 96, 98

Манья, р. 36, 88, 91, 146, 148, 149, 153, 246

Марамка, протока 116, 127, 128, 706

Марийский край 183

Мергень, оз. 335, 423, 712

Междуреченский, п. 390, 697

Минчимкина, р. 271

Мировой океан 123, 124, 128

Мортка, п. 390, 485, 697

Мортымья-Тетеревское нефтяное месторождение 572, 700

Москва, г. 6, 116, 268, 435, 443, 591, 593

Моховая, р. 515

Мулымья, скважина, торф. разрез 23, 36, 38, 46, 47, 49–51, 53, 106

Мулымья, р. 36, 47, 48, 54, 164, 171, 188, 271

Мулымья, с. 484

Н

Надым, р. 353, 531

— бассейн 531

Надым-Казымское междуречье 82

Надым-Пуровский водораздел 261, 280, 326, 336, 353, 356, 371, 372, 719, 720

Надым-Пуровское междуречье 264, 271, 282, 354, 355, 442, 734

Надымская низменность 24

Назино, береговое обнажение, торф. разрез 23, 35, 36, 39, 75, 76

Назино, р. 36

Назино, с. 75

Назым, р. 12, 26

Нефтеюганск, г. 11, 14, 483, 544

Нефтеюганский р-н 14, 19

Нижневартровский, р-н 25, 483

Нижнекондинский, р-н 164

Нижнеобской, бассейн 111

Низямы, д. 162, 699

Низямы, п. 490

Нововасюганское, пос. 525, 715

Новосибирск, г. 6

Новосибирские о-ва 245

Новый Свет 110

Нонг-Ёганское нефтяное месторождение 338, 697

Нум-то, оз. 515

Няксимволь, с. 490, 568, 579

О

Обская губа 458

Обская торфяно-болотная область 32

Обско-Енисейский водораздел 158, 264

Обской бассейн 12, 439

Обь, р. 12, 22, 26, 28, 72, 75, 77, 80, 83, 94, 101, 106, 111, 119, 123, 127, 128, 133, 146, 159, 173–175, 257, 264, 271, 272, 327, 338, 340, 353, 368, 375, 383, 417, 428–430, 435, 439, 479, 480, 483, 495, 515, 523, 528, 531, 535, 547, 554, 573, 596, 613, 623, 641, 642, 646, 657, 664, 681, 691

— Большая 146

— долина 75, 110, 112, 127, 128

— Нижняя 149, 428, 456, 483, 572, 654

— Средняя 608

Обь-Енисейское междуречье 280, 611

Обь-Иртышская лесостепь 428, 444

Обь-Иртышская низменность 24

Обь-Иртышский бассейн 12

Обь-Иртышское междуречье 22, 25, 36, 82, 101, 161

Обь-Иртышье (водная система) 280, 428

— гаёжное 435, 439, 466, 478, 492, 493, 597, 615

Обь-Надымский водораздел 286

Обь-Томское междуречье 101, 104

Октябрьский р-н 146, 629, 699

Окуневая, р. 47

Окунево, д. 512

Олупья, р. 178, 186, 217

Ольхон, о-в 245, 718

Осиновое, оз. 573, 707

П

Пашкин Бор, ур. 381

Пелым, р. 84, 491, 493, 496

Перегрёбное, п. 490

Пермская, губ. 572

Перь, г. 479

Першино, береговое обнажение, торф. разрез 23, 36, 38, 69, 70

Першино, п. 35, 703

Печора р. 494, 495

Печорское Приполярье 494, 714

Пим, р. 483, 509, 554

- бассейн 483, 509, 554
  - Поволжье 426, 452, 611, 643
    - верхнее 321, 429
    - лесостепное 429
    - Самарское 509
    - Среднее 460
  - Подкаменная Тунгуска, р. 245, 246
  - Пойковский, п. 555
  - Покачевское нефтяное месторождение 338, 697
  - Половинка, с. 486
  - Полуй, р. 11
  - Полуденка, р. 245, 246, 703
  - Полярный круг 162, 527, 550, 566
  - Поп-Тур, оз. 163
  - Приаралье 268, 426
  - Прибалтика 321
  - Приказымые 173, 356
  - Прикамье 428, 452, 601, 631
    - Верхнее 452, 637, 656
    - Среднее 452, 566, 631, 638, 643
  - Прикаспий
    - Восточный 267
    - Северный 426
  - Прииртышье 631
    - лесное 488, 595
    - Нижнее 442, 472, 484, 488, 495, 585, 601, 612, 616, 654, 662
    - Омское 267, 497, 595, 609, 641, 654, 668, 691
    - Среднее 429, 462, 484, 488, 492, 497, 510, 530, 585, 594–596, 601, 608–612, 637, 638, 654, 662, 668, 669, 675, 676, 680, 682, 688, 691
    - Тарское 616, 625, 638, 641, 654
      - Тобольское 468, 472, 609, 612, 613, 624, 650, 654, 669
      - южно-таежное 492, 512, 596
  - Приишимье
    - Нижнее 335, 368, 636, 641
  - Приобская левобережная, северо-таежная природная провинция 22, 99, 102
  - Приобская правобережная, северо-таежная природная провинция 7, 22, 27, 75, 99
  - Приобская правобережная северо-таежная подзона 27, 80
  - Приобская северо-таежная провинция 104
  - Приобское левобережье (среднетаёжная подзона) 36, 38, 69, 100, 103, 106
  - Приобское правобережье 103, 105
  - Приобье
    - Барнаульское 496, 630–632, 641, 644
    - верхнее 457, 497, 581, 585, 625, 631, 632, 634, 644, 683, 691
    - казымское 387
    - лесное, лесостепное 437, 510
    - Нижнее 9, 14, 245, 246, 261, 264, 265, 267–269, 271, 272, 280, 282, 285–287, 333, 336, 347, 356, 357, 359, 387, 428, 429, 435, 438, 439, 442, 460, 469, 470, 473, 479, 480, 483, 486, 489, 490, 495–497, 510, 526, 527, 529, 532–534, 565, 566, 571, 573, 576, 578–582, 584, 589, 594, 598, 601, 614, 621, 650, 651, 653, 654, 656–658, 662, 680, 683
    - Нарымское 492, 496, 525, 580, 582, 585, 601, 654, 665, 667, 675
    - Новосибирское 440, 523, 530, 564, 595, 636, 637, 641, 644
    - северное 584
    - северо-таёжное 268, 270, 277, 280, 346, 366, 434–436, 438, 439, 440, 443, 466, 479, 489, 492–494, 497, 547, 554, 603
    - Среднее 104, 106, 107, 174, 177, 179, 273, 280, 428, 439, 440, 460, 474, 482, 490, 492, 493, 584, 585, 589, 596, 630
    - Сургутское 9, 15, 261, 264, 270–272, 276, 287–289, 292–296, 298–301, 322–324, 327, 329, 330, 337, 338, 340, 344, 349, 355, 356, 359, 360, 366, 369, 377, 383, 396, 428, 431, 436, 440, 443, 453, 461, 468–470, 473, 478–480, 482, 483, 486, 488, 491–496, 498–501, 503, 505, 507–509, 511, 513, 515–517, 519, 521–525, 530, 532, 535, 537, 538, 541–544, 546, 547, 549, 552–554, 556, 560, 562–564, 574, 575, 580, 582–585, 592, 594, 597, 599, 601–604, 609, 611, 612–616, 619, 620, 639, 647, 651, 652, 654, 660–664, 670, 677, 678, 681, 685, 688, 693
    - Томское, Томско-Нарымское 265, 437, 438, 470, 492–494, 497, 512, 556, 557, 559, 564, 572, 584, 585, 591, 596, 599, 602, 603, 621, 624, 625, 638, 642, 650, 652, 655, 660–664, 666, 667, 669, 675, 680, 688–690
    - Чаинское 193
    - Юганское 15, 260, 685
  - Приполярно-Уральская область (рельеф) 23, 24
  - Притоболье 265, 268, 430, 431, 491, 493, 494, 585
    - Курганское 530
    - лесостепное 531
    - Нижнее 430, 473, 528, 530, 575, 641, 710–713, 718
    - Тюменское 267, 275, 425, 430, 617, 626
  - Приуралье 269, 286, 464, 468, 479, 509, 510, 523, 534, 565, 566, 568, 573, 585, 605, 636–638, 643, 644, 688, 691, 708, 709, 711
    - Печорское 534
    - северное 470, 494, 635, 731
  - Причерноморье
    - Северное 448, 714
  - Пур, р. 353, 442, 531, 642, 719
    - бассейн 442, 531, 642, 719
  - Пуровский р-н ЯНАО 442
  - Пякупур, р. 320
- ## Р
- Ранге-Тур, оз. 163
  - Республика Коми 11, 22, 633
  - Российская Федерация (РФ) 6
  - Россия 5, 6
    - Европейская Россия 12, 13, 58, 428, 429
  - Ростовка, д. 462
  - Русская платформа 29
  - Русская равнина 83

С

- Сабун, р. 26
- Сайгатино, д. 441, 464, 597, 718
- Сайгатино, ур. 19, 480, 482, 483, 515, 516, 612, 616, 636, 647, 658, 663, 671, 677, 681, 683, 684, 686, 690, 695
- Салехард, г. 478, 479, 534, 589, 650
- Салым, п. 544, 652, 698
- Салым р. 353, 591, 636
- Салымо–Юганское, шурф, торф. разрез 23, 36, 40, 82, 83
- Салымско–Юганское междуречье 327, 429
- Самотлор, оз. — болото 33
- Санкт-Петербург, г. 6, 129, 590, 591, 592, 693
- Сартынья, скважина, торф. разрез 23, 36, 82, 94, 95
- Сатыгинский туман, оз. 165, 166, 171, 254, 479, 699
- Свердловск, г. 268, 435, 595
- Свердловская обл. 11, 22
- Светленькое, керн, торф. разрез 23, 39, 75
- Светленькое, оз. 72, 74, 75
- Север
- Приобский 96, 715
- Тюменский 479, 480, 484
- Северная Америка 13
- Северная Сосьва, р. 11, 12, 22, 26, 36, 88, 164, 178, 192, 241, 246, 264, 267, 269, 284, 362, 396, 400, 415, 429, 430, 439, 458, 515, 566, 568, 574, 593, 600, 601, 634
- бассейн 26, 88, 164, 178, 192, 241, 246, 264, 269, 284, 362, 396, 400, 415, 430, 439, 458, 515, 566, 568, 574, 593, 600, 601, 634
- Северное полушарие 45, 124, 705
- Северо–Сосьвинская возвышенность 12, 23, 159, 178, 241, 454
- Северо–Сосьвинская низменность 24
- Северо–Сосьвинская (северо–таёжная) природная провинция 22, 27, 29, 32, 36, 40, 41, 84, 99
- Северное Приангарье 245, 706
- (Северный) Ледовитый океан 12, 245, 494
- Северо–Покачевское нефтяное месторождение 338, 697
- Сибирские увалы 11, 12, 22, 24, 25, 159, 160, 173, 336, 458, 550
- Сибирь 5, 6, 12, 13, 58, 102, 438, 440, 593, 598
- Арктическая 153, 470, 727
- Восточная 104, 246, 608, 613, 621, 623, 641, 642, 663
- Западная — см. Западная Сибирь.
- Север, Северо–Запад 260, 309, 442, 444, 452, 496, 634
- южная 609, 630, 644, 691
- Скандинавия 101
- Смоляной сор, оз., басс. Сев. Сосьва 164
- Советский, р–н 162, 168, 191, 241, 331, 338, 390, 401, 485, 567, 697–700, 717, 728
- Согом, д. 531
- Согом, р. 314, 430
- бассейн 314, 430
- Соровские озёра 515, 524, 531, 544, 648, 649, 682, 683, 698, 715
- Сосьва, п. 26
- Сосьва, р. 527, 605, 653
- Сотник, п. 390, 697
- Среднекондинский, р–н, басс. р. Конда 164
- Среднеобская котловина 23
- Среднеобская низменность 12, 159, 174, 180, 183, 212, 264, 269, 385, 401, 425, 429–431, 599
- Среднесосьвинские увалы 26
- СССР 435, 436, 438, 479, 480, 593, 596,
- Стокгольм, г. 479, 590
- Субарктика 585
- Сумпанья, р. 164, 171, 178, 269, 436
- Сургут, г. 6, 36, 80, 267, 436, 479, 498, 515, 523, 590, 595, 597, 599, 602, 658
- Сургутская низина 159
- Сургутский, р–н 14, 340, 442, 515, 478, 661, 697, 698, 701, 704, 716, 733, 736
- Сургутское полесье 23, 24, 106
- Сыктывкар, г. 515
- Сыня, р. 11
- Сытомино, шурф, торф. разрез 23, 36, 80, 81

Т

- Тавда, р. 430, 435, 436, 488, 491, 493, 494, 496, 526–528, 530, 532, 565, 566, 600, 605, 608, 611
- бассейн 430, 435, 436, 488, 491, 493, 494, 496, 526–528, 530, 532, 565, 566, 600, 605, 608, 611
- Тагил, г. 245, 246, 703
- Таймыр, п–ов 695
- Талдысай, пос. 509
- Тапсуй, р. 241, 698
- Тара, р. 26, 610, 611, 628
- Тобол, р. 26, 430, 494, 531, 608
- Тоболо–Иртышье 441, 472, 473, 657, 697, 718
- Тоболо–Ишимье 425
- Тобольск, г. 264, 268, 435, 479, 588, 592, 668, 701
- Тобольский материк 159
- Тобольский, р–н Тюменской обл. 11, 22
- Томск, г. 268, 435, 526, 588–592
- Томская обл. 11, 22, 36, 77, 596, 667
- Тромъёган, р. 12, 26, 27, 482, 483, 515, 536, 538, 623, 642
- Тура, р. 430, 435, 436, 510, 526, 565
- Тым, р. 11
- Тым–Вахская торфяно–болотная область 33
- Тюменская обл. 11, 22, 30, 185, 417, 484
- Тюменский Север 479, 480, 484
- Тюмень, г. 6, 443, 486, 528

У

Убинское нефтяное месторождение 168, 326, 401, 414, 700, 701

Убья, р. 188, 271

Уватский, р-н Тюменской обл. 11, 22

Угут, с. 26

Угутское нефтяное месторождение 515, 601

Урал 16, 30, 140, 155, 164, 174, 237, 241, 243, 246, 257, 265–268, 276, 286, 319, 377, 435, 439, 442, 447, 464, 468, 470, 491, 514, 561, 583, 596

- Западный Урал 268
- Приполярный 7, 12, 22–24, 27, 29, 31, 32, 35, 36, 40, 46, 88, 96, 101, 104–107, 110, 333
- Северный 22, 35, 41, 43, 84, 94, 101, 104, 110, 241, 593
- Средний 92, 101, 164, 243, 244, 276, 323, 452, 635
- Южный 101, 155, 241, 243, 276, 601, 653

Урало–Алтайская провинция 29

Урало–Западносибирский регион 428

Урало–Иртышское междуречье 468, 595

Уральская горная (физико–географическая) страна 22–24

Уральские горы (хребет) 11, 158, 159, 182, 264, 280, 319, 362, 428, 605, 611

Уральский регион 237, 726

Усть–Тетер, р. 271, 700

Утопляя, протока р. Обь 417, 681

Ушанакская, р. 171

Ф

Фенноскандия 102

Финляндия 13

Х

Ханты–Мансийск, г. 5, 12, 14, 36, 112, 116, 136–139, 141, 143, 152–154, 317, 385, 422, 444, 455, 459, 463, 467, 469, 472, 480, 486, 618, 666, 674, 683, 688

Ханты–Мансийская низменность 24, 159

Ханты–Мансийский автономный округ — Югра / ХМАО–Югра 5–8, 11, 12, 14, 22, 129, 161, 164, 260, 265, 266, 338, 480, 482, 486, 489, 490, 496, 498, 527, 576

Ханты–Мансийский, р-н 212, 483

Хорезм, г. 267, 685, 731

Хорпия, береговое обнажение, торф. разрез 23, 35, 36, 41, 84, 85, 87

Хорпия, п. 84

Хулга, р. 22

Хулимсунт, д. 164

Ц

Центрально–Уральского антиклинорий 24

Ч

Чердынский у. 572

Чёрная, р. 269, 271

Черная сторона, возвышенность 24

Чилимка, р. 269, 484, 488, 495

Ш

Шаим, с. 25

Швеция 13

Шоушма, р. 271

Шугур, п. 436

Щ

Щекурья, с. 14

Ю

Юганско–Салымское междуречье 429

Югорская земля 14

Югра 14, 15, 17, 19, 22, 237, 243, 260, 265, 276, 278, 346, 486

Южное полушарие 45, 705

Юконда, р. 479

Юрьинский р-н. 241, 698

Я

Ямал, п-ов 260, 271, 470, 593, 613

Ямало–Ненецкий автономный округ (ЯНАО) 11, 22, 111, 550

Ясунское, оз. 396, 415, 706

Asia 142

Eastern Europe 371, 429

Edinburg 158

Eurasia 44, 46, 279

- North / northern 112, 132, 159

France 44

Helsingfors 475, 589

Kochegur, 132, 740

Leidorf 473

Ob River terrace 35, 128

Povolzhye, region 429

Rome 132

Siberia 35, 132, 273, 279, 588, 589

Northwest 112

Western 74, 128, 142

Siberian Arctic 123

East 123

Svetlenkoye, the lake 35, 128, 739

Ural 273, 371, 446

Указатель археологических памятников и культур

Принятые сокращения:

арх. пам. — археологический памятник, к-ра — археологическая культура, мог. — могильник, пос. — поселение, сел. — селище, ст. — стоянка

А

Автодром-1, мог. 425, 704
 Автодром-2, пос. 428, 429, 704
 Агрнъёган 1, мог. 548, 549, 614, 622, 639, 642
 Айгинское VIII, пос. 575, 576, 710
 Айдашинская пещера 581, 632, 636, 637, 638, 724
 Алакульская к-ра, бронзовый век 460, 707
 Амня I, городище 5, 16, 163, 173–175, 261, 265, 269, 283–285, 294, 346, 347, 348, 350, 357, 372, 377, 428, 711, 725, 731
 Амня Ia, пос. 266, 286, 287, 380, 387
 Амня II, пос. 266, 283, 286, 348
 Амтунъюх 3, пос. 512, 554, 562, 725
 Ананьинская культ. общность, железный век 505, 513, 527, 532, 534, 643
 Андреевская к-ра, энеолит 266, 276, 449, 716
 Андроновская к-ра, бронзовый век 17, 437, 438, 441, 442, 445, 447, 448, 462, 464, 472, 473, 509, 715, 720, 723
 Андрияшин, городок, арх. пам. 574
 Арантур 16, пос. 163
 Арантур, пос. 37, 41, 46, 62, 64, 68, 163
 Арантур 35, пос. 163
 Арантур 39, местонахождение 163
 Арантур 40, местонахождение 163
 Арнатур 27, арх. пам. 485, 607
 Артынская к-ра, неолит 429, 704
 Атасу, пос. 509, 703
 Атлымская к-ра, бронзовый век 17, 436, 438, 439, 440, 446, 468, 469, 470, 471–473, 492, 495, 498, 509, 524, 526, 530, 532, 706, 717
 Атымья Iа, ст. 474
 Атымья II, ст. 266, 340
 Атымья IV, пос. 266, 317, 340, 341, 380, 383
 Атымья VII, пос. 266, 315, 316, 340
 Ахтымья I, пос. 485, 487, 490, 496, 529, 567, 570, 574–577, 579, 735
 Аятская к-ра, энеолит 276, 452

Б

Баитовская к-ра, ранний железный век 575
 Балинское 1, городище 437, 443, 451, 456, 457, 474, 717
 Балинское 7, городище 562
 Балинское 53, арх. пам. 458
 Балинское 73, пос. 163, 175, 177, 179, 183, 184, 192, 211, 212, 241, 728, 738
 Барабинская к-ра, неолит 320, 426, 724
 Баринка II, пос. 182
 Барсов городок, арх. пам. 479, 545, 590, 593, 600, 607, 680, 685, 686, 688, 692, 695, 702, 713, 735
 Барсов городок (Барсовский I), арх. пам. 607, 680, 685, 686, 688, 698
 Барсов городок I/1, городище 500, 501, 508, 509, 513, 538, 539
 Барсов городок I/2, городище 498, 500, 501, 736
 Барсов городок I/3, городище 478, 479, 500–502, 511, 539, 544
 Барсов городок I/4, городище 478, 479, 538, 547, 556, 560–564, 581
 Барсов городок I/5, городище 479, 538, 547, 559, 562
 Барсов городок I/5а, пос. 268, 295, 479
 Барсов городок I/6, городище 479, 551, 625
 Барсов городок I/7, городище 479, 537, 540, 557
 Барсов городок I/8, городище 522, 538, 540, 562
 Барсов городок I/9, городище 482, 523, 535, 550–553, 583
 Барсов городок I/10, городище 498, 501, 736
 Барсов городок I/11, городище 498, 501, 734
 Барсов городок I/12, городище 512, 538, 540, 559, 734
 Барсов городок I/13, городище 498, 501, 518–520, 522
 Барсов городок I/14, городище 498, 501, 508
 Барсов городок I/15, городище 538, 540, 544,
 Барсов городок I/16, городище 538
 Барсов городок I/17 538, 562
 Барсов городок I/18, городище 508
 Барсов городок I/20, городище 538, 539, 544, 547, 551, 554, 556, 561, 562, 582, 622, 624, 626, 640, 686, 703, 704
 Барсов городок I/21, городище 607, 678
 Барсов городок I/22, городище 535, 562
 Барсов городок I/22а, пос. 471
 Барсов городок I/25, городище 607, 681
 Барсов городок I/26, городище 583

- Барсов городок I/28, городище 523
Барсов городок I/30, городище 538
Барсов городок I/31, городище 479, 560, 680, 695
Барсов городок I/32, городище 479, 680, 695
Барсов городок 2(II), мог. см. Барсовский II, мог.
Барсов городок II/1, городище 606, 653, 657, 686
Барсов городок II/2, городище 606, 657
Барсов городок II/3–4, городище 607, 657, 677, 679, 684
Барсов городок II/5, городище 607, 683
Барсов городок II/6, городище 606, 618–621, 645, 646
Барсов городок II/7, городище 606, 618–620
Барсов городок II/8, городище 606, 653, 657
Барсов городок II/9, городище 606, 620, 646, 647
Барсов городок II/10, городище 606, 618, 620, 647, 657, 698
Барсов городок II/11, городище 606, 662, 664, 674
Барсов городок II/12, городище 606, 653, 657
Барсов городок II/13, городище 606, 662, 664, 678
Барсов городок II/14, городище 607, 677, 678, 681
Барсов городок II/15, городище 601, 606, 658, 662, 664
Барсов городок II/25, городище 677
Барсов городок II/31–32, городище 607
Барсов городок III/1, городище 500, 508, 511
Барсов городок III/2, городище 500, 515, 517, 521
Барсов городок III/3, городище 516, 535, 537
Барсов городок III/4, городище 515, 516
Барсов городок III/5, городище 537
Барсов городок III/6, городище 482, 537, 540, 541, 558, 562, 564
Барсов городок III/7, городище 500
Барсова гора, арх. комплекс 13, 14, 19, 173, 264, 267, 269–273, 291, 293, 295, 323, 326–328, 340, 345, 346, 353, 366, 368, 372, 373, 375, 383, 385, 415, 417, 436, 437, 440, 443, 444, 453, 466, 470, 474, 478–483, 486, 489, 492, 493, 498, 499, 502, 504, 506, 509–511, 513–515, 518, 521, 523–525, 530, 535–537, 539, 544, 548, 550, 551, 553, 554, 557, 558, 560, 561, 563, 590, 592, 593, 595–597, 599–604, 611, 614–620, 622, 624–627, 629, 635–639, 645–648, 650–658, 660–662, 664, 665, 668, 670, 674, 677, 678, 680–686, 688, 690, 691, 693–695, 702–705, 713–716, 720, 725, 726, 728–732, 734–736
Барсова гора I/5, сел. 265, 283
Барсова гора I/5а, сел. 266, 284, 291, 293, 295, 327, 364
Барсова гора I/8, ст. 265, 283, 293
Барсова гора I/8а, ст. 293, 295, 299
Барсова гора I/11, сел. 510–512
Барсова гора I/21, сел. 511, 545, 556
Барсова гора I/22, сел. 556
Барсова гора I/22а, сел. 557
Барсова гора I/23, сел. 508
Барсова гора I/40, сел. 499, 502, 503, 505, 512, 513, 729
Барсова гора I/40в, сел. 502, 506, 513
Барсова гора I/43, сел. 516, 521–523
Барсова гора I/50, сел. 468
Барсова гора II/1, сел. 606
Барсова гора II/2, сел. 607
Барсова гора II/3, сел. 606
Барсова гора II/5, сел. 606
Барсова гора II/8, пос. 265, 283, 291, 296, 299, 328, 419, 607
Барсова гора, II/8б, пос. 266, 295, 326, 364, 366
Барсова гора II/9, пос. 265, 270, 271, 287, 293, 322, 345, 353, 383, 384, 735
Барсова гора II/9а, пос. 266, 284, 291, 295, 301, 327, 364, 383
Барсова гора II/9б, пос. 290, 322, 353, 377, 385
Барсова гора II/10, ст. 265, 283, 291, 294, 297, 326, 327, 337, 364, 419
Барсова гора II/11, ст. 607
Барсова гора II/15, ст. 265, 283
Барсова гора II/16, ст. 265, 283, 291, 293, 327, 345, 469
Барсова гора II/16а, ст. 268, 323, 325, 336, 356
Барсова гора II/17, ст. 265, 268, 289, 291, 293, 323, 326, 356, 735
Барсова гора II/19, ст. 265, 271, 291, 296, 345, 711
Барсова гора II/22, сел. 265, 276, 291, 294, 297, 326, 364, 419, 705
Барсова гора II/22а, сел. 591
Барсова гора II/25, ст. 291
Барсова гора II/36, сел. 607
Барсова гора II/42, пос. 265, 266, 270, 271, 291, 294–296, 299, 300, 327, 340, 345, 364, 711
Барсова гора II/86, сел. 284
Барсова гора III/1, сел. 502, 507
Барсова гора, III/2, сел. 535, 536, 542
Барсова гора, III/2а, сел. 507
Барсова гора III/3, сел. 511
Барсова гора III/7, сел. 523
Барсова гора III/8, сел. 519
Барсова гора III/10, сел. 558, 562
Барсова гора III/11, сел. 519
Барсова гора III/13, сел. 523
Барсова гора III/19, сел. 503, 504, 511
Барсова гора III/20, сел. 521
Барсова гора III/21, сел. 541, 562
Барсова гора III/22, сел. 503, 511
Барсова гора III/23, сел. 499
Барсова гора III/24, сел. 516
Барсова гора III/28, сел. 501, 502
Барсова гора III/36, сел. 536, 542, 557, 562, 563
Барсова гора III/38, сел. 511, 512
Барсова гора III/49, сел. 511, 513
Барсова гора III/66, сел. 509
Барсова гора III/72, сел. 511, 513
Барсова гора III/74, сел. 507, 510, 511

- Барсова гора III/76, сел. 502, 505, 506
Барсова гора IV/3, сел. 535, 537
Барсова гора IV/5, сел. 265, 283, 294, 298, 299, 326, 337, 345, 364
Барсова гора IV/10, сел. 511
Барсова гора IV/13, сел. 535, 551, 556
Барсовская к-ра, бронзовый век 434, 436, 439, 440, 443, 468, 473, 492, 495, 498, 505, 524, 726, 736
Барсовогорский II, мог. 270, 272, 277, 291, 293, 294, 298, 323, 337, 338, 345, 401, 686
Барсовский II, мог. 299, 371, 372, 395, 396, 415, 417, 420, 422, 424, 425, 711
Барсовский III, мог. 543, 544, 547, 550, 554, 622, 639, 705
Барсовский V, мог. 601, 606, 674
Барсовский VI, мог. 504
Барсовский VII, мог. 545–547, 583
Барсовский VIII, мог. 538
Барцевка IV, пос. 473
Байрыкско-лыбаевская к-ра, энеолит 431
Белая гора, пос. 488
Белоярская к-ра, ранний железный век 9, 440, 479, 481, 483, 492, 495, 498–508, 510, 511, 513, 514, 524, 528, 532, 550, 574, 622
Боборыкинская к-ра, неолит 269, 272, 429, 716
Богочановская к-ра, ранний железный век 492, 497
Болчары, арх. пам. 453, 484, 488, 738
Болчары I/2, пос. 484, 487, 488
Болчары I/3, пос. 484, 487, 488
Болчары II, городище 486
Большая Умыгья 2, пос. 265, 271, 306, 329, 395–397, 401, 485, 700
Большая Умыгья 8, пос. 265, 271, 307, 310, 313, 314, 329, 338, 376, 379, 380, 382, 388, 389, 395–397, 400, 412, 423, 424, 698
Большая Умыгья 9, пос. 36, 46, 61, 64, 266, 271, 304, 305, 307, 312, 315, 317, 329, 331, 348, 361, 368, 369, 379, 381, 382, 387, 395–397, 400, 402, 410, 412, 413, 423–425, 485, 728
Большая Умыгья 28, мог. 607
Большая Умыгья 36 (Шаман-Гора), городище, святилище 395, 401, 412, 486, 489, 490, 567, 572, 573, 714, 717
Большая Умыгья 57, пос. 271, 304, 306, 315, 316, 329, 331, 335, 340, 341, 348, 350, 366, 367, 374, 376, 379, 380, 381, 388, 389, 485, 728
Большая Умыгья 58, пос. 485, 487, 527
Большая Умыгья 60, пос. 266, 271, 317, 380, 383, 485
Большая Умыгья 61, пос. 266, 485
Большая Умыгья 69, пос. 35, 36, 57–59, 64, 169, 702
Большая Умыгья 72, пос. 485
Большая Умыгья 74, пос. 8, 36, 56, 64, 163, 168–170, 178, 189–192, 195, 197, 198, 224, 227–236, 243, 258, 485, 697, 700, 701
Большая Умыгья XXIII, пос. 259
Большая Умыгья 100, мог. 176, 251–253, 255, 257, 271, 273, 304, 306, 313, 314, 320, 329, 331, 332, 334, 338, 339, 359, 361, 364, 365, 368–371, 373, 374, 376, 381, 382, 388, 389, 395–400, 402, 404–412, 423–425, 485, 700, 716
Большая Умыгья 109, пос. 271, 329, 333, 359, 381, 485, 716
Большая Умыгья 109.1, пос. 304, 306, 320, 331, 362, 363
Большая Умыгья 109.2, пос. 304, 306
Большая Учинья XIII, пос. 178
Большая Учинья XXIII, ст., мезолит 163, 189, 221, 485
Большереченская к-ра, ранний железный век 510
Большой Ларьяк II, пос. 265, 266, 291, 299, 300, 340, 419, 436, 607, 728
Большой Ларьяк III, пос. 266, 299, 340
Большой Лог, городище 585, 703
Большой Салым 4, пос. 163, 174, 177, 179, 183, 192, 209, 211, 244, 250, 260, 266, 271, 273, 299, 366, 371, 372, 388, 395, 401, 415, 419, 421–425, 718
Большой Тетер 2, пос. 163
Боровлянка XVII, мог. 465, 466, 728
Братск, арх. пам. 246
Быстринская к-ра, неолит 270, 291, 327, 329, 333, 350, 359, 364, 375, 386, 408, 422, 431, 719
Быстрый Кульёган, пос. 271, 296, 329, 330, 443, 453, 606, 731, 735
Быстрый Кульёган 38, пос. 265, 271, 276, 437
Быстрый Кульёган 66, пос. 265, 270–272, 291, 292, 296, 328–330, 345, 348, 360, 362, 372, 382, 408, 429, 703, 720
VI Береговая, ст. 430, 702
- ## В
- Вагильская к-ра, ранний железный век 526, 527, 532
Вары-хадыта к-ра, бронзовый век 458, 460
Вар-бор VIII, арх. пам. 163
Вар-бор IX, арх. пам. 163
Вары-Хадыта II, пос. 460, 706
Вачим VII (7), пос. 483, 499, 503, 509, 511
Венгерово 2А, мог. 724
Вис I, пос. 258
Вишья 9, пос. 390–392
Волвонча I, пос. 266, 268, 316, 318, 338, 340, 342, 343, 345, 350, 382, 383, 385, 387, 437, 456, 718
Волчья грива, ст. 132, 155, 723
Вора-яха, ловчая яма 265, 320, 321
Вуграсян-Вад, пос. 568, 579, 580
Высокая Гора II, арх. пам. 163
- ## Г
- Гальшатская к-ра, железный век 473
Гамаюно-Каменогорская к-ра, ранний железный век 526
Гамаюнская к-ра, конец бронзового века начало раннего железного века 439, 446, 470, 474, 494, 526–528, 530, 704
Гари, ст. 155
Гаринская к-ра, энеолит 452, 720

Гарчи I, ст. 243, 709

Геологическое I, ловчая яма 437, 474

Геологическое III (3), пос. 162–164, 176, 178, 180–183, 199–204, 243, 244, 266, 318, 323, 335, 340, 342, 371, 385, 395, 400, 412, 437, 441, 449–451, 453, 454, 456, 458, 461, 474, 485, 487, 489, 529, 531, 698, 717, 735

Геологическое IV, арх. пам. 163

Геологическое VII, пос. 265, 271, 303, 338

Геологические XVI (16), пос. 166, 178, 265, 266, 271, 305, 317, 318, 340, 342, 385, 437, 449–451, 453, 474, 486, 717

Глухое II, городище 483

Гляденовская к-ра, ранний железный век 565, 571, 633

Горбуновский торфяник, арх. пам. 249, 368, 430, 702, 712

Горная Талица, ст. 193

Горный Самогнёл I, пос. 271, 272, 387, 458, 732

Д

Денисово I, городище 484, 487, 488

Денисово 2, пос. 484, 487, 488

Джанбас-кала IV, ст. 267

Джейтаунская к-ра, неолит 16

Е

Евра 25, городище 485–487, 489, 575, 606, 624, 714

Еловка II (Еловский II), мог. 462, 510

Еловская к-ра, бронзовый век 436

Еловские, арх. пам. 437

Еловско-ирменская к-ра 438, 510, 723

Елшанская к-ра, неолит 429, 702

Ендырский II, мог. 456, 700

Ендырское I, арх. пам. 655, 658

Ендырское IV, арх. пам. 606, 646, 648

Ендырское VI, пос. 606, 607

Ендырское VII, пос. 629

Ендырское VIII, пос., РЖВ 437, 443, 456, 470, 473, 474, 489, 490, 566, 567, 569, 572–574, 700, 714, 723

Енья 12, пос. 266, 271, 315, 340–342, 385, 731

Енья 18, пос. 163

Ермаково I, городище 551, 607

Ермаково II, городище 607

Ермаково IV, городище, РЖВ 500

Ермаково VI, городище 482, 607

Ермаково VII, городище 607

Ермаково XI, городище 607

Ермаково ХIА, сел. 607

Ермаково 14, селище 607

Ермаково XVIII, городище 538

Ет-то I, пос. 265, 271, 280, 294, 326, 336, 356, 371, 719

Ет-то II, арх. пам. 265, 353–355

З

Залесье I, арх. пам. 183

Замостье 2, ст. 258, 712

Зелёная Горка, ст. 479, 589, 594, 595, 650, 699

Зеленогорская к-ра, поздний железный век 479, 482, 483, 594, 597, 598, 600–602, 650, 651, 653, 656, 657, 724

Зотинский грот, арх. пам. 155

И

Игнатиевская пещера, арх. пам. 155, 237, 727

Игрековская к-ра, энеолит 431, 445

Имнъёган 2.1, городище 266, 271, 273, 299, 301, 338

Имнъёган 2.2, пос. 271, 338, 340

Йоркутинская, ст. 271

Истяцкий клад 561, 629

Иткульская к-ра, ранний железный век 510, 528, 530, 532, 575, 705

К

Казымский клад 580, 581, 703

Каксинская гора 3, пос. 266, 286, 382, 387

Каксинская гора 4, пос. 566, 606

Калинкинская к-ра, ранний железный век 9, 481–483, 492, 493, 515, 517, 519, 521–525, 550, 622, 710

Кама II (2), пос. 395, 400, 412, 453

Канда, культовый холм 265, 269, 390, 391

Канинская пещера 464, 551, 714

Капова пещера 155, 237, 697

Карагай Аул-1, городище 528, 530, 713

Карым IX, пос. 266

Карым VIII, пос. 488

Кашинская к-ра, ранний железный век 565, 566, 571, 636

Каюково I, пос. 265, 271, 287, 290, 322, 353

Каюково 2, городище 16, 264, 265, 271, 287–289, 323, 348, 349, 353, 714, 715

Каюковская к-ра, неолит 270, 287, 322, 348, 714

Кедровая 2, пос. 564, 734

Кельтеминарская к-ра, неолит 267, 268, 429

Кинтусовский, мог. 14, 591, 607, 692

Кирип-Вис-Юган II (2), пос. 173, 265, 271, 283, 285, 356, 731

Козловский, мог. 574, 608, 614, 617, 624, 723

Коим I, пос. 299

Кокшаровский холм, арх. пам. 391, 428, 429, 644, 706, 738

Колунгтотытор I, пос. 265, 266, 271, 272, 299, 327, 328, 340, 348, 350, 362, 372, 383, 385, 388, 395, 401, 415, 422, 423, 707

Комудваны, местонахождение 7, 110, 111, 113, 115, 116, 146–155, 722

Кондинское I (Ленино I), пос. 178

Кондинское II (Ленино II), пос. 178

Кондинское III (Ленино III), пос. 163, 164, 178, 184, 205–208, 210, 250

Корчаги 5, пос. 527

Костенковско-стрелецкая к-ра, палеолит 243, 709

Костюр 1, культовый холм 391

Кочегур, местонахождение 132, 721

Кошкинская к-ра, неолит 269, 429, 738

Красноозёрская к-ра, бронзовый век 446, 512, 701

Кротовская к-ра, бронзовый век 448, 724

Кулайская к-ра, ранний железный век 9, 479, 483, 485, 486, 488, 490, 492, 496, 497, 505, 525, 534, 535, 537–544, 546–550, 552–567, 574–585, 597, 600, 602, 604, 605, 608–610, 612–614, 616, 618–620, 622–630, 633–642, 644, 648, 650, 652, 660, 662, 676, 689, 691, 696, 703, 709, 714, 715, 718, 727, 732, 735, 737, 738

Кулайское, культ. место 478, 523, 550, 561, 585, 626

Кулунигый, городище 607

Кулунигый 4, пос. 383

Кулунигый 5, сел. 266, 271, 299, 340, 366, 369, 372, 373, 385, 388, 701

Кулунигый 64, арх. пам., 395, 401, 403, 415, 416, 711

Кульминская к-ра, ранний железный век 510, 532

Кучиминское I, сел. 606, 619, 654

Кучиминское II, городище 538, 556

Кучиминское III, сел. 516

Кучиминское IV, сел. 523, 607

Кучиминское V, городище 607, 677–679, 683

Кучиминское IX, сел. 537, 541, 547, 607, 680, 695

Кучиминское X, сел. 483, 721

Кучиминское XI, городище 547, 607, 681

Кучиминское XIII, сел. 516, 518, 522

Кучиминское XIV, городище 607, 683

Кучиминское XVIII, сел. 516

Кучиминское XIX, городище 518, 521, 523

Кучиминское XX, городище 538

Кучиминское XXII, сел. 516, 606

Кучиминское XXIII, сел. 518, 519

Кучиминское XXXIX, сел. 606, 663, 736

Кучум-Гора, городище, арх. пам. 513, 709

Кушниково 1, пос. 265, 271, 325

Кушниково 2, пос. 265, 271, 291, 297

Кушниково 8, пос. 265, 271, 291, 292, 297, 345

Кушниково, арх. пам. 325, 345, 711, 716

Кысыкульская к-ра, энеолит 276

Л

Латенская к-ра, железный век 473

Лева 22, пос. 567, 569–571, 701

Лева VIII (8), мог. 395, 396, 400, 412, 423–425, 437, 441, 443, 449–451, 454, 474,

Лемья 19, пос. 490

Лемья 19.1, пос. 242, 265, 266, 272, 315, 316, 376, 485, 487, 490, 527, 529, 531, 607, 709

Ленино I (Кондинское I), пос. 163, 178, 265, 437, 462

Ленино II, пос. 163, 178

Ленино III (Кондинское III), пос. 162–164, 178, 184, 205–208, 210, 244, 249, 250, 259

Леуши 24, арх. пам. 178

Леуши I, сел. 485

Леуши III, пос. 162, 163, 165, 178, 186–188, 265, 359, 485, 488, 699

Леуши IX, пос. 161–165, 176, 178, 179, 184–186, 212–215, 244–248, 254, 260, 261, 265, 323, 395, 400, 410, 699

Леуши VII, ст. 265, 268, 305, 308, 310–312, 363, 384, 385

Леуши XIII, пос. 162, 163, 165, 178, 179, 265

Леуши XIV, ст. 162, 163, 165, 174, 178, 189, 190, 217, 219, 220, 222, 248, 265, 395, 400, 412, 414, 425, 699

Леуши XIX, пос. 266, 340

Липчинская к-ра, энеолит 268, 276

Липчинское, пос. 335, 699

Лов-санг-Хум, пос. 271

Лозьвинская к-ра, бронзовый век 17, 439, 446, 495, 527, 530, 730

Лозьвинский клад 566, 572

Луговское, местонахождение 7, 110, 111, 113, 116–149, 154, 155, 238, 243, 705, 713, 718, 721, 722, 726

Лучкино I, пос. 441, 442, 472, 709

Ляпинский острог, городище 14

М

Мавмлух, пещера 99

Малая Моховая, ст. 474

Малый Атлым I, пос. 437, 459

Малый ах 3, арх. пам. 163

Махтыльский, культовый холм 391

Мергень 6, пос. 335, 348, 368, 729

Микишкино V (5), пос. 265, 287–289, 322, 348, 353, 370

Мильтонъяун 4, городище 559, 562

Мой-ярей, арх. пам. 470

Могочино I, арх. пам. 193

Моховая 83, сел. 483, 516, 518, 521–524, 704

Мохтикъёган 4, сел. 511, 514

Мульмынское 9, культовый холм 390, 391

Мульмыя 3, пос. 261, 265, 271, 280, 302, 303, 305, 309, 312, 323, 325, 326, 335, 356, 358, 370, 374, 376, 379, 380, 381, 383, 384, 395, 397, 401, 410, 414, 700, 701

Мульмыя 4, пос. 265, 271, 305, 309, 312, 320, 395, 397, 401, 414, 700

Мульмыя 6.3, ст. 163, 168, 178, 265, 701

Мыржык, пос. 509, 703

Н

Немич 1, пос. 383

Неушья 1, арх. пам. 373, 572, 700

Неушья 1.1, городище 485, 487, 567, 568, 570, 572, 574, 700

Неушья 1.2, мог. 485, 487, 489, 567, 568, 704

Неушья 1.3, пос. 485

Неушья 2.1, городище, мог. 338, 395–397, 401, 412, 414, 415, 424, 485, 487, 567, 568, 570–572, 698, 701, 728

Нёх-Урий 1, сел. 340, 364, 606, 623

Нёх-Урий 2, сел. 340, 606, 663, 666, 691

Нёх-Урий 3, сел. 340

Нёх-Урий 3.1, сел. 265, 271, 272, 294, 299, 337, 364, 710

Нёх-Урий 3.2, пос. 265, 266, 271, 299, 300, 364, 372, 383, 385, 437, 443, 453, 507, 511, 513, 731

Нёх-Урий 3.3, городище 266, 271, 299, 301, 338, 350

Нёх-Урий 3.4, сел. 271, 337, 364, 511

Нёх-Урий 5.1, арх. пам. 437, 443, 535, 562, 564, 710

Нёх-Урий 5.2, арх. пам. 437, 443

Нёх-Урий 9, сел. 337, 364

Нивагальское 20, городище 338, 350, 714

Нивагальское 34, мог. 549, 550, 714

Нижнее озеро III, пос. 372

Нижнеобская к-ра, поздний железный век 10, 18, 19, 479, 574, 592, 594–616, 618–621, 623–628, 630, 631, 633–636, 639–647, 649–656, 659, 660, 662, 663, 665–669, 671–675, 677–681, 683, 687, 688, 690–694, 696, 713

Низямы, арх. комплекс 162, 483, 490, 699

Низямы II, городище 566

Низямы VIII, пос. 470, 702

Низямы 3, сел. 606

Низямы III, городище 606, 657

Низямы IV, городище 607, 656, 657

Низямы V, городище 653

Низямы 9, пос. 490, 533, 534, 571, 725

Нирвож 5, пос. 164

Нововасюганское, пос. 525, 715

Новочекинская к-ра, ранний железный век 492, 524

Новый Катыш, пос. 468

Новый Катыш IVа, пос. 485, 487, 496, 575–577

Новый Катыш IVб, пос. 485, 487, 496, 575–577, 579

Нумто II, городище 25

Няксимволь, городище 490, 550, 565, 566, 568, 572, 574, 579, 629, 634, 638, 707, 726, 730, 738

Няксимволь 2, пос., мог. 490, 550, 578, 579

О

Одиновская к-ра, бронзовый век 448, 724

Ортинская к-ра, бронзовый век 286, 445

Окуневый мыс I, пос. 163, 178

Оленеостровский могильник 423, 710

Олымья IV, пос. 471, 473, 484, 488, 730

Островное, городище 487

Остяцкий Живец IV, сел. 535, 537, 544, 686, 690

П

Палатки I, арх. пам. 452, 707

Парабельское, арх. пам. 550, 632

Парга, арх. пам. 246

Парч I, ст. 429, 708

Парч 2, ст. 429, 708

Пашкин Бор I, пос. 437, 455, 456, 459, 474, 485

Пашкин Бор VI, пос. 266, 268

Пегрем VIII, ст. 183

Перегребное, арх. комплекс 483, 484, 490,

Перегребное I, городище 607

Перегребное II, пос. 607

Перегребное 4, пос. 495, 566, 606

Перегребное VI, городище 490, 495, 533, 534

Перный, арх. пам. 534

Пеу III, арх. пам. 501

Полуденка, ст. 246

Полуденская к-ра, неолит 268

Попуя II, пос. 488

Почта-3, мог. 523

Приказанская к-ра, бронзовый век 733

Пуралнъёган I, сел. 340

Пыхты I, пос. 265, 271, 291, 297, 328, 714

Пякупур 3, пос. 271, 458, 460, 728

Пяку-то, пос. 458

Р

Разбойничий остров, ст. 387

Рёлкинская к-ра, поздний железный век 585, 595, 596, 597–599, 602, 603, 615, 621, 651, 652, 654, 660, 662, 667, 680, 690, 693, 737

Ростовка, мог. 445, 462, 468, 723

Рыбный сор, арх. пам. 460

Рябиновая II, арх. пам. 163

С

Савкинская Речка I, сел. 437, 443, 451, 453, 456, 457, 725

Сайгатино I, городище 551

Сайгатино VI, культовый комплекс. 437, 438, 441, 462, 464–466, 700

Сайгатинский I, мог. 607, 677, 678, 680, 685–689

Сайгатинский III, мог. 607, 680, 685, 686, 688, 689

Сайгатинский IV, мог. 607

Сайгатинский VI, мог. 606, 607, 625

Салехард I, арх. пам. 271

Салехард 5, арх. пам 271

Салехардская, ст. 267

Самарово, городище 466

Самусь IV, пос. 437

Самусьская к-ра, бронзовый век 437, 438, 457, 723, 724

Сандибей VI, арх. пам. 470

- Саргатская к-ра, ранний железный век 17, 608, 626, 631, 636, 640, 641
- Сартыньинская к-ра, бронзовый век 438, 439, 458–460, 706
- Сартынья I, пос. 266, 284, 286, 428, 437, 470
- Сартынья III, городище 683
- Сатыга II, местонахождение 163, 165, 178
- Сатыга III, пос. 165, 178, 238, 239
- Сатыга IV, арх. пам. 165
- Сатыга V, арх. пам. 165
- Сатыга VI, арх. пам. 163, 165, 178
- Сатыга VII, арх. пам. 163, 165
- Сатыга XV, мог. 163, 165, 178
- Сатыга XVI, мог. 162, 248, 437, 443, 462–468, 469, 699, 710, 718, 720, 730
- Сатыга XVIa, ст., мог. 163, 165, 174, 178, 189–191, 223–226, 249, 254, 259, 260, 395, 400
- Сатыга XVIв, ст. 178,
- Сатыга XVII, городище 166, 487
- Сатыга XVIIa, ст. 8, 163, 165–167, 176, 178, 180, 192–196, 244, 250, 258, 259, 528, 530, 699
- Сатыга XVIII, арх. пам. 163, 165
- Сатыга XX, арх. пам. 163
- Сатыга XXIII, арх. пам. 163, 165, 178
- Сатыга XXIV, арх. пам. 163
- Сатыга, пос. 165, 166, 171, 254, 479, 484, 488, 699
- Сатыгинский некрополь 464
- Сахтыш IIa, мог. 423, 720
- Сейма, мог. 462
- Сейминско-турбинский мог. 442, 443, 462, 464, 580, 704, 710, 717, 718, 720, 730, 737
- Сенькино I, ур. 380
- Сертея XIV, пос. 429, 734
- Синдейская к-ра, ранний железный век 9, 483, 485, 487, 490, 496, 528, 534, 536, 565, 566, 568, 570–575, 580
- Синдея, городище 496, 565, 566, 568, 573, 707
- Скворцовская гора V, погребал.-культ. площадка 425, 734
- Словцовское, городище 574
- Смоляной сор I, пос. 163, 178, 241
- Согом 64, городище 550, 580
- Сопка 2, мог. 425, 448, 462, 468, 610, 724
- Соровское V, городище 606
- Соровское X, городище 606, 619, 648
- Соровское XI, городище 607
- Соровское XV, городище 607
- Соровское XVII, городище 606, 648
- Соровское 22, святилище 554
- Соровское 23, святилище 554
- Соровское XXV, городище 607, 683
- Соровское XXVI, городище 607, 682
- Соровское XXVII, городище 607
- Соровское XXVIII, городище 607
- Соровское XXXV, городище 606
- Сосновоостровская к-ра, неолит, энеолит 268, 431
- Сосновый, остров, ст. 430, 707
- Сотник 3, культ. холм 390, 391
- Старииков Мыс, городище 607
- Старииков мыс I (Ia), ст. 265, 314, 430, 735
- Старокатышское, городище 575
- Старокладбищенское, городище 472
- Старые Покачи IV, городище 607
- Старые Покачи 5, городище 299, 562, 606, 663, 694
- Старые Покачи 5.1, мог. 266, 366, 369, 395, 396, 401, 402, 415, 416, 418, 419, 422–425, 726
- Старый Катыш, (1) пос. 570, 577, 579
- Старый Катыш, городище 484, 487, 488, 496, 575
- Старый Хангокурт II, пос. 286, 382
- Старый Хангокурт III, пос. 266
- Степановская к-ра, энеолит 445, 456, 460, 461
- Степановское, пос. 511
- Стапановское III, пос. 624
- Стрелка, городище 511
- Сузгун II, ст. 435
- Сузгун IIa., пос. 468
- Сузгун, жертвенное место 442
- Сузгунская к-ра, бронзовый век 441, 442, 697
- Сумпанья II, пос. 168, 171, 698
- Сумпанья 3a, ст. 168, 171, 698
- Сумпанья 4a, пос. 168, 698
- Сумпанья 5, сел. 168, 171, 698
- Сумпанья II, ст. /пос. 265, 266, 268, 302, 308, 379, 380
- Сумпанья III (3), ст. 168, 171, 265, 268, 269, 305, 698, 716
- Сумпанья IV (4), ст. /пос. 163, 165, 168, 171, 176, 178, 265, 268, 302, 303, 308, 311, 698, 716
- Сумпанья VI (6), ст. /пос. 163, 165, 168, 171, 172, 176, 178, 265, 267, 268, 302, 308, 372, 373, 698, 699, 720
- Сумпанья VII, арх. пам. 265
- Супра 4, культ. холм 265, 359, 390–393
- Суртандинская к-ра, энеолит 276
- Сырой Аган 13, мог. 486, 547, 703
- Сырой Аган 16, мог. 505, 625, 738

Т

- Тагарская к-ра, ранний железный век 512, 737
- Талдысай, пос. 509
- Талицкого им. (Островская), ст. 140, 155, 243, 708, 738
- Тартас I, пос. 320, 428, 462, 724
- Ташково II, арх. пам. 460
- Товкурт-лор 3, мог. 437, 442, 443, 462, 466, 580, 730
- Товкурт-лор 4, мог. 580
- Толум I, пос. 265, 266, 271, 300, 315, 316, 340, 341, 366, 369, 734
- Томский, мог. 510, 590, 718
- Троицкая I, ст. 155, 738
- Туманское I, пос. 565, 566, 568, 571, 574, 707
- Турбино, мог. 462
- Тух-Сигат IV, пос. 460, 474
- Тух-Эмтор IV, пос. 475, 607
- Тын I, сел. 566

У

Убья 3, пос. 163, 168, 171, 172, 176, 188, 215–219, 244, 245, 250, 259, 261, 266, 271, 700, 701

Угловое I, арх. пам. 259

Угутское Левобережное 2, арх. пам. 383

Угутское 29, сел. 515, 521, 523, 524, 697

Удельно-Шумецкое X, пос. 183

Унига I, ст., энеолит 268

Ус-Толт (Карым I), городище 479, 484, 486, 575

Усть-Вагильский холм 16, 391, 393, 429, 727

Усть-Васъёган I, арх. пам. 271

Усть-Полуй (Усть-Полуйское), городище, святилище 478, 496, 497, 534, 550, 551, 564, 566, 568, 572, 582, 585, 626, 638, 639, 707, 710, 728, 732, 733, 736

Усть-полуйская к-ра, железный век 479, 480, 496, 497, 532, 566, 568, 580, 584, 594, 650, 724, 725, 732

Усть-Таргас, арх. пам. 428

Усть-Тетер I, пос. 265, 271, 280, 307, 308, 314, 320, 333, 336, 338, 362, 363, 368, 369, 700

Учинский мыс III, арх. пам. 163, 164, 178

Ушанахская V, арх. пам. 163, 178

Ушья, арх. пам. 27, 391

Ушья 6, культ. холм 391

Ф

Фёдоровская к-ра, бронзовый век 439, 462

Х

Хадыта-яха, арх. пам. 470

Холмогорский клад 550, 581, 599, 608, 609, 611, 614, 624, 626, 628–635, 640, 686, 714, 720

Хостортур, арх. пам. 460

Хулюм-Сунт, ст. 435

Хулюм-Сунт I, пос. 271, 286

Хулюм-Сунт II, арх. пам. 266

Ч

Чепкуль 21, арх. пам. 417, 712

Черноозерье (Черноозерский) I, мог. 462, 466, 510, 708

Черноозерье II, ст. 140, 155, 164

Чернореченское I, пос. 442, 719

Чёрная 3, пос. 265, 271, 287, 289, 296, 322–324, 345, 353, 355, 383, 388, 720

Чёртова Гора, культ. холм, пос. 16, 265, 359, 383, 390, 391, 393, 394, 484, 488, 730

Чилимка I, городище 484

Чилимка 2/11, городище 488

Чилимка 3/2, сел. 488

Чилимка 3/4, городище 488

Чилимка 3/6, городище 488

Чилимка IV, пос. 453

Чилимка V, пос. 265, 277, 307, 373, 374, 376, 378, 388, 389, 395, 401, 414, 711, 715

Чилимка 6, пос. 484

Чилимка VIII, пос. 468

Чилимка X (10), пос. 484

Чилимка 12, городище 484

Чилимка XIII, городище 495

Чилимка XXIII, городище 495

Чича I, городище 473, 513, 724

Чужьяёльская к-ра, энеолит 286, 287, 715

Чэс-тый-яг, пос. 265, 267, 271, 284, 286, 287, 333, 336, 362, 363, 379, 479, 706, 707

Ш

Шайтанское Озеро II, арх. пам. 466

Шапкульская к-ра, энеолит 430, 712

Шапкуль, ст. 268, 730

Шеркалинский могильник 490

Шеркалы I, городище 478, 566, 607

Шеркалы I/2, городище 484, 576, 578, 727

Шеркалы IX, мог. 483, 486

Шеркалы X, арх. пам. 268

Шестаково, местонахождение 132, 155, 711

Шигирская к-ра, мезолит, неолит 266, 268

Шоушма 10, пос. 179, 265, 271, 280, 307, 310, 333, 336, 337, 364, 716

Шоушминский культурный тип, неолит 305, 307–310, 333, 363, 382, 390, 408, 409, 430

Щ

Щетнматолор, пос. 442, 458

Ы

Ымыяхтахская к-ра, неолит — бронзовый век 470

Э

Эльген, арх. пам. 246

Эмдер, городок 528, 599, 646, 647, 655, 656, 658, 662, 705, 713

Энтль-Пеу, сел. 340

Я

Ямашор, арх. пам. 534

Ясунская к-ра, энеолит 286, 287, 372, 373, 383, 387, 431, 706

Ясунское, погребение 266, 271, 286, 395, 396, 400, 415, 424, 425

Именной указатель

А

Абрамова Л. И. 721
Абрамова М. Б. 512, 701
Аветов Н. А. 721
Агапов С. А. 456, 466, 737
Адрианов А. В. 590
Адрианов В. С. 478, 593
Албул С. П. 715
Александровский А. Л. 712
Алексашенко Н. А. 470, 485, 701, 702, 732, 738
Алексеев В. В. 707, 717
Алексеев В. П. 705, 728, 731
Алексеев М. Н. 721, 733
Алексеева Е. А. 703, 723
Алесенков Ю. М. 32
Алешина О. А. 708
Алисов Б. П. 25
Альбрехт Христиан 142
Амирханов Х. А. 709
Андреев Г. И. 245, 246, 702
Андреев К. М. 429, 702
Андреева Ж. В. 438, 447, 468, 718, 733, 737
Анойкин А. А. 713, 722
Антипина Т. Г. 4, 7, 23, 35, 36, 37, 40, 41, 46, 50, 51, 56, 59, 61, 63, 84, 87, 88, 89–94, 100, 102, 105, 107, 169, 702
Арефьев В. А. 430, 483, 702
Арне Т. Й. 13, 479, 545, 590, 593, 692, 695, 702, 713, 735
Архипов Г. А. 735
Архипов С. А. 35, 36, 38, 71–73, 83, 101, 102, 106, 112, 121, 123, 160, 161, 702
Астахов В. И. 111, 702

Асташкин В. И. 486
Ашихмина Л. И. 534, 702

Б

Бабенко С. Н. 705, 721
Багашев А. Н. 585, 703, 722, 723
Бадер О. Н. 245, 246, 267, 268, 276, 703, 710, 718, 730, 733, 737
Балуева Т. С. 728
Балуева Ю. В. 174, 183, 209, 244, 273, 366, 388, 401, 415, 421, 422, 425, 499, 718, 729
Баранов М. Ю. 161, 443, 457, 458, 486, 547, 562, 564, 703, 717, 734
Баранов Н. Н. 434, 605, 653, 703
Баранов Ю. М. 348, 703, 720
Бахарев П. С. 507, 511
Бахарева В. А. 35, 36, 38, 69–71, 160, 703, 708
Бейсенов А. З. 509, 703
Беккер Г. 724
Белогай (Приступа) О. И. 14, 580, 703, 728
Бельтикова Г. В. 491, 510, 528, 547, 553, 624, 697, 703, 705
Березина Н. А. 80, 81, 83, 721
Берс А. А. 266, 703
Берс Е. М. 266, 591, 631, 703
Беспрозванный Е. М. 14, 162, 164, 166, 176, 180, 181, 186, 190, 191, 213, 225, 226, 244, 245, 249, 260, 319, 323, 395, 400, 401, 412, 414, 443, 462, 464, 485, 489, 567, 568, 570, 698–701, 703, 704, 710, 718, 720, 728, 730, 731,
Бессмертных А. Н. 161, 485
Бич Е. Ю. 715
Бляхарчук Т. А. 74, 100–105, 704

Бобринский А. А. 375, 704

Бобров В. В. 275, 425, 428, 429, 446, 632, 636, 638, 704, 724

Бобров Л. А. 629, 704

Боброва А. И. 483, 516, 518, 524, 704, 722, 732

Бордюгова Е. А. 713

Борзунов В. А. 14, 173–175, 261, 276, 285, 294, 297, 322, 326, 338, 342, 346, 347, 350, 351, 356, 364, 442, 443, 460, 474, 478, 491, 494, 513, 526–528, 530, 532, 535, 537–539, 542, 544, 547, 553, 554, 556, 582, 584, 591, 593, 596, 614, 615, 620, 621, 623, 624, 627, 629, 633, 635, 639, 646, 649, 686, 703–705, 731, 736

Борзых К. А. 724

Борисова О. К. 45, 100, 102, 103, 705

Бородин А. В. 125

Бородовский А. П. 724

Брей У. 110, 705

Брук С. И. 242, 705

Будыко М. И. 25

Бурилов В. В. 245, 246, 706

Бурканова Е. М. 4, 121, 124, 125, 128, 131, 132, 705, 706, 721

Буров Г. М. 258, 706

В

Валеев И. 33

Варанкин Н. В. 509

Васильев А. В. 722

Васильев Е. В. 14

Васильев Е. А. 268, 269, 286, 287, 333, 336, 340, 363, 372, 383, 396, 415, 429, 436, 439, 440, 444, 458, 460, 469, 470, 473, 482, 483, 495, 697, 706

Васильев С. А. 110, 710, 722, 734

Васильев С. К. 724
Васильев Я. Я. 29, 708
Васильева И. Н. 428, 706
Васильева Ю. А. 168, 171, 172, 401, 403, 415, 416, 711
Васильевский В. И. 724
Васильевский Р. С. 245, 246, 703, 706, 725
Васкул И. О. 534, 702
Вегерин А. М. 30, 47, 730
Величко А. А. 99, 112, 159, 160, 706–708, 710, 722, 733
Величко Т. Ю. 720
Визгалов Г. П. 4, 11, 14, 19, 441, 449, 450, 453, 454, 484, 707, 714, 722
Викторова В. Д. 278, 430, 436, 452, 470, 496, 526–528, 565, 566, 568, 569, 571–574, 697, 707, 711, 718, 726, 738
Виноградов А. С. 272, 286, 287, 327, 328, 340, 348, 362, 383, 401, 415, 422, 707
Виноградов Н. Б. 460, 707
Водясов Е. В. 563, 591, 626, 707
Воеводский М. В. 158, 707
Волков И. А. 702
Волков П. В. 246, 707
Волков Р. Б. 155, 738
Волкова В. С. 71, 102, 103, 106, 121, 123, 160, 161, 702, 703, 720
Волокитин А. В. 429, 708
Выборнов А. В. 713

Г

Гаджиева Е. А. 171, 176, 269, 270, 308, 372, 373, 387, 697, 714, 720
Галимов А. Т. 4, 7, 11, 23, 53, 65–68, 97, 98
Галкин В. Т. 241, 439, 441, 442, 468, 472, 484, 488, 697, 698, 708
Гаркуша Ю. Н. 724
Гашев С. Н. 160, 706, 708
Гвоздовер М. Д. 140, 708

Гевля К. М. 721
Генинг В. Ф. 14, 140, 155, 164, 327, 436, 462, 480, 510, 595, 597, 634, 651, 666, 668, 669, 705, 708, 709, 728, 729, 731, 736
Геннеп А., ван 394, 708
Герасимов И. П. 29, 708, 725
Гирия Е. Ю. 151, 239, 242, 243, 247, 272, 490, 708, 709, 715, 733
Гладкова А. Н. 41, 728
Глебов Ф. З. 35, 36, 40, 75, 76, 78, 79, 84, 709
Глушков И. Г. 14, 268, 269, 276, 372, 390, 429, 441, 442, 453, 457, 460, 472, 482, 484, 495, 691, 705, 709, 724, 727
Глушкова Т. Н. 453, 709, 731
Глызин И. П. 286, 287, 383, 706
Гнатив В. О. 31
Говейлер Т. А. 574, 709
Голдина Р. Д. 513, 631, 637, 656, 709, 723
Головнёв А. В. 4, 343, 345, 346, 351, 584, 709, 716, 725, 727, 731, 732
Гондатти Н. Л. 568, 572
Гордеев Ю. И. 116,
Гордиенко А. В. 575, 710
Горелик В. И. 146, 722
Горелик М. В. 629, 710
Городков Б. Н. 14, 591, 592, 710
Григорьев А. А. 25, 715
Григорьев С. А. 738
Гричук В. П. 112, 710, 728
Гришин А. Е. 448, 724
Гришин Ю. С. 718
Громов В. И. 721
Грутес П. М. 713
Грязнов М. П. 478, 735
Гурина Н. Н. 183, 386, 710, 726, 729
Гурулёв Д. А. 168, 171, 172, 711
Гусев А. В. 478, 497, 639, 710, 733

Гусев В. А. 4
Гусев С. А. 521, 710
Гусенцова Т. М. 182, 183, 710

Д

Дан К. 114, 722
Данилов Е. А. 338, 350, 697
Данилова Е. Н. 272, 299, 337, 364, 443, 453, 511, 537, 562, 564, 710, 731
Данченко Е. М. 492, 497, 512, 616, 638, 668, 697, 710, 729
Дегтярева А. Д. 452, 464, 704, 710, 720
Демахина М. С. 724
Денисов В. П. 452, 720
Деревянко А. А. 727
Деревянко А. П. 110, 113, 114, 132, 155, 704, 710, 711, 713, 715, 718, 724, 726, 737
Деревянко Е. И. 712, 725
Джуманов А. Т. 713
Дмитриев П. А. 266, 711
Дмитриева Л. В. 722
Дмитриева Т. Н. 703
Дмитриев-Садовников Г. М. 593
Долгих Б. О. 428, 711
Долуханов П. М. 427, 731
Домбровская А. В. 41, 711
Дроздов Н. И. 245, 246, 706
Дубовцева Е. Н. 4, 8, 173, 179, 265, 266, 268, 270, 272, 277–279, 281–283, 290, 291, 295–297, 299, 300, 301, 307, 322, 325, 327, 333, 340, 345, 348, 357, 364, 372, 373, 383, 387, 388, 401, 414, 417, 419, 429, 534, 564, 697, 705, 711, 715, 716, 719, 720, 725, 731, 734
Дубягина Е. В. 509, 712
Дудко А. А. 161, 168, 172, 401, 403, 415, 416, 698, 711
Дураков И. А. 724
Дядьков П. Г. 724

Е

Евсеева Н. С. 160, 161, 711
 Елькина М. В. 436, 474, 482, 498, 515, 712
 Еньшин Д. Н. 335, 348, 423, 425, 712
 Епимахов А. В. 466, 712
 Ермолаева А. С. 509, 712
 Ефремова Н. С. 724
 Ещенко Н. К. 510, 708

Ж

Жилин М. Г. 4, 249, 259, 368, 712
 Жилина Т. Н. 160, 161, 711
 Жирных Е. А. 485, 486, 489, 563, 575, 624, 712, 714, 736
 Житенев В. С. 145, 237, 697

З

Завельский Ф. С. 721
 Заика А. В. 539
 Зайцева Г. И. 284, 427, 719, 731
 Заклинская Е. Д. 41, 710, 728
 Зарецкая Н. Е. 287, 715
 Зах В. А. 268, 269, 417, 425, 426, 430, 530, 712, 713, 738
 Захожая Т. М. 442, 468, 472, 484, 495, 709, 712
 Зеликсон Э. М. 705
 Зенин В. Н. 4, 7, 11, 107, 110, 124, 140, 142, 154, 155, 702, 711–713, 722, 726
 Зими́на О. Ю. 494, 528, 530, 713
 Зиняков Н. М. 485, 488, 489, 713
 Золотарев К. В. 713
 Зольников И. Д. 111, 713, 722
 Зотов Н. Л. 13
 Зотова С. В. 425, 430, 712
 Зубань И. А. 708
 Зубков А. И. 721

Зыкин В. С. 112, 713
 Зыкина В. С. 713
 Зыков А. П. 4, 10, 14, 257, 473, 479, 483, 486, 490, 515, 528, 543, 544, 547, 550, 553, 554, 566, 567, 569, 573, 588–590, 592, 593, 598–606, 608–611, 614–617, 619–624, 626–635, 639, 640, 643–647, 651–662, 664, 665, 668, 674, 677–691, 693, 694, 697, 703, 705, 713, 714, 720, 723, 733, 736, 738
 Зырянов А. И. 631
 Зырянова С. Ю. 269, 305, 426, 429, 716, 717

И

Ивасько Л. В. 270, 288, 289, 322, 323, 348, 353, 714, 722
 Инишева Л. И. 721

К

Казаков А. А. 683, 727
 Казаков В. Ф. 267
 Кайзер Э. 448, 714
 Калиева Ж. С. 712
 Калиева С. С. 328, 483, 714, 721
 Калинина И. В. 387, 714
 Каменский С. Ю. 485, 486, 489, 575, 624, 712, 714
 Канивец В. И. 464, 494, 714
 Карачаров К. Г. 270, 273, 338, 340, 344, 350, 366, 369, 396, 401, 402, 415–419, 443, 469, 483, 507, 514, 544, 548–550, 585, 598, 599, 614, 615, 622, 623, 625, 638, 640, 642, 649, 651, 652, 658, 663, 666, 674, 680, 682, 683, 685, 686, 688, 691, 695, 697, 698, 714, 726–728, 731, 736
 Карачарова Л. В. 383, 731
 Кардаш О. В. 14, 212, 241, 289, 349, 511, 554, 601, 652, 661, 664, 668, 670–673, 675, 684, 698, 715, 722, 734, 738
 Карманов В. Н. 287, 428, 715
 Карпенко Л. В. 35, 709
 Каспаров А. К. 154, 715

Кастрен М. А. 13, 267
 Кац Н. Я. 32, 80, 96, 715
 Кац С. В. 80, 96, 715
 Кеммерих А. О. 27, 715
 Кениг А. В. 4, 14
 Кернер В. Ф. 573, 707
 Кинд Н. В. 58, 78, 83, 96, 101, 102, 160, 698, 715, 721
 Кирсанов В. А. 730, 732
 Кирюшин Ю. Ф. 271, 276, 322, 447, 457, 460, 475, 525, 705, 709, 712, 715, 724, 734, 735
 Клементьева Т. Ю. 4, 8, 176, 179, 251, 261, 265, 266, 272, 277, 280, 281, 302, 306–309, 314, 317, 322, 333, 337, 348, 364, 369, 372, 373, 380, 382, 383, 387, 388, 391, 395–397, 400–402, 408, 410, 412, 414, 426, 430, 485, 709, 711, 715, 716
 Климанов В. А. 35, 82, 159, 698, 709, 734
 Кобелева Л. С. 724
 Ковалева В. Т. 269, 305, 308, 426, 429, 449, 704, 707, 716, 718, 725, 727, 729, 730, 733
 Ковальский В. В. 132, 716
 Ковригин А. А. 345, 503, 561, 716
 Ковыршина Ю. Н. 724
 Козеко О. Е. 489, 567, 568, 704
 Кокшаров С. Ф. 4, 9, 11, 14, 161, 162, 166, 180–182, 200–204, 269, 271, 276, 286, 287, 305, 314, 316–318, 320, 323, 338, 341–343, 366, 373, 380, 382, 383, 385, 387, 391, 395, 400, 401, 412, 414, 429, 430, 434, 437, 439–441, 443, 444, 447, 448, 450–454, 456–458, 460–462, 464, 465, 468–470, 473–475, 485–487, 489, 490, 527, 528, 532, 566, 567, 569, 573, 599, 629, 646, 647, 655, 656, 658, 662, 698–700, 702, 703, 705–707, 713, 714, 716–718, 730, 736
 Кондрашёв А. Н. 512, 554, 562, 725
 Коноваленко М. В. 161, 174, 183, 209, 244, 260, 273, 340, 366, 373, 388, 396, 401, 415, 421, 422, 483, 499, 515, 523, 697, 701, 718, 729
 Коновалова В. А. 124, 718, 721

Конопацкий А. К. 245, 718

Коноркин В. М. 485

Коренева М. М. 41, 711

Корона О. М. 35, 36, 46, 59, 84, 702, 712

Коротаев В. П. 498, 515, 736

Корочкова О. Н. 14, 462, 464, 466, 472, 473, 657, 700, 703–705, 707, 710, 718, 728, 731, 733

Косарев М. Ф. 275, 276, 437–440, 442, 445–447, 453, 460, 462, 472, 473, 475, 480, 492–494, 582–584, 707, 708, 718, 719, 728

Косинская Л. Л. 4, 8, 173, 261, 265, 268–270, 272, 277, 279–283, 289, 291, 296, 297, 321, 322, 324, 326–328, 336, 340, 343–345, 348, 353, 356, 362, 363, 371, 372, 382, 383, 386, 388, 408, 429, 442, 443, 453, 457, 458, 501, 534, 698, 703–706, 711, 712, 719, 720, 725, 731, 734

Косинцев П. А. 155, 176, 260, 319, 338, 369, 524, 588, 589, 644, 697, 701, 704, 712, 714, 720, 733, 738

Костылева Е. Л. 423, 720

Котляков В. М. 704, 713

Кочегов Е. И. 161

Крайнов Д. А. 386

Кременецкий К. В. 705, 707

Кривоногов С. К. 121, 123, 720

Крижевская Л. Я. 14, 171, 176, 267, 276, 308, 372, 373, 699, 710, 720, 735

Круземент С. А. 272, 277, 280, 306–308, 333, 338, 487, 700, 715

Куваев В. Б. 721

Кузина А. В. 490, 550, 578, 579, 730

Кузьмина Е. Е. 447, 720,

Кузьминых С. В. 446, 447, 452, 456, 464, 466, 470, 514, 561, 635, 704, 710, 720, 737

Куницын Л. Ф. 32, 720

Куприянова Е. Н. 715

Курнишкова Т. В. 721

Л

Лаптева Е. Г. 101, 720

Лашук Л. П. 268, 286, 470, 720

Леббок Д. 274

Лебедев Г. И. 14

Левина Т. П. 35, 36, 38, 71, 92, 102, 103, 160, 702, 708, 721

Левицкая П. С. 713

Левковская Г. М. 99, 698, 721,

Лейбниц Г. В. 142

Лещинский С. В. 4, 7, 113, 119, 121, 122, 124, 128, 129, 131–133, 154, 705, 711–713, 721–723

Линдафф К. М. 447, 721

Липс С. А. 212, 674, 738

Лисс О. Л. 28, 35, 36, 40, 80–84, 102–104, 721, 726

Логвин А. В. 14

Логвин В. Н. 328, 483, 714, 721

Лозовский В. М. 708, 711, 712

Ломан В. Г. 509, 703

Лукина Н. В. 131, 320, 706, 717, 721, 723, 724, 737

Лупинос М. Ю. 708

Лычагина Е. Л. 428, 709, 721

Львов Ю. А. 494, 722

М

Майнштейн А. К. 724

Макаров Н. А. 706, 711, 714, 727, 730

Макаров К. К. 710

Макаров С. С. 4, 7, 11, 110, 111, 113–115, 117, 120, 145–147, 151, 154, 155, 713, 722

МакДональд Г. 707

Малахов М. В. 266, 722

Малик Л. К. 715

Малиновский Б. 394, 722

Малолетко А. М. 475, 715

Малышкин А. В. 484, 722

Мардонова Л. Б. 708

Маркарян Э. С. 277, 278, 722

Маркин С. В. 110, 710, 713

Марочкин А. Г. 425, 429, 704, 722

Мартин Ф. Р. 13, 267, 479, 545, 590, 592, 593, 692, 735

Марченко Ж. В. 724

Маслюженко Д. Н. 706, 711, 729

Массон М. В. 275, 723

Матвеев А. В. 425, 430, 723

Матвеева Г. И. 707

Матвеева Н. П. 268, 326, 327, 356, 425, 573, 603, 608–610, 617, 624, 636, 652, 660, 709, 723

Матюшин Г. Н. 276, 723

Матющенко В. И. 322, 437, 438, 462, 468, 510, 512, 589, 705–708, 712, 718, 723, 728, 729, 732, 737

Мащенко Е. Н. 116, 132, 711, 721, 723, 726

Медведев В. Е. 734

Мелларт Дж. 274

Мельник Т. В. 566, 572, 723

Мерперт Н. Я. 275, 723, 736, 737

Миндеева Т. Н. 35, 709

Миронов П. В. 306, 307, 316, 331, 335, 341, 348, 366, 380, 728

Митропольский М. Г. 708

Могильников В. А. 492, 584, 595–598, 614, 615, 637, 668, 669, 688, 689, 693, 698, 723

Молодин В. И. 155, 320, 425, 426, 428, 444, 446, 448, 457, 462, 468, 473, 494, 513, 584, 596, 632, 636, 638, 701, 703, 704, 706, 708, 709, 711–715, 724, 726, 732, 734, 736, 738,

Морозов В. М. 14, 161, 162, 173, 261, 269, 285, 346, 356, 380, 382, 383, 387, 470, 478, 482, 483, 485, 486, 490, 495, 499, 503, 509, 512, 532, 534, 554, 562, 566, 571, 598, 653, 656–658, 682, 683, 699, 702, 703, 716, 724, 725, 731, 733

Мочанов Ю. А. 245, 725

Мошинская В. И. 245, 267, 435, 479, 496, 572, 588, 589, 594, 595, 617, 624, 634, 635, 639, 650, 723, 725, 736

Мошкова В. Г. 390, 725

Мрачковский В. Я. 13

Мухина М. А. 460, 707

Мызников С. А. 338, 373, 383, 443, 453, 457, 697, 725, 734

Мыльникова Л. В. 724

Мыльникова Л. Н. 4, 425, 513, 724, 725

Н

Надо М.-Х. 713

Надоева Н. Р. 217, 699

Назаров Д. В. 111, 702

Напольских В. В. 386, 725

Нейштадт М. И. 32, 35, 103, 715, 725, 726, 728, 733

Ненахов Д. А. 724

Нестерова М. С. 425, 434, 462, 724, 726

Нехорошев П. Е. 154, 715

Нидерле Л. 473, 726

Никитин В. В. 183, 726

Никольский П. А. 153, 727

Новенко Е. Ю. 705

Новиков А. В. 724, 732

Новикова О. И. 724

Новикова О. Н. 724

Носкова А. В. 661–663, 736

Носкова Л. В. 338, 366, 369, 396, 401, 402, 415–419, 697, 726

О

Обручев В. А. 241, 726

Овчаров А. В. 727

Окладников А. П. 155, 158, 245, 718, 726, 729

Ольховский В. С. 394, 726

Орлов В. И. 22, 726

Орлова Л. А. 131, 132, 713, 721, 726

Ошибкина С. В. 249, 715, 726, 731

П

Павлов А. Ф. 116, 129, 133, 154, 726

Павлов И. В. 593

Павлов П. Ю. 193, 237, 238, 243, 709, 726

Павлова Е. Ю. 153, 727

Панина С. Н. 246, 391, 393, 429, 726, 727

Панова Н. К. 35–37, 40, 41, 46, 59, 84, 88, 89, 91, 92, 94, 100–102, 105, 169, 702, 727

Пантелеев Л. Ф. 726

Панфилов А. Н. 425, 430, 712

Панычев В. А. 35, 36, 38, 702

Папин Д. В. 447, 715

Пархимович С. Г. 417, 425, 430, 484, 485, 487, 532, 575, 576, 578, 712, 725, 727

Парцингер Г. 724

Пахунов А. С. 145, 727

Пашкин П. П. 245, 246, 702

Пелих Г. И. 351, 727

Перевалова Е. В. 273, 338, 340, 344–346, 350, 351, 428, 514, 548, 549, 599, 622, 623, 638, 640, 642, 663, 666, 691, 695, 701, 705, 713, 717, 719, 727

Перельман А. И. 132, 727

Перфильев С. С. 713

Петрин В. Т. 140, 155, 164, 193, 708, 711, 727

Петров А. И. 484

Петров В. Ф. 729

Петров Ю. А. 4, 6

Пиецонка Х. 173, 274, 564, 711, 715, 727, 734

Питулько В. В. 153, 727, 733

Плетнева Л. М. 512, 591, 621, 624, 627, 661, 663, 666, 683, 689, 690, 703, 727, 735, 737

Плотников В. В. 739

Плотникова Р. И. 737

Погодин А. А. 4, 8, 11, 161–164, 166–168, 170, 172, 173, 176, 179, 180–182, 188, 190, 191, 200–204, 223, 225, 226, 241, 246, 249, 251–253, 255, 260, 261, 272, 273, 277, 280, 281, 302, 306–309, 314–317, 319, 322, 323, 325, 326, 331–335, 338, 339, 341, 348, 356, 359, 364, 366, 368, 369, 373, 380, 383, 384, 387, 396–402, 404, 406–408, 410–413, 426, 429, 430, 443, 454, 456, 485, 487, 531, 567–569, 572, 697, 699, 700, 701, 703, 704, 709, 711, 715–717, 725, 727, 728, 731, 738

Погодин Л. И. 465, 466, 631, 728

Полеводов А. В. 465, 466, 512, 723, 728

Полосьмак Н. В. 425, 492, 524, 525, 724, 728

Пономарёва Е. А. 121, 125, 128, 499, 511, 705, 706, 721

Пономарёва Т. М. 175, 177, 183, 184, 212, 728

Попова А. И. 721

Посредников В. А. 14, 299, 436, 483, 596, 622, 642, 691, 728

Потёмкина Т. М. 473, 657, 728

Пошехонова О. Е. 703, 723, 728

Прейс Ю. И. 107, 702

Пульский Ф. 275

Р

Ражев Д. И. 256, 383, 406, 410, 697, 701, 703

Райнхольд С. 724

Расторопов А. В. 484, 487, 488, 570, 575, 577, 579, 700, 729

Раушенбах В. М. 268, 729

Ревердатто В. В. 30, 729

Резвый А. С. 4, 7, 113, 114, 146, 154, 722

Ренфрю К. 466, 712

Рихтер Г. Д. 23, 24, 27, 708, 715, 720, 729, 733
Рогачёв А. Н. 158, 729
Ромбандеева Е. И. 394, 729
Рудковский С. И. 483, 516, 518, 524, 704
Рыбаков Б. А. 386, 722, 725, 731, 734, 738
Рыгдылон Э. Г. 246, 729
Рыжкова О. В. 430, 702, 712
Рындина Н. В. 275, 729
Рындина О. М. 720

С

Савина С. С. 101–103, 729
Савченко С. Н. 257, 258, 712, 729
Салугина Н. П. 509, 729
Сальников К. В. 423, 447, 716, 729
Сальникова И. В. 724
Светогоров Р. Д. 727
Святова Е. О. 415
Селин Д. В. 509, 548, 729
Селюков А. Г. 708
Сеянина М. Ю. 14, 501, 715, 731
Сенин Р. А. 727
Сергеев А. С. 325, 507, 703, 711, 716
Серигов Ю. Б. 162, 164, 174, 177, 183, 184, 205, 209, 244, 250, 259, 388, 401, 425, 503, 512, 698, 712, 716, 718, 723, 729
Сизов О. С. 494, 713
Синицына Г. В. 462, 468, 723
Ситдииков А. Г. 711
Сладков В. Б. 24
Сладкова Л. Н. 359, 390, 393, 394, 473, 484, 488, 527, 730
Слепченко С. М. 423, 425, 703, 712, 723
Словцов И. Я. 267
Слука З. А. 721
Смирнов А. П. 479, 714, 730, 731, 736
Смит Л. 707
Смолоногов Е. П. 30, 47, 730
Собольникова Т. Н. 269, 372, 390, 484, 490, 550, 578, 579, 700, 709, 730
Соколков А. В. 484
Соломонов В. И. 405, 409
Сорокин А. Н. 429, 708, 715, 730
Сорокина Н. В. 708
Сосновкин И. Н. 498, 723, 730, 734, 736
Спиридонов И. А. 276, 466, 718, 730
Стариков Э. В. 35, 709
Старков А. Е. 390, 697
Старков В. Ф. 267, 268, 276, 286, 391, 393, 430, 479, 480, 579, 718, 723, 730
Стародумов Д. О. 728
Старостина Е. Е. 395, 400, 412, 414, 704
Степаненкова З. В. 472, 730
Стефанов В. И. 14, 173–175, 261, 269, 283, 285, 300, 315, 341, 342, 346, 347, 356, 380, 383, 387, 442, 443, 453, 457, 460, 462, 466, 472, 473, 512, 559, 562, 580, 657, 701, 703–705, 713, 714, 717, 718, 725, 728, 730, 731
Стефанова Н. К. 161, 186, 342, 442, 462, 472, 473, 484, 487, 510, 535, 556, 575–577, 579, 596, 699, 705, 708, 716, 718, 719, 731, 734, 735
Стоколос В. С. 275, 286, 470, 494, 701, 731
Столбов В. А. 708
Стоянов В. Е. 707, 712, 716, 732, 734
Сурков В. С. 721
Сухина Л. В. 480, 528, 729

Т

Терёхин С. А. 487, 561, 731
Терехова Л. М. 598, 599, 674, 685, 686, 713, 731, 733
Тетерина И. И. 721

Тимирева С. Н. 707
Тимофеев В. И. 283, 284, 289, 297, 299, 308, 427, 719, 731
Тишкин А. А. 724, 735, 736
Токарев П. И. 706
Токарев С. А. 394, 731
Толейко Л. С. 709
Толпышева Т. Ю. 721
Толстов С. П. 267, 731, 736
Томилов Н. А. 709, 725, 738
Томсен Х. 274
Тонкушина М. О. 711
Трамп Д. 110, 705
Тресцова А. Ю. 272, 337, 364, 383, 732
Третьяков В. П. 708, 711
Третьяков Е. А. 723
Троицкая Т. Н. 585, 637, 732
Тропина М. Е. 564
Труфанов А. Я. 333, 348, 372, 397, 401, 408, 412, 465, 466, 511, 568, 570, 572, 702–704, 709, 710, 713–716, 718, 720, 725–728, 730–732, 735, 736
Труфанова Ж. Н. 570, 572, 732
Тупахин Д. С. 272, 458, 732
Тупахина О. С. 272, 387, 458, 732
Турков В. Г. 530, 732
Тюремнов С. Н. 41, 711

У

Усачева И. В. 431, 732
Устинова Е. А. 308, 712, 716
Уткин А. В. 423, 720

Ф

Фасбиндер Й. 724
Фёдорова Е. Г. 321, 732
Фёдорова Н. В. 14, 478, 483, 489, 497, 550, 582, 585, 588, 597–600, 602–604, 608, 609, 610, 614, 615, 624, 626,

628–635, 639, 640, 642, 644, 650–652, 654, 656, 660, 662, 669, 677, 680, 683, 686, 693, 708, 710, 713, 714, 719, 720, 732, 733

Федорова Р. В. 733

Филатов Е. А. 713

Фильчаков Е. Г. 454, 484, 486, 488, 707

Фомин Ю. М. 245, 246, 702

Форова В. С. 721

Фосс М. Е. 390, 733

Х

Халиков А. Х. 468, 733

Хансен С. 724

Хаттон Д. 43

Хлобыстин Л. П. 162, 267, 268, 286, 308, 345, 436, 470, 479, 596–597, 680, 695, 698, 716, 720, 733

Хлопачёв Г. А. 151, 733

Хотинский Н. А. 35, 36, 64, 81–83, 89, 92, 94, 95, 99–105, 107, 701, 708, 729, 733, 734

Храмцов М. В. 300, 315, 316, 341, 366, 734

Хрусталева И. Ю. 429, 734

Хэкель Й. 389, 734

Хэнкс Б. 466, 712

Ц

Цветкова Н. А. 429, 734

Цембалюк С. И. 494, 713

Цеменков А. Е. 380, 390, 392, 401, 485, 487, 570, 575, 576, 577, 579, 700

Ч

Чаиркина Н. М. 4, 8, 19, 46, 273, 275–277, 281, 321, 335, 366, 387, 425, 430, 699, 702, 704, 705, 711, 712, 715, 718, 720, 722, 726, 732, 734

Чайлд Г. 158, 274

Чемякин Ю. П. 4, 9, 14, 212, 267, 270, 271, 290, 291, 293, 295, 298–300, 314, 322, 323, 326–328, 340, 345, 353, 356, 364, 372, 383–385, 401, 415, 417, 420, 430, 436, 440, 441, 443, 444, 453, 460, 464, 468, 470, 473, 478, 479, 481–483, 487, 489, 490, 493, 498, 499, 503, 507, 509, 512, 514, 515, 524, 525, 532, 536, 537, 541, 546, 551, 558, 561, 563, 564, 571, 573–575, 584, 585, 593, 599, 614, 615, 619–621, 623–625, 627–629, 633, 635–639, 645, 646, 649, 651, 658, 661–663, 674, 680, 682, 683, 685, 686, 695, 701, 702, 705, 706, 709, 717, 718, 720, 725, 729, 730, 733–736

Чемякина М. А. 513, 724, 725

Чернецов В. Н. 14, 245, 246, 267, 268, 390, 435, 436, 439, 442, 478, 479, 482, 484, 486, 496, 572, 574, 575, 584, 588, 589, 593–598, 600, 601, 603, 614, 615, 617, 629, 636, 639, 650–652, 660, 677, 683, 692, 693, 725, 730, 731, 735, 736,

Черных Е. М. 713

Черных Е. Н. 434, 444, 446, 447, 449, 456, 458, 464, 466, 468, 718, 736, 737

Черных И. Н. 711, 719, 734

Чикишева Т. А. 724, 728

Чиндина Л. А. 351, 483, 490–492, 510, 511, 547, 556, 579, 584, 585, 596, 597, 602, 603, 621, 624, 632, 637, 638, 650, 654, 660–664, 667, 680, 689, 706, 715, 722, 727, 735, 737

Членова Н. Л. 510, 512, 737

Чугунов С. М. 13, 267, 689, 738

Ш

Шаманаев А. В. 260, 429, 716, 738

Шаповалов С. И. 708

Шатунов Н. В. 14, 267, 478, 520, 593, 701, 725, 736

Шведчикова Н. К. 721

Шенников А. П. 29

Шерстобитов В. Ф. 386, 738

Ширинов Ю. В. 486, 496, 550, 561, 625, 632, 634, 638, 738, 739

Широков В. Н. 155, 387, 548, 718, 738

Шмидт А. В. 212, 738

Шмидт И. В. 249, 738

Шнеевайс Й. 724

Шориков Л. Г. 480

Шорин А. Ф. 275, 276, 391, 393, 429, 505, 605, 625, 644, 734, 738

Шорина А. А. 429, 605, 738

Шукуров А. М. 427, 731

Шульц Л. Р. 591, 592, 692, 738

Шульц Л. З. 591

Шульц Р. Л. 14

Шумайлов С. И. 484, 487, 488, 738

Шушунов М. Н. 727

Щ

Щербакова Т. И. 140, 155, 243, 701, 738

Ю

Юдина Е. А. 282, 283, 296, 322, 345, 353, 383, 388, 705, 711, 720,

Юдина В. Ф. 734

Юракова А. Ю. 425, 429, 704

Я

Яблонский Л. Т. 278, 739

Яковлев Я. А. 486, 490, 550, 553, 555, 622, 623, 642, 664, 702–707, 710, 711, 713, 714, 716, 717, 720, 722, 725, 728, 730, 731, 733–736, 738, 739

А

Alexanderson Н. 741

Alliksaar Т. 739

Amon L. 35, 36, 39, 72, 73, 128, 739

Andrews J. 741

Arne T. J. 590, 692, 695, 739

Asheichyk V. 739

Astakhov V. I. 741

B

Bard E. 740
 Beck J. W. 740
 Behrensmeyer A. K. 129, 739
 Benito Carlos García 473, 740
 Berkelhammer M. 741
 Björck S. 741
 Blaauw M. 42, 739
 Blaus A. 739
 Blyakharchuk T. A. 74, 739
 Burkanova E. M. 132, 740
 Burr G. S. 740

C

Carlson A. E. 739
 Chemyakin Y. 740
 Chen S. 371, 739
 Cheng H. 741
 Clark I. G. D. 158, 739
 Clark J. 739
 Clark P. U. 123, 739
 Cwynar L. C. 741

D

Davis B. A. S. 44, 45, 739
 Demidov I. 741
 Dowdeswell J. A. 741
 Dradshaw F. 739
 Dubovtseva E. 739, 740
 Dyke A. S. 739

E

Enshin D. 740

F

Faustova M. 159, 741

Fernández Juan Jesús Padilla 473, 740

Fick S. E. 45, 739

Fisher D. 741

Funder S. 741

G

Gataullin V. 741
 Gavrilov A. V. 740
 German K. 739
 Gibbard P. 741
 Gkinis V. 741
 Glasser N. F. 123, 739
 Grimm E. C. 41, 739
 Grootes P. M. 740, 741
 Guiot J. 44, 739

H

Harrison S. 123, 739
 Hartz S. 740
 Haslam M. 242, 739
 Haslett J. 740
 Head M. J. 110, 740, 741
 Heinsalu A. 739
 Henriksena M. 741
 Higham T. F. G. 740
 Hijmans R. J. 45, 739
 Hjorti C. 741
 Hoek W. 741
 Hostetler S. W. 739
 Houmark-Nielsenj M. 741
 Hubberten H.-W. 740, 741
 Hughen K. A. 740, 741

I

Ingolfsson O. 741

J

Jakobsson M. 741
 Johnsen S. 741
 Juus T. 739

K

Kashina E. 739
 Kershaw P. 741
 Kholodov A. L. 740
 Kjær K. H. 741
 Kononov Yu. 159, 741
 Konstantin A. 429, 741
 Kosinskaya L. 740
 Kovaleva V. 740
 Kriiska A. 739
 Kromer B. 740, 741
 Kulkova M. 429, 741
 Kuzmin Y. V. 279, 400, 740

L

Lapshina E. 739
 Larsen E. 741
 Leito I. 739
 Leshchinskiy S. V. 132, 740, 741
 Liiv M. 739
 Litt T. 741
 Lokrantz H. 741
 Long A. 741
 Lowe D. J. 741
 Lowe J. 741
 Luncz L. V. 739
 Lunkka J. P. 741
 Lychagina E. 739
 Lys A. 741

M

Mangerud J. 741
Maschenko E. N. 740, 741
Matiouchkov A. 741
McCabe A. M. 739
McCormac G. 740
Mitrovica J. X. 739
Moller P. 741
Murrayr A. 741

N

Nadeau M.-J. 741
Nakagawa T. 741
Newnham R. 741
Niessen F. 741
Nikolskaya O. 741

O

Oras E. 739
Orlova L. A. 113, 114, 154, 740
Oshibkina S. 739
Ottoni E. B. 739
Overpeck J. T. 44, 740

P

Panina S. 740
Pasalodos Raquel Jiménez 473, 740
Pavlov A. F. 740, 741
Piezonka H. 273, 295, 296, 346, 740
Pillans B. 110, 740

Polyak L. 741
Popp T. 741
Prentice I. C. 44, 740

R

Rasmussen S. O. 741
Reimer P. J. 37, 740
Reitalu T. 739
Romanovskii N. N. 123, 740

A

Saarnisto M. 741
Savchenko S. 739, 740
Schwander J. 741
Sedov S. 112, 740
Shakun J. D. 739
Sharapov D. V. 112, 740
Sheinkman V. 112, 740
Siegert C. 741
Siegert M. J. 741
Simpson G. L. 46, 740
Sirelius U. T. 475, 740
Skochina S. 740
Smith D. E. 123, 739
Somov A. 429, 741
Sommier S. 588, 740
Spielhagen R. F. 741
Spurk M. 740
Staff R. A. 739
Steffensen J. P. 741
Stein R. 741

Stuart A. J. 740
Stuiver M. 142, 740
Svendsen J. I. 112, 159, 741

T

Tearu A. 739
Terberger T. 740
Tumskoy V. E. 740

V

Vahur S. 739
Van der Plicht J. 740
Vashanau A. 739
Vassiljev J. 739
Velichko A. 159, 741
Veski S. 739
Vetrov V. M. 279, 740
Vybornov A. 429, 741

W

Walker M. 99, 158, 741
Webb T. 44, 740
Weiss H. 741
Wohlfarth B. 739

Z

Zakh V. 740
Zalasiewicz J. A. 110, 740
Zenin V. N. 142, 740, 741
Zhilin M. 739, 740
Zykov A. 740

Сокращения

АИА РАН — Архив Института археологии Российской академии наук

АКА УрГУ — Архив кабинета археологии Уральского государственного университета

АО — Археологическое обозрение

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии

ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии

ВАУ — Вопросы археологии Урала

ГИН — Геологический институт Российской академии наук

ЗИН РАН — Зоологический институт Российской академии наук

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

ИАЭТ СО РАН — Институт антропологии и этнологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Изв. РАН — Известия Российской академии наук

ИИиА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИИЯиЛ УНЦ РАН — Институт истории, языка литературы
Уфимский научный центр Российской академии наук

ИМЭКС СО РАН — Институт мониторинга климатических и экологических
систем Сибирского отделения Российской академии наук

ИНИОН РАН — Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук

ИНКВА — Международный союз по изучению четвертичного периода

ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

ИЭРиЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных
Уральского отделения Российской академии наук

КНЦ УрО РАН — Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук

Коми ФАН СССР — Коми филиал Академии наук СССР

КСИА — Краткие сообщения Института Археологии Российской академии наук

МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока

МИА — Материалы и исследования по археологии

МОИП — Московское общество испытателей природы

ПИН РАН — Палеонтологический институт Российской академии наук

ПХКПАПЗС — Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири

РА — Российская археология

РосНИИВХ — Российский научно-исследовательский институт комплексного использования и охраны водных ресурсов

СА — Советская археология

СНИИГиМС — Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья

СЭ — Советская этнография

ТАС — Тверской археологический сборник

УАС — Уральское археологическое совещание

УИВ — Уральский исторический вестник

УНЦ АН СССР — Уральский научный центр Академии наук СССР

УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания

УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук

INQUA — International Union for Quaternary Research

IUGS — The International Union of Geological Sciences

Научное издание

Антипина Татьяна Геннадьевна, **Бурканова** Елена Михайловна, **Визгалов** Георгий Петрович,
Галимов Арсений Талиевич, **Дубовцева** Екатерина Николаевна, **Зенин** Василий Николаевич,
Зыков Алексей Павлович, **Клементьева** Татьяна Юрьевна, **Кокшаров** Сергей Федорович, **Косинская** Любовь Львовна,
Лещинский Сергей Владимирович, **Макаров** Сергей Сергеевич, **Погодин** Андрей Альбертович,
Резвый Антон Сергеевич, **Чаиркина** Наталия Михайловна, **Чемякин** Юрий Петрович

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 1

Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э.

Корректоры Н. А. Смирнова, О. Ф. Автохутдинова
Составители указателей А. Г. Киселёв, А. А. Галямов
Иллюстрации подготовлены А. Я. Труфановым,
Т. Ю. Клементьевой, коллективом авторов
Компьютерная верстка Н. А. Козель
Дизайн макета В. И. Опритова, Р. В. Герасимов

Подписано в печать 28.01.2024 г. Формат 60×90 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Literata
Усл. печ. л. 96. Тираж 4000 экз. Заказ № 759

АО «Издательский дом «Новости Югры»
628011, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 46
тел.: +7(3467)350-280
Сайт: www.idnu.ru
E-mail: holding@idnu.ru

Отпечатано в ООО «Сургутская типография»
628403, г. Сургут, ул. Маяковского, д. 14
Сургутскаятипография.рф

ISBN 978-5-4422-0088-1

9 785442 200881